

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова
Институт археологии РАН

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Выпуск 20

Ананьинский мир: истоки, развитие,
связи, исторические судьбы

Казань – 2014

Ответственные редакторы:

С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

Редакционный совет серии:

Ситдигов Айрат Габитович (Казань) – сопредседатель, *Хузин Фаяз Шарипович* (Казань) – сопредседатель, *Артемьева Надежда Григорьевна* (Владивосток), *Афанасьев Геннадий Евгеньевич* (Москва), *Байпаков Карл Молдахметович* (Алматы, Казахстан), *Белорыбкин Геннадий Николаевич* (Пенза), *Боталов Сергей Геннадьевич* (Челябинск), *Волков Игорь Викторович* (Москва), *Гмыря Людмила Борисовна* (Махачкала), *Евглевский Александр Викторович* (Донецк, Украина), *Кляшторный Сергей Григорьевич* (С.-Петербург), *Кызласов Игорь Леонидович* (Москва), *Мухамадиев Азгар Гатауллович* (Казань), *Мыц Виктор Леонидович* (Симферополь, Украина), *Нарожный Евгений Иванович* (Армавир), *Овсянников Владимир Владиславович* (Уфа), *Руденко Константин Александрович* (Казань), *Савинов Дмитрий Глебович* (С.-Петербург), *Табалдиев Кубатбек Шакиевич* (Бишкек, Киргизия), *Татауров Сергей Филиппович* (Омск), *Тихонов Сергей Семенович* (Омск), *Тишкин Алексей Алексеевич* (Барнаул), *Фодор Иштван* (Будапешт, Венгрия), *Худяков Юлий Сергеевич* (Новосибирск).

«Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Серия «Археология евразийских степей». Выпуск 20. – Казань: Отечество, 2014. – 524 с. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Институт археологии РАН.

Двадцатая книга из серии «Археология евразийских степей» объединяет статьи участников Всероссийской научной конференции «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». В сборнике представлены итоги изучения ананьинской культурно-исторической области и ее окружения за прошедшие пять лет после издания трудов 1-й ананьинской конференции. Книга рассчитана на археологов, историков и людей, интересующихся древней историей Волго-Камья.

ISBN 978-5-9222-0958-8

© Институт археологии АН РТ, 2014
© Отечество, 2014

Городище Сорочьи Горы. Фото 2007 г.

Городище Сорочьи Горы. Раскоп 2007 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

2014 – знаковый год для археологии раннего железного века Волго-Камья. Это год 120-летия со дня рождения А.В. Збруевой и М.Г. Худякова, год двадцатилетия со дня смерти А.Х. Халикова и десятилетия кончины В.Н. Маркова: все эти исследователи оказали большое влияние на развитие ананьинской и предананьинской археологии. Таким образом, 2014 год во многом является юбилейным для исследователей, работающих над проблемами ананьинской археологии. Мы помним и о том, что в 2015 году исполняется 130 лет со дня рождения исследователя, с чьим именем связано подлинно научное обоснование выделения ананьинской культуры и формулирование базовых проблем ее изучения. Речь идет о выдающемся финском археологе А.М. Тальгрене и его книге «Ананьинская эпоха в Восточной России», изданной 95 лет тому назад. Поэтому не случайно именно в 2014 году подготовлен сборник по итогам конференции, посвященной изучению ананьинской культурно-исторической области, а также финалу бронзового и раннего железного веков в широком евразийском окружении ананьинского мира. Этот сборник мы посвящаем памяти всех исследователей, внесших свой вклад в разработку ананьинской проблематики.

Конференция «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы» состоялась в Болгаре 16–18 ноября 2012 г. Она была организована Институтом истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Институтом археологии Российской академии наук, Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником. Это уже вторая конференция, посвященная проблемам ананьинской археологии; первая проходила в 2008 г. в Елабуге.

В работе 2-й ананьинской конференции принимали участие исследователи из Болгара, Екатеринбурга, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Красноярска, Киева, Коломны, Москвы, Перми, Самары, Уфы. На конференции было заслушано 32 выступления, посвященных актуальным проблемам раннего железного и финала бронзового веков. Кроме того, на обсуждение были представлены четыре стендовых доклада.

Насыщенная программа конференции и обсуждение актуальных проблем не помешали участникам ознакомиться с музеями и

архитектурными памятниками Болгарского городища.

В данном сборнике представлена большая часть заслушанных докладов. Статьи тематически составляют шесть разделов.

В первый вошли статьи, связанные с историей науки, изучением раннего железного века лесной полосы Восточной Европы и ананьинского мира. Сборник открывается большой статьей **С.В. Кузьминых, Е.В. Детловой, Т. Салминена и И.Е. Сафонова** «А.М. Тальгрэн и российская археология». В ней проведен анализ научного наследия А.М. Тальгрена, включая его переписку с ведущими археологами России и Европы, предпринята попытка создания его портрета как ученого и личности, выявлен вклад финского ученого в русскую и советскую археологию. С этой статьей тесно связан составленный **С.В. Кузьминых и Т. Салминеном** «Список опубликованных работ А.М. Тальгрена, связанных с проблематикой русской и советской археологии». Надеемся, что он вызовет интерес у всех исследователей, интересующихся трудами ученого, внесшего столь заметный вклад в развитие отечественной археологической науки. Тематику статей, связанных с творческим наследием А.М. Тальгрена, продолжает публикация **О.М. Мельниковой**. В ней представлена переписка финского археолога с музеем Сарапульского земства в связи с подготовкой его статьи о двух железных мечах из этого музея. Одним из видных ранних исследователей Ананьинского могильника, камских и вятских «костеносных» городищ был П.А. Пономарев. Статья **О.Е. Ульяновой** вводит в научный оборот новые материалы к биографии и научной деятельности казанского ученого. Завершается первый раздел статьей **О.А. Лопатиной** о проблемах начального этапа изучения городищ центра Русской равнины с керамикой с рельефными отпечатками поверхности.

Второй раздел посвящен общим проблемам изучения позднего бронзового и раннего железного веков. Он открывается статьями **В.В. Напольских** и **О.В. Смирнова** историко-лингвистического характера. В первой на основе методов сравнительно-исторического языкознания произведена интерполяция времени начала финно-угорско-иранских контактов (II тыс. до н.э.), во второй на основе методики системного анализа субстратной топонимии предпринята попытка этнической интерпретации археологических культур I тыс. н.э. в среднем течении р. Вятки.

В статье **В.А. Иванова** обсуждается дискуссия последних лет о формировании предананьинской общности и дана оценка ее научной значимости. Столь же полемична статья **С.Н. Коренюка, А.Ф. Мельничука и М.Л. Перескокова**, которые анализируют современное состояние проблемы изучения ананьинской культурно-исторической области на ее среднем и позднем этапах. В статье **А.Е. Митрякова и Е.М. Черных** подводятся итоги более чем 150-летнего изучения «вятского ананьина», подробно рассмотрены поселения, вещевой инвентарь и керамический комплекс, затронуты вопросы хронологии. **А.В. Корохина** путем сравнительно-типологического анализа приходит к выводу о непосредственном влиянии культур Окского бассейна и Среднего Поволжья на формирование бондарихинского керамического комплекса днепро-донской лесостепи. **М.Ш. Галимова** обратилась к изучению кремневого и кварцитового инвентаря из поселенческих и погребальных памятников Волго-Камья финала бронзового и начала раннего железного веков. Проблема использования каменных орудий в различных частях ананьинского мира требует дальнейшей разработки.

В самом крупном – третьем – разделе собраны статьи, связанные с изучением ананьинского мира. **Ю.И. Колев и В.Н. Мышкин** рассматривают материалы Елховского II селища, в керамическом комплексе которого присутствуют сусканский и валиково-воротничковый (ивановский) компоненты. Их сочетание свидетельствует, по мнению авторов, о сосуществовании двух культурных традиций на сусканских памятниках в определенный промежуток времени. Кроме того, отмечается, что предложенное ранее для валиково-воротничковых лесостепных комплексов наименование «атабаевско-межевские» не в полной мере отражает характер этих памятников.

А.А. Чижевский рассмотрел круг памятников так называемого белогорского типа, расположенных в основном на Самарской Луке. Он выделяет две группы белогорской керамики: раннюю – классическую постмаклашевскую и позднюю – белогорскую, являющуюся производной от постмаклашевской. Полевым исследованиям на Сиухинском поселении в Марийском Поволжье посвящена статья **Д.Ю. Ефремовой и Б.С. Соловьева**, которые публикуют комплексы ананьинского времени из раскопок 2009–2010 гг. Коллекция раннего железного века содержала ана-

ньинскую и «текстильную» керамику, а также остатки бронзолитейного производства.

Авторский коллектив в составе **А.А. Чижевского, А.А. Хисьяметдиновой, Е.А. Спиридоновой, А.С. Алешинской, М.Д. Кочановой и Г.Ш. Асылгараевой** знакомит читателей с результатами комплексного исследования Сорочьегогорского городища. **И.А. Сапрыкина и С.В. Кузьминых** публикуют предварительные результаты исследования техники изготовления предметов из цветного металла Ананьинского могильника из собрания Музейного ведомства Финляндии. Выявлено широкое разнообразие схем изготовления, навыков обработки цветного металла, а также использование сложных технологических схем и приемов литья иковки.

Обзор новых находок ананьинского времени из Чувашии предпринял **Н.С. Мясников**. В статье **Е.В. Волковой и Н.М. Капленко** рассматривается иконография и хронология крючка с зооморфным оформлением из Кырнышского археологического комплекса. Анализ керамики поселения Себьег I на Вычегде представил **И.О. Васкул**. В еще одной статье **С.Н. Коренюка, А.Ф. Мельничука и М.Л. Перескокова** прослежена динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов АКИО в Среднем Прикамье. На примере Гремячанского поселения-святилища авторы показали непрерывность и преемственность развития керамики осинской группы памятников. Судя по представленным данным, развитие орнамента комплекса раннего железного века шло по пути постепенного изживания шнуровых видов орнамента при сохранении преобладания ямочной орнаментации.

В.В. Овсянников на основании анализа керамики селища Воронки приходит к выводу о преобладании в нем носителей постмаклашевской традиции и постепенном сложении оригинального керамического комплекса раннекара-абызского облика. **С.Л. Воробьева** обратилась к исследованию костюмного комплекса кара-абызской культуры, показав, что значительная часть украшений в нем обязана своим происхождением ананьинским древностям. Подробный анализ вещевого комплекса погребения 28 Икского могильника произвел **А.А. Красноперов**. На основании большого количества аналогий и сочетаний предметов он пришел к выводу о датировке погребения II в. до н.э. Ранее II в. до н.э., как считает автор, пьяноборские памятники не известны.

Четвертый раздел объединяет статьи, связанные с западными соседями АКИО. **Е.С. Азаров** обратился к исследованию погребальных памятников культуры текстильной керамики Окского бассейна, слабо изученных в нашей науке. Проанализировав значительный круг объектов, он отнес их к двум этапам КТК – раннему и позднему. **А.В. Новиков** знакомит читателя с керамическим комплексом поселения Ватажка, в составе которого выделены группы гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды АКИО; появление этой керамики может быть отнесено к VII–VI вв. до н.э.

М.Г. Косменко рассмотрел проблему систематизации керамики раннего железного века на примере северо-западного ареала АКИО. Автор пришел к важным выводам о наличии четырех генотипов керамики в западной части ананьинского культурного ареала. В статье **М.Г. Гусакова** рассматриваются вопросы происхождения и хронологии умбонидных подвесок в дьяковской культуре. **А.А. Гольева, А.С. Сыроватко и А.А. Трошина** предложили комплексную методику исследования валов дьяковских городищ с использованием спорово-пыльцевого, определения валового фосфора и микробиоморфного методов.

Две статьи небольшого пятого раздела отражают восточный вектор связей ананьинского мира. **О.Ю. Зимина** обратилась к памятникам притобольского варианта иткульской культуры Зауралья. В статье характеризуется периодизация иткульской культуры Притоболья, подробно рассматриваются поселения, их топография и планиграфия, вещевой инвентарь и керамический комплекс. К числу важных наблюдений следует отнести установление связи второго типа иткульской посуды с городищами кольцевой планировки. **Н.П. Макаров** охарактеризовал современное состояние изученности раннего железного века Средней Сибири. Автор уверен в том, что с накоплением нового материала в бассейне Енисея будут выделены, по меньшей мере, две культурно-исторических области.

В шестой – заключительный – раздел сборника вошли статьи, посвященные ранним кочевникам Евразии и их взаимодействию с ананьинским миром. **С.В. Махортых** рассмотрел контакты населения Волго-Камья с культурами ранних кочевников, подчеркнув, что в начале предскифского периода наиболее сильные связи сложились со степной зоной юга Восточной Европы, а в конце – с Север-

ным Кавказом. Эти контакты были двусторонними, но при преобладании южного (киммерийского) вектора связей.

Н.С. Савельев и Л.Т. Яблонский сформулировали некоторые общие положения, характеризующие такие понятия как «культурно-историческая область» и «культурно-хронологический горизонт» применительно к степным и лесостепным памятникам раннесарматского времени. В статье выделены четыре фазы формирования и функционирования культурно-хронологического горизонта раннесарматской культуры и Южно-Уральской культурно-исторической области, на протяжении которых происходило взаимодействие степных и лесостепных культур региона. Авторы отмечают, что лесостепь Южного Приуралья в первой половине I тыс. до н.э. находилась в ареале оседлого населения Волго-Камья и испытывала незначительное воздействие кочевого мира. Лишь во второй половине тысячелетия этот регион привлекает внимание кочевников, которое в конечном итоге привело к интеграции кочевого и оседлого населения при формировании кара-абызской культуры.

И.В. Рукавишников рассматривает одно из наиболее сложных направлений звериного стиля – линейно-ритмичные композиции, которые присутствуют на различных предметах с продольными или вертикальными поверхностями, от мечей и ножей до каменных жертвенников и ритуальных чаш. Важен вывод о том, что эти композиции украшали предметы, предназначенные для погребального культа. По мнению автора, в них заключено повествование, связанное с переходом в иной мир. Подобные сюжеты и композиции отмечены и в среде АКИО, в которой они появляются под влиянием кочевников.

Таково содержание сборника, который подводит итог исследований ананьинского мира за прошедшие пять лет после издания трудов 1-й ананьинской конференции.

С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

I. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

A. M. ТАЛЬГРЕН И РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

**С. В. Кузьминых (Москва), Е. В. Детлова (Красноярск),
Т. Салминен (Хельсинки), И. Е. Сафонов (Воронеж)**

A.M. Tallgren and Russian archaeology

S.V. Kuzminykh (Moscow), E. V. Detlova (Krasnoyarsk),
T. Salminen (Helsinki), I. E. Safonov (Voronezh)

То, что сделано, продолжает жить.

Эпитафия на могиле А.М. Тальгрена

Аарне Михаэль Тальгрэн (1885–1945) – одна из ключевых фигур в истории финской, российской и в целом европейской археологии первой трети XX века. Изучение его научного наследия, безусловно, крайне важно для понимания путей развития и судеб русской и советской археологии в этот период. В финской историографии, и прежде всего в трудах Эллы Кивикоски, Карла Нордмана, Юри Кокконена и Тимо Салминена (одного из авторов настоящей статьи), разработаны темы о формировании Тальгрена как археолога, его научных путешествиях в Россию и СССР, редакторской деятельности, политических взглядах и пристрастиях, разработке проблемы урало-алтайского бронзового века; опубликованы краткая биография и библиография трудов ученого (Kivikoski, 1954a; 1954b; Nordman, 1968. P. 60–66; Kokkonen, 1985; Salminen, 2003a; 2003b; 2006; 2007; 2009; 2010; 2011; 2014; Салминен, 2007; 2011). Но в современной историографии, по сути, сделаны только первые шаги в разработке темы, вынесенной в заглавие статьи¹. Нам еще предстоит оценить тот

поистине огромный вклад финского ученого в историю русской и советской археологии 10–40-х гг. XX века. Особенно это касается его роли в создании оригинальных концепций развития бронзового и раннего железного веков Северной Евразии [34; 71; 85; 94; 103; 113; 138; 150; 151; 162; 209; 212; 214; 217; 219; 225; 231; 232; 235; 244; 246; 252; 258; 262]², которые – наряду с концепциями В.А. Городцова (1910; 1915; 1927) – дали импульс для формирования данной проблематики в Российской империи, СССР и современной России. Требуется углубленного изучения деятельности Тальгрена в качестве редактора журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” и прежде всего аспект, связанный с привлечением к сотрудничеству советских археологов. Столь же важна и совершенно не раскрыта проблема неофициального наставничества Михаила Марковича Тальгрена³, которая требует изучения с

² Здесь и далее в квадратных скобках даны ссылки на труды А.М. Тальгрена (см. «Список опубликованных работ А.М. Тальгрена» в настоящем сборнике).

³ Судя по архивным материалам в РАТ и РАНБФ, на имя Михаила Марковича Тальгрена оформлены официальные документы ученого при поездках в Россию до 1917 г. (проездные документы, запросы в ИАК, Открытые листы на право раскопок, разрешения на владение оружием во время экспедиций и т.д.). Так обращались к нему

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-01-00348а) и РФФИ (проект № 14-06-00287). Основная часть текста написана С.В. Кузьминых; соавторы: Е.В. Детлова (раздел II-3), Т. Салминен (разделы I-2, IV-3,4), И.Е. Сафонов (разделы II-1,2, IV-3).

привлечением широкого круга архивных источников. Известно, что многие молодые археологи в СССР в 1920–30-е годы, как свидетельствуют их письма финскому археологу, обращались к нему за советами и консультациями, а некоторые из них даже называли его своим учителем.

Научный путь А.М. Тальгрена: основные этапы

Тальгрэн, по свидетельству Эллы Кивикоски (Kivikoski, 1954a. P. 82–88), изначально тщательно планировал научную деятельность, решив посвятить свою жизнь археологической науке еще в молодом возрасте. В 1903–1905 гг. он учился в Александровском университете в Гельсингфорсе, (Рис. 1) затем слушал лекции корифеев европейской археологии О. Монтелиуса и О. Альмгрена в Стокгольме и Упсале. В эти годы определилось и базовое направление его научных исследований – бронзовый век. Этому обстоятельству, по словам самого ученого, он был обязан известному финскому историку и археологу Й.Р. Аспелину (1842–1915). В особенности его привлекал бронзовый век Восточной Европы, что было вполне в духе финской научной традиции того времени. Даже когда изменившиеся политические обстоятельства, связанные с русскими революциями 1917 года, затруднили проведение исследований на территории бывшей империи, Тальгрэн не отказался от намеченных планов. Свою цель он видел в том, чтобы продолжить археологические разыскания, начатые Аспелиным, поскольку к началу XX века традиция научных экспедиций и путешествий навосток, заложенная последним, практически угасла. Финские археологи в то время не были единодушны в необходимости развития «восточного» направления исследований: большую часть сил они отдавали охране и заботе о сохранении отечественных – финских – древностей (Kivikoski, 1954a. P. 24, 25; Salminen, 2003b. P. 101–106, 117–119).

Для решения поставленной цели Тальгрэн в 1908 г. совершил целую серию научных поездок. В январе он отправился в Лондон и Париж через Стокгольм и Копенгаген. В течение этой поездки,

в личном общении и в переписке коллеги из России и СССР, а иногда и некоторые западные археологи (Э. Миннз, Г. Мергарт, Э. Лайд и др.).

продолжавшейся до июня, Михаил Маркович изучал восточные древности (особенно китайские и персидские) в Британском музее и музее Сен-Жермен, а также проводил время в библиотеках. В сентябре ученый впервые отправился в Россию (Санкт-Петербург, Москва и Казань) с целью сбора материалов для задуманного диссертационного исследования о медном и бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы, а также для овладения русским языком ([28]; Kivikoski, 1954a. P. 88–90).

Во время дальнейших поездок и экспедиций в Россию и СССР (1909, 1915, 1917, 1924, 1925, 1928 и 1935 гг.) Михаил Маркович имел возможность не только собрать и изучить важный научный материал, но и побывать в различных регионах необъятной евразийской страны, познакомился с ее древностями и даже раскопал интересовавшие его археологические памятники. Погружение в сложнейшие проблемы археологии Северной Евразии было бы невозможно без привязки исследуемых им артефактов и памятников к той или иной ландшафтно-географической среде. Тальгрэн имел личное визуальное представление о степях и горных долинах Саяно-Алтая, великих сибирских реках, неохватной шири западносибирской лесостепи, каменных «палатках» горно-лесного Урала, обширных пойменных долинах Камы, Волги, Оки и Днепра, тайге Русского Севера, берегах Черного и Белого морей, горах и перевалах Кавказа.

Не меньшее значение в научных поисках и выборе проблематики исследований имели для финского ученого прямые контакты с русскими и советскими археологами. В архивах Тальгрена сохранилось 775 корреспонденций из России и СССР (Salminen, 2014). Обмен мнениями и полемика с А.А. Спицыным (Кузьминых, Сафонов, 2009. С. 151–155; Кузьминых, 2011), В.А. Городцовым (Кузьминых, Сафонов, 2003), Н.Е. Макаренко (Кузьминых, Усачук, 2011), Б.С. Жуковым и другими коллегами, безусловно, сыграли положительную роль в изучении бронзового века Восточной Европы в первой трети XX века. Значение подобного опыта трудно переоценить.

На основе архивных и литературных источников можно наметить следующие этапы научного пути А.М. Тальгрена.

1. *Выбор евразийской проблематики.* Становление Тальгрена как исследователя пришлось на то время, когда его учителя

рассматривали многие проблемы древней истории Евразии сугубо через призму финно-угорской проблематики. Особой популярностью пользовалась теория Й.Р. Аспелина, опирающаяся на «саянскую» гипотезу лингвиста М.А. Кастрена о происхождении урало-алтайских языков, об отсутствии собственной динамики в эволюции бронзового века лесной полосы Европейской России. Аспелин считал, что эти процессы определялись развитием единого урало-алтайского бронзового века, а стержнем последнего была миграция предков финно-угорских народов из Азии в Северную и Северо-Восточную Европу. Именно на фоне этих взглядов сформировался изначальный интерес Тальгрена к евразийской проблематике – от первых работ 1908 г. и диссертации 1911 г. [4; 15; 34; 54; 81; 100; 110; 125; 128; 130; 131; 149; 180; 193; 205; 213; 221] до статей 1937–1938 гг. на эту тему в завершающих номерах журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” [258; 267; 268; 277; 279; 281] и последнего публичного доклада 1944 г. о русском палеолите (Kivikoski, 1954a. P. 119). (Рис. 2)

2. *Проблема урало-алтайского бронзового века.* По завершении диссертации о бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы [34; 103] Тальгрэн в работах 1910-х гг. определил поле своих дальнейших исследований: бронзовый век евразийского пространства от Урала до Саяно-Алтая с прилегающими территориями. Первое же знакомство с материалами из российских музеев [11; 13; 14; 28; 51; 58–61; 67] заставило молодого ученого усомниться в правомерности теории своего учителя Аспелина о едином урало-алтайском бронзовом веке и его принадлежности к «финскому племени»: бронзовый век к западу от Урала Михаил Маркович никак не мог признать генетическим «отпрыском» сибирского и связать его формирование с миграцией финно-угров из Азии⁴.

Аспелин считал культуру бронзового века единой от Алтая до Волги и видел продолжение сибирских форм в Ананьинском могильнике. Этому памятнику принадлежала ключевая роль в гипотезе основоположника финской археологии о миграции предков финно-угров из глубин Центральной Азии. Аспелин рассматривал Ананьино как ветвь восточного, финно-угорского племени.

Ананьинские черты он видел в позднем железном веке Финляндии и Карелии и таким образом считал теорию об алтайской прародине финно-угров доказанной.

Уже в диссертационном труде 1911 г. Тальгрэн показал, что бронзовый век на северо-востоке Европейской России – явление самостоятельное, сформировавшееся на основе местного каменного века и под влиянием южных степных культур [34; 103]. Поездка 1915 г. в Сибирь, помимо желания осуществить раскопки в минусинских степях, ставила своей целью найти ответы на вопросы – что являл из себя урало-алтайский бронзовый век, характерна ли для него единая археологическая культура и в чем была его специфика? Михаилу Марковичу предстояло прояснить и разрешить все сомнения, касавшиеся гипотезы Аспелина об урало-алтайском бронзовом веке. Поездка в Сибирь и изучение археологических материалов в музеях Минусинска, Красноярска, Томска, Барнаула, Омска и Екатеринбурга [57; 60; 61; 62; 64; 66–68; 85; 87; 89–91]⁵ подтвердила его более ранние выводы: единого урало-алтайского бронзового века не существовало, не могло быть и речи о том, что появление предков пермских народов, поволжских и прибалтийских финнов в исторических местах их проживания связано с миграцией в бронзовом веке из Сибири. Тальгрэн показал, что ключевое звено гипотезы Аспелина – Ананьинский могильник – был связан более прочными нитями не с Алтаем, а с Кавказом и Северным Причерноморьем.

Длительная экспедиционная поездка в Россию в 1915 г. стала началом наиболее продуктивного периода в творческой жизни финского ученого. В 1916 г. он издал каталог бронз знаменитой коллекции В.И. Заусайлова [71], сопроводив его концептуальным исследованием об эпохе раннего металла Волго-Уралья. В 1917 г. вышел аналогичный каталог коллекции И.П. Товостина [85] с обзором древностей бронзового, раннего железного веков и последующих эпох на Енисее. В 1918 г. был опубликован 2 том каталога коллекции Заусайлова с обзором материалов железного века (в том числе ананьинских) и булгарской эпохи [95]. За 5–6 лет – между поездкой в Сибирь и началом работы в университете Тарту

⁴ См. подробнее: (Salminen, 2003b; 2007; 2009; 2010; Салминен, 2011).

⁵ См. подробнее: (Salminen, 2003b. P. 133–137, 142–145; Вдовин, Кузьминых, 2006; Кузьминых, Вдовин, 2007; Кузьминых, Тишкина, 2009; Вдовин и др., 2010; Кузьминых, 2012).

Рис. 1. А.М. Тальгрэн – студент Александровского (Гельсингфорского) университета. «Красив, как бог», – говорили современники. Архив МВФ.

Рис. 2. Микко Тальгрэн в начале научного пути. Архив МВФ.

(1920 г.) – появился цикл статей Тальгрена о бронзовом веке Волго-Уралья и Сибири [58; 64; 77; 79; 83; 90; 94; 98; 100; 102; 109; 113; 122]. В 1919 г. вышла книга об ананьинской культуре – вторая часть его диссертационного труда [103]. Фактически ученый завершил всю подготовительную работу, чтобы приступить к реализации намеченного плана по созданию сводного монографического труда об урало-алтайском бронзовом веке.

Однако в начале 1920-х годов финский археолог всецело переключился на другие исследовательские проекты, хотя археология Волго-Уралья и Сибири по-прежнему оставалась в сфере его пристального внимания. Свидетельством тому серия научно-популярных очерков об археологии Поволжья, Прикамья, Урала, Алтая и Минусинской котловины в газете “Helsingin Sanomat” и других периодических изданиях [105; 106; 111; 112; 120; 121; 164; 166; 168; 183; 194; 220], регулярные библиографические обзоры, в том числе по археологии Волго-Уралья и Сибири [173; 196; 226; 237; 251], отклики на работы М.И. Ростовцева, Г. Мергарта, С.А. Теплоухова, Г.И. Боровки, М.П. Грязнова, С.Н. Дурьлина и других авторов [174; 175; 197; 198; 200; 201; 228–230; 242; 255], обратившихся к публикации или исследованию урало-сибирских материалов, ряд научных [98; 100; 102; 107–110; 113–116; 122; 137; 138; 150; 151; 161; 171; 187; 193; 196; 203; 204; 213–215; 222–224; 231; 232; 235; 239; 240; 243–245; 258; 259; 261; 266; 269; 275; 278] и энциклопедических статей [134; 143; 145; 146–148; 154–156; 169; 170; 178; 179; 188–190; 209–211], непосредственно связанных с археологией северо-востока Европы и азиатских пределов СССР.

3. *Бронзовый век степного пояса Восточной Европы.* В первую послереволюционную поездку в 1924 г. Тальгрэн побывал в Петрограде и Москве, возобновил связи с российскими коллегами в РАИМКе, Эрмитаже, МАЭ, РИМе, Антропологическом музее Московского университета, встретился с А.А. Спицыным и В.А. Городцовым. В 1925 г. ему удалось, кроме столиц, познакомиться с археологическими собраниями Киева, Харькова, Херсона, Саратова, Казани и Костромы. В этой поездке Тальгрэну помогал его эстонский ученик Эрик Лайд. В 1928 г. Михаил Маркович вместе со своим финским учеником Нильсом Клеве совершил длительное путешествие по маршруту Ленинград – Москва – Ростов Великий – Ниж-

ний Новгород – Казань – Сарапул – Пермь – Самара – Саратов – Покровск – Воронеж – Владикавказ – Тбилиси – Пятигорск – Днепрпетровск – Херсон – Одесса – Киев – Чернигов – Петрозаводск (Kivikoski, 1954a. P. 105, 106). Первое же знакомство с археологическими материалами юга СССР в корне изменило вектор исследовательских интересов финского ученого: на первый план вышли степные и лесостепные культуры бронзового века Восточной Европы [150; 153; 162; 184; 197; 202; 208; 214]. Итоги разысканий первой половины 1920-х годов Тальгрэн весьма оперативно подвел в книге “La Pontide préscythique après l’introduction des mytaux” ([162]; см. обзор ниже).

Важное место в исследованиях этого периода отводилось фатьяновской культуре и ее связям ее носителей с другими культурными группами в Европе [113; 115; 137; 138; 146; 150]. Речь шла, с одной стороны, о формировании культур бронзового века в центре Русской равнины, с другой – о продолжении фатьяновских традиций на севере Европейской России и о возможных связях носителей этой культуры и ее наследников с финно-угорскими народами. О хронологии и культурной принадлежности фатьяновских древностей Тальгрэн имел длительную и оживленную дискуссию с В.А. Городцовым, А.А. Спицыным, Г. фон Мергартом, М.Г. Худяковым, Г. Чайлдом, Э.Х. Миннзом. Фатьяновская культура была для него ключом к пониманию самого зарождения бронзового века в Европейской России. Михаил Маркович поначалу датировал Фатьяново одним временем с Галичским кладом и Сеймой, но позже – под влиянием критики коллег – он омолодил датировку последних памятников. Вопрос о фатьяновских древностях Русской равнины был важен для него и для понимания развития культуры позднего каменного века на территории Финляндии, особенно шнуровой керамики (Salminen, 2010; 2014).

Важно отметить, что на этот же период приходится преподавательская деятельность Тальгрэна в университетах Тарту (1920–1923 гг.) и Хельсинки (с 1923 г.), организация и начало издания журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua”. Кроме того, в эти годы он являлся штатным автором в “Reallexikon der Vorgeschichte” Макса Эберта: финским ученым написана основная часть статей и обзоров об археологических культурах и выдающихся памятниках бронзового и раннего железного

Рис. 3. А.М. Тальгрэн в рабочем кабинете в Национальном музее Финляндии. 1920-е годы. Архив МВФ.

Рис. 4. А.М. Тальгрэн в 1930-е годы.
Архив МВФ.

веков Северной Евразии [134–136; 142–148; 154–160; 178; 179; 188–192; 208–211]. (Рис. 3)

4. *Бронзовый век Кавказа*. Тема о бронзовом веке Кавказа стала логическим продолжением предшествующих исследований Тальгрена о культурах степного и лесостепного поясов Восточной Европы. В немалой степени она связана с выяснением подтекста, связей и датировки культур бронзового века центра и северо-востока Европейской России.

Финский ученый и в книге о бронзовом веке Северного Причерноморья уделил большое внимание культурам Северного Кавказа, их взаимосвязи и контактам. Весьма плодотворная поездка в 1928 г. на Кавказ и изучение археологических коллекций в музеях Пятигорска, Владикавказа и Тбилиси (Kivikoski, 1954a. P. 107, 108) дали Тальгрена дополнительный импульс для выбора нового исследовательского проекта. Собранные им богатейшие материалы, а также изучение кавказских и анатолийских коллекций в других музеях СССР, Турции и европейских стран привели Михаила Марковича к осознанию необходимости обобщения всех известных к тому времени источников, имеющих отношение к древностям бронзового века Кавказа, и написания большого сводного труда об эпохе раннего металла этого региона.

К археологии Кавказа Тальгрена обращался уже в своих ранних работах, обсуждая проблему формирования в центре Русской равнины фатьяновской культуры [34; 53; 58; 113; 115; 138; 146; 189] и кавказско-анатолийские истоки идолов Галичского клада [39; 151; 154; 204]⁶. Различные аспекты исследования бронзового века Кавказа нашли отражение в ряде фундаментальных статей ученого конца 1920-х – первой половины 1930-х годов [212; 219; 225; 238; 246; 251] – они могли бы стать разделами будущей монографии. Однако резкое ухудшение здоровья в 1937–1938 гг., занятость подготовкой выпусков журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” и невозможность продолжения непосредственного изучения археологических коллекций в музеях СССР не позволили Михаилу Марковичу завершить данное исследование.

В конце 1930-х годов, помимо кавказской проблематики, финский ученый проявил интерес к экономическим и социально-

историческим вопросам [250; 267; 277], в частности, к феномену городищ раннего железного века Восточной Европы [252]. Произошло это не без влияния работ советских археологов. Хотя Тальгрена и часто критиковали в эти годы политический догматизм советской археологии [226; 237; 241; 250; 251], он находил весьма позитивными для европейской археологии социально-экономические разработки коллег из СССР. (Рис. 4)

II. Эпистолярное наследие

А.М. Тальгрена, его научные и личные взаимоотношения с коллегами из России и СССР

1. *А.А. Спицын и А.М. Тальгрена: диалог в переписке*. Письма патриарха русской археологии финскому коллеге донесли до нас пульс активной научной деятельности Спицына, его поисков, устремлений и открытий. Эти письма⁷ являются важным источником к характеристике обоих ученых как специалистов в области изучения бронзового века. Александр Андреевич с самого начала выступал в переписке с Тальгреном с позиции старшего коллеги – с непременным уважением и в то же время с некоторой долей учительства. Сказывалась, вероятно, его многолетняя педагогическая практика, начиная с гимназии в Вятке. Молодой финский археолог сразу пришелся по душе одному из патриархов русской археологии. Во время первой поездки в Россию именно Спицын стал его «поводырем» в Императорской Археологической комиссии в Петербурге. Он же дал рекомендательное письмо (9.09.1908 г.) в Российский Исторический музей к Василию Алексеевичу Городцову – хранителю отделения археологических памятников, к которому Тальгрена направлялся для продолжения работы над докторской диссертацией (Кузьминых, Сафонов, 2009. С. 151, 152). Надо сказать, что Михаил Маркович достаточно быстро, особенно после защиты диссертации осенью 1911 г., шагнул за пределы рекомендаций и концепций своего учителя Аспелина, а также Спицына и Городцова, проторив собственный путь в проблематике бронзового века. Именно поиски, достижения и ошибки Тальгрена (в представлении Александра Андреевича)

⁶ См. подробнее об этих проблемах: (Студзицкая, Кузьминых, 2001. С. 147; Кузьминых, Сафонов, 2009. С. 153; Кузьминых, 2011. С. 8, 9).

⁷ См. подробнее: (Кузьминых, Сафонов, 2009. С. 151–155; Кузьминых, 2011).

явились основной темой диалога русского и финского ученых. (Рис. 5)

Помимо этого, в переписке затрагивалась масса, казалось бы, второстепенных тем и вопросов, имеющих отношение к эпохе раннего металла, хотя в той реальности информация по ним, вероятно, была крайне важна и ожидаема обоими исследователями. Спицын сообщал о новых раскопках и археологических находках в России и СССР, о получении тальгреновского отчета о минусинских раскопках 1915 г. [60–62; 65], об отношении Археологической комиссии к покупке коллекции И.П. Товостина [67; 85; 91; 109], о переиздании учебного пособия “Археологические разведки” (Спицын, 1927) (29.11.1925 г.), поездках, конференциях, новых своих публикациях, выставках в ГА-ИМК и Русском музее, планах полевых работ, университетских семинарских занятиях, об избрании его, Спицына, членом-корреспондентом Академии наук (29.09.1928 г.), отношении ученого к изданию в его честь юбилейного сборника “Eurasia Septentrionalis Antiqua” и связанных с этим проблемах. Александр Андреевич входил в число тех ученых, кому Михаил Маркович в обязательном порядке направлял экземпляр своих новых вышедших трудов, касающихся археологии России, балтийских стран и Финляндии. А Спицын, в свою очередь, очень внимательно следил за работами финских коллег. В предисловии к брошюре “Археологические раскопки”, в частности, отмечено, что в данном методическом пособии не удалось воспроизвести образцовые чертежи и планы русских исследователей, но «вполне хороши чертежи, взятые нами из последних финляндских изданий...» (Спицын, 1910. С. 3).

После октября 1917 года и гражданских войн в России и Финляндии почтовые сношения между Петроградом, Хельсинки и Тарту (где Тальгрэн преподавал в 1920–1923 гг.) наладились далеко не сразу. В 1923 г. удалось возобновить переписку, и российский ученый постоянно обращался с просьбой – информировать его о новых европейских и финских изданиях. При этом Михаил Маркович часто приобретал, а по возможности также получал книги от западных коллег для передачи Археологическому отделению Петроградского университета и в библиотеку РАИМК–ГАИМК. Письма Спицына полны благодарности на книжные послания из Хельсинки. Немало строк в них посвящено

обсуждению предложения Александра Андреевича о переводе и русском издании книги “La Pontide...” [162].

По ответной реакции российского ученого мы можем судить о просьбах Тальгрена, адресованных питерскому коллеге. Михаил Маркович информировал Спицына о своих раскопках в России [16; 17; 30; 60–62; 68; 69], планах диссертационного исследования [34; 103], издании журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” [118; 140; 167] и поездках в Россию [9; 11; 16; 28; 60; 62; 65; 68; 69; 196; 207; 251]. Финского археолога интересовали мнение коллеги о минусинских бронзах, группе курганов со «скорченными костяками» в могилах с каменными конструкциями на юге России (29.11.1925 г.), оценка итогового труда Городцова “Культуры бронзовой эпохи в Средней России” (1915) и его доклада “К вопросу о киммерийской культуре” на Керченской конференции (Городцов, 1928). Александр Андреевич, как и Тальгрэн, не принял обнародованную одновременно с книгой финского археолога [162] идею Городцова (1927; 1928) о киммерийской принадлежности восточноевропейских степных древностей финала бронзового века. В более ранних письмах и Спицын, и Тальгрэн выражали сомнение или несогласие с характеристикой выделенных Василием Алексеевичем культур бронзовой эпохи или в целом с его культурно-хронологической периодизацией, опубликованной в «Отчете РИМ за 1914 год» (Городцов, 1915).

Спицын в большинстве опубликованных работ, в которых нашла отражение проблематика эпохи раннего металла, обращался к сугубо конкретным вопросам и темам и прежде всего непосредственно к публикации материалов. Лишь в лекционных курсах (см. о них: Платонова, 2010. С. 100–112), а также в небольших итоговой статье и воспоминаниях, вышедших на склоне лет (Спицын, 1928а; 1928б), он изложил свое видение развития культур медного и бронзового веков на территории России. Письма к Тальгрэну позволяют в динамике проследить, как изменялись представления патриарха русской археологии об эпохе раннего металла, как он воспринимал те или иные концепции финского ученого.

2. *Переписка с В.А. Городцовым.* Особый интерес представляет диалог Тальгрена с одним из выдающихся ученых России первых десятилетий XX века, основателем и главой московской школы археологии Василием

Алексеевичем Городцовым (1860–1945). Фигура Городцова в русской археологии имеет исключительное значение. Он был одним из тех, благодаря кому древности России, прежде всего эпох камня и раннего металла, стали предметом научной систематизации. Именно Городцов оказал серьезнейшее влияние на характер развития археологии в стране как целостной научной дисциплины, на подготовку кадров профессиональных археологов. Немалую роль в этом сыграли его фундаментальные труды по археологии России (Городцов, 1901; 1908; 1910; 1915; 1923; 1927) и учебные пособия по методике и технике раскопок (Городцов, 1914). С его именем связано распространение в русской и советской археологии типологического метода⁸, выделение ямной, катакомбной, срубной и других археологических культур (Городцов, 1905; 1907; 1927). Вплоть до рубежа 1920–30-х годов, до перехода советской археологии на «марксистские рельсы», теоретические и методологические поиски и разработки Городцова, благодаря его учебным курсам в Московском археологическом институте, университете Шанявского, 1 МГУ и возвращенной на его идеях плеяде учеников, оставались одним из ведущих научных направлений в отечественной археологической науке. (Рис. 6)

Первая очная встреча Городцова и Тальгрена состоялась в 1908 г., во время первой поездки ассистента Государственного музея в Гельсингфорсе в Россию с целью сбора материалов для докторской диссертации. Василий Алексеевич стал его проводником по огромному археологическому собранию Российского Исторического музея. В ряде писем молодой финский археолог с благодарностью отмечал существенную помощь хранителя РИМ при работе с коллекциями музея. Во время своих последующих приездов в Москву Тальгрэн, однако, редко встречался с Василием Алексеевичем. Диалог ученых велся большей частью по переписке. Круг обсуждаемых проблем в 1908–1913 гг. – это обмен литературой и сведениями о новых находках и событиях в археологии России и Финляндии. Михаил Маркович во многом способствовал знакомству Городцова с западной археологической литературой, он

присылал все свои книги и оттиски⁹, труды финских (Й. Аспелин, А. Гакман, А. Гейкель) и европейских археологов. Именно Тальгрэн познакомил русского ученого с книгой Оскара Монтелиуса о хронологии бронзового века Северной Германии и Скандинавии (Montelius, 1912).

Наиболее интенсивно переписка велась в 1914–1917 гг., когда Городцов и Тальгрэн особенно бурно обсуждали проблемы изучения сейминской и фатьяновской культур. Их интересовали, в первую очередь, пути проникновения и влияния из более развитых центров бронзового века в Европе и Азии на формирование фатьяновской культуры. Сейминская культура являлась, по мнению Василия Алексеевича, наиболее поздней в Европейской России и вместе с тем наиболее богатой в отношении погребальных находок (оружие и украшения из бронзы, кремня и нефрита). Она появилась в центре Русской равнины во второй половине II тыс. до н.э. (примерно XIV–XIII вв. до н.э.) и совпала с самым концом бронзового – началом раннего железного веков. Городцов предполагал, что эта культура распространилась от устья Оки вверх по течению и вытеснила на север и северо-запад фатьяновскую культуру. При этом им отмечалось сходство обряда погребений Сейминского могильника с погребениями более позднего Младшего Волосовского. При характеристике металлического инвентаря Сеймы в письмах указано на сибирские параллели бронзовым кельтам, кинжалам, наконечникам копий и нефритовым кольцам.

Ученые расходились в интерпретации некоторых археологических памятников и культур. До середины 1920-х годов Тальгрэн отстаивал идею о синхронности фатьяновских и галичских древностей, при этом связь Галичского клада со слоем бронзового века Туровского поселения была для него несомненной¹⁰. Городцов, напротив, считал Галичский клад более поздним, чем Сейминский могильник (а тем более Фатьяновский), и датировал его самым концом бронзового века, примерно IX в. до н.э. Эти представления о хронологии базовых древностей бронзового века Восточной Европы в дальнейшем нашли отражение в трудах и русского (Городцов, 1915; 1927;

⁸ См. подробнее о работах В.А. Городцова в области археологической классификации: (Клейн, 1978; Ковалевская, 1991).

⁹ Большая часть их находится в настоящее время в библиотеке Института археологии РАН.

¹⁰ См. подробнее об этом: (Студзицкая, Кузьминых, 2001. С. 130–133).

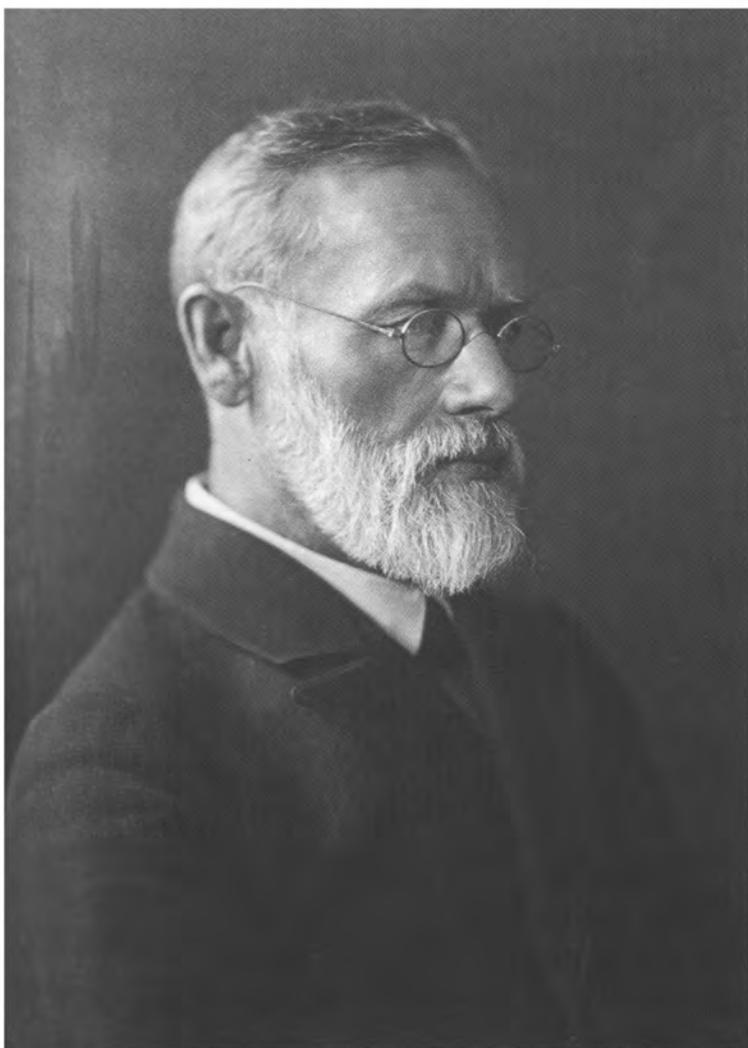

Рис. 5. Александр Андреевич Спицын в конце 1920-х годов. Архив МВФ.

Рис. 6. Василий Алексеевич Городцов в первом гражданском костюме. 1905 г. ОПИ ГИМ.

1928а; 1928б) и финского ученых [115; 138; 145; 151; 162; 179; 214; 231].

С октября 1917 г. переписка на несколько лет прервалась и возобновилась в 1921 году. В эти годы произошли коренные перемены в деятельности Городцова. Впервые он занял высокую административную должность, став 1 июля 1918 г. членом Всероссийской коллегии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы – специального государственного органа по руководству всем музейным строительством, созданным при Народном комиссариате просвещения РСФСР (с 1921 г. Главмузей, с 1922 г. Главнаука). Сознавая неотложность скорейшего создания археологической службы в стране, Городцов в 1919 г. инициировал организацию при Музейном отделе Археологического подотдела и до 1926 г. являлся его руководителем. В 1918 г. Василий Алексеевич был утвержден в звании профессора археологии, а в 1919 г. стал профессором кафедры первобытной археологии 1 МГУ. В 1918–1921 гг. Российский Исторический музей подвергся заметной перестройке. Городцов участвовал во всех комиссиях, осуществлявших его реорганизацию. В 1922 г. он стал, кроме того, председателем археологического отделения Института археологии и искусствознания РАНИОН¹¹.

Тальгрэн в эти годы преподавал в университетах Тарту (1920–1923) и Хельсинки (с 1923 г.), вел активную научную деятельность – одна за другой вышла серия его книг [95; 103; 117; 126; 152; 162; 182]. Именно в эти годы Михаил Маркович приступил к организации и изданию журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” [118; 140].

В первых послереволюционных письмах Городцов и Тальгрэн обменялись, прежде всего, мнениями о положении дел в российской археологии. Василий Алексеевич был «искренно по-детски рад», узнав, что его финский коллега жив, здоров и по-прежнему деятелен. 27 июля 1924 г. состоялась их встреча в Москве – и это был последний прямой диалог ученых. Они продолжили прерванное обсуждение проблем галичской, сейминской, фатьяновской и других культур центра и севера Европейской России. Казалось бы, возобновившийся диалог должен был укрепить прерванные отношения. Но в реальности эта встреча

послужила незримой причиной дальнейшего охлаждения во взаимоотношениях Городцова и Тальгрэна. В записях российского ученого есть следующий комментарий к длительной беседе со своим финским коллегой: «В заключении мне показалось, что Тальгрэн плохо разбирается в русских древностях, и едва ли верны его мысли, которые уже много лет он развивает» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 196. Л. 84об).

Охлаждение в отношениях Городцова и Тальгрэна, безусловно, имело под собой научную подоплеку: их взгляды на процессы культуругенеза в Восточной Европе в эпоху раннего металла расходились всё дальше и дальше, начиная с полемики вокруг книги о коллекции Заусайлова (Tallgren, 1916). Уже тогда Василий Алексеевич писал финскому ученому: «Мы разошлись с Вами в основном взгляде на ход общечеловеческого культурного развития в бронзовую эпоху. Вы имеете ориентацию на запад, собственно на Крито-Эгейскую культуру <...>; я же держусь ориентации восточной, базируясь на Месопотамской культуре <...>. Как видите, разница принципиальная, требующая примирения в решении основного вопроса о ходе развития главных очагов культурной базы» (РОНБФ. Coll. 230.5). Примирения, однако, не произошло. Напротив, очный диспут 1924 г. продемонстрировал, что расхождения во взглядах стали еще более глубокими. Михаил Маркович и в работах 1920-х годов отстаивал приоритет западного и кавказского импульсов на сложение восточноевропейских культур бронзового века, а русский археолог по-прежнему оставался сторонником идеи *ex oriente lux*¹².

В последующие годы натянутость в отношениях усилилась. Помимо научных расхождений, на первый план вышел, скорее всего, личностный фактор. Городцову, по всей видимости, было неловко осознавать, что более молодому финскому коллеге удалось подготовить и издать обобщающую монографию по эпохе бронзы южной половины Восточной Европы [162], в то время как сам он, приложивший немало усилий для изучения данной проблематики, не сумел оперативно подытожить результаты своих многолетних разысканий. Безусловно, высокий научный авторитет Тальгрэна не только в Европе, но и в СССР стал одним из раздражителей самолюбия Василия Алексеевича. Для

¹¹ См. подробнее о послужном списке В.А. Городцова этих лет: (Белозёрова и др., 2011а; 2011б; Кузьминых, Белозёрова, 2012а; 2012б).

¹² См. подробнее об этих взглядах В.А. Городцова: (Черных, Кузьминых, 1991).

молодого поколения советских археологов – и прежде всего из провинции – Михаил Маркович был таким же кумиром и центром притяжения, как и признанные корифеи отечественной археологии Спицын и Городцов (Кузьминых, 2006. С. 17). Благодаря журналу «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» работы многих советских археологов в 1920-е и начале 1930-х годов стали известны в Европе и в мире. Городцова, как и других коллег из ГИМа (учитывая богатейшее археологическое собрание музея), Тальгрэн надеялся увидеть в числе самых активных авторов журнала. Но, к сожалению, ни Василий Алексеевич, ни большинство его учеников и сотрудников археологических отделов Исторического музея (включая А.В. Арциховского, А.Я. Брюсова, С.В. Киселева, А.П. Смирнова, Д.А. Крайнова, Е.И. Крупнова и др.) не откликнулись на призыв к сотрудничеству. Далеко за пределы музея вышли в 1926 г. разговоры о том, что финский археолог, имея в виду его книгу о бронзовом веке Северного Причерноморья [162], «обобрал» Городцова. Во всяком случае именно этими слухами делится с А.А. Захаровым казанский археолог В.Ф. Смолин (ОПИ ГИМ. Ф. 453. Ед. хр. 5 (II). Л. 695об).

Последние письма датируются рубежом 1926–1927 гг. В основном это благодарности за полученные книги и оттиски статей, просьбы о фотосъемке некоторых вещей из собрания ГИМ, рекомендация магистру из Эстонии Э. Лайду, направляющемуся для работы в Исторический музей. Фактически в промежутке между 1924 и 1926 гг. теплые и уважительные отношения между Городцовым и Тальгреном, судя по всему, сходят на нет. Переписка прерывается – и в этом нет сомнения – по инициативе русского ученого. Его негативное отношение к финскому археологу сформировалось к середине 1920-х годов и сохранилось вплоть до последних дней. На склоне лет, в 1943 г., в заметках о хвалынской палеометаллической культуре Василий Алексеевич отметил: «...Тальгрэн раскопки в южной России не производил и для датировки пользовался только личным необыкновенным усмотрением <...> следует заметить, что Тальгрэн так плохо знал русские древности и так плохо вел раскопки, что Галичевскую стоянку отнес к древнейшей бронзе, когда она в действительности относится ко времени развитого железа» (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 38. Л. 44, 45).

Но в то же время ни публично, ни в переписке оба ученых не позволили себе каких-либо неуважительных шагов по отношению друг к другу, как то, к примеру, имело место во взаимоотношениях Городцова с его австрийским коллегой Геро фон Мергартом¹³. Тальгрэн, сожалея об охлаждении к нему со стороны Василия Алексеевича, и в дальнейшем с неизменным почтением относился к трудам и личности русского ученого.

3. *Диалог Г. фон Мергарта и А.М. Тальгрена*. В переписке Мергарта и Тальгрена, продолжавшейся более двух десятилетий (1921–1944 гг.) и насчитывающей более 80 корреспонденций, нашли отражение практически все ключевые вопросы русской археологии эпох раннего металла и раннего железа первых десятилетий XX века. Мергарт, вернувшись в 1921 г. из России на родину, в Австрию, взялся за подготовку рукописи «Бронзовый век на Енисее» и к 1924 г. завершил ее. Через два года это «первое в сибирской археологии крупное исследование, целиком посвященное бронзе среднего Енисея» (Белокобыльский, 1986. С. 130), было опубликовано (Merhart, 1926). Книга на долгие годы стала настольной для большинства западных и советских археологов 1920–30-х годов, интересовавшихся древностями бронзового и раннего железного веков срединных районов Азии. (Рис. 7)

Геро Вальтерович¹⁴, размышляя над проблемами енисейских древностей II–I тыс. до н.э., естественно, стремился вписать их в контекст евразийских материалов того времени и, конечно, не мог оставить без внимания основные труды финского исследователя. В итоге в их переписке в 1920-е годы шла активная полемика вокруг спорных, с точки зрения Мергарта, вопросов археологии Западной Сибири, Алтая, Казахстана, Урала, Восточной и Средней Европы, так или иначе связанных с проблематикой диссертационного исследования австрийского ученого.

Особенно заметное место отведено в письмах обсуждению т.н. сейминской проблемы. К ее осмыслению Мергарт пришел при изучении территориального распределения бронзовых кельтов в Енисейском крае, выделив южную (минусинскую) и северную (красноярскую)

¹³ См. подробнее: (Буровский, Детлова, 2011; Детлова, Буровский, Кузьминых, 2014).

¹⁴ Так величали Геро фон Мергарта русские коллеги, так подписывал он и некоторые письма Тальгрэну.

Рис 7. Геро фон Мергарт в 1930-е годы.
Архив Марбургского университета

провинции их распространения. Северные орудия с ярко выраженной геометрической орнаментацией¹⁵ австрийский археолог рассматривал как более позднюю – енисейскую – ветвь развития сейминских кельтов. Именно в связи с проблемой происхождения «топоров красноярского типа» он размышлял и в переписке с Тальгреном, и в своей книге (Merhart, 1926) над, казалось бы, далекой для него сейминской проблемой.

При знакомстве с работами финского коллеги первым камнем преткновения стала для Мергарта проблема происхождения, хронологии и верификации сейминской, фатьяновской и галичской культур. Оба ученых не поддержали идею Городцова (1915) о сибирских истоках Сеймы и утвердились во мнении о западных, но не вполне ясных для них корнях этой культуры. Австрийский археолог пророчески наметил их в районе Алтая; Восточная Сибирь в качестве прародины Сеймы решительно отметалась. Каким-то непостижимым образом эта культура, по

мнению Геро Вальтеровича, также была связана своим происхождением с Венгрией¹⁶. Геометрический орнамент на западных кельтах и он, и Тальгрэн рассматривали как более ранний, чем на оружии Сеймы. Именно данное предположение легло в основу их аргументации о западных импульсах формирования культуры Сеймы. Однако во взглядах на датировку, культурную и хронологическую взаимосвязь Сеймы, а также Фатьяново и Галича финский и австрийский археологи существенно разошлись.

Тальгрэн отстаивал идею о культурной и хронологической взаимосвязи Сеймы и фатьяновской культуры и изначально датировал Сейму 2000–1700 гг. до н.э. Мергарт, напротив, настаивал на разграничении Сеймы, Галича и Фатьяново. Австрийский археолог верно подметил большую древность (около 2000 г. до н.э.) и длительность существования фатьяновских древностей. Их истоки коренились, по его мнению, в неолитической эпохе, а финал приходился на время Сеймы; основанием для этого вывода послужили

¹⁵ В нашей науке за ними закрепилось название «кельты красноярско-ангарского типа» (Максименков, 1960).

¹⁶ Так в научной традиции того времени назывался Балкано-Карпатский регион.

находки фатьяновской керамики на Туровском (Галичском) и Сейминском поселениях. Мергарт рассматривал Сейму как гораздо более поздний памятник, одновременный Галичскому кладу, при этом он опирался на находки в Сейме и Галиче морфологически близких кинжалов с пластинчатыми клинками и металлическими рукоятями с фигурками животных¹⁷. Оба памятника были отнесены им к более развитой стадии культуры бронзового века, нежели Фатьяново, и датированы 1400–1200 гг. до н.э. Говоря о постсейминском наследии в культурах бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, австрийский ученый обратил внимание Тальгрена на форму и декор некоторых групп бронзовых кельтов Восточной Европы и Сибири.

Сейминская проблема и другие обсуждавшиеся с финским коллегой дискуссионные вопросы евразийской археологии были вынесены на обсуждение в его диссертационном труде (Merhart, 1926).

Мергарт не считал себя специалистом по археологии эпох бронзы и раннего железа Восточной Европы, но в диалоге с Михаилом Марковичем его острый и пылкий ум подметил некоторые нестыковки в аргументации Тальгрена. Для финского археолога доводы австрийского коллеги – не сразу – оказались более действенными, нежели более ранняя критика Спицына и Городцова. Справедливость замечаний и предложений Мергарта стали для Тальгрена очевидными к 1925–1926 гг. – и в немалой степени благодаря погружению в материалы бронзового века юга России и Украины. Именно в эти годы наметился перелом в его представлениях о происхождении, хронологии и верификации Фатьяново, Сеймы и Галича [162].

В диалоге Тальгрена и Мергарта речь шла, конечно, и об ананьинской культуре, ее хронологии, бронзовых кельтах и зверином стиле. Иначе и быть не могло. Для финского археолога ананьинские древности оставались любимым детищем, а его книгу об этой культуре [103] Элла Кивикоски считала лучшей в череде других трудов Тальгрена (Kivikoski, 1954a. P. 96). Для австрийского ученого ананьинская культура являла собой финал т.н. «восточнорусского» бронзового века, она была хронологическим аналогом его «минусинской», «красноярской» и «томской» куль-

тур, и, естественно, он перебрасывал между ними «мостики».

Основные итоги изучения ананьинских древностей Тальгрена обнародовал в 1919 г. [103]. В дальнейшем Михаил Маркович не раз возвращался к обсуждению различных аспектов данной проблематики [107; 110; 128; 131; 132; 134; 137; 141; 150; 173; 179; 182; 187; 195; 196; 210; 211; 214; 226; 231; 235; 251; 252; 258], и его диалог в письмах с Мергартом был для этого важным стимулом. Один из обсуждавшихся ими аспектов касался генетической взаимосвязи меларских и ананьинских кельтов и их хронологии. Для финского ученого «шведские», или меларские, кельты лежали в основе развития всех позднейших форм бронзовых кельтов Восточной Европы, включая и ананьинские. Через все его работы проводилась мысль о проникновении меларских кельтов из Средней Швеции в центр Европейской России благодаря шведским колонистам [82, p. 368–371]¹⁸ или оживленным торговым связям [34, s. 178; 258, p. 40]. Из-за отсутствия этих кельтов в погребальных комплексах ананьинских могильников само начало данной культуры Тальгрена относил ко времени появления скифских и античных импортов на Каме, т.е. не ранее 600 [103, p. 180, 182], а затем 700 г. до н.э. [131].

Мергарт в диссертационном исследовании поддержал идею финского коллеги о генезисе ананьинских кельтов от меларских (Merhart, 1926. S. 97; Чижевский, 2013б. С. 96), но, судя по переписке, его смущало присутствие обеих форм кельтов в Младшем Волосовском могильнике. По поводу одного из орудий (Кузьминых, Чижевский, 2006. Рис. 5, 3) австрийский ученый задался в 1922 г. вопросом: «Нужно ли рассматривать его как переход от Мелара к Ананьину»¹⁹. В другом письме (1924 г.) Мергарт рассуждает о том, что «Если Ме [Мелар – авт.] возраста

¹⁸ Младший Волосовский могильник рассматривался Тальгреном как «шведский объект» среди аборигенных окских памятников конца бронзового века ([258, p. 40]; Кузьминых, 1993. С. 61–63; Kuzminykh, 1996. S. 3–5; Чижевский, 2013б. С. 96).

¹⁹ Такая постановка вопроса была вполне правомерной. В дальнейшем серия орудий с чертами кельтов ананьинского и меларского типов стала рассматриваться одним из авторов данной статьи как смешанная, симбиозная форма, отражающая взаимодействие ананьинских и «текстильных» традиций металлообработки (Кузьминых, 1993; Kuzminykh, 1996).

¹⁷ См. подробнее о них: (Черных, Кузьминых, 1989. С. 108–110).

Ананьина, а Ананьино одновременно моим красноярским топорам, тогда Се [Сейма – *авт.*] не должна быть намного старше, чем Ме [Мелар – *авт.*], т.к. ответвления Сеймы передают орнамент к Кра [красноярским кельтам – *авт.*] <...>. Но я со своей стороны тоже охотно или не охотно признаю, что здесь еще много неясного».

В большей степени Геро Вальтерович интересовался другим аспектом ананьинской проблематики – хронологией самой культуры и ее кельтов. В принципиальном плане для него «Ананьино синхронно с Минусинским основным бронзовым веком», а иначе говоря – с тагарской культурой. По Мергарту, ананьинская культура «по-европейски выражает еще фацию раннего гальштата, на самом деле, скифского времени». Но при этом австрийский археолог заметил несоответствие в хронологии ряда позднебронзовых комплексов, в частности, с озера Сосновское на Урале и из Дербеденевского клада в Приуралье, которые Тальгрэн датировал 900 г. до н.э. Мергарт совершенно справедливо разглядел в обоих комплексах – наряду с позднебронзовыми формами орудий – кельты ананьинского типа²⁰ и поставил перед Михаилом Марковичем вопрос: «Если Сосновое и Дербедень 900 [г. до н.э.], тогда Ананьино начинается 900 [г. до н.э.]». Финский ученый в ответ заметил: «Я не совсем согласен с Вами в том, что эти находки одновременны с ананьинской культурой. Мне кажется, серпы, кинжалы и односторонние втульчатые топоры все же немного более древние, в любом случае, доскифские, из времени до 700 [г. до н.э.], а Ананьино идет, вероятно, параллельно скифским находкам 5 в. [до н.э.] <...>. Я бы хотел датировать Дербедень и Сосновое 900 [г. до н.э.], но, конечно, считаю Ананьино более поздним. Но очень возможно, что я ошибаюсь...». Но и далее в полемике Тальгрэн стоял на том, что древнейшая часть ананьинской культуры датируется 6–5 вв. до н.э.

В переписке австрийского и финского ученых затронут существенно более широкий круг общих тем и конкретных вопросов. Среди них – хронология сарматского периода в Азии и в Европе, происхождение

«звериного стиля» в Скифии и на Енисее, скифское культурное влияние на аборигенные культуры лесной зоны Северной Евразии и др. В 1930-е годы содержание полемики изменилось – теперь это проблемы западноевропейских культур, и прежде всего приальпийских областей, которые в те годы активно разрабатывались Мергартом и его учениками в Марбурге. Постепенно объем переписки и ее интенсивность угасают. К концу 1930-х годов она приобретает почти исключительно бытовой характер. Несколько раз ученые встречались лично. В 1931 г. Мергарт наконец-то побывал в Финляндии и познакомился с сокровищами Национального музея. В 1932 г. Тальгрэн посещал Германию и, конечно, университет Филиппа в Марбурге-на-Ланне, где Мергарт с 1 мая 1928 г. возглавлял кафедру доисторической археологии, став основателем известной «марбургской» научной школы. В 1934 г. они вновь встретились – на этот раз в Швейцарии, в Берне. Долгие годы Михаил Маркович оставался для своего коллеги (которому так больше и не удалось поехать в Россию) единственным источником информации и получения русской и советской археологической литературы и тем единственным звеном, связывающим австрийского (а с 1928 г. немецкого) ученого с коллегами из СССР.

Обширная переписка Тальгрена и Мергарта и их труды, многие из которых малоизвестны в наши дни, представляют несомненную ценность для российской археологии. Прошло более чем 90 лет со времени этого диалога в письмах, но мы не перестаем удивляться, насколько верно оба ученых наметили основные вехи происхождения, распространения и взаимодействия культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. Во многом в 1920–30-е годы они предвосхитили поиски современных ученых, хотя и в наши дни те же сейминская и ананьинская проблемы остаются одними из самых дискуссионных в отечественной археологии и далеки от окончательного решения.

Мы привлекли внимание лишь к трем корреспондентам А.М. Тальгрена – А.А. Спицыну, В.А. Городцову и Г. Мергарту, чтобы на их примере показать, насколько важен был для каждого из них (не исключая финского ученого) диалог в письмах. Полемика по многим актуальным вопросам, безусловно, способствовала дальнейшим поискам и разработке дискуссионных проблем

²⁰ В Дербеденевский клад этот кельт попал, скорее всего, по ошибке при инвентаризации в Уфимском музее, или его намеренно подложили находчики на этапе продажи. Ситуация – не редкая для той эпохи. Кельт с оз. Сосновское – действительно ананьинского типа – принадлежит к орудиям иткульской культуры.

евразийской археологии в 1920–30-е годы – и это нашло отражение в трудах – печатных и рукописных – всех упомянутых выше исследователей. Данный диалог был важен как для Тальгрена, так и для его собеседников. Для нас же, спустя десятилетия, этот разговор в письмах важен хотя бы потому, что позволяет глубже и яснее рассмотреть пути развития русской и советской археологии и судьбы ее творцов.

III. А.М. Тальгрэн – редактор журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua”

В 1923 г. Тальгрэн стал первым штатным профессором кафедры финской и скандинавской археологии Хельсинкского университета. Элла Кивикоски отмечала, что преподавание в университете было для Тальгрена более щадящим, нежели в Тарту: «... в первые годы у него даже не было студентов, которые хотели бы избрать археологию в качестве научной карьеры, так что свободное время он посвящал собственным занятиям, среди которых редактирование журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua” постепенно выходило на первое место» (Kivikoski, 1954a. P. 104). Идея издания периодического журнала возникла у финского ученого еще после длительного путешествия по России в 1915 г., когда перед ним открылась поразившая его панорама евразийской археологии.

Первое упоминание об издании «Евразии» встречается в письме Микко Тальгрена²¹ родным от 11 июля 1916 г. (Ibid. P. 97). В июле 1916 г. он вместе с видным финским этнологом У.Т. Сирелиусом представил в Совет Финского археологического общества предложение – обратиться с ходатайством в Сенат Великого княжества Финляндского о выделении ежегодного гранта для основания и издания журнала, посвященного археологии и этнографии Восточной Европы и Западной Сибири (Kokkonen, 1985. P. 5, 6). Инициатива была обсуждена и одобрена Обществом в октябре того же года. Однако все дальнейшие действия по осуществлению проекта были прерваны из-за русских революций 1917 года. С отъездом в Тарту в 1920 г. эти планы Тальгрэну пришлось отложить, хотя в феврале этого года он вынес идею издания журнала на суд финской общественности

[118]. Психологическое состояние его в то время, как свидетельствуют очевидцы (Kivikoski, 1954a. P. 101), было подавленным, и уже годом спустя Михаил Маркович считал эту идею мертворожденной²².

В 1924 г. с возвращением в Хельсинки возобновились его поездки в Россию – Тальгрэн провел исследования в музеях Ленинграда и Москвы, восстановил прерванные отношения со Спицыным и Городцовым – своими главными дореволюционными корреспондентами. В 1925 г. ему удалось побывать в Киеве, Харькове, Саратове, Казани и Костроме. Во время этих путешествий финский ученый мог почувствовать, как изменилась страна и ее люди; он воочию соприкоснулся с ужасами террора и деспотизма в Советской России и с осуждением писал домой о преследовании русской интеллигенции (Ibid. P. 113). Но всё же главным для него в поездках 1924 и 1925 гг. являлось решение исследовательских задач, и их результатами Тальгрэн, безусловно, был доволен. Кивикоски писала о том, что «значение путешествия 1925 г. оказалось даже большим, чем он мог предвидеть, и это очень его вдохновило; он сам говорил, что почувствовал себя на 15 лет моложе» (Ibid. P. 106). Михаил Маркович не мог не заметить, что наряду с проблемами в экономике и в гуманитарной сфере в России стала меняться к лучшему ситуация в археологии [150]. В разных уголках страны продолжились археологические раскопки, причем не только силами столичных учреждений и университетов. В провинции возникла широкая сеть научных и краеведческих обществ, причастных к археологическим работам. В новой России существенно активизировалась издательская деятельность на местах [150]. По воспоминаниям современников, вернувшись из поездки 1925 г., «Тальгрэн отмечал, что количество материала в России так возросло, что он уже не верит, что когда-либо сможет весь его изучить, но, к его удовольствию, в России появились собственные молодые исследователи данной проблематики, которые могли бы продолжать работу» (Kivikoski, 1954a. P. 106).

Поездки этих двух лет придали заметный импульс научным занятиям финского ученого и еще больше укрепили его в намерении начать издание журнала “Eurasia Septentrionalis Antiqua”. В значительной степени планы Тальгрена были связаны с реализацией давней

²¹ Так обращались к нему родные, друзья и близкие коллеги (Ibid. P. 79).

²² Эта мысль прозвучала в 1921 г. в письме А.М. Тальгрена А. Европеусу (Kokkonen, 1985. P. 6).

мечты – создать новый журнал, посвященный урало-алтайской археологии и этнографии. Для успешного продвижения данного проекта необходимо было заручиться поддержкой как европейских археологов, так и – самое главное – привлечь к работе в журнале коллег из Советской России. Несмотря на финансовые трудности, идея выглядела более перспективной, нежели при первой попытке основания журнала в 1916 г. Кроме того, ее осуществлению способствовали личные контакты и возросший научный авторитет финского археолога. Не случайно Г. Чайлд писал в сентябре 1925 г. Тальгрону: «Нам надо надеяться, что большевики примут Ваше предложение» (Цит. по: Kokkonen, 1985. Р. 6). Другой целью Михаила Марковича был сбор материалов для его работы по бронзовому и раннему железному веку Восточной Европы, Урала и Сибири. В итоге в ходе поездок 1924 и 1925 гг. ему удалось укрепить дружеские отношения со старыми коллегами в России, наладить контакты с более молодым поколением советских археологов и привлечь их к совместной работе в журнале. Во время поездки 1925 г. он получил уже ряд готовых и заказал дополнительные статьи для 1-го выпуска ESA (вышел в 1927 г.).

В феврале 1924 г. Финское археологическое общество подало заявку в Министерство образования Финляндии на государственный грант для осуществления проекта “Евразия”. И хотя этот шаг был в традициях финских археологов и этнологов, предпринявших в последней трети XIX и в начале XX века серию важнейших научных путешествий и экспедиций в азиатские пределы России, Монголию и Китай²³, в 1920-е годы получить грант было совсем не просто, учитывая обострение застарелой вражды и даже ненависти к России после гражданской войны в Финляндии. В апреле 1924 г. в газете “Helsingin Sanomat” Тальгрэн выступил со статьей “Об одном археологическом и этнографическом проекте (Евразия)” в обоснование и поддержку данного проекта [140]. В 1925 г. грант был получен, и вскоре вышел первый том серии (второй по общей нумерации) – книга об эпохе бронзы Северного Причерноморья [162]. В сентябре 1926 г. Тальгрэн проинформировал общественность Финляндии о начале осуществления проекта “Евразия” [167]. Элла Кивикоски позднее заметила,

что «появление первого номера журнала стало началом третьего этапа в грандиозном исследовательском замысле Тальгрэна – изучения бронзового века причерноморских степей» (Kivikoski, 1954a. Р. 105).

Журнал “Eurasia Septentrionalis Antiqua” издавался в 1926–1938 гг. Всего вышло 12 номеров. Цель проекта была одна – объединить исследования широкого круга специалистов по археологии и этнологии Северной Евразии с неперенным участием ученых из СССР. Тальгрэн безвозмездно выполнял функции секретаря, научного редактора, рецензента и даже корректора. В его рабочем архиве в Музейном ведомстве Финляндии отложились подготовительные материалы, иллюстрации и фотографии, рукописи и машинописи, корректуры как собственных статей, библиографических обзоров и рецензий, опубликованных в ESA²⁴, так и многочисленных авторов журнала (Eurasia... 1954. Р. 5–13). Содержание многих номеров в значительной степени составляли работы самого редактора. Вначале Тальгрэн разделял редакторские функции с этнологами У.Т. Сирелиусом (до 1929 г.), а после его смерти с И. Манниненом, но с 1935 г., уже после кончины последнего, работал самостоятельно, поскольку этнография из журнала фактически «ушла». Можно согласиться с Эллой Кивикоски: «“Eurasia” была по-настоящему его (Тальгрэна – авт.) журналом» (Kivikoski, 1954a. Р. 107).

Журнал быстро завоевал популярность в европейском научном сообществе. Его издание стало пиком научной карьеры финского археолога. Начало 1920-х годов было довольно благоприятно для расцвета международных научных связей, и Тальгрэн использовал этот шанс. Он поддерживал тесные контакты с коллегами, научными обществами и музеями, прежде всего, Европы и СССР, но также США, Японии, Китая, Турции и других стран, вел обширнейшую переписку и обмен литературой не только с профессионалами, но и откликался на заказы провинциальных музеев и краеведческих организаций Советской России. Если судить по эпистолярному архиву ученого в Национальной библиотеке Финляндии (РОНБФ. Coll. 230), просьбы о присылке литературы поступали из самых отдаленнейших уголков СССР, и пик таких писем приходится именно на 1920-е годы.

²³ См. подробнее об этом: ([87; 108; 117; 187; 253; 278]; Nordman, 1968; Шлыгина, 1995; Salminen, 2003b).

²⁴ См. их список: (Eurasia... 1954. Р. 9, 10, 13; Kivikoski, 1954b. Р. 134–139, 143–145).

Первые номера журнала были более чем наполовину заполнены статьями советских авторов. Вот их имена в алфавитном порядке: Б.В. Александров, А.Е. Алихова, В.В. Арндт, О.Н. Бадер, Н.Н. Бортвин, Г.Ф. Дебец, Е.И. Горюнова, Б.Н. Граков, В.И. Громов, П.А. Дмитриев, М. Егоров, Б.С. Жуков, А.А. Захаров, А.В. Збруева, М.М. Иващенко, О.А. Кривцова-Гракова, А.Т. Кузнецова, Б.А. Латынин, Н.Е. Макаренко, Т.М. Минаева, Г.К. Ниорадзе, Т.С. Пассек, А.А. Потапов, С.Ф. Преображенский, Е.Г. Пчелина, В.И. Равдоникас, П.Д. Рау, П.С. Рыков, В.В. Сергеев, А.С. Сидоров, В.Ф. Смолин, С.П. Толстов, И.В. Фабрициус, М.Г. Худяков, А.В. Шмидт, Л.И. Якунина-Иванова. Среди них наиболее активными авторами “Евразии” были Захаров – 6 статей, Граков, Макаренко и Шмидт – по две. Как уже отмечалось, сотрудничать с журналом отказались В.А. Городцов и большинство его учеников, осевших в Государственном Историческом музее, Институте археологии и искусствознания РАНИОН и Московском отделении ГАИМК. Несмотря на личные просьбы коллег из России, в частности, А.А. Спицына (Кузьминых, 2011. С. 23), Б.А. Латынина (Сакса, Таавитсайнен, 2000. С. 64, 65, 72, 73), Б.С. Жукова (РОНБФ. Coll. 230.11) и других его корреспондентов, а также официальные письма руководителей АН СССР и ГАИМК С.Ф. Ольденбурга и Н.Я. Марра (РОНБФ. Coll. 230.8, 230.6) – не печатать в ЕСА статей русских эмигрантов, Михаил Маркович не мог пойти на поводу подобных обращений и в номерах, посвященных юбилеям А.А. Спицына и Э.Х. Миннза, поместил статьи Ф.В. Баллода (Баллодиса), М.И. Ростовцева, В.В. Саханева, Н.П. Толля, В.Я. Толмачева, В.М. Щербаковского (Eurasia... 1954. P. 5, 8, 10).

Именно благодаря “Евразии” работы многих советских археологов в 1920-е – начале 1930-х годов стали известны в Европе и в мире. Однако 1929 год – «год великого перелома» – привел к переходу от лозунгов к практическим действиям по переводу археологии на марксистские «рельсы», и в итоге на рубеже 1920–30-х и в первой половине 30-х годов связи с зарубежными научными центрами заметно ослабли. Редактируемый Тальгреном журнал, после того как он выступил с критическими замечаниями и оценками об опасных тенденциях развития гуманитарных наук в Советской России [206; 226; 237; 251], был назван фашистским (Быковский, 1932;

Равдоникас, 1932), и все печатавшиеся в нем приравнивались к врагам народа. Сочувствие к судьбе ученых в СССР и негативная оценка сложившейся ситуации в советской науке в целом вылились со стороны финского археолога в 1928 г. в открытое письмо в Главнауку с критикой преследования ученых [206]. «Дело академика С.А. Жебелёва» получило международный резонанс. В прессе Советского Союза и в академических верхах на Жебелёва и Тальгрена посыпались обвинения во всех смертных грехах (Тункина, 2000). К счастью, Сергея Александровича не коснулся молох репрессий, но Михаилу Марковичу его выступление обошлось дорого: он стал персоной non grata в СССР, лишился возможности поездок и в итоге не смог продолжить изучение кавказских коллекций в наших музеях, с успехом начатое в 1928 году. (Рис. 8)

Это выступление в защиту Жебелёва и в целом советских ученых весьма красноречиво характеризует Тальгрена как человека, для которого «было свойственно публично выражать свои мнения и убеждения, отстаивая то, что он считал правильным и справедливым» (Kivikoski, 1954a. P. 114). Отлучение от поездок в Советский Союз его не остановило. Убеждаясь, что в советской археологической литературе аргументы и доказательства всё более подменяются цитатами из трудов классиков марксизма и «нового учения о языке» академика Н.Я. Марра, редактор “Евразии” выступил с критикой коллег из ГАИМК – С.Н. Быковского, В.И. Равдоникаса, И.И. Смирнова, В.Б. Аптекаря, М.Г. Худякова, работы которых особенно «грешили» начетничеством [237]. Им были противопоставлены труды П.П. Ефименко, А.А. Иессена, М.П. Грязнова, А.А. Миллера, В.В. Гольмстен и других сотрудников Академии, написанные, по мнению Михаила Марковича, на высоком методическом уровне [237, p. 205].

В 1935 г. Тальгрэн вновь посетил СССР. В дни его пребывания в Минске там же работал эстонский археолог Харри Моора. По следам поездки был опубликован обзор “Археологические исследования в Советской России” [251], в котором «содержатся его путевые заметки, информация о коллекциях и музейных собраниях, комментарии о выставках, отчеты о раскопках и обзоры литературы, новости о судьбе российских археологов, разнообразные личные впечатле-

Рис. 8. А.М. Тальгрэн и Нильс Клеве во Владикавказе. 1928 г. Частное собрание.

ния» (Kivikoski, 1954a. P. 110). Среди новостей о судьбах советских коллег сообщается о смерти А.А. Миллера, С.А. Теплоухова и Б.С. Жукова; неизвестной остается для финского археолога судьба многих других ученых – Г.И. Боровки, И.В. Фабрициус, М.П. Грязнова, В.Е. Козловской, М.Я. Рудинского, А.А. Захарова, Н.Е. Макаренко [251, p. 149]. Не встретив в музеях и университетах многих репрессированных коллег, Тальгрэн вновь публично осудил советский режим: «Как же, должно быть, богато человечество, если оно может обойтись без таких прекрасных людей. Но может ли мир, могут ли Советы позволять себе прерывать творческую деятельность людей, обладающих интересом, энтузиазмом, знаниями и способностями?» [251, p. 149].

Год 1929 и последующие стали во многом переломными в судьбе журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua». Многие корреспонденты Тальгрэна и авторы «Евразии» из СССР прервали с ним переписку и отношения или

насовсем²⁵, или на несколько лет²⁶, до 1935 г., когда увидели, что с финского ученого снято табу на поездки в Советский Союз, тем более что в этом путешествии по музеям и известным археологическим памятникам с группой молодых европейских археологов и этнологов его сопровождал академик И.И. Мещанинов. В 1935–1936 гг. Михаилу Марковичу еще писали или отвечали на его письма М.М. Иващенко Г.К. Ниорадзе, В.Н. Чернецов, П.С. Рыков, М.Г. Худяков; авторами статей в ESA осмелились быть В.В. Арндт, А.А. Захаров и Н.Е. Макаренко. Тальгрэну еще удавалось заполнить последние номера журнала статьями европейских коллег и собственными, но становилось всё очевиднее, что «Евразия» уже не может быть проводником и связующим звеном между западной и советской археологией. Журнал уже не мог выполнять

²⁵ На такого рода примеры уже обращалось внимание (Сакса, Таавитсайнен, 2000. С. 65; Кузьминых, 2004а, С. 144; 2004б, С. 19).

²⁶ Показателен пример М.Г. Худякова, прервавшего переписку с А.М. Тальгрэном в 1928 и возобновившего в 1935 г. (РОНБФ. Coll. 230.5).

ту изначально начертанную для него роль, как она виделась его редактору в начале 1920-х.

Второй причиной, которая привела Тальгрена к решению прекратить издание *ESA* в 1938 г., было то, что индустриализация в СССР поставила под угрозу сохранность многих известных археологических памятников. В итоге в 1932 г. при ГАИМК был создан Комитет по новостройкам, который организовывал и координировал широкие полевые исследования в местах капитального строительства (Соловьева, 2013. С. 244, 245). Рост новостроечных работ привел к лавинообразному увеличению археологических источников, которые в новой экономической и политической реальности Тальгрэн уже не мог отследить, а тем более опубликовать. Время требовало новых решений и инструментов, и в итоге на смену тальгреновскому журналу пришли альманах «Советская археология» (с 1936 г.) и серийное монографическое издание «Материалы и исследования по археологии СССР» (с 1940 г.)

Третьей и, скорее всего, важнейшей причиной завершения проекта «Евразия» стали для финского ученого серьезные проблемы со здоровьем. По словам Эллы Кивикоски, «Тальгрэн работал безостановочно, работа была его жизненной необходимостью, наркотиком, по словам матери» (Kivikoski, 1954a. P. 117). К пятидесяти годам этот «наркотик» физически и морально подорвал его здоровье и жизненные силы. На фотографии 1935 г. 50-летний мужчина выглядит стариком. По воспоминаниям Кивикоски, в 1937 г. Тальгрэн вынужден был долгое время оставаться в постели из-за серьезного расстройства кровообращения. Перенеся инфаркт, он выздоровел, но два года спустя ему пришлось пойти на операцию, и после нее он до конца так и не оправился (Ibid. P. 118). Сил для издания «Евразии» уже не было. Но перестав издавать журнал, финский ученый почувствовал себя лишенным почвы под ногами. Современники свидетельствуют, что «он погрузился во всё углубляющуюся депрессию, он ощущал, как уходят силы, подступает старость. Временами Тальгрэн еще загорался прежним энтузиазмом и брался за осуществление новых планов. Получив в 1943 г. грант на издание книги о первобытной истории северо-востока Европы, он говорил, что счастлив, как школьник. Темой его последней лекции, прочитанной в 1944 г., был русский палеолит, и читал он ее вдохновенно» (Ibid. P. 119).

Журнал «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*», благодаря личности и неизменной энергии его редактора, воссоздал разрушенный в годы послереволюционного лихолетья мост, соединявший ранее многими и прочными нитями русскую и западную археологию. Инициатива финского ученого позволила первому поколению советских археологов выйти со своими трудами и достижениями на европейскую и мировую научную арену. Казалось бы, журнал не может быть памятником деяниям человека, но не в случае с Тальгреном. Прошли десятилетия, настали новые времена – и тальгреновский проект и опыт оказались востребованными. Речь идет об альманахе «*Eurasia Antiqua*», который с 1995 г. издается Евразийским отделом Германского археологического института. Первый номер альманаха посвящен памяти великого евразийца А.М. Тальгрена.

IV. А.М. Тальгрэн в истории отечественной археологии

Подлинная оценка вклада А.М. Тальгрена в историю отечественной археологии еще впереди. Кратко осветим лишь то главное, что принесено им на алтарь археологической науки. Но прежде необходимо отметить, что выбор евразийского направления научных поисков и разысканий финского ученого, начиная с первых шагов в археологии в студенческие годы под крылом Аспелина и Аппельгрэн-Кивало и до той – последней – лекции о русском палеолите в военном 1944 г., не был случайным: «Тальгрена влекло не только его горячее научное любопытство, но и романтическое, легендарное сияние Востока, который для него олицетворял еще и древнюю историю финского народа» (Ibid. P. 95). Уже первые поездки в Россию и знакомство с богатыми археологическими коллекциями музеев Санкт-Петербурга, Москвы и Казани на всю жизнь предопределили глубокую увлеченность Михаила Марковича древностями Северной Евразии. Их изучение – в экспедициях, музеях, научных трудах – станет «его страстью, предметом его восхищения и делом всей его жизни» (Ibid. P. 119). Эллы Кивикоски вспоминала, что «даже в самые последние месяцы он (Тальгрэн – *авт.*) вновь и вновь возвращался к размышлениям о предмете своих исследований, который он избрал еще совсем мальчишкой. Тусклые огни и тени на стене больничной палаты

Рис. 9. Раскопки Сорочьегорского городища в 1909 году. Архив МВФ.

Рис. 10. Детвора с. Сорочьи Горы на раскопках городища. Архив МВФ.

Рис. 11. Жители с. Сорочьи Горы – более 100 лет тому назад. Архив МВФ.

Рис. 12. Минусинск в дни экспедиции А.М. Тальгрена в 1915 году. Архив МВФ.

складывались перед его мысленным взором в карту любимой Азии и наполняли мечтами об экспедиции в Туркестан» (Ibid.).

1. *Археологические раскопки А.М. Тальгрена в России* осуществлялись по разрешению и при поддержке Императорской Археологической комиссии. В 1909 г. финский ученый провел раскопки Сорочьегорского городища [17; 30], Маклашеевских курганов [171], Кулганской 2 стоянка на Свяге [34] в Казанской губернии, обследовал Ананьинский и Морквашинский могильники, городища Шуран и Елабужское (Чертово), посетил Болгар, Тетюши, Маклашеевку, ряд памятников на Свяге ([34]; Чижевский, 2013а. С. 55). Как следует из его путевых заметок (РАТ. Папка Tallgren 25, конверт 6), в Казани Тальгрэн дважды (22 мая и 2 июня) встречался с П.А. Пономаревым и получил разрешение на дневниковую публикацию раскопок Ананьинского могильника 1881 г. [51]. 22 июня он участвовал в работе 4-го Областного историко-археологического съезда в Костроме (см. о нем: Полонская, 1911), следом побывал в Ярославле и Вологде, а в конце месяца осуществил раскопки Туровского поселения в Костромской губернии [34], чтобы прояснить связь с ним знаменитого Галичского клада²⁷, а в Архангельской губернии на р. Пинеге, как он информировал А.А. Спицына (Кузьминых, 2011. С. 11), финский археолог нашел размытый «чудской» могильник и провел раскопки на двух городищах. (Рис. 9, 10, 11)

Следующие большие экспедиционные работы Михаил Маркович провел в России в 1915 г. По пути в Сибирь он получил в Петрограде в Археологической комиссии Открытый лист, поработал с коллекциями в Эрмитаже и Музее антропологии и этнографии, встретился (22.05.) с В.Я. Толмачевым для ознакомления с материалами его раскопок в Оренбуржье и на Урале, а также с А.С. Лебедевым (23.05.) – издателем книги «Родиноведение в Финляндии» (Тальгрэн, 1913). В Москве, Нижнем Новгороде, Казани и Сарапуле Тальгрэн продолжил работу с коллекциями. Из Казани, видимо, получив информацию о находках кельтов из разрушенного ананьинского могильника, он съездил в с. Альминское (Альменево) близ Свяжска (1.06.) для покупки этих орудий [187]. Будучи в Перми (6–12.06.), он посетил

не только музей, но и ряд археологических памятников в окрестностях города – Лёвшино, Галкино, Турбино, Гляденово, обработал материалы частной коллекции Зеликмана. Михаил Маркович планировал начать полевые исследования Турбинского могильника, но в условиях военного времени провести их не удалось [103, р. 56]²⁸.

Десять дней (12–21.06.) провел финский ученый в Екатеринбурге, посвятив два из них работе с коллекциями музея УОЛЕ и совершив экскурсии в Палкино, Воскресенское, Коптяки, на озера Березовое, Исетское, Карасье. Судя по записям в дневнике (РАТ, папка Tallgren 25, тетрадь 2), Тальгрэн – помимо покупок и сборов каменных и медных предметов (коллекция № 6967:15–61 в МВФ) – провел небольшие раскопки в 3 км к северу от с. Воскресенское около часовни [77]. Самой интересной из его уральских покупок является, пожалуй, литейная форма с негативами двух серпов-секачей дербеденевского типа эпохи поздней бронзы (Кузьминых и др., 2007. Рис. 5). Финский археолог благородно передал ее в дар Российскому Историческому музею (Там же. С. 100).

В конце июня, после остановок для работы в музеях Омска и Красноярска²⁹, Тальгрэн на пароходе «Сибиряк» добрался до Минусинска – главной цели своего путешествия в Енисейской губернии. (Рис. 12) Близ с. Усть-Абаканское он раскопал два тагарских кургана [85, р. 14–17], посетил множество памятников [60–62; 65], познакомился с богатейшим собранием Минусинского музея и частными коллекциями Товостина [67; 85; 91], Бахова, Тропина. В конце июля финский археолог вернулся в Красноярск и продолжил работу с археологическими материалами и общение с С.М. Сергеевым (Вдовин, Кузьминых, 2006). Далее он переехал в Томск, где два дня (30–31.07.) изучал древности, хранящиеся в музеях университета, а также Общества внешкольного образования. Прибыв 2 августа в Новосибирск, тогдашний Новониколаевск, Михаил Маркович позволил себе отдых в три последующих дня. В Барнауле, судя по путевым записям, он был только один

²⁸ Раскопки Турбина по совету А.М. Тальгрена начал А.В. Шмидт в 1924–1927 гг. (Schmidt, 1927).

²⁹ О работе А.М. Тальгрена в Красноярске и его контактах с местными археологами и коллекционерами подробнее см.: (Вдовин, Кузьминых, 2006; 2011; Вдовин и др., 2010).

²⁷ Галичскому кладу А.М. Тальгрэн посвятил в дальнейшем значительный цикл работ (см. их обзор: Студзицкая, Кузьминых, 2001. С. 123–132).

Рис. 13. Василий Иванович Заусайлов – купец, собиратель меценат.

Рис. 14. Иван Петрович Товостин – торговец и скупщик древностей.

день – 5 августа. Тальгрэн оставил в своем дневнике любопытную запись, передающую, скорее всего, диалог с извозчиком, взявшимся доставить его в Барнаул или же взятого уже в Барнауле. Видимо, на вопрос, есть ли в городе музей, извозчик ответил: «Музея здесь нет, барин, кинематограф есть» (РАТ. Папка Tallgren 25. Конверт 7). Вопрос Михаила Марковича был не праздным: скорее всего, еще в Томске он получил информацию о музейных собраниях Барнаула. Интерес к ним, безусловно, определялся тем, что основные записи, фото и рисунки, сделанные финским ученым в археологическом музее Томского университета, связаны – наряду с минусинскими древностями – как раз с находками с территории Алтая. В Барнауле Тальгрэн посетил Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, а также познакомился с частным собранием Н.С. Гуляева (Кузьминых, Тишкина, 2009).

В советские годы финскому ученому не удалось продолжить археологические раскопки в России. Его поездки 1924, 1925, 1928 и 1935 гг. были направлены на изучение памятников бронзового века степного и лесостепного пояса Восточной Европы и Кавказа.

2. *Музейная деятельность: собрания Заусайлова и Товостина.* В феврале 1913 г. Тальгрэн был назначен секретарем Государственного музея Финляндии³⁰. В ходе своих поездок в Россию в 1908, 1909 и 1915 гг. ученый познакомился с двумя выдающимися собраниями древностей – В.И. Заусайлова в Казани и И.П. Товостина в Минусинске. (Рис. 13, 14)

Коллекция Заусайлова состояла, по описи самого Василия Ивановича, из 10935 предметов, включая 5282 – каменных, 1292 – бронзовых и медных, 1417 – железных, 1010 – костяных, 1639 – глиняных и стеклянных, 295 – предметов разного времени, в том числе и этнографических ([71, р. 6]; Халиков, 1962. С. 3; Чижевский, 2013а. С. 46; 2013б. С. 85); хронологический диапазон – от палеолита до позднего средневековья; территория сборов – Казанская (основная часть), а также Вятская, Самарская и Нижегородская губернии. Кроме того, в коллекции немало предметов,

собранных и купленных в Швейцарии, Сибири и Средней Азии.

Никто в России, включая Императорскую Археологическую комиссию, не захотел или не сумел приобрести ее за сравнительно небольшую цену в 5000 рублей (в реальности стоимость ее была намного больше). Будучи в Казани в 1908 г. финский археолог оценил высокую научную значимость собрания Заусайлова и по возвращении в Хельсинки рекомендовал приобрести ее для Государственного музея. Такое решение было принято 11 декабря того же года. В 1909 г. М.К. Сойккели доставил коллекцию в Финляндию. Ныне она хранится в собрании Музейного ведомства этой страны. Сама коллекция опубликована частично В.И. Заусайловым (1884), А.М. Тальгреном [71; 95], А. Эйрпяя (Европеусом) (Äyгäpää, 1930) и др. Для диссертационного исследования Тальгрэна приобретение этого собрания имело ключевое значение. В его руках оказался богатейший фактический материал – сущий клад для начинающего археолога. Фортуна, безусловно, благоволила исследователю, и Михаил Маркович использовал этот шанс в своих трудах о бронзовом веке центральных и северо-восточных областей Европейской России [34; 71].

Приобретение собрания древностей И.П. Товостина отчасти напоминает детективную историю (Кузьминых, Вдовин, 2007). В начале 1915 г. коллекционер написал в Гельсингфорс Й.Р. Аспелину с просьбой о помощи – найти покупателей за границей. Государственного археолога Финляндии (одна из официальных должностей Аспелина тех лет) Товостин знал со времени экспедиций 1887–1889 гг. «Для сбора таковой коллекции, – сообщал Иван Петрович, – мною утрачено много времени и денег; коллекция оригинальная, но продать таковую я решил по случаю моей старости. Прошу Вас, не имеете ли Вы сведения относительно Швеции и ея музеев, которые не пожелают ли купить мою коллекцию» (Там же. С. 88, 89). Однако истинная цель обращения Товостина к Аспелину, скорее всего, заключена в последних строках этого письма: «Для Вашего музея не предлагаю свою коллекцию, потому что Вами собрано много предметов древности во время Вашего проезда по Минусинскому округу, а в продчим могу и Вам продать, ежели в цене сойдемся».

³⁰ Так до 1917 г. именовался Национальный музей Финляндии. Государственный музей строился в 1905–1910 гг., открылся в 1916 г. [253, s. 214].

Товостин, зная об интересе финских ученых к минусинским древностям, не ошибся в выборе адресата: Аспелин в ответном письме выразил желание приобрести эту коллекцию в Финляндию. Начинается длительная переписка и торг о покупке коллекции: первоначальная цена в 3000 рублей, запрошенная минусинским торговцем за 700 предметов, была чрезмерной и для Государственного музея Финляндии. Чтобы придать ценность коллекции, Товостин часто отмечает в письмах, что в ее собирание он вложил 20, 25, 30 лет тяжкого труда и немало средств, что в его коллекции нет дубликатов, что все вещи «разнокалиберные». Аспелин, после получения фотографических снимков, предлагает цену значительно меньшую – 1250 рублей, отмечая при этом, что в июне в Минусинск для археологических исследований прибудет секретарь музея А.М. Тальгрэн, который сможет оценить научную значимость коллекции. С предложенной ценой Иван Петрович не согласился и сообщил в Гельсингфорс, что будет ждать приезда в Минусинск Тальгрэна (Там же. С. 90).

В конце мая 1915 г. Аспелин умер. Известие о кончине учителя застало Тальгрэна в пути, на Урале (Kivikoski, 1954a. P. 94, 95). Прибыв в Минусинск, наряду с изучением богатейших фондов музея, финский археолог лично ознакомился с коллекцией Товостина, оценил научную значимость собранных им древностей, подробно описал их и дал положительное заключение в Археологическую комиссию Государственного музея о необходимости приобретения данной коллекции. Осенью 1915 г., по возвращении из поездки в Россию, Михаил Маркович по поручению Комиссии продолжил переписку с Товостиным о покупке коллекции.

В 1916 г. переговоры вступили в заключительную фазу. Стоимость коллекции снизилась: стороны сошлись на сумме в 2500 рублей, но всё равно в тот момент она была чрезмерной для музея. В итоге по рекомендации Тальгрэна коллекцию купил доктор медицины Карл Хедман, у которого позднее она была выкуплена Национальным музеем. Иван Петрович, упаковав 1056 предметов в два больших ящика по пяти пудов каждый, сам доставил их в Петроград для передачи доверенному лицу и получения банковского перевода денег (Кузьминых, Вдовин, 2007. С. 90).

На следующий год финский ученый оперативно опубликовал материалы вновь приобретенной коллекции Национального музея [85]. Экземпляр книги с портретом Товостина на первой странице [Ibid. Fig. 1] Иван Петрович получил в числе первых. Его переписка с Тальгрэном продолжалась в течение всего 1917 года (РОНБФ. Coll. 230.10), пока не прервались почтовые сношения России и Финляндии.

3. *Научные труды А.М. Тальгрэна и их значение.* В 1910–30-е годы вышли основные труды ученого, благодаря которым финский археолог по праву стал считаться крупнейшим специалистом по бронзовому веку Северной Евразии. Уже в первых монографических работах [34; 71], давая общую характеристику евразийскому бронзовому веку, Тальгрэн идет, и значительно, дальше своих европейских предшественников. Он противопоставил его европейскому бронзовому веку и разделил на две большие, не зависимые друг от друга культурные провинции: восточноевропейско-уральскую и минусинско-алтайскую. Вместе с В.А. Городцовым (1910), но с иных концептуальных позиций, опираясь на сравнительно-типологический и географо-хронологический методы, Михаил Маркович дал первые общие характеристики бронзового века центра, севера и северо-востока Европейской России, наметил его территориальные границы и выделил внутри него три хронологических периода [34; 71].

В «Collection Zaoussaïlov» [71], базируясь на широкой системе аналогий с культурами юга России, Восточного Средиземноморья и Скандинавии, Тальгрэн датировал ранний период 2500–1500 гг. до н.э., средний 1500–1000 гг. до н.э., а поздний (ананьинский) 1000–500 гг. до н.э. [71, p. 12–14]. Хронология ананьинского периода была основана не только на аналогиях со скифскими древностями, но и на датировке меларских кельтов (выявленных наряду с ананьинскими в комплексах Младшего Волосовского могильника) IV периодом скандинавского бронзового века, согласно периодизации О. Монтелиуса. В вышедшей спустя три года книге «Ананьинская эпоха в Восточной России» [103] Михаил Маркович скорректировал хронологию ананьинских древностей. Младшее Волосово было выведено из цепочки взаимосвязей с Ананьинским и другими камскими могильниками этого круга. И теперь уже базируясь на отсутствии меларских кельтов

в этих памятниках, начало ананьинской культуры финский ученый отнес к 600 г. до н.э. [103, р. 180, 182]. Несколько позднее под влиянием аргументов Геро Мергарта дата была удрвнена до 700 г. до н.э.

Отказ от гипотезы Й.Р. Аспелина о едином урало-алтайском бронзовом веке в монографии 1911 г. [34] был, безусловно, шагом вперед в осмыслении евразийских древностей эпохи раннего металла. Сходство материальной культуры Волго-Уралья и Саяно-Алтая виделось Тальгрёну в общих скифских корнях древних культур этих географически удаленных регионов и, соответственно, послужило основанием для объединения их в рамках урало-алтайской общности [Ibid. S. 94, 95]. Гипотеза об общих корнях ананьинской и скифской культур в те годы была популярной (Minns, 1913. P. 257; Аппельгрён-Кивало, 1914; см. обзор: Худяков, 1923. С. 88). И Миннс, и Аппельгрён-Кивало говорили об этом при обсуждении скифо-чудской гипотезы, но Тальгрён вкладывал в ее понимание уже иное содержание. На первом плане ему виделось не единство этнического происхождения народов, а контакты и взаимодействие древних культур Волго-Уралья и Саяно-Алтая со скифами.

В книге «Ананьинская эпоха в Восточной России» [103] финский археолог с исчерпывающей для того времени полнотой обосновал выделение и этапы развития ананьинской культуры, дал характеристику ее предметного мира, поселений и могильников, наметил ареал, реконструировал направления культурных и торговых связей. В самом названии монографии звучит отказ от ранее предложенного им термина “скифо-ананьинская культура” (Чижевский, 2013б. С. 86). Сравнительно-типологический анализ материальной культуры скифской и ананьинской культур привел его к выводу о местных, еще неолитических корнях ананьинской культуры и ее самостоятельном развитии, равно как и скифской [Ibid. P. 103]. При этом Тальгрён наметил вторую линию генетических связей ананьина – с кобанской культурой Центрального Кавказа [Ibid. P. 164–167]. И напротив, аналоги ряду категорий ананьинского оружия и украшений в алтайских и минусинских древностях он рассматривал в системе торговых связей ([Ibid. P. 170]; см. подробнее: Чижевский, 2013б. С. 86).

Исторические судьбы ананьинской культуры Тальгрён – в отличие от гипотезы Аспелина о распространении “финской

культуры” на запад – видел в ее постепенной трансформации в пьяноборскую культуру под влиянием импульсов, исходящих из провинциальных центров римской цивилизации [Ibid. P. 182–184]. Анализ письменных источников и изучение ананьинского звериного стиля привели его к заключению о справедливости гипотезы, отождествляющей население ананьинской культуры с исторически известными будинами и фиссагетами ([Ibid. P. 179, 180]; Чижевский, 2013б. С. 86).

Следующий крупный труд финского археолога «Северное Причерноморье в эпоху раннего металла» [162] венчал его исследовательский проект по изучению бронзового века степного пояса Восточной Европы. Еще в ходе дореволюционных поездок, но главным образом в 1924 и 1925 гг. им был собран обширный фактический материал, который он оперативно осмыслил, проанализировал и опубликовал.

Тальгрён разделил материалы бронзового века южнорусских степей на три группы. Одна из них имела местную основу, вторую он выводил с запада, из Карпато-Дунайского региона (Венгрии, по его терминологии), а третью рассматривал как восточную, с истоками в Туркестане (в современном понимании – в степях Казахстана и Средней Азии). Эпоху раннего металла причерноморских степей Михаил Маркович разделил на два хронологических периода: 1) медный век с центром в Прикубанье; 2) собственно бронзовый век, охватывающий территорию от Волги до Дуная. Для 2000–1800 гг. до н.э. им отмечается приток на Кубань населения с севера, которое попало здесь под сильное культурное влияние Ближнего Востока и, в свою очередь, оказало обратное влияние на население степей. За всем этим стоит появление на Северном Кавказе памятников типа Майкопа, Новосвободной и ямно-катакомбных погребений.

Степные культуры, представленные в основном погребениями в курганах, по мнению Михаила Марковича, были в этот период менее развитыми по сравнению с прикубанскими. Бронзовый век в степях Украины (1200–700 гг. до н.э.) испытал, по мнению финского ученого, сильное влияние с запада. Его характерной чертой стало появление сокровищ и кладов литейщиков. В этот период, как отмечал Тальгрён, фиксируется перемещение большого массива населения – приход киммерийцев из Трансильвании.

Вместе с тем им отмечено сильное влияние культур бронзового века юга России на более северные. Он прослеживал южные черты в фатьяновской культуре, Галиче, Сейме. На востоке Украины и на Волге развитие культуры медного века продолжалось, на его взгляд, вплоть до 700 г. до н.э., и, как полагал финский ученый, их носителей следует отождествлять со скифами, которые около 700 г. до н.э. разрушили царство киммерийцев и смели их с лица земли.

Эта книга Тальгрена вызвала большой резонанс как на западе (особенно в балканских странах и в Венгрии), так и на востоке Европы. И прежде всего благодаря тому, что поздний бронзовый век южнорусских степей рассматривался как неотъемлемая часть единого культурно-исторического пространства от Трансильвании до Северского Донца. Для многих отечественных археологов труд Михаила Марковича представлялся образцовым. Отзывы, особенно молодого поколения, были восторженными (Кузьминых, 2011. С. 18, 22). Но были и критики, в том числе из числа доброжелателей финского ученого, – и первый из них Спицын (Кузьминых, Сафонов, 2009. С. 154, 155). Для Городцова выход книги финского ученого подвел черту под историей их отношений: они прервались и уже не возобновлялись. Спицын лелеял мечту перевести труд Тальгрена на русский язык и издать его в СССР; за перевод книги взялась И.В. Фабрициус (Кузьминых, 2011. С. 19). К сожалению, план этот не осуществился.

Темы, поднятые в книге 1926 г. [162], обсуждались финским археологом и в последующих работах [182; 184; 208; 214; 231]. Особого внимания заслуживает его лекция, прочитанная в 1930 г. в Венском антропологическом обществе и посвященная проблемам хронологии бронзового века Восточной Европы [231]. В ней Тальгрэн изложил свой взвешенный взгляд на абсолютную и относительную хронологию культур бронзового века Восточной Европы и его различных периодов. В докладе, а затем и в статье намечено хронологическое и территориальное соотношение этих культур друг с другом, а также с культурами Скандинавии, Богемии, юга Германии, Италии, Греции и островов Эгейского моря. По мнению современников, «это была работа великого ученого, ученого мирового масштаба, и непреходящей ценности, несмотря на все существующие сейчас

сомнения в достоверности содержащихся в ней выводов» (Kivikoski, 1954a. P. 108). Центральной и самой спорной проблемой оставалась тогда для финского ученого хронология кобанской культуры, от которой, в свою очередь, зависела датировка более ранних степных погребений. Михаил Маркович датировал их гораздо более поздним временем (например, Майкоп – около 1800 г. до н.э.), нежели большинство его европейских и советских коллег. В последней статье о бронзовом веке Северного Причерноморья [262] Тальгрэн вновь вернулся к обсуждению тех же дискуссионных проблем, рассмотрел ряд других теорий, но остался верен своей ранней точке зрения. Проблема хронологии, по его признанию, остается не решенной до конца: «Что касается абсолютной хронологии самой ранней группы степных погребений, мы всё еще вынуждены смиренно признать: не знаем. Однако нет причин добавлять: не можем узнать. Мы должны терпеливо ждать новых находок» [Ibid. P. 121]. И в наши дни, несмотря на успехи в определении абсолютного и относительного возраста степных культур эпохи раннего металла, мы можем констатировать, что еще не все проблемы хронологии этих культур решены нами с исчерпывающей ясностью и полнотой.

В отечественной археологии не оценен в полной мере цикл статей финского ученого конца 1920-х – первой половины 1930-х годов об археологии Кавказа. Они составляют два блока. Первый – работы об антропоморфных скульптурах Казбекского и других кладов Центрального Кавказа и кавказско-анатолийские истоки идолов Галичского клада [39; 151; 154; 204]. Второй – публикация и анализ курганных и мегалитических погребальных памятников эпохи раннего металла, а также дольменов Северо-Западного Кавказа [212; 219; 225; 238; 246; 251]. Фактически мы имеем дело с разделами не состоявшегося монографического труда Тальгрена о бронзовом веке Кавказа. «Он, безусловно, продолжил бы свои кавказские исследования, – писала Элла Кивикоски, – он описывал Кавказ как наиболее интересный с точки зрения археологии регион Евразии, если бы не его открытое письмо от 1928 г. российским властям с критикой преследования ученых, результатом чего явился запрет на его посещение России на долгие годы. И тем не менее, его исследования представляют весомый вклад в анализ бронзового века данного региона и хронологии бронзового

века Южной России в целом» (Kivikoski, 1954a. P. 108).

Важно вспомнить еще об одном труде Тальгрена [258]. В статье «Арктический бронзовый век в Европе» ученый обратился к старым и новым материалам, имеющим отношение к двум важнейшим проблемам археологии бронзового и раннего железного веков северной половины Восточной Европы и Фенноскандии, а именно: волго-уральская культурная «вуаль» на севере и северо-западе России, в Карелии, Финляндии, Швеции и Норвегии, выраженная в распространении здесь орудий и украшений сейминско-турбинских и ананьинских типов и подражаний им, и скандинавская «вуаль» в центре, на севере и северо-востоке Европейской России, которая, по Тальгрону, документировалась могилами «викингов бронзового века» в Младшем Волосове и распространением вплоть до устья Камы кельтов меларского типа. Проблемы эти, как ранее отмечалось, рассматривались в его книге «Ананьинская эпоха в Восточной России» [103]. Но прошло почти 20 лет со времени ее выхода – актуальность переосмысления данных проблем становилась стала еще очевиднее. В этой работе Михаил Маркович, по сути, заострил внимание на тех вопросах, которые остаются актуальными и в наши дни. Среди них – характер и механизм распространения орудий и литейных форм сейминско-турбинских и ананьинских типов на севере и северо-западе Европы и их связь с аборигенными культурами; аналогичный процесс распространения на востоке кельтов меларского типа и их связь с окскими и средневожскими культурами и памятниками; культурные контакты и торговые связи населения северо-запада Европы и Волго-Уралья во II–I тыс. до н.э. и др.

Мы обратили внимание на малую часть трудов финского ученого, посвященных археологии Северной Евразии. Важно подчеркнуть, что они на десятилетия стали базовыми для всех специалистов, продолжающих исследования в русле тех проблем, что были поставлены Тальгреном в 1920–30-е годы.

4. *Методика исследований и теоретические взгляды А.М. Тальгрена.* По признанию Эллы Кивикоски, «Тальгрэн не был теоретиком, и его собственные исследования не следовали какому-либо четкому и определенному методу. Однако в целом его подход можно назвать цивилизационным»

(Kivikoski, 1954a. P. 111; см. о том же: Salminen, 2003b. P. 150, 151). Кивикоски отмечала, что Тальгрэн не был склонен к изучению мелких деталей и не был блестящим аналитиком. Его самой сильной стороной как исследователя была «способность оригинально мыслить и охватывать разом огромное количество проблем и вопросов; во многом ему помогала интуиция. Стремительность, поспешность и отчасти неаккуратность стиля его первых работ никогда полностью не исчезли, хотя в более зрелые годы он всё же стал писать более обдуманно и взвешенно. Излюбленной формой письменной работы с середины 30-х годов для него стало эссе» (Ibid.).

Тальгрэн, безусловно, владел всеми методами полевой и кабинетной работы, которые были в практике европейской археологии начала XX века, тем более что он прошел школу ученичества у О. Монтелиуса, О. Альмгрена и С. Мюллера. В своих первых монографиях [34; 71; 85; 95; 103] Михаил Маркович с успехом опирался на сравнительно-типологический и географико-хронологический методы, а также метод аналогий, которые позволили ему реконструировать общую картину формирования, развития и исторических судеб археологических культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. По признанию современников, более всего удался ему опыт изучения ананьинской культуры. При обращении к идолам и другим персонажам Галичского клада [39; 151; 154; 204], культовому литью Западной Сибири [232], пермскому звериному стилю [203; 204], антропоморфным скульптуркам Казбекского и других кладов Центрального Кавказа [217; 219] финский ученый использовал, кроме того, метод иконографического анализа.

Важно отметить, что, несмотря на удачное использование типологического метода при публикации коллекций В.И. Засайлова, М. Знаменского и И.П. Товости-на [71; 84; 85; 95], в этих работах, как и во множестве статей аналогии и их поиск играли для исследователя, пожалуй, большую роль, чем сама классификация материалов. Но еще более важную роль, особенно в 1920-е годы, играл в исследованиях финского археолога географико-хронологический метод. Тальгрэн использовал его «для создания общей картины какой-либо культуры, которую затем сопоставлял с другими культурами и с которой в свою очередь сопоставлял каждую находку» (Салминен, 2011. С. 136). По наблюдению Т. Салминена,

есть определенное сходство этого метода с географико-историческим методом исследования фольклора, который использовался в финской науке (Ю. Крон, К. Крон) в начале XX века (Там же).

В ранних работах Тальгрена мы не найдем ясных свидетельств, которые бы раскрывали его теоретические воззрения. В целом можно признать, что эти труды созданы в русле популярной в первые десятилетия XX века всеобщей культурно-исторической школы. Сложно наметить какую-либо динамику теоретических взглядов финского ученого. Во всяком случае, по опубликованным и архивным источникам это не удается сделать.

В 1930-е годы явно наметился повышенный интерес Тальгрена к методическим и теоретическим проблемам археологических исследований. В немалой степени это был общий тренд в развитии европейской и советской археологии. Но внимание финского ученого, безусловно, было приковано к обсуждению вопросов структуры и развития древних обществ в советской археологической литературе. Он с пристальным вниманием, часто критически, следил за новыми теоретическими разработками советских коллег. Другой полюс его внимания – националистическое движение в Германии, полемика с немецкими археологами о соотношении археологических культур и этносов – также способствовали повышению интереса Тальгрена к методическим и теоретическим проблемам археологических исследований.

В 1936 г. в статье «К вопросу о методе доисторической археологии» [250; 267] финский ученый изложил свои взгляды на то, какие методы следует применять и какова должны быть цель самого исследования. Главным для него – и это соответствовало его нравственным убеждениям – был гуманистический характер археологии. Он отвергал так называемый естественнонаучный подход к исследованию археологических материалов. Тальгрэн подчеркивал, что основное внимание должно быть направлено на исследование образа жизни и социальной структуры древних людей, причем в той мере, в какой они нашли отражение в артефактах; Михаил Маркович считал, что морфология, хронология, география и стратиграфия призваны выполнять лишь вспомогательные функции. Целью исследования должно быть установление и интерпретация экономиче-

ских и социальных структур, форм существования человеческих сообществ. Он также считал, что слишком часто археологи ошибочно отождествляют взаимовлияния и миграции археологической культуры с миграциями массивов населения. Подобный крен ведет, по его мнению, к смешению культурных и этнических начал, что и произошло в 1920–30-е годы в немецкой археологии.

Спустя несколько лет Тальгрэн вернулся к обсуждению вопросов этноса и этногенеза в древности [277]. В статье «Этногенез», или размышления о рождении наций» он попытался обрисовать в общих чертах процесс зарождения нации (этноса). Ученый не согласился с той точкой зрения, что основные черты национальной культуры могут быть прослежены вглубь веков на определенной территории. Финский археолог, напротив, был убежден, что цивилизованные нации все гетерогенны по своей природе и сотканы из различных элементов. Михаил Маркович допускал, что только в отдаленных или изолированных областях этногенез представлял собой менее сложный процесс, и только тогда ученые имеют возможность реконструировать глубинные истоки того или иного народа на территории его проживания.

К концу 1930-х годов Тальгрэн пришел к убеждению, что нельзя распознать народы или этнические группы по археологическому материалу. В 1939 г. он высказал идею о том, что народ возникает из различных элементов, и их истоки могут быть различными [Ibid.]. Выйдя в своих исследованиях в 1920-е годы на широкий евразийский простор, финский ученый отверг мысль о единстве народов, языков и культур. К середине 1930-х годов он воспринял новые для себя идеи. Контакты с Г. Чайлдом и А.В. Брёггером, а также с советскими коллегами укрепили его в понимании поиска в археологических исследованиях прежде всего как синтеза, нежели анализа. Хотя Тальгрена часто называют функционалистом, это не следует воспринимать прямолинейно, полагая, что он выстраивал анализ предметов на основе их функций. Скорее можно сказать, что функция в его работах означает род восприятия культуры в целом, место и задачу предмета в самой культуре.

5. «Уроки» Тальгрена (вместо заключения). То, что успел сделать за свою довольно короткую жизнь в науке финский ученый, вызывало у его современников и последующих поколений археологов

удивление и восхищение. Но звучала и трезвая оценка его творческого наследия, и это один из важнейших «уроков» Тальгрена, который для нас весьма поучителен. Первый биограф Тальгрена Элла Кивикоски отмечала «всеядность», бескрайний хронологический и тематический размах задуманного и сделанного им в науке. Финский археолог стремился «опубликовать весь материал, собранный им в Восточной Европе, и снабдить его своими выводами и заключениями, и всё это как можно быстрее. Возникает ощущение – он всё время опасался, что время его иссякнет, и спешил с публикацией своих работ, что часто сказывалось на их качестве. Без сомнения, во многих случаях они были бы лучше, если бы он больше времени посвятил обдумыванию своих выводов» (Kivikoski, 1954a. P. 108).

Эти не лучшие черты Тальгрена-исследователя были заметны уже в его первой большой работе. Осенью 1911 г. при публичном обсуждении диссертации молодого ученого официальный оппонент Юлиус Айлио, несмотря на общую положительную оценку, весьма критически отозвался о рукописи. Его отзыв содержал серьезные и обоснованные замечания о структуре и презентации работы. Айлио указал на большое количество неточностей, неверных цитат и ссылок. Некоторые выводы диссертанта он посчитал недостоверными (Ibid. P. 99).

С другой стороны, Элла Кивикоски признает, что если бы Тальгрен «уделял больше внимания детальному исследованию интересовавших его вопросов, он никогда бы не смог обработать и осмыслить такое огромное количество фактического материала, происходящего с такой обширной географически территории» (Ibid. 111).

Творческий путь Тальгрена можно сравнить с погоней охотников бушменов за антилопой в пустыне Калахари. Как ни быстра антилопа, она не выдерживает погони, и ее настигает копые охотника. Финский археолог до поры до времени выдерживал погоню за материалом. Благодаря своим публикациям он, вне всякого сомнения, стал величайшим знатоком эпохи раннего металла Восточной Европы и в целом Северной Евразии. Но к середине 1930-х годов сил для дальнейшей погони уже не было, наступил предел – широкомасштабные раскопки, развернувшиеся на новостройках СССР, вынудили его признать, что новый необъятный археологический материал он

уже не в состоянии освоить, что пришло время передать эстафету молодому поколению исследователей. В 1937 г. в статье «Исследования бронзового века Северного Причерноморья» [262], обсуждая связи этого региона с культурами восточных областей Евразии, Тальгрэн написал, словно оставляя завещание: «Здесь я откладываю свое перо: проблемы бронзового века Причерноморья должны быть решены другими» [262, p. 121].

В 1938 г. в послесловии к XII – последнему – тому журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” его редактор сделал своего рода научное завещание [272], постаравшись свести воедино самые важные проблемы археологии Северной Евразии, которые до поры до времени ожидали своего обсуждения. В лесной зоне Тальгрэн обращал внимание на необходимость изучения каменного века на северо-западе СССР, антропоморфных и зооморфных изображений в искусстве каменного века этого региона, доистории на Онежском озере и южном побережье Белого моря, культурного комплекса Сейма–Галич–Андроновое («особенно важная тема»), доистории Урала и таежных районов Северной Азии до 600 г. н.э., т.н. приуральских («пермских») и западносибирских («азиатских») шаманских «кладов» (включая их типолого-морфологический анализ), т.н. ананьинских городищ, эпохи великого переселения народов в центре Восточной Европы, т.н. «эмалевой» культуры, железного века в Ингерманландии, балтийских влияний на культуру Прикамья, пьяноборской культуры, железного века в Белоруссии. На юге России требовали изучения, по мнению Тальгрена, следующие проблемы: отношения между Ираном и Бактрией, северо-западными районами Индии и Западной Сибирью, наскальные изображения Западной Сибири с социологической точки зрения, бронзовый век Казахстана, восточные влияния и связи балкано-карпатского («венгерского») бронзового века, доистория Крыма, археологические древности в устье Днепра, бронзовый век Западного Кавказа, анатолийские элементы в бронзовом веке Северного Причерноморья и трипольская культура на Украине.

На склоне лет, будучи тяжело больным, Тальгрэн иначе, нежели в расцвете сил, оценивал сделанное им в науке. Элла Кивикоски свидетельствует, что его не покидали сомнения в ценности своей работы, за которой «не стоит ничего ни в

интеллектуальном, ни в финансовом плане, и после его смерти всё пойдет прахом, рассыплется, как карточный домик» (Kivikoski, 1954a. P. 117). Тальгрена угнетало, что им «не подготовлено ни одного ученика, всю жизнь он гнался за масштабом работ, а надо было бы, возможно, пахать свое поле глубже и воспитывать новое поколение исследователей, которые могли бы продолжить его дело» (Ibid. P. 117, 118).

На столь нелюбимую оценку собственного научного наследия, безусловно, повлияли болезнь и связанные с ней усталость, депрессия и чувство опустошенности. Отсутствие непосредственных учеников объяснялось, по мнению Эллы Кивикоски, особым подходом Тальгрена к преподаванию: «Он никогда не заставлял студентов идти вслед за собой, по проторенным тропам, основной своей задачей он видел стимулирование познавательного интереса молодежи, хотел лишь познакомить их с фундаментальными задачами и научными проблемами и открыть им глаза на широкое поле для собственных исследований» (Ibid. P. 118). Заметим, что для многих молодых археологов СССР общение с Михаилом Марковичем стало своего рода незримым, неофициальным научным колледжем, в рамках которого осуществлялось их взаимодействие, обучение и помощь от старшего собрата по науке. Это не научная школа, но влияние личности финского ученого, безусловно, во многом определило характер развития отечественной археологической науки в 1920–30-е годы, особенно в области бронзового и раннего железного веков.

Этот незримый колледж Тальгрена, а также его подвижническая деятельность на посту редактора журнала “*Eurasia Septentrionalis Antiqua*” способствовали тому, что в 1920–30-е годы не угасло международное сотрудничество советских археологов с западными коллегами. Научное наследие финского археолога продолжает оставаться актуальным и востребованным. Интерес к нему в наши дни становится всё заметнее. Тальгрэн по-прежнему остается активной действующей фигурой отечественной археологии. И в этой связи, конечно, являются пророческими его собственные слова, выбитые на его могильной плите: «То, что сделано, продолжает жить».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аппельгрэн-Кивало Я.* Основные черты скифо-пермского орнаментального стиля // Труды XV АС. Т. I. М., 1914.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Судьба ученого: жизнь Василия Алексеевича Городцова в его дневниках и воспоминаниях // РА. 2011а. № 1. С. 154–165.
- Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., Сафонов И.Е.* Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова (к 150-летию со дня рождения) // Российский археологический ежегодник. 2011б. № 1. С. 472–510.
- Белокобыльский Ю.Г.* Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований XVIII – первой трети XX вв. Новосибирск, 1986.
- Буровский А.М., Детлова Е.В.* Конфликт профессиональных культур (к истории взаимоотношений В.А. Городцова и Геро Мергарта) // История археологии: личности и школы. СПб., 2011. С. 127–133.
- Быковский С.Н.* Археология и политика. По поводу недоразумений проф. А.М. Тальгрена // СГАИМК. 1932. № 7–8. С. 40–43.
- Вдовин А.С., Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Макаров Н.П.* К истории красноярской археологии: международные связи // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 5. Красноярск, 2010. С. 106–119.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24. Кемерово, 2006. С. 168–174.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В.* Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 96–108.
- Городцов В.А.*, 1901. Русская доисторическая керамика // Труды XI АС. Т. I. М., 1901. С. 577–672.
- Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII АС. Т. I. М., 1905. С. 174–225.
- Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде,

- Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII АС. Т. I. М., 1907. С. 210–285.
- Городцов В.А. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1908.
- Городцов В.А. Бытовая археология: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1910.
- Городцов В.А. Руководство для археологических раскопок. М., 1914.
- Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. М., 1915. С. 121–226.
- Городцов В.А. Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг., 1923.
- Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. 1927. Т. VII. Стлб. 610–626.
- Городцов В.А. К вопросу о киммерийской культуре // ТСА РАНИОН. 1928а. Т. II. С. 46–60.
- Городцов В.А. Галичские клад и стоянка // ТСА РАНИОН. 1928б. Т. III. С. 13–54.
- Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В.А. Городцова и Г. Мергарта в контексте истории науки // STRATUM plus. 2014. № 1. С. 211–227.
- Заусайлов В.И. Древние каменные орудия, собранные в пределах Казанской губернии. Казань, 1884.
- Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Ковалевская В.Б. Типологический метод В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 192–199.
- Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1993. Вып. 3. С. 61–109.
- Кузьминых С.В. Отто Николаевич Бадер и отечественная археология эпохи раннего металла // РА. 2004а. № 4. С. 142–150.
- Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин (1890–1932). Казань, 2004б.
- Кузьминых С.В. Письма В.Н. Чернецова А.М. Тальгрину: прерванный диалог // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти Валерия Николаевича Чернецова. М., 2006. С. 17–34.
- Кузьминых С.В. А.А. Спицын и А.М. Тальгрин: из истории отечественной археологии начала XX века // ТАС. 2011. Вып. 8. Т. II. С. 5–27.
- Кузьминых С.В. А.М. Тальгрин в научной судьбе М.П. Грязнова (по материалам писем М.П. Грязнова) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: ММНК, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1. СПб., 2012. С. 65–73.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Ученый и революция: В.А.Городцов в 1920-е годы // Вестник РГНФ. 2012а. № 1 (66). С. 30–44.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Русская археология на переломе эпох: В.А.Городцов в 1920-е годы // Евразийский археолого-историографический сборник. СПб. Красноярск, 2012б. С. 131–152.
- Кузьминых С.В., Вдовин А.С. К истории археологической коллекции И.П. Товости-на // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3. Красноярск, 2007. С. 88–91.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрин: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Ч.1. М., 2003. С. 6–8.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. Проблемы эпохи раннего металла в научном наследии А.А. Спицына // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 2009. С. 145–162.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен: Материалы к биографии. Самара, 2007.
- Кузьминых С.В., Тишкина Т.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С.Гуляева А.М.Тальгрину) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул, 2009. С. 178–190.
- Кузьминых С.В., Усачук А.Н. «Милльон этой власти проклятий!..» (письма Н.Е. Макаренко А.М. Тальгрину) // История археологии: личности и школы (к 160-летию В.В. Хвойки). СПб., 2011. С. 195–216.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в

- скифо-сарматское время: Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа, 2006. С. 162–170.
- Максименков Г.А.* Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960. № 1. С. 148–162.
- Платонова Н.И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
- Полонская Н.Д.* IV Областной археологический съезд в г. Костроме // ИОРЯСАН. 1911. Т. 16. Вып. 1. С. 121–135.
- Равдоникас В.И.* Археология на Западе и в СССР в наши дни // СГАИМК. 1932. № 9–10. С. 12–23.
- Сакса А.И., Таавитсайнен Ю.П.* Переписка Б.А. Латынина и Т.С. Пассек с А.М. Тальгреном (1926–1931) // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина: Сборник материалов. СПб., 2000. С. 63–75.
- Салминен Т.* Финские археологи в России и Сибири в 1870–1935 годы // АЭАЕ. 2007. № 1 (29). С. 100–110.
- Салминен Т. И.Р.* Аспелин – А.М. Тальгреном и проблема Урало-Алтайского бронзового века // РА. 2011. № 4. С. 130–139.
- Спицын А.А.* Археологические раскопки. СПб., 1910.
- Спицын А.А.* Разведки памятников материальной культуры. Пособие для краеведов. Л., 1927.
- Спицын А.А.* Карта бронзового века Восточной Европы // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, изданный Семинарием им. Н.П. Кондакова. Прага, 1928а. Т. II. С. 77–84.
- Спицын А.А.* Мои научные работы // *Seminarium Kondakovianum*: Сборник статей по археологии и византиноведению, изданный Семинарием им. Н.П. Кондакова. Прага, 1928а. Т. II. 1928б. С. 331–342.
- Студзицкая С.В., Кузьминых С.В.* Галичский клад: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 123–165.
- Соловьёва Н.Ф.* Отдел охранной археологии // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб., 2013. С. 243–260.
- Тальгрено А.М.* Родиноведение в Финляндии: (Задачи, история и современная его организация). Пер. с фин. СПб., 1913.
- Тункина И.В.* «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России: Альманах. СПб., 2000. Вып. II. С. 116–161.
- Халиков А.Х.* Отчет о командировке в Финляндию. М., 1962.
- Худяков М.Г.* Ананьинская культура // Казанский губернский музей за 25 лет: Юбилейный сборник статей. Казань, 1923. С. 72–126.
- Черных, Е.Н., Кузьминых С.В.* Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
- Черных, Е.Н., Кузьминых С.В.* Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 94–101.
- Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013а. № 2. С. 40–63.
- Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // Поволжская археология. 2013б. № 2. С. 64–103.
- Шлыгина Н.В.* История финской этнологии. М., 1995.
- Åyräpää A.* Über die Streitaxtkulturen in Russland // ESA. 1933. T. VIII. S. 1–160.
- Eurasia Septentrionalis Antiqua I–XII. General Register // ESA. Supplementary Volume. 1954. P. 5–76.
- Kivikoski Ella.* A. M. Tallgren // ESA. Supplementary Volume. 1954a. P. 77–121.
- Kivikoski Ella.* The Bibliography of A. M. Tallgren // ESA. Supplementary Volume. 1954b. P. 122–145.
- Kokkonen Jyri.* Aarne Michaël Tallgren and Eurasia Septentrionalis Antiqua // FA. 1985. Vol. II. P. 3–10.
- Kuzminyich S.V.* Osteuropäische und fenno-skandinavische Tällebeile des Mälartyps: ein Rät-

- sel der Archäologie // FA. 1996. Vol. XIII. S. 3–27.
- Minns E.H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
- Montelius O.* Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien // Archiv für Anthropologie. 1912. Bd. XXV–XXVI.
- Nordman C.A.* Archaeology in Finland before 1920. Helsinki, 1968. 82 p. (The History of Learning and Science in Finland 1828–1918. Vol. 14a).
- Salminen T.* National and international influences in the Finnish archaeological research in Russia and Siberia // FA. 2003a. Vol. XX. P. 101–114.
- Salminen T.* Suomen tieteiliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. Helsinki 2003b. (SMYA. Vol. 110).
- Salminen T.* Searching for the Finnish roots – archaeological cultures and ethnic groups in works of Aspelin and Tallgren // People, material culture and environment in the north. Proceedings of the 22nd Nordic Archaeology Conference, University of Oulu, 18–23 August 2004. Oulu, 2006. P. 26–32. (Studia humaniora ouluensia. Vol. 1).
- Salminen T.* The Ural-Altai Bronze Age as seen by J.R. Aspelin and A.M. Tallgren // FA. 2007. Vol. XXIV. P. 39–51.
- Salminen T.* In between research, the ideology of ethnic affinity and foreign policy: the Finno-Ugrian Society and Russia from the 1880s to the 1940s // The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society. Helsinki, 2009. P. 225–262. (SUST. T. 258).
- Salminen T.* Die ostrussische Bronzezeit in der Korrespondenz von Arne Michael Tallgren und Gero von Merhart // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. S. 113–127. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).
- Salminen T.* A.M. Tallgren, Totalitarismus und vorgeschichtliche Archäologie // PZ. 2011. Bd. 86: 2. S. 272–288.
- Salminen, T.* Colleagues, Friends and Opponents. The International Contacts of Finnish Archaeologists 1870–1950. Helsinki, 2014. (SMYA. Vol. 122)
- Schmidt A.V.* Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // FUF, Anzeiger. 1927. Bd. XVIII: 1–3. S. 1–14.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ А.М. ТАЛЬГРЕНА, СВЯЗАННЫХ С ПРОБЛЕМАТИКОЙ РУССКОЙ И СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ¹

С.В. Кузьминых (Москва) и Т. Салминен (Хельсинки) (составители)

List of the published works of A. M. Tallgren related with the problems
of Russian and Soviet archaeology

S.V. Kuzminych (Moscow), T. Salminen (Helsinki)

Публикуемый ниже библиографический список содержит перечень трудов А.М. Тальгрена, которые связаны с его исследованиями по археологии Северной Евразии и прежде всего Российской империи и СССР. Список базируется на указателе, составленном Эллой Кивикоски (Kivikoski, 1954b); добавлены единичные не учтенные ею работы (№53).

Публикацию данного библиографического списка мы считаем крайне необходимым делом. Из поля зрения российских исследователей по сути выпадал огромный блок работ Тальгрена, опубликованных на финском, шведском, венгерском, эстонском и других языках. Мы сопроводили оригинальные названия публикаций их переводом на русский язык. Надеемся, что наш труд стимулирует интерес к научному наследию Тальгрена в российской археологической науке.

С.В. Кузьминых, Т. Салминен

1. Auringon palvelemisesta Pohjois-Europassa esihistoriallisena aikana [О культуре солнца в Северной Европе в доисторическое время] // Valvoja. Helsinki, 1906. P. 637–650.
2. Eikö pronssikautta ollut olemassa? [Бронзового века не было?] // Valvoja. Helsinki, 1906. P. 699–704.
3. Yhteydestä Välimeren maiden ja Pohjois-Euroopan välillä kuningas Hammurabbin ajoista Persialaissotiin [О связи между Средиземноморьем и Северной Европой со времени царя Хаммурапи до Персидских войн] // HAik. 1906. P. 1–7.
4. Рец.: Milloin tulivat suomalaiset Suomeen. Alfred Hackman. Die ältere Eisenzeit in Finnland I [Когда финны пришли в Финляндию. Альфред Гакман. Ранний железный век в Финляндии. Т. I] // Helsingin Sanomat 1.3.1906.
5. Рец.: M. Much. Die Trugspiegelung orientalischer Kultur in den Vorgeschichtlichen Zeitaltern Nordeuropas [М. Мух. Ложное отражение восточной культуры в Северной Европе в доисторические времена] // HAik. 1906. P. 185–186.
6. Kivikautinen taideteos Säkkijärveltä [Произведение искусства каменного века из Сяккиярви] // SM–FM. 1907. P. 67–72.
7. Pronssikausi – ? II [Бронзовый век – ? II] // Valvoja. Helsinki, 1907. P. 435–438.
8. Sortavalan museon kivikalukokoelmista [О коллекциях каменных предметов в музее Сортавалы] // Laatokka 13.7.1907.
9. Ensikertalaisena Venäjällä. Kasaniin [Впервые в России. В Казани] // Helsingin Sanomat 3.11.1908.
10. Kuinka muinainen Skyytia taas tuli tunnetuksi [Как античная Скифия снова стала известна] // Helsingin Sanomat 21.10.1908.
11. Moskovan arkeologiset museot [Археологические музеи Москвы] // Päivä. Helsinki, 1908. S. 340–342, 356–358.
12. Muutamia Lontoon museoita [Некоторые музеи Лондона] // Päivä. Helsinki, 1908. P. 70–73, 89–90.
13. Tilaisuus, joka ei koskaan uusiudu (Zausailovin kokoelma) [Случай, который никогда больше не представится (коллекция Заусайлова)] // Päivä. Helsinki, 1908. P. 419–420.
14. Tärkeitä uusia muinaislöytöjä Moskovan historiallisessa museossa [Новые важные

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 14-01-00348а) и РФФИ (проект № 14-06-00287).

- археологические находки в Московском Историческом музее] // Helsingin Sanomat 11.12.1908.
15. Ural-altalaisesta pronssikaudesta [Об урало-алтайском бронзовом веке] // HAik. 1908. P. 148–165.
16. Arkangelista Pinegajoelle [От Архангельска до реки Пинеги] // Helsingin Sanomat 7.8.1909.
17. Harakkavuorten kylässä. Päiväkirjastani Itä-Venäjältä [Из деревни Сорочьи горы. Из моего дневника в Восточной России] // Kyläkirjaston Kuvalehti, B-sarja. Helsinki, 1909. P. 148–150.
18. Itä-venäläiset kylät – sellaisiksiko karjalaisetkin? [Села Восточной России – и карельские тоже будут такими же?] // Päivä. Helsinki, 1909. P. 309–310.
19. Kotiseutututkimusharrastuksia Vjatkan läänissä [Краеведческие исследования в Вятской губернии] // Päivä. Helsinki, 1909. P. 233–234.
20. Muinainen Bjarmaland [Древняя Биармия] // HAik, E. G. Palmén-juhlaulkaisu. Helsinki, 1909. P. 100–110.
21. Suomensuvun alkukoti – Ranska! [Прародина финского племени – Франция!] // Päivä. Helsinki, 1909. P. 319–320.
22. Tshuudilaisia muinaisjäännöksiä entisessä Bjarmalandissa [Чудские древности бывшей Биармии] // Päivä. Helsinki, 1909. P. 230–231.
23. Vanhimpia itämaisia peilejä [Древнейшие восточные зеркала] // SM–FM. 1909. P. 94–101.
24. Forskningsrapport på en bronsåldersfyndplats i Kemi [Исследования на местонахождении бронзового века в Кемии] // FM. 1910. S. 20–24.
25. Galitschin aarre [Галичский клад] // Helsingin Kaiku 1910. P. 507.
26. Kevitsan “jumalainen” [Божок из Кевитсы] // Kotiseutu. Helsinki, 1910. P. 36–37.
27. Kotiseutuyhdistys Vjatkan läänissä Venäjällä [Краеведческое общество в Вятской губернии в России] // Kotiseutu. Helsinki, 1910. P. 37–39.
28. Rajan tuolta puolen. Turistina Itä- ja Pohjois-Venäjällä [С другой стороны границы. В качестве туриста в Восточной и Северной России]. Porvoo, 1910. 87 p.
29. Skandinaviska järnåldersföremål i östra Ryssland [Скандинавские предметы железного века в Восточной России] // FM. 1910. S. 62–64.
30. Sorotsji Gorin muinaislinna [Городище Сорочьи горы] // SM. 1910. P. 49–56.
31. Alkkulan kivi-pronssikauden löytö [Находка каменного и бронзового века из Алккулы] // SM. 1911. P. 49–57.
32. Bronsåldern i Finland [Бронзовый век в Финляндии] // FM. 1911. S. 25–30.
33. Den Mannerheimiska samlingen i Nationalmuséet [Коллекция Маннергейма в Национальном музее] // Veckans Krönika. Helsingfors, 1911. S. 126–128.
34. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland [Медный и бронзовый век в Северной и Восточной России. I. Медный и бронзовый век в Северо-Западной России. Эпоха раннего металла в Восточной России]. Helsinki, 1911. IX + 229 s. (SMYA. T. XXV: 1)
35. Suomen pronssikausi [Бронзовый век Финляндии] // Helsingin Sanomat 30.4.1911.
36. Johan Reinhold Aspelin // Valvoja. Helsinki, 1912. P. 653–659.
37. Die Bronzcelte vom sog. Ananintypus [Бронзовые кельты так называемого ананьинского типа] // FUF. 1912. Bd. XII. S. 76–85.
38. Die kupfernen Flachäxte mit seitlichen Zapfen [Медные плоские топоры с цапфами] // SMYA. 1912. T. XXVI. S. 21–28.
39. “Galitschin aarre” Venäjällä [“Галичский клад” в России] // Nuori Voima. Helsinki, 1912. P. 48–51.
40. Pronssisirpitiä Itä-Venäjällä [Бронзовые серпы в Восточной России] // SM. 1912. P. 32–38.
41. Hj. Appelgren-Kivalo 60 vuotias [Яльмару Аппельгрэн-Кивало 60 лет] // Helsingin Sanomat 5.4.1913.
42. Mathias Aleksanteri Castrén // Kansanvalistusseuran Eduskerttoja. T. 18. Helsinki, 1913. 133 p.
43. M. A. Castrén // Uusi Aura 2.12.1913.
44. M. A. Castrénin mukana joulua viettämässä Jäämeren rannalla [Рождество с М. А. Кастреном в Приполярье] // Lasten Joulu. Helsinki, 1913. P. 24–30.
45. Die bronzenen Speerspitzen Ostrusslands mit zwei Ausschnitten im Blatt [Бронзовые наконечники копий Восточной России с двумя отверстиями на крыльях пера] // Opuscula

- archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata. Stockholm, 1913. S. 115–123.
46. Djurhuvudxor av brons från östra Ryssland [Бронзовые секиры с головами животных из Восточной России] // FM. 1913. S. 33–39.
47. Eräs 2000 vuoden vanha kuningashauta muinaisessa Skyutiassa [Царская могила 2000-летней давности в древней Скифии] // Otava. Helsinki, 1913. P. 401–407.
48. Eräs keihäänteryhmä Itävenäjän loppuvalta pronssikaudelta [Об одной группе наконечников копий позднего бронзового века Восточной России] // SM. 1913. P. 9–11.
49. Itä-Venäjän pronssikausi [Бронзовый век Восточной России] // Valvoja. Helsinki, 1913. P. 673–682.
50. Kuvakirjoituksia kallioissa 3000 vuotta sitten [Рисункам на скалах 3000 лет] // Joulupuhteiksi pojille ja tytöille. T. III. Helsinki, 1913. P. 66–76.
51. P.A. Ponomarewin löydöt Ananjinon kalmistossa v. 1881 [Находки П.А. Пономарева в Ананьинском могильнике в 1881г.] // SM. 1913. P. 37–46.
52. A keletoroszországi bronzkorszakról [О бронзовом веке в Восточной России] // Archaeologiai Ertesitx. T. XXXIV. Budapest, 1914. S. 73–83.
53. Находка в Галиче и так называемая Фатьяновская культура // Труды XV АС. Т. 1. М., 1914. С. 149.
54. Den östeuropeiska bronsålderskulturen i Finland [Культура бронзового века в Финляндии: восточноевропейский след] // FM. 1914. S. 11–22.
55. Erään skyyttalaiskuninkaan hautakammio [Погребальная камера скифского царя] // Helsingin Kaiku 1914. P. 70–71.
56. Рец.: Т. J. Arne. La Suède et l’Orient // HAik. 1914. P. 375–378.
57. Aasian matkalta [О путешествии в Азию] // Helsingin Kaiku 1915. P. 316–317.
58. Ett viktigt fornyfynd från mellersta Ryssland [Важная археологическая находка из Центральной России (Сейма)] // FM. 1915. S. 73–86.
59. “Kaman-takaiset” hopeat [Серебро из Закамья] // Valvoja. Helsinki, 1915. P. 211–218.
60. Keski-Siperian arolla [В степях Центральной Сибири] // Otava. Helsinki, 1915. P. 481–484.
61. Minusinskin arohaudat [Степные могилы в Минусинске] // SM. 1915. P. 91–100.
62. Minusinskin aroja pitkin ja poikki [Минусинские степи вдоль и поперек] // Uusi Aura 4.8.1915.
63. Polttokalmistoja suomensuvun asuma-alueella [Погребальные поля с трупосожжениями в ареале обитания финского племени] // Virittäjä. Helsinki, 1915. P. 139–142.
64. Pronssikautisia valimia Itä-Venäjältä ja Siperiasta [Литейные формы бронзового века из Восточной России и Сибири] // SM. 1915. P. 67–78.
65. Siperian aroilla [В степях Сибири] // Uusi Aura 30.7.1915.
66. “Svärdstavar” från Ural och Sibirien [“Мечевидные штыки” с Урала и из Сибири] // FM. 1915. S. 96–101.
67. Tovostinin muinaisesinekokoelma [Товостинская коллекция древностей] // Nuori Suomi. Helsinki, 1915. P. 247–255.
68. Uralille ja Altaille [К Уралу и Алтаю] // Helsingin Sanomat 17.7., 20.7., 22.7., 23.7.1915.
69. Vanhassa Permassa [В древней Перми] // Nuori Voima. Helsinki, 1915. P. 335–337.
70. J. R. Aspelin // HAik. 1916. P. 91–99.
71. Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l’âge du bronze [Собрание Заусайлова в Историческом музее Финляндии в Гельсингфорсе. I. Каталог коллекции бронзового века]. Helsingfors, 1916. 47 p. + XVI pl.
72. En utställning af bronsåldersföremål [Выставка предметов бронзового века] // Hufvudstadsbladet 6.4.1916.
73. En utställning af varägiska fornsaker från Ryssland [Выставка варяжских предметов из России] // Hufvudstadsbladet 19.4.1916.
74. Fornsaker från Olonets på Historiska Museet i Helsingfors [Археологические предметы из Олонца в Историческом Музее Гельсингфорса] // FM. 1916. S. 24–35.
75. Рец.: Т. J. Arne. La Suède et l’Orient [Т.Ю. Арне. Швеция и Восток] // FM. 1916. S. 73–74.
76. Miscellanea archaeologica [Археологические заметки] // SM. 1916. P. 60–65.

77. Muinaisesineitä itäiseltä Uralilta Suomen kansallismuseossa [Археологические предметы с Восточного Урала в Национальном музее Финляндии] // SM. 1916. P. 11–20.
78. Pohjois- ja Keski-Venäjän paikalliset tutkimusseurat [Местные исследовательские общества в Северной и Центральной России] // Kotiseutu. Helsinki, 1916. P. 30–32.
79. Pronssikautinen näyttely Kansallismuseossa [Выставка предметов бронзового века в Национальном музее] // Uusi Suometar 6.4.1916.
80. Ruotsin viikinkien muistoja Venäjältä. Erikoisnäyttely Kansallismuseossa [О шведских викингх в России. Временная выставка в Национальном музее] // Helsingin Sanomat 19.4.1916.
81. Suomen suvun asuma-alueen muinaisuudesta [Из доистории ареала обитания финского племени] // HAik. 1916. P. 273–303.
82. Sveriges förbindelser med Ryssland under bronsåldern [Связи Швеции с Россией в бронзовом веке] // Finsk Tidskrift. T. LXXX. Helsingfors, 1916. S. 362–374.
83. Tuntematon vaskikautinen kultuuri [Неизвестная культура медного века] // Valvoja. Helsinki, 1916. P. 20–27.
84. Catalogue de la collection de la M. Znamenski [Каталог коллекции М. Знаменского] // SMYA. 1917. T. XXIX: 4. 29 p. + VI pl.
85. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne [Коллекция доисторических древностей Товостина из Минусинска, приобретенная Карлом Хедманом. Этюды о сибирской археологии]. Helsingfors, 1917. 93 p. + XII pl.
86. Два железных меча в Сарапульском музее // Известия Общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917. Вып. 1. С. 20–24.
87. Finlands andel i utforskandet av Asiens forntid [Участие Финляндии в исследовании древностей Азии] // Finsk Tidskrift. T. LXXXII. Helsingfors, 1916. S. 235–248.
88. Missä uutta Venäjää luodaan [Где создается новая Россия] // Kansanvalistus. Helsinki, 1917. P. 86–87.
89. Muinaisen Keski-Aasian aarteita [Клады древней Центральной Азии] // Nuori Voima. Helsinki, 1917. P. 43–46.
90. Muutamia siperialais-uralilaisia onsikeltejä [Некоторые сибирско-уральские втульчатые кельты] // SM. 1917. P. 23–25.
91. Suomeen ostettu siperialainen muinaisesinekokoelma [Археологическая коллекция из Сибири, купленная в Финляндию] // Helsingin Sanomat 29.6.1917.
92. Suomen osuus Aasian muinaisuuden tutkimiseen [Участие Финляндии в исследовании древностей Азии] // Valvoja. Helsinki, 1917. P. 329–340.
93. Vapaan Venäjän Venäjän tieteelle [О науке свободной России] // Ad Interim. № 1. Helsinki, 1917. P. 6.
94. Bronzezeitliches im Uralgebirge [Эпоха бронзы на Урале] // SUSA. 1918. T. XXX: 23. 16 s.
95. Collection Zaoussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary [Собрание Заусайлова в Национальном музее Финляндии в Гельсингфорсе. II. Монография о находках железного века и так называемой болгарской эпохи]. Helsingfors, 1918. 59 p. + XII pl.
96. Финляндия и востокъ // Северный музей. 21.12.1918. № 9.
97. Muinaistutkimuksen työmaalta [С поприща исследования древностей]. Helsinki, 1918. 200 p.
98. Бронзовые топоры с головами животных из Восточной России // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. С. 121–126.
99. Den Mannerheimska samlingen i Nationalmuséet [Коллекция Маннергейма в Национальном музее] // Veckans Krönika. Helsingfors, 1919. S. 126–128.
100. Den ural-altaiska arkeologins uppgifter [Задачи урало-алтайской археологии] // Finsk Tidskrift. T. LXXXVI. Helsingfors, 1919. S. 262–281.
101. Itämainen tiedekunta yliopistoon [Восточный факультет в университете] // Helsingin Sanomat 9.1.1919.
102. Keski-Siperian pronssikausi [Бронзовый век в Центральной Сибири] // Tiede ja elämä. T. I. Helsinki, 1919. P. 273–281.

103. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale [Медный и бронзовый век в Северной и Восточной России. II. Ананьинская эпоха в Восточной России]. Helsinki, 1919. 203 p. (SMYA. T. XXXI: 1)
104. Nekrologeja (Hoernes, Smirnov, Veselovski) [Некрологи: Гернес, Смирнов, Веселовский] // SM. 1919. P. 25–26.
105. Perman muinaismuistot [Из истории пермских древностей] // Helsingin Sanomat 27.7., 29.7., 3.8.1919.
106. Sarapul // Helsingin Sanomat 27.4.1919.
107. Skyytalais-kulttuurin jälkiä Itä-Venäjän loppuvassa pronssikaudessa [Следы скифской культуры в позднем бронзовом веке Восточной России] // Valvoja. Helsinki, 1919. P. 196–209.
108. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen retkikunnaat Aasiaan 1887–1889 [Экспедиции Финского общества древностей в Азию (1887–1889 гг.)] // HAik. 1919. P. 62–77.
109. Trouvailles Trouvailles isolées sibériennes préhistoriques au Musée National de Finlande [О некоторых сибирских древностях в Национальном музее Финляндии] // SMYA. 1919. T. XXIX: 3. 22 p. + IV pl.
110. Uraali-altailaisen arkeologian tehtäviä [Задачи урало-алтайской археологии] // SM. 1919. P. 1–17.
111. Yliopisto ja Orientin tutkimus [Университет и исследование Востока] // Helsingin Sanomat 16.1.1919.
112. Рец.: Sakari Pälsin matkakuvaukset Pohjankävijän päiväkirjasta [Описание путешествия Сакари Пялси. Из дневника путешественника по северу] // Helsingin Sanomat 21.12.1919.
113. Den äldsta östryska bronsåldern [Ранний бронзовый век Восточной России] // Rig. Stockholm, 1920. S. 65–72.
114. Два могильника железного века в Казанском уезде // ИОАИЭ. 1920. Т. XXX, вып. 3. С. 261–265.
115. L'âge du cuivre dans la Russie central [Медный век в центре Европейской России] // SMYA. 1920. T. XXXII: 2. 23 p.
116. Muinaisajan kuolinnaamioita [Доисторические погребальные маски] // Valvoja. Helsinki, 1920. P. 9–17.
117. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen 50-vuotiskertomus [Финскому обществу древностей 50 лет]. Helsinki, 1920. 280 p. (SMYA. T. XXX: 3)
118. Suuri muinaistieteellinen tehtävä [Великая археологическая задача] // Helsingin Sanomat 28.2.1920.
119. Tietojemme rajoilta historiassa [За пределами наших познаний в истории]. Porvoo, 1920. 262 p.
120. Suomen suvun alkukodista ja esihistoriallisista vaiheista [О прародине и древней истории финского племени] // Valvoja. Helsinki, 1921. P. 65–72.
121. Suomensuvun kaukainen koti [Далекая родина финского племени] // Nuori Voima. Helsinki, 1921. P. 140–142.
122. Trouvailles tombales sibériennes en 1889 [Исследования сибирских памятников в 1889 г.] // SMYA. 1921. T. XXIX: 2. 23 p.
123. Zur Einwanderung der Esten [К вопросу о миграции эстов] // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1912–1920. Tartu, 1921. S. 185–196.
124. Рец.: Т. И. Итконен. Suomensukuiset kansat [Т.И. Итконен, Финно-угорские народы] // Helsingin Sanomat 20.7.1921.
125. Vanhimmat historialliset tiedot Suomen suvun asuma-aloista muinais löytöjen valossa [Древнейшая историческая информация из ареалов обитания финского племени в свете археологических данных] // Valvoja-Aika. Helsinki, 1922. P. 56–62.
126. Zur Archäologie Eestis I. Vom Anfang der Besiedelung bis etwa 500 n. Chr. [К археологии Эстонии. Т. I. От начала заселения до ~ 500 года нашей эры]. Tartu, 1922. 140 s. + III pl. (Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis, B III: 6)
127. Рец.: Venäjän kivikauden kysymyksiä. J. Ailio [Ю. Айлио. Вопросы русского каменного века] // HAik. 1923. P. 269–274.
128. De förhistoriska nationalitetsförhållandena i nordöstra Europa och speciellt i Ostbaltikum [Доисторические этнические связи в Северо-Восточной Европе и особенно в Восточной Балтике] // Rig. Stockholm, 1923. S. 127–136.
129. Eesti muuseum ja soome-ugri teaduse alad [Эстонский музей и финно-угроведение] // Odamees. № 2. Tartu, 1923.
130. Itäbaltikumien esihistoriallisista kansallisuusoloista [О доисторических

- этнических связях в Восточной Балтике] // *Suomi*. Т. V: 2. Helsinki, 1923. P. 330–347.
131. L'éthnographie préhistorique de la Russie du nord et des états Baltiques du nord [Доисторическая этнография на севере России и стран Балтики] // *Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis*. Bd. IV: 4. Tartu, 1923. 23 p.
132. Rahvuslikud olud eelajaloolisel ajal Ida-Baltikumis ja põhjapoolses Ida-Euroopas [Доисторические этнические связи в Восточной Балтике и Северо-Восточной Европе] // *Eesti Kirjandus*. Tartu, 1923. P. 200–211.
133. Aikamme tunnetuin naisarkeologi kuollut. Kreivitär P. S. Uvarova [Скончалась самая известная археологиня нашего времени. Графиня П.С. Уварова] // *Helsingin Sanomat* 16.9.1924.
134. Anan'ino // *Ebert, Reallexikon*, 1924. Т. I. S. 164–165.
135. Anau // *Ebert, Reallexikon*, 1924. Т. I. S. 167–168.
136. Bachmut // *Ebert, Reallexikon*, 1924. Т. I. S. 317.
137. Epoka bronzu w Rosji Wschodniej [Эпоха бронзы в Восточной России] // *Przeglad Archeologiczny*. Т. II: 4–6 (1922–1924). Warszawa, 1924. S. 1–10.
138. Fatjanovokulturen i Centralryssland [Фатьяновская культура в центре Европейской России] // *FM*. 1924. S. 1–30.
139. L'Orient et l'Occident dans l'âge du fer finno-ougrien jusqu'au IX:e siècle de notre ère [Восток и Запад в финно-угорском железном веке до IX века нашей эры] // *SMYA*. 1924. Т. XXXV: 3. 31 p.
140. Muinais- ja kansatieteellinen suunnitelma (Eurasia) [Об одном археологическом и этнографическом проекте (Евразия)] // *Helsingin Sanomat* 13.4.1924.
141. Museomiehen työpöydältä. Kirjoitelmia muinaistieteellisten ja antikvaaristen harrastusten historiasta Suomessa [С письменного стола исследователя древностей. Из истории археологических и антикварных разысканий в Финляндии]. Helsinki, 1924. 173 p.
142. Borodino // *Ebert, Reallexikon*, 1925. Т. II. S. 121.
143. Čudenschürfe [Чудские копи] // *Ebert, Reallexikon*, 1925. Т. II. S. 337.
144. Djadkoviči // *Ebert, Reallexikon*, 1925. Т. II. S. 433.
145. Eurasische Bronzezeit [Бронзовый век Евразии] // *Ebert, Reallexikon*, 1925. Т. III. S. 151–152.
146. Fatjanovo, Fatjanovo-Kultur [Фатьяново, фатьяновская культура] // *Ebert, Reallexikon*, 1925. Т. III. S. 192–193, Taf. 32, 33.
147. Felsenzeichnung: Sibirien und die nw. Mongolei [Наскальная живопись: Сибирь и Монголия] // *Ebert, Reallexikon*, 1925. Т. III. S. 223–225.
148. Finno-Ugrier: Archäologie [Финно-угры: археология] // *Ebert, Reallexikon*, 1925. Т. III. S. 354–364.
149. Länsi ja itä suomalais-ugrilaisissa rautakausissa n. v:een 800 j.Kr. [Запад и Восток в финно-угорском железном веке до 800 н.э.] // *KSV*. 1925. Т. 5. P. 125–143.
150. Neues über russische Archäologie [Новое о русской археологии] // *FUF, Anzeiger*. 1925. Bd. XVII. S. 1–40.
151. The Copper Idols from Galich and their Relatives [О медных идолах из Галича и их прототипах] // *Studia Orientalia*. Т. I. Helsinki, 1925. S. 312–341.
152. Zur Archäologie Eestis II. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. [К археологии Эстонии. Т. II. От 500 до ~ 1250 гг.]. Tartu, 1925. 204 s. (*Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis*. Т. V VIII: 1)
153. Zur frühen Metallkultur Südrusslands [К вопросу о культурах эпохи раннего металла Южной России] // *Studien zur vorgeschichtlichen Archäologie Alfred Götze dargebracht*. Leipzig, 1925. S. 66–76.
154. Galič [Галичская культура] // *Ebert, Reallexikon*, 1926. Т. IV: 1. S. 166–167, Taf. 90, 91.
155. Gipsmaske, sibirische [Гипсовые маски, сибирские] // *Ebert, Reallexikon*, 1926. Т. IV: 2. S. 338–339.
156. Gorodišče [Городище] // *Ebert, Reallexikon*, 1926. Т. IV: 2. S. 396–397.
157. Kaukasus. C. Bronzezeit [Кавказ: бронзовый век] // *Ebert, Reallexikon*, 1926. Т. VI. S. 264–267.
158. Koban [Кобанская культура] // *Ebert, Reallexikon*, 1926. Т. VII. S. 11–12, Taf. 6.

159. Kuban [Кубанская культура] // Ebert, Reallexikon, 1926. T. VII. S. 110.
160. Maikop [Майкопская культура] // Ebert, Reallexikon, 1926. T. VII. S. 347–348.
161. Eräitä Perman jumalaisia [О некоторых идольчиках из Перми] // Valo. T. II A. Helsinki, 1926. P. 280–285.
162. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux [Северное Причерноморье в эпоху раннего металла]. Helsinki, 1926. 248 p. (ESA. T. II)
163. Miten on erään avaarilaisen esineen löytyminen Suomesta selitettävä? [Как можно объяснить находку аварского предмета в Финляндии?] SM. 1926. P. 1–9.
164. Salattuja aarteita. Uusia muinaislöytöjä Aasiassa [Потаенные клады. Новые находки древностей в Азии] // Suomen Kuvalehti. Helsinki, 1926. P. 500–503.
165. Suomalais-ugrilainen muinaistiede [Изучение финно-угорских древностей] // Suomen suku. T. I. Helsinki, 1926. P. 190–212.
166. Suomen tiede ja urali-altailaiset alueet [Финская наука и урало-алтайские области] // Suomalainen Ylioppilas. Helsinki, 1926. P. 15–16.
167. Uusi tieteellinen aloite kotimaassa (Eurasia) [Новая научная инициатива в Финляндии (Евразия)] // Helsingin Sanomat 26.9.1926.
168. Altain arkeologiaa [Археология Алтая] // Helsingin Sanomat 28.1.1927.
169. Appelgren-Kivalo Otto Hjalmar // KE. 1927. T. I. P. 126.
170. Aspelin Johan Reinhold // KE. 1927. T. I. P. 168–171.
171. Ausgrabungen in Maklašeevka [Раскопки в Маклашеевке] // ESA. 1927. T. I. S. 98–99.
172. Note de l'éditeur [Примечание редактора (к статье Л. Якуниной-Ивановой – сост.)] // ESA. 1927. T. I. P. 109.
173. Besprechende archäologische Bibliographie von Osteuropa [Обзор библиографии по археологии Восточной Европы] // ESA. 1927. T. I. S. 139–188.
174. Рец.: Gero v. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien: Anton Schroll, 1926. 192 s. + XII taf. [Геро фон Мергарт. Бронзовый век на Енисее] // ESA. 1927. T. I. S. 189–192.
175. Рец.: M. Rostovtsev. [Works 1918–1926] // ESA. 1927. T. I. S. 192–195.
176. Рец.: T. J. Arne. Östeuropas och Nordbalkans förhistoria [Т. Й. Арне. Доистория Восточной Европы и Северных Балкан] // ESA. 1927. T. I. S. 195–196.
177. Рец.: Andreas Alföldi. Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien. 2. Band. Berlin–Leipzig, 1926 (Ungarische Bibliothek. T. I: 12) // ESA. 1927. T. I. S. 196–198.
178. Minusinsk // Ebert, Reallexikon, 1926. T. VIII. S. 396–397.
179. Ostrussische Bronzezeit [Бронзовый век Восточной России] // Ebert, Reallexikon, 1927. T. IX. S. 316–318.
180. Eräitä suomalais-ugrilaisen nuoremman rautakauden kulttuuripiirejä [Некоторые культурные области финно-угров в позднем железном веке] // KSV. 1927. T. 7. P. 101–126.
181. Euraasia steppide kala ja selle järeltulijad Permis [Рыба евразийских степей и ее преемники в Перми] // Album M. J. Eiseni 70 sünnipäevaks. Tartu, 1927. P. 103–114.
182. Euroopa muinasaeg pronksiaja algusest ajaloolise ajani [Доистория Европы от начала бронзового века до средневековья]. Tartu, 1927. 180 p. (Tartu Ülikooli Arkeoloogia Kabineti Toimetused. T. V)
183. Muinainen Perma [Древняя Пермь] // Toukomies. № 1–2. Helsinki, 1927. P. 3–5.
184. Pronssikausi Mustanmeren aroilla [Бронзовый век в степях Северного Причерноморья] // SM. 1927. P. 1–24.
185. Uusia muinaislöytöjä Venäjältä I–V [Новые археологические находки из России] // Helsingin Sanomat 6.1., 7.1., 9.1., 10.1., 11.1.1927.
186. Hj. Appelgren-Kivalo 75 vuotta [Я.Аппельгрэн-Кивало 75 лет] // Helsingin Sanomat 5.4.1928.
187. Die russischen und asiatischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finnlands [Российские и азиатские археологические коллекции в Национальном музее Финляндии] // ESA. 1928. T. III. S. 141–164.
188. Pianobor [Пьяноборская культура] // Ebert, Reallexikon, 1928. T. X. S. 155–156.
189. Sejma [Сейма] // Ebert, Reallexikon, 1928. T. XII. S. 12–13.

190. Sibirien. C. Bronzezeit [Сибирь: бронзовый век] // Ebert, Reallexikon. 1928. Т. XII. S. 70–1.
191. Staromyšastovskaja [Старомышастовская] // Ebert, Reallexikon, 1928. Т. XII. S. 389, Taf. 94.
192. Stepan-Cminda [Степан-Цминда] // Ebert, Reallexikon, 1928. Т. XII. S. 418–419.
193. Les provinces culturelles finnoises de l'âge recent de fer dans la Russie du nord [О провинциях финно-угорских культур позднего железного века на Русском Севере] // ESA. 1928. Т. III. P. 1–24.
194. Ljus över de förgångna kulturerna i Asien [Взгляд на культуры прошлого в Азии] // Åbo Underrättelser 14.2., 15.2.1928.
195. Miniaturbogenfutteral aus Ostrussland [Миниатюрный колчан из Восточной России] // SUST. 1928. Т. LVIII. S. 220–228.
196. Neue archäologische Arbeiten im Sowjetreiche [Новые археологические работы в Советском Союзе] // ESA. 1928. Т. III. S. 196–200.
197. Рец.: S. Terplouchov. Древние погребения в Минусинском крае. Мат[ериалы] по этнографии III (1927), s. 57–112; М. Р. Gġjaznov. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казакстане. Сборник “Кзаки” II (1927), s. 172–257; Р. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. Изв[естия] Краеведческ[ого] института II (1927), 22 s.; S. Durylin. Челябинские курганы. Сборн[ик] мат[ериалов] по изучению Челябинского округа I (1927), s. 56–71 // ESA. 1928. Т. III. S. 186–188.
198. Рец.: A. V. Schmidt. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сборник Музея антропологии и этнографии VI. S. 125–164 + Taf. I–III. 1927; Туйский всадник. Записки колл[егии] востоковед[ов] I. 1925 // ESA. 1928. Т. III. S. 188–191.
199. Рец.: Niederluf Sbornik, usporodal J. Schráníl. Obzor Praehistoricky IV. Prag 1925; Recueil d'études dédiées à la mémoire de N.P. Kondakov. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes Byzantines. Prague. “Seminarium Kondakovianum” 1926; Seminarium Kondakovianum. Recueil d'études. Archéologie. Histoire de l'art. Etudes Byzantines. I. Prague. “Seminarium Kondakovianum” 1927 // ESA. 1928. Т. III. S. 191–193.
200. Рец.: M. Rostovtzeff. Inlaid Bronzes of the Han Dynasty in the Collection of C.T. Loo. Paris and Brussels 1927. 78 s. folio + XX Pl; Statuette d'un cavalier de la Collection de M-me John D. Rockefeller. Monum. Et Mémoires Piot XXVIII. 1927; Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае. Seminarium Kondakovianum I. Prag 1927 // ESA. 1928. Т. III. S. 193–194.
201. Рец.: Fettich Nandor. Die Tierkampfszene in der Nomadenkunst. Recueil Kondakov, s. 81–92. Prague 1926; Das Kunstgewerbe der Avarenzeit in Ungarn I. Zahnschnittornamentik und Pressmodellfunde. Mit 7 Taf. und 22 Abb. im Text. Archaeologia Hungarica I. Budapest 1926 // ESA. 1928. Т. III. S. 194–195.
202. Nya leridoler från Ukraina och deras kulturställning [Новые глиняные фигурки-идолы из Украины и их культурная принадлежность] // FM. 1928. S. 28–44.
203. Perman “jumalaisten” sukupuu [Генеалогия пермских “идольчиков”] // SM. 1928. P. 1–10.
204. Permian Studies. A. The Genealogy of the Permian Idols. B. The Permian-Scythian Fish and Its Descendants. C. Certain Pendants or Chain-holders [Пермские исследования: А. Генеалогия пермских идолов. В. Пермско-скифские фигурки рыб и их потомки. С. О некоторых подвесках с цепочками и их владельцах] // ESA. 1928. Т. III. S. 63–92.
205. Synpunkter på nordöstra Europas järnålderskoloniasjon [Точка зрения на колонизацию Северной Европы в железном веке] // Bergens Museums Erbok, Hist.-Antikvar. Rekke. Т. 1. Bergen, 1928. S. 65–71.
206. Tiedemiesten vaino Neuvosto-Venäjällä [Репрессии ученых в Советской России] // Helsingin Sanomat 16.12.1928.
207. Tietoja suomalais-ugrilaisesta arkeologiasta. Mielenkiintoinen matka Venäjälle viime kesänä [Информация о финно-угорской археологии. Интересное путешествие в Россию прошлым летом] // Helsingin Sanomat 19.11., 20.11.1928.
208. Südrussland. C. Bronzezeit [Южная Россия: бронзовый век] // Ebert, Reallexikon, 1929. Т. XIII. S. 50–52, Taf. 23, 24.
209. Turkestan. C. Bronzezeit [Туркестан: бронзовый век] // Ebert, Reallexikon, 1929. Т. XIII. S. 485–486, Taf. 92.
210. Volossovo [Волосово] // Ebert, Reallexikon, 1929. Т. XIV. S. 179.

211. Zujevskoe [Зуевский могильник] // Ebert, Reallexikon, 1929. T. XIV. S. 549.
212. Etudes sur le Caucase du nord [Исследования на Северном Кавказе] // ESA. 1929. T. IV. P. 22–40.
213. Suomalaisten siirtyminen Suomeen [Переселение финнов в Финляндию] // НА. 1929. T. II. P. 25–34.
214. Zur osteuropäischen Archäologie [К вопросу о восточноевропейской археологии] // FUF. 1929. Bd. XX. S. 1–46.
215. Bjarmienmaa [Биармия] // KSV. 1930. T. 10. P. 58–83.
216. U. T. Sirelius. Discours prononce aux obsequies [У. Т. Сирелиус. Речь, произнесенная на панихиде прощания] // ESA. 1930. T. V. P. 5–8.
217. Caucasian Monuments. The Kazbek Treasure [Кавказские памятники: Казбекский клад] // ESA. 1930. T. V. T. 109–182.
218. Funde aus der römischen Eisenzeit in Gouv. Novgorod [Находки римского железного века в Новгородской губернии] // ESA. 1930. T. V. S. 103–108.
- (B. V. Alexandrov, A.M. Tallgren)
219. Kaukasische anthropomorphe Figuren und der vorderasiatische Kulturkreis [Кавказские антропоморфные фигурки и переднеазиатский культурный круг] // Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. Leipzig, 1930. S. 48–55.
220. Muinaislöytöjä Altailta. Hautaryöstöjä, joista on hyötyä tieteelelle [Археологические находки с Алтая. Разграбленные могилы, которые изучаются наукой] // Helsingin Sanomat 9.3.1930.
221. Suomen muinaisuus. Suomen historia I [Древность Финляндии. История Финляндии. Т. I.]. Porvoo – Helsinki, 1931. 256 p.
222. Biarmia [Биармия] // ESA. 1931. T. VI. S. 100–120.
223. Luoteis-Siperian kulttuurikosketuksista Kr. s. aikaan [О культурных связях Северо-Западной Сибири во время после Р. Хр.] // KSV. 1931. T. 11. P. 104–124.
224. Varia [Разное] // ESA. 1931. T. VI. S. 175–180.
225. Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit [К вопросу о раннем бронзовом веке Северного Кавказа] // ESA. 1931. T. VI. S. 126–145.
226. Zur archäologischen Bibliographie betr. das Gebiet der jetzigen Sowjetunion für die Zeitperiode 1927–1929 [О библиографии по археологии в Советском Союзе за 1927–1929 гг.] // ESA. 1931. T. VI. S. 181–209.
227. Рец.: Josef Strzygowski. Asiens bildende Kunst in Stichproben, ihr Wesen und ihre Entwicklung. Ein Versuch. Augsburg: Dr. Benno Filser Verlag, 1930. XXII + 782 S. + 658 Abb. (Arbeiten des I. Kunsthist. Instituts d. Univ. Wien. T. XLV) // ESA. 1931. T. VI. S. 212–214.
228. Рец.: G. Borovka. Scythian Art. Kai Khosru Monographs on Eastern Art. Benn, London, 1928. 112 p. + 74 Pl.; Id.: Der skythische Tierstil. Archäologischer Anzeiger 1926. 369 S. // ESA. 1931. T. VI. S. 214–215.
229. Рец.: Waldemar Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928. 93 S., 43 Taf. Vorgeschichtliche Forschungen II: 1 // ESA. 1931. T. VI. S. 215.
230. Рец.: Финно-угорский сборник. Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Вып. 15. Ленинград, 1928. 350 с. // ESA. 1931. T. VI. S. 215–217.
231. Zur Chronologie der osteuropäischen Bronzezeit [К вопросу о хронологии бронзового века Восточной Европы] // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. LXI. Wien, 1931. S. 81–97.
232. Zur westsibirischen Gruppe der “schamanistischen Figuren” [К вопросу о западносибирской группе “шаманских изображений”] // Seminarium Kondakovianum. T. IV. Prague, 1931. S. 39–47.
233. Bjarmalanti. Rautakauden rajantakainen Karjala ja Karjalan Jäämeren kauppa. [Биармия. Карелия по ту сторону границы в железном веке и карельская торговля в Приполярье] // Karjalan Kirja. T. 2. Helsinki, 1932. P. 181–193.
234. A.A. Spitsyne // ESA. 1932. T. VII. P. 3–6.
235. Études archéologiques sur la Russie orientale durant l’ancien âge du fer [Археологические исследования древностей раннего железного века в Восточной России] // ESA. 1932. T. VII. P. 7–32.
236. Рец.: Ed. Beninger. Der westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa. Leipzig: Curt Kabitsch,

1931. 132 s. + 50 Textabb. (Mannus-Bibliothek. № 51) // ESA. 1932. Т. VII. P. 198–199.
237. Zur russischen archäologischen Literatur [О русской археологической литературе] // ESA. 1932. Т. VII. S. 202–205.
238. Dolmens of North Caucasia [Дольмены Северного Кавказа] // Antiquity. 1933. P. 190–202.
239. Ihmisen muotoisia jumalaisia suomensukuisten kansojen muinaiskalustossa [Антропоморфные фигурки в доисторическом инвентаре финских народов] // Suomi. Т. V. Helsinki, 1933. P. 290–300.
240. Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures [Изображения гор Центральной Азии и Сибири] // ESA. 1933. Т. VIII. P. 175–210.
241. Notes marginales [Заметки на полях] // ESA. 1933. Т. VIII. P. 235–242.
- 241a. Sur les faux en préhistoire [Подделки в предыстории] // ESA. 1933. Т. VIII. P. 242–249.
242. Рец.: Aarne Äyräpää. Die Streitaxtkulturen in Russland // FUF, Anzeiger. 1933. Bd. XXI. S. 74–79.
243. Sisä-Aasian kalliopiirroset [Наскальные рисунки Центральной Азии] // KSV. 1933. Т. 13. P. 153–178.
244. Zum Ursprungsgebiet des sog. skythischen Tierstils [К вопросу о прародине так называемого скифского звериного стиля] // Acta Archaeologica. Т. IV. Kshbenhavn, 1933. S. 258–264.
245. Die “altpermische” Pelzwarenperiode an der Реёга [“Древнепермский” период пушных товаров на Печоре] // SMYA. 1934. Т. 40. S. 152–181.
246. Sur les monuments mégalithiques du Caucase occidental [О мегалитических памятниках Западного Кавказа] // ESA. 1934. Т. IX. P. 1–46.
247. Kaukokarjalan ja Bjarmian muinainen suuraika [Великое доисторическое время дальней Карелии и Биармии] // Suomen Museoliiton julkaisuja. Т. 5. Helsinki, 1935. P. 64–65.
248. Euraasian arojen varhaishistoriallisia suurmuistoja. Kaukasian muistomerkkejä [Доисторическое величие евразийских степей. Памятники Предкавказья] // Muinaisajan ihmeet. Т. II. Porvoo, 1935. P. 493–498.
249. “Pohjanlahdelta Uralille” [“От Ботнического залива до Урала”] // KSV. 1935. Т. 15. P. 229–234.
250. Sur la méthode de l’archéologie préhistorique [К вопросу о методе доисторической археологии] // ESA. 1936. Т. X. P. 16–24.
251. Archaeological Studies in Soviet Russia [Археологические исследования в Советской России] // ESA. 1936. Т. X. P. 129–170.
252. Problems concerning the Central-Russian Gorodishche Civilisation [Городища центра Европейской России: к проблеме культурного феномена] // ESA. 1936. Т. X. P. 171–185.
253. Geschichte der antiquarischen Forschung in Finnland [История научного изучения древностей в Финляндии] // ESA. 1936. Т. X. S. 199–261.
254. Рец.: J. I. Smirnov. Der Schatz von Achalgori. Aus dem Nachlass (Smirnovs) von Georg Tschubinischwili herausgegeben. Tiflis, 1934. XXIV + 70 s. + 12 taf. // ESA. 1936. Т. X. S. 264–266.
255. Рец.: Alfred Salmony. Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo. Paris, 1933 // ESA. 1936. Т. X. S. 267–268.
256. Рец.: “Opinions téméraires” // ESA. 1936. Т. X. S. 274.
257. J. R. Aspelinin uran alkutaipaleelta [О начале карьеры И.Р.Аспелина] // KSV. 1937. Т. 17. P. 83–101.
258. The Arctic Bronze Age in Europe [Бронзовый век на севере Европы] // ESA. 1937. Т. XI. P. 1–46.
259. “Portable Altars” [“Портативные алтари”] // ESA. 1937. Т. XI. P. 47–68.
260. Editorial Notes [Заметки редактора] // ESA. 1937. Т. XI. P. 206–208.
261. The South Siberian cemetery of Oglakty from the Han period [Могильник Оглакты эпохи Хань (Южная Сибирь)] // ESA. 1937. Т. XI. P. 69–90.
262. Studies of the Pontic Bronze Age [Исследования бронзового века Северного Причерноморья] // ESA. 1937. Т. XI. P. 103–121.
263. Sur l’origine des antiquités dites mordviennes [О происхождении мордовских древностей] // ESA. 1937. Т. XI. P. 122–133.

264. Enamelled Ornaments in the Valley of Desna [Украшения с эмалью долины Десны] // ESA. 1937. Т. XI. P. 147–156.
265. Editorial Notes [Заметки редактора] // ESA. 1937. Т. XI. P. 206–207.
266. Pohjoisen Euraasian kiviset oinaanpäät [Каменные скульптуры в виде головы овец в Северной Евразии] // SM. 1937. P. 14–22.
267. The Method of Prehistoric Archaeology [О методе доисторической археологии] // Antiquity. 1937. P. 152–161.
268. The Prehistory of Ingria [Доисторическое прошлое Ингрии] // ESA. 1938. Т. XII. P. 79–108.
269. Some North-Eurasian Sculptures [О некоторых скульптурах Северной Евразии] // ESA. 1938. Т. XII. P. 109–135.
270. Varia [Разное] // ESA. 1938. Т. XII. P. 217–233.
271. Kurze Übersicht [Краткий обзор] // ESA. 1938. Т. XII. S. 236–238.
272. From the Editor [От редактора] // ESA. 1938. Т. XII. P. 239–241.
273. Die sog. Mäläraxte der ostbaltischen Bronzezeit [Так называемые меларские кельты в бронзовом веке Восточной Балтики] // Õpetatud Eesti Seltsi Toimetused. Т. XXX (Liber Saecularis). Tartu, 1938. S. 721–726.
274. Kauko-Karjalan muinaismuistot ja esihistoriallinen asutus [Древности дальней Карелии и доисторическое поселение] // HA. 1938. Т. VIII. P. 9–20.
275. Sur les antiquités trouvées depuis la guerre dans l'Asie septentrionale [О древностях, найденных после мировой войны в Северной Азии] // SUSA. 1938. Т. XLIX: 1. P. 47–60.
276. Hjalmar Appelgren-Kivalo. Muistopuhe [Яльмар Аппельгрэн-Кивало в воспоминаниях] // Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1937. Helsinki, 1939. P. 60–71.
277. “Ethnogenesis” eli ajatuksia kansakuntain synnystä [“Этногенез”, или размышления о возникновении наций] // HA. 1939. Т. IX. P. 40–50.
278. The Mannerheim archaeological Collection from Eastern Turkestan [Археологическая коллекция Маннергейма из Восточного Туркестана] // SUSKJ. 1940. Т. VIII. 53 s. (С. G. Mannerheim. Acrossa Asia II)
279. The origin of the Finnish race [Происхождение финской расы] // The Illustrated London News. 1940. April 13. P. 494–495.
280. Itä-Karjalan esi- ja varhaishistoriaa [Доистория и древняя история Восточной Карелии] // Itsenäinen Suomi 8–9. Helsinki, 1941. P. 13–14.
281. Östskarelens förhistoria och äldsta historiska tid [Доистория и древнейший исторический период в Восточной Карелии] // Kampen om Östskarelen. Helsinki, 1941. P. 7–13.
282. J. R. Aspelinin syntymän 100-vuotismuistoksi [К столетнему юбилею со дня рождения И.Р. Аспелина] // Kansanvalistusseuran Kalenteri. Helsinki, 1942. P. 13–20.
283. Kubanin laakson muinaiskulttuuri [Древняя культура долины Кубани] // Helsingin Sanomat 11.8.1942.
284. Muinainen Kaukasia [Древний Кавказ] // Helsingin Sanomat 5.9.1942.
285. Suomalaisia muinaistutkimuksen harrastelijoita Venäjällä [Финские исследователи древностей в России] // Terra. Helsinki, 1942. P. 187–198.
286. Suomen suvun muinaistutkija. J. R. Aspelinin satavuotismuisto [Исследователи древностей финского племени. Празднование столетнего юбилея И.Р. Аспелина] // Helsingin Sanomat 1.8.1942.
287. Marttyyri voittaa aina. Inkerin suomalaiset, kelvollisten miesten ja naisten kansa. [Мэртиец побеждает всегда. Ингерманландские финны, народ трудолюбивых мужчин и женщин] // Suomen Kuvalehti. Helsinki, 1943. P. 510–511.
288. J. R. Aspelin, hans livsgärning och svenska förbindelser [И.Р. Аспелин, дело всей его жизни и шведские связи] // Fornvännen. Stockholm, 1944. S. 65–82.

**ПЕРЕПИСКА А.М. ТАЛЬГРЕНА С МУЗЕЕМ
САРАПУЛЬСКОГО ЗЕМСТВА: (К ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ
СТАТЬИ «ДВА ЖЕЛЕЗНЫХ МЕЧА В САРАПУЛЬСКОМ МУЗЕЕ»)**

О.М. Мельникова (Ижевск)

Correspondence of A.M. Talgren with the museum of Sarapul zemstvo towards
(the history of publication the article “Two iron swords in the Sarapul museum”)

O. M. Melnikova (Izhevsk)

Предметом особого интереса археологов выступают научные события конца XIX – начала XX в., когда в результате Великих реформ стали очевидны процессы эмансипации личности, выразившиеся среди прочего в ее активном стремлении к постижению прошлой исторической действительности, в том числе сквозь призму археологических источников. Все это привело к формированию и сосуществованию двух разных по целеполаганию историографических практик – научно ориентированной и социально ориентированной (Мельникова, 2012. С. 170). Провинциальные научные общества, несмотря на термин «научные» в их самоназвании или уставах деятельности, тем не менее, были нацелены, в первую очередь, на практики социально ориентированного историописания, частью которого были изыскания в области археологии. Тем интереснее оказывается стремление провинциальных деятелей осваивать научные подходы в изучении истории отдельного региона страны. Свидетельством этих тенденций в истории археологии Вятской губернии стали контакты Сарапульского земского музея с известным финским археологом А.М. Тальгреном (Мельникова, 2008. С. 24–29).

Финский ученый – одна из ключевых фигур археологии Старого Света первой трети XX в. В исследованиях, посвященных научному творчеству археолога, не раз отмечалось, что «сфера его научных интересов включила в себя огромное пространство практически всего Евразийского континента и продолжительный хронологический промежуток: от бронзового века до средневековья. С другой стороны, к этой масштабности научных интересов подталкивала и общественная обстановка:

уязвленное самолюбие финнов, развивавших собственные государственные институты сначала в рамках шведской, а затем российской государственности и искавших национальную идею для политического ренессанса. Благодатным полем для взращивания такой идеи могла быть история финно-угорских народов» (Кузьминых, Мельникова, Ванюшева, 2008. С. 171).

В Финляндии многие проблемы древней истории Евразии рассматривались в то время через призму финно-угорской тематики. Большой популярностью пользовалась теория Й.Р. Аспелина, опиравшаяся на «саянскую» гипотезу М.А. Кастрена об отсутствии собственной динамики в эволюции бронзового века лесной полосы Европейской России. Считалось, что эти процессы были определены развитием урало-алтайского бронзового века, а стержнем последнего была миграция финно-угорских народов из Азии в Северную и Северо-Восточную Европу (Там же). «Обратившись к этой проблематике, Тальгрэн уже не изменял ей никогда – от своих первых работ 1908 г. и диссертации 1911 г. до последней статьи на эту тему в финальном выпуске “Eurasia Septentrionalis Antiqua” в 1938 г.» (Там же).

События Первой мировой войны на время приостановили изучение археологических памятников в Российской империи, в том числе и на территории Среднего Прикамья, где, начиная с 1909 г., стараниями Сарапульского земства был начат целенаправленный процесс выявления и изучения археологических памятников. Но именно на эти годы приходится тесное сотрудничество земского музея с А.М. Тальгреном.

Занимаясь решением этногенетических проблем, невзирая на военные события, А.М. Тальгрэн, очевидно, при содействии

известного вятского родооведа А.С. Лебедева, плодотворно контактировавшего с Сарапульским музеем, летом 1915 г. побывал в Сарапуле и ознакомился с его археологической коллекцией. Ее собрание стало возможным благодаря шестилетней работе музея: разведкам и раскопкам археологических памятников в бассейне Средней Камы, частным пожертвованиям музею, а также покупки археологических артефактов.

В архивах сохранился ряд лаконичных записей о пребывании А.М. Тальгрена в Сарапуле (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7). Широко известна и фотография, запечатлевшая членов Общества изучения Прикамского края вместе с А.М. Тальгреном у входа в Сарапульский земский музей (Kivikoski, 1954. P. 99; Мельникова, 2007). Целенаправленный поиск новых свидетельств о взаимодействии финского ученого с его сарапульскими знакомцами позволил выявить в фонде Р-608 «Музей истории Среднего Прикамья», хранящемся в Управлении по делам архивов Администрации муниципального образования «Город Сарапул», неизвестные ранее письма финского ученого. Они, возможно, будут интересны не только историкам археологической науки, но и специалистам по ананьинской тематике, поскольку содержат сведения об исследовательской лаборатории ученого.

Возвратившись в Гельсингфорс, А.М. Тальгрэн напишет М.С. Тюнину, председателю Сарапульской уездной земской управы, одному из создателей земского музея: «Милостивый государь! Еще раз хочу принести Вам искреннюю благодарность за Вашу любезность во время моего пребывания в Сарапуле. Теперь я уже вернулся в Финляндию, очень доволен своими научными результатами. Когда только будет готова, я Вам пришлю в русском переводе маленькую статью относительно железных мечей в Восточной России для Ваших «Известий». У меня сейчас много материала в этом вопросе. Я буду Вам благодарен, если вы найдете возможным позволить мне издать свою статью именно в Ваших «Известиях», так как некоторые из этих самых важных предметов находятся в Сарапульском музее. Пользуясь случаем, прошу передать уверения моего уважения madam Тюниной. Образцы финляндских тканей будут присланы на днях. С уважением

и преданностью. М. Тальгрэн. 21.08.1915 г.» (Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 6. Л. 181, 181 об)¹.

Спустя два месяца А.М. Тальгрэн благодарит сарапульцев за избрание его в члены Общества изучения Прикамского края: «Обществу для изучения Прикамского края. Искренне польщенный сделанной мне Обществом честью избранием меня в члены-сотрудники прошу принять мою благодарность и выражение моего особенного удовольствия иметь возможность поработать на пользу Общества, цели и деятельность которого так близки моей специальности. Прошу принять уверения моего уважения, с которым имею честь быть готовым к услугам. М. Тальгрэн». В благодарность ученый прислал свои печатные труды «в количестве семи экземпляров» (Там же. Л. 176).

Результатом поездки в Сарапул стала статья А.М. Тальгрена «Два железных меча в Сарапульском музее», опубликованная в «Известиях» Общества изучения Прикамского края (Тальгрэн, 1917. С. 20-24). В связи с этой публикацией А.М. Тальгрэн пишет М.С. Тюнину: «Многоуважаемый Михаил Семенович! Сегодня я получил Вами посланную открытку и в то же время бандероль с оттиском из «Известий» Музея и спешу выразить вам мою глубокую благодарность. Одновременно пришлю Вам обратно один экземпляр оттиска с просьбой не отказать в разрешении печатать опять страницы 3-4. В типографии это могут сделать. Есть расходы. Я, конечно, буду заплатить, и покорнейше прошу сообщить мне, сколько мне следует платить. Сумму я тотчас же пошлю Вам после Вашего сообщения. Очень извиняюсь перед вами за мою просьбу. Но дело в том, что сделал некоторые исправки в тексте, и мне очень хотелось бы, чтобы статья без них не была издана. Извольте принять, уважаемый Михаил Семенович, уверения в моем глубоком уважении. Пришлю Вам лучшие пожелания с Новым годом. Гельсингфорс. 18.12.1916 г. Тальгрэн» (Ф. Р-608. Оп. 1. Д. 6. Л. 180).

Другое письмо М.С. Тюнину также связано с этой публикацией: «Милостивый Государь! Спешу вам принести искреннюю благодарность за Ваши последние издания, которые я получил несколько дней тому назад. Ваше любезное письмо тоже мною получено. Я заказал клише, они уже готовые и уже присылаются вам сегодня. При сем я пришлю самые рисунки. Если они будут

¹ Здесь и далее во всех письмах текст публикуется в авторской редакции – О.М.

помещены на одной таблице, тогда можно иметь в том порядке, в каком они стоят. Если Вы хотите поместить их в сам текст на различных местах, я ничего не имею против. Я пользуюсь случаем сделать некоторые правки в своей статье. Если я не получу корректуру, а это, пожалуй, не необходимо, прошу вас в следующих пунктах пополнить известия о находках железных мечей в восточной России: 1) меч из Муслиумовой Пермской губ. (прибавить Шадр[инский] уезд) (ср. *Bela Posta Archaeologische Studien auf russischem Boden II* стр. 378 Рис. 222–223 поместить с готскими вещами VI века, кроме того прибавить «Отчеты Императорской Археологической Комиссии за 1895», С. 72). 2) (после Тамбовской губ.) Рязанская губерния – два обоюдоострых меча типа Кошибеевского могильника, найденный в Борковском могильнике (Спицын, С. 32); 3) Уфимская губ., меч из Новиковки. Покорнейше прошу сообщить мне о получении этого письма. Желаю вам всяких благ. Готовый к услугам М. Тальгрэн. Гельсингфорс. 21.08.1916.» (Там же. Л. 181, 181 об).

Из ответного письма М.С. Тюнина А.М. Тальгрэну от 26 июля 1916 г. выясняются обстоятельства этой публикации: «...Вы интересуетесь, когда будет издан первый номер нашего журнала «Известий Общества» 2 или V выпуск, если считать ранее вышедшие выпуски «Известий земского музея». Могу вам с удовольствием сообщить, что по моему настоянию «Известия» уже печатаются, напечатан первый лист, набирают уже Вашу статью. Главным образом в половине августа, вероятно, будет напечатан весь выпуск и останется только сброшюровать и напечатать библиографию. Письмо Ваше от 21.08.1916 г. с вставками для Вашей статьи нами получено, и вставки эти были сделаны. Для корректуры Вам послать оттиск мы, к сожалению, не можем, пришлось бы держать набор недели 3 в нашей типографии. Думаю, что мы сумеем прокорректировать удовлетворительно – у нас редактором инспектор реального училища М.Н. Скворцов. Полученные от Вас клише для таблицы рисунков, вероятно, придется отправить в Москву, где у нас печатались таблицы для прошлых выпусков. Очень извиняемся, если мы в это время и с большим опозданием уведомляем вас о получении статьи. Секретаря Стрельцова² взяли на войну

и мне приходится работать почти одному. Искренне преданный Вам Тюнин» (ЦГА УР. Ф. 349. Оп. 2. Д. 7. Л. 192).

В итоге статья «Два железных меча в Сарапульском музее» была опубликована. Ее подготовка к публикации стала важной школой научного и методического просвещения провинциального археологического сообщества. С другой стороны, статья демонстрировала богатейший потенциал территорий, которые стали постепенно входить, в том числе и благодаря деятельности Сарапульского музея, в орбиту научного археологического изучения региона. А.М. Тальгрэн писал в вводной части своей статьи: «Археология обширной восточной и средней России представляет захватывающий интерес, в особенности для финляндцев, как древняя родина их племени. Но исследователю приходится здесь к крайнему своему сожалению постоянно констатировать недостаточность материала. Основание новых музеев, появление новых исследователей в этой области вызывает поэтому чувство искренней радости. Там, где мы встречаем столь многих деятелей в области родинovedения и где они так интересуются своим делом, как в Сарапуле, можно ожидать обильных результатов в научной работе» (Тальгрэн, 1917. С. 22).

Изучение прикамских материалов из фондов Сарапульского земского музея позволило вписать их в общий контекст развития европейских древностей. В 1919 г. в Хельсинки было издано исследование А.М. Тальгрэна, обобщившее весь имевшийся к тому времени материал по ананьинским памятникам, с использованием типологического метода и широких культурно-хронологических сопоставлений с известными европейскими древностями (Tallgren, 1919).

Имя А.М. Тальгрэна появляется еще раз в документах Сарапульского музея уже в 1922 г. Неизвестный пока мне К.Н. Кузьминский, как он утверждает, – родственник известного историка и археолога Д.Я. Самоквасова, в письме в Главнауку в феврале 1922 г., призывая «командировать археологов для производства исследования курганов, городищ и могильников» в Сарапул, ссылается на авторитет «французского маркиза де Бая и Гельсингфоргского профессора

² Врач Ф.В. Стрельцов – один из активных членов Общества изучения Прикамского края – О.М.

Тальгрена» (Ф. Р-608. Л. 1, 1об, 2, 2 об), по достоинству оценивших археологические материалы Среднего Прикамья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кузьминых С.В., Мельникова О.М., Ванюшева К.В.* «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А.С. Лебедева А.М. Тальгрена // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Ижевск, 2008. Вып. 2. С. 171–210.
- Мельникова О.М.* Провинциальное археологическое сообщество Вятской, Казанской, Пермской губерний (вторая половина XIX – начало XX вв.). Библиографический словарь. Ижевск, 2007.
- Мельникова О.М.* Из истории дореволюционных коллекций ананьинских древностей (по материалам ЦГА УР) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2008. С. 24–29. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8).
- Мельникова О.М.* Археологическая журналистика и институционализация археологии в российской провинции // Археологія і давня історія України. 2012. Вып. 9. Київ. С. 170–176.
- Тальгрэн А.М.* Два железных меча в Сарапульском музее // Известия Общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917. Вып. 1. С. 20–24.
- Kivikoski Ella. A. M. Tallgren* // ESA, Supplementary Volume. 1954. Pp. 77–121.
- Tallgren A.M.* L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. (SMYA. T. XXXI: 1).

**ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ ПОНОМАРЕВ (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
К БИОГРАФИИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗ ФОНДОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РТ)**

О.Е. Ульянова (Казань)

P.A. Ponomarev (new materials on the biography and scientific activities from the
National museum of Tatarstan Republic)

O.E. Ul'janova (Kazan)

Имя Петра Алексеевича Пономарева по праву занимает видное место в ряду исследователей древностей Волго-Камского региона. Являясь человеком широкого круга интересов (педагогика, музееведение, публицистика), он оставил яркий след в изучении истории региона. Значительность вклада Петра Алексеевича отражена в истории исследования археологического наследия Волго-Камского региона. На протяжении 40 лет (с 1879 года) Пономарев активно участвовал как в организации археологических раскопок, так и в проведении полевых исследований археологических памятников. Но говоря о широкой научной и общественной деятельности этого человека, приходится признать, что объем изученных и введенных в научный оборот материалов невелик. Даже на начальном этапе поиска и сбора документов обнаружилось, что известна лишь одна фотография исследователя (Рис. 1). Впервые она была опубликована в 1999 году в «Ежегоднике» Государственного объединенного музея РТ (Измайлова, 1999. С. 132). Фотография выполнена редакцией «Камско-Волжской газеты», где работал Петр Алексеевич Пономарев. Среди фотографий, сделанных корреспондентами этого печатного органа, и был обнаружен фотоснимок, на обороте которого приведен список имен каждого сотрудника. В этом перечне указана фамилия Петра Алексеевича. Таким образом, перед нами даже не отдельный фотоснимок исследователя, а фрагмент большой групповой фотографии сотрудников печатного издания (Измайлова, 1999. С. 135).

В фонде графики Национального музея РТ хранится портрет (Рис. 2), выполненный черной тушью на листе бумаги размером 50,3x38 см (КППи-103318). Кто является создателем этого произведения, к сожалению,

остается вопросом. Однако известно, что поступил этот портрет в фонд музея до 1948 года. Рисунок представляет собой погрудный портрет, на котором запечатлен мужчина в темном костюме, на вид ему лет 50–60. Имя автора этого произведения остается для нас неизвестным, хотя заметно, что рисунок выполнен рукой непрофессионального художника, скорее всего с фотографии. На оборотной стороне листа надпись, выполненная серым графитным карандашом, гласит: «П.А. Пономарев. Каз. археолог». Этот портрет является одним из немногих сохранившихся изображений Петра Алексеевича Пономарева.

Петр Алексеевич Пономарев родился 24 ноября 1847 года в Казанской губернии в семье служащего Казанского адмиралтейства. Его родители Алексей Ильич и Елизавета Васильевна в 1855 году стали владельцами дома в Адмиралтейской слободе (ул. Жуковка) города Казани. Приобретение собственного дома стало окончательным решением в пользу переезда семьи Пономаревых в этот город.

В 1857 году Петр Алексеевич Пономарев поступает в Казанскую I гимназию (первое провинциальное учебное заведение в России), где окончил 6 классов. Он самостоятельно подготовился к экзамену на учителя, успешно сдал его, но в гимназии работать не остался.

Педагогическая деятельность Петра Алексеевича Пономарева началась с открытия частной школы в Адмиралтейской слободе. Затем Петр Алексеевич преподавал историю и географию в частном пансионе Дубровиной. В 1868–1906 годах Петр Алексеевич занимает должность преподавателя истории и географии в Казанском Родионовском институте благородных девиц. В 1882–1907 годах Петр Алексеевич работает преподавателем отечествоведения в Казанском пехотном юн-

Рис. 1. П.А. Пономарев – сотрудник редакции «Камско-Волжской газеты».

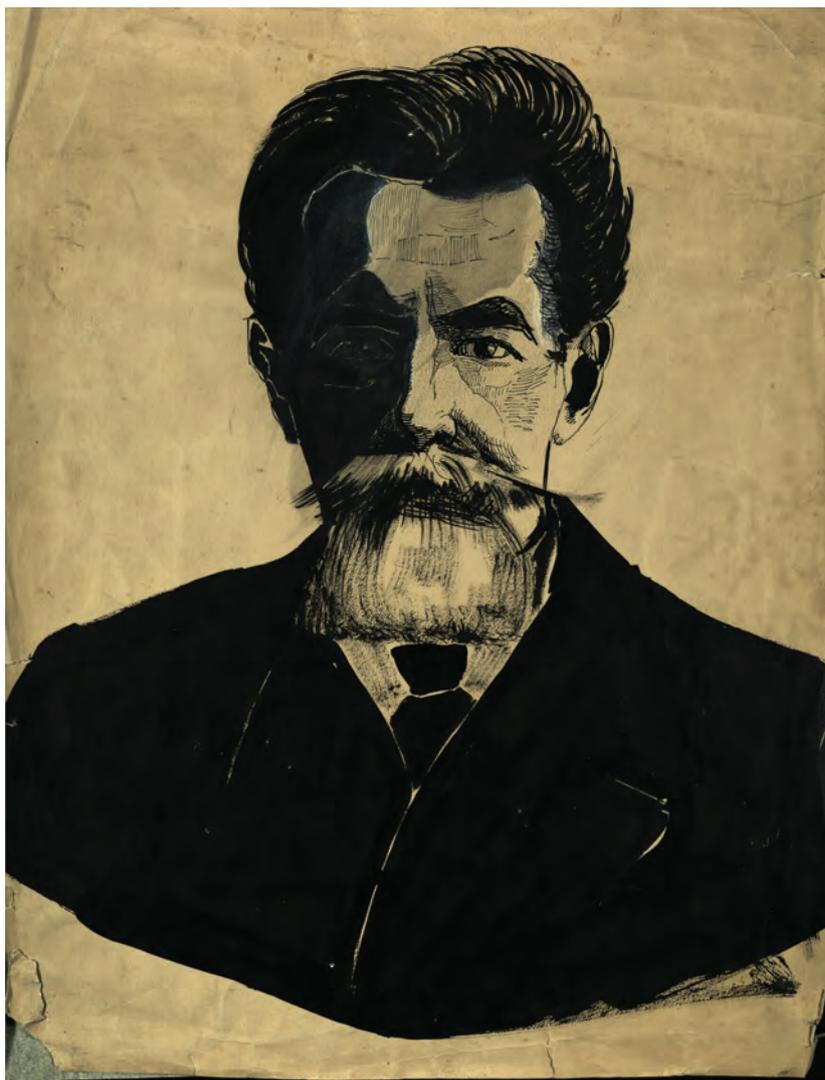

Рис. 2. Портрет П.А. Пономарева.

керском училище, которое в 1909 году было преобразовано в Казанское военное училище (Худяков, 1920. С. 246).

В статье «Школьные исторические музеи в Казани» М.Г. Худяков называет П.А. Пономарева инициатором создания школьных музеев в городе Казани (Худяков, 1920а. С. 49). Благодаря деятельности Петра Алексеевича Пономарева в 1901 году был открыт музей в Родионовском институте, где экспонировались исключительно подлинные предметы. Среди них коллекция древностей (костяной гарпун, нефритовая подвеска, два железных меча) из Масловского могильника, который находился в институтском имении при селе Масловка Лаишевского уезда на р. Каме. Несмотря на то, что в 1906 году Пономарев прекращает работу в Родионовском институте, музей продолжал работать благодаря деятельности начальницы института О.Д. Ермолаевой.

В музее Казанской I мужской гимназии хранилась коллекция, собранная в 1906 году учениками при раскопках городища Сорочьи Горы под руководством П.А. Пономарева. Среди предметов коллекции – бронзовый серп, фрагменты круглодонных сосудов (Худяков, 1920а. С. 50). Позднее коллекция была передана в Казанский Губернский музей (сейчас НМ РТ). Музей был организован и в юнкерском училище.

Жена П.А. Пономарева, Александра Федоровна, также принимала активное участие в организации учебных заведений. В 1907 году она открыла в Адмиралтейской слободе частную женскую гимназию, где Петр Алексеевич являлся главным руководителем школьной жизни. Гимназия просуществовала до осени 1918 года, позднее была преобразована в советскую школу.

В 1919 году Северо-Восточный археологический и этнографический институт предложил П.А. Пономареву читать лекции по истории периода бронзового века Волго-Камского края на кафедре археологии. Первый день работы в СВАЭИ был назначен на 17 марта. Но, к сожалению, непродолжительная болезнь (воспаление легких) унесла жизнь талантливого ученого, общественного деятеля и выдающегося педагога. Петра Алексеевича не стало 14 марта 1919 года (Худяков, 1920. С. 246-247).

Петр Алексеевич Пономарев, будучи членом-учредителем Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, принимал активное участие

в научной деятельности с самого основания Общества. На первых порах ОАИЭ не имело средств на публикацию собственных научных исследований, и Петр Алексеевич организовал в поддержку ОАИЭ ряд публичных лекций. В фонде Национального музея РТ хранится афиша (КППи-115858), которая извещала публику о лекции П.А. Пономарева, которая состоялась 18 января 1881 года. Афиша (Рис. 3) на листе бумаги размером 46x32 см отпечатана в типографии М.А. Гладышевой, а заказчиком являлось ОАИЭ. Она была передана жительницей города Казани Вилькен в январе 1951 года, афиша поступила в музей 31 марта того же года.

П.А. Пономарев был организатором нескольких концертов и спектаклей в пользу Общества (Измайлова, 1999. С. 136). Неизвестно, какая пьеса была поставлена, но спектакль, который прошел 23 марта 1880 года, был успешным. В протоколе Совета Общества от 1 апреля 1880 года отмечено, что Петр Алексеевич Пономарев передал казначею Общества археологии, истории и этнографии В.К. Соловьеву 373 рубля 10 копеек, полученных от билетных продаж. Петр Алексеевич Пономарев устраивал и археолого-этнографические выставки (Измайлова, 1999. С. 136-137). Афиша, приглашающая всех желающих на выставку, хранится в Национальном музее РТ (КППи-125088/68). Афиша представляет собой лист бумаги размером 70x52,5 см, отпечатана в типографии Казанского Императорского университета, заказчиком также было ОАИЭ (Рис. 4). В тексте афиши отмечено, что 6 апреля 1889 года в актовом зале и прилегающих к нему аудиториях будет открыта археологическая и этнографическая выставка. В ней также участвовали известные деятели Общества — И.А. Износков, И.Н. Смирнов и П.В. Траубенберг. Сбор от выставки (234 рубля 94 копейки) поступил в бюджет ОАИЭ.

П.А. Пономарев в 1915 году был избран почетным членом Общества археологии, истории и этнографии. Более сорока лет он был одним из активных членов ОАИЭ. Об итогах своих научных изысканий он регулярно докладывал на заседаниях Совета и Общих собраниях ОАИЭ. В сфере его научных интересов можно выделить следующие направления: города болгарского периода, «костеносные» городища и могильники конца эпохи бронзового века. Помимо этого,

ИЗВѢЩЕНІЕ.

**СОВѢТУ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ**

при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ
ИМѢЕТЪ ЧЕСТЬ ИЗВѢСТИТЬ, ЧТО

**ВЪ ПЯТНИЦУ 25 ЧИС. ЯНВАРЯ ТЕКУЩАГО 1881 ГОДА,
ВЪ АКТОВОМЪ ЗАЛѢ УНИВЕРСИТЕТА,**

Членъ Совѣта Общества
П. А. ПОНОМАРЕВЪ
ПРОЧТЕТЪ ПУБЛИЧНУЮ ЛЕКЦІЮ:

**„ОЧЕРКИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
Г. КАЗАНИ**

въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія“.

ПРОГРАММА ЛЕКЦІИ:

ОСТАТКИ И СОДЕРЖАНІЕ КАЗАНСКОЙ ЖИЗНИ.—Почвы системы германскаго бытостройства въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Дворянская жизнь при Петровѣ и Павлѣ. Казанскіе дворяне въ войну и на войнѣхъ. Поэзія и драма буржуазнаго общества. Поэты „буржуазнаго вѣка“. „Дворяне“. Жизнь Казанцы на рынкахъ „въ провинціи и на вѣдѣхъ“. Драма и поэзія. Слѣдъ Казанцы и ея литература въ литературѣ. Литературно-художественная жизнь Казанцы. ОСТАТКИ И СОДЕРЖАНІЕ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ МѢСТНАГО ОБЩЕСТВА.—Общій обзоръ на жизнь мѣстнаго общества. Литературный кружокъ С. А. Мисютина. Г. Н. Ковалевъ, П. Н. Протопоповъ, Н. С. Зубовъ и проч. Литературный кружокъ П. М. Митрофанова. „Общество любителей естественной исторіи при Казанскомъ Университетѣ“. „Казанскія Писатели“—первый мѣстный литературный кружокъ. Сочиненія и жизнь поэта Грота, какъ представителя мѣстнаго общественаго развитія въ искусствѣ, предостроительнаго Мисютина.

Чтеніе будетъ демонстрировано портретами Мисютина, Ковалева и Арцыбашева, а равно и планомъ Казани 1803 года.

НАЧАЛО РОВНО ВЪ 7½ ЧАСОВЪ.

ЦѢНА МѢСТАМЪ: 1 рядъ—2 р., 2 рядъ—1 р., 3 и 4 рядовъ—1 р., остальныхъ рядовъ—50 к. Входить въ залъ (для гг. студентовъ и другихъ учащихся)—25 к.

Билеты можно заблаговременно получать: въ музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“, въ книжномъ магазинѣ А. А. Дубровина (въ Гости. дворѣ), въ библиотекѣ Михаила, въ кондитерской Дове и у секретаря Общества, профессора Н. П. Залескина, а въ день лекціи—при входѣ въ актовыя залы Университета.

Сборъ съ лекціи предназначается на производство предстоящихъ лѣтнихъ научныхъ экспедицій въ предѣлахъ Казанской и другихъ сосѣднихъ губерній.

Рис. 3. Афиша о проведении публичной лекции П.А. Пономарева (18.01.1881 г.).

**ВЪ ТЕЧЕНІЕ ПАСХАЛЬНОЙ НЕДѢЛИ
ВЪ АКТОВОМЪ ЗАЛѢ И СМЕЖНЫХЪ АУДИТОРІЯХЪ УНИВЕРСИТЕТА
ОТКРЫТА БУДЕТЪ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
И
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
ВЫСТАВКА.**

Отдѣлъ I. Общая Этнографія (народоописаніе).

НИПАЛ. Одежды замаринцевъ и простонародныхъ гражданъ. Татуировка принадлежностей и орудія быта. Китайскія вышивки изъ шелковой нити. Принадлежности быта и ремесла. Китайскія рукописи и картины. Фотографія, рисунки китайскій быта. Китайскія музыкальныя инструменты. Принадлежности буддистскаго богослуженія: орудія злат., медн., серебряныя сосуды, музыкальные инструменты.

ВУДЖИ. Пашанъ ирландскій костюмъ. Домашня утварь. Орудія труда.

СРЕДНІИ АЗИИ. Орудія археологической оубры, утварь, орудія труда, орудія быта, музыкальные инструменты, фотографія, рисунки быта среднеазиатскихъ народовъ.

НАРОДЫ СИБИРИ. Восточныя жители Сибири. Амурскія орудія (изъ кости и дерева). Орудія охоты, орудія труда, гарнитуры. Модели лодокъ Обирова вълѣтѣхъ изъ кости. Костюмъ шамана.

ДИКАРИ ОСТРОВОВЪ ТИХАГО ОКЕАНА. Орудія быта, орудія охоты, орудія труда.

ОБЪЯСНЕНІЯ БУДУТЪ ДАВАТЬ П. В. ТРАУБЕНБЕРГЪ.

Отдѣлъ II. Этнографія Поволжья.

РУССКІЕ. Головные уборы женщинъ.

ЧЕРМЫСЫ. Головные уборы мужчинъ и женщинъ, расшитыя рубашки. Головные уборы. Шейныя и грудныя украшения. Рѣзная посуда. Фотографія, рисунки быта чермысовъ. Музыкальные инструменты.

МОРДВА. Рисунки быта и орудія быта. Головные уборы. Пошивы украшенія. Фотографія.

ВОЛЖИ И ПЕРМЯНИ. Костюмъ волжской дѣвочки. Модель туза (суаки). Волжскія гусли. Перашка и орудія быта. Головные уборы пермяковъ. Фотографія.

КРЕМЛЕНСКИЕ ТАТАРЫ. Костюмъ кремленско-татарской женщины.

ОБЪЯСНЕНІЯ БУДУТЪ ДАВАТЬ И. Н. СМЯРНОВЪ.

Отдѣлъ III. Археологія Поволжья.

РУССКАЯ СТАРИНА. Древнія книги, рукописи, иконы. Вооруженія, булгарскія наконечники, сосуда. Предметы быта. Фотографія изделий.

ДОИСТОРИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГІЯ. Напечатанія каменнаго и бронзоваго вѣка.

ОБЪЯСНЕНІЯ БУДУТЪ ДАВАТЬ П. А. ПОНОМАРЕВЪ.

ВЫСТАВКА БУДЕТЪ ОТКРЫТА ПО ПОНЕДѢЛЬНИКА ДО СУББОТЫ ВЪКЛЮЧИТЕЛЬНО СЪ 10 ДО 4 ЧАСОВЪ ДНЯ.

БИЛЕТЫ ПРОДАЮТСЯ ПРИХОДИТЬ ВЪ АКТОВЫЙ ЗАЛЪ.

ПЛАТА ЗА ВХОДЪ ДО ВОИ ДѢТИ ПЛАТЯТЪ ПОЛОВИНУ.

Выручка отъ продажи билетовъ назначается на пополненіе археолого-этнографическаго музея Общества и Университета новыми коллекціями.

Рис. 4. Афиша о проведении археолого-этнографической выставки в Казанском университете от 6 апреля 1889 года.

Петр Алексеевич Пономарев принимал участие в раскопках золотоордынского города Увека, ряда болгарских городов в Казанской губернии, проводил работы на Урале. Уральские исследования были связаны с изучением вопроса сибирского происхождения культур бронзового века Волго-Камского края (Худяков, 1920. С. 247).

Петр Алексеевич занимался изучением таких «костеносных» городищ, как Гремячий Ключ, Кирюшкин Городок, Сорочьи Горы, Ройское, Аргыжское.

Городище Гремячий Ключ (Лаишевский район Республики Татарстан) Петр Алексеевич Пономарев впервые исследовал в 1879 году (Археологические памятники Татарской АССР, 1987. С. 168). В 1880–1882 годах и в 1885 году им производились раскопки, давшие значительную коллекцию вещей. Среди предметов ананьинской культуры много изделий из кости (наконечники стрел, шилья, проколки, кочедыки, псалии, лопаточки, боевые топоры из рога лося, амулеты), металла, камня и глины (медная игла, наконечник стрелы, кельт, обломок каменного кружка, обломки литейных форм и тигли). На городище найдены также бронзовая гривна с напускными бусами и халцедоновыми дисками, обломок каменного сверленного топора (Ефимова, 1980. С. 5).

Недалеко от Гремячеключинского городища расположено городище Кирюшкин Городок (в средней части Гремячего оврага), где Петр Алексеевич работал в 1885 году. Собрана небольшая коллекция вещей, в составе которой костяные наконечники стрел, шилья, проколки, пронизки, железный наконечник копья, обломки глиняной посуды и кости животных (Археологические памятники Татарской АССР, 1987. С. 168; Ефимова, 1980. С. 6).

В 1879 году Петр Алексеевич Пономарев открывает Сорочьегорское городище (Рыбнослободской район Республики Татарстан), расположенное на восточной окраине деревни Сорочьи Горы (Археологические памятники Татарской АССР, 1987. С. 189). Петр Алексеевич исследовал городище в 1880–1882 годах (Пономарев, 1884). Раскопки производились на склоне и на площадке и дали хорошую коллекцию вещей, среди которых многочисленны костяные изделия (наконечники стрел, копий, шилья, иглы, долота, проколки, ножи, боевой топор из рога лося, кочедык, гарпунообразные наконечники,

рыболовные крючки и др.), каменные орудия (клин, наконечник стрелы, обломки молота, точильных брусков). Из металлических вещей найдены медный наконечник стрелы и железный нож (Ефимова, 1980. С. 7).

В Уржумском уезде бывшей Вятской губернии находится Ройское «костеносное» городище, раскопки которого проводил в 1881 году С.К. Кузнецов при участии М.В. Малахова, П.А. Пономарева и А.А. Штукенберга (Описи археологических коллекций с 1881 года, л. 102). Здесь же, на р. Вятке, около деревни Аргыж, расположено еще одно городище.

В 1887 году Петр Алексеевич Пономарев одним из первых исследовал Аргыжское городище (другое название «Богатырь»). Часть материалов с этого памятника была введена в научный оборот Л.И. Вараксиной (Вараксина, 1929). Таким образом, в поле археологической деятельности П.А. Пономарева оказался ряд «костеносных» городищ, которые впервые были исследованы.

Другим направлением в научных исследованиях Петра Алексеевича Пономарева являлось изучение могильников финала бронзового века и раннего железного века на территории Волго-Камского региона. Полевые исследования Ананьинского и Маклашеевского могильников были проведены на высоком уровне, результатами работ заинтересовались как в России, так и за рубежом.

В 1881 году П.А. Пономарев приступает к раскопкам Ананьинского могильника около уездного города Елабуги, этот памятник давно привлек внимание исследователя. Первые широкие археологические исследования памятника были проведены еще в 1850-е годы Петром Владимировичем Алабиным и Иваном Васильевичем Шишкиным. Но полевые работы Петра Алексеевича Пономарева на Ананьинском могильнике были проведены в методическом отношении более тщательно и скрупулезно, поэтому итоги исследований памятника оказались более информативны (Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 7). Петром Алексеевичем Пономаревым отмечено, что в Ананьинском могильнике существовало три системы погребения — трупоположение, сожжение и частичное погребение. Он отметил, что большая часть погребений не подвержена кремации, а только содержит ее следы. Такие захоронения Пономарев считал трупоположениями. Истинными трупосожжениями и частичными

погребениями можно считать лишь отдельные погребения.

Петр Алексеевич Пономарев пришел к выводу, что существование подкурганного обряда захоронения характерно для населения, обитавшего на территории могильника. Кроме того, он отметил, что могилы располагаются на разных горизонтах, что привело его к заключению, что захоронения относятся к разным периодам времени. Петр Алексеевич трактует понятие «могильник» как типичную форму коллективных погребений, характерных для Волго-Камского края.

Исключительно важной находкой является открытие двух погребений, окруженных кольцевыми оградами из каменных плит (т.н. «могила вождя»). Впервые изображение могилы вождя с каменной кладкой кургана в центре было введено в научный оборот А.М. Тальгреном еще в 1919 г. в работе «L'eroque dite d'Ananino dans la Russie orientale». Однако для нас представляет интерес другое изображение, хранящееся в фондах НМ РТ. К сожалению, это только фотография с рисунка, который был утерян (Рис. 5). Неизвестным остается и автор оригинального рисунка. М.Г. Худяков отмечал, что утонченная натура Петра Алексеевича была одарена способностью к живописи (он написал несколько картин, из которых нам памятен пейзаж – окрестности с. Красной Горки) (Худяков, 1920. С. 259). Таким образом, возникает предположение, что этот рисунок написан самим Пономаревым в ходе полевых работ на могильнике. Тем не менее, речь идет только о сохранившейся фотографии. Возможно, она была отпечатана в ходе какой-то выставки, т.к. в кадр попала и этикетка, которая является привычным элементом при экспонировании предметов. На фото (В 7/70; 9х12 см; фотобумага, ч/б печать) представлена реконструкция погребения вождя; на обороте снимка надпись серым графитным карандашом: «Ананьинский могильник. Раскопки Пономарева. 1881». Это одно из редко встречающихся изображений, которое дает нам представление о первоначальном виде памятника.

В передаточных описях археологических коллекций с 1881 года от ОАИЭ Центральному музею Татарской республики представлены сведения о коллекции предметов из Ананьинского могильника (Бугров, 2004. С. 26). В описи №6 содержится информация о месторасположении памятника: «Относительно прежнего вида этой местности известно, по рассказам исследовате-

лей, что первоначально было два кургана или две могильных насыпи – высотой от 2 до 3 метров и на расстоянии приблизительно 2-х метров один от другого /меньший курган теперь совершенно исчез/. Рассказывают, что на этих насыпях были низкие каменные столбы с вырезанными изображениями фигур. Для науки сохранились только два из этих камней, которые хранятся в Историческом музее в Москве /зал V/» (Описи археологических коллекций с 1881 года, л. 68). Здесь же, в описи, есть информация о том, что Ананьинский могильник был воспроизведен художником И.И. Шишкиным в XIX в. (У истоков археологии Волго-Камья... С. 3; Чижевский, 2013а. С. 44), ранее оригинал рисунка хранился в Казанском университете.

Возвращаясь к археологическому исследованию Ананьинского могильника Петром Алексеевичем Пономаревым, следует отметить, что им впервые отмечены древности песчаной дюны, которые значительно отличаются от древностей самого могильника. Впоследствии здесь был выделен отдельный памятник – Ананьинская стоянка эпохи бронзы (Халиков, 1980. С. 116).

До конца жизни Петр Алексеевич был занят проблемами, возникшими при изучении Ананьинского могильника. В 1910-е годы его занимает вопрос о миграционных процессах (Пономарев, 1914; Пономарев, 1915). Он поддерживал точку зрения финского ученого Й.Р. Аспелина о существовании урало-алтайской культуры, представители которой пришли на территорию Волго-Камья с Алтая (Салминен, 2011. С. 130). По мнению П.А. Пономарева, Ананьинский могильник является единственным памятником «приалтайской» культуры, оставленным во время движения финнов Алтая на пути в Европу (Чижевский, 2013б. С.82).

В 1882 году П.А. Пономарев начинает раскопки Маклашеевского I могильника (Спасский район Республики Татарстан) (Археологические памятники Татарской АССР, 1987. С.153-154). В 1897 году на Маклашеевском II могильнике (другое название «Долгий Курган») Петр Алексеевич проводит исследование 13 могил с 19 погребениями. Результаты этих исследований были озвучены на заседании ОАИЭ, но печатный отчет о раскопках Маклашеевского II могильника не был опубликован. Полевая документация также была утеряна. До нас дошли лишь краткие сведения в рукописях самого исследователя (хранится в НМ РТ), этими сведениями руко-

Рис. 5. Ананьинский могильник. Погребение вождя (реконструкция).
Раскопки Петра Алексеевича Пономарева. 1881 г.

водствовался М.Г. Худяков в работах, посвященных Маклашеевскому могильнику (Chudjakov, 1927; Худяков, 1930). При раскопках Маклашеевского II могильника был зафиксирован не только погребальный инвентарь, но и элементы погребального обряда.

Доклад Петра Алексеевича Пономарева на собрании ОАИЭ 16 мая 1881 года послужил толчком для принятия обширной программы по изучению первобытных древностей Волго-Камского региона. Долгое время ученые не видели разницы между средневековыми болгаро-татарскими городами и первобытными городищами. В этом же докладе Петр Алексеевич Пономарев обосновал их одновременность (Пономарев, 1884. С. 325). Он отметил, что городища обоих типов находятся рядом друг с другом и нет никаких следов воздействия болгар на материальную культуру чудских городищ. Это обстоятельство П.А. Пономарев связал с одновременностью существования данных памятников. По оценкам исследователей, доклад Петра Алексеевича Пономарева является первой попыткой

выделения разновременных культурных комплексов на одной территории в лесной и лесостепной зонах России (Чижевский, 2013б. С. 69).

При подведении итогов научных изысканий Петра Алексеевича Пономарева следует отметить, что он не всегда публиковал результаты своих открытий. Но известные нам работы Петра Алексеевича Пономарева наиболее информативны среди всех исследовательских трудов по памятникам археологии Волго-Камья XIX в. Исследования и открытия Петра Алексеевича Пономарева находились в центре внимания и иностранных ученых. Так, известный археолог Арне Михаэль Тальгрэн (1885–1945 гг.) опубликовал в финском журнале «Suomen Museo» статьи об Ананьинском могильнике, о раскопках Сорочьегорского городища, о находках, обнаруженных на территории села Пустая Морквашка и села Омары. Статьи А.М. Тальгрена написаны как на базе собственных раскопок, так и на основе публикаций работ Петра Алексеевича Пономарева.

Важно отметить, что педагогические приемы, которые Петр Алексеевич использовал в преподавании, были переложены им и в организацию археологических раскопок: «он давал самостоятельные задачи, например, наблюдение за отдельной траншеей, каждому из участников, им же поручал ведение журнала раскопок, обмеров и т.д. По окончании работ Петр Алексеевич поручал своим ученикам и помощникам составление доклада и подробного отчета о раскопках, себе же оставлял лишь общие выводы и указания» (Худяков, 1920. С. 258).

Несмотря на широкое освещение научной деятельности Петра Алексеевича Пономарева как исследователя первобытных древностей, до настоящего времени объем опубликованных и введенных в научный оборот материалов невелик, в том числе и чертежей раскопок Ананьинского могильника. Не введены в научный оборот и ряд рукописей Пономарева, а также его записная книжка 1881 года, в которой во время раскопок Ананьинского могильника делались чертежи. Существует предположение, что они были утрачены во время пожара в Адмиралтейской слободе, тогда сгорел дом Петра Алексеевича. Несмотря на сложность поиска архивных документов, связанных с биографией и научной деятельностью Петра Алексеевича Пономарева, надежда на обнаружение и введение в научный оборот новых источников остается. Наследие Петра Алексеевича Пономарева, одного из первооткрывателей древностей Волго-Камского региона, безусловно, требует дальнейшего поиска и изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические памятники Татарской АССР / Е.П. Казаков, П.Н. Старостин, А.Х. Халиков. Казань, 1987.

Бугров Д.Г. Археологические коллекции Общества археологии, истории и этнографии в фондах Национального музея Республики Татарстан: к истории передачи (по документам из архива сектора учета НМ РТ) // Материалы международной научной конференции «125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона

(14–17 октября 2003 г.)». Казань, 2004. Ч. I. С. 26–34.

Вараксина Л.И. Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. 1929. Т. 34, вып. 3–4. С. 83–121.

Ефимова А.М. Каталог археологических коллекций Государственного музея ТАССР. Эпоха железа, Волжская Болгария, коллекция золотоордынских городов, Казанское ханство, коллекции XVI–XVIII вв. Казань, 1980.

Измайлова С.Ю. Петр Алексеевич Пономарев: ученый и общественный деятель Казани конца XIX – начала XX в. (новые материалы к биографии) // Ежегодник–99. Государственный объединенный музей Республики Татарстан. Казань, 1999. С. 132–137.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский могильник: основные вехи исследований, коллекции и характер памятника // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Археология евразийских степей. Елабуга, 2009. Вып. 8. С. 6–12.

Описи археологических коллекций [НМ РТ] с 1881 г. №№ 1–7, 9–11, 13–16, 20, 24, 32, 47, 51, 52, 54 // Архив сектора учета НМ РТ. № 8.

Пономарев П.А. Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих гор, произведенных летом 1881 г. // ИОАИЭ. 1884. Т. 3.

Пономарев П.А. По следам первобытных звероловов Камско-Вятского края: (Результаты летних экскурсий 1912 г.) // Приложение к ПЗОЕКУ. 1914. №290.

Пономарев П.А. Поиски следов населения переходной эпохи от бронзы к железу в низовьях Камы и по Волге, выше Камского устья: (Отчет об экскурсии 1913 г.) // Приложение к ПЗОЕКУ. 1915. №298.

Салминен Т. И.Р. Аспелин – А.М. Тальгрэн и проблема Урало-Алтайского бронзового века // РА. 2011. №4. С. 130–139.

Халиков А.Х. Приказанская культура // САИ. М., 1980. Вып. В1–24.

Худяков М.Г. Петр Алексеевич Пономарев (1847–1919) // ИОАИЭ. 1920. Т. 30, Вып. 3. С. 245–260.

Худяков М.Г. Школьные исторические музеи в Казани // КМВ. 1920а. № 7–8. С. 48–59.

- Худяков М.Г.* Могильник Маклашеевка II // Материалы Центрального музея Татарской АССР. 1930. № 2. С. 11–14.
- Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Полевые исследования // Поволжская археология. 2013а. № 2. С. 40-63.
- Чижевский А.А.* Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // Поволжская археология. 2013б. № 2. С. 64-103.
- Chudjakov M.* Die Ausgrabungen von P.A.Ponomarev in Maklaseevka im Jahre 1882 // FUF. 1927. Bd. 18. S. 14–26.
- Tallgren A.M.* L'epoque dite d'Ananino dans la Russie orientale // SMYA. 1919. T. 31:1

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУР РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ РУССКОЙ РАВНИНЫ В КОНТЕКСТЕ ДАННЫХ О КЕРАМИКЕ

О.А. Лопатина (Москва)

The beginning of the investigation the Early Iron Age cultures in the central part
of Russian Plane in the context of ceramics data

O.A. Lopatina (Moscow)

Специфика керамики, происходящей с древнейших городищ центральной части Русской равнины, с рельефными отпечатками поверхности довольно рано обратила на себя внимание исследователей. Сетчатые и рогожные отпечатки, следы сплошной штриховки на поверхности были описаны уже в первых публикациях, посвященных материалам этих городищ. В дальнейшем эти знания сыграли, пожалуй, решающую роль в культурной дифференциации пространства памятников раннего железного века на этой территории. Научная традиция связывать керамику с различными рельефными отпечатками на поверхности или без них с археологическими культурами (дьяковской, городецкой, верхнеокской, днепро-двинской и штрихованной керамики) возникла давно и прочно вошла в исследовательскую практику. Между тем, «признак поверхности» далеко не столь однозначен для решения задач определения границ культур. Это противоречие четко обозначилось вместе с появлением обобщающих исследований по культурам лесной зоны Восточной Европы, на которые особенно были плодотворны 70-ые гг. прошлого столетия (Станкевич, 1960; Смирнов, 1974; Розенфельдт, 1974; Шмидт, 1974; Миронов, 1976; Митрофанов, 1978). При ближайшем рассмотрении зоны контакта обозначенных ареалов имели обширные территории, занятые памятниками, керамика которых по признаку особенностей поверхности не давала возможности однозначного решения об отнесении их к той или иной культуре.

Вопрос о дискуссионности границ наиболее отчетливо проявился в отношении ареала дьяковской культуры. В известной книге «Дьяковская культура» (1974) К.А. Смирнов и И.Г. Розенфельдт опубликовали две разные

карты ее памятников. Хотя дискуссия и осталась за рамками издания, за исключением по сути критического «Предисловия» Ю.А. Краснова (Краснов, 1974. С.4), в исследованиях Смирнова и Розенфельдт были ясно предъявлены разные критерии для отнесения памятников к дьяковской культуре. Конечно, в системе этих критериев наличие сетчатой (текстильной) керамики являлось не единственным признаком культуры, но отнюдь не самым последним. Выявившиеся противоречия показали актуальность широкого круга проблем, касающихся изучения городищ с длительным периодом существования и сильно меняющимся во времени обликом материальной культуры.

Накопление новых материалов на памятниках раннего железного века Волго-Окского междуречья в дальнейшем только обострило проблему. Так, например, новые раскопки В.В. Сидоровым нескольких городищ каширского течения Оки, находящихся в пограничной зоне дьяковской и верхнеокской культур, но традиционно считавшихся дьяковскими, привели автора к необходимости выделения так называемой «каширской культуры» (Сидоров, 2006), своеобразие которой весьма спорно. Тема противоречий, сложившихся в понимании дьяковской культуры, была поднята Н.А. Кренке еще в 1995 г. Позднее этой проблемы касался М.Г. Гусаков. Названия статей говорят сами за себя «Дьяковская культура: к характеристике одной научной абстракции» (Кренке, 1995. С. 98–101), «Была ли дьяковская культура?» (Гусаков, 2012. С. 129–134). Авторами предлагается пересмотр традиционных представлений о дьяковских древностях. Вряд ли выделение локальных вариантов и новых культур является выходом из создавшейся ситуации.

Вместе с тем, облик поверхности керамики был и пока остается важнейшим критерием в системе аргументации, связанной с выделением ареалов культур древнейших городищ лесной зоны Восточной Европы. В связи с этим в статье предполагается рассмотреть, как складывались представления о керамике в начальный период обобщения данных о городищах этой зоны (конец XIX – 20-ые гг. XX в.), как эти представления повлияли на формирование концепций о культурной, а также этнической принадлежности населения данной территории. Такой экскурс позволит по-новому взглянуть на критерии выделения культурных ареалов, а также поможет понять, в чем заключается противоречивость этих критериев. Кроме того, важно обратить внимание на то, как начинал формироваться терминологический аппарат в отношении керамики с так называемыми текстильными или сетчатыми отпечатками, какие были предложены возможности систематизации этих отпечатков. Определенная подвижность терминологии в отношении подобной керамики имеет место и в наше время, и она также уходит своими корнями в начальный период изучения древностей раннего железного века Волго-Окского региона.

Как известно, А.А. Спицын впервые обобщил данные об известных к началу XX в. городищах Волго-Окского междуречья, объединив их под названием «городища дьякова типа» (1903а. С. 112). Сюда вошли памятники, которые в настоящее время относят к разным культурам – дьяковской, городецкой, верхнеокской. Это Минское, Пекуново, Прислон и др. на территории Верхнего Поволжья; Дьяково – Москворечья; Федяшево, Мощины, Дуна и др. – Верхнего Поочья; Борки, Курманово, Кошибеево и др. – Среднего Поочья. Раскопками были исследованы только некоторые из них. Признаки материальной культуры вновь выделенных городищ «дьякова типа» Александр Андреевич специально не рассматривал. Основанием же для объединения памятников в один тип стали особенности их внешнего облика и облика их культурных напластований, которые по обилию найденных на них костных остатков дали основание Спицыну говорить о «жертвенном характере» городищ. К числу выводов этой хрестоматийной работы относится и то, что городища «дьякова типа» исследователь предложил считать финскими, в отличие от городищ Верхней

Оки, на которых *сетчатая керамика отсутствовала* (выделено мною – О.Л.) и которые могут принадлежать литве (Там же. С. 113, 114). Границы области распространения «городищ дьякова типа», скорее всего, определялись им во многом исходя из территориального фактора: большинство обследованных к тому времени памятников были компактно расположены на смежных территориях. Заметим, что раскопанное к тому времени Юхновское городище (Самоквасов, 1908; Трубникова, 1938), близкое по облику культуры городищам «дьякова типа» верховьев Оки, на карте Спицына не нашло себе места. Причина, скорее всего, в его сильной удаленности от основного ареала окских памятников (Новгород-Северский р-н Черниговской области).

Позднее Спицын существенно расширил ареал городищ «дьякова типа» к северо-западу, включив в него верховья Мсты (Лялин городок, Медведовское) и Мологи (Загородье), а также городище Юпино на Западной Двине. Кроме того, он высказывал надежду отыскать подобные памятники по Сожу и Десне. Принимая во внимание такой огромный ареал, исследователь отмечал, что «городища эти не могут быть относимы к одному и тому же времени, не могут быть одинаковыми по устройству и содержанию и должны составить несколько отдельных групп». Это: 1) тверские и смоленские городища, 2) верхнеокские, 3) владими́ро-московские (Спицын, 1905. С. 91). По-прежнему знания о керамике *не играли решающего значения* в выделении культурных групп, эта связь была еще едва намечена. Только характеристика верхнеокских городищ содержала информацию об «отсутствии сетчатого орнамента» на керамике (Там же. С. 91, 92). В целом границы и историко-культурное содержание выделенных групп оставались во многом не ясными.

Вместе с тем, с конца XIX в. активно накапливалась информация о керамике. Наиболее полно оказалось изученным в этом отношении Волго-Окское междуречье, где в конце XIX и в самом начале XX в. в результате раскопок были уже получены данные о материальной культуре городищ соседних территорий: 1) Верхнего Поволжья (Спицын, 1903б; 1905; Гендуне, 1906), 2) Москворечья (Сизов, 1897), 3) калужского Поочья (Булычев, 1899; Городцов, 1900 и др.) и 4) рязанского Поочья (Городцов,

1901б и др.). Городища более западных территорий по сравнению с волго-окскими были изучены хуже. Оставались практически не обследованными области Верхнего Поднепровья, Подвинья, Смоленщина, большая часть Белоруссии. Для этой территории имелись лишь единичные данные о древнейших городищах (см.: Кусцинский, 1881). Сведения о городищах и пиликальнисах западных областей империи (Виленской, Гродненской и Ковенской губерний) к концу XIX в. были подробно описаны Ф.В. Покровским; им же составлены карты памятников и проведены небольшие раскопки (1895; 1897). Позднее были проведены раскопки на некоторых литовских пиликальнисах (Крживицкий, 1913).

Вполне закономерно, что керамике в этих начальных публикациях уделено очень скромное место. Речь идет только о «черепках грубой работы», «черепках глиняных лепных сосудов» и т.п. Вместе с тем, уже тогда встречаются попытки описания черепков с характерными внешними особенностями – рельефными отпечатками на поверхности. Разнообразие терминов, появившееся в это время для обозначения керамики, которую в настоящее время называют сетчатой или текстильной, было связано с попытками отразить морфологическое многообразие рельефных отпечатков. Перечень названий такой керамики включает в себя большое количество обозначений: «сетчатый орнамент» (Сизов, 1897. С. 258; Спицын, 1903а. С. 130), «сетчатый узор» (Городцов, 1910. С. 373), «рябчатый орнамент» (Спицын, 1903а. С. 133), «черепки дьякова типа» (Там же), «веревочный» и «зерновой» орнамент (Каменский, Спицын, 1903. С. 146, 147), «нитчатая», «рогожная», «тканная» керамика (Городцов, 1901а. С. 44–49). Отметим, что все исследователи сходились во мнении об орнаментальной нагрузке подобных отпечатков.

Разнообразие обозначений, безусловно, еще было связано и с неустойчивостью терминологии, которая отчетливо проявилась в первых работах по систематизации рельефных отпечатков, в частности, в известном труде В.А. Городцова «Русская доисторическая керамика» (1901а) и в статье В.И. Каменского и А.А. Спицына (1903), посвященной обобщению данных о городищах, раскопанных Н.А. Смирновым в Клинском уезде. Во-первых, в этих систематизациях для обозначения одних и

тех же (или очень близких), судя по фото, видов отпечатков использовались разные термины одними и теми же исследователями. Например, отпечатки в виде нитей Каменский и Спицын (1903) называют и «веревочными», и «сетчатыми», а Городцов (1901а) – и «тонкотканными», и «сетчатыми». Во-вторых, термин «сетчатая керамика» не использовался как общий для обозначения всей керамики с рельефными отпечатками (как в других работах этих авторов), но употреблялся для обозначения конкретных групп внутри нее. Например, Спицын (1903а) и Каменский (1903) названия «сетчатый орнамент» и «сетчатая керамика» используют для обозначения группы внутри «рябчатой» керамики; у Городцова (1901а) «сетчатая керамика» и «род сетки» – группы внутри «семейства печатных орнаментов».

Что касается самой систематизации, то Каменский и Спицын выделяли следующие группы отпечатков: «рябчатый», «веревочный», «ямочный», «раковинный», «углами», «щипком». Внутри рябчатого – «чешуйчатый», «ногтевой», «зерновой» и «сетчатый». К сожалению, понять, что именно стоит за этими группами и чем они между собой отличаются, не всегда удается. Классификация Городцова на этом фоне отличалась гораздо большей стройностью и непротиворечивостью, однако из описания таксонов (даже при наличии рисунков) все же оставалось не ясным: керамика с какими именно рельефными отпечатками и почему отнесена к той или иной группе. Все разнообразие рельефных отпечатков Василий Алексеевич объединял в семейство «печатных орнаментов» (т.е. «воспроизведенных при помощи нажатия мягких орудий»), которое подразделялось, в свою очередь, на семь родовых групп; в их число входили, например, группы «нитчатой», «веревочной», «рогожной», «тканной», «сетчатой» керамики. Несмотря на всю значимость его труда «Русская доисторическая керамика» для науки, главным образом, в смысле новаторского подхода к изучению массовых находок керамики, классификация рельефных отпечатков на поверхности сосудов не имела практического применения и не использовалась даже самим автором. Так, при описании материалов эпонимного Городецкого городища в качестве общего названия для керамики с рельефными отпечатками он использует более употребительный термин «сетчатая», а

не керамика с «печатными орнаментами» (Городцов, 1901б. С. 8–10). Кроме того, и при практической работе с массовым керамическим материалом этого памятника предложенная систематизация не использовалась. По словам Городцова, «для предварительной сортировки...пришлось назначить одного из рабочих, который раскладывал обломки посуды на три части; в одну из них поступали обломки с рогожным, в другую – с сетчатым и тканым узорами и, наконец, в третью – обломки посуды, не имевшие совсем орнамента» (1901б. С. 10). Речь о «печатных орнаментах» заходит позже только на страницах «Бытовой археологии», где автором высказываются предположения о способах нанесения разных видов рельефных отпечатков (Городцов, 1910. С. 372, 373). В дальнейшем Василий Алексеевич отошел от термина «печатные орнаменты» и чаще использовал более общеупотребительное обозначение – «сетчатая керамика».

Специальные обозначения для керамики со штрихованной поверхностью в ранних работах довольно редки. Ф.В. Покровский, например, вовсе их не использовал, говоря лишь о том, что «на большинстве черепков наблюдаются... неправильные линии, идущие в большинстве случаев по направлению высоты сосудов, но линиям этим едва ли нужно усвоить значение орнамента. Они, по всей вероятности, образовались во время самого изготовления сосудов, – при отделке при помощи инструмента вроде голика (веник без листьев)» (1897. С. 192). У Л. Крживицкого (1913) в связи с описанием керамики есть краткое упоминание о том, что «весь орнамент сводится к типу besenornament», дословно орнамент, нанесенный щеткой.

В целом, в рассматриваемый период керамика с рельефными следами на поверхности – будь то отпечатки, напоминающие оттиски тканей или плетений, или следы штриховки – рассматривались исследователями в основном в качестве орнамента. Термин «сетчатая керамика» стал наиболее употребительным в русской археологии как общее название для керамики с рельефной поверхностью, так и для обозначения разных групп внутри нее. Предложенные классификации орнамента, в частности, сетчатых отпечатков, широкого практического применения не имели.

Параллельно с накоплением знаний о материальной культуре городищ

«дьякова типа» в дореволюционной науке складывалось представление о том, что облик поверхности керамики этих памятников указывает на определенную этнокультурную принадлежность населения. Предположение Спицына о финской принадлежности населения городищ с сетчатой керамикой было далее подробно развернуто Городцовым. В «Бытовой археологии» в главе «Городища северной и средней России», где ведется речь о «ранней поре железных орудий», он описывал некую культуру «финского корня», не имеющую названия. Основная особенность этой культуры – «особый вид керамического орнамента из отдела (семейства), получившего специальное название – печатных элементов»; кроме того, исследователь называет ее «сопровождаемая печатными типами керамического орнамента культура» (Городцов, 1910. С. 372, 375, 384). Речь идет, по сути, о городищах «Дьякова типа», хотя этот термин Василий Алексеевич никогда не использовал, имея против него существенные возражения, о чем будет сказано ниже. Что касается области распространения этой культуры, то к перечисленным ранее Спицыным городищам «дьякова типа» Городцов добавляет еще и исследованные им памятники рязанского Поочья, которые позднее были отнесены к городецкой культуре. Вот перечень этих памятников: городища Недостоевское, Кирилловское, Городецкое (Рязанской губ.); Пекуновское, Топорок, Корчевское, Лялин городок (Тверской губ.); Пирожная гора, Синьковское (Московской губ.); а также по берегам Западной Двины – Юпинское (Витебской губ.). Кроме того, в список вошел ряд селищ и холмищ, к которым Городцов относит Гремячее (Калужской губ.), Ловецкие выселки (Рязанской губ.) и Дьяково (Московской губ.) (1910. С. 376). Таким образом, Городцов так же, как и Спицын, отмечал культурную общность городищ центра и севера Европейской России на большой территории, подчеркивая при этом их характерную черту – наличие керамики с сетчатыми узорами.

Несколько позже Спицын (1912) еще больше увеличил ареал «дьяковых городищ» за счет отнесения к ним городищ на севере Саратовской губ., которые впоследствии также вошли в ареал городецкой культуры. Статья о саратовских древностях была написана ученым после поездки в Саратов и осмотра древностей в музее

Саратовской ученой архивной комиссии. По просьбе местных краеведов Александр Андреевич систематизировал увиденные им материалы. В частности, о городищах железной эпохи он написал следующее: «Среди финских древностей Саратовского края в настоящее время особенно интересны обрядовые городища, только что открытые. Это – городища так называемого Дьякова типа. На них, кроме различных вещей, находят слои золы, разбитые кости животных, битые камни, и характерные черепки, различные в различных местах, но с преобладанием одного излюбленного орнамента, «сетчатого». (Спицын, 1912. С. 4, 5).

Можно было бы предположить, что, простирая так широко территорию городищ дьякова типа, исследователь не видел специфики рогожной керамики, принимая ее за сетчатую. О возможности такой путаницы ранее писал Городцов: «На первый взгляд, рогожные узоры кажутся также сетчатыми, поэтому многие исследователи называют вообще все узоры, воспроизведенные сетками, тканями и рогожами, – «сетчатыми», хотя в них в действительности скрывается не менее четырех видов орнамента из отдела печатных» (1910. С. 374). Однако, вряд ли Спицын не замечал специфики подобной керамики, напротив, он отмечал ее, обозначая «рогожистый» орнамент (1912. С. 5). В дальнейшем ареал распространения городищ «дьякова типа» Александр Андреевич существенно расширил: «от Чудского озера и р. Великой до Волги и Камы и от Галичского озера до Десны», а в качестве одного из основных их признаков подчеркнул наличие керамики «с *рябчатым орнаментом*» (Спицын, 1922; цит. по: Антология, Т. 1. С. 16).

В связи с изучением саратовских городищ с рогожной керамикой интересно привести и мнение Городцова по поводу исследованных М.А. Радищевым так называемых хвалынских городищ. Радищев приводит мнение Городцова, который, ознакомившись с находками и планами городищ, написал ему, что «присланные обломки посуды... наибольшее сходство имеют с посудой Городецкого городища... Сходство прямо поразительное. Узор на хвалынских обломках наносился рогожею, реже толстой тканью. На городецкой посуде узор также наносился рогожею и тканью. Но сами Хвалынские городища похожи не на Городецкое городище, а на городище «Топорк», хотя в «Топорке»

встречается посуда только с сетчатым тканым узором, но не с рогожным. Дело тут в *неважных деталях*» (Радищев, 1914. С. 161). То есть ни Спицын (1912), ни Городцов (1910), понимая специфику рогожной керамики, не считали возможным на основании ее находок выделять особую культурную группу. Оба исследователя были единодушны в признании существования некогда обширной финской общности, характеризуемой керамикой с рельефными отпечатками, как с сетчатыми, так и с рогожными, и эти мнения высказывались ими параллельно.

Отметим, что представление о большой культурной области, занимаемой древностями городищ дьякова типа и не разделенной на другие культуры, довольно долго держалось в научной литературе. Например, П.Н. Третьяков (1935), рассуждая о социальной организации и хозяйстве городищ Волго-Окского региона, ведет речь о «дьяковых» городищах, не разделяя их на культуры. Автор характеризует их по «формальным признакам преобладания на керамике «сетчатого» орнамента», причем отмечает особо знак равенства между сетчатой и рогожной керамикой (Там же. С. 145, 146, 175). Тогда же П.П. Ефименко в статье, посвященной обобщению материалов Западного Поволжья в I тыс. н.э., упоминает «ранние городища, известные под именем дьяковых, или городищ с сетчатой и рогожной керамикой» (1937. С. 41).

В начальный период изучения древнейших городищ происходит формирование общеупотребительных в настоящее время терминов «дьяковская культура» и «городецкая культура». Упомянутое впервые Спицыным, как бы вскользь, определение «дьяковская культура» (1905. С. 85) очень долгое время не имело специального обоснования. Более употребительным в первой четверти XX в. являлся его же термин – городища «дьякова типа». Против смысловой нагрузки этого термина возражал Городцов, высказывая мнение о том, что для культуры, «сопровождаемой печатными типами керамического орнамента», более типично Городецкое городище, нежели Дьяково. «Некоторые исследователи типичным считают Дьяково городище, так как названное городище представляет два разновременных культурных отложения, причем древнейшее из них, характеризуемое сетчатым керамическим орнаментом, сложилось в то время, когда городище совершенно не существовало, и на

месте его было простое холмище. Ошибочно возведя *разновременная и разнородная культуры в один тип* (выделено мною – О.Л.) исследователи естественно впали в другую ошибку, так как были вынуждены подвести под ошибочно созданный тип почти все древние городища не только северной и средней, но даже южной России, причем самое понятие о типе настолько расплылось, что утратило всякое научное значение» (Городцов, 1910, С. 377–379).

С этих позиций кажущееся парадоксальным с точки зрения современных представлений о культурах сравнение Городцовым Хвалыньских городищ и Топорка в какой-то степени объяснимо. Очевидно, сходство этих памятников Василий Алексеевич усматривал, прежде всего, в отсутствии на них поздних напластований. Это мнение своего учителя развернул П.С. Рыков в «Очерках по истории мордвы» (1933. С. 26–30). И Хвалыньские городища, и Городецкое, и Топорок рассматривались им в одном ряду, и считались более типичными городищами «дьякова типа», чем само Дьяково городище.

Упоминания о «дьяковой» и «городецкой» культурах встречаются регулярно в статьях Городцова с начала 1920-х гг. (на страницах «Бытовой археологии» речь о них еще не шла). Хотя понятия эти обрисованы очень схематично, для нас важен контекст, в котором они использовались. В 1924 г. термин «Городецкая культура» употребляется им, очевидно, для обозначения культуры одного памятника. Так, обсуждая исследования П.С. Рыкова и В.В. Гольмстен, обнаруживших памятники с рогожной керамикой на Самарской Луке и под Саратовым, Василий Алексеевич сравнивает эту керамику с аналогичной в Рязанской области, где «... близ села Городца установлен тип особой «Городецкой культуры», родственной Дьяковой культуре» (Городцов, 1924. С. 13). «Дьякова» же культура хотя и упоминается в той же статье, но никакие ее общие особенности не приводятся. Речь идет только о принадлежности к ней нескольких вновь исследованных древних городищ Москвы и Московской области, а также Огубского городища.

В статье, посвященной Огубскому городищу (Городцов, 1926), вновь упоминается «Дьяковая» и «Городецкая» культуры. Использование этих терминов имеет сугубо предварительный характер и

носит этническую окраску: «Несомненно, обитатели Огубского городища принадлежали народности, имевшей весьма широкое распространение в Средней России, причем эта народность делилась на две ветви: северную, создавшую характерную «культуру Дьякова типа», и южную – создавшую культуру Городецкого типа. Обе культуры очень близки друг другу... носители их принадлежали одной народности, но к двум разным ее племенам» (Там же. С. 115). Описывая «Огубскую культуру» как часть «Дьяковой», исследователь попытался обобщить присущие первой черты финской материальной культуры. Отметим, что в перечне этих черт керамика вовсе не фигурирует (Там же. С. 123).

Чуть позднее Городцов более определенно высказывался об общих особенностях дьяковой и городецкой культур. В отношении их ареалов он пишет о «дьяковой культуре ... Средней и Северной России», а «... городецкая культура занимала более южную область, простиравшуюся от Средней Оки до Нижней Волги». В перечне признаков «дьяковой культуры» указаны: «1) формы жилищ; 2) домашний быт населения; 3) его добывающие и обрабатывающие промыслы; 4) черты религиозного культа; 5) деловые отношения с народами Северного Причерноморья». Различия же «дьяковой» и «городецкой» культур ученый видел «в чертах религиозных культов и в некоторых технических приемах обрабатывающей промышленности» (Городцов, 1928. С. 8). Конечно, формулировки очень общие и не содержат конкретики, но нам важно, что в этом списке признаков культур особенности керамики специально не рассматривались (хотя намек на разницу дьяковской и городецкой керамики все же есть, учитывая, что термин «обрабатывающая промышленность» у Городцова подразумевал в том числе и производство керамики).

В 1920-е гг. Б.С. Жуков, имя которого незаслуженно редко упоминается в связи с изучением памятников железного века лесной зоны Европейской России, наиболее ясно высказывался о связи разных видов керамики с разными группами городищ. Если в работах В.А. Городцова связь культура-керамика в отношении дьяковских и городецких древностей обрисовывалась довольно тезисно и схематично, то у Жукова она стала концептуально оформленной.

Обширные работы, организованные им в Волго-Окском междуречье, на Ветлуге, в Центрально-Промышленной области и проведенные коллективом палеоэтнологической лаборатории Института антропологии 1 МГУ, которую он возглавлял, были направлены на исследование процесса «модификаций культур» широкого хронологического диапазона в отдельно взятом регионе. Опираясь на находки массового керамического материала, исследователь расположил в хронологической последовательности полученные в результате раскопок керамические комплексы от неолита до средневековья, исследовал характер связей между ними, разделив местную линию развития от влияний со стороны. В рамках этой работы было определено и место древнейших городищ в системе культур этого региона. Борис Сергеевич впервые попытался проследить истоки городищенских культур, которые, по его мнению, в исследованном районе делились на три группы: 1) «костеносных» – на основе культур с неолитоидной керамикой типа Панова, 2) «дьяковых» – на основе культур с древней текстильной керамикой и 3) городищ с керамикой типа «рогожной» как возможных дериватов культур типа Озименок». Городцовский термин «городецкая культура» Жуков не использовал, зато вел речь о «культурах Дьякова типа» и о «городищах круга культур с «рогожной» керамикой» (выделено мною – ОЛ.), подразумевая, очевидно, несколько образований в рамках одной и другой групп (Жуков, 1929; цит. по: Антология, Т. 1. С. 72, 73).

Представляется, что термин «текстильная керамика» (кстати, никогда не использовавшийся Спицыным и Городцовым) начал широко употребляться именно Жуковым. В целом этот термин был более всего характерен для североевропейской научной литературы, в частности финской, например, «textilkeramik» (Ailio, 1922. S. 52, 291), «tekstiilikeramiikka» (Pälsi, 1916). Борис Сергеевич, который хорошо знал эту литературу и опирался на нее в своих исследованиях, очевидно, и позаимствовал отсюда этот термин. В российской же дореволюционной традиции был более употребительным термин «сетчатая» керамика. Так, например, в публикации материалов многослойной Бологовской стоянки из коллекции кн. П.А. Путятин Спицын называет характерную керамику с

рельефными отпечатками на поверхности «сетчатой» (1903б. С. 254, 276). В то же время Юлиус Айлио, ссылаясь на ту же публикацию, эту же керамику называет «текстильной» (Ailio, 1922. S. 52). Думается, что в нашей стране изначально в использовании терминов «текстильная» и «сетчатая керамика» прослеживались предпочтения разных научных направлений. Первый термин использовали ученики Жукова и последователи его палеоэтнологической школы (О.Н. Бадер, М.В. Воеводский и др.), второй – последователи городцовской школы, в частности, А.Я. Брюсов и М.Е. Фосс.

Чуть позже, чем волго-окские, были обобщены знания о городищах Смоленщины и Белоруссии. В их систематике, предложенной А.Н. Лявданским, данные о керамике играли весьма существенную роль. Именно облик поверхности сосудов стал решающим в территориальном делении городищ. Область распространения памятников со «штрихованной керамикой» была отделена от области городищ с «гладкостенной лепной посудой», на которых «не встречается сетчатой, рогожной керамики, как на городищах Дьякова типа» (Лявданский, 1930. С. 335). В третью же группу городищ Лявданский отнес памятники южной и юго-восточной части Белоруссии, которые отличались «по своим пряслицам, грузилам и керамике» (Лявданский, 1932). Городища со штрихованной керамикой и городища Южной Белоруссии по своему содержанию соответствовали выделенным впоследствии культурам штрихованной керамики и милоградской. Лявданский затронул и вопрос об этнической принадлежности населения смоленских городищ, который решался также на основании данных о керамике: «Отсутствие посуды с сетчатым орнаментом в городищах – несомненно, явление не случайное, и в этом нужно видеть племенную разницу в насельниках» (1926. С. 183). По его мнению, об их литовской принадлежности свидетельствовал внешний облик керамики, а именно то, что «обработка снаружи стенок лепной посуды чем-то шероховатым... аналогична с обработкой посуды... несомненно литовских городищ». Далее исследователь пишет о том, что, «ознакомившись с моими материалами по исследованию городищ в Смоленской и Минской губерниях, А.А. Спицын предположительно намечает литовский район

от р. Свенты Ковенской губернии до р. Угры» (Там же. С. 184).

Таким образом, впервые предложенная Спицыным концепция городищ «дьякова типа» выдвигала предположение об их функциональном назначении, этнической принадлежности населения, датировке и ареале распространения. Последний охватывал обширную территорию, занимаемую различными в современном понимании культурами (дьяковской, городецкой, днепро-двинской, верхнеокской) целиком и отчасти. Первоначально основанием для объединения городищ в один «дьяков тип» были для Спицына их внешние особенности и облик их культурных напластований, лишь позднее – наличие сетчатых отпечатков на поверхности керамики. В основном аналогичное мнение высказывал и Городцов, с той лишь разницей, что типичным для рассматриваемой культуры он считал не Дьяково, а Городецкое городище.

Характерно, что область означенного круга древностей включала изученные к тому времени памятники, керамический комплекс которых сильно различался, во-первых, массовостью находок керамики с рельефными отпечатками на поверхности, во-вторых, морфологией этих отпечатков. Так, для московских и тверских городищ были характерны массовые находки сетчатой керамики, для калужских – незначительное их количество, а рязанские отличались керамикой с рогожными отпечатками на поверхности. То есть это те признаки, которые в дальнейшем исследователи будут рассматривать как основные для характеристики культур – соответственно дьяковской, верхнеокской и городецкой. Очевидно, что эта специфика керамики была хорошо известна и Спицыну, и тем более Городцову, который сам участвовал в раскопках городищ Калужской и Рязанской губерний, создал классификацию отпечатков и вел при раскопках подсчеты керамики с разными типами отпечатков. Тем не менее, данные о керамике мало привлекались для выделения культурных ареалов, а попытки разделить массив городищ «дьякова типа» либо не делались, либо были очень схематичными. Так, Спицын в 1905 г., предложив выделить несколько территориальных групп городищ, в дальнейшем больше не возвращался к этой теме, а в поздних своих работах вел речь только о едином обширном ареале «дьяковых городищ», не отделяя от него даже саратовские городища с рогожной керамикой. Основной

характеристикой этого массива древностей он считал керамику с «рябчатым орнаментом», очевидно, имея в виду всякую керамику с рельефными отпечатками на поверхности.

Городцов длительное время придерживался того же мнения, а отделить от массива городищ «дьякова типа» городецкую культуру он попытался довольно поздно, спустя около 20 лет с начала исследования памятников городецкого типа. Примечательно, что рогожная керамика как признак городецкой культуры нигде им специально не рассматривалась, притом что ранее «печатные типы керамического орнамента» (куда входил и рогожный) являлись для Василия Алексеевича важнейшим признаком большой культурной общности, включающей и выделенную им потом городецкую культуру. Здесь усматривается противоречие, которое, вероятно, понимал и сам Городцов, а именно: между необходимостью, с одной стороны, отделить городецкую культуру от дьяковской, а с другой – невозможностью опираться при этом на область распространения рогожной керамики из-за нечеткости ее границ. Эта черта была особенно явной на территории рязанского течения Оки, как раз там, где много работал Василий Алексеевич, и которая в дальнейшем определялась исследователями как смешанная, поскольку отделить здесь зону распространения сетчатой керамики от зоны рогожной было весьма проблематично. В результате Городцов лишь ввел понятия городецкой и дьяковской культур, но не объяснил их содержания.

В целом же представления, сформулированные обоими классиками нашей науки о единой культурной общности городищ («дьякова типа» у Спицына и без названия у Городцова) с обширным ареалом распространения, существовали в науке довольно долго, вплоть до конца 1930-х гг. Единый ареал этих древностей «раскололся» несколько позднее – с 1940-х гг. в работах Третьякова начинает фигурировать привычный для современности перечень культур.

Еще один важный вывод в работах начального периода был связан с тем, что знания о керамике легли в основу представлений об этническом составе населения центра Русской равнины. Указав на финскую принадлежность «городищ дьякова типа», Спицын (1901) и в дальнейшем это неизменно подчеркивал, обращая внимание на особенность финских городищ – керамику с рельефными

отпечатками (в противоположность литовским – без отпечатков). В дальнейшем эти представления легли в основу основных концепций, доживших до наших дней, об этнокультурной истории населения лесной зоны Европейской России в раннем железном веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антология советской археологии. Т. 1. М., 1995.
- Булычев Н.И.* Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.
- Гендуне Ю.Г.* Городище Топорок // Труды II Областного Тверского Археологического Съезда. Тверь, 1906. С. 261–275
- Городцов В.А.* Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. // ДТМАО. 1900. Т. 17. С. 1–37.
- Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Отд. оттиск из: Труды XI Археологического Съезда в Киеве. Т. 1. 1901а. С. 1–96.
- Городцов В.А.* Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. // ДТМАО. 1901б. Т. 18. С. 1–17.
- Городцов В.А.* Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М., 1910.
- Городцов В.А.* Археологические раскопки в Советской России с 1919 по 1923 гг. // Древний мир. Вып. 1. М., 1924. С. 1–21.
- Городцов В.А.* Болотное Огубское городище // ТГИМ. 1926. Вып. 1. С. 105–124.
- Городцов В.А.* К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // ТСА РАНИОН. 1828. Т. 2. С. 5–11.
- Гусаков М.Г.* Была ли дьяковская культура? Некоторые итоги 150-летнего изучения памятников раннего железного века // Археология Москвы – линия жизни: Сборник статей и материалов в связи с 80-летием А.Г. Векслера. М., 2012. С. 129–134.
- Ефименко П.П.* К истории Западного Поволжья в 1-м тысячелетии н.э. по археологическим источникам // СА. 1937. Т. II. С. 39–63.
- Жуков Б.С.* Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1. Переиздание: Антология советской археологии. Т. 1. М., 1995. С. 63–74.
- Каменский В.И., Спицын А.А.* (Подписано А.А.С.). Раскопки Н.А. Смирнова в Клинском уезде (1902) // ЗОРСА. 1903б. Т. V, вып.1. С. 143–149.
- Краснов Ю.А.* Предисловие // Дьяковская культура. М., 1974. С. 3–6.
- Кренке Н.А.* Дьяковская культура: к характеристике одной научной абстракции // Макариевские чтения. Вып. III, ч. I. Можайск, 1995. С. 98–102
- Крживицкий Л.* Последние моменты неолитической эпохи в Литве // Сборник в честь семидесятилетия проф. Д.Н. Анучина. М., 1913. С. 301–317.
- Кусцинский М.Ф.* Отчет о раскопках в Смоленской губернии 1874 г. // ДТМАО. 1881. Т. 9. Вып. I–III. С. 1–6
- Лявданский А.Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия [Смоленского государственного университета]. Т. 3, вып. 3. Смоленск, 1926. С. 179–296.
- Лявданскі А.Н.* Археолёгічныя доследы у вадазборах рр.Сажа, Дняпра і Касплі у Смаленскай губэрні // ПАК БАН. Т. 2. Менск, 1930. С. 269–338
- Лявданский А.Н.* Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // СГАИМК. 1932. № 7-8. С. 54–61.
- Миронов В.Г.* Памятники городецкой культуры и проблема её локальных вариантов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.
- Митрофанов А.Г.* Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н.э. – VIII в. н.э.). Минск, 1978.
- Покровский Ф.В.* Археологическая карта Гродненской губ. // Труды IX АС. Приложение. Т. 1. М., 1895. С. 1–65.
- Покровский Ф.В.* К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Труды IX АС. Т. 2. М., 1897. С. 138–196.
- Радищев М.* Хвалынские городища // ТСУАК. 1914. Вып. 31. С. 159–171
- Розенфельдт И.Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 90–197.

- Рыков П.С.* Очерки по археологии мордвы по археологическим данным. М., 1933.
- Самоковасов Д.Я.* Могилы русской земли. М., 1908.
- Сизов В.И.* Дьяково городище близ Москвы // Труды IX АС. Т. 2. М., 1897. С. 256–267
- Сидоров В.В.* Каширская культура // Каширский край. Археология. Вып. II. Кашира, 2006.
- Смирнов К.А.* Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7–89.
- Спицын А.А.* Городища Дьякова типа // ЗОРСА. 1903а. Т. V, вып.1. С. 111–142.
- Спицын А.А.* Бологовская стоянка каменного века // ЗОРСА. 1903б. Т. V, вып.1. С. 239–277.
- Спицын А.А.* Новые сведения о городищах Дьякова типа // ЗОРСА. 1905. Т. VII, вып.1. С. 83–93.
- Спицын А.А.* Саратовские древности // ТСУАК. 1912. Вып. 28. Прибавление. С. 1–7.
- Спицын А.А.* Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С.1–12. (Переиздание: Антология советской археологии. Т. 1. М., 1995. С.15–30)
- Станкевич Я.В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тыс. н.э. // МИА. 1960. № 76. С. 7–327.
- Третьяков П.Н.* К истории доклассового общества Верхнего Поволжья // ИГАИМК. 1935. Вып. 106. С. 97–180.
- Трубникова Н.В.* К вопросу о Юхновском городище // ТГИМ. 1938. Вып. VIII. С. 123–128.
- Шмидт Е.А.* Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке VIII в. до н.э. – III-IV вв. н.э.: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1974.
- Ailio J.* Fragen der russischen Steinzeit // Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft. Т. XXIX:1. Helsingfors, 1922.
- Pälsi S.* Tekstiilikeremiikka // Suomen Museo. 1916. Pp. 66–72.

II. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ПРОБЛЕМА НАЧАЛА ФИННО-УГОРСКО-ИРАНСКИХ КОНТАКТОВ

В. В. Напольских (Ижевск)

To the problem of the beginning of Finno-Ugric-Iranian contacts

V. V. Napolskikh (Izhevsk)

Ничего не поделаешь: по-видимому, археология неизбежно трансцендентальна – трудно исследователю, интересы которого сформировались как исторические, да и образование было получено обычно в рамках парадигмы исторической, то есть худо-бедно гуманитарной, ограничить себя рамками естественно-научной по методам, в лучшем случае сходной с криминалистикой, достаточно строгой и скупой на гуманитарные импликации дисциплины. Впрочем, в условиях дефицита, а в ряде областей (как научных, так и административно-географических) – и полного отсутствия специалистов по этнической истории можно только приветствовать стойкое внимание коллег-археологов к этой сфере. При этом, конечно, необходимо осознание того обстоятельства, что, занимаясь этнической историей, исследователь выходит за рамки археологии и, соответственно, должен иметь хотя бы элементарные сведения о положении дел в смежных дисциплинах (прежде всего – в сравнительно-историческом языкознании), владеть терминологией «смежников» и понимать их методы (Анфертьев, 1993). И такое осознание обычно имплицитно подразумевается. Однако опыт моего общения с коллегами вообще и имевшее место на ананьинской конференции в Булгаре обсуждение моего доклада, основные положения которого излагаются в этой статье, в частности, показывает, что даже достаточно опытные и находящиеся, казалось бы, в теме исследователи нередко не в состоянии понять, о чём идёт речь – в силу простого незнания элементарных вещей. Поэтому, прежде чем изложить положения моей гипотезы, я

осмелюсь здесь объяснить некоторые азы – и, если кому-либо это покажется занудством, приношу свои извинения.

Проблема членения индоевропейской языковой семьи стара, как само историческое языкознание. Желающие могут ознакомиться с новейшим обзором различных индоевропейских «родословных древ» в (Blažek, 2005; 2007). Правда, схема, предлагаемая самим Вацлавом Блажком (вслед за С. А. Старостиным) основывается на предельно формализованном лексикостатистическом методе и не может быть принята, поскольку, во-первых, из всех критериев степени языкового родства учитывает только лексику и, во-вторых, предположение о надёжности лексикостатистики/глоттохронологии давно опровергнуто самими её адептами: согласно С. А. Старостину, для «правильного» подсчёта из диагностического списка должны быть элиминированы заимствования (впервые, видимо, идея обоснована в работе Старостина (1989. С. 11–13), но остаётся в силе и сегодня), поскольку понятно, что никогда нельзя быть уверенным в том, что известны все заимствования (например, заимствования из вовсе неизвестных нам языков), постольку говорить о возможности точных подсчётов не приходится. Глоттохронологический метод, таким образом, нельзя абсолютизировать, хотя как вспомогательный инструмент он вполне состоятелен, и на результаты его применения ниже я буду ссылаться.

В значительной мере в этом смысле глоттохронология сопоставима с методом радиоуглеродного датирования в археологии, который, несмотря на кажущуюся его

объективную точность, точно так же зависит от условий и не всегда даёт достоверные результаты, что стало ясно после обоснования процедуры калибровок. В наиболее общем виде родословное древо индоевропейских языков, учитывающее не только лексику, но и фонетические и морфологические явления, и ориентированное хотя бы в какой-то мере относительно реальной географии, сегодня может быть представлено в виде схемы на Рис. 1. Естественно, о ней можно дискутировать, отдельные её элементы могут быть оспорены, но в целом она вполне репрезентативна – насколько в принципе может быть репрезентативно такое «древо» (важно иметь в виду, что в «родословном древе» отражён не сам исторический процесс развития языков, а его результаты, фиксируемые сегодня отношения между языками, – история была, естественно, гораздо более сложной и многогранной и вряд ли может быть уложена в какую-нибудь схему).

Нас в данной схеме интересует, собственно, правая нижняя ветвь – арийская группа языков. Если не учитывать тохарские языки, то арийские – самые восточные из индоевропейских – были в историческое время распространены в Иране, Афганистане, Туркестане и в Южной Азии. Кроме того, есть основания полагать, что именно на арийских языках говорило население (или большая часть населения) евразийских степей от Енисея до Дуная вплоть до средневековья, когда в степи побеждает тюркская и славянская речь. Северными соседями степняков-ариев в Западной Сибири, на Урале и в Поволжье были финно-угры, в языках которых обнаруживается мощный пласт арийских заимствований, свидетельствующих о доминирующем культурном влиянии степи на лес на протяжении весьма длительного времени (Штакельберг, 1893; Munkácsi, 1901; Jakobsohn, 1922; Joki, 1973; Rédei 1986) (при этом примеры обратного, финно-угорского влияния в арийских языках очень немногочисленны и практически все сомнительны – см.: Joki, 1962; Лыткин, 1975). Изучение этих заимствований, их стратификация имеют принципиальное значение для датировок финно-угорской предыстории, уточнения важных аспектов экономического, социального и культурного развития лесного финно-угорского населения. С другой стороны, именно арийские заимствования в финно-угорских языках являются одним из основных аргументов в

пользу былого массового присутствия ариев в степях Евразии и позволяют уточнить характер языков и культуры населения степей в разные исторические периоды. Отсюда – важность изучения арийско-финно-угорских контактов для всей евразийской предыстории.

Арийская группа языков называется так по имени, которым называли себя древнейшие известные нам носители этих языков (создатели Ригведы, древнейшей части Авесты, древние персы) – *арии* (**ārya-*); от этого слова происходит и современное название *Иран*. Таким образом, перед нами – не просто группа родственных языков, а отражение реально существовавшего в прошлом этнического единства, реализовавшегося в самоназвании. Подобное встречается в истории нечасто, другие примеры такого рода – славянская группа с общим древним самоназванием **slōvěne*, угорская с общим самоназванием **mańćz*, а вот, например, в этническом единстве носителей германского, тюркского или финно-угорского праязыков мы не можем быть уверены, и как они себя называли – не знаем. С самого зарождения индогерманистики было ясно, что арийские языки в древности были представлены двумя группами: *индоарийской* (то есть – теми языками, на которых говорили арии, пришедшие в сер. – 2 пол. II тыс. до н.э. в Индию) и *иранской*. Древнейшими языковыми памятниками этих двух групп являются, соответственно, Ригведа (время сложения её текстов – 2 пол. II тыс. до н. э.) и Авеста (древнейшая часть отражает языковое состояние не позднее начала I тыс. до н. э.). Поэтому арийскую группу называют также *индоиранской*¹. Названия *арийский* и *индоиранский*, таким образом, в научной литературе могли выступать и обычно выступают сегодня как полноправные синонимы.

Некоторый отход от употребления термина *арийский* имел место в связи со смыслами, которые придали этому слову в гитлеровской Германии: поскольку в

¹ Следовало бы, наверное, писать это слово через дефис, поскольку оно составлено из двух «равноправных» элементов – аналогично с *финно-угорский*, *сино-тибетский* и т. п., и в отличие, например, от *индоарийский*, где *индо-* является определением к *арийский* (аналогично с *белорусский*, *верхненемецкий* и т. п.). Ср., однако *индоевропейский*. Принятое написание *индоиранский* внешне похоже на *индоарийский*, что нередко является причиной путаницы, с дефисом этого можно было бы избежать, но приходится следовать традиции.

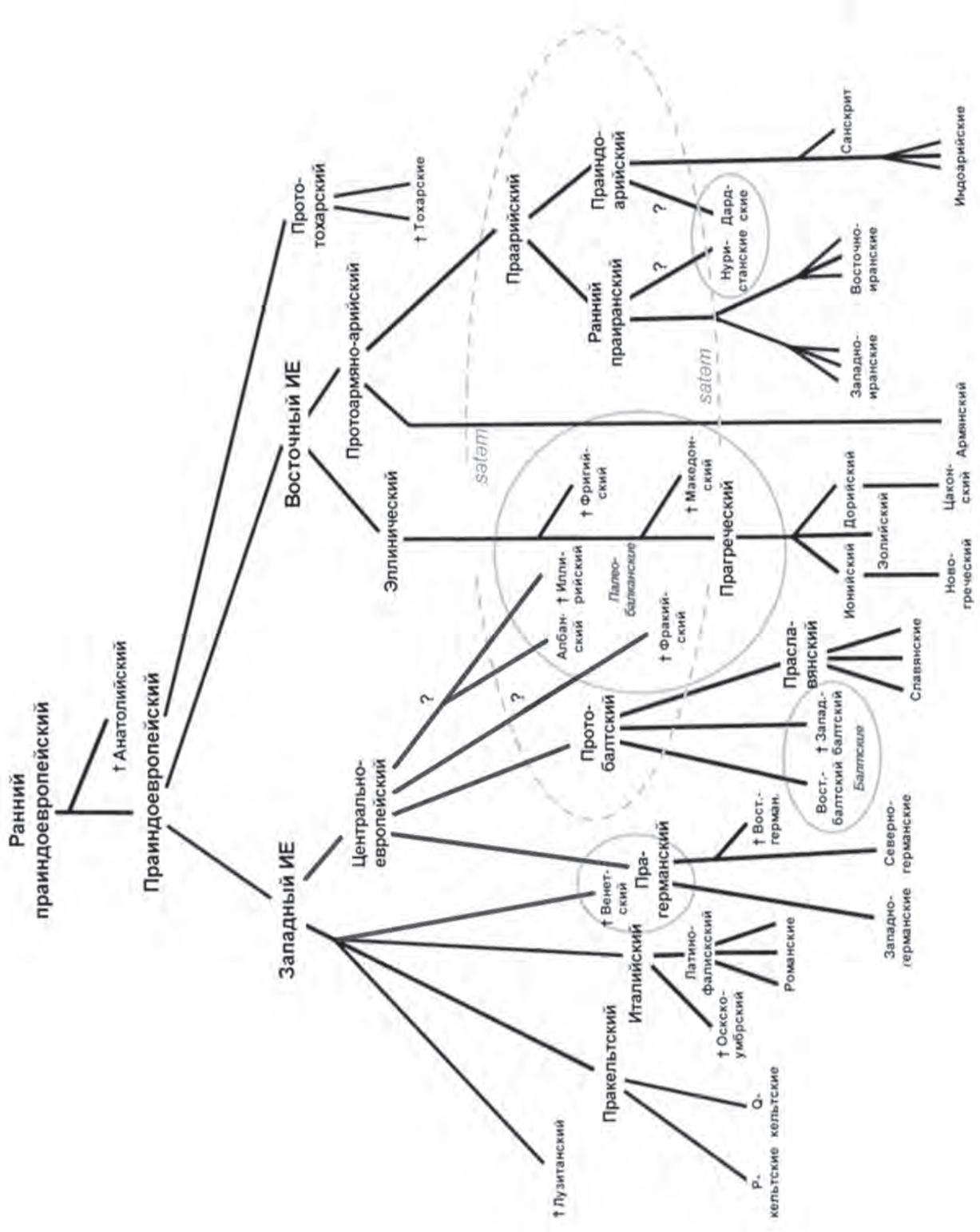

Рис. 1.

Родословное древо индоевропейских языков. На схеме сделана попытка отразить не только генетические, но и ареально-генетические, в том числе – вторичные взаимосвязи групп.

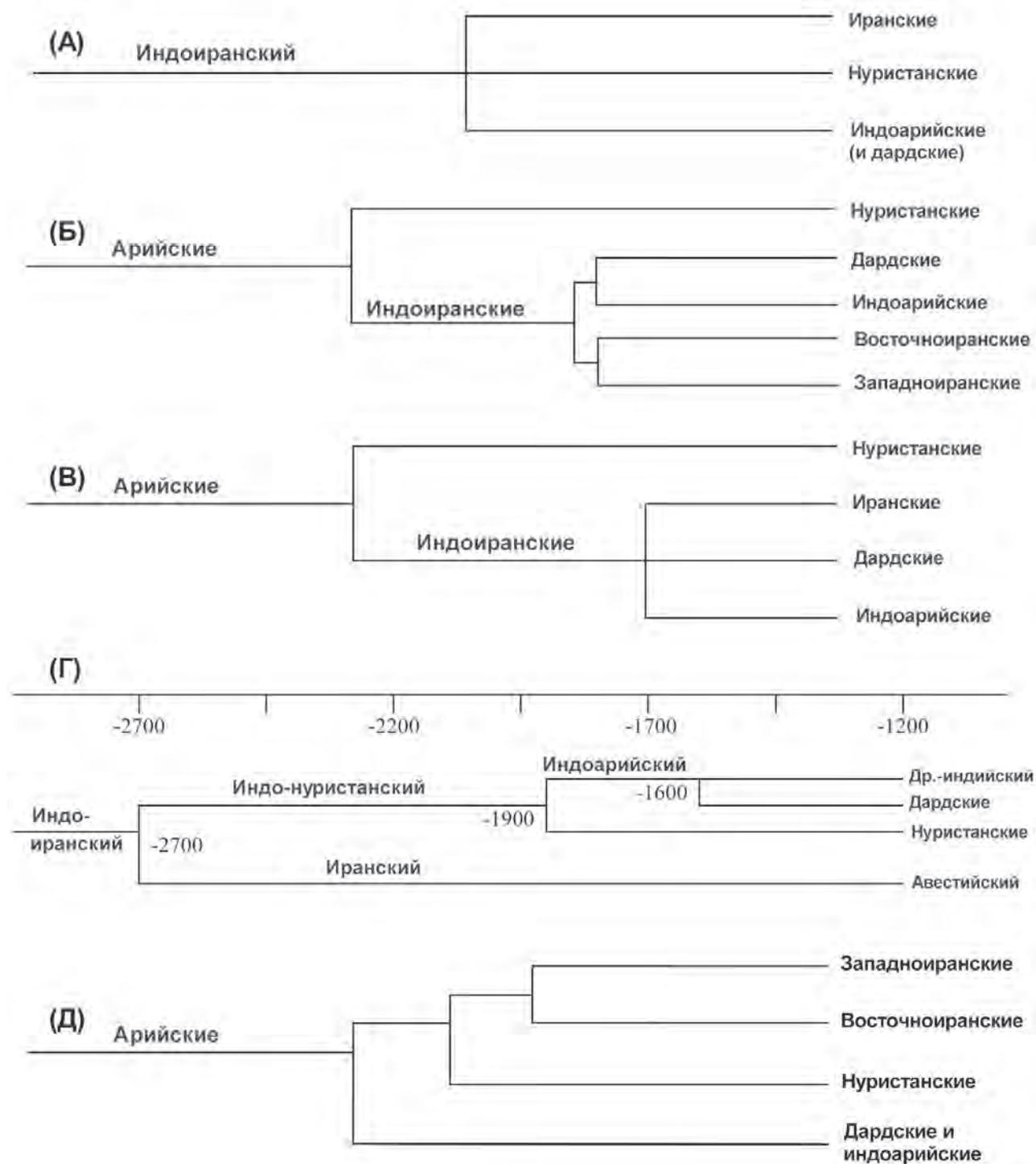

Рис. 2. Родословное древо арийских языков в интерпретации разных авторов: *А* – «традиционное» на середину XX в.; *Б* – по Д. И. Эдельман (1980-90-е); *В* – по А.И. Когану (2005); *Г* – по глоттохронологическим подсчётам В. Блажка и И. Хегедюш (с указанием дат до н. э.; 2012); *Д* – по Р. Липпу (2009).

XIX веке санскрит считался самым архаичным индоевропейским языком, некоторые исследователи полагали, что имя **ārya-* может быть древнейшим самоназванием индоевропейцев вообще (этот тезис сегодня выглядит крайне маловероятным) и, соответственно, «истинными арийцами» были объявлены германцы, которые, по мнению идеологов национал-социализма, жили на индоевропейской прародине и сохранили чистоту крови и древний арийский дух (гумилёвская *пассионарность* тогда ещё не была придумана). Сегодня, впрочем, эти теории стали уже достоянием истории и термин *арийский* вернулся в науку в значении 'индоиранский' (при этом носителей арийских/индоиранских языков следует называть *ариями* – в отличие от мифических *арийцев* Третьего Райха).

В XX веке, благодаря прежде всего работам Г. Моргенштерне и А. Л. Грюнберга, в дополнение к индоарийским и иранским языкам в составе арийской группы были выделены ещё две группировки: нуристанская (кафирская) и дардская. Языки и той и другой группы немногочисленны по числу говорящих (общее количество едва ли сильно превосходит 5 млн. человек) и распространены преимущественно в высокогорных долинах Гиндукуша и Гималаев, в Кашмире, на стыке Индии, Пакистана и Афганистана. Отличие нуристанских и дардских языков от индоарийских и иранских очевидно связано с их изолированным положением, отрывом от консервативного воздействия собственно индийской и иранской религии, культуры и литературных языков и влиянием общего неарийского субстрата, наличие которого подтверждается сохранением в горах Гиндукуша весьма своеобразного языка-изолянта бурушаски. Первоначально более заметным было отличие нуристанских языков от других арийских, а дардские языки исследователи чаще включали в число индоарийских, вследствие чего «родословное древо» арийской группы приобрело вид как на Рис. 2А. В связи с этим некоторые специалисты предложили различать термины *арийский* и *индоиранский*: *арийскими* предлагалось называть все языки данной индоевропейской ветви (индоарийские с дардскими, иранские и нуристанские), а *индоиранскими* – иранские, индоарийские и дардские без нуристанских, которые считались отделившимися от арийской ветви раньше других – Рис. 2Б (Эдельман, 1999). Важным

моментом в схеме Д.И. Эдельман является также представление об очень раннем распаде иранской группы на восточно- и западноиранскую – это положение вполне выдерживает проверку временем и должно учитываться и сегодня.

Однако такое словоупотребление не стало общепринятым, и слова *арийский* и *индоиранский* и сегодня обычно употребляются как синонимы. Дело в том, что здесь всё зависит от установления взаимоотношений арийских языков, от принимаемого варианта построения «родословного древа», вопрос о котором нельзя считать решённым. Так, предлагаемый Д.И. Эдельман вариант (Рис. 2Б) был видоизменён А.И. Коганом в соответствии в его гипотезой о равной удалённости дардских языков как от индоарийских, так и от иранских (при сохранении положения о более раннем обособлении нуристанской группы) – Рис. 2В (Коган, 2005. С. 202). Следует, однако, заметить, что классификация А.И. Когана базируется преимущественно на данных лексикостатистики, которые, как было отмечено выше, нельзя абсолютизировать, – остальные его аргументы (попытки подчеркнуть отличия дардских языков от индоарийских в области фонетики и морфологии) не очень убедительны. Что же касается лексикостатистики и её достоверности, то применение несколько иной методики «калибровки» даёт совершенно неожиданную по сравнению со схемой А.И. Когана (да и с большинством других) картину – см. Рис. 2Г (Blažek, Hegedűs, 2012).

Наконец, важнейшее и, пожалуй, революционное (хотя и ожидаемое) значение для понимания истории арийских языков, и в том числе – для нашей темы, имеет новая реконструкция истории арийского консонантизма, недавно разработанная Р. Липпом. Согласно его весьма хорошо фундированным выводам, развитие системы старых индоевропейских палатальных смычных (в арийских давших преимущественно сибиллянты и аффрикаты, то есть звуки типа *с, съ, ш, џ, ч, дж* и под.) в иранских языках шло с самого начала (со времени распада арийской общности) по-другому, нежели в индоарийских, но зато практически так же, как в нуристанских (Lipp, 2009. P. 139–149, 330–336; подробнее см. ниже). Это обстоятельство вкупе с другими особенностями, сближающими нуристанские языки с иранскими, привело Р. Липпа к заключению о том, что после

распада арийской общности некоторое время существовало иранско-нуристанское языковое единство, которое распалось раньше разделения праиранского на западно- и восточноиранский (это разделение Р. Липп как и Д.И. Эдельман склонен считать также весьма древним) – см. Рис. 2Д (Lipp, 2009. P. 160–170, 333).

Мне представляется, что сегодняшнее «родословное древо» арийских языков (Рис. 3) следует строить исходя из признания правоты гипотезы Р. Липпа о ранней общности иранского и нуристанского, гипотезы А.И. Когана об особом положении дардских языков (с изначальным отнесением их всё-таки в один кластер с индоарийскими), идеи о раннем расхождении восточно- и западноиранского и того очевидного обстоятельства, что особенности дардских и нуристанских языков обусловлены длительной изоляцией и особым «гиндукушским» субстратом (этот фактор, помимо прочего, заставляет с очень большой осторожностью относиться к результатам лексикостатистических подсчётов по дардским и нуристанским языкам – см. выше о роли заимствований в «калибровке»). При этом сохраняется старое деление на индоарийскую (индоарийско-дардскую) и иранскую (ирано-нуристанскую) ветви, и, соответственно, термины *арийский* и *индоиранский* остаются синонимами. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что как в иранской, так и в индоарийской ветви существовали значимые в культурном и религиозном отношении языки, оказывавшие постоянное «нивелирующее» воздействие на все или большую часть языков соответствующих групп, которое, безусловно, затеняет исторические различия и затрудняет оценку степени расхождения (в том числе – и в лексикостатистике). Такое влияние оказывали на иранские языки, например, авестийский (возможно, ещё с середины I тыс. до н. э. и, по крайней мере, до VII–VIII вв. н.э.) и персидский (возможно, ещё с VII–VI вв. до н.э., но в особенности после IX–X в. н.э. и до нашего времени), а на индоарийские – древнеиндийский и созданный на его базе санскрит (по-видимому, со времени кодификации Ригведы в первые века I тыс. до н.э. и до сего дня).

Как видно из этого лапидарного введения, история арийских языков сложна и исследование её не стоит на месте, а в последние десятилетия в этой области появились новые разработки, вносящие

существенные коррективы в традиционные взгляды. Естественно, что это обстоятельство необходимо учитывать и при анализе арийско-финно-угорских взаимоотношений, которые, как было показано выше, имеют принципиальное значение для понимания древней этнической истории Северной Евразии в целом.

Традиционно (это отражено как в ставших классическими неоригинальных по преимуществу компиляциях: Joki, 1973; Rédei, 1986; так и в попытках критического анализа материала: Harmatta, 1977; Лушникова, 1990) история арийско-уральских языковых контактов представлялась в виде более или менее непрерывной последовательности пластов заимствований:

1) (?) праиндоевропейский → прауральский; существование данного этапа контактов вызывает законные возражения многих исследователей и, по моему убеждению, является фикцией – см.: (Напольских, 1997. С. 144–148); о новейших вариантах гипотезы праиндоевропейско-уральских контактов с ещё более резкой оценкой см.: (Напольских, Энгватова, 2000; Хелимский, 2000. С. 489–501, 511–535);

2) ранний праарийский (до общеарийского перехода ПИЕ *e, *o > ар. *a) → прафинно-угорский;

3) праарийский → прафинно-угорский;

4) праиранский («ранний праиранский» до перехода ар. *s > иран. *h и ар. *ś > иран. *s) → прафинно-угорский/праугорский и прафинно-пермский;

5) древнеиранский → праугорский и прафинно-пермский/пермский и финно-волжский;

6) среднеиранский (восточноиранский) → прасамодийский (иранизмы в прасамодийском впервые ясно выделены, видимо в: Janhunen, 1983), праугорский, прапермский, финно-волжский;

7) аланский (древнеосетинский) → угорские, пермские, марийский, мордовские.

Таким образом, согласно этой схеме (см. Рис. 4, левая половина таблицы), в степной зоне Евразии от Оби до Дона примерно с начала III тыс. до н.э. и до середины I тыс. н.э. не происходило каких-либо исторически релевантных этнических процессов, сопровождавшихся сменой языков, имело место постепенное непрерывное развитие от праиндоевропейского через праарийский к иранскому и, наконец, к исторически

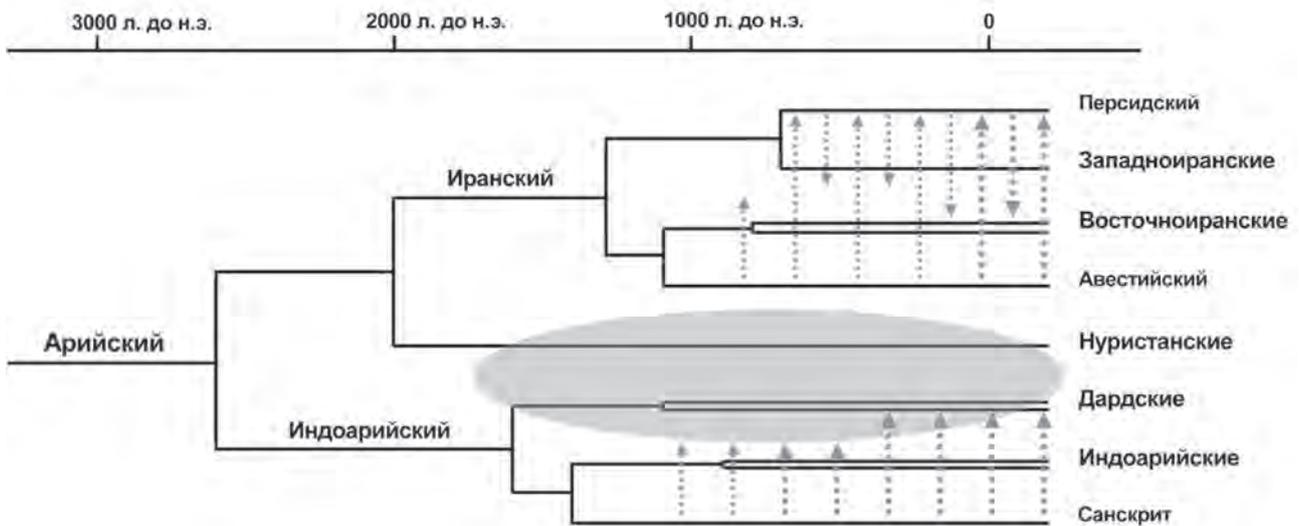

Рис. 3. Родословное дерево арийских языков с учётом новейших гипотез и ареально-генетических связей.

ПИЕ	ПУр	тыс. до н. э.	ПИЕ	ПУр
ранне-ПАр	ПФУ	3	ранне-ПАр	ПФУ
ПАр	ПФУ		ПАр	ПФУ
ранне-ПИран	ФПерм / Угр	2	ранне-Индоар.	ФПерм / Угр
древне-Иран	ФПерм / Угр		Индоар. / древне-Иран.	ФПерм / Угр
средне-(вост-)Иран	ФВол / Перм / Венг / ОбУгр / Сам	1	средне-(вост-)Иран	ФВол / Перм / Венг / ОбУгр / Сам

Рис. 4. Стратификации арийских заимствований в уральских языках.

Левая половина таблицы – традиционная стратификация, исходящая из непрерывности развития ПИЕ – арийский – иранский в степной зоне Евразии. Правая половина – предлагаемая в статье новая стратификация, учитывающая индоарийскую эпоху в степях Евразии. Серым широким пунктиром в правой половине обозначен примерный период смены индоарийской речи на (средне-восточно-)иранскую в степной зоне.

известным восточноиранским языкам. Скифы, сарматы, аланы и осетины рассматриваются с этой точки зрения как прямые языковые потомки в конечном счёте энеолитического степного населения, а миграции и ассимиляция в степной зоне на протяжении более чем трёх тысяч лет если и предполагаются, то только в пределах одного языкового массива: в древности – общеарийского, позднее – непосредственно вырастающего из него иранского. Принципиальная возможность такой тысячелетней непрерывности, конечно, не исключена, но – принимая во внимание тот факт, что перед нами история развития весьма подвижных скотоводческих обществ – всё же представляется весьма маловероятной.

С другой стороны, давно было замечено, что так называемые «ранние праиранские» заимствования (4-я стадия приведённой выше последовательности) в финно-угорских языках, составляющие, пожалуй, самую значительную группу из древних, не обнаруживают, собственно говоря, никаких специфически иранских черт и прежде всего – типичных общеиранских переходов ар. **s* > иран. **h* (~ индоар. **s*), ар. **č* > иран. **s* (~ индоар. **ś*), а, напротив, предполагают формы языка-источника, практически не отличавшиеся от индоарийских, точнее – даже собственно древнеиндийских:

– ПФУ **as8r3* ‘господин, богатч’ (удм. *uzir* ‘богатый’ и др.) ← ар.: др.-инд. *asura-* ‘божество’ при ав. *ahurō* ‘господин’;

– ПФУ **šata* ‘сто’ (удм. *šu* ‘сто’ и др.) ← ар.: др.-инд. *śata-* при ав. *satəm*;

– ф.-перм. **sasare* ‘(младшая) сестра’ (удм. *suzer* и др.) ← ар.: др.-инд. *svásar-* ‘сестра’ при ав. *χʷanhar*;

– ф.-перм. **set3* (**sejt3*) ‘мост, пол’ (коми *sojd* и др.) ← ар.: др.-инд. *sétu-* ‘лента, плотина, мост’ при ав. *haētū-* ‘плотина, осет. *xīd/xed* ‘мост (ср. венг. *hid* ‘мост’ – позднее заимствование из аланского);

– ПУГ **säpt3* ‘семь’ (манс. *sāt* и др.) ← ар.: др.-инд. *sapta-* при ав. *hapta-*;

– ПУГ **šejk3* ‘клин, колышек, гвоздь’ (венг. *szég* и др.) ← ар.: др.-инд. *śāṅkū* ‘колышек, гвоздь’, в иранских языках не зафиксировано; и т. п.

С формальной и попросту последовательной точки зрения, таким образом, эти заимствования следовало бы называть индоарийскими, но никак не иранскими. Однако, такому выводу препятствовали представления о том, что

исторически в степной зоне по крайней мере с раннего античного времени фиксировались иранские языки, в то время как ареал формирования индоарийских предполагалось размещать где-то дальше к югу, ближе к Индии. Показательна в этом плане цитата: “Наиболее многочисленная и репрезентативная часть заимствований, обычно рассматриваемых как иранизмы в обско-угорских и пермских языках в действительности не имеет никаких специфически иранских или раннеиранских черт. С равным успехом их можно было бы считать индоарийскими или раннеиндоарийскими заимствованиями, если бы только такая атрибуция имела исторические права на существование” (Хелимский 2000. С. 508). Как видим, в данном случае сделать прямо вытекающий из лингвистического материала вывод мешают сугубо экстралингвистические соображения, что нарушает принцип независимости источников в этноисторическом исследовании.

Данное противоречие разрешалось (и для значительной части специалистов разрешается и сегодня) в иранистике с помощью предположения о следующей эволюции первичных ПИЕ палатальных и **s* в иранском: 1. ПИЕ **k̄, *ḡ, *ḡh, *s* > 2. ар. **č, *j, *j̄h, *s* > 3. ранне-праиран. (**č* >) **ś, (*j̄ >) *ž, (*j̄ >) *ž, *s* > 4. праиран. **ś, *ž, *ž, *s* (> **h*) > 5. ав. / др.-перс. *s / θ, z / d, z / d, h* (Эдельман, 1986, с. 38-45), – то есть, по сути дела, предполагалось, что консонантизм раннего праиранского (стадии 3-4, откуда и происходит, якобы, большинство древних арийских заимствований в финно-угорские языки) практически совпадал с индоарийским (древнеиндийским), который, в отличие от иранского, долго оставался очень архаичным. Таким образом, логическая цепочка здесь выстраивается следующая: в степях исторически жили иранцы – заимствования в финно-угорские языки могут происходить только из иранских языков (или их прямых арийских «предков») – особенности фонетики арийских заимствований отражают фонетику праиранского на какой-то его стадии – южными соседями финно-угров в степях всегда были иранцы или их непосредственные арийские предки по языку. Классический случай *circulus in probando*.

Между тем, предположение о том, что древние арийские заимствования в финно-угорских языках происходят из какого-то раннего праиранского языка,

где ещё не произошли типичные иранские звуковые изменения, встречается решительные возражения историко-культурного плана. Дело в том, что распад праиранского невозможно датировать временем более поздним, чем вторая половина II тыс. до н.э.: помимо данных глоттохронологии важно, что авестийский и древнеперсидский языки показывают уже к VII–VI вв. до н.э. весьма существенное расхождение, причём возможно, что речь идёт не о разделении на западно- и восточноиранский, а уже о распаде западноиранского на юго-западный и северо-западный (Соколова 2013. С. 13, 14). Следовательно, интересующая нас стадия «раннего праиранского» вряд ли могла сохраняться сильно позднее начала II тыс. до н. э. – то есть в период, когда в лесной зоне у предков финно-угров ещё трудно предполагать развитие скотоводства и тем более земледелия, на что, однако, указывает ряд бесспорных арийских заимствований:

ф.-вол. **utare* ‘вымя’ ← ар.: др.-инд. *ūdhar* ‘вымя’ || иранское соответствие, по-видимому, неизвестно;

приб.-ф. **terne* ‘молозиво’ ← ар.: др.-инд. *tarṇa-* ‘телёнок’ || ав. *tauruna-* ‘детёныш’;

ф.-вол. **akšterz* ‘неплодородный, яловый’ ← ар.: др.-инд. *akṣetra-* ‘безжизненный, ненаселённый’ (< *kṣeti* ‘жить, обитать’) || иранское соответствие (ав. *šaēti* ‘жить, обитать’ и под.) не сохраняло бы *-k-*;

удм. *šezi* ‘овёс’ < **sāsiz* ← ар.: др.-инд. *sa-sya-* ‘посевы, хлебá’ || ав. *hahya-* ‘тж’;

ф.-перм. **šuka* ‘хлеб в зерне, мякина’ ← ар.: др.-инд. *sūka-* ‘колос; колючка’ || ав. *sūkā* ‘игла; шип’. Показательно, что заимствованная позднее уже из иранского источника форма точно отражает не только фонетику, но и семантику именно иранского слова: мар.-перм. **sukz* ‘колючка, щетина, щётка’ ← иран.: ав. *sūka-* ‘игла, шип’.

Таким образом, интерпретация старых арийских заимствований в финно-угорских языках как «ранних праиранских» встречает серьёзные возражения как лингвистического, так и историко-хронологического плана.

Было предложено две гипотезы для разрешения этих противоречий. Первая принадлежит В. И. Абаеву (1972), который, отметив указанные выше и некоторые другие фонетические сложности, обратил также внимание на то обстоятельство, что семантически большинство так называемых «раннеиранских» заимствований в финно-угорских языках соответствуют значениям

слов индоарийских языков (точнее – попросту древнеиндийского), но не иранских (разумеется, в тех случаях, когда между иранскими и индоарийскими имеются расхождения – при этом обратных случаев нет!) – примеры см. выше, можно добавить ещё два:

– ППерм **šumzs* ‘ремень из сыромятной кожи’ ← ар.: др.-инд. *syūman-* ‘лента. ремень, пояс’ || иран.: осет. *xijun*, согд. *swm-* и др. ‘шить’;

– ф.-перм. **rešmä* ‘верёвка’ ← ар.: др.-инд. *raśmi-* ‘верёвка’ || без надёжных параллелей в иранских.

Вывод В. А. Абаева был однозначен: он предположил, что распад индоиранской общности произошёл ещё в период обитания ариев в степях, и уже обособившиеся от иранцев носители индоарийской речи имели контакты с финно-уграми. Это предположение, однако, не нашло отклика у исследователей, чему помешала, видимо, известная инерция мышления, и, возможно, то обстоятельство, что в версии В. И. Абаева данный вывод прозвучал, во-первых, достаточно осторожно, и, во-вторых, он допускал одновременное пребывание уже разделившихся индоариев и иранцев в степях Евразии и их одновременные контакты с финно-уграми, что выглядело достаточно запутано и не решало проблему отсутствия слов со специфически иранскими признаками среди древних арийских заимствований в финно-угорских языках. Вместе с тем, следует признать это решение наиболее последовательным, и к новой его интерпретации мы вернёмся ниже.

Другая гипотеза была предложена в 1998 г. Е. А. Хелимским (Хелимский, 2000, с. 502-510) и получила более широкую известность среди финно-угроведов и археологов. Она состоит в предположении о существовании в степях Евразии в древности языка третьей (или четвёртой или пятой – в зависимости от принимаемого членения арийской общности) арийской группы, отличающегося как от иранских, так и от индоарийских (а также от нуристанских и от дардских), из которого и происходят эти загадочные заимствования в финно-угорских. Данный язык было предложено именовать *андроновским арийским* – по названию андроновской археологической общности, создатели которой и могли на таком языке говорить. Основанием для такого решения стали прежде всего указанные выше непреодолимые трудности аттестации рассматриваемых заимствований

как иранских (предполагать их нуристанское или дардское происхождение оснований ещё меньше). От индоарийских же языков «андроновский арийский», по мнению Е. А. Хелимского, отделяют две особенности: во-первых, сохранение в ряде арийских заимствований в финно-угорских языках арийского окончания номинатива **-s*, которое в иранских практически не сохранялось (иранский переход **s > *h*), а в древнеиндийском также артикулировалось ослабленно и сохранялось как **s* только в некоторых позициях (например, ф.-перм. *ertäs* ‘ребро’ ← ар.: др.-инд. *ardhah* || ав. *arəda-* ‘часть, сторона, половина’). Во-вторых, довольно частотное отражение в финно-угорских языках арийского краткого **a* как переднеязычного **ä* или даже **e* (см. тот же пример с ‘ребром’ или ПУГ **säptz* ‘семь’ ← ар.: др.-инд. *sapta-* || ав. *hapta-*).

Несмотря на то, что статья Е. А. Хелимского, безусловно, наилучшим образом раскрывает проблему, с последней частью его аргументации никак нельзя согласиться: сохранение конечного **-s*, которое в древнеиндийском всё-таки иногда произносилось, и палатальное произношение краткого **a* (явление хотя и не встречающееся, кажется, в известных индоарийских языках, всё-таки, совсем нередкое, и хорошо представленное в других арийских языках, например, в иранских, да и могущее в ряде случаев иметь позиционное объяснение, см.: Лушникова, 1990) – едва ли достаточное основание для постулирования нового таксона внутри арийской группы, особенно на фоне указанных удивительных совпадений арийских этимонов финно-угорских слов в фонетике и семантике не просто с индоарийскими, а даже с древнеиндийскими. Безусловно, неудачным и создающим ложные коннотации следует признать предложенное название «андроновский арийский», поскольку ареал рассматриваемых здесь арийских заимствований никак не ограничен восточными финно-угорскими языками: они встречаются и в прибалтийско-финских, саамских и мордовских, что едва ли возможно при выведении их исключительно из языка носителей культур андроновской общности (в начале II тыс. до н. э. доприбалтийско-финско-мордовские диалекты едва ли следует помещать восточнее Среднего Поволжья).

Таким образом, следует признать скорее правоту В. И. Абаева: данный пласт арийских заимствований происходит из языка индоарийской

группы, близкого к древнеиндийскому. При этом в отличие от В. И. Абаева я полагаю, что с иранскими языками в этот период финно-угорские контакты не имели, поскольку реальных праиранских заимствований в финно-угорском нет.

Данный вывод получает абсолютное подтверждение в свете новой реконструкции истории арийского консонантизма, предложенной Р. Липпом. По всей вероятности, развитие системы сибилантов и аффрикат, возникших из праиндоевропейских палатальных и **s*, шло в праиранском совсем не так, как это предполагали раньше, а следующим образом: 1. ПИЕ **k, *g, *gh, *s >* 2. ар. **č, *j, *jh, *s >* 3. ранне-праиран. (ирано-нуристанский) (**č >*) **c, (*j >)*z, (*j >)*z, *s >* 4. праиран. (с различиями по диалектам) **t^s / *t^s, *d^z / *d^z, *d^z / *d^z, *h >* 5. ав. / др.-перс. *s / θ, z / d, z / d, h* (Lipp, 2009, с. 139-149, 330-336). Здесь нет возможности разбирать аргументацию Р. Липпа, но она вполне основательна и до сих пор не получила какого-либо опровержения со стороны специалистов. Важнейшим обстоятельством для нас является то, что эта схема построена на древних языковых материалах, а не на основании арийских заимствований в финно-угорских языках, и отмеченный выше *circulus in probando* в данном случае отсутствует. Если принимать схему Р. Липпа, то ошибочность аттестации древнего слоя арийских заимствований как (ранне)праиранских или иранских в принципе становится совершенно очевидной: ни на какой стадии развития консонантизма иранские языки и их прямые арийские «предки» не могли иметь форм, которые послужили бы этимонами для финно-угорских (см. рис. 5), на роль источника ранних арийских заимствований в финно-угорских языках могут претендовать только язык индоарийского типа.

Вывод, который следует сделать из рассмотренного материала, однозначен: возникший на стадии раннего праарийского и прафинно-угорского языков (вероятно, в начале III тыс. до н.э.) контакт продолжался затем между языками-потомками прафинно-угорского и выделившимся из праарийского индоарийским языком без участия иранского. Интересно, что есть несколько арийских заимствований в прафинно-угорском, которые позволяют заметить раннюю индоарийскую стадию языка-источника (предшествовавшую той, что дала большую

ПФУ *śata [śata] ‘сто’

ПИЕ	*k̂ *ĝ *gĥ			*k̂m̂to-
ПАр	*č̂ *ĵ *ĵĥ			*č̂enta- > *č̂ata-
	Индоарийский	Иранский	старая иран. реконструкция	иран. реконструкция по Р. Липпу
Ранний ПинДар, ранний Пир	*ś̂ *ẑ *zĥ *śata- ★	*ś̂ *ẑ *ẑ *śata- ★	*ĉ *ẑ *ẑ *cata- [tsata-]	
ПинДар, Пир	*ś̂ *ẑ *ĥ *śata- ★	*ś̂ *ẑ *ẑ *śata- ★	*t̂ŝ/*t̂ŝ *d̂ẑ/*d̂ẑ *d̂ẑ/*d̂ẑ *t̂sat̂- / t̂ata-	
Др-инд., ав. / др.- перс.	ś̂ ĵ ĥ śata- ★	s /θ z /d z /d sat̂- / θata-	s /θ z /d z /d sat̂- / θata-	

Рис. 5. Возможные арийские прототипы для заимствований прафинно-угорского уровня на примере ПФУ *śata ‘сто’.

Звёздочками обозначены реконструируемые арийские формы, которые могли бы дать в прафинно-угорском *śata. Если принимать новую реконструкцию истории иранского консонантизма по Р. Липпу, в иранской части таблицы нет подходящих кандидатов на источник ПФУ слова, и остаётся только возможность происхождения его из языка индоарийского типа.

часть заимствований, близких по форме и семантике к древнеиндийским):

– ПФУ *śasra ‘тысяча’ ← скорее из раннего индоар. *(sa)zhasra- ‘(одна) тысяча’ (< ПИЕ *sm̂-ĝheslo-), поскольку ар. *(sa)jhasra- (> др.-инд. sahasra- ~ ав. hazanr̂em) дало бы скорее ПФУ **časra

– ф.-мрд. *waśara ‘топор, молот’ ← ранний индоар. *važra- ‘палица’, поскольку ар. *vajra- (> др.-инд. vajra- ~ ав. vazra) равно как и близкая к др.-инд. форма дали бы скорее **wačara – здесь я предполагаю, что логичнее реконструировать следующую линию развития первичных и вторичных палатальных в индоарийском: ПИЕ *k̂, *ĝ, *gĥ || *k̂^(u)i, *ĝ^(u)i, *gĥ^(u)i > ар. *č̂, *ĵ, *ĵĥ || *t̂, *d̂, *d̂ĥ > ранний индоар. (деаффрикатизация первичных палатальных) *ś̂, *ẑ, *zĥ || *č̂, *ĵ, *ĵĥ с последующим слиянием звонких *ẑ и *ĵ > *ĵ, а *zĥ и *ĵĥ

> *ĥ и становлением четырёхчленной древнеиндийской системы ś [ś̂], c [č̂], j [ĵ], ĥ.

Следовательно, можно постулировать фиксацию в заимствованиях в финно-угорские языки плавного развития языка индоарийского типа из общеарийского состояния у населения степей Евразии. Вероятно, этот процесс происходил в первой половине II тыс. до н. э., поскольку подобная ранняя индоарийская стадия фиксируется в митаннийском арийском в сер. II тыс. до н. э. (ср., например: хетт. *uašanna* ‘беговая дорожка, след повозки’ < митаннийско-арийское *uažhana- ~ др.-инд. *vāhana-* ‘повозка’ < ПИЕ *uegĥ-) (Lipp, 2009, с. 145, 269). Именно к середине II тыс. до н. э., когда собственно индоарийский языковой тип мог уже сформироваться, относится начало широкого распространения в лесной зоне скотоводства, а позднее – и земледелия, что

и отражается в приведённых выше арийских заимствованиях, связанных с этими культурными инновациями. Подчеркну, что для этого периода не обнаруживаются явных следов каких-либо контактов финно-угров с иранцами, равно как и нет специальных оснований для постулирования существования в степи особого арийского языка «третьей» (или «четвёртой») группы (см. выше).

Наиболее ранние заимствования в финно-угорских языках, источником которых мог быть специально иранский язык, немногочисленны и позволяют реконструировать этимоны древнеиранского типа, весьма близкие к авестийским, которые скорее могут уже отражать какой-то восточноиранский язык (или древнеиранский без возможности более точной спецификации):

– ф.-перм. *ajša* ‘оглобля’ (удм. *vajž* и др.) ← иран. **aiša-* (ав. *aēša* ‘плуг’) (с сохранением архаичной семантики в заимствовании) || др.-инд. *iṣā* ‘оглобля, дышло’;

– приб.-ф. **ajwa* ‘только, всего, единственно’ ← иран. **aiwa-* (ав. *aiva*, *aēva* ‘один, единственный, лишь’) || др.-инд. *eva* ‘только, так, именно’;

– ПУГ **saraña* ‘золото’ (венг. *arany* и др.) ← иран. **zaranya-* (ср.-перс. *zarēn*) || др.-инд. *hiranya-*.

Датировать такие формы следует не ранее чем второй половиной или даже концом II тыс. до н.э. На относительно поздний их возраст указывает и отсутствие среди них слов общефинно-угорского распространения. Затем их сменяют гораздо более многочисленные слова уже совершенно определённо восточноиранского происхождения, среди которых широко представлены термины скотоводства, земледелия, металлургии, социальные термины:

– ППерм **kört* || морд. *kšni* (< **kərt-ni*) || мар. *kürtñö* || манс. *kēr* ‘железо’ (принято считать, что эти слова заимствованы из иранского сепаратно) ← ср.-иран.: осет. *kard* ‘нож, сабля, меч’, ср.-перс. *kārt* ‘тж’; ав. *kar^{ti}* ‘нож’;

– ф.-морд. **wasa* ‘телёнок’ ← вост.-иран.: осет. *wæss*, ягноб. *wasak* ‘телёнок’;

– морд. **šaka* ‘коза’ ← вост.-иран.: осет. *say* ‘коза’ || др.-инд. *chāga-* ‘козёл’;

– ППерм **eksz* ‘царь’ ← вост.-иран.: осет. *æxsīn* ‘госпожа, княгиня’, скиф. *aksaj* (< др.-иран. **xšaja-*);

– ППерм **gón* ‘шерсть’ ← ср.-иран. **gun* : осет. *γun* ‘тж’ при ав. *gaona-*;

– об.-уг. **ārγz* ‘(эпическая) песня’ ← ср.-иран. **ā-grāy* : согд. *ni-γrāy* ‘петь’, осет. *arǰaw* ‘сказание, сказка’;

– ПСам **pulā* ~ **pilā* ‘мост’ ← ср.-вост.-иран. **puhl* ‘мост’ < иран. **pṛtu-* ‘переход, брод’.

Заимствования эти сепаратно попадали в разные уральские языки (причём как на востоке в прасамодийский, так и на западе в прафинно-мордовский), видимо, с начала I тыс. до н.э. и вплоть до средневековья, поскольку позднейшие иранизмы в пермских и венгерском языках отражают уже специфически древнеосетинские формы. Наибольшее количество этих восточноиранских заимствований обнаруживается (по мере убывания) в венгерском, пермских, обско-угорских и марийском, наименьшее – в прибалтийско-финских и самодийских языках. Общая картина истории финно-угорско-арийских контактов, как она видится в свете изложенных данных, отражена на Рис. 4 (правая половина таблицы).

Таким образом, временем начала финно-угорско-иранских контактов следует считать конец II до н.э., когда в степях Евразии, по крайней мере от междуречья Оби и Енисея на востоке (контакт с прасамодийским) и по крайней мере до Поволжья на западе (контакт с праприбалтийско-финско-мордовским), довольно быстро распространяется иранская, точнее, видимо, уже восточноиранская речь, вытесняющая индоарийский языковой массив, господствовавший в степной зоне со времени распада арийского единства в III тыс. до н.э. Археологическим отражением такой иранской волны в степях может быть сложение общности культур валиковой керамики. Соображения экстралингвистического порядка заставляют предполагать, что поток носителей этой восточноиранской речи распространялся в степи с востока на запад, и сложение к VII в. до н.э. в Причерноморье раннескифской культуры, в носителях которой можно видеть исторических киммерийцев (Иванчик, 2001), является свидетельством первого исторически релевантного появления иранцев на западе степной зоны.

Думается, этот вывод имеет принципиальный характер для понимания многих процессов древнейшей истории Северной Евразии, в том числе и проблем происхождения индоариев и путей их миграций в Южную Азию. Очевидно, что популярная старая идея об изначальном более

южном (на юге Средней Азии, в Афганистане и т. п.) расселении предков индоариев по сравнению с более северными степняками-иранцами не может быть принята, и следует иметь в виду более сложные гипотезы арийских миграций.

Относительно ананьинской темы из изложенного также следует немаловажный, на мой взгляд, вывод о том, что в предананьинское время в степной и лесостепной зоне Поволжья и Предуралья произошла смена языка (которая не могла не сопровождаться хотя бы частично сменой населения), а южный компонент в сложении культур ананьинской культурно-исторической области следует связывать с носителями восточноиранских языков.

Сокращённые названия языков:

ав. – авестийский; ар. – арийский/праарийский; венг. – венгерский; вост.-иран. – восточноиранский; др.-инд. – древнеиндийский; др.-перс. – древнеперсидский; индоар. – индоарийский; иран. – иранский; манс. – мансийский (северный); мар. – марийский; мар.-перм. – марийско-пермский (ареал); морд. – мордовский (эрзянский и мокшанский); об.-уг. – обско-угорский; осет. – осетинский; ПИЕ – праиндоевропейский; праиран. – праиранский; прибалт.-ф. – прибалтийско-финский; ПСам – прасамодийский; ПУг – праугорский; ПФУ – прафинно-угорский; скиф. – скифский; согд. – согдийский; ср.-иран. – среднеиранский; ср.-перс. – среднеперсидский; удм. – удмуртский; ф.-вол. – финно-волжский; ф.-морд. – прибалтийско-финско-мордовский; ф.-перм. – финно-пермский; хетт. – хеттский; ягноб. – ягнобский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972 (цит. по: Абаев В. И. Избранные труды. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995. С. 458–471).
- Анфертьев А.Н.* Прологомены к изучению этнической истории // Этносы и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. М., 1993. С. 62–69.
- Иванчик А.И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М., 2001. (Серия «Степные народы Евразии. Т. 2»)
- Коган А.И.* Дардские языки. Генетическая характеристика. М., 2005.
- Лушников А. В.* Стратификация ирано-уральских языковых контактов: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.. М., 1990.
- Лыткин В.И.* Пермско-иранские языковые контакты // ВЯ. 1975. № 3. С. 84–97.
- Напольских В.В.* Введение в историческую уралоистику. Ижевск, 1997.
- Напольских В. В., Энговатова А. В.* Симпозиум «Контакты между носителями индоевропейских и уральских языков в неолите, энеолите и бронзовом веке» // РА. 2000. № 4. С. 224–232.
- Соколова В.С.* 2013 – Авеста. Пер. В.С. Соколовой; подгот. к изд. и ред. И. А. Смирновой. 2-е изд. СПб., 2013.
- Старостин С.А.* Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Москва, 1989. Ч. 1. С. 3–39 (перепечатано в: Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 407–447).
- Хелимский Е.А.* Компаративистика, уралоистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Штакельберг Р.Р.* Ирано-финские лексикальные отношения // Древности восточные. М., 1893 (Труды Восточной комиссии ИМАО. Вып. I: 3).
- Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
- Эдельман Д.И.* Индоиранские языки // Языки мира: Дардские и нуристанские языки. М., 1999. С. 10–13.
- Blažek V.* On the internal classification of Indo-European languages: Survey // *Linguistica online*. November, 2005. (интернет-ресурс, режим доступа: <http://www.phil.muni.cz/linguistica/art/blazek/bla-003.pdf>)
- Blažek V.* From August Schleicher to Sergei Starostin. On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages // *The Journal of Indo-European Studies*. 2007. Vol. 35: 1-2.

- Blažek V., Hegedűs I.* On the position of Nuristani within Indo-European // *The Sound of Indo-European 2: Papers on Indo-European Phonetics, Phonemics and Morphophonemics* / *Lincom Studies in Indo-European Linguistics*. Munich, 2012. Vol. 41. (интернет-ресурс, режим доступа: http://www.academia.edu/2417635/On_the_position_of_Nuristani_within_Indo-Iranian)
- Harmatta J.* Irániak és finnugorok, irániak és magyarok // *Magyar östörténeti tanulmányok*. Budapest, 1977. O. 167–182.
- Jacobsohn H.* Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.
- Janhunen J.* On early Indo-European – Samoyed contacts // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1983. Vol. 185.
- Joki A.J.* Finnisch-ugrisches im Ossetischen? // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1962. Bd. 125.
- Joki A.J.* Uralier und Indogermanen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1973. Bd. 151.
- Lipp R.* Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen. Bd. I. Neurekonstruktion, Nuristan-Sprachen, Genese der indoarischen Retroflexe, Indoarisch von Mitanni. Heidelberg, 2009.
- Munkácsi B.* Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1. Magyar szójegyzek Budapest, 1901.
- Rédei K.* Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten / *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte*. Wien, 1986. Bd. 468.

ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР I ТЫС. Н.Э. В БАССЕЙНЕ Р. ВЯТКИ (ПО ТОПОНИМИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

О.В. Смирнов (Екатеринбург)

On the ethnic interpretation archaeological cultures of the first Millennium A.D.
in the Vyatka River basin (according to the toponymic data)

O. V. Smirnov (Ekaterinburg)

В последнее время в археологической и исторической литературе стало утверждаться мнение, что бассейн среднего течения Вятки и даже междуречье Ветлуги и Вятки в I тыс. н.э. были древнеудмуртскими. Р.Д. Голдиной выделены соответствующие хронологически последовательные археологические культуры (худяковская¹, еманаевская и кочергинская), которые непосредственно связываются ею с этногенезом удмуртов (Голдина, 2004; Голдина, Савельева, 2010). Вместе с археологами некоторые уважаемые марийские и удмуртские лингвисты и топонимисты находят следы «пермской» топонимии в Марий Эл (Галкин, 1967; Атаманов, 1996; Куклин, 1998; Воронцова, Галкин, 2002).

Внимательное рассмотрение предлагаемого в этих работах якобы «пермского» топонимического материала позволяет говорить о существенных методологических недостатках его выделения, разбор которых представлен в одной из моих статей (Смирнов, 2013). Необходимо лишь подчеркнуть, что топонимов, которые с большой степенью вероятности можно было бы рассмотреть как действительно «пермские», на территории Марий Эл находится не так много. Большинство же топонимов, выдаваемых за таковые, в действительности находят более убедительные соответствия в финно-угорских языках, расположенных к западу от исследуемой территории, в основном волжско-финских и «севернофинских» (по терминологии А.К. Матвеева). При этом одним из главных аргументов против удмуртского автохтонизма в бассейне среднего течения Вятки является наличие явно древних топонимов без

деназализации² (Индик, Кундыш, Лумпун, Лондюг, Немда, Сунда и др.), которые теоретически могли быть унаследованы через посредство древнеудмуртского языка только в том случае, если древние удмурты появились на этой территории не ранее конца I тыс. н.э., когда процесс деназализации в прапермском языке закончил свое действие.

Цель настоящей работы – доказать либо опровергнуть наличие в топонимии Марий Эл и среднего течения р. Вятки домарийского пермского субстрата. В основу исследования была положена методика системного анализа субстратной топонимии, разработанная и примененная в отношении Русского Севера академиком А.К. Матвеевым (2001; 2004; 2007). Основные положения этого системного анализа:

1) Для топоформантов: лингвогеографическое картирование и анализ основ, сочетающихся с этими формантами.

2) Для топооснов: метод семантического моделирования и выделения этнически дифференцирующих основ.

3) Выявление регулярных фонетических соответствий и значимых лингвогеографических ареалов, в том числе находящихся в отношении дополнительной дистрибуции.

4) В качестве вспомогательных методов: картографирование этнотопонимии и поиск метонимических калек.

В данной публикации я остановлюсь на наиболее значимых результатах проведенного исследования³, а также приведу соображения

² Фонетический процесс исчезновения носовых *м, н, ъ* перед взрывными согласными и аффрикатами в прапермском языке. Этот процесс является характерной чертой, отделяющей пермские языки от других финских, см.: (ОФУЯ, 1974. С. 137–145; ОФУЯ, 1976. С. 138, 139).

³ Подробный анализ представлен в статье: (Смирнов, 2013, 2014).

¹ Хронологически и территориально соотносится с азелинской культурой в работах других авторов.

по поводу разграничения возможного волжско-финского и парапермского топонимических пластов в исследуемом регионе.

I. Топоформанты. В отношении топоформантов наиболее значимым является выделяемый вятский ареал гидронимов на $-V_k/-V_2$ и его противопоставленность гидронимам на $-важ/-вязь$ (Рис. 1).

Из всех топоформантов исследуемой территории гидроформант $-V_k/-V_2$ – это единственный массовый формант, который может претендовать на пермское происхождение и азелинско-еманаевскую древность (ср. к-з. *ю*, протопермское **юг*, ф-у. **juka* «река»). Однако этот топоформант не является дифференцирующим. Соответствующий анализ, проведенный А.К. Матвеевым в отношении аналогичной «южанской» топонимии (гидронимии на $-юг$) в бассейне рр. Юг, Ветлуга и Молома, показал её не пермское, а севернофинское происхождение, т.е. основы соответствующих топонимов коррелируют в основном с сухонской гидронимией на $-юга$ и объясняются на базе саамского и прибалтийско-финских языков (2007. С. 172–180).

Вятский ареал гидронимов на $-V_k/-V_2$ показывает несколько иную картину. Наибольшее число соответствий основ (21 из 68) наблюдается с пермскими языками, хотя еще больше топооснов (более 30) непермские (имеют соответствия в саамском, марийском, прибалтийско-финских). Имеется небольшое количество основ, соотносимых с «южанской» топонимией. Картографирование основ, имеющих соответствия в пермских языках и в «южанской» гидронимии, показало, что они четко ареально противопоставлены. Основы, сопоставляемые с пермским, концентрируются в прикильмезской части (*Нозик, Сюныг, Сюрсюк, Сердик, Сормук, Чумек* и др.), южанские (севернофинские) расположены севернее (*Матюга, Пыртюг, Пычуг, Лондюг, Кордяга* и др.). Таким образом, ареал вятской гидронимии на $-V_k/-V_2$ распадается на две части: северная, видимо, является продолжением севернофинской «южанской» гидронимии, южная (прикильмезская) может претендовать на парапермский характер (см. карту 1). Самое главное: отнести прикильмезский микроареал вятской гидронимии на $-V_k/-V_2$ к собственно прапермскому затруднительно по следующим основаниям: 1) значительно число основ – непермские (рр. *Арык, Арек*, ср. др-марий. **ар* «малый», р. *Ерыг*, ср. марий. *ер* «озеро»;

р. *Кубык*, ср. марий. *куп* «болото», р. *Сардык* – морд. *сярдо*, марий. *Г шарды* «лось» и т.д.); 2) в прикильмезских гидронимах на $-V_k/-V_2$ проявляется отсутствие некоторых важных прапермских фонетических изменений: отсутствие деназализации (*Индик, Сямнок*), отсутствие лабиализации корневых гласных (*Сердик*), сохранение конечного согласного корня в термине $-юк/-юг$.

Ключевым наблюдением при изучении лингвогеографии топоформантов является то, что на правобережье Вятки и вплоть до Ивановской области и реки Унжи гидронимии с продолжением финно-угорского форманта **juka* нет (за исключением единичных фактов в приграничных районах). На этой территории фиксируются гидронимы с формантом $-важ$, а в западных областях $-вязь$. Значимо то, что наблюдается четкая ареальная противопоставленность этих ареалов: ареал $-важ/-вязь$ аккуратно очерчивает с юга ареал «южанской» гидронимии, с запада гидронимию на $-юга/-ега$ и нижнеклязьминскую $-юх/-ех$, а с востока граничит и частично пересекается с ареалом вятской гидронимии на $-V_k/-V_2$ (см. карту 1). Это противопоставление, очевидно, отражает достаточно устойчивую этническую картину прошлого, поскольку в ареале $-важ/-вязь$ фиксируются микроареалы ($-важ$ и $-вязь$), находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции и отражающие процесс диалектного распада. Вероятнее всего, ареал $-важ/-вязь$ связан с древними марийцами и парамарийцами, в основном он совпадает с ареалом гидронимии на $-енгер/-ингирь$ (марий. *энгер* «речка»). Пересечение ареала $-важ$ с ареалом южанской гидронимии в среднем течении Ветлуги и на правобережье среднего течения Вятки в районе Котельнича отражает продвижение древних марийцев на эти территории. Это значит, что домарийский субстрат, по крайней мере, на этих землях, был не пермским, а, скорее всего, севернофинским. Что касается прикильмезской (?«парапермской») части вятской гидронимии на $-V_k/-V_2$, то можно заметить, что её ареал, в общем и целом, накладывается на ареал азелинской (худяковской) археологической культуры.

II. Этническое моделирование топооснов. Для поиска возможного пермского топонимического пласта был использован метод этнического моделирования. Это разновидность метода семантического моделирования топонимов, разработанного А.К. Матвеевым (2006. С. 98–112). Метод

этнического моделирования заключается в следующем: 1) выделяются **типичные** для топонимии определенного народа топоосновы (в нашем случае – это пермские основы); здесь важно подчеркнуть, что при топонимических исследованиях важны сравнения не со случайными словами, а с теми, что активно используются в сравниваемом языке в топонимической номинации; 2) среди этих типичных основ выделяются те, которые имеют **дифференцирующий** характер, а недифференцирующие основы исключаются из сравнения. Далее список дифференцирующих основ сопоставляется с топонимами исследуемой территории. Этот метод, хотя он не был так назван А.К. Матвеевым, по сути, был применен им для доказательства саамского субстратного пласта на Русском Севере (2004. С. 83–110). Дифференцирующий характер означает, что на данном этапе мы вынуждены исключить из сравнения такие типичные, но недифференцирующие пермские основы как: *из-* «камень, каменный» в виду наличия марий. *изи* «маленький, малый»; *коз-* «ель» – марий. *кож* «ель»⁴; *кузь-* «длинный» – марий. *кужу* «длинный»; *луд-* «лужайка, поле» – марий. *лудо* «утка» и некоторые другие. Также мы не рассматриваем в качестве доказательства пермского субстрата такие пермские этимологии, как, например, предложенная А.Н. Куклиным красивая этимология *р. Акай* от удм. *ака* «старшая сестра, тетя» (1998. С. 73), поскольку для живой пермской топонимии эта основа нетипична (оказиональна) и поэтому не имеет доказательной силы.

Всего по словарям живой коми и удмуртской топонимии выделено для сравнения 56 дифференцирующих пермских (коми и удмуртских) топооснов. Картографическое наложение их на исследуемую территорию показало следующую картину: 1) из 56 основ нет соответствий в топонимии исследуемой территории у 20 основ; 2) формальное соответствие с коми и удмуртскими формами обнаруживается у 19, из них 9 выделяются с сомнением. Таким образом, более или менее надежно выделяется всего 10 основ из 56.

⁴ В данном случае учитывается то, что пермские звуки *з*, *з'* и *с*, *с'* при заимствовании соответствующих топонимов в конце I тыс. н.э. марийским языком изменились бы в марийском соответственно в звуки *ж* и *ш* вследствие действия соответствующего закона в древнемарийских диалектах в этот хронологический период.

Картографирование этих основ приведено на карте (Рис. 2).

Названия, сопоставляемые с дифференцирующими пермскими основами, локализируются в северном и южном микроареалах. Между этим северным и южным микроареалами расположена лакуна, где топонимов с типичными дифференцирующими пермскими основами практически не отмечено, за исключением единичных сомнительных фактов. Эта лакуна простирается по нижнему течению р. Пижмы и левому берегу Вятки в Кировской области вплоть до границ с Удмуртией; условно её можно назвать «нижнепижемская и левобережная кировская лакуна». Примечательно, что значительное число памятников еманаевской и кочергинской культур локализуется как раз в этой лакуне, особенно по Пижме, что ставит под сомнение связь этих потенциально пермских топонимов с этими культурами. Второе важное наблюдение – нижнепижемская и левобережная кировская лакуна в общем и целом совпадает с выделенным выше микроареалом севернофинской «южанской» топонимии в северной части среднего течения Вятки.

Однако наиболее важным результатом проведенного этнического моделирования явилось то, что большое количество основ (12 основ, т.е. не меньше чем формально пермских) обнаруживают соответствия исключительно или главным образом с их **допермскими** формами. Картографирование показывает, что топонимы, сопоставляемые с допермскими формами, охватывают почти весь ареал «еманаевской» археологической культуры, в том числе нижнепижемскую и левобережную лакуну (единственно, без самой северной части в районе Кирова). Там же в этой лакуне значительное число основ, в том числе повторяющихся, – непермские и объясняются из других финских языков, особенно волжско-финских (марийского и эрзя-мордовского), а также прибалтийско-финских и саамского; с последними, очевидно, связан севернофинский материал на исследуемой территории. В действительности необходимо понимать, что «допермский», по сути, означает «непермский», т.е. эти названия происходят из какого-то родственного языка, в котором не было соответствующих прапермских фонетических процессов. Примеры представлены ниже в таблице.

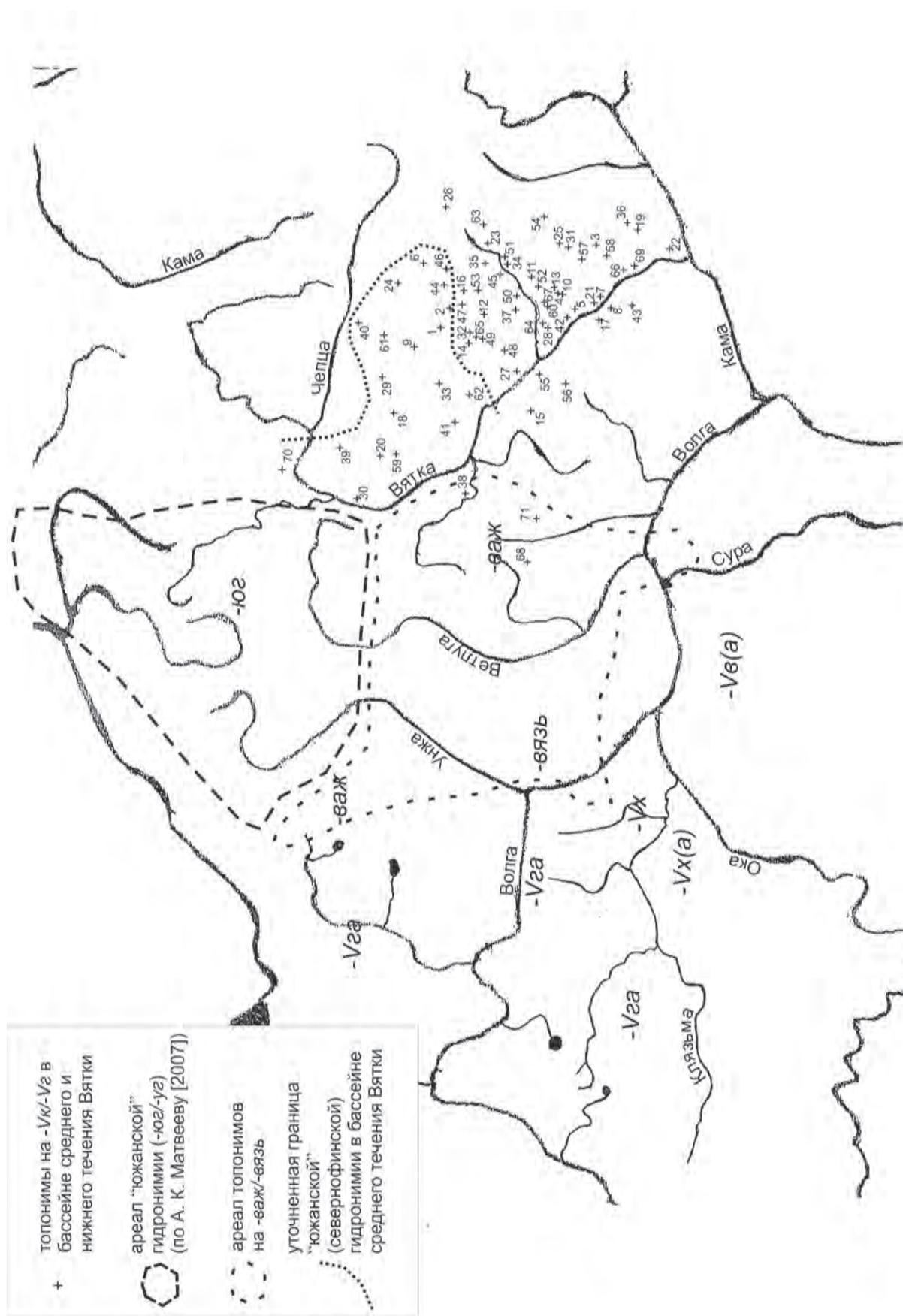

Рис. 1. Карта гидронимических ареалов в бассейнах Вятки и Велуги

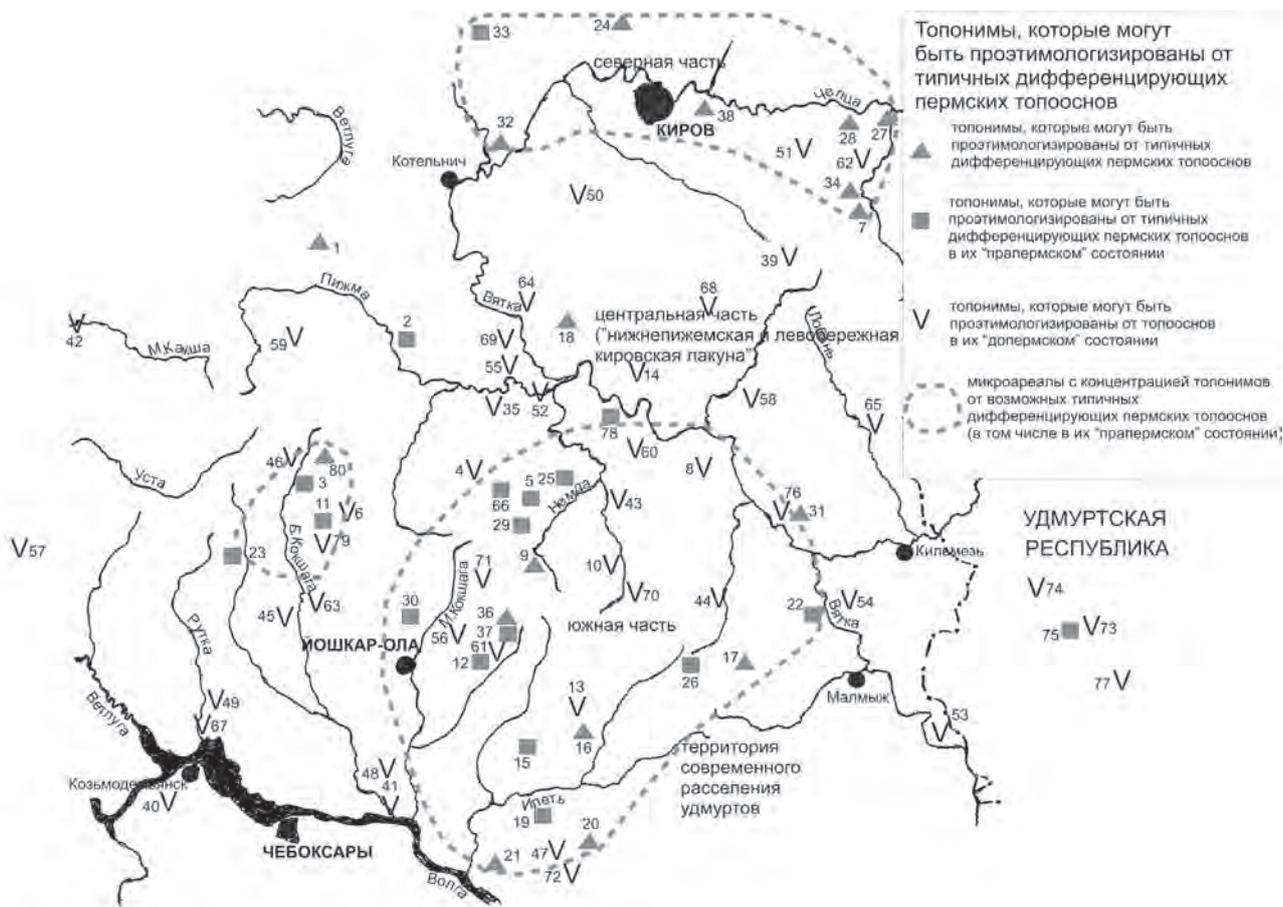

Рис. 2. Карта дифференцирующих пермских топооснов.

Обозначенные топонимы: 1. р.Азвж/Ажвж; 2. р.Тула; 3. р.Люя; 4. р.Сердежанка, нп.Сердеж; 5. р.Курша, нп.Куршнер; 6. р.Тюмберь; 7. р.Лема; 8. р.Сердежка; 9. нп.Чуксола (марий.Чүксола); 10. р.Сердяжка (марий. Шердыж); 11. р.Куртья/Куртейка; 12. р.Шуля (марий. Шүльб вуд); 13. нп. Сердеж; 14. р.Пычуг; 15. оз. Шүльбер; 16. нп. Азьял; 17. р. и нп. Сизнер (марий. р.Сизэнгер и нп.Сизнур); 18. р.Лемешка; 19. р.Курша (марий.Куршо); 20. р.марий.Азэнгер; 21. р.марий.Сизэнгер и оз.Сиз-ер ; 22. р.Аджимка (марий.Аджим вуд); 23. нп.Люмпанур; 24. р.Бадья; 25. р.Курба; 26. нп.Курба; 27. р.Коса; 28. р.Косинка; 29. р. Виль (марий. Вүль); 30. нп.Пележдур; 31. р.Пилюска; 32. бол. Чижковое Болото; 33. нп.Забайдуг (*р.Байдуг); 34. р.Кара; 35. р.Пижанка; 36. нп.Чумбар; 37. р.Кюржа (марий. Күржо); 38. нп. Черные Чежеги и нп. Белые Чежеги; 39. нп.Юньга; 40. р.Юнга (марий. Йынгы); 41. р.Б. и М.Кокшага (марий. К., И. Какшан); 42. р.Какша; 43. р.Кокша; 44. р.Кокса; 45. р.Кученерка (марий. Кучэнгер); 46. р.Пижанья; 47. р.Поча; 48. бол. Пуч куп; 49. р.Пуча; 50. р.Пыча; 51. р.Пыжа и р.Пыжанка; 52. р.Пижма; 53. р.Пыжманка; 54. оз.Пиж и р.Пижанка; 55. р.Пижанка; 56. нп.Пючимар и р.Пюча; 57. р.Поек; 58. р.Рыбас ; 59. р.Рубеж; 60. р.Рынка; 61. р.Ронга; 62. р.Пычига; 63. р.Пыжма; 64. р.Неньга; 65. р.Сердик; 66. р.Люметь; 67. р.Рутка (марий. Рїде); 68. р.Вончаз; 69. р.Кокшага; 70. р.Пижайка; 71. р. и нп. Лованер; 72. оз.Лованерьер и р. Лу вуд; 73. р.Нылга; 74. р.Пижил; 75. р.Сулвайка; 76. оз.Староречье Пижаны; 77. р.Пычас; 78. р.Тулубайка; 79. р.Шердыш; 80.? р.Чумоскваш

Таблица 1. Соответствия «допермским» формам

Пермская форма	Допермская форма	Топонимы
Отсутствие пермской деназализации:		
удм. ёож, праперм. *čež «утка» (КЭСК. С.310)	ф-у. *čečэ ~ *čeңэ (UEW. С.58), ср. морд.Э шенже «утка»	нп.Шеньжа/ марий. Шенше, р.Шиньша/ марий. Шенше, бол. Шенше куп, р.Шеншиха
к-з. югид «светлый, чистый, прозрачный»	доперм. *jɜŋkэ (КЭСК. С.334)	р.Юнга (марий. Ёынгы)
Отсутствие пермской лабиализации:		
к-з. пожом, удм. пужым, праперм. *rožem «сосна» (КЭСК. С.223)	ф-перм. *rečä/*reңä (UEW. С.727), ср. морд. пиче, марий.Г пынжы «сосна»	р.Пыча, р.Пычуг, р.Пычига р.Пыжа (Пыжанка), р.Пижан, р.Пижанка (4 шт.) (без прапермского суффикса *-m, но с волжско-финским суффиксом прилагательных -н)
к-з. уст. сорд, удм. сурд, праперм. *sörd «роща» (КЭСК. С.261)	доперм. *sertэ (КЭСК. С.261)	нп.Сердеж (2 топонима), р.Сердяжка, р.Сердежка, р.Сердик
Сохранение признаков допермского консонантизма:		
к-з. кос, удм. көс «сухой»	ф-перм. *koksэ (UEW. С.670), ср. марий. кукшо «сухой»	р.Кокса, р.Кокша, р.Б. и М. Кокшага, р.Какша, р.Какс
к-з. кось «перекат», удм. куась «мелкий, неглубокий»	ф-перм. *koške «перекат, быстрина» (UEW. С.674), ср.марий.Г кашкы «быстрый (о реке)»	р.Кашкендур (?*Кашкенгур), нп.Качкашур
к-з. кыздэ, удм.кызыпу «береза»	ф-у. *kuñэ/ куэз «береза» (UEW. С.211)	р.Кученер, р.Кученерка
к-з. ньывпу, удм. ньылпу «пихта»	урал. *ñulkэ (UEW. С.327), ср. марий. нулго «пихта»	р.Нылга
к-з. пельсы, удм. палэзыпу «рябина»	ф-у. *ričla (UEW. С.376), ср. марий. пызле, морд.Э пизёл «рябина»	р.Пислемка, р.Пижил (удм.Паžал), р.Пазялка
к-з., удм. пипу «осина»	урал. ројэ (UEW. С.391), ср. морд.Э пой «осина»	р.Поек
к-з. руч, удм. žичы, праперм. *řč «лиса» (КЭСК. С.248)	ф-у. *gerä(-эз) (UEW. С.423), ср., марий. рывыж, морд.Э ривезь «лиса»	р.Рыбас
к-з. юсь «лебедь»	ф-перм. *joŋke ~ *jokce (UEW. С.101), ср. марий. йүксо, йүкшы «лебедь»	оз.Юкшер

Другие примеры основ на исследуемой территории, которые выступают в форме, сопоставляемой с «допермской»⁵:

- р. *Вончаз* (на ней находится нп. *Перелаз*), ср. ф-у. *wanča- «переходить»

⁵ Эти основы не анализировались в перечне 56 типовых пермских, так как у нас мало фактов их представленности в живой коми и удмуртской топонимии.

(UEW. С. 557), марий. *вончаш* «переходить», *вончак* «брод», при к-з. *вуджны* «переправиться», удм. *выж* «мост». *Вончаз* и *Перелаз* – это возможная метонимическая калька. В топониме *Вончаз* отражена форма без пермской деназализации, близкая марийскому языку и, возможно, мерянскому, ср. прибрежный луг *Вончес* на Русском Севере

в среднеустьянском (? позднемерянском) ареале (Матвеев, 2006. С. 150).

- р. *Рутка* (марий. *Рӱде*), ср. ф-у. **rate* (*rote*) «дым, туман (поднимающийся с ручьев)» (UEW. С. 420), при к-з. *ру*, праперм. **ru* «дым, горячий пар»; в пользу данной этимологии – р. *Рыта* на севере Кировской области в верхнем течении Камы⁶, которая вытекает из болота *Дымного*, а также встречающиеся названия типа *реч. Дымная* в окрестностях Котельнича. В этой связи интересно, что в верховьях реки Рутки берет начало р. *Б.Кундыш* и её верхний приток р. *Кундюк*, ср. урал. **kinte* (*küntz*) «туман, дым», удм. диал. *čij-kid* «туман» (UEW. С. 158).

- р. *Рынка*, ср. ф-у. **reŋkz* «теплый, горячий» (UEW. С. 422), к-з. *регид* «быстро», удм. *жог* «горячий, быстрый». Этимология подтверждается тем, что в верховьях р. *Рынка* берет начало речка, на которой расположен нп. *Песемерь* (<марий. **Писе энгер* «быстрая речка»), т.е. семантическое развитие ф-у. основы в языке источнике такое же, как в пермских языках. Учитывая соответствие корневым гласным *и/ы* в центральной части гласным *о/у* в юго-западной части «еманаевского» ареала, сюда же относится р. *Ронга*.

- р. *Сутьма* (*Сикма*), ср. доперм. **sütis-*, праперм. **soŋ-*, удм. *сутыны* «сжечь, поджечь» (КЭСК. С. 262), и причастие от этой глагольной основы: удм. *сутэм* «пожженный». Топоним отражает вокализм до пермской лабиализации. Вариант *Сикма* может сохранять некоторые особенности непермского консонантизма этого слова, ср. марий. *čüktem* «сгноить», которое иногда также относят к этому гнезду слов (КЭСК. С. 262).

Некоторые из этих «допермских» по фонетическому облику основ можно дифференцировать как **волжско-финские** (*вонч-*, *писл-/нижил-*, *рыбас-*, *шеньж-/шени-*, *юки-*). То же самое с топонимами, которые формально сопоставляются с «прапермскими» формами (11 основ). Прапермское состояние в них часто близко общефинскому (т.е. допермскому), например: *кур-* «гора, крутой берег», ср. ф-волж. **korkz* «высокий» (UEW. С. 672), марий. *курык* «гора»; *сул-/шул-* «тылый», ср. ф-у. **sula* «талый, таять» (UEW. С. 450), марий. *шулаш* «таять». Т.е. по сути это тоже могут быть факты непермского,

например волжско-финского языка, близкого марийскому.

Ареал распространения позволяет говорить, что именно этот непермский топонимический пласт претендует на роль языкового следа «еманаевцев».

Что же с северным и южным микроареалами, где попадают некоторые дифференцирующие пермские основы, в том числе в их форме, близкой к прапермскому? Объяснение этому, видимо, следующее:

1) Частично это более поздние миграции древних удмуртов на эти территории (во II тыс. н.э.). Так, в районе Кирова древние удмурты появились в золотоордынское время вместе с каринскими татарами (Чураков, 2007). Здесь пермских топонимов в форме, близкой к прапермскому, практически не отмечено⁷.

2) На юге, южнее Пижмы, в бассейне Немды выделяется достаточно компактный древнеудмуртский микроареал «Одо». Подробное описание этого микроареала см.: (Смирнов, 2013). Скорее всего, его появление здесь относится к постеманаевской эпохе (конец I – начало II тыс. н.э.). Причем, как увидим позднее, нельзя исключать, что микроареал «Одо» мог быть связан не только с древнеудмуртским, но и с неким **парапермским** диалектом. Этим может объясняться фиксация здесь дифференцирующих пермских основ в архаичной форме, близкой к допермской и прапермской.

III. Волжско-финские и парапермские топонимы. Субстратные основы, которые фонетически не вполне точно соответствуют известным пермским и волжско-финским языкам, я попытался дифференцировать на парапермские и волжско-финские. Первичными основаниями для такой дифференциации были приняты следующие: 1) лексическое соответствие этим основам в пермских либо волжско-финских языках; 2) морфологический критерий (т.е. характер суффиксов, если они есть); 3) фонетический критерий (волжско-финский фонетический облик). При выделении волжско-финского субстратного пласта, естественно, не брались в расчет топонимы, происхождение которых очевидным образом связано с живой (либо недавно живой) марийской топонимией.

Результаты представлены на Рис. 3.

⁶ Совпадение с к-з. *рыт* «вечер, запад», видимо, случайное, т.к. речка течет и впадает в Каму с юга.

⁷ Отмеченный на карте 2 топоним нп. Забайдуг (*р. Байдуг), скорее всего, относится к севернофинской «южанской» топонимии.

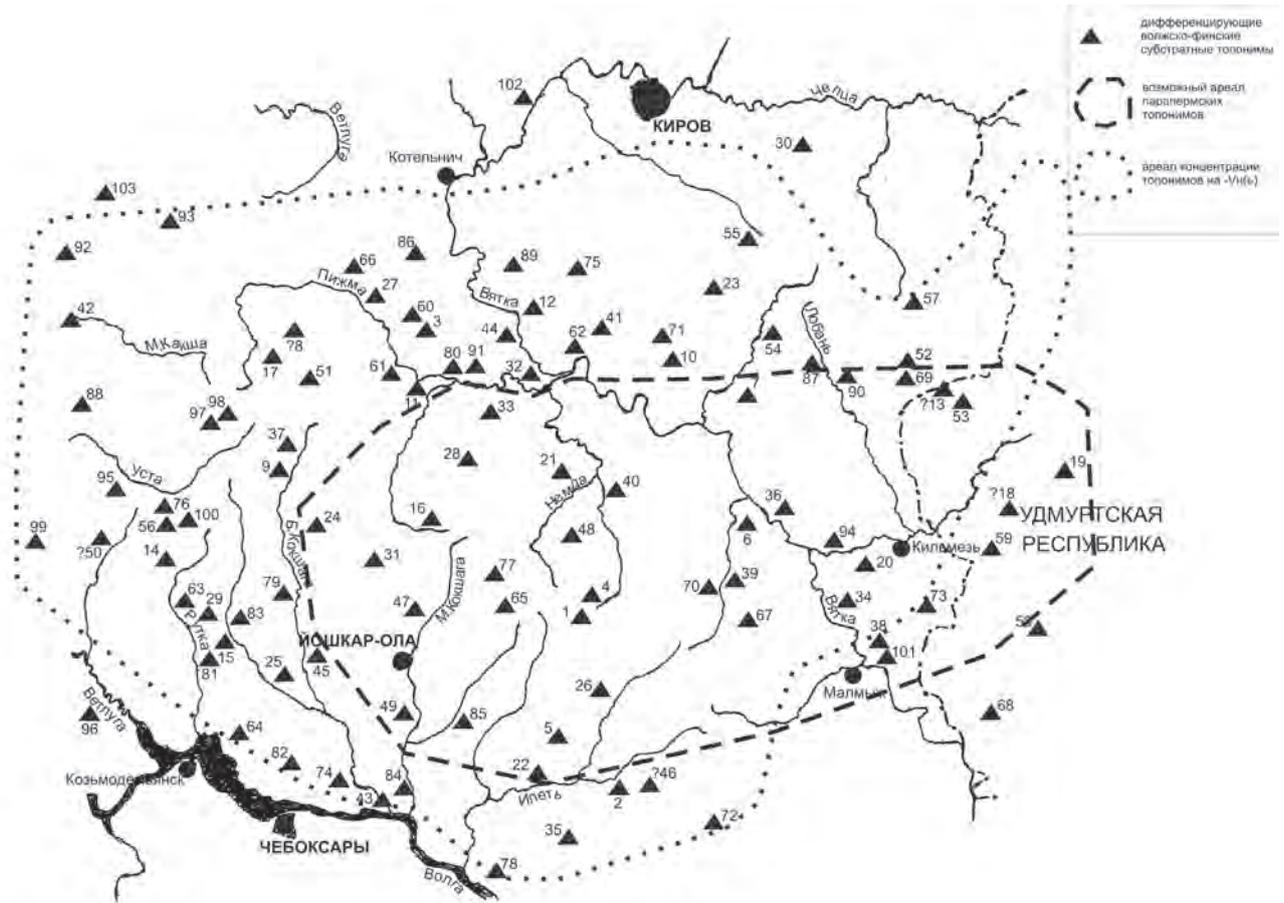

Рис. 3. Карта дифференцирующих волжско-финских топооснов с выделением возможного парапермского топонимического ареала.

Обозначенные топонимы: 1. р.Шеньжа (марий.Шенше); 2. р.Шиньша (марий.Шенше); 3. р.Шеншиха; 4. бол. Шенше куп; 5. нп. Шиншедур (марий.Шенгыштүр); 6. нп.Шиншерь; 7. р.Рыбас; 8. ? р.Рубеж; 9. р.Ваштранга; 10. нп.Вашкирень; 11. нп.Покста; 12. р., нп. Покшта; 13. ? р.Покса; 14. р.Посташ; 15. р.Пекшана; 16. нп. Пекшанур; 17. нп. Пекшик; 18. ? нп.Пекшур; 19. нп.Пикша; 20. р.Пикшинерка; 21. р.Пикша; 22. р.Вонча (марий.Вончо/Воньжа); 23. р.Вончаз; 24. р.Ирыкш; 25. р.Ирыкша (марий.Ирыкш); 26. р.Ировка (марий. Йыр вүд); 27. р.Ир; 28. р.Ирка; 29. р.Ирекша; 30. р. Пыжанка; 31. р.Пижанка (марий. Пижан); 32. р.Пижанка; 33. р.Пижанка; 34. оз.Пиж и р.Пижанка; 35. р.Пижанка (марий. Пўнчан/Пижан); 36. оз. Староречье Пижаны; 37. р.Пижанья, нп.Пижанчурга; 38. нп.Пижинерь; 39. р.Кокса; 40. р.Кокша; 41. р.Какс; 42. р.Б. и М. Какша; 43. р.Б. и М.Кокшага (марий. К., И. Какшан); 44. р.Кокшага; 45. р.Шапинка (марий. Шапэнгер); 46. ? нп. Ключи Сап, Сапунжа (марий. Шап Унчо); 47. нп. Большой Шаплак и нп.Шапмучакш; 48. р. Шаба и р.Шабан; 49. оз.Шап и р.Шапинка; 50. ? р.Шапша; 51. р.Куба; 52. р.Кювер; 53. лог и бол. Кубиныркокан; 54. р.Листра; 55. р.Лыстан; 56. р.Собанка; 57. р.Пислемка и р.Пазялка; 58. р.Пазялка и нп.Пазял; 59. р.Пижил (удм. Паžал); 60. р.Шембеть; 61. р.Пембетка; 62. р.Суводь; 63. р.Вергеза (марий. Вёргызю); 64. р.Вергиза (марий. Вёргызю); 65. р.Верка (марий.Верке); 66. р.Юма; 67. нп.Юмочка (марий. Юма); 68. р.Юмья; 69. р.Песнигер; 70. р.Сендинка (марий. Сенда); 71. р. Сардан; 72. р. Сарда; 73. р. Липинерка; 74. р.Липша; 75. р.Лавра; 76. р.Левангур; 77. р.Логанер (марий. Ловэнгер); 78. оз.Лованерьер; 79. р.Коктуш; 81. оз., нп.Коктыш; 81. р.Шумьюшка (марий. Шум); 82. р.Шум; 83. р.Шумка, б.нп.Шум; 84. оз.Шумьер; 85. оз. Шильмаер, р.Шильма; 86. р.Козловаж; 87. р.Козлянка; 88. р.Козляна; 89. р.Андура; 90. р.Еранка; 91. р., оз. Шуван; 92. р.Чадра; 93. р.Кука; 94. р.Кульма и р.Кильмезь; 95. р.Ашуя; 96. р.Инея; 97. р.Синчуваж; 98. р.Синьга; 99. р.Сенга (марий. Сенэнгыр); 100. р.Рейчваж; 101. р.Шабанка; 102. нп. Мундоро; 103. нп. Мундырь.

Очевидным и наиболее важным наблюдением является то, что волжско-финские дифференцирующие основы по сравнению с потенциальными «парапермскими» выделяются в большом количестве (около сотни топонимов) и на гораздо более обширной территории, охватывая в том числе левобережье р. Пижмы и среднего течения Вятки («нижнепигемская и левобережная Кировская лагуна»). Основы, которые можно дифференцировать как парапермские, встречаются реже и представлены в более узком ареале: к югу от р. Пижма, главным образом, к западу от Вятки, но не западнее р. Б.Кокшага. Если объединить этот микроареал потенциальных парапермских основ с микроареалом возможных парапермских гидронимов на $-V_k/-V_2$ в бассейне Кильмези, то получится ареал, представленный на карте 3 как «возможный ареал парапермских топонимов». В той или иной мере он совпадает с ареалом азелинской (худяковской) культуры первой половины I тыс. н.э., наиболее многочисленная южная группа памятников которой локализуется как раз южнее р. Пижмы⁸. Если это так, то расширение соответствующего ареала на север и на запад при наложении на него ареала дифференцирующих волжско-финских топооснов хорошо соотносится с распространением в этих направлениях ареала основных памятников еманаевской культуры второй половины I тыс. н.э. по сравнению с предшествующей ей азелинской культурой (южной частью худяковской культуры).

Весьма показательны для определения языковой принадлежности возможных носителей еманаевской культуры топонимы *р. Покиста* и *нп. Покста*, локализуемые в районе нижнего течения р. Пижма в зоне концентрации памятников еманаевской культуры. То, что значение этих топонимов, скорее всего, «липа, липовый», показывает вероятная метонимическая калька (в верховьях

р. Покиста берет начало *р. Липовка*). Эта форма слова «липа» не засвидетельствована ни в одном из живых финских языков, но она по состоянию консонантизма (сочетание из трех согласных) близка к реконструируемой прафинно-волжской форме. При этом сочетание из трех согласных несет в себе прамарийскую черту (переход $*-kšn- > *-kšt-$), т.е. вполне возможно, что эта форма отражает прамарийский консонантизм. В вокализме наблюдается лабиализация корневого гласного, которая, в принципе характерна для марийского языка, но которой именно в этом слове в марийских диалектах не зафиксировано. Таким образом, это мог быть какой-то родственник прамарийскому древний волжско-финский диалект, где марийская лабиализация этимологических $*e(\ddot{a})$ была представлена более последовательно. В пермских языках липа обозначается другим словом – удм. *беризь*. Показательно, что именно названия лиственных деревьев сопоставляются не с пермскими, а с волжско-финскими языками (марийским и эрзянским). Это важный дифференцирующий признак. Как известно, названия деревьев в пермских и волжско-финских языках, прежде всего лиственных, отличаются и часто образованы от разных корней, что свидетельствует о том, что эти народы формировались в разных географических условиях, на разных территориях.

Еще один показательный пример непермских топонимов, несущих какие-то похожие на марийские и мордовские черты: в бассейне р. Пижма в районе концентрации памятников еманаевской археологической культуры замечена пара топонимов *р. Шембет* и *р. Пембетка*. В топониме *Шембет* без труда выделяется марий. *шем* «черный» и формант *-бет*. Примечательно, однако, что формант *-бет(ь)* по своему фонетическому облику ближе к морд. *ведь* и исходному ф-у. $*wete$ «вода» (UEW. С. 570), чем к марий. *вуд* «вода, река». То, что эти два названия могут быть не марийскими, а из родственного древнего диалекта, указывает топоним *р. Пембетка*, основа которого находит соответствия не в марийском, а в фин. *pimeä* и к-з. *пемьд* «темный». Топоним *р. Пембетка* показывает, что в древнем субстратном языке исследуемой территории были отдельные лексические изоглоссы, объединяющие его не только с волжско-финскими, но и с пермскими языками.

⁸ Р.Д. Голдина приводит карту худяковской культуры (2004. С. 201). Вместе с тем, наложение на эту карту основных приводимых ею памятников показывает лагуну к северу от Пижмы до р. Чепцы, которая совпадает с выделенной мною топонимической «нижнепигемской и левобережной Кировской лагуной». Небольшая группа памятников в северной части (в районе впадения Чепцы), относимая Р.Д. Голдиной также к худяковской культуре, по топонимическим данным может быть соотнесена с севернофиннами («южанами»), ср. северная часть вятской гидронимии на $-V_k/-V_2$ (карта 1).

Таблица 2. Примеры волжско-финских дифференцирующих основ:

Топонимы в «еманаевском» ареале	Волжско-финские языки	Пермские языки
р.Вергеза, р.Вергиза (марий. Вѳргѳзю)	морд.Э верьгиз «волк»	к-з. кѳин, удм. кион
р.Вонча, р.Вончаз	марий. вончаш «переходить», вончак «брод», ф-у. *wanša- «переходить» (UEW. С.557)	удм. выж «мост»
р.Ир, р.Ировка (марий. Йыр вѳд), р.Ирка, р.Ирыкш, р.Ирыкша (марий. Ирыкш), р.Ирекш, р.Еранка (все эти речки так или иначе связаны с озерами) (ср. также ф-волж. суффиксы: -кш и -Vн(ь))	марий. ер, ф-волж. *järwä «озеро»	к-з., удм. ты «озеро»
р.Кульма, ? р.Кильмезь	марий. кылме «мерзлый», морд.Э кельме «холодный, студеный», ф-перм. *kilmä (külmä) «холодный, студеный» (UEW. С.663)	к-з., удм. кын «мерзлый»
р.Шеншиха, блт. Шенше куп, нп.Шеньжа (марий. Шенше), нп.Шиншерь, нп.Шиншедур	морд.Э. шенже, ф-у. *šenčz «утка» (UEW. С.58)	удм. чѳж «утка»
оз.Шильмаер, р.Шильма, ? нп.Землешер, р.Синчуваж	морд. сельме, марий.Л шинча, урал. *šilmä «глаз» (в топонимии «маленькое озеро, окно на болоте, родник», ср. (Матвеев, 1978. С.54-61))	к-з., удм. син «глаз»
оз., р.Шуван, р.Собанка	морд. сѳвонь, ф-у. *šawe «глина» (UEW. С.468)	к-з. сюн
р.Юма (ср.Юмский могильник и жертвенное место), нп.Юмочка (марий. Юма), р.Юмья	марий. юмо, ф-волж. *juma «бог» (UEW. С.638)	к-з. ен, удм. инмар «бог»
Названия деревьев:		
р.Ваштранга, нп.Вашкирень (<*Ваштирень) (ср. ф-волж. суффикс прилагательных -Vн(ь))	марий. ваштар «клен», ф-волж. *wakštze (UEW. С.812)	удм. бадяр «клен»
р.Козловаж, р.Козлянка, р.Козляна (дифференцирующими являются суффикс -л и ф-волж. суффикс прилагательных -Vн(ь))	марий. кожла «лес», кож «ель», урал. *kuse/kose «ель» (UEW. С.222)	к-з. коз, удм. кыз «ель»
р.Пекшана, нп.Пекшик, нп.Пекшанур, р.Покшта (берет начало возле реч.Липовка), нп.Покста, р.Посташь, ? р.Покса	морд.Э. пекше, марий. писте, диал. пиште, ф-волж. *pākšnā «липа» (UEW. С.726)	удм. беризь «липа»
р.Пижанка (5 раз, марий. Пижан, Пѳнчанг), р.Пыжанка, р.Пижанья, нп.Пижанчурга, оз.Староречье Пижаны (дифференцирующим является ф-волж. суффикс прилагательных -Vн(ь))	морд.пиче, марий.Г пѳнжѳ, марий.Л пѳнчѳ, ф-перм. *rešā/*repčā «сосна» (UEW. С.727)	к-з. пожѳм, удм. пужым
р.Пислемка р.Пижил (удм. Пазал) р.Пазялка (2 шт.)	марий. пызле, морд. пизѳл, пизел, ф-у. *ričla «рябина» (UEW. С.376)	к-з. пелысь, удм. палзѳпу «рябина»
р.Шапинка (марий. Шапѳнгер) (2 шт.), оз. Шап, нп.Шап мучакш ? р.Шаба, р.Шабан, р.Шабанка	марий. шопке, шапке, ф-волж. *šara «осина» (UEW. С.783)	удм. пипу «осина»

Некоторые основы сочетаются с дифференцирующим волжско-финским суффиксом прилагательных *-Vн(ь)* (нп. *Вашкирень*, р. *Лыстан*, р. *Пижанка*, р. *Сардан* и др.). На левобережье средней Вятки в большом количестве наблюдаются названия на *-Vн(ь)*, в которых как раз можно видеть этот волжско-финский суффикс⁹. Картографирование названий на *-Vн(ь)* показывает, что наиболее плотный ареал этих топонимов совпадает с ареалом дифференцирующих волжско-финских топонимических основ на исследуемой территории. Это подтверждает, что собственно «манаевцы» могли быть волжскими финнами, и если южнее Пижмы действительно ранее были какие-то парапермяне, то они их перекрыли.

Несмотря на ряд достаточно ярких параллелей с пермскими языками, все же есть одно обстоятельство, которое не позволяет однозначно разделить и противопоставить друг другу парапермский и волжско-финский языковые пласты в субстратной топонимии Вятки. Дело в том, что со следующим соображением: основным критерием выделения возможных парапермских основ является лексический критерий, т.е. наличие лексических параллелей в пермских языках при их отсутствии в волжско-финских. Однако такой подход заведомо ущербен. Если это был какой-то особый финский язык, то помимо лексических должны обязательно быть фонетические критерии его выделения. Вместе с тем, никаких дифференцирующих фонетических особенностей и фонетических соответствий, отличающих возможные парапермские факты от волжско-финских, пока выявить не удалось. Ареалы тоже в целом совпадают. Более того, «парапермские» основы подчиняются тем же фонетическим закономерностям, что и волжско-финские, как если бы это был один язык.

Складывается впечатление, что эти диалектные особенности могут принадлежать одному языку, причем **близкому к марийскому**. На это может указывать лабиализация этимологических

⁹ Сюда же, например, может относиться название р. *Лумтун*, ср. марий. *ломбо* «черемуха» (в марийском из **лом-пу* «черемуховое дерево») с сужением корневого гласного *o>у*.

¹⁰ Предположительно основу шум- следует соотносить с тем же корнем, что и в морд. Э чепенев, М шямоню «ржавый» (> «черный»), относительно начального ш- на месте *č-, ср. основу шенш(е)- «утка».

**e(ä)*, **i*, **i(i)*: топонимы с лабиализацией тяготеют к юго-западу исследуемой территории (к правобережью Вятки), при этом есть подозрения, что такая лабиализация шире, чем в современном марийском, была характерна для древних волжско-финских диалектов на правобережье среднего течения Волги, в том числе для древнемарийских диалектов на севере современной Чувашии (рр. *Поштанарка*, *Пожанарка*, *Пукстерь*, нп. (<*р.) *Рунги*). Если это так, то появление на территории Марий Эл топонимов с лабиализацией корневого гласного на месте этимологического нелабиализованного может отражать миграцию волжских финнов в I тыс. н.э. с юго-запада на северо-восток (с правого на левый берег Волги). В пользу этого, в частности, то, что в архаичной вятской гидронимии на *-Vк/-Vг* на левобережье Вятки следов такой лабиализации пока не замечено.

Некоторые якобы «пермские» черты в лексике в этом случае могут объясняться общностью отдельных лексем между архаичными волжско-финскими (парамарийскими) диалектами и прапермским языком в силу их территориальной близости (прапермский располагался восточнее, см.: Белых, 1998). То, что отдельные лексические параллели с пермскими языками у местных субстратных волжско-финских диалектов могли быть, мы наблюдали выше на примере топонима р. *Пембетка*. Вот еще один показательный пример. В топонимии исследуемой территории выделяется частотная основа *сунд(о)-/шунд(о)-* «черный» (р. *Сундырь*, нп. *Сундошур*, оз. *Шундоер*). В волжско-финских языках это слово не сохранилось, а в пермских языках ему может соответствовать к-з., удм. *сьöd* «черный» (с денализацией)¹¹. В пользу значения «черный» данной основы такие факты: р. *Сундырка* возле нп. Мариинский Посад (Чувашия) – главный её приток перед устьем - р. *Черная*; б.нп. *Сундошур* (Удмуртия) – возле него р. *Чернушка*; р. *Сундырь* в Горномарийском районе Марий Эл и рядом р. *Юнга* (ср. коми югыд «чистый, светлый» тоже с денализацией, ср. доперм. *jɚŋkɜ «чистый, светлый» (КЭСК. С. 334)). Аргументы за то, что эта основа могла принадлежать какому-то древним волжским финнам: 1) твердое *с-* в отличие от мягкого в пермских языках; 2) сохранение конечного гласного основы

¹¹ Можно восстановить ф-перм. *šonta, ср. также марий. *шондо*, ф-волж. *sonta «фекалии» (UEW. С. 764)

Таблица 3. Примеры возможных «парапермских» дифференцирующих основ:

Топонимы на исследуемой территории	Пермские языки	Волжско-финские языки
р.Иж ? р.Ишеть, р.Ошеть, р.Юшут (марий. Ўшүт)	к-з. ыджыд, ф-перм. *ičz «большой» (UEW. С.627)	марий. кугу «большой»
р.Куртья, р.Курша (марий. Куршо), р.Кюржа (марий. Күржө)	к-з. кырт «скала», к-з. уст. кырс «обрывистый берег» от праперм. *kür «обрыв, гора» (КЭСК. С.153)	марий. курык «гора»
нп.Пележдүр, р.Пилюска	к-з. пельсы, удм. палэзэпу «рябина», праперм. *pēliž/*pēliž (КЭСК. С.218), ф-у. *pičla «рябина» (UEW. С.376)	марий. пызле, морд. пизёл, пизел «рябина»
р.Пижма, р.Пыжма (с дифференцирующим перм.суф. -м)	к-з. пожом, удм. пужым, праперм. *požem (КЭСК. С.223), ф-перм. *pečä/*pečä «сосна» (UEW. С.727)	морд. пиче, марий. Г пынжы, марий. Л пүнчө «сосна»
р.Рынка, р.Ронга (с дифференцирующим пермским сдвигом значения «горячий» > «быстрый»)	к-з. регыд «быстро», удм. жо́г «горячий, быстрый», ф-у. *reŋkz «теплый, горячий» (UEW. С.422)	марий. писе «быстрый» (< чув. пищё «упругий, ловкий»), ср. на речке рядом с р.Рынка есть нп.Песемерь (< марий. *Писе энгер «быстрая речка»)
р.Сердежанка (нп.Сердеж), р.Сердежка, р.Сердяжка (марий. Шердыж), р.Шердыш, р.Сердик	к-з. уст. сорд, удм. сурд, праперм. *sōrd, доперм. *sertz «роща» (КЭСК. С.261)	марий. ото, чашкер «роща», шүргө «лиственный лес»
оз.Сизе ер, р.Сесек, нп.Сеснур, р.Соза (3 шт)	к-з. сөдз «прозрачный, чистый», ф-у. *sičz (süčz) «чистый» (UEW. С.441)	марий. яндар «чистый»
р.Ситьма, нп.Ситьмяна	удм. сутыны «сжечь, поджечь», удм. сутэм «подожженный», праперм. *sqt-, доперм. *šttš- «сжечь» (КЭСК. С.262)	марий. йўлышö «горелый»

(сундо-); 3) три фиксации этой основы на правом берегу Волги: Горномарийский район, Мариинский посад в ареале субстратной марийской топонимии в Чувашии и, самое главное, далеко на западе на правом берегу Волги в Нижегородской области р. Сундовик (из *Сундова с гидроформантом -ова из *-jowa < *-joga, объясняемым на древнемордовской почве¹²).

¹² В подтверждение этой этимологии можно привести то, что главный приток р. Сундовик перед её устьем называется р. Валува, если учесть переход *g > w в местных субстратных волжско-финских говорах (ср. *-joga > *-jowa), то в основе гидронима Валува можно предположить исходное *валг «светлый, белый», то есть налицо опять оппозиция «черная» и «белая» речка, как и в случае с парой гидронимов р. Сундырь и р. Юнга.

До тех пор пока на средней Вятке не будут обнаружены фонетические критерии выделения парапермского по сравнению с волжско-финским, мы вынуждены полагать следующее: единичные сближающиеся с пермскими языками основы на правом берегу Вятки могут принадлежать тому же субстратному средневолжскому языку, что и выделяемые волжско-финские основы. Вероятно, что в целом имея волжско-финский фонетический облик и морфологию, он мог обладать некоторыми общими лексическими изоглоссами с пермскими языками в большей степени, чем, например, современный марийский язык.

Исходя из сказанного, языковая карта эпохи еманаевской и кочергинской культур

Таблица 4. Некоторые общие фонетические особенности субстратных топонимов в ареале еманаевской культуры:

Фонетические особенности	Волжско-финские топонимы	Возможные «парапермские» топонимы
Отсутствие деназализации	Шенше, Вонча, Вончез	Рынка, Сунда, Юнга
Сужение корневых гласных	Ирыкш, Липинерка, Листра, Лумпун, Пижанка, Шиншерь, Шуван	Пижма, Рутка, Рынка, Сунда
Отражение ф-у.*-ё в середине и в конце слова как свистящий звук -з/-с	Пислемка/Пазялка, Рыбас, Вончез	Азваж, Соза, Емоснерка
Рефлекс этимологического *e(ä)	<u>Без лабиализации:</u> -бет(ь) (Шембеть, Пембетка), Ирыкш, Левангур, Пижанка, Пиштань, Пекшана, Рыбас <u>С лабиализацией:</u> -вудь (Суводь), Ловенер, Покшта/Покста, Рубеж, Шум ¹⁰	<u>Без лабиализации:</u> Пижма, Рынка, Сердеж <u>С лабиализацией:</u> Олма, Ронга
Рефлекс этимологических *i, *i(i)	<u>Без лабиализации:</u> Кильмезь, р.Пислемка, р.Пижил (удм. Па́зал), Шильма <u>С лабиализацией:</u> Кульма	<u>Без лабиализации:</u> Иж, Ишеть, Пележдур, Пилоска, Сизе ер, Сесек <u>С лабиализацией:</u> Ошеть, Юшут (марий. Ёшут), Соза

может выглядеть примерно так, как это показано на Рис. 4.

Основная часть территории, в основном правобережье среднего течения Вятки, была занята волжскими финнами. Позднее волжские финны проникли и на левобережье Вятки. Этому соответствуют дифференцирующие волжско-финские топонимические ареалы (дифференцирующие волжско-финские топоосновы, суффиксы *-н(ь)* и *-кш/-кс*, топонимы на *-бет(ь)*). Соответствующий домарийский субстрат можно условно назвать «средневожским». Предварительно можно предполагать следующие языковые черты этого средневожского субстрата: для него был характерен волжско-финский суффикс прилагательных *-Vн*, сохранение сочетания *-кш/-кс* (топонимы типа Ирыкш, Покшта), отсутствие деназализации, многочисленные пермские основы, особенно в названиях деревьев и обозначении понятия «озеро», отдельные лексические изоглоссы с пермскими языками, а ближе к юго-западу - тенденция к лабиализации.

Нельзя исключать, что лингвистически этот средневожский («еманаевский») субстрат имел характер переходных диалектов между прамарийским и прапермским языком.

При этом на левобережье Вятки издревле и вплоть до конца I тыс. н.э., возможно, присутствовали и другие языковые группы: севернофинны («чудь») (севернее) и парапермяне (южнее). Этому соответствует вятский ареал гидронимов на *-Vк/-Vг*, распадающийся соответственно на две части. Пока что квалифицировать «кильмезцев» как парапермян в отличие от волжских финнов позволяет лишь единственная фонетическая черта – сохранение этимологического начального мягкого финно-угорского *ś- (Сюныг, Сюрсюк), которая могла иметь место и в местном диалекте средневожского, поэтому термин «парапермяне» на карте обозначен под знаком вопроса. В любом случае левый и правый берега Вятки демонстрируют если не языковые, то диалектные различия. Так, значительная часть дифференцирующих субстратных основ (*пиж-* «сосна», *покилт-/пост-* «липа», *рынк-/ронг-* «быстрый», *шан-* «осина», *шенш(е)-* «утка», *шум-* «черный» и др.) локализуется исключительно на

правобережье или тяготеет к правобережью Вятки.

С юго-запада на еманаевско-кочергинскую территорию вероятно проникновение каких-то мордовских языковых элементов (рр. *Вергеза*, *Верка*, *Собанка*, оз. *Шильмаер*, р. *Шильма*, гидронимы на *-Vja/-я(ю)*¹³).

В конце еманаевского периода или в кочергинское время (а по сути болгарское время!), после завершения прапермской деназализации, (т.е. примерно IX-XIII вв.н.э.) в бассейн рр. Байса и Немда к югу от Пижмы возможна миграция древних удмуртов и образование топонимического ареала «Одо». Не следует сильно расширять этот микроареал, он достаточно компактен и не выходит на левобережье Пижмы, где нет пермской топонимии. Может быть, как раз «заброшенность» некоторых пижемских еманаевских городищ в кочергинское (болгарское) время, отмечаемая археологами (Голдина, 2004. С. 312), как раз и связана с возникновением этого ареала «Одо». Местные удмурты были впоследствии частично ассимилированы марийцами, частично ушли на Кильмезь. Об этом свидетельствуют фольклорные предания как марийцев, так и удмуртов, а также то, что отдельные древнеудмуртские топонимы в ареале «Одо» были унаследованы русским языком через марийское посредство. На мой взгляд, именно с более поздним ареалом «Одо» связана значительная часть выделяемых пермских топонимических фактов на северо-востоке Марий Эл, в том числе на карте 2, где приводилось моделирование пермских топооснов.

В любом случае, какой бы из вариантов интерпретации полученных данных ни применять, проведенное исследование позволяет заключить следующее:

1. Для территории между речья Ветлуги и Вятки и среднего течения реки Вятки удмуртский автохтонизм должен быть отвергнут. Для ареала еманаевской археологической культуры можно лишь предположительно и под большим знаком вопроса (пока не будет найдено фонетических аргументов) говорить о каких-то парапермских (неудмуртских!) топонимических элементах в южной части исследуемой территории (южнее реки Пижма), причем не западнее реки Большой Кокшаги.

2. В лингвистическом плане территория еманаевской археологической культуры была неоднородна. Очевидно если не языковое, то, по крайней мере, долгое диалектное различие правобережья Вятки, с одной стороны, левобережья среднего течения Вятки в районе Кильмези, с другой стороны, и северной части течения Вятки, выше р. Моломы, с третьей стороны.

3. Одним из главных ошибочных путей исследователей вятской и марийской топонимии является попытка найти объяснение местным субстратным названиям исключительно на востоке (т.е. в пермских и даже угорских языках), в то время как более продуктивным показывает себя путь поиска объяснений на западе, в волжско-финских языках и в севернофинском языковом материале. При этом надо иметь в виду, что волжско-финские и севернофинские топонимические элементы, по-видимому, проникают далеко на восток на левобережье Вятки и в западные районы Удмуртии.

4. Имеющиеся микроареалы единичных удмуртских топонимов («северный» в районе Кирова и ареал «Одо» в бассейне рек Байса и Немда) связаны с более поздним (суперстратным) переселением древних удмуртов, скорее всего, уже во II тысячелетии н.э.

В дальнейшем можно будет расшифровать значительное число вятских субстратных топонимов, если удастся более четко обосновать фонетические закономерности и фонетические соответствия местных диалектов постананьинского времени и основывать этимологии топонимов на этих закономерностях.

СОКРАЩЕНИЯ

бас. – бассейн (реки); **бол.** – болото; **б.нп.** – бывший населенный пункт; **диал.** – диалектный (диалектная форма); **доперм.** – допермская форма; **др-марий.** – древне-марийский; **к-з.** – коми-зырянский язык; **к-п.** – коми-пермяцкий язык; **марий.** – марийский язык; **марий.Г** – горномарийское наречие марийского языка; **марий.Л** – луговое наречие марийского языка; **морд.** – мордовский язык; **морд.Э** – эрзянское наречие мордовского языка; **морд.М** – мокшанское наречие мордовского языка; **нп.** – населенный пункт; **оз.** – озеро; **праперм.** – прапермская форма; **р.** – река, речка; **рр.** – реки, речки; **саам.**

¹³ О гидронимах на *-Vja/-я(ю)* см.: (Смирнов, 2013)

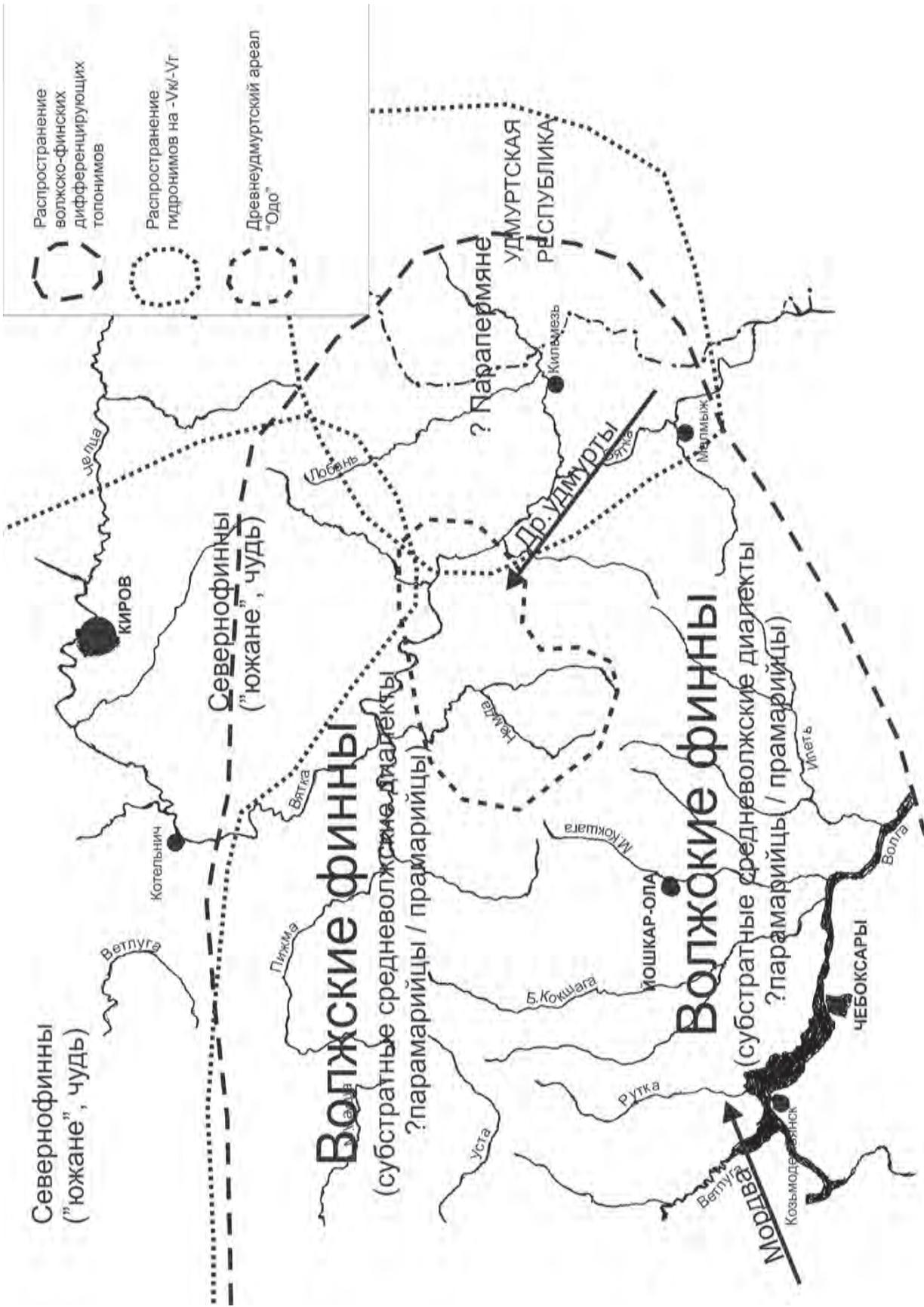

Рис. 4. Карта эпохи еманаевской и кочергинской культур по топонимическим данным

– саамский язык; **удм.** – удмуртский язык; **уст.** – устаревшее слово; **урал.** – уральский (прауральская форма); **уроч.** – урочище; **фин.** – финский язык; **ф-волж.** – финно-волжский (финно-волжская праформа); **ф-перм.** – финно-пермский (финно-пермская праформа); **ф-у.** – финно-угорский (финно-угорская праформа); **чув.** – чувашский язык

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атаманов М.Г.* Топонимические пласты Камско-Вятского междуречья в контексте формирования этнической территории удмуртов: Науч. доклад ... дисс. ... докт. филолог. наук. Йошкар-Ола, 1996.
- Белых С.К.* Пермские истоки этногенеза удмуртского народа (проблема распада прапермской общности). Автореф. дис... к.и.н. Ижевск, 1998.
- Воронцова О.П., Галкин И.С.* Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002. – (ТРМЭ)
- Галкин И.С.* Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 203–210.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004.
- Голдина Р.Д., Савельева Э.А.* Пермские народы в эпоху железа (по археологическим материалам) // International Congress for fenno-ugric Studies, 11th. Piliscsaba, 2010. С. 33–104.
- Иванова А.С.* Типология чувашских гидронимов: Дисс. ... канд. филолог. наук. Чебоксары, 2005.
- Кириллова Л.Е.* Микротопонимия бассейна Кильмези. Ижевск, 2002.
- Коми-русский словарь / Под ред. В.И. Лыткина. М., 1961. – (КРС)
- Куклин А.Н.* Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). Йошкар-Ола, 1998.
- Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. – (КЭСК)
- Напольских В.В.* Булгарская эпоха в истории финно-угорских народов Поволжья и Предуралья // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань, 2006. С. 100–115.
- Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Т. I–III. Екатеринбург, 2001, 2004, 2007.
- Матвеев А.К.* Ономатология. М., 2006.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва, 1974.
- Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). Москва, 1976. – (ОФУЯ)
- Словарь марийского языка. Т. 1–10. Йошкар-Ола, 1990–2005.
- Смирнов О.В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур).1 // Вопросы ономастики. №2(15). Екатеринбург, 2013. С.7-59.
- Смирнов О.В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения реки Вятки (в свете этнической интерпретации археологических культур). 2 // Вопросы ономастики. №1(16). Екатеринбург, 2014. С.7-33.
- Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева). М., 1983.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР. М., 1987.
- Чураков В.С.* Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе в X–XVI вв. // Иднакар. № 2 (2). Ижевск, 2007. С. 79–100.
- Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Budapest, 1986, 1991. – (UEW)

ДИСКУССИЯ РАДИ ДИСКУССИИ ИЛИ ОБ «ЭКОНОМНОЙ МУДРОСТИ БЫТИЯ» (ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДАНАНЬИНСКОЙ ОБЩНОСТИ ВОЛГО-КАМЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ)¹

В.А. Иванов (Уфа)

Discussion for discussion or concerning “Economical wisdom of life” (on the
controversy concerning the issue of formation the pre-Ananino of the Volga-Kama
region and the Cis-Urals)

V. A. Ivanov (Ufa)

Ах, экономна мудрость бытия: все новое в ней шьется из старья
К.М. Фофанов (1862-1911) «Дума в Царском Селе»

Несколько «язв» разъедают и снедают изнутри уральскую археологию. Среди них особенно пагубными представляются следующие: мы перестали читать друг друга. Это, в первую очередь, характерно для коллег «постсоветского призыва», которым сейчас еще не исполнилось 40 лет или близких к этому возрасту. Отсюда – масса парадоксальных ситуаций «изобретения велосипеда» или создания «вариаций» на уже разработанную тему. Но в данной статье речь пойдет не об этом. Вторая «язва», поразившая, в первую очередь, более старшее поколение уральских археологов, – мы абсолютно утратили способность и умение вести научные дискуссии, умение, которое было присуще нашим учителям, большинство из которых, к сожалению, уже оставили сей мир.

Что такое дискуссия? По классическому определению, *discussio* (лат.) – рассмотрение, исследование, обсуждение какого-либо спорного вопроса на собрании, в печати, в беседе (Словарь иностранных слов... 1988. С. 168). Кажется, все предельно ясно. Однако на практике наши «дискуссии» по спорным вопросам уральской археологии (а их пока остается предостаточно) чаще всего сводятся не к увеличению весомости и фундаментальности своих концептуальных позиций, а к стремлению похлестче и поязвительнее «пнуть» своего *vis-à-vis*. В итоге дискуссии превращаются в

«гладиаторские бои» – бесплатное развлечение присутствующих при сем молодых коллег, не весьма компетентных (первая из упомянутых мною «язв») в сути дискутируемой проблемы. Что, например, и имело место 8 декабря 2011 г. на заседании секции «Волго-Камье и Урал от первоначального заселения до раннего железного века» VI Халиковских чтений в Перми при обсуждении доклада С.Н. Коренюка, А.Ф. Мельничука, М.Л. Перескокова «Дискуссионные вопросы изучения этнокультурной истории Пермского Приуралья в эпоху раннего железного века». Чрезмерно эмоциональное прочтение этого доклада А.Ф. Мельничуком и не менее эмоциональное выступление по этому докладу автора этих строк по сути дела превратило обсуждение данной проблемы, весьма сложной, а в ряде контекстов и искусственно запутанной, в «реалити-шоу» для присутствующих на указанной секции молодых коллег (самое «ценное», что они, на мой взгляд, получили для себя – это серия фотографий, на которых два в общем-то уже немолодых исследователя норовят половчее обменяться пинками (в фигуральном, естественно, смысле). Ну, здесь уж «каждый выбирает для себя...»).

Конечно, есть и другая форма дискуссии – печатная, которая, по определению, предполагает неспешное, несуетное размышление и четкое изложение своих

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0963 (тема научно-исследовательской работы – «Роль государств эпохи средневековья и нового времени в процессе формирования этнокультурной карты Южного Урала и Прикамья»).

мыслей и претензий к оппоненту. Форма, которой виртуозно владели наши учителя – археологи советской формации, в свою очередь, учившиеся этому искусству у классиков отечественной археологии. Поэтому, приступая к чтению статьи С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука, посвященной действительно одной из важных и спорных проблем археологии не только Пермского Приуралья, но всего Волго-Камья (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 175-188), я был настроен, конечно же, не на получение исчерпывающих ответов на все вопросы (уж не настолько я наивен), но, по крайней мере, на то, чтобы уяснить себе удельный вес и характер тех ошибок и недочетов, которые вполне могли быть допущены нами при освещении проблемы формирования этнокультурной карты Предуралья в эпоху поздней бронзы (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. Гл. 2). Разочарования от прочитанного было гораздо больше, нежели удовлетворения. Да и последнее носило выраженный негативный оттенок: стало понятно, что в большей части рассматриваемой проблемы этнокультурных процессов в Прикамье и Приуралье авторы статьи С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук сами разбираются недостаточно четко. Вернее сказать, воспринимают и оценивают ее исключительно с местнических позиций, судя по тональности рассматриваемой статьи, будучи уязвленными тем, что кто-то еще посягнул на их монополию в исследовании керамики ерзовской культуры. И что характерно – наибольшую раздраженность у авторов, на мой взгляд, вызывает именно то, что свое исследование ерзовской керамики мы осуществляли с помощью современных методов статистического анализа, которого сами названные авторы не проводили. Вначале нам не было понятно – почему? Но после знакомства с керамическими коллекциями ерзовских памятников, хранящимися в фондах археологического кабинета ПГУ и Пермского историко-краеведческого музея (огромная наша благодарность за это ушедшему от нас В.П. Денисову, тогда любезно предоставившему нам полную возможность ознакомиться с коллекциями Ерзовского поселения или, вернее, с их сохранившейся частью), подобная индифферентность к методам статобработки керамического материала с ерзовских памятников со стороны наших оппонентов нам стала понятна. Но об этом ниже.

Конечно, у меня, как лица заинтересованного, а потому не могущего претендовать на объективное восприятие критических пассажей² С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука по поводу наших выводов и построений, к этим пассажирам возникла серия вопросов. Первый вопрос – почему названные авторы, став на защиту выводов Р.Д. Голдиной относительно объединения всех культур позднего бронзового века Прикамья и Приуралья в единую «ерзовско-луговскую группу» пермской общности бронзового века, сделанных на базе (по их же собственным словам) лаконичной и неполной характеристики сосудов поздней бронзы и их орнаментальных мотивов (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 176), в нашем определении данной концепции как «умозрительной» усмотрели некий «криминал» и «резкость»? Вообще-то «умозрительный» – это проделанный в уме, основанный на умозрении, в противоположность опробованному на практике (Википедия). А в нашем случае практика – это как раз статистический анализ керамики, самого массового и единственного материала для этнокультурных построений рассматриваемого периода. Если следовать логике рассуждений наших оппонентов, то в понятие «ерзовско-луговская группа пермской общности бронзового века» следовало бы включить и памятники Прииртышья, на керамике которых также присутствуют практически все орнаментальные мотивы, характерные для «ерзовско-луговской» посуды – ряды косых насечек, «елочка», заштрихованные ромбы и треугольники, сетка, зигзаги. Да и по форме своей они могут быть сопоставимы с прикамской и приуральской керамикой.

Впрочем, не будем все упоминать имена заслуженных и уважаемых исследователей, чей весомый вклад в уральскую археологию несомненен. Хотя, как свидетельствует диалектика научного познания, от ошибок не застрахован никто.

Одна такая ошибка, довольно грубая, допущенная автором этих строк и не замеченная его соавторами (критикуемая С.Н. Коренюком и А.Ф. Мельничуком монография вышла в авторской редакции), но совершенно справедливо увиденная

² Очень надеюсь, что в данном случае уважаемые оппоненты не воспримут термин «пассаж» как оскорбительный, ибо одно из академических определений пассажа – связный и законченный отрезок текста (Словарь иностранных слов... 1998. С. 365).

оппонентами – отсутствие абсолютных количественных показателей в приведенных нами статистических таблицах по керамике эпохи поздней бронзы Прикамья и Приуралья. Принимая это замечание, явившееся следствием некоего «затмения», спешу его исправить.

В обработку были включены сосуды ерзовской культуры, взятые из коллекций Ерзовского, Заюрчимского и Сосновского IV поселений – в общей сложности 98 сосудов, фрагменты которых отбирались из соображений возможности снятия с них метрических параметров и установления степени орнаментированности поверхности³; маклашеевской культуры с памятников Нижней Белой – Куштиряк, Какры-Куль, среди которых самая представительная коллекция с пос. Какры-Куль (в общей сложности 83 сосуда); культуры курмантау (Бирское пос., стоянка им. Касьянова) – 468 сосудов; межовской культуры (Инзелга, Нижний Тюкун, Тюбяк, Старокабановское II, Староянзигитовское) – 101 сосуд. И, конечно, статистические данные по керамике Быргындинской и Нырғындынской стянок (фрагменты 97 сосудов), опубликованные Л.И. Ашихминой и В.Ф. Генингом (1977. С. 93-138). По правилам математической статистики, эти количественные показатели, выраженные в относительных цифрах, дают нижний порог значимости (при степени вероятности 0,95) не менее 4% (Генинг, Бунятян и др., 1990. С. 64). Что, кстати, мы и указали в нашей монографии на стр. 19. Так что, если бы С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук были поближе знакомы с методикой статистической обработки массового археологического материала, им было бы ясно, что мы оперировали выборками не менее чем из 90 единиц каждая. Но в целом

ЗАМЕЧАНИЕ ОБ ОТСУТСТВИИ В НАШИХ ТАБЛИЦАХ ПО КЕРАМИКЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ, ИЗ КОТОРЫХ ВЫСЧИТЫВАЛИСЬ ПРОЦЕНТЫ, МЫ С МОИМИ КОЛЛЕГАМИ-СОАВТОРАМИ ПОЛНОСТЬЮ ПРИНИМАЕМ, расценивая его как наше досадное упущение.

Вместе с тем, в своем полемическом запале наши критики допускают ряд «ляпов» (ну да кто без греха?), свидетельствующих о том, что, по мере написания статьи, в их сознании все большее место стало занимать

не стремление разобраться в проблеме, а ощущение сродни ликованию публики, уличившей нас в краже мелочи по карманам. Иными причинами я никак не могу объяснить (да и понять) очередной их пассаж (они его назвали «серьезными претензиями») по поводу показателей степени орнаментации ерзовских сосудов (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 178). В нашей таблице приведены данные, из которых следует, что сосуды, орнаментированные по венчику и шейке, составляют 33% ерзовской выборки; только по шейке – 28,7%; по шейке и плечикам – 14,9% и по венчику, шейке и плечикам – 23,4%. В сумме это составляет ровно 100% выборки. Что за мифические (умозрительные?) 43,8% «орнаментального индекса ерзовских сосудов», а главное – откуда их вывели С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук – «сия тайна велика есть».

Затем не без лукавого кокетства наши критики заявляют о том, что им «совсем не ясно, что представляют собой процентные индексы, отраженные в графе «Ерзовка» на рисунке 6, общее число которых достигает 66,6%. *Этих численные параметры* не зафиксированы ни в одной из представленных автором таблиц» (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 178)⁴. Характерно, что маклашеевские «процентные индексы» (общее число которых 86,9%); быргындинские (40%) и курмантаусские (93%), судя по всему, авторам оказались ясны (во всяком случае, про них они не упоминают). Что, впрочем, и не удивительно, поскольку эти «индексы», как и ерзовские, наглядно (в виде картинки) отражают удельный вес тех или иных орнаментальных мотивов и композиций, представленный, в том числе, и в табл. 3 нашей работы.

В своем полемическом запале наши оппоненты, похоже, начинают терять ощущение реального времени и усиленно оперируют числовыми показателями, приведенными в ранних статьях В.П. Денисова (1967. С. 29-49) и в их собственной (Коренюк, Мельничук, 1992. С. 57-72). Абсолютно не умаляя значения этих публикаций для своего времени, считаю необходимым подчеркнуть, что в своей аналитической части обе они очень сильно устарели. Однако прежде чем перейти к анализу приводимых нашими критиками данных, следует отметить, что мы в своей работе ставили своей задачей выяснить:

³ Данная работа проводилась вместе с аспирантом кафедры Древней и средневековой истории России ПГПУ О. Жуковой.

⁴ Одесский акцент, выделенный курсивом, принадлежит авторам.

какие археологические культуры эпохи поздней бронзы Прикамья и Приуралья могли участвовать (и участвовали) в формировании предананьинской общности (пермской – по определению Р.Д. Голдиной) и с какими этнокультурными группами они могут быть связаны. Поэтому мы и не стали заострять наше внимание на вопросе внутренней периодизации культур эпохи поздней бронзы, в частности – ерзовской. Во-первых, в контексте нашей темы он не представляется основным, а во-вторых, использование сравнительно-статистических методов анализа применительно к керамическим комплексам той же ерзовской культуры на предмет выяснения их хронологической динамики невозможно технически из-за малочисленности и исключительной фрагментарности имеющегося материала.

В.П. Денисов, выделивший ерзовскую культуру и давший ее периодизацию (выделение трех этапов в ее развитии), никаких статистических данных в своей, ставшей уже классической, публикации не приводил вообще. Из статьи названного автора мы только узнаем, что к раннему или первому этапу относятся 13 поселений и местонахождений, на которых исследовано в общей сложности семь жилищ и собрана коллекция керамики, внутри которой выделяются сосуды, **большинство из которых** имело характерную реповидную или горшковидную форму с суженным горлом и сильно раздутыми боками. Шейки сосудов – прямые или **чаще всего** слегка отогнутые наружу, венчик **нередко** имеет небольшое утолщение или налп в виде воротничка. Венчик, шейка и верхняя часть тулова сосудов были орнаментированы зубчатым штампом, ямками, клиновидными насечками и прочерченными линиями. Узоры состояли из рядов косо поставленных отпечатков зубчатого штампа, «решетки», «флажков», ромбов, треугольников, зигзагов, «елочки», прочерченных линий. Узоры на венчике отличались от узоров, располагавшихся по тулову, и отделялись друг от друга зонами горизонтальных рядов сдвоенных или строенных ямок или клиновидных насечек.

Аналогии подобной керамики В.П. Денисов находит на обширной территории: от лесостепной части Западной Сибири на востоке до Среднего Поволжья на западе, от северных районов Восточной Европы до Южного Урала на юге.

Здесь уместно будет задать вопрос нашим критикам: если они, не без некоторого пафоса, обращаются к авторитетному мнению А.Х. Халикова, поддерживавшего финноязычность культур эпохи поздней бронзы Волго-Камья (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 176), то почему они индифферентны к авторитету В.П. Денисова, отмечающего типологическую близость керамики раннего этапа ерзовской культуры с керамикой памятников черкаскульской культуры межовского и березовского типов (1967. С. 35-38)?

Керамика второго этапа ерзовской культуры (по В.П. Денисову) представлена сосудами бомбовидной формы с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой, украшенными по шейке и верхней части тулова; орнамент состоит из рядов мелких ямок, отпечатков гладкого штампа, клиновидных и ямочных вдавлений, **нередко** сдвоенных, строенных или счетверенных в виде розеток, «змейки» и различных насечек. **Реже** встречаются узоры, выполненные зубчатым штампом, в виде горизонтальных рядов наклонно поставленных отпечатков. **Еще реже** встречались сложные узоры в виде треугольников, различных зигзагов, ромбов, «флажков» и других элементов, **довольно близких по манере орнаментации керамике культуры курмантау, некоторым типам сосудов Луговской стоянки, Ананьинской дюны и стоянок маклашеевского этапа приказанской культуры.** Дальше цитирую точно: «На основании имеющегося в нашем распоряжении материала можно утверждать, что на данном этапе, как и на предыдущем, чувствуется значительное влияние культуры зауральских племен на Среднее Прикамье. Оно было настолько сильным, что среднекамские племена воспринимают от своих восточных соседей целый ряд узоров, несвойственных керамике местного населения» (Денисов, 1967. С.40 и сл.).

Здесь также необходимо еще раз напомнить нашим критикам о необходимости более внимательного чтения работ своих коллег по региону, дабы впредь избегать досадных «ляпов» типа приписывания одним исследователям того, что было сделано другими. Например, того наигранного изумления по поводу того, что «... оказывается то, что В.А. Иванов

в своих статистических построениях используют⁵ только общие данные по всей межовской культуре (подсчеты по методике В.Ф. Генинга, совершенные М.Ф. Обыденновым и А.Ф. Шориным, не отделяя как ее локальные ранние, так и поздние керамические формы. Это явно некорректно» (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 179). Чем руководствуются С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук, приписывая мне использование результатов статистического анализа, проведенного М.Ф. Обыденновым и А.Ф. Шориным для керамики черкаскульского и замараевского этапов черкаскульской культуры Среднего Зауралья (Обыденнов, Шорин, 1995. С. 35-37), для статистической характеристики керамики межовского типа Приуралья – непонятно. Равно как непонятно, какие такие «локальные ранние и поздние» керамические формы межовской керамики, не известные ни мне, ни даже основным исследователям межовской культуры М.Ф. Обыденнову и А.Ф. Шорину, известны нашим критикам? Первая сравнительно-статистическая характеристика межовской керамики Приуралья была сделана и опубликована мной еще 30 лет тому назад (Иванов, 1982. С. 64 и сл.). Использовать статистические характеристики черкаскульских и замараевских комплексов для выяснения степени участия межовской культуры Приуралья в формировании культур предананьинской общности – а смысл?

Вообще С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук столь часто в своей критике используют определения «корректно» и «некорректно», что создается впечатление, что в своих исследованиях именно они могут явить образец подлинно корректного обращения с археологическими источниками. Тем более что в своей критике они в очередной раз высказывают наигранное изумление тем, что в нашей таблице нормы распределения и тенденции морфологических признаков керамики поздней бронзы Прикамья и Приуралья (табл. 5) в столбце «Ерзовка» строка орнамент в виде «флажков» отмечена нулевым значением. Сами же авторы утверждают (со ссылкой на свою публикацию 1992 г.), что «в раннем керамическом ерзовском комплексе, относительно близким к межовской посуде, среди резных узоров

(60%) «флажки» занимают **не менее значимое место** в декоре, чем зигзаги, «елочки», зигзаги с «ресничками» и т.д. (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 179). Теперь дело за малым – обратиться к публикации самих критиков и предоставить слово им самим: «в ходе раскопок (Заосиновского VI пос. – *В.И.*) в обоих сооружениях собрана представительная коллекция керамики ерзовской культуры. В сооружении №1 – 61 сосуд, в сооружении №2 – 78 сосудов. Типологически посуда неоднородна и относится к различным хронологическим стадиям ерзовской культуры (по В.П. Денисову)». А далее следуют «статистические» выкладки авторов, из которых явствует, что керамика 1-й стадии ерзовской культуры, собранная только в сооружении № 1, представлена 15 (!) сосудами, имеющими горшковидную форму, раздутое тулово и плоское дно. Для них характерны заостренные венчики (целых 70% сосудов, что в абсолютных цифрах означает 10,5 экз.), орнаментированы сосуды только в верхней части (из 15-ти сосудов на Рис. 2 изображены 10, по фрагментам которых только один (Рис. 2, 5) сохранился настолько, что на нем, кроме венчика и шейки, еще читаются и плечики, действительно орнаментированные подтреугольными насечками, сгруппированными в некое подобие ромба). **Преобладают** узоры, состоящие из одиночных или многорядных каплевидных вдавлений (те же 10,5 сосудов – *В.И.*), различных гладких или резных линий (60% или 9 сосудов – *В.И.*) с рисунком в виде решетки, «косых крестов», «флажков» и различных зигзагов (Коренюк, Мельничук, 1992. С. 61).

Теперь вернемся к «изумлению» наших критиков по поводу нулевых значений в строке «флажки» табл. 5 нашей работы. Здесь, конечно, возникает соблазн привести пространную цитату, страницы на полторы, из хорошо известной и давней книги В.Ф. Генинга и его соавторов «Формализованно-статистические методы в археологии...», где исчерпывающе объясняются такие понятия, как «объем выборки», «уровень или степень вероятности («коэффициент значимости»)», «уровень представительности процентного показателя распределения признака» и т.п. (Генинг и др., 1990. С. 59-65). Однако у меня нет сомнения в том, что наши критики и сами в состоянии не только прочесть, но и внимательно изучить (а имея в виду вероятность будущих

⁵ Весьма польщен тем, что авторы рассматриваемой статьи обращаются ко мне во множественном числе, хотя это явно лишнее.

дискуссий – очевидно, это и следует сделать) указанную книгу, равно как и учебное пособие Г.А. Федорова-Давыдова «Статистические методы в археологии», в котором исчерпывающе объяснена методика подсчетов коэффициента сходства сравниваемых объектов (групп памятников, комплексов) по набору общих признаков (1987. С.143-148)). Только при этих условиях наши дальнейшие дискуссии выйдут за рамки старинной английской песенки в изложении С.Я.Маршака:

«Где ты была сегодня, киска?

У королевы у английской.

Что ты видала при дворе?

Видала мышку на ковре!».

Что же касается «флажков», а также сосудов с сильно выпуклыми плечиками, орнаментированных по венчику, шейке и плечикам или только по венчику и шейке, «зигзагов с ресничками», однорядного зигзага и т.п. признаков, обозначенных в нашей табл. 5 нулевыми значениями, то это значит, что для соответствующих выборок они по своим количественным показателям (частоте встречаемости) НЕ ЯВЛЯЮТСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫМИ. То есть, данные выборки не характеризуют. Хотя и могут там присутствовать в качестве случайного признака на каких-то единичных фрагментах. Это придумано не нами, это – закон статистики.

С керамикой второй стадии ерзовской культуры ситуация получше. Там авторами выделено в общей сложности 109 сосудов, что, по законам статистики, обеспечивает нижний порог значимости процентных показателей не менее 4%. Но поскольку авторам публикации это ни о чем не говорит, то ассортимент рассматриваемых керамических форм в их описании по-прежнему остается аморфным (бомбовидная форма, круглое дно, высокая прямая или слегка отогнутая шейка, заостренный (65%), округлый (31%) или уплощенный (4%) венчик)⁶.

Орнаментика рассматриваемой керамики состоит из клиновидных (мы их называем «каплевидные») вдавлений, расположенных в виде горизонтальных поясков или горизонтальной «елочки».

⁶ Что в плане характеристики керамики второй стадии ерзовской культуры дает статистика конфигурации венчика при отсутствии статистики форм сосудов – это какое-то аналитическое «ноу хау» авторов публикации, ибо в дальнейших построениях этот морфологический признак керамики ими никак не используется, как, впрочем, и все остальные.

Они явно доминируют (62% всех сосудов Заосиновского VI пос.), а на втором месте по частоте встречаемости, похоже, стоит поясok из круглых ямок (18%). То есть, оперируя данными С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука, можно смело утверждать, что для керамики второй стадии ерзовской культуры характерна орнаментика в виде клиновидных оттисков в различных композициях и поясков круглых ямок (в совокупности это 80% керамики данной стадии Заосиновского VI пос.). Остальные 20% керамики рассматриваемого комплекса это, надо полагать, резные узоры в виде «решетки» или косоуго «креста», гребенчатые узоры из коротких вертикальных или наклонных отпечатков, зигзагов, «решетки» и «елочки», С-видные и струйчатые отпечатки и шнуровые оттиски (6,5%) (Коренюк, Мельничук, 1992. С. 63-65).

В общем все логично: отставив в сторону сосуды с С-видной и струйчатой орнаментикой, как очевидное свидетельство влияния зауральского (гамаюнского) населения на культуру прикамских племен⁷, а также сосуды со шнуровой орнаментикой, как признак следующей, раннеананьинской, стадии в истории прикамского населения, мы получаем ту же самую тенденцию в развитии ерзовского орнамента, которая и была выявлена нами на материалах Ерзовского, Заюрчимского и Сосновского IV поселений, и которую мы представили в своей монографии в табл. 3 и 6.

Непреодолимая ценность публикации наших критиков 1992 г., таким образом, состоит в том, что они, едва ли сами того желая, хотя и на очень поверхностном статистическом уровне, но вполне убедительно показывают, что ерзовская культура эпохи поздней бронзы Прикамья – это то, что они, вслед за В.П. Денисовым, относят ко второй стадии ее развития. Что касается ее «первой стадии», то она настолько аморфна и призрачна, что любая попытка подойти к ее выявлению и описанию методом точного количественного анализа приводит к гротескным результатам. Публикация Заосиновского VI поселения тому наглядный пример⁸.

⁷ Что и отмечал В.П. Денисов: «некоторые элементы узора («змейка» и эсовидные отпечатки) сближают ерзовскую керамику с керамикой зауральских памятников гамаюнской культуры» (Денисов, 1967. С.41).

⁸ Даже школьнику понятно, что керамический комплекс т.н. «ранней ерзовки» вообще не может быть объектом статистического анализа, поскольку выборки

И вот «основываясь на столь «солидном» статистическом анализе ерзовских древностей»⁹ (а в своей критике наших построений С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук постоянно ссылаются именно на эту свою публикацию), наши критики далее пускаются в пространные, но, главное, УМОЗРИТЕЛЬНЫЕ (здесь я использую это определение вполне сознательно) рассуждения о качестве наших построений в области формирования этнокультурной карты Предуралья в предананьинскую эпоху. Но беда не в этом. Беда в том, что опять же в критическом запале наши оппоненты допускают явные «передергивания» как наших, так и других исследователей выводов и предположений. Например, ссылаясь на мнение М.Ф. Обыденнова и А.Ф. Шорина о разнокультурности ерзовских и межовских древностей, С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук приводят цитату из монографии названных исследователей 1995 г. со ссылкой на стр. 102 и 116.

В интерпретации наших критиков цитата звучит так: «По-видимому, межовское население имело определенные связи и с лесным прикамским (ерзовским) населением... Вероятно, ерзовское население, наряду с межовским, бархатовским, сузгунскими и, возможно, ирменским, входило в пласт близких по облику культур позднебронзового времени лесной полосы Урало-Сибирского региона», «возможно, перед нами две родственные (в некоторой степени и по происхождению) и тесно взаимодействующие культуры, развитие которых происходило в один исторический период и подчинялось одним и тем же закономерностям»¹⁰ (Обыденнов, Шорин, 1995. С. 102, 116)» (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 180).

такого объема в статистике вообще не учитываются и не анализируются, как не несущие никакого информационного потенциала. Что там происходит на других памятниках – остается только гадать. Нашим рецензентам не худо было бы прочесть любой учебник по основам статистического анализа.

⁹ Исполненную сарказма фразу заимствовал из критической статьи С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука на с.179 и возвращаю с благодарностью ее авторам, ибо тем самым оказываюсь избавленным от создания какой-то новой преамбулы к следующему абзацу своей статьи.

¹⁰ Причину выделения данной фразы я объясню чуть ниже.

В оригинале цитата звучит так: «Гораздо больше сходства у раннеерзовской керамики с керамикой памятников межовской поздней группы. До тех пор, пока не были обнаружены межовские памятники в Среднем Прикамье (выделено мной – В.И.), разрыв между раннеерзовскими и черкаскульскими древностями был слишком велик. Теперь же, после раскопок поселений Симонихинское, Дикое Озеро, Поваренкинское I, очевидно, что позднечеркаскульские группы пришли в Среднее Прикамье накануне появления здесь собственно ерзовских поселений (по В.П. Денисову). Схожий материал позволяет считать ерзовские памятники первого этапа однокультурными с межовскими. Может быть, их следует рассматривать как локальный среднекамский вариант межовской культуры (выделено мной – В.И.). А возможно, перед нами две родственные (в некоторой степени и по происхождению) и тесно взаимодействующие культуры, развитие которых происходило в один исторический период и подчинялось одним и тем же закономерностям» (Обыденнов, Шорин, 1995. С. 101 и сл.).

Комментарии нужны? Едва ли. И уж коль скоро для наших критиков выводы М.Ф. Обыденнова и А.Ф. Шорина оказываются «более приемлемыми» (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 180), то им следовало бы пояснить неискушенному во всей этой словесной эквилибристике читателю, в чем, по их мнению, заключаются отличия во взглядах автора этих строк и его соавторов на роль межовского населения в формировании этнокультурной карты Предуралья в предананьинскую эпоху от взглядов названных исследователей? Настолько, что наши взгляды для С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука стали неприемлемыми.

В своем менторском тоне (насколько менторство корректно в научных дискуссиях – вопрос особый) наши критики советуют нам «внимательнее читать работы основного исследователя ерзовских древностей В.П. Денисова, который в своих статьях не делал выводов о межовской генетической подоснове ерзовской культуры, а писал о формировании ранних комплексов этого культурного явления «под непосредственным влиянием черкаскульских племен, вступивших в контакт с турбинскими (позднегаринскими – С.К., А.М.) племенами...» (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 181). Не хотелось

бы здесь лишний раз все упоминать имя исследователя, оставившего заметный след в уральской археологии. Но своей назойливой апелляцией не к своему мнению, а к мнению В.П. Денисова, высказанному им 45 лет тому назад, наши оппоненты вынуждают это делать.

В.П. Денисов постоянно отмечал участие зауральского населения в формировании ерзовской культуры на всех этапах ее существования: «Возможно, что формирование на раннем ее этапе ерзовской культуры шло под непосредственным влиянием черкакульских племен, вступивших в контакт с турбинскими племенами, а на последующих – под влиянием гамаюнских племен, пришедших в Прикамье в конце эпохи бронзы из-за Урала» (Денисов, 1967. С. 48). Исследователь нигде не пояснял, в чем по его мнению, могло выражаться это влияние: миграция или семейно-брачные связи, как это считают М.Ф. Обыденнов и А.Ф. Шорин (1995. С. 101, 102), торговый обмен или еще какие-то факторы? Влияли – и все. Причем, влияли так, что происходит «резкая смена борского этапа турбинской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье ерзовской культурой...», что, впрочем, «не умаляет значения турбинских племен в формировании верхнекамского варианта ананьинской культуры. Они **до конца не были ассимилированы пришельцами** (выделено мной – *В.И.*) и сыграли активную роль в формировании более поздних культур» (Денисов, 1967. С. 48). То есть, ассимиляция «турбинцев» «черкакульцами» все-таки была¹¹, но «не до конца», и турбинское этнокультурное влияние в ерзовской культуре, по мнению В.П. Денисова, проявлялось в расположении почти всех ерзовских поселений на месте более древних – турбинских, сохранение древних форм жилища и его устройства на ранних ерзовских поселениях и некоторые общие черты в орнаментике турбинских и ерзовских сосудов: «зигзаги», «флажки», горизонтальные ряды косо поставленных отпечатков (Денисов, 1967. С. 48 и сл.).

В.П. Денисову вторят и С.Н. Коренюк с А.Ф. Мельничуком, рассматривая проблему генезиса ерзовской культуры как-то очень своеобразно. Так, не соглашаясь с А.Х. Халиковым с его схемой формирования этнокультурной карты Среднего Прикамья в результате миграции сюда носителей

приказанской культуры (на ее атабаевском этапе) и их смешения с автохтонным позднегаринским населением, названные исследователи считают, что «**между памятниками позднегаринского типа и раннеерзовскими поселениями существует значительная хронологическая лагуна, что не позволяет определить генезис ерзовских древностей таким образом**» (Коренюк, Мельничук, 1992. С. 69). И далее: «**Не отрицая сходства керамических комплексов 1 стадии развития ерзовской культуры с межовскими** (выделено мной – *В.И.*), мы все-таки считаем, что **именно они послужили основной базой формирования посуды 2 стадии ерзовской культуры** (выделено мной – *В.И.*) и разрывать эти два явно генетически связанных между собой типа сосудов по разным культурным образованиям нелогично... В настоящее время получены материалы, позволяющие говорить, что раннеерзовские керамические комплексы формировались не на основе пришлых элементов, а на базе предшествующих им комплексов типа Заосиновского VII поселения, которые отражают сложный процесс взаимодействия позднегаринского населения с носителями андронидной (черкакульской) посуды из области Среднего Зауралья» (Там же. С. 69 и сл.).

Если под местоимением «они» авторы имеют в виду керамику «первой стадии» ерзовской культуры (что, скорее всего, так и есть), то возникает вопрос – а в чем, собственно говоря, заключается различие взглядов С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука, взглядов М.Ф. Обыденнова и А.Ф. Шорина, считающих межовские и раннеерзовские памятники однокультурными, и результатов наших исследований, показывающих достаточно высокую степень типологического сходства межовской и ерзовской керамики? Получается, что ни в чем. И межовская керамика и есть генетическая основа для ерзовской (какую бы ее «стадию» ни имели в виду те или иные авторы).

Что же касается постулируемого В.П. Денисовым тезиса об активной роли потомков турбинских племен в формировании ерзовской культуры и наших критиков, «начертавших» этот тезис на своем «знамени», то здесь все отнюдь не просто. Во-первых, если следовать логике рассуждений авторов о генетической преемственности «турбинцев» и «ерзовцев» через расположение их поселений на одних и тех же местах, то такую

¹¹ Я полагаю, нашим критикам нет смысла объяснять, что такое ассимиляция одной группы населения другой.

же преемственность следует приписывать носителям абашевской и срубной культур, большинство памятников которых расположены на одних и тех же местах, или «срубняков» и «межовцев», обнаруживающих аналогичную картину.

Во-вторых, основной специалист по истории прикамских жилищ эпохи древности и средневековья Е.М. Черных, например, полагает, что традиция сооружения квадратных полуземлянок со входом-тамбуром, характерных для ерзовской культуры, была принесена в Прикамье из Сибири (2010. С. 63).

Дальнейшие пассажи наших критиков относительно хронологии предананьинских древностей Прикамья и Приуралья, хода этнокультурных процессов в регионе в эпоху поздней бронзы и роли тех или иных культур в этих процессах разбирать не имеет смысла, ибо все это не более чем вариации на тему, написанную 45 лет тому назад В.П. Денисовым. Например, комплекс Заосиновского VI поселения С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук, «ничтоже сумняшеся», просто датируют второй половиной IX в. до н.э. – и все! Не утруждая себя приведением каких-либо доводов в пользу этой даты (Коренюк, Мельничук, 1992. С. 69). А уж кому, как не им, должно быть хорошо известно, что всю хронологию и периодизацию ерзовской культуры В.П. Денисов построил «по аналогии с памятниками Нижней Камы и Казанского Поволжья» (1967. С. 39). Для того времени это было вполне оправданно, но сейчас нуждается в соответствующих корректировках. Как, в частности, произошло с корректировкой хронологических позиций культуры курмантау в бассейне р.Белой в системе культур региона эпохи поздней бронзы - раннего железного века (Иванов, 1977).

На этом фоне хронология межовской культуры, базирующаяся на находках серии предметов, так или иначе датированных, на межовских памятниках Приуралья (включая и могильники) выглядит, безусловно, более фундированной (Обыденнов, 1998. С. 41-45).

Пассаж относительно умозрительного стирания с археологической карты Урала самого понятия ерзовская культура автором этих строк и его соавторами по монографии пусть остается на совести С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука. В своей монографии мы, обобщив результаты сравнительно-типологического анализа керамических

комплексов предананьинских культур Прикамья и Приуралья, предлагаем назвать новый этнокультурный ареал (ЭКА), который, по нашему мнению сложился в Камско-Бельском бассейне в результате этнокультурного взаимодействия здесь маклашеевского (волжско-финского) и межовского (древнеугорского) населения, «быргындинско-ерзовским». Это, на наш взгляд, и будет наиболее адекватно отражать распределение основных компонентов этнокультурной карты региона в предананьинский период (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 25).

Итак, подведем итоги. Они неутешительны. За 45 лет, прошедших с момента публикации известной статьи В.П. Денисова, посвященной первоначальной характеристике ерзовской культуры, в ее изучении ничего не изменилось. Нет ни надежно обоснованной хронологии и периодизации этой культуры, ни развернутой, построенной на современных методах анализа типологии керамики. То есть, источниковая база ерзовской культуры, являющейся своеобразным «брендом» прикамской археологии позднего бронзового века, как была, так и остается в зачаточном состоянии. Критика С.Н. Коренюком и А.Ф. Мельничуком результатов наших исследований в этом направлении по сути свелась к афоризму героя рассказа А.П. Чехова «Письмо к ученому соседу», отставного урядника Василия Семи-Булатова: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». Что в современных условиях широкого применения точных методов и компьютерных технологий в анализе массового археологического материала – явный анахронизм.

Критики в заключительной части своей статьи выразили автору этих строк благодарность за то, что он «вновь обратил взор научной общественности к дискуссионным вопросам в исследовании памятников поздней бронзы Приуралья...» (Коренюк, Мельничук, 2011. С. 186). Принимаю эту благодарность и разделяю ее со своими соавторами А.М. Белавиным и Н.Б. Крыласовой, ибо одной из целей нашей совместной работы как раз и было привлечь внимание к проблемам не только поздней бронзы, но и к другим проблемам этнокультурной истории региона. Среди них первоочередной представляется проблема места и роли древних угров и финнов в этногенетических процессах

Прикамья и Приуралья. Корни этих процессов скрываются, как минимум, в эпохе поздней бронзы, поэтому настала пора вновь вплотную обратиться к материалам этого периода. Только не с позиций умозрительных и безнадежно устаревших постулатов, а с позиций строгой эмпирики. В нашем случае это обработка археологического материала с использованием современных методов и технологий. Работа, конечно, кропотливая и трудоемкая (знаю по собственному опыту), результаты ее спрогнозировать заранее (в отличие от умозрительных построений) очень сложно. Но в противном случае мы обрекаем себя и в ближайшие десятилетия бесплодно и бессмысленно критиковать друг друга, подменяя поиск истины пустой, в общем-то, фразеологией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашихмина Л.И., Генинг В.Ф.* Стоянки эпохи поздней бронзы в Удмуртском Прикамье // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 93-138.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А.* Формализованно-статистические методы в археологии. Киев, 1990.
- Денисов В.П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С. 29-49.
- Иванов В.А.* Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977. С. 94 – 102.
- Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 52-77.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Заосиновское VI поселение в урочище «Красава» // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 57-72.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территории Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // ТКАЭЭ. 2011. Вып. VII. С. 175-187.
- Обыденнов М.Ф.* Межовская культура. Уфа, 1998.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.* Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995.
- Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. М., 1988.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Статистические методы в археологии. – М., 1987.
- Черных Е.М.* У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. Ижевск, 2010.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ЭТАПОВ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИКАМЬЕ

С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, М.Л. Перескоков (Пермь)

Current status of the issues of study the Middle and Late stages of the Ananino culture in the Kama River region

S.N. Korenyuk, S.N. Melnichyuk, M.L. Pereskokov (Perm)

Несмотря на полуторавековую историю исследования ананьинских древностей в Волго-Камье, средний и поздний этапы функционирования ананьинской общности изучены достаточно слабо. За исключением ряда опорных работ (Бадер, 1960; Халиков, 1967; Вечтомов, 1967; Ашихмина, 1985; 1985а) и публикации отдельных памятников (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002), специальных работ, посвященных данной проблематике, до начала XXI века не было. Тем не менее, в последние годы вышли объемные обобщающие работы по археологии и этнокультурным процессам Башкирии и Приуралья (История Башкирского народа, 2009; Белавин и др., 2009; Мажитов, Султанова, 2010 и др.), которые не только затрагивают указанные проблемы, но и предлагают различные их решения. Целью настоящей работы является критический анализ современного состояния проблем изучения средне- и позднеананьинских древностей Прикамья.

А.М. Белавин, В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова пытаются доказать преобладание «древнеугорского» населения на территории Среднего Приуралья в этнокультурной истории региона. Критика некоторых аспектов данной концепции нами уже была представлена (Мельничук и др., 2009; Коренюк, Мельничук, 2011; Коренюк и др. 2012), в том числе и касательно ананьинских древностей (Коренюк и др., 2013). В четвертой главе своего труда авторы обращаются к характеристике т.н. «переходной эпохи» в раннем железном веке Приуралья (Белавин и др., 2009. С. 46–80). Сразу вызывает недоумение столь значительный хронологический диапазон этого временного переходного состояния, вбирающего в себя основную часть эпохи раннего железного века (вторая половина I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.).

К сожалению, в трудах наших коллег характеристика памятников поздних стадий ананьинской культуры Среднего Приуралья (V–III вв. до н.э.) дана чрезвычайно лаконично (Белавин, Голдобин, 2002. С. 113; Белавин и др., 2009. С. 46–48). Во всяком случае, в последней работе ананьинские древности Пермского Приуралья среднего и позднего этапов совершенно не отражены. Это не дает нам основания воспринимать данный раздел книги как серьезное научное действо для интерпретации древностей огромной территории АКЮ, якобы стоящих в начале формирования «раннесредневековой угорской ойкумены», так как он базируется в основном только на материалах раннего железного века незначительного географического пространства Южного Приуралья (бассейн р. Белой).

Прежде всего, стоит уточнить некоторые теоретические моменты обсуждаемой проблематики. В археологии раннего железного века Урало-Поволжского региона существует несколько периодизаций ананьинских древностей, которые сводятся к двум основным. Двучленная периодизация подразумевает выделение раннего и позднего этапов ананьинских древностей (Черных, 2012). Трехчленная периодизация подразумевает ранний, средний и поздний этапы (Бадер, 1960; Халиков, 1967). Наиболее обоснованной является периодизация, предложенная А.Х. Халиковым (1967), так как она привязана к периодизации древностей евразийских степей. Ранний этап ананьинской культуры датировался VIII–VII вв. до н.э., который синхронизировался с древностями протомеотской и кобанской культур на Северном Кавказе, чернолесской и предскифской в Поднепровье, фрако-киммерийской в Прикарпатье. Средний этап датировался VI–V вв. до н.э. и привязывался к «некоторому изменению ананьинской

культуры в VI–V вв. до н.э., под скифо-савроматским и тагарским воздействием, почти не ощущаемым в предшествующее время» (Халиков, 1967. С. 23). Поздний этап А.Х. Халиков датировал IV–III вв. до н.э.; он синхронизировался с раннесарматскими древностями.

С.Н. Коренюк (2000а, 2000б) предложил более дробную периодизацию ананьинских древностей, включающую 6 этапов, которые можно соединить в три более крупных периода (ранний, средний и поздний). Четыре этапа выделены на основании материалов ранне- и среднеананьинских могильников, этапы позднеананьинского времени документируются материалами поселений. Могильники с датирующими вещами этого времени известны пока только в бассейне р. Белой («раннекараабызские»), на Средней Волге – Чурачикский могильник в Чувашии (Каховский, 1963; Каховский, Ильина, 2003) и р. Печоре – Шиховский могильник (Васкул, 2002). Позднеананьинские могильники в Пермском крае (Устиново II, Протасы, Ремзавод) содержат железные ножи, керамику и костяные изделия, но не имеют датирующего инвентаря. Таким образом, ананьинская культура, по нашему мнению, имеет следующую хронологию и периодизацию, соответствующую современным датировкам:

1. Ранний период – конец X – начало VII вв. до н.э. (1–2 этапы, по С.Н. Коренюку). Соотносится с предскифским временем.

2. Средний период – 2 четверть VII – 3 четверть V вв. до н.э. (3–4 этапы, по С.Н. Коренюку). Соотносится с раннескифским и раннесавроматским временем.

3. Поздний период – конец V – начало II вв. до н.э. (5–6 этапы, по С.Н. Коренюку). Соотносится с раннесарматским временем.

При использовании двучленной периодизации, не сокращая количества более дробных этапов:

Раннее ананьино (1–3 этапы, по С.Н. Коренюку) – конец X – первая половина VI вв. до н.э.

Позднее ананьино (4–6 этапы, по С.Н. Коренюку) – вторая половина VI – начало II вв. до н.э.

Сразу же обратим внимание на то, что наши коллеги в указанных выше трудах при лаконичной характеристике среднекамского ананьино по тексту своего труда совершенно не упоминают разработанную дробную хронологию Л.И. Ашихминой (1985; 1985а).

Начало странной длительной «переходной» эпохи у наших коллег ассоциируется со «средним этапом» в развитии ананьинской культуры (V–IV вв. до н.э.). Характеристика керамических комплексов средней фазы развития ананьинской культуры дается авторами расплывчато и ошибочно. По их мнению, «морфологические признаки керамики «среднего ананьино» – полукруглый валик на шейке сосуда и густые многорядные оттиски шнура в сочетании с пояском круглых ямок» (Белафин и др., 2009. С. 46). Если согласиться с В.Ф. Генингом и В.Е. Стояновым (1961. С. 81), на которых произведена в книге ссылка, что керамику с валиком можно считать маркером среднего ананьино (если использовать их трехчленную периодизацию), то представленные авторами монографии даты (Белафин и др., 2009. С. 46) не только не отражают современные датировки среднего этапа ананьинской культуры, но только вносят путаницу. По хронологии Л.И. Ашихминой (1985. С. 10, 11), шнуровая керамика с налестками в виде «валика» свойственна для каракулинской и каменоложской фазы развития ананьинской культуры Среднего Прикамья (VII–VI и VI–V вв. до н.э.). Исследователи Аргыжского городища, используя двучленную периодизацию, вообще не выделяют в напластованиях памятника среднего культурного горизонта, констатируя лишь наличие раннеананьинского и позднеананьинского хронологических пластов. Причём «валиковая» посуда относится ими к раннеананьинскому горизонту. Правда, исследователи отмечают несколько более позднюю дату посуды этого облика по отношению к классической «гладкой» раннеананьинской, но четко не датируют ее и тем более не относят данный керамический комплекс к IV в. до н.э. (Черных, Ванчиков, Шаталов, 2002. С. 31), когда по всем хроностратиграфическим позициям как в Среднем, так и Верхнем Прикамье господствует воротничковая посуда. А.Д. Вечтомов (1967. С. 136; 1962, С. 85. Рис. 35, 1) вообще валиковую керамику не выделял и отмечал ее как своеобразную «воротничковую», которая стала формироваться в конце ранней стадии ананьинской культуры (Заюрчимское I, Большевятское).

Как справедливо замечают авторы книги, ни на одном из памятников данная керамика «не образует стратиграфически вычленимого

слоя» (Белавин и др., 2009. С. 48), так как «валиковая» керамика является лишь частью среднеананьинского керамического комплекса. Возможно, «валиковая» посуда доживает до начала V в. до н.э. и затем резко трансформируется в классическую «воротничковую» ананьинскую керамику.

Далее, по тексту, исследователи переходят не к характеристике позднеананьинской эпохи на всей территории Приуралья, а отражают взгляды уфимских археологов на этнокультурную природу узколокальной карабызской культуры в сравнении с крупными культурными образованиями эпохи железа Волго-Камского региона. В критической статье А.М. Белавин и Н.Б. Крыласова совершенно необоснованно обвиняют нас в том, что мы демонстрируем «заведомо субъективный или некомпетентный подход к проблемам этнокультурной истории Южного Прикамья в эпоху раннего железного века», т.е. к пониманию генезиса карабызских древностей (2009. С. 122). И это удивительно, тем более что в своей статье мы вообще не высказывались о «роли карабызской культуры в формировании этнокультурной карты Прикамья в эпоху раннего железа» (Мельничук и др., 2009). Вкратце отметим, что мы не игнорируем «точку зрения В.А. Иванова, ещё в конце 1970-х годов установившего, что этнокультурной основой карабызской культуры среднего течения р. Белой являются носители ахмыловской/акозинской АК и к носителям «классической» ямочно-шнуровой керамики отношения не имеющие» (Белавин, Крыласова, 2009. С. 122).

Мы хорошо представляем взгляды В.А. Иванова на природу карабызских древностей конца 70-х гг. XX века, защищаемые сейчас. Однако «устаревшие» представления и критика положений В.А. Иванова на генезис карабыза были освещены в 1988 г. В.Ф. Генингом (1988. С. 59, 60), которые мы имеем право считать оправданными. Это связано с тем, что возражения В.Ф. Генинга на «новейшие» взгляды по генезису карабызских памятников, высказанные им после появления работ В.А. Иванова, почему-то не нашли и не находят критического отражения в современных работах (Белавин и др., 2009; Иванов, 2009; 2010а; 2010б). Нам совершенно это непонятно и представляется странным явлением в историографии раннего железного века Приуралья.

Чтобы не быть голословными, приведем выдержку из новейшей статьи молодого исследователя Е.В. Волковой, посвященной историографии карабызских древностей: «статьи и монографии, выходящие в последнее двадцатилетие, как правило, посвящены отдельным вопросам материальной культуры, военного дела, стратиграфии памятников и т.д. Кроме того, выходят публикации источников, охватывающие богатейший материал карабызских могильников. В то же время вопрос о происхождении карабызской культуры, как правило, не затрагивается в узкоспециальных исследованиях... Таким образом, карабызская археологическая культура представляет нетипичное для археологии раннего железного века Приуралья явление, поскольку географически локализуется на довольно небольшой территории – в среднем течении реки Белой, в отличие от ананьинской и пьяноборской культурно-исторических областей. *На сегодняшний день не вызывает вопросов у исследователей наличие определенной связи между карабызской культурой и ананьинской КИО, проявляющейся как в керамическом материале, так и в отдельных элементах погребального обряда. Однако сама природа этой связи, хронология сосуществования различных элементов ананьинской КИО в центральной Башкирии пока не определены*» (Волкова, 2011. С. 124) (курсив наш – авт.). Е.В. Волкова совершенно права, что современных работ, всесторонне отражающих процесс генезиса и развития карабызских древностей, особенно эволюцию и хроностратиграфию керамических поселенческих комплексов, нет.

На наш взгляд, ситуация с ранним карабызом столь запутана, что оказывает влияние на определение территориальных рамок ананьинской культурно-исторической общности в Южном и Среднем Приуралье. Непонятно, куда относить это культурное явление, то ли к ананьинской, то ли к пьяноборской общностям. Мнение В.Ф. Генинга на сущность раннекарабызских керамических комплексов, на наш взгляд, совершенно справедливо, когда он утверждает, что при их выделении «была допущена досадная методическая ошибка, которая привела к ряду запутанных и неверных выводов по вопросам археологической периодизации и этнической истории. А.Х. Пшеничнюк установил, что для постананьинского времени характерны сосуды с орнаментом из пояaska ямок по шейке,

и назвал этот тип керамики караабызским, а в дальнейшем стал выделять данный тип также в слоях и комплексах, содержащих типично ананьинскую керамику. К ананьинской керамике А.Х. Пшеничнюк относил *только сосуды со шнуровым орнаментом и «воротничком»*. В принципе такое разделение комплексов для его характеристики вполне допустимо и даже необходимо. Но нельзя, однако, *чисто формально-типологическое членение единого комплекса превращать в культурное*, как это сделал А.Х. Пшеничнюк, выделив в нижних слоях Биктимировского городища керамику с ямочным орнаментом как относящуюся к караабызской АК, и тем считать эту АК характерной для раннего железного века среднего течения р. Белая, а «примеси» ананьинской керамики рассматривать как влияние соседних племён. *Орнаментация сосудов пояском ямок по шейке встречается на всех позднеананьинских памятниках на территории всего Приуралья и является столь же типичной, как шнуровая орнаментация. Аналогичной точки зрения придерживается и В.А. Иванов (курсив наш – авт.)* (Генинг, 1988. С. 60, 61).

Положение В.Ф. Генинга о культурно-хронологической позиции раннекараабызских древностей косвенно подтверждал и их основной исследователь А.Х. Пшеничнюк: *«Предполагалось также, что часть караабызских поселений была заселена уже в ананьинское время и что керамика ананьинского времени практически ничем не отличается от более поздней собственно караабызской. Примерно к такому же выводу пришел В.А. Иванов на основе анализа материалов..... К сожалению, пока мы не располагаем надежными стратиграфическими или типологическими данными для расчленения керамики, орнаментированной пояском ямочных вдавлений по шейке, на раннюю, ананьинскую и позднюю, караабызскую. В целом этот тип керамики, за которым прочно укрепилось название караабызский, очень однороден и не претерпел сколь-либо существенных изменений»* (курсив наш – авт.) (Пшеничнюк, 1982. С. 102, 103).

К сожалению, нам, не специалистам по археологии раннего железного века Южного Приуралья, очень трудно разобраться в хроностратиграфии поселенческой караабызской посуды, так как освещение

эволюционного ряда ее развития во времени (свыше 500 лет) в современных работах представлено крайне нечетко.

Рассматривая таблицу 14 в коллективной монографии (Белавин и др., 2009. С. 52), где отражены параметры «среднеананьинской керамики», мы не имеем информации, свидетельствующей о том, откуда появились и на каких материалах Среднего Прикамья основаны эти процентные данные. Авторы не дают соответствующих ссылок. Если они понимают под «среднеананьинским» керамическим комплексом «валиковую» посуду, то какие поселения предоставили столь четкую характеристику именно этого комплекса? На наш взгляд, проводить сравнение раннекараабызских комплексов со среднекамской посудой каменноложского этапа (VI–V вв. до н.э.) некорректно, так как нет доказательств, что раннекараабызская посуда относится к этому времени.

Бельские (раннекараабызские) комплексы АКИО корректно сравнивать именно с позднеананьинскими группами керамики Среднего Прикамья, где в это время резко возрастает количество сосудов, украшенных только ямочным орнаментом (до 62% на городище Зуевы Ключи I) при резком сокращении ямочно-шнуровых узоров (Ашихмина, 1985а. С. 78. Табл. 8; Черных, 2012. С. 113–123).

В коллективном труде авторам следовало бы объяснить, каким образом раннекараабызская посуда вычленяется из общего массива керамических комплексов позднеананьинского времени в бассейне р. Белой? Если уфимские исследователи, согласно данным В.Ф. Генинга, из единого позднеананьинского керамического пласта посуды типологически выделяют безворотничковые сосуды и являют ее нам как раннекараабызскую (Пшеничнюк, 1964. С. 97. Рис. 1; Генинг, 1988. С. 60, 61), то насколько корректным может быть ее сравнение с комплексами памятников ананьинского культурного круга соседних территорий? Как мы уже отмечали, до сих пор нет работ по хроностратиграфии поселенческой караабызской керамики, которые бы дезавуировали точку зрения В.Ф. Генинга, высказанную им в 1988 г. Появление этих работ помогло бы в историографическом плане четче определить, в каком культурно-хронологическом направлении рассматривать раннекараабызские памятники: в системе

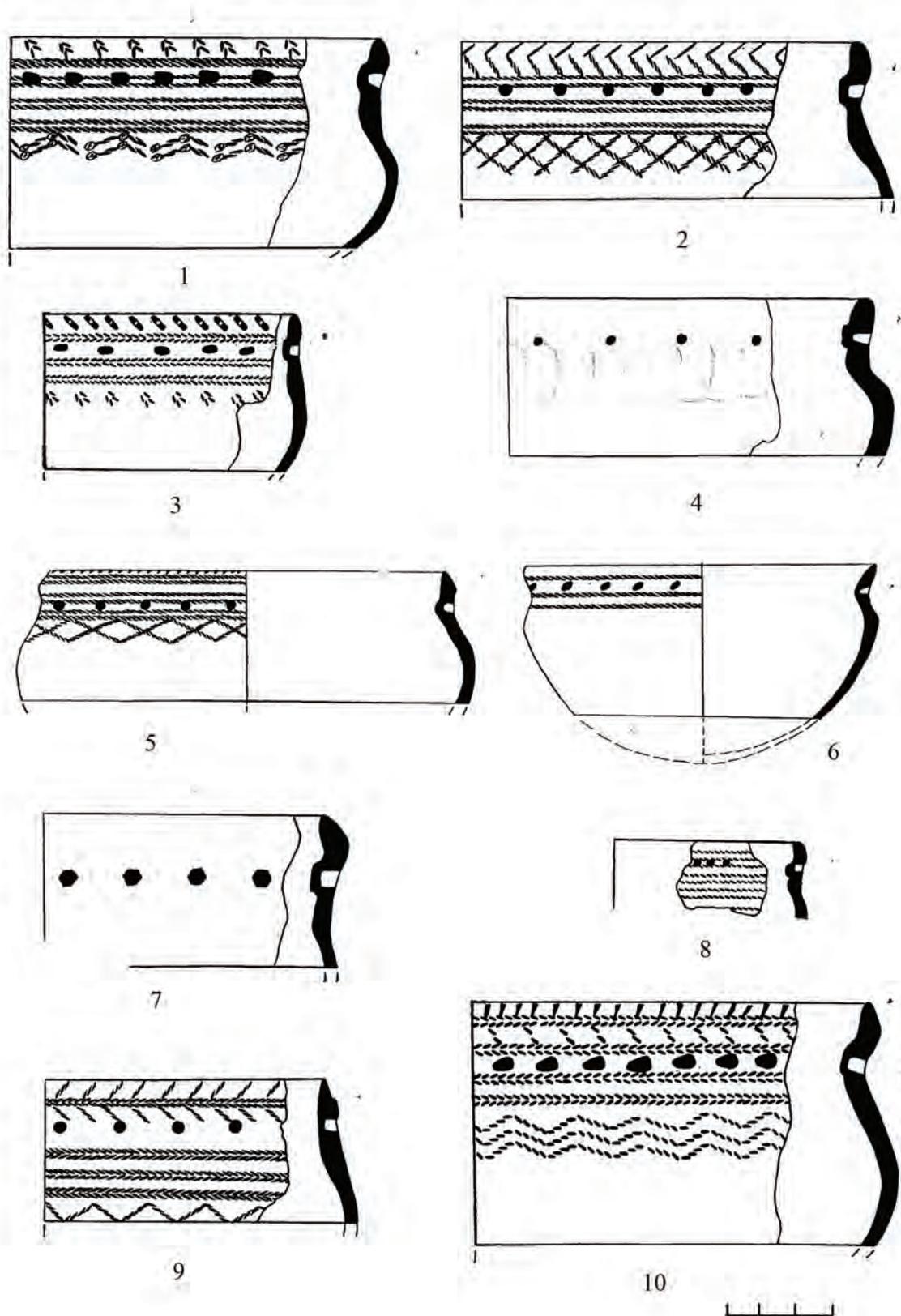

Рис. 1. 1-2. Скородумское селище-могильник (VII-VI вв. до н.э.); 3, 10. Заюрчимское I поселение; 4, 6-7. Большевятское селище (VIII-VII/нач. VI вв. до н.э.); 5, 8. Машковская дача III, поселение (VIII-VII вв. до н.э.); 9. Машковская дача II, поселение (IX/VIII-VII вв. до н.э.).

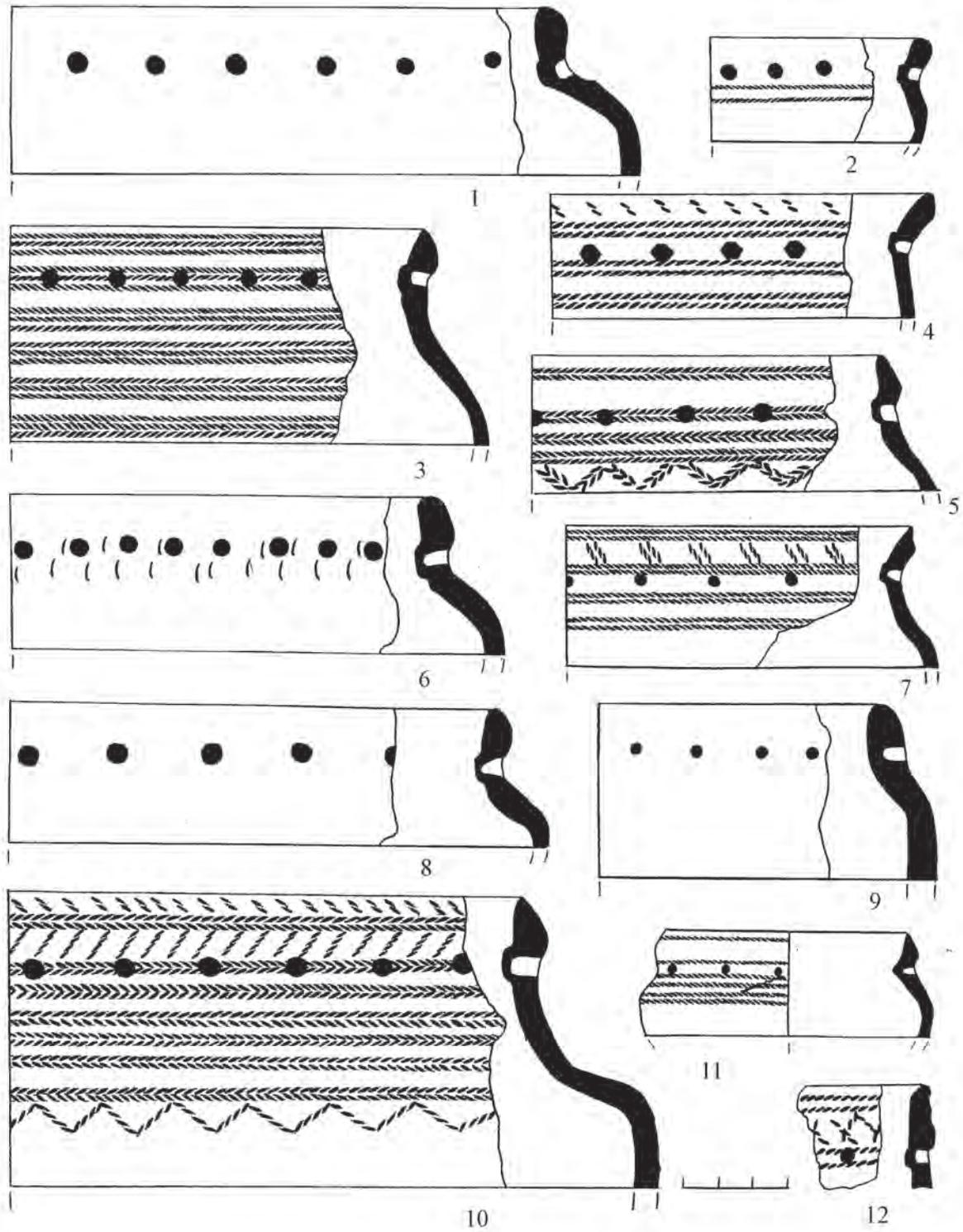

Рис. 2. 1-12. Машковская дача I, поселение (2 пол. VII – 1 пол. VI в. до н.э.).

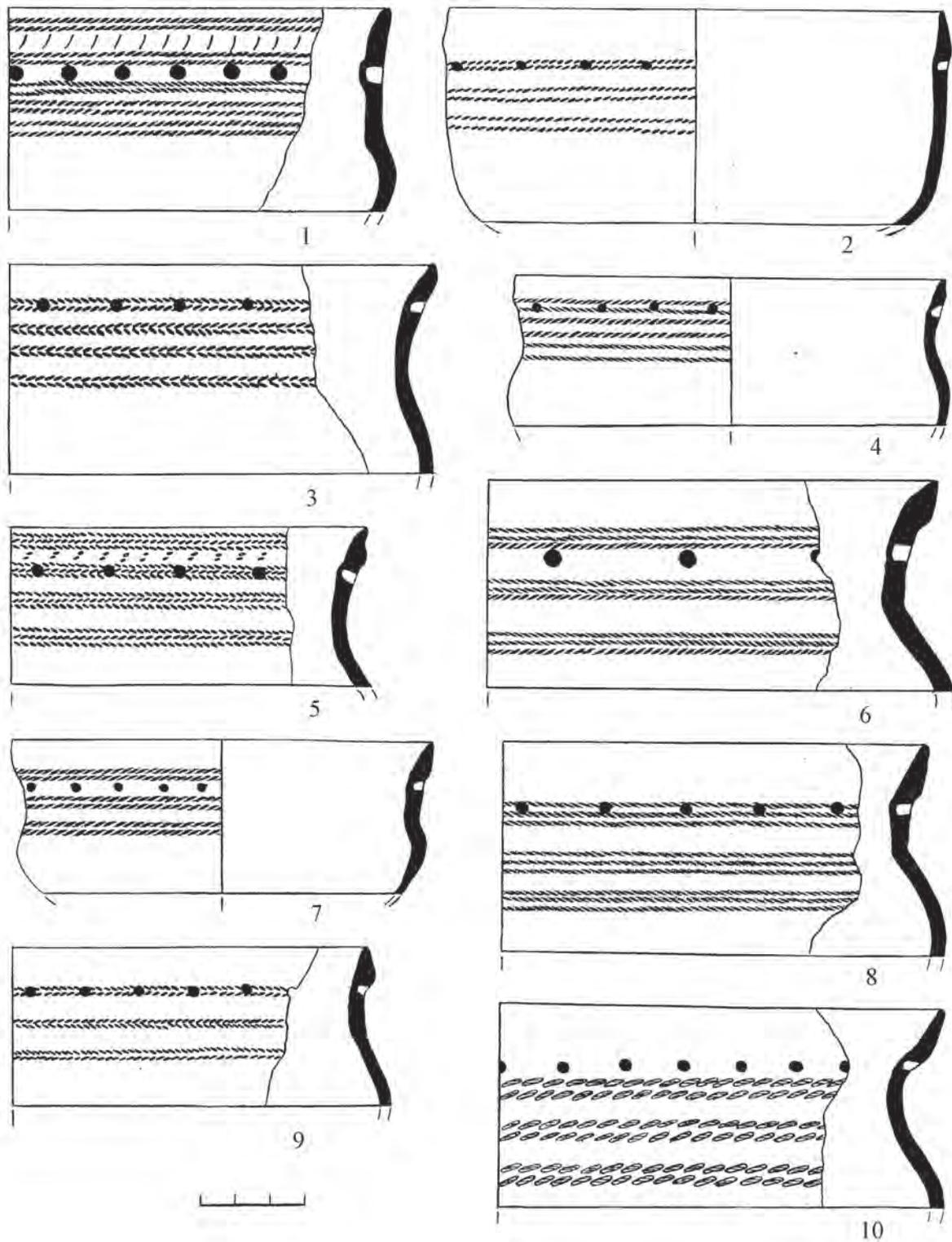

Рис. 3. 1-10. Усть-Очер I, поселение (2 пол. VI – нач. V в. до н.э.)

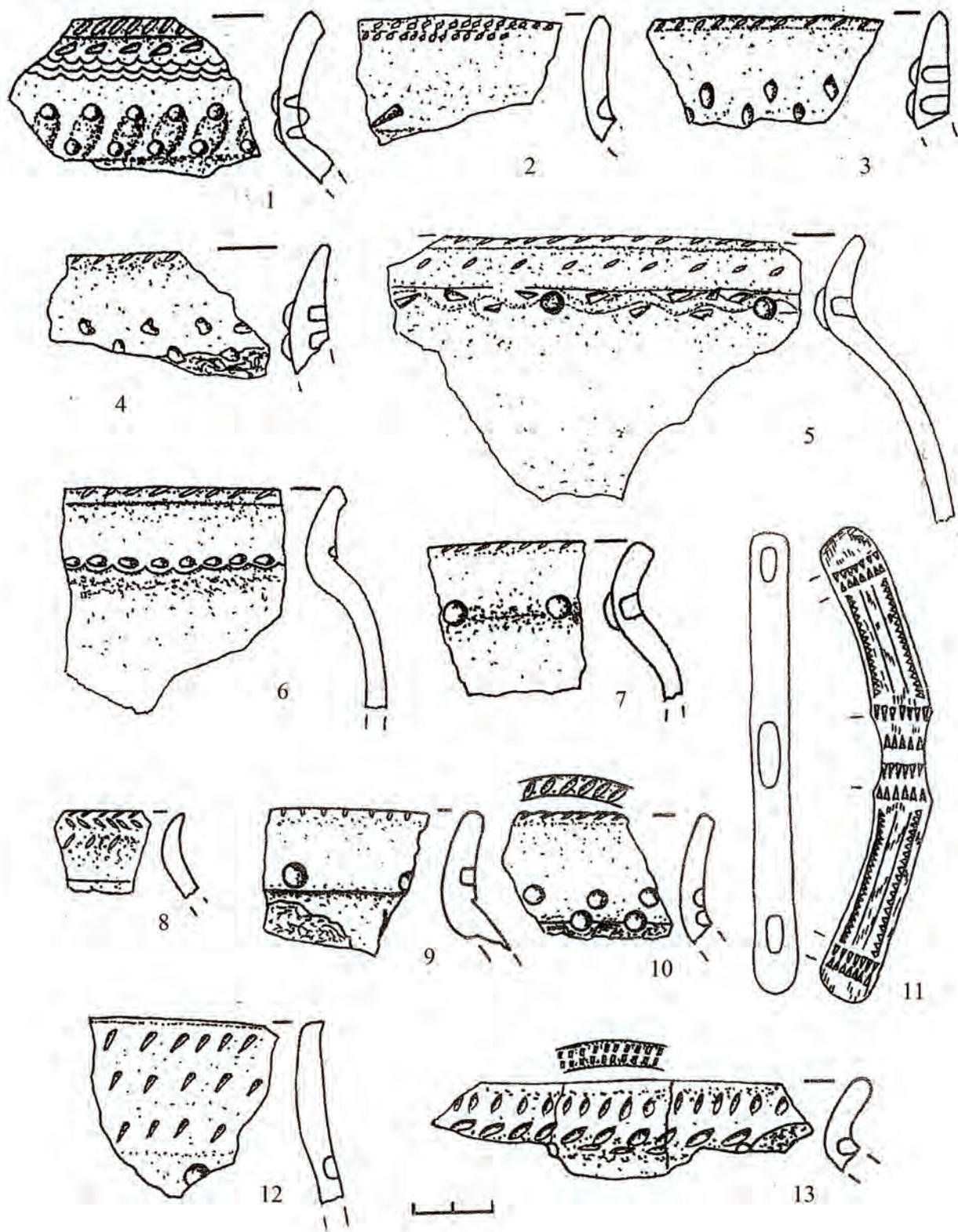

Рис. 4. 1-2. Азапкин-3, стоянка и селище; 3-4. Узян-3, селище; 5-7. Бельский-1, стоянка и селище; 8. Миндигулово-1, селище; 9-11. Мурадымово-1, стоянка и селище; 12. Миндигулово-2, стоянка; 13. Ново-Амбулатово-2, стоянка (по Н.С. Савельеву).

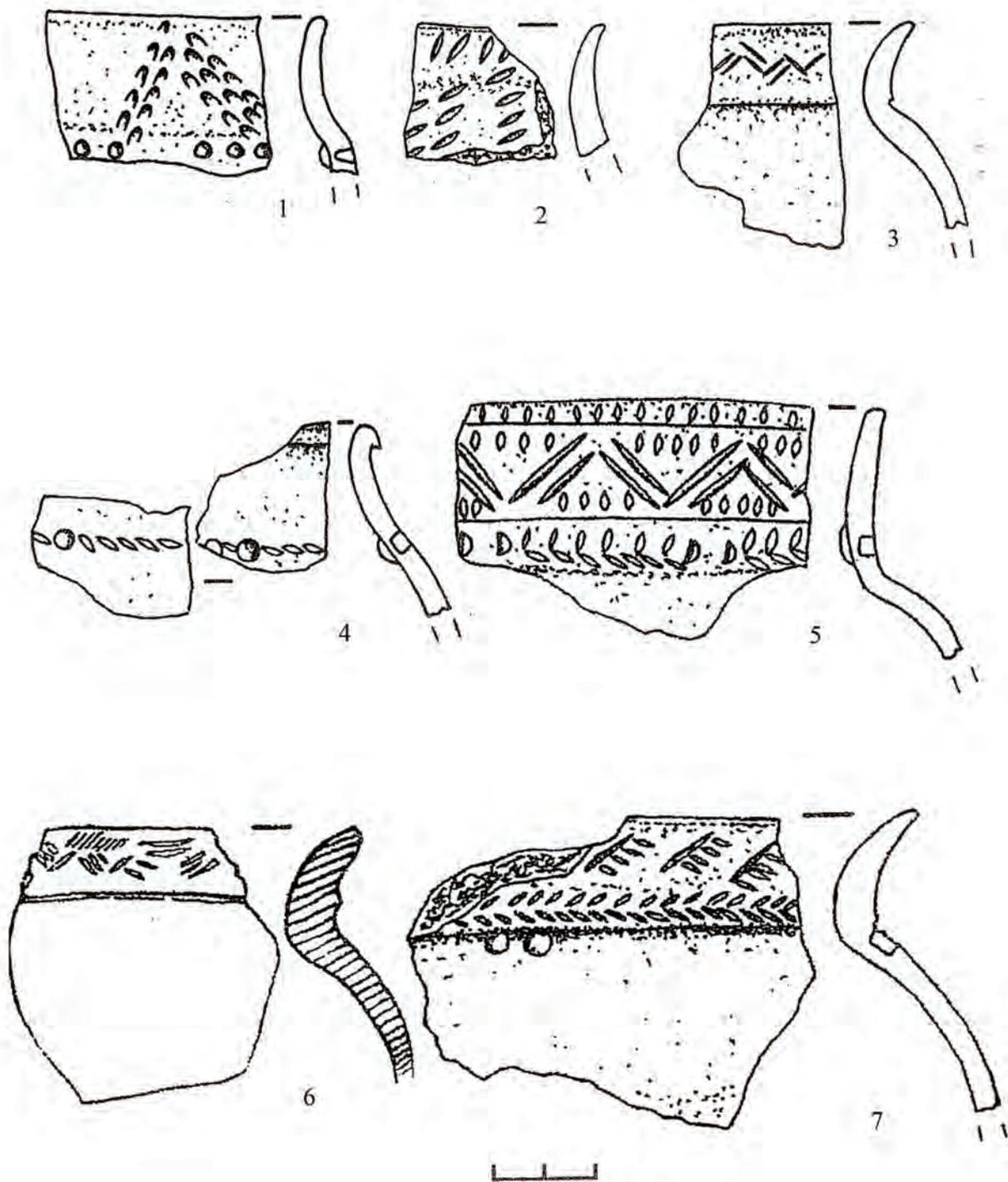

Рис. 5. 1-2, 4. Ново-Амбулатово-3, стоянка; 3. Ново-Амбулатово-5, стоянка; 5. Пещера Муйнак-Таш; 6. Максютново-1, стоянка; 7. Амбулатово-2, стоянка (1-5, 7 по Н.С. Савельеву, 6 по М.Ф. Обыдену).

ананьинского культурного мира или пьяноборского, или рассматривать это культурное явление вне развития основного пласта прикамских древностей раннего железного века. Пока что из недавней работы Н.С. Савельева неожиданно узнаем, что «для В.Ф. Генинга... Биктимировское городище являлось «почти чистым» карабызским поселением», причем со ссылкой на статью А.Х. Пшеничюка, изданную в 1976 г. (Савельев, 2011а. С. 57). Однако мнение А.Х. Пшеничюка о карабызской «чистоте» Биктимировского городища имеет серьезное расхождение с точкой зрения В.Ф. Генинга (Пшеничюк, 1976. С. 121). Н.С. Савельев попытался выделить на Биктимировском городище небольшой комплекс «раннекарабызской» посуды VI–V вв. до н.э., совершенно не аргументируя чем-либо столь его раннюю хронологию. Причем создается непонятная картина. Городище, по Н.С. Савельеву, создают «раннекарабызцы», генетически связанные, по В.А. Иванову, с «волжскими ананьинцами», а потом неожиданно здесь появляется мощный пласт не самого раннего комплекса ямочно-шнуровой керамики V–IV в. до н.э., который занимал нижние 12–10 горизонты городища. А затем, после гафурийского периода заселения городища, опять возрождаются карабызцы (5–7 горизонты) (Савельев, 2011а. С. 59–64. Рис. 4, 5, 7). Нам представляется выделение комплекса «раннего карабыза» (VI–V вв. до н.э.) на Биктимировском городище искусственным явлением, не имеющего никакого хроностратиграфического обоснования.

В.В. Овсянников, активно исследовавший карабызские древности в последние годы, в первом томе коллективного труда «История Башкирского народа» (2009) представляет сложение карабызской культуры в сочетании трех компонентов: «В V в. до н.э. в лесостепное правобережье среднего течения р. Агидель (Белой) начинает проникать постмаклашеевское население – выходцы из ананьинской культурно-исторической области. Здесь ими ассимилировано местное население – носители курмантаусского варианта маклашеевской общности. Малочисленность последнего и, хотя и дальше, но родство способствовали мирному протеканию этого процесса. Часть поселений, основанная носителями типа курмантау (Бирское, Курмантаевское), впоследствии

перекрывается раннекарабызскими слоями (курсив – авт.). В период с конца IV по середину III в. до н.э. в правобережье среднего течения р. Белой начинают проникать группы пришлого зауральского населения» (Овсянников, 2009б. С. 224).

Для того, чтобы разобраться в данном утверждении, необходимо понимание проблемы курмантау. Перекрытие «раннекарабызскими» слоями слоев, относящихся к курмантаусскому времени, еще не доказывает их хронологическую преемственность. Вообще датировка культуры курмантау до настоящего времени вызывает много вопросов. Исследователи отмечают, что, «имея «бронзовый облик» и близость памятникам маклашеевского этапа приказанской культуры, эти памятники датируются VIII–VI вв. до н.э., то есть эпохой раннего железного века, и являются синхронными ананьинским. Таким образом, В.А. Ивановым был выявлен уникальный культурный феномен. Население с материальной культурой, характерной для эпохи бронзы, жило в эпоху раннего железного века. Иными словами, здесь мы имеем дело с культурными изолятами, проживавшими в среднем течении р. Агидель (Белой), которые сохранили древнейшие традиции и остались в стороне от технологического прогресса (т.е. им была неизвестна металлургия железа). В.А. Ивановым были прослежены также факты, говорящие о существовании непосредственных контактов носителей культуры курмантау и ананьинской общности» (курсив наш – авт.) (Овсянников, 2009а. С. 215).

В обоснование указанной даты приводятся находки на Касьяновской стоянке бубенчика, обломка копья, наконечников стрел, серег-подвесок, железного ножа, которые «имеют многочисленные аналогии в датированных памятниках раннеананьинской, савроматской и карасукской культур» (Обыденнов, 2009. С. 163). Но, к сожалению, эти вещи найдены в перемешанных слоях, в которых присутствует и раннеананьинская керамика. Ни одного хроностратиграфического исследования, убедительно доказывающего указанные хронологические позиции чистого комплекса курмантаусских древностей, на данный момент не опубликовано.

М.Ф. Обыденнов отмечает: «Учитывая схожесть курмантаусских резных и гребенчатых и раннеананьинских композиций, ... стратиграфическую

нерасчлененность курмантаусской и раннеананьинской групп керамики (Бирское, Ибрагимовское и др.), а также то, что на многих курмантаусских памятниках имеется значительный процент шнуровой керамики (т.е. по орнаментации раннеананьинской) (курсив наш – авт.), можно согласиться с мнениями В.А. Иванова и В.А. Маркова о раннеананьинском (VIII–VI вв. до н.э.) возрасте восточных памятников маклашеевской общности» (Обыденнов, 2009. С.164). То есть, не четкое стратиграфическое членение комплексов, а наоборот – их путаница, является «аргументом» в пользу представленной хронологии.

Тем не менее, как отмечалось выше, верхняя хронологическая граница культуры курмантау доводится В.В. Овсянниковым до V в. до н.э. Доказывая эту дату, исследователи допускают досадные казусы. Так, основным доводом в пользу определения поздней даты курмантаусских комплексов V в. до н.э. (а в предгорьях Южного Урала до IV в. до н.э.) является присутствие на памятниках «гамаюнско-иткульской» керамики и некоторых «датирующих» вещей (обломок савроматского жертвенника, бронзовые наконечники стрел, железный меч и проч.).

Наиболее показательное присутствие «гамаюнско-иткульской» керамики на курмантаусских памятниках горного течения р. Белая (самых «поздних»). Она описана Н.С. Савельевым (2011б) по материалам разведочных работ 1960-х гг. В ряде случаев невозможно согласиться с атрибуцией данной керамики как зауральской (гамаюнской или иткульской). Она вполне характерна для комплексов финала бронзового и раннего железного веков Приуралья (Рис. 4, 7–9, 12, 13; 5, 1–7). С другой стороны, собственно зауральская керамика в описаниях перепутана. Так, необходимо отделять собственно гамаюнскую керамику (Рис. 4, 1) от иткульской, которая в этой публикации не представлена вообще, учитывая их различную хронологическую позицию. Выделяется в некоторых комплексах т.н. гибридная керамика (Рис. 4, 3–6, 10), которая сформировалась на последней стадии финала эпохи бронзы в контактных зонах и представляет собой заимствование элементов орнамента гамаюнской посуды на приуральской керамике с сохранением местных форм сосудов и примесей в тесте (Коренюк и др., 2012. С. 162). Интересные выводы Н.С. Савельев делает

по переходной керамике от финальной бронзы к раннему ананьину: «Наличие «смешанной» курмантаусско-ананьинской керамики должно рассматриваться как следствие ассимиляции в приуральской лесостепи какой-то части мигрировавших из Прикамья носителей «шнуровых» традиций местным позднекурмантаусским населением. Эта особенность является и хорошим хронологическим репером. Учитывая, что шнуровая керамика появляется в Южном Приуралье не ранее VI в. до н.э. [Иванов, 2009. С. 61], смешанные формы должны быть датированы позже этого времени, тем более – в горно-лесной зоне (предварительно – V–IV вв. до н.э.) (курсив наш – авт.) (Савельев, 2011б. С. 55). Переходные формы посуды присутствуют в слоях раннеананьинского времени (X–VIII вв. до н.э.) на хорошо стратифицированном поселении Заюрчим I. Не останавливаясь на «миграциях», следует отметить, что остается загадкой аргументация «хорошего хронологического репера», так как по указанной ссылке (Иванов, 2009. С. 61) В.А. Иванов ни слова не пишет о появлении шнуровой керамики в Южном Приуралье только в VI в. до н.э.; соответственно, и дальнейшие рассуждения нельзя воспринимать как серьезные доводы.

Таким образом, опубликованная керамика не происходит из закрытых комплексов, малочисленна и перемешана. В коллекциях представлена керамика эпохи финальной бронзы (курмантаусская, гамаюнская, гибридная), раннего железного века (раннеананьинская, позднеананьинская (раннекараабызская), гафурийская), она не стратифицирована и без датирующих вещей и, соответственно, не может являться существенным аргументом в пользу предложенной хронологии, а лишь подтверждает наличие на Южном Урале разновременных комплексов сменяющих друг друга культур финала бронзового (курмантау) и раннего железного веков (ранне- и позднеананьинский этапы, караабыз), имевшие тесные контакты с культурами этого времени Зауралья.

Публикация Г.Н. Гарустовичем и Н.С. Савельевым материалов обширных раскопок двух памятников горного течения р. Белая – поселений Акаваз-1 и Азануй еще больше убеждает нас в неверности предлагаемых авторами датировок. Так, при отсутствии в этих объемных

закрытых комплексах датирующих вещей исследователями отмечается: «*Присутствие на поселении Акаваз I в едином слое с керамикой культуры курмантау и сосудов с типичной для раннеананьинской шнуровой орнаментацией ... не может противоречить датировке этого памятника серединой I тыс. до н.э. Как уже отмечалось, эти сосуды по форме и составу глиняного теста ничем не отличаются от курмантаусских, поэтому должны рассматриваться как отражение ассимиляции курмантаусским населением еще в Приуралье небольших по численности раннеананьинских групп.* Об этом свидетельствуют материалы Касьяновской стоянки, где на одном сосуде часто присутствуют шнур, флажки и горизонтальные елочки из насечек...» (курсив наш – авт.) (Гарустович, Савельев, 2004. С. 113). Таким образом, мы видим четкий переход от курмантау к раннему ананьину в горном течении р. Белая, что только подтверждает синхронность культуры курмантау с культурами финальной бронзы Прикамья, где также фиксируются переходные памятники (Заюрчимское I поселение, Залазнинский могильник). Выводы же и аргументацию авторов публикации относительно хронологии и интерпретации опубликованных материалов сложно воспринимать иначе как историографический казус.

Важнейшая находка, определяющая хронологию одного из описанных памятников, – костяной псалий (Рис. 4, 11), несомненно, датирующийся концом эпохи бронзы (не позднее X в. до н.э.) (Ромашко, 1995. С. 71; Чижевский, 2001. С. 32). При этом он найден с гибридной (курмантаусско-гамаюнской) керамикой (что не противоречит датировке псалия). Однако Н.С. Савельев пишет: «Очень интересна находка на гамаюнской стоянке Мурадымово-1 рогового трехдырчатого псалия. Подобная схема псалия появилась еще в эпоху финальной бронзы <...>, однако в данном случае псалий должен датироваться примерно серединой I тыс. до н.э.» (2011б. С. 61). Остается только удивляться, насколько легко автор меняет датировку важнейших хроноиндикаторов для доказательства своей концепции.

Близкая ситуация складывается и с другими датирующими вещами из «позднекурмантаусских» памятников. Так, уже отмечалось, что ни одна вещь не происходит из закрытых комплексов, что они найдены в перемешанном слое (обломок савроматского

жертвенника с поселения Кюнь II, бронзовые наконечники стрел с Касьяновской стоянки), и на всех памятниках встречается керамика как раннеананьинского, так и позднеананьинского (раннекараабызского) времени. Таким образом, эти вещи, вероятно, следует связывать с ананьинским слоем. Интересна находка железного меча, которую Г.Н. Гарустович и Н.С. Савельев приводят в качестве одного из наиболее важных аргументов в пользу V в. до н.э. как верхней границы курмантау: «Возможно, что население культуры курмантау в Приуралье продолжало существовать не до VII–VI вв. до н.э., а примерно до середины I тыс. до н.э. Об этом свидетельствуют находки бронзового наконечника стрелы и железного меча на Касьяновской стоянке... Наиболее вероятная датировка этих предметов – середина I тыс. до н.э. Тогда и уход курмантаусского населения или его части в горы Южного Урала нужно относить к этому времени» (2004. С. 113). Тем не менее, в первой публикации итогов исследований Касьяновской стоянки И.Б. Васильев и В.А. Иванов отмечали следующее: «В одном из шурфов в южной части стоянки найден железный меч сарматского типа с прямым навершием без перекрестия. Его сопровождала керамика кара-абызского типа» (1976. С. 161). То есть и меч не имеет никакого отношения к культуре курмантау. Таким образом, нет ни одного аргументированного довода в пользу выхода верхней хронологической границы культуры курмантау за пределы эпохи финальной бронзы. Присутствие на памятниках бассейна р. Белой раннеананьинской и позднеананьинской (раннекараабызской) керамики доказывает поступательное развитие археологических культур Приуралья и в бассейне р. Белой.

В историографии караабызских древностей проблема их культурно-хронологической атрибуции до сих пор окончательного разрешения не получила (Волкова, 2010. С. 86). Например, среди ряда уфимских археологов до сих пор существует мнение о том, что «караабызскую группу памятников V–III вв. до н.э. лучше называть как среднебельский (караабызский) вариант единой ананьинской культуры. Эти же памятники, но уже II в. до н.э. – II н.э., мало чем отличаются от синхронных памятников Среднего Прикамья и нижнего течения р. Белой, и их следует рассматривать в рамках пьяноборской культуры» (Мажитов, Султанова, 2010. С. 86). Точку зрения

В.Ф. Генинга на культурно-хронологический характер караабызских древностей разделяет Р.Д. Голдина (1999. С. 245).

Следует, тем не менее, согласиться с А.М. Белавиным, В.А. Ивановым и Н.Б. Крыласовой в том, что «ареал расселения «поздних ананьинцев» <...> практически совпадает с ареалом памятников «среднего ананьина». Это является еще одним свидетельством генетической преемственности и непрерывности этнокультурного развития Камско-Вятско-Нижебельского региона АКЮ во второй половине I тыс. до н.э.» (Белавин и др., 2009. С. 55).

Важной переходной порой в раннем железном веке Приуралья следует считать именно III–II вв. до н.э., когда происходит разрыв единого ананьинского культурного пространства и совершается «размежевание в развитии культур Волго-Камья», что отразилось в появлении караабызской культуры, включаемой исследователями в пьяноборскую культурно-историческую область (Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 37).

Интерес к караабызским древностям вызван у нас тем, что определенную схожесть с ними в формировании керамических комплексов мы наблюдаем на позднеананьинских поселениях в среднекамских районах Пермского Приуралья. Это хорошо документируется материалами еловской группы позднеананьинских памятников, среди которых выделяется комплекс Калиновского городища и Еловского I поселения. На последнем в подпрямоугольном жилище (5×5 м) выявлен комплекс позднеананьинской посуды, датируемый бронзовым трехгранным наконечником стрелы. Встречалась как «воротничковая» посуда, так и «гладкая». А.Д. Вечтомов обращал внимание на значительный процент (85%) сосудов, орнаментированных по шейке кругло-ямочным орнаментом, наряду с ямочно-шнуровой посудой (15 %) (1960. С. 203, 204. Рис. 11).

Близкую по облику керамику В.А. Оборин отмечал в материалах Калиновского городища (1961. Рис. 3, 1–3, 5). В керамическом комплексе «представлены два типа сосудов: 1) глубокие круглодонные чаши с выпуклыми стенками и прямыми отогнутыми шейками и 2) крупные «кошелеобразные» сосуды с закругленным или заостренным дном <...>. Незначительная

часть сосудов первого типа (5%) имеет слабо выраженные «воротнички». Сосуды второго типа «воротничков» совершенно не имеют. Большинство сосудов первого типа орнаментировано по шейке (60%) ямочным (85%) и реже шнуровым орнаментом. Ямочный представлен рядами круглых, полукруглых и треугольных ямок, иногда группами по 2-3-4. Редко встречаются узоры шнурового орнамента в виде прямых линий, иногда в сочетании с волнистой линией. Сосуды второго типа орнаментированы ямочным (80%) и реже кружковым и гребенчатым орнаментом» (Оборин, 1964. С. 130–132. Рис. 1, 1–6).

Представляется, что комплексы типа Калиновского городища в Еловском Прикамье фиксируют определенную, позднюю, стадию развития ананьинских древностей в этом локальном районе и связаны по хронологической схеме Л.И. Ашихминой с финальным и переходным временем – IV–III вв. до н.э. (1985. С. 23) или концом V – началом II вв. до н.э., по С.Н. Коренюку.

В материалах позднеананьинской стадии Удмуртского и южных районов Пермского Прикамья отлично наблюдается в IV–III вв. до н.э. такое же достаточно резкое изменение в орнаментальном декоре сосудов, которые по характеру узоров ничем не отличаются от раннекараабызских. Это значительное уменьшение в финально-ананьинских керамических комплексах «воротничковых» сосудов и полное преобладание ямочного орнамента в различных вариациях (Зуево-Ключевское I, Каменный Лог). Недавние исследования хроностратиграфии Зуево-Ключевского I городища это наблюдение убедительно подтверждают (Черных, 2012. С. 116, 117, 122, 123). В связи с этим мы представляем комплексы Калиновского городища в Еловском Прикамье как позднеананьинские, генетически связанные с однокультурными и одновременными памятниками Удмуртского Прикамья, которые влияли на сложение в южных районах Пермского Прикамья тулвинско-частинского локального варианта гляденовской культуры (Чуйкина, Коренюк, 2007. С. 212; Коренюк, Перескоков, 2011. С. 133, 134; Перескоков, 2013. С. 17, 18).

Высокий процент ямочной орнаментации (до 60%) наблюдается на опорном памятнике южных районов Пермского Прикамья – Гремячанском поселении уже в среднеананьинский период.

Этот факт В.А. Иванов представляет, неоправданно ссылаясь на материалы А.Д. Вечтомова, только лишь в рамках господства «валиковой» шнуровой керамики (Белавин и др., 2009. С. 46), обнаруженной в нижних слоях памятника в минимальном количестве. Подробнее характер данного керамического комплекса освещен в статье настоящего сборника.

Таким образом, в южных районах Пермского Прикамья, ниже устья р. Тулвы, материалы позднего этапа ананьинской культуры типа Калиновского городища ничем не отличаются ни по типам посуды, ни по орнаментации от материальной культуры одновременных поселений Удмуртского Прикамья и развивались в рамках единых культурогенетических процессов, свойственных для территории Среднего Прикамья и Прибелья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры // Шестой Международный конгресс финно-угроведов. Научные доклады. Сыктывкар, 1985.
- Ашихмина Л.И.* Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985а. С. 55-80.
- Бадер О.Н.* Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1960. Т. XII, вып. 1. С.132–150.
- Белавин А.М., Голдобин А.В.* Ранний железный век. Ананьинская общность (VIII–III вв. до н.э.) // Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002. С. 101-114.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Шнуровой орнамент – этнический маркер этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа! // ТКАЭЭ. 2009. Вып. VI. С. 118-124.
- Васильев И.Б., Иванов В.А.* Работы в Башкирской АССР // АО–1975. М., 1976. С.161.
- Васкул И.О.* Шиховский могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар, 2002. (Серия «Научные доклады». Коми научный центр УрО РАН. Вып. 451)
- Вечтомов А.Д.* Основная археологическая карта РСФСР, лист О–40-98 (сс. Частые и Елово на Каме) // УЗ ПГУ. 1960. Т. XII, вып. 3. С. 175-206.
- Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С.133–155.
- Вечтомов А.Д.* Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // ВАУ. 1962. Вып. 2. С. 85-89.
- Волкова Е.В.* Место кара-абызских материалов среди культур раннего железного века Приуралья: историографический аспект // Вестник Татарского государственного гуманитарного педагогического университета. Казань, 2011. № 4(26). С. 121-125.
- Гарустович Г.Н., Савельев Н.С.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении р. Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. 2004. Вып. 5. С.93–127.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М., 1988.
- Генинг В.Ф., Стоянов В.Е.* Итоги археологического изучения Удмуртии (Камско-Вятское междуречье) // Второе Уральское археологическое совещание. Свердловск, 1961. С. 76-90. (ВАУ. Вып. 1)
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Иванов В.А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // ТКАЭЭ. 2009. Вып. VI. С. 61-68.
- Иванов В.А.* Очерк истории изучения памятников ананьинской эпохи в бассейне реки Белой // УАВ. 2010а. Вып. 10. С. 12-21.
- Иванов В.А.* Этнокультурная специфика населения среднего течения р. Белой во второй половине I тыс. до н.э. // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010б. С. 207-217. (МИАР. Вып. 13.)

- История башкирского народа: в 7 томах. Т. 1. М., 2009.*
- Каховский В.Ф.* Чурачикский курган в Чувашии // СА. 1963. № 3. С.169–177.
- Каховский Б.В., Ильина Е.В.* Новые исследования Чуречинского могильника в 2001 году // Новые археологические исследования в Поволжье. Чебоксары, 2003. С.172–197.
- Коренюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000а. С.68–79. (ТГИМ. Вып. 122)
- Коренюк С.Н.* Некоторые проблемы изучения ананьинской культуры // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000б. С.113–116.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф.* Спорные вопросы изучения этнокультурных процессов на территории Пермского Приуралья в эпоху поздней бронзы // ТКАЭЭ. 2011. Вып. VII. С. 175-187.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Дискуссионные вопросы изучения этнокультурной истории Пермского Приуралья начала раннего железного века // ТКАЭЭ. 2012. Вып. VIII. С. 156-166.
- Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л.* Существовали ли памятники ананьинской культуры Пермского Приуралья в рамках «угорской ойкумены» // Регионы в современном мире: ММНПК. Березники, 2013. С. 268–272.
- Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э. // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012. С. 133–141.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 29–55. (Серия “Археология Евразийских степей”. Вып. 8)
- Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана: Древность. Средневековье. Уфа, 2010.
- Марков В.Н.* Волго-Камье и финский мир в начале раннего железного века // Finno-Urgica. Казань, 1997. № 1. С. 3-23.
- Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л.* Шнуровой орнамент – этнический индикатор в культурах раннего железного века Приуралья ? // ТКАЭЭ. 2009. Вып. VI. С. 109-118.
- Оборин В.А.* Некоторые итоги и задачи изучения железного века Верхнего и Среднего Прикамья // Второе Уральское археологическое совещание. Свердловск, 1961. С. 53-65. (ВАУ. Вып. 1)
- Оборин В.А.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // АЭБ. 1964. Т. II. С. 130-135.
- Обыденнов М.Ф.* Культуры позднего и финального бронзового века на Южном Урале // История башкирского народа: в 7 томах. Т. 1. М., 2009. С. 147–168.
- Овсянников В.В.* Ананьинская культура // История башкирского народа: в 7 томах. Т. 1. М., 2009а. С. 213–223.
- Овсянников В.В.* Кара-абызская культура // История башкирского народа: в 7 томах. Т. 1. М., 2009б. С. 223–245.
- Перескоков М.Л.* Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.
- Пшеничниук А.Х.* К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. 1964. Т. II. С. 93-100.
- Пшеничниук А.Х.* Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железного века. Уфа, 1982. С. 95–105.
- Пшеничниук А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35–131.
- Ромашко В.А.* Поздний бронзовый век в пограничье лесостепи и степи левобережной Украины (XII–X вв. до н.э.). Днепропетровск, 1995.
- Савельев Н.С.* Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. 2011а. №2. С. 56-66.
- Савельев Н.С.* Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные

- работы А.П. Шокурова 1961–1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2. Материалы региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога А.П. Шокурова. Уфа, 2011б. С.42–69.
- Халиков А.Х.* Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С.7–28.
- Черных Е.М.* О хронологии культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в н.э.) хронологическая атрибуция. Ижевск, 2012. С. 113–123. (Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25)
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. Ижевск, 2002.
- Чижевский А.А.* Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань, 2001. С. 30–36.
- Чуйкина Е.В., Коренюк С.Н.* Особенности гляденовской керамики в южных районах Пермского края // Влияние природной среды на развитие древних сообществ: IV Халиковские чтения. Йошкар-Ола, 2007. С. 208–217.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР СВЯЗЕЙ НАСЕЛЕНИЯ ДНЕПРО-ДОНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА

А.В. Корохина (Киев)

North-East direction of the population interaction of the Dnieper-Don Forest-steppe
in Final Period of the Late Bronze Age

A. V. Korokhina (Kiev)

Днепро-Донская лесостепь в заключительный период эпохи бронзы может рассматриваться как одна из контактных зон Восточной Европы. Соответствуя в основном ареалу бондарихинской культуры (далее БК) (Рис. 1), регион, вместе с тем, демонстрирует нередкие случаи взаимодействия различных в культурном отношении компонентов. До недавнего времени внимание исследователей уделялось в основном исследованию такого взаимодействия в рамках общности культур валиковой керамики (Черных, 1983; Гершкович, 1998. С. 72-84; 2006. С. 138, 139; Куштан, 2012. С. 248-260). В то же время мало изучен вопрос о связях населения региона с его северо-восточными соседями (культурами Верхней и Средней Волги), непосредственно затрагивающий проблему происхождения БК.

Состояние дискуссии по данной проблеме неоднократно рассматривалось в литературе (см. историографию: Буйнов, 2004. С. 141, 144; 2011а. С. 8-10; Корохина, 2010. С. 3, 4). В кратком изложении его можно представить так. Традиционная точка зрения связывает генезис памятников раннего (малобудковского) этапа БК с марьяновской культурой Восточноукраинского Полесья (Ильинская, 1957. С. 18-22; 1961. С. 38-43; 1969, С. 85-92; Іллінська, 1957. С. 53, 54, 61; Березанская, 1982. С. 41; Буйнов, 2000. С. 4-7; 2001. С. 15, 16; 2011; 2011а) при второстепенной роли других компонентов (срубного, постсрубного, студенокского (Буйнов, 1999; 2004; 2009). Врядеработимеється тенденція до об'єднання марьяновських і бондарихинських матеріалів в єдину «марьяновско-бондарихинскую культуру» (Березанська, Іллінська, 1971. С. 365), «марьяновскую линию этнокультурного развития» (Буйнов, 2001).

Другие исследователи видят основу памятников малобудковского типа в

образованиях эпохи поздней бронзы Волжского бассейна. В рамках этого направления дискуссия ведется о вкладе поздняяковской, приказанской, раннетекстильной «культур», синкретичных поздняяковско-раннетекстильных групп. Фактически, речь идет о возможности распространения не только культурных традиций, но и их носителей из Поволжского региона (Граков, 1977. С. 199; Воловик, 1995. С. 147-186; Кузьминых, 1996. С. 100, 101). Недавно обозначенная проблема вновь была затронута в связи с определением материалов малобудковского типа Северского Подонцовья как группы «северо-восточного происхождения» (Гершкович, 1998. С. 78-84).

Подход автора работы к решению данного вопроса основывается на попытке выделить элементы обоих вероятных источников в комплексах ранней БК на основе анализа керамики как наиболее информативной, в данном контексте, категории материала (Корохина, 2009; 2010; Корохина, 2011).

При исследовании роли марьяновской культуры в формировании малобудковского комплекса, прежде всего, возникла необходимость четкого определения черт, характеризующих эти культурные образования.

Для характеристики марьяновской традиции автором привлекаются данные поселения Марьяновка-Бунякино на Сейме (по результатам раскопок И.И. Артеменко, общая вскрытая площадь 480 м²) (Артеменко, Неприна, Моргунов, Загребельный, 1977/11. С. 2-9; Артеменко, Загребельный, Ковалева, 1979/19. С. 10-12). Этот памятник представляет массовый материал без очевидных инокультурных примесей (Рис. 2-3), что позволяет ориентироваться

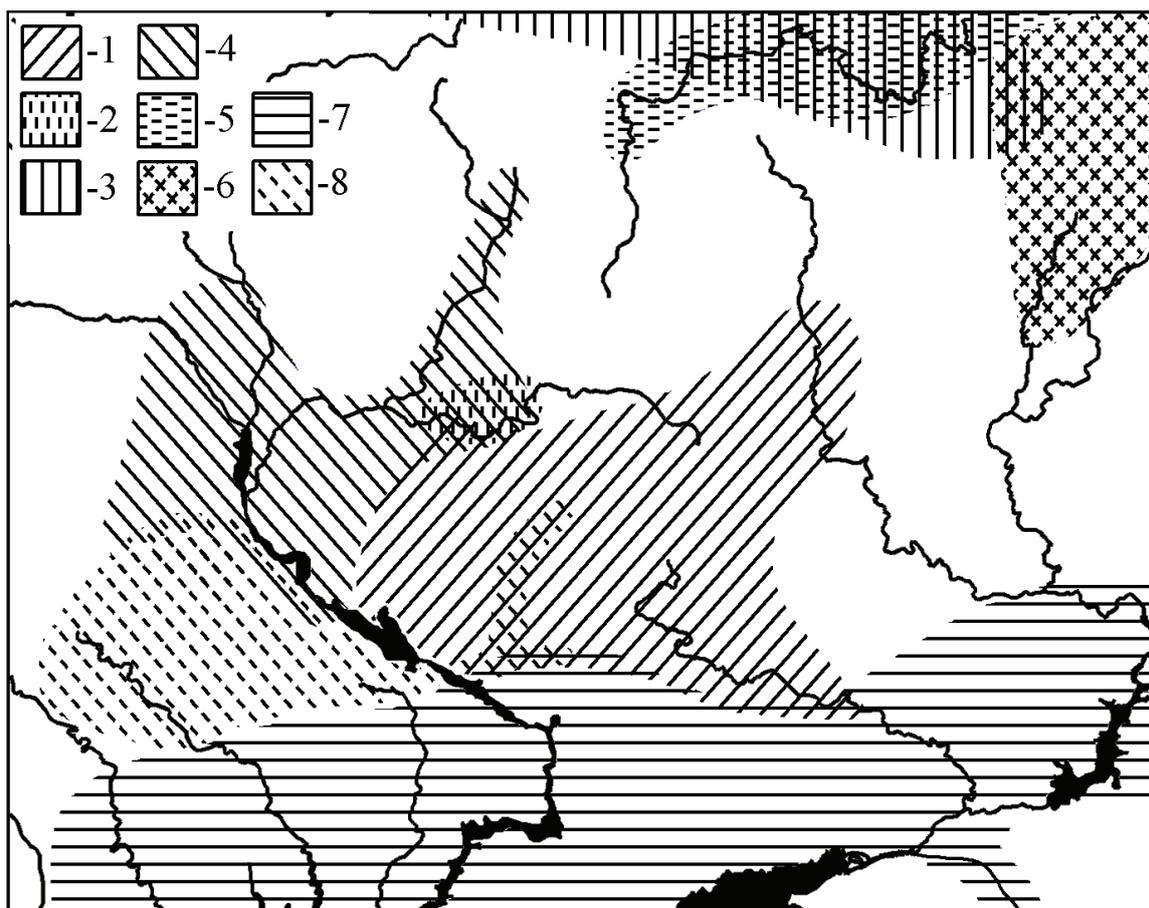

Рис.1. Бондарихинская культура и ее окружение.

Культуры: 1 – бондарихинская; 2 – марьяновская; 3 – КИО «текстильной» керамики; 4 – лебедовская / позднесосницкие памятники; 5 – поздняяковская; 6 – аким-сергеевский, «марьяновско-маклашевский» типы; 7 – белозерская; 8 – белорудовско-чернолеская.

на него при выделении марьяновского компонента в менее информативных или смешанных комплексах. Другие пункты, известные в Деснинско-Сейминском Полесье (в том числе исследованные раскопками поселения Волынцево-Городок, Ивановка-Майоров Бугор-2¹), в этом отношении дают менее четкую картину. Тем более не могут быть использованы в качестве эталонных материалы из Днепро-Донской лесостепи², в которых немногочисленная марьяновская керамика либо ее черты, судя по всему, представлены уже в многокомпонентных по составу традиций комплексах заключительного периода эпохи бронзы.

Основными морфологическими типами марьяновской керамики являются слабопрофилированные (Рис. 2, 1-8, 10, 16-17,

¹ В литературе – Ивановка (Березанская, 1982, Рис. 7, 3-4; Буйнов, 2011, с. 106 и др.).

² «Второй этап» марьяновской культуры, по Ю.В. Буйнову (2000; 2011. С. 106-108).

22; 2, 1-3, 12-14) и бесшейные сосуды (Рис. 2, 9, 11-15, 18-21; 3, 4, 5, 17), часть которых имеет специфический скошенный с внешней стороны срез венчика (Рис. 2, 9, 10, 12-15, 17-19, 21, 22; 3, 2, 4, 12, 17). Однако ее своеобразие в большей степени определяет орнамент. В большинстве случаев он формируется при помощи округлых наколов в мотиве горизонтальных рядов и веревочного штампа в преобладающем мотиве горизонтальной «елочки» или ее имитации (Рис. 2, 2-6, 8, 12-18, 20-22; 3, 1, 3, 5, 7, 12-14, 17). Очевидно, в ряду сравниваемых культур именно веревочный штамп (отпечатки веревочки, намотанной на твердую основу) может служить «маркером» марьяновской традиции, особенно в мотивах, сопоставимых с неолитическим наследием (сплошная горизонтальная «елочка»; она же, дополненная рядами округлых ямок).

Для характеристики керамических традиций малобудковского этапа (или типа) БК наиболее показательны материалы,

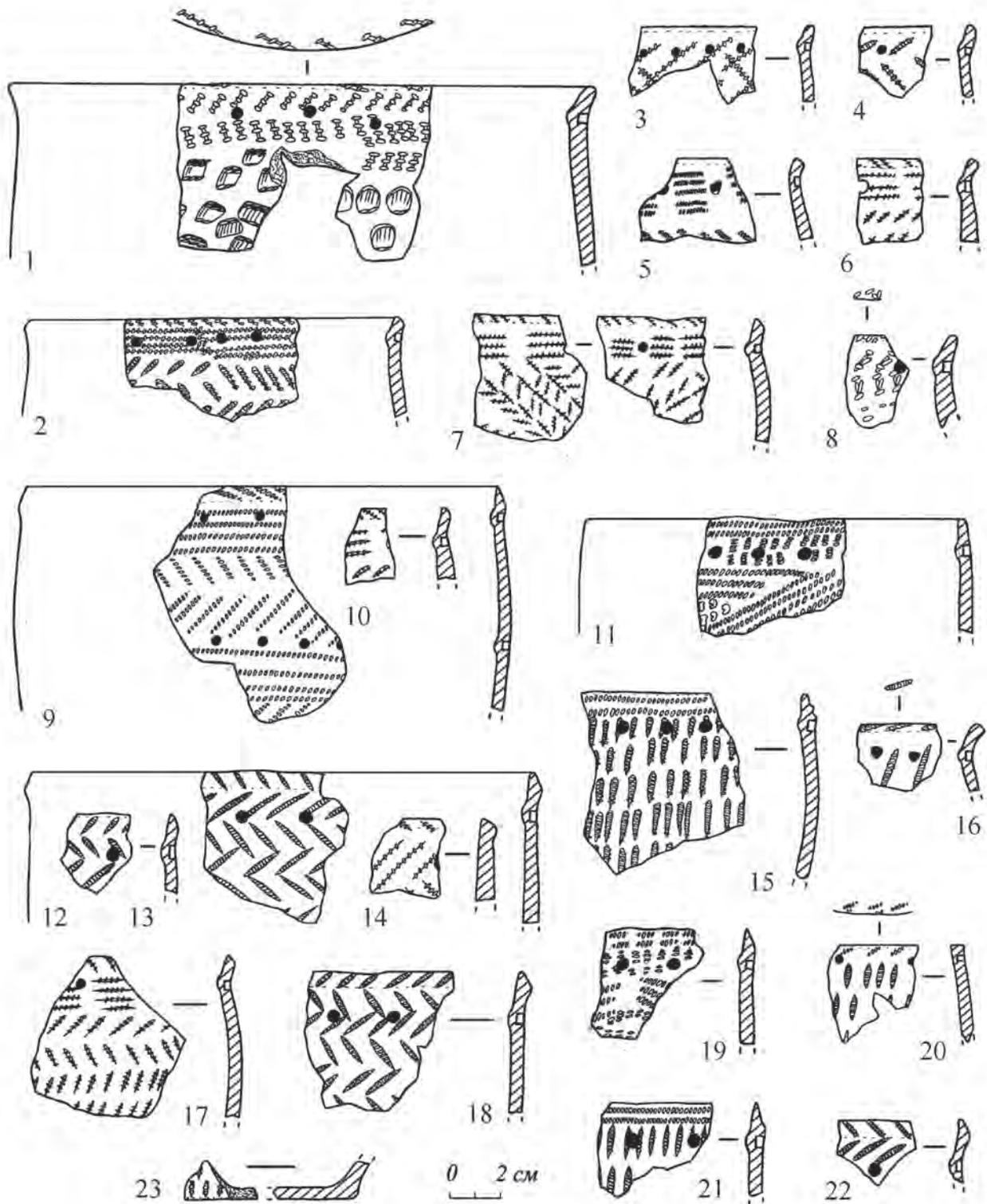

Рис.2. Поселение Марьяновка-Бунякино. Раскоп 1: заполнение жилища 1.

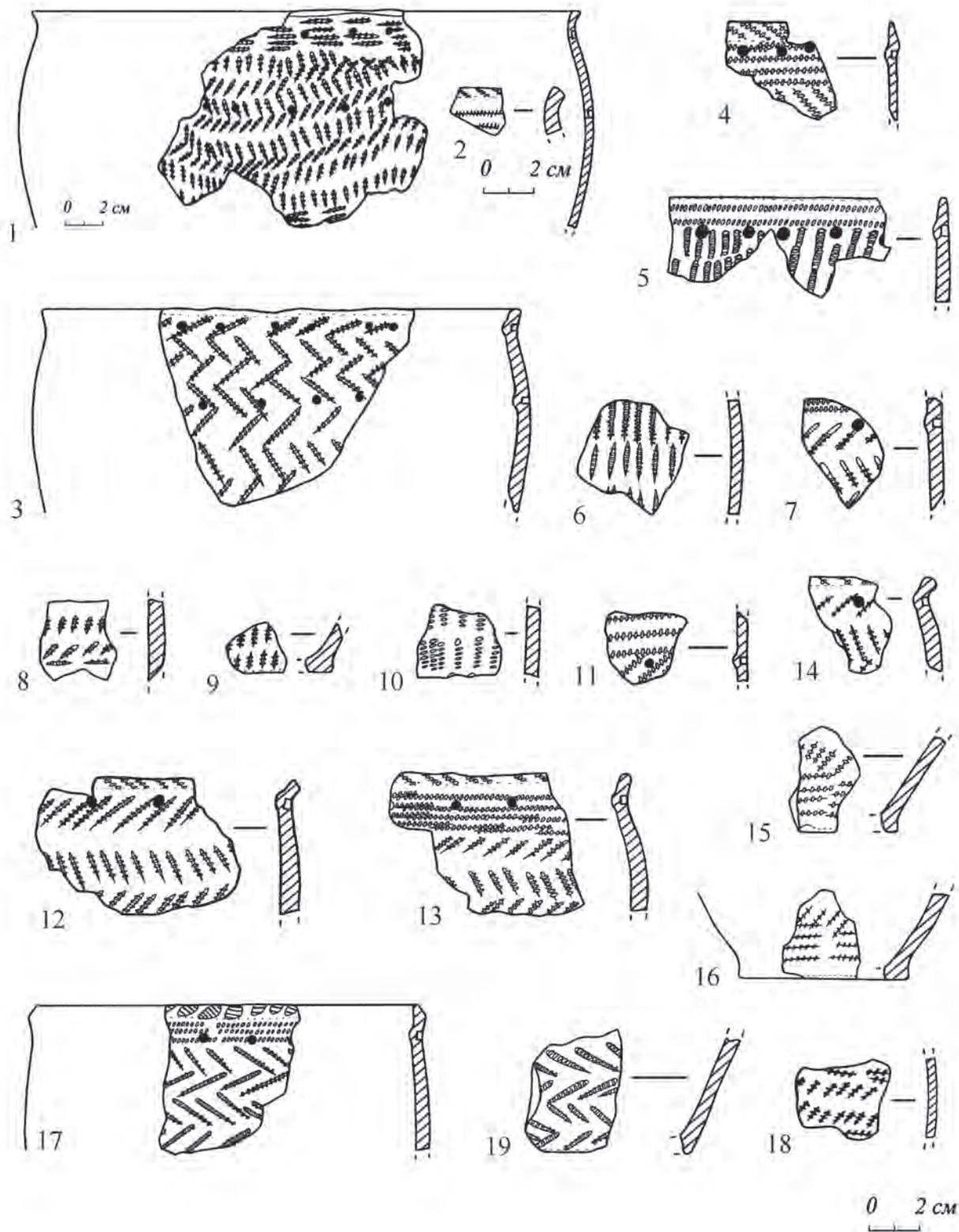

Рис.3. Поселение Марьяновка-Бунякино. Раскоп 1: 1-11 – дно жилища 1; 2-16 – яма 5; 17-19 – яма 12.

обнаруженные на поселениях Тимченки (Буйнов, 2006) (Рис. 4), Родной Край-1 (Буйнов, 2005), Диброва (Гершкович, 1998. С. 78, Рис. 14) в Среднем Подонцовье, поселении Ницаха (Ковпаненко, 1967. С. 27; Корохина, 2012) (Рис. 5), поселении и могильнике Марки-1 (Буйнов, 2005а) в бассейне Ворсклы и других пунктах, датированных в пределах XII – условно середины XI в. до н.э. (Буйнов, 1994. С. 7-12; 2007. С. 175).

Основу малобудковского комплекса составляют слабопрофилированные сосуды (Рис. 4, 1-5, 7-8; 5, 1-6, 8, 14). К чертам, позволяющим идентифицировать этот культурный тип, относятся: в орнаментации – «жемчужины» (Рис. 4, 3, 4; 5, 10, 11), мелкозубчатый штамп (Рис. 4, 3, 5; 5, 1, 5, 7-9, 13, 17), преобладание тычков среди накольчатых элементов (Рис. 4, 1, 2, 4-8; 5, 1-9, 12-13, 16), обработка внешней поверхности мелкозубчатым штампом (ис. 4, 1, 4, 6-8; 5, 3, 7-10, 13, 17, 18). Сравнивая две рассмотренные выше группы материала, можно отметить, что культурно определяющие черты малобудковской керамики не характерны для «классической» марьяновской культуры Полесья. В то же время именно их комплекс находит аналогии среди культур лесной полосы Поволжья и Поочья.

На территории Окского бассейна отмеченные приемы, а также мотив «виноградная гроздь», характерный для классической БК, появляются в сейминское время (Попова, 1985. С. 139-143, Рис. 3), а во второй половине II тыс. до н.э. широко используются в том или ином соотношении в керамическом производстве ряда образований бассейнов Верхней и Средней Волги (поздняковских, приказанских, раннетекстильных и родственных им древностей).

Вероятно, основным в формировании малобудковского керамического комплекса следует считать вклад поздняковской культуры, т.к. уже в комплексах ее позднего этапа, по периодизации О.Н. Бадера и Т.Б. Поповой (1987. С. 135), известны серии сосудов, вполне соответствующих прототипам ранних бондарихинских (Попова, 1988. Рис. 3, 8, 12, 13; 4, 7, 11; 5, 1, 5, 11, 12; 12, 4). Вероятно, с поздняковским влиянием (либо шире – влиянием традиций позднего бронзового века лесной зоны Поочья и Среднего Поволжья) связан ряд мотивов малобудковского орнамента, не представленных в классических марьяновских материалах (горизонтальный

зигзаг, двух- и трехрядная горизонтальная елочка, ромбы, косая сетка). Не исключено, что репликой острореберного сосуда является «кубок», обнаруженный в жилище раскопа 5 поселения Тимченки (Рис. 4, 12). Последний представляет сходный со срубными тип орнаментальной композиции, в основе которой находится ряд опущенных от среза венчика треугольников, выполненных отпечатками веревочки (Буйнов, 2006. Рис. 5, 4).

Наконец, в пределах Волго-Очья известны и конкретные комплексы, с которыми можно связать формирование малобудковского типа, в частности, поселение поздняковской культуры Ерахтур-5 на Средней Оке (Челяпов, Иванов, 1998) (Рис. 6). Материалы памятника, датированные третьей четвертью II тыс. до н.э. (Там же. С. 70), содержат группу сосудов («горшковидные»), которые представляют близкую аналогию малобудковским как по форме, так и приемам орнаментации (Рис. 6, 1-11). Наряду с ними имеются характерные для поздняковской культуры типы «банок» (Рис. 6, 12-17) и острореберных сосудов (Рис. 6, 18), что исключает возможную малобудковскую атрибуцию памятника. Здесь же присутствует группа «текстильной» керамики (Рис. 6, 19-22), датированная второй половиной II тыс. до н.э. (Там же. С. 75).

Вклад раннетекстильной культуры Волго-Очья видится в распространении накольчатой орнаментации, чем объясняется уже отмеченное исследователями сходство бондарихинской и раннетекстильной керамики (Фоломеев и др., 1974. С. 183). Не исключено, что с влиянием этой же культурной традиции связана известная находка округлодонного сосуда с марьяновским орнаментом в одном из погребений могильника Червоный Шлях-1 в Среднем Подонцовье (Буйнов, 2000. Мал. 2, 1).

Принимая версию о поволжских корнях малобудковского керамического комплекса, а, возможно, и о миграции поздняковского и раннетекстильного населения на юг (Кузьминых, 1996. С. 100, 101), следует предположить, что этим процессам сопутствовали нивелировка срубных черт, исчезновение обычая обработки поверхности керамики «текстильными» отпечатками, а в западной части ареала (до Левобережья Северского Донца) появление новых типов и приемов производства посуды, связанных, по терминологии М.Т. Кашубы (2001-2002), с влиянием «неклассического гальштата» (Рис. 4, 9-11).

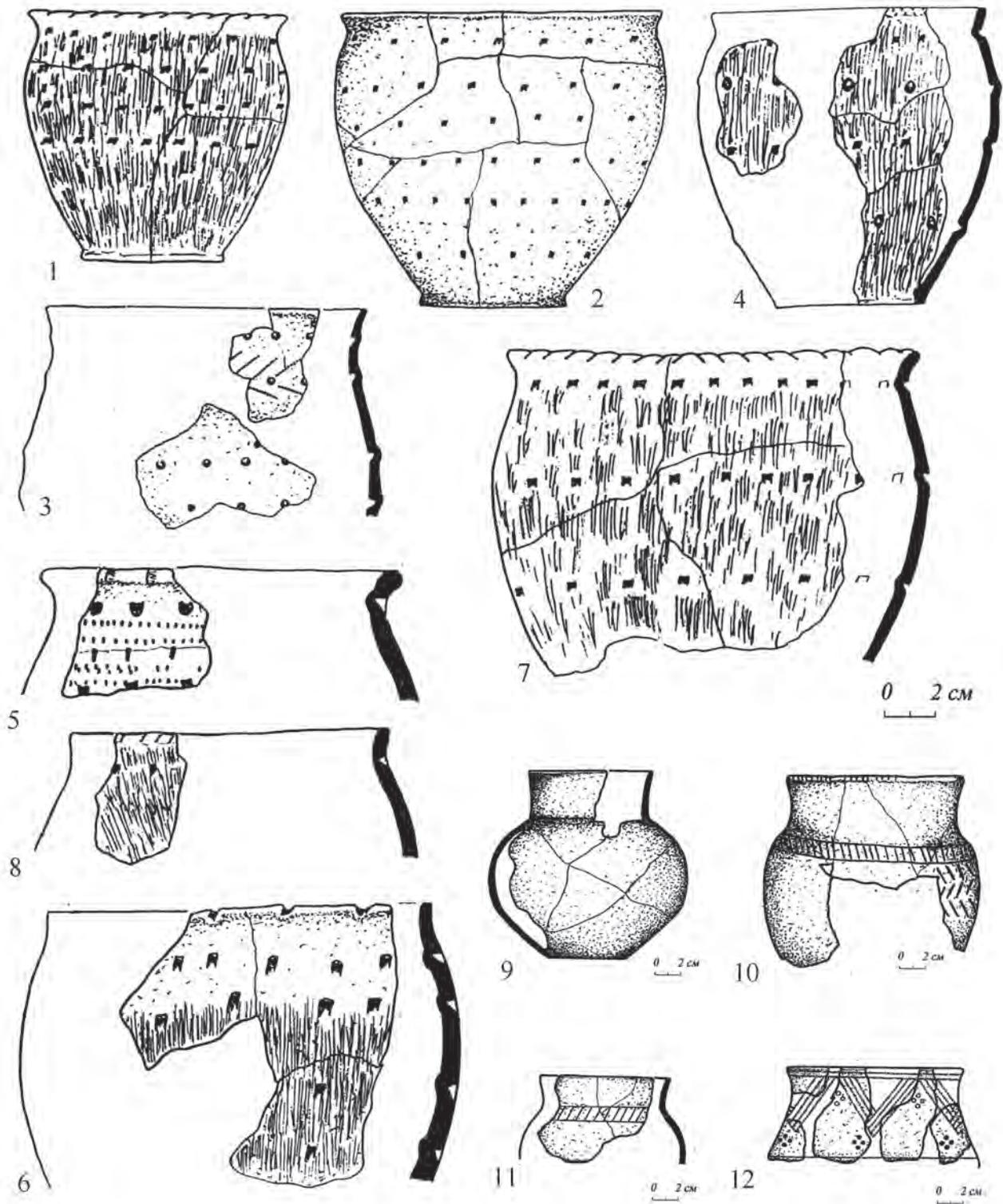

Рис. 4. Поселение Тимченки. Раскоп 5, жилище (по: Буйнов, 2006).

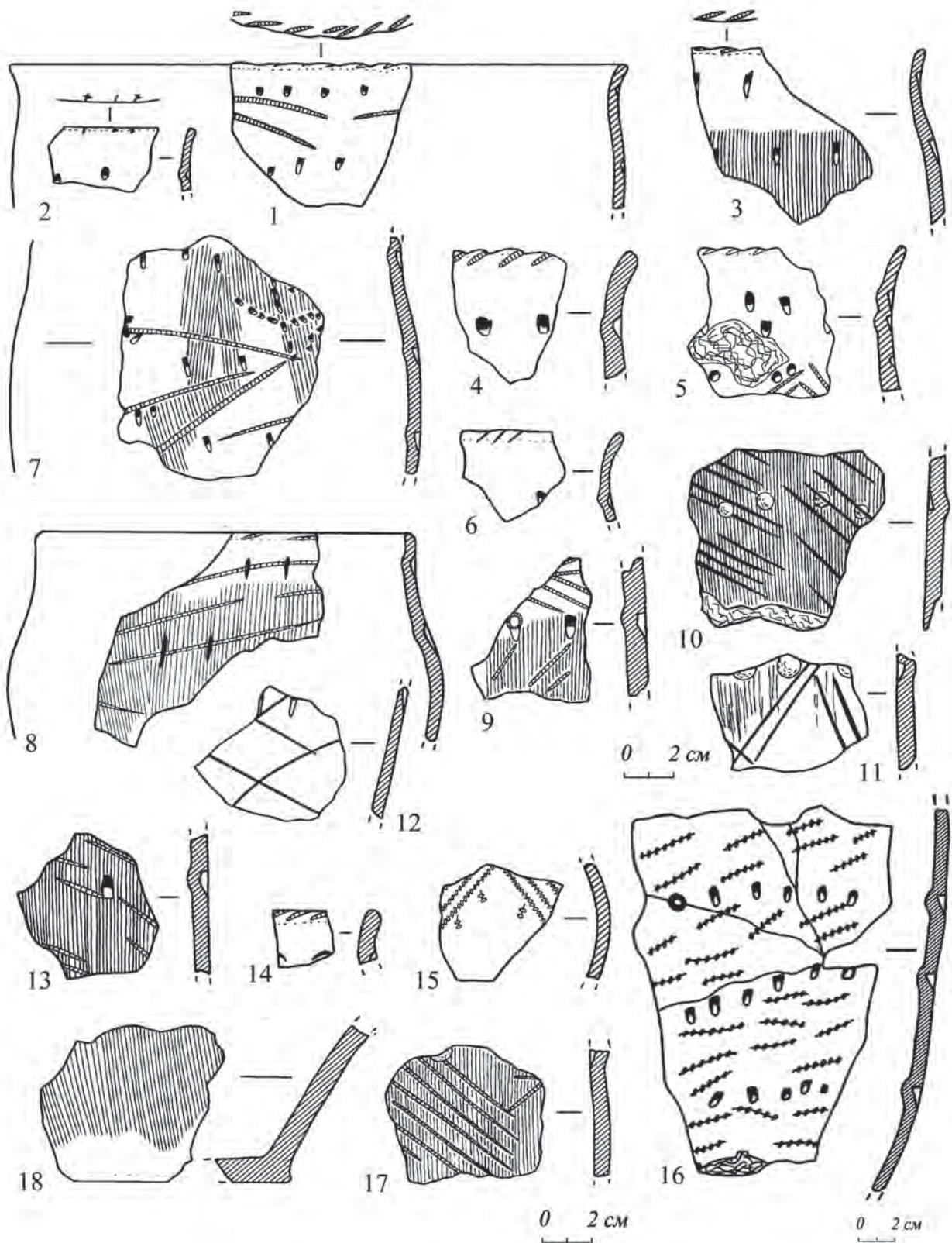

Рис. 5. Поселение Ницаха. Раскоп 1, зольник; раскоп 2, заполнение жилища, культурный слой; подъемный материал.

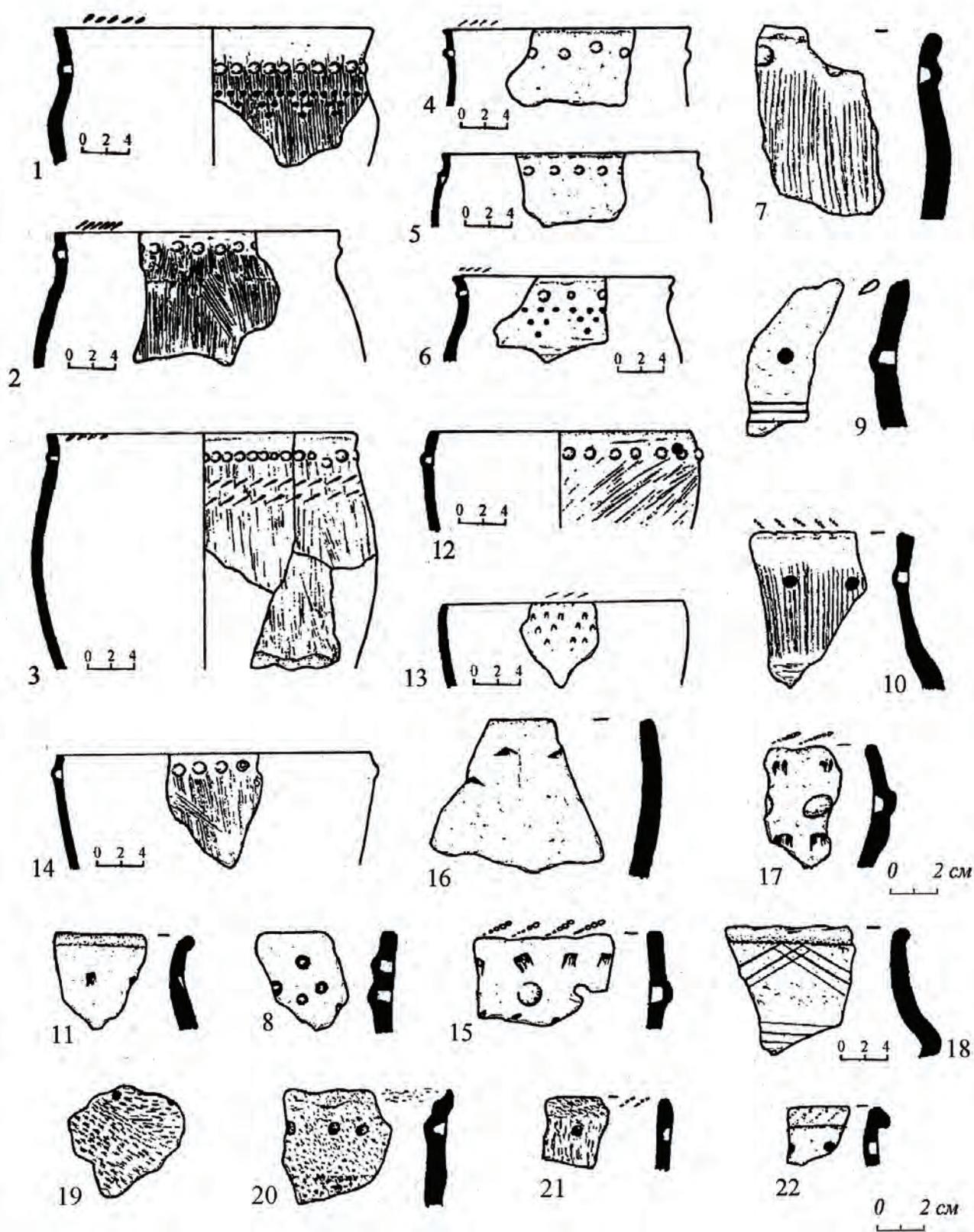

Рис. 6. Поселение Ерахтур 5 (по :Челяпов, Иванов, 1998).

Менее ясным представляется предполагаемый вклад приказанской культуры и связанных с ней формирований. Согласно современным разработкам, предшествующими во времени ранней БК являются атабаевские, синхронными – машлашеевские древности в рамках маклашеевской культуры или культурно-исторической общности (Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 32). Сходство малобудковской керамики с указанными группами прослеживается меньше и ограничивается отдельными элементами, мотивами орнамента и приемами обработки поверхности, при редких случаях полных аналогий сосудов или орнаментальных схем. Хотя и такие аналогии известны (см.: Калинин, Халиков, 1954. Рис. 13, 3; Гершкович, 1998. Рис. 14, 5).

Судя по имеющимся данным, процесс распространения поволжских традиций в Днепро-Донскую лесостепь сопровождался их взаимодействием с верхнеднепровским (марьяновским) компонентом, что, по мнению автора, составило основу формирования керамического комплекса ранней БК. Степень марьяновского влияния варьирует от единичных и редких проявлений до синкретичных марьяновско-малобудковских комплексов.

К последним, по мнению автора, следует относить эпонимное поселение Малые Будки в верховьях Сулы, небольшие раскопки которого (около 22 м²) провела В.А. Ильинская (Іллінська, 1957. С. 53; Корохина, 2009. С. 14-17). Здесь в орнаментации сосудов достаточно широко применялся веревочный штамп, сочетаясь при этом с малобудковскими тычками, «жемчужинами», мелкозубчатыми расчесами поверхности (Рис. 7, 1-3, 9, 11, 14, 17, 18). Отпечатки веревочного штампа имеют большую длину в сравнении с марьяновскими, отмечено применение веревочного и мелкозубчатого штампов в практически идентичных композициях (Рис. 7, 14, 20).

Синкретичная керамика марьяновско-малобудковского облика также известна на ряде поселений на Псле – Груновка (Рис. 8, 1, 5, 7), Барановка (Рис. 8, 13), хутор Фомин (Рис. 8, 15), в памятниках Поворскльа (Малая Рублевка-2, Ницаха (Рис. 5, 15, 16), бассейна Северского Донца (Великая Тополяха-5, п. 26 могильника Червоный Шлях-1), на Верхнем Дону (Балахнинское), в нижнем горизонте Субботовского городища. Вместе

с тем, марьяновские приемы не являются обязательными для малобудковских комплексов. В опорных памятниках этого типа они могут отсутствовать (поселение Тимченки), либо представлены немногочисленными фрагментами (поселение Ницаха).

С проблемой северо-восточного направления контактов связаны также вопросы формирования родственных БК культурных образований – студенокского типа и лебедовской культуры.

В настоящее время пункты типа поселения Студенок-5 в Днепро-Донском междуречье рассеяны в количестве немногим более 10 в ареале малобудковского типа (Телегин, 1956. С. 77; Буйнов, 2004. С. 148-150; 2008. С. 48-50) и синхронизированы с последним (Буйнов, 2009. С. 13). Плоскодонные слабопрофилированные сосуды, характерные для малобудковского типа и БК в целом, в студенокском комплексе немногочисленны (Рис. 9, 8) по сравнению с основным типом керамики - округлодонными сосудами с цилиндрической, иногда «воротничковой» горловиной (Рис. 9, 1-7, 9-11). Характерной орнаментальной композицией выступает комбинация сплошной «елочки» из зубчатого штампа (горизонтальной, вертикальной или их имитации), которая покрывает все тулово, с рядами округлых наколов (Рис. 9, 1, 2, 4, 5, 9, 10). Среди орнаментальных приемов встречаются также тычки (Рис. 9, 8), «жемчужины», «виноградная гроздь», сближающие студенокскую керамику с малобудковской и бондарихинской. Цилиндрическая или «воротничковая» горловина часто декорировалась косой сеткой или линиями из отпечатков зубчатого штампа (Рис. 9, 1, 2, 4, 5, 9-11). Поверхности сосудов иногда покрывались зубчатыми расчесами, как мелкими, так и крупными.

Первоначально студенокские памятники включались в состав малобудковского типа/этапа (Ильинская, 1961. С. 26-45; Тереножкин, 1965, С. 73; Березанська, Іллінська, 1971. С. 365-371; Березанская, 1982. С. 41-44; Воловик, 1995. С. 133-137; Буйнов, 1994. С. 7-12; 2000. С. 7, 8), однако в ряде последних работ Ю.В. Буйнов определяет их как пришлый культурный компонент, предположительно принявший участие в генезисе БК. Первоначально его происхождение связывалось с Волго-Камьем, прежде всего, с маклашеевской «культурой»,

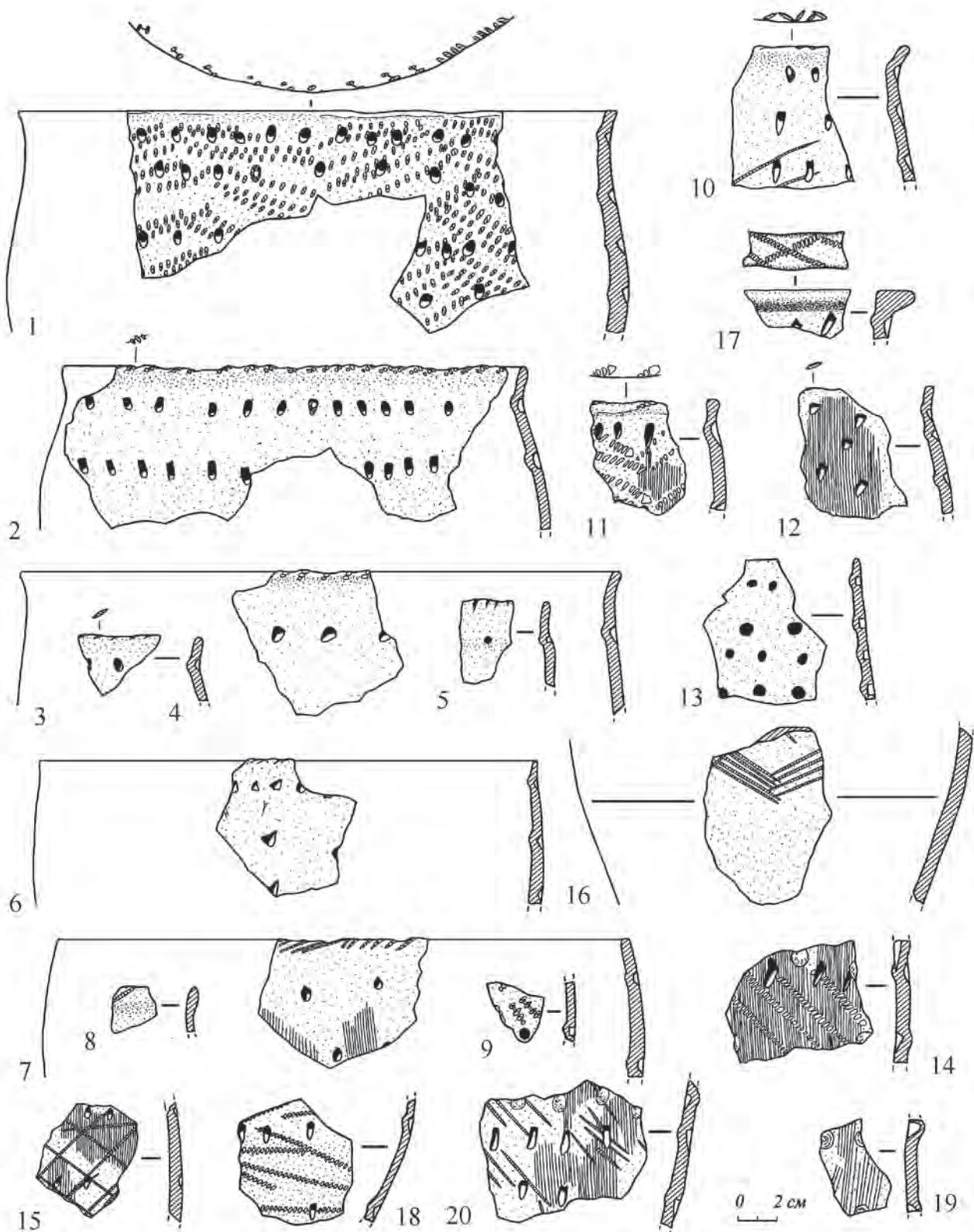

Рис. 7. Поселение Малые Будки. Культурный слой.

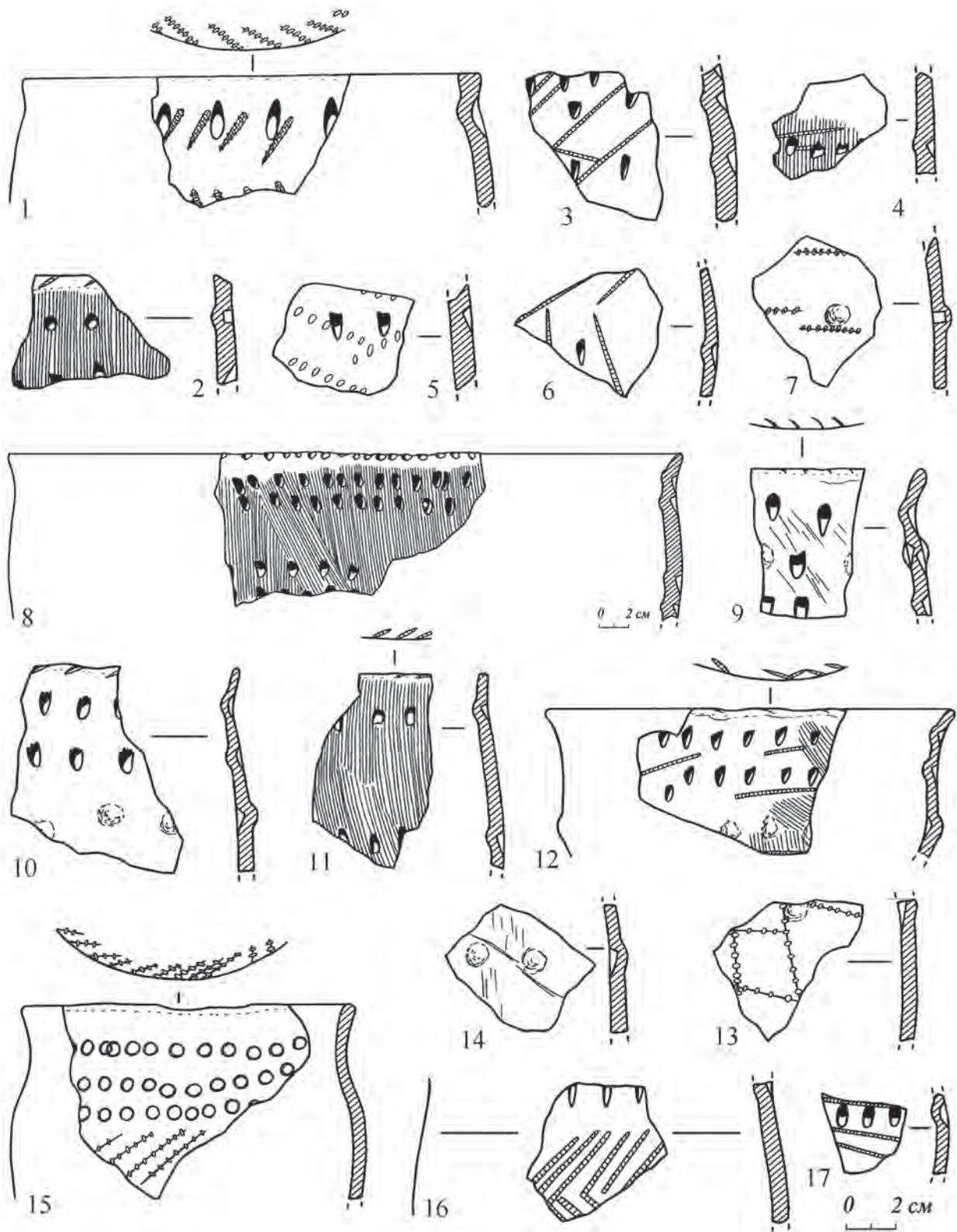

Рис. 8. Керамика поселений бассейна Псла. 1-7 – Груновка; 8-13 – Барановка; 14-17 - хутор Фомин.

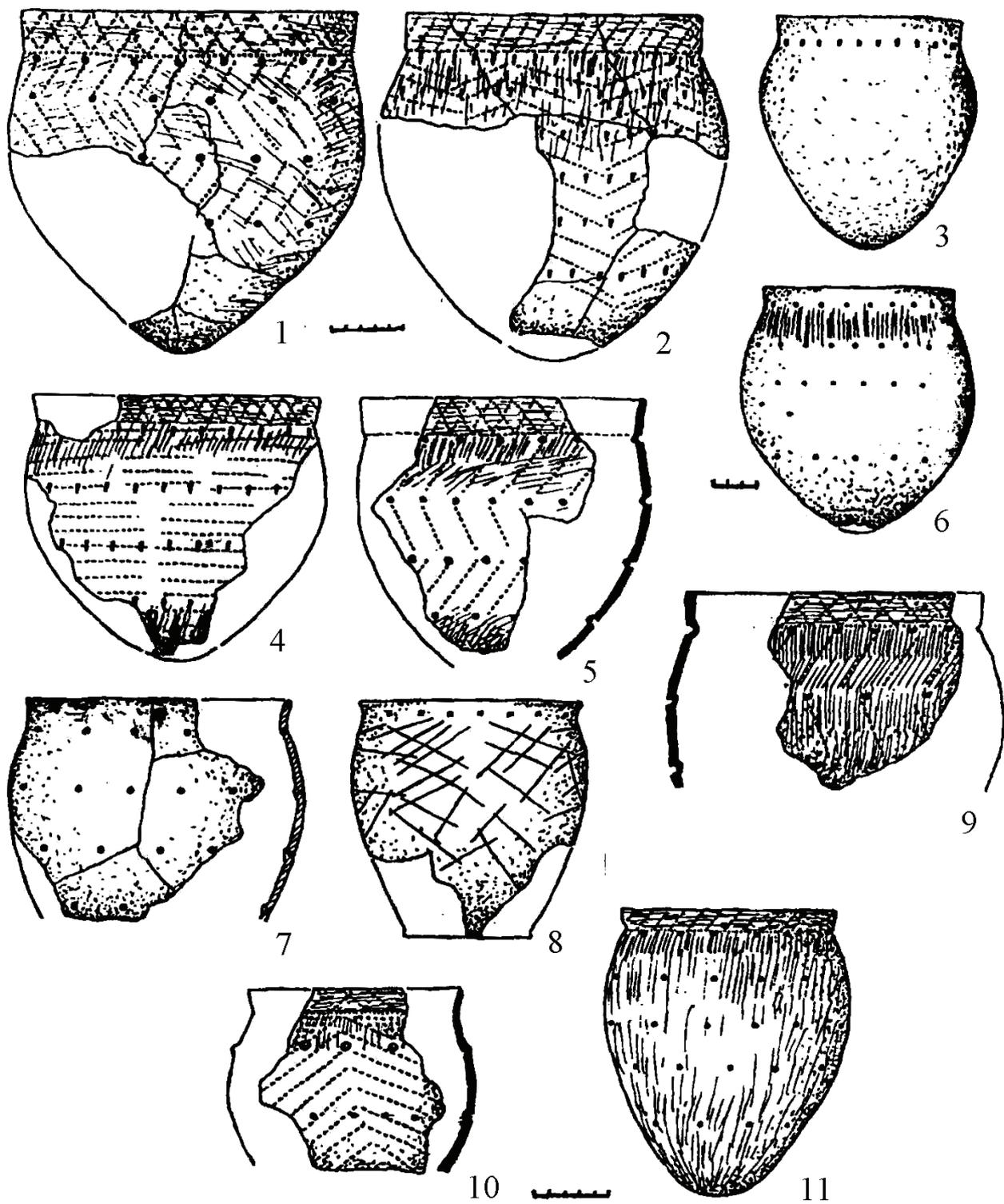

Рис. 9. Поселение Студенок-5. Жилище 2 (по: Буйнов, 2004а).

либо результатом ее смешения с марьяновским компонентом (Буйнов, 2004а. С. 150, 151; 2008. С. 50, 52), позже – с инфильтрацией части населения из Волго-Окского региона (Буйнов, 2008; 2009. С. 11, 12).

Поиск поволжских корней «Студенка» в данных работах подтвердился (и позже направлялся) выделением близких ему по облику материала культурных групп – памятников «марьяновско-маклашеевского» типа в Прихопье (Хреков, 2003. С. 108-113) и аким-сергеевского типа в Сурско-Мокшанском бассейне (Ставицкий, 2005. С. 110-125).

К точке зрения о культурной и хронологической близости этих образований присоединилась и автор работы, непосредственно связывая происхождение «Студенка» с аким-сергеевским типом (Корохина, 2011. С. 14). В свою очередь, рассматривая происхождение последнего, В.В. Ставицкий отмечает наибольшую его родственность с атабаевскими древностями при влияниях поздняяковской и ивановской культур (2005. С. 122-124). В целом, очевидно, причину сходства малобудковской и студенокской керамических традиций следует объяснять родством компонентов их формирования, наиболее вероятно связанных с культурами Волго-Окского региона.

Наконец, еще одним «звеном» в рассматриваемой системе связей является лебедовская культура – синхронное БК образование в Верхнем Поднепровье. Большинство исследователей рассматривают ее как составляющую часть тшинцево-комаровского культурного круга (культурно-исторической общности), либо как результат развития последнего (точнее – сосницкой культуры) (Березанская, 1976. С. 211-214; 1982. С. 79; 1998. С. 357; Артеменко, 1987. С. 112; Кривальцэвіч, 1998. С. 29; Лисенко, 2001. С. 6, 14). В то же время неоднократно обращалось внимание на сходство материальных комплексов лебедовской и бондарихинской культур. Ю.В. Буйнов, объясняя это явление, усматривает в нем не столько результат межэтнических коммуникаций, сколько генетическое родство двух культур, и ставит вопрос о выделении бондарихинско-лебедовской культурно-исторической общности (Буйнов, 2004. С. 154). При этом в качестве общей основы рассматривается марьяновская культура (Буйнов, 2001. С. 16). Последнее положение создает явное противоречие в идентификации

лебедовских древностей, особенно учитывая, что ведущая роль сосницкого компонента в их формировании вряд ли может быть поставлена под сомнение.

В данном вопросе следует согласиться с существованием некоторого общего компонента, определяющего общность керамического производства бондарихинской и лебедовской культур. Однако такую общность составляет комплекс черт, восходящий не к марьяновским, а к окско-поволжским традициям (распространение накольчатой орнаментации без сочетания со штампами, «жемчужины», зубчатый штамп, зафиксированная на некоторых «позднесосницких» памятниках обработка поверхности зубчатыми расчесами). Впервые похожая мысль была высказана С.С. Березанской, которая предположила давление со стороны поволжских культур (поздняковской, приказанской) на позднетшинцецкое население «сосницкого варианта» и формирование лебедовской культуры при участии носителей срубной общности и культур Волго-Камья (Березанская, 2006. С. 115). Случаи же сочетания марьяновских и позднетшинцецких черт, представленные в керамике отдельных памятников Полесья (Савчук, 1978. С. 71-74, 79, Рис. 1, 8, 9), вполне вписываются в контекст активных межэтнических контактов и смешения населения в рассматриваемой зоне.

Намеченные в данной работе положения нуждаются в дальнейшей разработке и уточнениях. Однако уже сейчас, по мнению автора, формирование бондарихинского керамического производства следует рассматривать в значительной степени как результат влияния отмеченных окско-поволжских культур, при их взаимодействии с марьяновским компонентом. Ряд вопросов, касающихся причин и форм этих явлений, остаются открытыми. На данном этапе возможно лишь предположительно наметить пути проникновения окско-поволжских традиций в Днепро-Донскую лесостепь через верховья Десны и Дона, рассматривая Волго-Окский бассейн в качестве их исходной территории.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

- Артеменко И.И.* Сосницкая культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 106-113.
- Артеменко И.И., Неприна В.И., Моргунов Ю.Ю., Загребельный А.Н.* Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции // НА ИА НАНУ, 1977/11.
- Артеменко И.И., Загребельный А.Н., Ковалева Л.Г.* Отчет о работе Среднеднепровской археологической экспедиции в июле 1978 года у сел Ольшана, Недригайловского района, Бунякино, Путивльско-го района, Сумской области // НА ИА НАНУ, 1979/19.
- Бадер О.Н. Попова Т.Б.* Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 116-119.
- Березанская С.С.* Лебедовская культура эпохи бронзы в Лесостепной Украине // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976. С. 190-219.
- Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
- Березанская С.С.* Проблемы конца тшинецкой культуры // "Trzciniec" – system kulturowy czy interkulturowy process? Poznań, 1998. С. 355-359.
- Березанская С.С.* Время и некоторые возможные причины исчезновения тшинецкой культуры на Украине // Zmierzch kompleksu trzciniecko-komarowskiego. Kształtowanie się nowej rzeczywistości kulturowej w środkowej i młodszej epoce brązu. Lublin, 2006. С. 111-120.
- Березанська С.С., Іллінська В.А.* Мар'янівсько-бондарихинська культура // Археологія Української РСР. Т. 1: Первісна археологія. Київ, 1971. С. 363-373.
- Буйнов Ю.В.* Бондарихинская культура: Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Харьков, 1981 // НА ИА НАНУ.
- Буйнов Ю.В.* Об этнокультурных взаимосвязях племен бондарихинской и срубной культур // ВХУ. 1999. № 441. С. 6-16.
- Буйнов Ю.В.* Пам'ятки мар'янівської культури в Лівобережній Лісостеповій Україні // ВХУ. 2000. № 485. С. 4-12.
- Буйнов Ю.В.* О марьяновской линии этнокультурного развития населения Левобережной Лесостепной Украины и Полесья бронзового века // Проблемы истории и археологии Украины: ТДНК. Харьков, 2001. С. 15-16.
- Буйнов Ю.В.* Бондарихинская и лебедовская культуры: проблема этнических связей // ВХУ. 2004. № 633. С. 145-158.
- Буйнов Ю.В.* Итоги раскопок поселения Студенок-5 и некоторые вопросы генезиса бондарихинской культуры // Древности 2004. Харьков, 2004а. С. 141-153.
- Буйнов Ю.В.* Культурные комплексы поселения бондарихинской культуры у с. Родной Край на Харьковщине // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: ТДНК. Київ, 2005. С. 110-112.
- Буйнов Ю.В.* Поселение и грунтовый могильник бондарихинской культуры у хут. Марки Полтавской области // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2005а. № 1-2. С. 3-9.
- Буйнов Ю.В.* Поселения малобудківського типу доби пізньої бронзи біля с. Тимченки у басейні Сіверського Дінця // Археологія. 2006. № 1. С. 42-47.
- Буйнов Ю.В.* Студенокская группа памятников финального этапа позднего бронзового века // Проблемы археологии Восточной Европы. Харьков, 2008. С. 42-55.
- Буйнов Ю.В.* К вопросу об этногенезе племен бондарихинской культуры // ВХУ. 2009. № 852. С. 7-17.
- Буйнов Ю.В.* Вопросы хронологии и периодизации марьяновской культуры эпохи бронзы // Древности 2011. Харьков, 2011. С. 102-116.
- Буйнов Ю.В.* О роли поздняковской и марьяновской культур в генезисе памятников малобудковского типа финала бронзового века // ВХУ. 2011а. № 965. С. 7-18.
- Воловик С.И.* Бондарихинская культура (проблема происхождения): Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. М., 1995 // НА ИА РАН.
- Гершкович Я.П.* Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье - Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье) // Археологический альманах. Донецк, 1998. № 7. С. 61-92.
- Гершкович Я.П.* Историческая ситуация в эпоху поздней бронзы к югу от тшинецко-комаровского ареала // Zmierzch

- kompleksu trzciniecko-komarowskiego. Kształtowanie się nowej rzeczywistości kulturowej w środkowej i młodszej epoce brązu. Lublin, 2006. С. 133–143.
- Граков Б.Н.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.
- Ильинская В.А.* К вопросу о происхождении культур раннежелезного века на Левобережье Среднего Днепра // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 14-27.
- Ильинская В.А.* Бондарихинская культура бронзового века // СА. 1961. № 1. С. 26-45.
- Ильинская В.А.* Некоторые вопросы генезиса юхновской культуры // СА. 1969. № 2. С. 85-101.
- Иллінська В.А.* Нові дані про пам'ятки доби бронзи в Лівобережному Лісостепу // Археологія. 1957. Т. 10. С. 50-65.
- Калинин Н.Ф., Халиков А.Х.* Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. Казань, 1954.
- Кашуба М.Т.* Дополняя среднегальштатские древности в Хлинженъ II, или «рванный край» VII в. до н.э. в Бессарабии // Stratum plus. 2001-2002. № 3. С. 255-262.
- Ковпаненко Г.Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.
- Корохіна А.В.* До походження бондарихинської культури // Археологія. 2009. № 3. С. 13-18.
- Корохіна А.В.* Деякі проблеми вивчення генези та розвитку бондарихинської культури // Археологія. 2010. № 1. С. 3-10.
- Корохіна А.В.* Соотношение марьяновской культуры и малобудковского типа // Проблеми гірничої археології. Алчевськ, 2011. С. 138-151.
- Корохіна А.В.* Кераміка бондарихинської культури: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 2011.
- Корохіна А.В.* Культурно-стратиграфічна ситуація на поселенні Ніцаха в Поворсклі // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2012. № 11. С. 217-227.
- Кривальцевіч М.М.* Ідентифікація паўднёвабеларускага «Тшцінца» // “Trzciniec” – system kulturowy czy interkulturowy process? – Poznań, 1998. С. 17-31.
- Кузьминых С.В.* О некоторых дискуссионных проблемах изучения бондарихинской культуры // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Донецк, 1996. С. 99-102.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья. Елабуга, 2009. Вып. 8. С. 29-55.
- Куштан Д.П.* Трансевразийский «оловянный» путь эпохи поздней бронзы // РАЕ. 2012. № 2. С. 246-262.
- Лисенко С.Д.* Середнє Подніпров'я за доби пізньої бронзи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Київ, 2001.
- Попова Т.Б.* Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на Средней Оке // ТГИМ. 1985. Вып. 60. С. 133-187.
- Попова Т.Б.* Грунтовый могильник поздняковской культуры под Рязанью // ТГИМ. 1988. Вып. 68. С. 101-137.
- Савчук А.П.* Пам'ятки лебедівського типу // Археологія. 1978. № 25. С. 71-83.
- Ставицкий В.В.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.
- Фоломеев Б.А., Александровская А.Л., Гласко М.П., Гуман М.А.* Климентовская стоянка // ТГИМ. 1988. Вып. 68. С. 168-190.
- Хреков А.А.* К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 103-128.
- Челяпов В.П., Иванов Д.А.* Поселение поздняковской культуры Ерахтур V // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1998. Вып. 7. С. 59-78.
- Черных Е.Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81-99.

ВЯТСКИЕ ДРЕВНОСТИ НАЧАЛА ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ПОЛТОРА СТОЛЕТИЯ ПОСЛЕ ОТКРЫТИЯ КУЛЬТУРЫ «КОСТЕНОСНЫХ ГОРОДИЩ»

А.Е. Митряков (Ижевск), Е.М. Черных (Ижевск)

Antiquities of the Vyatka River region in the beginning of Iron Age: 150 years since
discovery of the «bone-containing hill-forts»

A.E. Mitryakov (Izhevsk), E.M. Chernyih (Izhevsk)

Вятские древности раннего железного века (РЖВ) оказались достоянием археологической науки в XIX в., прежде всего благодаря своей визитной карточке, остающейся таковой до сих пор – городищенской «костеносной» культуре. Но если для первых исследователей этого ярчайшего явления – П.А. Пономарева, А.А. Спицына, А.М. Тальгрена, М.Г. Худякова – связь городищ типа Пижемского с культурой Ананьинского могильника представлялась не совсем прямой, то археологические исследования в бассейне Вятки в XX веке прочно включили их в ареал АКЮ. Но место вятской ананьинской культуры в этой системе, как, впрочем, и сама система, до сих пор вызывают у археологов самые различные суждения (см. подробнее: Кузьминых, 2000; Кузьминых, Чижевский, 2009).

В 1988 г. В.Н.Марков опубликовал статью «О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени», в самом названии которой уже был заложен элемент сомнения в устоявшихся представлениях. Именно эта публикация существеннейшим образом определила ход дальнейших споров и научных изысканий в ананьиноведении. Опираясь на коллекции керамики из дореволюционных раскопок Аргыжского и Белоглазовского городищ, хранящимися в Национальном музее РТ, а также опубликованными А.Х. Халиковым (1977) и Г.А. Архиповым (1956) результатами небольших раскопок на Мальковском городище и Ройском Шихане, Владимир Николаевич весьма убедительно показал своеобразие вятской посуды. Объяснение этому своеобразию он видел в иных, нежели на Нижней Каме и Волге, истоках формирования городищенской культуры в бассейне Вятки. Одновременно он предложил и более

раннюю, VI в., чем это было у А.В. Збруевой (V–III вв. до н.э. – *авт.*), дату Аргыжского городища. Правда, выразил сожаление, что не располагает возможностями для стратиграфического анализа керамики данного комплекса и потому предложенное им видение следовало бы рассматривать как достаточно условное (Марков, 1988. С. 96).

Необходимо сказать, что археологические исследования на Вятке в этот период проводились достаточно интенсивно. В последней четверти XX в. сплошные разведочные маршруты и раскопки ананьинских поселений были организованы сразу несколькими научными подразделениями – Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета (Р.Д. Голдина, Т.М. Гусенцова, Л.Д. Макаров, Н.И. Леконцева, Н.А. Лещинская, Н.П. Карпова, Е.М. Черных, В.В. Ванчиков и др.), тремя академическими – Вятской ИА АН СССР (С.В. Ошибкина, М.И. Трефц), Удмуртской ИИЯЛ при СМ УР (В.А. Семенов, Л.А. Наговицын, М.Г. Иванова, А.Г. Иванов) и Коми филиала УрО АН СССР (Л.И. Ашихмина), двумя музейными – Удмуртского республиканского музея (Т.И. Останина) и Кировского областного краеведческого музея (Л.А. Сенникова). Следствием такой экспедиционной активности явилось существенное пополнение арсенала источников по всем археологическим эпохам. В последующие два десятилетия, в связи с общим кризисом в стране, интенсивность работ несколько снизилась, они уже не носили системного характера. Тем не менее, новый материал продолжал накапливаться. Краткий обзор истории изучения вятского ананьина был дан В.В. Ванчиковым и Л.А. Сенниковой (Ванчиков, Сенникова, 1991; Ванчиков, 1992), позднее – в монографической работе

Р.Д. Голдиной (1999). Думаем, что в формате данной статьи вряд ли имеет смысл повторять общеизвестные факты, ограничимся лишь описанием наиболее значимых результатов исследований и попытаемся определить дальнейшее направление поисков.

Итак, как же выглядит в настоящее время карта ананьинского времени в бассейне Вятки? Всего выявленных памятников – около 80, из них – 22 городища, 15 находок отдельных вещей и около 40 селищ (Рис. 1). Попутно заметим, что этот показатель статистически близок количеству выявленных на вятской территории памятников позднего бронзового века – 61 (Сенникова, 2006. С. 56–58). Почти не отличаются ареалы обоих культурно-хронологических образований, что, наряду с фактами перекрывания слоев эпохи бронзы остатками ананьинского времени (из 38 многослойных на 6 выявлены слои АКЮ, еще на 6 отмечены отдельные ананьинские находки), необходимо учитывать при оценке генезиса вятского ананьино. Показательно при этом, что в топографии поселений поздней поры бронзового века уже заметно тяготение к выбору мысовых площадок береговых террас. По данным Л.А. Сенниковой, на мысах были устроены более половины (60%) всех известных на Вятке поселений ПБВ (2006. Табл. 3).

Анализируя карту распространения ананьинских памятников (Рис. 1), безусловно, с учетом их изученности археологическими раскопками и разведками, а также принимая во внимание природно-географический фактор, можно говорить (конечно, весьма условно) о трех крупных региональных группах: приустьевая часть Вятки, нижнее течение реки с крупным правым притоком – р. Пижма и Средняя Вятка (от устья Пижмы до устья Чепцы). Пока трудно говорить о выделении отдельных макрогрупп в верхнем течении реки, где памятники единичны, а также о поселениях на таких крупных левобережных притоках Вятки, как Чепца, Воя, Кильмезь. Наибольшей плотностью заселения отличались нижнее и среднее течение Вятки. Здесь заметны сгустки поселений, в том числе на ее правом притоке – Пижме. Причем такое распределение определенным образом корреспондируется с Вятскими Увалами, а, возможно, и с границей (в среднем суббореале) смешанных хвойно-широколиственных

лесов¹. Судить о плотности населения в указанных регионах, исходя из анализа микрогеографии поселений, на сегодняшнем уровне наших знаний пока преждевременно. Видимая неравномерность может быть объяснена и слабой археологической изученностью отдельных территорий, прежде всего, притоков реки Вятки как первого, так и второго порядков. Относительно недавно были открыты поселения на нижней Чепце (разведки А.Г. Иванова), на Кобре (Грехневское I поселение), в верхнем течении Вятки (Пещера I, разведки Л.А. Наговицына).

Городища составляют наиболее выразительную категорию памятников АКЮ. Первоначально семь т.н. «костеносных» городищ выделялись А.А. Спицыным в обособленную группу (1893. С. 40–46). Но по мере накопления информации, а также сопоставления с культурой типа Ананьинского могильника эти городища стали рассматриваться как неотъемлемая часть ананьинской культуры и, соответственно, в их число оказались включены все выявленные к середине XX в. укрепленные поселения, имеющие в культурном слое ананьинскую керамику и вещевой материал РЖВ. На Вятке таких городищ в настоящее время известно 21 (карта). В характере их размещения обнаруживается та же особенность, что и у поселений вообще, а именно, три территориально локализованных группы – усть-вятская, средневятская и верхневятская. Довольно обособленно выглядит усть-вятская группа городищ (Свиногорское, Грохань и Мамадышское), которые, как отмечали еще А.Х.Халиков (1977. С. 9–11) и В.В.Ванчиков (1992. С. 77), должны относиться скорее к нижнекамским памятникам. Городища располагаются вдоль основного русла реки Вятки с неравными интервалами, от 20 до 40

¹ В настоящее время эта граница проходит несколько южнее – в районе устья Уржумки, среднего течения Байсы и Буя (Прокашев и др. 2003. С. 18. Рис. 3). По палинологическим данным Н.А. Хотинского и Л.Д. Никифоровой, вероятность сдвига зональных ландшафтов к северу в течение термического максимума суббореала (4000–3200 л.н.) остается высокой. Сокращение доли пыльцы широколиственных пород в Вятском Прикамье связывают с раннесубатлантическим похолоданием около 2500 лет назад (Прокашев и др. 2003. С. 83). Заметим, что участок реликтовых широколиственных лесов сохранился до наших дней в окрестностях с. Боровка, в 20 км к югу от г. Котельнич, на правом берегу р. Вятки (заповедник «Нургуш»).

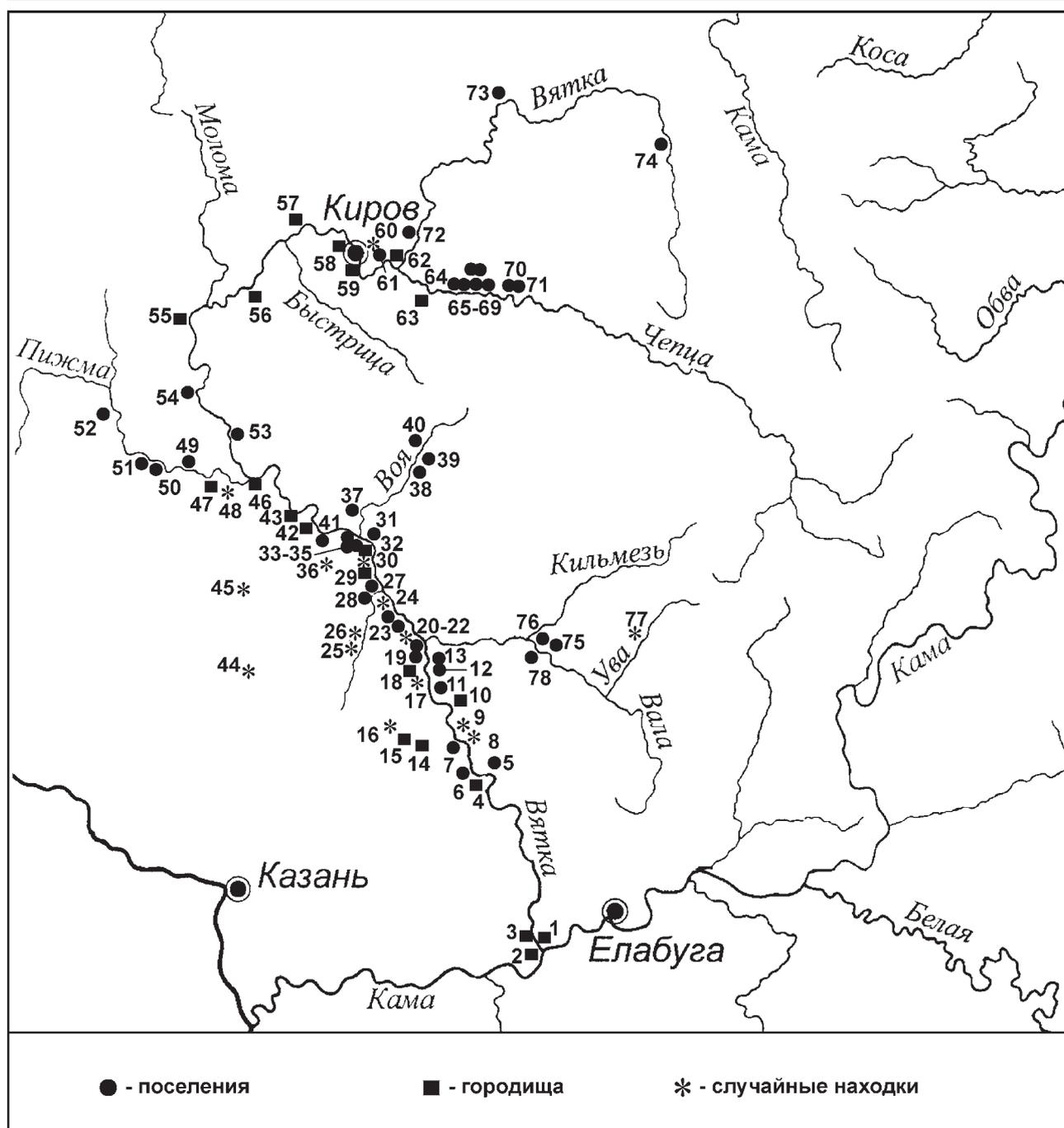

Рис. 1. Карта памятников ананьинской КИО бассейна р. Вятки: *а* – поселения; *б* – городища; *в* – случайные находки. 1 – Свиногорское; 2 – Грохань; 3 – Мамадышское; 4 – Каракульское; 5 – Кордон; 6 – Старо-Бурецкое; 7 – Малмыжское (Калининское); 8 – Дубровкинская; 9 – Наживинская (Нежавина); 10 – Аргыжское; 11 – Дмитриевское; 12 – Проходная Лоза; 13 – Усть-Курьинское; 14 – Чутайское II; 15 – Чутайское I; 16 – Нуринерская; 17 – Киньерская; 18 – Ройское («Ройский Шихан»); 19 – Шишкинское; 20 – Тюм-Тюмское III; 21 – Тюм-Тюмская; 22 – Тюм-Тюмское IV; 23 – Черепановский Лог; 24 – Варининская; 25 – Лопьяльская; 26 – Петряевская; 27 – Цепочкинское I; 28 – Цепочкинское II; 29 – Мальковское; 30 – Федорищевская; 31 – Буйское I; 32 – Буйское; 33–35 – Мысы III–V; 36 – Марушинские; 37 – Ботылинское IV; 38 – Ключевское; 39 – Слудкинское; 40 – Перебор; 41 – Малиновское; 42 – Белоглазовское; 43 – Лебяжье; 44 – Якасурская; 45 – Юронгинская (Юринская); 46 – Пижемское; 47 – Горское; 48 – Обуховская; 49 – Арбажский льнозавод; 50 – Худяковское; 51 – Покста II; 52 – Этанцы II; 53 – Нижнее Коропово; 54 – Боровка I; 55 – Скорняковское; 56 – Истобенское; 57 – Подрельское I (Вересенковское); 58 – Наговицынское (Червяковское); 59 – Чижевское («Марьин кокошник»); 60 – Нововятская; 61 – Концовское; 62 – Никульчинское; 63 – Кривоборское (Городниковское); 64 – Лютоус I; 65–68 – Градобоево I–IV; 69 – Махны; 70 – Яговкинцы; 71 – Дереганцы II; 72 – Первомайское; 73 – Грехневское I; 74 – Пещера I; 75, 76 – Муки-Какси I, II; 77 – Узей-Туклинская; 78 – Моторки II.

км, обнаруживая при этом линейный принцип расселения носителей «городищенской» культуры. На притоках известны 4 городища: по одному – на Пижме (Горское) и Чепце (Кривоборское), еще два – на Шошме (Чутайские I и II). В некоторых случаях можно выделить своеобразные «пары» городищ, расположенных на небольшом (до 10 км) расстоянии одно от другого – два Чутайских; Чижевское и Наговицынское; Лебяжское и Белоглазовское. За таким размещением исследователи обычно склонны усматривать различные социально-экономические факторы (отражение патриархально-родовой структуры; т.н. «ресурсные зоны» первобытных социумов и т.п.). Но здесь важно помнить, что время функционирования городищ пока определяется весьма широко (и отнюдь не обязательно они могли существовать одновременно).

Анализ вятских ананьинских городищ, предпринятый в начале 1990-х годов В.В. Ванчиковым, позволил ему высказать предположение о хронологической подоснове такой группировки (1992. С. 78). Городища, расположенные выше устья Пижмы, занимают, как правило, узкие стрелки мысов треугольной в плане формы, с одним валом, чаще дуговидной формы, и рвом с напольной стороны (Рис. 2, 3). Для их размещения выбирались мысы, занимавшие участки открытых к реке высоких террас и имевшие, по всей видимости, стратегическое для данной местности значение. Для таких городищ, как Никульчинское, Скорняковское, Истобенское, немаловажную роль играл, по-видимому, и фактор близости крупных вятских притоков первого порядка. Для их устройства, наверное, не случайно, были выбраны мысы, развернутые стрелкой против течения Вятки. С Никульчинского городища открывается прекрасный вид на устье Чепцы, а с вала Скорняковского в ясную погоду хорошо виден высокий правый берег р. Моломы, впадающей в Вятку километрах в 10-ти вверх по течению. На указанных памятниках материалов, датированных ранее V в. до н.э., пока не выявлено. Для средне- и нижневятских городищ более характерны короткие и широкие, прямоугольные в плане площадки мысов (Рис. 2, 1, 4) и курганообразные валы-«шиханы» с отношением ширины к длине 1:1. Нетрудно заметить, что именно эти городища А.А. Спицын относил к категории «костеносных» – Аргыжское, Буйское, Ройское («Ройский Шихан»), Лебяжское и

Пижемское (1893. С. 41–64). Некоторые из них в настоящее время занимают малозаметные с реки мысы, они как бы укрыты в глубине пойменных лугов и залесенных террас. Площадь укрепленных поселков невелика, за редким исключением превышала 2500–4000 м² (Ванчиков, 1992. С. 77).

Часть городищ к настоящему времени сохранилась в сильно разрушенном виде. Это положение касается как площадок укрепленных поселений (яркий пример – площадка Скорняковского городища, длина которой в 1880-х гг. составляла около 30 м, тогда как к 2012 г. сохранилось не более 30 м²), так и оборонительных сооружений на них. Учитывая многослойный характер большинства городищ, получить ясность о первоначальной форме или характере и времени возведения фортификаций можно только с помощью раскопок широкой площадью. Но несмотря на длительную историю изучения, вятские ананьинские городища раскопаны крайне неравномерно. Еще хуже обстоят дела с сохранностью полевой документации раскопок. Известные в литературе факты раскопок городищ и их укреплений в XIX – начале XX в. (П.В. Алабин, С.К. Кузнецов, П.А. Пономарев, А.А. Спицын, А.С. Лебедев) донесли до нашего времени только упоминания о траншеях, «шахтах», «колодцах», закладывавшихся пионерами вятской ананьинской археологии. Оценить сегодня масштабы этих раскопок можно лишь восхищаясь обширными коллекциями находок. Раскопки в XX в., безусловно, документированы лучше: по самым общим оценкам на вятских городищах раскопано не более 5500 м².

Наибольшей полнотой исследований выделяются Аргыжское и Буйское городища. К сожалению, нет ясности с Никульчинским городищем. Раскопками Л.П. Гуссаковского в 1960 г. на нем было изучено более 1000 м² (на обеих площадках); остатки ананьинского укрепленного поселка обнаружены в мысовой части: культурный слой, следы наземных жилых и хозяйственных сооружений, керамика и вещи (Гуссаковский. Статьи). Л.Д. Макаров на рубеже 1970–80-х гг. раскопал еще 505 м² (2001. Рис. 27). Но результаты этих работ опубликованы избирательно, да и те касаются главным образом древнерусского комплекса. На многих памятниках работы носили рекогносцировочный, или разведочный, характер.

Таблица 1. Сведения о раскопках городищ АКЮ в бассейне р. Вятки

Памятник	Площадь, кв. м	Культурный слой, время	И з у ч е н н а я площадь, кв. м	Исследователи
Аргыжское	2500	РА, ПА, Пб, I тыс. н.э.	Около 1400	Пономарев П.А., Збруева А.В., Стоянов В.Е., Черных Е.М.
Буйское	3000	Энеолит, бр. век, РА, ПА, Пб, I тыс. н.э..	Около 2000	Талицкий М.В., Генинг В.Ф., Леконцева Н.И., Ашихмина Л.И.
Кривоборское	3250	ПА, Пб., древнерусский	Около 200	Лещинская Н.А.
Никульчинское	1500	ПА, рубеж I-II тыс. н.э., древнерусский	Около 1000	Прокошев Н.А., Гуссаковский Л.П., Макаров Л.Д.
Ройское	3600	Позд.бр.век, РА	256	Кузнецов С.К., Пономарев П.А., Архипов Г.А.
Белоглазовское	2000	РА, среднев.	105	Збруева А.В.
Пижемское	3500	РА, ПА, I тыс. н.э., древнерус.	Точно не известно; в XX в. – около 120	Алабин П.В., Спицын А.А., Пономарев П.А., Лебедев А.С., Збруева А.В., Леконцева Н.И.
Скорняковское	Не сохр.	ПА, Пб, вт. пол. I тыс. н.э., древнерус. (?)	288 кв. м	Спицын А.А., Черных Е.М.
Истобенское	1000	ПА, Пб	Нет сведений	Ванчиков В.В.
Мальковское	9000	РА	40	Архипов Г.А.
Горское	2100	РА	18	Леконцева Н.И.

Сокращения в табл.: РА – раннеананьинский; ПА – позднеананьинский; Пб – пьяноборский; бр. век – бронзовый век; древнерус. – древнерусский

Стратифицированные материалы получены на Аргыжском, Кривоборском, Скорняковском и с некоторых участков Буйского городищ. Культурный слой памятников различается по толщине: от незначительного и слабовыраженного (15–20 см) – как на Каракульском или Чутайских городищах, до большой (1,5–2,0 м) мощности – как на Пижемском, Буйском, Аргыжском. Характер раннеананьинского слоя также отличается от слоев более ранних или более поздних памятников. Он, как это не раз отмечалось в литературе, рыхлый, насыщен органикой, минерализован. Именно этими качествами объяснялся интерес вятских крестьян к таким объектам: с присущей им смекалкой и практицизмом они «пудами

вывозили» почву с городищ на близлежащие фосфатные заводи, а также на свои огороды и парники (Збруева, 1934. С. 265). Культурный слой позднеананьинского времени уже в меньшей степени насыщен золой и угольками, отличается более плотной структурой.

Фортификации. Попытки разрезать валы вятских городищ предпринимались еще в XIX в. Так, вал Ройского городища был прорезан на всю высоту С.К. Кузнецовым в 1881 г. (1884), вал Пижемского частично изучен в 1928 г. А.В. Збруевой (1934. С. 272–273; 1952. Рис. 6). Аналогичным образом (небольшими траншеями) исследовались насыпи валов Аргыжского и Белоглазовского городищ (Збруева, 1952. С. 277, 278, 285, 286, Рис. 8; Черных и др., 2002. С. 12, 13).

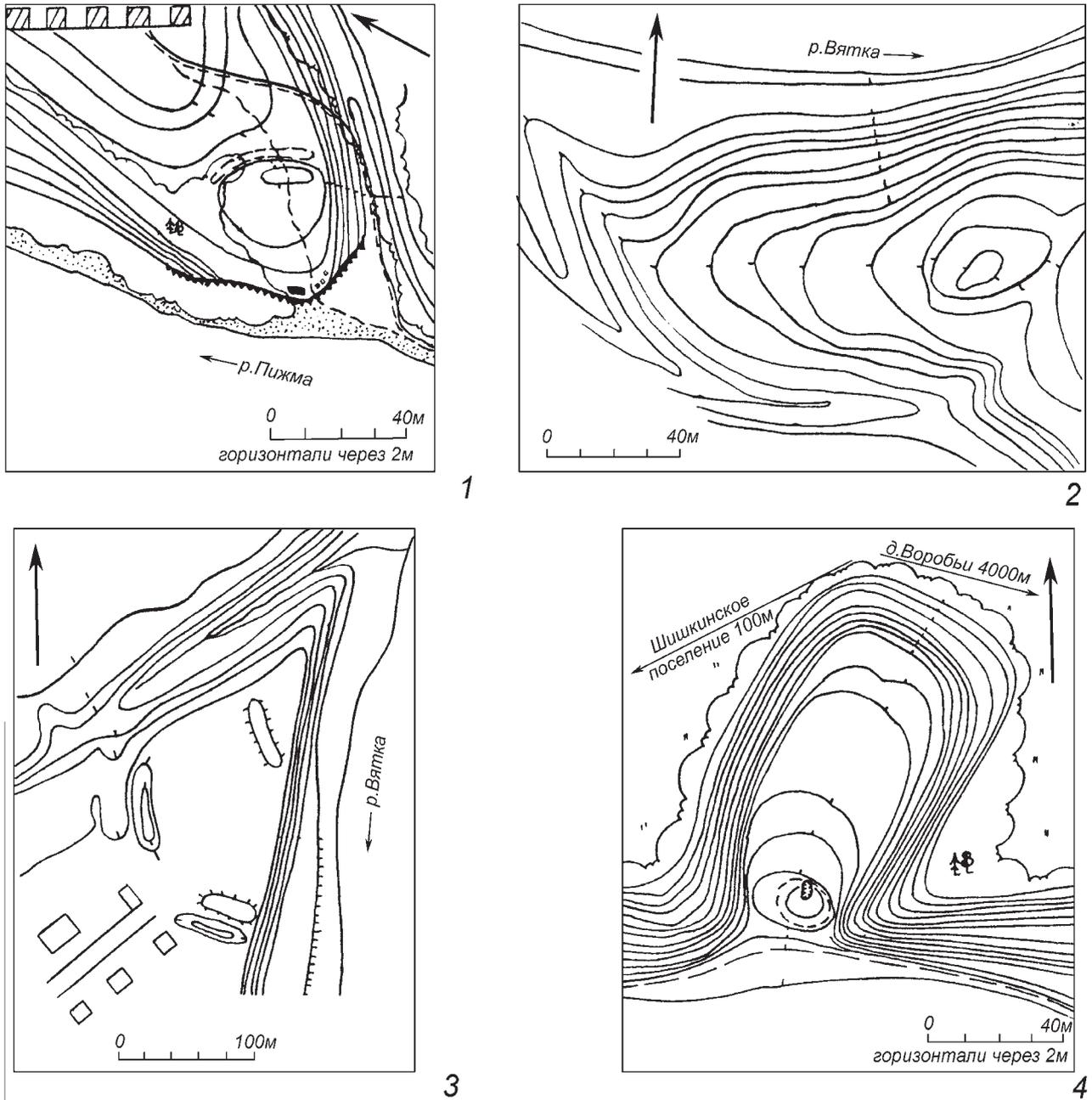

Рис. 2. Топографические планы вятских ананьинских городищ: 1 – Пижемское; 2 – Белоглазовское; 3 – Никульчинское; 4 – Ройское.

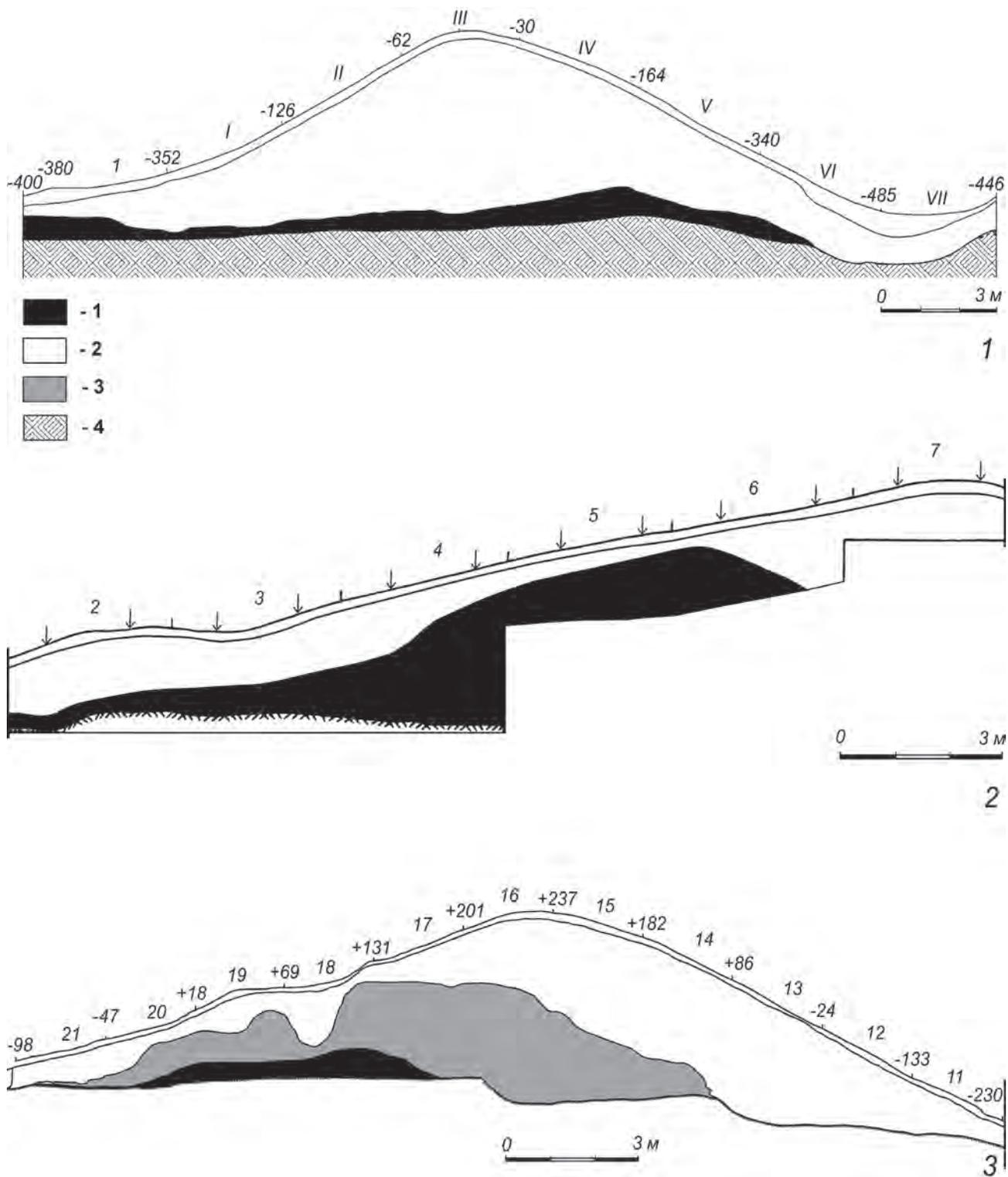

Рис. 3. Стратиграфические разрезы укреплений вятских городищ: 1 – Буйское (по: Ашихмина, 1981); 2 – Аргыжское (по: Черных и др., 2002); Скорняковское (по: Черных, 2012). 1, 3 – остатки насыпей ананьинского вала; 2 – более поздние подсыпки; 4 – материковый слой.

С наибольшей полнотой фортификации изучены на Буйском и Скорняковском городищах. Интенсивность эрозии склонов мысовых площадок не позволяет дать однозначную оценку тем усилиям, что прилагались строителями для усиления фортификационных свойств городищ. Но некоторые наблюдения всё же возможны. Так, следы искусственной подрезки склонов отмечены на Аргыжском и Буйском городищах. На Аргыжском городище визуальные признаки эскарпа наблюдались вдоль южного и восточного склонов. Намеренная подрезка склонов террасы обеспечивала в общем-то невысокому (14 м) мысу необходимую крутизну. На Буйском городище эскарп прослежен только на участке вдоль южного, обращенного к логу, склона.

Для всех вятских городищ можно уверенно констатировать устройство одного вала и рва перед ним, полностью отсекавших поселок от уязвимой для противника напольной стороны. Как представляется, вятские ананьинские городища строились на прежде необжитых местах. А.В. Збруевой, правда, упоминается слой под насыпью вала Аргыжского городища. Описание его, предельно лаконичное, содержит лишь утверждение, что жизнь поселения до возведения укреплений была непродолжительной, но оно, по мнению автора, в любом случае должно датироваться в пределах одной эпохи (Збруева, 1952. С. 277, 278). Разведочная траншея В.Е. Стоянова показала, что вал был насыпан на материковую поверхность (Рис. 3, 2), т.е. строительство поселка и укреплений было одновременным (Черных и др., 2002. С. 8, 9, 12). Основу вала составляла насыпь из глины высотой до 2,5 м и шириной 6–7 м. На валу, несколько спускаясь на внешний склон, была устроена деревянная стена по типу заплота. Разрез вала показал не менее 4 этапов его строительства, последний, по-видимому, относился уже к пьяноборской эпохе. Очень незначительный по толщине (не более 4 см), но насыщенный гумусом и углем слой почвы был исследован под валом Скорняковского городища в 2012 г. Слой этот был буквально «забит» выразительной ананьинской керамикой и костями животных. Именно на этой «свалке» была устроена небольшая песчаная (не более 0,4–0,6 м в высоту и 3,5 м в ширину) насыпь (Рис. 3, 3). Песок для устройства насыпи брался с напольной стороны, из «чехла»

рыхлых четвертичных отложений коренного берега Вятки, в результате чего образовалось небольшое (не более 0,6 м) канавообразное углубление. Эта насыпь оставалась какое-то время открытой, но неоднократно подсыпалась, о чем свидетельствуют тонкие прожилки погребенного дерна в ее толще. О периодических подновлениях также свидетельствуют встречавшиеся на разной глубине скопления фрагментов черепов крупных копытных (лошадь, лось), зернотерок и камней. Внешний склон вала, очевидно, дополнительно укреплялся кусками дерна. Окончательный вид ананьинский вал приобрел в результате третьей модернизации, когда насыпь «выросла», перекрыв полностью как первоначальный вал, так и ровик. Высота вала составила 2,0 м, ширина 14,5 м. Грунт для нее брался с напольной же стороны, отчего здесь образовалась канава глубиной до 0,6 м. У подножия внутренней полы вала зафиксированы выкладки из черепов и челюстей лошадей.

Вал Буйского городища был сооружен из глины. С северо-западной стороны он выходил к крутому обрывистому берегу Вятки, а с юго-западной упирался в овраг с довольно пологим бортом. Очевидно, это обстоятельство делало площадку городища, имевшую естественный наклон к юго-востоку, уязвимой для потенциального неприятеля. Строители городища решили фортификационные задачи таким образом, что вывели южный конец вала на склон, развернув его по бровке склона под углом около 140°. Сам склон у оконечности вала был подрезан так, что образовалась широкая (до 4,5 м) ступень с горизонтальной поверхностью, наподобие входа-коридора. Устье образовавшегося коридора выходило на склон, где, обогнув вал, можно было оказаться за пределами городища. С внутренней стороны вала этот коридор упирался в двойной ряд столбов, перекрывавших вход. Скорее всего, система столбов представляла собой остатки несложного входного устройства наподобие ворот. Не случайно, очевидно, именно в этой части склона обнаружена большая часть наконечников стрел. Между южной оконечностью вала и участком эскарпа, по краю площадки зафиксированы выложенные пласты желтой глины. Слои глины распространялись практически вдоль всего южного склона, но не сплошной полосой, а отдельными более или менее обширными пятнами.

Размеры раннего вала также не были велики (Рис. 3, 1). Высота сохранившейся первоначальной насыпи не превышала 0,4 м, ширина ее около 8 м. Ров, образовавшийся при выборке глины для насыпи вала, не был глубоким, имел уплощенное дно и значительную ширину – до 7 м. С внутренней стороны к валу вплотную примыкали сооружения, от которых сохранился настил (или развал бревенчатой стены?). Для его устройства были использованы березовые бревна диаметром до 30 см. Ширина остатков настила составляла около 3 метров. Если допустить, что это остатки развалившейся стены, то ее первоначальная высота не должна была превышать 3 метров. Примерно ту же высоту имели бревенчатые стены Троицкого городища в Подмоскowie (Розенфельдт, 1970. С. 138), весьма близкого по времени к вятским городищам. Но в отличие от дяковской фортификации, на Буйском городище не выявлено следов частоколов. Остатки его ранних укреплений были основательно разрушены в результате пожара (о чем свидетельствуют обугленные бревна и сильная прокаленность насыпи вала с внутренней, обращенной к площадке, стороны), а также позднейшими перестройками.

В таком виде (с деревянными сооружениями) вал существовал непродолжительное время. По мере обветшания (хотя не исключена причина пожара, не случайно бревна в основании обуглены) конструкций, они могли быть разобраны, а вал подновлен за счет насыпной глины и песка. Высота вала выросла до 1,5 метров. Возможно, обугленные бревна и плахи, зафиксированные на вершине этого вала (6-я углистая прослойка) могли иметь отношение к деревянной стене, сооруженной уже по гребню вала. Бревенчатые стены типа заплотов, частоколов, плетней на земляных валах в последние 3–4 века до н.э. получают широкое распространение в лесной зоне. Очередной пожар уничтожил и эти стены, о чем красноречиво свидетельствуют следы прокалов на вершине насыпи и со стороны площадки городища.

Для определения даты строительства фортификаций на Буйском городище важны находки в нижнем горизонте вала. Это костяные наконечники стрел (Рис. 8, 1–8), трех- и четырехгранные с вытянутым узким и длинным, или игловидным пером и плавным или вовсе не оформленным переходом от пера к черешку (Ашихмина и др., 2006. С. 26–30).

Аналогичный набор типов наконечников стрел характерен и для нижних горизонтов в отложениях на склоне городища, куда сползал и сбрасывался в более поздние периоды слой с площадки. Это наконечники крупных размеров, вытянутых пропорций, составляющие группу игловидных и треугольно-трехгранных, с тщательно заполированными гранями (Рис. 8, 8). Единично среди них представлены двушипные наконечники с длинным комбинированным в сечении и коротким плоским черешком. Своеобразную группу ранних наконечников составляют изделия с длинным узким дугообразным (выемчатым) в сечении пером и невыделенным черешком. Для решения вопроса об относительной хронологии костяных стрел особый интерес представляют изделия с дугообразным сечением (Рис. 8, 7). Количественно они абсолютно преобладают именно на вятских городищах, а среди них выявлены только на Пижемском, Аргыжском и Буйском, тогда как на Никульчинском совершенно отсутствуют. Такое распределение позволяет рассматривать их как наиболее ранние.

Как видим, ранневятские фортификации имели различные характеристики. Объединяет их лишь принцип мысового устройства и однолинейность. Другие параметры существенно варьируются – наличие деревянных стен, каменные наброски, устройство рвов, ритуальные артефакты. На Аргыжском городище были выявлены остатки деревянной стены вдоль склонов. Традиция устройства бревенчатых стен в системе обороны городищ РЖВ Прикамья в свете новейших исследований предстает довольно обычным явлением. Наличие однорядной бревенчатой стены в системе фортификаций городища Алтен-Тау убедительно аргументировано В.А. Борзуновым (1997. С. 171–174). Устройство одно- и двухрядных стен или легких изгородей до возведения земляных насыпей отмечено на ананьинских (Гремячий Ключ, Черепашье) и гляденовских (Башкултаевское) городищах (Марков, 1987. С. 104; Борзунов, Новиченков, 1988. С. 94). Выявлены на городищах РЖВ Прикамья и стены, впущенные в насыпи земляных валов, устроенные поверх валов, а также с внутренней стороны вала (Аргыжское, Сорочьегорское, Зуевключевское I, Усть-Нечкинское I, Степановское, Новокабановское, Горюхалихинское, Юго-Камское, Башкултаевское, Уфимское (Чортово)).

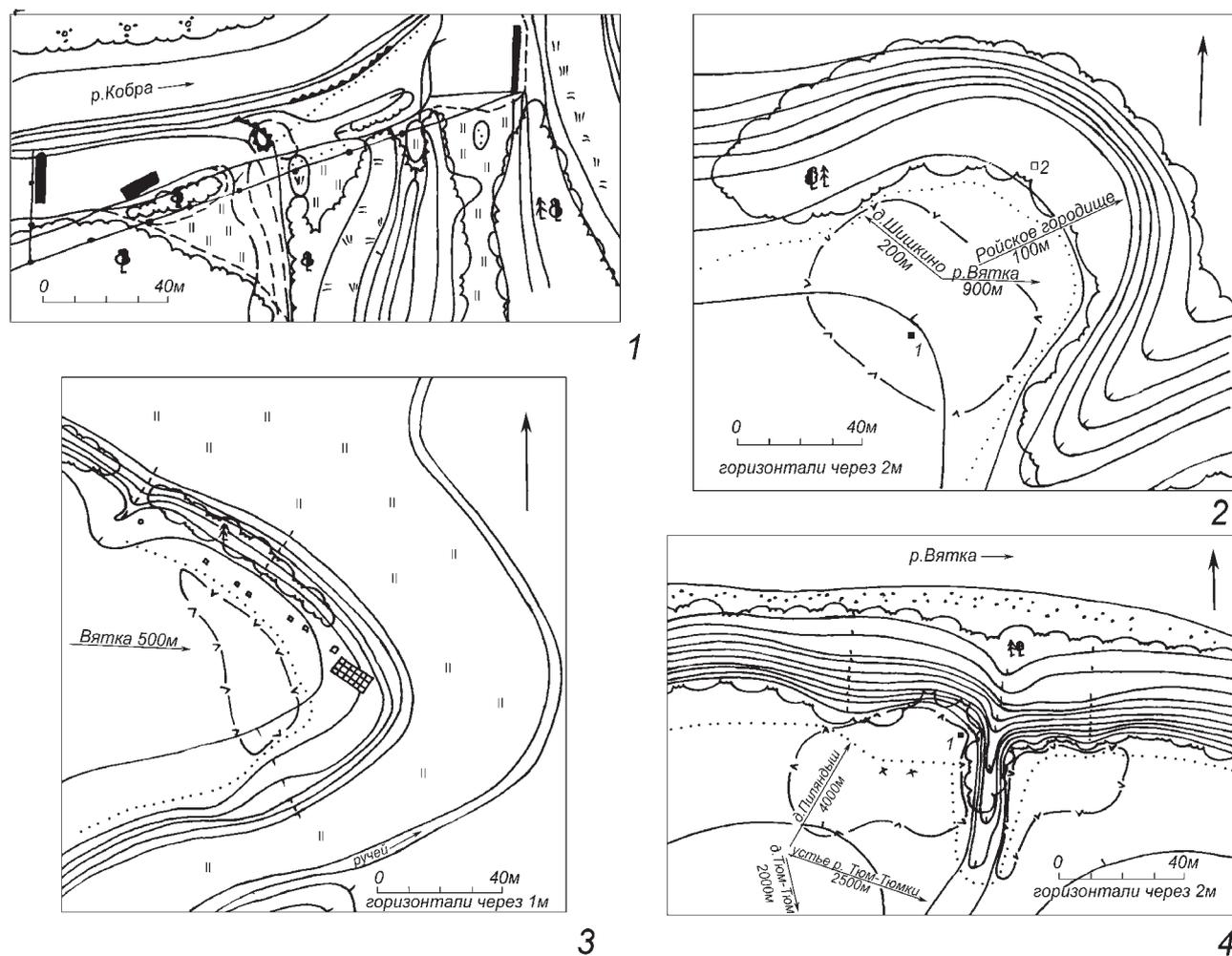

Рис. 4. Топографические планы селищ: 1 – Грехневское I; 2 – Шишкинское; 3 – Черепановский Лог; 4 – Тюм-Тюм IV.

Чем объясняется такое разнообразие? При нынешней степени изученности укреплений разные по типу фортификации могут объясняться как различиями во времени их возведения, так и влиянием иных традиций, возможно, характером использования. К примеру, очень сложно рассмотреть в первоначальной насыпи Скорняковского городища фортификационное сооружение. Может быть, ее устройство было вызвано какими-то действиями символического характера, направленными на маркирование новой территории?

Селища выявлены по всему течению Вятки, за исключением некоторых притоков. Неравномерность в их локализации, без сомнения, объясняется степенью исследованности региона. Особенно слабо изучены северо-восточные районы Кировской области, выше устья Чепцы. Но единичные памятники, как ранние (Грехневское I), так

и поздние (Пещера I), выявлены и здесь. По своей топографической приуроченности – мысовые участки террас – большая часть ананьинских селищ бассейна Вятки близка городищам (Рис. 4). Высказанная В.В. Ванчиковым догадка, что какая-то часть селищ (образующих своеобразные пары, например, Ройское городище и Шишкинское селище) со временем получала укрепления, становясь городищем, по-прежнему остается только предположением. Однако следует принять во внимание то, что в целом селища располагались в более низком рельефе. Только Цепочкинское I селище занимало край высокого (около 40 м) коренного берега Вятки. В выборе места поселения предпочтение отдавалось невысоким прикраевым надпойменным террасам (Нижнее Коропово) или же возвышенным участкам в пойме Вятки или ее притоков (Усть-Курья, Моторки II). Их высота над уровнем воды в среднем

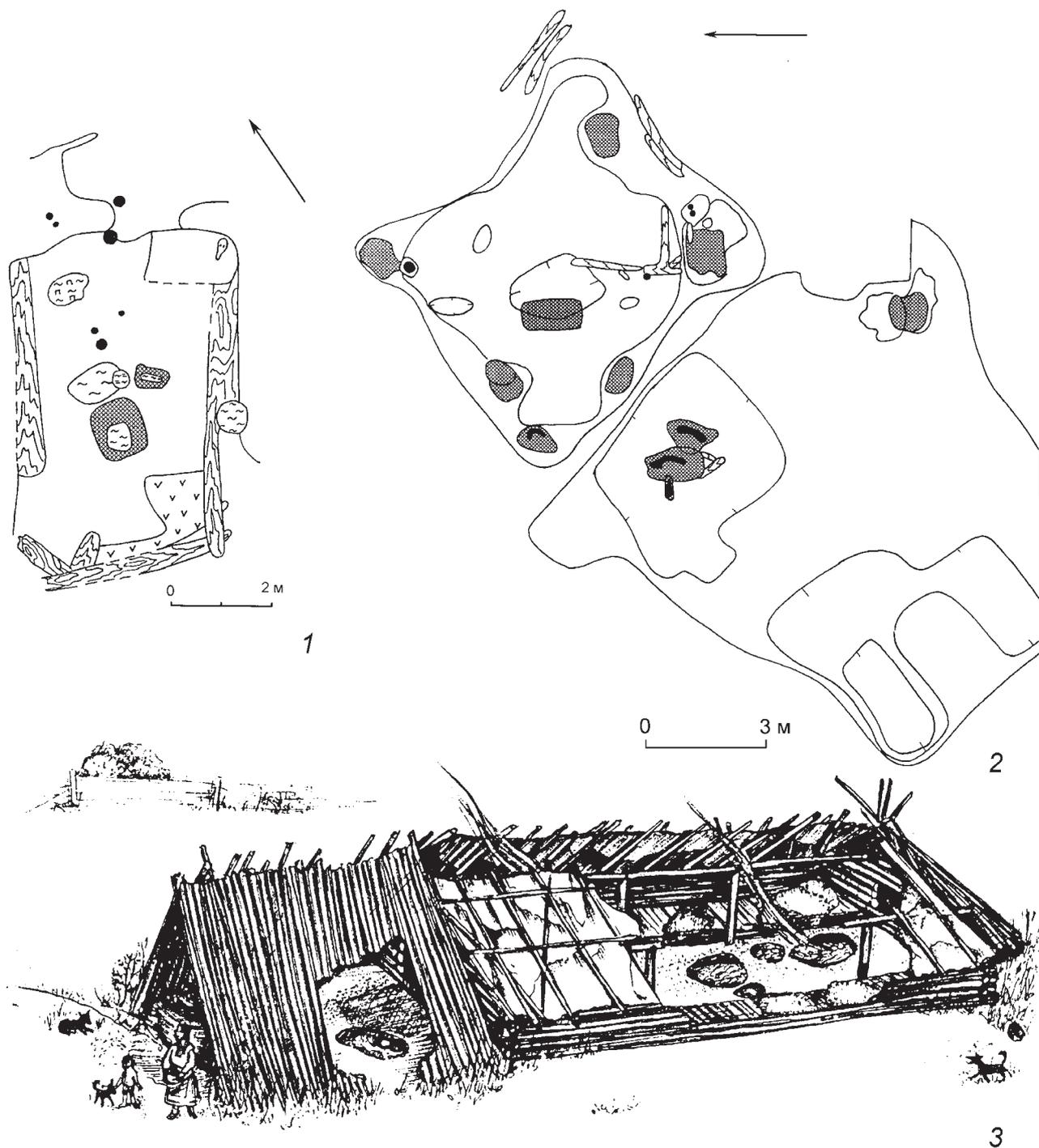

Рис. 5. Жилища АКИО в бассейне р. Вятки: 1 – план жилища IX Аргыжского городища; 2 – план жилища Грехневского I поселения; 3 – реконструкция жилища I Аргыжского городища.

около 7 м. В топографии и открытости заключается причина повсеместного разрушения культурного слоя большинства селищ и сложность установления реальных границ. Вероятно, этими обстоятельствами объясняется выраженная обширность селищ в сравнении с городищами – большая их часть характеризуется площадью от 3000

до 5000 м². Уже отмечалось существенное отличие культурного слоя селищ и городищ: в среднем не превышая 0,3 м, он в меньшей степени насыщен органикой, золой и углями, в нем заметно меньше находок костей и керамики, приходящихся на единицу площади (Ванчиков, 1992. С. 78, 79). Правда, следует оговориться, что

площадные раскопки вятских ананьинских селищ почти не проводились: в этом они существенно уступают городищам. В 1970-е – середине 1980-х гг. небольшие раскопы (50–70 м²) были заложены на селищах Боровка и Черепановский Лог (Рис. 4, 3). На первом – в раскопе М.И. Трефц – изучены два очага, заполненных керамикой и кремневыми отщепами, на втором – С.В. Ошибкиной – получены немногочисленные вещи (тигель, железный нож) и керамика. В 1990–92 гг. В.В. Ванчиковым изучалось Грехневское I поселение (Рис. 4, 1) (площадь раскопа около 200 м²) с остатками наземного жилища, очагов и ям, заполненных железной рудой, находками керамики и кремневых изделий. В 1997 г. им же изучалось поселение Мысы IV (площадь раскопа около 300 м²), где также выявлены следы сооружений. Остальные селища исследованы в основном шурфами и сборами подъемного материала.

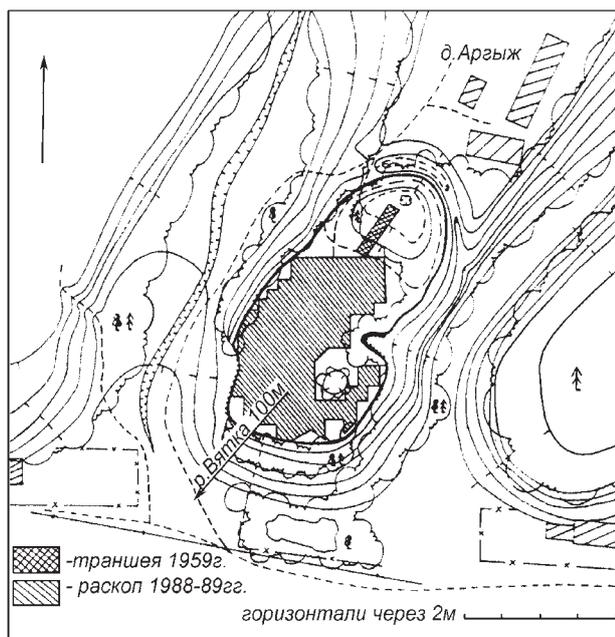
Своеобразием отличается некоторая часть поселенческих объектов, выявление которых оказалось возможным только в ходе исследования памятников более ранних эпох (Усть-Курья, Арбажский льнозавод, Худяковское) или, напротив, более поздних (Концовский, Первомайский могильники). При большой площади вскрытия на них были обнаружены отдельные обломки ананьинских сосудов, либо, как на Усть-Курьинском поселении, одиночная очажная яма с фрагментами керамики от 2–3 сосудов (Карпова, 1988. С. 16, 17). Такие объекты были интерпретированы как «места посещений» или кратковременные стоянки (Ванчиков, 1993. С. 19). Безусловно, это предположение заслуживает внимания и развития.

Ананьинская археология давно нуждается в расширении методики исследования поселений, в сопоставлении различных их типов с ландшафтно-экологическим контекстом, хорошим примером которому могут служить исследования, например, дяковских поселений бассейна Москвы-реки (Гунова и др., 1996; Кренке, 2011. С. 197-207). В целом вятским ананьинским группам был присущ, по-видимому, рассеянный принцип расселения. Ярво выраженных гнезд, или скоплений, поселений с системообразующим ядром-городищем не выделяется. Недостаток сведений не позволяет пока провести анализ систем расселения на должном уровне. Можно с некоторой осторожностью выделить микрогруппу в округе Буйского (Мысы III-V) и

вблизи Мальковского городища (Цепочкинские I-II поселения, Федорищевская и Петряевская находки кельтов), но об их синхронности говорить пока не приходится.

Архитектура. На вятских поселениях, как укрепленных, так и открытых, изучены жилые, хозяйственные и культовые объекты. Наиболее полно исследована жилая застройка на Аргыжском городище (Черных и др., 2002). Изученные здесь жилища – наземные срубные постройки, площадью 80–100 м², с двускатными крышами (Рис. 5, 3). Жилища отапливались открытыми очагами. В каждом жилище обнаружено от 2 до 4 очагов, тяготеющих к осевой линии помещения (Рис. 5, 1). Хозяйственных ям внутри дома ананьинцы не устраивали, они были вынесены за пределы жилищ. Жилища позднего этапа были исследованы в 1960 г. Л.П. Гуссаковским на Никульчинском городище. Своеобразие их заключается в малых размерах (около 10 м²) и наличии глиняной подмазки полов (Черных, 2008. С. 228). Среди вятских и вообще ананьинских жилищ выделяется своей формой грехневская постройка, раскопанная В.В. Ванчиковым. Она представлена остатками двухкамерного жилища, сохранившего в своих чертах традиции более раннего домостроительства (бронзовый век), но уже наземного типа. Меньшая камера отапливалась центральным очагом, большее помещение – двумя угловыми очагами (Рис. 5, 2). По всей видимости, постройка совмещала функции жилья и производственного помещения; в очагах и рядом с ними обнаружены многочисленные капли бронзы, более 20-ти развалов глиняных сосудов, фрагменты железных вещей и каменных орудий (Ванчиков, 1992. С. 19–21). Жилища вятской ананьинской культуры обнаруживают типологическое сходство, прежде всего, с постройками Среднего и Верхнего Прикамья (Зуевключевское I городище, Заюрчимские поселения). За этим явлением, думается, можно видеть общность традиций и родство культурных группировок.

Поселок ананьинского времени, изученный на Аргыжском городище, кроме жилищ, включал также хозяйственные сооружения – ямы, вынесенные на северную окраину поселения и составлявшие отдельный ряд, производственное помещение и, по-видимому, хлев (Рис. 6). Композиционным центром поселка являлась постройка № 3, выполнявшая функции святилища. В характере застройки четко прослеживается

1

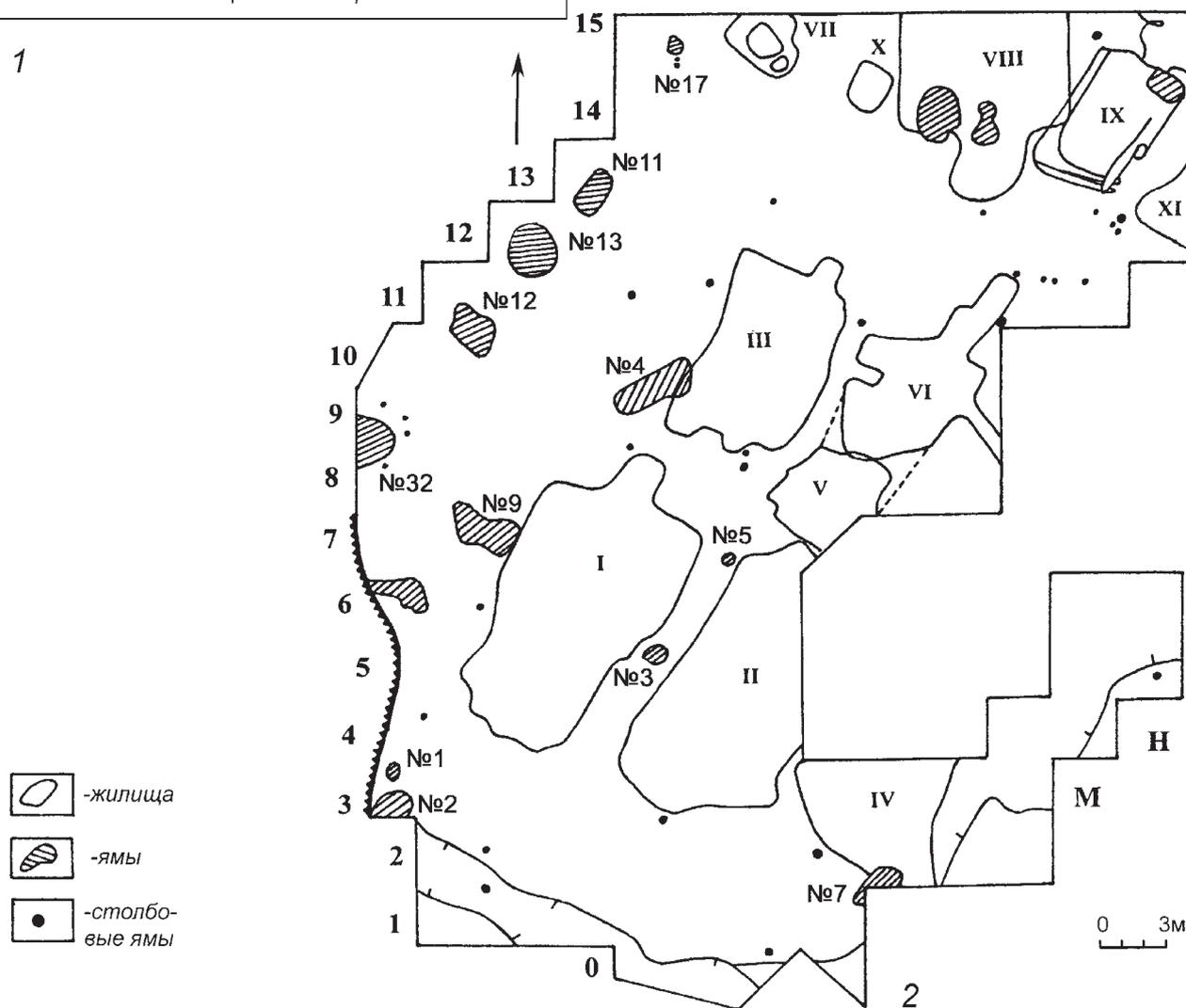

Рис. 6. Аргыжское городище: 1 – топографический план; 2 – общая схема сооружений, изученных в раскопах 1988–1990 гг. (по: Черных и др., 2002)

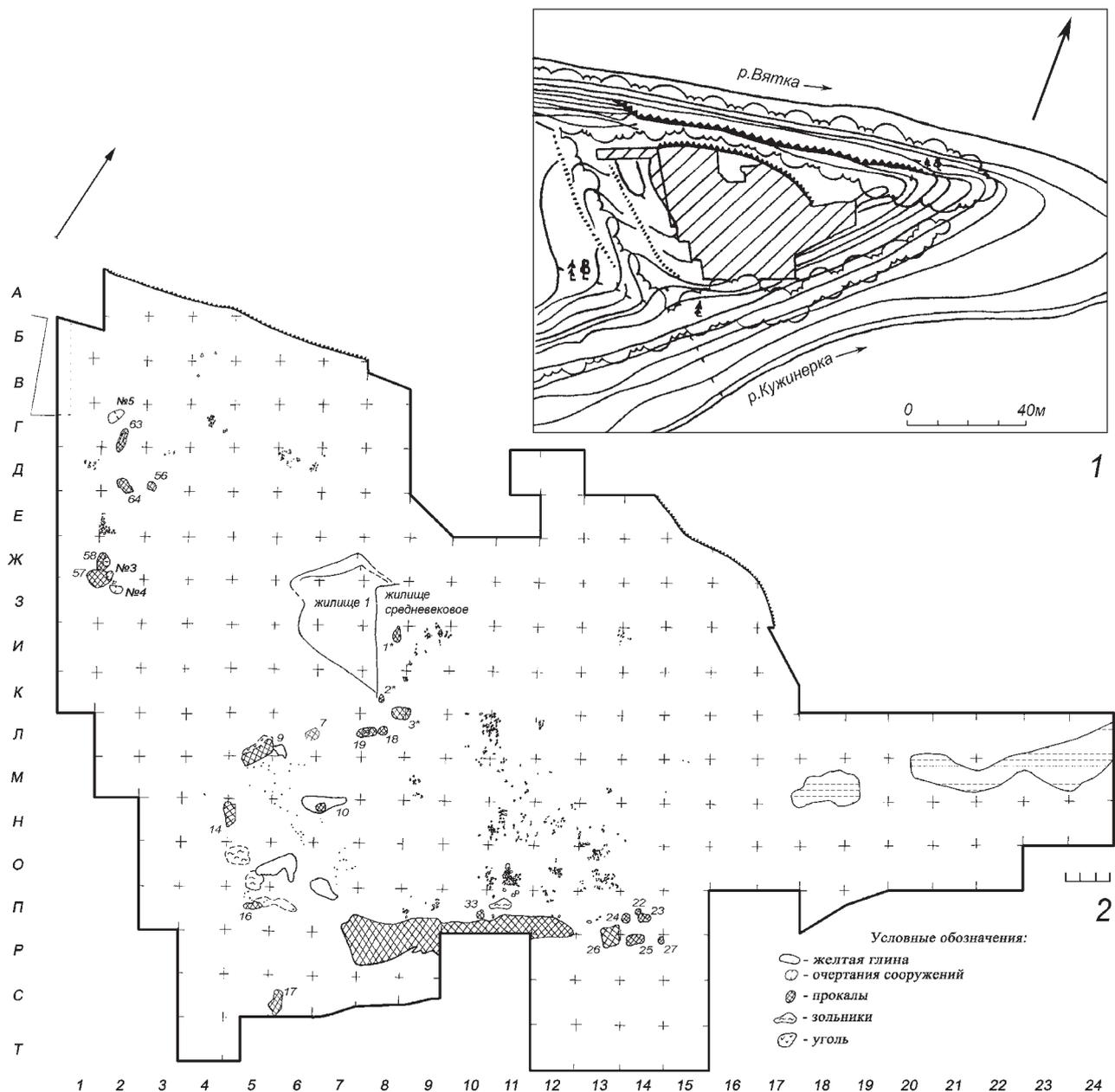

Рис. 7. Буйское городище: 1 – топографический план; 2 – общая схема объектов АКЮ, изученных в раскопах В.Ф. Генинга (1955 г.), Н.И. Леконцевой (1977 г.), Л.И.Ашихминой (1976, 1978, 1979, 1981 гг.).

рядовой принцип, а за однотипностью жилищ, очевидно, можно видеть родственные большесемейные коллективы. Несколько таких общин (2–3), связанных узами родства, но не обособленных в хозяйственном отношении, являлись основателями поселения, имевшего защитные укрепления, общую бронзолитейную мастерскую и общее культовое здание. Вероятно, аналогичным образом был спланирован ананьинский поселок и на Буйском городище, но позднее обустройство, к сожалению, привело к тому, что от него сохранилось только одно жилище, да и то частично

(Рис. 7). Но в его размещении на площадке виден тот же принцип, что и на Аргыже – жилище было развернуто под углом к внешним рубежам. Хозяйственные ямы размещались отдельно, вблизи вала, а святилище – на южной периферии укрепленного поселка. То есть пример этих двух поселений позволяет говорить о некоторой общности принципов застройки вятских ананьинских городищ, о наличии, безусловно, элементов регулирования общиной планировки, но только дальнейшие раскопки смогут показать, насколько верны эти наблюдения.

Еще А.А. Спицын видел в «костеносных городищах» своеобразные религиозные центры. Материалы, выявленные на поселениях к настоящему времени, а также собственно культовые объекты, действительно, свидетельствуют о богатой ритуальной практике вятских ананьинцев. Обилие и разнообразие жертвоприношений, в том числе кровавых², выразительность материальной культуры и изобразительного творчества, артефактов культового класса – чем не иллюстрация общества, единство которого во многом обуславливалось мировоззрением, а реализовывалось через общие культы и ритуалы. Наверное, имеет под собой конкретно-мифологический смысл метафорическая атрибуция вятских ананьинцев как «медвежатников», данная О.Г. Богаткиной на основании анализа археозоологического материала (2001. С. 17–22). На этом сюжете мы еще остановимся ниже, при характеристике некоторых категорий вещевого инвентаря. Вопросы же культурологической интерпретации вятских ананьинских материалов еще ожидают своего исследователя.

Вещевой инвентарь. Многократно отмечалось своеобразие вещевого комплекса вятского варианта АКЮ, а именно: малочисленность в нем металлического инвентаря, сохранение каменной индустрии и массовость изделий из кости. По мере накопления археологического источника это наблюдение ни в коей мере не было поколеблено. Получив известность во многом благодаря удивительной однородности костяного инвентаря (и одновременно – его парадоксальному разнообразию), вятская кость, несмотря на внешнее сходство с подобными же коллекциями из других областей АКЮ, как представляется, имела свои специфические черты. Эта специфика наиболее выражена в формах и массовости таких категорий, как лопатки, рукояти, гребни. Общей характеристике вятской кости посвящена отдельная монография, ассортимент готовых изделий в ней представлен более чем 30 категориями предметов. Авторы предложили деление материала на три больших группы, дающих довольно полное представление о частоте использования костного сырья

в различных сферах жизни обитателей городищ: 1) оружие, охотничье-промысловое и конское снаряжение; 2) орудия труда и их детали, предметы домашнего обихода; 3) украшения, детали одежды и предметы культа (Ашихмина и др., 2006. С. 26, 27). На первые две категории изделий приходится три четверти общей коллекции предметов. Самую многочисленную и представительную часть в ней составляют наконечники стрел (266 целых и более 100 обломков³; Рис. 8, 1-8). Согласно статистике, наиболее массовыми и характерными для вятских городищ являются наконечники стрел с трехгранным сечением пера, узким пером и едва намеченным переходом к черешку (Рис. 8, 6). Такие стержневидные наконечники преобладают и среди четырехгранных в сечении стрел. Характерной деталью для вятских стержневидных наконечников является снабжение их одним или двумя шипами (Рис. 8, 8). Массовость наконечников стрел отражает высокий уровень охоты в сфере экономики вятских ананьинцев. Более того, специалистами уже отмечалось возрастание доли костей представителей охотничье-промысловой фауны в археозоологических коллекциях (Андреева, Петренко, 1976. С. 169). Так, на Аргыжском городище на долю костей диких животных приходится 37,7% (подсчеты О.Г. Богаткиной), на Пижемском городище – 31,6% (данные А.Г. Петренко), на более позднем Буйском городище – 28% (подсчеты П.А. Косинцева). Охота, по-видимому, носила специализированный характер. Иначе трудно объяснить существенные различия в соотношении объектов охоты: на Буйском городище первое место принадлежало диким копытным, прежде всего, лосю, а на Аргыжском – медведю (55% костей диких млекопитающих). Данная статистика может быть дополнена и другими не менее любопытными наблюдениями. Хотелось бы обратить внимание на такие, казалось бы, сугубо утилитарные предметы, как «мотыжки» (Рис. 8, 10). На Буйском городище их количество составляет 58, на Аргыжском – 28. А.М. Тальгрэн называл их «baionnettes», т.е. буквально «штык» (Tallgren, 1919. P. 69). Самая массовая коллекция этих орудий, по-видимому, происходит с Пижемского городища⁴. Безоговорочно

² См. описание следов человеческих жертвоприношений в культовой постройке Аргыжского городища (Черных, 2001; Черных, Ванчиков и др., 2002).

³ Учтены только те экземпляры, которые были доступны авторам публикации.

⁴ А.А. Спицын указывает на наличие более 50 «боевых молотов» только из своих раскопок 1887 г.

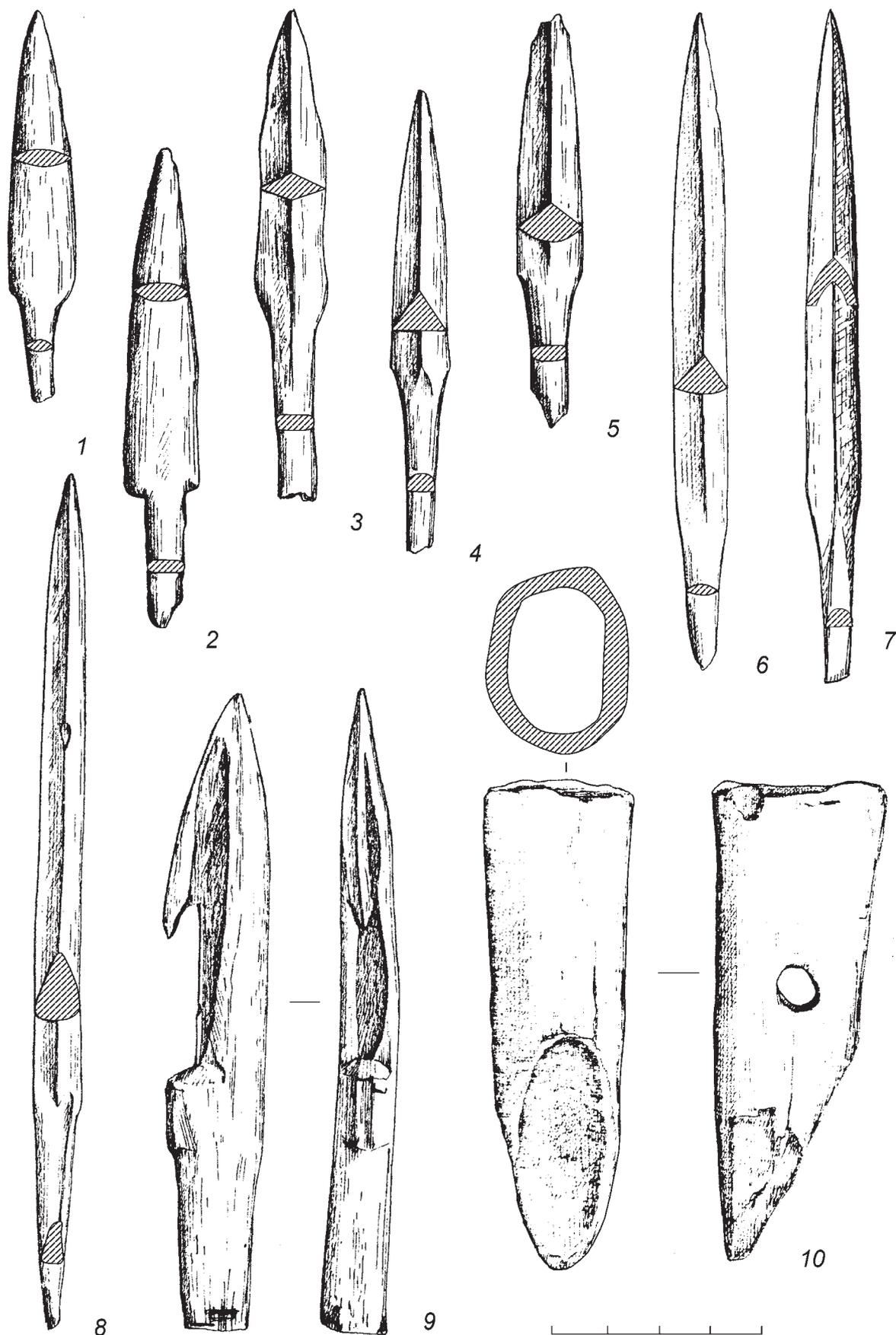

Рис. 8. Орудия из кости и рога: 1–8 – наконечники стрел; 9 – гарпун; 10 – «мотыжка».

принять их атрибуцию как наконечников земледельческих орудий, получившую широкое распространение в региональной науке с 1930-х гг., мешает одно примечательное обстоятельство. Так, все буйские и аргыжские острия были изготовлены из берцовых и бедренных костей медведей, главным образом, молодых. Представляется, что более правы были дореволюционные исследователи, называя данные орудия копьями или штыками. Функция таких «копий» в большей степени была обусловлена их использованием в ритуальной практике. В медвежьих культурах сибирских аборигенов довольно подробно описывается роль острых предметов (ножей, копий), использовавшихся в ритуальных плясках и трапезах. Только ритуалом, следованием мифу можно было оправдать столь массовое истребление медведей в древнем обществе, чье жизнеобеспечение во многом базировалось на лесной экономике. С медвежьим культом связаны и многочисленные амулеты из когтей, клыков, половых косточек этого главного хищного зверя вятских лесов. Столь же представительны подобные костяные острия в памятниках культур ранней штрихованной керамики второй половины I тыс. до н.э. на западном фланге лесной зоны Восточной Европы, где они собственно и рассматриваются как копья и дротики (Егорейченко, 2006. С. 31, 32. Табл. 15-17; Шадыро, 1985. С. 50. Рис. 29, 30).

Значительное место в хозяйственном укладе вятского ананьинского населения принадлежало рыболовству. Вятка в прошлом славилась рыбными угожьями. Не случайно в составе инвентаря ананьинских городищ отмечены орудия и приспособления для рыбной ловли (Ашихмина и др., 2006. С. 34–37). О развитом рыболовстве как дополнительном источнике получения продуктов питания свидетельствуют находки наконечников гарпунов и острог, иногда очень массивных (Рис. 8, 9) из кости и рога, а также металлических крючков, глиняных грузил от сетей, костяных игл для их плетения и костей самих рыб. Некоторые типы специализированных орудий рыболовства достаточно выразительны и демонстрируют устойчивость в традициях их изготовления с более ранних времен – мезолита и неолита.

«Визитной карточкой» вятского ананьина, безусловно, уже стали резные (1893. С. 60); А.С. Лебедев упоминает о 17 находках «боевых копий» из раскопок 1906 г. (1908. С. 454).

рукояти (Рис. 9). Анализ их декоративного оформления неоднократно предлагался в археологической литературе (Збруева, 1952; Васильев, 2001; 2004; Обыденнов, Корепанов, 2002; Коренюк, 2004, Ашихмина и др., 2006; Полидович, 2009), поэтому нет необходимости еще раз возвращаться к нему. Заметим лишь, что мнения всех авторов, обращавшихся к стилистике рукоятей, сходились в одном – это оригинальные произведения местных мастеров, создавших на Вятке собственный центр их производства. Совершенно логичным в связи с этим постулатом выглядит исконно местный лесной бестиарий рукоятей: лось, медведь, волк. За сюжетными характеристиками зооморфных рукоятей усматриваются отголоски древних тотемистических представлений и шаманских культов.

Неотъемлемой частью древних обрядов и ритуалов являлись, очевидно, и лопатки (Рис. 10). Эти оригинальные предметы в столь представительном (около 60 экз.) и разнообразном виде известны только в вятском ареале (Ашихмина и др., 2006. С. 50–54; Черных, 2011. С. 212–215). Конструкция лопаток включает пластину и рукоять; по форме последней различают 3 группы (с втульчатой, стрежневидной и плоской), по форме пластины – типы (с треугольной, трапециевидной, прямоугольной, т-образной, г-образной и овальной). Лопатки с втульчатой рукоятью, кроме Вятки, встречаются также на Нижней Каме и Волге, а с плоской – на Вятке, в Верхнем и Среднем Прикамье. Назначение лопаток составляет одну из археологических загадок. Один из первых публикаторов ананьинских древностей А.А. Спицын осторожно высказывался за их использование в качестве инструментов для обработки кожи (1893. С. 43). А.Х. Халиков, по всей видимости, первым применил к ним термин лопатки-тупики (1977. С. 155). Определенное сомнение в исключительной утилитарности этих предметов высказывал О.Н. Бадер (1951. С. 121), а Л.И. Вараксина, обратив внимание на нарядность некоторых изделий, предположила, что они могли использоваться в качестве украшений (1929. С. 95). В литературе можно встретить высказывания об использовании ананьинских лопаток в бортничестве (Патрушев, 1986. С.14) или в качестве предметов личной гигиены (Марков, 1987. С. 113, 114; Коренюк, Мокрушин, 2003. С. 13). Предварительный трасологический

Рис. 9. Орнаментированные роговые рукояти с вятских городищ: 1, 2, 5, 6 – Буйское; 3 – Пижемское; 4 – Кривоборское.

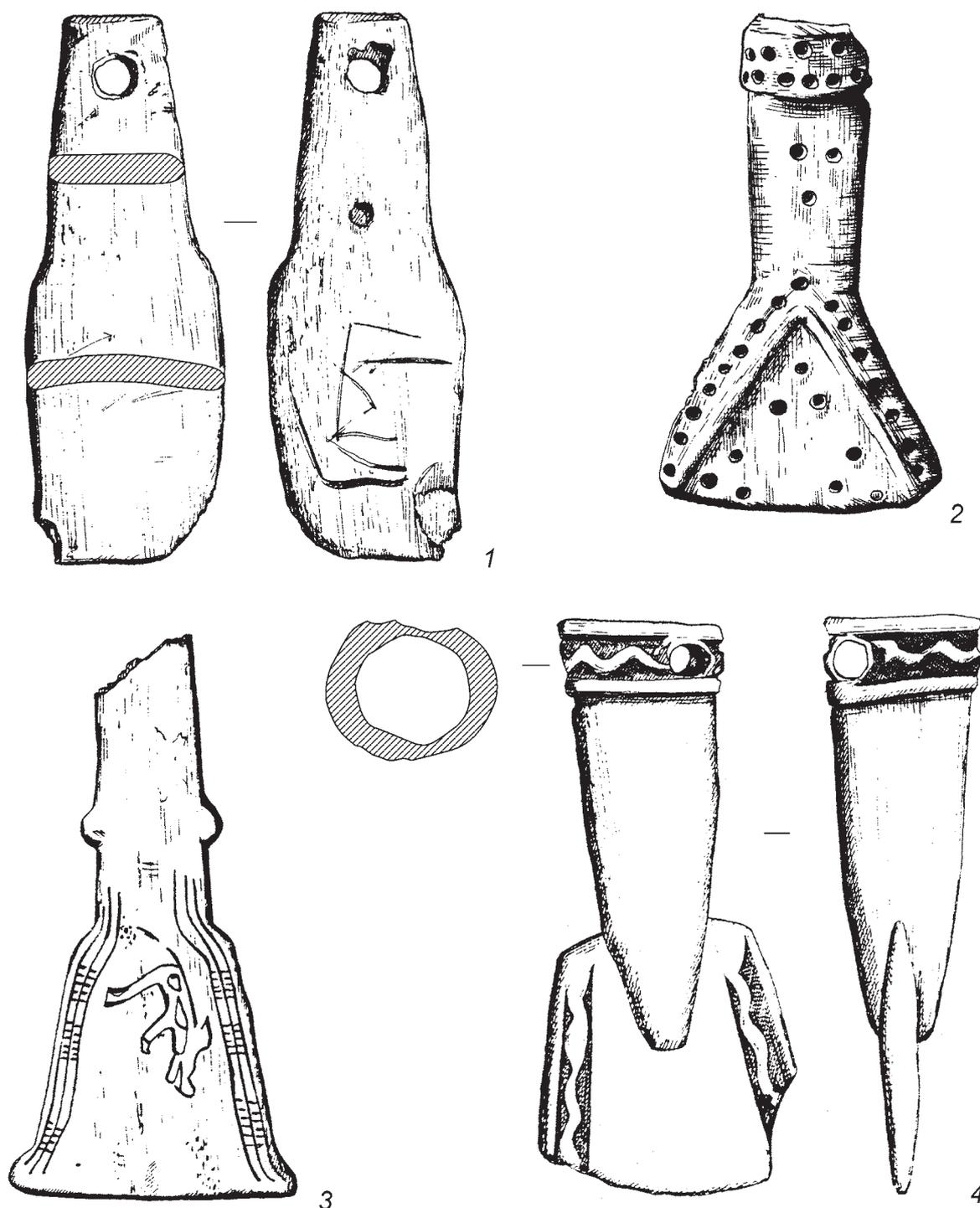

Рис. 10. Лопатки из кости и рога: 1, 4 – Буйское; 2, 3 – Пижемское.

анализ серии вятских лопаток был выполнен С.В. Салангиной; он показал многообразие следов сработанности на них (Черных, 2011. С. 213, 214). Эксперимент для верификации полученных данных не проводился⁵, но, думаем, что он мог бы дать интересные результаты. Показательно, что почти все доступные для такой работы декорированные

⁵ В настоящее время такая работа выполняется Н.А. Алексашенко.

лопатки (это 24 изделия, 42% всей выборки) следов сработанности не имели. Здесь приходится обращаться к этнографическим свидетельствам. Например, известно, что в некоторых традиционных культурах деревянные лопаточки, заменявшие ложки, укладывались в захоронения (Мошинская, 1953. С. 95); важную роль они выполняли и в обрядах «кормления» богов. Некоторую информацию дают планиграфические

Рис. 11. Каменные орнаментированные пряслица с вятских городищ: 1, 3, 6 – Буйское; 2, 4, 5 – Аргыжское.

наблюдения за контекстом ряда находок. Так, на Буйском городище лопатки встречались значительно чаще в южной части площадки, где концентрировались жертвенники и производственные площадки. На Аргыжском городище три лопатки происходили из жилищ, а одна – из производственного сооружения. Традиция изготовления лопаток не изживает себя с концом ананьинской эпохи. Она находит продолжение в материалах раннепьяноборской худяковской культуры на Вятке (Ошкинский могильник), в древностях

караабызского и чегандинского круга на Каме и Белой (Шиповский, Юлдашевский, Кушулевский, Ново-Сасыкульский могильники). Характерно, что в могильниках находки лопаток происходят, главным образом, из мужских погребений.

Не меньший интерес вызывают у исследователей и орнаментированные пряслица (Рис.11). С вятских ананьинских городищ происходит самая крупная коллекция каменных маховичков, орнаментированных в «зверином стиле». Конечно, «звериными»

узорами не исчерпывается декор здешних пряслиц, но их доля среди всех декорированных дисков (42%) довольно высока (Черных, Тищенко, 2006. С. 125). «Звериный» декор дисков не ограничивался односложными изображениями. Популярностью пользовались свернувшиеся хищники (Рис. 11, б), а также многофигурные композиции: животные, идущие по кругу (Рис. 11, 4), хищники, терзающие копытных (Рис. 11, 3), хищники в геральдической позе. Изображения удивительно удачно вписываются в форму предмета и, думается, толковались первобытными художниками через символику круга. Пока нет объяснений тому факту, что все известные диски со «звериным декором» происходят лишь с трех городищ – Буйского, Пижемского и Аргыжского. Геометрический декор пряслиц (Рис. 11, 1, 2, 5, б) распространен гораздо шире, но его символика составляет не менее интересную страницу ананьиноведения (Голдина, 1999. С. 203; Обыденнов, Корепанов, 2002; Котов, 2010). Убеждены, что мы находимся только на подступах к величайшей загадке мифологического знания и ритуальной практики древних охотников и земледельцев лесной зоны Восточной Европы. В контексте ритуальных практик ананьинцев, однако, не находит пока объяснения факт почти полного отсутствия на вятских памятниках глиняной пластики, по крайней мере, в тех формах, которые известны на Каме и Белой. Можно ли его рассматривать как хронологический признак, или в этом проявляется локальное своеобразие местного социума – на этот вопрос еще предстоит ответить.

Безусловно, этот предельно краткий обзор наиболее выразительных категорий инвентаря ананьинских памятников бассейна Вятки дает представление о значимости таких сфер жизни, как охота, домашние промыслы, культы. Но наши представления о системе жизнеобеспечения местного ананьинского общества будут неполными, если не коснуться характеристики производственной деятельности, прежде всего, металлообработки. В действительности металла на вятских ананьинских памятниках мало, особенно если сравнивать его со средневековым железным и бронзовым инвентарем. Но тем не менее, тезис С.В. Кузьминых тридцатилетней давности о расцвете цветной металлургии и металлообработки в ананьинской

культуре ничуть не устарел (1983. С. 3). Многочисленные следы металлообработки на Вятке документированы находками тиглей, литейных форм и готовых изделий. Тигли и литейные формы, а также сплески металла найдены в культурном слое почти всех раскапывавшихся поселений. На Аргыжском городище фрагменты литейных форм были найдены почти в каждом жилище, а небольшую постройку VII авторы интерпретировали как специализированную мастерскую (Черных и др., 2002. С. 18, 19, 57).

Все найденные тигли, как правило, имеют следы использования – ошлакованную ноздреватую поверхность, на некоторых сохранились капли меди. Тигли ладьевидной формы, плоскодонные, диаметром 5–8 см, округлой или овальной формы, с вертикальным или слегка отогнутым наружу краем (Рис. 12, 14, 15) (Збруева, 1952. Табл. XI, 1). Высота тиглей 2–4 см. Такие тигли характерны для литейщиков позднебронзового и раннего железного веков (Кузьминых, 1977. С. 135, 136). Каменные литейные формы представлены обломками створок, изготовленных из песчаника и плитчатого известняка. Среди двустворчатых выделяются формы, предназначенные для отливки кельтов ананьинского типа (Рис. 12, 4, 5). Створки довольно массивные, толщина 1,5–3 см. Кельты, отливавшиеся в таких формах, имели шестигранное сечение втулки и орнамент из трех горизонтальных валиков либо идущих под ними в ряд ямок и треугольников. Одна целиком сохранившаяся створка дает представление о размерах отливаемого в ней массивного кельта – длина его достигала 14 см, ширина у края втулки – 6 см. Аналогичные формы известны в ананьинских памятниках Нижней Камы и Вятки (Кузьминых, 1977. Рис. 12, 13). Известны обломки форм для отливки других орудий (шильев?), а также украшений (Пижемское городище; Збруева, 1952. Табл. XI, 3).

Определить время, на которое приходится деятельность вятских ананьинских литейщиков, позволяют находки таких предметов, как наконечники стрел, детали одежды, колчанов. Так, почти на каждом раскопанном поселении были найдены медные втульчатые трехгранные и трехлопастные наконечники стрел, ассортимент которых определяется наиболее распространенными в ареале АКИО типами. Опыт классификации таких наконечников в отечественной

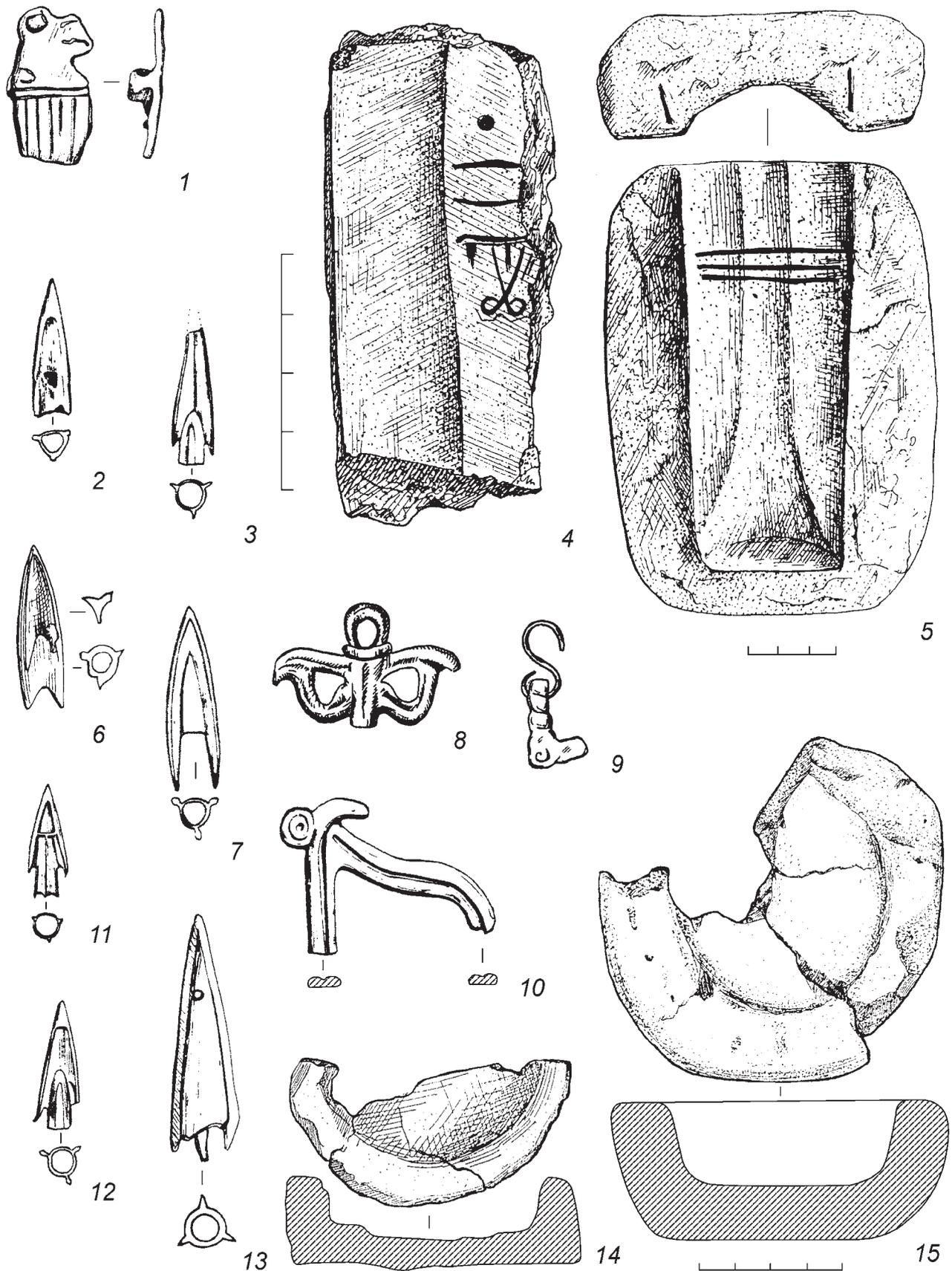

Рис. 12. Изделия из цветных металлов, камня и глины: 1 – уздечная бляшка; 2–7, 11–13 – наконечники стрел; 4, 5 – литейные формы; 8, 10 – бляшки – украшения колчанов; 9 – подвеска; 14, 15 – тигли. 1–3, 7, 10–12 – Аргъжское городище; 4–6, 8, 9, 13–15 – Буйское городище.

археологии, а также немногочисленность вятской коллекции избавляют нас от необходимости собственных схем. В буйской коллекции учтено 5 наконечников, в аргыжской – 6. За единственным исключением (Аргыж, тип С-82, Рис. 12, 11), все они принадлежат к двум КТР – С-40 (с треугольным пером и выступающей втулкой, заостренными концами лопастей; 4 экз., Рис. 12, 3, 12) и С-50 (базисные наконечники со сводчатым пером и опущенными ниже втулки шипами; 6 экз., Рис. 12, 2, 6, 7, 13). Вятские наконечники С-40 мелкие, близки находкам на Каме и Белой, где датированы в закрытых комплексах, главным образом, рубежом V/IV–III вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 108, 109). Наконечники стрел С-50 довольно сильно варьируют в размерах – 2,8–4,4 см. Втулка у некоторых доходит до конца пера, но имеются экземпляры и с едва утопленной втулкой. Ареал распространения в V–III вв. до н.э. охватывал, главным образом, памятники на р. Белой и Каме, до устья Вятки (Там же. С. 110). Для задач синхронизации вятских поселений с материалами других территорий АКИО бесспорный интерес имеет бронзовый двухлопастной наконечник стрелы с Ройского городища (Архипов, 1962. Рис. XXXIX, 5). К сожалению, качество публикации не дает полной ясности о его типологических особенностях, хотя предложенная датировка раннескифским временем, очевидно, может быть принята, если учесть весьма характерный облик керамики городища и отдельных находок⁶.

В числе датирующих предметов можно указать бронзовую парную бляшку с ушком на оборотной стороне, найденную на Буйском городище. Аналогии подобным бляшкам хорошо известны в ананьинских материалах (Худяков, 1933. Табл. IV, 11, 13; Халиков, 1962. Рис. XVI, 1; Коренюк, 2000. Рис. 3, 3), где датируются достаточно широко – VI–III вв. до н.э. Аналогичные бляшки представлены в комплексах среднедонских курганов V–III вв. до н.э. (Пузикова, 2001. Рис. 19, 22–24, 50, 4–6). В этом же интервале

⁶ Литая бляшка с изображением соляного знака (круг, вписанный в квадрат с вогнутыми сторонами) и плоская бляха с антропоморфным изображением, датируемые не позднее конца VI в. до н.э. как по раннеананьинским погребальным комплексам (Патрушев, 1984. С. 30. Рис. 14, 9, 13), так и раннекочевническим аналогиям (Яблонский, 2004. С. 53).

датируются бляшки, изображающие скифские луки: одна происходит с Буйского городища (Рис. 12, 8), другая, более крупная и несколько отличной формы, – с Аргыжского (Рис. 12, 10). Находки обоих типов бляшек в Западном Предуралье нередки – по данным С.Э. Зубова, около 30 экземпляров (2004. С. 177). Изображения лука на тетиве, наиболее близкие вятским бляшкам, происходят из погребений IV–II вв. Биктимировского и Шиповского могильников кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1973. С. 183; 1976. С. 42), Заосиновского поселения под Пермью (Мокрушин, 1989. С. 82). Изображения лука в колчане, собранные С.Э. Зубовым, морфологически отличаются, но, по-видимому, представляют собой вариации одного образа. Аргыжский экземпляр более всего близок омарской бляшке (Халиков, 1977. С. 198. Рис. 75, 2). Эта близость и территориальная, и морфологическая. Концы лука на обеих бляшках оформлены головками орлов/грифонов, что рассматривается как характерный прием раннескифского искусства. Финалом АКИО, скорее всего, датируется проволоочная восьмерковидная подвеска с зооморфной привеской (Рис. 12, 9) с Буйского городища. Культурно-хронологическая позиция подобных подвесок (III–II вв. до н.э.) недавно была рассмотрена С.Л. Воробьевой (2010. С. 48–51).

Важным хронологическим и культурным индикатором ананьинского мира служат кельты. Находки их (без учета литейных форм) в бассейне Вятки немногочисленны (в сравнении с другими районами). На сегодняшний день в нашем распоряжении имеется информация о более чем двух десятках кельтов (С.В. Кузьминых атрибутированы 16). Археологический контекст находок, в абсолютном большинстве происходящих из дореволюционных и довоенных сборов (Рис. 8, 1, 10), не известен. Географическая локализация случайных находок обнаруживает определенную закономерность: ареал их не выходит за пределы района расположения раннеананьинских поселений. Это нижнее и среднее течение Вятки, ниже устья Пижмы, в основном, по правым притокам Пижмы и Вятки; 3 находки (Дубровкинская, Наживинская и Узейтуклинская) происходят с левобережья Вятки. Серийность ряда находок⁷ с очевидностью указывает на перспективность поиска могильников. Из культурного слоя

⁷ Тюм-Тюм – 4 кельта, Марушино – кельт, наконечник копья, наконечник стрелы.

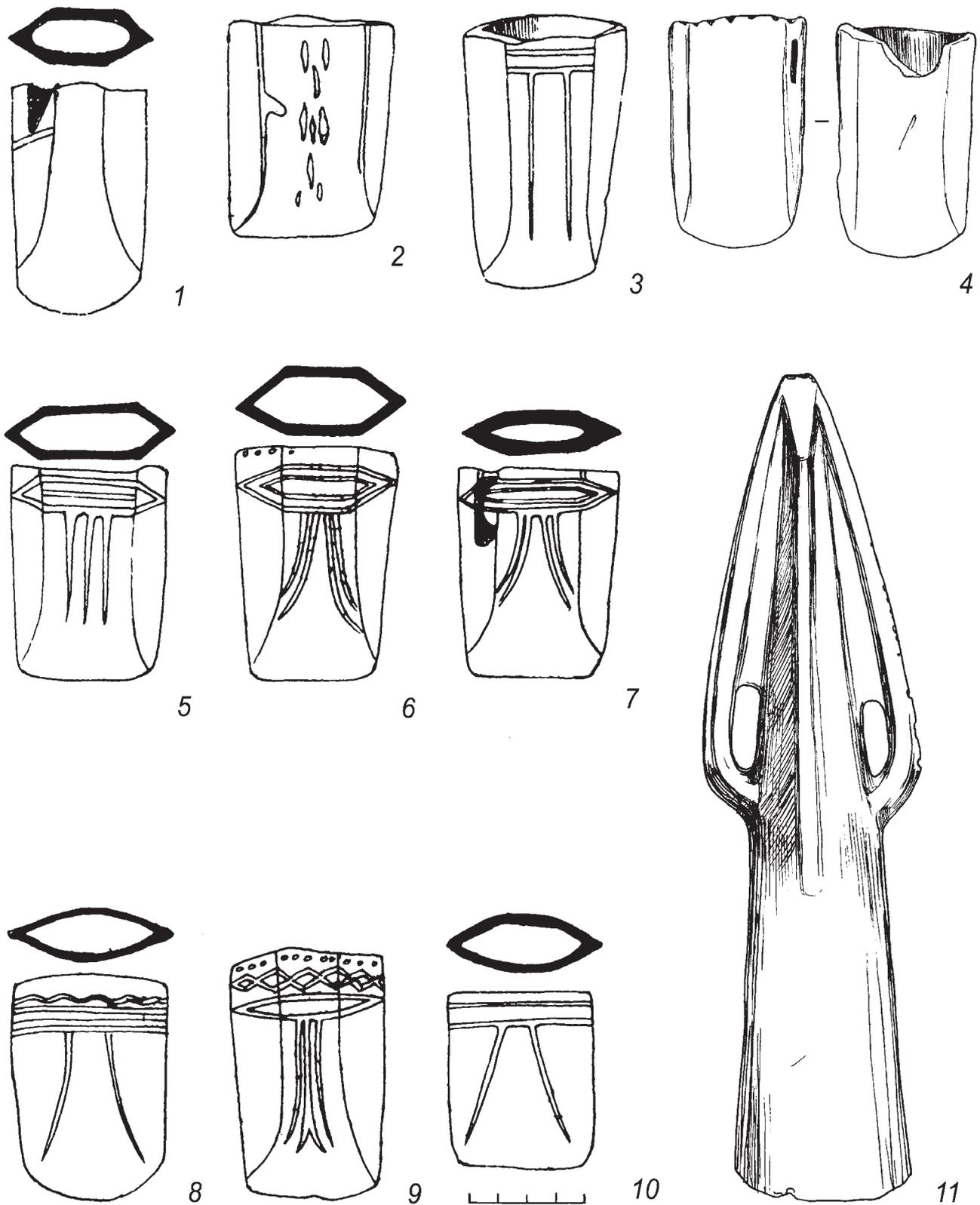

Рис. 13. Медные кельты и наконечник копья из случайных находок в бассейне р. Вятки: 1 – Лопьяльская; 2 – Наживинская; 3 – Дубровкинская; 4 – Узей-Туклинская; 5–7 – Тюм-Тюмские; 8, 9 – р. Пижма (Якасурская находка?); 10 – Марушинская; 11 – Нововятская.

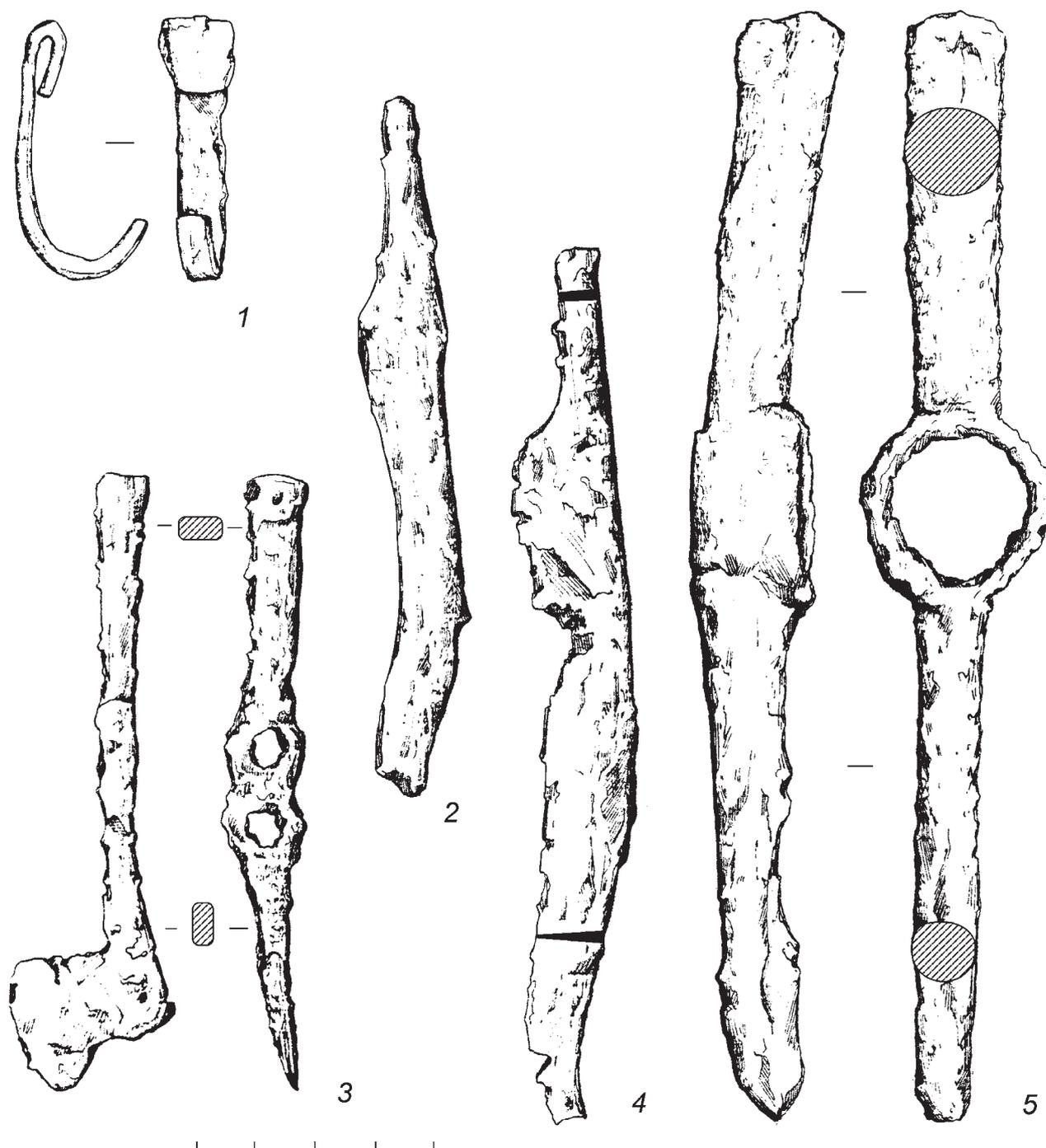

Рис. 14. Изделия из железа: 1 – колчанный крючок; 2, 4 – ножи; 3 – псалий; 6 – чекан.
1, 5 – Аргыжское; 2–4 – Буйское.

городищ (все из дореволюционных сборов) происходят 3 кельта (КАН-104, 106) с Ройского Шихана (Вараксина, 1929; Збруева, 1952. С. 294. Табл. ЛП, 13); еще 3 кельта в собрании краеведческого музея г. Советска, возможно, из Пижемского городища, указывает В.В. Ванчиков (1992. С. 87).

Более надежно с культурным слоем городищ связаны находки форм для отливки кельтов, что, несомненно, указывает на их местное производство. По данным

С.В. Кузьминых (1983. С. 69–71), литейные формы найдены на Пижемском (КАН-64) и Буйском (КАН-76, 78, 84) городищах. Формы с Аргыжского городища (5 экз.) предназначались, где это можно установить, для отливки КАН-64 (Черных и др., 2002. С. 49. Рис. 63), т.е. кельтов с шестигранной втулкой и прямоугольной фаской, бытовавших довольно широко в ареале АКЮ, вплоть до конца VI в. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 69). Симптоматично, что контекст форм

с Аргыжского городища в большинстве случаев связан с жилыми постройками. Датировка вятских кельтов предложена С.В. Кузьминых, и пока нет оснований для ее пересмотра – верхний рубеж вряд ли стоит распространять позднее первой половины IV в. до н.э. (КАН-66), а нижний – ранее VIII–VII вв. (КАН-28, 60). Бытование же подавляющей части известных на Вятке кельтов и форм для их отливки приходится на VI–V вв. до н.э. Еще одна каменная форма найдена в 2012 г. на Скорняковском городище, но фрагментарность створки не позволяет установить тип отливаемого орудия.

Железные изделия представлены орудиями труда, оружием, конской упряжью. Самой многочисленной категорией находок, безусловно, являются ножи. Среди них имеются экземпляры как с прямой, так и с «горбатой» спинкой (Рис. 14, 2, 4), с выделенным черенком и бесчеренковые, крупных размеров и совсем маленькие (длиной 4–5 см). Орудийный набор дополняется шильями, как правило, четырехгранного сечения. Предметы вооружения на Вятке единичны. Г.А. Архиповым опубликован наконечник копья типа II, 3Б (по А.Х. Халикову), короткий двулезвийный меч и черешковый наконечник стрелы из раскопок на Ройском городище (1962. С. 195. Табл. XXXIX, 6, 13, 14). В коллекциях вятского ананьина известны железный и два бронзовых (Марушино, Нововятск) наконечника копья. Первый, по-видимому, ошибочно отнесенный А.Х. Халиковым к типу II, 3Б, представляет особый интерес для датировки. В публикации (Архипов, 1962. С. 195. Табл. XXXIX, 13) прорисовка указывает скорее на узкую (иволистную) форму пера наконечника, с небольшим ребром вдоль продольной оси, имитирующим втулку. По комплексам раннеананьинских могильников и скифским аналогиям такие наконечники датируются VII–VI вв. до н.э. (Халиков, 1977. С. 194; Патрушев, 2011. С. 20, 21). Столь же ранним временем может быть датирована недавняя находка в черте современного г. Кирова бронзового наконечника типа КД-28 (Кузьминых, 1983. С. 96); несколько более поздним является наконечник КД-6 из марушинских находок (Там же. С. 94). Загадочной остается находка на Ройском городище железного двулезвийного меча длиной 44,5 см и шириной лезвия 3,3 см (Архипов, 1962. Табл. XXXIX, 14).

Хвостовик меча шириной 1,8 см, плоский, без навершия и перекрестья. Рукоять, крепившаяся к клинку при помощи двух отверстий на плечиках, не сохранилась. Вдоль лезвия с обеих сторон хорошо заметны три продольных нервюры. Аналогии подобным мечам в Восточной Европе найти трудно, но в западноевропейских памятниках они продолжают морфологическое развитие бронзовых клинков XIII–IX вв. (Meinander, 1954. Taf. 3, 4, 5; Халиков, 1977. С. 170; Бронзовый век., 2013. №№ 152, 182, 184, 186).

Необычной для Прикамья является находка чекана с Аргыжского городища (Рис. 14, 5) – с округлым в сечении плоским обушком, едва опущенным бойком и короткой редуцированной (?) втулкой. Чекан изготовлен из сырцово-полосчатой стали, со следами поверхностной цементации в обушковой части. Для ананьинских древностей железные чеканы не столь характерны, как бронзовые или биметаллические, но форма аргыжской находки практически идентична бронзовым чеканам пазырыкской культуры Горного Алтая. На Алтае известны и их железные образцы, где предложены несколько различающихся классификаций этой группы боевого оружия (Худяков, 1980. С. 135–144; Кубарев, 1991. С. 79; Кирюшин, Степанова, 2004. С. 58–60). В данном случае важно общее сходство предметов: близость формы, размеров, датировки. Все алтайские железные чеканы датированы в пределах V–III вв. Показательно, что так же датируются железные клевцы из памирских раннекочевнических могил, на сходство которых с ананьинскими обратил внимание еще Б.А. Литвинский (1972. С. 120–124).

Редкий экземпляр двудырчатого железного псаля (Рис. 14, 3) происходит с Буйского городища. Один конец его прямой, другой раскован в лопасть топовидной формы. Стержень псаля – четырехгранный в сечении, длина 10,5 см. Не исключено, что это копия скифских бронзовых псалий Г-образной формы V в. до н.э. (Петренко, 1967. С. 36, 37; Ильинская, 1968. С. 117. Табл. XXXV, 11) или, что представляется более правильным, S-овидных псалий с секировидными лопастями из меотских могильников Северо-Западного Предкавказья (где они встречены в одних комплексах с Г-образными), датирующихся по античным импортам VI–V вв. до н.э. (Лесков, Беглова и др., 2005. С. 76. Рис. 172, 15, 221, 3; Лимберис, Марченко, 2012. С. 63. Рис. 32, 12).

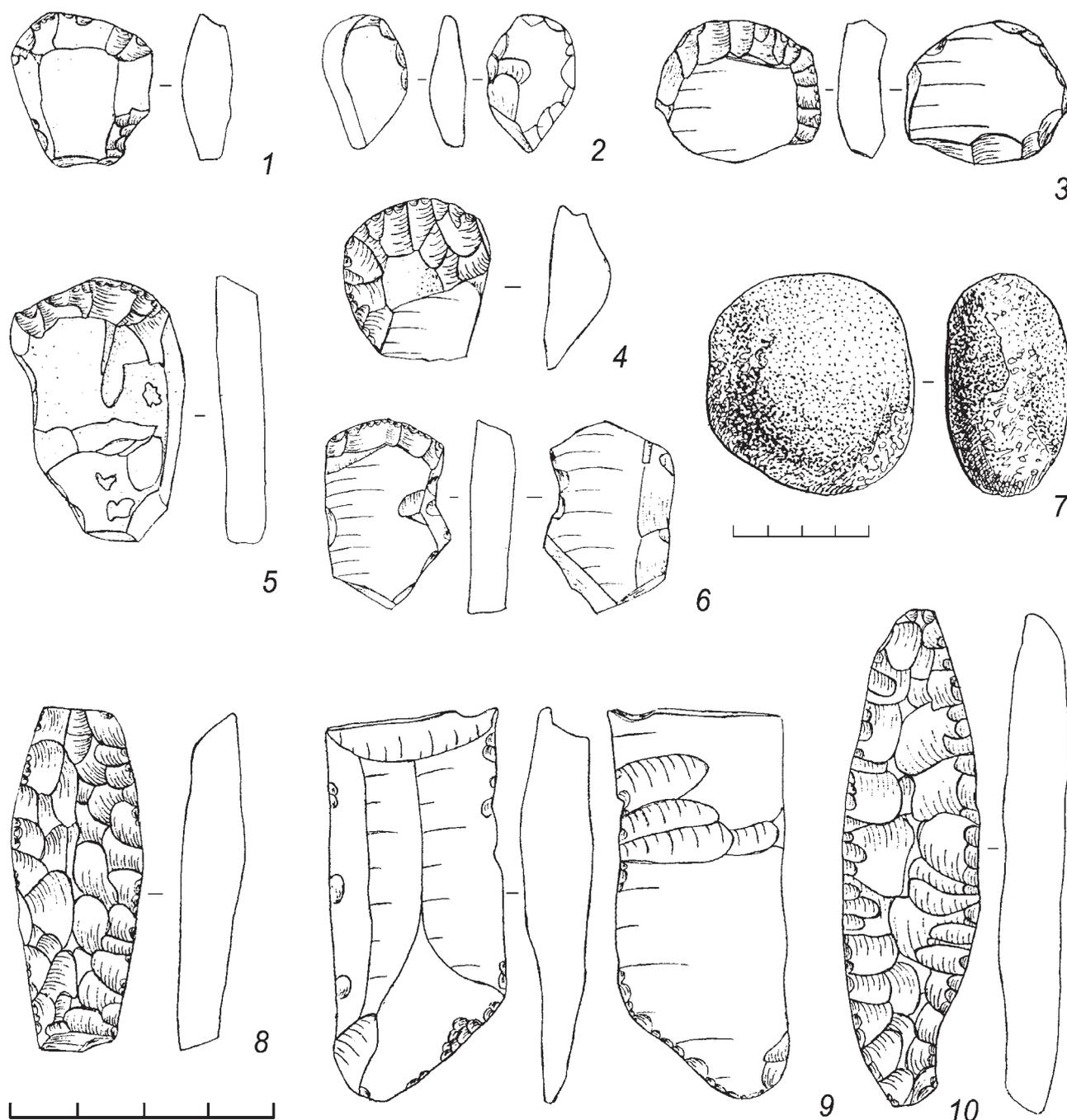

Рис. 15. Орудия из камня с Аргыжского городища: 1, 3-6 – скребки; 2 – проколка; 7 – терочник; 8, 10 – наконечники стрел; 9 – нож.

Таким образом, из общего обзора инвентаря с очевидностью следует вывод о довольно широких временных рамках бытования ананьинских памятников в бассейне Вятки, а именно: VIII–III вв. до н.э. К наиболее ранним следует относить группу городищ, расположенных ниже устья Пижмы – Ройское, Пижемское, Аргыжское, возможно, Буйское.

Керамика вятского ананьина составляет самую представительную и выразительную группу артефактов. Значительные

керамические коллекции, увы, до настоящего времени не стали предметом самостоятельного исследования. Остаются неопубликованными наиболее представительные комплексы Буйского и Пижемского городищ. Счастливым исключением являются изданные материалы Аргыжского городища, которые дают довольно полное обобщенное представление об облике ананьинской посуды Нижней Вятки.

Определенные закономерности в развитии облика посуды вятских городищ, опирающиеся, в том числе, на статистические

выкладки, фиксируются начиная с работ А.В. Збруевой, которая обратила внимание на крайне низкий процент сосудов, украшенных ямочным орнаментом в нижнем слое Аргыжского городища (1952. С. 71). На керамике двух городищ – Мальковского и Ройский Шихан – А.Х. Халиков (1977) составил характеристику выделенного им варианта «Вятка» ананьинской культуры⁸. Более подробный анализ керамики нижневятских городищ был представлен в монографии В.Н. Маркова, поставившего задачу сопоставления их с нижекамскими и выделившего их характерные особенности. К таковым были отнесены специфическая морфология сосудов (преобладание слабовыпуклых плечиков и низких шеек), распространение рельефных элементов орнамента – валиков и воротничков, общее богатство орнаментации и преобладание исключительно гребенчатых и гребенчато-шнуровых узоров (Марков, 2007. С. 46–49, 56). Настоящая работа, не претендуя на всеобъемлющее описание керамики вятского ананьина, призвана детализировать её характеристики в сравнении с вновь полученными материалами среднего и верхнего участков её течения, а также со сравнительно хорошо известной посудой приустьевой части Вятки. Основой исследования послужили коллекции трёх памятников: Грехнёвского поселения в устье р. Кобры, Скорняковского городища на Средней Вятке в районе г. Котельнича и Аргыжского городища. Если комплекс последнего опубликован весьма подробно (Черных и др., 2002), то первые два памятника до настоящего времени не были введены в научный оборот.

Грехневское поселение расположено в Нагорском районе Кировской области, в 500 м к СВ от пос. Грехневка, на берегу р. Кобра, в 3 км от места её впадения в р. Вятка. Специфика условий залегания материала в культурном слое привела к тому, что из более чем 20 развалов и «нескольких десятков» (sic! Ванчиков, 1992. С. 19, 20) фрагментов венчиков керамической посуды для исследования оказались пригодны фрагменты 48 сосудов. По мнению автора раскопок,

подтверждённому планиграфическими и стратиграфическими выкладками, вскрытый объект можно рассматривать в качестве недолговременно существовавшего комплекса, который по облику материальных остатков был предварительно датирован VII – началом VI в. до н.э.

Скорняковское городище расположено в Котельничском районе Кировской области, в черте г. Котельнича. Памятник известен около 150 лет, первое подробное описание дано А.А. Спицыным (1881. С. 50, 51). В настоящей работе рассматривается коллекция керамики, полученная при раскопках городища Е.М. Черных и А.А. Чижевским в 2012 г. Раскопом была вскрыта значительная часть сохранившегося вала городища с выразительной стратиграфией, наибольший интерес для исследования представляет его нижняя часть. Здесь напластованиями оборонительного сооружения был погребен тонкий культурный слой, представленный темной гумусированной супесью, содержащий значительное количество находок глиняной посуды и костей животных (Черных, 2012). Как и на Грехневском поселении, стратиграфическая и планиграфическая ситуация позволяет рассматривать этот слой как отложившийся в результате сравнительно короткого отрезка жизнедеятельности человека, причем перекрывающий его слой также содержит керамический материал, что позволяет сравнить их содержание. Всего коллекция Скорняковского городища насчитывает 3170 фрагментов керамики, в том числе 369 венчиков, из которых 103 от не менее чем 67 сосудов относятся к погребенному культурному слою.

Аргыжское городище расположено в Малмыжском районе Кировской области на левом берегу р. Вятка. Его коллекция является наиболее представительной. Раскопки 1988–89 гг. под руководством Е.М. Черных были практически исчерпывающими (см. публикацию: Черных и др., 2002). На памятнике вскрыто 9 крупных сооружений и несколько десятков ям, хронологически представляющих не только ананьинскую, но и начало пьяноборской эпохи на Нижней Вятке. Комплекс посуды Аргыжского городища насчитывает около 9 тысяч фрагментов, из которых около 200 относятся к пьяноборской эпохе, 15 сосудов достаточно информативны для анализа их морфологии и орнаментации.

⁸ Необходимо отметить, что классификация ананьинской керамики этих памятников, вошедшая в работы Г.А. Архипова (1962) и А.Х. Халикова (1977), была предложена П.Н. Старостиным; см. об этом в статье Г.А. Архипова (ред.).

Изначально в рамках данного исследования предполагалось проанализировать данные о керамике вятских памятников с применением статистической методики В.Ф. Генинга с получением на выходе хронологической последовательности обработанных комплексов и графа связей, устанавливающих близость между ними. Аналогичная работа была успешно проделана в 1970–80-е гг. для ананьинских памятников Удмуртского Прикамья (Ашихмина, 1977; 1985). Ее результаты до настоящего времени определяют представления исследователей о динамике изменения керамических традиций этого региона (см., например: Марков, 2007. С. 49, 50).

В качестве объектов сравнения использовались комплексы грехневского жилища, погребенного слоя Скорняковского городища, а также наиболее представительные комплексы жилищ 1, 3 и 8 Аргъжского городища. Формализация материала проводилась по предложенной В.Ф. Генингом схеме: сначала замерялись численные параметры формы сосудов (диаметры венчика и шейки, а также тулова, в случае его наличия, высоты венчика и плечика), затем фиксировалось наличие и отсутствие качественных характеристик посуды: рельефных элементов декора (воротничков, валиков, ямок и жемчужин на их внутренней стороне), техники орнаментации, отдельных элементов орнамента, обработки поверхности. Что касается примеси, то во всех случаях для абсолютного большинства сосудов визуально фиксируется только толченая раковина; 1–2 сосуда комплекса, в рамках статистической погрешности, могут содержать примесь шамота или песка, поэтому данный параметр при статистическом учете был опущен.

Возможно, именно последнее обстоятельство усугубило тот факт, что на втором этапе, при попарном сравнении комплексов между собой, обнаружились существенные проблемы: коэффициенты сходства комплексов между собой не превышали величины 0,45–0,50, что не даёт оснований говорить о сколько-нибудь серьезных связях между ними (для сравнения, аналогичные показатели для памятников Удмуртского Прикамья в работах Л.И. Ашихминой варьируют в пределах 0,65–0,80). Введение признака «примесь» в статистические расчёты несколько смягчало эту картину, но, с нашей точки зрения, было бы методически некорректным: с тем же успехом можно было добавить для срав-

нения параметры «материал: глина» или даже «расположение дна: снизу», которые ещё более значительно повысили бы сходство исследуемых комплексов между собой. Более подробное изучение механизма работы методики В.Ф. Генинга на рассматриваемом материале привело, например, к выводу, что с формальной точки зрения развалы сосудов из Грехнёвского поселения не представляют собой сколько-нибудь единого типа керамики (напомним, что фактически комплекс памятника представляется близким к «закрытому», насколько это возможно в рамках поселения). Отсюда с сожалением приходится констатировать, что методика, предложенная В.Ф. Генингом, на настоящем этапе оказалась неприменима для достижения поставленных целей. Причины подобной ситуации должны составить предмет отдельной работы. В настоящее время можно лишь утверждать, что ключевую роль здесь играет неоднократно отмеченная исследователями статистическая неравносность признаков керамики, игнорируемая использованной методикой. Для керамического материала подобную неравносность, в том числе на этнографическом материале, убедительно обосновал А.А. Бобринский (1978. С. 70–72).

Несмотря на указанные выше обстоятельства, проведенная формализация материала позволяет дать подробную характеристику керамическим комплексам вятского ананьина и сделать существенные выводы об их эволюции и хронологических различиях.

Керамический комплекс Грехневского поселения включает 48 фрагментов верхних частей сосудов, сохранивших диаметры венчика и шейки; особенностью коллекции является то, что примерно половина ее представлена «развалами». Это даёт возможность достаточно полно реконструировать форму посуды. В то же время сохранность поверхности посуды довольно низкая, что не всегда даёт возможность полностью зафиксировать орнамент сосудов.

Морфология посуды. Керамика Грехнёвского поселения представлена горшковидными формами, в которых преобладают очень низкие и низкие слабпрофилированные шейки (41 экз., 84%; Рис. 16, 5, 9, 13) и слабовыпуклые плечики (19 экз., 40%; Рис. 16, 13, 14, 17). Реже встречаются средневыпуклые плечики (16 экз., 33%; Рис. 16, 15). Для одного из

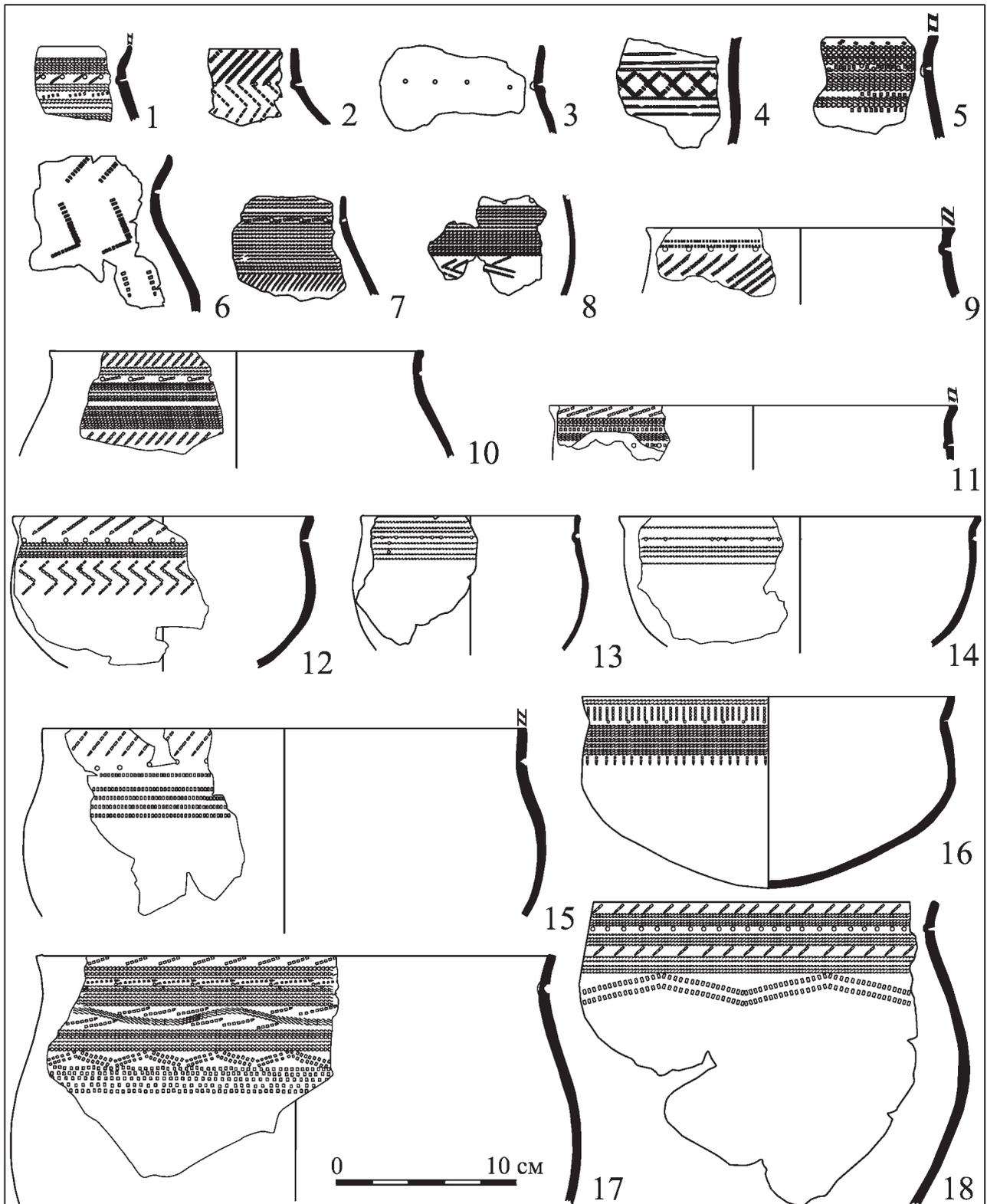

Рис. 16. Керамика из жилища Грехневского I поселения

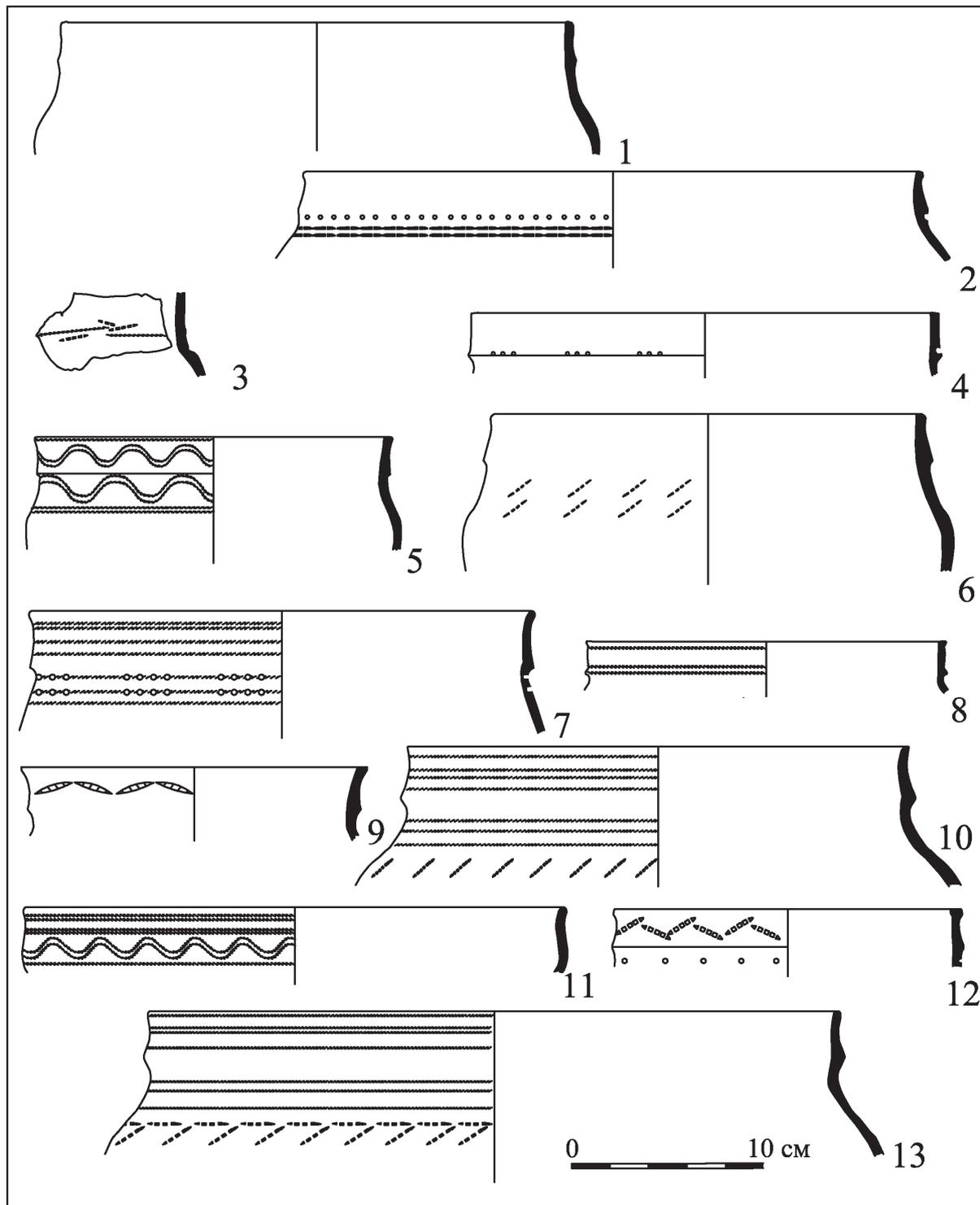

Рис. 17. Керамика из культурного слоя под валом Скорняковского городища

сосудов восстанавливается придонная часть, указывающая на довольно приземистые пропорции, напоминая сложнотрубную керамику ананьинских памятников Средней Камы (Голдина, 1999. Рис. 81), однако, судя по профилировке остальных сосудов, такая форма для комплекса скорее исключение, нежели правило, и большинство сосудов имели более вытянутые пропорции.

Орнаментация посуды. Рельефные элементы орнаментации внешней части сосуда – воротнички и валики – в комплексе практически не представлены, лишь в одном случае можно говорить о некоем подобии бортика у самого края венчика (возможно, результат неаккуратной формовки сосуда). В украшении внешней стороны использовались гребенчатая, шнуровая техника и ряд ямок по линии отгиба венчика. В большинстве случаев ямки сопровождалась выпуклыми жемчужинами с внутренней стороны сосуда (33 экз. из 46; 72% от всего количества сосудов с ямками). Чаще всего сосуды украшались сочетанием гребенки и шнура (29 экз., 60%; Рис. 16, 1, 5, 7, 8, 10–12, 16–18), несколько реже – отдельно гребенчатыми (13 экз., 27%; Рис. 16, 2, 4, 6, 9, 15) и шнуровыми (5 экз., 11%; Рис. 15, 13, 14). Один сосуд орнаментирован только ямками (Рис. 16, 3). Набор элементов орнаментации небогат: это опоясывающие шнуровые отриски (34 экз., 71%), ряды отрисков гребенки: наклонных (38 экз., 79%), горизонтальных (20 экз., 42%), в виде горизонтального зигзага (15 экз., 31%) в различных сочетаниях. В двух случаях, помимо ряда ямок, используются ряды мелких вдавлений, в одном шнур представляет собой «волну» (Рис. 16, 17), но располагается она не так, как на среднекамской керамике, в нижнем ряду композиции, а внутри орнаментального поля, густо заполненного гребенчатыми отпечатками. В то же время примечательно, что на 8 сосудах нижняя часть композиции заменяется гребенчатым зигзагом – тоже своего рода «волной», наводящей на мысль о взаимозаменяемости орнаментов в момент формирования раннеананьинского орнаментального канона. Позже мы вернемся к этому замечанию.

Керамический комплекс погребенного культурного слоя Скорняковского городища содержал 103 фрагмента венчиков от не менее чем 67 сосудов. Комплекс значительно более фрагментирован, нежели грехневский; диаметр тулова

восстанавливается лишь для 13 сосудов, а диаметры верхней части – для 36.

Морфология посуды. Керамика комплекса представлена горшковидными формами, в которых абсолютно преобладают очень низкие и низкие прямые и слабоотогнутые венчики (31 экз., 86%; Рис. 17, 1–8, 10–13). В то же время средний уровень указателя высоты шейки ФБ значительно выше, нежели в комплексе Грехневского поселения (1,21 против 0,71), при этом среднее значение указателя отогнутости шейки ФГ, напротив, за счет превосходства прямых форм, намного ниже (0,17 против 0,52). Тулово в 10 случаях из 13 (77%) слабовыпуклое (Рис. 17, 5, 6, 7, 11), в остальных – средневывпуклое (Рис. 17, 2, 10, 13). Собирающихся придонных частей в комплексе нет.

Орнаментация посуды. Характерной чертой комплекса является абсолютное преобладание рельефных форм орнаментации – т.н. «воротничков» (Рис. 17, 1–10, 12, 13). По-видимому, особенности их формы не имели четко выраженного шаблона, индивидуальны и формировались в ходе изготовления каждого конкретного сосуда. «Воротнички» несут на себе 59 сосудов (88%). В орнаментации сосудов, как и на Грехневском поселении, использовались шнур, гребенчатый штамп и ямки, но их соотношение и доля в орнаментации комплекса значительно отличаются. Так, ямочный орнамент зафиксирован только на 6 сосудах (8%; Рис. 17, 2, 4, 7, 12), два из которых орнаментированы только ямками. Шнуровой орнамент – 15 экз. (22%; Рис. 17, 5, 8, 11), ещё 21 сосуд (31%) орнаментирован сочетанием шнуровых и гребенчатых отрисков (Рис. 17, 2, 7, 10, 13), 33 экземпляра (49%) – только гребенкой (Рис. 17, 3, 6, 9, 12). Набор элементов орнамента также невелик: шнуровые опоясывающие отриски (33 экз., 49%), ряды наклонных гребенчатых отрисков (39 экз., 57%), гребенчатый зигзаг (21 экз., 30%), горизонтальные отриски гребенки (19 экз., 28%). На 3 сосудах (4%) присутствует шнуровая «волна», 2 сосуда орнаментированы отрисками полой трубочки.

В целом, необходимо отметить, что орнаментация комплекса довольно бедна и разрежена по сравнению с керамикой Грехневского поселения. Обращает на себя внимание сравнительно низкий процент ямочной орнаментации, причем только в

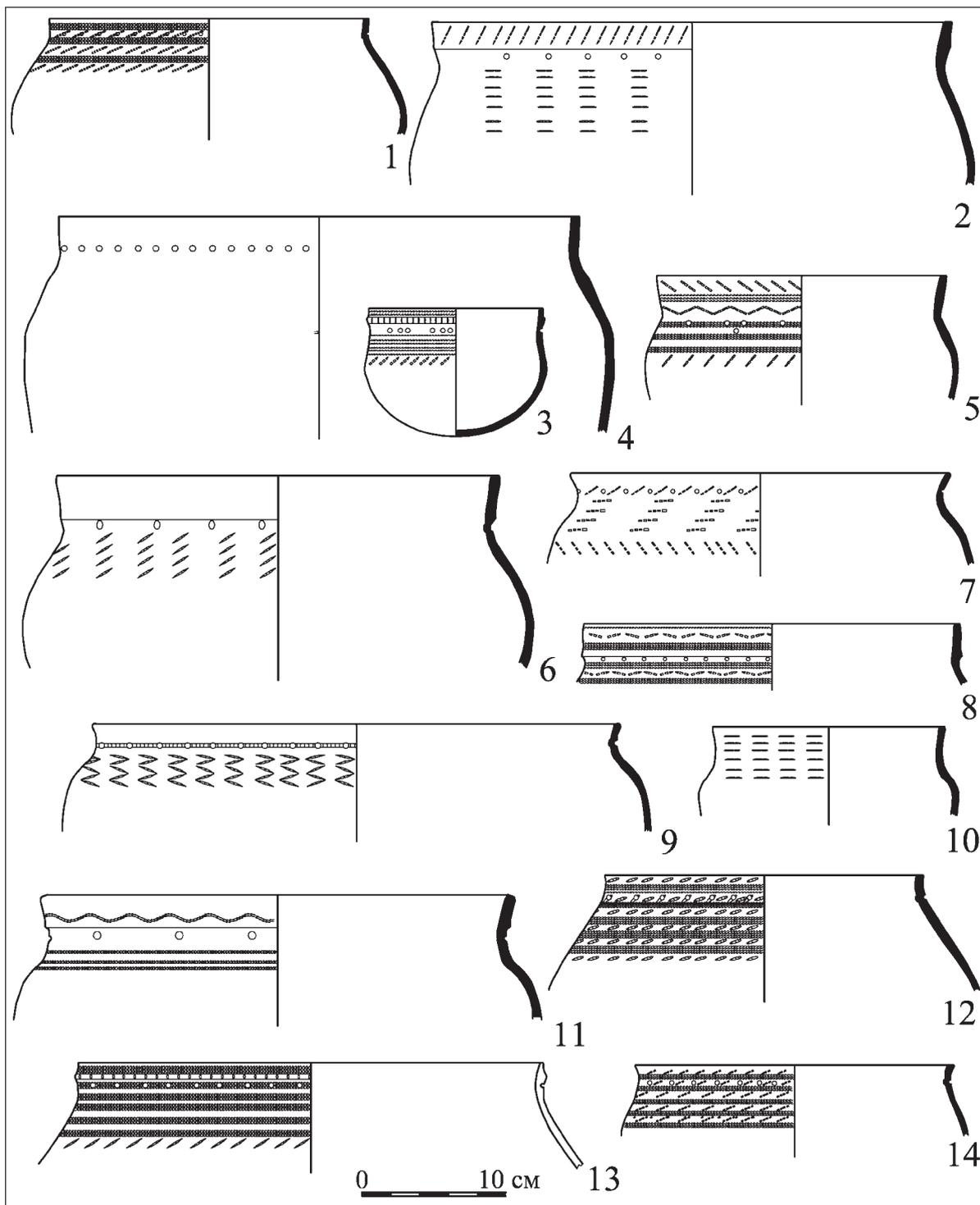

Рис. 18. Керамика Аргыжского городища

одном случае ямки имеют на внутренней стороне сосуда некое подобие «жемчужин».

Керамический комплекс ананьинских сооружений Аргыжского городища в 1990-е гг. был обработан В.В. Ванчиковым при помощи формально-статистической методики В.Ф. Генинга. В результате были выделены четыре культурно-типологические группы (КТГ) ананьинской посуды, разграниченные по наличию/отсутствию рельефных элементов орнаментации («гладкая» и «валиковая» раннеананьинская; «гладкая» и «воротничковая» позднеананьинская), дана подробная численная характеристика морфологии и орнаментации этих групп, сделан вывод о хронологической преемственности по линии «раннеананьинская гладкая» – «раннеананьинская воротничковая» – «позднеананьинская валиковая» – «позднеананьинская гладкая» (Черных и др., 2002. С. 27–32).

В рамках настоящей работы был проведен повторный статистический анализ посуды городища на несколько меньшей выборке (215 сосудов против 365), в которую были включены только сосуды, имеющие точную привязку к конкретным слоям и объектам по коллекционной описи. В итоге – подтверждены основные суммарные характеристики комплекса. Средние численные значения указателей формы сосудов, а также процентное соотношение различных типов орнаментации и даже элементов орнамента в целом колеблется при изменении выборки незначительно, в рамках статистической погрешности.

Помимо общего статистического описания материала, В.В. Ванчиков опубликовал и достаточно подробные характеристики выделенных им на формальных основаниях отдельных типологических групп посуды. Изначально нами предполагалось статистически сравнить между собой не культурно-типологические группы, а объективно существующие комплексы посуды, однако этот подход оказался недостаточно эффективным по причинам, изложенным выше. Следует отметить, что все указанные проблемы, возникающие при статистическом сравнении керамических комплексов вятского ананьина, в равной мере характерны и при работе с КТГ, предложенными В.В. Ванчиковым. Поэтому в настоящее время представляется целесообразным в анализе керамических комплексов отступить на шаг назад от сложных

статистических инструментов. Качественные изменения в их эффективности будут возможны лишь тогда, когда неравновесность признаков можно будет определять объективно, а не «назначать», исходя из внешних условий, по сути, волюнтаристски. Сейчас представляется более правильным попытаться определить тенденцию развития ядра керамических комплексов на основе данных первичной формализации и прямых аналогий, тем более что материал, по видимому, позволяет это сделать.

Стремление отгалькиваться от объективных явлений побудило нас по отдельности рассмотреть комплексы объектов Аргыжского городища. Уверенно отнести значительное количество посуды можно к слоям четырёх сооружений: 1, 3, 8 и 9. Кроме того, обращают на себя внимание несколько сосудов, привязанных к жилищу 6 и некоторым ранним ямам. Ниже приведён ряд наблюдений, полученных в ходе этой работы.

1. «Воротничковая», «валиковая» и гладкая керамика залегают в постройках Аргыжского городища совместно, за единственным исключением – жилище 3. Несмотря на заявленную В.В. Ванчиковым более раннюю хронологическую позицию валиковой керамики относительно воротничковой, последняя все же присутствует в самых нижних слоях жилищ (ж. 8 – № 2337; ж. 9, яма 26, №№ 2858; 3423). Тяготения воротничковой керамики к верхним слоям сооружений не наблюдается. Процентное и абсолютное соотношение валиковой и воротничковой керамики в сооружениях примерно пропорционально: сооружение 1: из 49 сосудов 8 (16%) и 6 (12%) соответственно; сооружение 8: из 60 сосудов 9 (15%) и 14 (23%) соответственно; сооружение 9: из 21 сосуда 3 (14%) и 4 (19%) соответственно.

2. Особой спецификой обладает сооружение 3: помимо отсутствия в нем посуды с рельефными элементами орнаментации почти половина сосудов здесь имеет очень характерную композицию орнамента: это ряды наклонных оттисков гребенки, перемежающиеся строенным или счетверенным горизонтальным шнуровым отпечатком (Рис. 18, 1, 12). На уровне перехода венчика в тулово ряд отпечатков гребенчатого штампа обязательно перекрывается ямками, отчего в ряде случаев получаются т.н. «глазчатые» ямки. Эта посуда привязана к самым нижним слоям сооружения, в том числе к ямам 14 и 15, заглубленным в материк.

3. По нескольким фрагментам аналогичной посуды в жилищах 8 и 9 также привязаны к самым нижним слоям сооружений. В сооружении 1, напротив, аналогичная посуда находится в самом верхнем слое на стыке с перекрывающим его слоем, не связанном с сооружением.

4. Ни в одном случае посуда такого облика не несёт никаких следов рельефных элементов орнаментации.

Резюмируя сказанное, можно сделать вывод, что серия такой посуды, составляющая 10–15% всего комплекса (12% выборки, включая переотложенные фрагменты из верхних слоев), является наиболее ранней группой ананьинской керамики, представленной на городище. В данном случае примечательно, что прямые аналогии посуде с достаточно сложной композицией орнамента встречаются в северной части Вятского бассейна, на Грехнёвском поселении, и составляют там примерно 20% выборки. Кроме того, именно на грехнёвской посуде аналогичного облика более выражена такая характерная черта, как «глазчатые» ямки, которые встречаются исключительно в вариациях подобной композиции как в Грехнёвке, так и в Аргыже (Рис. 16, 1, 5, 10, 11). Примечательна эта черта, в первую очередь, тем, что на хорошо изученных памятниках Удмуртского Прикамья она маркирует самое начало проникновения сюда так называемых «сложношнуровых» комплексов из среднего и верхнего течения Камы (Ашихмина, 1985; Митряков, 2008 и др.). Судя по всему, на Вятке она имеет аналогичное происхождение и, спускаясь к устью, претерпевает известные изменения: штамп и ямки всё ещё ставятся в одной и той же зоне, но перекрываются в ряде случаев уже хаотически или целенаправленно разносятся по горизонтали (Рис. 16, 7, 17; 18, 14).

Аналогичная посуда хорошо известна и на других городищах Нижней Вятки и примыкающего участка Прикамья: Чутайских, Черепашьем, Сухой Берсут и других (Марков, 2007. Рис. 22–24). На Чутайских городищах аналогичная композиция с глазчатыми ямками дополняется крестовым орнаментом, что дополнительно указывает на северные истоки традиции. Обращение к позднелебяжским материалам Северного Приуралья обнаруживает аналогичную композицию в керамических комплексах стоянок Вис I-II. На посуде Богородского городища на Ветлуге и стоянки Озьяг II на Вычегде можно видеть

ту же композицию, с той лишь разницей, что шнуrowые горизонтальные оттиски здесь заменяются гребенчатыми.

Детальный статистический анализ показывал бы низкое сходство подобных орнаментальных структур, однако, с учётом замечания о возможной взаимозаменяемости орнаментов, сделанного на грехнёвских материалах, связь этих традиций выглядит куда более убедительной. Примечательно, что аналогичную тенденцию в распространении ананьинских древностей, но в обратном направлении, для Европейского Северо-Запада, отмечал М.Г.Косменко: «... в западных областях ареала, начиная от Каргополья и Белозерья, шнуrowые орнаменты трансформируются и, сохраняя структуру, заменяются поясками проташенного штампа и желобками-каннелюрами, словом, упрощаются. Они тоже постепенно исчезают в направлении Северной Фенноскандии...» (1991. С. 197, 198).

Что касается «валиковой» керамики, выделенной В.В. Ванчиковым в отдельный тип, говорить на материалах Аргыжского городища об её абсолютно более ранней хронологической позиции по отношению к воротничковой не приходится. Корректнее было бы предположить, что валиковая и воротничковая посуда некоторое время сосуществуют, после чего «воротничковая» керамика продолжает существование в качестве самостоятельного типа, а мода на «валиковую» отходит в прошлое. Материалы построек Аргыжского городища фиксируют раннюю границу этого процесса, а погребённый слой Скорняковского городища – более позднюю ситуацию. Очень осторожно можно предположить развитие полноценного «валика» из рельефного напыла над «глазками» постлебяжской посуды (см. например, материалы Черепашьего городища, опубликованные В.Н.Марковым), но это замечание носит скорее искусствоведческий характер. В любом случае, преобладание сложных орнаментальных мотивов на такой посуде определённо сближает её с предыдущей группой.

В отличие от «валиковой» посуды, существовавшей, по-видимому, весьма ограниченный промежуток времени, «воротничковая» традиция присутствует и на развитом этапе вятского ананьина, представленном в нашей работе комплексом погребённого культурного слоя Скорняковского городища. В развитии

этой посуды усматриваются две основных тенденции: постепенное увеличение высоты венчика и общее стремление его к вертикальной форме (причем для отдельных сосудов это может быть и не характерно), а также обеднение орнаментации и постепенная замена шнуровых узоров гребенчатыми. На Аргыжском городище шнуром – отдельно и в сочетании с другими способами – декорировано 35% воротничковой посуды против 56% валиковой и 49% гладкой раннеананьинской. В погребенных слоях Скорняковского городища этот процент несколько выше (48%), но в это число входит и т.н. «волна», практически не присутствующая в более ранних композициях и являющаяся, судя по всему, сравнительно поздней заменой гребенчатого зигзага в той же орнаментальной зоне – внизу.

Ещё одной, и весьма существенной, тенденцией следует считать снижение количества ямок на «воротничковой» керамике: уже на Аргыжском городище этот процент падает до 72% для «воротничковой» посуды с 85–95% для обеих групп раннеананьинской. На Скорняковском же городище ямочный орнамент является скорее исключением, нежели правилом. Это касается слоя в основании вала, а в ранней его насыпи, где воротничковая посуда также есть, ямочная посуда отсутствует вообще. При общем сокращении количества ямок число сосудов, украшенных только ямками, повышается.

Необходимо отметить, что отмеченные выше тенденции описывают не все комплексы вятских памятников: помимо сосудов с диагностическими признаками, таких как особенности композиции или наличие рельефных элементов декора, во всех комплексах, включая жилища Аргыжского городища, всегда существует шлейф менее выразительных сосудов, однозначная атрибуция которых сегодня представляется маловероятной. Ранее представлялось, что, например, на Аргыжском городище подобная ситуация могла быть связана с длительным функционированием жилищ, их перестройкой и обновлением, которые сопровождалась при этом перемещением материала, но внешнюю разнородность материала мы видим и в жилище Грехнёвского поселения, и даже в тонком законсервированном слое Скорняковского городища. Это вынуждает признать, что даже в рамках сравнительно единого комплекса облик ананьинской посуды был более вариативен, чем, например,

прикамской посуды эпохи поздней бронзы, на которой методика В.Ф. Генинга достаточно успешно себя зарекомендовала. Помимо сосудов с диагностическими признаками в комплексе всегда будут и субстратные формы, однозначно относить которые к позднеананьинским на основании, например, отсутствия богатой орнаментации нужно крайне осторожно⁹. Искать диагностические признаки для таких сосудов, вероятнее всего, надежнее в их технологических характеристиках, которые обладают большей устойчивостью, нежели форма и орнамент (Бобринский, 1978).

Хронология. К сожалению, для памятников ананьинского времени на Вятке практически отсутствуют абсолютные хронологические реперы. Это существенно осложняет возможности для убедительного определения нижней и верхней даты бытования данного регионального этнокультурного комплекса. Но все же некоторые наблюдения возможны, даже при отсутствии надежной серии абсолютных дат. Во-первых, целесообразно обратить внимание на длительное переживание на Вятке каменной индустрии. Изделия из серого кремня плохого качества и гальки представлены на всех раннеананьинских памятниках (Аргыжское, Ройское, Пижемское, Грехневское I). Ассортимент находок также весьма выразителен: это, главным образом, орудия. Так, на Аргыжском городище найдено 40 предметов, из них лишь четвертая часть – отщепы. Остальные представлены наконечниками стрел, скребками, проколками (Рис. 15). В коллекции находок с Буйского городища орудий из камня – 37, еще около 60 – отщепы. В коллекции 1956 г. с Ройского Шихана содержится 4 наконечника стрел и 11 скребков (Архипов, 1962. С. 200). На Грехневском I поселении в коллекции 1990–92 гг. известно около двух десятков орудий, в основном скребков. Важным показателем является планиграфия находок на Аргыжском городище (Черных и др., 2002. Рис. 64). Абсолютное большинство орудий связано с основанием культурного слоя и самыми ранними сооружениями (жилище IX, ямы 21–23) в северо-восточном секторе площадки городища. В этой

⁹ Наблюдения авторов над весьма представительной керамической коллекцией Буйского городища заставляют думать, что с наступлением пьяноборской и более поздних эпох на Вятке эта ситуация разве что усугубляется.

связи показательно, что единственная радиоуглеродная дата, полученная М.А. Кульковой в изотопном центре РГПУ им. А.И. Герцена по образцам керамики из ямы 22 Аргыжского городища, дает 2899 ± 70 BP (SPb_659). С учетом калибровки возраста она определенно указывает на конец X – начало IX в. до н.э. Более поздние памятники – типа Скорняковского и Кривоборского – орудий из кремня не содержат.

В хронологических оценках времени бытования того или иного комплекса керамики приходится опираться, в первую очередь, также на аналогии. Наиболее ранняя группа посуды, без валиков и воротничков, со сложным узором, включающим в себя «глазчатые» ямки, может быть датирована по аналогиям в комплексах памятников Европейского Северо-Востока, на Нижней Вятке, Средней и Нижней Каме и Ветлуге. Поздний этап существования лебяжских древностей Г.М. Буров датирует VIII–VI вв. до н.э. (1967. С. 122). Для могильников Среднего Прикамья, где также известна посуда с аналогичной орнаментацией, С.Н. Коренюк предлагает датировки в пределах X – конца VII вв. до н.э. (1999. С. 117). Что касается Нижнего Прикамья, где посуда с глазчатыми ямками, согласно В.Н. Маркову, приурочена к нижним слоям городищ, перекрывающим маклашеевские комплексы, обоснованная их дата выглядит как VIII–VII вв. до н.э. (2007. С. 44, 45). В Марийском Поволжье и на ветлужских городищах посуда аналогичного облика датирована VII–VI вв. до н.э. (Халиков, 1962. С. 116). Но в то же время указывается, что на поселении Малахай бронзовые орудия имеют аналогии и в более ранних кобанских памятниках и доживают до VIII–VII вв. до н.э. (Там же. С. 100).

Некоторый разброс в датировках богато орнаментированной раннеананьинской посуды может быть объяснен по аналогии с прикамским сюжетом, касающимся распространения сложношнуровой посуды, которое, по-видимому, заняло довольно продолжительное время (Митряков, 2008). Интересную перспективу для исследования представляет вопрос о разнице в эволюции орнаментальной традиции, проходившей в двух разных «рукавах» Камского бассейна – из верховьев Камы и Вятки через удаленные друг от друга таёжные участки среднего течения к слиянию обеих рек.

Как уже было указано, по-видимому, т.н. «валиковая» ананьинская посуда имеет

достаточно узкий период бытования, который, по меньшей мере частично, совпадает с более длительным периодом распространения воротничковой посуды. Верхняя хронологическая граница этого периода может быть определена моментом формирования слоя, погребенного валом Скорняковского городища, датированного предварительно V в. до н.э., в котором валиковой керамики уже нет. Что касается «воротничковой» керамики, то на Вятке она продолжает свое бытование значительно дольше: в Удмуртском Прикамье Л.И. Ашихмина доводит дату наиболее поздних «воротничковых» ананьинских комплексов до конца V – начала IV в. до н.э. (1985. С. 23). В представительном комплексе Тарасовского святилища в Среднем Прикамье (обработано более 700 сосудов), датирующемся IV–III вв. до н.э., доля воротничковой посуды не превышает 10%, что указывает на верхнюю дату её бытования.

Из обзора основных категорий металлического инвентаря следует, что подавляющая масса поддающихся традиционной датировке предметов укладывается в хронологические рамки VI–IV вв. до н.э., что, по-видимому, соответствует времени расцвета вятской ананьинской культуры, вовлечения ее в орбиту активного межплеменного обмена с родственными группами камского населения, уже хорошо знакомого с цветной и черной металлургией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева Е.Г., Петренко А.Г.* Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976. С. 137–189.
- Ашихмина Л.И.* Городище Каменный Лог ананьинской культуры Среднего Прикамья // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977. С. 139–166.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье: Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 119 / Коми филиал АН СССР. Сыктывкар, 1985.
- Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А.* Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тысячелетие до н.э.). Ижевск, 2006.

- Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // МИА. 1951. № 22. С. 110–158.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Богаткина О.Г.* Роль охоты на медведей в истории народов Волго-Уральского региона (по остеологическим материалам городища Аргыж) // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С.17–22.
- Борзунов В.А.* Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // РА. 1997. № 1. С. 163–180.
- Борзунов В.А., Новиченков Н.Н.* Ранние укрепления финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 80–103.
- Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э.: / Колл. авт. Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб., 2013.
- Буров Г.М.* Древний Синдор. М., 1967.
- Ванчиков В.В.* Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 72–94.
- Ванчиков В.В.* Отчет об археологических исследованиях Грехневского I поселения и разведках в Нагорском и Лебяжском районах Кировской области летом 1990 г. Ижевск, 1991 г. // Архив ИИКНП УдГУ, ф. 2 д. 301.
- Ванчиков В.В.* Отчет об археологических раскопках Грехневского I поселения и разведке в Нагорском районе Кировской области в 1991–1992 гг. Ижевск, 1992. (Рукопись)
- Ванчиков В.В.* К вопросу об ананьинских стоянках бассейна р. Вятки // Тезисы докладов I Российской университетско-академической конференции. Ижевск, 1993. С. 18–19.
- Ванчиков В.В., Сенникова Л.А.* Искатели древностей // По родному краю. Киров, 1991. С. 26–57.
- Вараксина Л.И.* Костеносные городища Камско-Вятского края // ИОАИЭ. 1929. Т. 34, вып. 3–4. С. 83–112.
- Васильев Ст.А.* Предмет неизвестного назначения из фондов Казанского музея // Евразия сквозь века: Сборник научных трудов, посвященных 60-летию со дня рождения Д.Г. Савинова. СПб., 2001. С. 77–79.
- Васильев Ст.А.* Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // АВ. 2004. № 11. С. 275–297.
- Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С. 133–155.
- Воробьева С.Л.* К вопросу об особенностях восьмеркообразных височных подвесок кара-абызского населения Южного Приуралья эпохи раннего железа // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Уфа, 2010. С. 48–51.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А.* Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. 1996. № 4. С. 93–120.
- Гусаковский Л.П.* Статьи разных лет (рукопись) // Архив ОГУК «Кировский областной краеведческий музей».
- Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. Минск, 2006.
- Збруева А.В.* Пижемское городище // ИГАИМК. 1935. Вып. 106. С. 265–296.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
- Зубов С.Э.* География и хронология подвесок в виде скифского лука // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: ТДК. Волгоград, 2004. С. 177–182.
- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Карпова Н.П.* Отчет об исследованиях в Котельничском и Малмыжском районах Кировской области летом 1988 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 283.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004.
- Кореньюк С.Н.* Основы хронологии раннеананьинских могильников Волго-Камья // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее. Пермь, 1999. С. 114–117.
- Кореньюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М., 2000. С. 68–79.

- Коренюк С.Н.* Образ волка-собаки в идеологии населения Прикамья в раннем железном веке // *Оборинские чтения*. Пермь, 2004. Вып.3. С. 40–56.
- Коренюк С.Н., Мокрушин В.П.* Археологические памятники на земле Пермской. Пермь, 2003.
- Косменко М.Г.* Генезис и хронология культурных формирований эпохи железа в юго-западной и северной Карелии // *Хронология и периодизация археологических памятников Карелии*. Петрозаводск, 1991. С. 196–215
- Котов В.Г.* Семантика пряслиц кара-абызской культуры раннего железного века Приуралья // *УАВ*. 2010. Вып. 10. С. 37–55.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011.
- Кубарев В.Д.* Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
- Кузьминых С.В.* Об ананьинской обработке бронзы // *АЭМК*. 1977. Вып. 2. С. 127–166.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.*: МНК. Ижевск, 2000. С. 104–113.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // *У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника)*. Елабуга, 2009. С. 29–55. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8)
- Кузнецов С.К.* Предварительные сообщения о результатах раскопок над Ройским истоком на границе Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии, проведенных летом 1881 г. // *ИОАИЭ*. 1884. Т. III. С. 326–329.
- Лебедев А.С.* Пижемское городище // *ИОАИЭ*. 1908. Т. XXIII, вып. 6. С. 448–457.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р.* Меоты Закубанья в середине VI – начале III века до н.э. Некрополи у села Уляп: погребальные комплексы. М., 2005.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 2012.
- Литвинский Б.А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Макаров Л.Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: Учебное пособие. Ижевск, 2001.
- Марков В.Н.* Городище Гремячий Ключ // *АЭМК*. 1987. Вып. 13. С. 102–130.
- Марков В.Н.* О происхождении и культурной принадлежности вятских городищ ананьинского времени // *Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье*. Казань, 1988. С. 92–113.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 4)
- Митряков А.Е.* К вопросу о культурно-хронологической позиции сложношнуровой посуды (по материалам Зуевключевского I городища) // *ТКАЭЭ*. 2008. Вып. 5. С. 114–118.
- Мокрушин В.П.* Археологические исследования на территории Пермского и Кунгурского районов Пермской области // *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Сыктывкар, 1989. С. 81–83.
- Мошинская В.И.* Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // *МИА*. 1953. № 35. С. 72–106.
- Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И.* Искусство населения Урала и Прикамья (VIII в. до н.э. – III в. н.э.). Ч. III. Уфа, 2002.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–I вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.
- Патрушев В.С.* Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1986.
- Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени. Казань, 2011 (Серия «Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования». Вып.2)
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М., 1967. (САИ. Вып. Д1-4)
- Полидович Ю.Б.* Рукояти с изображением хищников и некоторые особенности ананьинского «звериного стиля» // *У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника)*. Елабуга, 2009. С. 239–244. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8)
- Прокашев А.М., Жукова И.А., Пахомов М.М.* История почвенно-растительного покрова

- Вятско-Камского края в последнеднековье. Киров, 2003.
- Пузикова А.И.* Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: (Публикация комплексов). М., 2001.
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. 1973. Т. V. С. 162–243.
- Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35–131.
- Розенфельдт Р.Л.* К вопросу об оборонительных сооружениях Троицкого городища // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970. С. 136–144.
- Сенникова Л.А.* Поселения эпохи поздней бронзы в бассейне р. Вятки: Рукопись дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
- Смирнов К.Ф.* Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Спицын А.А.* Каталог древностей Вятского края // КВГ на 1882 г. Вятка, 1881. С.25-90.
- Спицын А.А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // МАВГР. 1893. Вып. 1. 193 с.
- Халиков А.Х.* Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. 1962. Т. II. С. 7–187.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Худяков М.Г.* Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. Л., 1933. С. 5–14. (МГАИМК. Вып. 2)
- Худяков Ю.С.* Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 135–144.
- Черных Е.М.* Культовая постройка ананьинского времени с Аргыжского городища // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001. С. 63–72.
- Черных Е.М.* Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008.
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на р. Вятке. М., 2002. (Серия «Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции». Т. 3)
- Черных Е.М., Тищенко И.Г.* «Свернувшийся зверь» – волк, медведь, дракон? (к вопросу о появлении мотива в декоре пряслиц ананьинской культуры) // Пятые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2006. С. 125–129.
- Черных Е.М.* Оригинальные предметы из кости и рога с памятников раннего железного века Прикамья: к вопросу о назначении // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень, 2011. Вып. 4. С. 212–216.
- Черных Е.М.* Отчет об археологических раскопках Скорняковского городища на р. Вятке (Кировская область), проведенных летом 2012 г. // Рукопись.
- Шадыро В.И.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Минск, 1985.
- Яблонский Л.Т.* Хронология древнейших памятников раннего железного века Средней Азии и Казахстана (по материалам Приаралья) // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 45–68.
- Meinander C.F.* Die Bronzezeit in Finnland. Helsinki, 1954. (SMYA. T. 54).

КРЕМНЕВЫЙ И КВАРЦИТОВЫЙ ИНВЕНТАРЬ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-КАМЬЯ В ПРЕДАНАНИНСКОЕ И АНАНИНСКОЕ ВРЕМЯ

М.Ш. Галимова (Казань)

Flint inventory of the Volga-Kama region population and the quartzite one during the
pre-Ananino and Ananino period

M.Sh. Galimova (Kazan)

Исследователи ананьинских могильников и поселений, начиная с конца XIX в., отмечают присутствие среди находок предметов из кремня и кварцита (Пономарев, 1882; Tallgren, 1919; Худяков, 1933; Збруева, 1952; Халиков, 1977, Патрушев, Халиков, 1982; Чижевский, 2008). Наличие этих вещей в погребениях и культурных напластованиях, как правило, объяснялось тем, что ананьинское население Нижнего Прикамья не изготавливало, а использовало кремневые и кварцитовые наконечники стрел и копий, скребки и прочие подобные орудия, оставшиеся на местах жизнедеятельности предшествующего населения бронзового века. Так, А.А. Спицын (Худяков, 1933. С. 10) и А.Х. Халиков (1977. С. 200–204) считали, что данные наконечники использовались лишь в ритуальных (магических, погребальных) целях. Несколько иной точки зрения придерживалась А.В. Збруева, которая полагала, что единичные каменные орудия пережиточных форм еще употреблялись ананьинским населением, но уже почти не производились (1952. С. 231).

В решении вопроса о том, практиковало ли ананьинское население обработку кремня, кремневого известняка и кварцита, могут помочь новые данные, полученные в период с середины 1980-х по начало 2000-х гг. Речь идет о раскопках городища Черепашье (Марков, 1993) и могильника Мурзиха II в Нижнем Прикамье (Чижевский, 1997, 1999, 2000, 2001; Чижевский, Марков, 1997, 1998).

Источниками для данного исследования (Рис.1) стали опубликованные материалы таких известных могильников ананьинской КИО, как Старший Ахмыловский (Патрушев, Халиков, 1982), Тетюшский и Пусто-Морквашинский (Халиков, 1977), Луговской (Збруева, 1947; 1952), Зуевский (Худяков, 1933), Ананьинский (Пономарев, 1982; Tallgren, 1919). Автором использовались, кроме того, неопу-

бликованные материалы (коллекции и отчеты) из раскопок А.А. Чижевского на Мурзихинском II могильнике (1995–2000 гг.)¹, коллекция, полевая и камеральная документация городища Черепашье ананьинской и азелинской культур из раскопок В.Н. Маркова в 1984–86 гг., а также находки, полученные в ходе раскопок автора в 2002 г. на VIII Измерской стоянке финального палеолита.

А.Х. Халиков отмечал в раннеананьинских памятниках около 70 наконечников – бифасов разной формы, выполненных из кремня, реже – из кварцита, среди которых было выделено около 10 типов (1977. С. 200–202, Рис. 76). Исследователь сделал вывод: «Хотя раннеананьинское население в VIII–VII вв. до н.э. еще широко употребляло каменные наконечники стрел, но оно не создало ни одного нового типа, а практически использовало наконечники не только предшествующих типов, а очевидно и предшествующего изготовления» (Халиков, 1977. С. 204). В Луговском могильнике, по данным А.В. Збруевой (1947; 1960), были раскопаны мужские погребения с кремневым инвентарем, в том числе три – с наконечниками стрел, одно – с наконечником копья и еще одно – с осколком кварцита (кресальным, по всей видимости). В Старшем Ахмыловском могильнике среди множества погребений с инвентарем (свыше 780) выделяются 71 погребение с каменными наконечниками стрел (в основном, кремневыми, реже кварцитовыми) и четыре погребения с кремневыми скребками (Патрушев, Халиков, 1982). Последние являлись распространенным типом орудий в погребениях АКИО. А.Х. Халиков выделил среди них четыре типа (1977. С. 200–204, Рис. 55).

¹ Автор выражает благодарность А.А. Чижевскому за любезно предоставленную возможность работать с неопубликованными материалами и консультации.

Рис.1. Карта-схема расположения памятников ананьинской КИО, упоминаемых в работе

Следует особо отметить частые находки кремневых и кварцитовых сколов в составе погребального инвентаря могильников эпохи раннего железа Волго-Камья. Особое внимание этим бесформенным кусочкам и сколам кремня уделил А.Х. Халиков, справедливо интерпретировавший их как остатки огнив. Исследователь выделил более 300 комплексов с остатками огнив в материалах Старшего Ахмыловского могильника. По его мнению, «остатки огнив состоят из кремня, окиси железа (иногда это – обломок ножа), а также желтого пятна – тлена от трута» (Халиков, 1977. С. 155). Огнива располагались в изголовье или в ногах погребенных, в ряде случаев отмечены следы помещения огнив в деревянные коробочки.

По наблюдениям А.А. Чижевского, подобные огнива – наборы, в состав которых входили кремневые сколы или орудия, железный предмет (иногда вместо него – кварцитовое изделие либо галька) и

остатки трута, встречены в 34 погребениях Мурзихинского II могильника (из 230 изученных там погребений) (Чижевский, 2008). Следует отметить, что в этом крупном поликультурном погребальном памятнике исследованы не только погребения АКЮ, но и предананьинские, маклашеевские финала бронзового века (Чижевский, 1997, 1999, 2000, 2001; Чижевский, Марков, 1997, 1998).

В результате изучения этих находок выясняется, что в качестве кресальных кремней в погребениях могильника Мурзиха 2 использовались не только осколки и аморфные кремневые сколы – отходы целенаправленного (регулярного) расщепления нуклеусов, но и фрагменты массивных пластин – неудачные заготовки для производства двусторонних изделий (т.н. бифасов). В первую очередь, к таким бифасам относятся упомянутые выше разнотипные наконечники стрел. Также в погребальном инвентаре этого могильника

отмечены массивные кремневые сколы с негативами снятия с них пластин, которые следует классифицировать как основу (т.н. преформу) для последующего постепенного (стадиального) оформления бифасов.

В качестве примеров кремней в ананьинских могилах Мурзихи 2 отметим погребения с оббитой галькой (№ 159), с крупной оббитой галькой и кремневым отщепом (№ 163), с тонкими бифасами-наконечниками (№№ 161 и 176). Особенно выделяется погребение 185 с серией каменных предметов: кварцитовая галька, оббитая по углам; другая галька метаморфической породы, не оббитая; крупный массивный скол белого кремня; фрагмент длинного аморфного скола серо-бежевого кремня с включениями халцедона с негативами мелких глубоких снятий – заготовка бифаса в начальной стадии. Интересно, что в одном из маклашеевских погребений (№ 200) памятника найден крупный массивный скол из точно такого же кремнево-халцедонового сырья.

В условиях отсутствия железных изделий у маклашеевского населения финала эпохи бронзы в огнивах, видимо, использовались гальки, массивные сколы или крупные орудия из кварцита. Об этом свидетельствуют некоторые погребения Мурзихинского II могильника (№№ 169, 230-1, 230-2, 209, 216, 218, 230), где встречены огнива, состоящие из кремня, крупного скола кварцита и остатков трута. Кварцит в них, видимо, служил кресалом. В погребении 218 залегали, кроме того, четыре кремневых скола и орудие. Такая же картина наблюдалась в погребении 230 (кость 2), где за черепом костяка помещалось огниво, состоявшее из гальки, кремня и остатков белого порошка (трута), а в межмогильном пространстве были найдены 3 отщепа. Необходимо отметить, что среди маклашеевских погребений могильника встречаются и такие, в которых имелись кремь и остатки трута, однако, кварцитового предмета – гальки или орудия не зафиксировано (№№ 173, 198, 169, 230). Что в таких случаях могло служить кресалом, остается неясным.

В отдельных погребениях Мурзихинского II могильника (№№ 165, 173, 185) встречаются также кремневые пластины (целые и фрагментированные), что характерно для погребений маклашеевской культуры. В ананьинских погребениях могильника такие пластины весьма редки. Вопрос о

том, практиковалась ли носителями АКЮ технология получения кремневых пластин, либо ими использовались готовые пластины эпохи бронзы, должен быть освещен с помощью поселенческих материалов.

Обратимся к материалам городища Черепашье с культурными напластованиями ананьинской (ранний этап), азелинской и именьковской культур (Марков, 1993). Каменный инвентарь, происходящий из раскопов В.Н. Маркова, можно с определенной долей уверенности связывать с ананьинским слоем. В коллекции предметов из кремня, окремнелого известняка и кварцита имеются отщепы и аморфные технические сколы, а также единичные нуклеусы призматической формы с негативами отщепов. Основным типом кремневых орудий являются скребки (30 экз.). Все они сильно сработаны. Основная их часть изготовлена на отщепах, но имеются экземпляры, сделанные на фрагментах пластин. Орудия из кварцита представлены массивными сколами с ретушью утилизации по краям, которые использовались как скобели и ножи. Единичны грубые морфные резцы на сколах кварцита, отмечена одна заготовка бифаса.

Дополнением к этому обзору служат небольшие материалы из раскопок автора на VIII Измерской стоянке финального палеолита, расположенной в устье р. Ахтай (Галимова, 2004). В раскопе площадью 60 м² на глубине 40–120 см от поверхности был исследован культурный слой стоянки-мастерской усть-камской культуры, а выше, в современной почве, на глубине 10–20 см от поверхности были встречены артефакты иного характера. Это два фрагмента лепной тонкостенной керамики, отнесенные А.А. Чижевским к постмаклашеевской культуре АКЮ, а также 130 предметов из окремнелого известняка. Среди последних абсолютно преобладают чешуйки, мелкие фрагменты и осколки, единичны аморфные отщепы. Особо отметим массивный фрагмент гальки белого кварцита подтреугольной формы с острым концом, который можно рассматривать как заготовку бифаса – наконечника стрелы. По краям данной заготовки видны следы попыток снятия сколов утончения поверхности. По всей видимости, на VIII Измерской стоянке финального палеолита были выявлены также остатки недолговременной стоянки ананьинского времени, на которой происходило

изготовление бифасов из кремневого известняка и кварцита.

Таким образом, ознакомление с кремневым и кварцитовым инвентарем из раскопок погребальных и поселенческих памятников предананьинского и ананьинского времени Волго-Камья позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

Ананьинское население Волго-Камья, судя по поселенческим комплексам, использовало кремневые скребки по прямому назначению, а не только как погребальный инвентарь. При этом скребками служили как специально оформленные орудия, так и простые отщепы и сколы-отходы небольших размеров.

Для изготовления каменных наконечников стрел в предананьинское и ананьинское время использовалась технология расщепления нуклеусов подпризматической формы для скалывания массивных отщепов, которые затем посредством стадийного уточнения превращались в тонкие бифасы. Об этом говорят сколы-отходы подправки нуклеусов и отбракованные бифасиальные преформы, найденные в погребениях в качестве кресальных кремней.

Вместе с тем, не исключено и то, что ананьинское население практиковало и технологию получения пластин, судя по материалам городища Черепашье, хотя сами нуклеусы от пластин там не обнаружены. Факт полного отсутствия среди находок из четырех раскопок городища Черепашье завершённых бифасов-наконечников позволяет признать правоту А.В. Збруевой, А.Х. Халикова и других исследователей, предполагавших использование каменных наконечников в погребально-ритуальных целях.

В огнивах предананьинского и ананьинского населения региона употреблялись кресальные кремни, представляющие собой сколы-отходы, незавершённые (сломаные) заготовки бифасов, а также завершённые кремневые орудия.

В культурах финала бронзового века, судя по данным погребальных комплексов, в условиях отсутствия железа в качестве кресал могли использоваться кварцевые гальки, а также заготовки и готовые изделия из кварцита.

Вопрос о подборе и повторном использовании ананьинским населением кремневых и кварцитовых орудий

предшествующих обитателей Волго-Камья остается открытым до получения новых стратифицированных материалов, в первую очередь, поселенческих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галимова М.Ш.* Охранные раскопки в устье р. Ахтай // Археологические открытия в Татарстане: 2002 год. Казань, 2004. С. 71–76.
- Збруева А.В.* Луговской могильник // ТИЭ. Нов. серия. 1947. Т. II. С. 257–281.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
- Збруева А.В.* Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // МИА. 1960. № 80. С.10–95.
- Марков В.Н.* Отчет об археологических исследованиях Государственного объединенного музея ТАССР в 1982 году. Казань, 1993 // НФ МА РТ.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
- Пономарев П.А.* Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжского края. I. Ананьинский могильник. Археологический этюд // ИОАИЭ. 1882. Т. X, вып 4. С. 405–438.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.
- Худяков М.Г.* Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. Л., 1933. (МГАИМК. Вып. 2).
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008. (Серия «Археология евразийских степей». Вып 5).
- Чижевский А.А.* Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского II могильника в 1995 году). Казань, 1997 // НФ МА РТ.
- Чижевский А.А., Марков В.Н.* Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки

- Мурзихинского II могильника в 1996 году). Казань, 1997 // НФ МА РТ.
- Чижевский А.А., Марков В.Н.* Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского II могильника в 1997 году). Казань, 1998 // НФ МА РТ.
- Чижевский А.А.* Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского II могильника в 1998 году). Казань, 1999 // НФ МА РТ.
- Чижевский А.А.* Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского II могильника в 1999 году). Казань, 2000 // НФ МА РТ.
- Чижевский А.А.* Отчет об археологических работах в Алексеевском районе Татарстана (раскопки Мурзихинского II могильника в 2000 году). Казань, 2001 // НФ МА РТ.
- Tallgren A.M.* L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. (SMYA. T. XXXI: 1).

III. АНАНЬИНСКИЙ МИР: ДРЕВНОСТИ ЭПОХ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

КОМПЛЕКС ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПОСЕЛЕНИЯ ЕЛХОВКА II НА РЕКЕ КОНДУРЧЕ

Ю.И. Колев (Самара), В.Н. Мышкин (Самара)

Complex of the Late Bronze Age of the Elhovka II settlement on the Kondurcha river

Y.I. Kolev (Samara), V.N. Myshkin (Samara)

Заключительный этап бронзового века лесостепного Самарского Поволжья представлен в основном поселениями, расположенными по берегам р. Сок и ее притокам. Как правило, эти памятники располагаются на месте селищ срубной культуры, что зачастую затрудняет вычленение комплексов финальной бронзы из коллекций бронзового века и их культурно-хронологическую интерпретацию. Поселение Елховка II относится к тем немногим памятникам позднего бронзового века Самарского Поволжья, где комплекс заключительного этапа бронзового века практически не смешан со срубными материалами. Кроме того, коллекция керамики финала бронзового века включает две культурные традиции, андроновидную сусканскую и степную валиковую. Публикация этих материалов может быть полезной для решения некоторых проблем культурурогенеза в Волго-Камье в предананьинское время.

Поселение Елховка II обнаружено в 2006 г. и частично исследовано в 2007–2008 гг. экспедицией под руководством В.Н. Мышкина в связи со строительством газопровода на территории с. Елховка Елховского района Самарской области. Памятник расположен на юго-восточной окраине села. Поселение занимает один из мысов первой надпойменной террасы правого берега р. Кондурчи (Рис. 1). По свидетельствам местных жителей, на этом месте в середине 50-х гг. XX века находились коровники, сараи и другие хозяйственные строения. Эти строения впоследствии были разрушены, а мусор остался на территории памятника.

Раскопками была исследована небольшая часть памятника за пределами

современных подворий. Общая площадь раскопа составила 428 м². На площади раскопа выявлены ямы и остатки построек XX в., ямы, предположительно датирующиеся ранним средневековьем, а также котлован постройки и связанные с ним сооружения позднего бронзового века (Рис. 2). Находки представлены керамикой (более 3600 фрагментов), каменными, в том числе кремневыми, орудиями (97 ед.), орудиями из кости (128), меди и бронзы (6), глины (14), железа (7). В подсчеты не входили и не учитывались в процессе раскопок металлические, глиняные и пластмассовые предметы XX в., найденные в верхнем слое строительного мусора. Остальные находки представляют несколько культурно-хронологических комплексов.

К древнейшей – неолитической – эпохе относится, вероятно, кремневое долото.

Довольно представителен комплекс керамики эпохи раннего средневековья. Часть этой керамики относится к так называемому кругу «скифоидных» культур и датируется началом I тыс. н.э. К этой эпохе могут относиться обнаруженные в раскопе круглые ямы неясного назначения. Эти 34 сооружения сходны между собой по размерам, конструкции, заполнению. Хронологическая позиция ям определяется в какой-то мере тем фактом, что ни одна из них не пререзает слой современного строительного мусора, но некоторые ямы нарушают слои, связанные с постройкой бронзового века. Прослойки золы и угля в некоторых из ям, а также керамика эпохи раннего средневековья в одной из них позволяют предположить, что раскопом вскрыта часть раннесредневекового могильника.

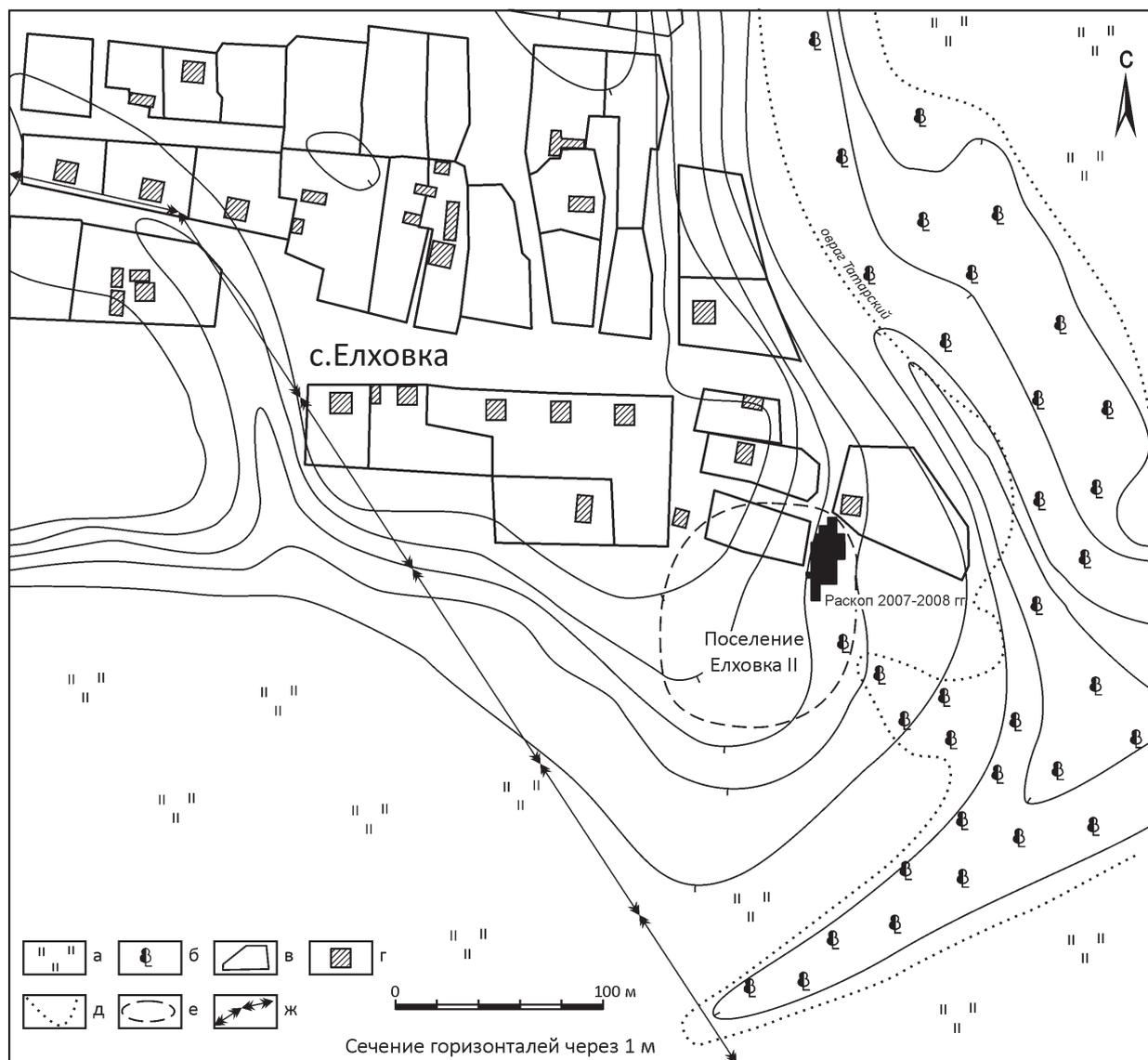
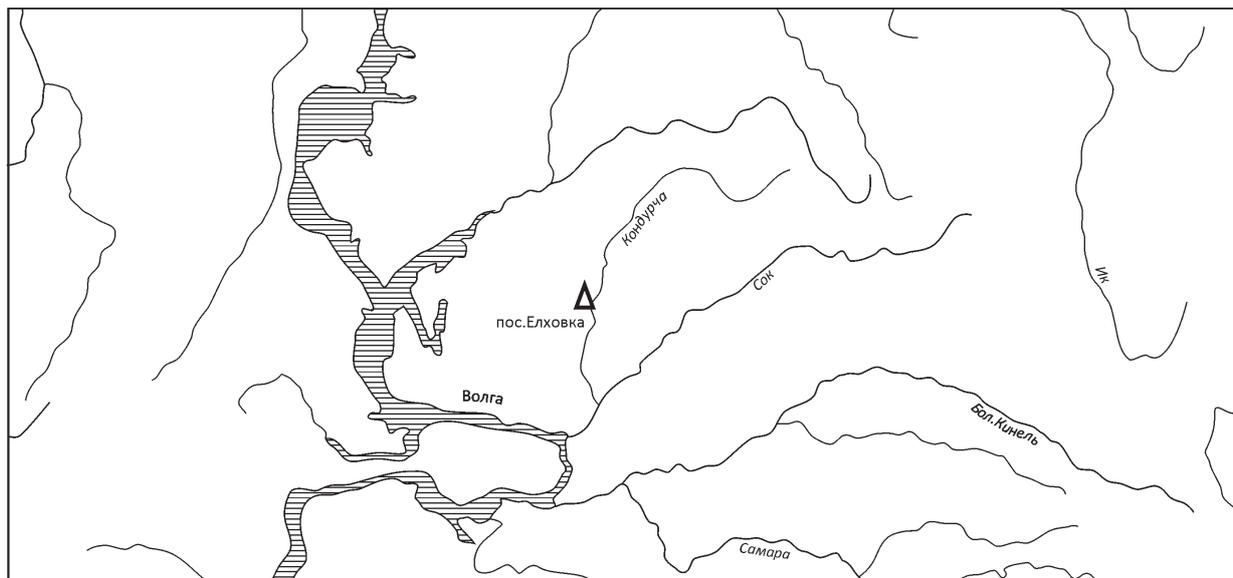

Рис.1. Поселение Елховка II (а - расположение памятника; б - план поселения).

Условные обозначения: а - луговая растительность; б - лиственный лес; в - огороженные земельные участки; г - жилые и хозяйственные постройки; д - границы пойменного леса; е - примерные границы памятника; ж - линия электропередач.

Небольшими коллекциями представлены керамический комплекс золотоордынского периода и комплекс русской керамики XVIII–XX вв.

Предметом данной публикации является комплекс позднего бронзового века, приуроченный преимущественно к котловану постройки в северной части раскопа и связанным с нею сооружениям.

Стратиграфия культурных напластований в северной части раскопа, над котлованом постройки (Рис. 2, а, б).

1. Верхнюю часть напластований составляет слой серого гумусированного суглинка, насыщенный остатками современной хозяйственной деятельности – щебнем, кусками рубероида, полиэтиленовой пленки (слой «а»). Мощность слоя современного мусора составляет от 0,2 до 0,7 м.

2. Под слоем современного мусора залегает темно-серый сильно гумусированный уплотненный суглинок призматической структуры, являющийся современным почвенным слоем (слой «б»), мощностью 18–20 см.

3. В северо-восточной части котлована под почвенным слоем лежит слой темно-серого, почти черного гумусированного суглинка гидроморфного происхождения, образовавшийся в процессе затягивания черноземом котлована древней постройки (слой «в»). Мощность слоя в центре котлована достигает 55–75 см.

4. В западных и северных секторах, а также на юго-восточном участке по краям котлована под гидроморфным слоем зафиксирован желто-серый суглинок, образованный выбросом материкового суглинка из постройки, перемешанным с остатками культурного слоя (слой «г»). Мощность слоя составляет 15–25 см, а на юго-восточном участке – до 35 см.

5. На дне котлована по его периметру лежит слой светло-серого золистого суглинка (слой «д»). Мощность слоя 15–20 см, а в центральной части постройки – до 40–42 см.

6. В центральной части дно котлована покрыто черным сажистым суглинком (слой «ж») мощностью до 25–30 см.

В пределах постройки обнаружены небольшие округлые ямы, которые являются, видимо, остатками столбовых конструкций, а в центральной части котлована – два сооружения, одно из которых (сооружение 1) было связано,

возможно, с металлообрабатывающим производством.

Сооружение 1 (Рис. 3) представляет собой углубление неправильной подпрямоугольной формы в центральной части постройки. Дно сооружения прорезано округлыми (столбовыми?) ямами. Заполнение сооружения составляет черный сажистый гумусированный суглинок и куски обожженного известняка, расположенного двумя скоплениями. Скопления обожженных камней встречены и вокруг сооружения. На дне сооружения найдены фрагменты лепной керамики (Рис. 3, 4–1б), а в одной из ямок – каменная наковальня (Рис. 3, 1; 11, 9).

Сооружение 2 (Рис. 4) – округлая в плане яма с примыкающей к ней неглубокой канавкой. Диаметр ямы в верхней части, имеющей форму воронки, 2,7 м. С глубины 1,2 м, яма сужается до 1 м, стенки ямы вертикально уходят вниз. Исследовать сооружение удалось частично – на глубину 1,7 м. Вскрыть его на всю глубину помешали грунтовые воды. Заполнение в верхней части – черный сажистый слой, ниже – куски суглинка, вероятно, из осыпавшихся в верхней части стенок, суглинок, перемешанный с гумусовым слоем, золистый гумусовый слой. Судя по заполнению, яма была засыпана вскоре после ее сооружения, во всяком случае, до того, как прекратилась хозяйственная деятельность постройки. Об этом свидетельствует и небольшое количество находок в заполнении, и отсутствие какой-либо прослойки по стенкам сооружения. Канавка с кусками обожженного известняка, перекрывающая сооружение 2, скорее всего, не имеет к нему отношения.

Керамика, обнаруженная в сооружениях, и основная часть керамической коллекции из котлована постройки относятся к одному культурному пласту, что позволяет рассматривать постройку и связанные с ней сооружения 1 и 2 как единый культурно-хронологический комплекс, в рамках которого могли существовать строительные периоды. Сооружение 2 может быть отнесено к раннему периоду функционирования постройки.

Керамика бронзового века поселения Елховка II представлена коллекцией из 980 фрагментов сосудов. Примерно половина из них – от сосудов, культурная принадлежность которых может быть определена уверенно. Преимущественно это венчики и орнаментированные стенки,

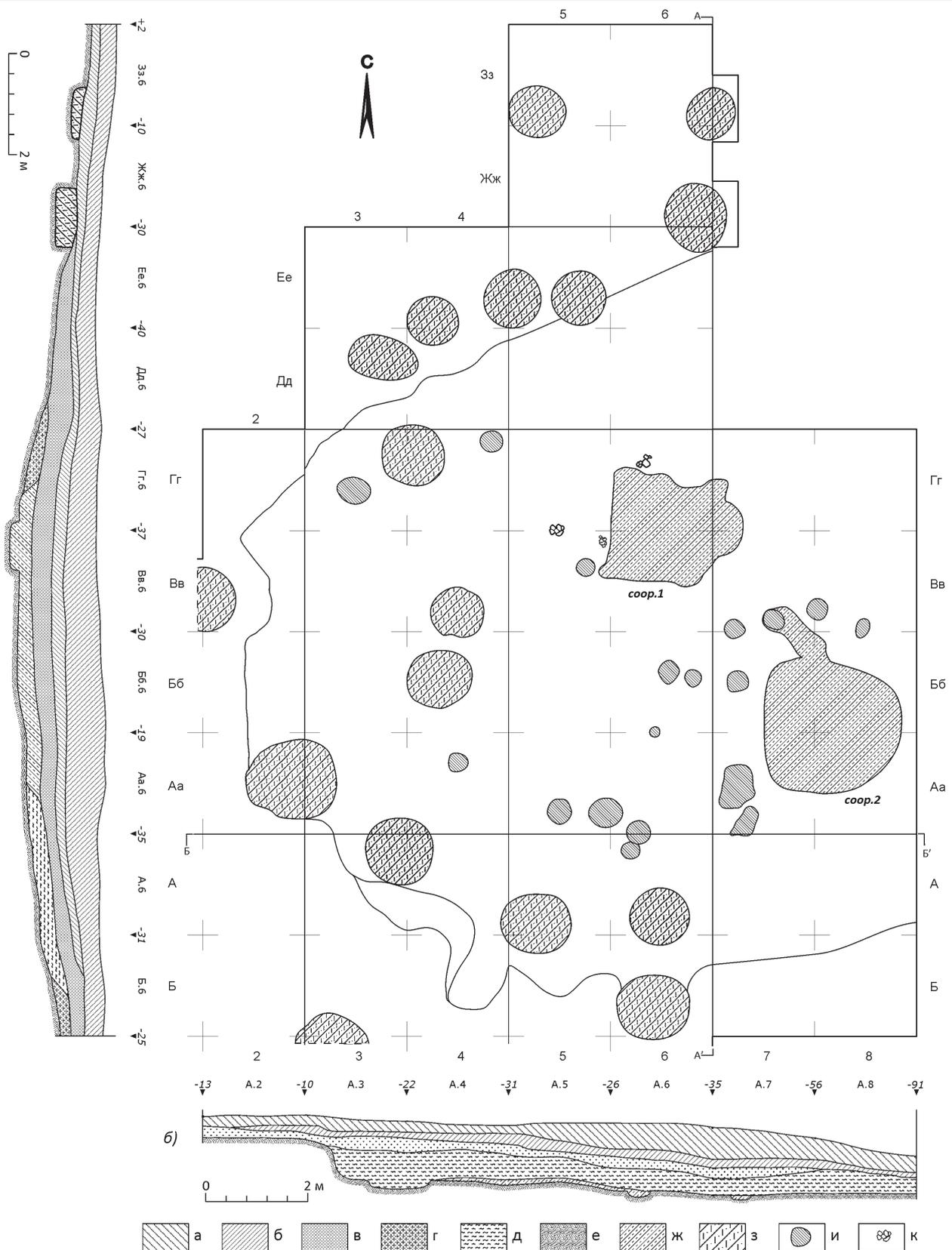

Рис.2. План северо-восточной части раскопа и профили по линии А-А' (а) и Б-Б' (б).
 Условные обозначения: а - серый гумусированный суглинок с остатками современного хозяйственного мусора; б - уплотненный суглинок призматической структуры, являющийся современным почвенным слоем; в - черный гумусированный суглинок гидроморфного происхождения; г - желто-серый суглинок, образованный материковым выбросом из постройки, перемешанным с культурными остатками; д - светло-серый золистый суглинок (слой «д»); е - материковый суглинок; ж - черный сажистый суглинок; з - средневековые ямы (именьковские погребения?); и - столбовые ямы; к - обожженный известняк.

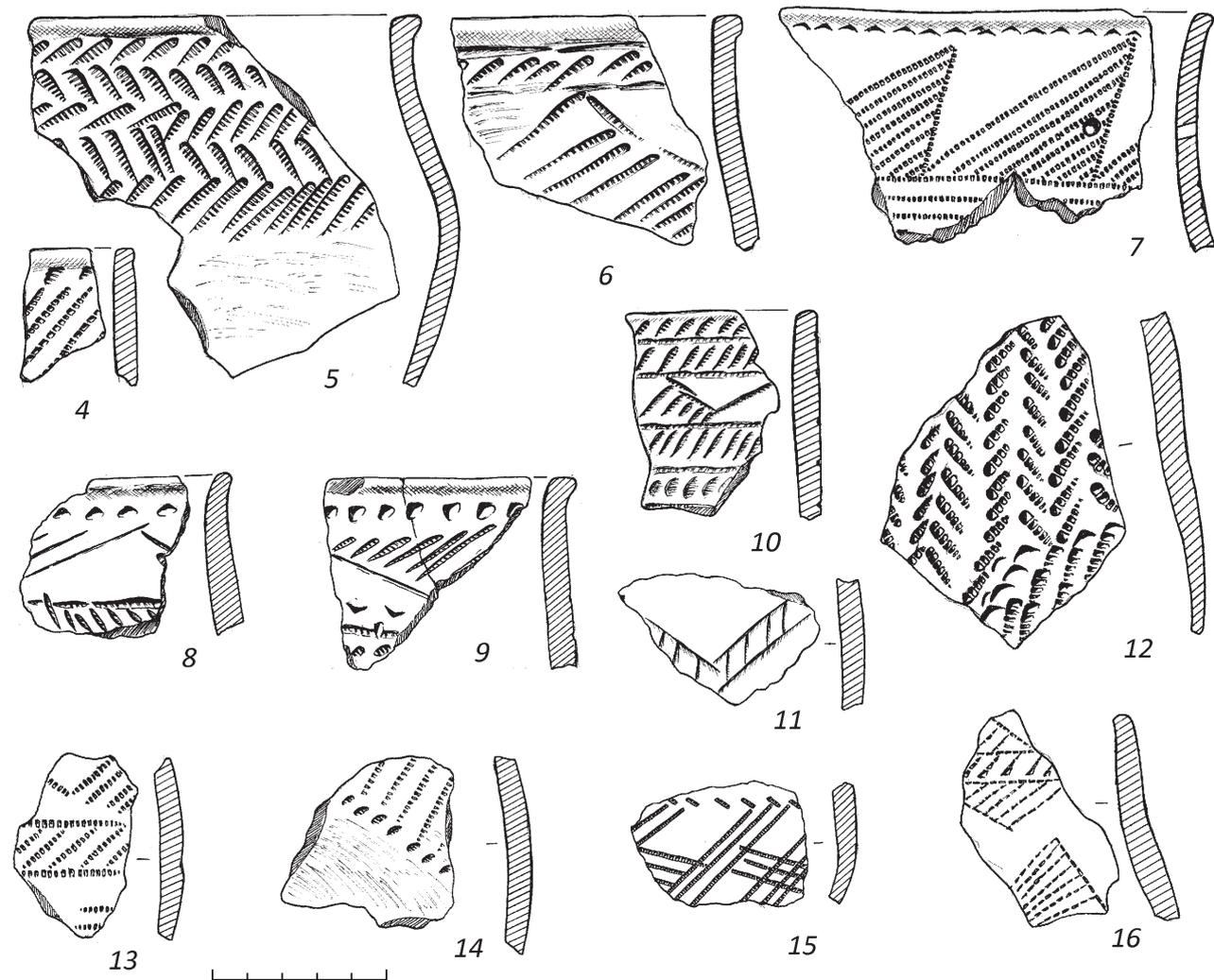
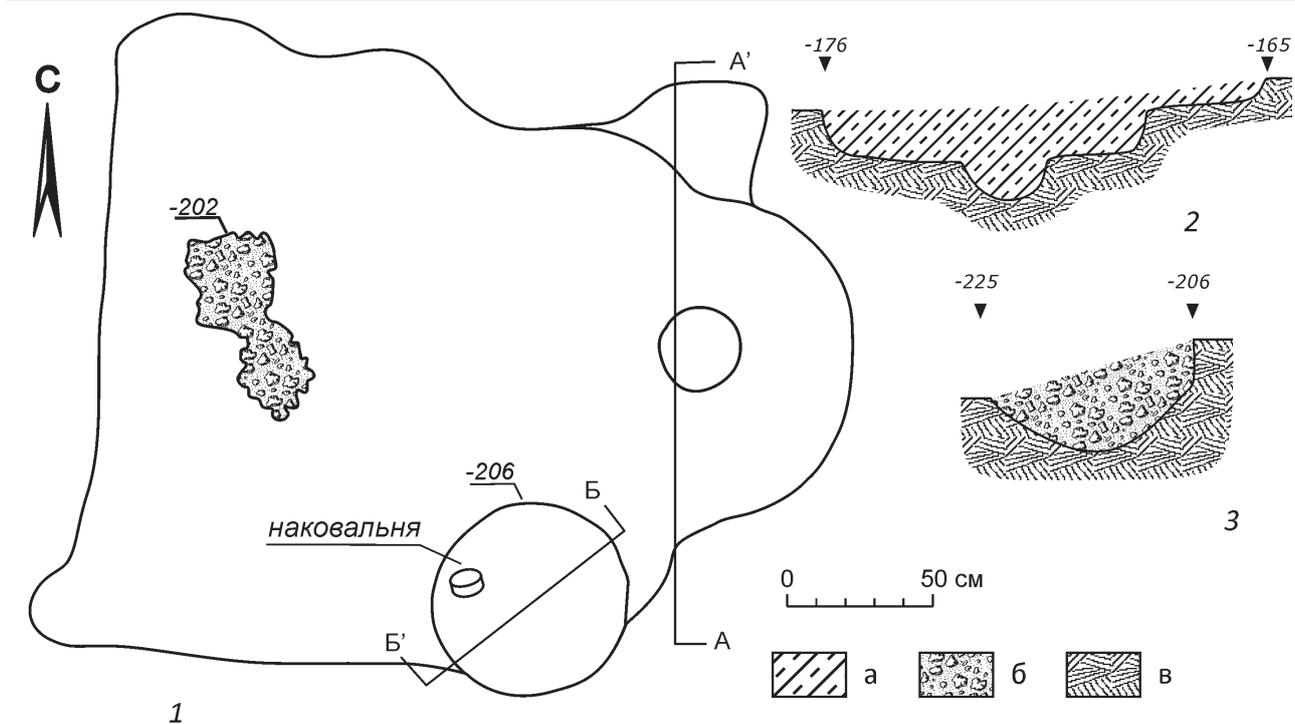

Рис.3. Сооружение 1. План (1), сечения по линии А-А' (2), по линии Б-Б' (3), керамика из заполнения (4-16).
 Условные обозначения: а - черный сажистый гумусированный суглинок; б - куски обожженного известняка; в - материковый суглинок.

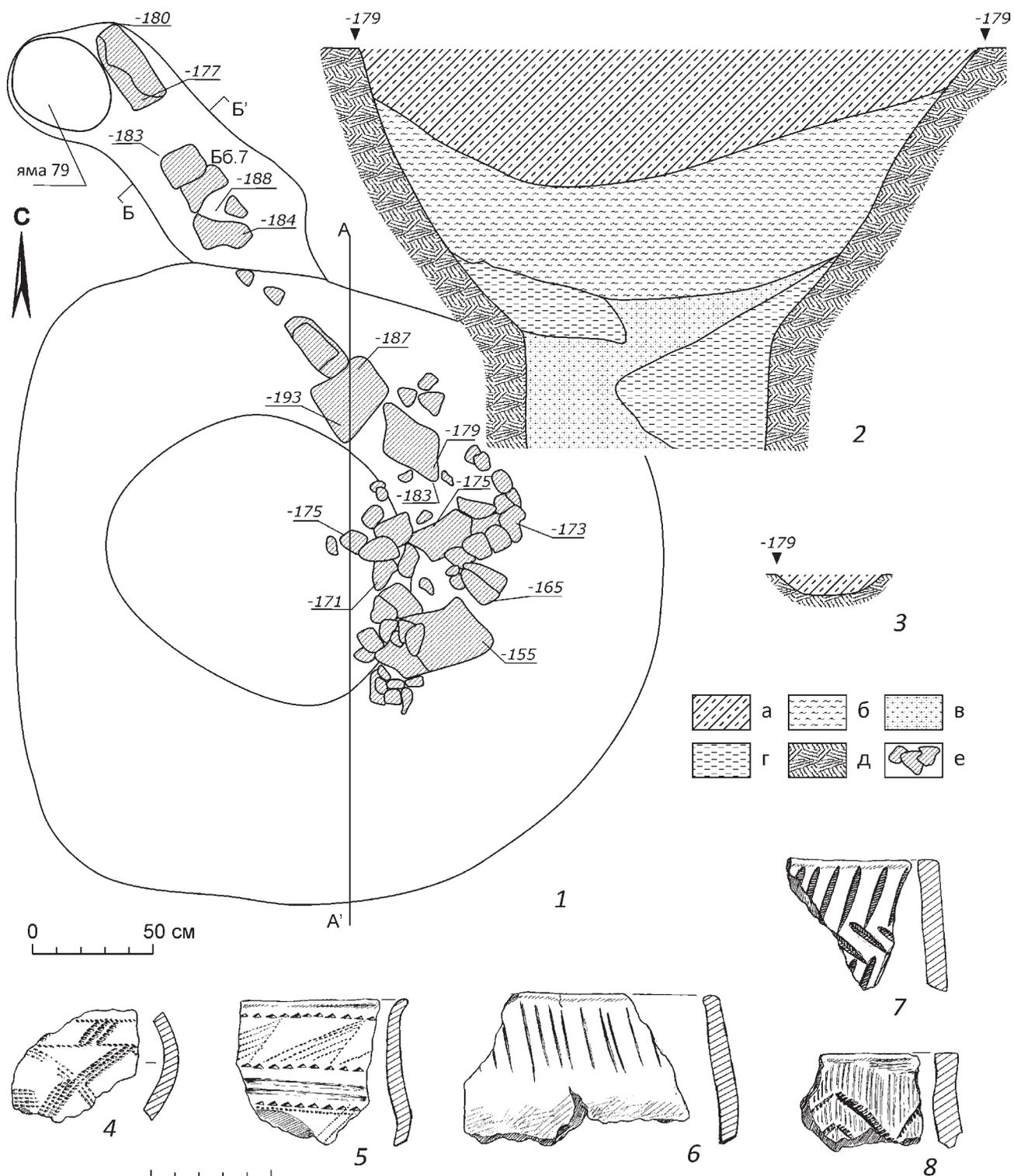

Рис.4. Сооружение 2. План (1), профиль по линии А-А' (2), профиль по линии Б-Б' (3), керамика из заполнения (4-8).

Условные обозначения: *а* - черный сажистый гумусированный суглинок; *б* - золистый гумусированный суглинок; *в* - темно-серый гумус, перемешанный с материковым суглинком; *г* - куски глины; *д* - материковый суглинок; *е* - куски извести.

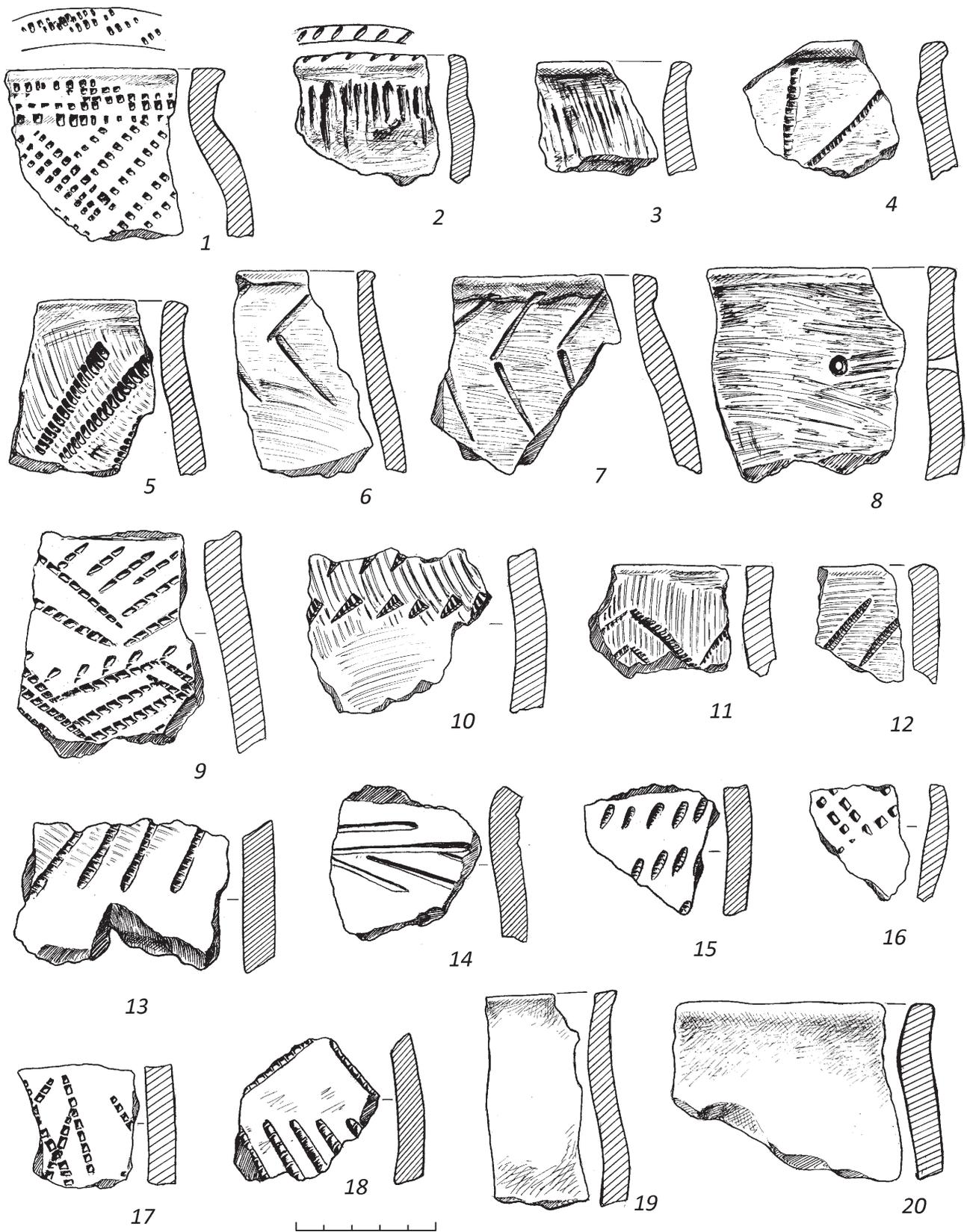

Рис.5. Керамика срубной культуры из культурного слоя поселения Елховка II.

которые можно отнести к одной из трех культурных групп.

Первая группа (Рис. 5) – керамика, которая может быть соотнесена со срубной культурой Поволжья. К этой группе относится не более 60 фрагментов лепных сосудов, которые отличает характерная для срубной керамики примесь шамота в глине, грубое заглаживание поверхности, геометрические композиции, выполненные крупнозубчатым штампом. К этой группе условно отнесены неорнаментированные венчики, не имеющие признаков других культурных типов. Керамика этой группы встречается на всей площади раскопа и не привязывается к какому-либо слою или сооружению. Скорее всего, эта небольшая коллекция срубной керамики связана с другой частью памятника, расположенной в стороне от места раскопок или разрушенной более поздними сооружениями.

Вторая, самая многочисленная, группа (Рис. 6, 7) – керамика сусканского типа, представленная фрагментами от примерно 270 сосудов. Сусканская керамика не только составляет основную категорию находок в заполнении постройки, но и является единственным культурным типом керамики, встреченным в сооружениях 1 и 2. К сусканской группе относятся баночные и слабопрофилированные сосуды со стянутым устьем. Технологические особенности – тонкостенность, тщательно заглаженная поверхность, хорошо отмученное тесто. Основная часть сосудов орнаментирована. Орнамент выполнен гладким или мелкозубчатым штампом, покрывает верхнюю часть сосуда. Орнаментальные мотивы – горизонтальная и вертикальная елочка, треугольники вершиной вниз, ромбы. В качестве дополнительного элемента композиции встречается наклепной валик.

Небольшую часть сусканского комплекса составляет керамика, в орнаментации которой особенно заметны андронидные традиции – каннелюры, косоугольные треугольники, выполненные мелкозубчатым штампом, меандровидные фигуры (Рис. 7, 1–22).

В целом, описываемый комплекс типичен для сусканских памятников лесостепного Волго-Камья (Колев, 2000. С. 244–250. Рис. 4–10).

Третий керамический комплекс бронзового века поселения Елховка II, включающий фрагменты от примерно 130 сосудов, представлен сосудами

«атабаевско-межовского» типа с рельефной орнаментацией – валиками, воротничками, «жемчужинами» (Рис. 8–10). На поверхности некоторых сосудов имеются характерные расчесы от заглаживания пучком травы. Основные орнаментальные мотивы – ряды круглых ямочных вдавлений по горлу сосуда, жемчужины, выдавленные изнутри, орнаментальные полосы из однорядной горизонтальной елочки, ограниченной параллельными линиями; редкий элемент – косоугольные треугольники вершиной вниз. Иногда круглые ямочные вдавления заменены на семечковидные. Воротничок в одном случае покрыт кривой сеткой.

Аналогии описанной группе керамики не так многочисленны. На территории Самарского Поволжья только на нескольких памятниках собраны коллекции подобной керамики – на поселениях Грачев Сад, Кирпичные Сарай, небольшая группа сосудов – на поселении Русская Селитьба. Представительная коллекция керамики с воротничком выявлена на поселении Нижняя Орлянка II. (Колев, 2000. С. 250, 251. Рис. 20–23). Относительно чистые комплексы воротничковой посуды с поселений Кайбелы и Атабаево в свое время позволили выделить в Волго-Камье кайбельско-атабаевскую группу керамики. Надо учесть, что под атабаевской понималась керамика с воротничковой орнаментацией, характерная для Атабаевского поселения. Ее характеристики не вполне совпадают с обликом керамики атабаевского этапа маклашеевской культуры, представление о котором сложилось в последние годы (Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 32. Рис. 2; 3, 1–6), и в керамике которого уже присутствуют собственно маклашеевские традиции. В воротничковых комплексах Самарского Заволжья сложно усмотреть черты будущей маклашеевской культуры. Вероятно, они относятся к более раннему периоду развития атабаевских керамических традиций. Следует учитывать и периферийное положение воротничковых комплексов бассейна р. Сок относительно культур финальной бронзы Приказанского Поволжья. Скорее всего, эта территория не входила в зону формирования культур предананьинского круга. Маклашеевские комплексы появляются здесь в уже сложившемся виде, немногочисленны и свидетельствуют, скорее всего, о спорадическом проникновении маклашеевского населения на юг

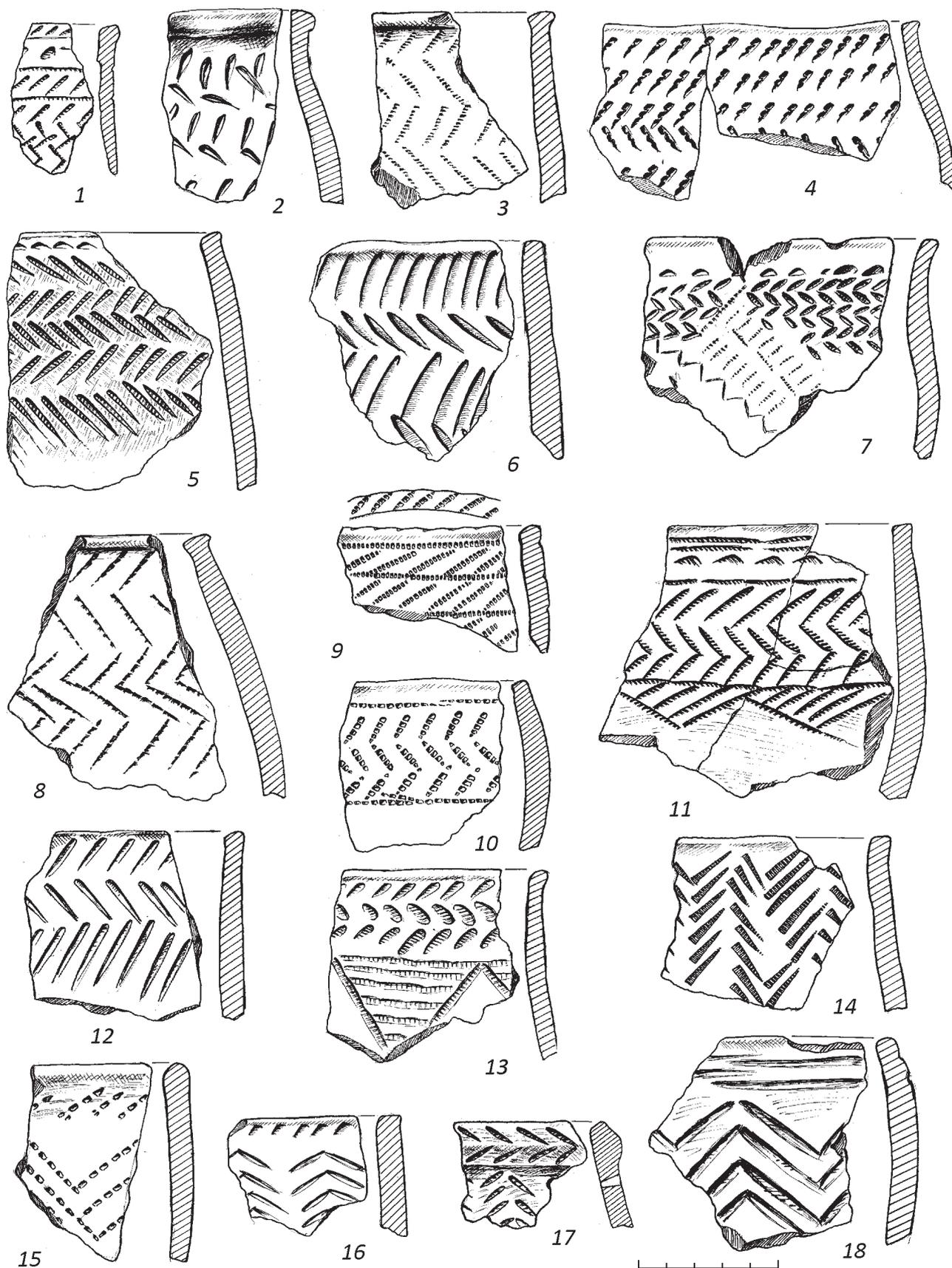

Рис.6. Керамика суканского типа из культурного слоя поселения Елховка II.

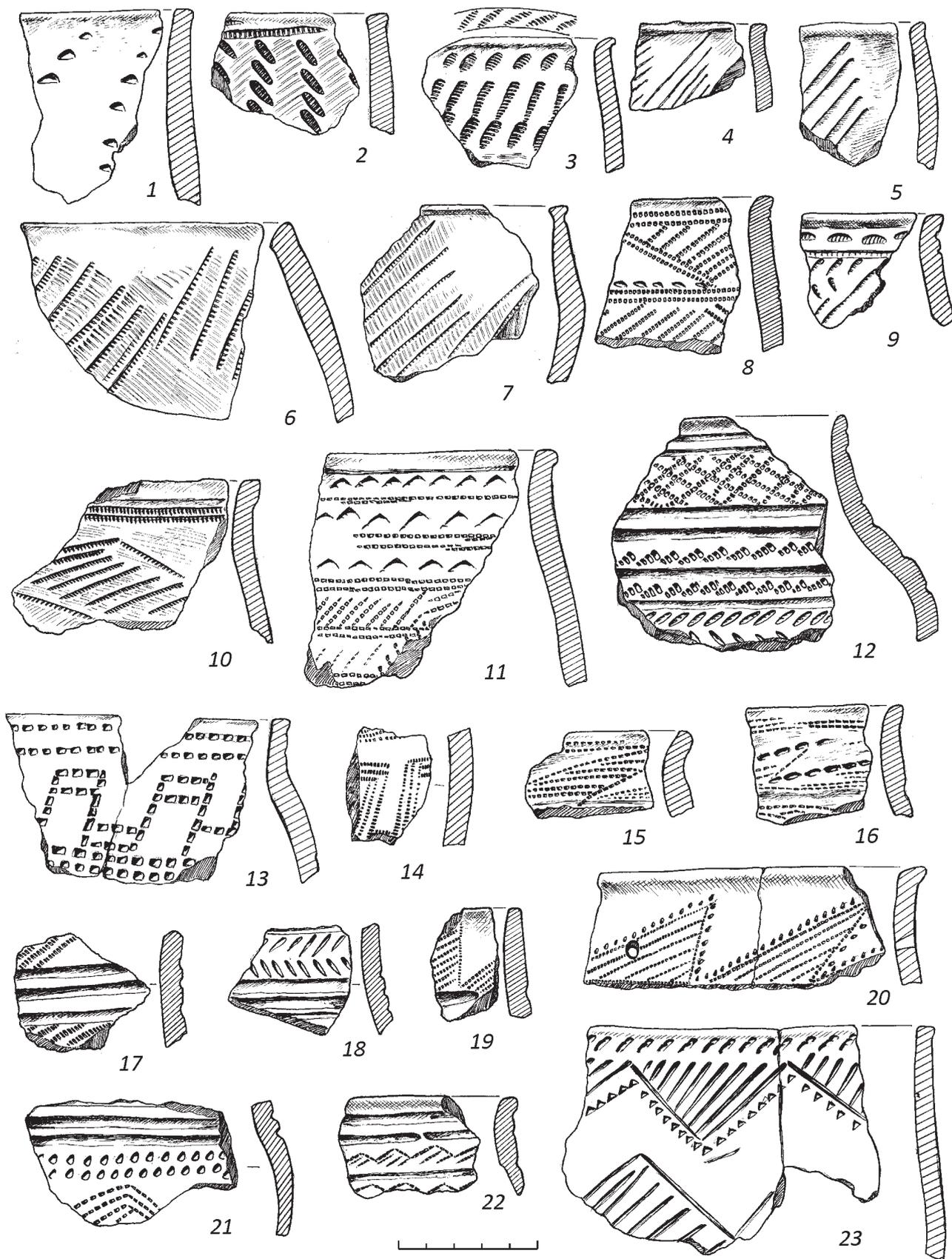

Рис.7. Керамика сусканского типа из культурного слоя поселения Елховка II.

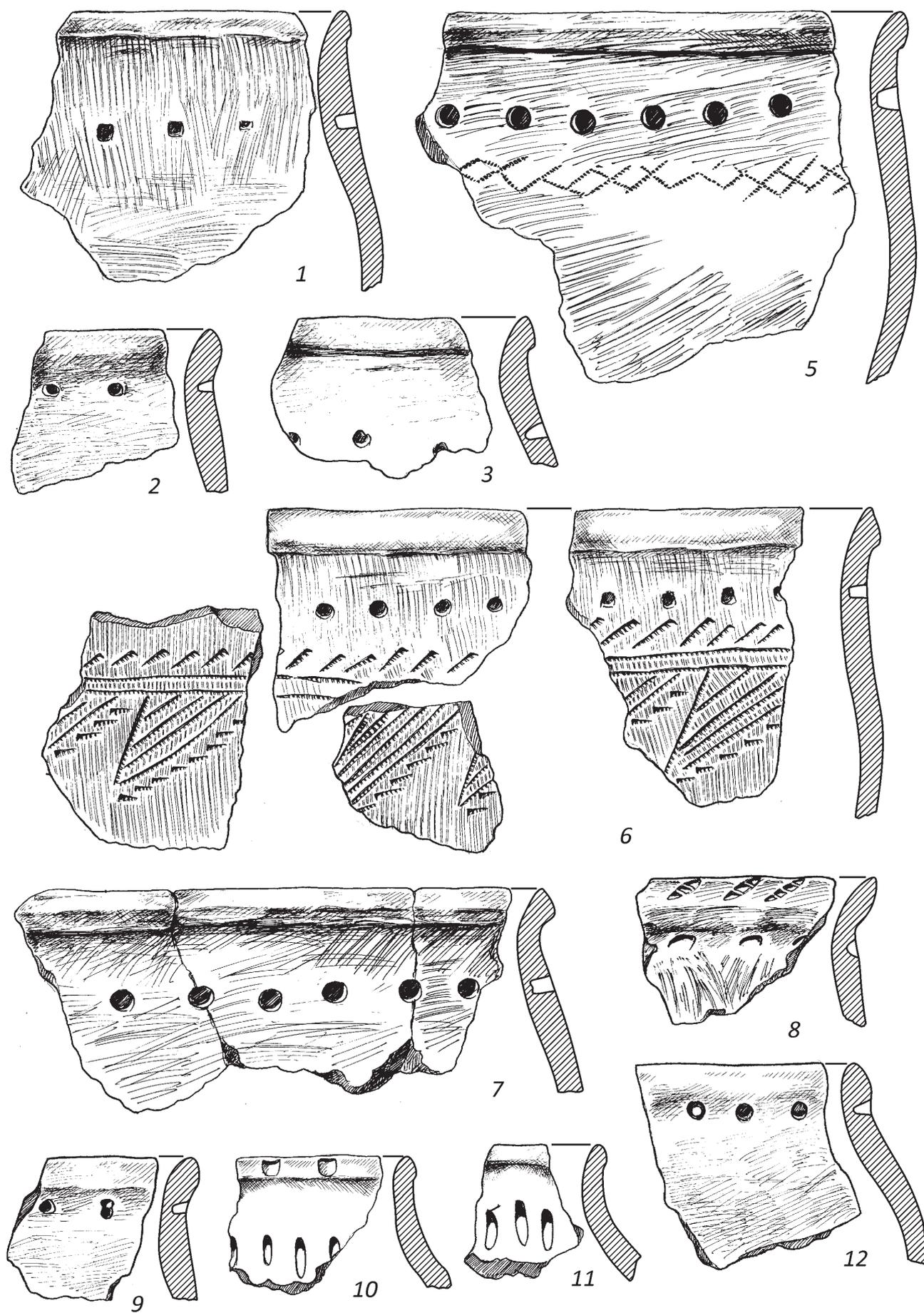

Рис.8. Валиково-воротничковая керамика из культурного слоя поселения Елховка II.

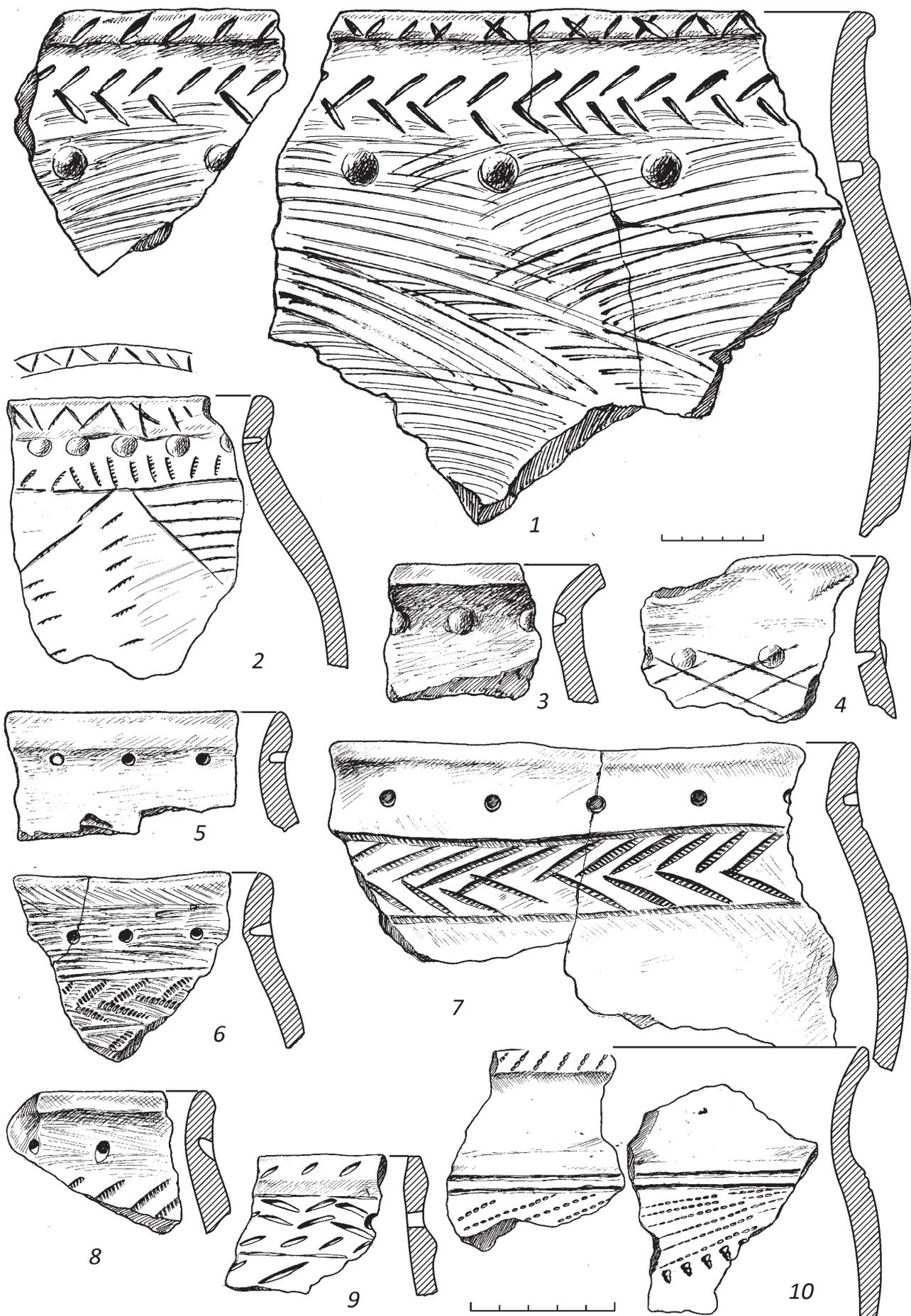

Рис.9. Валиково-воротничковая керамика из культурного слоя поселения Елховка II.

лесостепного Волго-Камья (Колев, 2000. С. 257–259. Рис. 31–36).

Более определенны черты преемственности воротничковых комплексов с сусканскими. Сходна технология изготовления, состав глины. В орнаментации воротничковой керамики встречаются заштрихованные треугольники, решетка, горизонтальная елочка, характерные для сусканской керамики. Но в целом воротничковая керамика относится уже к другому культурно-хронологическому пласту, который представлен на юге лесостепи и в степном регионе памятниками ивановского типа. Если от керамики Атабаевского поселения воротничковые комплексы Самарского Заволжья отличаются почти полным отсутствием горизонтальных многорядных зигзагов в орнаментации сосудов, использованием преимущественно гладкого штампа и насечек, то от ивановских памятников их отличает лишь более высокая доля сосудов с воротничковым утолщением венчика и ямочно-жемчужным орнаментом. По сути дела, воротничковые комплексы бассейна р. Сок занимают промежуточное положение между атабаевскими памятниками лесостепи, включая памятники аким-сергеевского типа на рр. Суре и Мокше (Ставицкий, 2005. С. 110–125), и степными ивановскими памятниками. Некоторые из сосудов описываемой группы имеют облик классической ивановской керамики – горшковидную форму с наклепным валиком на шейке, орнаментированным косыми насечками в виде жгута (Рис. 10, 8–13).

В целом воротничково-валиковый комплекс Ерзовского поселения сопоставим не только с лесостепными памятниками типа Атабаевского поселения, но и с ивановскими комплексами степного Поволжья, Подонья и более широкой территории евразийской степи, с которой связано распространение памятников ивановской культуры (Колев Ю.И., 2008. С.213-214. Табл.4). Вполне возможно, что воротничковые комплексы типа коллекции с Ерзовского II селища составляют северную периферию ивановской культуры или, напротив, они относятся к атабаевско-межовскому миру, но испытали значительное влияние степных ивановских традиций. Ответить на этот вопрос мешает недостаточная разработанность культурно-типологического членения керамических комплексов финального бронзового века лесостепного Волго-Камья.

Хронологическое соотношение сусканского и валиково-воротничкового комплексов поселения Елховка II устанавливается лишь на основании имеющихся представлений о происхождении и хронологии этих культурных типов. В какой-то мере более поздний возраст воротничкового комплекса подтверждается тем фактом, что воротничковые сосуды атабаевского облика обнаружены на поселении исключительно в культурном слое по краям котлована и не встречены в сооружениях и в центре постройки, там, где концентрируется керамика сусканского типа. Создается впечатление, что первоначально постройка была связана исключительно с сусканским керамическим комплексом, воротничковая же керамика появляется лишь на каком-то этапе функционирования поселения. При этом вряд ли возможный хронологический разрыв между описываемыми комплексами был велик. Наиболее вероятным временем существования их представляется рубеж XV/XIV – XIII вв. до н.э. Воротничковый комплекс в пределах этой даты может быть чуть более поздним, чему не так давно получено дополнительное подтверждение в погребальном комплексе Шигонского III поселения (Колев, Седова, 2004. С. 214–216).

Кроме довольно многочисленной керамической коллекции, к комплексу позднего бронзового века может быть отнесена с большой долей вероятности и преобладающая часть находок из камня, кости, глины, бронзы. Основная часть этих изделий типична для памятников бронзового века и не несет каких-либо культурных особенностей, которые бы позволили их соотносить с той или иной культурно-хронологической группой. Коллекция орудий из камня и кости могла бы стать предметом специального исследования с привлечением трасологических методов. В значительной мере эта работа была выполнена на этапе подготовки научного отчета о раскопках И.В. Горашуком. В данной публикации мы ограничимся общей характеристикой этих коллекций, основанной на результатах его исследования.

Наибольший интерес представляют изделия из бронзы, а также орудия из глины и камня, которые могут свидетельствовать о металлообрабатывающем производстве на поселении.

Изделия из меди или бронзы представлены двумя небольшими шильцами, пластинчатым изделием, двумя медными

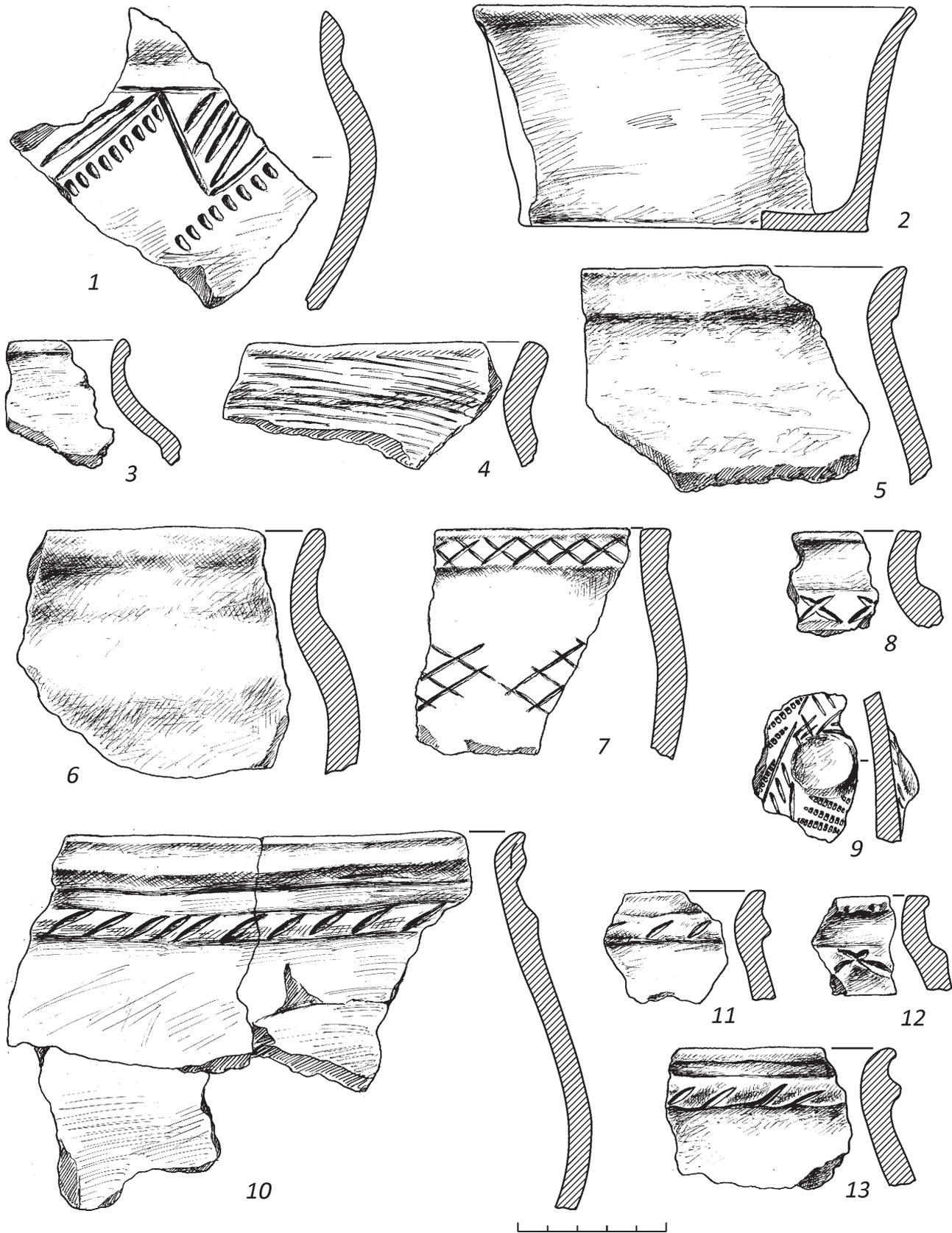

Рис.10. Валиково-воротничковая керамика из культурного слоя поселения Елховка II.

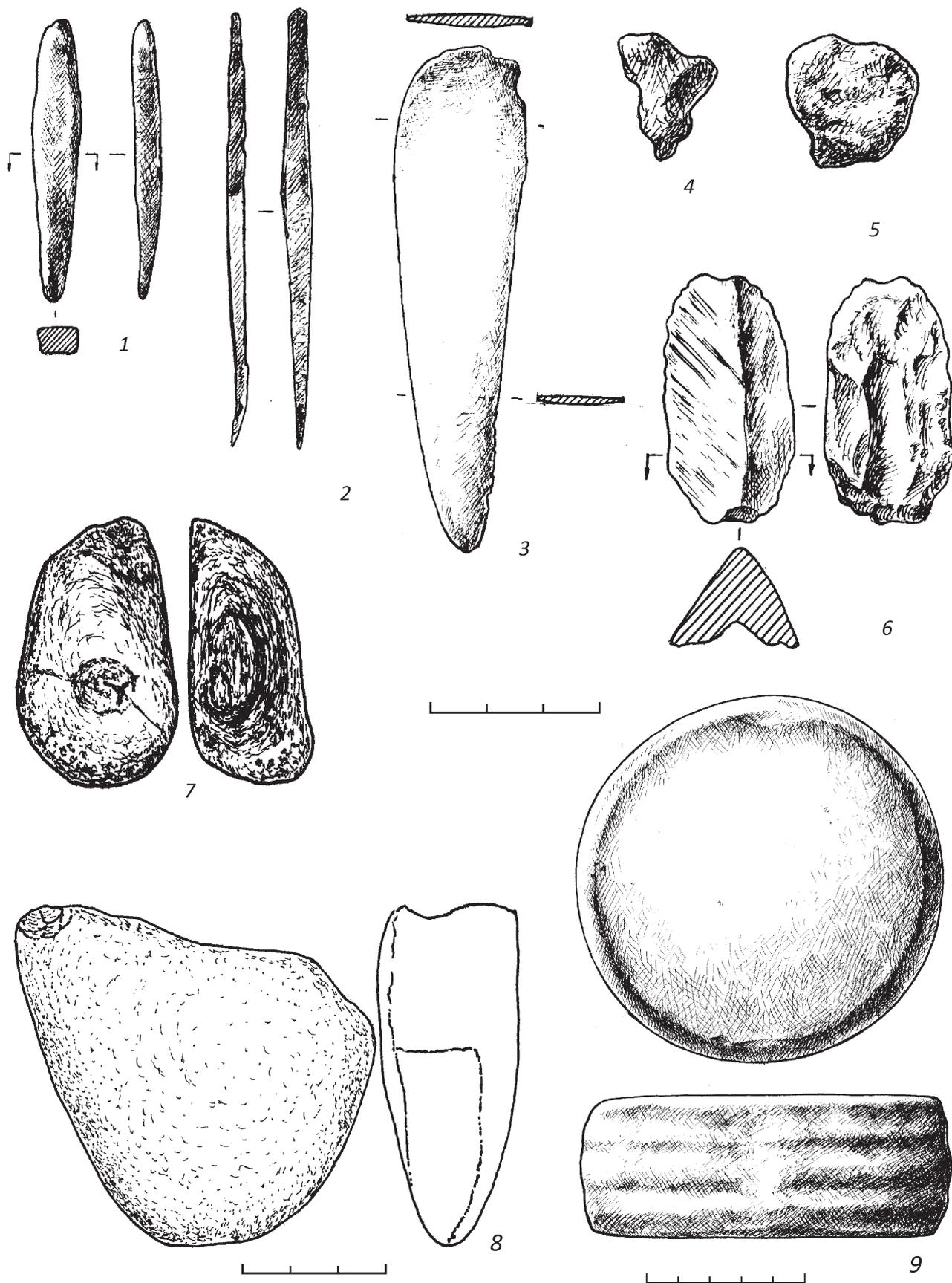

Рис.11. Изделия из меди и орудия металлообработки.
 1,2 - шилья; 3 - пластина; 4,5 - splески; 6 - обломок литейной формы (?); 7,8 - молотки кузнечные;
 9 - наковальня кузнечная. 1-5 - медь, 6 - глина, 7-9 - камень.

«сплесками». Пластинчатое изделие (Рис. 11, 3) найдено на краю котлована, один из «сплесков» (Рис. 11, 4) и шило (Рис. 11, 1) - в центральной части котлована на его дне. Другое шило (Рис. 11, 2) было найдено за пределами постройки к югу от нее. Недалеко от постройки в кв. Б-1 найден небольшой обломок глиняной литейной формы (Рис. 11, 6). Найденные предметы и обломки не имеют каких-либо культурно-хронологических особенностей. Исключение может составить лишь шило с прямоугольным уплощенным сечением (Рис. 11, 2). Такие уплощенные шилья чаще всего встречаются на поселениях заключительного этапа бронзового века (Колев, 2000. Рис. 15, 6, 8, 9).

Наиболее существенным свидетельством металлообработки на поселении являются каменные орудия. И.В. Горашук интерпретирует их как кузнечные молотки (Рис. 11, 7, 8) и гладилки. Особенно интересна наковальня (Рис. 11, 9), найденная в сооружении 1, в ямке среди обожженного известняка. Она изготовлена из диорита, правильной округлой формы (11,7×4,6 см), с желобками на боковой поверхности. Ее назначение подтверждено трасологическими наблюдениями И.В. Горашука. Примечательно, что одна из подобных наковален в виде диска встречена в погребении 16 грунтового могильника Комсомольский в Астраханской области в комплексе с бронзовыми клепаным котлом, бритвой, ножом с упором, каменным пестом (Boroffka, Sava, 1998. S. 84. Abb. 47). Принадлежность бронзовых предметов этого комплекса к лобойковско-дербеденевской металлообрабатывающей традиции не вызывает сомнения, а состав комплекса позволяет рассматривать каменный диск и пест не только в качестве ритуальных предметов (Boroffka, Sava, 1998. S. 113), но и как кузнечный набор.

Из других каменных орудий наиболее многочисленны изделия хозяйственно-бытового назначения: скребки (Рис. 12, 1–7, 12), ножи (Рис. 12, 9–11), скобели по дереву, скребла для обработки кожи, терочные плиты, куранты (Рис. 12, 13, 14), оселки. К числу более редких изделий относится сфероид (Рис. 12, 8). Подобные орудия встречены на поселении заключительного этапа бронзового века Нижняя Орлянка II (Колев, Ластовский, Мамонов, 1995. Рис. 17, 6–9). Их назначение неясно, но вероятно их использование в качестве боласов, снарядов для пращи или грузил для сетей.

Разнообразны изделия из кости (Рис. 13). Наиболее многочисленны орудия для обработки дерева и кожи – скребки, ложила (Рис. 13, 11–13), тупики, струги, долота и долотообразные предметы (Рис. 13, 14), проколки (Рис. 13, 8–10). Большую группу составляют рукояти (Рис. 13, 16, 17), ухваты и изделия, которые могли быть заготовками орудий.

Единичными экземплярами представлены наконечник стрелы (Рис. 13, 6), выпрямитель древков (Рис. 13, 15), совок, пряслице (Рис. 13, 5), игральные кости (Рис. 13, 1–4), амулет из клыка (Рис. 13, 7).

К сожалению, не все находки могут быть уверенно связаны с тем или иным культурно-хронологическим комплексом памятника. Но, вероятно, основная часть костяных и каменных изделий относится к сусканскому культурному комплексу и может быть датирована XIV–XIII вв. до н.э. В первую очередь, это относится к находкам и сооружениям, связанным с металлообрабатывающим производством.

В заключение отметим, что материалы Елховского II селища еще раз обращают внимание на проблемы, связанные с формированием культур предананьинского времени в Волго-Камье. Как и на многих других поселениях региона, в материалах позднего бронзового века Елховского II селища присутствуют две ярко выраженные традиции: андронидная, представленная сусканским керамическим комплексом, и валиково-воротничковая, в которой андроновский компонент выражен слабее, зато очевидны традиции степных культур валиковой керамики, прежде всего, ивановской культуры Поволжья. В связи с этим надо признать, что предложенное ранее для валиково-воротничковых лесостепных комплексов наименование атабаевско-межовских не вполне отражает характер этих памятников. С самого начала сопоставление их с атабаевско-межовским кругом культур было определено не только чертами сходства с предананьинскими комплексами Волго-Камья, но и с необходимостью подчеркнуть их своеобразие по отношению к классическим памятникам с валиковой керамикой. Однако материалы Елховского селища еще раз показывают, насколько изменчиво соотношение степных ивановских и лесостепных атабаевско-межовских черт в воротничковых комплексах юга лесостепи.

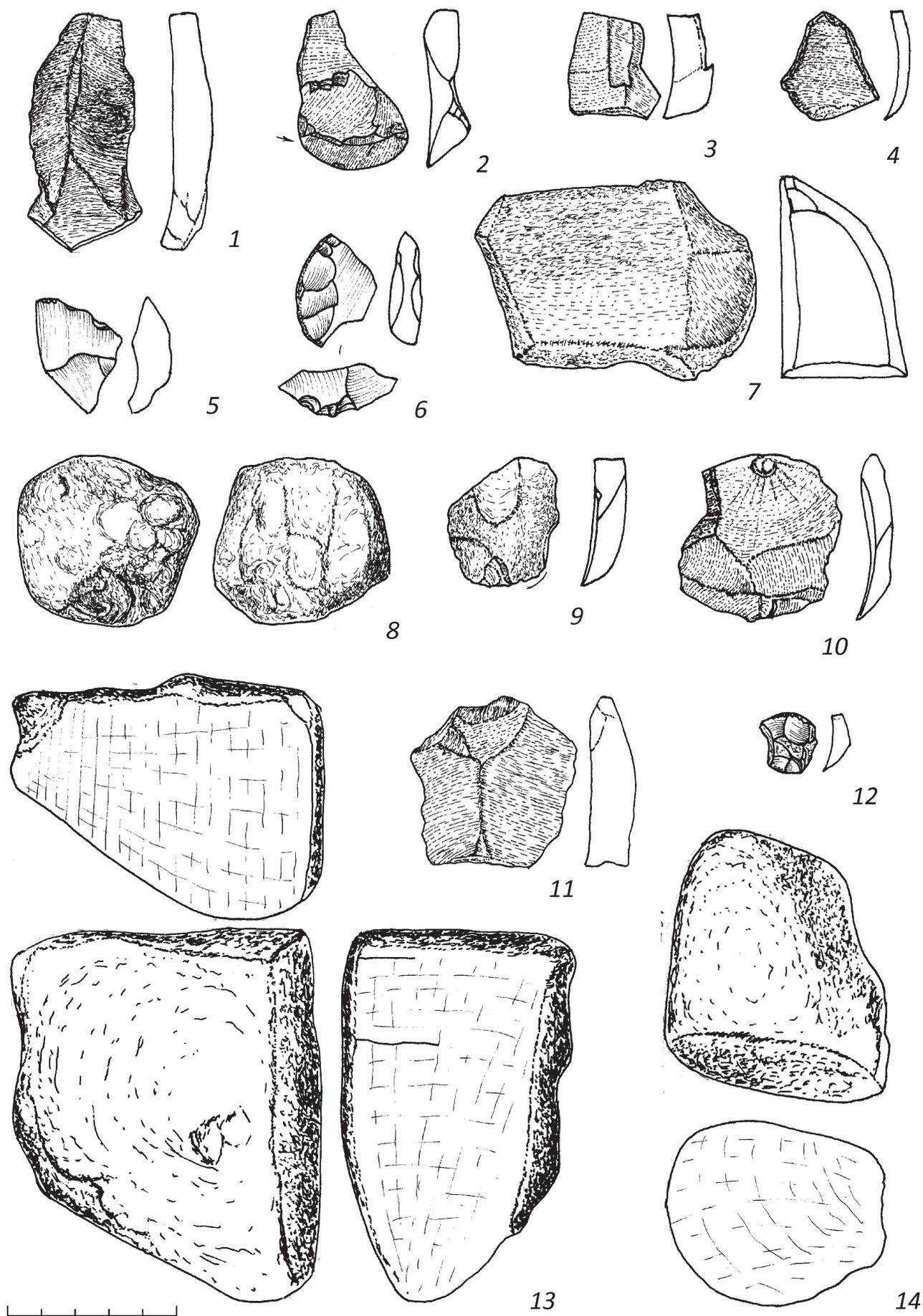

Рис.12. Каменные орудия из культурного слоя.
 1-7, 12 - скребки; 8 - сфероид; 9-11 - нож по дереву; 13,14 - курант.

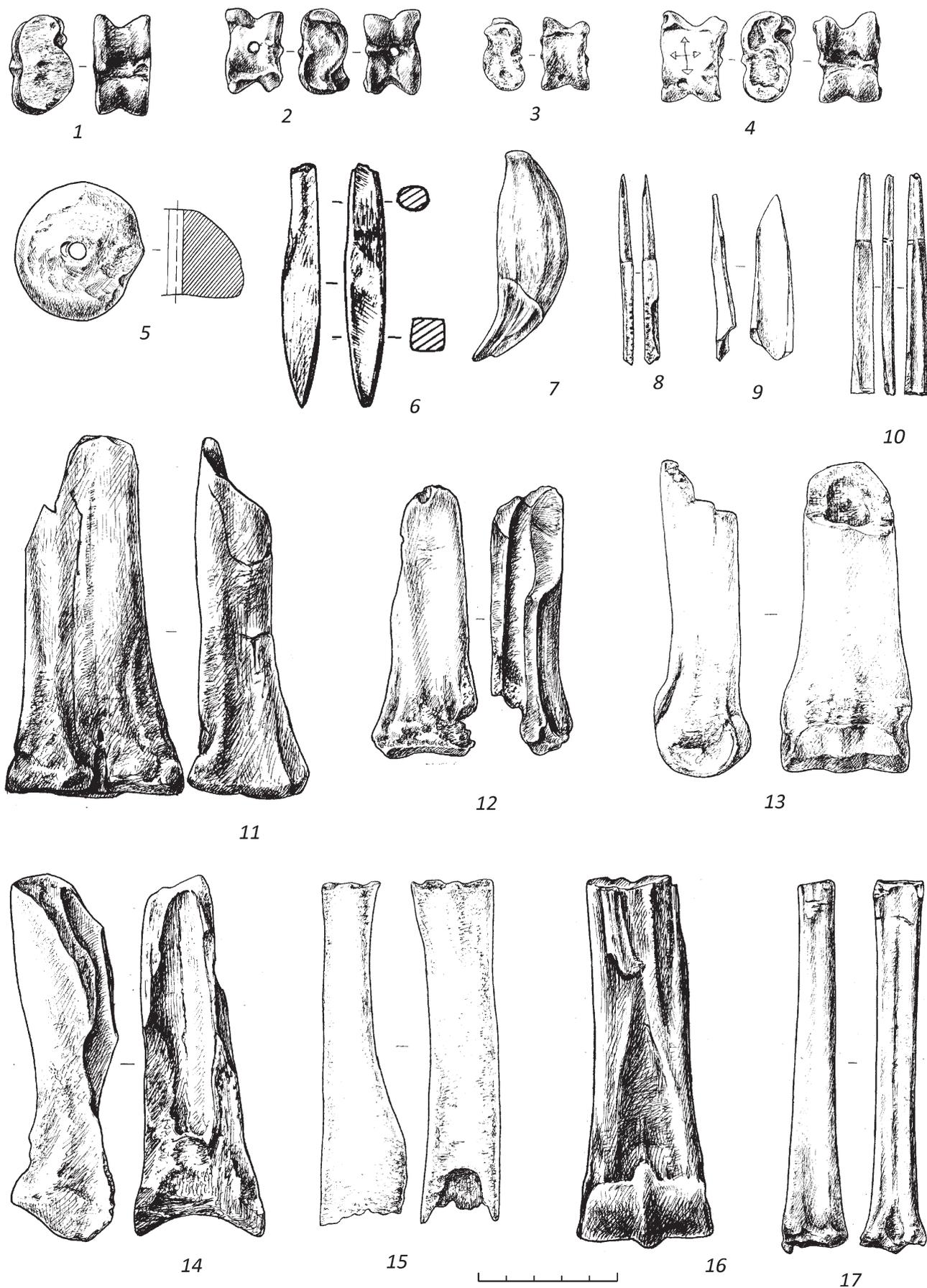

Рис.13. Изделия из кости из культурного слоя.
 1-4 - игральные кости; 5 - пряслице; 6 - наконечник стрелы; 7 - амулет; 8-10 - проколки;
 11-13 - лопатки; 14 - долото; 15 - выпрямитель древков; 16, 17 - рукояти.

Вероятно, ивановские степные традиции имели значительно большее значение в истории лесостепного Волго-Камья, чем нам это ранее представлялось. Не случайно, видимо, значительное сходство металлообрабатывающих традиций культур лесостепного Волго-Камья и степных ивановских племен, представленных почти исключительно категориями и типами изделий, характерными для лобойковско-дербеденевского (средневожского) металлообрабатывающего очага (Агапов, 1990. С. 13). Практически неперенное присутствие воротничковой керамики на сусканских памятниках также заставляет допускать сосуществование двух культурных традиций на определенном отрезке времени и их взаимное обогащение, в том числе в сфере металлообрабатывающего производства. Но механизм этого взаимодействия и роль степных и лесостепных традиций в культурогенезе предананьинского времени еще предстоит изучить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Boroffka N., Sava E.* Zu den steinernen «Zeptern/Stossel-Zeptern», «Miniatursaulen» und «Phalli» der Bronzezeit Eurasiens // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Bd.30. Berlin, 1998. S.17-113.
- Агапов С.А.* Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.
- Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // *История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век*. Самара, 2000. С. 242-301.
- Колев Ю.И.* Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // *Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья*. Самара, 2008. С. 208–240.
- Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е.* Многослойное поселение эпохи неолита – позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (предварительная публикация) // *Древние культуры лесостепного Поволжья*. Самара, 1995. С. 50–110.
- Колев Ю.И., Седова М.С.* Погребальный комплекс заключительного этапа эпохи бронзы с территории поселения Шигоны III // *Вопросы археологии Урала и Поволжья*. Вып. 2. Самара, 2004. С. 212–222.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // *У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника)*. Елабуга, 2009. С. 29–55. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8)
- Ставицкий В.В.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.

КЕРАМИКА БЕЛОГОРСКОГО ТИПА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

А.А. Чижевский (Казань)

Ceramics of the Belogorsk type in the Samara Volga region

A. A. Chizhevskiy (Kazan)

Памятники белогорского типа выделены В.В. Гольмстен в 1925 г. после археологического обследования Самарской губернии в 1922–1923 гг. (Рис. 1) (Гольмстен, 1924; 1925. С. 5–14; Кузьминых и др., 2007. С. 34). На основании изучения коллекций поселений Самарской Луки она выделила семь типов глиняной посуды. Второй тип был назван белогорским по эпонимному Белогорскому городищу (Рис. 2) (Гольмстен, 1925. С. 6, 7, 16). По определению Гольмстен, керамика белогорского типа – круглодонная, с примесью дробленой раковины в глиняном тесте, орнамент «чеканный», состоящий из круглых (Рис. 2, 11, 19, 22, 23), трехгранных (Рис. 2, 5, 7, 10) и угловых (Рис. 2, 2–4, 13–17, 20) вдавлений, расположенных по шейке и плечикам в один или несколько рядов (Там же. С. 6, 7).

В настоящее время можно дополнить эту характеристику на основании изучения существенно расширившейся базы данных керамики из памятников, выявленных после работ Гольмстен. Сосуды белогорского типа имеют цилиндрическую, раструбовидную или блоковидную горловину, выраженные плечики и круглое дно; в качестве примесей использовалась дробленая раковина и известняковая крошка. Орнамент располагался на шейке и, как правило, состоял из 1–2 рядов вдавлений и/или ямок подтреугольной или овальной формы (Рис. 2; 3, 1–20; 4, 5, 8, 11); иногда орнамент опускается на плечики, образуя треугольные фестоны, сформированные неглубокими вдавлениями (Рис. 3, 11, 16).

Исследования на белогорских памятниках осложняются переработанностью культурного слоя последующими обитателями. На данный момент нет ни одного изученного однослойного поселения с керамикой данного типа.

Широкомасштабные работы на памятниках с керамикой белогорского типа за 90-летнюю историю их изучения

проводились нечасто. Стоит назвать работы А.В. Збруевой в 1938 г. на поселении Царев Курган (Рис. 1, 5; 3, 1–11) (Збруева, Смирнов, 1947. С. 192–200), рекогносцировочные раскопки Н.В. Трубниковой на городище Задельная Гора в 1952–1954 гг. (Рис. 1, 2; 3, 1–8, 22) (Трубникова, 1960. С. 123. Рис. 1, 19–16). В 1969 г. сборы на городище Манчиха провел краевед В. Тихонов, а на Торновском городище небольшие раскопки осуществил И.Б. Васильев. Большой вклад в исследование памятников белогорского типа внесла Г.И. Матвеева. В 1969 г. она провела раскопки на Коптевом городище, в 1970 г. – на городище Лысая Гора (Рис. 1, 3; 3, 20), в 1970–1971 гг. – на городище Каменная Коза (Рис. 1, 14; 4, 4) (совместно с В.А. Ивановым). В 1974 г. ею исследовались городища Задельная Гора и Торновское (Рис. 1, 19) (Матвеева, 1975).

В 1981 г. А.В. Расторопов провел небольшие раскопки на поселении Царев Курган и городище Лбище (1985. С. 100–111). Последующие работы Г.И. Матвеевой на Лбище (Рис. 1, 22) (1984. С. 159, 160; 1985. С. 162, 163; 1986. С. 141, 142) дали небольшую коллекцию белогорской керамики. Кроме того, следует отметить исследования Г.И. Матвеевой и А.И. Крамарева на селище Новый Путь в 1997 г. (Рис. 1, 13; 4, 8–24) (Колев, 2000. Рис. 36; Зудина, 2010. С. 102) и А.Ф. Кочкиной – на «Муромском Городке» (Рис. 1, 8) (2009. С. 31; 2011. С. 24). В последние годы памятники с керамикой белогорского типа разведочно исследуются Д.А. Сташенковым, Л.А. Вязовым и Д.В. Серых.

В настоящее время известны 23 памятника с керамикой белогорского типа: 14 городищ (Усинский курган, Задельная Гора, Лысая Гора, Царев Курган, Муромский Городок, Сосновый Солонец, Белая Гора, Коптево, Манчиха, Каменная Коза, Вислокаменское, Молодецкий курган, Торновское, Лбище) и 9 селищ (у Поповой

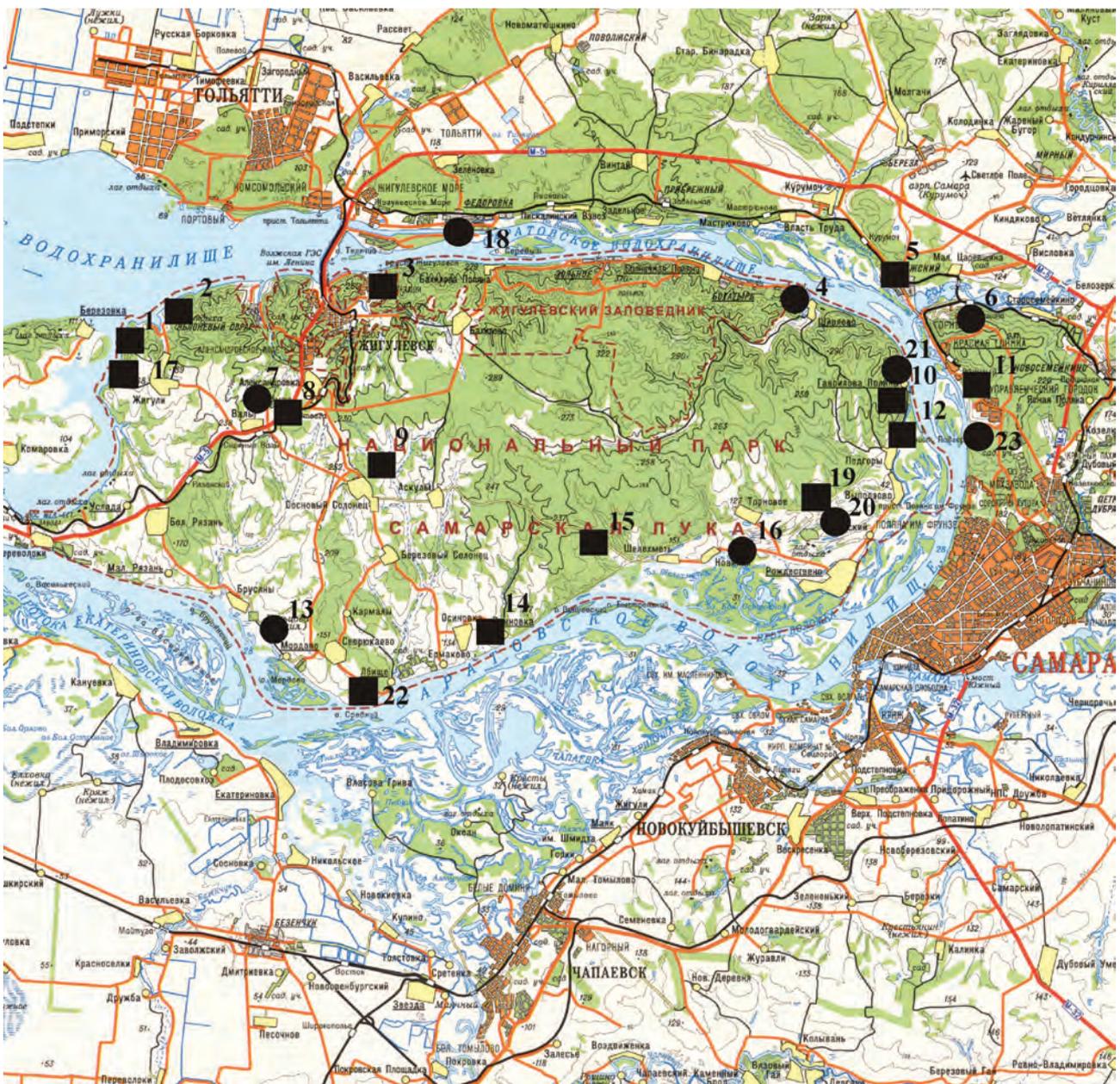

Рис. 1. Памятники с керамикой белогорского типа в Самарском Поволжье. 1 – Усинский курган; 2 – Задельная Гора; 3 – Лысая Гора; 4 – у Поповой Горы; 5 – Царев Курган; 6 – Царевщина; 7 – Валовское I; 8 – Муромский Городок; 9 – Сосновый Солонец; 10 – Белая Гора; 11 – Коптево; 12 – Манчиха; 13 – «Новый Путь»; 14 – Каменная Коза; 15 – Вислокаменское; 16 – Новинковское; 17 – Молодецкий курган; 18 – у с. Федоровка; 19 – Торновское; 20 – Торновское селище; 21 – у подножья Белой Горы; 22 – Лбище; 23 – Студеный Овраг.

Горы, Царевщина, Валовское I, «Новый Путь», Новинковское, у с. Федоровка, Торновское, у подножья Белой Горы, Студеный Овраг). Большая часть из них располагается на Самарской Луке (Рис. 1). Могильники, содержащие белогорскую керамику, в Самарском Поволжье пока неизвестны.

Еще В.В. Гольмстен соотносила керамику белогорского типа с ананьинско-пьяноборскими древностями Вятки и Камы (1925. С. 7). А.М. Талыгрэн на основании

находок отдельных предметов на территории современных Ульяновской и Самарской областей доводил область расселения ананьинских племен до Самарской Луки (Tallgren, 1916. Fig. 3). А.В. Збруева признавала ананьинскую принадлежность керамики на поселениях Самарской Луки, но осторожно говорила об ананьинском влиянии, а не распространении самой культуры (1952. С. 188). Г.И. Матвеева включала белогорские поселения в круг памятников ананьинской

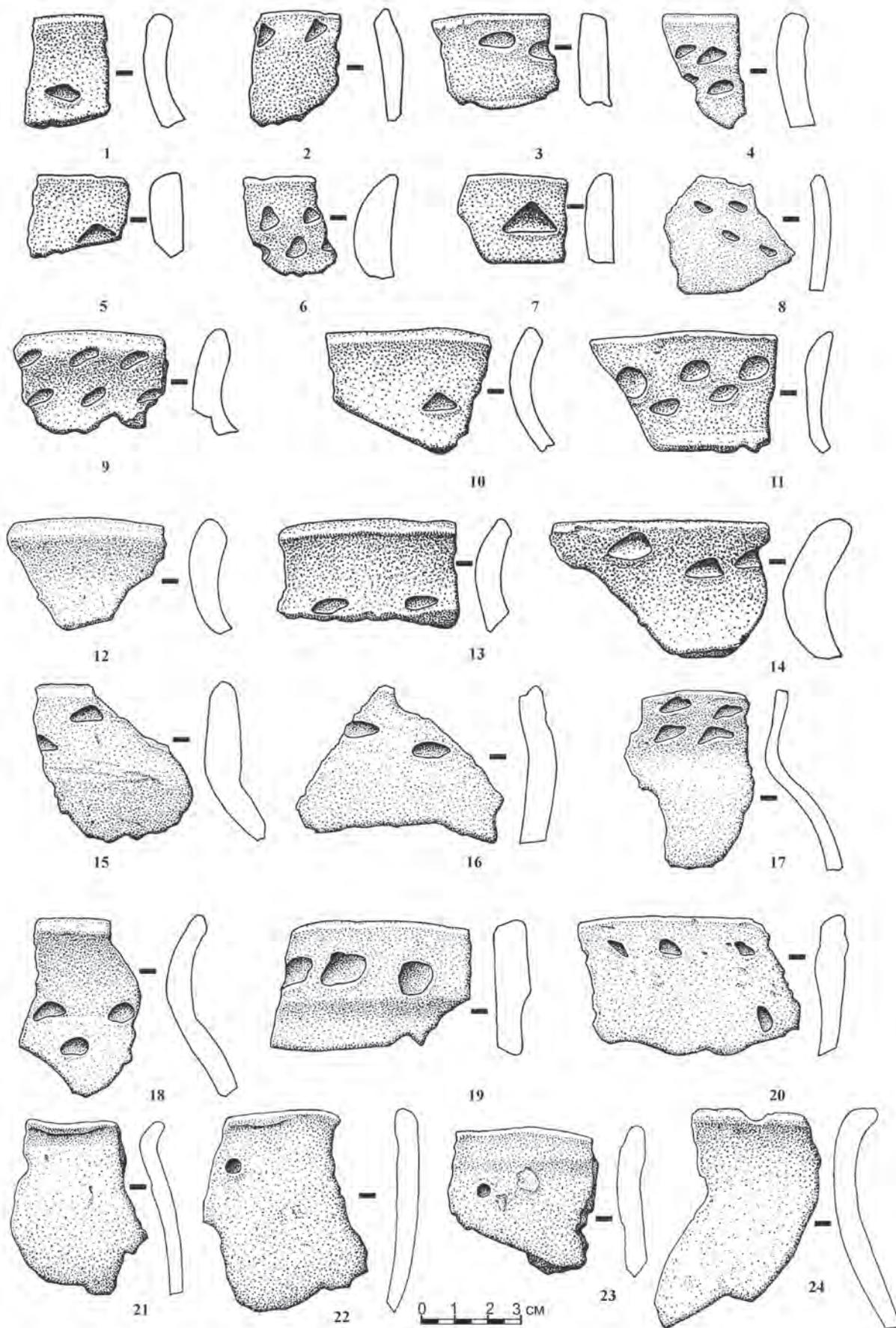

Рис. 2. Керамика городища Белая гора. Сборы В.В. Гольмстен, 1922 г.

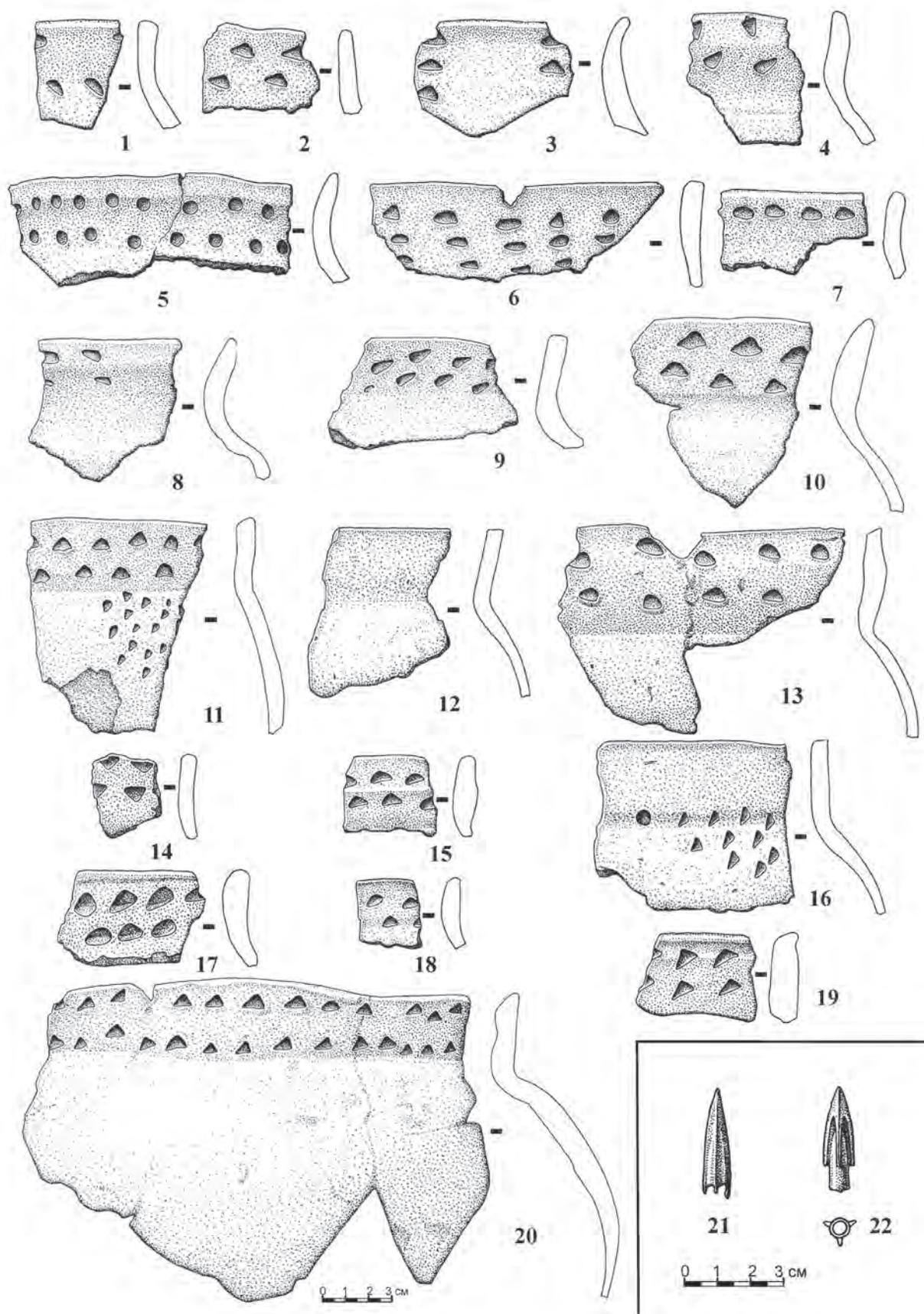

Рис. 3. Белогорские поселения Самарской Луки. 1–11 – Царев курган (А.В. Збруева, 1938 г.); 12–19 – Задельная гора (Н.В. Трубникова, 1952–1954 гг.); 20 – Лысая гора (Г.И. Матвеева, 1970 г.); 21 – Царев Курган, наконечник стрелы (А.В. Збруева, 1938 г.); 22 – Задельная гора, наконечник стрелы. 1–20, – керамика; 21, 22 – медь, бронза.

культуры и выделяла их в белогорский вариант (1975. С. 99; 2000. С. 84–86). В.Н. Марков предлагал выделять белогорский тип керамики как особую стадию развития постмаклашеевской культуры, образовавшуюся в результате синтеза постмаклашеевской и «текстильной» керамических традиций уже после ухода их носителей из Нижнего Прикамья (2007. С. 42, 61).

Таким образом, все существующие точки зрения на керамику белогорского типа можно свести к двум гипотезам: ананьинской и пьяноборской. Пьяноборская гипотеза В.В. Гольмстен основана на аналогиях с материалами Сухаревского городища, расположенного на Средней Каме в Каракулинском районе Удмуртии, которое содержит материалы ананьинско-пьяноборского времени (Генинг, 1971. С. 110. Рис. 37, 8–12; Голдина, Черных, 2011. С. 77). Г.И. Матвеева также отмечала близость пьяноборской керамики низовий р. Ик и белогорской посуды (1975. С. 98; 2000. С. 86).

Ананьинская гипотеза основана на сходстве основных признаков белогорской керамики и ананьинской, включающих: 1) примесь дробленой раковины или органики; 2) круглодонность сосудов; 3) орнамент по шейке и плечикам; 4) его размещение горизонтальными зонами (Ишмуратова, 1975. С. 62; Зудина, 2010. С. 104, 105). Эти признаки были сформулированы в середине 70-х гг. XX в., но не потеряли актуальности и в настоящее время, так как отражают самые общие черты керамики ананьинской культурно-исторической области (АКИО). Устарели лишь представления об обязательности присутствия шнуrowого орнамента на керамике АКИО, так как на ряде поселений постмаклашеевской культуры она либо отсутствует вовсе, либо встречается в незначительном количестве. Исчезает шнуrowая орнаментация и на позднеананьинских памятниках Нижнего и Среднего Прикамья.

Большую роль в становлении этой гипотезы также играла близость орнаментации керамики из наиболее южных памятников АКИО (Гулькинский могильник, городище Старая Майна и др.) к керамике белогорского типа (Рис. 6, 9, 15–19) (Збруева, 1954. С. 250. Рис. 7). На всех этих памятниках встречена керамика, украшенная подтреугольными вдавлениями. Кроме того, А.М. Тальгрэн и

А.В. Збруева отмечали находки ананьинских металлических предметов с территории Самарского Поволжья: бронзовые наконечник копья из Ставропольского района и чекан из Красного Яра (Збруева, 1952. С. 188). Однако связь последнего с ананьинским миром проблематична: С.В. Кузьминых относит его к тагарскому оружию (1983. С. 139).

На южноволжских памятниках АКИО основывается и гипотеза В.Н. Маркова, который, изучая материалы Маклашеевского II городища (Рис. 5, 7, 8, 14–16; 6, 3, 7, 10, 11, 14), выявил здесь сочетание подтреугольных ямок и вдавлений с «текстильными» отпечатками на поверхности (2007. С.42).

В последние годы появились новые аргументы в пользу сложения белогорского типа керамики Самарского Поволжья на основе традиций АКИО и прежде всего постмаклашеевской традиции изготовления глиняной посуды. Об этом свидетельствуют материалы городища Каменная Коза (Рис. 4, 4), селища Царевщина (Рис. 4, 1–3, 6), находки у дороги Ягодное-Хрящевка (Рис. 4, 7), где вместе с типично белогорской керамикой встречена глиняная посуда, орнаментированная круглыми глубокими ямками, образующими на обратной стороне выпуклые «жемчужины», и гребенчатым штампом. Эта керамика широко представлена в комплексах поселений и могильников Нижнего Прикамья и Казанского Поволжья (Ишмуратова, 1975. Рис. 6, 5, 6; Халиков, 1977. Рис. 87, 4; 88; 89; Марков, 2007. Рис. 1; 2; 7; 8, 1, 2, 6, 7, 9 и др.; Чижевский, 2008. Рис. 8, 4; Кузьминых, Чижевский, 2009. Рис. 8, 1, 2, 8–12). Однако наиболее представительная выборка постмаклашеевской керамики Самарского Поволжья зафиксирована в материалах селища Новый Путь, где она доминирует (Рис. 4, 8–24). Это классическая постмаклашеевская керамика, которая, судя по отсутствию более ранних маклашеевских признаков, соотносится с первым и вторым периодами развития АКИО – IX–VI/V вв. до н.э.

Таким образом, среди культур АКИО наибольшую близость к белогорской посуде имеет керамика постмаклашеевской культуры (IX–VI/V вв. до н.э.). Территориально она также наиболее близка к Самарской Луке, располагаясь в Казанском, Ульяновском, частично Марийско-Чувашском Поволжье, а также в Нижнем Прикамье и на р. Белой. В ее орнаментальной традиции встречаются подтреугольные и овальные

вдавления, расположенные в виде поясков на горловине и плечиках (Рис. 5–7), а также фестоны, сформированные неглубокими вдавлениями (Рис. 5, 10, 14, 15; 7, 10, 18). Однако удельный вес данного элемента составляет от 0,4 до 11,4 %, причем пояски двойных подтреугольных вдавлений (Рис. 6, 5–13) встречаются реже (Марков, 2007). Особый интерес представляют материалы Антоновского городища (Камско-Устьинский р-н Республики Татарстан), в которых композиции орнамента с использованием треугольных ямок и вдавлений составляют более 30% (Ишмуратова, 1975. Рис. 5).

На общем фоне постмаклашеевских поселений южноволжские памятники культуры, которые локализуются в Спасском р-не Республики Татарстан и Старо-Майнском р-не Ульяновской области, отличаются значительным своеобразием. Керамика с подтреугольными вдавлениями и ямками составляет в них 4,7–11,4 % (Марков, 2007. С. 20, 21. Табл. 8). Это поселения Зольное, Гулькинское, «Курган», Мантовское, городища Маклашеевское II, Старо-Майнское, а также Гулькинский могильник и др. (Рис. 5, 7, 8, 11–16; 6, 1, 3–7, 9–12, 14–19; 7, 3, 5, 6).

Утверждение В.Н. Маркова о том, что использование подтреугольных ямок и вдавлений в орнаментации шейки и плечиков сосудов возникло в результате слияния «текстильных» и постмаклашеевских орнаментальных традиций, пока преждевременно. Лишь на Маклашеевском II городище отмечается наличие керамики с подтреугольными вдавлениями (ямками) наряду с заметной долей посуды с «текстильными» отпечатками (Марков, 2007. Рис. 32, 5, 7; 33, 3; 35, 2; 36, 11).

В последние годы ареал керамики с орнаментом из подтреугольных ямок и вдавлений, в том числе в виде двойного пояска, на территории постмаклашеевской культуры существенно расширился. Подобная керамика выявлена в Казанском Поволжье – поселение Займище IIIа, Казанский кремль, Казанская и Карташихинская I стоянки, городище Казанка I (Рис. 5, 4, 10; 6, 5, 6, 13), в среднем течении р. Свияги – стоянка Черки-Кильдуразы V (Рис. 6, 2), в Нижнем Прикамье – стоянки Лебединская и Биостанция V, городища Сорочьегорское, Гремячий Ключ, Именьковское и др. (Рис. 5, 1, 2; 6, 8; 7, 2, 7).

Есть определённые аргументы и в пользу пьяноборской принадлежности

керамики белогорского типа. Так, наиболее яркими признаками, встречающимися на белогорской и пьяноборской керамике, являются орнаментация в виде треугольников на горловине и относительно более высокая плотность как белогорской, так и пьяноборской керамики по сравнению с раннеананьинской. Однако подтреугольные вдавления на пьяноборской керамике немногочисленны и выявлены на ряде поселений Нижнего Прикамья и р. Белой (Подгорно-Байларская стоянка, Ябалаковское, Горно-Кулушевское III, Кулушевское I, Тойгузинское II, Новомедведковское I селища, городище Такталачук и др. (Рис. 8, 1–15) (Генинг, 1958. Рис. 23, 5, 7). Большая часть пьяноборской керамики вообще не имеет орнаментации, в то время как на белогорской посуде орнаментация в виде треугольников составляет около 70%. Кроме того, на пьяноборской керамике треугольные вдавления образуют один пояска по шейке, а не два, как на белогорской. Известен только один случай размещения овальных вдавлений в два ряда, выявленный на городище Чеганда I (Генинг, 1958. Рис. 23, 6). Отличаются и формы сосудов – в основном чашевидная у пьяноборской керамики и горшковидная – у белогорской. Впрочем, керамика, украшенная треугольными вдавлениями, происходит из памятников с нерасчлененными культурными слоями ананьинско-пьяноборского времени, и поэтому есть высокая вероятность того, что она также является ананьинской.

Таким образом, белогорская керамика близка к постмаклашеевской по орнаментации (треугольные вдавления, образующие двойной пояска по шейке) и форме сосуда (как правило, горшковидной). По плотности керамики и использованию в основном вдавлений, а не ямок белогорская керамика сближается с пьяноборской. В то же время значительная стандартизация орнамента – двойной поясок из подтреугольных вдавлений или ямок, составляющий до 70%, отделяет ее и от первых, и от вторых.

Керамика белогорского типа занимает промежуточное положение между постмаклашеевской и пьяноборской, являясь, таким образом, ананьинской (постмаклашеевской) по облику, но с некоторыми позднейшими (пьяноборскими) элементами. Судя по встречаемости керамики белогорского типа в слоях поселений постмаклашеевской культуры Самарского Поволжья и, соответственно, на поселениях

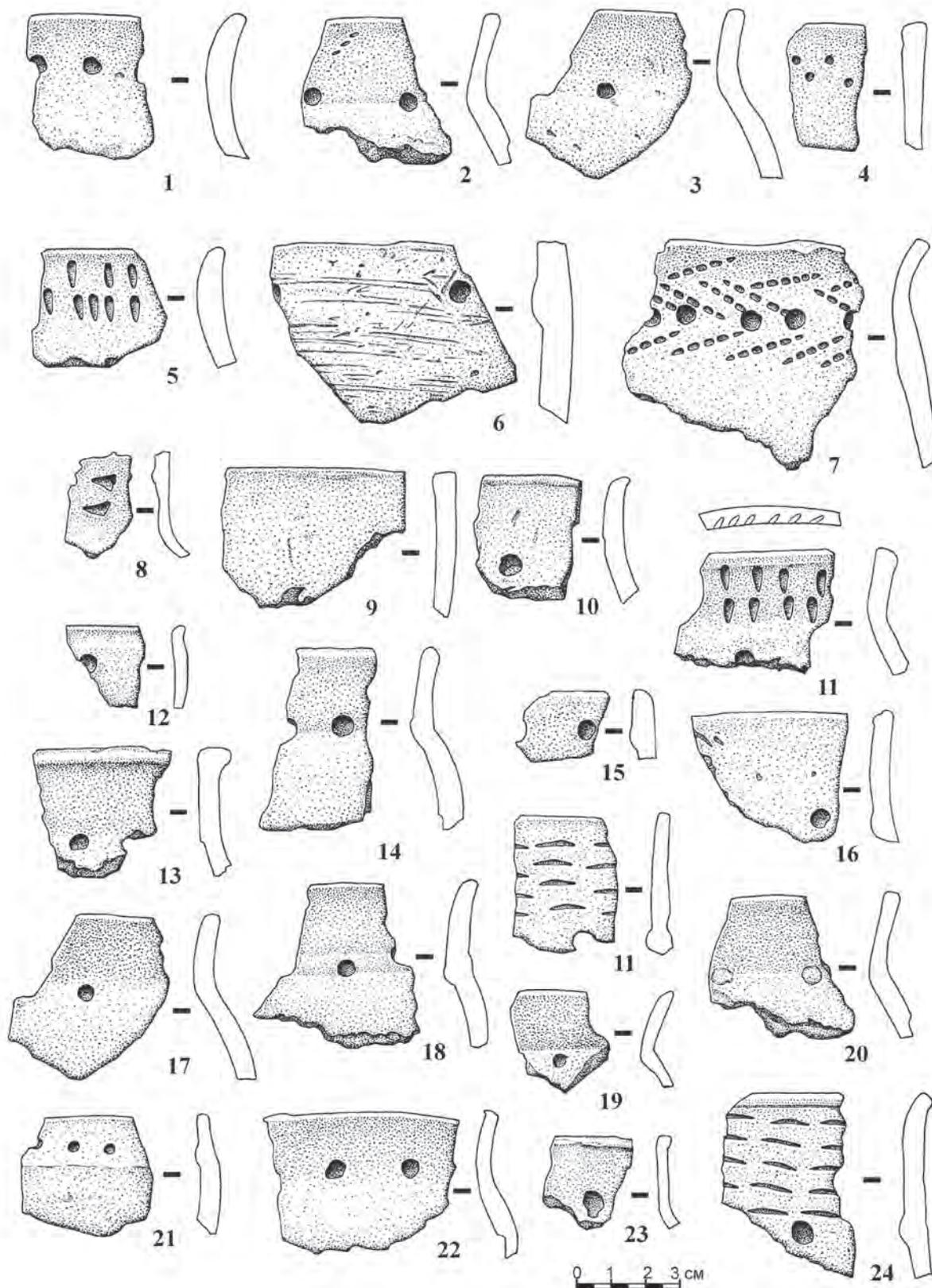

Рис. 4. Постмаклашевская керамика Самарской Луки. 1–3, 6 – «Царевщина» (сборы В.В. Гольмстен, 1922 г.); 4 – Каменная Коза (Г.И. Матвеева, В.А. Иванов, 1970–1971 гг.); 7 – Ягодное-Хрящевка (сборы В.В. Гольмстен, 1925 г.); 5, 8–24 – «Новый Путь» (Г.И. Матвеева, А.И. Крамарев).

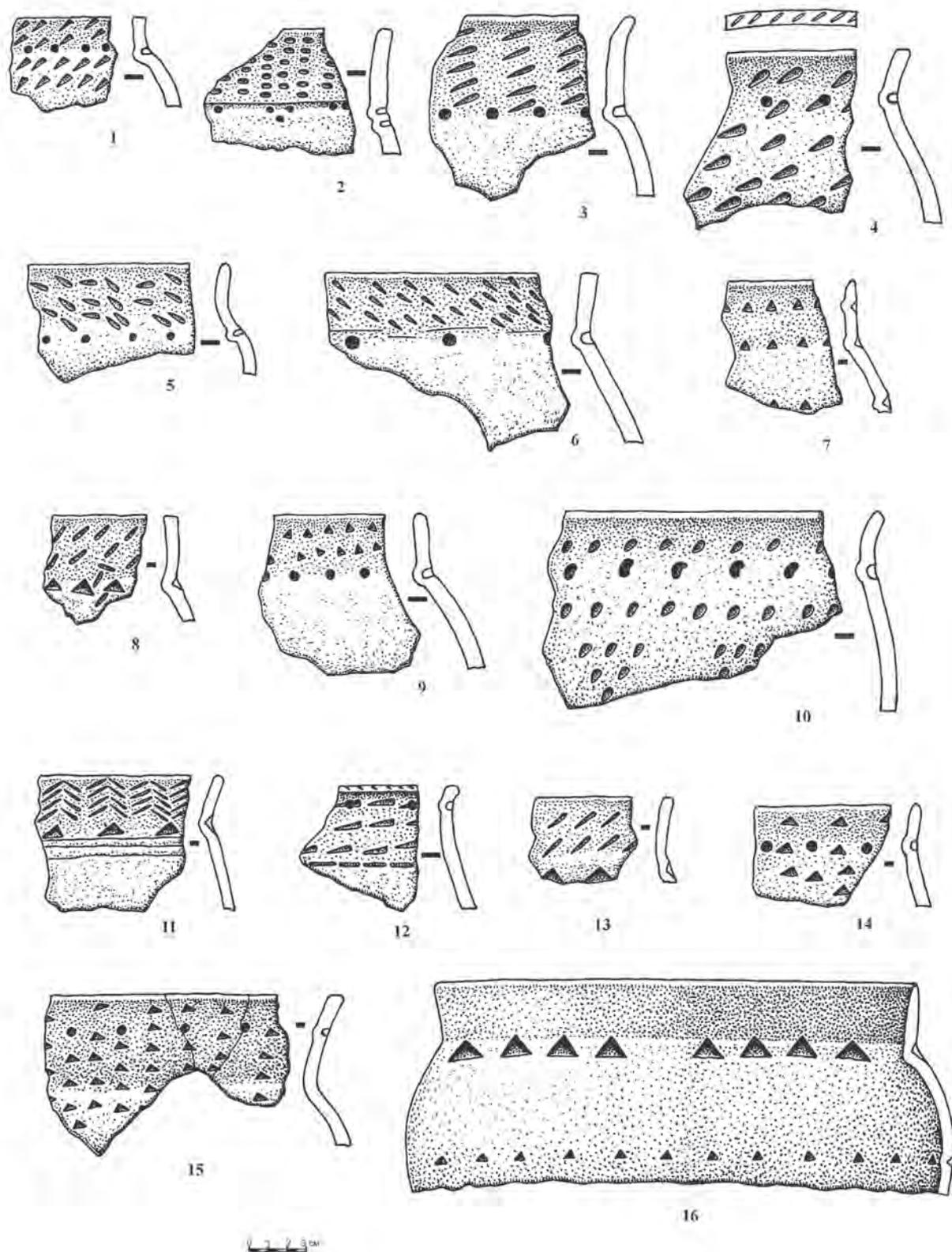

Рис. 5. Постмакляшевская керамика. 1, 9 – Гремячий Ключ; 2 – Именьковское; 3 – «Курган»; 4 – Казанская стоянка; 5, 6 – Казанка I; 7, 8, 14–16 – Макляшевское II; 10 – Казанский кремль; 11, 12 – Гулькинское; 13 – Мантовское местонахождение.

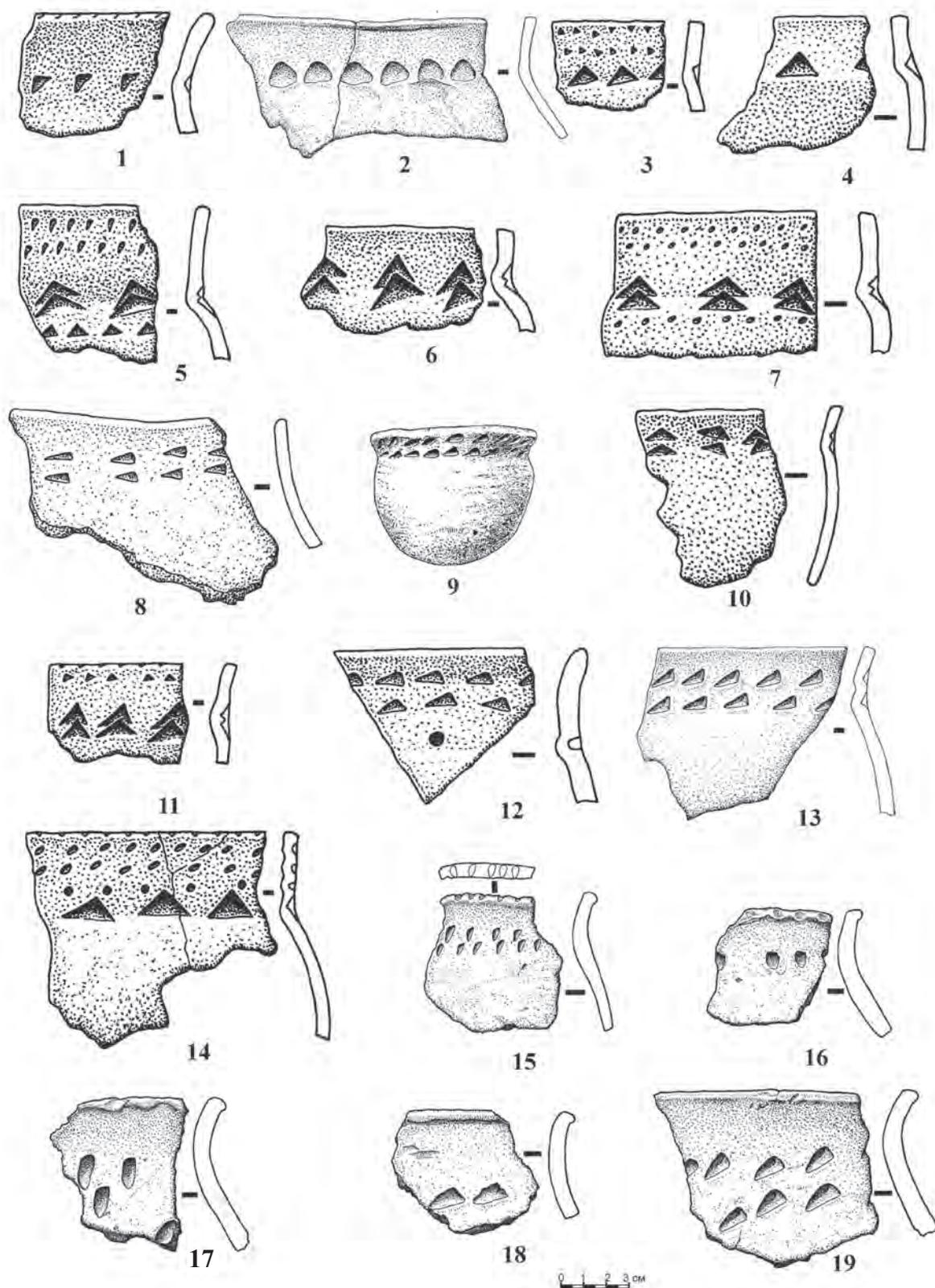

Рис.6. Постмаклашевская керамика. 1 – Зольное; 2 – Черки-Кильдуразы V; 3, 7, 10, 11, 14 – Маклашевское II; 4–6 – Гулькинское; 8 – Сорочьегоorskое; 9 – Гулькинский м-к, п.7; 12 – «Курган»; 13 – Займищенская Ша; 15–19 – Старомайское.

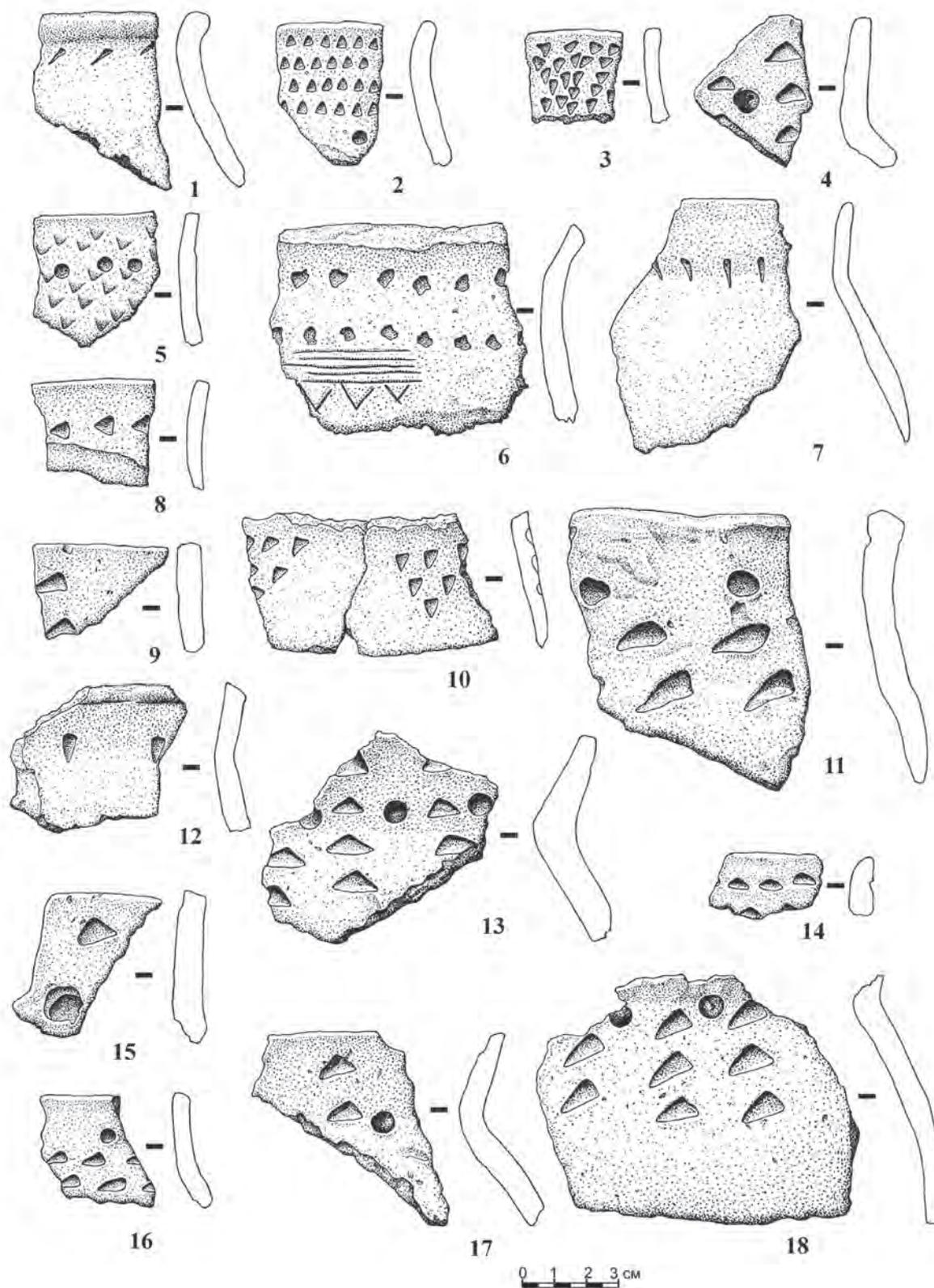

Рис.7. Постмаклашевская керамика. 1 – Карташихинская II; 2 – Биостанция V; 3, 5, 6 – «Курган»; 4, 9, 11–18 – Карташихинская I; 7 – Лебединская; 8, 10 – Казанка I.

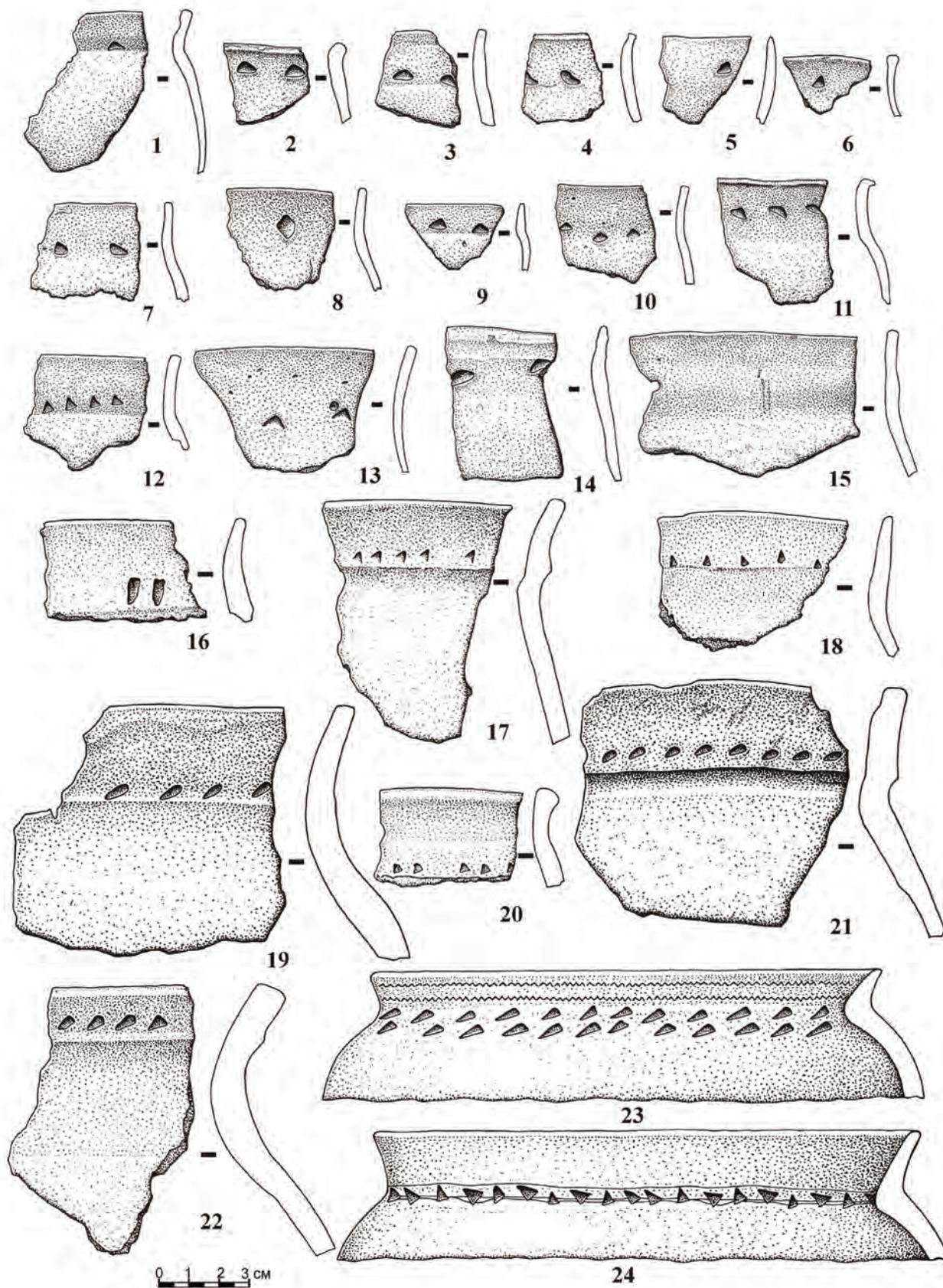

Рис.8. Керамика с подтреугольными вдавлениями из памятников позднего этапа АКЮ (16–24) и пьяноборской культуры (1–15). 1, 6, 11 – Подгорно-Байларская; 2, 10, 12, 15 – Ябалаковское; 2 – Подгорно-Байларская; 3 – Такталачук; 4, 5, 14 – Горно-Кулушевское III селище; 7, 8 – Тойгузинское II; 9 – Кулушевское I; 13 – Новомедведковское I; 16–22 – Гремячанское селище (святилище); 23, 24 – Акваз I.

Казанского Поволжья и Нижнего Прикамья, связь ее с постмаклашеевской культурой АКИО представляется весьма вероятной.

Для уточнения времени существования керамики белогорского типа обратимся к керамическим комплексам, хронологическая позиция которых определена. Керамика с поясками треугольных ямок или вдавлений встречена в верхнем горизонте Сорочьегорского городища (Марков, 2007. Рис. 7, 1, 3; Чижевский, 2008. Рис. 8, 4), который датируется по трехлопастному бронзовому наконечнику стрелы типа С-26 VI первой половиной V в. до н.э. (Кузьминых, 1983. С. 107; Чижевский, 2008, С. 94. Рис. 5, 5).

На поселениях АКИО р. Белой подтреугольные вдавления иногда сочетаются со шнуровой орнаментацией или ее имитацией – волнистой линией (селище Аквас I) (Рис. 6, 23, 24), появившейся на памятниках АКИО в V–IV вв. до н.э. под влиянием иткульской культуры (Гарустович, Савельев. 2004. С. 117. Рис. 6, 2–5; Морозов, 2004. Рис. 3, 15, 16). Отмечена орнаментация подтреугольными вдавлениями и на раннекараабызских (постмаклашеевских) поселениях (городища Акташ, Касьяновское и Табынское, селище Андреевское), датируемых V–II вв. до н.э. (Пшеничнюк, 1964. С. 100. Рис. 2, 1; 1973. Рис. 23, 1; 31, 1; 36, 5; Голдина, 1999. Рис. 120, 10). Подтреугольные вдавления известны и на гафурийской керамике Шиповского и II Охлебинского городищ (Пшеничнюк, 1973. Рис. 24, 3, 4, 8; 27, 1, 2, 4, 5; Голдина, 1999. С. 245. Рис. 120, 10); появление этой керамики на р. Белой относится к рубежу IV–III в. до н.э. (Савельев, 2011. С. 64).

Керамика с подтреугольными вдавлениями встречена и в позднеананьинских слоях памятников Пермского Прикамья (Рис. 8, 16–22), датирующихся IV–III вв. до н.э. (Вечтомов, 1967. С. 144). В Удмуртском Прикамье подтреугольные вдавления на шейке сосудов выявлены на Зуевключевском I и Верхне-Мошкарновском городищах в слоях VI–III – IV/III вв. до н.э. (Ашихмина, 1984. Рис. 77, 9, 85; Голдина, Черных, 2011. Рис. 32, 4, 5).

Таким образом, орнаментация поясками треугольных вдавлений широко распространяется на памятниках позднего этапа АКИО. Она зафиксирована на позднеананьинских поселениях Нижнего и Среднего Прикамья, а также на памятниках бассейна р. Белой. Не случайно ее

появление и на пьяноборских поселениях Нижнего Прикамья, что, вероятно, отражает пережиточную традицию, перешедшую из ананьинской эпохи в пьяноборскую.

Исходя из этих фактов, время формирования данной орнаментальной традиции можно отнести к концу существования АКИО; саму её следует рассматривать как признак позднего этапа постмаклашеевской культуры. В этой связи необходимо согласиться с мнением Г.И. Матвеевой и В.Н. Маркова о значительном своеобразии памятников белогорского типа в рамках постмаклашеевской культуры и выделять их в особый белогорский вариант постмаклашеевской культуры на заключительном этапе ее существования.

Данное положение подкрепляют бронзовые наконечники стрел, найденные на поселениях самарского течения Волги с белогорской керамикой. С городища Задельная Гора происходит экземпляр (Рис. 3, 22) с треугольной головкой, шипами на концах лопастей и выступающей втулкой, датируемый VI–IV (тип С-68, по С.В. Кузьминых) – IV/III вв. до н.э. (тип VII, по К.Ф. Смирнову) (Смирнов, 1961. С. 53; Кузьминых, 1983. С. 112). Наконечник со сводчатым и треугольным пером с лопастями, шипы которых опущены ниже втулки (Рис. 3, 21), из Царева Кургана датируется IV–III вв. до н.э. (тип XVI, по К.Ф. Смирнову, тип С-50, по С.В. Кузьминых) (Смирнов, 1961. С. 57; Кузьминых, 1983. С. 110).

Наконечники данных типов известны в материалах позднеананьинских и раннекараабызских памятников, таких как Свиногорское и Граханьское² городища, селища Конецгорское и Гремячанское, Гляденовское костыше, Биктимировский, Шиповский, Охлебининский и Уфимский могильники (Кузьминых, 1983. С. 110, 112). Вероятно, и белогорский тип керамики в Самарском Поволжье надо датировать в пределах VI–III вв. до н.э.

Подводя итог, необходимо отметить, что керамика белогорского типа подразделяется на территории Самарского Поволжья на две группы: 1) более раннюю – классическую постмаклашеевскую и 2) более позднюю – белогорскую, являющуюся производной от постмаклашеевской. Время существования белогорской керамики укладывается в пределах VI–III вв. до н.э.,

² Современное название села – Грахань, Мамадышского района РТ.

то есть она соотносится с концом второго этапа и третьим – позднеананьинским периодом АКЮ. Значительное своеобразие памятников с поздней, собственно белогорской керамикой на Самарской Луке позволяет выделять их в особый белогорский вариант постмаклашеевской культуры на заключительном этапе её существования. Широкое распространение данного элемента орнамента на памятниках разных культур АКЮ третьего периода свидетельствуют о его значении в качестве хронологического маркера позднеананьинского периода в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ): Дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1984.
- Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С. 135–155.
- Гарустович Г.Н., Савельев Н.С.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении р. Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 93–118.
- Генинг В.Ф.* Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. II. Археологические памятники чегандинской культуры III в. до н.э. – II в. н.э. Ижевск-Свердловск, 1971. (ВАУ. Вып. 11)
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р.Д., Черных Е.М.* Археологическая карта Каракулинского района Удмуртской Республики. Ижевск, 2011.
- Гольмстен В.В.* Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Самара, 1924. Ч. 1. С. 159–173.
- Гольмстен В.В.* Материалы по археологии Самарской губернии. 2. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень общества археологии и истории, этнографии, естествознания при Самарском университете. 1925. № 3. С. 5–16.
- Збруева А.В., Смирнов А.П.* Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла // ВДИ. 1939. № 4. С. 192–200.
- Збруева А.В.* Гулькинский могильник // МИА. 1954. № 42. С. 247–258.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952. (МИА. № 30)
- Зудина В.Н.* О состоянии изученности культур оседлого населения раннего железного века в Самарском Поволжье // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара, 2010. С. 101–109.
- Ишмуратова Г.Р.* Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1. С. 51–64.
- Колев Ю.И.* Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 242–301.
- Кочкина А.Ф.* Исследования на Муромском городке // АО–2006. М., 2009. С. 31.
- Кочкина А.Ф.* Исследования на Муромском городке // АО–2007. М., 2011. С. 24.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А.* Вера Владимировна Гольмстен: материалы к биографии. Самара, 2007.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 29–55. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8)
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 4)
- Матвеева Г.И.* Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975. С. 93–104. (Краеведческие записки КОКМ. Вып. III)
- Матвеева Г.И.* Раскопки городища Лбище // АО–1982. М., 1984. С. 159–160.

- Матвеева Г.И.* Работы на городище Лбище // АО–1983. М., 1985. С. 162–163.
- Матвеева Г.И.* Работы Куйбышевского университета // АО–1983. М., 1986. С. 141–142.
- Морозов Ю.А.* Новые памятники курмантаусской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 119–126.
- Пшеничнюк А.Х.* К вопросу о керамике кара-абызских поселений // АЭБ. 1964. Т. II. С. 93–100.
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. 1973. Т. V. С. 162–242.
- Расторопов А.В.* Исследования городища Лбище на Самарской Луке в 1981 г. // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 100–111.
- Савельев Н.С.* Гафурийский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. 2011. № 2. С. 56–66.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961. (МИА. № 101)
- Трубникова Н.В.* Поселения I тысячелетия и начала II тысячелетия нашей эры на Самарской Луке // МИА. 1960. № 80. С. 120–128.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VII вв. до н.э.). М., 1977.
- Чижевский А.А.* Исследования Сорочьегогорского городища в 2007 г. // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 91–98.
- Tallgren A.M.* Collection Zaouissanlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916.

СИУХИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ 2009-2010 ГГ.)

Д.Ю. Ефремова (Йошкар-Ола), Б.С. Соловьев (Йошкар-Ола)

The Siuhino settlement (preliminary results of investigation 2009-2010)

D.Yu. Efremova (Yoshkar-Ola), B. S. Soloviev (Yoshkar-Ola)

На территории Марийского Поволжья известно значительное количество памятников ананьинской эпохи. Наиболее полно исследованы и подробно опубликованы могильники: Акозинский, Старший Ахмыловский, Козьмодемьянский (Халиков, 1962. С. 26–91; Патрушев, Халиков, 1982; Большов, 1998). Хуже обстоит дело с поселениями, раскопки которых не проводились с конца прошлого столетия. Достаточно сказать, что последняя публикация по данной тематике (Ардинское городище, раскопки Г.А. Архипова и В.С. Патрушева 1975 г.) вышла тридцать лет назад (Архипов, Патрушев, 1982. С. 51–82), а результаты изучения Копаньского, Малахайского городищ, Малахайского селища (В.С. Патрушев, 1970–1980 гг.), Мари-Луговского поселения (А.И. Шадрин, 1990 гг.) до сих пор должным образом не введены в научный оборот. В этой связи представляет интерес Сиухинское поселение, недавно исследованное авторами статьи.

Памятник является частью археологического комплекса, расположенного на древнем останце правой коренной террасы р. Большая Юнга в 900 м к северо-западу от д. Сиухино Троицко-Посадской сельской администрации Горномарийского района Республики Марий Эл (Рис. 1). Высота овальной (67х30 м) площадки, вытянутой по линии северо-запад – юго-восток, достигает 10 м от уровня поймы (Рис. 3). Крутые склоны разрушаются, северо-восточный – рекой, северо-западный – эрозией, северный поврежден в 1950 гг. при сооружении мельничной плотины, канал которой прослеживается поныне (Рис. 2, 3). До наших работ на слегка покатой к северо-западу поверхности были видны следы предыдущих раскопок и кладоискательских вкопов.

Памятник известен под названиями Сиухинское поселение, Сиухинское II городище, Сиухинский археологический комплекс (Халиков, 1962. С. 96–98; Архипов,

Никитина, 1993. С. 14; Никитин, 2009. С. 50; Энциклопедия Республики Марий Эл. С. 712). Первое упоминание о «городищах близи д. Сиухиной» относится к 1934 г.; в научно-рукописном фонде Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им В.М. Васильева хранятся их подробный топографический план и акварельные зарисовки, выполненные сотрудником Козьмодемьянского краеведческого музея В.П. Лоцмановым (Чубарова, 1952). Позднее останец посетила Р.В. Чубарова (экспедиция Марийского научно-исследовательского института 1952 г.), предположившая его искусственное происхождение (Чубарова, 1953, 1953а). Первые раскопки (Рис. 3, 4) произведены А.Х. Халиковым (Марийская археологическая экспедиция 1958 г.), вскрывшим 324 кв. м в центре и юго-восточной части площадки (Халиков, 1958). Были выделены три культурно-хронологических горизонта: ананьинский (поселок VII–V вв. до н. э.), средневековый (кузница XII–XIII вв.) и нового времени (марийское святилище XVIII–XIX вв.).¹ Исследователь полагал, что, возможно, первоначально памятник имел вид мысового городища, укрепления которого были разрушены промоиной, отделившей его террасы. Коллекция эпохи раннего железа включала ананьинскую и «текстильную» керамику, глиняные тигли, льячки, обломок формы для отливки наконечника копья, бронзовую бляху с массивной петлей (Халиков, 1962. С. 96–98. Табл. XVI, 13–14, XVII, 1–5). Впоследствии археологический комплекс осматривался В.С. Патрушевым и С.В. Кузьминых (1973 г.), собравшими предметы, позволившие сузить датировку нижнего слоя до VII–VI вв. до н. э.

¹ Наши раскопки показали, что так называемая «кузница» на самом деле является древнемарийским святилищем.

Рис. 1. Местоположение Сиухинского археологического комплекса.

(Патрушев, 1986. С. 26); Б.С. Соловьевым (1976 г.); А.И. Михеевой (2001 г.) (Михеева, 2002. Л. 9, 10. Рис. 36–38). В 2009–2010 гг. авторами статьи предприняты новые раскопки.

Траншея 2009 г. размерами 18x2 м, перерезавшая южный скат от вершины до уровня поймы, выявила следующую стратиграфию (Рис. 5).

1. Дерн – до 4 см.

2. Выкид из раскопа 1958 г. – однородная коричневая глина толщиной до 12 см,

залегавшая под дерном в участках 1–4 на протяжении 612 см.

3. Наслоения древнемарийского святилища – темно-серый суглинок толщиной до 40 см. Прослежен в участках 1–3 на протяжении 504 см. Горизонт содержал вкрапления мелкой кальцинированной кости, обломки средневековой керамики, железную лодочную скобу. В участке 1 выделяется углисто-золистая прослойка длиной 160 см, насыщенная жженой костью (кострище?).

Рис. 2. Вид на останец с юго-востока.

4. Слой поселка эпохи раннего железа – серый суглинок толщиной до 32 см с углистыми включениями, ананьинской и текстильной керамикой, фрагментами тиглей, сырыми костями. Подстилал отмеченную выше углисто-золистую линзу и горизонт темно-серой супеси. Продолжался на протяжении 700 см до середины участка 4, где достигал максимальной толщины. В участке 4 отмечена углистая линза длиной 22 см, толщиной до 6 см.

5. Смешанный оползень отмеченных выше напластований, в основном серой супеси – серо-коричневый пестрый суглинок с расплывчатыми границами (участки 4–8, толщина 40 см).

6. Материк на склоне представлен красной глиной, подстилающей дерн (участки 7–8), серый суглинок (участок 1), серо-коричневый пестроцвет (участки 4–7); у подошвы склона – известняком (с середины участка 8).

В участках 2, 3 на материке зафиксировано девять небольших (диаметр 7–12 см, глубина до 13 см) ямок с округло-коническим дном и темным гумусным заполнением (Рис. 8). Они образовывали два параллельных ряда, разнесенных на 60–80 см. Очевидно, это следы заградительного сооружения, опоясывавшего верхушку останца.

В следующем году исследована вся уцелевшая часть площадки (Рис. 4). Первый раскоп 1 (32 кв. м) охватывал северо-восточный край, второй (152 кв. м) – северо-западную оконечность. Для уточнения характера конструкций к траншее 2009 г. с запада был прирезан небольшой участок размерами 8х2 м.

Перекрытый наслоениями средневекового святилища тонкий горизонт серого суглинка, маркирующего культурный слой эпохи раннего железа, сохранился фрагментарно, в основном вблизи склонов. В северо-западном углу раскопа 2 расчищено

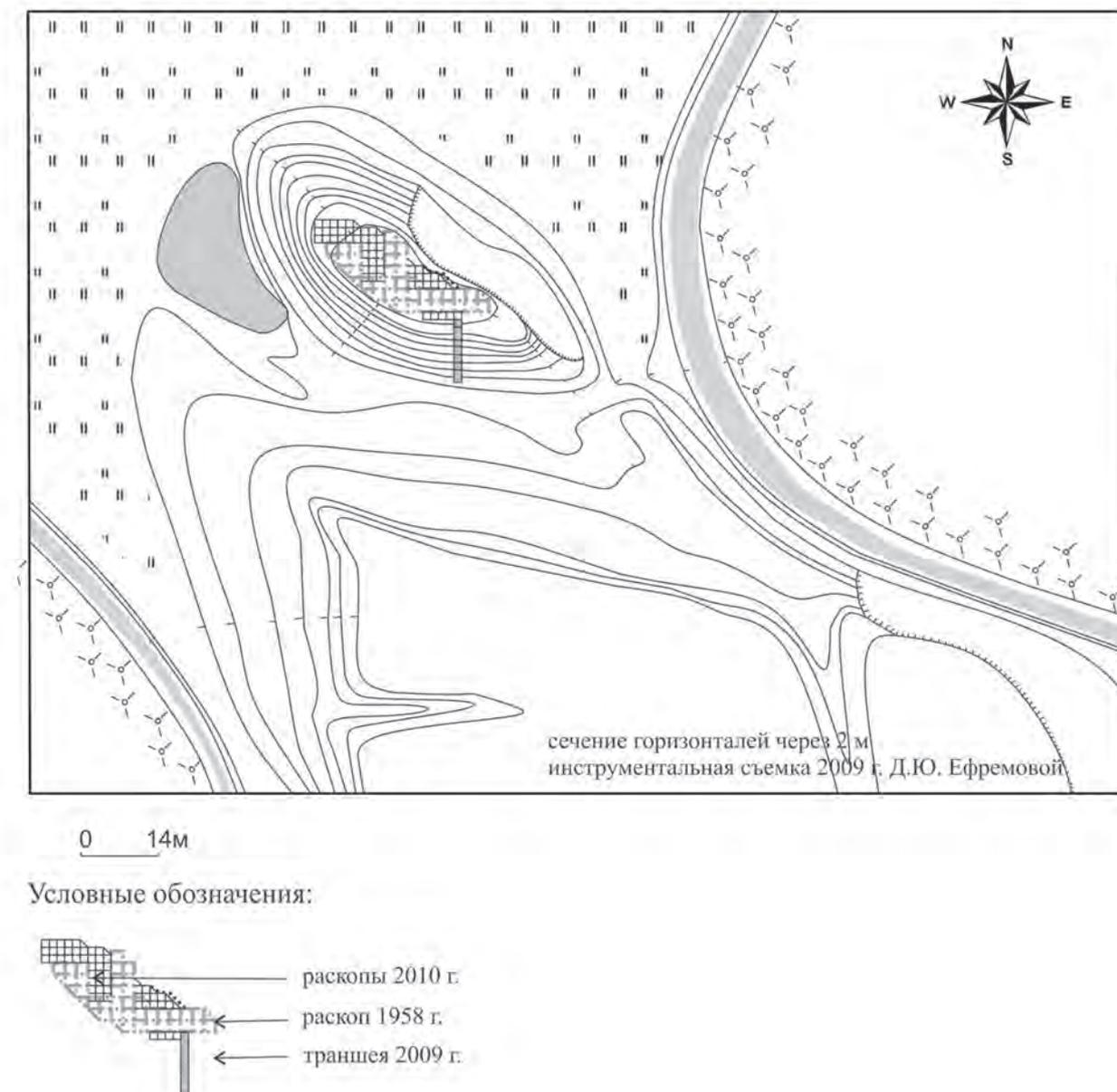

Рис. 3. Сиухинский археологический комплекс. Топографический план.

овальное кострище – черная углистая линза размерами 180x240 см, содержащая фрагменты ананьинской керамики (Рис. 4).

Особый интерес представляют прямые темные канавки шириной 40–50 см, глубиной до 35 см, прослеженные на материковой глине в прирезке и крайних северо-западных участках раскопа 2 (Рис. 4, 6, 9). После выборки серого заполнения канавок проявились округлые столбовые ямы с закругленным дном (диаметр до 40 см, глубина до 50 см), промежуток между ними составлял около двух метров (Рис. 10). С внутренней стороны южной канавки на расстоянии 15–115 см от нее зафиксирован неровный

ряд округло-конических и котловидных, иногда парных, столбовых ям диаметром 18–40 см, заглубленных в материк на 10–57 см (Рис. 7).

Рассмотренные выше объекты, судя по стратиграфическим наблюдениям относящиеся к эпохе раннего железа, реконструированы нами следующим образом (Рис. 11). Поселок ограждала капитальная стена. Конструкция включала вертикально врытые массивные столбы, соединявшие секции горизонтально положенных толстых бревен, очевидно, крепившихся с помощью пазовой техники. Основание укрепления было впущено в грунт. Любопытна находка под стеной на дне канавки челюсти

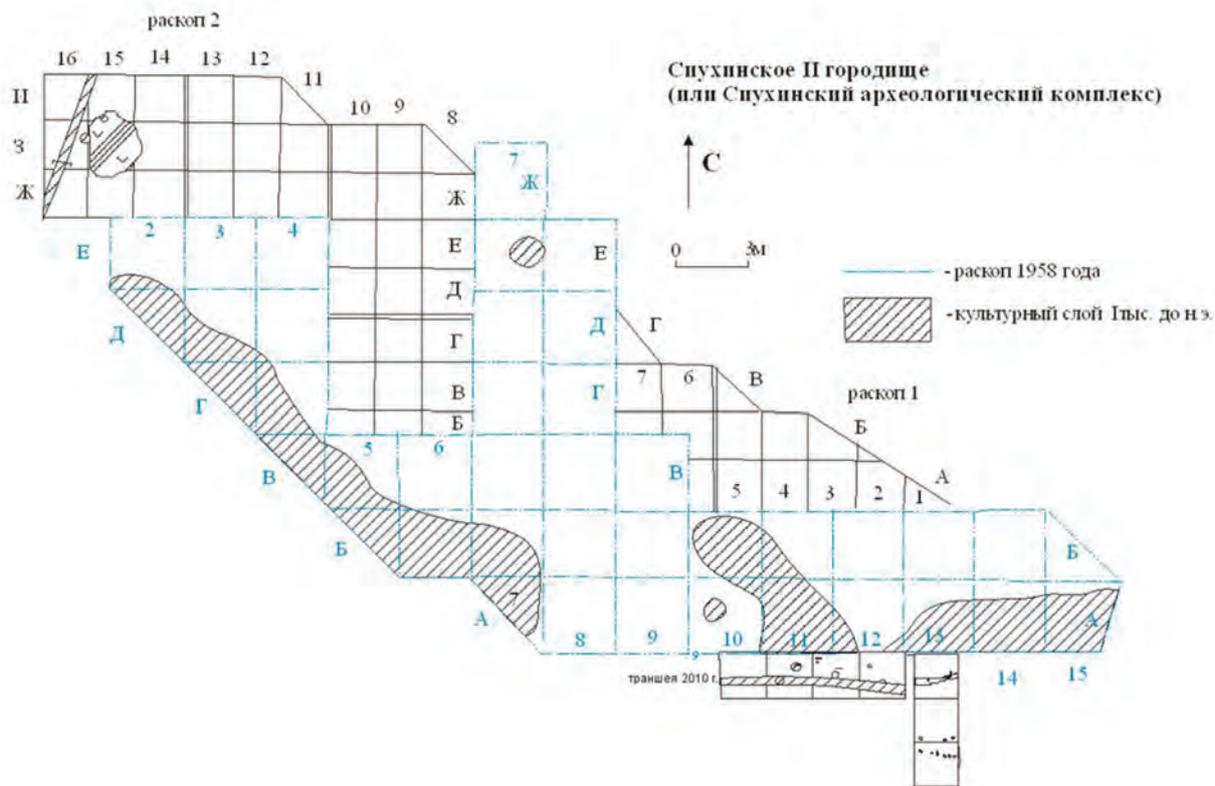

Рис. 4. План расположения раскопов.

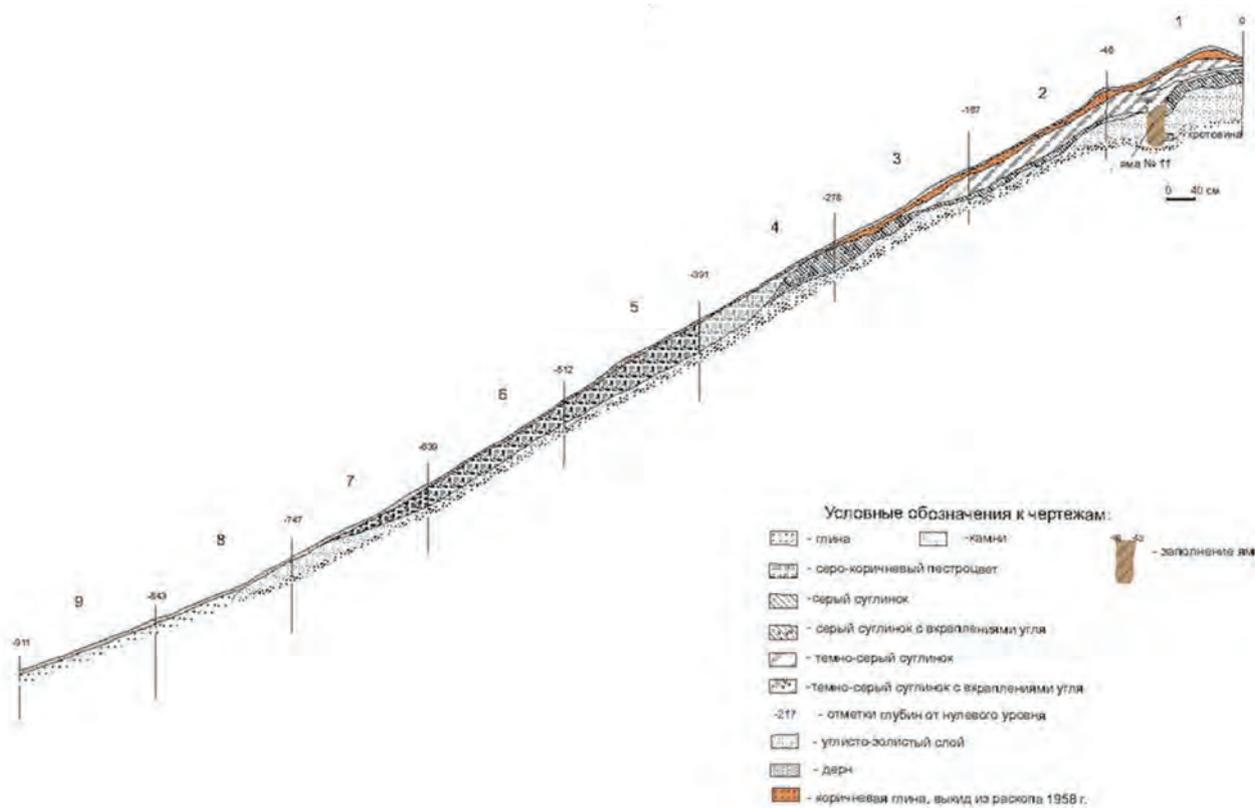

Рис. 5. Профиль западной стенки траншеи 2009 г.

Рис. 6. Стена на южном склоне в траншее 2010 г.

свиньи, вероятно, «строительной жертвы» (Рис. 8).² На расстоянии двух метров вниз по склону находился дополнительный пояс обороны – двойной плетень или частокол. Возможно, врытые с внутренней стороны стены вертикальные столбы поддерживали навес, одновременно служивший наблюдательной и оборонительной площадкой. Отсутствие в центре останца следов построек, расположение очага и концентрация остатков материальной культуры вблизи склонов предполагают наличие примыкавших к стене закрытых помещений, позволявших использовать поселение в холодное время года.

Коллекция раскопок 2009, 2010 г. включает фрагменты керамической посуды и тиглей. Керамика представлена двумя хронологически едиными группами.

Первая группа. Керамика ананьинской культурной общности (Рис. 12, 14, 1). Посуда коричневого и темно-серого цвета. В основном структура – пористая, с узкими продолговатыми пустотами, значительная часть обломков имеет четко фиксируемую примесь толченой раковины. Толщина стенок составля-

ет 4–6 мм. Идентифицировано 36 круглодонных сосудов (плоские днища отсутствуют). Из-за фрагментарности материала полностью реконструировать форму невозможно, вычисленный в пяти случаях диаметр горла составляет 15–18 см. По верхним частям выделяются сосуды со слегка прикрытым и отогнутым расширяющимся горлом, плавно переходящим в низкие слабовыпуклые плечики. Шейки у них сравнительно короткие, венчики – Т-образные, отогнуто-заостренные, плоские, округлые, с внешним наплывом.

Практически вся посуда орнаментирована. Горизонтально-зональные композиции занимают шейку и плечико, изредка опускаясь на середину тулова. Нижняя часть сосудов – гладкая. Орнамент нанесен шнуром, псевдошнуровым орнаментом, круглыми, каплевидными, треугольными вдавлениями, нарезками, овальным трезубым и длинным зубчатым штампом. Довольно часто венчик покрыт скошенными, зигзагообразными, «елочными» зубчатыми оттисками и нарезками. Орнаментальные композиции на шейке и плечиках, как правило, состоят из плотных

² Благодарим за определение к. в. н. Г. Ш. Асылгараеву.

столб 1

столб 2

столб 3

столб 4

столб 5

столб 6

Рис. 7. Профили столбов южного склона.

зон шнуровых и псевдошнуровых отпечатков, рядов ямок, располагающихся равномерно или образующих группы из двух – трех вдавлений. Встречаются повторяющиеся горизонтальные линии, короткие наклонные отрезки, многорядные зигзаги, плоские бордюры, украшенные ямками и оттисками овального зубчатого штампа.

Наши материалы подтверждают точку зрения В.Н. Маркова о принадлежности посуды поселения к «гребенчато-шнуровой» и постмаклашеевской керамике ананьинской культурно исторической общности (Марков, 2007. Рис. 45, 4, 57, 58). Территориально близкие аналогии имеются в комплексах средневожских могильников: Акозинского, Старшего Ахмыловского, Козьмодемьянского

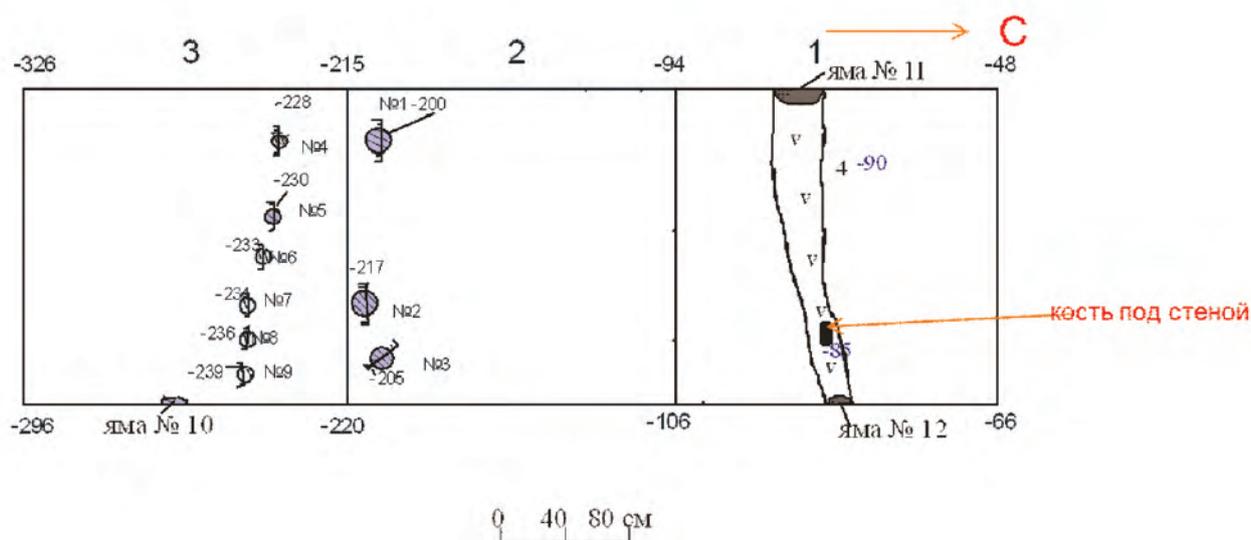
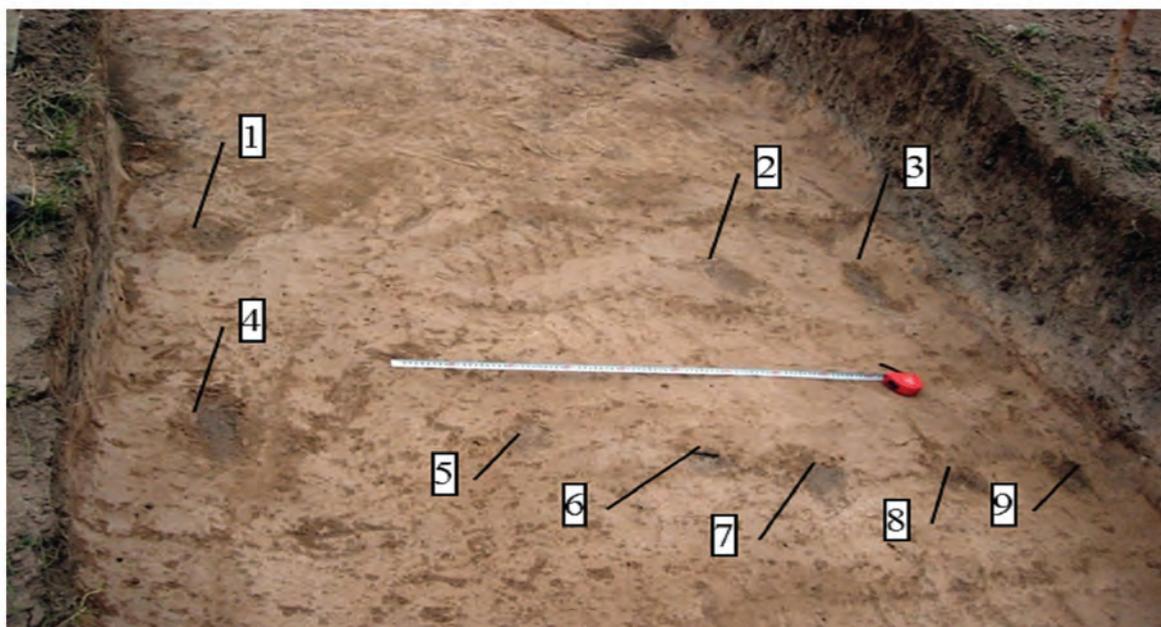

Рис. 8. Дополнительные укрепления на южном склоне (плетень?).

(Халиков, 1962. Табл. IX, 4, 5, 1977. Рис. 85; Патрушев, 1984. Рис. 31–33; Большов, 1988. Рис. 7, 1–4); городищ: Хмелевского, Копаньского, Васильсурского II, Ардинского, Малахайского и селищ: Токаревского, Малахайского, Мари-Луговского (Халиков, 1960. С. 145–148. Табл. LXIV; 1962. С. 92–106, 138–153. Табл. XV, 1–8, XVII, XVIII, XX, 1, 3, 4, 8; XVIII, XXIX; Архипов, Патрушев, 1982. С. 51–82. Рис. 5). Характерна такая посуда и для ветлужских ананьинских памятников: Богородское и Чертово городища, Русенихинские городище и поселение (Воеводский, 1951. Рис. 12–14; Халиков, 1977. Рис. 93; Марков, 2007.

Рис. 46; исследования Т.Б. Никитиной и Д.Ю. Ефремовой, коллекции МарНИИЯЛИ).

Керамика общности «текстильной керамики» (Рис. 13). Структура – плотная, заметна примесь дресвы и мелкого песка. Толщина стенок составляет 5–7 мм. По верхним частям выделено 20 круглодонных плавнопрофилированных сосудов с цилиндрическим, прикрытым или отогнутым горлом. Трижды при переходе в плечико отмечен сглаженный уступ. Венчики – плоские, почти Т-образные, с небольшим утолщением на внешней стороне, закругленные. У 11 экземпляров край

Рис. 9. Стена северо-западного склона.

горла расщеплен нарезками и оттисками мелкозубчатого штампа. «Бедная» орнаментация в основном состоит из расположенных под венчиком горизонтальных рядов округлых ямок и выдавленных изнутри уплощенных выпуклин – «жемчужин» (Рис. 2, 3, 5, 6, 8, 9, 12). На шейке и плечиках встречаются комбинации трехрядного зигзага и коротких скошенных отрезков (Рис. 13, 1, 4). Единичны сложные композиции, состоящие из разделенных горизонтальными линиями поясков коротких наклонных отрезков и треугольных вдавлений (Рис. 13, 7). Узкие «ниточные» и мелкие четырехугольные «текстильные» отпечатки, чаще занимающие всю внешнюю поверхность, нанесены хаотично, вертикально и наклонно. Иногда они накладываются друг на друга.

Ближайшие аналогии посуде этой группы содержат коллекции городищ и селищ Марийско-Нижегородского Поволжья: Сомовских I, II, Хмелевского, Васильсурского II, Токаревского, Ардинского, Мари-Луговского и др. (Халиков, 1960. С. 146–147. Табл. LXIII, 4–6, 1962. Табл. XV, 9, 10; XX, 1, 2, 5–7, 9, 10; XXX; Архипов, Патрушев,

1982. Рис. 6; Патрушев, 1989. Рис. 2, 6–10, 3, 1–8; Никитина, Соловьев, 2001. Рис. 8, 1–10; Соловьев, 2000. Рис. 59, 11–15).

Ниже приводятся результаты суммарного структурно-технологического анализа керамики раннего железного века из раскопок 2009, 2010 гг.³ Выделяется два условных района добычи исходного сырья. В первом случае использовалась глина с естественными примесями бурого железняка размерами до 1,2–2 мм, редко до 3 мм; окатанного белого песка – до 0,1–0,2 мм, единично до 0,7 мм; рыхлого серого известняка – до 1,5 мм. Во втором случае глина содержит те же естественные примеси, но отличается большим содержанием мелкого, до 0,1–0,2 мм песка, более крупные включения – 0,5–1 мм крайне редки. Отмечены включения органики, представленные тонкими щелевидными пустотами длиной до 5 мм, шириной не более 1 мм. Данный источник относится к сильно запесоченным глинам. Сырье использовалось

³ Выражаем глубокую признательность к.и.н. А.И. Михеевой за предоставленную возможность использования неопубликованных результатов проведенного ею анализа.

Рис. 10. Профиль стены в северной части раскопа.

во влажном состоянии, признаков дробления не зафиксировано.

При составлении формовочной массы использовались следующие рецепты: глина+раковина (81,9%); глина+известняк (2,9%); глина+дресва (15,2%). Раковина, выщелоченная на большей части фрагментов, чаще фиксируется по характерным пустотам и отпечаткам на поверхности фрагментов. Крупность примеси определяется в пределах 1-4 мм. Исследование фрагментов с сохранившейся раковиной, дающей возможность рассмотреть структуру, позволяет говорить, что в этих случаях предварительной обработки раковины (нагрев на углях) не проводилось. Однако, плохая сохранность черепков не позволяет однозначно утверждать наличие только этой традиции. Концентрация раковины высокая. Вместе с тем, в случаях использования сильно запесоченной глины (второй условный район добычи исходного сырья) концентрация

раковины незначительна. Такая керамика составляет 6,2 % от керамического комплекса раннего железного века. Делать выводы о естественном или искусственном характере раковины в таких случаях преждевременно, поскольку сохранность фрагментов оставляет желать лучшего. Дресва использовалась кварцевая, на качественном уровне достигает 5 мм, преобладают зерна с размерностью 1,5–2 мм. Вводилась в глину в концентрации 1:4 (на одну часть примеси четыре части глины). В ходе исследования фрагментов, как с примесью раковины, так и с примесью дресвы, выявлено присутствие щелевидных пустот с коричневым налетом, реже игольчатых пустот (навоз?), что может быть связано с использованием органического раствора (выжимка?).

Имеющийся материал не позволяет однозначно определить способ конструирования начина. В вертикальных и горизонтальных изломах четко фиксируются

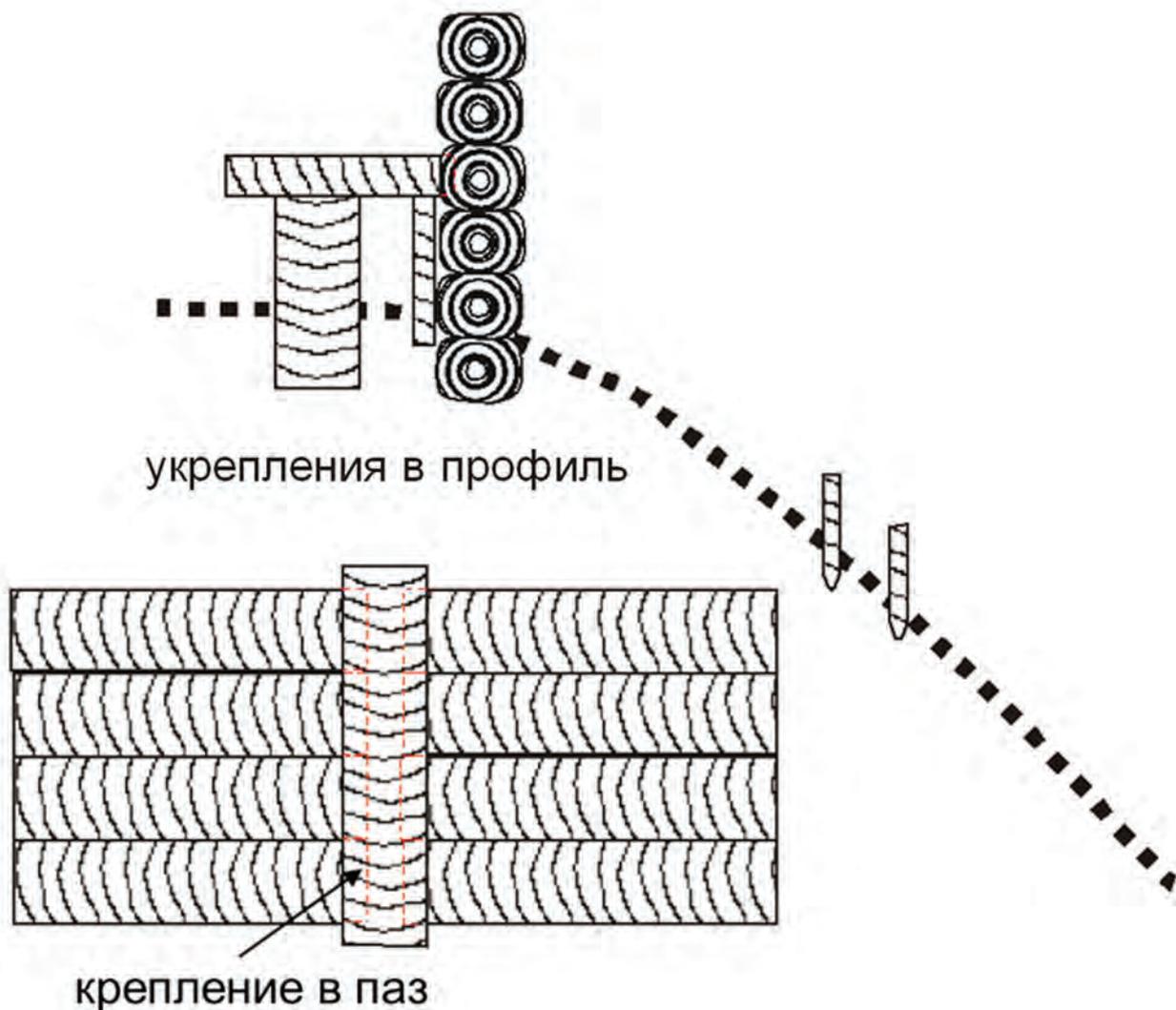

Рис. 11. Реконструкция укреплений.

спаи, типичные для спиралевидного лоскутного налета. Для керамики с примесью раковины характерна тщательная обработка поверхности, изредка встречаются фрагменты со следами грубой штриховки. На крупных фрагментах с примесью раковины зафиксированы признаки выбивания. Обработка поверхности сосудов с примесью дресвы менее тщательна, заглаживание беспорядочное.

Тигли изготовлены из обожженной глины (Рис. 14). Судя по ошлакованной, покрытой трещинами внутренней поверхности, все они были в употреблении, но следы металла на поверхности отсутствуют. Найдено свыше 30 обломков. Цвет серый, структура плотная. Толщина стенок 1,8–2,5 см, высота бортов до 2,4 см. Относятся к типам плоскодонных ладьевидных (Рис. 14,

1) и плоских с выраженным бортиком (Рис. 14, 2), хорошо представленным в комплексах раннего железного века Марийского Поволжья (Кузьминых, 1977. Рис. 1, 2, 1–29, 3, 4, 13–52, 5, 1–3, 6). Наиболее полно сохранившийся ладьевидный экземпляр снабжен носиком для слива металла (Рис. 14, 1). Близкие тигли имеются в коллекциях Васильсурского II городища и предыдущих раскопок Сиухинского поселения, последний отличается наличием небольшой ручки (Халиков, 1962. Табл. XVI, 14; XXXI, 11). Большое количество предметов, связанных с металлообработкой, характерно для волго-камских памятников ананьинской эпохи (Кузьминых, 1977. С. 127–166).⁴

⁴ Суммарная коллекция раскопок 1958, 2009, 2010 гг. и сборов различных исследователей содержит 2 хорошо сохранившихся тигля и не менее 50 обломков, ошлакованные стенки ананьинских сосудов, фрагменты литейных форм, бронзовую бляху, слиток меди.

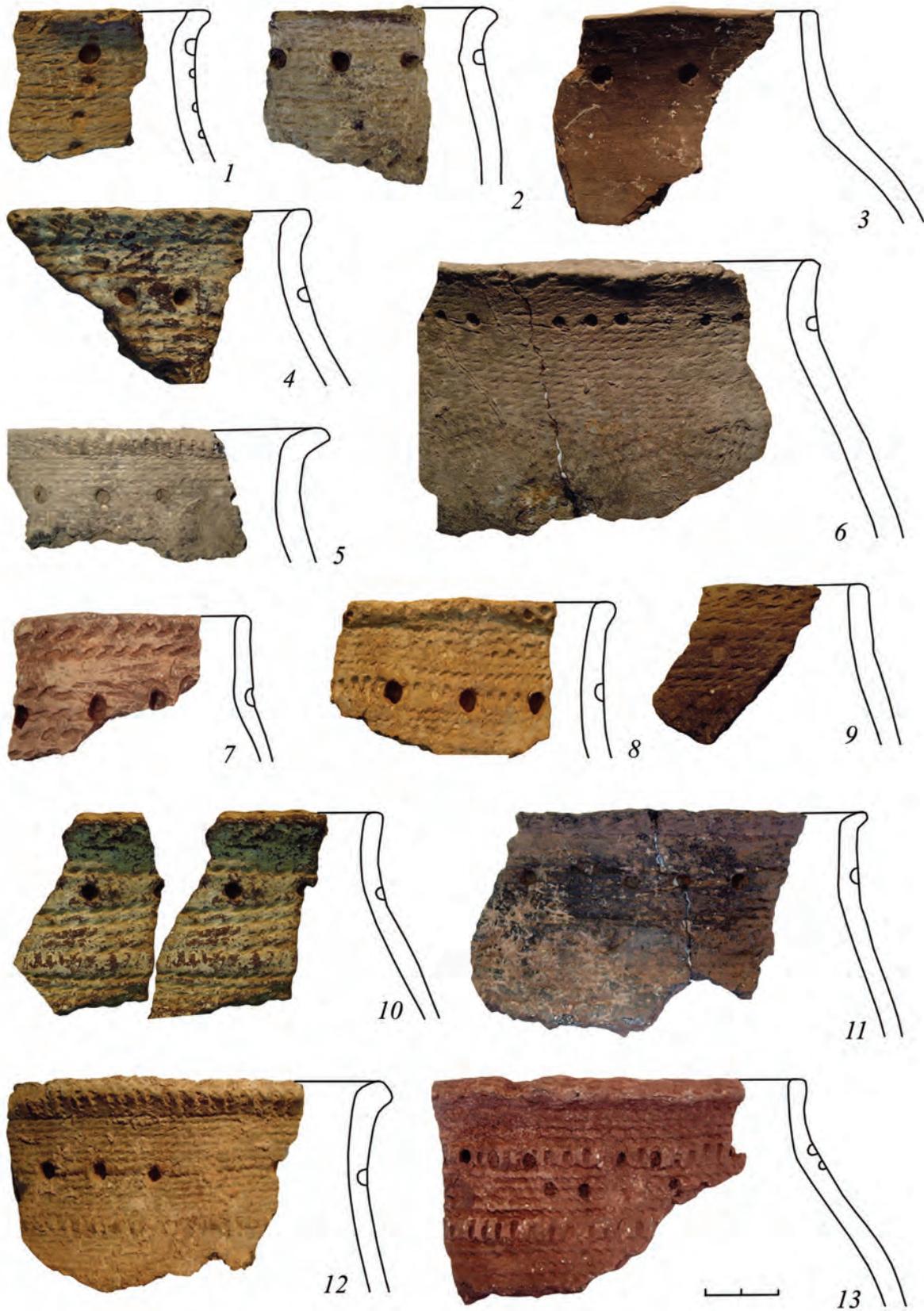

Рис. 12. Ананьинская керамика.

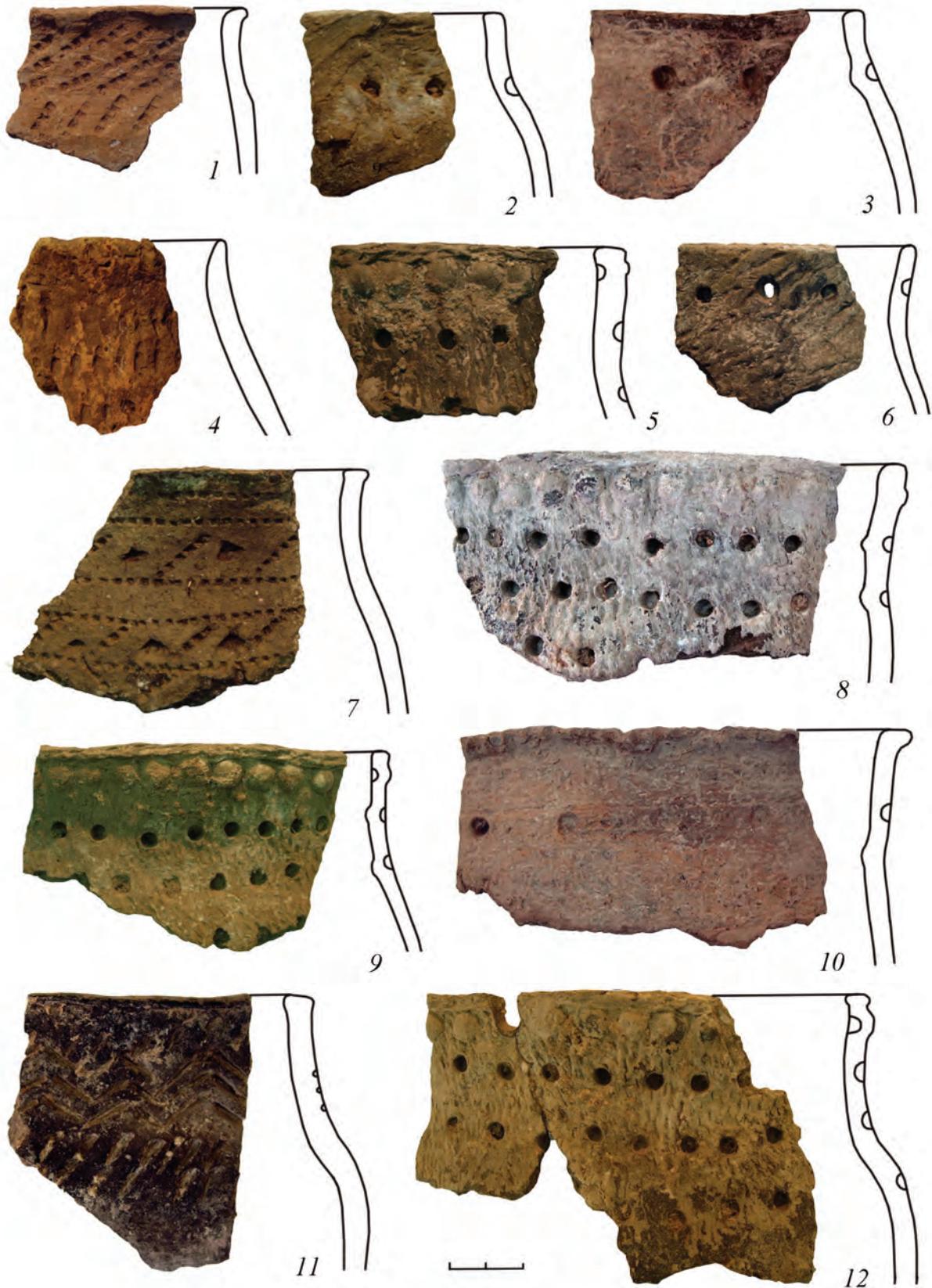

Рис. 13. Текстильная керамика.

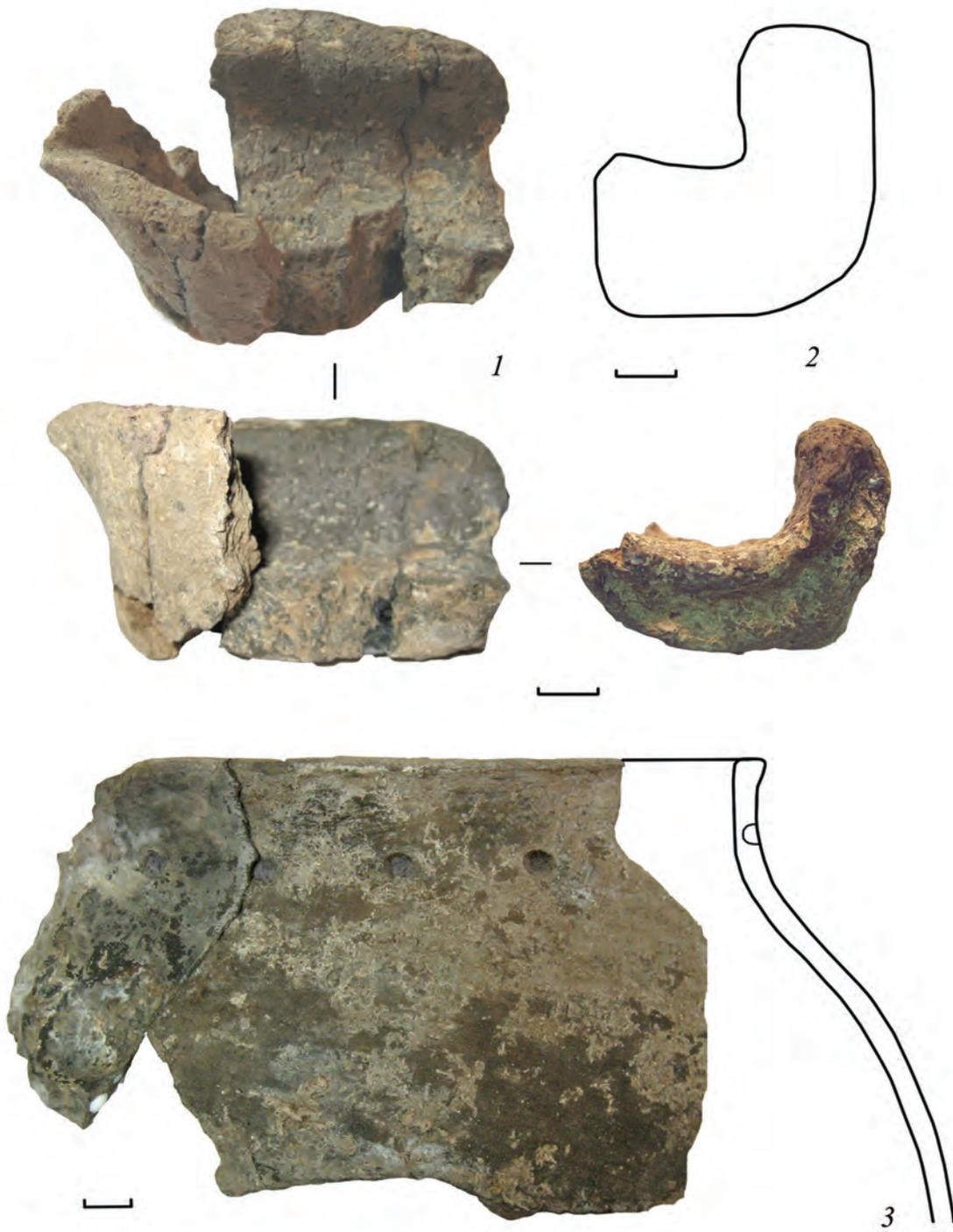

Рис. 14. 1, 2 – тигли, 3 – ананьинский сосуд.

Завершая краткий обзор результатов раскопок 2009, 2010 гг., отметим следующее. Судя по керамическому комплексу, рассматриваемый памятник относится к своеобразной ананьинско-«текстильной» общности, существовавшей на Средней Волге и Нижней Каме в VIII–VI вв. до н. э.⁵ Вместе с расположенным в 4,5 км к северо-западу Копаньским городищем (Никитин, 2009. С. 46) и собранной в районе деревни Копани – села Троицкий посад коллекцией И.М. Болдырева (могильник?) (Халиков, 1962. С. 96. Табл. XVI, 1–12) он отражает присутствие в низовьях Юнги и прилегающем волжском правобережье локальной группировки, включавшей раннеананьинское население и носителей культуры «текстильной» керамики. Объект, отличающийся по топографии как от классических мысовых городищ с земляными оборонительными сооружениями, так и «открытых» селищ на надпойменных и высоких террасах, не имеет аналогов среди поселенческих памятников раннего железного века Марийского Поволжья. Как нам представляется, при классификации наиболее приемлем термин «укрепленное поселение». Коротко о функциональном назначении памятника. Во-первых, учитывая небольшие размеры площадки, толщину культурного слоя, количество вещевого материала, можно предположить, что он служил местом постоянного обитания небольшого коллектива. Во-вторых, труднодоступность и наличие оборонительных сооружений позволяли использовать его в качестве убежища при возникновении кризисной ситуации.

⁵ А.Х. Халиков включил подобные памятники в средневолжский, затем – западноволжский локальный вариант ананьинской культурно-исторической общности (Халиков, 1962. С. 116, 1977. С. Рис. 1), В.С. Патрушев – в сконструированную им «ахмыловскую культуру» (Архипов, Патрушев, 1982. С. 57; Патрушев, 1984. С. 200–203, 1989. С. 74). По мнению одного из авторов настоящей статьи (Б.С. Соловьев), более правомерна точка зрения С.В. Кузьминых о сосуществовании на Средней Волге двух самостоятельных культурных образований в рамках единой общности раннего железного века (Кузьминых, 1982. С. 23, 1983. С. 157; Кузьминых, Марков, Соловьев, 1993. С. 40–43). Имеющийся материал не позволяет уточнить время существования поселения, единственный датирующий предмет – плоская медная бляшка с загнутыми внутрь краями и дуговидной петлей (Халиков, 1962. Табл. XVI, 13) относится к концу VIII–VI вв. до н. э. (Патрушев, 1984. С. 24).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов Г.А., Патрушев В.С.* Ардинское городище // Поселения и постройки Марийского края. АЭМК. Вып. 6. Йошкар-Ола, 1982. С. 51–82.
- Архипов Г.А., Никитина Т.Б.* Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Вып. 2. Ранний железный век и средневековье. Йошкар-Ола, 1993.
- Большов С.В.* Могильник на острове Мольбищенский. Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола, 1988.
- Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // МИА. №22. М., 1951. С. 159–180.
- Кузьминых С.В.* Об ананьинской обработке бронзы // Из истории и культуры волосовских и ананьинских племен Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1977. С. 127–166.
- Кузьминых С.В.* Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Волго-Камье в 1968–1981 гг. // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982. С. 13–23.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.
- Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С.* Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесостепной зон восточноевропейского региона в эпоху бронзы и раннем железном веке. Тула, 1993. С. 39–42.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань, 2007.
- Михеева А.И.* Отчет об археологических работах в Горномарийском районе Республики Марий Эл в 2001 году // Архив Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2002.

- Никитин В.В.* Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009.
- Никитин В.В., Соловьев Б.С.* Атлас археологических памятников Марийской АССР. Вып. I. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола, 1990.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола, 1984.
- Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола, 1989.
- Патрушев В.С.* Начало эпохи раннего железа в Марийском крае. Учебное пособие. Йошкар-Ола, 1986.
- Патрушев В.С.* Сомовское I городище // Археологические работы 1980–1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. АЭМК. Вып. 15. Йошкар-Ола, 1989. С. 103–114.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
- Никитина Т.Б., Соловьев Б.С.* Сомовское II городище // Древности Поволжья и Прикамья. АЭМК. Вып. 25. Йошкар-Ола, 2001. С. 8–41.
- Соловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Труды МарАЭ. Том VI. Йошкар-Ола, 2000.
- Халиков А.Х.* Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 год. 1958 // НА ИА РАН. Р-1. № 1874.
- Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды МарАЭ. Том I. Йошкар-Ола, 1960.
- Халиков А.Х.* Железный век Марийского края. Труды МарАЭ. Том II. Йошкар-Ола, 1962.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М., 1977.
- Чубарова Р.В.* Материалы археологической экспедиции 1952 г. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. I. Д. №140.
- Чубарова Р.В.* Краткий отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Марийского научно-исследовательского института. 1953 г. // НА ИА РАН. Р-1. №1343.
- Чубарова Р.В.* Археологические памятники на территории Горно-Марийского района Марийской АССР // Ученые записки МарНИИ. Вып. V. Йошкар-Ола, 1953а. С. 14–25.
- Энциклопедия Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОРОЧЬЕГОРСКОГО ГОРОДИЩА¹

**А.А. Чижевский (Казань), А.А. Хисьяметдинова (Казань),
Е.А. Спиридонова (Москва), А.С. Алешинская (Москва),
М.Д. Кочанова (Москва), Г.Ш. Асылгараева (Казань)**

Results of the complex research in the Sorochyi Gory hill-fort

A.A. Chizhevskiy (Kazan), A.A. Hisyametdinova (Kazana),
E.A. Spiridonova (Moscow), A.S. Aleshinskaya (Moscow),
M.D. Kochanova (Moscow), G.Sh. Asyilgaraeva (Kazan)

Сорочьегорское городище находится на восточной окраине д. Сорочьи Горы Рыбнослободского района Республики Татарстан на правом коренном борту долины р. Кама (Габяшев и др., 1981. С. 121. № 572; Галимова и др., 2007. С. 309. Рис. 173. № 2693). Городище расположено на высоте около 30 метров над уровнем Куйбышевского водохранилища (при НПУ 53 м БСВ) на мысовой площадке водораздела между р. Кама и левым отвержкой оврага «Мошков» с протекающим по нему одноименным ручьем (Рис. 1). Своим устьем овраг выходит к разгрузочно-погрузочному причалу на месте старой паромной переправы через р. Кама. В 100 м к северу от городища у подошвы террасы бьет родник, который впадает в ручей.

До начала строительства грузового причала в 1991 г. площадка городища подтреугольной формы (73 × 11–72 м) с напольной стороны была отделена «кокошниковидным» валом и дуговидным рвом. Размеры вала до начала строительных работ были следующими: ширина в основании – 8,5–11 м в средней части, высота с внутренней стороны 1,3 м, со дна рва – 3 м, длина по гребню около 74 м); размеры рва: ширина – 6–8 м, глубина – 1–1,7 м).

В.Н. Марков предполагал, что в верхнем горизонте городища отложился наиболее поздний керамический комплекс постмаклашевской культуры ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (2008. С. 43). Это подтвердилось и в ходе более поздних наблюдений. Таким образом, в настоящее время период существования

Сорочьегорского городища определен в рамках первой фазы раннего железного века – от его начала до V в. до н.э. (Чижевский, 2008а).

История изучения Сорочьегорского городища насчитывает более 130 лет. Памятник был открыт в 1879 г. П.А. Пономаревым. Раскопы 1880–1882, 1885 гг. были заложены им на площадке и склонах поселения (Пономарев, 1884. С. 323–325; 1884а. С. 77–83; Штукенберг, 1884. С. 10; 1901. С. 10; Габяшев и др., 1981. С. 121). В 1909 г. небольшие раскопки произвел здесь финский археолог А.М. Тальгрэн (Tallgren, 1909 Рр. 148–150; 1910. Рр. 49–56; 1919. Р. 62–65). В 1982 г. работы на городище возобновила экспедиция Государственного объединенного музея ТАССР под руководством В.Н. Маркова, который заложил раскоп площадью 76 кв.м (1984. С. 158–159; 1984а. С. 5–17). В 1990–1991 гг. раскопки на памятнике продолжила экспедиция Казанского университета под руководством А.Х. Халикова (Халиков и др., 1991; 1991а. С.78–79; Бугров и др., 1994. С.93–103). В ходе последних работ было заложено 11 раскопов, из них восемь (I–VIII) на самом городище (1692 кв.м), а три (IX–XI) на селище (163 кв.м). В 2007 г. экспедиция Национального центра археологических исследований Института истории АН РТ под руководством А.А. Чижевского исследовала остатки площадки городища. Раскоп был расположен в центре сохранившейся части памятника, его общая площадь составляла 128 кв. м (Чижевский, 2008. С. 5–7; 2008а. С. 91–98).

В мае 2012 г. группой исследователей под руководством А.А. Чижевского

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 14-06-00046а

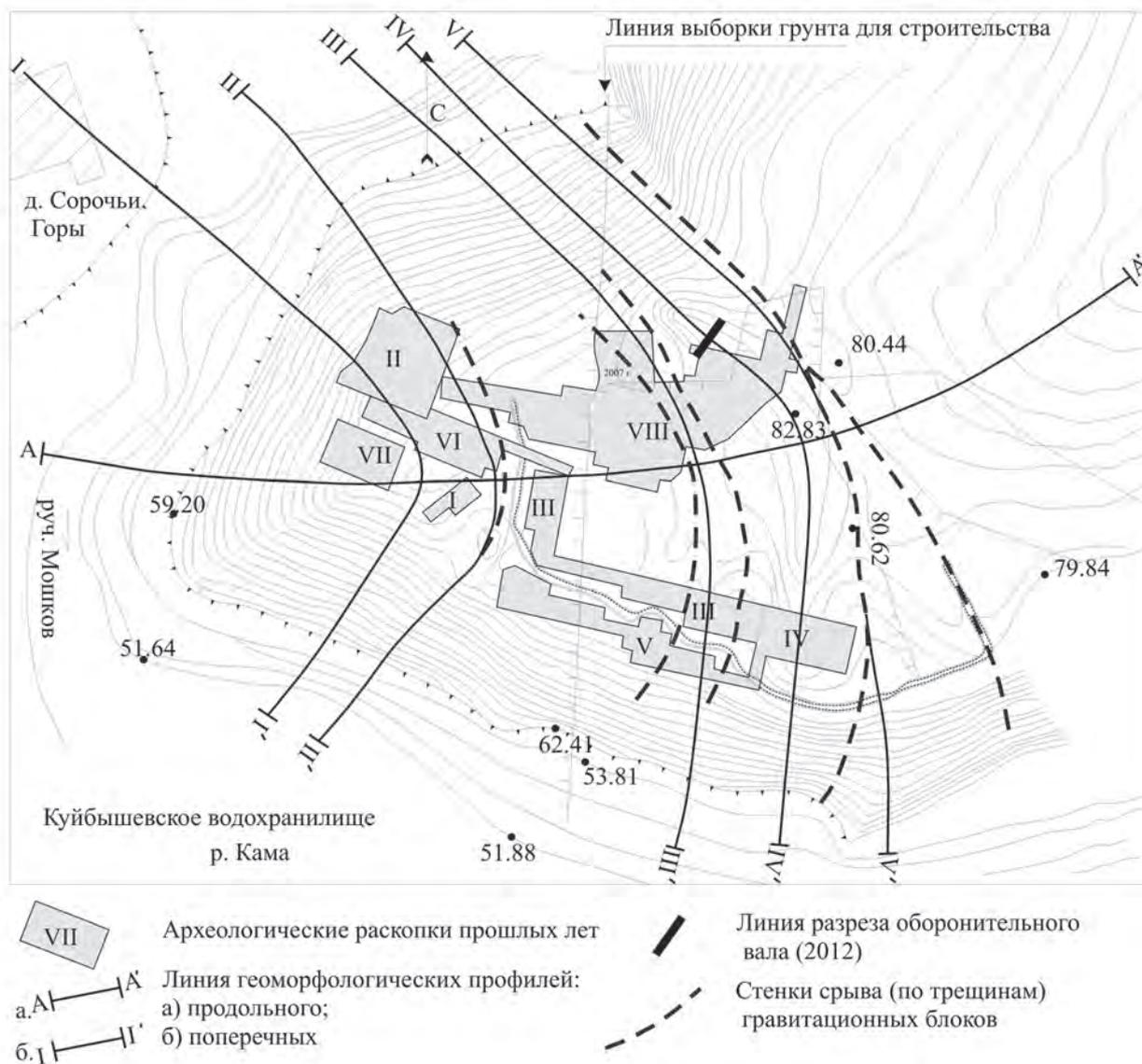

Рис. 1. Общий план Сорочьего городища.

была произведена выборка грунта на северном фланге оборонительного вала с целью комплексного изучения строения насыпной части вала и его природного основания. Работы включали: литолого-стратиграфическое изучение разреза вала, выборку предметов материальной культуры, отбор образцов для палинологического анализа и сбор археозоологических остатков. Кроме того, проводились маршрутные геолого-геоморфологические исследования водораздельного мыса.

Методика комплексного изучения памятников позднего бронзового века с целью реконструкции палеоландшафтов, палеоэкологии и хозяйственной деятельности населения той эпохи была изложена в ряде статей авторов (Алешинская и др., 2009.

С. 128–148; Чижевский, 2010. С. 25–30). Эти разработки были применены и при анализе материалов городища Сорочьи Горы, относящегося к последующей исторической эпохе – раннему железному веку.

В результате исследования установлено, что при проведении горных разработок во время строительства подъездных путей к грузовому причалу в 1991 г. был разрушен первичный рельеф в районе городища, уничтожена большая часть оборонительного вала и на значительной площади снят верхний слой коренных пород. Однако до начала строительных работ в районе городища была проведена высокоточная геодезическая съемка, по результатам которой составлены топографические карты масштаба 1:500 с сечением горизонталей 1 м

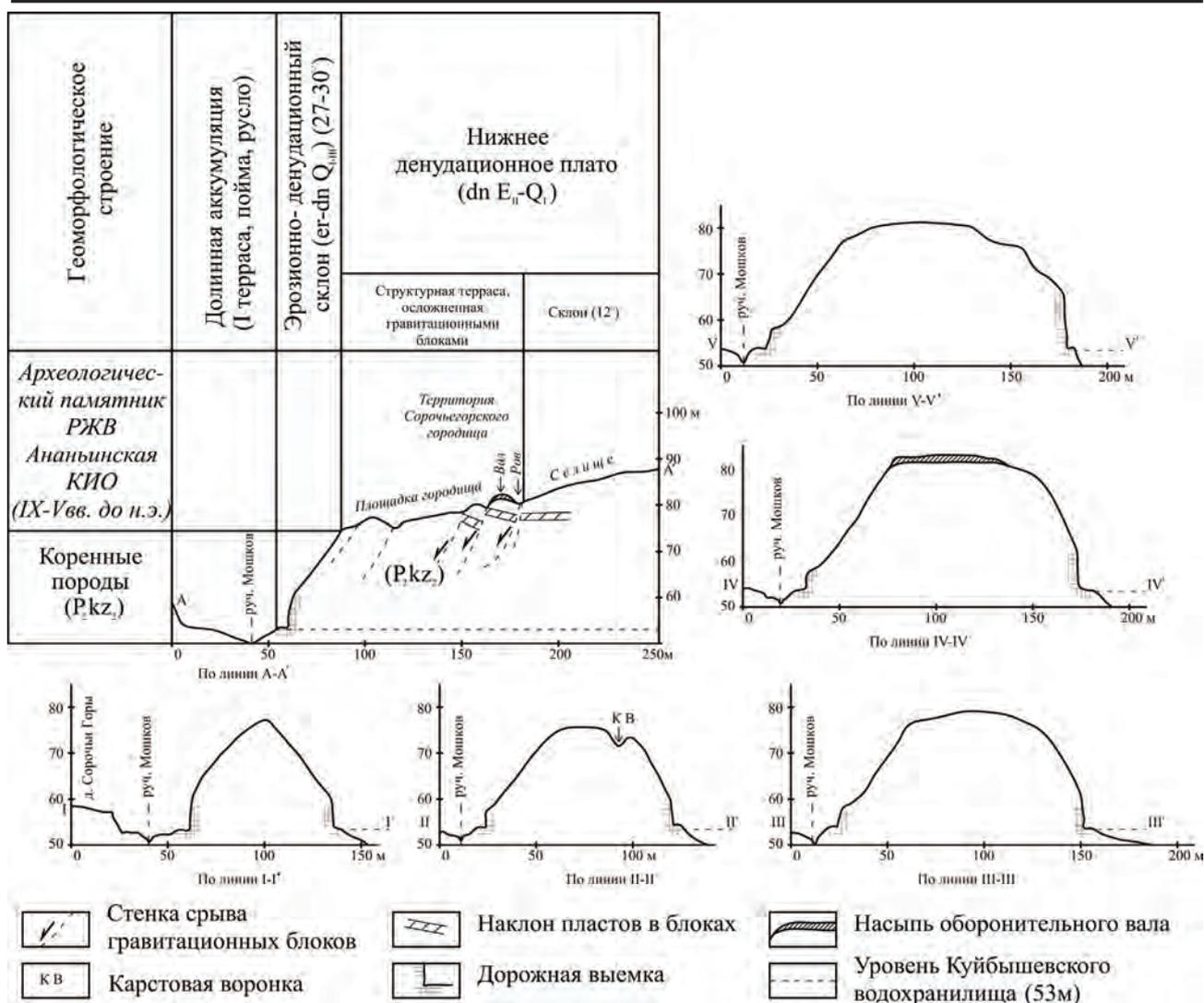

Рис. 2. Геоморфологические профили мыса на Сорочьегогорском городище.

и масштаба 1:1000 с сечением горизонталей 10 м (Бугров и др., 1994; Чижеский, 2008а). По этим картам, с использованием данных археологических раскопок, нами составлена серия геолого-геоморфологических профилей, на которых нашли отражение основные элементы рельефа мыса (Рис. 1–3). Этот метод позволил выявить как региональные формы рельефа, так и микрорельеф поверхности Сорочьегогорского городища, понять степень оптимального использования рельефа местности для размещения, функционирования и защиты городища, установить этапность строительства оборонительных сооружений.

В задачу исследований также входило выяснение геологической природы пересекающих мыс трещин, которые рассматривались А.Х. Халиковым (1992. С. 47–57) как следы разрушительного (7-8 бального по шкале Рихтера) землетрясения, повлекшего за собой массовый уход носителей постмаклашевской

культуры АКИО с территории Усть-Камья и Казанского Поволжья.

Геолого-геоморфологическая характеристика района Сорочьегогорского городища

Геологическое строение. По данным геологических съемок Сорочьи Горы в районе городища сложены легкорастворимыми породами верхнеказанского подъяруса биармского отдела пермской системы (P_2k_2), представленными здесь тонкоплитчатыми разуплотненными доломитами, включающими почки, гнезда и линзы гипсов серии «подлужник» (Рис. 4, 5). В доломитах наблюдаются отдельные прослои глинистых известняков и мергелей. Отложения секутся системой крутопадающих трещин (под углом 60–80°), ориентированных

Рис. 3. Фотография водораздельного мыса (вид с севера) с указанием Сорочьегорского городища и селища.

Рис. 4. Фотография обнажения гипсоносных доломитов серии «подлужник», пронизанные трещинами (вид с запада).

Рис. 5. Фотография карровой трещины на поверхности доломитовой плиты серии «подлужник».

Рис. 6. Фотография трещины усыхания (высыхания) на поверхности доломита серии «подлужник» на Сорочьегорском городище.

Рис.7. Трещины высыхания в верхнеказанских доломитах; (по: Геологические памятники ... С. 82).

поперек мыса, которые осложнены сетью более мелкой трещиноватости.

На поверхности пласта доломитов наблюдаются трещины усыхания (высыхания), разбивающие его на неправильные полигональные участки размерами 20×30 см (Рис. 6). Ширина трещин 1–2 см, их глубина обычно не превышает нескольких сантиметров. Отметим, что трещины высыхания в породах верхнеказанского подъяруса имеют довольно широкое распространение (Рис. 7). По верхней границе гипсоносных доломитов нередко прослеживаются следы перерыва в напластованиях – коробленность, трещины высыхания, иногда следы размыва (Солодухо, Тихвинская, 1977. С. 187–219). Следовательно, трещины высыхания образовались в верхнеказанских отложениях первично, тогда как на дневную поверхность они были выведены в процессе формирования рельефа.

На локальных участках верхняя часть доломитов на глубину 0,5–1,0 м в результате механического разрыхления и, главным образом, химического выветривания переработана в так называемую доломитовую (или карбонатную) муку, представляющую собой мягкую, сыпучую высокопористую мучнистую массу, которая в переувлажненном состоянии превращается в своеобразный пльвун (Ступишин, 1967; 1972. С. 115–121). Она состоит преимущественно из зерен

доломита с преобладанием частиц пылеватой и глинистой размерности (пылеватый супесчано-суглинистый материал) с включением неокатанных обломков твердого доломита. Подобные отложения характеризуются как карбонатный элювий (Ступишин, 1967; Жаркова, 2006). В общем виде процесс образования мучнистой массы (карбонатного элювия) обусловлен дезинтеграцией доломитов в результате растворения и выноса кальцита из породы (Ступишин, 1967; 1972; Гвоздецкий, 1972. С. 7–24; Жаркова, 2006). Формирование и преобразование карбонатного элювия активно происходит на современном этапе геологического развития (Жаркова, 2006). Таким образом, можно утверждать, что факт накопления отложений карбонатного элювия свидетельствует о проявлении карстовых процессов на поверхности доломитов.

На карбонатном элювии, а в местах его отсутствия прямо на доломитовой плите залегают верхнеэоценовые делювиально-солифлюкционные отложения. Последние представлены бурыми лессовидными суглинками, мощностью 20–30 см. Лессовидные суглинки залегают сплошным покровом на мысовой площадке, а также на расположенных выше и ниже склонах. На поверхности перигляциальных суглинков располагается культурный слой

Сорочьегогорского городища. Следует отметить, что до того момента, как на это место пришли люди, в кровле суглинков была выработана почва, которая в процессе существования поселения была преобразована в почвенно-культурный слой (ПКС).

Геоморфологическое строение. В геоморфологическом отношении водораздельная поверхность между р. Кама и ручьем Мошков с абсолютными отметками 77–140 м является частью нижнего денудационного плато позднеэоплейстоцен-раннеэоплейстоценового возраста ($E_{II}-Q_I$) (Дедков, 2003. С. 337–364; 2007. С. 9–13). Поверхность нижнего плато имеет слабоволнистые очертания и круто обрывающиеся к Каме и в сторону оврага Мошков эрозионно-денудационные ранне-позднеэоплейстоценовые склоны ($er-dn Q_{I-III}$).

Городище с укреплениями (валом и рвом) расположено в самой сниженной части плато на абсолютных отметках 77–82 м на поверхности мысовой площадки (Рис. 2, 3). В геолого-геоморфологическом отношении площадка является структурной террасой, образованной за счет препарирования субгоризонтально залегающих пластов доломита серии «подлужник», являющихся одним из региональных структурообразующих горизонтов рельефа (Дедков, Двинских, 1995. С. 9–15). Площадка подтреугольной формы ориентирована с востока – северо-востока на запад – юго-запад. Наибольшая ширина площадки с внутренней стороны вала составляет около 70 м, наименьшая – около 10 м, протяженность – около 80 м. Склоны мыса, на котором размещена площадка городища, имеют уклоны в 27° – 30° . Выше лежащий склон, напротив, является более пологим (12°) и протяженным, его поверхность осложнена мелкими оползневыми ступенями. Верхний склон хорошо просматривается на расстоянии 900–1000 м.

В продольном профиле мысовая площадка имеет общий уклон (не более 7°) в сторону стрелки мыса. Как уже отмечалось ранее, первичный профиль полностью уничтожен во время строительства подъездных путей к грузовому причалу. Однако на топографической карте и на геолого-геоморфологических профилях (Рис. 2, профиль по линии А-А') «читаются» ориентированные поперек мыса ложбины и гряды с относительным превышением в 1–3 м. Кроме того, отдельные ложбины осложнены

карстовыми воронками диаметром от 1 до 5 м. Самая крупная из ложбин, которая на флангах переходит в промоину глубиной в несколько метров, была использована жителями поселения в качестве рва (Рис. 3). По нашим наблюдениям, ложбины приурочены к трещинам, пересекающим коренные породы (доломиты) на глубину первых десятков метров. В отдельных блоках коренных пород установлено падение пластов от 6° до 10° по азимуту 65° (обратно падению склона). Таким образом, ложбинно-грядовый микрорельеф (типа микрокуэст) поверхности площадки образован за счет гравитационного смещения блоков коренных пород по трещинам бортового отпора.

Образование этих трещин связано с эрозионным врезом в ранне-среднеэоплейстоценовое время, когда произошла кардинальная перестройка рельефа региона – смещение русел палео-Волги и палео-Камы, резкое увеличение энергии рельефа. В результате этой перестройки изучаемый водораздельный мыс стал интенсивно подмываться с одной стороны рекой Кама, с другой – ручьем Мошков. В связи с тем, что легкорастворимые гипсоносные доломиты были выведены на дневную поверхность, а в процессе гравитационных перемещений была нарушена целостность скального массива, создались благоприятные условия для развития поверхностного карста в форме карровых трещин, воронок и западин, каверн.

По полевым наблюдениям 2012 г. и из анализа материалов предшествующих раскопок помимо трещин, разбивающих мыс на отдельные блоки, выявлены трещины значительно меньших размеров (глубиной первые метры, шириной от 10 до 60 см), по которым имеется разрыв сплошности пород, но без смещений (Рис. 4). На отдельных участках мыса эти трещины пересекаются, образуя решетчатый рисунок.

Часть из этих трещин заполнена палевым лессовидным суглинком и затем перекрыты осадками культурного слоя поселения, как зафиксировано в стенке раскопа IV (Бугров и др., 1994). А.Х. Халиковым (1992. С. 51) выявлены трещины глубиной 2–3 м с относительно ровными стенками и суженным завершением, заполненные сползшим культурным слоем, перекрытым слоем напльва. Вместе с тем имеются также зияющие трещины, не перекрытые осадком

(Рис. 5). Из изложенного следует, что образование трещин носило поэтапный характер – как до появления жителей на поселении, так и после их ухода и продолжается сейчас. Описанные трещины, по Н.А. Гвоздецкому (1981;1988), являются карровыми.

Помимо вертикальных трещин, об активном проявлении карста на мысовой площадке свидетельствуют многочисленные карстовые воронки и западины (диаметром 1–3 м), которые использовались жителями в качестве хозяйственных ям и оснований жилищных построек. Подобные явления были зафиксированы в раскопе 2007 (Чижевский, 2008а). Самая крупная воронка (7–8 м в диаметре) (Рис. 2, профиль по линии А-А'), возможно, была наполнена водой. Некоторые воронки и блюдца имеют на дне каналы (поноры), уводящие поверхностные воды вглубь доломитового массива. Население городища использовало эту особенность горных пород и строило своеобразные накопители воды в виде каменных ящиков. Один из них (сооружение № 1, раскоп V) был зафиксирован К.Э. Истоминым в ходе работ начала 90-х гг. XX в. Сооружение (65×65–70 см) (Рис. 8) изготовлено из поставленных на ребро камней известняка высотой около 55 см и накрыто массивной плитой, перекрывавшей его наполовину. Внутри ящика были отмечены осадочные известковые отложения, видимо, оставшиеся от дождевых вод. От сооружения вниз по склону идет промоина, также свидетельствующая об использовании ящика в качестве накопителя дождевой воды (Халиков и др., 1991. С. 22–24).

Образование воронок связано с просадкой над пустотами, возникшими при выщелачивании гнезд и линз гипсов. При выщелачивании гипсов непосредственно в кровле доломитов образуются каверны, зафиксированные в разрезе вала (Рис. 9, 10).

Все описанные выше формы проявления поверхностного карста – карбонатный элювий, карровые трещины, карстовые воронки и блюдца, каверны – в пространственном отношении приурочены к площадке мыса, т.е. к территории поселения. Следует отметить, что за пределами мысовой площадки на выше и ниже лежащих склонах карстовые формы встречаются единично и иной морфологии (в виде карровых ниш и эрозионно-карровых ложбин). Это обусловлено тем, что карст более активно развивается на горизонтальных и слабо наклоненных поверхностях, т.к.

талые и дождевые воды непосредственно просачиваются в грунт по трещинам и порам, растворяя и размывая доломитовую породу сверху вниз, т.е. от поверхности вглубь массива. На территории поселения атмосферные осадки, проходя через почвенно-культурный слой, дополнительно насыщаются биогенными веществами – продуктами жизнедеятельности людей и животных, продуктами разложения кухонных отходов, микроорганизмов и растений, почвенными растворами и др. – и становятся еще более агрессивными по отношению к подстилающим доломитам. Кроме того, люди на поселении при строительстве жилищ и оборонительного вала и выпасах скота оказывали механическое воздействие на грунт, уплотняя и оголяя поверхность, и тем самым способствовали активизации карстовых процессов.

Стратиграфия вала. Изучение разреза вала было произведено на его северном широтном отрезке, практически не подвергшемся разрушению. Зачистка шириной 5,75 м и глубиной 2,5–3,0 м ориентирована поперек вала по азимуту около 10° (Рис. 9, 10).

Оборонительный вал состоит из природного основания (А) и антропогенной надстройки (Б). Связующим звеном этих подразделений является почвенно-культурный горизонт (АБ). Он является почвой, выработанной в естественных условиях, которая претерпела антропогенную переработку до того, как была погребена насыпью вала (Б) из шести насыпных слоёв (нс). Каждый насыпной слой состоит из суглинисто-супесчано-пылеватого материала (доломитовой муки) (а) и гумусированной супеси (б) (Рис. 11).

А. Природное основание вала (P₂kz₂): гряда выветрелых до мучнистой массы доломитов, с двух сторон изъеденных кавернами. По степени выветрелости выделяется три зоны: а – содержит включения обломков, сохранивших первичную плитчатую отдельность, мощность 0,2 м; б – содержит редкие включения мелких обломков, мощность 0,2–0,5 м; в – не содержит обломков, так как выветрена до состояния доломитовой муки (карбонатного элювия), изрыта кротовинами, заполненными гумусированной супесью. Конфигурация контактов между зонами повторяет линию поверхности гряды. Вполне возможно, что

Рис.8. Каменный ящик из раскопа V 1990 г.

Рис.9. Общий вид зачистки вала (вид с востока).

эти зоны отражают первичную слоистость породы (азимут падения слоев 65° , угол падения 6°). Спа 1². Мощность – 0,3-0,6 м.

АБ. Почвенно-культурный горизонт под валом (b H_{1,2}).

Почва тёмно-серого (почти чёрного) цвета, комковато-ореховатой структуры, уплотнённая. Содержит выветрелые обломки коренных пород и костные остатки. Почвенный профиль не сохранился, т.к. почва подвергалась антропогенному воздействию. Почва облекает гряду выветрелых доломитов и заполняет выемки с обеих сторон гряды. Спа 2, 3, 4. Мощность – 0,2–0,6 м.

Б. Антропогенная надстройка вала.

Б. Насыпь вала (antr-col+b H₃).

I насыпной слой: а – переотложенная почва, серая с включением обломков коренных пород, уплотненная, спа 5, 6; мощность – 0,1–0,18 м; б – гумусированная супесь, серая, нижний контакт ровный, резкий – 0,04–0,05 м.

II насыпной слой: а – супесчано-суглинистый пылеватый материал, светло-серый, белесый – 0,05-0,1 м; б – гумусированная супесь, серая, нижний контакт ровный, резкий, залегание прерывистое в форме линз – 0,04–0,12 м.

III насыпной слой: а – супесчано-суглинистый пылеватый материал, светло-серый, белесый с наклонной слоеватостью ($15-17^\circ$) – 0,12–0,20 м; б – гумусированная супесь, серая, нижний контакт ровный, резкий, залегание прерывистое в форме линз – 0,05–0,12 м.

IV насыпной слой: а – супесчано-суглинистый пылеватый материал, светло-серый, белесый с включением обломков коренных пород (1–3 см) и наклонной слоеватостью (от $15-17$ до 30°), спа 7; мощность – 0,8–1,1 м; б – линза гумусированной супеси, серой с костью лошади, спа 8; мощность – 0,25 м.

V насыпной слой: а – супесчано-суглинистый пылеватый материал, светло-серый, белесый с включением обломков (1–3 см) и наклонной слоеватостью (от $15-17$ до 30°) – 0,5 м; б – гумусированная супесь, серая с включением обломков коренных пород (0,5 см), спа 9; мощность – 0,2 м.

VI насыпной слой: а – супесчано-суглинистый пылеватый материал, светло-серый, белесый с включением обломков коренных пород (0,5–2 см), спа 10; мощность – 0,3–0,5 м; б – современная почва в виде

гумусированной супеси, тёмно-серая, спа 11; мощность – 0,2–0,3 м.

Общая мощность разреза 4,5 м.

Сведения о строительстве вала по геологическим данным. Для строительства оборонительного вала использована куэстовая гряда коренных пород, в качестве рва служили промоины, приуроченные к трещине бортового отпора.

По характеру залегания, строения и мощностям пластов насыпь вала существенно отличается в нижней (1–3 нс), средней (4–5 нс) и верхней (6 нс) частях (Рис. 11). Они соответствуют трем этапам строительства вала. На раннем этапе была произведена моделировка природного основания. В средний этап (основной) были произведены самые значительные насыпные работы. На позднем этапе производился ремонт и не которая перестройка вала. Двучленное строение каждого насыпного слоя свидетельствует о том, что сначала производилась отсыпка доломитовой мукой методом свободного набрасывания материала, а потом насыпь укреплялась почвенным грунтом. Грунт, в виде вырезанных вместе с дерниной блоков, брался с поверхности перигляциальных лессовидных суглинков. Пласты грунта имеют невыдержанные мощности, внутри них наблюдаются блоковые отделности, нижний контакт пласта, как правило, резкий и отчётливый, а верхний постепенный и рваный. При этом насыщенность цвета – от темно-серой (почти черной) к светло-серой – изменяется снизу вверх. Все эти факторы свидетельствуют о том, что отобранные блоки строители переворачивали и клали дерниной вниз (V нс), видимо, для большей устойчивости отсыпанной поверхности. Временные промежутки между отсыпкам были незначительны, так как на контактах отсутствует сплошной гумусовый прослой.

Сведения о строительстве вала и палеоландшафтах по палинологическим данным.

Из разреза оборонительного вала Сорочьегорского городища для палинологического анализа было отобрано 11 образцов (Рис. 10, 11).

Для выделения пыльцы и отделения ее от породы применялась несколько усовершенствованная сепарационная методика В.П. Гричука (Пыльцевой анализ, 1950). Образцы обрабатывались в 10% соляной кислоте (горячим способом), затем

² СПА - споро-пыльцевой анализ.

Таблица 1. РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО - ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА
Разрез вала Сорочьегогорского городища (2012 г.)

Систематический список	11 0,1 м зерна/проц	10 0,3 м зерна/проц	9 0,7 м зерна/проц	8 1,3 м зерна/проц
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Д е р е в ь я	158 / 55,2	170 / 51,7	136 / 47,6	53 / 40,8
Т р а в ы	104 / 36,4	137 / 41,6	107 / 37,4	57 / 43,8
С п о р ы	24 / 8,4	22 / 6,7	43 / 15	20 / 15,4
Д е р е в ь я				
Деревья основные	136 / 86,1	137 / 80,6	83 / 61	41 / 77,4
Picea	10 / 6,3	6 / 3,5	10 / 7,4	4 / 7,5
Pinus sylvestris	70 / 44,3	60 / 35,3	30 / 22,1	11 / 20,8
Alnus	1 / 0,6	7 / 4,1	2 / 1,5	2 / 3,8
Betula sec.Albae	50 / 31,6	62 / 36,5	40 / 29,4	22 / 41,5
Betula nana	-	-	-	-
Corylus	3 / 1,9	2 / 1,2	1 / 0,7	2 / 3,8
Salix	2 / 1,3	-	-	-
Деревья широколиственные	22 / 13,9	33 / 19,4	53 / 39	12 / 22,6
Quercus	5 / 3,2	2 / 1,2	1 / 0,7	1 / 1,9
Tilia	17 / 10,8	31 / 18,2	52 / 38,2	11 / 20,8
Т р а в ы				
Травы основные	88 / 84,6	114 / 83,2	86 / 80,4	49 / 86
Рoaceae	66 / 63,5	61 / 44,5	67 / 62,6	36 / 63,2
Сурегaceae	-	-	-	-
Chenopodiaceae	4 / 3,8	11 / 8	8 / 7,5	4 / 7
Artemisia	18 / 17,3	42 / 30,7	11 / 10,3	9 / 15,8
Разнотравье	16 / 15,4	23 / 16,8	21 / 19,6	8 / 14
Polygonum	1 / 1	-	-	-
Brassicaceae	1 / 1	2 / 1,5	-	1 / 1,8
Lamiaceae	1 / 1	1 / 0,7	-	-
Fabaceae	-	1 / 0,7	-	-
Linum	-	1 / 0,7	-	-
Apiaceae	3 / 2,9	8 / 5,8	1 / 0,9	1 / 1,8
Asteroidaeae	2 / 1,9	2 / 1,5	9 / 8,4	2 / 3,5
Cichorioideae	8 / 7,7	8 / 5,8	11 / 10,3	4 / 7
С п о р ы				
Bryales	2 / 8,3	8 / 36,4	16 / 37,2	8 / 40
Sphagnum	1 / 4,2	3 / 13,6	3 / 7	1 / 5
Botrychium	1 / 4,2	-	-	-
Lycopodium clavatum	2 / 8,3	1 / 4,5	3 / 7	1 / 5
Polypodiaceae	18 / 75	10 / 45,5	21 / 48,8	10 / 50

промывались дистиллированной водой, после чего кипятятся в 10% растворе щелочи. Второй этап – сепарация пыльцы от породы. Для этого обработанная кислотой и щелочью порода центрифугировалась в тяжелой жидкости (раствор йодистого кадмия и йодистого калия) с удельным весом 2,2–2,3. В такой жидкости порода разделяется: органические остатки (пыльца, споры и пр.) всплывают наверх, а все минеральные частицы тонут. Верхняя фракция собиралась, разбавлялась дистиллированной водой, чтобы пыльца в ней могла тонуть, и снова центрифугировалась для осаждения пыльцы и других органических остатков.

Полученный осадок разбавлялся глицерином и использовался для исследования под микроскопом при 400-кратном

увеличении. В препаратах определялись и подсчитывались все встреченные пыльца и споры. Подсчет велся по трем группам: древесные и кустарниковые породы, травянистые и кустарничковые растения, споры.

Статистическая обработка полученных данных, составление ведомостей и построение диаграмм проводилось с применением специальной программы FLORA, разработанной в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Кочанова и др., 2005. С. 13–15).

Все образцы содержали достаточное для статистической обработки количество пыльцы и спор (Табл. 1). В результате проведенного анализа по исследованному разрезу было выделено 6 спорово-пыльцевых комплексов,

Таблица 1. РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО - ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА
Разрез вала Сорочьегогорского городища (2012 г.) (продолжение)

Систематический список	7 2,4 м зерна/проц	6 2,98 м зерна/проц	5 3,05 м зерна/проц	4 3,2 м зерна/проц
ОБЩИЙ СОСТАВ				
Деревья	65 / 51,2	106 / 52	161 / 52,3	126 / 61,5
Травы	40 / 31,5	72 / 35,3	115 / 37,3	49 / 23,9
Споры	22 / 17,3	26 / 12,7	32 / 10,4	30 / 14,6
Деревья				
Деревья основные	40 / 61,5	52 / 49,1	79 / 49,1	76 / 60,3
Picea	2 / 3,1	4 / 3,8	1 / 0,6	2 / 1,6
Pinus sylvestris	12 / 18,5	14 / 13,2	22 / 13,7	27 / 21,4
Alnus	-	3 / 2,8	4 / 2,5	-
Betula sec. Albae	26 / 40	30 / 28,3	50 / 31,1	46 / 36,5
Betula nana	-	-	-	-
Corylus	-	1 / 0,9	2 / 1,2	1 / 0,8
Salix	-	-	-	-
Деревья широколиственные	25 / 38,5	54 / 50,9	82 / 50,9	50 / 39,7
Quercus	2 / 3,1	2 / 1,9	4 / 2,5	1 / 0,8
Tilia	23 / 35,4	52 / 49,1	78 / 48,4	49 / 38,9
Травы				
Травы основные	32 / 80	64 / 88,9	105 / 91,3	42 / 85,7
Poaceae	30 / 75	51 / 70,8	70 / 60,9	30 / 61,2
Cyperaceae	-	-	2 / 1,7	2 / 4,1
Chenopodiaceae	-	4 / 5,6	24 / 20,9	6 / 12,2
Artemisia	2 / 5	9 / 12,5	9 / 7,8	4 / 8,2
Разнотравье	8 / 20	8 / 11,1	10 / 8,7	7 / 14,3
Polygonum	-	-	-	-
Brassicaceae	-	-	-	-
Lamiaceae	-	-	-	-
Fabaceae	-	-	-	-
Linum	-	-	-	-
Apiaceae	2 / 5	1 / 1,4	-	1 / 2
Asteroideae	2 / 5	2 / 2,8	4 / 3,5	2 / 4,1
Cichorioideae	4 / 10	5 / 6,9	6 / 5,2	4 / 8,2
Споры				
Bryales	8 / 36,4	8 / 30,8	10 / 31,2	7 / 23,3
Sphagnum	2 / 9,1	2 / 7,7	1 / 3,1	2 / 6,7
Botrychium	-	-	-	-
Lycopodium clavatum	-	1 / 3,8	2 / 6,2	1 / 3,3
Polypodiaceae	12 / 54,5	15 / 57,7	19 / 59,4	20 / 66,7

которые следуют снизу вверх и отделены друг от друга перерывами (Рис. 12). В спорово-пыльцевой комплекс объединялись образцы, которые имеют близкий качественный и количественный состав доминирующих форм.

Спорово-пыльцевой комплекс I (сосна) выделяется по образцу № 1 из слоя 1б. Как и во всех образцах из разреза, здесь преобладает пыльца древесных пород (56%). Пыльца травянистых растений составляет 26%, споры – 18%.

Среди древесных пород господствует пыльца сосны (*Pinus*) (77%), 13% приходится на пыльцу березы (*Betula sec. Albae*). Необходимо отметить, что помимо пыльцы березы древовидной отмечена пыльца карликовой березы (*Betula nana*) (7%). В

небольших количествах встречается пыльца ольхи (*Alnus*) (2%) и липы (*Tilia*) (1%).

Состав травянистых растений очень беден. Чаще всего встречается пыльца злаков (Poaceae) (70%), 9% приходится на пыльцу полыней (*Artemisia*), 5% на пыльцу семейства маревых (Chenopodiaceae). Пыльца разнотравья насчитывает 16%, а в его составе присутствует пыльца только двух подсемейств: астровых (Asteroideae) (9%) и цикориевых (Cichorioideae) (7%).

В группе споровых доминируют зеленые мхи (*Bryales*) (80%). Также встречены споры папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) (13%) и сфагновых мхов (*Sphagnum*) (13%).

Таблица 1. РЕЗУЛЬТАТЫ СПОРОВО - ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА
Разрез вала Сорочьегогорского городища (2012 г.) (продолжение)

Систематический список	3 3,4 м зерна/проц	2 3,6 м зерна/проц	1 4,1 м зерна/проц
ОБЩИЙ СОСТАВ			
Деревья	159 / 64,6	152 / 64,1	92 / 55,8
Травы	57 / 23,2	52 / 21,9	43 / 26,1
Споры	30 / 12,2	33 / 13,9	30 / 18,2
Деревья			
Деревья основные	91 / 57,2	81 / 53,3	91 / 98,9
Picea	6 / 3,8	2 / 1,3	-
Pinus sylvestris	35 / 22	13 / 8,6	71 / 77,2
Alnus	1 / 0,6	4 / 2,6	2 / 2,2
Betula sec. Albae	48 / 30,2	62 / 40,8	12 / 13
Betula nana	1 / 0,6	-	6 / 6,5
Corylus	-	-	-
Salix	-	-	-
Деревья широколиственные	68 / 42,8	71 / 46,7	1 / 1,1
Quercus	-	1 / 0,7	-
Tilia	68 / 42,8	70 / 46,1	1 / 1,1
Травы			
Травы основные	49 / 86	46 / 88,5	36 / 83,7
Poaceae	38 / 66,7	34 / 65,4	30 / 69,8
Cyperaceae	-	1 / 1,9	-
Chenopodiaceae	3 / 5,3	3 / 5,8	2 / 4,7
Artemisia	8 / 14	8 / 15,4	4 / 9,3
Разнотравье	8 / 14	6 / 11,5	7 / 16,3
Polygonum	-	-	-
Brassicaceae	-	-	-
Lamiaceae	-	-	-
Fabaceae	-	-	-
Linum	-	-	-
Ariaceae	-	-	-
Asteroideae	3 / 5,3	2 / 3,8	4 / 9,3
Cichorioideae	5 / 8,8	4 / 7,7	3 / 7
Споры			
Bryales	9 / 30	10 / 30,3	24 / 80
Sphagnum	2 / 6,7	1 / 3	2 / 6,7
Botrychium	-	-	-
Lycopodium clavatum	-	2 / 6,1	-
Polypodiaceae	19 / 63,3	20 / 60,6	4 / 13,3

Судя по составу палинологических спектров, в которых присутствует пыльца карликовой березы, этот комплекс характеризует доголоценовый (перигляциальный) этап формирования отложений.

В это время в исследованном районе произрастали сосновые леса с примесью березы и с покровом из зеленых мхов. Открытые пространства были заняты злаковыми сообществами. На более сухих местах произрастала полынь и растения из семейства маревых.

Нижняя толща (образец № 1), в которой встречается пыльца карликовой березы (*Betula nana*), по геологическим данным является карбонатным элювием

по пермским отложениям. Проникновение в нее неоплейстоценовой пыльцы из перекрывающих перигляциальных лессовидных суглинков объясняется высокой пористостью и проницаемостью рыхлого осадка.

Спорово-пыльцевой комплекс II (широколиственные породы, береза с участием сосны) описан по образцам №№ 2–4, отобранным из слоя погребенной почвы (слой 2). От ниже- и вышележащих комплексов отделяется перерывом. В образце № 2 много сгоревшей органики, сохранность пыльцы плохая, много рваной пыльцы хвойных пород и недоразвитой пыльцы липы (*Tilia*). Часто встречается пыльца березы (*Betula*) темного цвета, возможно, обгоревшая.

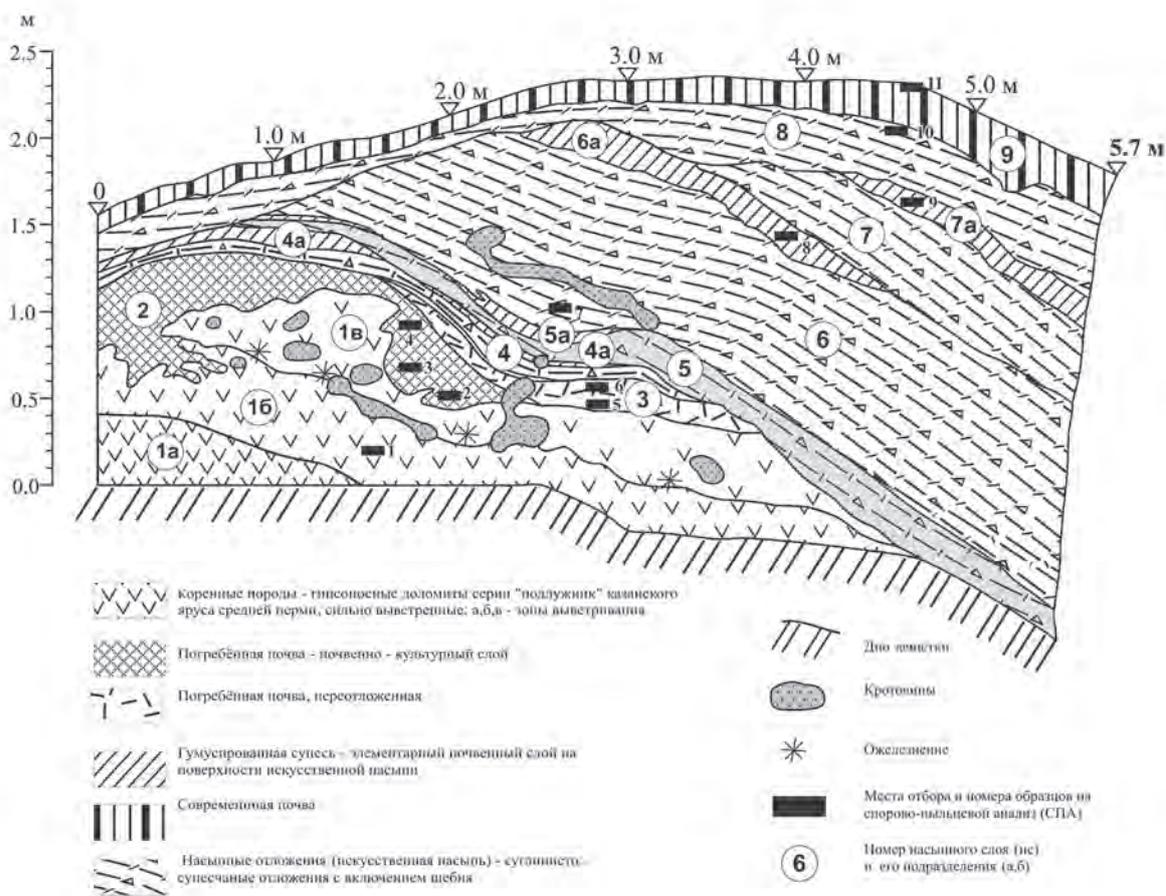

Рис. 10. Разрез вала.

Много истлевших органических остатков, в основном древесины. Как и в предыдущем комплексе, здесь преобладает (62–65%) пыльца древесных пород, достигая своего максимума (65%) по разрезу.

В составе древесных пород преобладает пыльца широколиственных пород (40–47%), которая представлена в основном липой (*Tilia*). Пыльца дуба (*Quercus*) встречается лишь в виде единичных пыльцевых зерен. Чуть реже встречается пыльца березы (*Betula*) (30–41%) и еще реже – сосны (*Pinus*) (9–22%); отмечены также единичные пыльцевые зерна ели (*Picea*), ольхи (*Alnus*) и лещины (*Corylus*).

В группе травянистых растений по-прежнему доминирует пыльца злаков (Poaceae) (45–70%). Причем, начиная с образца № 4 и вплоть до № 11, встречается пыльца не только дикорастущих, но и культурных видов. По сравнению с предыдущим комплексом отмечается увеличение содержания пыльцы семейства маревых (Chenopodiaceae) (до 12%). Больше становится и пыльцы полыней

(*Artemisia*) (8–15%). Разнотравье насчитывает от 12 до 14% и представлено подсемействами астровых (Asteroideae) и цикориевых (Cichorioideae).

В целом количество спор очень незначительно. В данном комплексе на первое место выходят папоротники семейства многожковковых (Polypodiaceae) (61–67%). Реже встречаются споры зеленых мхов (*Bryales*) (23–30%). Единично отмечены споры зеленых мхов (*Bryales*) и плауна булабовидного (*Lycopodium clavatum*).

Описанный комплекс характеризует теплые и сухие климатические условия, когда в районе городища произрастали липовые леса с примесью березы и сосны с папоротниками и злаками в травяном ярусе. Возможно, что в местах, благоприятных для произрастания сосны, она образовывала самостоятельные лесные массивы. Открытые пространства по-прежнему занимали злаковые сообщества, а более сухие местообитания принадлежали полянам и маревым.

Стратиграфическое расчленение					Глубина, м	Литология	Номера образцов на СПА	Палеоно-комплексы	
Б. Антропогенная надстройка вала	Б. Насыпь вала	Б-3. Верхняя	Поздний этап: ремонт и перестройка вала	VI нс	б.		11	VI	
					а.		10		
		Б-2. Средняя	Средний этап: производство основных насыпных работ	V нс	б.		9	IV	
					а.				
				IV нс	б.				8
					а.				7
	Б-1. Нижняя	Ранний этап: моделировка основания	III нс	б.		6		III	
				а.					
			II нс	б.					
				а.					
			I нс	б.					
	а.								
	А-Б. Почвенно - культурный горизонт					3.1		5 4	II
	А. Природное основание вала					3.64		3 2	
	Кустовая гряда интенсивно выветренных гипсоносных доломитов серии "подлужник"					3.76		1	I
					4.3				
					4.5				

Рис. 11. Литолого-стратиграфическая колонка вала.

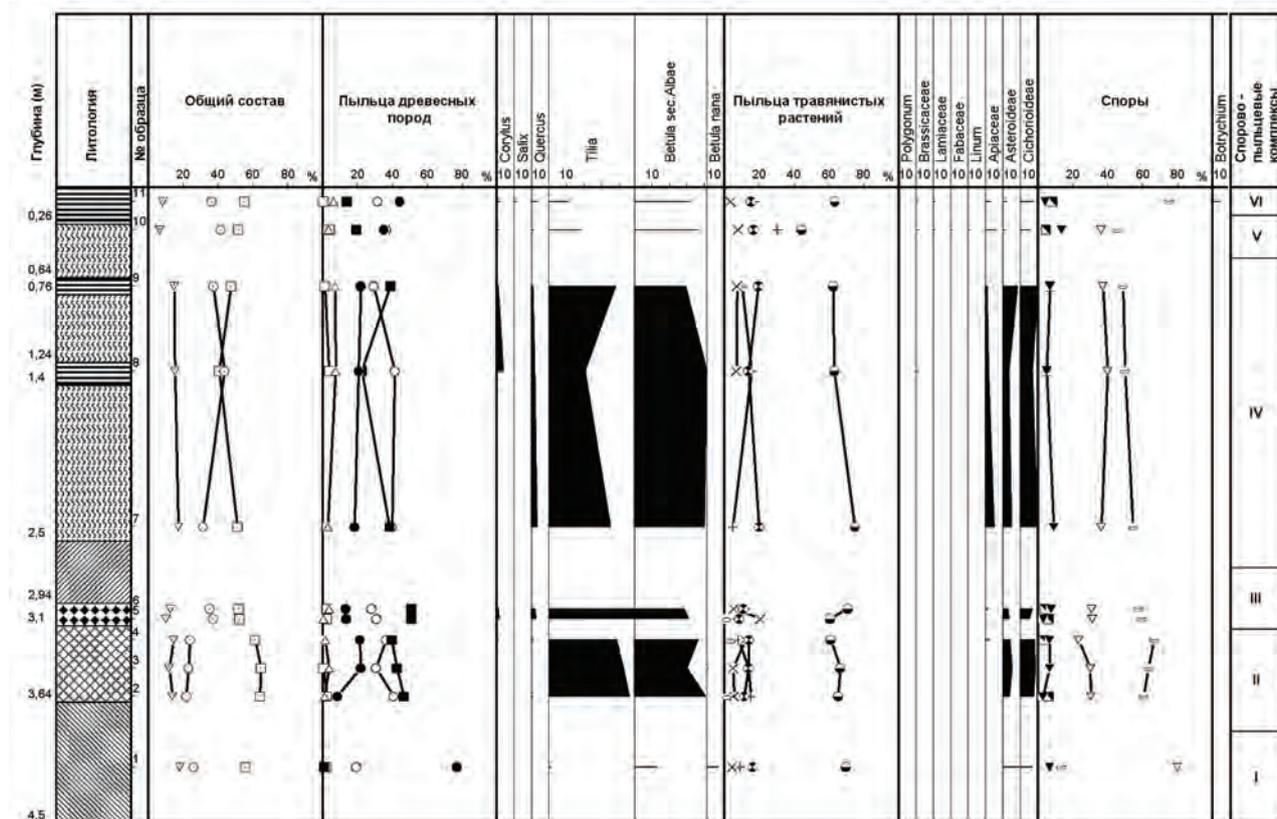

Рис. 12. Палинологическая диаграмма разреза вала.

Спорово-пыльцевой комплекс III (широколиственные породы, с участием березы и сосны) охарактеризован по образцам №№ 5 и 6 из слоя переотложенной погребенной почвы (слой 3). Состав спектров данного комплекса близок к предыдущему комплексу, но сохранность пыльцы и спор в этих образцах еще хуже. В образце № 5 много сгоревшей органики и золы. Часто встречаются мелкие кусочки истлевшей древесины.

В общем составе содержание пыльцы древесных пород немного ниже, чем в предыдущем комплексе (52%), но она по-прежнему доминирует. Количество пыльцы травянистых растений увеличивается до 35–37%. Споры составляют 10–13%.

Среди древесных пород преобладает пыльца широколиственных пород и достигает своего максимума по разрезу (51%). В их составе присутствует главным образом липа (*Tilia*) (48–49%) и лишь 1–2% приходится на пыльцу дуба (*Quercus*). Количество пыльцы березы снижается до 28–31%, а сосны (*Pinus*) – до 13–14%.

В группе травянистых растений по-прежнему господствует пыльца злаков (61–71%), среди которой встречается крупная

пыльца культурных видов. Увеличивается содержание пыльцы семейства маревых (*Cheporodiaceae*) (12–21%) и полыней (*Artemisia*) (8–13%). Пыльца разнотравья насчитывает 9–11%. В его составе присутствует пыльца семейства зонтичных (*Ariaceae*) (1%) и подсемейств астровых (*Asteroideae*) (3–4%) и цикориевых (*Cichorioideae*) (5–7%).

Среди споровых преобладают папоротники семейства многоножковых (*Polypodaceae*) (58–59%). Часто встречаются споры зеленых мхов (*Bryales*) (31%). Также отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (3–7%) и плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (4–6%).

Вероятно, данный комплекс характеризует более сухие, чем на предыдущем этапе, климатические условия. В это время отмечается максимум широколиственных пород, а также увеличение содержания пыльцы семейства маревых и полыней.

Как видно из диаграммы и описания комплексов II и III, палинологические спектры слоев 2 и 3 мало отличаются друг от друга. Судя по всему, слои 2 и 3 близки по времени образования.

Спорово-пыльцевой комплекс IV (широколиственные породы, береза,

сосна) выделяется по образцам №№ 7–9 из слоя подсыпки (слой 7) и прослоев погребенной почвы (слои 6а, 7а). В образцах из данного комплекса пыльцы намного меньше, чем в других комплексах, особенно ее мало в образцах №№ 7 и 8.

В общем составе преобладает пыльца древесных пород (41–52%), но в образце № 8 количество пыльцы древесных пород и травянистых растений примерно одинаково (41 и 44% соответственно). Этот же образец несколько отличается и по составу древесных пород. Здесь преобладает пыльца березы (*Betula*) (42%), в то время как в образцах №№ 7 и 9 больше пыльцы широколиственных пород.

Состав травянистых растений очень бедный. Как и в других комплексах, доминирует пыльца злаков (Poaceae) (63–75%). Из разнотравья отмечена пыльца подсемейств астровых (Asteroideae), цикориевых (Cichorioideae) и единично – семейства крестоцветных (Brassicaceae) и зонтичных (Apiaceae).

Споровые растения представлены в основном папоротниками семейства многоножковых (Polypodiaceae) (49–55%) и зелеными мхами (*Bryales*) (36–40%).

Анализируя состав спектров данного комплекса, можно сказать, что образец № 7 по своему составу ближе к нижележащим образцам из погребенной почвы, чем к образцу № 1 из коренного слоя 1б.

В образце № 8 меньше всего пыльцы широколиственных пород и много березы. Возможно, что этот слой погребенной почвы (слой 6а) формировался в более прохладных климатических условиях, когда в окрестностях городища отмечалось сокращение площадей, занятых лесами, среди которых преобладали березовые леса. Это могли быть и вторичные березовые леса, на месте вырубленных коренных.

Состав спектров образца № 9 практически идентичен образцам из погребенной почвы (слой 2), что наводит на предположение о подсыпке данной почвы на поверхность вала.

Спорово-пыльцевой комплекс V (сосна, береза с участием широколиственных пород) охарактеризован по образцу № 10 из слоя 8. Он более насыщен пыльцой, чем нижележащие образцы. В нем в общем составе преобладает пыльца древесных пород (52%). Пыльца травянистых растений составляет 42%, споры – 7%.

Состав древесных пород существенно отличается от предыдущего комплекса. Здесь доминирует пыльца сосны (*Pinus*) (35%) и березы (*Betula*) (37%). Количество пыльцы широколиственных пород снижается до 19%. В их составе, как и прежде, преобладает пыльца липы (*Tilia*) (18%) и лишь 1% приходится на пыльцу дуба (*Quercus*). Кроме этого, в небольшом количестве попадает пыльца ели (*Picea*) (4%), ольхи (*Alnus*) (4%) и лещины (*Corylus*) (1%).

В группе травянистых растений по-прежнему доминирует пыльца злаков (Poaceae) (45%). В их составе отмечены как дикорастущие, так и культурные виды. Характерной чертой образца № 10 является самое высокое по разрезу содержание пыльцы полыней (*Artemisia*) (31%). Состав разнотравья более разнообразен, чем в нижележащих комплексах. Здесь, помимо пыльцы подсемейств астровых (Asteroideae) (2%) и цикориевых (Cichorioideae) (6%), встречается пыльца семейств гречишных (Polygonaceae), крестоцветных (Brassicaceae), бобовых (Fabaceae), зонтичных (Apiaceae), яснотковых (Lamiaceae). Отмечено одно пыльцевое зерно льна (*Linum*).

Среди споровых чаще всего встречаются споры папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae) (46%) и зеленых мхов (*Bryales*) (36%). 14% приходится на споры сфагновых мхов (*Sphagnum*). Единично присутствуют споры плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*).

Данный комплекс характеризует условия, существенно отличающиеся от описанных выше. Здесь отчетливо проявилось похолодание климата, которое в палинологических спектрах фиксируется заметным уменьшением роли широколиственных пород. Наибольшее распространение получили березово-сосновые леса с участием липы, реже – дуба и лещины; роль луговой растительности была невелика; открытые пространства, видимо, использовались под посевы. Широкое распространение имели полынные сообщества в качестве сорной растительности на нарушенных грунтах около валов.

Спорово-пыльцевой комплекс VI (сосна, береза с небольшим участием широколиственных пород) описан по образцу № 11 из современного почвенно-растительного слоя 9. Образец содержит большое количество пыльцы хорошей сохранности. В общем составе доминирует пыльца древесных

пород (55%), пыльца травянистых растений составляет 36%, споры – 8%.

В группе древесных пород господствует пыльца сосны (*Pinus*) (44%), часто встречается пыльца березы (*Betula*) (32%). Количество пыльцы широколиственных пород снижается до 13%. Они представлены липой (*Tilia*) (11%) и дубом (*Quercus*) (3%), 6% приходится на пыльцу ели (*Picea*) и по 1% – на пыльцу ольхи (*Alnus*), лещины (*Corylus*) и ивы (*Salix*).

В составе травянистых растений по-прежнему преобладает пыльца злаков (Poaceae) (63%), среди которой часто встречаются крупные пыльцевые зерна культурных злаков, в том числе и в скоплениях. Количество пыльцы полыней (*Artemisia*) снижается до 17%. Пыльца разнотравья насчитывает 15%. В его составе присутствует пыльца подсемейств цикориевых (Cichorioideae) (8%), астровых (Asteroideae) (2%), семейств крестоцветных (Brassicaceae) крестоцветных (Brassicaceae) (1%), яснотковых (Lamiaceae) (1%), зонтичных (Ariaceae) (3%), рода горец (*Polygonum*).

Среди споровых отмечается резкий рост до 75% количества спор папоротников семейства многоножковых (Polypodiaceae). В то же время содержание спор зеленых мхов (*Bryales*) уменьшается до 8%. В небольшом количестве встречаются споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) (4%), гроздовника (*Botrychium*) (4%), плауна булавовидного (*Lycopodium clavatum*) (8%).

В настоящее время в районе городища по-прежнему произрастают сосново-березовые леса, но с меньшей долей березы и липы.

Хозяйственная деятельность. На основании данных геологии, палинологии и археозоологии возможна реконструкция хозяйственной деятельности обитателей Сорочегорского городища.

Археозоологические исследования.

В результате изучения остеологических материалов, полученных в ходе зачистки вала городища, были диагностированы 122 кости, из них 69 остались неопределенными. По оставшимся 53 костям был установлен видовой состав животных, которые использовались в качестве жертв или случайно попали в насыпь вала во время его ремонта или подсыпки. Кости животных из зачистки вала 2007 г. подразделяются на домашних (92,5%): крупный рогатый скот – 19 (35,8%), лошадь – 15 (28,3%), свинья – 14 (26,4%), мелкий рогатый скот – 1 (1,9%) и

диких животных (7,5%): медведь – 1 (1,9%), куница – 1 (1,9%), бобр – 1 (1,9%), птица – 1 (1,9%). Отметим, что раскопки 1990–1991 гг. дали несколько иную картину: свинья – 37,4%, лошадь – 35,1%, крупный рогатый скот – 24,9%, мелкий рогатый скот – 2%, собака – 0,6%, всего домашних животных – 92,2% (Богаткина, 1992. Табл. I). Дикие животные в процентном отношении найдены примерно в таком же количестве – 7,8% (Там же). Возможно, отличия в процентном количестве домашнего скота из раскопок 1991–1992 гг. и 2012 г. связаны с предпочтениями в использовании определенных пород скота для принесения жертв во время строительства вала.

Часть костей животных из раскопок 2012 г. можно отнести к жертвенным комплексам, связанным со строительными обрядами. Они представляют собой наборы костей животных, сочетающих остатки черепа, кости конечностей или же череп и кости одной из конечностей, которые размещались на разных глубинах и были приурочены к разным этапам строительства вала.

К раннему этапу строительства вала относится комплекс костей крупного рогатого скота (большая берцовая – 1 фр.), лошади (по 1 фр. – лопатка, лучевая, метаподия, фаланга I), свиньи (две особи, лопатка – 2 фр.), выявленных на глубине 220–240 см; кости жертвенных комплексов, зафиксированных на глубине 240–260 см, относятся к крупному рогатому скоту (фаланга II, коленная чашечка) и свинье (нижняя челюсть).

К среднему этапу строительства принадлежат комплексы костей лошади (фаланги I, II от двух особей), свиньи (лопатка), выявленные на глубине 100–120 см; кости крупного рогатого скота (от четырех особей, включающих плечевые – 2 фр., метаподию, добавочную кость), лошади (локтевая кость), свиньи (две особи, череп – 2 фр. и нижняя челюсть – 3 фр.), выявленные на глубине 120–140 см; кости свиньи (череп, нижняя челюсть и малая берцовая кость), куницы (череп – 1 фр.), выявленные на глубине 140–160 см; жертвенные комплексы, выявленные на глубине 160–180 см, представлены костями крупного рогатого скота (лучевая с локтевой – 1 фр., большеберцовая, метаподия, фаланга II), медведя (нижняя челюсть), бобра (большеберцовая – 1 фр.); комплекс из кости лошади (локтевая – 1 фр.), выявленный на глубине 180–200 см.

К позднему этапу строительства вала относятся комплексы костей лошади (4 фр. черепа и одна плечевая кость), свиньи (одна кость нижней челюсти), зафиксированные на глубине 20–40 см, и крупного рогатого скота (по 1 фр. черепа и лопатки), выявленные на глубине 40–60 см.

При раскопках 1990–1991 гг. также были найдены жертвенные комплексы, представленные черепами лошадей и крупного рогатого скота (13 экз.). Большая часть этих комплексов связана с дневной поверхностью или с верхним горизонтом строительства вала; кроме того, здесь было найдено два черепа медведя (Бугров и др., 1994. С. 97, 98; Богаткина, 1992. С. 134, 139).

Необходимо отметить, что жертвенные комплексы представляют собой наименее ценные, с небольшим количеством мяса части тела животных. Подобные наборы костей встречены в святилище Зуевключевского городища (Черных, 2013. С. 154, 158) и в составе погребального инвентаря могильников АКИО (Петренко, 2007. С. 69; Чижевский, 2008б. С. 40, 53, 67, 75). Они представляют собой, вероятно, стандартный жертвенный набор частей тела животных АКИО, применявшийся как в погребальном обряде, так и в качестве строительных жертвоприношений.

Возраст животных, использовавшихся в качестве жертв во время строительства оборонительного вала Сорочьего городища (по материалам 2012 г.), свидетельствует о том, что в жертву в основном приносились взрослые половозрелые особи: лошадь старше 7 лет, крупный рогатый скот старше 2 лет, свиньи 2–3 лет и старше, лишь в одном случае выявлена свинья возрастом до года. Результаты определений из крупномасштабных работ 1990–1991 гг. несколько отличны. Судя по данным О.Г. Богаткиной (1992. Табл. 4), большая часть животных забивалась в молодом неполовозрелом возрасте. Вероятно, эти различия связаны с тем, что определение возраста животных производилось суммарно, без выделения костей из жертвенных комплексов в отдельную категорию.

Ребра, тазовые и другие кости попали в состав насыпи вала, видимо, случайно, так как они встречены отдельно от жертвенных комплексов в составе ремонтной подсыпки вала и в слое.

Несмотря на ритуальный характер большей части археозоологических

материалов, они все же отражают состав стада обитателей городища, так как, судя по имеющимся данным (Петренко, 2007. Табл. 27), остатки костей, входящих в состав пищевых отходов поселений АКИО, имеют то же процентное соотношение, что и находки из вала Сорочьего городища.

Эти данные свидетельствуют о том, что на памятнике проживало население, основу производящего хозяйства которого составляло животноводство. Остатков диких охотничье-промысловых видов очень мало: охота, по всей видимости, не играла существенной роли в жизни обитателей городища.

Палинологические исследования также позволяют сделать некоторые выводы о производственной деятельности обитателей городища Сорочьи Горы. Явные признаки выращивания культурных растений фиксируются, начиная с образца № 4 СПК II, происходящего из слоя погребенной почвы под насыпью вала, и встречаются вплоть до образца № 10 СПК V, связанного с третьим этапом строительства вала. Об этом свидетельствует присутствие в спектрах пыльцы культурных злаков. В образце № 10 из слоя поздней подсыпки вала определено пыльцевое зерно льна, что свидетельствует о выращивании обитателями городища технических сортов растений, предназначенных для изготовления тканей.

Согласно палинологическим данным, догородищенское поселение на месте Сорочьего городища возникло в теплых и сухих климатических условиях VIII–VII вв. до н.э. (СПК II, ранний этап строительства вала), и уже на этом этапе началось выращивание культурных растений в его окрестностях. Позднее, после производства основных насыпных работ при строительстве вала, наблюдается сокращение площади лесов в его окрестностях и замещение вырубленных первичных лесов вторичными (СПК IV, средний этап строительства вала), что говорит об интенсификации земледелия в городищенский период существования поселения. В позднейший период, в VI–V вв. до н.э., судя по палинологическим данным (СПК V, поздний этап строительства вала), выращивание культурных растений было не менее интенсивным, чем ранее. Большая часть открытых пространств в этот промежуток времени использовалась под посевами.

Выводы

1. Жителями Сорочьегорского городища при выборе места поселения и строительстве оборонительных сооружений оптимально использованы особенности рельефа водораздельного мыса и его выгодное стратегическое положение. Поселение было обустроено на пологой наклоненной террасовидной поверхности, под фундамент вала использована куэстовая гряда доломита, обрамленная с напольной стороны природной ложбиной, послужившей практически готовым рвом (Рис. 2).

2. По геологическим и геоморфологическим данным на территории городища задолго до его возникновения создались реальные условия для развития поверхностного карста (наличие на дневной поверхности карстующихся пород, их пористость и трещиноватость и возможность циркуляции по ним талых и дождевых вод). Жизнедеятельность обитателей городища была одним из факторов активизации карстового процесса. Карстообразование не прекратилось после того, как люди покинули городище, и продолжается до настоящего времени.

3. По результатам проведенных комплексных исследований подтверждается точка зрения В.Н. Маркова (1994) о несостоятельности версии о катастрофическом землетрясении в районе Сорочьегорского городища. Рассекающие мысовую площадку трещины – трещины усыхания (высыхания), трещины бортового отпора, карровые трещины – имеют экзогенное происхождение, они следуют от поверхности вглубь породы. Возникновение этих трещин связано с разными этапами геологического развития территории, начиная с образования породы и до наших дней, и обусловлены особенностями литологии гипсоносных доломитов «серии подлужник», процессами рельефообразования и последующим развитием поверхностного карста.

4. По геологическим данным выделено три этапа строительства вала: ранний – моделировки природного основания, средний – производства основных насыпных работ, поздний – ремонта и перестройки. Анализ палинологических данных позволяет утверждать, что сооружение насыпи вала началось в теплый период VIII–VII вв. до н.э. Погребенная почва, сформировавшаяся на валу после второго этапа строительства вала, образовалась в более прохладных условиях,

уже в VI–V вв. до н.э.; с этим временем связан этап поздней перестройки и ремонта вала.

5. Состав палинологических спектров образца № 9 практически идентичен образцам из погребенной почвы (слой 2), что наводит на предположение о подсыпке данной почвы на поверхность вала в целях его ремонта и перестройки.

6. Во всех строительных горизонтах оборонительного вала отмечены следы жертвоприношений, представленных черепами и костями конечностей лошади, крупного рогатого скота и свиньи.

7. По палинологическим и археозоологическим данным обитатели Сорочьегорского городища интенсивно занимались земледелием и скотоводством как до начала возведения оборонительного вала, так и во время всего периода существования городища.

Литература

- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В., Петренко А.Г., Спиридонова Е.А., Хисьяметдинова А.А., Чижевский А.А.* Влияние климатических и ландшафтных условий на хозяйственную деятельность обитателей Гулюковской III стоянки в позднем бронзовом веке // Среднее Поволжье и Урал: человек и природа в древности. Казань 2009. С. 128–148.
- Богаткина О.Г.* Остатки млекопитающих животных из раскопок городища Сорочьи Горы // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 129–142.
- Бугров Д.Г., Руденко К.А., Халиков А.Х.* Укрепления Сорочьегорского городища // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 93–103.
- [*Габяшев Р.С., Генинг В.Ф., Казаков Е.П., Кузьминых С.В., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А., Хузин Ф.Ш.*] Археологическая карта Татарской АССР: Предкамье. М., 1981.
- Галимова М.Ш., Губайдуллин А.М., Губин А.С., Казаков Е.П., Руденко К.А., Ситдинов А.Г., Чижевский А.А., Шарифуллин Р.Ф.* Свод памятников археологии Республики Татарстан. Т. III. Казань, 2007.
- Гвоздецкий Н.А.* Современное состояние изучения карбонатного карста // Карст в карбонатных породах. М., 1972.

- Гвоздецкий Н.А.* Карст. М., 1981.
- Гвоздецкий Н.А.* Карстовые ландшафты. М., 1988.
- Геологические памятники природы Республики Татарстан.* Казань, 2007.
- Дедков А.П.* Неотектоника и геоморфология // Геология Татарстана: Стратиграфия и тектоника. М., 2003. С. 337–364.
- Дедков А.П.* Основные черты геологического строения территории Республики Татарстан. Рельеф // Геологические памятники природы Республики Татарстан. Казань, 2007. С. 7–13.
- Дедков А.П., Двинских А.П.* Структурно-литологический фактор в формировании рельефа на востоке Русской равнины // Известия вузов. Серия «Геология и разведка». 1995. № 1. С. 9–15.
- Жаркова Н.И.* Закономерности формирования инженерно-геологических условий г. Казани: Автореф. дисс. ... канд. геолого-минералогических наук. Екатеринбург, 2006.
- Кочанова М.Д., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С.* Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции «Палинология: теория и практика». М., 2005. С. 13–15.
- Марков В.Н.* Раскопки городищ на Нижней Каме // АО–1982. М., 1984. С. 158–159.
- Марков В.Н.* Керамика городища Сорочьи Горы // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984а. С. 5–17.
- Марков В.Н.* Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи её решения) // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 48–88. (Вопросы археологии Татарстана. Вып. 1).
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Казань, 2007. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 4).
- Петренко А.Г.* Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам). Казань, 2007. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 3)
- Пономарев П.А.* Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих Гор, произведенных летом 1881 г. // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 323–325.
- Пономарев П.А.* О результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих Гор // ИОАИЭ. 1884а. Т. IV. С. 77–83.
- Пыльцевой анализ.* М., 1950.
- Солодухо М.Г., Тихвинская Е.И.* Обоснование подразделения казанского яруса на горизонты // Материалы по стратиграфии верхней перми на территории СССР. Казань, 1977. С. 187–219.
- Ступишин А.В.* Равнинный карст и закономерности его развития на примере Среднего Поволжья. Казань, 1967.
- Ступишин А.В.* Карбонатный карст Среднего Поволжья // Карст в карбонатных породах. М., 1972.
- Штукенберг А.А.* Несколько замечаний по поводу раскопок: 1) близ села Шурана и деревни Сорочьих Гор (в Лаишевском у. Казанской губ.) и 2) над так называемым Ройским Истоком (на границе Уржумского и Малмыжского уу. Вятской губ.), произведенных летом 1881-го г. // ИОАИЭ. 1884. Т. III. С. 330–334.
- Штукенберг А.А.* Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России // ИОАИЭ. 1901. Т. XVII, вып. 4. С. 165–213.
- Халиков А.Х.* О судьбе населения ананьинской общности на Нижней Каме // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 47–57.
- Халиков А.Х., Бугров Д.Г., Истомин К.А., Руденко К.А.* Об исследованиях Сорочьегорского городища в 1990 г. Казань, 1991 // Научное отделение архива ИА РАН.
- Халиков А.Х., Бугров Д.Г., Истомин К.А., Руденко К.А., Чижевский А.А.* Исследования Сорочьегорского городища и селища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991а. С. 78–79.
- Черных Е.М.* Позднеананьинское святилище на Зуевключевском I городище (Нижнее

- Прикамье) // Поволжская археология. 2013. № 1. С. 153–165.
- Чижевский А.А.* Сорочьегорское городище // *Finno-Ugrica*. № 11. Казань, 2008. С. 5–7
- Чижевский А.А.* Исследования Сорочьегорского городища в 2007 г. // УАВ. 2008а. Вып. 8. С. 91–98.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008б. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 5)
- Чижевский А.А.* Гулюковская III стоянка: экологическая адаптация и факторы хозяйственно-культурного развития // Уральский исторический вестник. № 2 (27). Екатеринбург, 2010. С. 25–30.
- Tallgren A.M.* Harakkavuorten kylässä. Päiväkirjastani Itä-Venäjältä // *Kyläkirjaston Kuva-lehti*. B-serja. Helsinki, 1909. Pp. 148–150.
- Tallgren A.M.* Sorotsji Gorin muinaislinna // *SM*. 1910. Pp. 49–56.
- Tallgren A.M.* Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. (SMYA. T. XXXI: 1)

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕХНИКИ
ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА
АНАНЬИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЙНОГО
ВЕДОМСТВА ФИНЛЯНДИИ)**

И.А. Сапрыкина, С.В. Кузьминых (Москва)

Preliminary results of research in production technology non-ferrous objects from the
Ananino burial ground (according to collection of National Board of
Antiquities of Finland)

I.A. Saprykina, S.V. Kuzminykh (Moscow)

Ананьинский могильник – эпонимный памятник ананьинской культуры (ныне – культурно-исторической области). Первые раскопки на нем были проведены в 1858 г. П.В. Алабиным и И.В. Шишкиным. Во второй половине XIX в. и в начале XX в. памятник подвергался многочисленным и бессистемным раскопкам. Полевая документация о них (чертежи, планы) не сохранилась, известны, правда, описания вскрытых могил (П.В. Алабин, П.А. Пономарев, Ф.Д. Нефедов). Первые методически грамотные раскопки могильника провели в 1930 г. А.В. Збруева и Н.Ф. Калинин. К сожалению, к этому времени нетронутых раскопами и ямами участков дюны уже не сохранилось (Кузьминых, 2005. С. 669; Кузьминых, Чижевский, 2009).

Судьба материалов из раскопок и сборов с этого памятника оказалась довольно сложной – по разным причинам коллекция (около 1500 предметов) была разделена и сейчас находится в нескольких крупных музеях России и зарубежья: в Музейном ведомстве Финляндии, Национальном музее Республики Татарстан, Государственном историческом музее, Музее антропологии МГУ, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого, Государственном Эрмитаже. Вероятно, это обстоятельство, после первого и единственного обзора всех материалов памятника в начале XX века (Tallgren, 1919. P. 5–37), не позволяло исследователям полностью обработать материалы Ананьинского могильника и ввести их в научный оборот как единый комплекс.

Крупнейшая часть коллекции из Ананьинского могильника в настоящее время хранится в Музейном ведомстве

Финляндии (МВФ) – более 800 предметов из цветного металла, железа, глины, кости, происходящих в основном из сборов и покупок И.Р. Аспелина и А.М. Тальгрена (Карпелан, Уйно, 2009). Коллекция была сформирована еще до революции. Наряду с орудиями и оружием эпохи раннего металла из коллекции В.И. Заусайлова ананьинское собрание из МВФ явилось базовым для диссертационного исследования А.М. Тальгрена о медном и бронзовом веке лесной полосы Восточной Европы, защищенного в 1911 г. (Kivikoski, 1954. P. 89–91). Вторая часть этого исследования послужила основой для классического труда финского ученого об ананьинской культуре (Tallgren, 1919), однако в самой книге была опубликована лишь малая часть находок.

В настоящее время назрела насущная необходимость полноценного введения в научный оборот всего собрания предметов из Ананьинского могильника, хранящихся в музеях России и в Музейном ведомстве Финляндии¹. Современный подход к публикациям такого рода подразумевает проведение комплексного изучения археологического источника. В рамках решения этой задачи в настоящее время проводится, в частности, химико-технологическое изучение изделий из цветного металла. Предварительным итогом этого исследования посвящена данная статья.

Около 80% ананьинской коллекции из МВФ составляют предметы из цветного

¹ Исследование выполняется при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00348 «Ананьинский могильник – публикация, исследование, каталог: воссоединение коллекции».

металла: это в основном разнообразные типы украшений, а также орудия и оружие (кельты, наконечники стрел и копий, чеканы и др.) и иные категории изделий. Среди вещей, купленных И.Р. Аспелиным с паспортом «Ананьинский могильник», есть немало предметов пьяноборской и других более поздних археологических культур Прикамья. Уже отмечалось (Кузьминых, Чижевский, 2009), что эти вещи являются инородными в коллекции. Подобная же картина наблюдается в другом крупнейшем собрании ананьинских древностей – из Национального музея Республики Татарстан. Судя по всему, в условиях интереса к покупке древностей, особенно всколыхнувшегося после IV Всероссийского археологического съезда в Казани в 1877 году, крестьяне и скупщики древностей стремились выдать наборы украшений из разрушаемых пьяноборских могильников в более северных уездах Вятской губернии за вещи, найденные в Ананьинском могильнике, – памятнике, уже получившем известность в научном мире. Вследствие этого на антикварном рынке того времени предметы из Ананьино ценились выше. Вероятно, именно с этим связана столь странная археологическая «чехарда» в коллекции бронз этого памятника.

В рамках данной статьи мы публикуем результаты исследования техники изготовления всех изученных на данный момент предметов из цветного металла, отнесенных создателями коллекции к Ананьинскому могильнику, без их подробной историко-культурной атрибуции².

Исследование техники изготовления проведено для более чем 500 предметов; анализ выполнялся стандартным способом (Дегтярева, 2006), с использованием бинокулярного микроскопа фирмы Leica. Результаты наблюдений документировались (цифровая макрофото съемка выполнена с помощью мобильного микроскопа DigiMicro 5.0). Дополнительно для отдельных предметов (двух зеркал, гривны, рукояти ножа, чекана, кельтов, наконечника копья и др.) было проведено радиографическое исследование³,

² Культурно-хронологическая атрибуция предметов из коллекции Ананьинского могильника из собрания Музейного ведомства Финляндии будет проведена в готовящемся к изданию каталоге (авторы – С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский, И.А. Сапрыкина).

³ Радиографическое исследование выполнено заведующей лабораторией реставрации Национального музея Финляндии Лееной Томантеря (Leena Tomanterä);

позволяющее реконструировать особенности техники изготовления. Радиография позволяет фиксировать области больших или меньших плотностей в структуре металлического объекта, наличие скрытых дефектов, надписей, орнаментов под слоем коррозии, а также технологических особенностей изготовления предметов, являясь при этом неразрушающим методом исследования (Lang, 2005. P.50-73). Результаты этого исследования в настоящее время готовятся к публикации, в данной статье они приводятся лишь для иллюстрации отдельных тезисов.

Изученные предметы по технике своего изготовления разделяются на несколько больших групп: предметы, изготовленные в технике литья по выплавляемой модели (группа 1); в технике литья в составных литейных формах (группа 2) и группа предметов, где основной схемой изготовления являлась формующаяковка⁴ (группа 3).

Группа 1 представлена следующими изделиями: бубенчиками (5381:83⁵; 1400:323–325, 330, 334–336), предметами в зверином стиле (5381:65; 1400:351–353, 384–387, 388, 389, 390, 421, 422), накладками разных форм (5381:30–45, 54, 62, 63; 1400:266–268, 281–313, 344, 345), ворворками (5381:51, 58; 1400:177–179), бляшками (5381:47, 49; 1400:184, 185, 194, 195), пронизиями (5381:46, 54–57; 1400:331, 393 и др.). Следует оговориться, что часть предметов из этой группы датируется более поздним, чем ананьинская культура, временем.

Выплавляемая модель для изготовления предметов из группы 1 могла быть получена формовкой на основе (шаблоне) или резкой восковой пластины; «плетением» провощенных нитей; литьем в составную жесткую форму. Некоторые схемы могли использоваться одновременно друг с другом. К примеру, ворворка (5381:58) была изготовлена накручиванием провощенных нитей («плетение») на готовую восковую основу соответствующей формы (формовка на основе).

Формовкой на шаблоне (оттискиванием шаблона специальной формы на восковой

авторы выражают коллеге искреннюю признательность за проведение данного анализа.

⁴ Использование приемовковки установлено на основании тех признаков, которые удается зафиксировать в процессе визуального осмотра, металлографическое исследование не проводилось.

⁵ Приведены шифры по хранению в Национальном музее Финляндии.

пластине) были изготовлены бабочковидные накладки (5381:31–37), а их массивные аналоги (1400:281, 282–284, 286, 293, 308) изготовлены, скорее всего, литьем модельной массы в соответствующую форму. На их обороте фиксируется дефект в виде специфической «волны» на участке соединения концов петельки и тела накладки. Такой дефект возникает, как правило, в результате вставки петельки в не до конца остывшую модельную массу. На обороте фиксируются многочисленные налеты – дефекты работы с выплавляемой моделью; на лицевой поверхности, обработанной после литья, сохранились скопления газовых пор, маркирующих места подведения литников, расположенных, как правило, на боковых гранях накладок напротив длинной перемычки, соединяющей две круглые половинки изделия. На отдельных экземплярах фиксируются следы обрубки литникового канала (шириной около 9 мм) на боковых частях (1400:293). К дефектам литья следует отнести газовые поры и раковины, которые, как правило, возникают из-за недостаточного подогрева литейных форм, несоблюдения температурного режима литья, недостаточного раскисления металла и др. (Гутов, Никитин, 1995. С. 163, Табл. 3, 14).

Для отливки портупейных крючков (1400:351, 352) и навершия (1400:353) в «зверином стиле» были использованы выплавляемые модели, полученные литьем в формах; после отливки на модели резанием дорабатывались мелкие детали рельефа. Однако здесь мы не видим высокой проработки рельефа, отличающей классические образцы «звериного стиля», жесткой конструкции формы, когда литье лишь копировало предметы, выполненные в технике резьбы или тиснения на басме (Минасян, 1988. С. 48–57). На концах рельефных пластин портупейных крючков приклеивалась дополнительная полоса воска для формирования собственно крючка; петельки из отдельных полосок воска приклеивались к обороту изделий (в местах стыка петелек с основой зафиксированы следы использования инструментов, с помощью которых концы петелек продавливались вовнутрь модели). На таких изделиях, как правило, фиксируются многочисленные дефекты работы с выплавляемой моделью: так, изображение «ушей» на головах быков навершия (1400:353) оказалось деформировано («уши», приклеенные

на модель из отдельных тонких полосок, наполнили друг на друга), на нижней части навершия фиксируются многочисленные следы подрезки излишков воска, на обороте портупейных крючков сохранились многочисленные капли воска (Рис. 1).

Следы использования жесткой каменной формы для отливки выплавляемой модели хорошо фиксируются на бабочковидных накладках со спиральным орнаментом (1400:266–268, 313). Здесь спираль прорезалась непосредственно в форме; среди 17 накладок фиксируется применение как минимум двух форм для получения соответствующих моделей. Следы литникового канала здесь расположены так же, как и на других исследованных экземплярах: вероятно, их изготовление, несмотря на разные варианты получения самой модели, подразумевало одновременное литье большими сериями, а не единичными предметами. Большими сериями также изготавливались миниатюрные пронизи, где использовался метод литья «елочкой» (5381:54–57; 1400:330–332, 334; без номера⁶) (Сапрыкина, 2010. С. 16, Рис. 4).

Интересным примером выполнения модели методом «лепки рукой» является бубенчик с прорезями (1400:336): пластина воска сворачивалась вокруг основы, затем на ней прорезались линии. Края свернутой вокруг основы пластины сдвигались друг к другу таким образом, чтобы между разрезами образовывались зазоры; затем края пластины склеивались вместе.

Незначительный процент среди исследованных изделий относится к украшениям, изготовленным методом т.н. «ажурного плетения», выполняемого плетением проволочных нитей: в основном это накладки (1400:344, 345), состоящие из разнообразных волот, елочек, косичек и других фигурных элементов. На них фиксируются следы склейки отдельных деталей как с помощью отдельных кусков воска, так и путем механического соединения краев двух пластин друг с другом. Эта схема изготовления украшений традиционна для металлообработки племен лесной полосы севера Европы от раннего железного века до развитого средневековья (Tomanterä, 1991; Сапрыкина, 2005; и др.).

⁶ Пронизи, не имеющие номера, были соединены в связку; их диаметр разный. Всего в связке присутствует 28 ед.

*a**б*

Рис. 1. *a.* Навершие «в зверином стиле» с головой быка (1400:353), фото Ст.А. Васильева и С.В. Кузьминых; *б.* Пример работы с выплавляемой моделью, фото выполнено на DigiMicro 5.0, 40х.

Группа 2 представлена подвесками (1400:346, 356), бляшками (1400:266–274, 347–350), рукоятями ножей и накладкой, выполненными в «зверином стиле» (1400:354, 355; 5381:86), чеканом (1400:175), деталями конской упряжи (1400:172, 173 и др.), втульчатými (1400:30, 46–59, 62–87, 101–150 и др.) и черешковыми наконечниками стрел (1400:31–39, и др.), наконечниками копий (1400:21, 22, 27–29 и др.), кельтами (1400:1–6, 16–20 и др.).

По внешним признакам, зафиксированным на поверхности исследованных предметов, можно предположить использование нескольких типов литейных форм: двустворчатых и сложносоставных, в которых литье выполнялось, в том числе и со вставным стержнем или специальным вкладышем.

Двустворчатые литейные формы могли использоваться как для литья по отisku готового изделия (к примеру, подвесок или псалиев), так и для технологически сложного вида литья методом долива. С помощью этого вида литья были изготовлены две рукоятки ножей в «зверином стиле» (1400:354, 5381:86), внутри которых присутствуют остатки железных клинков, причем в одном случае (5381:86) клинок был специально обрублен на некотором расстоянии от края литой рукояти. Железные клинки в обеих рукоятках были плотно зафиксированы, визуальное обследование показало, что зазоры между клинком и пазухом для вставки клинка отсутствовали (Рис. 2).

Радиография дала интересный результат в случае с одной из рукоятей (5381:86) (Рис. 3): черешок клинка плотно зафиксирован внутри сплошного массива металла тела рукояти. Сама рукоять литая, никаких визуально фиксируемых следов изготовления ее с помощью приемовковки не зафиксировано. Хотя данные радиографии для второй рукояти (1400:354) не столь яркие, однако здесь также удалось установить, что железное полотно клинка было зафиксировано в сплошном массиве цветного металла⁷, как и в первом случае, плотно обволакивающим вставку.

На основании этих данных можно предложить следующую реконструкцию техники изготовления рукоятей: в составную литейную форму помещался железный клинок, затем в форму заливался цветной

металл, нагретый до определенного температурного интервала. После заливки литейная форма охлаждалась в соответствующем временном и температурном режиме, обеспечивающем лучшее «сцепление» поверхностей друг с другом. В то же время на поверхностях обеих рукоятей присутствуют специфические следы, которые могут свидетельствовать о недостаточном соблюдении временного или температурного режима остывания в виде многочисленных, равномерно рассеянных по поверхности газовых пор и каверн металла. Также на поверхности удалось зафиксировать следы доработки литого рельефного орнамента «вгорячую».

Вполне вероятно, что такая схема доработки изделия с преждевременным извлечением отливки из формы могла преследовать строго определенную цель – обеспечить большую «сцепленность» клинка и рукояти, которую возможно получить при дополнительной доработке мест стыка «вгорячую». Косвенно в пользу этого предположения свидетельствует отсутствие на радиографических снимках скрытых дефектов, связанных с технологическими особенностями литья методом долива (скрытых воздушных пазух, газовых пор и т.д.). Вероятно, в результате дополнительной послелитейной доработки таких изделий мастерам удавалось достичь гомогенности в распределении всего объема металла вокруг вставок и добиться сцепления поверхностей по аналогии со сваркой.

В этой же технике изготовлен чекан (1400:175), украшенный головой птицы, расположенной под одним из рабочих железных лезвий. Здесь была использована двустворчатая литейная форма более сложной конструкции: помимо вставного стержня, роль которого играло рабочее лезвие чекана, был использован вкладыш овальной формы для формирования втулки (внутренней полости). Полученная таким образом отливка не имеет визуально видимых дефектов, связанных с конструктивными особенностями использованной формы, за исключением стандартного набора дефектов (смещение створок литейной формы, газовые поры, каверны). Толщина отливки составляет 2–2,5 мм; подобное тонкостенное литье, отсутствие характерных дефектов, возникающих при одновременном использовании вкладыша и вставного

⁷ В настоящее время мы не располагаем данными по химическому составу металла анализируемых изделий.

Рис. 2. Рукояти ножей «в зверином стиле» (1400:354, 5381:86), чекан «в зверином стиле» (1400:175).
 Фото Ст.А. Васильева и С.В. Кузьминых.

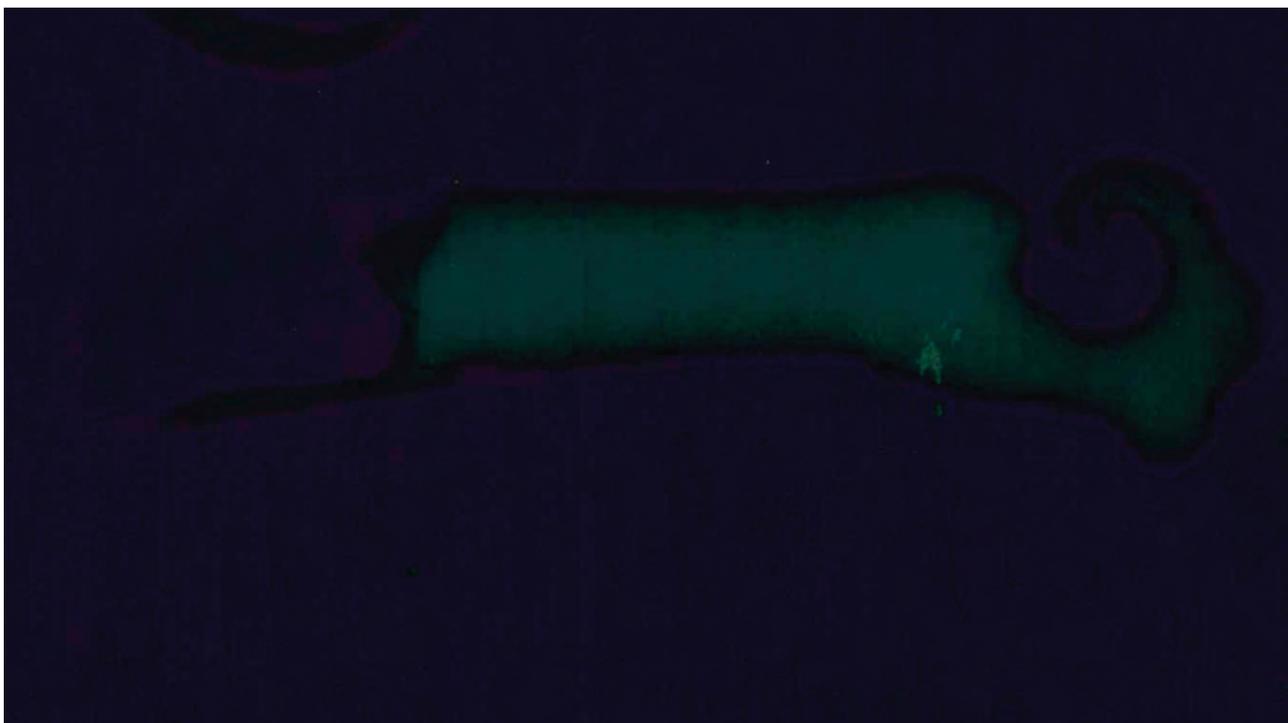

Рис. 3. Радиографический снимок рукоятки ножа (5381:86).

стержня, свидетельствуют о достаточно высоком уровне мастерства литейщиков.

«Вкладышевое литье» и литье со вставным стержнем хорошо документируется при изучении предметов, отлитых в сложносоставных литейных формах: бляшек фигурных (1400:266–274) и в «зверином стиле» (1400:347–350), втульчатых наконечников стрел (1400: 46–59, 62–87 и др.), кельтов (1400:1–20, 5381:1–3 и др.) и других категорий изделий.

Вставной стержень при литье бляшек фигурных и в «зверином стиле» использовался для формирования четко профилированного отверстия петельки, расположенной на обороте (Рис. 4). На этих предметах, помимо литейного шва на поверхности, присутствуют также дефекты, возникшие в результате смещением створок литейных форм или их неплотного примыкания друг к другу в виде затеков металла, газовых и литейных пор, каверн. На поверхности документируются следы опиливания литейных швов, «поднятия» рельефа, нанесения орнамента с помощью резца.

Значительный объем изделий, отлитых в сложносоставных литейных формах (3-х или 4-х-створчатых) «вкладышевым литьем», представлен наконечниками стрел. Для изготовления втульчатых стрел использовался металлический сердечник, сохранившийся внутри отдельных наконечников (1400:

113 и др.) (Рис. 5). Орнамент частью был отлит, частью доработан с помощью резца (1400:127, 128, 137, 157, и др.). Практически все отливки тонкостенные, не имеют визуально фиксируемых следов послелитейной доработки; изучение больших серий трехлопастных наконечников стрел позволило выявить один для всех типов дефект в виде крупной утяжины (или неслитины), расположенной в центральной части пера. Скорее всего, это конструктивный дефект, связанный либо с использовавшейся схемой литья, либо с недостаточной температурой сплава при заливке формы с металлическим сердечником; однако этот вопрос требует дополнительной проработки.

В то же время в этой группе присутствуют втульчатые трехлопастные с шипом наконечники стрел, отличающиеся высоким качеством тонкостенной отливки, ее плотностью, профилировкой литых деталей и отсутствием следов послелитейной доработки, минимумом литейных дефектов (1400:88–92).

Ананьинские кельты типов КАН-104, КАН-106 и КАН-108 (Кузьминых, 1983. С. 215–217, Табл. XXI–XXIII) отлиты в традиционной технике «вкладышевого литья». Толщина стенок отливок стандартна и колеблется в пределах 1,5–2,7 мм, отдельные отливки имеют толщину до 4 мм (1400: 1, 20). Орнамент, как правило, литой, сильно

Рис. 4. Бляшки «в зверином стиле», отлитые в трехстворчатых составных формах со вставным стержнем. Фото Ст.А. Васильева и С.В. Кузьминых.

Рис. 5. Примеры металлического сердечника, использовавшегося при отливки трехлопастных втульчатых наконечников стрел. Фото выполнено на DigiMicro 5.0, 40х.

сглаженный – вероятно использование либо литейных форм, полученных по оттиску готового изделия, либо многократное использование одной и той же литейной формы (1400:1, 8, 20 и др.).

Следов сработанности лезвия ни на одном из исследованных кельтов не зафиксировано. В то же время практически все кельты несут на себе следы послелитейной доработки, заключавшейся в опиливании облоев, литейных швов. На отдельных экземплярах в местах стыка створок литейной формы фиксируются крупные неслитины, возникшие, вероятно, при нарушении технологии литья или использования формы с неплотно подогнанными друг к другу створками (1400:1, 3–5, 7, 18, 19 и др.). Место подведения литника, судя по следам на поверхности, стандартно и расположено в верхней части втулки на месте обуха; на некоторых экземплярах оно оказалось полностью опиленным (в виде углубления) или обрубленным с помощью зубила (1400:8, 10, 14, 18 и др.). В коллекции также имеется один экземпляр кельта, литник на котором не был обрублен после литья, а был оставлен практически на всю ширину (7261:9) (Рис. 6).

Грунна 3 в анализируемой выборке представлена предметами, выполненными с помощью операций формующейковки: это пронизи (1400:164–169, 394, 401), пластинчатые накладки с тремя или двумя выпуклинами (1400:222–263), орнаментированные пластинчатые накладки (1400:454–473), дровые гривны (1400:369–375).

Значительное количество предметов, изготовленных приемами ручнойковки, представлено одинарными пронизями. Толщинакованоголиста варьирует, как правило, в пределах 0,2–0,7 мм. Все они изготовлены гибкой на основе полос, вырубленных из ковального металлического листа; довольно часто под микроскопом можно заметить по краям заусенцы, возникшие в процессе рубки при перемещении инструмента. Для некоторых пронизей можно реконструировать эллипсовидную, а не прямоугольную форму заготовки, вырубленную из листового металла (1400:394). На некоторых пронизях концы скрученной полосы накладываются друг на друга («внахлест»: 1400:164, 167); на других, несмотря на то, что концы пронизей соединены друг с другом «встык», концы смещены по отношению друг к другу, и

готовое изделие имеет ассиметричную форму (1400:165, 166, 394).

Для изготовления пластинчатых накладок с тремя или двумя выпуклинами в основном использовался кованный лист стандартной толщины 0,2–0,3 мм; отдельные пластины оказались изготовленными из ковального листа с максимальной толщиной до 0,9 мм (1400:222, 227–229, 260, 262). Как правило, работа с металлическим листом такой толщины более трудоемка, увеличивается количество дефектов, связанных с процессом деформации металла (разрывы, перфорации и т.д.) (1400:260, 263).

Промеры основных параметров (длина и ширина) вырубленной из ковального листа прямоугольной полосы не позволяют говорить о какой-либо стандартизации: длина накладок, к примеру, с тремя выпуклинами варьирует от 19 до 33 мм. Можно отметить лишь наличие стандартного размера в форме шаровидной головки пуансона-анки, с помощью которого оттискивались выпуклины. Разность в расположении оттисков по отношению друг к другу (до 4 мм), зависимость этой разницы от длины готовой накладки позволяет предположить, что первоначально на рубленной полосе определенной ширины (не более 9–10 мм) оттискивались выпуклины, причем оттискивание велось без предварительной разметки. На одной из накладок (1400:245) в центре выпуклин фиксируется дефект оттиска в виде вмятин – вероятно, в использованный шаблон попал мусор, который мастер не разглядел и не смог вовремя убрать. Рубка полосы металла на отдельные части проводилась после оттискивания выпуклин.

Большое количество однотипных изделий в коллекции из Ананьинского могильника, таких как пронизи или пластинчатые накладки, изготовленных с использованием строго определенного набора приемов, позволяет говорить о наличии массового производства, особенностью которого является высокая стандартизация и унификация как формы предмета, так и способов его изготовления. Этот тип производства характеризуется также достаточно малыми временными затратами на прохождение полного цикла выпуска продукции, что можно отметить при анализе этих двух категорий предметов. Мы можем также предполагать наличие определенного разделения труда, связанного с выполнением различных операций по изготовлению пронизей или накладок.

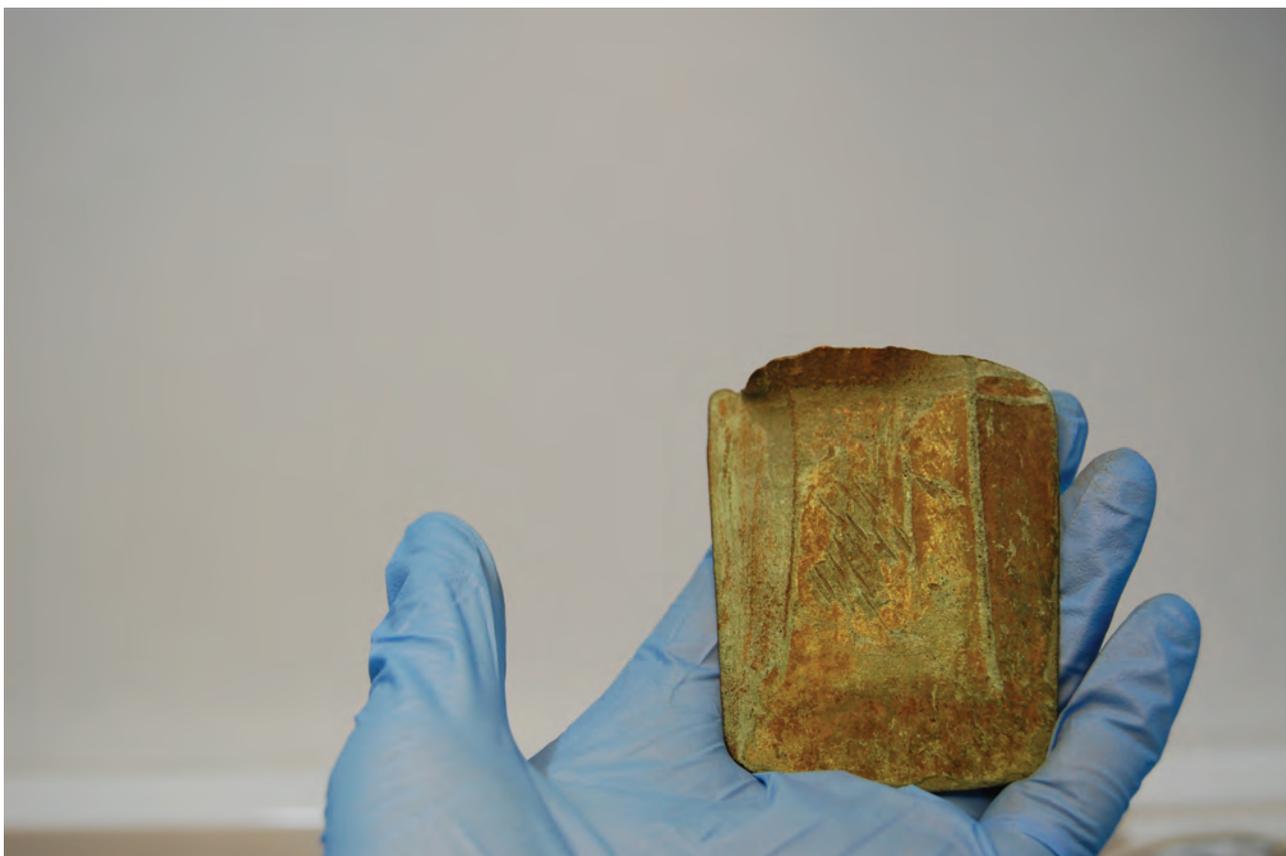

Рис. 6. Литник, сохранившийся по всей ширине отливки кельта (7261:9).

Не вполне ясно, можем ли мы предполагать массовое производство для орнаментированных пластинчатых накладок, которых в анализируемой коллекции не более 5% от общего количества украшений и деталей одежды. Накладки, часто имеющие крепления в виде отверстий для штифтов, изготовлены из кованого листового металла толщиной 0,2–0,9 мм. Хотя линий разметки при обследовании предметов не зафиксировано, по специфической «волнистости» краев накладок, наличию заусенцев (1400:456, 470) можно предположить, что они были вырублены из листа с помощью зубила. Отверстия были пробиты пробоями с округлыми или квадратными (1400:465, 467) рабочими окончаниями.

Пуансонами с округлыми головками разного диаметра (1–2, 2–2,5, 5–7 мм) были оттиснуты ряды «жемчужного» орнамента на лицевой стороне накладок. На отдельных накладках удалось зафиксировать дефекты тиснения в виде разной высоты оттиска, возникшего, видимо, под воздействием разной силы удара или сработанности рабочей площадки пуансона (1400:463) в виде наплывов металлов на обороте оттиска (1400:470). Помимо пуансонов с округлыми

головками для тиснения использовались также чеканы иной формы, о чем свидетельствует угловатость полученных оттисков мелких выпуклин из-за острого рабочего края инструмента (1400:471). Другой вид орнамента, состоящий из линий, выполнялся чеканкой (1400:472, 473).

Другой пример работы приемами формующейковки демонстрируют дровые витые гривны. Литые заготовки дорабатывались с помощью таких операций, как вытяжка дляковки драта круглого или квадратного сечения (прием увеличения длины заготовки за счет уменьшения ее поперечного сечения) (Флеров, 2001. С. 100); расплющивание для формирования системы крепления; скручивание многократно на 360° для придания витого характера кованому стержню (Там же. С. 105); гибкой на оправе. Все эти операции характеризуют приемы ручнойковки, где различаются, к примеру, шаги скрутки (от 2 до 1,5 мм – 1400:374 или 5 мм – 1400:369), которые могли варьироваться в своих размерах на одном изделии (1400:375); размеры основы, на которой производилась гибка концов (диаметр основы круглого сечения 2–3 мм; 1400:373, 374 и др.). На некоторых экземплярах

удалось зафиксировать дефектыковки в виде продольных трещин (1400:371, 372).

Таким образом, исследованная выборка из коллекции Ананьинского могильника, хранящаяся в Музейном ведомстве Финляндии, несмотря на предварительность полученных результатов, демонстрирует широкое разнообразие схем изготовления, навыков обработки цветного металла, использование сложных технологических схем и приемов литья иковки. Изучение металлических изделий методами визуального анализа, на наш взгляд, позволяет также получить данные, которые затем, при дополнительном исследовании и осмыслении, могут ярко раскрыть определенные мировоззренческие аспекты. Так, требует определенного внимания факт намеренной обрубки железного полотна ножа с рукоятью «в зверином стиле» (5381:86) или отсутствие следов использования (в виде специфических следов, характеризующих разную степень сработанности лезвия) на изученной серии кельтов, помещенных в могильник.

Предварительно мы можем говорить о наличии в выборке нескольких предметов, которые по сложности своего исполнения «выпадают» из основного массива полученных по результатам проведенного исследования данных: прежде всего, это две рукояти ножей в «зверином стиле» (1400:354, 5381:86) и чекан (1400:175). Наиболее вероятно, что эти предметы являются в выборке импортными, подтверждающими наличие связей населения, оставившего Ананьинский могильник, с носителями савроматской археологической культуры и иных раннекочевнических образований. На наш взгляд, местную («традиционную») технологию изготовления, в частности предметов «в зверином стиле», характеризует использование более простой техники литья по выплавляемой модели, с помощью которой была выполнена большая часть таких вещей в коллекции (к примеру, 5381:65; 1400:351–353, 384–390, 421, 422).

Несмотря на выявленную стандартизацию схем изготовления, среди большого массива однотипных предметов возможно выявить серии, позволяющие зафиксировать возникновение новых технологических тенденций. Так, среди трехлопастных наконечников стрел, объединенных помимо прочего наличием одного типа литейного дефекта, выделяется группа наконечников, которые не только

не имеют такого дефекта, но и визуально отличаются плотностью своей отливки и цветовой гаммой патины. Это является достаточно надежной характеристикой высокого качества литья, что достигается созданием определенных условий (1400:88–92). Однако этот вопрос требует дальнейшей проработки и проведения исследований больших серий однотипных изделий.

Стоит отметить, что изучение больших статистических массивов данных дает, как правило, наиболее ценные сведения об уровне развития производства, позволяет выделить круг традиционных технологий, на фоне которых достаточно ярко проявляются привнесенные идеи и приемы. На наш взгляд, дальнейшие исследования техники изготовления ананьинских бронз способны сформировать хорошо документированную базу данных для разработки проблемы межкультурных связей и контактов населения Волго-Камья с ближними и дальними соседями. Ведь известно, что изменения в технологических традициях влекли за собой перемены и во многих аспектах жизни древнего населения.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю признательность руководству и сотрудникам Музейного ведомства и Национального музея Финляндии за предоставленную возможность проведения этого этапа исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гутов Л.А., Никитин М.К. Справочник по художественной обработке металлов. СПб., 1995.
- Дегтярева А.Д. Методика поверхностного изучения цветного металла // 2006. Адрес в сети Интернет: http://ipdn.ru/rics/va/_private/a6/117-126-degtyareva.pdf
- Карпелан К., Уйно П. Очерк о коллекции вещей из Ананьинского могильника близ Елабуги в Национальном музее Финляндии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 13–23. (Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 8)
- Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза) М., 1983.
- Кузьминых С.В. Ананьинский могильник // БРЭ. 2005. Т. 1. С. 669.

- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский могильник: основные вехи исследования, коллекции и характер памятника // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 6–12. (Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 8)
- Минасян Р.С.* К вопросу о влиянии техники производства на происхождение некоторых особенностей скифо-сибирского звериного стиля // АСГЭ. 1988. Вып. 29. С. 48–58.
- Сапрыкина И.А.* Реконструкция основных приемов изготовления выплавляемых моделей для литья ювелирных украшений дьяковской культуры // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. Вып. 6. М., 2010. С. 11–18.
- Флеров А.В.* Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М., 2001.
- Kivikoski Ella. A. M. Tallgren* // ESA, Supplementary Volume. 1954. P. 77–121.
- Tallgren A.M.* L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. (SMYA. T. XXXI: 1)
- Tomanderä L.* Wachsfiligran // FA. 1991. Vol. VIII. P. 35–49.

НОВЫЕ НАХОДКИ АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ С ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ

Н.С. Мясников (Чебоксары)

New finds of the Ananino period from the territory Chuvashia

N.S. Myasnikov (Cheboksary)

Настоящий обзор посвящен отдельным находкам ананьинского времени с территории Чувашии, выявленным либо в недавнее время, либо по каким-то причинам еще не попавшим в научный оборот. Все рассматриваемые предметы были обнаружены непрофессиональными археологами без должной фиксации и могут быть отнесены к категории случайных находок.

Бронзовые ножны (Рис. 1, 1) были обнаружены жителем г. Чебоксары И.Г. Павловым в начале 2000-х гг. на Пятишевском городище в Красночетайском районе. Осенью 2012 г. были переданы в археологический фонд ЧГИГН.

Ножны литые, вытянутые, плавно сужаются и закругляются к нижнему концу, овальные в поперечном сечении. На нижнем конце имеется отверстие – предположительно, производственный брак. На оборотной стороне четыре поперечных планки. На верхнем конце лицевой стороны рельефное изображение медведя в профиль, повернутого вправо, с опущенной мордой и приоткрытой пастью, с большими стилизованными когтистыми лапами.

Близкие по размерам ножны с поперечными планками на обратной стороне и различными зооморфными изображениями известны на памятниках ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (Скородумский клад, Ананьинский могильник) (Васильев, 2004. Рис. 15, 1, 3), однако нижний конец подобных ножен загнут и оформлен в виде головы грифона, а ножны украшены зооморфными изображениями почти по всей лицевой поверхности. По форме они гораздо ближе ножнам пьяноборского времени (Агеев, 1992. Табл. 17).

Аналогичные изображения медведя встречаются на поселениях и могильниках АКИО Поволжья и Прикамья, у савроматов Приуралья, скифов Среднего Дона. По мне-

нию В.И. Гуляева, «в восточных районах Евразии, от Среднего Дона до северных границ Монголии, изображение медведя было одним из наиболее популярных мотивов звериного стиля I тыс. до н. э.» (Гуляев, 2005. С. 282-283. Илл. 105). Ближайшие аналогии находим на подвеске из Гляденовского костыща, двух бронзовых пряжках из п. 85 Охлебининского могильника, поясных крючках из Чурачикского кургана в Чувашии, к. 11 Частых курганов под Воронежем, к. 4 у с. Терновое, к. 6 у с. Колбино, к. 1 Русской Тростянки на Среднем Дону, кургана у с. Кашеевка на Нижнем Дону, из развеянного погребения у с. Бажиган в Предкавказье, украшениях конской узды из к. 29/21 у с. Мастюгино и к. 9 у д. Дуровка, бронзовых бляхах конской узды из к. 10 у с. Горки на Белгородчине. Широкая датировка данных предметов укладывается в конец V–III вв. до н.э. (Гуляев, 2005. С. 282-286.)

Ложка (Рис. 1, 2) была обнаружена жителем д. Тюлькой Канашского района А.П. Ивановым в центре деревни во время земляных работ летом 1993 г. Ложка была показана сотруднику Чувашского национального музея Е.П. Михайлову, который описал её, сфотографировал и собрал сведения об условиях нахождения. Сдать ложку в музей Иванов А.П. отказался. Сейчас предмет утерян.

Ложка сильно окислена. Металл, по воспоминаниям Е.П. Михайлова, светлый, пористый (билон, оловянистая бронза?). Ложка имеет короткую, резко загнутую ручку, конец которой украшен стилизованным изображением головы лошади. Показана линия рта, глаза, грива, отогнутые уши. Конец рта, по замечанию Е.П. Михайлова, был обломан. На нижней стороне ручки имеется поперечная петля-ушко для подвешивания.

Ложки с зооморфными изображениями на ручках известны в лесной и лесостепной зонах Восточной Европы в середине

Рис. 1. Случайные находки ананьинского времени из Чувашии: 1 – Питишевское городище; 2 – д. Тюлькой; 3 – Иваново-Ленинское "Макеевское; 4 – д. Шешкары; 5 – пос. Сюктерка. 1–5 – медь-бронза (?).

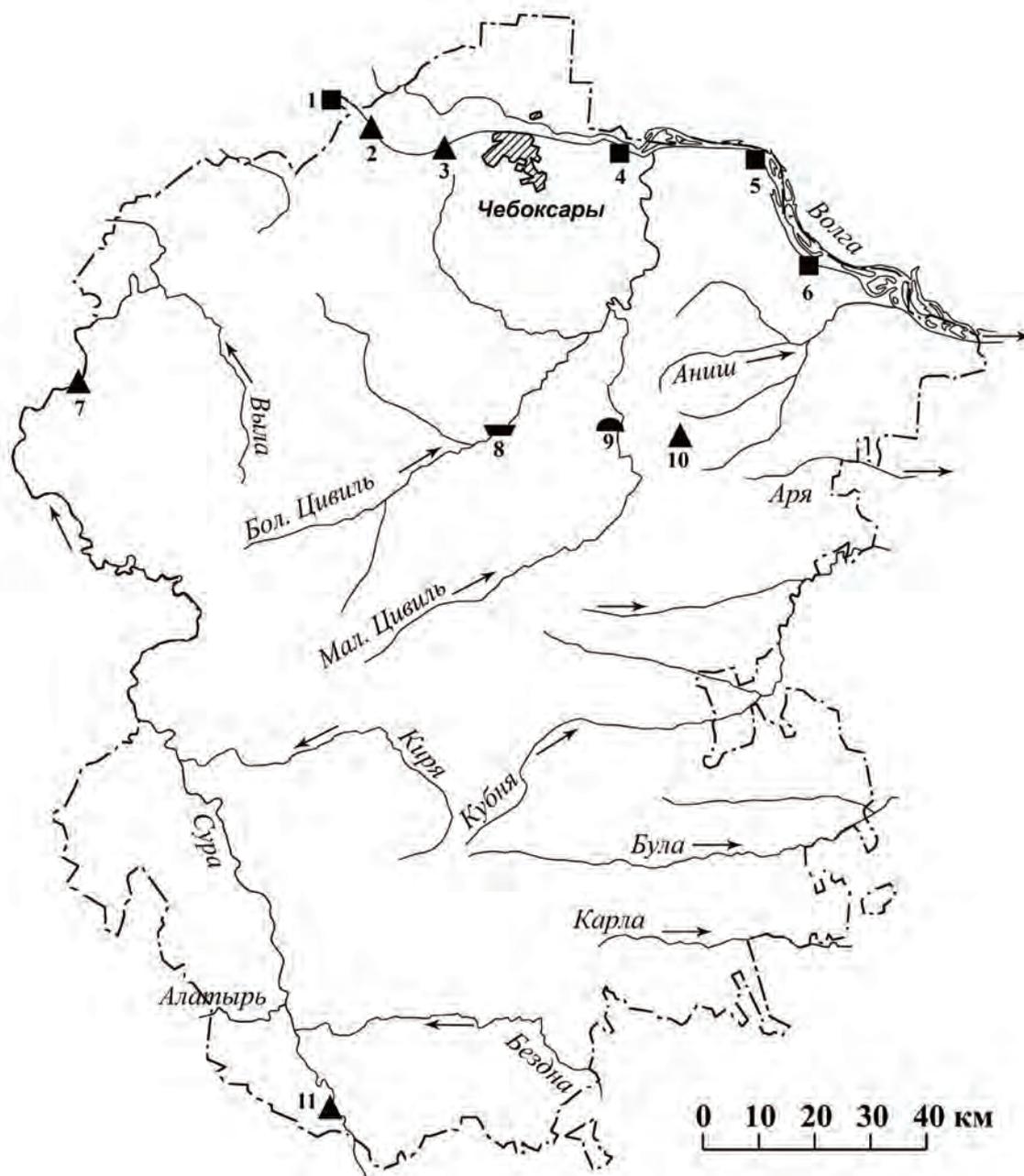

Рис. 2. Карта случайных находок и археологических памятников АКЮ Чувашии: 1 – городище Малахай; 2 – Шашкарская пристань; 3 – пос. Сюктерка; 4 – Ельниковское городище; 5 – Демёшкинское городище; 6 – Карабашское (Звениговское) городище; 7 – Питишевское городище; 8 – Убеевский могильник; 9 – Чурачикский курган; 10 – д. Тюлькой; 11 – Макеевское селище.

I тыс. до н.э. В памятниках савроматской археологической культуры встречаются костяные ложки с изображением птицы на прямой ручке (Соболевский курган начала V в. до н.э.) (Смирнов, 1964. Рис. 14, 4), с изображением головы хищного зверя (могильник Пятимары, к. 4 V в. до н.э.) (Смирнов, 1964. Рис. 32, 2б), а также ложки с изогнутой ручкой с зооморфным орнаментом (Смирнов, 1989. Табл. 66: 53). Наиболее близка к нашей и типологически, и территориально билонная ложечка с головой лошади на ручке из Пургасова городища в Мордовии,

отнесённого авторами раскопок к городищной культуре (Артемова и др., 1972. С. 219; Ледяйкин, 1976. С. 123. Фото 1). Образ коня также встречается на бронзовых предметах АКЮ. При этом изображение лошади на ложке тяготеет скорее к раннеананьинскому искусству (I пол. IX – V вв. до н.э.): показана только голова лошади на длинной согнутой шее (Чижевский, Шаталов, 2012. С. 34). Близкие образы коней встречены на кочедыках из п. 263, 625 Старшего Ахмыловского могильника, на бронзовой подвеске из сборов

с Ананьинского могильника (Чижевский, Шаталов, 2012. Рис. 6, 1–3).

Бронзовая бляха (Рис. 1, 3) обнаружена сотрудником Алатырского краеведческого музея А.А. Макеевым в 1970-е гг. на правом низком берегу Суры в обрыве напротив с. Иваново-Ленино Алатырского района на территории «Макеевского» селища именьковской культуры. Хранится в Алатырском КМ.

Кольцевая бляха украшена на конце стилизованным изображением хищной птицы. Передан лишь силуэт головы с длинным загнутым клювом. На обратной стороне застежки имеется штырек со шляпкой («костыль») для крепления. По всей видимости, бляха является деталью ременной гарнитуры, возможно, сбруйным кольцом. Подобные кольца с «костыльком» на обороте известны у скифов в IV–III вв. до н.э. (Мелюкова, 1989. Табл. 36: 35), савроматов и ранних сарматов в VIII–V вв. до н.э. (Смирнов, 1989. Табл. 67: 10, 32). Стилизованное изображение головы хищной птицы с длинным изогнутым клювом известно в скифских древностях Дона (Мастюгино, Терновое, Дуровка «Частые курганы»). По мнению В.И. Гуляева, «многочисленные аналогии мотиву птицы дают богатые курганные погребения конца V–IV в. до н.э. из степной Скифии» (Гуляев, 2005. С. 293). Ближе всего описываемое изображение к золотым накладкам и поясной детали из кургана 5 могильника Кичигино I в Челябинской области, датированным второй половиной VII в. до н.э. (Речкалова, 2013. С. 152, Рис. 1, 1, 2, 10). Близкие по форме кольцевые бляхи с зооморфными изображениями встречаются и на территории АКЮ (например, находка на р. Колва) (Васильев, 2004. Рис. 5, 3). Особенно широко среди ананьинских древностей был распространен мотив грифона и хищной птицы (Васильев, 2004. Рис. 14, 1, 2; 15; 18, 3, 5).

Кельт бронзовый (Рис. 1: 4) обнаружен жителем с. Николаевское (Ядринский район) А.А. Пахомовым летом 2012 г. на правом берегу р. Волга в воде неподалеку от пристани Шашкары Моргаушского района. В мае 2013 г. с находкой ознакомилась археологическая экспедиция ЧГИГН (Е.П. Михайлов, Н.С. Мясников). Хранится в частной коллекции А.А. Пахомова.

Кельт сильно окислен и окатан водой, однако на лицевой поверхности слабо заметна арковидная фаска, орнаментальный поясик из трех (?) валиков в верхней части и

зигзаг (КАН-56 по С.В. Кузьминых¹). Втулка имеет линзовидное сечение (КАН-I), внутри сохранились следы древесины. КАН-56 распространены только в Среднем Поволжье. Почти все подобные изделия найдены в комплексах Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников и датируются VIII–VI вв. до н.э. (Кузьминых, 1983. Рис. 476. С. 67). КАН-I встречаются в комплексах с постмаклашевской керамикой и являются одним из характерных признаков данной культурной традиции (Марков, 2004. С. 92–94; Чижевский, 2008. С. 44).

Бронзовый браслет (Рис. 1, 5) обнаружен жителем г. Чебоксары на склоне коренного правого берега Волги к западу от пос. Сюктерка в 2008 г. и показан сотрудникам Чувашского государственного института гуманитарных наук. Хранится в частной коллекции.

Браслет пластинчатый с тремя гранями на наружной поверхности, с постепенно суживающимися и свернутыми концами. Бронза патинирована, хорошего качества, визуально отличающаяся от местных сплавов. Ареал распространения подобных браслетов соответствует территории кобанской культуры бронзового века (XII – IV вв. до н.э.). Несомненно, браслет имеет кавказские истоки (Техов, 1977. Рис. 109), однако в отличие от большинства из них не имеет насечек по граням и концы его лишь загнуты, а не свернуты в спираль. Широко известны связи АКЮ с Северным Кавказом, особенно активные в новочеркасское время (конец VIII в. – середина VII вв. до н.э.) (Чижевский, 2006. С. 57).

Таким образом, данная сводка несколько расширяет наши представления о географии распространения находок АКЮ на территории Чувашского Поволжья (Рис. 2) и позволяет отметить наиболее перспективные местонахождения для дальнейшего археологического изучения. Уникальные находки из Чувашии вместе с известными здесь археологическими памятниками демонстрируют, что данный регион являлся частью АКЮ как в ранне-, так и в позднеананьинское время, для него характерны те же направления культурных связей, что и для других регионов ананьинского мира (скифский мир, Кавказ).

¹ Более точно подтип КАН определить не удалось из-за сильно окатанной лицевой поверхности кельта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Артёмова В.Д., Ледайкин В.И., Матюнина Ю.М., Петербургский И.М.* Раскопки Пургасова городища // АО–1971. М., 1972. С. 218–220.
- Васильев С.А.* Ананьинский звериный стиль: Истоки, основные компоненты и развитие // АВ. 2004. Вып. 11. С. 275–297.
- Гуляев В.И.* Скифы: Расцвет и падение великого царства. М., 2005.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Ледайкин В.И.* Пургасовское городище // Труды МНИИЯЛИЭ. 1976. Вып. 52. С. 107–126.
- Марков В.Н.* О культурной принадлежности волго-камских бронзовых кельтов раннего железного века // Из археологии Поволжья и Приуралья. Казань, 2003. С. 92–96.
- Мелюкова А.И.* Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Серия «Археология СССР». Т. 10. М., 1989. С. 92-99.
- Речкалова В.В.* Коллекция предметов из кургана 5 могильника Кичигино I // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2013. С. 148-154.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Серия «Археология СССР». Т. 10. М., 1989. С. 165-176.
- Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008. (Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 5)
- Чижевский А.А., Шаталов В.А.* Псалий из Луговского могильника: к вопросу об образе всадника и коня в ананьинском искусстве // РА. 2012. № 1. С. 26-35.

КРЮЧОК С ЗООМОРФНЫМ ОФОРМЛЕНИЕМ ИЗ КЫРНЫШСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Е.В. Волкова (Самара), Н.М. Капленко (Набережные Челны)

The Hook, decorated in animal-style, from the Kyrnysh archaeological complex

E.V. Volkova (Samara), N.M. Kaplenko (Naberezhnye Chelny)

В 2008 г. разведочным отрядом под руководством Н.М. Капленко на восточной стороне Кырнышского острова на территории Кырнышского археологического комплекса (Тукаевский р-н Республики Татарстан), относящегося к неолиту, пьяноборской культуре и средневековью, был найден зооморфный биметаллический предмет.

Находка представляет собой застёжку, повреждённую в двух местах (Рис. 1, 2). Лицевая часть – щиток из бронзы – оформлена в виде хищного зверя без головы. Судя по механизму крепления, это поясной крючок, но со следами механического повреждения. Его размеры: общая длина 4,8 см; длина сохранившейся части фигуры 2,2 см; соотношение высоты зооморфной фигурки и длины железного стержня крючка примерно 1:1; диаметр стержня 0,5–0,7 см. Установить размеры и степень изогнутости поврежденного крючка невозможно. На оборотной стороне застёжки имеется штырек-запонка (2,6×0,6 см), который, очевидно, служил для крепления застёжки к ткани (коже).

Стержень, идущий от зооморфной фигуры к крючку, обвит медной или бронзовой проволокой (10 спиральных витков). Однако рельеф проволоки хорошо заметен только на лицевой стороне предмета, тогда как на тыльной стороне он затерт, возможно, вследствие длительного использования. С тыльной стороны металл частично коррозирован.

Из-за отсутствия головы у зооморфной фигурки трудно с уверенностью говорить о видовой принадлежности животного. Но, скорее всего, это хищное животное, судя по иконографии лап с ярко выраженными когтями. Учитывая популярные сюжеты зооморфного искусства населения лесной полосы, можно выделить два наиболее вероятных «претендента» – это волк и медведь. Помимо изображения лап животного важно обратить внима-

ние на его позу и пропорции. Округлившаяся спина хищника и «напружиненное» положение лап указывают на его готовность к прыжку, к движению.

Данный предмет, вероятнее всего, принадлежит к кругу материалов, который принято обозначать понятием «ананьинский звериный стиль». Ананьинский звериный стиль – явление, характерное на определенном этапе развития (VII/VI–IV/III вв. до н.э.) для ананьинской культурно-исторической области (Васильев, 2002. С. 4, 5; Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 36).

Ананьинский звериный стиль формируется в результате тесных и постоянных контактов населения Волго-Камья с культурами скифо-сибирского мира. В ананьинском зверином стиле представлены украшения костюма, поясная гарнитура, оружие, конский убор, бытовые предметы. Зооморфные изделия выполнялись из всевозможных материалов: медь, железо, бронза, кость и рог. Археологически не зафиксированы, но, по всей видимости, существовали изделия из дерева в зверином стиле. Крючки не являются исконно ананьинской категорией вещевого материала. С.А. Васильев отмечает, что крючки как категория зооморфных вещей в ананьинской культурно-исторической области появляются в V в. до н.э. и являются заимствованием из двух основных источников: донского и южноуральского (западносибирского) (Васильев, 2002. С. 76). То есть нижнюю дату рассматриваемой находки можно смело ограничить временем не ранее V в. до н.э.

Относительно функциональной принадлежности таких крючков существует несколько версий. Часть исследователей полагает, что эти крючки были деталью мужского костюма, скрепляя края кафтана в верхней части груди. Другая точка

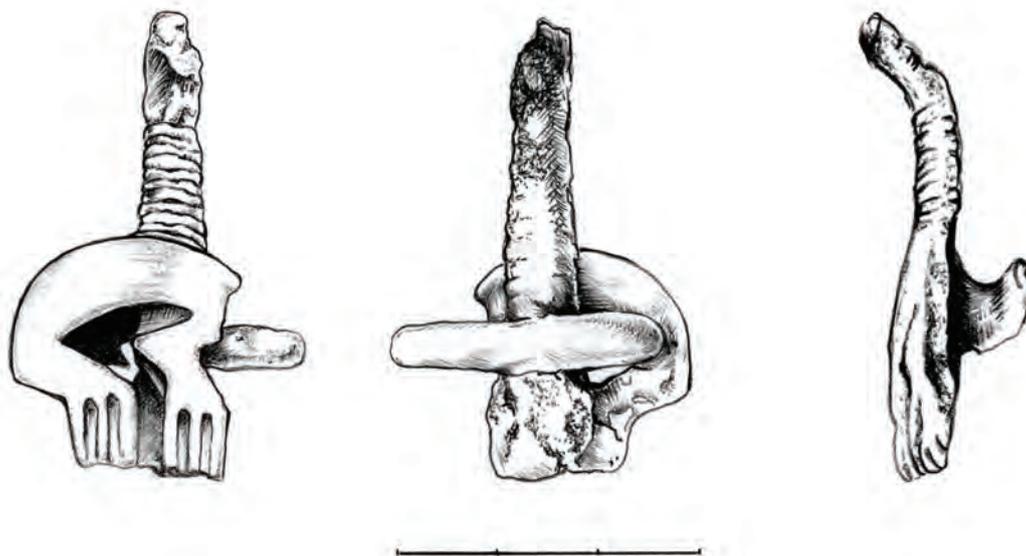

Рис. 1. Крючок с зооморфным оформлением из Кырнышского археологического комплекса (рисунок).

зрения более распространена: крючки рассматриваются как аналог поясных пряжек, в качестве ременных застежек мужских поясов. Есть также версия, что такие крючки служили для фиксации колчана, закрепляя его в определенном положении на ремне. Отсюда крючки получили название колчанных (Там же. С. 75).

Настоящий крючок имеет наибольшие аналогии в материалах среднедонской археологической культуры. В статье П.Д. Либерова приведены крючки, на стержне которых также прослеживается подобие обвития проволокой (Рис. 3, а-2), причем на костяных крючках этот декор сохранен в виде насечек на лицевой стороне стержня (Рис. 3, а-1) (Либеров, 1976. С. 142). Однако фигуры животных расположены на этих крючках иначе, являясь продолжением стержня, тогда как на кырнышском крючке фигурка животного расположена перпендикулярно крючку. В донских древностях («Частые курганы», курган 11) встречается и расположение зооморфной фигуры перпендикулярно стержню крючка. Однако у этих крючков иначе оформлен стержень (Рис. 3, б) (Васильев, 2002. С. 175). Эти крючки датированы П.Д. Либеровым IV–III вв. до н.э. (1965. С. 25).

Подобного рода поясные (колчанные) крючки с профильным изображением животного с округлой спиной и опущенной головой встречаются в

караабызских древностях Приуралья. В Охлебининском могильнике (п. 56) есть подобный экземпляр, правда сама зооморфная фигура сильно отличается (Рис. 3, в) (Пшеничнюк, 1968. С. 79). Поясные крючки А.Х. Пшеничнюк относит к самой ранней хронологической группе караабызской культуры (IV–III вв. до н.э.), однако форма пряжки из того же погребения (Рис. 3, з) может указывать на вторую хронологическую группу (III–II вв. до н.э.) (Пшеничнюк, 1993. С. 40, 47).

Обратимся подробнее к фигуре животного на кырнышском крючке. Сохранившиеся детали не позволяют отнести ее к какому-либо из классических образов хищника в скифо-сибирском зверином стиле. Это не свернувшаяся в кольцо фигура кошачьего хищника, широко распространенная у ранних кочевников. Это не фигура хищника, припавшего к земле, потому что, несмотря на динамичную «пружинную» позу, животное все-таки стоит на вытянутых лапах, а не лежит. Популярный у ананьинских племен образ волка обычно передается только в виде изображения головы. В частности, на массе зооморфных крючков изображены парные или одиночные головы волков (Васильев, 2002. С. 77). Образ медведя также имеет ряд «классических» иконографических форм: медведь в т.н. «жертвенной позе» и более близкий нам образ – «медведь в пьющей позе» (Липина, 2007). Л.И. Липина

Рис. 2. Крючок с зооморфным оформлением из Кырнышского археологического комплекса (фото).

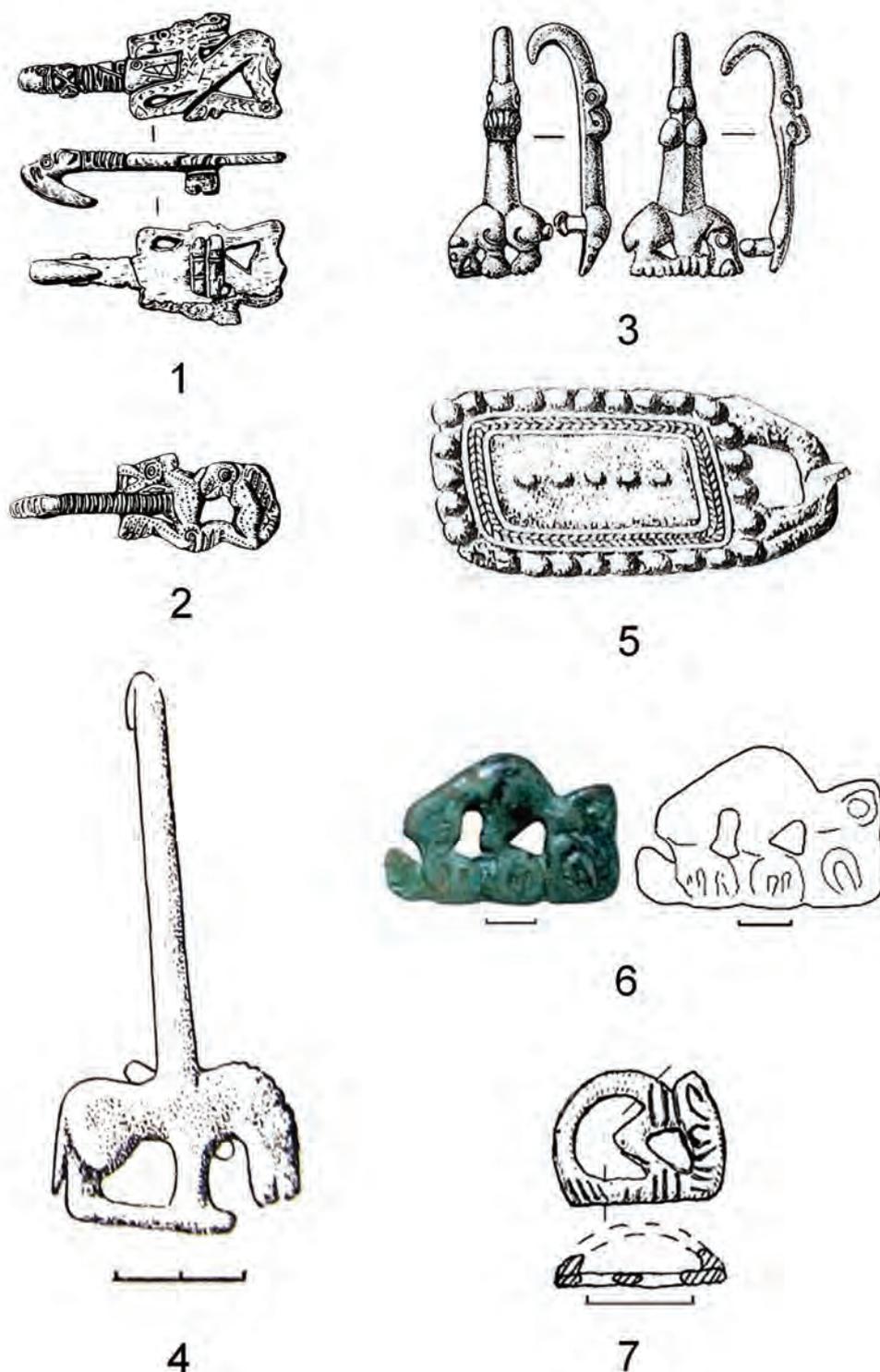

Рис. 3. 1 – поясной крючок из курганного могильника у с. Мастюгино, кург. 34/39 (среднедонская археологическая культура), кость (илл. по: Либеров, 1976); 2 – поясной крючок. случайная находка на Нижнем Дону, железо, обитое золотой пластиной (илл. по: Либеров, 1976); 3 – поясные крючки из курганного могильника «Частые курганы», кург. 1/11, 1, (среднедонская археологическая культура) (илл. по: Васильев, 2002); 4 – поясной крючок из погреб. 56 Охлебининского могильника (кара-абызская археологическая культура) (илл. по: Пшеничнюк, 1968); 5 – пряжка из погреб. 56 Охлебининского могильника (илл. по: Пшеничнюк, 1968); 6 – изображение хищного животного из Уфимского (Чортова) городища (ананьинская культурно-историческая область) (илл. по: Васильев, 2002); 7 – изображение хищного животного из Галкинского городища (ананьинская культурно-историческая область) (илл. по: Васильев, 2002).

отмечает, что профильное изображение медведя является также его наиболее ранним изображением, появляясь впервые на поясных или портупейных крючках в IV в. до н.э. (Там же. С. 24, 28).

Таким образом, логичнее всего предположить, что изображенное на крючке животное – это медведь. Известно, что образ медведя очень популярен у оседлых народов лесной зоны, начиная с эпохи неолита (Грибова, 1975. С. 82; Оборин, 1976. С. 23). Однако пропорции зооморфной фигуры кажутся слишком изящными для медведя, которого обычно принято было изображать массивным, с округлым (отвислым) животом. Характерно также, что фигура животного не имеет хвоста, а это скорее характерно для короткохвостого медведя, чем для любого другого хищника.

Похожее оформление зооморфной фигуры есть в ананьинских материалах. Это две фигуры хищного животного, округлившего спину и опустившего голову. У обеих фигур тщательно прорисованы крупные когти и согнуты лапы, отсутствуют хвосты. По стилю они очень напоминают фигуру с рассматриваемого крючка. Это украшение из Уфимского (Чортова) городища и украшение из Галкинского городища, датируемое IV–III вв. до н.э. (Рис. 3, д) (Васильев, 2002. С. 202).

Таким образом, учитывая аналогии в форме крючка, в иконографии фигуры хищного животного, а также время бытования подобных крючков на территории ананьинской культурно-исторической области, представляется возможным датировать кырнышскую находку IV–III вв. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев С. А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
- Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль (проблемы семантики). М., 1975.
- Кузьминых С.В. Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Казань, 2009. С. 29–55. (Серия “Археология евразийских степей”. Вып. 8).
- Либеров П.Д.* Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 138–146.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М., 1965. (САИ. Вып. Д1–31).
- Липина Л.И.* Образ медведя в ископаемых костюмных комплексах: к реконструкции духовной культуры древних жителей Прикамья // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2007. № 1. С. 24–36.
- Оборин В.А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермь, 1976.
- Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 32–61.
- Пшеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник // АЭБ. 1968. Т. III. С. 59–112.

КЕРАМИКА АНАНЬИНСКОГО ВРЕМЕНИ ПОСЕЛЕНИЯ СЕБЬЯГ I НА ВЫЧЕГДЕ¹

И.О. Васкул (Сыктывкар)

Ceramics of the Ananyino time of the Sebyag I settlement on Vychegda river

I.O. Vaskul (Syktyvkar)

Памятник расположен в 8 км к юго-востоку от д. Керчомья Усть-Куломского р-на Республики Коми, на правом берегу р. Северная Кельтма (левый приток р. Вычегды) (Рис.1) в 6 км выше ее устья, на 6-метровой боровой террасе у старичного оз. Себ в 1,5 км от места соединения озера с рекой. В противоположном конце в озеро впадает р. Себ. Поселение обнаружено в 1984 г. Вишерским археологическим отрядом под руководством Э.С. Логиновой. В 1995 г. памятник повторно обследовался (Лысков, 1997. С. 43, 44). В 1997 г. Вычегодским археологическим отрядом Национального музея Республики Коми под руководством О.А. Лыскова вскрыта одна из трех жилищных впадин. Раскопки дали интересный разновременный материал эпох мезолита, неолита, энеолита-бронзы и раннего железа. В 2004, 2005 и 2008 гг. раскопки памятника были продолжены автором. Всего исследовано 482 м² площади поселения.

Памятник многослойный, мощность культурного слоя достигает 80 см. Находки и сооружения зафиксированы в слоях подзола, коричневой супеси, красно-желтого песка. Исследованы жилища энеолита-бронзы и раннего железного века. Большая часть материалов относится к гляденовскому периоду эпохи раннего железа. К культурно-хронологическому комплексу этого времени относятся жилище, кострища (одно из которых связано с металлообработкой), ямы, а также коллекция находок, представленная обломками не менее чем 100 сосудов, каменными, костяными, бронзовыми и

железными изделиями. Большая часть материалов гляденовского времени зафиксирована на 1–3 условных горизонтах и приурочена к слою коричневой супеси, хотя отдельные находки встречались в слое подзола и красно-желтого песка.

Культурно-хронологический комплекс ананьинского периода представлен фрагментами керамики, к нему же относится часть кремневых скребков и обломок бронзового кельта. С этим же комплексом связана часть ям. Находки ананьинского времени встречены на 1–5 условных горизонтах, однако основная их масса приурочена к 3–4 горизонтам; на 1–2 горизонтах они залегали в переотложенном виде. Наиболее представительна коллекция глиняной посуды, которую характеризуют обломки не менее чем 39 сосудов². Керамика подразделяется на две группы, отличающиеся друг от друга по схеме построения орнамента, деталям оформления шейки сосудов. Наблюдаются различия и в планиграфическом размещении этих групп. Сосуды первой группы обнаружены главным образом в восточной части раскопа 1, второй – в западной части раскопа 1 и в раскопе 2.

К первой группе (Рис. 2) относятся 14 сосудов диаметром 14–30 см с высокой прямой или отогнутой наружу шейкой, четко выраженным переходом от шейки к плечикам. Поверхность пористая от выгоревших примесей. Венчик плоский, реже округлый, приостренный, скошенный вовнутрь. Большинство сосудов без орнамента по венчику. В двух случаях он декорирован оттисками зубчатого штампа, образующими

¹ Публикация подготовлена по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», направление 1 «Преемственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

² Предварительная характеристика глиняной посуды ананьинского времени дана в публикации Е.О. Пяткова (2005. С. 112–114).

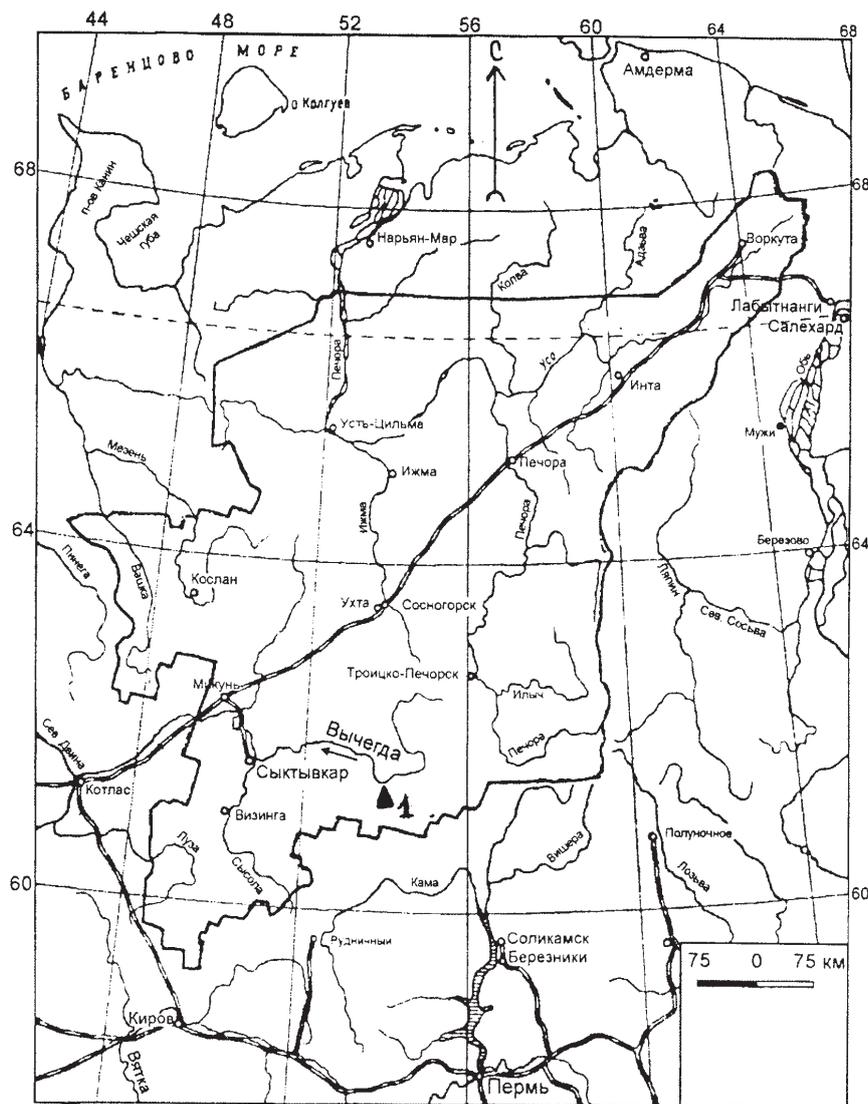

Рис. 1. Карта-схема расположения поселения Себьяг I. 1 – поселение Себьяг I.

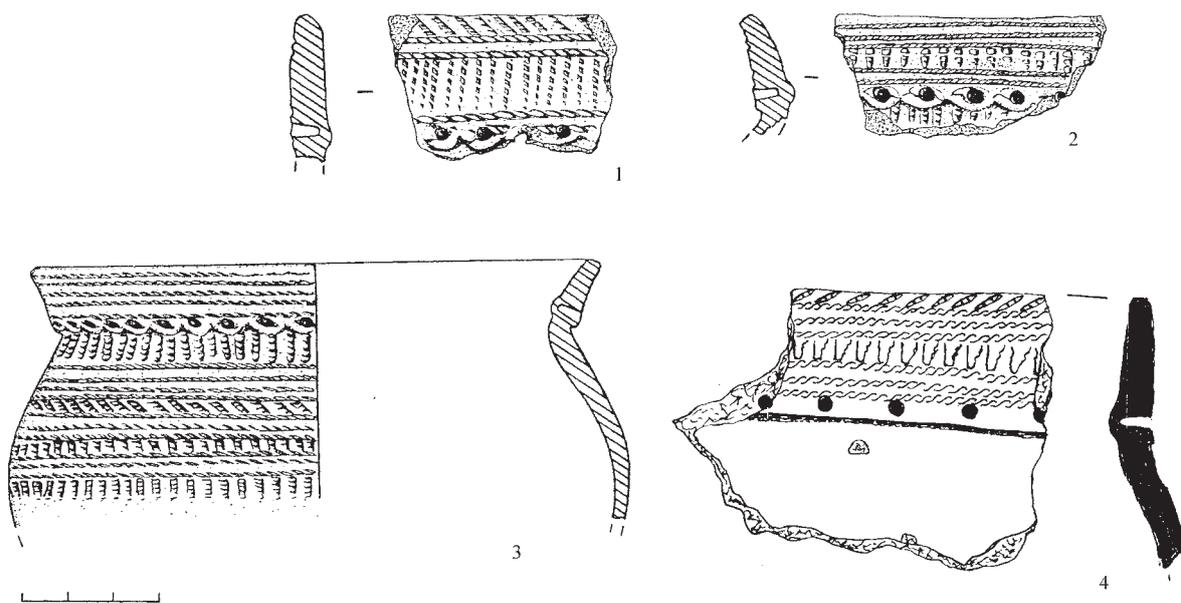

Рис. 2. Поселение Себьяг I. Керамика заурчимского типа.

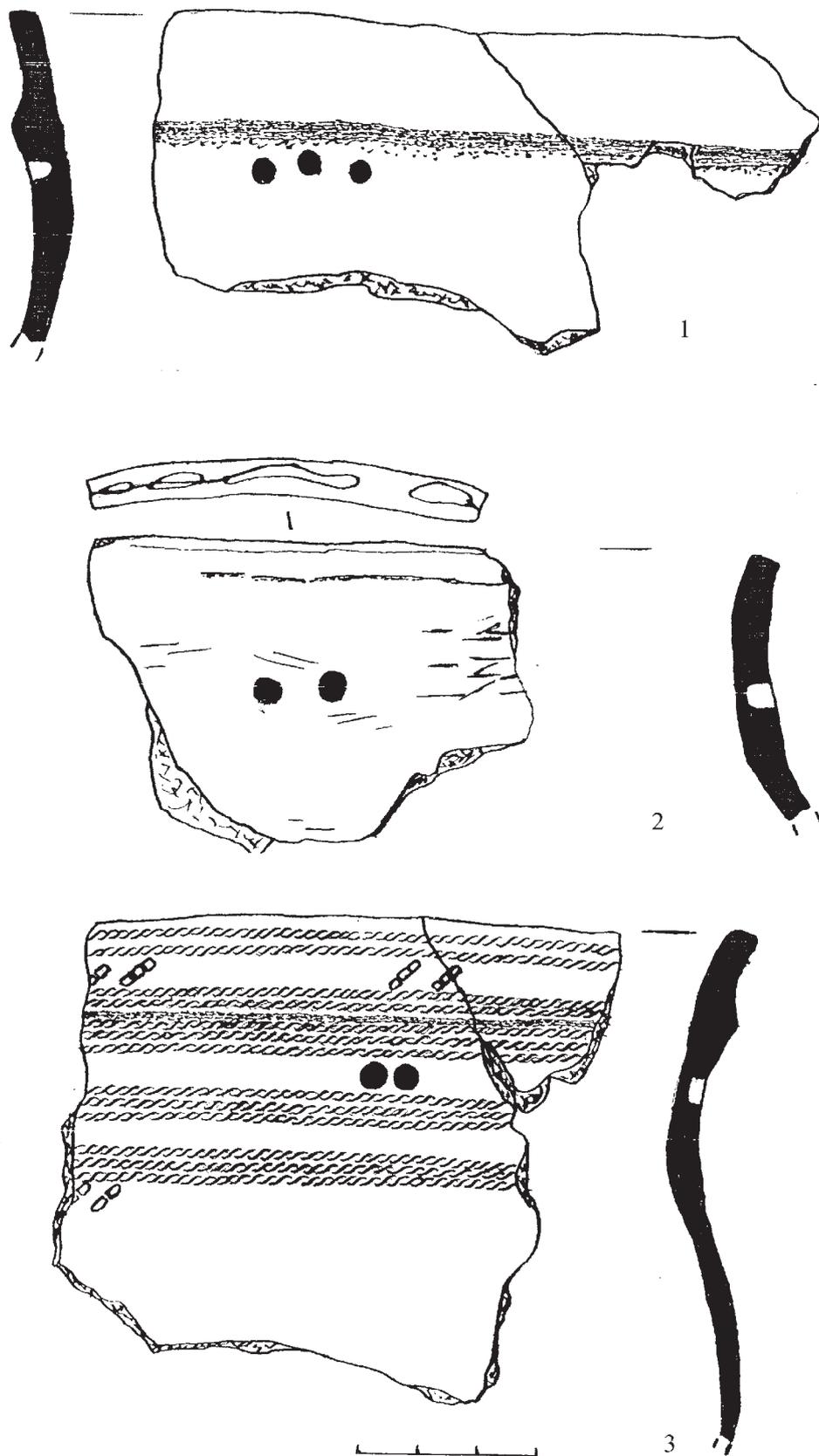

Рис. 3. Поселение Себьяг I. Керамика позднеананьинского времени

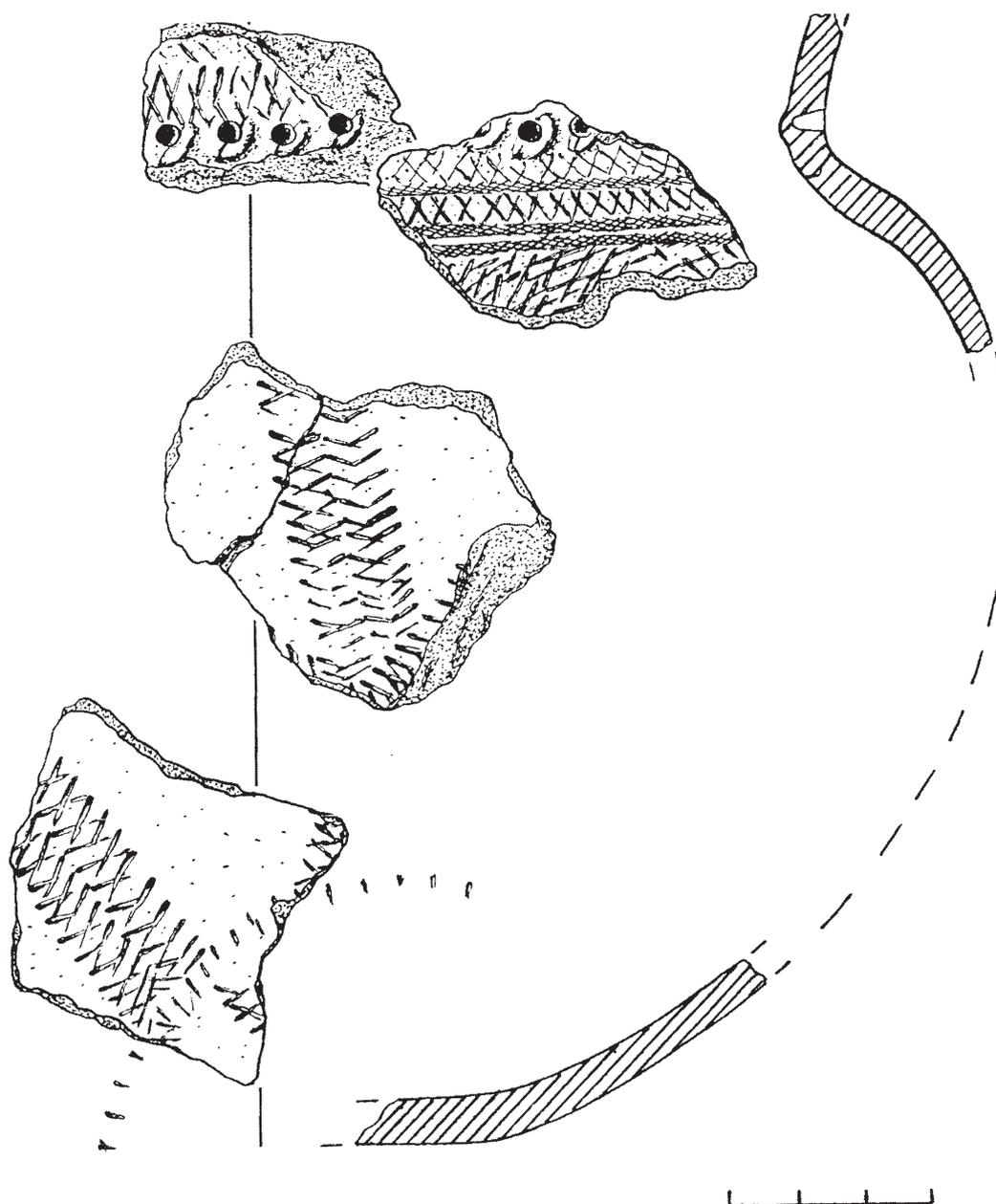

Рис. 4. Поселение Себъяг I. Керамика с крестовидными отпечатками

наклонный ряд. Орнамент нанесен на внешнюю поверхность сосудов. В одном случае зубчатыми отпечатками декорирована верхняя часть шейки изнутри сосуда, еще в одном – шнуровыми линиями. Украшены шейка и верхняя половина тулова. Орнамент образован сочетанием шнура, зубчатых оттисков и ямок (8 сосудов), три сосуда орнаментированы сочетанием ямок и зубчатых отпечатков, два сосуда – зубчатым штампом, шнуром, клиновидными вдавлениями

и ямками, один – шнуром, насечками, клиновидными вдавлениями и ямками. Шнуровые отпечатки образуют горизонтальные линии. Зубчатым штампом нанесены горизонтальные ряды прямо и наклонно поставленных оттисков, горизонтальные линии, горизонтальный зигзаг. Клиновидные вдавления образуют горизонтальные ряды. Ямки нанесены в нижней части шейки в линию, по две, в шахматном порядке. С внутренней стороны

сосуда они образуют «жемчужины». У девяти сосудов в нижней части ямок имеется рельефный наплыв. У двух сосудов при переходе от шейки к плечикам прочерчена горизонтальная линия.

Обломки глиняной посуды, близкой к описанной, найдены также на поселении Шойнаты III на Средней Вычегде (Королев, 1997. Рис. 18, 1). Керамика этой группы находит аналогии в раннеананьинских памятниках Верхнего и Среднего Прикамья первой четверти I тыс. до н.э. типа поселения Заюрчим VI (Вечтомов, 1967. С. 136; Денисов, 1968. С. 56–64, 70, Табл. II; Майстренко, Мельничук, 2010. Рис. 2, 15, 16). По всей вероятности, одновременны глиняной посуде этого комплекса фрагменты не менее чем девяти сосудов поселения Себьяг I, украшенных ямками и крестовидными отпечатками. Крестовидные отпечатки образуют горизонтальные линии и наклонно поставленные ряды. Ямки расположены по одной в линию или в шахматном порядке, под ямками имеются характерные наплавы. Поверхность сосудов пористая от выгоревших примесей, в тесте одного из них зафиксирована примесь талька. Один из реконструированных сосудов – с отогнутой шейкой, выпуклым туловом, уплощенным дном. Орнаментация сосудов и примесь талька в глиняном тесте находят аналогии в керамическом комплексе гамаюнской культуры в Зауралье (Рис. 4).

Вторая группа керамики (Рис. 3) характеризуется 25 сосудами диаметром 14–36 см с прямой или отогнутой наружу шейкой, плавным переходом от шейки к плечикам. Венчик плоский, округлый, Г-образный. У двух сосудов на шейке рельефное утолщение в виде небольшого валика, у 22-х – воротничок. Орнамент нанесен по венчику (10 сосудов), шейке и плечикам сосудов. На венчике он образован наклонными рядами зубчатых отпечатков (9 сосудов) и в одном случае – шнуровой линией. Декор на шейке и плечиках образован сочетанием ямок, зубчатых и шнуровых отпечатков (8 сосудов), ямок и зубчатого штампа (4 сосуда). Четыре сосуда орнаментированы только ямками, один – отпечатками зубчатого штампа, два – без орнамента. На двух сосудах наряду с ямками, шнуром и зубчатыми отпечатками нанесены горизонтальные волнистые линии гладкого штампа. При этом необходимо отметить, что орнамент на валиковой керамике «богаче». Узоры выполнены сочетанием ямок, расположенных в линию или

сгруппированных по три, шнуровых линий, горизонтальных рядов и зигзагом в зубчатой технике, горизонтальным зигзагом гладкого штампа. Воротничковая керамика украшена узорами, выполненными либо только ямками (расположены в линию, сгруппированы по две и по три), либо ямками в сочетании с горизонтальными рядами зубчатых отпечатков. Два сосуда украшены сочетанием ямок, горизонтальных рядов зубчатого штампа, сдвоенной веревочкой. Два воротничковых сосуда – без орнамента.

В целом керамику поселения можно охарактеризовать как ямочно-гребенчато-шнуровую. Наибольшие аналогии описанная керамика находит в керамическом комплексе ананьинского времени поселения Мыелдино на Верхней Вычегде (Васкул, 2003. С. 41, 42). Керамика, подобная описанной, на территории Европейского Северо-Востока относится к культурному типу Перный (Канивец, 1974). Датируется она на основе хронологических разработок Л.И. Ашихминой VII–VI вв. до н.э. для «валиковой» и V–III вв. до н.э. для «воротничковой» керамики (Ашихмина, Васкул, 1997. С. 328, 329), что позволяет датировать эту группу сосудов в пределах VI–III вв. до н.э.

Таким образом, благодаря исследованиям поселения Себьяг I, впервые на р. Вычегде получена выразительная группа керамики типа Заюрчим VI. Присутствие подобной глиняной посуды в керамических комплексах поселений свидетельствует об участии населения Верхнего и Среднего Прикамья в культурогенетических процессах, протекавших в бассейне р. Вычегда в первой четверти I тыс. до н.э. Открытие этого типа глиняной посуды в низовьях р. Северная Кельтма надежно маркирует один из водных путей, связывавших Европейский Северо-Восток с Волго-Камьем (Оборин, 1969. С. 156, 157). Обнаружение керамики с крестовой орнаментацией является еще одним свидетельством «зауральских связей» населения бассейна р. Вычегды и сложности этнокультурных процессов в этом регионе в первой четверти I тыс. до н.э. Второй керамический комплекс ананьинского времени, выявленный на поселении Себьяг I, типичен для памятников Европейского Северо-Востока и Прикамья в середине – второй половине I тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашихмина Л.И.* Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1984. С. 20–34 (Труды Института языка, литературы и истории; Вып. 36).
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О.* Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 314–348.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург, 1992.
- Васкул И.О.* Поселение Мыелдино и проблемы культурной принадлежности древностей Европейского Северо-Востока в ананьинское время // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее. Тезисы конференции. Ч. II. М., 2003. С. 41–42.
- Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С. 133–155.
- Вечтомов А.Д.* К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху железа // УЗ ПГУ. 1968. № 191. С. 71–86.
- Денисов В.П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С. 29–50.
- Денисов В.П.* Заюрчимское VI поселение – памятник раннего железного века в Среднем Прикамье // УЗ ПГУ. 1968. № 191. С. 48–71.
- Канивец В.И.* Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М., 1974.
- Королев К.С.* Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
- Лысков О.А.* Разведочные работы археологического отряда НМРК на р. Северная Кельтма в Усть-Куломском р-не РК в 1995 г. // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 1997. С. 40–44. (Труды Национального музея Республики Коми. Вып. 1).
- Майстренко Д.А., Мельничук А.Ф.* Новые памятники эпохи бронзы в среднем течении р. Вишеры // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы и общества: XIII Бадеровские чтения. Ижевск, 2010. С. 193–197.
- Оборин В.А.* Культурные связи племен Верхнего Прикамья и северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 156–167 (МИА; № 169).
- Пятков Е.О.* Сравнительный анализ раннеананьинской и позднеананьинской керамики по материалам памятника Себьяг I // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе: Доклады 8-й студенческой научной конференции. Сыктывкар, 2005. С. 112–114.

ДИНАМИКА ЭВОЛЮЦИИ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СРЕДНЕГО И ПОЗДНЕГО ЭТАПОВ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОСИНСКОМ ПРИКАМЬЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРЕМЯЧАНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ-СВЯТИЛИЩА)

С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, М.Л. Перескоков (Пермь)

Dynamics of evolution ceramics complexes of the Middle and Late stages of the
Ananino culture in the Osa Kama River area (a case study from the
Gremyacha settlement-sanctuary)

S.N. Korenyuk, S.N. Melnichyuk, M.L. Pereskokov (Perm)

Гремячанское поселение-святилище находится на южной окраине д. Гремяча Осинского района Пермского края и приурочено к высокому (до 11 м над поймой) мысовидному выступу правого берега р. Тулвы, левого притока р. Камы. Исследование памятника проводили в 1957–63 и 1986 гг. А.Д. Вечтомов (1962), в 1988 г. А.Ф. Мельничук и В.А. Оборин (1989), в 1991–

93 гг. С.Н. Коренюк. Вскрытая площадь – около 5000 м².

Анализ керамики проведен по материалам западного раскопа 1988 г. Раскоп площадью 200 м² с северо-востока и северо-запада оконтуривал раскоп 1986 г. Здесь в результате разборки керамического материала выделено 167 сосудов.

Таблица 1. Распределение сосудов по условным горизонтам

Пахотный слой	0–0,3 м	11 сосудов
II горизонт	0,3–0,4 м	83 сосуда
III горизонт	0,4–0,5 м	55 сосудов
IV горизонт	0,5–0,6 м	18 сосудов

Из них один сосуд – без четко выраженной шейки, украшенный по шейке с внутренней стороны выпуклинами-«жемчужинами» – носит зауральские черты. В отличие от ананьинских, у него насыщенная примесь песка к глиняному тесту. Этот сосуд близок к керамике байтовской культуры подтаежной зоны Западной Сибири, которая датируется в пределах VIII–V вв. до н.э. На Гремячанском поселении она явно соотносится с ранним хронологическим горизонтом памятника – концом VI–V в. до н.э. (Зимица, Зах, 2009. С. 203. Рис. 108, 16). Еще два сосуда соотносятся с посудой осинского варианта гляденовской культуры (нач. I тыс. н.э.).

Остальные сосуды относятся к ананьинской культуре (164 экз.) и подразделяются на три типа. Тип 1 представлен круглодонными формами с четко выраженной

и отогнутой наружу шейкой и выпуклым туловом (15,2%). К этой группе типологически принадлежит острореберная посуда с ямочно-шнуровой орнаментацией, которая тяготеет к нижним горизонтам поселения (10,4%). В количественном отношении преобладают сосуды типа 2 со слабо выраженной или прямой шейкой (83%). Тип 3 – закрытые чаши (1,8%). Здесь не рассматриваются небольшие ритуальные чаши явно культового характера.

Поверхность сосудов тщательно обработана, вплоть до лощения (15,8%). Иногда она покрыта беспорядочными штрихованными полосами (3,6%), что свойственно для более поздних комплексов гляденовского времени типа Осинского городища. В глиняном тесте полностью доминирует примесь мелкоотолченной раковины (100%), иногда в сочетании с шамотом (6%).

В коллекции 31 сосуд без традиционного воротничкового оформления по венчику («гладкая» посуда) (18,9%). Из нижнего горизонта происходит лишь один сосуд с валиковым выступом по венчику (0,6%). Большая часть посуды (84,8%) орнаментирована, но и неорнаментированных

сосудов достаточно много (15,2%). Декор по торцу венчика крайне редок (2,4%). Три сосуда украшены по краю венчика резными насечками, и еще один – наклонными оттисками гребенки.

Декор ананьинских сосудов отличается значительным разнообразием.

Таблица 2. Общая характеристика декора керамики Гремячанского поселения–святилища

Всего сосудов	164	100%
Неорнаментированные сосуды	25	15,2%
Ямочные узоры	62	37,9%
Различные вдавления	37	22,7%
Зубчатый	6	3,6%
Кружковый	1	0,6 %
Резной	4	2,4 %
Шнуровой	8	4,9 %
Ногтевидный	1	0,6%
Сложные узоры		12,1%
Шнур + ямки	12	7,3 %
Шнур + резной	1	0,6 %
Шнур + зубчатый	5	3 %
Шнур + вдавления + ногтевидный	1	0,6%
Шнур + ногтевидный	1	0,6%

Основными элементами орнамента являются ямки и различные вдавления (клиновидные, треугольные, овальные и т. д.). Учитывая, что А.Д. Вечтомов при своих подсчетах орнаментальных мотивов относил орнамент в виде вдавлений к ямочной группе, то их общее количество в материалах 1988 г. составит 68,5%, включая сложные узоры. Остальные виды орнамента являются менее распространенными. Если учитывать и сложные узоры, то второе место в декоре сосудов занимают шнуровые оттиски (17%), далее следуют зубчатый (6,6%) и резной (кружковый и ногтевидный) виды орнамента (4,8%).

Объединяя сосуды, украшенные ямками и вдавлениями, в единую орнаментальную группу, получим в общем итоге 41,9%. Почти

по всем параметрам «гладкая» посуда по орнаментации близка основному комплексу ананьинской культуры с воротничком. Это свидетельствует о том, что сосуды без воротничка составляют с традиционной воротничковой посудой единый культурный комплекс. Исключение – отсутствие на поверхности «гладкой» посуды гребчатого декора.

В целом данные по орнаментальному декору керамического комплекса западного раскопа 1988 г. очень близки с выявленными А.Д. Вечтомовым по материалам раскопок 1957–1963 гг. (1968. С. 82). Правда, исследователем не учтены резные узоры на поверхности сосудов.

Таблица 3. Общая характеристика декора «гладкой» посуды Гремячанского поселения – святилища

Всего сосудов	31	100%
Из них неорнаментированных	13	42%
Орнаментированных	18	58%
Ямочный узор	8	25,8%
Различные вдавления	5	16,1%
Шнуровой узор	3	9,7%
Резной	1	3,2%
Ногтевидный	1	3,2%

Таблица 4. Общая характеристика основных орнаментальных мотивов керамики из раскопок 1957–1963 гг. и 1988 г.

Данные 1957–1963 гг.	Данные 1988 г.
Ямочные узоры – 60%	68,5%
Шнуровые узоры – 20%	17%
Зубчатые узоры – 6%	6,6%

Таким образом, данные по керамическому комплексу Гремячанского поселения-святилища, полученные в ходе раскопок 1988 г., следует считать достаточно объективным срезом в изучении этой стороны материальной культуры одного из опорных

памятников ананьинского культурного круга в Среднем Прикамье.

Рассмотрим динамику декора на ананьинской посуде по различным хронологическим горизонтам без учета пахотного слоя (0,3 м).

Таблица 5. Характеристика керамических комплексов II, III, IV горизонтов

	II	III	IV
Всего сосудов	83/100%	55/100%	18/100%
«Гладкие» сосуды	22/26,5%	3/5,4%	2/11,1%
Без орнамента	12/14,5%	6/10,9%	3/16,7%
Индекс орнаментации	71/85,5%	49/89,1%	15/83,3%
Индекс орнаментации по венчику	3/3,6%	1/2%	–
Ямочные узоры	25/30,1%	28/51%	10/55,5%
Различные вдавления	28/33,7%	7/12,7%	–
Зубчатые узоры	3/3,6%	3/5,4%	–
Шнуровые узоры	6/7,2%	1/1,8%	–
Резные узоры	2/2,4%	1/1,8%	–
Кружковые узоры	1/1,2%	–	–
Ногтевидные узоры	–	1/1,8%	–

Таблица 5. Характеристика керамических комплексов II, III, IV горизонтов

Сложные узоры	6/7,2%	9/16,4%	5/27,8%
Шнуровой + ямочный	4/4,8%	6/11%	3/16,7%
Шнуровой + резной	1/1,2%	–	–
Шнуровой + зубчатый	1/1,2%	1/1,8%	2/11,1%
Шнуровой + ногтевидный	–	1/1,8%	–
Шнуровой + вдавления + ногтевидный	–	1/1,8%	–

Далее отметим процентное соотношение по горизонтам отдельных элементов декора, учитывая их положение в сложных узорах.

Анализ керамических комплексов, расположенных на разных стратиграфических уровнях памятника, показал следующее. В верхнем горизонте наблюдается тенденция к появлению значительного числа безворотничковых сосудов среди традиционной воротничковой позднеананьинской посуды – они достигают почти трети от всего комплекса раннего железного века (26,5%). Это явление явно носит хронологический характер, свидетельствуя о постепенном угасании воротничкового оформления венчиков в конце ананьинской эпохи и зарождении в Среднем Прикамье новых черт в оформлении сосудов пьяноборского и гляденовского облика. Например, на Аргыжском городище на р. Вятке в позднеананьинском слое процент безворотничковой «гладкой» посуды почти в два раза выше (63,3%), чем на Гремячанском поселении (Ашихмина, 1985. Табл. 8. С. 78; Черных и др., 2002. С. 31). Более высокий удельный вес воротничковой посуды, судя по всему, заметнее выражен на памятниках северотаежной зоны Приуралья. Очевидно, процесс трансформации ананьинской воротничковой посуды в «гладкую» в южных и юго-западных районах Прикамья начинается несколько раньше, чем в Пермском Прикамье (Вечтомов, 1967. С. 146).

Ведущим элементом декора сосудов Гремячанского поселения-святилища являются ямочные вдавления, что свойственно для более южных районов Прикамья (Ашихмина, 1985. Рис. 3, 4). Как уже отмечалось, А.Д. Вечтомов присоединял к этой орнаментальной группе различные вдавления – «треугольные, ромбические, эллипсовидные, каплевидные, прямоугольные» (1967. С. 144). С учетом этого данный декор равномерно распространялся в слоях памятника на всех уровнях и равномерно снизу вверх (72,2; 75,5; 68,6%).

Однако если мы примем в качестве этого орнаментального мотива только круглоямочные узоры, то его количественный расклад по горизонтам будет несколько иной (72,2; 62; 34,9%). Явно отмечается резкая тенденция к уменьшению сосудов с круглоямочной орнаментацией от нижних горизонтов к верхним. С другой стороны, сосуды, декорированные различными вдавлениями, отсутствуют в нижнем (раннем) горизонте. В нем преобладает острорезная профилированная посуда с ямочной и ямочно-шнуровой орнаментацией, относящаяся, очевидно, к началу средней стадии ананьинской культуры (I пол. V в. до н.э.). Сосуды с декором из различных вдавлений начинают проявляться в среднем горизонте поселения (14,5%) и резко доминируют в верхнем (33,7%), в то время как

Таблица 6. Соотношение отдельных элементов декора по горизонтам

Элементы декора	II	III	IV
Ямочные (включая вдавления)	57/68,6%	42/75,5%	13/72,2%
Шнуровые	12/14,4%	10/18,2%	5/27,8%
Зубчатые	4/4,8%	4/7,2%	2/11,1%
Резные включая кружковый и ногтевидный	4/4,8%	4/7,2%	–

Рис. 1. Гремячанское поселение-святилище. Керамика. 1, 2, 4-9 – II горизонт; 3 – III горизонт.

Рис. 2. Гремячанское поселение-святилище. Керамика. 1–8 – II горизонт.

Рис. 3. Гремячанское поселение-святилище. Керамика. 1–3, 6, 7, 9–14 – II горизонт; 4, 5, 8 – III горизонт.

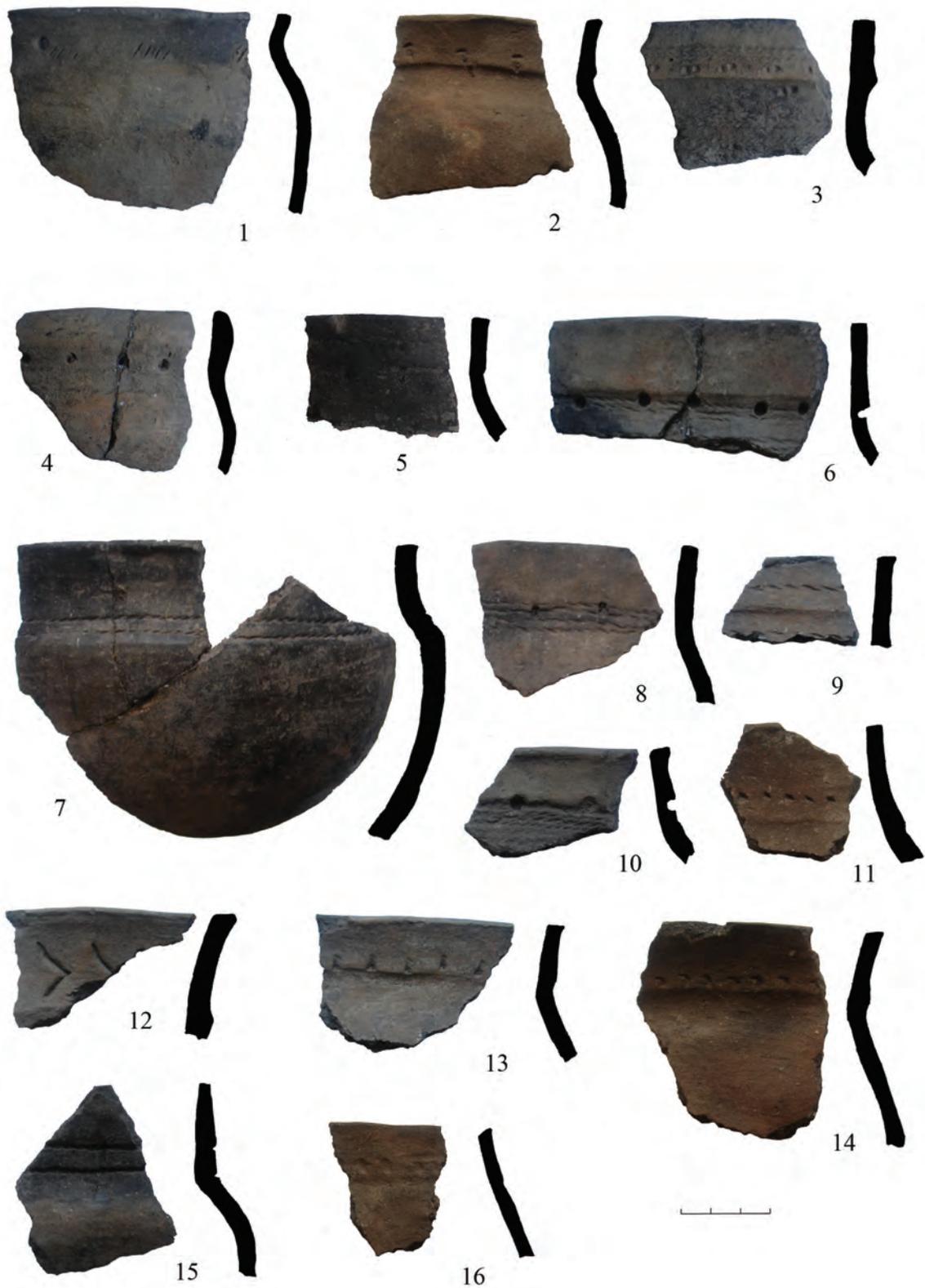

Рис. 4. Гремячанское поселение-святилище. Керамика. 1–3, 8, 9, 12 – II горизонт;
4–7, 8, 11, 13–16 – III горизонт; 10 – IV горизонт.

Рис. 5. Гремячанское поселение-святилище. Керамика. 4 – I горизонт; 2, 3, 5, 6 – II горизонт; 1, 7 – III горизонт.

круглоямочные узоры на ананьинской посуде в верхнем горизонте поселения значительно сокращаются.

Таким образом, сосуды, декорированные круглоямочным декором, чаще всего по шейке, отражают раннюю орнаментальную традицию Гремячанского поселения-святилища. Посуда, орнаментированная различными вдавлениями, появляется, очевидно, во второй половине V в. до н.э. и начинает полностью доминировать на поздней стадии развития ананьинской культуры. Система орнаментации различными вдавлениями, на наш взгляд, явно вырастает из круглоямочной и постепенно ее вытесняет к концу ананьинской эпохи.

Ямочные узоры в отдельности от других декоров образуют четыре орнаментальные композиции. Наиболее распространены сосуды, характерные для нижнего горизонта поселения и украшенные по шейке только поясом круглых ямок. В отличие от своих раннеананьинских прототипов они не оставляли на внутренней стороне сосудов выпуклин-жемчужин. В более сложных вариантах пояски ямок на шейке сочетаются с горизонтальными линиями шнура, которые иногда совпадали с их пространственным расположением. Редко горизонтальные шнуровые линии дополнялись узором в виде шнуровой волны, который располагался ниже, ближе к плечу сосудов.

Остальные типы круглоямочных узоров характеризуют более позднюю стадию развития этих элементов декора. Начиная со среднего горизонта, пояски круглых ямок по шейке исчезают. Круглоямочный орнамент трансформируется в мелкокруглоямочный, близкий по характеру к декору в виде вдавлений. Композиции этих узоров представлены наклонными рядами двойных или тройных ямок, которые напоминают оттиски короткой мелкозубчатой гребенки на позднеананьинских сосудах. Кроме того, выделяется узор в виде мелких ямок, собранных в треугольник. Иногда ямки, образующие треугольник, расположены на сосудах ближе к плечу и сочетаются с наклонными рядами двойных или тройных ямок, которые украшали их шейку.

Орнамент в виде вдавлений обычно располагался в пределах шейки или воротничковых выступов сосудов. Узоры чрезвычайно просты – разреженные горизонтальные линии вдавлений: треугольные, вытянутые овальные (каплевидные) и вытянутые прямоугольные.

Декор в виде вдавлений почти не использовался в сложных узорах, за исключением одного случая, где он сочетается со шнуровыми и ногтевидными оттисками.

Второй по значению элемент орнамента – в виде шнуровых отпечатков – распространен на сосудах с равномерным количественным понижением с нижнего горизонта до верхнего (27,8; 18,2; 14,4%). Характерно, что в качестве единственного декоративного элемента на стенках сосудов он проявляется крайне редко и только в среднем (1,8%) и верхнем (7,2%) слоях поселения. Шнуровой декор более характерен для сложных узоров, где он играет ведущую роль. Из сложных узоров наиболее распространены композиции в виде круглых ямок в сочетании с различными шнуровыми оттисками, о которых мы уже упоминали. Второй по значению сложный декор – это сочетание горизонтальных, иногда плотных рядов мелкого шнура с расположенными между ними короткими зубчатыми оттисками. Обычно он располагался как по воротничковому выступу сосудов, так и по его шейке. Подавляющее большинство воротничковых сосудов с подобным сложным узором зафиксировано в нижнем горизонте вместе с остросереберной ямочной и ямочно-шнуровой керамикой (11,1%). В верхних горизонтах в подобном декоре наблюдается разреженность шнуровых оттисков. Такие сосуды более характерны для ананьинских памятников северных районов Пермского Прикамья (конецгорский тип) и бассейнов Печоры и Вычегоды (тип Перный) (Ашихмина, Васкул, 1997. С. 325. Рис. 6, 1; 9, 6). Из ярких сложных узоров отмечаются также композиции, где плотные шнуровые оттиски сочетаются с рядами шнуровых подковок. Интересны композиции шнурового орнамента в сочетании с резными двойными зигзагами.

Одиночные наклонные короткие зубчатые узоры характерны только для среднего и верхнего горизонтов поселения (5,4 и 3,6%). Они, как правило, нанесены на воротничковые выступы сосудов и их шейки. Сосуды с этим декором более характерны для позднеананьинских памятников северных районов Приуралья.

Интересны резные узоры на ананьинской посуде Гремячанского поселения. Они появляются на сосудах среднего горизонта (7,2%) и продолжают бытовать в верхнем слое (4,8%). Одиночные резные узоры выражены в горизонтальных

рядах наклонных линий, «ёлочки», зигзагов. Истоки появления небольшого количества сосудов с резной орнаментацией в материалах памятника объяснить пока сложно. На памятниках Удмуртского Прикамья сосудов с таким декором нет. Следует отметить, что в позднеананьинский период в бассейне р. Сылвы (Усть-Сылвенское городище) формируется древняя община, население которой изготовляло посуду с резной орнаментацией, ставшей одним из компонентов для традиционных узоров гляденовских сосудов пермской группы памятников (Лепихин, Мельничук, 1997. С. 16) и основой для сылвенской группы гляденовских памятников, на базе которых в конечном итоге сформировался керамический комплекс неволинской культуры.

К группе резных узоров следует отнести ногтевидный орнамент (5,4%) на воротничковых и «гладких» сосудах. Он изредка встречается на позднеананьинских сосудах пермской группы памятников (Мельничук, 2011. С. 436. Рис. 2, 6, 7). Чрезвычайно редким является кружковый узор. Ранее он был выявлен на посуде Калиновского городища (Оборин, 1964. С. 132).

Датирующих вещей в верхних слоях западного раскопа 1988 г. найдено немного. Среди них два бронзовых трехлопастных наконечника стрелы с закрытой втулкой. Они, по типологии С.В. Кузьминых (1983. С. 114. Табл. XLVIII, 4–6), относятся к разновидности С-94 (треугольные наконечники с внутренней втулкой и гладкими гранями с опущенными вниз шипами) и сопоставляются с раннепрорховскими древностями IV–II вв. до н.э. К этому же времени относятся медные круглое височное кольцо и фрагмент другого височного украшения.

Таким образом, анализ орнаментальных мотивов свидетельствует о генетической преемственности в эволюции керамического комплекса Гремячанского поселения на всем протяжении его существования (в рамках развитой и поздней фаз ананьинской культуры Среднего Прикамья). Сходные эпохальные эволюционные изменения протекали и в более южных районах региона (Ашихмина, 1985. С. 77, 78). Определенное влияние на своеобразие керамического комплекса Гремячанского поселения оказывало население пермской группы ананьинских памятников, если судить по присутствию в нем воротничковых сосудов с гребенчато-шнуровой орнаментацией типа Конецгор, а также посуды с резным декором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашихмина Л.И.* Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985. С. 55–80. (МАЕСВ. Вып. 9)
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О.* Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 314–348.
- Вечтомов А.Д.* Раскопки Гремячанского поселения на р. Тулве // ВАУ. 1962. Вып. 2. С. 85–89.
- Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // УЗПГУ. 1967. № 148. С. 133–155.
- Вечтомов А.Д.* К вопросу о племенной организации населения Среднего Прикамья в эпоху раннего железного века // УЗ ПГУ. 1968. № 191. С. 71–86.
- Зимина О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск, 2009.
- Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф.* Гляденовское костище. Каталог коллекции из собрания Пермского музея. Пермь, 1997.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Мельничук А.Ф.* Заюрчимское 2 поселение – памятник раннего железного века в урочище Красава близ г. Перми // Экономико-правовые, социально-политические и культурно-исторические аспекты развития регионов. Березники, 2011. С. 434–440.
- Мельничук А.Ф., Оборин В.А.* Новые исследования Гремячанского поселения-святилища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989. С. 75–78.
- Оборин В.А.* О связях племен Верхнего и Среднего Прикамья с племенами Башкирии в эпоху железа // АЭБ. 1964. Т. II. С. 130–135.
- Черных Е.М., Ванников В.В., Шаталов В.В.* Аргыжское городище на р. Вятке. М., 2002.

СЕЛИЩЕ ВОРОНКИ – РАННИЙ ПАМЯТНИК КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В.В. Овсянников (Уфа)

The settlement Voronki – early monument of the Kara-Abyiz culture

V.V. Ovsyannikov (Ufa)

Памятник открыт М.И. Касьяновым в 1928 г. Им была собрана небольшая коллекция керамических изделий. В 1929 г. памятник был осмотрен А.В. Шмидтом (Шмидт, 1929. С. 12). В 1962 г. А.Х. Пшеничнюк раскопал 16 кв.м. в центре площадки (в настоящее время следы раскопа не прослеживаются). Мощность культурного слоя в раскопе достигала 0,5–0,8 м. Керамическая коллекция, полученная при раскопках, отнесена к кара-абызской и ананьинской культурам (АКБ, 1976. С. 121, № 994). В 1983 г. И.М. Акбулатов при осмотре селища собрал коллекцию керамики и отметил многочисленные нарушения культурного слоя.

Селище Воронки находится на территории Орджоникидзевского района г. Уфы. Памятник расположен в лесопарковой зоне в 1,5 км к северо-востоку от железнодорожной платформы «Воронки». Селище занимает мысовидный выступ коренной террасы правого берега р. Белой (Рис. 1). К юго-востоку от площадки памятника проложено железнодорожное полотно. Вероятно, при его строительстве в сер. XIX в. часть поселения была разрушена. Выступ террасы, где расположен памятник, имеет овальную в плане форму. С северо-запада площадка ограничена обрывом со скальным выходом высотой более 50 м. Часть скального выхода, нависающего над водой, получила название «Висячий камень». Под этим названием данное место хорошо известно горожанам. Со стороны железной дороги площадка памятника также ограничена обрывом высотой 5–6 м. С северной стороны – пологий склон, ограниченный логом, по дну которого течет ручей, впадающий в р. Белую (Рис. 1). Площадка поселения имеет небольшой уклон к северо-востоку. Склоны и края вершины мыса заняты древесной и кустарниковой растительностью. Сама вершина частично свободна от леса. Размер площадки поселения

составляет 45×25 м. Северо-восточная часть площадки сильно изрыта грабительскими ямами. Поскольку памятник хорошо известен среди окружающего населения, он интенсивно подвергается разрушению. В основном этим занимаются школьники с целью добычи сувениров (керамики, бронзовых и костяных изделий).

В 2005 г. памятник осмотрен автором. В обрывах склона, на площадке и в грабительских ямах был собран подъемный материал, состоящий из керамики.

Всего собрано 212 фрагментов керамики. Большая часть с примесью раковины в глине, около четверти – крупного песка. Несмотря на различные примеси, внешне керамика практически неразличима и по фактуре составляет единый массив. По форме основная масса относится к слабопрофилированным горшкам (Рис. 2). В одном случае встречен обломок чаши или миски. Большинство фрагментов орнаментировано. Основу орнамента составляет поясок круглых или овальных вдавлений по шейке сосуда. Нередко они дополняются насечками (Рис. 2, 1, 13) и гребенчатым орнаментом (Рис. 2, 9).

Индивидуальные находки представлены бронзовым трехлопастным наконечником стрелы (Рис. 2, 14) и костяной муфтой (Рис. 2, 12).

Обилие подъемного материала и значительные нарушения культурного слоя вызвали необходимость проверить степень сохранности поселения. С этой целью у юго-восточного склона площадки памятника был заложен шурф размером 2×2 м. Шурф раскапывался по горизонтам мощностью 0,1 м. Стратиграфия шурфа следующая: под небольшой (до 0,05 м) прослойкой лесного гумуса залегал мощный слой золистой супеси (0,3–0,5 м). Этот слой содержал подавляющую часть культурных остатков (1–5 горизонты). Далее залегал слой погребенного

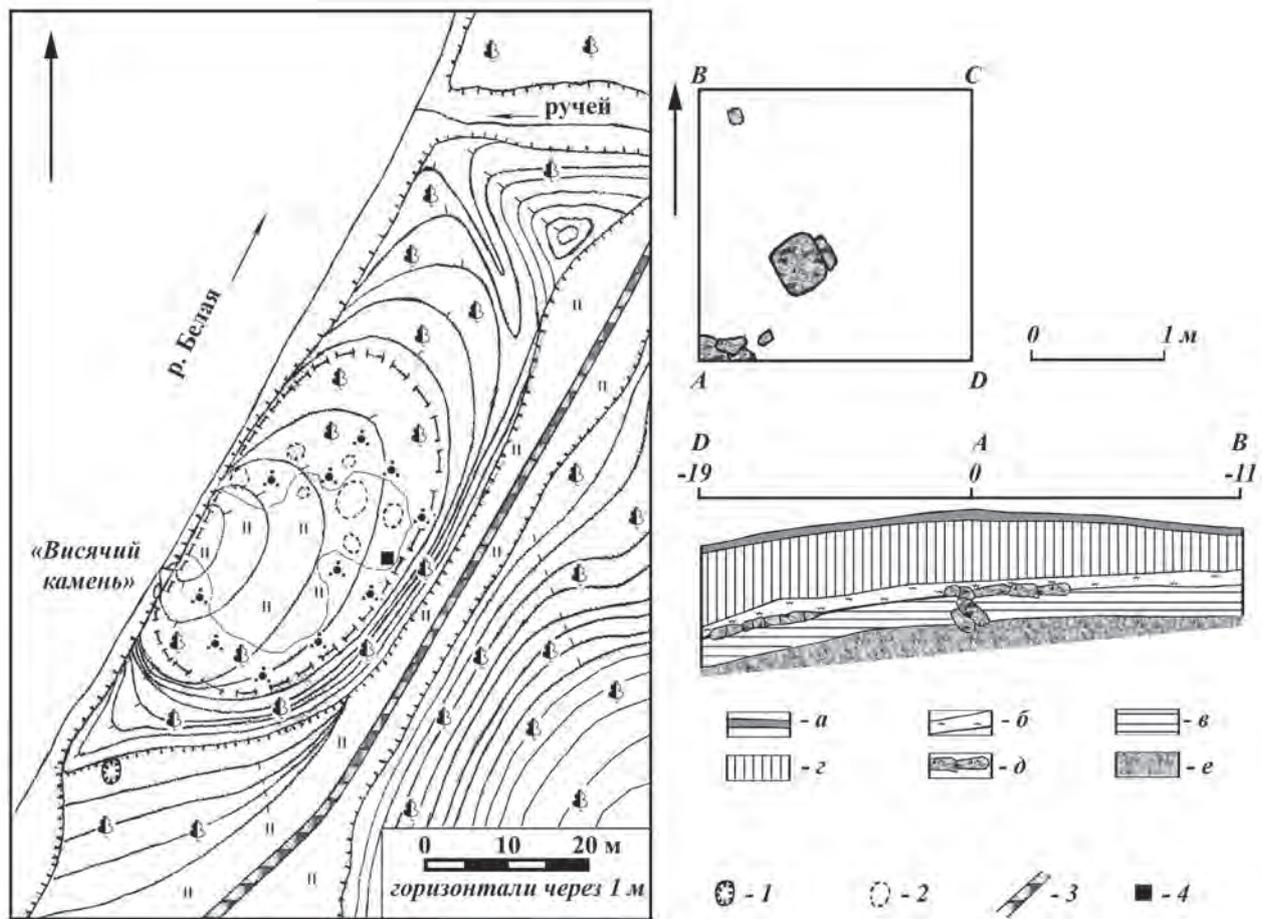

Рис. 1. Селище Воронки. План и профиль шурфа.

Условные обозначения: *a* – лесной гумус; *b* – погребенный гумус; *v* – суглинок; *z* – листовая супесь; *d* – камни; *e* – материк; 1 – карст; 2 – современные ямы; 3 – ж.д. полотно; 4 – шурф.

гумуса толщиной 0,1–0,15 м, с минимальным количеством находок (6–7 горизонты). Под гумусом – суглинок с включениями крупного и мелкого известняка, не содержащий находок и далее – материковая глина.

Исследования показали, что основная часть культурного слоя не потревожена. Частично нарушена лишь верхняя его часть, наибольшая глубина грабительских ям не превышает 0,2–0,3 м. Следовательно, подъемный материал, собранный на памятнике (как правило, это выброшенные грабителями фрагменты керамики и кости животных), относится к верхним горизонтам культурного слоя.

Характерной чертой данного поселения является высокая насыщенность культурного слоя керамическим материалом и довольно низкая – фрагментами костей животных. Последнее нельзя объяснить плохой сохранностью костного материала, так как

на уровне 3–4 горизонтов в шурфе была найдена нижняя челюсть лошади хорошей сохранности.

Данные по керамическому материалу, собранному в шурфе, сведены в таблицу:

Всего в шурфе собраны фрагменты от 126 сосудов. Наибольшая концентрация материала встречена в 1–4 горизонтах, в 5–7 горизонтах количество культурных остатков резко идет на спад. Большая часть сосудов имела в глине примесь толченой раковины, и лишь небольшая – крупный непросеянный песок. По форме вся посуда относится к широкогорлым, слабопрофилированным, круглодонным горшкам. Встречаются отогнутые наружу венчики (Рис. 3, 3–7; 4, 1–4, 6–19; 5, 1, 4), прямые (Рис. 3, 2, 17; 5, 2, 3) и «закрытого» (Рис. 3, 1, 14; 4, 5; 5, 5) типа. Основная часть посуды имеет отогнутые наружу венчики. Чаши и миски в материалах шурфа не встречены.

Характеристики керамического материала		Горизонт 1	Горизонт 2	Горизонт 3	Горизонт 4	Горизонт 5	Горизонт 6	Горизонт 7	Итого	
Общее количество сосудов		26	24	28	35	9	2	3	126	
Примесь в глине сосудов	ракушка	23	21	28	33	9	1	3	118	
	песок (тальк)	3(1)	3	--	2	--	1	--	8(1)	
Кара-абызская группа керамики	неорнаментированные сосуды		--	7	3	2	--	1	--	13
	орнамент по шейке сосуда	ямки\вдавления	13	11	16	15	6	--	3	64
		ямки и насечки	6	3	7	11	2	--	--	29
		ямки и штамп	3	1	2	5	1	1	--	13
		насечки	1	1	--	2	--	--	--	4
	насечки по венчику	присутствуют	6	4	4	7	1	1	--	23
		отсутствуют	17	17	21	26	8	--	3	92
Шнуровая группа керамики		3	1	--	--	--	--	--	4	
Керамика типа курмантау		--	2	--	--	--	--	--	2	

Подавляющее большинство сосудов орнаментировано. По типу орнаментации посуда делится на три культурных группы: кара-абызская, шнуровая и курмантау. Орнамент на керамике кара-абызской группы чаще всего располагается на основании горла и верхней части плечика. Реже украшены срез венчика и верхняя часть горла сосудов. Основная масса керамики (106 из 126 сосудов) орнаментирована пояском ямок либо вдавлений округло-овальной формы. Нередко ямки и вдавления нанесены в два ряда (Рис. 3, 3; 4, 8). На ряде сосудов на внутренней стенке ямки сопровождались «жемчужинами» (Рис. 3, 4, 6, 10; 4, 4, 8, 9, 13, 17, 18). На 29 сосудах ямочный орнамент дополнен насечками различных видов (Рис. 3, 4–8; 4, 9–11, 15, 16, 18; 5). У 13 сосудов – в дополнение к ямкам – линии, нанесенные гребенчатым штампом (Рис. 3, 12; 4, 1; 5, 1, 4). У четырех орнамент на шейке представлен рядом коротких насечек (Рис. 4, 19). У 23 сосудов срез венчика украшен также с помощью насечек (Рис. 3, 7, 8, 15; 4, 2, 9, 14, 15, 19), вдавлений (Рис. 4, 2, 18), либо гребенчатым штампом (Рис. 4, 10; 5, 1, 2). В единичных случаях орнамент нанесен на горло сосуда (Рис. 5, 3). Каких-либо закономерностей в расположении различных

типов орнаментации по горизонтам не прослежено.

Шнуровая группа керамики представлена 4 сосудами из 1-го и 2-го горизонтов культурного слоя (см. таблицу). Три из них имеют ямочно-шнуровой орнамент по шейке и примесь ракушки в глине (Рис. 5, 8), а на четвертом он дополнен короткими насечками, нанесенными гребенчатым штампом, этот же сосуд имеет в глине примесь талька (Рис. 5, 7).

К группе курмантау отнесены два сосуда из 2-го горизонта (см. таблицу). Орнамент нанесен короткими насечками в верхней части горла и по срезу венчика (Рис. 5, 6, 9).

Таким образом, по составу керамического материала культурный слой селища Воронки можно считать гомогенным. Этот памятник оставлен этнически однородной группой населения. Отдельные находки инокультурной керамики лишь подчеркивают единообразие всего керамического комплекса. Отсутствие стерильных прослоек показывает, что поселение использовалось непрерывно на протяжении длительного времени. Судя по насыщенности культурного слоя зольными отложениями, это было сезонное поселение на зимний период.

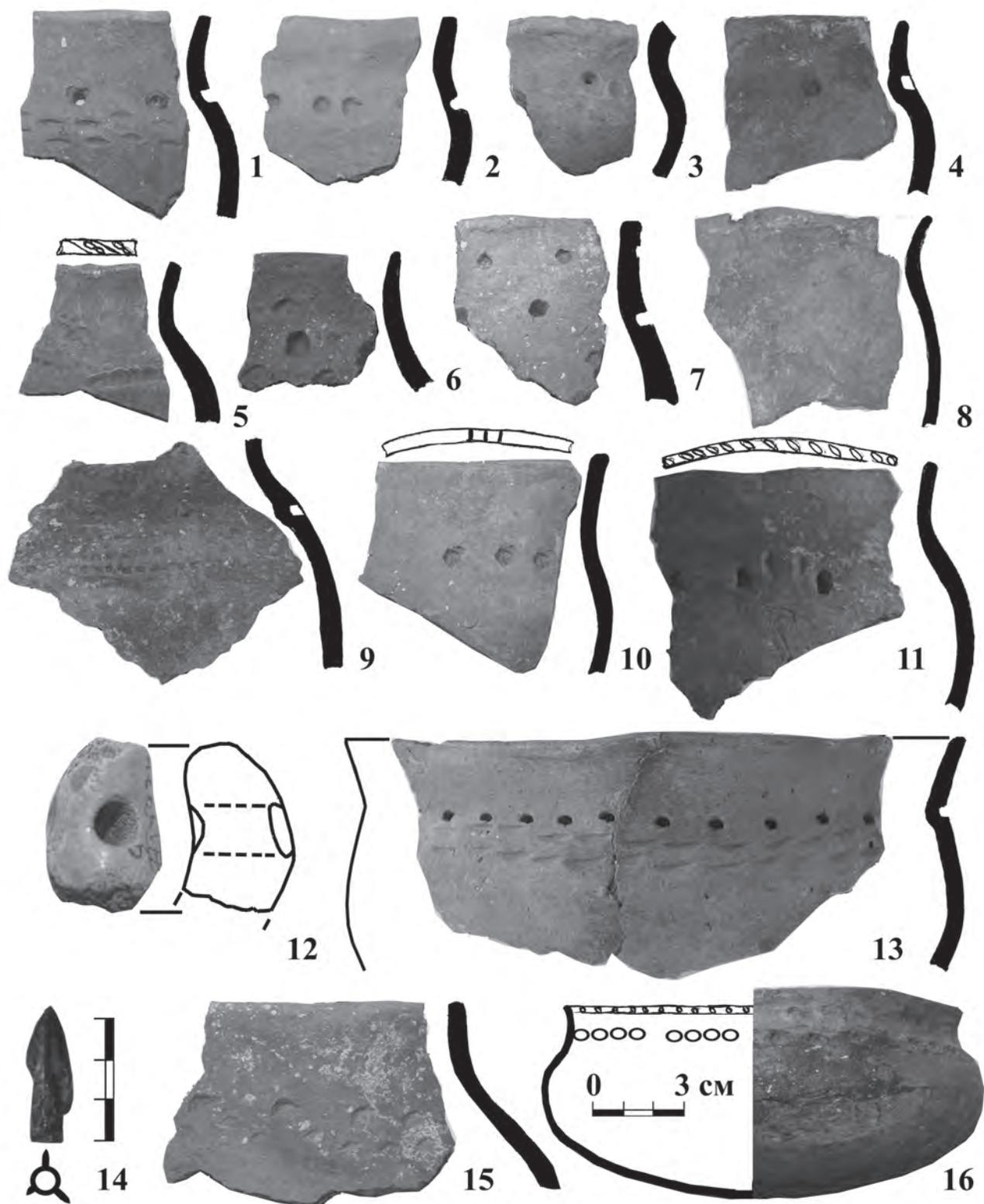

Рис. 2. Подъемный материал. 1-11, 13, 15-16 – керамика; 12 – кость; 14 – бронза.

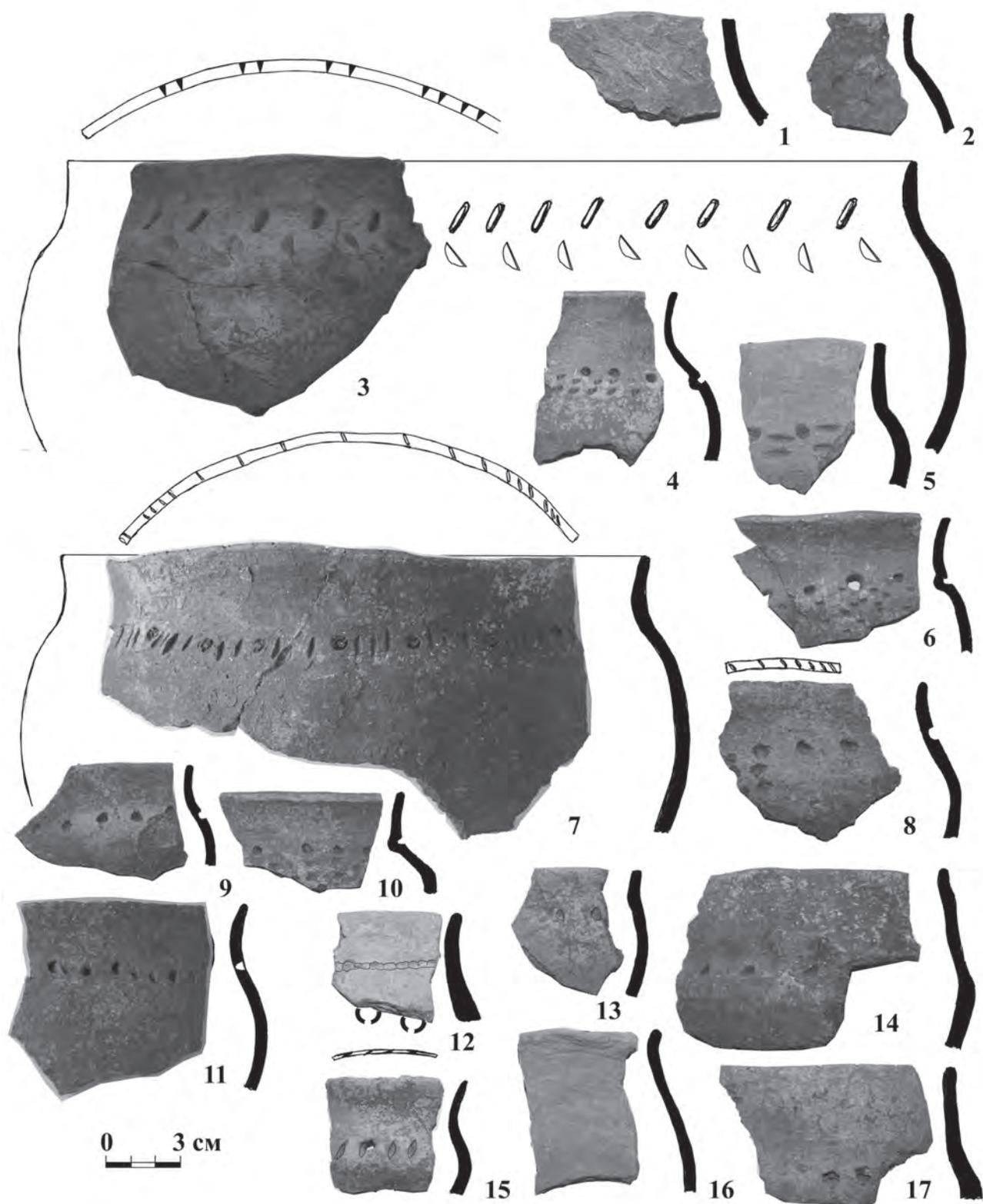

Рис. 3. Материал из шурфа 2005 г. Раннекара-абызская керамика:
1-10 – 1 горизонт; 11-17 – 2 горизонт.

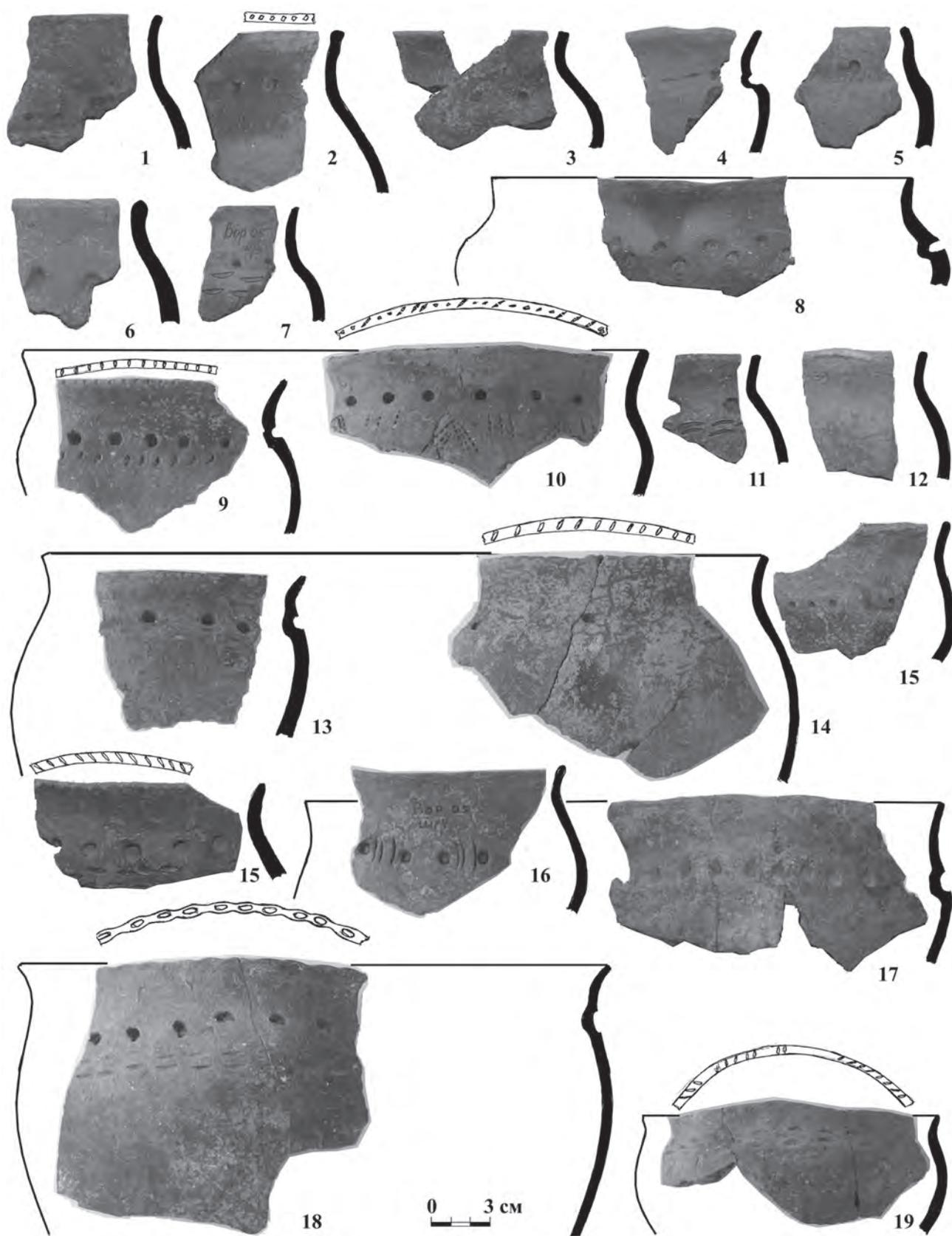

Рис. 4. Материал из шурфа 2005 г. Раннекара-абызская керамика:
1-12, 15 – 3 горизонт; 13, 14, 16, 17, 18 – 4 горизонт.

Практически полное отсутствие датирующих предметов на поселении не позволяет определить достаточно точно период его существования в абсолютных датах. Единственной датирующей находкой является бронзовый наконечник стрелы с трехлопастным пером сводчатой формы, с закругленными окончаниями и выступающей втулкой. Одна лопасть короче остальных – вероятно, литейный брак. По форме наиболее близок к типу С-34, выделенному С.В. Кузьминых на материалах Волго-Камья (Кузьминых, 1983. С. 107, 108). По форме пера (степени его сводчатости) этот экземпляр можно отнести к раннему варианту наконечников этого типа. Например, у наконечников этого типа, встреченных в курганной группе I Шиповского могильника, перо имеет более стройные пропорции. Эти наконечники датируются в пределах IV–III вв. до н.э. Наконечник с селища Воронки относится к более раннему времени. По форме он наиболее близок к коллекции наконечников стрел Зуевского могильника (Кузьминых, 1983. Табл. XLV, 1–28). Наиболее вероятной датой экземпляра с селища Воронки может являться VI – начало IV вв. до н.э.

Другими хроноиндикаторами для Воронок могут выступить находки шнуровой керамики и керамики типа курмантау. К настоящему времени мы располагаем 4 фрагментами из верхних горизонтов шурфа 2005 г. (Рис. 5, 7, 8) и 4 фрагментами из раскопок А.Х. Пшеничнюка 1962 г. (Рис. 5, 10–13). В свое время В.А. Иванов керамический материал Воронок отнес к среднеананьинскому периоду, т.е. к V–IV вв. до н.э. (Иванов, 1978. С. 90 и др.). Этот вывод был сделан на основании находок, полученных А.Х. Пшеничнюком. Исследования 2005 г. подтверждают этот вывод с той лишь поправкой, что кроме ямочно-шнуровой на Воронках присутствует и гребенчато-шнуровая керамика.

Два фрагмента керамики типа курмантау из шурфа 2005 г. сильно фрагментированы (Рис. 5, 6, 9). Несмотря на это, довольно четко определяется их очень поздний характер. Об этом говорит крайняя небрежность в нанесении орнамента и его бедность, что не характерно для классической керамики типа курмантау. Исходя из этих соображений, данные фрагменты можно отнести к верхней дате существования памятников типа курмантау и, возможно, позднее, т.е. к VI в. до н.э. (Иванов, 1982. С. 74).

Учитывая, что шнуровая керамика и керамика курмантау найдены в 1–2 горизонтах шурфа 2005 г., они могут указывать на верхнюю дату существования селища Воронки. Итак, вышеприведенные соображения позволяют определить дату памятника в пределах VI–V вв. до н.э. Это не говорит о том, что памятник существовал на протяжении двух столетий. Период функционирования поселения был значительно меньше этого временного отрезка.

Косвенным подтверждением этой даты может служить хронология грунтовых могильников Прибелья, относящихся к среднеананьинскому периоду. Речь идет о могильниках Таш-Елга, Старшем Шиповском и по ул. Тракторной в г. Уфе. Большинство исследователей эти некрополи датируются в пределах VI–V вв. до н.э. (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 55). Однако небольшое количество погребений и их довольно редкое расположение говорят о непродолжительности существования этих могильников и, следовательно, о невозможности «растягивать» их на два столетия. Учитывая, что наследующие им собственно кара-абызские некрополи начинают функционировать не раньше IV в. до н.э., было бы логичным предположить использование этих древних кладбищ преимущественно в V в. до н.э., а, возможно, и на рубеже V–IV в. до н.э.

Во всех указанных могильниках найдена глиняная посуда, близкая основному керамическому комплексу селища Воронки. Учитывая, что в непосредственной близости у данных некрополей отсутствуют известные и синхронные им поселения, Воронки можно считать одним из немногих селищ, хронологически и культурно соотносимых с этим типом могильников. К тому же материал памятника содержит относительно «чистый» керамический комплекс, который может выступить в какой-то степени эталонным для данного хронологического периода. Последний, пока предположительно, можно определить в пределах V – рубежа V/IV в. до н.э. К тому же эта дата соответствует этнокультурной ситуации в Камско-Уральском регионе, реконструируемой для данного периода (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 55).

Статистическая характеристика этого керамического комплекса дана В.А. Ивановым в одной из недавних работ

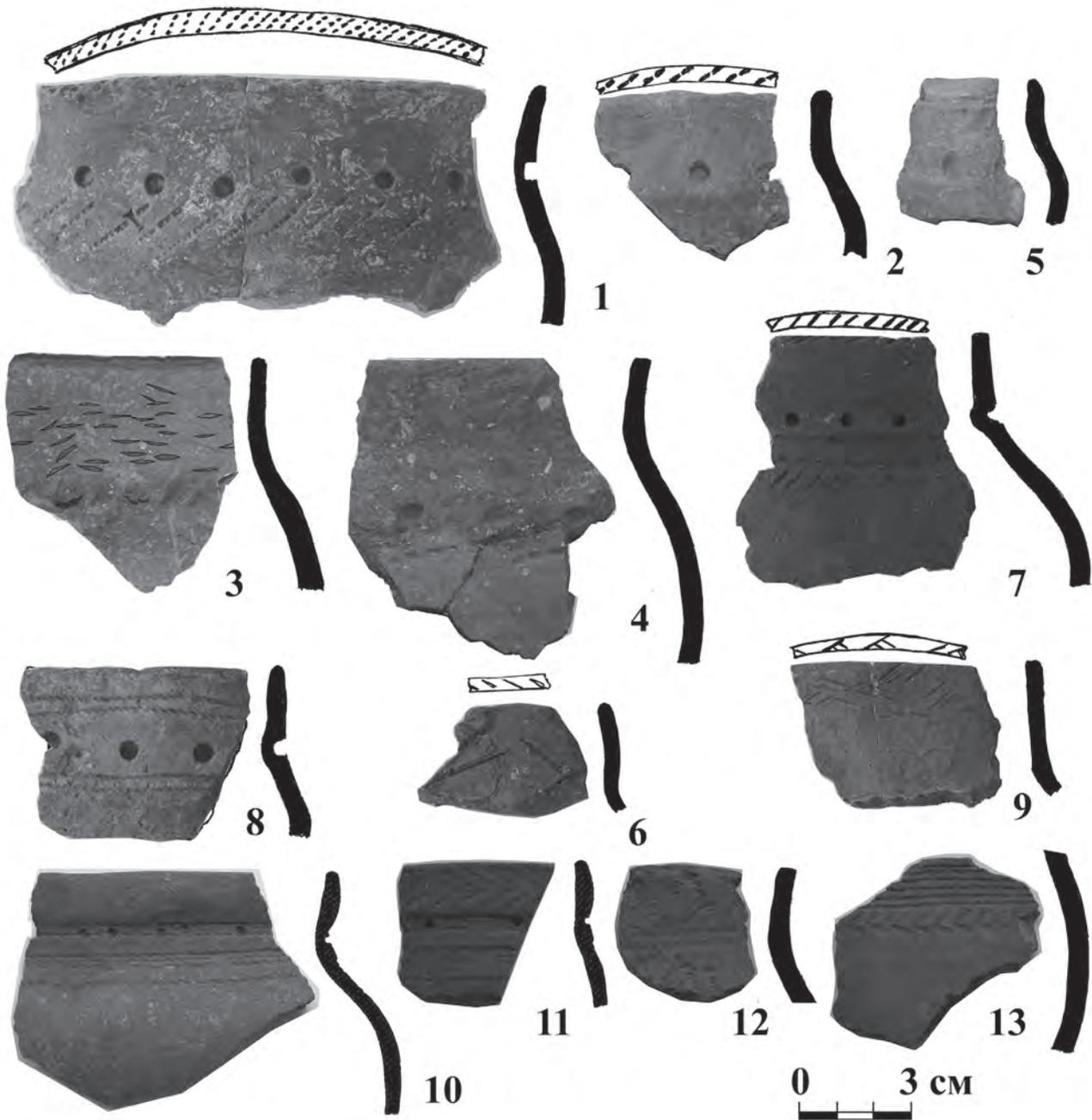

Рис. 5. 1-9 – материал из шурфа 2005 г.: 1-5 – кара-абызская керамика из 5 горизонта; 7-8 –шнуровая керамика из 2 горизонта; 6,9 – керамика типа курмантау из 2 горизонта. 10-13 – шнуровая керамика из раскопок А.Х. Пшеничнюка

(Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. С. 51–55). Помимо керамики с селища Воронки, В.А. Ивановым в статистический анализ был включен керамический комплекс селища Курман-тау, который хронологически и культурно наиболее близок Воронкам. Этому комплексу В.А. Иванов дает двойное название «бельское ананьино/раннекара-абызский». Сравнительный анализ показал его наибольшую близость к нижнекамскому керамическому комплексу или, по определению других авторов,

«постмаклашеевскому» (Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 33 и др.). С одной стороны, выявленное сходство указывает на генетические корни «бельско-ананьинских/раннекара-абызских» памятников, с другой – коэффициент сходства (0,85) показывает нетождественность сравниваемых комплексов. Другими словами, керамический комплекс селища Воронки и близких ему памятников является самостоятельным культурным явлением и, соответственно,

достоем самостоятельной дефиниции, отличной от термина «постмаклашеевский».

Во-первых, необходимо определиться с названием памятников типа Воронки. На наш взгляд, двойное название, употребляемое в работе В.А. Иванова, громоздко. Первая часть – «бельское ананьино» – является наследием давней дискуссии, связанной с проблемой выделения варианта ананьинской культуры на р. Белой. В свете последних работ, посвященных ананьинской проблематике (см. например: Марков, 2007; Чижевский, 2008), этот термин потерял актуальность. Вторая часть – «раннекара-абызский» – более предпочтительна и наиболее близко, на наш взгляд, отражает место данных памятников в этнокультурных процессах Волго-Уральского региона.

Судя по выкладкам В.А. Иванова (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009. Табл. 14), основное отличие раннекара-абызской керамики от нижнекамской (постмаклашеевской) заключается в наличии большего процента сосудов «закрытого» типа и непрофилированных чаш. Раннекара-абызские сосуды в целом менее профилированные, чем нижнекамские. Наибольшие расхождения наблюдаются в зонах орнаментации. Если для нижнекамской (постмаклашеевской) посуды характерно размещение орнамента в основном на горле сосуда (см. например: Марков, 2007. Рис. 49–56), то на раннекара-абызской она смещается на верхнюю часть плечика. Хотя элементы орнамента обеих групп довольно схожи, их компоновка значительно различается.

С другой стороны, от «классической» кара-абызской керамики ранний комплекс отличается большим разнообразием элементов орнамента – на «классической» керамике почти отсутствуют следы гребенчатого штампа и сочетание ямок и насечек. Для ранней керамики характерно наличие насечек по срезу венчика и «жемчужин» на внутренней стороне сосудов.

Как уже упоминалось, наиболее близок посуде Воронок керамический комплекс селища Курман-тау. Однако если на Курман-тау есть некоторое количество керамики гафурийского типа, появление которой в Прибелье датируется IV в. до н.э., то на Воронках эта керамика отсутствует вовсе. Опять же набор бронзовых наконечников стрел с Курман-тау (Юсупов, 1959. Табл. 1, 1–4) в основном может быть отнесен к IV в. до н.э. Таким образом, предварительно Воронки можно отнести к более раннему

периоду, нежели Курман-тау, либо последнее функционировало дольше, нежели Воронки.

В целом принципиальное изменение системы взглядов на ананьинскую общность, отраженное в недавних исследованиях (Кузьминых, Чижевский, 2009), позволяют вернуться к обсуждению нижней даты кара-абызской культуры. В своих работах А.Х. Пшеничнюк её начальный этап определял в рамках V–IV вв. до н.э., относя к этому периоду могильник по ул. Тракторной, Старший Шиповский могильник и ряд поселений Гафурийского района РБ – Михайловское, Воскресенское, Касьяновское городища и селище Курман-тау (Пшеничнюк, 1967. С. 158–160; Пшеничнюк, 1982. С. 101–104).

В настоящее время перечень поселений, где встречена раннекара-абызская керамика, можно значительно увеличить. Это хорошо известные в литературе Бирское II, Новобиктовское, Андреевское и Черниковское I селища. Сравнительно недавно опубликованы материалы Нагаевского II городища (Обыденнов, Обыденнова, 1998. С. 40, 41, Рис. 30–32) и Акбердинского III городища (Пшеничнюк, Овсянников, 2007. С. 12, 13, Рис. 11).

Последние исследования Шиповского могильника показали, что существует преемственность между Старшим Шиповским могильником и грунтовой частью Шиповского могильника (Овсянников и др., 2007. С. 80). Это говорит о том, что они составляют единый этнокультурный комплекс.

Таким образом, ранний этап кара-абызской культуры получает значимое наполнение. Основным содержанием этого этапа является освоение пришлым населением долины р. Белой в её среднем течении. Показательно, что направление миграции не исчерпывалось бельской долиной. Могильник Таш-Елга маркирует продвижение потомков постмаклашеевского населения и выше устья Белой. Также имеются сведения о могильнике этого же типа на р. Уфе у х. Чандар. Могильник был исследован М.С. Смирновым в 20-х гг. XX в. (часть находок хранится в краеведческом музее г. Стерлитамака). Позднее А.В. Шмидт на Чандарском городище собрал керамику раннекара-абызского облика (часть коллекции хранится в Национальном музее РБ). Эти памятники маркируют ещё один маршрут. Однако впоследствии указанные пункты не получили дальнейшего развития. Следов «классического» кара-абыза здесь не зафиксировано.

Наиболее ранние следы проникновения постмаклашеевского населения в Прибелье фиксируются также на поселенческих памятниках. В первую очередь, это хорошо известное в литературе Бирское городище. Судя по публикации, здесь раннекара-абызская керамика встречается вместе с раннешнуровой керамикой примерно в равных пропорциях (Обыденнов, Обыденнова, 1998. Табл. 8, Рис. 26). На недавно исследованном поселении Акбердино 3 в одном комплексе встречена раннекара-абызская, раннешнуровая посуда и керамика курмантау (статья Л.Т. Яблонского и Н.С. Савельева в данном сборнике. Рис. 4). Как считают Л.Т. Яблонский и Н.С. Савельев, данная ситуация является отражением миграционных процессов второй половины VI – середины V в. до н.э. Именно в это время в Прибелье могли встретиться представители более ранних миграционных волн (носители культуры курмантау и сложношнуровой, или раннеананьинской, керамики) и постмаклашеевское население, продвигающееся вверх по реке Белой. Таким образом, материал Бирского городища и Акбердинского 3 поселения маркируют самое начало этого процесса, когда постмаклашеевское население не составляло еще большинства в данном регионе. Поэтому постмаклашеевская керамика Бирского и Акбердинского 3 поселений очень близка постмаклашеевской Нижней Камы. С этой точки зрения вполне справедливо замечание Л.Т. Яблонского и Н.С. Савельева о неправомерности относить данную керамику к кара-абызской культуре.

Зафиксированный на селище Воронки факт контакта раннекара-абызского и курмантауского населения отражает финал этого процесса, когда в Прибелье стали преобладать носители постмаклашеевской традиции. К этому моменту складывается оригинальный керамический комплекс уже раннекара-абызского облика.

Сложность и проблематичность культурной атрибуции раннекара-абызских памятников связана с их переходным характером. С одной стороны, ощущается большая близость к постмаклашеевской традиции, особенно ярко это прослеживается на погребальном обряде, который традиционно в литературе считается наиболее консервативным социальным явлением. С другой стороны, намечаются заметные изменения, которые отражаются в посуде. Окончание этого этапа связано с появлением в Прибелье нового иноэтничного населения – носителей

«гафурийского» типа, тесные контакты с которыми явились своего рода катализатором для дальнейшего обособления прибельского населения от потомков ананьинской общности. Дальнейшие процессы ассимиляции стали содержанием следующего этапа в развитии кара-абызской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- АКБ – Археологическая карта Башкирии. М., 1976.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.
- Иванов В.А.* Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху: Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1978.
- Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 52–77.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8. Елабуга, 2009. С. 29–55.
- Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Серия «Археология евразийских степей». Вып. 4. Казань, 2007.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.* Археологические памятники Южного Приуралья эпохи железа (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Уфа, 1998.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.
- Пшеничнюк А.Х.* О периодизации кара-абызских памятников // УЗ ПГУ. Пермь, 1967. № 148. С. 156–170.
- Пшеничнюк А.Х.* Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной

Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 94–105.

Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа, 2007.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Серия

«Археология евразийских степей». Вып. 5. Казань, 2008.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. Предварительный отчет о работах 1928 г. // Хозяйство Башкирии. Уфа, 1929. № 8–9. Прил. [№ 2]. С. 1–28.

Юсупов Г.В. Древнейшие поселения Гафурийского района БАССР // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959. С. 58–87.

АНАНЬИНСКИЙ КОМПОНЕНТ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОСТЮМНОГО КОМПЛЕКСА)

С.Л. Воробьева (Уфа)

The Ananino within the component Kara-Abyiz culture
(according to a costume complex)

S.L. Vorobjova (Ufa)

Лесостепь Южного Приуралья в эпоху раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.) становится центром сложения и развития кара-абызской культуры, которая сформировалась, с одной стороны, на основе местного, ананьинского компонента, с другой, на основе пришлого – кочевнического компонента. Несмотря на значительный интерес исследователей к лесостепным памятникам Южного Приуралья, многие вопросы до сих пор остаются открытыми: особенности формирования, компонентный состав, эволюция материальной культуры и погребального обряда, её место среди синхронных культурных образований эпохи раннего железа. Недостаточно изучен, в том числе, и ананьинский компонент кара-абызской культуры, который ранее исследователями рассматривался только через призму изучения керамического материала и погребального обряда. Костюм же и элементы его убранства, а в особенности – трансформация костюмного комплекса не изучались.

Костюм кара-абызского населения, как и весь материальный комплекс, формируется в IV в. до н.э. на основе местного ананьинского костюма, подвергаясь при этом трансформации под влиянием традиций пришлых кочевников. Для определения элементов убранства костюма и костюмных комплексов, имеющих ананьинские истоки, были рассмотрены все элементы убранства костюма из 893 погребений кара-абызской культуры (8 могильников: Уфимский, Ново-Уфимский/Галановский, Кара-Абыз-2, Охлебининский, I-III Биктимировские, Шиповские грунтовый и курганный, Нагаевский курганный могильники) (Рис. 1).

В каждом из элементов убранства определены изделия, имеющие прямые аналогии в ананьинском костюме. Рассмотрим эти изделия в отдельности.

К личным украшениям в костюме кара-абызского населения относятся гривны, перстни, браслеты и височные подвески.

Гривны

В памятниках кара-абызской культуры гривны встречаются в Охлебининском, Уфимском, Ново-Уфимском/Галановском и Шиповском грунтовом могильниках. Всего найдено 46 экземпляров данного вида украшений, или 5,15% от общего количества погребений с элементами убранства.

Гривны получили широкое распространение в костюме ананьинского населения (Рис. 2, 1-10). На шее воина, изображенного на большой плите из Ананьинского могильника, имеется шейная металлическая гривна. А.В. Збруева считала гривны знаком достоинства в мужском костюме родовой знати ананьинцев и связывала их проникновение со скифским влиянием (Збруева, 1952. С. 76). С конца ананьинской эпохи шейные гривны, служившие знаком достоинства и украшением мужчин-воинов, переходят в женский наряд и в мужских могилах уже не встречаются (Збруева, 1952. С. 81-82).

В.С. Патрушевым составлена типология ананьинских гривен из Волго-Камья. Он проанализировал 139 экз., в том числе и гривны из Уфимского могильника (Патрушев, 1985. С. 175). Автор считает наиболее вероятным исходным центром форм ананьинских гривен Северный Кавказ (Патрушев, 1984. С. 23).

Только пять бронзовых гривен имеют аналогии в ананьинской культуре. К ним относятся: изделия с несомкнутыми петлевидными концами из погребений I в. до н.э. – III в. н.э. (Рис. 2, 13) из круглой в сечении проволоки, с расплюснутыми концами I-III вв. н.э. (Рис. 2, 11). Гривны с несомкнутыми петлевидными концами встречены в Старшем Ахмыловском

Рис. 1. Карта расположения памятников кара-абызской культуры:

1 – Биктимировский ГМ; 2 – ГМ Кара-абыз-2; 3 – Охлебининский ГМ; 4 – Уфимский ГМ; 5 – Галановский ГМ; 6 – Ново-Уфимский ГМ; 7 – Нагаевский КМ; 8 – Акбердинский КМ; 9 – Шиповский КМ; 10 – Шиповский ГМ; 11 – селище Курмантау

могильнике (Патрушев и др., 1982. Рис. 26, 6, 65, 15a, 68, 4a), а с расплюснутыми – в могильнике Таш-Елга (АКБ, 1976. Табл. 8, 7). Традиция расплюсывать концы гривен в кара-абызской культуре берет свое начало с ананьинской культуры, где они встречаются в массовом количестве (Патрушев, 1985. С. 173-195; Патрушев и др., 1982).

Если в ананьинской культуре гривны были атрибутом преимущественно мужского костюма, то в кара-абызских могильниках они происходят исключительно из женских погребений.

Браслеты

Браслеты не получили широкого распространения в среде носителей кара-абызской и ананьинской культур. Браслеты кара-абызского населения встречены в 48 погребениях (60 экз.) Уфимского, Биктимировского, Ново-Уфимского/Галановского, Охлебининского и Шиповского грунтового могильников (5,3% от общего количества погребений с элементами убранства костюма). А.В. Збруева пишет об их появлении в ананьинской культуре в IV-III вв. до н. э., имея в виду изделия из Уфимского могильника (Збруева, 1952. С. 84). Лишь один браслет достоверно происходит из Зуевского могильника позднеананьинского времени

(Худяков, 1933. Табл. VII, 34) и несколько браслетов из Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 2011. Рис. 44, 24-27).

Следующие браслеты кара-абызской культуры имеют аналогии в ананьинских памятниках: дровые, с заходящими концами IV-III вв. до н. э. (22 экз.; Рис. 3, 13, 14); из толстой проволоки, круглой или овальной в сечении, с разомкнутыми концами (5 экз.; Рис. 3, 15); пластинчатый, с несомкнутыми концами и орнаментом в виде двойного ряда косых насечек III-IV вв. н. э. (1 экз., Рис. 3, 17). Аналогичный орнамент известен на браслете из Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 2011. Рис. 44, 27).

В целом, указанные типы браслетов в единичных экземплярах появляются в ананьинской и кара-абызской культурах в III в. до н. э. с другим кочевническим инвентарем (поясные бляхи, гривны, поясные накладки с изображением голов грифонов).

Перстни

Всего из памятников кара-абызской культуры известно 157 перстней¹ в 110 погребениях (12,3% от общего количества погребений с элементами убранства костюма).

¹ 27 предметов были сильно фрагментированы или вообще утрачены – они не учитывались при типологии.

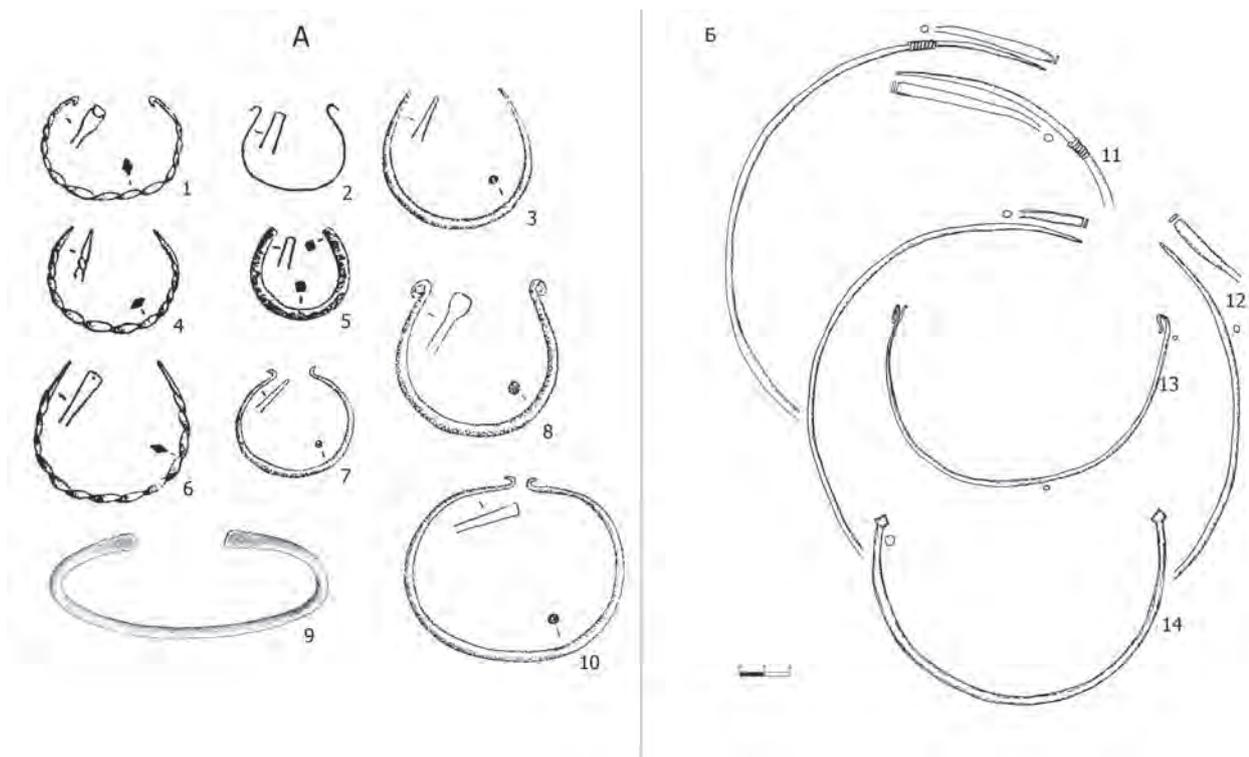

Рис. 2. Гривны ананьинской (А) и кара-абызской (Б) культур:
 1-8, 10 – Старший Ахмыловский (Патрушев, 2011. Рис. 36, 37); 9 – Таш-Елга (АКБ, 1976. Табл. 8, 7);
 11-14 – Охлебининский; бронза

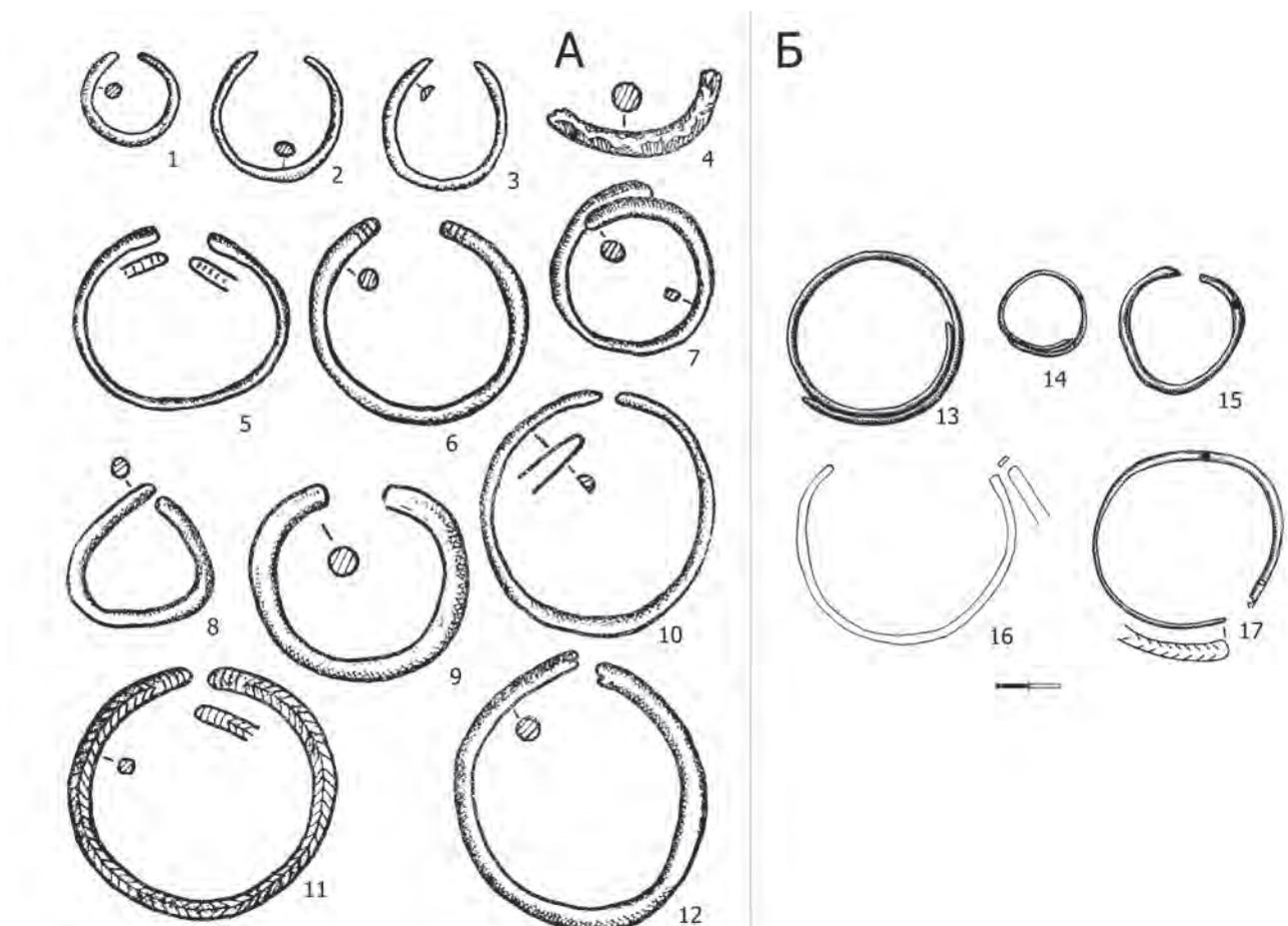

Рис. 3. Браслеты ананьинской (А) и кара-абызской (Б) культур:
 1-12 – Старший Ахмыловский (Патрушев, 1984. Рис. 23); 13 – Уфимский (Збруева, 1952. Табл. VI, 7);
 14, 15, 17 – Шиповский ГМ (Овсянников и др., 2007. Рис. 51, 16, 76, 24);
 16 – Биктимировский; бронза

В памятниках ананьинской культуры найдены единичные экземпляры перстней (Рис. 4, 1-7). А.В. Збруевой упоминаются только изделия из Уфимского могильника и единичные экземпляры многовитковых пластинчатых изделий из Зуевского и Луговского могильников (1952. С. 85).

Следующие типы перстней кара-абызской культуры находят аналогии в ананьинских древностях: кольцообразные щитковые с ажурным щитком (Рис. 4, 11), пластинчатые и дротовые с заходящими концами (Рис. 4, 8-10).

Височные подвески

Несмотря на большое разнообразие височных подвесок в ананьинской (Патрушев, 2011) и кара-абызской культурах (25% от общего количества погребений с элементами убранства костюма), только один тип изделий имеет аналогии в ананьинской культуре – восьмеркообразные подвески (17 экз., 9 погр., Рис. 5, 2-4). Все украшения изготовлены из тонкой бронзовой проволоки, круглой в сечении, закрученной в восьмерку, концы которой заострены и соединены друг с другом, либо закручены в полтора оборота. Среди них выделяют изделия, закрученные в полтора оборота (Рис. 5, 2) и в один оборот (Рис. 5, 3). В 7 из 9 погребений с восьмеркообразными височными подвесками найдены бронзовые гривны из толстого дрота, закрученного в полтора оборота, и поясные бронзовые крючки, что позволяет их датировать IV-III вв. до н. э.

Аналогичные височные подвески встречаются в ананьинских древностях (погр. 43 Зуевского могильника (Худяков, 1933. Табл. VI, 28); в ананьинском слое Зуевключевского I городища (Черных, 2009. Рис. 10, 9) и пьяноборских комплексах (Ново-Сасыкульский, Икский, III Кушулевский, II Чегадинский могильники – в 11 погребениях (Агеев, 1992. С. 31, 111, 120), в «Частых курганах» и курганном могильнике у с. Русская Тростянка скифского времени на Среднем Дону (Либеров, 1965. Табл. 21. Рис. 30, 32). В Зуевском могильнике они датированы V-IV вв. до н. э. В пьяноборских комплексах встречаются восьмеркообразные височные подвески двух типов: верхние и нижние кольца с разъемом и без разъема. Первый тип происходит из погребений, датированных Б.Б. Агеевым IV в. до н. э. – II в. н. э., а второй – из Ново-Сасыкульского могильника I-II вв. н. э. (Агеев, 1992.

С. 31, 111, 120). Одна височная подвеска, аналогичная пьяноборским, происходит из Зауралья и относится к саргатской культуре (Корякова, 1988. Рис. 18, 123).

Можно предположить, что восьмеркообразные височные подвески могли сформироваться на основе изделий, закрученных в виде восьмерки с кольцами разного диаметра (Рис. 5, 1), имеющих ближайшие аналогии в Новоорском I курганном могильнике (к. 11, погр. 1 (Заседателева, 1987). На данный момент не представляется возможным однозначно ответить на вопрос о происхождении изделий данного типа, но именно ананьинские украшения наиболее близки подвескам кара-абызского населения. Возможно, пополнение источниковой базы даст более определенные результаты.

Таким образом, личные украшения кара-абызской культуры, имеющие прямые аналоги в костюме ананьинского населения (Старший Ахмыловский, Акозинский, Таш-Елга, Зуевский могильники), происходят преимущественно из погребений IV-II вв. до н. э.

В костюме носителей ананьинской культуры в поясном наборе использовались только крючки и накладки (Збруева, 1952. С. 79). В костюме же кара-абызского населения наиболее распространенным элементом поясного набора были пряжки, поясные крючки, накладки.

Поясные крючки

В погребениях кара-абызской культуры IV-III вв. до н. э. найдены поясные зооморфные крючки (19 экз.), имеющие аналогии в ананьинских памятниках (Рис. 6).

Среди стилизованных изображений на щитках выделяются три основные сюжетные линии: в виде раскрытой пасти (Рис. 6, 5), свернувшегося оленя (Рис. 6, 10) и медведя (Рис. 6, 12-16).

Ананьинским предметам наиболее близки не только по стилю изображения, но и по наличию на оборотной стороне двух петель крючки со стилизованным изображением раскрытой пасти (Рис. 6, 5). Они изготовлены из литой пластины с орнаментом и с двумя припаянными к щитку петлями на обороте. Щиток трапециевидной формы и орнаментирован припаянными к нему завитками. Крючки происходят из Уфимского, Кара-Абыз-2, Шиповского курганного и грунтового, Охлебининского

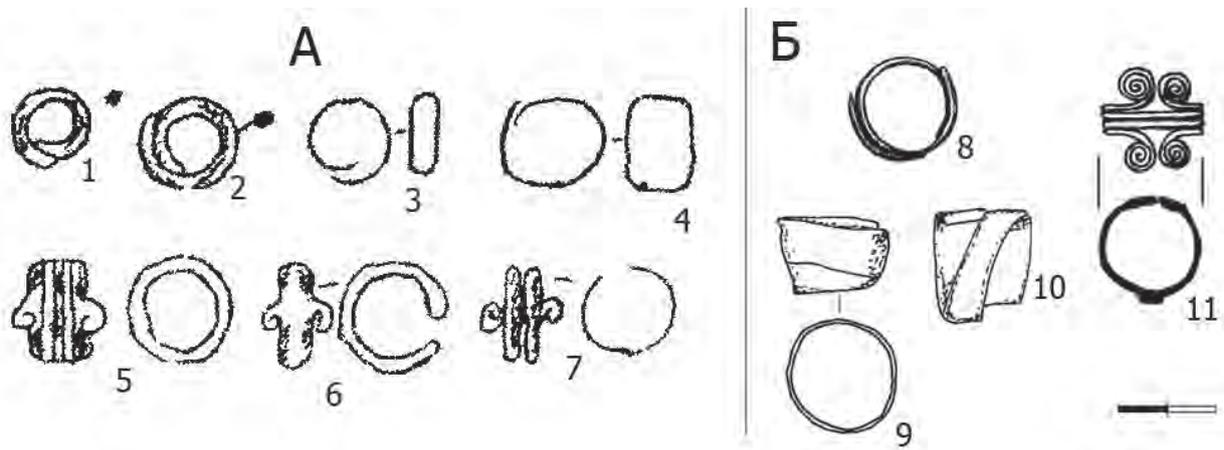

Рис. 4. Перстни ананьинской (А) и кара-абызской (Б) культур:
 1-7 – Старший Ахмыловский (Патрушев, 2011. Рис. 44, 1-23);
 8 – Охлебининский (п. 446); 9 – Уфимский (п. 13); 10 – Ново-Уфимский; 11 – Биктимировский;
 1-11 – бронза

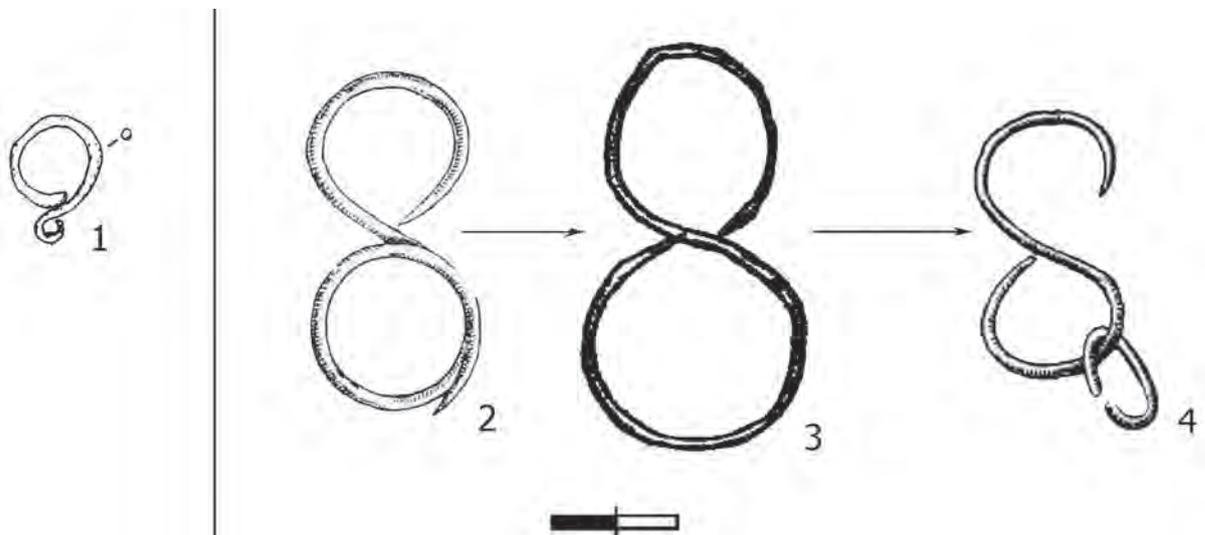

Рис. 5. Височные подвески кара-абызской культуры:
 1, 2, 4 – Охлебининский (Пшеничнюк, 1968. Рис. 4, 2);
 3 – Уфимский (Овсянников, Яминов, 2003. Рис. 9, 4); бронза

могильников. Все изделия найдены на поясе в безоружейных, преимущественно женских, комплексах IV-III вв. до н. э. Из погребений с крючками происходит однотипный сопутствующий инвентарь: гривны из круглого дрота, закрученного в полтора оборота, и восьмерковидные височные подвески. К этому же типу относится железный крючок (Рис. 6, б), найденный в Шиповском грунтовом могильнике рядом с дисковидной бляхой, который, по всей вероятности, является стилизованной копией бронзовых крючков.

Наиболее близкие аналогии крючкам данного типа происходят из памятников ананьинской культуры (Збруева, 1952. Табл. XXXI, 1, 4, 5, 9) и из скифских курганов на Среднем Дону (Там же. Табл. XXXI, 7, 10; Либеров, 1965. Табл. 32, 2, 3, 6, 16). При этом на среднедонских изделиях на обороте вместо петель имеются шпеньки. Надо учесть, что среднедонские крючки, как и кара-абызские, датируются IV-III вв. до н. э., а ананьинские – значительно раньше. Один экземпляр подобного типа происходит из раннесарматского погребения Поволжья (Максименко, 1983. Рис. 14, 7).

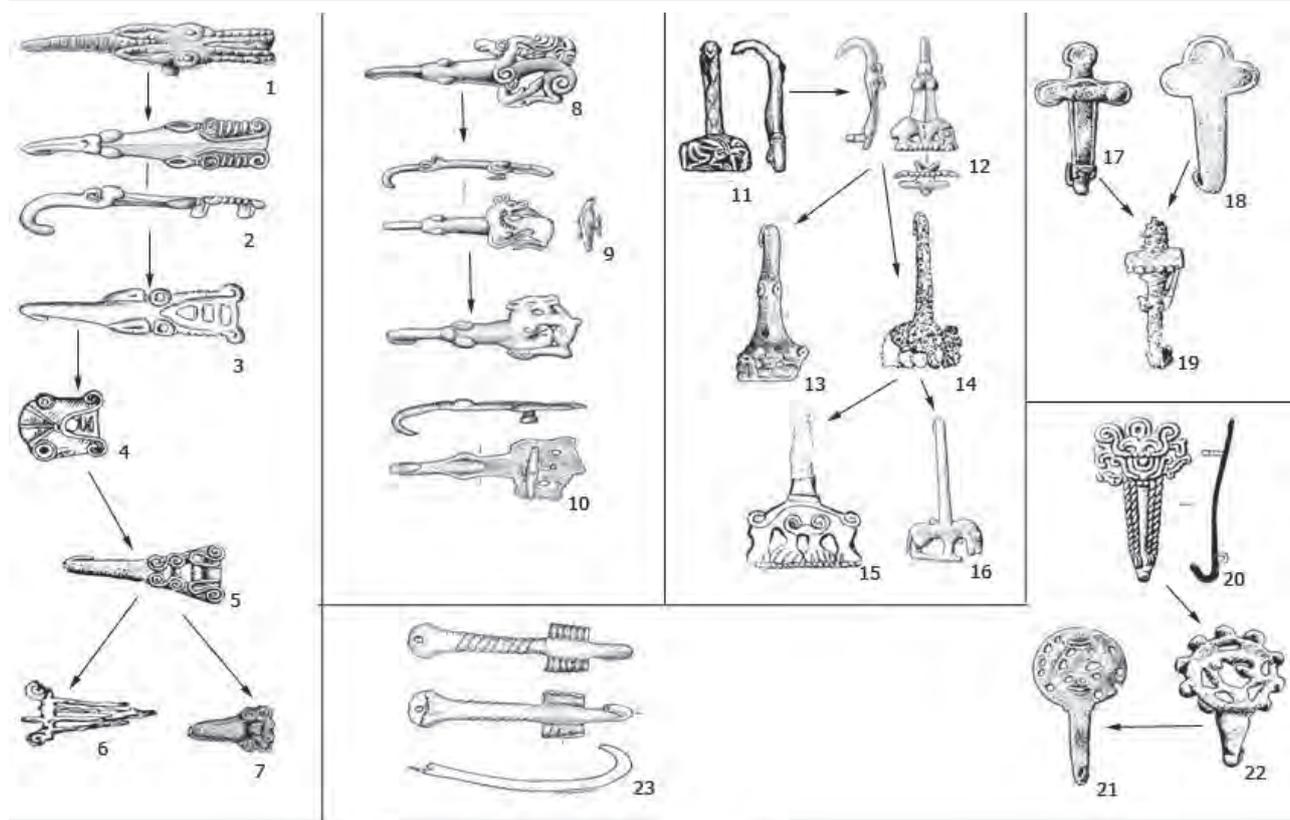

Рис. 6. Трансформация изображений на зооморфных крючках: 1-3, 8-9, 12 – скифские памятники на Среднем Дону (Гуляев, 1969. Рис. 5, 4, 7, 4, 3, 1; Овсянников, 2006. Рис. 3, 12); 4 – ананьинская культура (Овсянников, 2006. Рис. 3, 9); 11 – Филипповские курганы кочевников Южного Урала (Савельев, 2008. Рис. 7, 17). *Остальное* – памятники кара-абызской культуры; 5, 17, 21 – Уфимский: 5 – п. 14, 17 – п. 13, 20 – п. 24 (Пшеничнюк, 1973. Рис. 24, 1, 3, 5); 6 – Шиповский ГМ, п. 76/VII-67 (Пшеничнюк, 1976. Рис. 24, 5); 7 – Табынское (Овсянников, 2006. Рис. 3, 14); 10 – II Биктимировский, п. 6/06; 13, 16, 18-20 – Охлебнинский: 12 – п. 83(21)/II-65, 15 – п. 56/I-65, 16 – п. 35/I-65, 18 – п. 27/I-65, 19 – п. 34/I-65 (Пшеничнюк, 1968. Рис. 6, 11, 13, 10, 12, 14); 14, 15, 22 – Шиповский КМ; 14 – п. 6/к. 2/III гр./-06, 21 – п. 1/к. 1/Гр.-66 (Пшеничнюк, 1976. Рис. 7, 4; Овсянников, 2006. Рис. 2, 17); 1-5, 7-9, 11-13, 16-18, 21-23 – бронза; 7, 14, 19, 20 – железо; 15 – бронза и железо; 11 – золото

Таким образом, вопрос о происхождении зооморфных крючков до сих пор остается открытым: с одной стороны, подобные крючки встречаются в скифских курганах на Среднем Дону, с другой – они близки ананьинским изделиям не только по стилю изображения, но и по наличию на оборотной стороне двух петель, а не шпенька. Стиль же изображения кара-абызских крючков и технология их изготовления – сугубо местные.

Среди большого разнообразия бронзовых **поясных накладок** кара-абызской культуры (не менее 3 139 экз.² в 390 погр.) выделяются несколько типов изделий, встречающихся в костюме носителей ананьинской культуры.

² Точное число находок данного типа не известно, т. к. авторы раскопок используют часто термины «много» или «несколько» при описании количества. Здесь и далее дано то количество предметов, которое было точно подсчитано.

Тип 1. Бронзовые прямоугольные накладки с двумя ушками на обороте и с узором из двух рядов треугольников, поставленных друг к другу основаниями (52 экз., в 11 погр., Рис. 7, 1-2). Большая часть предметов найдена в женских погребениях и являлась украшением пояса. Самая ранняя накладка (III-II вв. до н. э.) происходит из Шиповских курганов (погр. 6/I/III гр.-06).

Анализ накладок с треугольниками, встречающихся в большом количестве в пьяноборской культуре (348 экз. по Б.Б. Агееву) (Генинг, 1970. Табл. III, 11; Агеев, 1986. Рис. 9, 4-7; 1992. Табл. 8, 19, 21; Альбом древностей..., 1941. Табл. II, 24) Казанцева, 2004. Рис. 7, 10, 21, 2, 22, 5), впервые был проведен В.Ф. Генингом, который связывал их появление с I-II вв. н. э. (Генинг, 1970. С. 58). Нахождение изделий подобного типа в Ананьинском (1 погр.) и

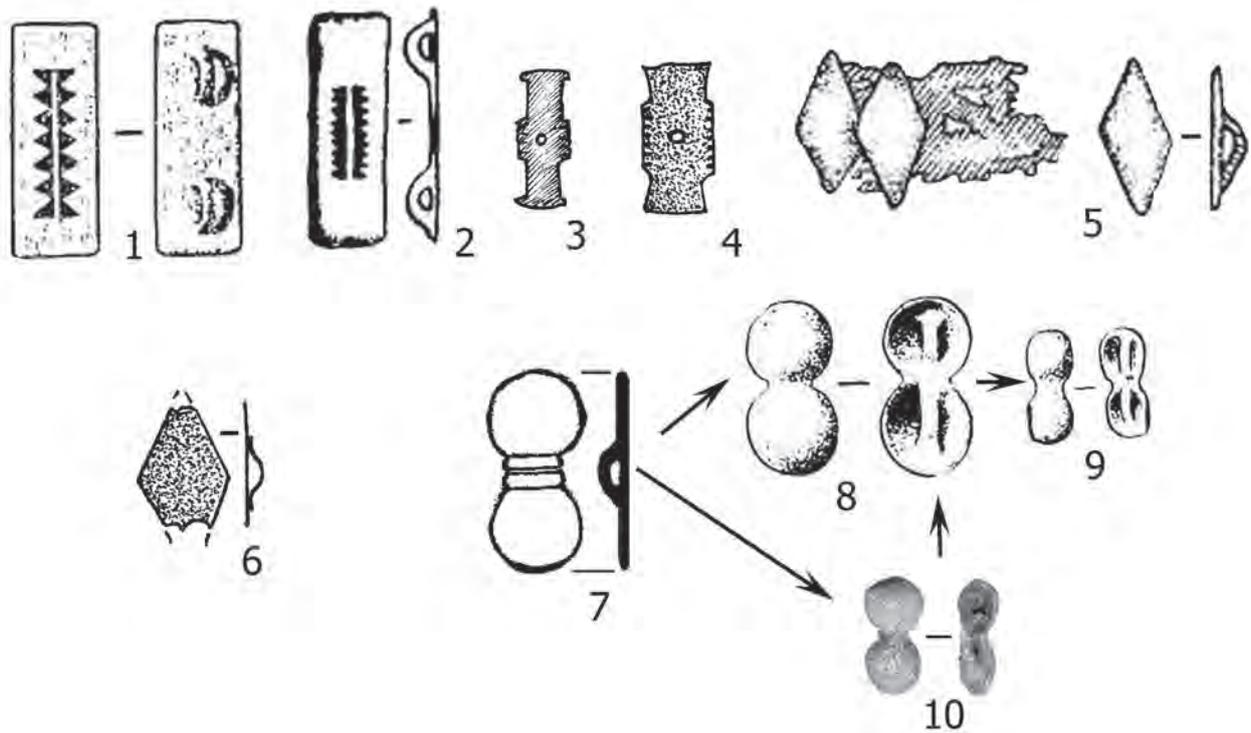

Рис. 7. Поясные накладки кара-абхазской культуры: 1, 5, 7-10 – Охлебининский (Пшеничнюк, 1968. Рис. 7, 9, 9; Овсянников, 2009. Рис. 146, 1); 2-4, 6 – Шиповский ГМ (Пшеничнюк, 1976. Рис. 24, 22, 25, 36, 32, 5; Овсянников и др., 2007. Рис. 47, 6, 8, 48, 1, 57, 4, 12, 60, 13, 68, 17, 69, 5), 7 – Шиповский КМ (Овсянников, 2008); бронза

Старшем Ахмыловском (4 погр.) могильниках (Збруева, 1952. Табл. XVII, 2; Патрушев, 1984. Табл. 92, 1а, 99, 2ж, 107, 3а, 126, 9а) в составе головных уборов, датируемых VII-V вв. до н. э., позволяет сделать вывод о том, что они появились в кара-абхазских и пьяноборских памятниках под влиянием носителей ананьинской культуры. Несколько накладок с треугольниками происходит из Ленинского кургана прохоровской культуры (Мошкова, 1963. Табл. 32, 8), по одной из кургана Кадырово IV в Месягутовской лесостепи IV-III вв. до н. э. (Савельев, 2007. Рис. 34, 15) и Дуванского кургана саргатской культуры (Корякова, 1988. Рис. 17, 83). Такое же изделие найдено в Щеркалинском могильнике (Западная Сибирь) II в. до н. э. – II в. н. э. (Чиндина, 1984. Рис. 22, 6).

Появление накладок с треугольниками не может быть связано с Зауральем или Западной Сибирью: в Старшем Ахмыловском могильнике ананьинской культуры имеются их прототипы – накладка без ушек из тонкого листа бронзы со штампованными треугольниками (Патрушев, 1984. Табл. 92, 1а), а в Зуевском – трапециевидная подвеска с треугольниками (Худяков, 1933. Табл. I, 21). На селище Курмантау найдено

около 20 треугольных накладок с двумя ушками на обороте без орнамента, которые, являлись заготовками изделий данного типа (фонд «Археология» НМРБ). Ананьинское происхождение украшений подтверждается и датировками памятников с этими изделиями – в Зауралье и Сибири они появляются гораздо позже, что, возможно, связано с «уходом» части пьяноборского населения, появление которого фиксируется на некоторых памятниках (в том числе и по инвентарю и датировкам Щеркалинского могильника).

Тип 2. Бронзовые накладки в виде ромба с ушком на обороте для крепления к ремню (104 экз., 10 погр., Рис. 7, 5-6). Изделия найдены исключительно в мужских погребениях. На костяке накладки лежали в один ряд в районе пояса. При этом инвентарь в погребениях, как правило, один и тот же: костяные наконечники стрел и умбовидные пряжки. Изделия данного типа датируются II в. до н. э. – II в. н. э.

Ромбовидные накладки изредка встречаются в пьяноборском поясном наборе III-II вв. до н. э. (Генинг, 1970. С. 57). Такие же изделия происходят из Ананьинского могильника. А.В. Збруева связывает их появление с кавказским влиянием (Збруева,

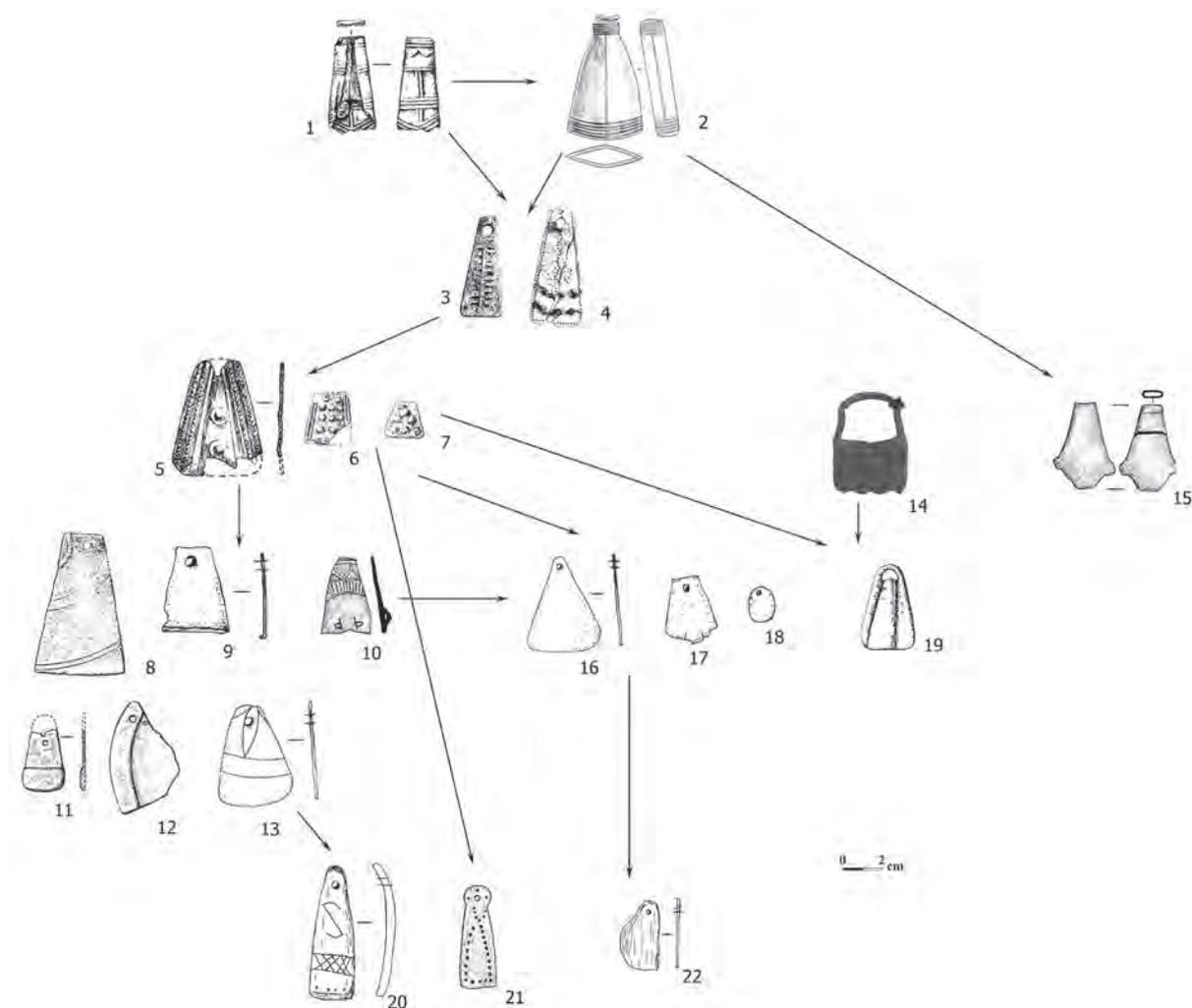

Рис. 8. Происхождение и трансформация трапециевидных подвесок: 1 – эпоха бронзы (Куприянова, 2008. Рис. 18, 3); 2-4 – ананьинская культура (Худяков, 1933. Табл. V, 21-22; Патрушев, 1982. Табл. 122, 26); 5, 9, 11-13, 16, 22 – Охлебининский (Пшеничнюк, 1993. Рис. 7, 16, 9, 7, 8); 6-8 – Шиповский КМ (Пшеничнюк, 1976. Рис. 6, 11, 12, 21); 10, 15, 19 – Шиповский ГМ (Овсянников и др., 2007. Рис. 69, 13, 71, 11; Генинг, 1988. Рис. 17, 21); 14 – Курмантау; 17-18 – Кара-абыз-2; 1-19 – бронза, 20-22 – кость

1952. Табл. XXX: 5-6), т. к. они встречены в кобанской культуре середины VII-IV вв. до н. э. (Козенкова, 1989. Табл. 106, 9).

На данном этапе исследования сложно точно определить место происхождения ромбовидных накладок: в кобанской или ананьинской культурах. Ясно лишь, что в кара-абызской среде они появились под влиянием ананьинского населения, «перекочевав» из головного убора в поясной.

Тип 3. Бронзовые многосоставные накладки из круглых выпуклых или прямых бляшек с ушками на обороте (не менее 468 экз., около 60 погр.). Среди них в поясном наборе встречаются двусоставные (восьмерковидные) цельнолитые накладки с плоской и выпуклой поверхностью (Рис. 7, 7-10). Наиболее архаичные экземпляры с одной петлей на обороте и плоской

поверхностью (6 экз., 1 погр., Рис. 7, 7), аналогичные ананьинским, происходят из Шиповского курганного могильника, где они найдены на поясе в комплексе IV-II вв. до н.э. В Шиповском грунтовом и Охлебининском могильниках в женских и подростковых погребениях во II в. до н.э. – II в. н.э. в составе поясного набора встречаются двусоставные накладки уже с двумя ушками на обороте. Заготовки под накладки подобного типа происходят с селища Курмантау (НМ РБ, ОФ 29692).

Наибольшее распространение накладки получили в ананьинской культуре, где они найдены, в том числе, и в составе мужских поясов (Збруева, 1952. Табл. IV, 19; Патрушев, 1984. Табл. 109, 3). Вероятнее всего, появление двух ушек на накладках связано с их трансформацией в кара-абызской среде.

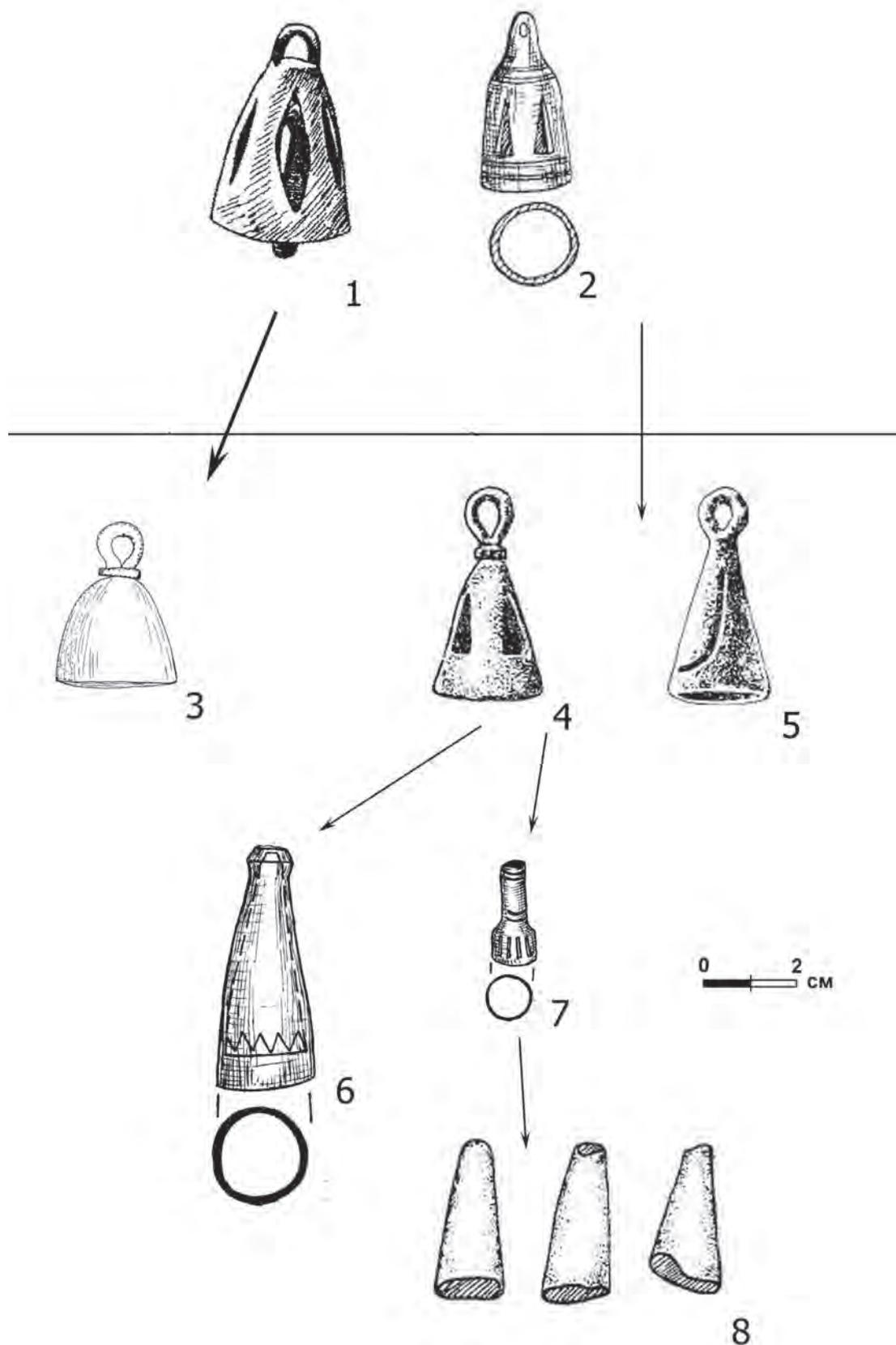

Рис. 9. Происхождение и трансформация колоколовидных подвесок: 1 – сакская общность (Таиров, 2007. Рис. 6, 28, 29); 2 – ананьинская культура (Патрушев, 1982. Табл. 111, 3а); остальное – кара-абызская культура: 4, 5 – Шиповский КМ (Пшеничнюк, 1976. Рис. 6, 8-10, 16); 8 – Охлебининский (Пшеничнюк, 1993. Рис. 18, 6-8); 6-7 – Шиповский ГМ (Овсянников и др., 2007. Рис. 66, 19, 76, 19); бронза

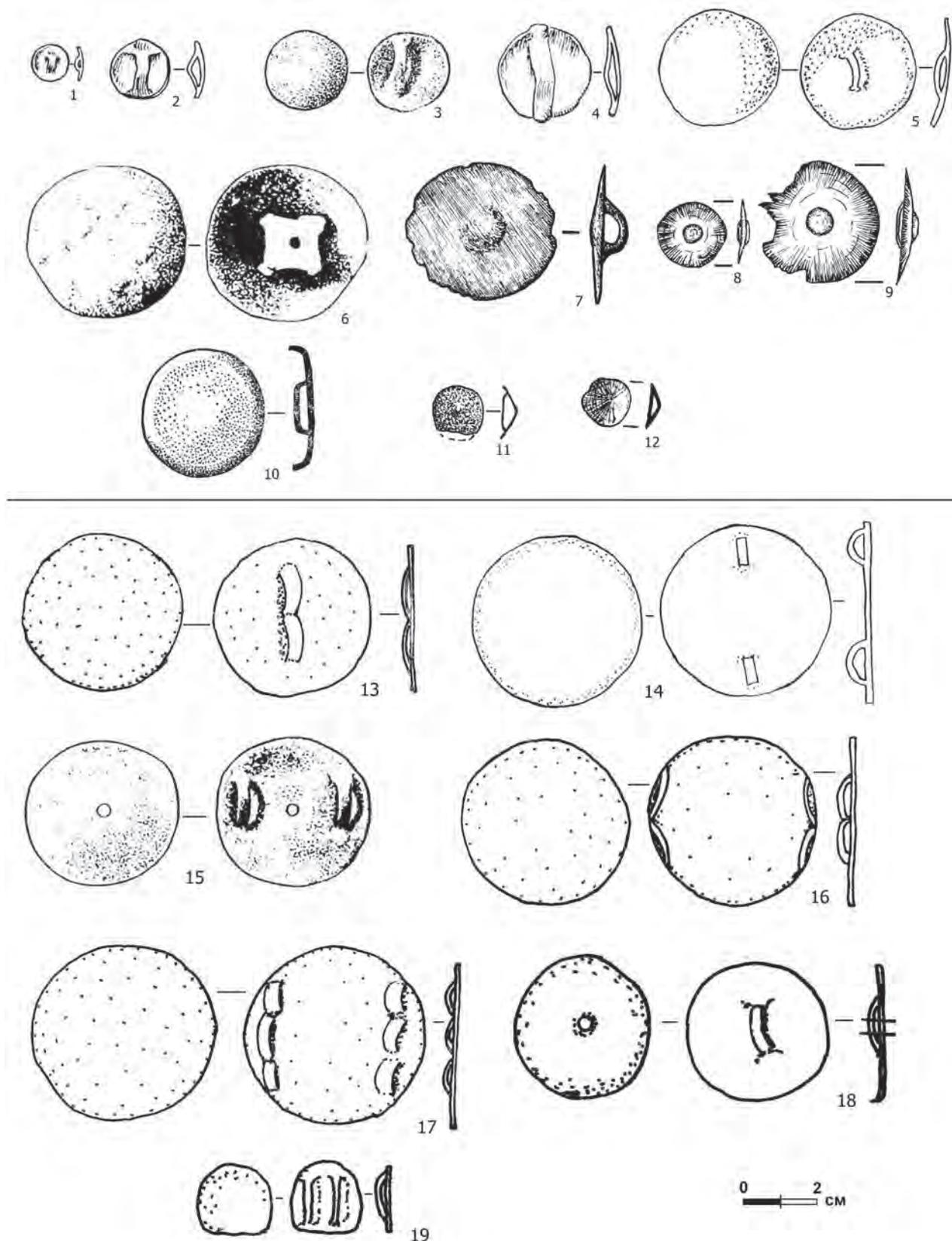

Рис. 10. Бляшки кара-абзиской культуры: 1, 2, 4, 8, 9, 11, 12 – Шиповский ГМ; 1, 2, 4 – п. 61/VII-66 (Пшеничнюк, 1976. Рис. 32, 6-8), 8, 9, 11, 12 – п. 321/XIV-94, 73/XIII-91, 190/XIII-93 (Овсянников и др., 2007. Рис. 42, 8, 55, 6, 78, 5, 6); 3, 10, 13, 15-18 – Охлебининский; 3, 15, 16 – п. 8/I-65, 10 – п. 4/I-65, 13 – п. 8/I-65, 17 – п. 329/IV-80-82, 18 – п. 62/I-80-82 (Пшеничнюк, 1968. Рис. 7, 4, 10, 12, 11, 5); 7 – Шиповский КМ (п. 3/к.2/Пгр.-89); 5 – Ново-Уфимский (п. 10/Ахм.-52-54); 19 – I Биктимировский (п. 39); бронза

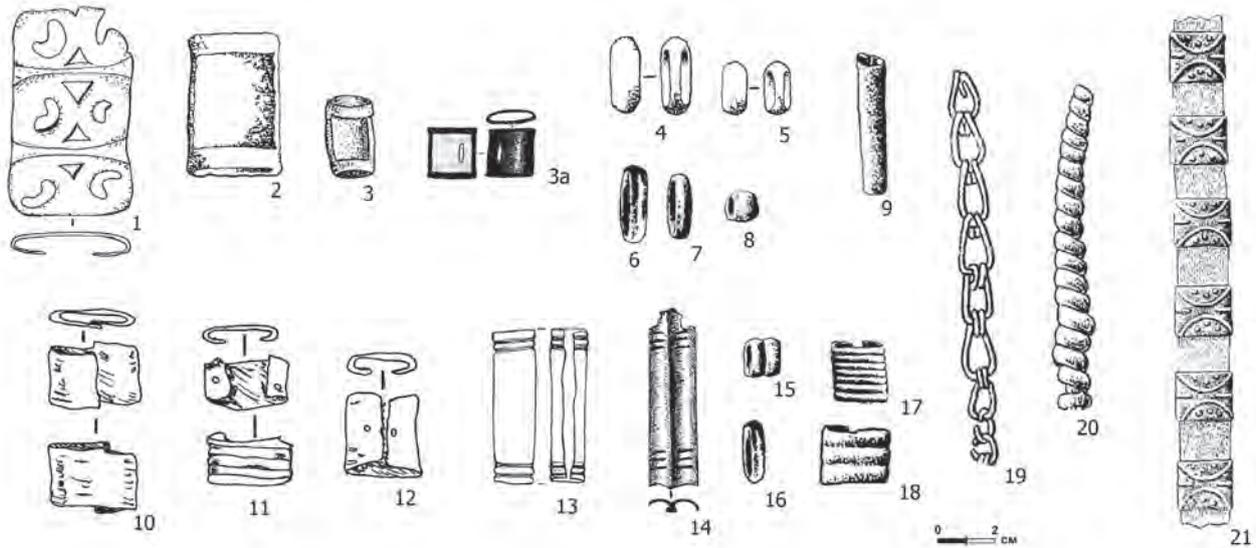

Рис. 11. Обоймы, цепочки, спирали кара-абызской культуры: 1, 19, 20 – Биктимировский (Генинг, 1988. Рис. 9, 26, 35); 2-3, 4-5, 10-12 – Охлебининский (Генинг, 1988. Рис. 17, 22-24); 3а – Уфимский (Овсянников, 2003. Рис. 8, 2); 6-9, 13, 15-18, 21 – Шиповский КМ (Пшеничнюк, 1976. Рис. 8, 2-8, 11-13, 15, 17, 32; Овсянников, 2006. Рис. 298, 8); 13 – Шиповский ГМ (Овсянников и др., 2007. Рис. 35, 2);

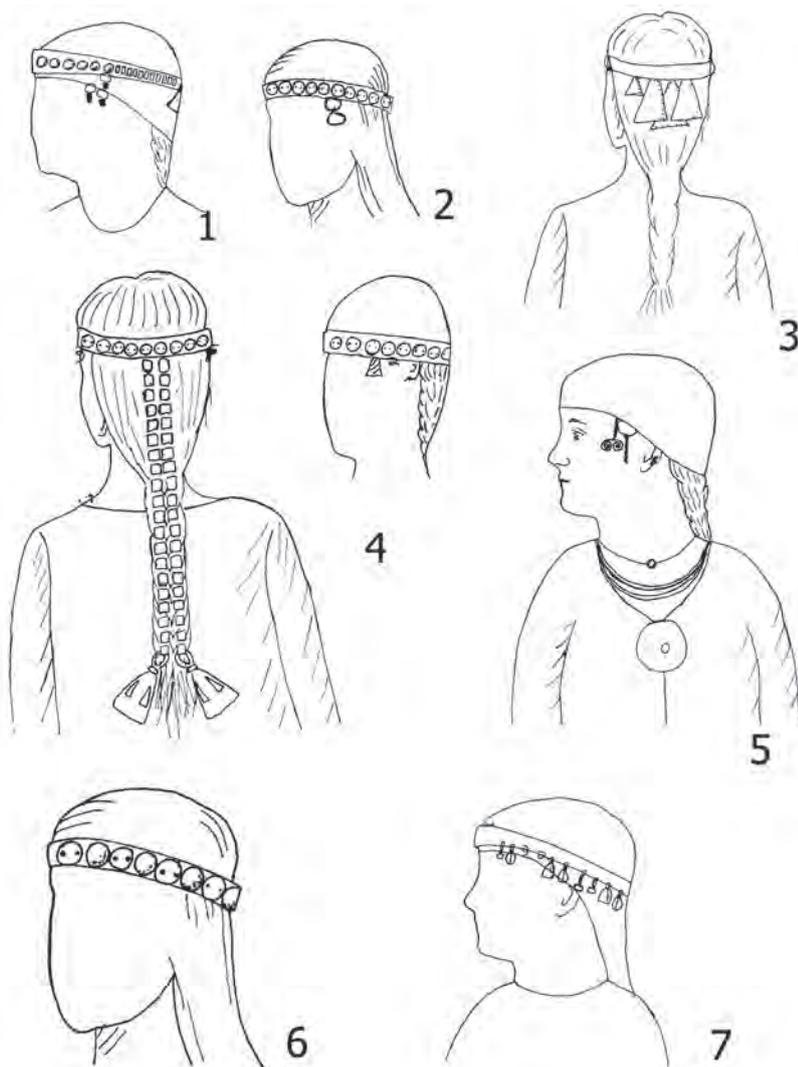

Рис. 12. Реконструкции женских головных и шейно-нагрудных уборов кара-абызской культуры: 1, 4 – Шиповский КМ (п. 1/к.5/Ггр.-67, 1/к.4/Ггр.-66); 2 – Уфимский (п. 14); 3, 5 – Охлебининский (п. 299, 423); 6 – I Биктимировский (п. 46); 7 – III Биктимировский (п. 7)

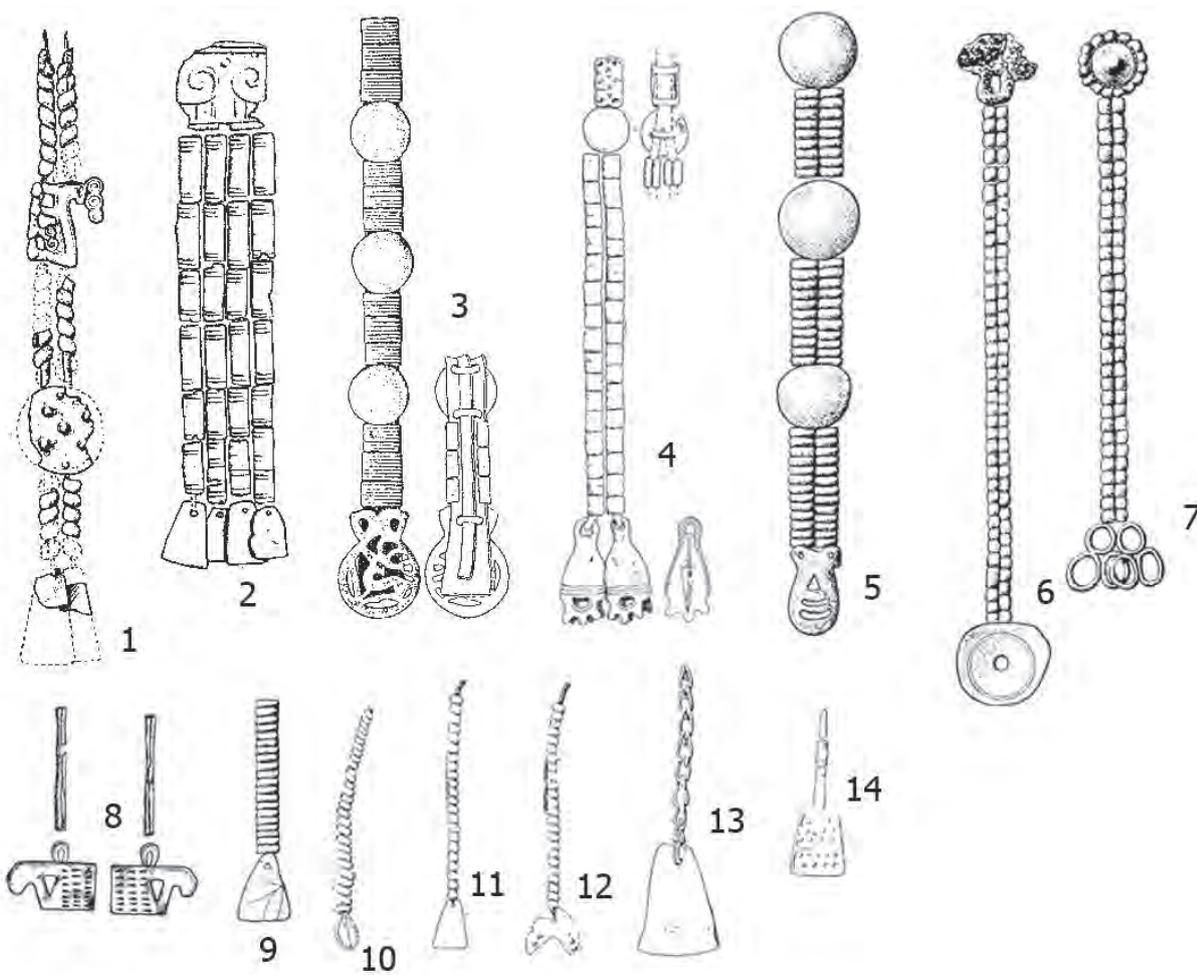

Рис. 13. Португейские наборы и наконники кара-абызской культуры (по А.Х. Пшеничнюку):
 1-4, 10-14 – Биктимировский; 5-9 – Охлебининский, (Пшеничнюк, 1964. Рис. 4; 1968.
 Рис. 10, 11; 1993. Рис. 7, 9)

Большинство универсальных элементов убранства костюма кара-абызского населения – бляшки, обоймы, накладки, подвески – также имеют аналогии в ананьинской культуре.

Распространенным видом украшений были трапециевидные подвески, как вырубленные из зеркал, так и изготовленные из тонкого штампованного листа бронзы (Рис. 8). Они появляются в кара-абызском костюме в IV-III вв. до н.э. в качестве привесок к наконникам и в составе головного убора (подвески найдены за черепом).

Бронзовые поясные полые трапециевидные подвески были атрибутом ананьинского поясного набора (Файзуллина, 2006). Они встречаются повсеместно в Ананьинском, Аозинском, Тетюшском, Морквашинском, Старшем Ахмыловском могильниках (Халиков, 1977. Рис. 8, 14; Патрушев, 1982. Табл. 66, 2ж). В Зуевском могильнике появляются трапециевидные

подвески из тонкого листа бронзы со штампованным орнаментом, аналогичные кара-абызским изделиям (Худяков, 1933. Табл. V, 21-23), а также встречается подвеска, вырубленная из зеркала (Худяков, 1933. Табл. V, 2). На одной из глиняных ананьинских статуэток имеется изображение наконника, оканчивающегося трапециевидной подвеской (Збруева, 1952. Табл. XVIII, 5, 6). При этом наконник изображен сзади фигурки под поясом, а подвеска находилась примерно в районе таза. В двух погребениях кара-абызской культуры рассматриваемые изделия найдены именно за тазовыми костями (Охлебининский мог., погр.417/VII-80-82, мог. Кара-Абыз-2).

Подвески колоколовидной формы с петлей (2 экз., 2 погр.) и с отлитыми отверстиями по бокам (11 экз., 4 погр.). Происходят из Шиповского курганного, Кара-Абыз-2 и Охлебининского могильников (Рис. 9, 4-5). Они являлись атрибутом женского, преимущественно подросткового,

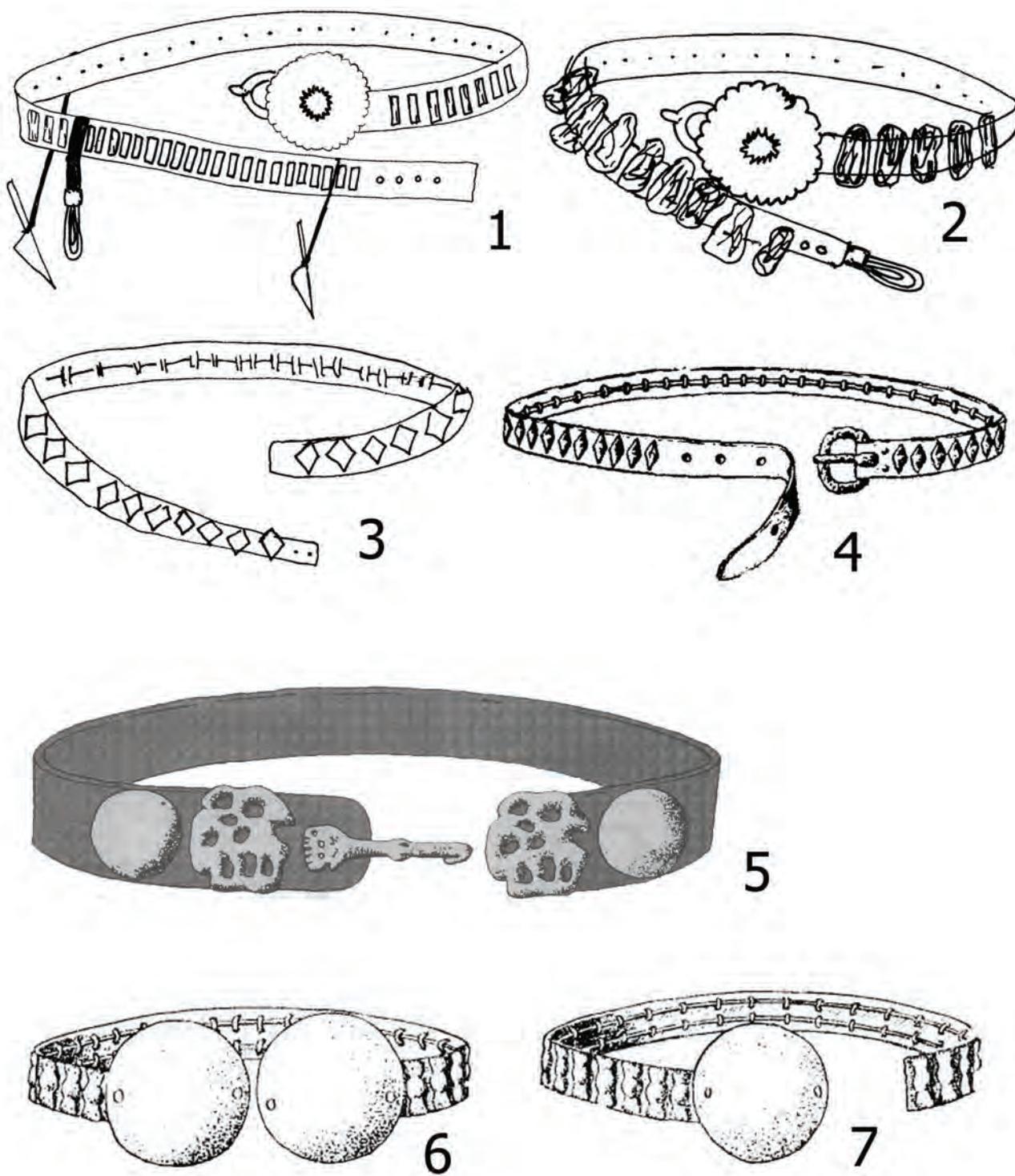

Рис. 14. Реконструкции кара-абызских поясных наборов: 1-3, 6, 7 – Охлебининский (п. 126, 248, 479, 21, 8); 4 – Шиповский ГМ; 5 – Шиповский КМ (Пшеничнюк, 1968.

Рис. 9, 11, 12; 1976)

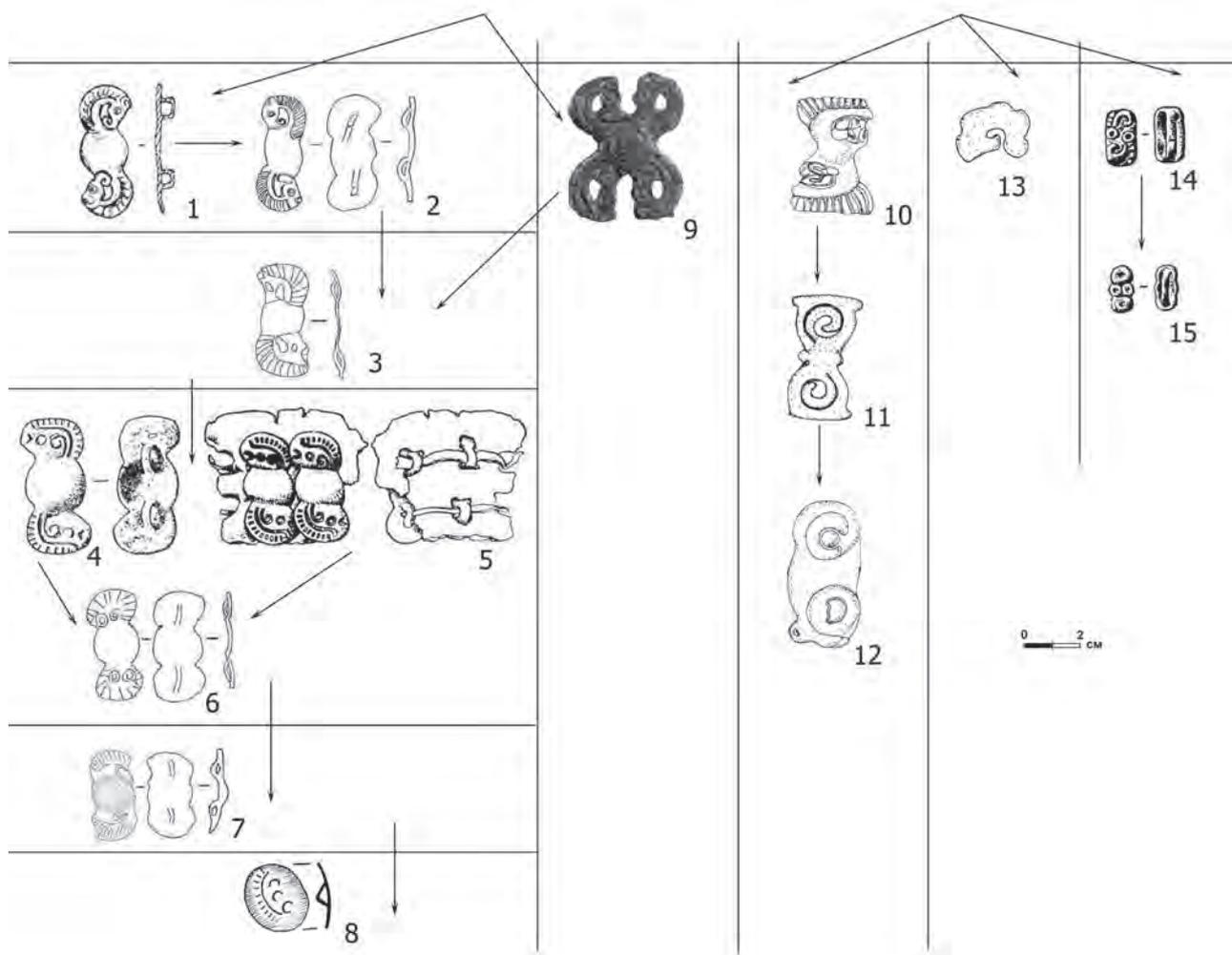

Рис. 15. Трансформация бронзовых накладок с изображением голов грифонов: 1, 3, 4, 9 – Охлебининский; 1 – п. 346/IV-80-82 (Пшеничнюк, 1993. Рис. 6, 15), 3 – п. 452/XI-80-82, 4 – п. 84(20)/II-65 (Пшеничнюк, 1968. Рис. 9, 8), 9 – ПМ; 2, 6, 7 – Ново-Уфимский/Галановский; 2 – ПМ/Ахм.-52-54, 6 – Галановский мог., п. 5 (60), 7 – п. 3/БГУ-68-71); 5, 8 – Шиповский ГМ; 5 – п. 23/VII-66 (Пшеничнюк, 1976. Рис. 29, 21), 8 – п. 259/XIII-93 (Овсянников и др., 2007. Рис. 64, 16); 10 – Биктимировский (ПМ); 11 – Кара-абыз-2 (п. 28/I-11); 12, 13 – гора Курмантау; 14, 15 – Шиповский КМ; п. 5/к.9/Гр.-67 (Пшеничнюк, 1976. Рис. 8, 26, 27); *бронза*

костюма и трансформируются на протяжении всех этапов существования кара-абызской культуры (Рис. 9).

В сакское время в VII-VI вв. до н. э. на территории Казахстана (Таиров, 2007. Рис. 6, 28, 29), Алтая (Давыдова, 1987. Рис. 1, 9, 10) в costume носителей ананьинской культуры (Халиков, 1977. Рис. 8, 14; Казаков, 1977. Рис. 2, 11; Патрушев, 1982. Табл. 111, 3а), а также в costume хуннов (Ведянин, 1996. Рис. 8, 16) появляются колоколовидные подвески с прорезными отверстиями по бокам или без них. Иногда на таких изделиях имеется выступающий язычок в виде «сапожка». Причем, ананьинское население использовало подвески в качестве

привесок к головному убору. В Шиповском могильнике две колоколовидные подвески найдены в районе черепа, что свидетельствует об их близости к ананьинским изделиям. По всей видимости, подвески данного типа появились в кара-абызской среде в IV-III вв. до н. э. под влиянием ананьинского населения.

Большинство типов бляшек и обойм также имеет ананьинское происхождение (Рис. 10, 11).

Таким образом, массовые элементы убранства (обоймы, пронизки, бляшки, подвески) костюма кара-абызского населения связаны с ананьинским компонентом в кара-абызской культуре.

Рассмотрим сами костюмные комплексы и их составные части: головной убор, поясные и шейно-нагрудные украшения.

В девяти погребениях кара-абызской культуры рядом с черепом найдены бляшки и обоймочки, что свидетельствует о наличии **головного убора** как такового (Рис. 12). Вероятнее всего, это были венчики с нашитыми на них бляшками или обоймами и трапезиевидными подвесками. Они найдены в Биктимировском (п. 7, 43, 46), Уфимском и Шиповском курганном могильниках и датируются IV-III и III-II вв. до н. э. Аналогичные налобные венчики имеются в ананьинском костюме (Збруева, 1952. С. 79; Патрушев, 1984. С. 33; Патрушев, 2010. С. 378).

Среди **шейно-нагрудных элементов убранства** костюма встречаются нашивные бляшки и украшения, спускающиеся от плеч к поясу, интерпретируемые А.Х. Пшеничнюком как «портупей» (Рис. 13). Вопрос о появлении последних остается открытым³, отметим лишь, что сами гофрированные обоймы (Рис. 11, 11), входящие в их состав, встречаются в ананьинской культуре (Патрушев, 1982. Табл. 59, 1л).

В погребениях кара-абызской культуры **поясные наборы** были широко распространены и являются культурным маркером кара-абызского населения. В женском костюме встречаются пояса, уложенные *in situ* на костяке или вдоль тела, состоящие из поясных дисковидных блях и накладок с противопоставленным изображением голов грифонов (Рис. 14, 6-7, 15). Их появление относится к IV-III вв. до н.э. В мужских же погребениях II в. до н.э. – II в. н.э. встречаются пояса, состоящие из прямоугольных накладок с резными треугольниками и ромбовидных накладок (Рис. 14, 1, 3-4).

Появление поясного набора именно в женском костюме кара-абызского населения – вопрос достаточно сложный. С одной стороны, схема расположения предметов повторяет женский головной ананьинский набор: в центре круглая бляха с четырьмя отверстиями, от которой в разные стороны отходят накладки с зооморфным изображением. При этом в одном из погребений Охлебининского могильника дисковидная была с четырьмя отверстиями, а в другом погребении на поясном наборе найдены две бляшки, аналогичные ананьинским. Кроме

того, из Старшего Ахмыловского могильника происходит мужской пояс с ромбовидными накладками (Патрушев, 1984. Рис. 27, 3), которые впервые появляются в ананьинской среде первоначально на головном уборе.

С другой стороны, традиция украшения поясов бляхами типа зеркал с двумя отверстиями имеет саяно-алтайское происхождение на более раннем этапе, о чем свидетельствует присутствие этой традиции в лесостепной тагарской культуре (Мартынов, 1979. Табл. 17). Сами поясные накладки с грифонами также имеют восточное происхождение, как и традиция укладывания поясов вдоль костяка: в Дэрестуйском могильнике именно в женских погребениях пояса найдены уложенными вдоль ног. Один из таких поясов состоял из двух крупных умбоновидных блях и мелких обойм (Давыдова, Миняев, 1993. Рис. 2). Из Казахстана происходит пояс с зооморфными накладками (Акишев, 1978. Рис. 21. С. 101, 102), а в Туве пояса с двух- и четырехговыми грифонами были популярны в эпоху раннего железа (Добжанский, 1990. С. 22).

Вероятнее всего, поясной набор сформировался как на местной ананьинской основе, трансформируясь из женского головного убора в поясной, так и под влиянием пришлых кочевников.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно с уверенностью говорить о том, что костюм кара-абызского населения сформировался на основе ананьинского костюма. Наиболее неизменными оставались массовые элементы убранства – обоймы, бляшки, накладки, подвески.

Датировка погребений с элементами убранства костюма, имеющими ананьинские истоки, позволяет утверждать, что архаичные костюмные комплексы встречены в Шиповском курганном (п. 1/к.4/1 гр.) и Охлебининском могильниках (п. 85/65г.) в погребениях IV в. до н.э. Отдельные элементы убранства (височные восьмеркообразные подвески, зооморфные крючки с изображением раскрытой пасти) распространены в Уфимском могильнике.

На данный момент исследования на основе анализа элементов убранства костюма, имеющих аналогии в ананьинской культуре, можно сделать вывод о том, что ананьинский компонент кара-абызской культуры наиболее ярко проявляется в IV в. до н.э. в южном ареале обитания носителей этой культуры

³ Автор статьи рассматривал этот вопрос в предыдущих работах (Воробьева, 2012).

(Шиповский курганный и Уфимский грунтовый могильники). Расположенные рядом ананьинские могильники – «Правая Белая» (АКБ, 1976. № 999), три погребения Ново-Уфимского могильника (Ахмеров, 1959), Старший Шиповский, на ул. Трактовой подтверждают этот вывод. Рассмотренные элементы убранства костюма наиболее близки костюмным комплексам, происходящим из могильников Старшего Ахмыловского, Зуевского и Таш-Елга ананьинской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство кочевников Азии. М., 1978.
- Альбом древностей мордовского народа. Саранск, 1941.
- АКБ. Археологическая карта Башкирии. М., 1976.
- Ахмеров Р.Б.* Новый Уфимский могильник ананьинско-пьяноборского времени // СА. 1959. № 1. С. 156-167.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л.* Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88-115.
- Воробьева С.Л.* Шейно-нагрудные украшения кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2012. С. 26-30.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегадинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.). // ВАУ. Вып. 10. Свердловск, 1970.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. – II в. н. э.). М., 1988.
- Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время. М., 1969. С. 109-127.
- Давыдова А.В., Миняев С.С.* Новые находки наборных поясов в Дырестуйском могильнике // Археологические вести. СПб, 1993. № 2. С. 55-65.
- Давыдова А.В., Миняев С.С.* Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 184-187.
- Добжанский В.В.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.
- Заседателева С.Н.* Отчет о работе археологической экспедиции краеведческого музея в 1987 г. // РА ИА РАН.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.
- Иванов В.А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // ТКАЭЭ. 2009. Вып. 6. С. 61-68.
- Казаков Е.П.* Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы // СА. 1977. № 3. С. 197-203.
- Казанцева О.А.* Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск, 2004.
- Корякова Л.Н.* Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Куприянова Е.В.* Тень женщины. Женский костюм эпохи бронзы как «текст» (по материалам некрополей Южного Урала и Казахстана). Челябинск, 2008.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. 1965. Вып. Д1-31.
- Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д. 1-10.
- Овсянников В.В.* Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006. С. 171-179.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.
- Овсянников В.В.* Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2006 году. Уфа, 2008 // Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.
- Овсянников В.В.* Отчет об археологических исследованиях Шиповского курганно-грунтового могильника в Иглинском районе Республики Башкортостан в 2008 году. Уфа, 2009 // Архив ИИЯЛ УНЦ РАН.

- Овсянников В.В., Яминов А.Ф.* Исследование могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 16-46.
- Патрушев В.С.* Марийский край VII-VI вв. до н. э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.
- Патрушев В.С.* Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья // СА. 1985. № 2. С. 173-195.
- Патрушев В.С.* Костюм волжских финнов как этнический показатель (по данным раскопок Старшего Ахмыловского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. I. Казань, 2010. С. 376-380.
- Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени. Казань, 2011.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
- Пшеничнюк А.Х.* Биктимировский могильник // АЭБ. 1964. Т. II. С. 215-231.
- Пшеничнюк А.Х.* Охлебининский могильник // АЭБ. 1968. Т. III. С. 59-104.
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. 1973. Т. V. С. 162-243.
- Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников // Древности южного Урала. Уфа, 1976. С. 35-149.
- Пшеничнюк А.Х.* Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху Бронзы и раннего железа. Уфа, 1983. С. 94-105.
- Пшеничнюк А.Х.* Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 32-61.
- Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа, 2007.
- Савельев Н.С.* Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: ММНК «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. С. 116-135.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура Кавказа // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время: Археология СССР. М., 1989. С. 252-267.
- Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н. э. Челябинск, 2007.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VII-VI вв. до н. э.). М., 1977.
- Худяков М.Г.* Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына в 1898 г. // Древности Оки и Камы. Вып. 2. Л., 1933. С. 5-12.
- Черных Е.М.* Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 76-97. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8)
- Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего железа. Кулайская культура. Томск, 1984.

ПОГРЕБЕНИЕ №28 ИКСКОГО МОГИЛЬНИКА: К ВОПРОСУ О РАННЕЙ ДАТЕ ПЬЯНОБОРСКИХ ПАМЯТНИКОВ

А.А. Красноперов (Ижевск)

The burial №28 of the Ikskiy cemetery: towards the issue on early date
of the Pyanyiy Bor monuments

A.A. Krasnoperov (Izhevsk)

В хронологическом отношении Прикамье выглядит удивительным «островом стабильности» – однажды сказанные даты не пересматриваются, да и не обосновываются. Конец ананьинской эпохи был назначен в IV в. до н.э., а начало пьяноборской – в III в. до н.э. Дата была просто названа, но никем и никогда (даже В.А. Ивановым, который, по его словам, уже давно всё обо всем написал) не доказывалась. В оправдание В.Ф. Генинганужно отметить, что смена культур на рубеже IV/III в. до н.э. соответствовала представлениям того времени о хронологии савромато-сарматской эпохи, а ранних закрытых комплексов известно не было. Появление даты «III в. до н.э.» обусловлено стремлением сомкнуть наиболее поздние ананьинские памятники с наиболее ранними пьяноборскими (ср.: Полин, Симоненко, 1997. С. 87). Это может быть объяснено желанием проследить преемственность происхождения современных народов от эпохи бронзы до этнографической современности, что приводит к необходимости искусственного расширения хронологических рамок культур (Еременко, 1997. С. 13).

Но с тех пор в сарматской хронологии произошли существенные изменения, которые, однако, никак не повлияли на Прикамье – «III в. до н.э.» и сейчас фигурирует как дата начала пьяноборской и кара-абызской культур.

Основы хронологической схемы Б.Н. Гракова (1947) – К.Ф. Смирнова (1964) были поставлены под сомнение С.В. Полиным и В.Ю. Зуевым. Этому способствовало и передатирование А.Ю. Алексеевым (2003) скифских комплексов с IV–III вв. до н.э. на IV в. до н.э. (Клепиков, 2002. С. 15). «Каковы бы ни были разногласия между этими позициями, ценным результатом дискуссии их сторонников следует признать тот факт, что существовавшая с конца сороковых годов

прошлого века четырехэтапная периодизация савромато-сарматских культур в настоящий момент перестала быть актуальной и отошла в область историографии» (Зуев, 2000. С. 75). Хотя сейчас *хиатус III в. до н.э.* постепенно начинает заполняться (Клепиков, 2000; 2002; Клепиков, Скрипкин, 2002), ключевое положение остается в силе – **четко и узко датированных именно III в. до н.э. вещей в сарматском мире не известно** (Полин, Симоненко, 1990. С. 93; Полин, 1992. С. 34; Клепиков, Скрипкин, 1997. С. 31; 2002. С. 49; Клепиков, 2002. С. 15; Медведев, 1997. С. 50, прим. 1; Абрамова, 1999. С. 99, 106; Глебов, 2002. С. 186, 190; 2005. С. 34; 2007. С. 64; 2009. С. 9, 20, 21). Соответственно, погребения этого века либо выделяются по сочетанию вещей («метод зажатых датировок»), либо легкой подгонкой фактов.

Самостоятельная хронология возможна в двух случаях: (1) при наличии письменных (желательно, местных) источников и/или развитого денежного обращения, либо (2) при наличии многочисленной серии естественнонаучных дат: дендрохронологической, радиоуглеродной шкал и пр. Ни того, ни другого в Прикамье нет. Следовательно, нет и независимой хронологии, а есть «зависимая» – зависящая от датировок привозных вещей, причем только в варианте *trq*. Для ананьинского времени таким вещами являются фракийские, кавказские и сакские, а для пьяноборского и постпьяноборского (мазунино, азелино; кроме самого финала) – сарматские (римские поступали опосредованно через тех же сармат). Соответственно, любые датировки, апеллирующие к устаревшей (позднее *обоснованно* пересмотренной) сарматской хронологии уровня середины XX в., бессмысленны и не представляют даже историографического интереса.

В Прикамье в настоящее время довольно много памятников пьяноборского облика, дата которых назначена с III в. до н.э.: Нырғындинский I, Чегандинский, Кушулевский могильники и пр. (Голдина, 1999. С. 206 и сл.; Останина, 2007(2008). С. 166 и сл.). Традиционная датировка основывается на происхождении эполетообразных застежек от ананьинских поясных крючков и на сарматских параллелях (Красноперов, 2009. С. 92), устоявшейся точке зрения о замене бронзовых наконечников стрел железными на рубеже III–II в. до н.э. и датировке застежек с неподвижным крючком. По мнению большинства исследователей, бронзовые наконечники стрел полностью заменяются железными во II в. до н.э. (Хазанов, 1971. С. 36). Но, как верно полагал В.А. Иванов (1985. С. 95) и убедительно доказал Б.Б. Агеев (1992. С. 74), колчаные наборы в Прикамье запаздывают и не могут служить надежным хроноиндикатором. То же наблюдается и в других регионах: железные трехлопастные черешковые стрелы на Северном Кавказе появляются не ранее I в. до н.э., а широко распространяются только в I в. н.э. (Гей, 1986. С. 73). В Северном Причерноморье они использовались с конца V в. до н.э. до II в. н.э. (Полин, 1992. С. 77, 78).

В действительности ситуация сложнее. Говорить о дате целых памятников – это уровень всё той же середины прошлого века¹. Речь может (должна!) идти о дате конкретных погребений. А поскольку прикамская хронология зависит от сарматской, имеет смысл обратиться к хронологическим индикаторам ранних сарматских комплексов. А из всего массива пьяноборских погребений рассматривать (вначале) только группу могил с привозными изделиями.

К ранним памятникам пьяноборской культуры относят Икский могильник. Основанием для этого явились:

1. «Большая округлая бусина из глухого темно-синего стекла, украшенная диагональными рядами глазков. Темно-синяя середина окружена белым кольцом. Описываемые бусы характерны для IV–II вв. до н.э.» (Ашихмина, Ключева, 1984. С. 51). «Зонная округлая бусина темно-синего цвета с диагональными рядами глазков по причерноморским аналогам датируется IV–III вв. до н.э.» (Арматынская, 1987. С. 37).

2. «Часты в засыпи погребений, межпогребальном пространстве и ямах

находки фрагментов керамики». «Аналогичная керамика широко распространена на позднеананьинских и пьяноборских памятниках Камско-Бельского междуречья» (Ашихмина, Ключева, 1984. С. 52).

3. «Восьмеркообразные проволочные прямоугольные и округлые в сечении, различных размеров, часто с напускными бусами и пластинками-подвесками ... хорошо известны по материалам ананьинских могильников – Уфимского и Зуевского» (Арматынская, 1987. С. 35).

Второй аргумент снимается тем, что памятник расположен на площадке Икского V селища ананьинского времени.

«Ананьинская» дата восьмеркообразных височных подвесок основана на серии замыкающихся в себе допущений. В.Ф. Генинг (1970. С. 52) ограничивается одним предложением: «восьмеркообразные височные подвески – украшение, типичное для ананьинской эпохи (Збруева, 1952б. С. 80)». Причем предметы, которые он называет «восьмеркообразными височными подвесками» (Генинг, 1970/1971. Табл. I, 15–18), таковыми вообще не являются. Рассмотрению этого типа А.В. Збруева посвятила два абзаца: «женские височные кольца ананьинской эпохи имеют вид восьмерок ... такие находились в пп. 43 и 183 Зуевского могильника и в пп. 14, 15, 22, 23 – Уфимского» (1952б. С. 80, 81). Находки в шести погребениях – несколько мало, чтобы считать их «типично ананьинскими» по В.Ф. Генингу.

Подвеска из п. 183 Зуевского могильника сильно отличается – это спирально закрученная подвеска (Спицын, 1933. Табл. VI, 32), и это единственная находка в погребении. Подвеска из п. 43 (Там же. Табл. VI, 28) не датирует даже саму себя. Вместе с ней найдена еще одна подвеска – в полтора оборота с «шишечками» на концах (Там же. Табл. VI, 4), являющаяся развитием типа 25 (Петренко, 1978. Табл. 24, 11–17). С VII в. до н.э. такие известны у греческих колонистов, но в скифскую среду проникают только с V в. до н.э. и распространяется лишь среди населения, жившего в непосредственной близости к греческим городам и подвергшегося эллинизации (Там же. С. 35). Скифские «оригиналы» Н.В. Тарасова датирует в рамках V–IV вв. до н.э. (2005. С. 520). В Зуевском могильнике подвески имеют литые (не съемные) окончания: существенное упрощение технологии и

¹ И никакая «корреляция» от этого не спасает.

формы позволяет датировать их не ранее IV в. до н.э.

Основанием для датировки А.В. Збруевой стали комплексы погребений к. 10 Частых курганов (Замятин, 1946. Рис. 26), к. XXXVII в Чигиринском р-не Киевской области (Бобринский, 1910а; 1910б)². Височная подвеска из Частых курганов найдена с бронзовым котлом, железными наконечниками стрел и зооморфным поясным крючком (Замятин, 1946. С. 36, 37, 39, Рис. 26, 27, 3, 7, 28). А.Ю. Алексеев кратко коснулся только ранней даты памятника – не ранее 2 пол. VI в. до н.э. (2003. С. 205). Больше внимание исследователей привлекал к. 3 – с серебряным сосудом, золотыми украшениями, оружием. Вся серия шаровидных металлических сосудов из скифских могил относится к сер. – 3 четв. IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин, 2005. С. 343; Трейстер, 2005. С. 519). Дата к. 10 определяется поясным крючком и бронзовым котлом. Крючок (Гуляев, 1969. Рис. 4) относится к группе с зеркально-симметричными «распластанными» изображениями (другая группа – с профильными изображениями) по декору морды³ близок крючку с городища Грохань (Збруева, 1952а. Рис. 21, 1) и из Новомордовских находок (Васильев, 2004. Рис. 10, 2). У последнего «неправильные» «уши» – их оформление повторяет декор «глаз» на крючке из к. 3 Частых курганов. Вся группа предметов может быть датирована не ранее середины IV в. до н.э.

Для датировки важна еще одна находка. К типу 26 височных украшений относятся подвески из к. 10 Частых курганов и п. 10/1958 Беглицкой косы (Петренко, 1978. Табл. 24, 20, 21). Причем в первом случае подвеска относительно маленькая, а во втором ее размеры гораздо ближе прикамским экземплярам. К.Ф. Смирнов опубликовал часть находок и план погребения (1984. Рис. 21, 7–13), где видно, что в комплексе присутствуют бусы типа 193д, по Е.М. Алексеевой (см. ниже) и гераклейская

² В последнем случае ссылка не верна, т.к. номера раскопанных А.А. Бобринским за этот год курганов больше четырехсот. В другой работе (Бобринский, 1905. С. 77, прим. 2) указано, что курганы I–CCCLXX опубликованы в работе «Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ м.Смелы. Т. 1–3», которая оказалась недоступной.

³ Спираль ноздрей продолжается вдоль крючка, создавая ось композиции, глаз в виде овального обода с точкой в центре, четыре четких поперечных линии на «щеках».

амфора (не опубликована). По чернолаковому канфару и амфоре Е.И. Савченко датировала комплекс сер. – 3 четв. V в. до н.э. (2005. С. 457).

В памятниках, относимых к кара-абызским, восьмерковидные подвески найдены в пп. 34 Охлебининского⁴ (Пшеничнюк, 1968. Рис. 6, 3; 1993. Рис. 4, 2), 14 (Овсянников., Яминов, 2003. Рис. 9, 4), 15, 22, 23, 24 Уфимского, п. 'Б' Шиповского (Овсянников, Савельев, Акбулатов, Васильев, 2007. Рис. 26, 3) могильников. В двух погребениях найдены гривны в 1,3 оборота, в четырех – многовитковые⁵ спиральные перстни, в четырех – поясные крючки. Наибольший интерес представляет п. 15 Уфимского могильника, в котором найдены 4 восьмеркообразные подвески, 2 экз. темно-синих глазчатых бус, «прямоугольная» гешировая бусина, бронзовый браслет в 1,5 витка, зооморфные накладка и подвеска (?). На накладке пара обращенных друг к другу зверей с орлиными клювами, круглыми «медвежьими» ушами, когтистыми лапами держат «стебель» (Рис.1). Аналогичные найдены в Охлебининском (сборы) и Уфимском (п. 13) могильниках. В последнем найдены поясной крючок в виде трэф, спиральновитой перстень и накладка в виде «оленя» с гривой из S-видных спиралей (Овсянников, Яминов, 2003. Рис.8, Б). Вполне очевидно, что погребения образуют монолитную группу (Рис.2), для которой характерны гривны в 1,3–1,5 оборота, многовитковые перстни, поясные крючки, браслеты в 1,5 оборота, зооморфные накладки с парными животными у «стебля» и в виде «оленя» с гривой из S-видных спиралей. **Но оснований для датировки, в общем, нет.** Из п. 15 Уфимского могильника еще две находки обращают на себя внимание: три фрагмента пьяноборских поясных накладок прямоугольной формы с двумя рядами треугольников⁶ по длинной оси и накладка с изображением хищника⁷.

Для установления нижней даты пьяноборской археологической культуры важны находки бус (Красноперов, 2009. С. 92, 93). Из общего массива легко выделяются глазчатые бусы, к сожалению,

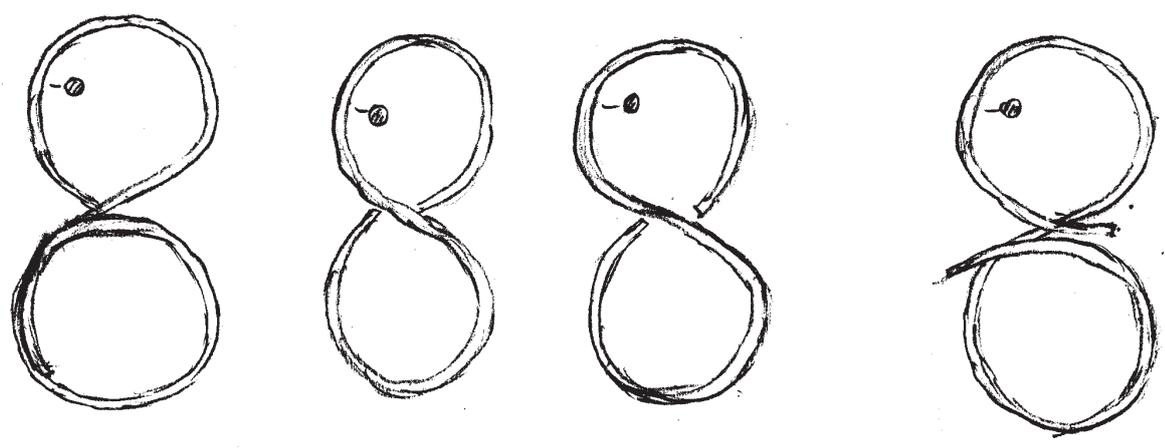
⁴ С.Л. Воробьева указывает находки в Охлебинино, пп.37,85,88, 4/1-80-82 (Воробьева, 2012д, Табл.17, 18).

⁵ Или с рифлением, имитирующим витки.

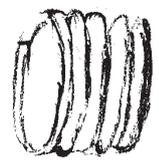
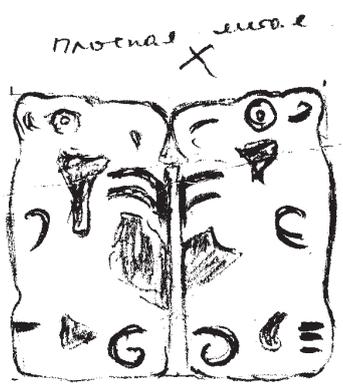
⁶ Они должны стать предметом интереса самостоятельной работы.

⁷ См. Тарасовское селище-святилище (Голдина и др., 2013, Табл.24)

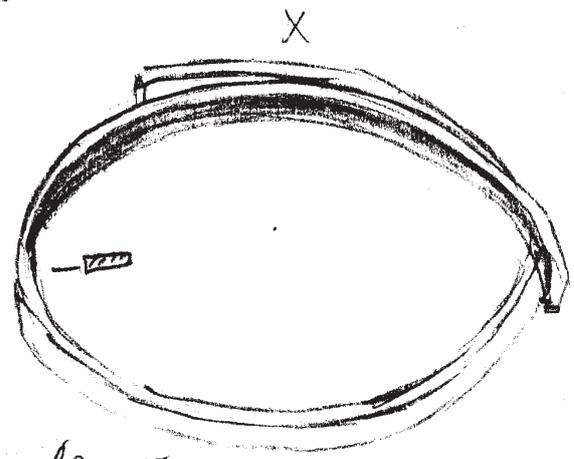
П. 15 Уфим. м-к

бляшка в звездчатом
сечении, с выемкой
сторонах. боковая
изгибная.

- несколько
цилиндрических
из круглого металла
в 5 штук

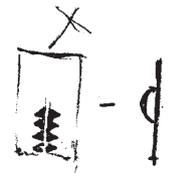
браслет.

7 бусинок

Триглы - 2 шт.
с выемкой
ободками

- 3 обломки

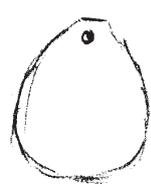
2 гранов
кадди

8-0
- 2 шт.
обоймы

0-0
- обоймы
2 шт.

14 шт.
Трансы.
штыки

1 шт.

1 шт.

прелезы
штыки,
буса

Рис. 1. Уфимский могильник, п. 15 (рис. Б.Б. Агеева; Архив КАА).

датированные достаточно широко, IV–II вв. до н.э. Значительным своеобразием и более узкой датой отличаются бусы-подвески, фигурирующие в публикациях как «бусы в виде стилизованных сосудиков», «каплевидные», «кеглевидные», «антропоморфные» – тип 193 (Алексеева, 1978. С. 74). В этом плане наибольший интерес представляет погребение 28 Икского могильника (Приложение).

Дата Е.М. Алексеевой бус-подвесок т.н. кеглевидной формы (тип 193д) основана на материалах п. 10/1958 Беглицкого некрополя и к. 3/п.2 мог. Бранное поле с гераклеями клейменными амфорами – IV–III вв. до н.э. (1978. С. 74, 76). К тому же времени относятся находки в Кульчук, п.1/скоп.А/1973 (Дашевская, 1978. С. 208, Рис. 7, 3), Гайманово поле, к. 16, 27/п.4 (Тереножкин, Ильинская, Мозоловский, 1977. Рис. 13, 20, 37, 11), Сладковский, к. 4/п.1 (Смирнов К.Ф., 1982, рис.9, 1; 1984. С. 64/65, вклейка), Кошарки 1 (Турья-Горобинец), к. CDLX (Бобринский 1906. Рис. 8).

Сводка находок⁸ позволила В.М. Клепикову и А.С. Скрипкину уточнить их дату для Поволжья и Приуралья: «Гераклеийские амфоры с клеймами IV–V групп, по классификации И.Б. Брашинского, определены в границах конца IV – I четв. III в. до н.э. (1980. С. 39). М.Г. Мошкова отметила их нахождение в комплексе IV в. до н.э. в Приуралье (1963. Табл. 31, 30, 31). Этот вывод подтверждается другим сопутствующим инвентарем раннесарматских погребений Приуралья и Нижнего Поволжья (Мошкова, Кушаев, 1973. Рис. 4, 5; Смирнов, 1975. Рис. 31, 1, 2; Железчиков, Фалалеев, 1995. Рис. 16, 5, 6; Яблонский и др., 1996. Рис. 70, 7; Мещеряков, 1996. Рис. 13, 12). Не позже рубежа IV–III в. до н.э. датируются эти бусы и в комплексах кобанской культуры на Кавказе (Козенкова, 1982. С. 63, 65, табл. XXXIX, 34). Таким образом, **бусы-подвески в виде сосудиков кеглевидной формы типа 193д могут служить хроноиндикаторами для выделения раннесарматских комплексов IV – начала III в. до н.э. Следует также отметить, что ни в одном погребении II–I вв. до н.э. такие бусы уже не встречаются** (Клепиков, 2002. С. 94, 95; Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 52).

Всё так, но варианты этого типа бус отличаются расположением канала отверстия.

⁸ Лятошинка, к. 5/п.10, Гр. Мошкова, к. 3/п.3, Кривая Лука XVI, к. 10/п.2, Тузлуки, к. 5/п.2 (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 57).

В варианте 193д – канал расположен в широкой части, в основании, а у варианта 193г – в узкой, верхней. И этот вариант имеет совершенно иную дату.

Комплексы с такими бусами немногочисленны. Их список приведен Е.М. Алексеевой: Тиритака, п. 2/1933; Херсонес, п. 41/1910, 222/1910; Горгиппия, пп. 44/1955, сбор; Пантикапей, пп. 14/1859, 147/1905; Фанагория, п. 63/1964; Тузла, ск. III/кам.1/1961; Танаис, пп. 181/1961, 207/1963, 236/1966 (1975. Табл. 18, 4; 1978. С. 74, табл. 34, 39; Арсеньева, 1977. С. 21, 22, 24, 33–36, табл. XLVI; Толочко, 2004д. Рис. 9, 7, 16, 5; Толочко I.V., 2005, p.167, fig.4, 5). Вариант датирован II–I вв. до н.э. Позже к ним добавились находки: Бережновский II, к. 85/п.2⁹ (Синицын, 1960. Рис. 31, 3), Раевский, п. 63 (Юго-Восточная периферия, 2007. С. 97, 222, 223, Рис.110, 8), Цемдолина, п. 28 (Аспургиане, 2008. С. 51, 52, Рис. 42, 1, 119, 34, 124, 1), Кульчук, п. 4 (Дашевская, Голенцов, 1982. С. 94, 95, Рис. 3, 5), Бельтинский II, клад (Виноградов, 1986. С. 85, Рис. 32, 33), Александровский, к. 7/п.2 (Смирнов, 1984. Рис. 41, 2)¹⁰.

Бусы типа Алексеева-193г встречены в пп. 28, 31, 66 Икского могильника (Рис.5) и комплексах кара-абызской культуры¹¹, где А.Х. Пшеничнюк (1973. С. 179) указывает 21 экз. (трех совершенно разных типов), один из которых относится к рассматриваемым (Пшеничнюк, 1964. Рис. 5, 35; 1973. Рис. 6, 41n). В том числе, из п. 39 Биктимировского I могильника (Пшеничнюк, 1973. Рис. 10) (Рис.4) и к. 4/п.1 Шипово-I (Пшеничнюк, 1976. Рис. 6, 6) (Рис.3).

Нижняя граница бытования таких бус исключает возможность двойственной (ананьино? пьяноборье?) трактовки. Нахождение в пп. 28 и 31 Икского могильника

⁹ Комплекс отнесен В.М. Клепиковым к III в. до н.э. (2002. С. 102, табл. 2, 19), но без объяснений.

¹⁰ Находки известны и далеко на Востоке: Красный Яр (Вадецкая, 1999. Рис. 86), Знаменский клад (Там же. Рис. 87), Бике I, к. 37 (Кубарев, 2001. Рис. 7; Кирюшин, Степанова, 2004. Рис. 42, 17). Но эти комплексы датирующих вещей не содержат, и их хронология определяется по бусам (Вадецкая, 1999. С. 173; Подольский 2002. С. 233).

¹¹ Там так же III в. до н.э. существует только номинально. Имеющаяся лакуна позволяет рассматривать памятники 2 пол. V – кон. IV в. до н.э. («кара-абыз А»), которые ближе ананьинским, и II в. до н.э. – нач. IV(?) в. н.э., собственно «кара-абызские» («кара-абыз Б»), в качестве самостоятельных.

Рис. 2. Комплексы, связанные с восьмерковидными височными подвесками в кара-абызских погребениях. 1, 2 – Уфимский, п. 22, 23 (рис. Б.Б. Агеева; Архив КАА); 3 – Охлебининский, п. 34 (Пшеничнюк, 1968. Рис. 6, 2, 3, 10, 17, 18, 23, 24); 4 – Уфимский, п. 14 (Овсянников, Яминов, 2003. Рис. 9, А); 5 – Уфимский, п. 13 (Там же. Рис. 8, Б); 6 – Уфимский, п. 24 (рис. Б.Б. Агеева; Архив КАА; Там же. Рис. 10, Г-1).

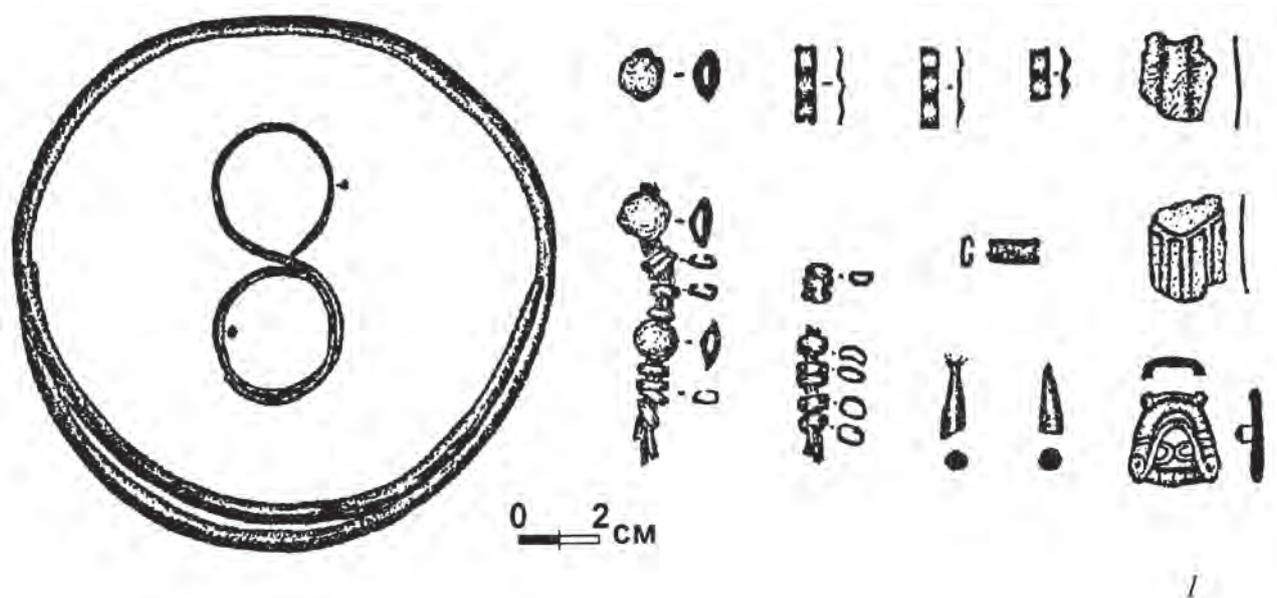

Рис. 3. Комплексы погребений Шиповского могильника. 1 – п. 'Б' (Овсянников и др., 2007. Рис. 26, 3); 2 – к. 4/п.1 (Пшеничнюк, 1976. Рис. 6, б).

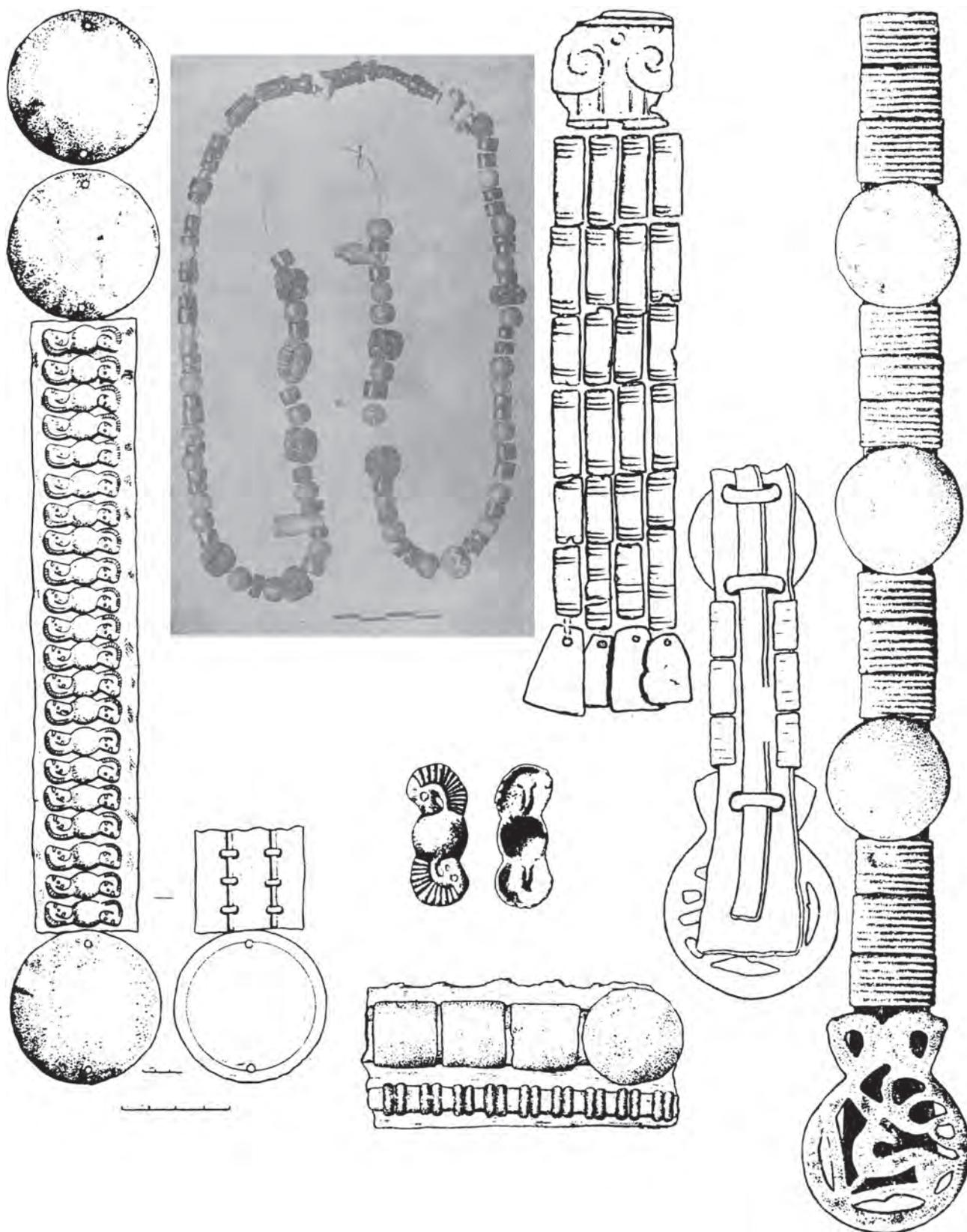

Рис. 4. Биктимировский могильник, п. 39 (Пшеничнюк, 1964. Рис. 2, 1, 5, 3, 1, 8, 11; 1973. Рис. 10).

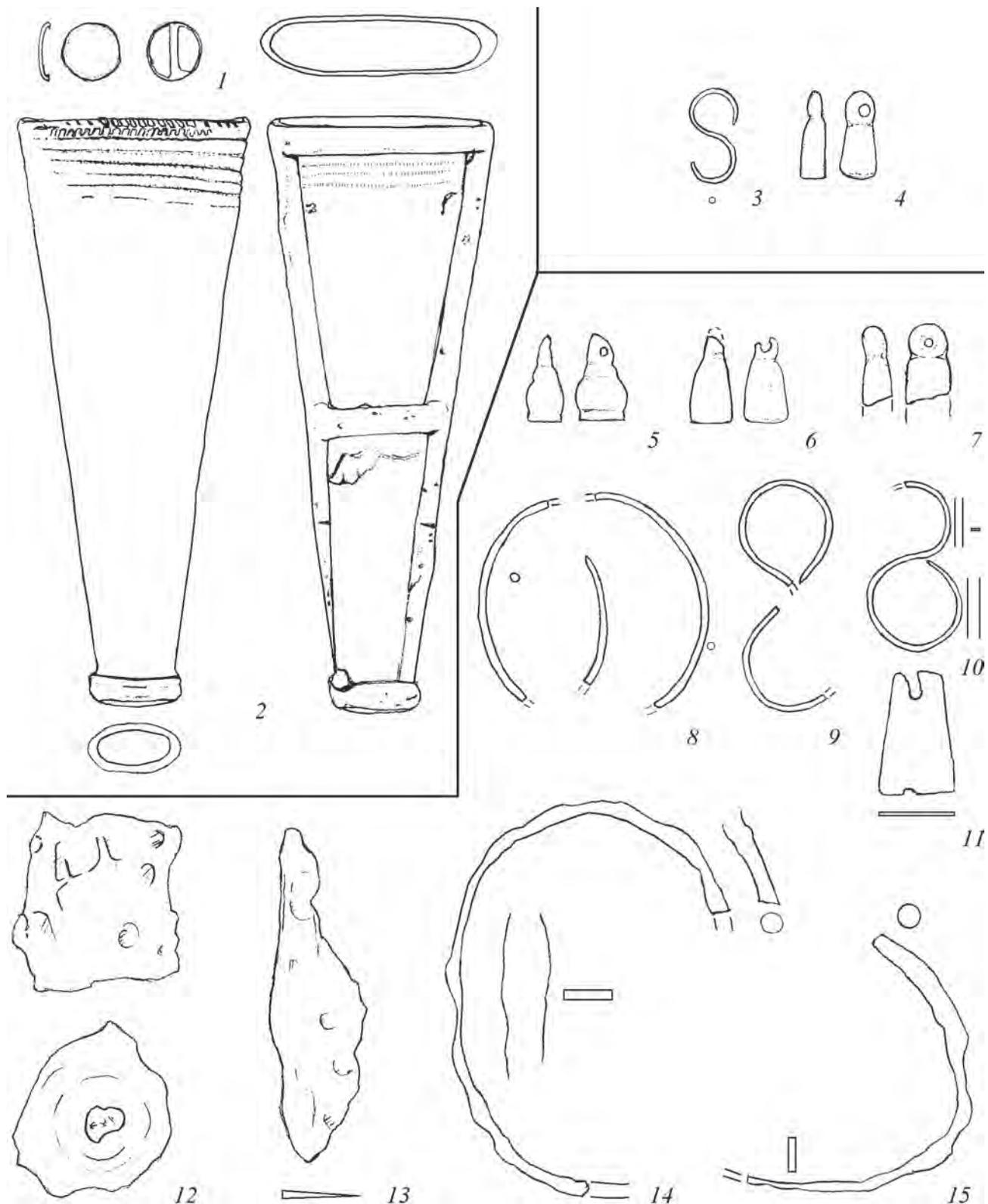

Рис. 5. Комплексы погребений Икского могильника. 1, 2 – п. 45; 3, 4 – п. 66; 5–15 – п. 31 (рис. КАА)
 12 - сильно окисленная втулка, не определима.

Рис. 6. Возможные прототипы ножен из Икского могильника (п. 45). 1 – Ик, п. 45; 2 – Ст. Ахмыловский, п. 465 (Пагрушев, Халиков, 1982. Табл. 76, 16); 3, 4, – Неаполь Скифский, п. 4 (Сымонович, 1983. Табл. XXXVIII, 37, 38); 5 – Битак, п. 170 (Пуздровский, 2007. Рис. 33, II-8); 6 – Тавель, к. 1 и 2 (Дашевская, 1991. Табл. 62, 7); 7 – Битак, п. 99 (Пуздровский, 2007. Рис. 33, II-6); 8 – Неаполь Скифский, мавзолей (Дашевская, 1991. Табл. 62, 8); 9 – Битак, п. 97 (Пуздровский, 2007. Рис. 34, 17); 10 – Беляус, склеп 39/п. III (Дашевская, 2001. Рис. 2, 18); 11 – Долиняны, п. 55 (Смирнова, Мегей, 2000. Рис. 7, 55a); 12 – Неаполь Скифский, п. 45 (Сымонович, 1983. Табл. XXXVIII, 41); 13 – Неаполь Скифский, п. 67 (Сымонович, 1983. Табл. XXXVIII, 40); 14 – Долиняны, п. 18 (Смирнова, 1981. Рис. 7, 4); 15, 19 – Капак-Таш, к. 1/кам.ящ.3 (Пуздровский, 2007. Рис. 52, 2, 3); 16, 17, 18 – Битак, п. 305 (Пуздровский, 2007. Рис. 36, I-4,8,9); 20 – Неаполь Скифский, п. 37 (Зайцев, 2001. Рис. 6, 6); 21 – Верхний, к. 1/п.3 (Марченко, 1996. Рис. 83, 11); 22 – Битак, склеп 1979 г. (Пуздровский, 2007, Рис. 32, 4); 23 – Ленковцы, к. 3 (Симоненко, 2011. Рис. 5, 4); 24 – Долиняны, п. 36 (Каспарова, 1993. Табл. XXX, 10).

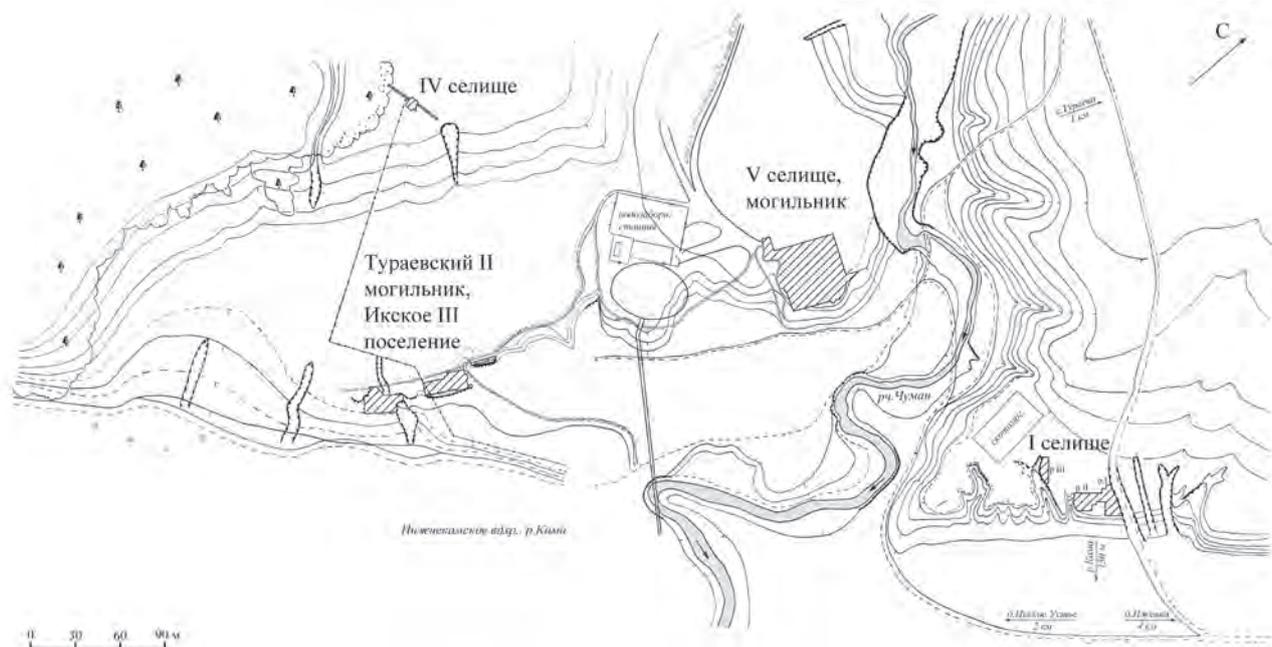

Рис. 7. Относительная топография Икской группы памятников.

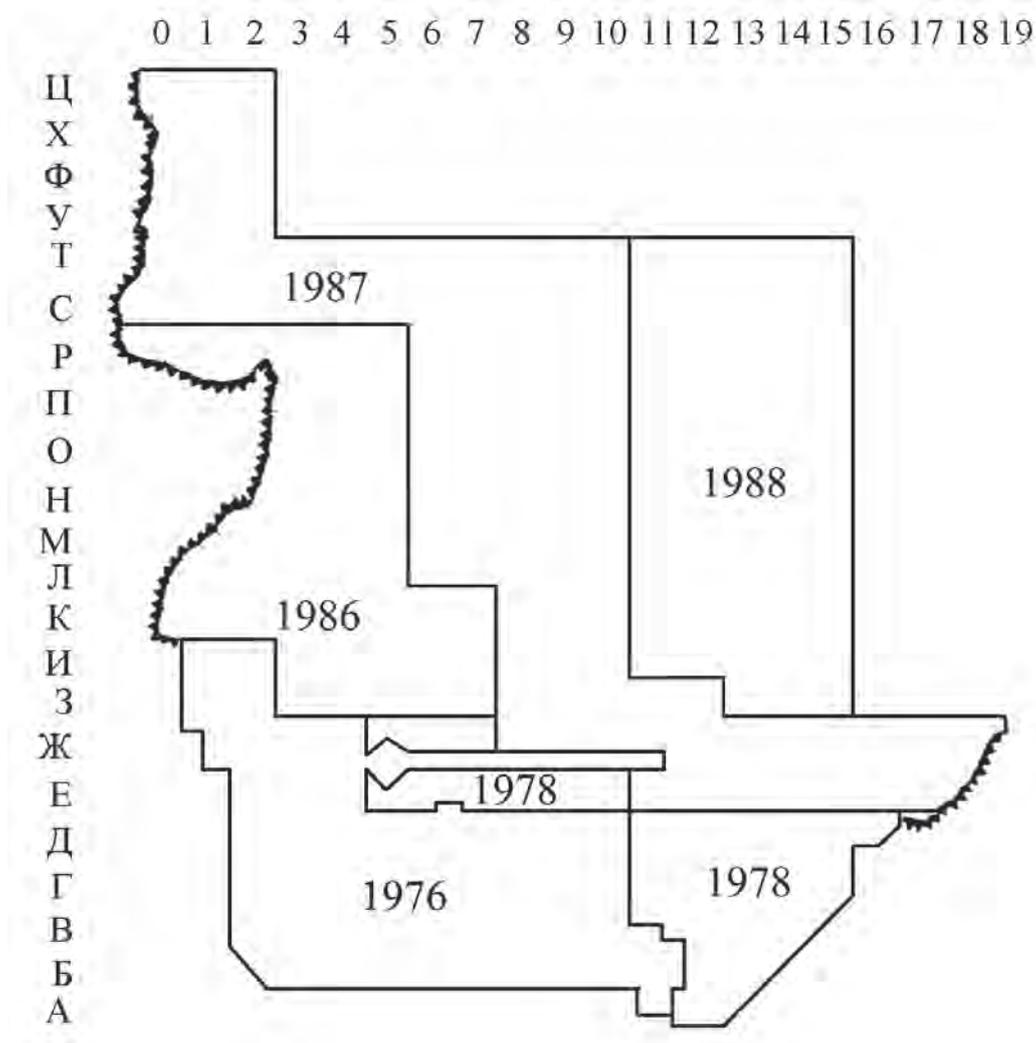

Рис. 8. Схема раскопов на Икском могильнике.

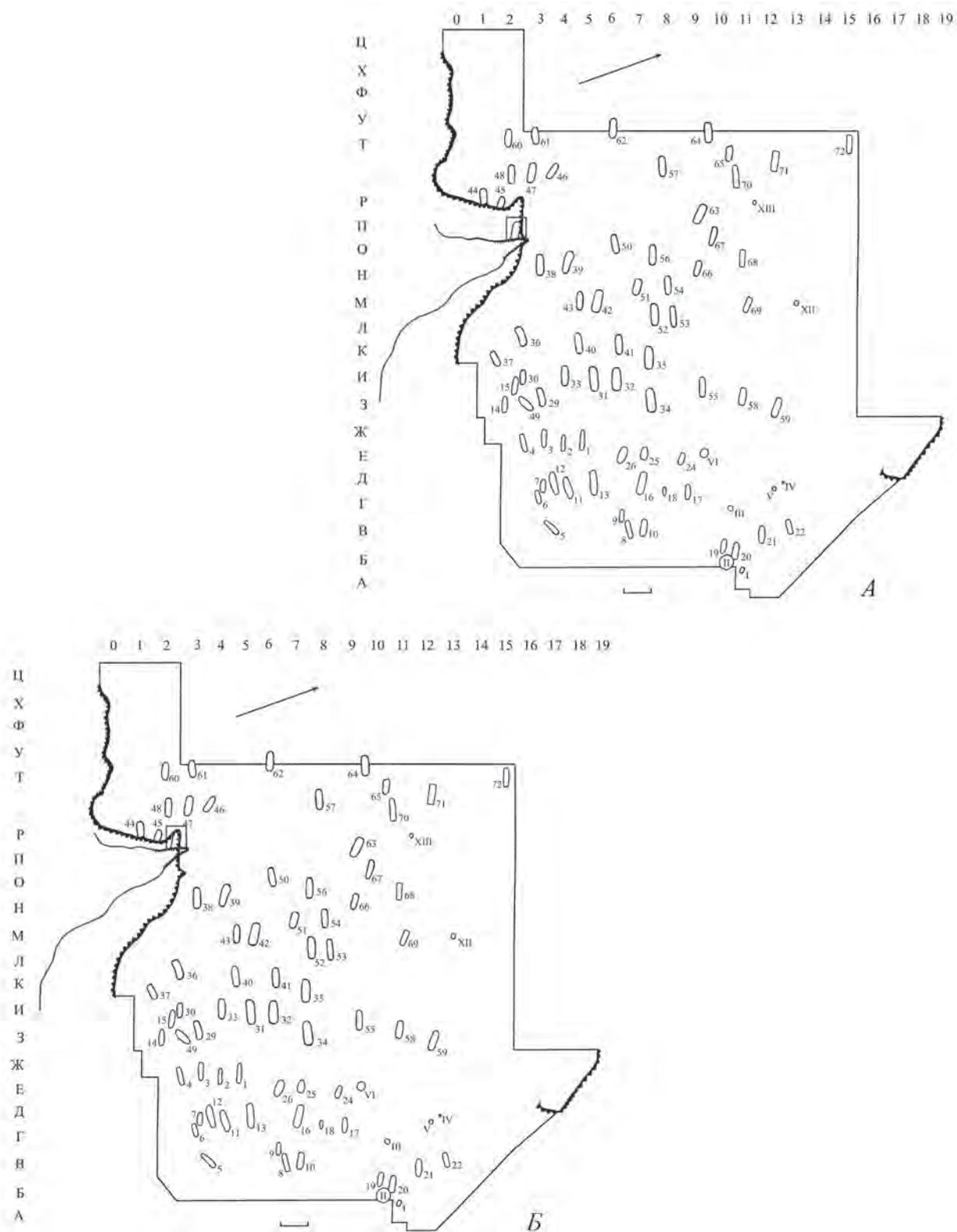

Рис. 9. Варианты расположения п. 28 на плане Икского могильника.

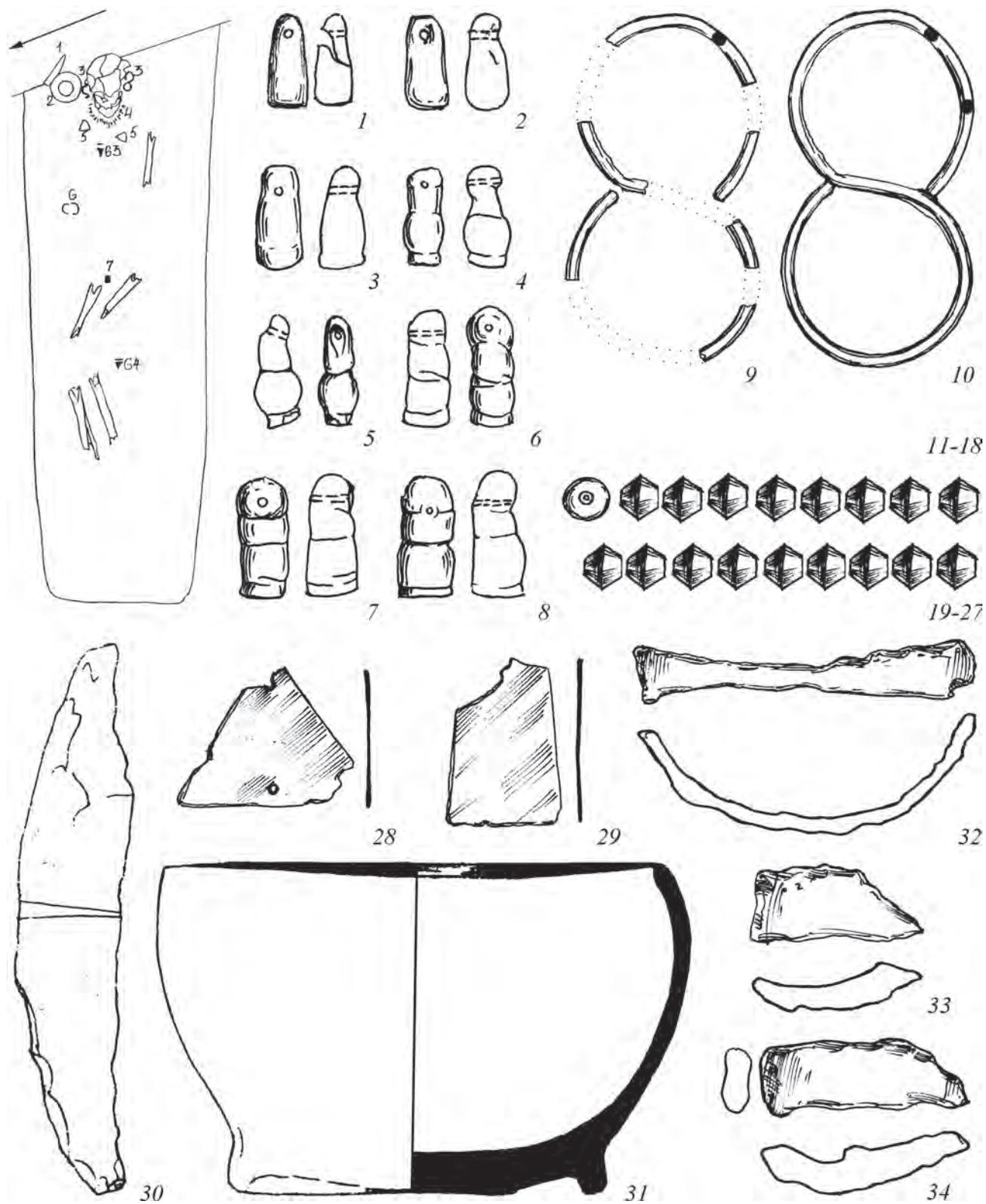

Рис. 10. Икский могильник, п. 28 (рис. КАА; план – Решетников Н.Л., 1985 г.).

совместно с восьмеркообразными височными подвесками позволяет продлить и время бытования последних на II в. до н.э.

Еще одна находка – из п. 45 Икского могильника – может иметь раннюю дату. Речь идет о ножнах. В обобщенном варианте пьяноборские ножны можно разделить на одинарные и двойные; они могут быть цельными и составными – различные варианты бытуют, вероятно, на всей хронологической протяженности культуры. Но ножны такой конструкции имеют прототип, имеющий четкую датировку.

Форма ножен в виде уплощенного конуса известна и в скифское время (Makhortukh 2008. P. 3, 7–9). В Волго-Уралье самая ранняя находка такой формы – из п. 465 Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 76, 16). По С.Н. Коренюку (2000. С. 75), могила относится ко второй стадии ананьинской культуры (VIII – рубеж VIII/VII в. до н.э.) – по кельту с зигзагом (1а) и бляшке (1о). Декор ножен и рукоятей кинжалов такого типа рассмотрела В.И. Козенкова, отнеся вариант с двумя рядами кольчатого орнамента ко второй стадии развития, рубежу VIII/VII в. до н.э. (1975. С. 101). Но кроме близости внешнего вида их с пьяноборскими ничего не связывает.

Начало периода бытования ножен *такой формы и конструкции* (Рис.6) определяется находками в комплексах Крымской Скифии. Инвентарь из гробницы №37 Неаполя Скифского относится ко 2 пол. II в. до н.э., а реконструируемая Ю.П. Зайцевым точная дата захоронения – 114-113 гг. до н.э. (2001. С. 43, 46, Рис. 6, 6). Бронзовые ножны найдены в склепе 39/п. III Беляуса, которое по керамике датировано не ранее II в. до н.э., а верхняя дата завершения захоронений в склепе, по фибуле неапольского варианта при п. VII, отнесена к последней четверти II – рубежу II/I в. до н.э. (Дашевская, 2001. С. 93, 94, Рис. 2, 18). Ножны этой группы также найдены в Битаке, Капак-Таше (Пуздровский, 2007. С. 72, Рис. 32, 4, 33, II-6, 34, 17, 36, I-4, 8, 9, 37, II-8, 52, 2, 3), Тавеле, Неаполе Скифском (Сымонович, 1983. Табл. XXXVIII, 37, 38, 40, 41; Дашевская, 1991. Табл. 62, 7, 8) с фибулами среднелатенской схемы «зарубинецкого» и неапольского вариантов (Пуздровский, 2007. С. 80, 81) 2 пол. II – 3 четв. I в. до н.э., в Капак-Таше – до конца I в. до н.э. (Там же. С. 82), вероятно, в Верхнем, к. 1/п.3 (Марченко, 1996. Рис. 83, 11).

В памятниках типа Поянешти-Лукашевка – могильник Долиняны (Смирнова, 1981, Рис.7, 4; Каспарова, 1993, табл. XXX, 10; Смирнова, Мегей, 2000, Рис.5, 36, 7, 55a) – датируются второй половиной I в. до н.э.¹² К.В. Каспарова и А.В. Симоненко считают близкие по форме (нос «кнопкой» – «шишечкой» снизу) экземплярами наконечников ножен гладиусов типа Майнц-Фулхэм, являвшихся основным оружием римской пехоты кон. I в. до н.э. – сер. I в. н.э. (Смирнова, Мегей, 2000. С. 170, 171; Симоненко, 2011. С. 19, Рис. 5, 4).

Но указанные интервалы свидетельствуют лишь о начальной дате, ранее которой ножны такого типа не могли появиться в памятниках Прикамья¹³.

Список погребений II в. до н.э. не должен исчерпываться этими. Необходимо рассмотреть комплексы с оружием с кольцевым и «серповидным» навершием, еще с некоторыми диагностирующими категориями, но этот вопрос требует самостоятельного изучения. Но основания для датировки пьяноборских памятников ранее II в. до н.э. мне не известны.

«Отсутствие» комплексов развитого III в. до н.э. не означает, что их нет. Это значит только, что древности этого периода не выделяются из общего массива, «поскольку лишь со 2 пол. II в. до н.э. начинает отсчет большинство хроноиндикаторов» (Клепиков, Скрипкин, 2002. С. 67), что обусловлено в III в. до н.э. нестабильностью (климатической – ?) обстановки, приведшей к нарушению устойчивых экономических связей между античным миром, кочевниками и населением лесной зоны. В этом может помочь «метод узких датировок», как назвал его М.Б. Щукин (1978), или «метод зажатых датировок», как назвал его В.М. Клепиков. Ранние пьяноборские комплексы находят много общего с поздними ананьинскими (по С.Н. Коренюку)¹⁴. Их объединяют особенности погребального обряда (уголь, зола в могилах), общая бедность инвентаря (в сравнении с предыдущим и последующим временем) и т.д.

¹² А также: Малокопаньский, п.16, компл.5 (Котигорошко, 2008, рис.4, 4, 5; 2009, рис.14, 1, 18, 2, 24, 3/1, 7, 8; 2010, рис.9, 2) [прим. 12.2014 г.].

¹³ Уже после подготовки статьи вышла в свет еще одна публикация Пильницкого могильника, в которой О.А. Радюш пришел к схожим выводам о генезисе таких ножен (Зубов, Лифанов, Радюш, 2011. С. 18).

¹⁴ Ср.: Коренюк С.Н., 2012

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М.П.* О некоторых спорных вопросах хронологии раннесарматской культуры // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 98–107.
- Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Алексеев А.Ю.* Хронография европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. (САИ. Вып. Г1-12)
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. (САИ. Вып. Г1-12)
- Арматынская О.В.* Новые исследования Икского могильника в устье р. Ик // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988. С. 31–42.
- Арсеньева Т.М.* Некрополь Танаиса. М., 1977.
- Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя.* М., 2008.
- Ашихмина Л.И., Ключева Г.Н.* Икский могильник – новый памятник пьяноборской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. С. 44–53.
- Бобринский А.А.* Отчет о раскопках близ с.Журовки и Капитановки Чигиринского у. Киевской губ. в 1904 г. // ИАК. 1905. Вып. 17. С. 77–98.
- Бобринский А.А.* Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1905 г. // ИАК. 1906. Вып. 20. С. 1–16.
- Бобринский А.А.* Исследования в Чигиринском у. Киевской губ. в 1907 г. // ИАК. 1910а. Вып. 35. С. 48–60.
- Бобринский А.А.* Отчет о раскопках в Чигиринском у. Киевской губ. в 1908 г. // ИАК. 1910б. Вып. 35. С. 61–85.
- Брашинский И.Б.* Греческий керамический импорт на нижнем Дону в V–III вв. до н.э. Л., 1980.
- Вадецкая Э.Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999.
- Васильев С.А.* Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // АВ. 2004. Вып. 11. С. 275–297.
- Виноградов В.Б.* Клад второго Бельтинского могильника // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 84–87.
- Воробьева С.Л.* Типология элементов убранства костюма кара-абызского населения эпохи раннего железа (IV в. до н.э. – IV в. н.э.): Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2012д.
- Гей О.А.* Погребение сарматского времени у х.Малаи // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 73–76.
- Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Часть I. Ижевск-Свердловск, 1970. (ВАУ. Вып.10)
- Глебов В.П.* Еще раз о проблеме III до н.э. // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: ММНК. Ч. 2. СПб., 2002. С. 186–197.
- Глебов В.П.* О некоторых проблемах хронологии раннесарматской культуры Нижнего Подонья // НАВ. 2005. Вып. 7. С. 34–50.
- Глебов В.П.* Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II. Волгоград, 2007. С. 59–82.
- Глебов В.П.* Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.
- Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А.* Тарасовское святилище раннего железного века в среднем Прикамье / МИ КВАЭ. Т.26. Ижевск, 2013.
- Граков Б.Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) // ВДИ. 1947. № 3. С.100–121.
- Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // МИА. 1969. № 151. С. 109–127.
- Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму. М., 1991. (САИ. Вып. Д.1-7)
- Дашевская О.Д.* Земляной склеп № 39 в Беляусском некрополе // ТГИМ. 2001. Вып. 118. С. 87–95.

- Дашевская О.Д., Голенцов А.С.* Кульчукский курган-кенотаф // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 90–96.
- Еременко В.Е.* «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. Опыт реконструкции этнополитических процессов III–I вв. до н.э. в Центральной и Восточной Европе. СПб., 1997.
- Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В.* Раскопки у с. Ляточкина // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995. С. 23–61.
- Зайцев Ю.П.* Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // ТГИМ. 2001. Вып. 118. С. 13–58.
- Замятин С.Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской УАК в 1910–1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.
- Збруева А.В.* Городище Грохань // КСИИМК. 1952а. Вып. XVI. С. 52–64.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952б. (МИА. № 30)
- Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А.* Новые памятники писеральско-андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение) // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. 2011. № 1. С. 13–30.
- Зуев В.Ю.* К вопросу о выделении памятников III в. до н.э. в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара, 2000. С. 75–86.
- Иванов В.А.* О времени функционирования могильников эпохи раннего железа в Приуралье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 85–99.
- Каспарова К.В.* Периодизация и хронология / Культура Поянешти-Лукашевка // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.: Археология СССР. М., 1993. С. 90–92.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул, 2004.
- Клепиков В.М.* К вопросу о проблемах хронологии раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 2. Самара, 2000. С. 87–94.
- Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С.* Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // Сарматы и Скифия: Сборник научных докладов III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1997. С. 28–40.
- Клепиков В.М., Скрипкин А.С.* Хронология раннесарматских памятников нижнего Поволжья // НАВ. 2002. Вып. 5. С. 47–81.
- Козенкова В.И.* К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Studia Thracica. 1. Фрако-скифские культурные связи. София, 1975. С. 91–102.
- Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. М., 1982. (САИ. Вып. В2-5)
- Коренюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // ТГИМ. 2000. Вып. 122. С. 68–79.
- Коренюк С.Н.* Могильник «Протасы» // Тр. КАЭЭ. Вып. VIII / Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации. ПГГПУ, 2012. С. 143–155.
- Красноперов А.А.* К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: Сборник к 70-летию П.Н. Старостина. Казань, 2009. С. 92–105. (Серия “Археология евразийских степей”. Вып. 10)
- Кубарев В.Д.* Бике I, III: погребальные памятники скифской эпохи средней

- Катуни // Древности Алтая. № 7. Горно-Алтайск, 2001. С. 120–145.
- Марченко И.И. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений нижней Кубани). Краснодар, 1996.
- Медведев А.П. Новые материалы о финале лесостепной Скифии // Сарматы и Скифия: Сборник научных докладов III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1997. С. 50–66.
- Мещераков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на р. Илек // АПО. 1996. Вып. 1. С. 44–67.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.
- Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. (САИ. Вып. Д1-10)
- Мошкова М.Г., Кушаев Г.В. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 258–268.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.
- Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 гг.) // УАВ. 2003. Вып. 4. С. 16–57.
- Останина Т.И. Пьяноборская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.) // История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. Ижевск, 2007(2008). С. 166–184.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII–V вв. до н.э. М., 1978. (САИ. Вып. Д4-5)
- Подольский М.Л. Знаменский клад из Хакасии // Клады: состав, хронология, интерпретация. СПб., 2002. С. 229–234.
- Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Полин С.В., Симоненко А.В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990. С. 76–95.
- Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Сарматы и Скифия: Сборник научных докладов III Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1997. С. 87–98.
- Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // АЭБ. 1964. Т. 2. С. 215–231.
- Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // АЭБ. 1968. Т. 3. С. 59–104.
- Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. 1973. Т. 5. С. 162–243.
- Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35–131.
- Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 32–61.
- Савченко Е.И. Украшения населения скифского времени на Среднем Дону // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. С. 451–489.
- Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011.
- Спицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. 1960. № 78. С. 10–168.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
- Смирнова Г.И. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1977–1978 г.) // СА. 1981. № 3. С. 193–207.
- Смирнова Г.И., Мегей В.Ф. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 г.) // Stratum plus. 2000. № 4. С. 156–171.
- [Спицын А.А.] Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. Л., 1933. С. дневника. Табл. I–VIII. (Материалы ГАИМК. Вып. 2).
- Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам

- восточного могильника Неаполя Скифского). Киев, 1983.
- Тарасова Н.В.* Об одной группе височных подвесок раннего железного века из Северного Причерноморья // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М., 2005. С. 515–520.
- Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н.* Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 152–199.
- Толочко И.В.* Некрополь Танаиса (нач. III в. до н.э. – V в. н.э.): опыт сравнительного изучения: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Трейстер М.Ю.* Серебряная посуда из Соболевой Могилы // Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005. С. 513–527.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. М., 1971.
- Щукин М.Б.* Об «узких» и «широких» датировках // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978. С. 28–33.
- Юго-Восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя. М., 2007.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В., Малашев В.Ю.* Раскопки могильников Покровка 1, 2, 7 и 10 в 1995 г. М., 1996. (КЛИ. Вып. 4)
- Makhortykh S.V.* On the Question of Cimmerian Imports and Imitations in Central Europe // Import and imitation in archaeology. Langenweißbach: Beier & Beran, 2008. P. 167–186.
- Tolocko I.V.* Tanais necropolis: results of initial investigations // Eurasia Antiqua. B.11. Mainz am Rhein: Ph. v. Zabern verlag, 2005. P.163-173.

Приложение 1.

Appendix 1

ДОПОЛНЕНИЯ К КАТАЛОГУ БУС
ТИПОВ АЛЕКСЕЕВА-193 Г, Д¹⁵.Supplements to catalogue of the beads
types Alekseeva-193 g, d.

Вариант 193д

Башмачка, к.6/п.2 (Спицын А.А., 1901, с.75, рис.10).

Буторы I, к.7/п.4, к.8/п.2 (Мелюкова А.И., 1974а, рис.2, II; 1974б, рис.8, 2, б).

Львово, к.18/п.1 (Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В., 1982, рис.6, 2I).

Мелитопольский курган, погр. служанки (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.78, рис.85, 4, 86, I-д, 87), п.1 (Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988, с.108, 110, рис.117, I-н, 119, 2, 121, 124, л).

Неделково, к.9/п.11 (Редина Е.Ф., 1999, рис.3, 7).

Николаевка (Мелюкова А.И., 1971, рис.7, 7).

Никопольское, к.2/п.2 (Граков Б.Н., 1962, рис.6, 10b).

Новолабинский IV, к.1/п.1 (Раев Б.А., Беспалый Г.Е., 2006, табл.8, Б-12, 14).

Панское, к.39/п.5 (Столба В.Ф., 2009, №2Е).

Пашковская, к.6 (Смирнов К.Ф., 1958, рис.10, 3).

Усть-Лабинский, п.33/1930 (Анфимов Н.В., 1951, рис.18, 24).

Фанагория, п.23 (Медведев А.П., 2014, рис. 6).

Ханска-Пидашка (Никулицэ И.Г., Рафалович А.И., 1974, рис.1, 4).

Химкомбинат Б, к.4/п.11 (Мамонтов В.И., 2000, с.257, рис.2, 8).

Шевченко III, к.30 (Бунятян Е.П., 1977, табл. XXXV).

Широкое II, к.69/п.1 (Черненко Е.В., Бунятян Е.П., 1977, рис.9, I).

Широкое, к.5 (Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В., 1973, рис.3, 8).

Некоторые ссылки не удалось проверить:

Ольговка, к.2/п.1 [цит. по: Островерхов А.С., 1985, с.99].

Нагорное, к.11/п.3 [цит. по: Островерхов А.С., 1985, с.100].

Славянка [цит. по: Островерхов А.С., 1985, с.100].

Мамай-Гора, к.67/п.2 [цит. по: Столба В.Ф., 2009, с.123].

Аккайский, к.IV [цит. по: Столба В.Ф., 2009, с.123].

Вариант 193г

Бесленевская [один из 29 курганов] (ОАК за 1895 г., 1897, рис.47, 48, 49)

Воздвиженская/Хатажукаевский, к.1/п.1'1899 (ОАК за 1899 г., 1902, с.48, рис.86; Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, с.102, табл.III, 55д).

Каратобе, к.3 (Подушкин А.Н., 2000, с.53, справа/в центре, 55, справа).

Писаревка, к.1/п.5 (Сергацков И.В., 2000, с.158-159, 183-табл.11, рис.100, 2).

Сиртичский, ск. (Давудов Р.М., 1996, рис.30, 23, 24).

Усть-Альма, ск.636/п.1 (Пуздровский А.Е., 2007, с.6, рис.143, 13).

Усть-Лабинский, п.2/1936 (Анфимов Н.В., 1951, рис.14, 6).

Широкая Балка, п.42 (Довгалюк Н.П., 2011, рис.242, 12).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В. Меото-сарматский могильник у ст.Усть-Лабинской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.; Л., 1951. С. 155–207. (МИА. № 23)

Бунятян Е.П. Курганная группа Шевченко III // Курганы Южной Херсонщины. Киев, 1977. С. 97–129.

Граков Б.Н. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры. М., 1962. С. 56–113. (МИА. № 115)

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – нач. II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 71–141. (ТГИМ. Вып. 70)

Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Махачкала, 1996.

¹⁵ Я благодарен помощи с литературой Денису А. Топалу (Кишинев) и Дмитрию Г. Бугрову (Казань).

- Дашевская О.Д. Первые исследования Кульчукского некрополя // СА. 1978. №3. С.199-213.
- Довгалюк Н.П. Бусы из некрополя Широкая Балка // Население предгорий северо-западного Кавказа в римскую эпоху: по материалам некрополя в Широкой Балке / Некрополи Черноморья. Т.IV. М.: ИА РАН, 2011. С.303-368.
- Ковпаненко Г.Т., Яковенко Э.В. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. К.: Наукова думка, 1973. С.253-265.
- Котигорошко В.Г. Мечи Малокопаньского могильника // Карпатика. Вып.37. Ужгород, 2008. С.35-45.
- Котигорошко В.Г. Малокопаньский некрополь (ур.Челленица) // Карпатика. Вып.38. Ужгород, 2009. С.58-133.
- Котигорошко В.Г. Результаты исследования Малокопаньского могильника // Карпатика: Старожитності Карпатського ареалу. Вып.39. Ужгород, 2010. С.58-88.
- Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В. Скифские курганы у с.Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. К.: Наукова думка, 1982. С.130-148.
- Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника Химкомбинат, гр.Б // НАВ. Вып.3. Волгоград, 2000. С.252-267.
- Медведев А.П. О хронологии эллинистических погребений Фанагории (по материалам раскопок Восточного некрополя 2005-2007 гг.) // Вестник ВоронГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2014. №1. С.3-13.
- Мелюкова А.И. Население нижнего Приднестровья в IV-III вв. до н.э. // Проблемы скифской археологии / МИА. №177. М.: Наука, 1971. С.39-54.
- Мелюкова А. И. Раскопки курганов у с. Буторы Григоровольского района // АИМ в 1972 г. Кишинев: Штиинца, 1974а. С.77-95.
- Мелюкова А. И. Работы Западно-Скифской экспедиции // АИМ в 1973 г. Кишинев: Штиинца, 1974б. С.53-77.
- Никулицэ И. Г., Рафалович А. И. Жилища гетов и ранних славян у с.Ханска // АИМ в 1973 г. Кишинев: Штиинца, 1974. С.79-92.
- ОАК за 1895 г. СПб.: тип. Гл. управ. Уделов, 1897. С.26-30.
- ОАК за 1899 г. СПб.: тип. Гл. управ. Уделов, 1902. С.41-52.
- Островерхов А.С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. №3. С.92-109.
- Подушкин А.Н. Арысская культура южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Б/г: МКТУ; Туркестан, 2000. 201(?) с.
- Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
- Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов/Дон, 2006. 110 с.
- Редина Е.Ф. Скифский могильник у с. Неделково на севере Одесской области // Stratum plus. 1999. №3 / Скифский квадрат. С.75-80.
- Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград: изд-во ВолГУ, 2000. 396 с.
- Смирнов К. Ф. «Амазонка» IV века до н. э. на Дону // СА. 1982. №1. С.120-131.
- Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст.Пашковской // Памятники скифо-сарматского времени в северной Причерноморье МИА. №64. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1958. С.272-312.
- Спицын А. А. Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачка Екатеринославского уезда // ИАК. Вып.1. СПб.: тип. Гл. управ. Уделов, 1901. С.69-79.
- Столба В.Ф. Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. 2009. №2. С.109-128.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. К.: Наукова думка, 1988. 264 с.
- Черненко Е.В, Бунятян Е.П. Курганная группа Широкое II // Курганы южной Херсонщины. К.: Наукова думка, 1977. С.45-93.

Приложение 2

Appendix 2

**РАЗВЕДОЧНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ
ИКСКОГО МОГИЛЬНИКА
В 1985 Г.**

**Н.Л. Решетников (Сарапул), А.А.
Красноперов (Ижевск)**

Survey of the Ikskiy cemetery in 1985.

N. L. Reshetnikov (Sarapul),
A. A. Krasnoperov (Izhevsk)

Памятник расположен в 1,5 км к Ю от д. Тураево, в 2 км к СВ от д. Икское Устье Менделеевского р-на РТ. Могильник занимает мысовую площадку первой надпойменной террасы правого берега р. Чукман, правого притока р. Камы и перекрывает Икское V селище (Рис. 7). Обнаружен Л.И. Ашихминой во время раскопок Икского V селища в 1976 г. Исследовался в 1978 (Г.Н. Ключева), 1985 (Н.Л. Решетников), 1986–1988 (О.В. Арматынская) (Рис. 8). Раскопом вскрыта ЮВ часть могильника. Всего на вскрытой площади 2346 м² изучено 72 погребения (Рис. 9). Материалы пп. 28, 68–72 не опубликованы.

С целью осмотра памятников, подверженных разрушению водами Нижнекамского водохранилища, в ходе разведки 1985 г. был осмотрен и Икский могильник, раскопки на котором производились в 1976, 1978 гг., когда на памятнике было вскрыто 27 погребений. При осмотре могильника в промоине склона было обнаружено разрушаемое погребение (№ 28), которое было полностью раскопано.

Разведочный раскоп заложен в 11 м к СЗ от раскопов 1976, 1978 гг.¹⁶

¹⁶ В период раскопок 1970-х гг. поверхность памятника распахивалась, к середине 1980-х СЗ часть площадки была занята строениями водонасосной станции, а центр – подъездной дорогой. Эрозионные процессы затруднили точное сведение планов раскопов. Возможны два варианта расположения п. 28 на плане. Вариант А учитывает сильное, но равномерное оврагообразование. Вариант Б предполагает, что небольшая каверна образовалась в результате вскрытия п. 28.

Стратиграфия памятника: пахотный слой мощностью 25 см, под ним темно-красный суглинок – подстилающий слой, на котором фиксировалась очертания могильной ямы. Заполнение погребения – серый, слабо гумусированный суглинок.

Яма (Рис.10) подпрямоугольной формы (верхняя часть срезана обрывом), ориентирована по линии ВЮВ-ЗСЗ, размеры 200×70 см, максимальная глубина – 64 см. Костяк уложен на правый бок с чуть согнутыми ногами, головой на ВЮВ. Справа у головы стоял перевернутый глиняный сосуд, рядом железный нож с горбатой спинкой. У височных костей – по одной крупной восьмеркообразной височной подвеске, на шее – ожерелье из чередующихся стеклянных темно-синих прозрачных линзовидных бусин (17 экз.), тип 94 по Е.М. Алексеевой (1978. С. 68, 69, табл. 33, 27) и прозрачных стеклянных «кеглевидных» подвесок синего, оранжево-красного, янтарно-желтого, серо-голубого (купоросный слабый) цвета и бесцветной (8 экз.), тип 193г (Там же. С. 74, табл. 34, 39), чередующихся: две линзовидные, подвеска. На месте ключиц по одной плоской бронзовой подвеске трапециевидной и треугольной формы. В области лучевой кости правой руки – фрагменты железного браслета¹⁷. Неопределимый железный фрагмент – в районе таза.

¹⁷ Типичной для памятника формы: полуторавитковый из круглого в сечении дрота, раскопанного с обоих концов на треть длины. Наиболее сохранившийся экземпляр см.: (Арматынская, 1987. Рис. 3, 33).

IV. АНАНЬИНСКИЙ МИР И КУЛЬТУРЫ ЦЕНТРА И СЕВЕРО-ЗАПАДА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ КОНЦА II – НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н.Э.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ТЕКСТИЛЬНОЙ КЕРАМИКИ ОКСКОГО БАССЕЙНА

Е.С. Азаров (Москва)

Burial sites of the textile ceramics culture in the Oka basin

E.S. Azarov (Moscow)

Конец бронзового века является наименее изученным в рамках эпохи раннего металла лесной полосы Восточной Европы. В числе нерешенных проблем той эпохи – проблема разграничения погребальных памятников населения Волго-Окского междуречья, соотносимых с поздняяковской культурой (ПК) и культурой «текстильной» керамики (КТК). Генезис КТК связан с распространением в северные регионы междуречья культурных традиций лесостепного Поволжья и Подонья. Это отчетливо проявляется в орнаментации и в формах сосудов, а также в появлении подкурганного обряда захоронения в результате связей с абашевским и балановским населением (Челяпов, 1992. С. 35), активным срубным влиянием (Попова, 1970. С. 229), вероятно, на самой ранней стадии ПК и КТК (Бадер, 1970. С. 63). Формирование традиций гончарства КТК в большей степени связано с наследием волго-окского неолита и энеолита при воздействии более поздних культур, в том числе и поздняяковской (Попова, 1970. С. 229; Воронин, 1998. С. 321).

Погребальные памятники позднего бронзового века в Окском бассейне представлены курганными и грунтовыми могильниками. Культурная атрибуция подкурганных погребений неоспоримо связывается с ПК. Вместе с тем, для этой культуры характерны и бескурганные грунтовые погребения. О.Н. Бадер и Т.Б. Попова предполагали параллельное существование курганного или бескурганного обряда захоронения, но на поздней стадии ПК отмечается наличие лишь грунтовых

могильников с неустойчивой ориентировкой погребенных (1987. С. 132). Для срубной культуры, оказавшей большое влияние на развитие ПК и имеющей также два вида погребальных памятников, отсутствует единое мнение относительно причин параллельного существования двух погребальных традиций. В частности, в грунтовых бескурганных могильниках могли быть захоронены люди пожилого возраста и дети (Васильев, 2010. С. 74). По другой версии, исходящей из разделения населения по хозяйственному принципу, грунтовые погребения (с более бедным инвентарем) относились к земледельцам, а подкурганные – к более «продуктивным» и значимым скотоводам (Березанская и др., 1986. С. 52). Однако соотношение всех грунтовых могильников Волго-Окского региона с ПК выглядит безосновательным. Несмотря на ряд отсылок в литературе, вопрос о наличии у носителей КТК отличных от ПК погребальных памятников всерьез никогда не ставился. Решению этой проблемы может помочь не только выявление новых памятников, но и обращение к материалам старых раскопок.

Т. Б. Попова и О. Н. Бадер¹ к основным грунтовым могильникам ПК относили Старший и Младший Волосовский, Чёрная гора, Фефелов Бор и Дикариха (Бадер, Попова, 1987. С. 132). Однако на момент выхода их обобщающей работы

¹ В книге «Бассейн Оки в эпоху бронзы» О.Н. Бадер упоминал о возможном соотношении погребений Младшего Волосовского могильника, имеющих в составе инвентаря бронзовые кельты, с культурой «текстильной» керамики Окского бассейна (1970. С. 78).

по ПК вопрос о принадлежности ряда могильников оставался открытым. В первую очередь, это касается атрибуции Младшего Волосовского могильника, открытого в 1910 г. В.А. Городцовым (1914. С. 143–152). Существуют разные точки зрения о культурной принадлежности могильника (Кузьминых, Чижевский, 2006. С. 162, 163). С.В. Кузьминых и А.А. Чижевский рассматривают Младший Волосовский могильник как результат взаимодействия КТК с культурами ананьинской культурно-исторической области (АКИО): постмаклашеевской и гребенчато-шнуровой; погребальный обряд памятника наиболее близок, по их мнению, средневожской аозинской культуре (Там же. С. 168).

Не менее спорна культурная атрибуция грунтового могильника Дикариха, исследованного А.Л. Никитиным в 1959–1961 и 1964 гг. (1963; 1973). Сам автор раскопок в материалах памятника видел «...наиболее раннее проявление уже сформировавшейся культуры ложностекстильной керамики (условно КТК – *авт.*), отмечающей в Волго-Клязьменском междуречье и дальше на север финальный этап бронзового века и переход к эпохе раннего железа...» (Никитин, 1973. С. 176). К собственно поздняковским он отнес лишь два сосуда (Там же). В то же время Т.Б. Попова отнесла весь могильник к поздней стадии ПК (1970. С. 215). Позднее К.В. Воронин отнес Дикариху к культуре «сетчатой» (или же «текстильной»)² керамики вместе с такими погребальными памятниками, как Ловцы (Ярославская область, раскопки В.В. Сидорова) и Берёзовый Рог (Воронин, 1998. С. 39). Материалы последнего представляются наиболее интересными для изучения погребальной практики в эпоху бронзы лесной полосы; к сожалению, они изданы лишь частично³. Автор раскопок – Б. А. Фоломеев – отмечая продолжительное время существования могильника, выделял три фазы существования и неоднородность оставивших его культур (1996. С. 24). Также была отмечена возможность культурной

принадлежности части погребений к позднему этапу существования КТК финала эпохи бронзы (Фоломеев, 1993. С. 27).

Попытаемся рассмотреть проблему погребальных памятников КТК конца бронзового века на основе трёх наиболее изученных могильников в Волго-Окском бассейне: Феллов бор, Дикариха (Криушкино 3) и Берёзовый рог (Рис. 1). Но прежде чем обратиться к материалам минувших раскопок, укажем на ряд негативных факторов, мешающих решению данной проблемы. К таковым следует отнести характер погребального инвентаря, сохранность костных останков и дальнейшую перспективу погребальных традиций в интересующем регионе. Невыразительность погребального инвентаря грунтовых бескурганых погребений, при наличии сравнительно богатых подкурганых погребений, характерна не только для традиций ПК – такое же явление можно наблюдать и в погребениях «родственной» срубной культуры (о возможных причинах см. выше). Этот фактор несколько снижает полезность использования данного элемента погребального памятника, но не исключает его полностью.

Более сложно обстоит дело с костными останками. В силу специфики сохранности костей в грунтовых могильниках Волго-Очья не всегда можно установить: был ли помещен в погребение умерший или перед нами кенотаф, был ли он помещен полностью или же его отдельная часть и т.д. Случаи наличия целых костяков единичны. Чаще сохраняются остатки тлена или же зубной эмали, что позволяет получить минимум информации. Большая же часть имеющихся погребений не позволяет уверенно установить наличие в них останков погребенных.

Третий фактор касается развития местных погребальных традиций в целом. Вне зависимости от культурной принадлежности памятников с конца VIII в. до н.э. на территории Волго-Окского междуречья⁴ полностью отсутствуют археологические свидетельства о существовании погребальных памятников. Это предполагает коренное изменение погребальной традиции при переходе к раннему железному веку, что отчасти фиксируется по более поздним летописным данным и этнографическим параллелям (Смирнов, 1990).

² В научной литературе можно встретить различные определения культуры, исходя из личных предпочтений исследователей в употреблении определения самой керамики: «текстильная», «сетчатая», «ложнотекстильная», «ниточно-рябчатая» и др.

³ Материалы раскопок Б.А. Фоломеева за 1992–2001 г. готовятся к публикации; частично они опубликованы участником экспедиции И.Л. Чернаем (2010) и автором раскопок.

⁴ За исключением Младшего Волосовского могильника VIII–VI вв. до н.э.

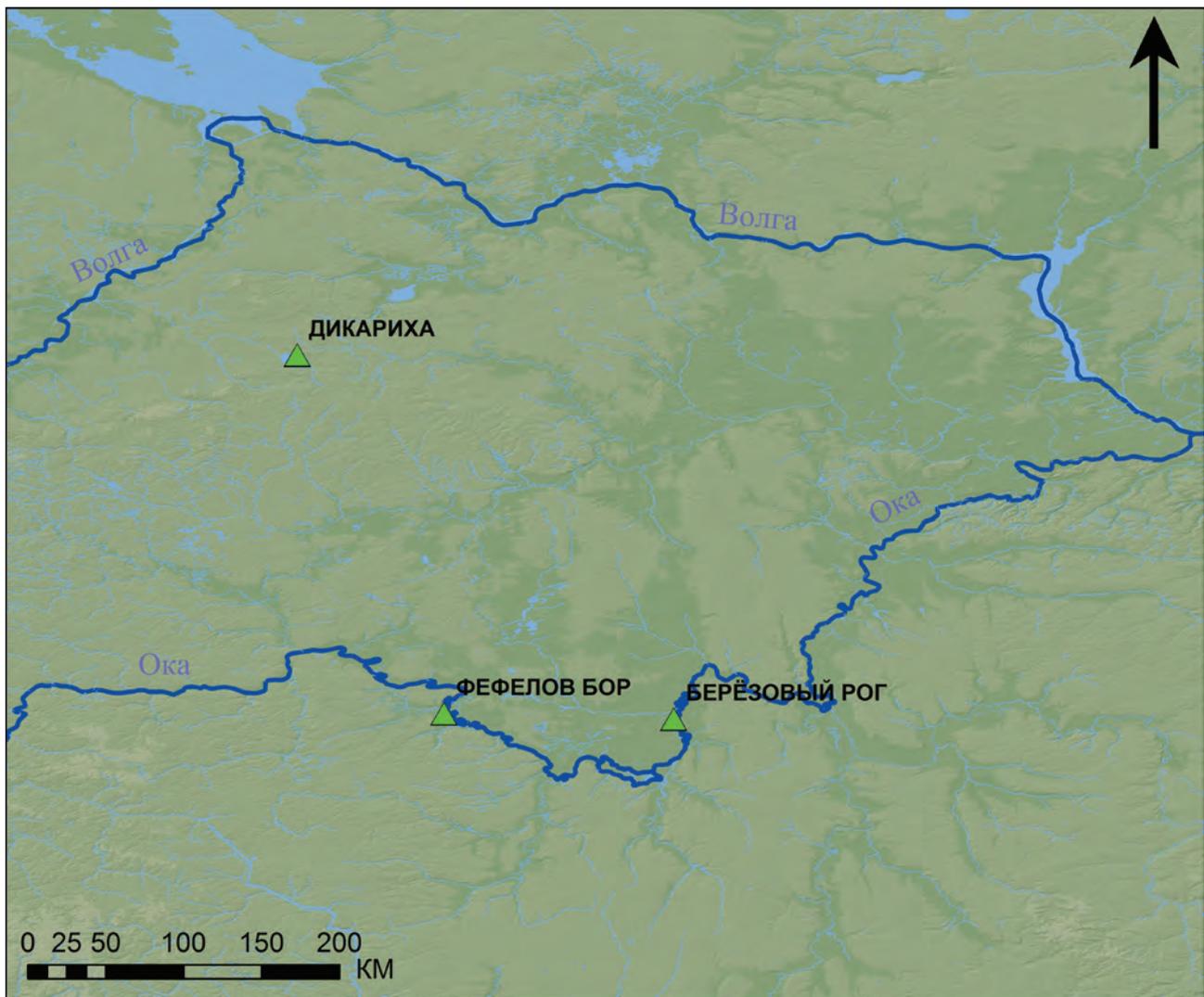

Рис. 1. Карта расположения могильников.

К этим негативным факторам с некоторой условностью следует отнести также ровень старых раскопок.

Таким образом, рассматриваемые в настоящей статье погребальные памятники финала бронзового века в настоящее время являются «тупиковыми». Им на смену в Волго-Окском междуречье приходит, судя по всему, иная погребальная практика.

В силу указанных выше факторов несколько затруднен анализ информации. Исходя из формальных признаков понятия «погребение» (Ольховский, 1986. С. 70), около половины выделенных авторами раскопок погребений к таковым не относятся. С учётом уже упоминавшейся бедности инвентаря и возможного наличия безынвентарных погребений или же кенотафов, весьма проблематично использовать стандартные для анализа погребальной практики математические и статистические методы.

Состояние источника и, как следствие, возможности его интерпретации зачастую невольно заставляют нас использовать более упрощенные методы анализа.

Берёзовый рог. Памятник располагается на песчаном останце первой надпойменной террасы левого берега р. Оки. Раскопки могильника производились экспедицией ГИМ под руководством Б.А. Фоломеева в 1990-е и в самом начале 2000-х гг. На площади в 704 м² вскрыто 62 ямы⁵ (Фоломеев, 1992; 1994; 1996; 1998; 2000). По формальным признакам (Ольховский, 1986. С. 70) достоверно выделяются 39 погребений⁶ и остатки 6 объектов, вероятно, ритуального назначения. Захоронения совершены в погребальных сооружениях трех видов: яма,

⁵ Без учёта раскопок на разрушенной южной части могильника (Фоломеев, 2001).

⁶ Определяющим условием было наличие погребального инвентаря.

яма с углистым контуром и «деревянный ящик».

Яма – самая распространенная форма погребального сооружения. Всего их на памятнике 20 (Рис. 2), из них четыре (№№ 21, 44, 45, 46) с остатками органической подстилки по дну и в одном случае – со следами от трех столбов вдоль западной стенки (№ 21). В некоторых ямах зафиксированы остатки перекрытия в виде угольков. Могильные ямы в плане овальной и подпрямоугольной формы с округлыми углами, углубленные в материк на глубину от 20 до 80 см; размеры по длинной оси 210–300 см и по ширине 80–160 см (что не исключает парных погребений).

В могильнике зафиксировано 12 ям с углистым контуром (№№ 11, 16, 17, 19, 20, 28, 38, 51–53, 55, 60). Эти ямы имеют прямо по контуру углистые полосы шириной в среднем около 15 см, которые в ряде случаев, судя по профилю ям, соединяются ближе ко дну. Наличие обильных углистых включений в верхней части погребений предполагает также наличие перекрытий. Могильные ямы, все контуры которых занимали подобные углистые полосы, имели чаще всего более крупные размеры: по длинной оси 180–320 см, по ширине 80–160 см (что также не исключает наличия парных захоронений). Врез ямы в материк составлял в среднем 40–50 см.

Третье погребальное сооружение – «деревянный ящик» – представляет собой яму с остатками подпрямоугольной конструкции по центру, значительно меньшей по размерам, чем в ямах с углистым контуром (Рис. 3). Ширина остатков от деревянных плах также около 15 см. Плахи не были плотно сбиты. Длина конструкции обычно 100 и 130 см, редко доходила до 150 см; ширина от 55 до 80 см, редко до 105–110 см. Соотношение длины и ширины погребений прямо пропорционально. Кроме четырех случаев, выкопанная под «деревянный ящик» яма была значительно больше, в среднем длиной 200–220 см, единично больше или меньше на 40 см от этого диапазона. Всего зафиксировано 15 подобных конструкций, вне зависимости от наличия погребального инвентаря (№№ 1–3, 10, 12–14, 26, 29, 30, 33–37). В одном случае под конструкцией встречены столбовые ямки (№12) (Рис. 3).

Погребальный инвентарь, связанный с первыми двумя видами сооружений, внешне однороден. Сосуды – небольших и средних

размеров, баночной (6 экз.) и горшковидной формы (12 экз.) (Рис. 4, 1–3; 5). Металлические изделия – 6 подвесок округлой формы с перекрестием из белого металла; 3 очковидных подвески с закрученными внутрь спиралями; несколько стандартных широких браслетов из погребений с различными сооружениями (Рис. 4, 4, 5); трубчатые пронизки и височное (?) кольцо. Помимо металлических находок, встречены бусины и бисер из камня и фаянса, остатки берестяного теска и фрагменты ткани. Банки и горшки располагались в 9 случаях в СВ и В секторах, в пяти – в СЗ секторе. Костные останки – зубы в 2 погребениях (№№ 42, 62) в простых ямах, указывающих на вероятное СВ направление положения погребенных.

По мнению Б.А. Фоломеева, погребения с третьим видом сооружения являются наиболее поздними на памятнике (1996. С. 24). Погребальный инвентарь из них однообразен. Это небольшие сосудики баночной формы открытого и прямого типов (№№ 1, 3, 13, 14, 30, 36, 7) (Рис. 6, 1–3), изделия из бронзы: 3 фрагмента игл (№№ 2, 14, 30) (Рис. 6, 4, 5) и шило (№14) (Рис. 6, 6). Весь инвентарь расположен в восточной части погребений.

Определенные различия погребений с третьим видом сооружения можно наблюдать и в планиграфии могильника (Рис. 2). Все погребения по характеру взаиморасположения разбиваются на три группы: северную, южную и отдельные погребения. Последние располагаются либо одиночно, удаленно от других погребений, либо группами в специально отгороженных от основной массы сооружений⁷ (№№ 8, 21, 44–47). Южная группа представляет собой длинный ряд погребений, тянувшихся с Ю на С и имеющих сходную ориентировку по направлению в сектор 3-В по продольной оси (№№ 5–7, 15–20, 38, 41, 42, 49–53, 55–57, 60, 62). Система группировки ям северной группы неопределима, но отлична от южной.

Сопоставление данных о планиграфии, инвентаре и, прежде всего, о погребальных сооружениях позволяет несколько уточнить выделенные группы. Для простой ямы и ямы с углистым контуром характерно совместное расположение в территориальных группах. Более того, можно выделить определенные мини-группы погребений (обычно 4), для которых наличие второго вида сооружений не является характерным. Возможно, подобные мини-группы являются отображением

⁷ Условно ритуальное сооружение II и IV.

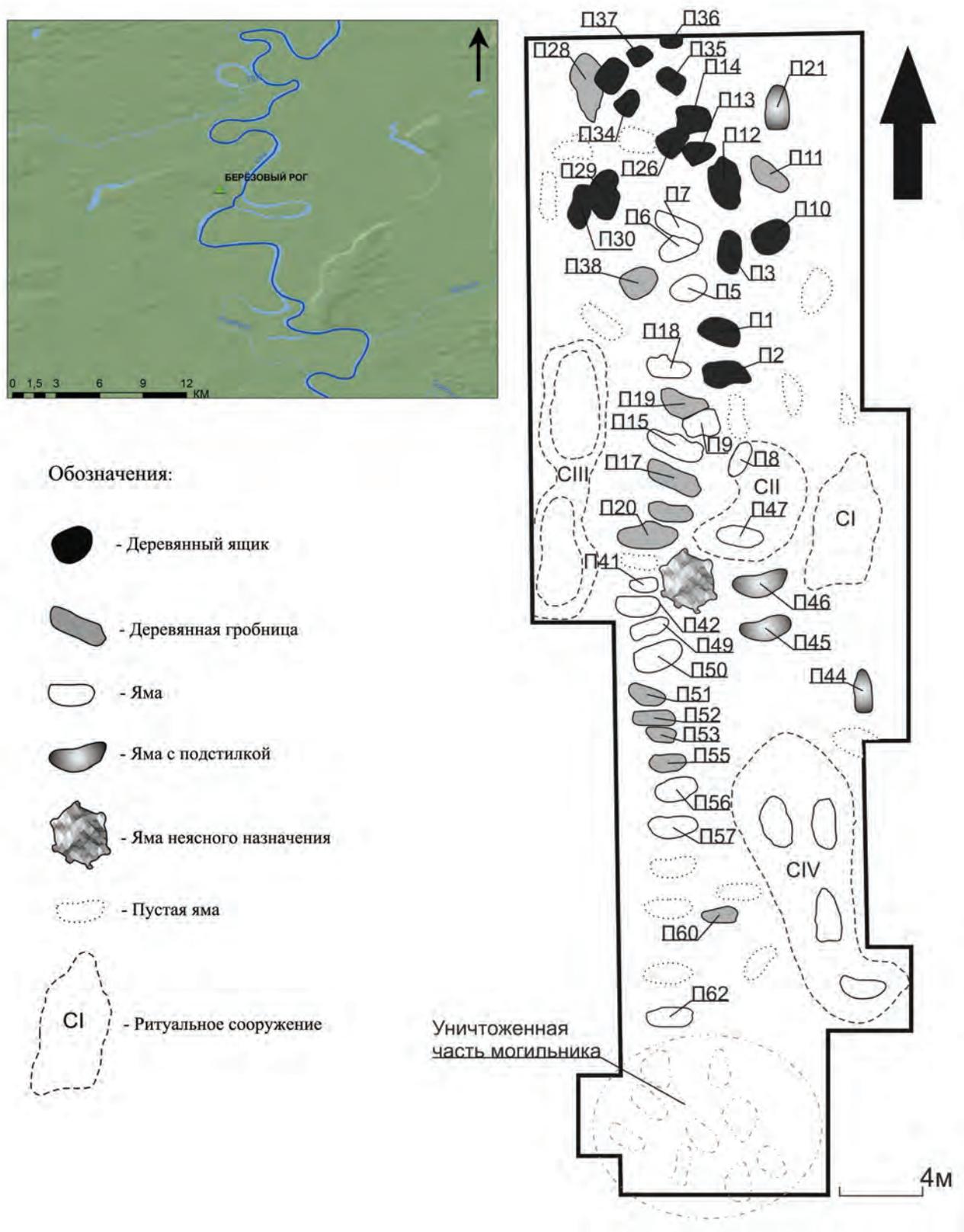

Рис. 2. Могильник Березовый Рог.

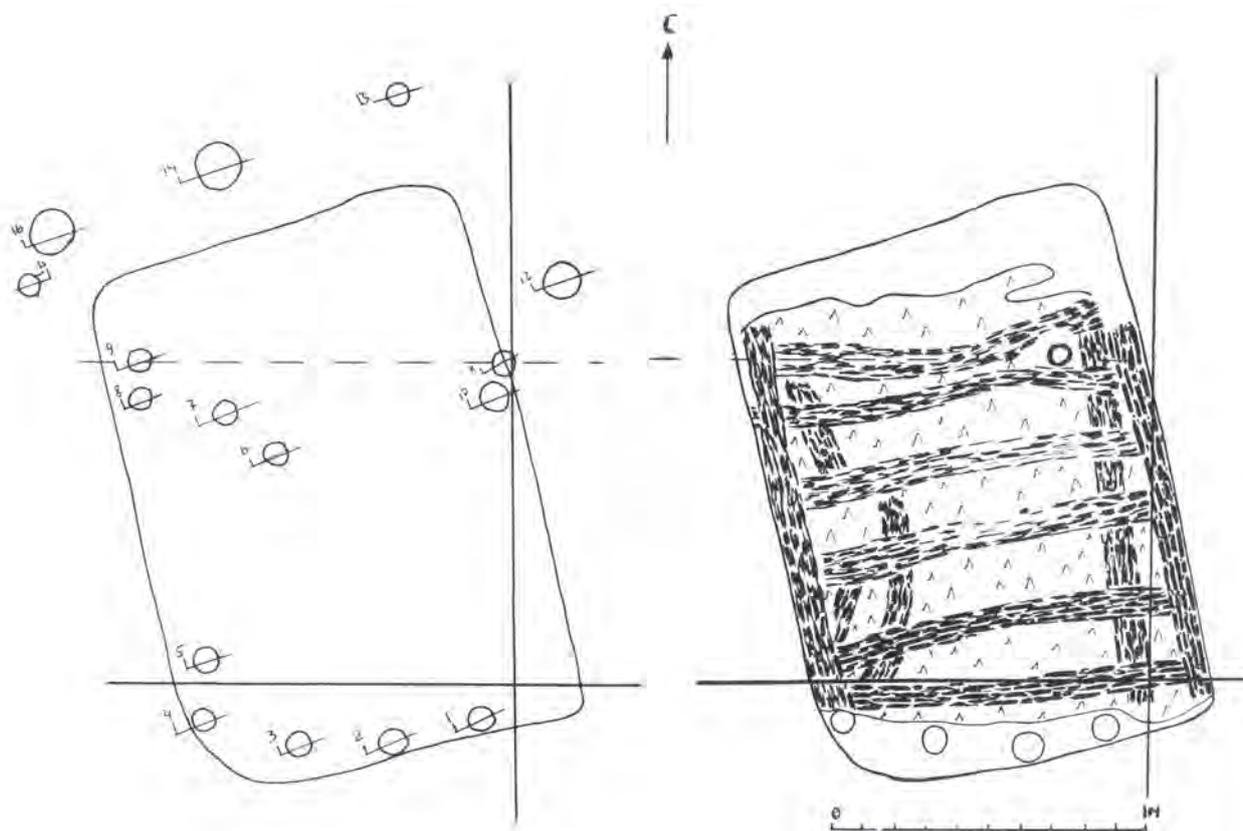

Рис. 3. Могильник Березовый Рог. Погребение № 12 с «деревянным ящиком».

родственных или иных связей умерших. На подобную связь в мини-группах указывает в ряде случаев внешнее сходство инвентаря (Рис. 4).

В определении погребальных сооружений естественным образом встают проблемы их диагностики, связанные с сохранностью конструкций в песчаном грунте и интерпретациями исследователей. В силу этих причин ряд могильных ям мог иметь изначально второй вид погребального сооружения, но из-за отсутствия такового к моменту раскопок они были отнесены к первому виду. Тем не менее, погребения с этими сооружениями соотносятся с одним хронологическим горизонтом, связанным с ПК. Б.А. Фоломеев видел в сосудах погребений с углистым контуром более поздние традиции по сравнению с погребениями в простых ямах (1993. С. 48, 49). На более позднее время указывает и то, что в единичном случае яму с углистым контуром «перерезает» погребение с простой ямой (№№ 19 и 9). Тем не менее, смешанный характер расположения в составе южной территориальной группы если и подразумевает хронологический разрыв, то лишь незначительный. Аналогии погребальному инвентарю можно обнаружить

и в других грунтовых и курганных могильниках как ПК, так и в ряде случаев с сосудами срубной общности. Имеющаяся радиоуглеродная дата из погребения № 6 (Рис. 7, 1) указывает на конец второй четверти II тыс. до н.э., что соотносится с традиционной хронологией поздняяковской и срубной культур.

Особенности северной группы ям, отмеченные автором раскопок (Фоломеев, 1992. С. 47–49; 1996. С. 23, 24), заключаются, главным образом, в наличии погребального сооружения в виде «деревянного ящика». Данный вид сооружения более не встречен на территории Волго-Очья в позднем бронзовом веке. Погребения этой группы располагаются достаточно кучно в северной части могильника. Разные ориентировки погребений внутри группы и отсутствие четкой системы расположения между собой (возможно, вокруг какого-либо погребения) заметно обособляют северную группу ям. К этому стоит добавить нахождение исключительно в северной части могильника фрагментов «текстильной» керамики как возможных остатков от тризн (Фоломеев, 1993). Особенность группы заключается и в некоторой специфике погребального

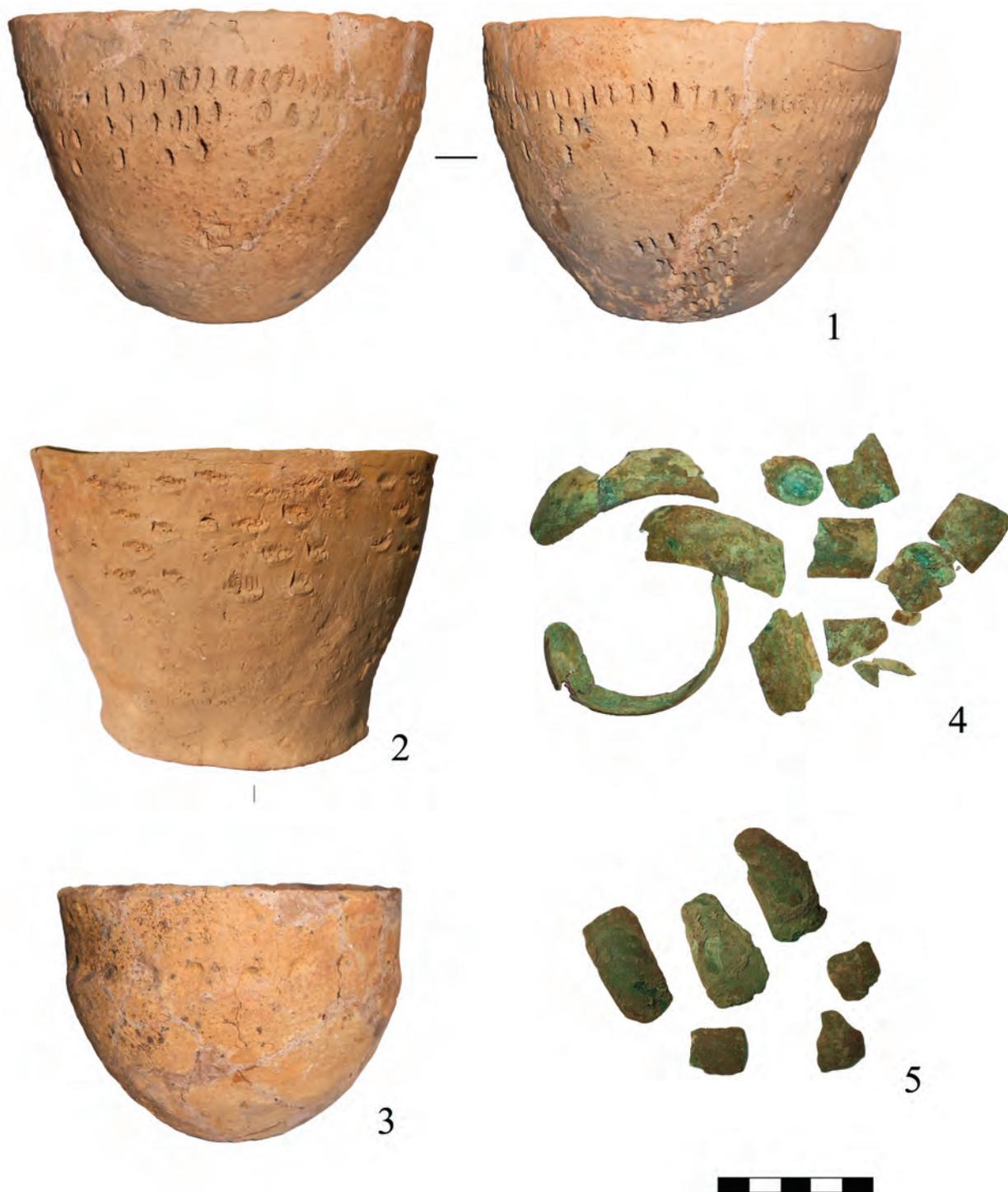

Рис. 4. Могильник Березовый Рог. 1 – погребение № 50; 2 - погребение № 51; 3 – погребение № 52; 4 – погребение № 49; 5 – погребение № 53.

Рис. 5. Могильник Березовый Рог. 1 – сосуд из культурного слоя; 2 – погребение № 18.

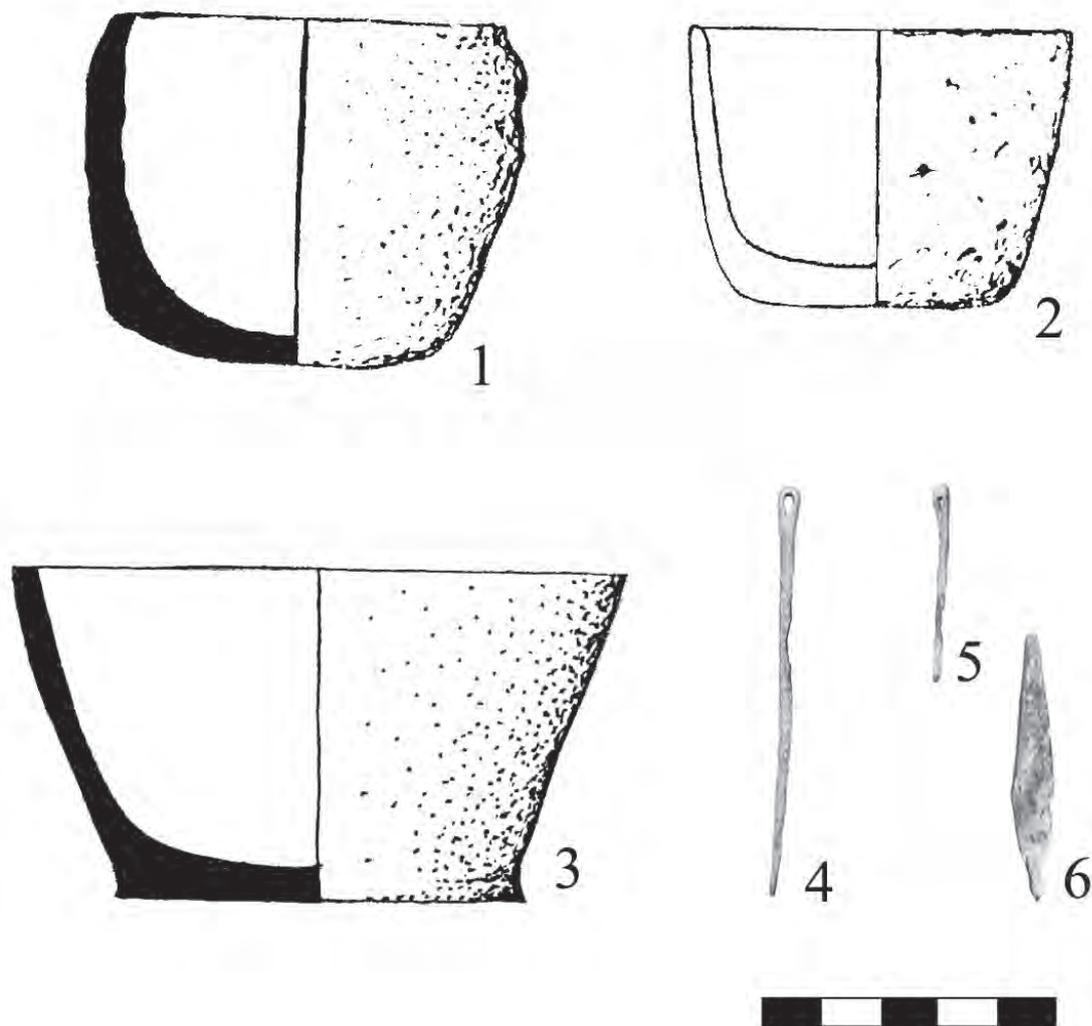

Рис. 6. Могильник Березовый Рог. 1 – погребение № 3; 2 – погребение № 14; 3 – погребение № 12; 4 – погребение № 1; 5 – погребение № 14.

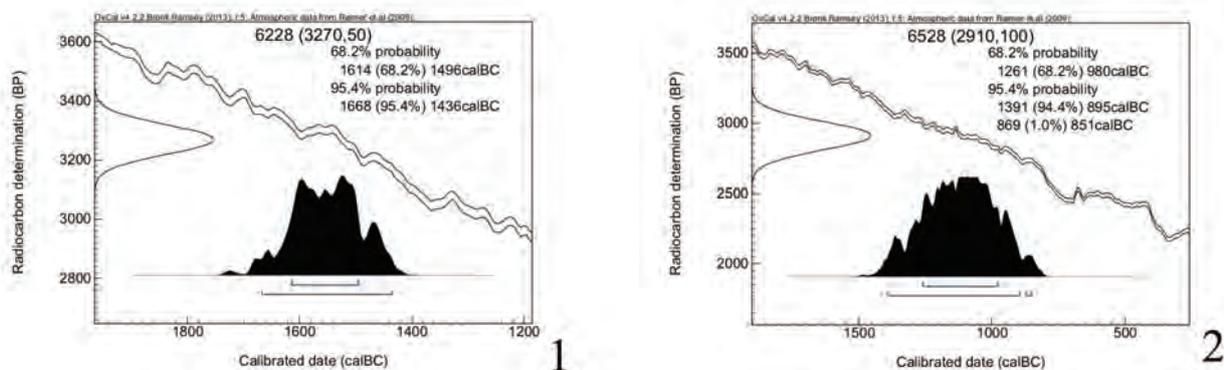

Рис. 7. Могильник Березовый Рог. 1 – погребение №6; 2 – погребение № 12.

инвентаря. Б.А. Фоломеев связывал небольшие сосудики с населением, оставившим памятники финальной бронзы и раннего железного века Волго-Окского междуречья (Там же. С. 48). Относительно позднее время (12–11 вв. до н.э.) также определяет радиоуглеродная дата погребения № 12 (Рис. 7, 2). Следует, однако, отметить, что сосудики подобной формы встречаются повсеместно и в более раннее время, например, в древностях срубной общности, а также на близком одноименном курганном могильнике вместе с острореберной банкой (Фоломеев и др., 1997. Рис. 4), близкой по внешнему виду к сосудам раннесрубного, т.н. «покровского» облика (Кузьмина и др., 2003. Рис. 6). В связи с этим важно отметить, что подобные миниатюрные сосуды вряд ли могут использоваться в качестве маркера какой-либо культурной традиции⁸ в силу простоты формы и оформления, а также большой распространенности как в быту, так и в качестве инвентаря погребений в эпоху бронзы и раннем железном веке лесной полосы.

В противоположность небольшим баночным сосудам в погребениях северной группы Берёзового рога примечательны находки бронзовых игл (булавок?)⁹ и шила (Рис. 6, 4–6). Иглы как категория находок полностью отсутствуют среди инвентаря погребений как грунтовых, так и курганных могильников ПК. Тем не менее, некоторые аналогии булавок (или игл) можно встретить среди материалов срубной культуры. Не имеют большого распространения среди инвентаря погребений ПК и бронзовые шилья. Они найдены в нескольких погребениях могильников Фефелов Бор (Попова, 1988. Рис. 11, 1, 2, 7) и Засеченском (Челяпов, 1992. Рис. 13, 3). Шило из Берёзового рога (п. 14) своеобразно своей неправильной формой.

Несмотря на бедный комплект инвентаря данной группы погребений – баночный сосуд с шилом или иглой (Фоломеев, 1993. Табл. 62) – определенные параллели инвентарю погребению № 14 Берёзового Рога можно провести с погребением № 20 могильника Фефелов Бор – 2 баночных сосуда и четырёхгранное шило в костяной рукоятке (Попова, 1988. Рис. 11, 2) (Рис. 12, 4, 5). Примечательно, что по обряду захоронения

⁸ За исключением, возможно, технологической специфики изготовления сосудов.

⁹ В литературе часто данные находки именуются как иглы, так и булавки с ушком.

погребение № 20 представляет собой кремацию и относится к большой группе погребений в северной части могильника.

Могильник **Фефёлов Бор** (раскопки Б.А. Фоломеева, 1969 г., Т.Б. Поповой, 1970–1974, 1979 гг.) расположен на песчаном останце поймы левого берега р. Ока. Территория могильника ныне застроена и входит в городскую черту Рязани. За время исследований было вскрыто около 1500 м² и обнаружено 74 могильных ямы¹⁰ (Там же. С. 104, табл. I); материалы могильника, за исключением нескольких сосудов, полностью опубликованы (Там же)¹¹.

Погребальные сооружения представлены ямами и ямами с углистым контуром. Первых – 52 (46 с наличием хотя бы двух признаков погребения), включая 12 ям с остатками органических подстилок (?) на дне, а также 4 (фактически 3) ямы со ступенью (одна с боковой стороной по длинной оси, две по короткой, одна полностью) (Рис. 8). Размеры ям по длинной оси 175–320 см, но у большей части в пределах 240–260 и 220–230 см (соответственно 21 и 13 ям). В 3 случаях могильная яма была больше 300 см. Ширина ям варьирует от 95 до 200 см (оба варианта единичны). У большей части ям ширина в пределах 125–150 см. Для ям длиной более 270 см ширина составляет не меньше 150 см (в одном случае 320 на 200 см). Врез в материк для погребений средних размеров (примерно 240 на 140 см) составляет 30–40 см. Наблюдается определенная закономерность, не характерная для могильника Берёзовый рог – для крупных по размеру ям относительно среднего значения (более 270 см по длинной оси) врез в материк составлял не менее 50 см, тогда как для ям менее 225 см это значение меньше или равно 20 см.

Девять погребений (7 с наличием двух признаков погребения) представлены ямами с углистым контуром, схожими с подобными конструкциями в могильнике Берёзовый рог. Размеры самих ям сопоставимы с предыдущим

¹⁰ Исходя из формальных признаков, всего 59 погребений.

¹¹ Нужно отметить некоторое несоответствие в рисунках опубликованного Т. Б. Поповой могильника (1988) и её же полевых отчётов за 1970 и 1972 гг. На основе полевой документации (Попова, 1970; 1972) ниже приведено соотношение рисунков в публикации могильника с соответствующими погребениями (№): №7 – Рис. 3, 10; №9 – Рис. 3, 9; №19 – Рис. 5, 1; №20 – Рис. 4, 10 (?); №21 – Рис. 4, 11; №24 – Рис. 4, 9; №27 – Рис. 5, 10; №30 – Рис. 5, 4; №33 – Рис. 5, 8, 9.

видом сооружения, но более устойчивы – 230–240 см по длинной оси и 130–140 см в ширине. Выделяются два более «глубоких» захоронения. В погребениях №№ 49 и 53 врез в материк составлял 95 и 110 см. Для остальной, достаточно значительной части погребений, определить характер сооружения затруднительно в силу плохой сохранности.

Погребальный инвентарь представлен сосудами различных форм и размеров, а также немногочисленными предметами из бронзы и кремня. Эти материалы достаточно подробно опубликованы авторами раскопок. Большая часть сосудов находит прямые аналогии в курганных могильниках ПК, а также срубной культуры, включая ее ранний, покровский, этап (Рис. 9, 1). Ряд крупных вытянутых сосудов с яйцевидным дном (Рис. 10), а также богато украшенные сосуды со свастикой на дне (Рис. 9, 2), ставшие одной из визитных карточек ПК, указывают, возможно, на более ранние этапы существования могильника. В могильнике Фефелов Бор имеются и еще более ранние погребения с сосудами шагарского типа (могилы №№ 44, 47 и, вероятно, 51) (Рис. 11), на что уже обращалось внимание исследователями (Воронин, 1998. С. 38). Также несколько отличается от гончарных традиций ПК ряд сосудов западной части могильника (Рис. 12); об их особенностях будет сказано ниже.

Из могильника Фефелов Бор происходит 78 сосудов баночных, слабопрофилированных и острореберных форм. В 19 случаях они обнаружены в СВ секторе, в 12 – в ЮЗ, в 9 – в СЗ, в 7 – в центральной части погребения. Реже представлены С (3 случая), Ю (1), ЮВ (2) секторы. Таким образом, расположение сосудов в могильнике схоже с могильником Березовый рог, несмотря на то, что основная часть погребений последнего ориентирована по линии З-В (южная группа), тогда как в могильнике Фефелов Бор доминирующей является линия СВ-ЮЗ.

Сопоставляя погребальные сооружения, можно отметить, что в погребениях с углистым контуром сосуды расположены главным образом в ЮЗ секторе (5), единично в СЗ и центральном секторе, и лишь в 2 случаях в СВ секторе. В указанных «шагарских» погребениях сосуды располагаются исключительно в СЗ секторе. Наибольший же разброс наблюдается в западной части могильника.

Как упоминалось ранее, ряд сосудов из погребений в западной части могильника

слабо соотносится с гончарными традициями ПК – погребения №№ 1, 5, 7, 9, 10, 17–21, 23, 27, 30, 33 (Попова, 1988. Рис. 3, 1, 6, 9, 10; 4, 7, 8, 11; 5, 1, 3, 4, 8–10). Обращают на себя внимание сосуды из погребений №№ 18, 19, 33 (Рис. 12, 2, 3, 6, 7), которые по орнаментации и формам имеют большее сходство с традициями гончарства КТК, нежели ПК. Исключение составляет сосуд с ручкой (носик?) из погребения № 33 (Рис. 12, 6) – весьма специфичной и уникальной формы. Второй сосуд из этого погребения (Рис. 12, 7) также специфичен в оформлении, однако некоторые аналогии по форме можно обнаружить среди памятников КТК. Отличается и качество обжига сосудов в сторону более сильного кострового, более характерного для КТК (Попова, 1985. С. 181).

В восточной группе могил в погребении № 65 присутствует крупный сосуд с яйцевидным дном и с орнаментацией, характерной для ПК; на его стенках имеются «текстильные» отпечатки ниточно-шнуровой фактуры (Рис. 10, 1). В этом же погребении обнаружен второй остродонный сосуд, но уже без «текстильных» отпечатков (Рис. 10, 2). Помимо этого, данная могила, очевидно, является парной к погребению № 66, где присутствует сосуд схожей формы, но также без «текстильных» отпечатков (Попова, 1988. Рис. 10, 5). Данные погребения, по всей видимости, относятся к наиболее ранним на памятнике, что отчасти подтверждается и формой днища сосудов, и являются отображением возможных контактов с населением КТК Верхневолжского региона. Исходя из аналогий в характере орнаментации и форм керамики поселений ПК Дмитровская слобода II и ранней КТК Песочное-1 (Воронин, 2013. Рис. 4, 13), сосуды из погребений №№ 65 и 66 относятся ко второй четверти II тыс. до н.э. (Там же. С. 330, 334).

Костные останки в могильнике представлены в небольшом количестве. Краниальные останки в виде зубов и остатков эмали имеются в погребениях №№ 2, 3, 11, 28, 29, 63, а также в двух «шагарских» погребениях – №№ 44, 47. В последних зафиксированы даже остатки черепа. Посткраниальные останки очень плохой сохранности зафиксированы в погребениях №№ 3, 12, 28, 29, 63 и в погребениях № 44 и № 51. Для погребения № 12 удалось установить скорченное положение тела на левом боку. Для погребения №№ 47 и 51 фиксируется вытянутое положение тела. Как минимум в

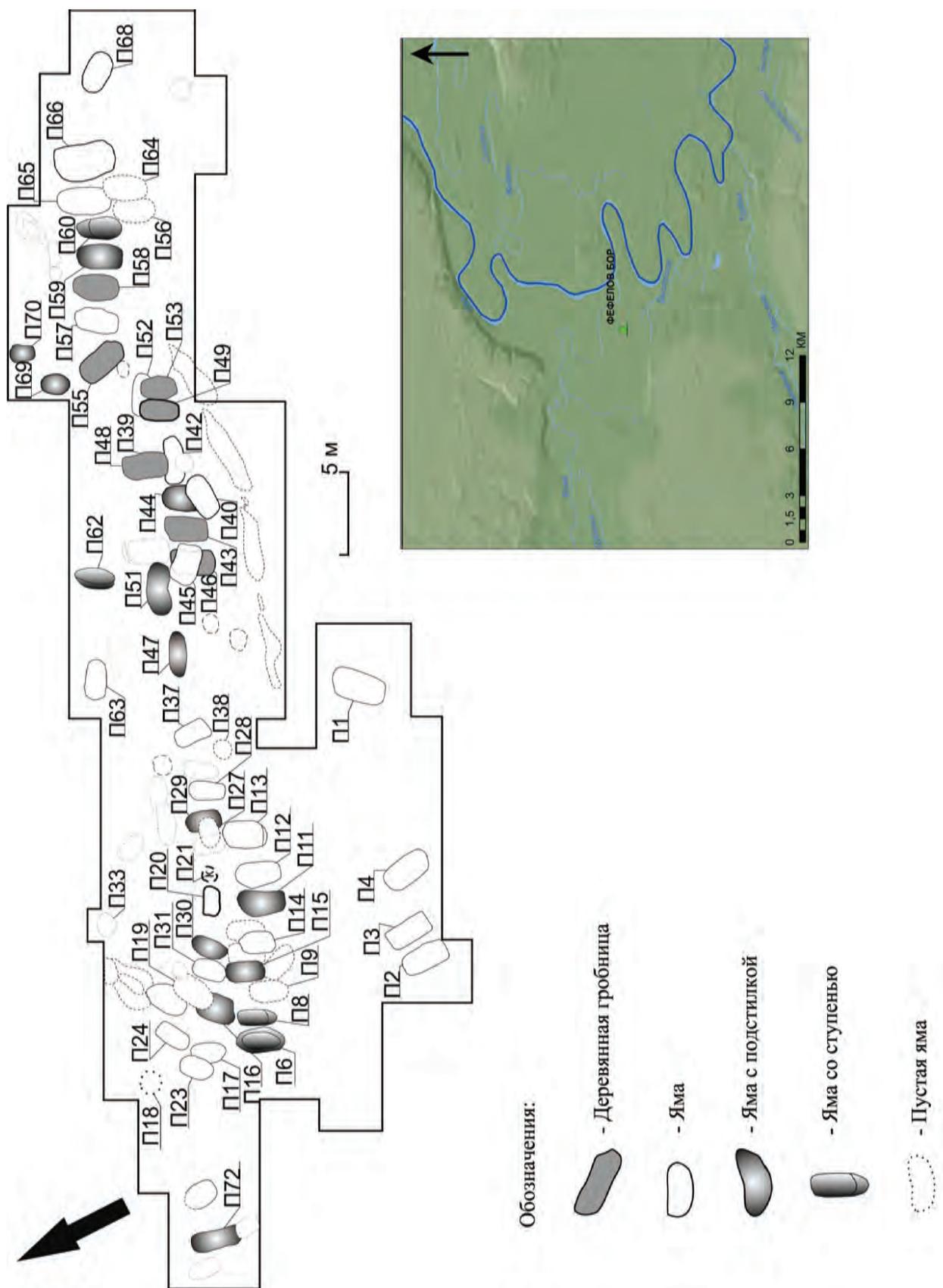

Рис. 8. Могильник Фефелов Бор.

двух случаях (№№ 18 и 20) зафиксированы кремированные кости человека, расположенные кучкой. Для иных случаев, указанных в публикации Т.Б. Поповой (1985. Табл. I), это сказать сложно в силу отсутствия утвердительного заключения специалистов¹². Однако необходимо упомянуть полосу из неопределенных кальцинированных костей вдоль СЗ края погребения № 53, покрытых красной краской (охра?). В остальных погребениях с разной долей уверенности можно отметить лишь тлен от погребенного. В 7 погребениях сосуды располагались в центральной части (№№ 10, 18, 27, 33, 35, 40, 55), что отчасти исключает ингумацию погребенного. Кроме того, в погребении № 18 кремированные останки располагались кучкой около сосуда, в остальных объектах с центральным расположением кости не были зафиксированы.

Планиграфически прослеживается линейное расположение могил в восточной части могильника, перпендикулярной линиям ориентировок основной части погребений. Однако и там можно отметить более поздние погребения, которые прорезают более ранние (в частности могилы №№ 40, 45, 52). Определенные различия, в том числе хронологические, есть и в инвентаре, в частности среди сосудов этих погребений. Северо-западная группа ям также не представляется единовременной по наличию множества могил, прорезающих друг друга. Кроме того, исходя из полевых отчетов за 1972 и 1973 гг. (Попова, 1972; 1973), керамика с «текстильными» отпечатками, в слое, связанная с остатками тризн, встречена только в районе северо-западной группы ям. Обособляет эту группу, помимо сосудов, наличие кремаций. Вероятно, наложение погребений предположительно КТК, сгруппированных опять же по неясному принципу, на линии погребений ПК образовало такую сложную стратиграфическую и планиграфическую картину, отраженную в западной части могильника.

Особо следует отметить наличие неясных объектов вдоль южной границы линий погребений в восточной части могильника в виде небольших и длинных котлованов. Несколько иные по форме, но сходные по своему неясному назначению объекты можно наблюдать в могильнике

Березовый рог. Не исключено ритуальное назначение подобных сооружений, возможно, каким-либо образом ограничивающих территорию могильника. Следует отметить также наличие остатков костров, очевидно, выполнявших ритуальную функцию рядом с отдельными погребениями как в западной, так и в восточной части. Подобных ритуальных объектов практически не было зафиксировано в могильнике Березовый рог. Тем не менее аналогичные костры с остатками тризн можно встретить в могильнике Дикариха.

Грунтовый могильник **Дикариха** располагается на всхолмлении второй террасы¹³ северо-восточного берега озера Плещеево (Никитин, 1973. С. 158). На нем вскрыто 1010 м² и исследовано 64 ямы, относящихся к могильнику (Никитин, 1963. Табл. III; 1973. С. 174). Материалы могильника опубликованы.

Основная сложность могильника Дикариха заключается в культурной обстановке, сложившейся в районе Плещеева озера. Наличие как минимум трех основных культурных компонентов – постфатьяновского, поздняяковского и раннего текстильного – сказалось на внешнем виде большинства сосудов. Весьма примечательным является и то, что пока нигде, кроме Дикарихи, не встречено большого количества сосудов с «текстильными» отпечатками на внешней поверхности непосредственно в погребениях.

Погребальные сооружения, возможно, в силу плохой сохранности, кроме трех ям с углистым контуром (№№ 3, 9, 47), представлены простыми ямами (Рис. 13). В последних два погребения были с подсыпкой по дну могильной ямы гравия и песка (№№ 11, 19) и два с органической подстилкой (или деревянного настила) (№№ 13, 16). Одно погребение было с большой боковой ступенью (№ 48). Размеры большинства могильных ям не превышают 220 см по длинной оси и 120 см по ширине, но в основном в пределах 170–200 на 90–110 см. Однако есть единичные небольшие погребения с размерами 170 на 120 см по длине и ширине соответственно (№№ 18, 25, 26, 36, 40, 51). Все они относятся к простым ямам. Имеются и крупные погребения – 250 на 120 см (№№ 2, 7, 15, 17); наибольшее из них (№ 21) – 320 на 160 см. Погребения с подсыпкой и органической подстилкой на дне исключительно крупных размеров

¹² В погребении № 18, «по определению остеолога Е.Г. Андреевой, кости, по-видимому, принадлежали человеку» (Попова, 1973).

¹³ По другим данным на первой террасе (Комаров, 2005. С. 178).

Рис. 9. Могильник Фефелов Бор. 1 – погребение № 29; 2 – погребение № 54.

(№№ 11, 13, 14, 19) – 270–280 см длиной и 90–160 см шириной. Также крупные размеры имели погребения с углистым контуром – 240–260 на 110–180 см. Соотношение длины и ширины погребений в массе своей прямо пропорционально, за исключением погребения № 30 (210 на 150 см). Глубина вреза для большинства погребений составляет от 15 до 30 см, за исключением двух погребений (№№ 17, 21) – по 75 см. Погребения с подсыпкой и подстилкой среди простых ям являются наиболее глубокими – врез в материк в пределах 30–40 см.

Погребальный инвентарь представлен сосудами, изделиями из бронзы¹⁴ и кремня. Сосуды различных горшковидных (как плоскодонные, так и круглодонные) и баночных форм¹⁵. Около половины из них с рябчатыми отпечатками на стенках или же ложнотекстильным орнаментом, по определению автора раскопок¹⁶. Два

¹⁴ Бронзовые нож (погребение № 2), пластинка (№ 7) и височное кольцо (№ 13).

¹⁵ Подробное описание см. в публикациях автора раскопок (Никитин, 1963; 1973).

¹⁶ Под этим термином следует понимать рябчатую

сосуда (Никитин, 1973. Рис. 6, 47, 48), один из них из погребения № 51, определены А. Л. Никитиным как близкие к ПК. Кроме этих сосудов, остальные не имеют прямых аналогий с погребальной поздняяковской керамикой, за исключением общих простых баночных форм. Более того, сосуды из погребений №№ 33, 34 (Там же. Рис. 3, 31, 8, 34) аналогичны по форме и орнаментации керамике КТК, в частности поселения Фефелов Бор I (Фоломеев, 1974. Рис. 3, 1; 4, 5, 6, 9). Сосуды из погребений №№ 36 и 46 имеют сильное внешнее сходство с небрежным и «простым» сосудом из погребения № 18 могильника Фефелов Бор. Орнаментация сосудов из погребений №№ 3, 4, 8, 9, 34 (Никитин, 1963. Рис. 8, 16, 17, 18, 19; 1973. Рис. 8, 34) имеет некоторое сходство в оформлении с керамикой чирковской культуры или же шире – постфатьяновского населения. Интересно и компактное расположение ЮВ группы погребений с этими сосудами, где в большинстве своем погребения вытянуты в

фактуру отпечатка, оставленного предположительно зубчатым (гребенчатым) штампом или же подобным по негативу отпечатка предметом.

Рис. 10. Могильник Фефелов Бор. 1, 2 – погребение № 65.

Рис. 11. Могильник Фефелов Бор. 1 – погребение № 44; 2, 3 – погребение № 47.

Рис. 12. Могильник Февелов Бор. 1 – погребение № 17; 2 – погребение № 18; 3 – погребение № 19; 4, 5 – погребение № 20; 6, 7 – погребение № 33.

линию. Сосуды из погребений №№ 8 и 34 на стенках также имеют рябчатый отпечаток.

Кроме 8 погребений, все сосуды располагались устойчиво в ЮВ секторе погребения. В 3 случаях сосуд находился в Ю (№№ 14, 34, 36) секторе, по одному в З (№ 45), С (№ 37) и СВ (№ 7). Расположение инвентаря соизмеримо с имеющимися ориентировками могильных ям, основная масса которых ориентирована по линии СЗ-ЮВ с небольшими отклонениями.

Костные останки сохранились лишь в виде зубов человека в погребениях №№ 4, 19,

13 и указывают на возможное ЮВ направление расположения головы погребенного. В 2 погребениях сосуды располагались в центре могильной ямы (№№ 15, 38), что, возможно, предполагает изначальное отсутствие костяка.

А.Л. Никитин относил могильник к культуре «ложнотекстильной» керамики. Однако среди встречающихся в погребениях сосудов можно обнаружить культурное влияние как постфатьяновского населения, так и поздняяковских орнаментальных традиций. Автором раскопок указывалось и на

различные стадии существования могильника по наличию в заполнении могил фатьяновской или «текстильной» керамики (Там же. С. 223). При этом нужно отметить, что фрагменты керамики с «текстильными» отпечатками, относимые к остаткам тризн, обнаружены на территории всего могильника (Там же. Табл. II). Значительное количество изделий из кремня бытового характера концентрируется в южной части могильника (Там же. Табл. I), что, возможно, свидетельствует о существовании поселения, перекрывающего южную часть могильника в более позднее (?) время.

В планиграфии могильника выделяются некоторые особенности (Рис. 10). Автор раскопок отмечал несколько схожих между собой групп погребений как планиграфически, так по инвентарю и по устройству надмогильных сооружений или оградок (Никитин. 1973. С. 175). В отдельные группы были выделены погребения, образующие отдельные по плану прерывистые линии: №№ 2–4, 9; №№ 6, 33, 38, 39; №№ 13, 16, 19, а также №№ 26 и 28. При этом в северной части находилась, по мнению А.Л. Никитина, наиболее ранняя группа погребений (№№ 13, 16, 19), одно из которых было перекрыто более поздней могильной ямой погребения № 15. Кроме одиночных могильных ям в центре могильника, в северной выделяется группа погребений, расположенных по кругу: №№ 15, 17, 18, 22, 25, 29, 30, 31 и, возможно, №№ 26, 28. Могильные ямы этих погребений имеют относительно меньшие размеры и различную ориентировку как внутри группы, так и в сопоставлении с «линейными» погребениями (Никитин, 1963. Табл. III). Очевидно и более позднее хронологическое положение «круговой» группы указанных выше погребений относительно «линейной» группы. К сожалению, как бедность инвентаря северной «круговой» группы погребений, так и отсутствие признаков иных погребальных сооружений не позволяют отделить их от основной массы по этим признакам. Тем не менее, нельзя не отметить схожую концентрацию стратиграфически более поздних погребений в северной части могильника и имеющих иную систему группировки в могильнике Березовый рог.

В сравнении с другими описанными могильниками Дикариха обладает также и рядом других отличительных признаков. В частности, наличием большого количества столбовых ямок, служивших либо в качестве оградок, либо в качестве каких-либо надмогильных сооружений. Имеются

множественные остатки от столбов и внутри могильных ям, по большей части по углам (№№ 3, 4, 9, 11, 38, 51 и др.). Для могильника Фефелов Бор подобные объекты известны для погребений №№ 1, 20 и 67, в которых столбовые ямки располагались по четырем углам. Для могильника Березовый рог – ямки от колышков внутри и от столбов снаружи по периметру погребения № 12 (Рис. 3). Отсутствуют и своеобразные котлованы, имеющие место по краям в могильнике Фефелов Бор и Березовый рог. Однако в Дикарихе можно наблюдать круглую в плане яму и чашевидную по форме в разрезе, обозначенную как яма I (Там же. С. 213). Не исключено, что схожим объектом является и яма неопределенной формы в могильнике Березовый рог. В заполнении ямы в Дикарихе, кроме фрагментов «текстильной» керамики и изделий из кремня, обнаружен массивный шлифовальный камень. Дополняет своеобразие Дикарихи и наличие своеобразного жертвенника в ЮВ углу могильника с остатками пережженных костей теленка, собаки и иных животных, а также собственно следов сжигания на месте. А.Л. Никитин, однако, сомневался в причастности данного объекта к могильнику, указав на традиции фатьяновской культуры (Там же. С. 218). Тем не менее, как и в случае с округлой ямой, описанной ранее, в заполнении были встречены фрагменты «текстильной» керамики, что предполагает ее поздний возраст.

Несмотря на указанные различия, в могильнике Дикариха можно наблюдать общие тенденции с описанными ранее могильниками. Наличие группы поздних погребений с иной системой расположения могил подразумевает два больших этапа в существовании могильника. Наличие поздняяковских черт и некоторых фатьяновских (или фатьяноидных) заставляют отнести «линейный» ряд погребений к более раннему времени, синхронному ПК. Отметим также в этой связи и два сосуда ПК в могильнике Дикариха, а также сосуд с «текстильным» отпечатком, но с поздняяковским орнаментом в могильнике Фефелов Бор. Как в том, так и в другом случае эти сосуды относятся к наиболее ранним.

Смена системы расположения погребений во всех трех могильниках, помимо возможного культурного различия, очевидно, связана с хронологическими изменениями. Данное положение подтверждается стратиграфически и, правда

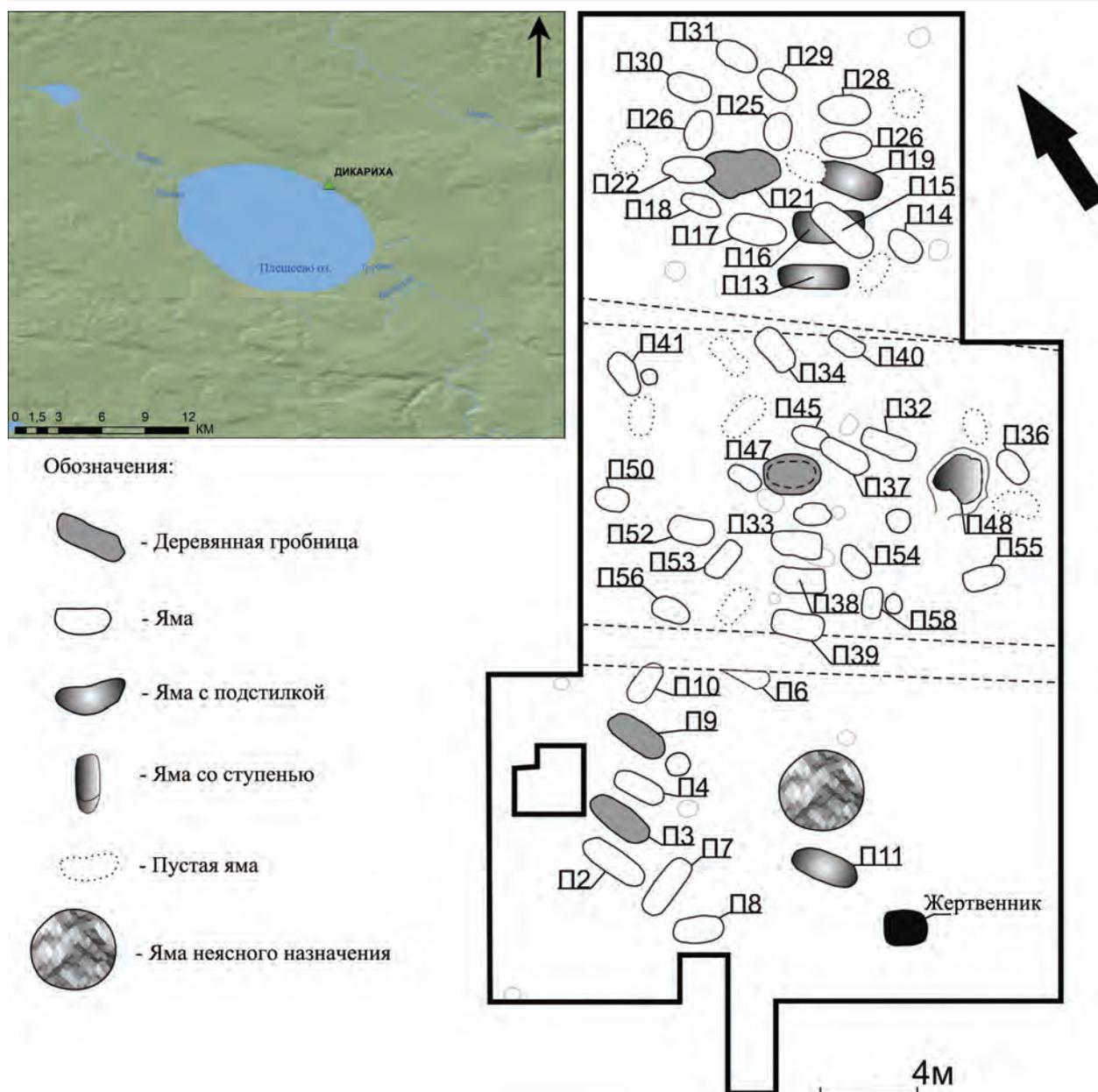

Рис. 13. Могильник Дикариха.

единично, радиоуглеродными датировками из могильника Березовый Рог. Для последнего северная группа ям имеет единственную возможную культурную атрибуцию – КТК. Однако в данном конкретном случае подобная точка зрения базируется лишь на том, что иных культурных образований в 12–11 вв. до н.э. в Волго-Окском регионе не выявлено. Что касается северных и северо-западных «нелинейных» погребений других могильников, связать их с полной уверенностью с КТК нельзя. Тем не менее очевидна по стратиграфии их относительно поздняя дата по сравнению с «линейными» погребениями.

Особый интерес вызывает «линейная» группа погребений Дикарихи, содержащая

сосуды с «текстильными» отпечатками. Как уже было отмечено, данные сосуды в орнаментации имеют некоторые черты керамики предшествующих культур Окского бассейна. Данные «линейные» погребения выделяются и наиболее устойчивыми крупными размерами могильных ям, а также более ранним стратиграфическим положением. В.В. Сидоров (1989) при раскопках могильника Ловцы в Ярославской области зафиксировал погребение с вытянутым положением костяка и сосудом с «текстильными» отпечатками ниже орнаментальной полосы. Внешне данный сосуд похож на сосуды из «линейных» погребений. К сожалению, данное погребение

фактически одно и не позволяет сделать утвердительных выводов.

Дальнейшая история погребальных традиций населения с «текстильной» керамикой Волго-Окского бассейна, за исключением восточных пределов (Младший Волосовский могильник), в силу ряда причин остается неизвестной. Исключение составляют несколько сооружений, названных «домиками мертвых», обнаруженных на городищах Березняки и у Савинно-Сторожевского монастыря. Оба объекта представляют собой срубы, углубленные в землю. Первый объект имел квадратную в плане форму со сторонами в 2,25 м. Яма второго имела по контуру остатки древесного тлена, каменную обкладку внутри по периметру, остатки от очага у входа и ступень с южной осевой стороны. Размеры ямы составляли 2×1,2 м, глубина – 55 см от материка. В обоих объектах имелись кремации людей и погребальный инвентарь, датированный третьей четвертью I тыс. н.э. (Смирнов, 1990. С. 51–54), что не позволяет проводить четких параллелей с рассмотренными памятниками. Тем не менее, нельзя не отметить общий вектор, проявляющийся в наличии деревянных конструкций и кремированных останков. В эпоху финальной бронзы наличие кремации, помещенной в небольшой яме, было отмечено исследователями на территории селища Дунино 4 (Звенигородский р-н Московской области), датированного VII–VI вв. до н.э. и отнесенного к дьяковской культуре (Кренке и др., 2010. С. 46). Помимо указанных остатков кремации в погребении № 20 в могильнике Фефелов Бор, помещенных в могильную яму кучкой в СЗ части вместе с инвентарем, наличие кальцинированных костей достоверно известно для, вероятно, полуразрушенных погребений №№ 18, 19, 33 и 53. В первых трех погребениях, совершенных по обряду кремации, кости также располагаются кучкой в могильной яме, а одно (№ 53) расположено полосой вдоль западной стенки деревянной конструкции. Однако в указанных 4 случаях, судя по полевым отчетам, не дано четкого определения костным останкам. Следует отметить, что, за исключением № 53, данные погребения с кремациями концентрируются в северо-западной, «поздней» части могильника. Несколько выделяется и инвентарь этих погребений.

Интересны параллели с древностями Средней Волги и Нижней Оки в ареале ананьинской культурно-исторической области

(АКИО) в IX–VI вв. до н.э. Формирование средневожской КТК (акозинской) (Кузьминых, 1983. С. 157) целиком связано с распространением в восточные регионы, начиная, вероятно, с третьей четверти II тыс. до н.э. (Соловьев, 1995. С. 80), населения с «текстильной» керамикой¹⁷. Однако среди инвентаря акозинских погребений не встречено ни одного сосуда с «текстильным» отпечатком на поверхности (Чижевский, 2008. С. 34). Также следует отметить большое разнообразие погребальной утвари (Там же. С. 36–40) по сравнению со всей лесной зоной Волго-Окского междуречья финала бронзового века, что, очевидно, является проявлением активных контактов с собственно ананьинским населением. Тем не менее, нельзя не отметить общую черту в структуре погребальных памятников. Характерным признаком для погребений акозинской культуры является расположение группами, без какой-либо четкой закономерности, в отличие от расположенных в ряд погребений остальных культур АКИО (Там же. С. 82), что отчасти сближает их с северными и северо-западными группами погребений могильников Березовый рог, Дикариха и Фефелов Бор.

Плохая сохранность останков погребенных волго-окских могильников не дает возможности использовать этот элемент структуры погребального памятника. Кроме уже не раз упоминаемой кремации из погребения № 20 могильника Фефелов Бор, костные останки, в виде эмали человеческих зубов около сосудов, обнаружены в погребениях №№ 4, 9, 13 могильника Дикариха, указывающих на ЮВ ориентировку. При условии, что указанные выше погребения относятся к более ранним («линейным»), наличие каких-либо человеческих останков для выделяемых погребальных памятников КТК последней четверти II тыс. до н.э. ограничивается лишь возможным наличием кремаций на примере погребения на селище Дунино 4 и, вероятно, погребения № 20 могильника Фефелов Бор. В силу этого не исключена и точка зрения об отсутствии традиции у населения КТК помещения погребенного в землю (Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 34), что связано с наземным или иным обрядом захоронения, позднее проявившимся в

¹⁷ Более подробно об акозинской проблематике и АКИО в целом см. краткие обзоры (Чижевский, 2008. С. 33–34; Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 29–38).

летописании и единичных археологических свидетельствах финно-угорских народов (Смирнов, 1990. С. 59, 60). Отчасти это подтверждается наличием столбовых ямок внутри могильных ям могильников Дикариха и Березовый рог.

В позднем бронзовом веке на территории к югу от Оки наблюдается распространение кремации, но при наличии и ингумации. Для последних характерно сильно скорченное положение костяка, что, возможно, является отражением связей со срубным населением (Воловик, 1997. С. 10). Отмечается сильное влияние культур лесной полосы Волго-Окского междуречья на сложение малобудковской культурной традиции в лесостепи Восточной Украины (Там же. С. 23). Таким образом, по обратным связям нельзя исключать схожий биритуализм и в среде КТК – наличие как кремаций, так и труположений. Если для первых мы можем довольствоваться хотя бы единичными примерами, то для вторых возможно лишь гипотетически предположить их наличие. В частности, для небольших размеров погребальных сооружений северной группы ям могильника Березовый рог, при условии ингумации, иного расположения костяка, как сильно скорченного на боку, предположить сложно. Кроме того, с учетом того влияния, которое оказывали друг на друга носители ПК, имеющей, в свою очередь, тесные связи со «срубным миром» и ранней КТК, подобные явления выглядят вполне естественно в более позднее время. Также наличие кремаций вместе с ингумациями известно и для синхронной КТК на территории Окского бассейна культуры ранней штрихованной керамики (КШК) на территории южной Прибалтики (Васк, 1991. С. 126, 127). По всей видимости, при повсеместном распространении в конце эпохи бронзы традиций мира культур «полей погребений», связанного с кремациями, в Волго-Окском регионе сохраняются прежние традиции захоронений, связанные прежде всего с ПК.

Таким образом, на территории Волго-Окского междуречья можно выделить определенное количество погребений, связанных с КТК. К определяющим их характеристикам, кроме культурной атрибуции погребального инвентаря, следует отнести следующие: более позднее стратиграфическое положение относительно ПК; отсутствие выраженной системы расположения погребений и группировку в

отдельной части могильника; практически полное отсутствие костных останков (за исключением возможных кремаций) на позднем этапе и, вероятно, вытянутое положение костяка на раннем; наличие фрагментов «текстильной» керамики в заполнении и перекрывающем слое; наличие специфического погребального сооружения в виде «деревянного ящика»; бедность инвентаря при преобладании небольших сосудов баночных форм. Несколько выделяется могильник Дикариха, возможно, отражающий культурное своеобразие региона и различные этапы в становлении КТК. Так или иначе, погребения с «текстильными» сосудами в «линейном» ряду вместе с поздняяковским сосудом без отпечатка в могильнике Дикариха и наличие сосуда с «текстильным» отпечатком среди «линейной» цепи поздняяковских погребений могильника Фефелов Бор подразумевают наличие контактов носителей этих культур в период более ранний, чем массовое распространение «текстильной» керамики на Средней Оке в финале бронзового века. Кроме того, данное обстоятельство отчасти подтверждает тезис о существовании как минимум двух этапов в развитии КТК эпохи бронзы (Воронин, 1998. С. 39). В этой связи уместнее будет отнести «линейный» ряд погребений могильника Дикариха к раннему этапу, а северо-восточную группу, перекрывающую «линейный» ряд, к позднему.

Характер расположения погребений и иные признаки сближают позднюю группу погребений Дикарихи с северной группой ям с «деревянными ящиками» Березового рога и частью погребений в северо-западной части могильника Фефелов Бор, где в инвентаре встречены отмеченные ранее сосуды, не характерные для ПК и имеющие аналогии среди материалов КТК. Специфика этих погребений, а также поздний хронологический возраст последних двух групп заставляет отнести данные погребения к КТК Окского бассейна финала бронзового века. Возможно, в силу специфики самой КТК данные погребальные памятники отображают некоторое своеобразие развития каждого конкретного микрорегиона. К сожалению, состояние источников пока не позволяет более детально рассмотреть многие важные проблемы, связанные с погребальными традициями Волго-Очья. Остается надеяться, что новые полевые исследования,

переосмысление и критический подход к уже имеющимся материалам изменят положение дел в исследовании проблематики погребальных памятников лесной зоны Восточной Европы эпохи поздней бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н., Попова Т.Б.* Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987. С. 131–135.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.
- Васильев И.Б.* Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья // 40 лет Средневолжской археологической экспедиции. Самара, 2010. С. 64–86. (Краеведческие записки. Вып. XV)
- Васк А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига, 1991.
- Воловик С.И.* К вопросу о сложении бондарихинской культуры // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: ТД. Харьков, 1995. С. 23–24.
- Воловик С.И.* Могильники и погребальный обряд малобудковского населения // Проблемы истории и археологии Украины: ТД. Харьков, 1997. С. 10.
- Воронин К.В.* От социальной адаптации к культурной интеграции (к вопросу о взаимодействии культурных традиций бронзового века в Волго-Окском бассейне) // ТАС. 1998. Вып. 3. С. 37–42.
- Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культуры с сетчатой керамикой бронзового века // ТАС. 1998. №3. С. 308–323.
- Воронин К.В.* Комплекс бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская слобода II // ТАС. 2013. Вып. 9. С. 329–344.
- Городцов В.А.* Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // ДТМАО. 1914. Т. XXIV. С. 40–216.
- Комаров К.И.* Археологическая карта России: Ярославская область. М., 2005.
- Кренке Н.А., Лазукин А.В., Елкина И.И., Еришов И.Н., Леонова Е.В., Чернов С.З.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода // Археология Подмосковья. М., 2010. Вып. 6. С. 34–48.
- Кузьмина О.В., Михайлова О.В., Субботин И.П.* Раскопки Владимирского курганного могильника эпохи бронзы // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: ММНК. Чебоксары, 2003. С. 259–270.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006. С. 162–170.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 180-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 29–55.
- Никитин А.Л.* Дикариха // МИА. 1963. № 110. С. 204–226.
- Никитин А.Л.* Могильник Дикариха на Плещеевом озере // СА. 1973. № 2. С. 158–177.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65–76.
- Попова Т.Б.* Племена поздняковской культуры // ТГИМ. 1970. Вып. 44. С. 154–261.
- Попова Т.Б.* Отчёт о работе Окской археологической экспедиции 1970 г. М., 1971 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 4374.
- Попова Т.Б.* Отчёт о работе Окской археологической экспедиции 1972 г. М., 1973 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 4973.
- Попова Т.Б.* Значение орнаментальных мотивов и керамических форм для датировки памятников поздняковской культуры на Средней Оке // ТГИМ. 1985. Вып. 60. С. 133–187.
- Попова Т.Б.* Грунтовый могильник поздняковской культуры под Рязанью // ТГИМ. 1988. Вып. 68. С. 101–137.
- Сидоров В.В.* Отчет Подмосковной экспедиции. Лужковско-Ловецкий отряд

- в сезоне 1989 г. // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 15133.
- Смирнов К.А.* Погребальный обряд Дьяковской культуры // СА. 1990. № 2. С. 51–61.
- Сулержицкий Л.Д., Фоломеев Б.А.* Радиоуглеродная хронология памятников с текстильной керамикой бассейна средней Оки // Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 1. С. 20–34.
- Фоломеев Б.А.* Отчёт о работе Окско-Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея за 1992 год. М., 1993 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 17798.
- Фоломеев Б.А.* Отчет о работе Окской археологической экспедиции Государственного исторического музея за 1994 год. М., 1995 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 20078.
- Фоломеев Б.А.* Исследования могильника Березовый рог // Тезисы докладов Отчетной сессии Государственного Исторического музея по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996. С. 22–24.
- Фоломеев Б.А.* Отчет о работе Окской археологической экспедиции Государственно-го исторического музея за 1996 год. М., 1997 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 21342.
- Фоломеев Б.А.* Отчет о работе Окской археологической экспедиции Государственного исторического музея за 1998 год. М., 1999 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 22075.
- Фоломеев Б.А.* Отчет о работе Окской археологической экспедиции Государственного исторического музея за 2000 год. М., 2001 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 24295.
- Фоломеев Б.А.* Отчет о работе Окской археологической экспедиции Государственного исторического музея в 2001 году. М., 2002 // НА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 24955.
- Фоломеев Б.А., Челяпов В.П., Иванов Д.А.* Курган № 1 могильника Березовый Рог // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1997. Вып. 6. С. 87–94.
- Челяпов В.П.* Засеченский курганный могильник. Рязань, 1992.
- Чернай И.Л.* Научное наследие В.П. Челяпова в проблематике поздняяковской культуры в свете данных о сакральных знаках // Материалы по истории и археологии России. Рязань, 2010. Т. 1. С. 151–163.

КОМПЛЕКСЫ ГРЕБЕНЧАТО-ШНУРОВОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ РЖВ ПОСЕЛЕНИЯ ВАТАЖКА

А.В. Новиков (Кострома)

Complexes of the comb-corded and corded ware of the Early Iron Age settlement
Vatazhka

A.V. Novikov (Kostroma)

Благодаря археологическим работам, проведенным на территории Костромской низины в 20-е годы XX в. В.И. Смирновым (Комаров, 1999) и в середине XX в. Н.Н. Гуриной (1963), были получены значительные материалы по раннему железному веку. Результаты исследований частично опубликованы (Гурина, 1963. С. 85-203), однако в последующие годы комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики с территории Костромского Поволжья оставались без внимания. Цель настоящей статьи – характеристика комплексов гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ с поселения Ватажка.

Поселение Ватажка, Оганино поселение 12 Ватажка (Комаров, 1999. С. 103, 104), по паспортной документации – стоянка Ватажка у д. Оганино (Жилин, 1980) располагается в 3,5 км к северо-востоку от д. Аганино (Костромская область и район) (Рис.1). Занимает останец в высокой пойме на северо-восточном берегу оз. Борисово в 0,5 км к востоку от впадения в него р. Якши (урочище Ватажка). Высота над уровнем поймы до 4 м. Памятник открыт в 1924 г. П.Н. Третьяковым, исследовался в 1925–1927 гг. В.И. Смирновым, в 1954 г. Н.Н. Гуриной. Культурный слой в виде темного гумусированного песка достигает наибольшей мощности 0,43 см, в среднем около 0,25–0,30 см, и залегает сразу под дерном.

Территория поселка осваивалась неоднократно, начиная с финала позднего бронзового века. К этому времени относится сравнительно немногочисленный комплекс сетчатой и гладкостенной (поздняковской?) керамики. Следует отметить, что керамический материал, обнаруженный на территории поселка, разнообразен и разнороден. Существовал ли поселок на данном месте непрерывно, начиная с эпохи

поздней бронзы, или все-таки имелся хронологический разрыв до повторного освоения его территории в РЖВ? Встреченные единичные фрагменты неолитической льяловской и раннебронзовой фатьяновской керамики являются, безусловно, на данном месте случайными, как и фрагменты гончарной средневековой посуды. Так, Н.Н. Гурина (1963. С. 164) отмечала, что начало заселения поселка Ватажка относится к середине I тыс. до н.э., но указывает, что основная масса посуды относится к концу I тыс. до н.э. и, возможно, первым векам нашей эры.

Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды не выглядят чужеродными в преобладающем массиве сетчатой, нитчатой, реже штрихованной и заглаженной посуды переходного периода и раннедьяковского времени поселения Ватажка. Следует отметить и сильную фрагментарность данного комплекса и коллекции в целом. Целых форм нет. Статистически сосуды выделялись по верхней части. Существует определенная сложность в вычленении фрагментов нижней части такой посуды, а именно с наибольшего расширения по тулову. Так, поверхность, помимо заглаживания, зачастую имеет и сетчатую структуру как мелкоячеистой, так и крупноячеистой фактуры, как с бессистемно расположенными отпечатками, так и складывающимися регулярно. Отпечатки могут быть как четко вдавленными, так и слабо, едва заметными, подзатертыми. Точно такие же отпечатки характерны и для бедно орнаментированной сетчатой посуды финала ПБВ, переходного периода и раннедьяковского времени данного региона.

Среди гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды четко выделяется комплекс с воротничком, где поверхность заглаживалась или слегка подштрихована (расчесана). Также в основном заглаживалась поверхность

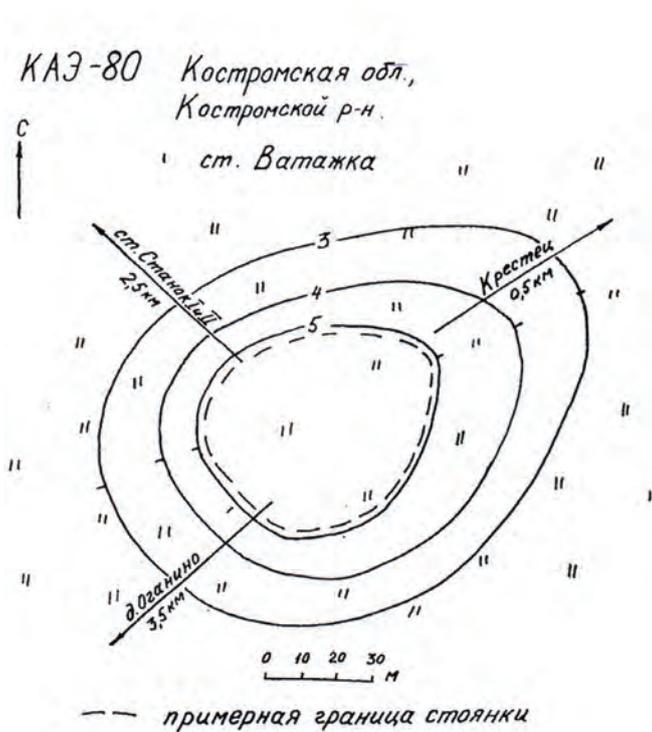
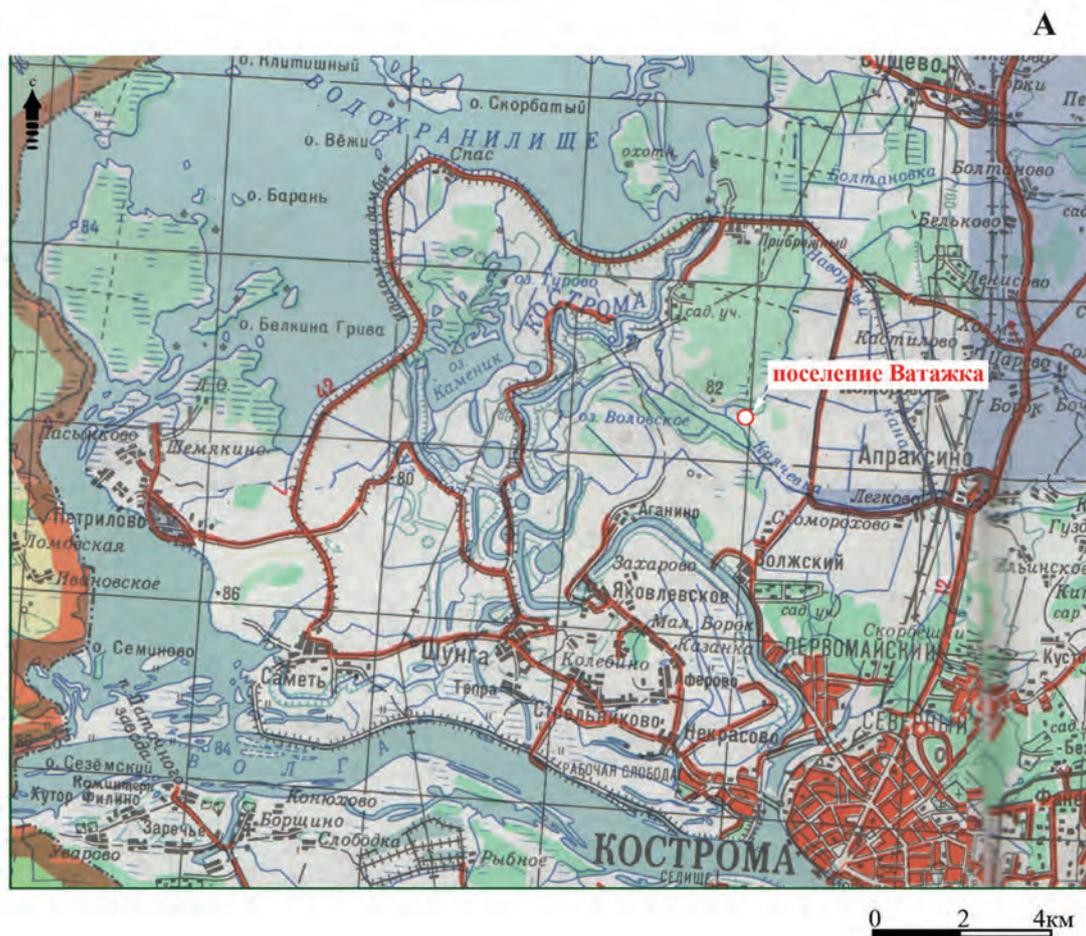

Рис.1. Поселение Ватажка. А. Местнонахождение. Б. Выкопировка из паспорта стоянки Ватажка, 1980 г.

плавно профилированной шнуровой посуды и горшков только с гребенчатой орнаментацией¹. Также вполне допустимо, что наличие определенного количества стенок с сетчатой структурой поверхности может быть от шнуровой посуды, нижней ее части. Тогда процент соотношения данного комплекса керамики может выглядеть весьма внушительно и достигать как минимум 30 % от общей массы керамики поселка Ватажки.

Коллекции предметов из раскопок поселения Ватажка в настоящее время находятся на постоянном хранении в фонде археологии ОГБУК «Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», г. Кострома (раскопки 1925 г. – КМЗ КОК 15407; 1926 г. – КМЗ КОК 15406; 1927 г. – КМЗ КОК 15405; 1954 г. – КМЗ КОК 17035). Всего насчитывается 8336 предметов из раскопок 1925–1927 гг. и 10883 – 1954 г.

Опишем выделенные группы шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики.

Первая группа представлена гребенчато-шнуровой и шнуровой плавнопрофилированной посудой с воротничком. Она достаточно немногочисленна и представлена фрагментами не менее чем от 12 сосудов, выделенных по верхней части (Рис. 2).

Морфологические особенности данной группы посуды: горшки плавной профилировки с воротничком по краю (ворот максимально спускается от среза на 2,5 см), слегка вогнутой внутрь шейкой и пологим, низко опущенным плечом; тулово округлое. Низкий ворот отмечен в 4 случаях, высокий в 8.

Поверхность, как правило, снаружи и изнутри заглажена. В 4 случаях ниже орнаментальной зоны с внешней стороны наблюдаются расчесы по тулову (Рис. 2, 3, 7, 11, 12). Снаружи фрагменты коричневые, серо-коричневые, изнутри серые, иногда с легким нагаром. В изломе, как правило, фрагменты серые, серо-черные. В примеси – песок, встречаются фракции крупнозернистого песка, дресва. Лишь один раз отмечена органическая примесь.

В большинстве случаев воротничок оформлен горизонтальными рядами перевитого тонкого шнура (направление шнура во всех случаях правонаклонное), в одном – без орнамента, в трех фиксируются вертикальные отрезки гребенчатого штампа и опять же в одном – неглубокие вдавления

подромбической формы, чередующиеся с горизонтальной елочкой, выполненной также неглубокими вытянутыми вдавлениями (Рис. 2, 10). Горизонтальные линии, образованные перевитым шнуром, в 3 случаях дополнены наклонными отрезками гребенчатого штампа, начинающими композицию и заканчивающими ее у основания ворота. В 2 случаях фиксируются вертикальные отрезки гребенчатого штампа (Рис. 2, 5, 12).

Оттиски состоят из спаренного, строенного и четырехрядного и более перевитого тонкого правонаклонного шнура. Под воротничком у 8 горшков нанесен горизонтальный ряд округлых ямочных вдавлений, который нередко дополняется короткими вертикальными отрезками из 2 ямок, выстраивающихся перпендикулярно.

Часто ряды шнура, как на воротничке, так и ниже по шейке и плечикам чередуются с наклонными отрезками, выполненными гребенчатым штампом. Нижняя часть композиции в 2 случаях замыкается однорядным зигзагом, выполненным гребенчатым штампом (Рис. 2, 4, 7), в одном – наклонными отрезками гребенчатого штампа и неровными ямками (Рис. 2, 12), в остальных – горизонтальными линиями шнура.

Орнаментальная композиция формируется до максимального расширения тулова, ниже не прослеживается.

Вторая группа представлена значительным комплексом шнуровой керамики, а именно: плавно профилированными горшками с вогнутой высокой (редко короткой) шейкой и пологими приспущенными плечиками, округлым туловом (Рис. 3, 4). По верхней части выделяется не менее 26 сосудов. Венчик плоский, со слегка утолщенным, как правило, внешним краем (в 9 случаях), округло-приостренный (1), округлый с валиковым напылом или с Г- либо с двусторонней Т-образной оттяжкой (23). Примесь в тесте – песок, крупнозернистый песок. Цвет серо-коричневый, в изломе черный, серо-черный. Снаружи поверхность заглажена, иногда со штриховкой и лишь в 4 случаях – сетчатая. Изнутри фрагменты заглажены.

Керамика данной группы украшена оттисками горизонтального переплетенного правонаклонного одинарного шнура (в 4 случаях), спаренного (10), строенного (17), в 4 ряда и более (9). Горизонтальные линии шнуровых оттисков дополняются, чередуются с рядами ямочных вдавлений округлой

¹ Посуда только с гребенчатой орнаментацией в данной статье не рассматривается.

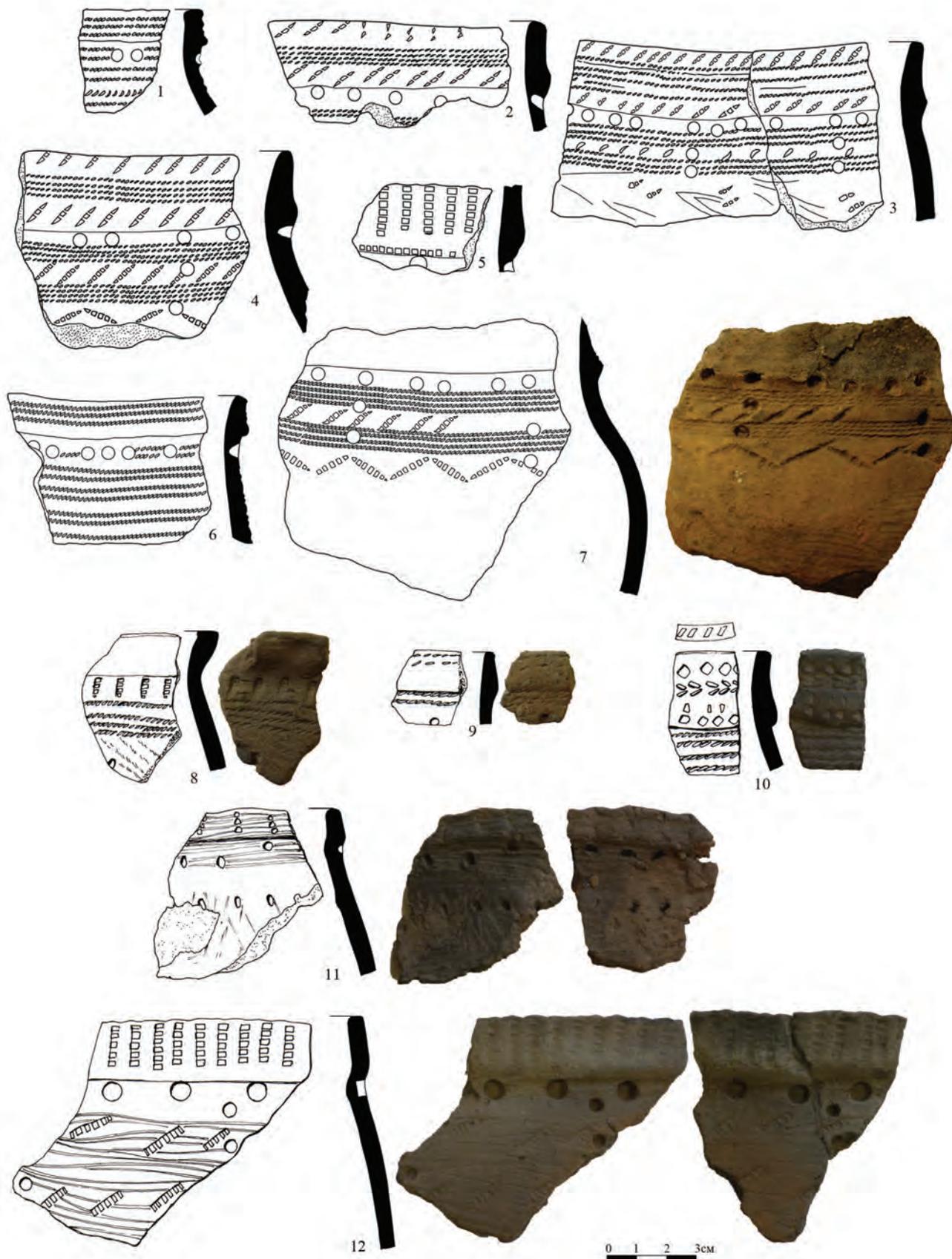

Рис.2. Гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика с «воротничком».

формы, реже неправильной, подквадратной и прямоугольной. Вдавления в большинстве случаев опоясывают шейку сосудов, реже отмечаются по плечу (в 4 случаях) (Рис. 3, 4, 13, 21; 4, 9). Единично по плечу отмечены ямки с «ресничками» (Рис. 3, 14). На одном фрагменте горизонтальная линия шнура волнообразно изгибается (Рис. 3, 8). Срез в 4 случаях оформлен косыми отрезками гребенчатого штампа (Рис. 3, 21; 4, 3, 8, 14), в одном – гофрированный (Рис. 3, 12). Единично зафиксированы и вертикальные отрезки, дополняющие ряды шнура (Рис. 3, 5). Еще в одном случае отмечена горизонтальная елочка (Рис. 4, 4). Поверхность одного из горшков имеет достаточно сложную по сравнению с другими горшками данной группы орнаментацию. На сетчатую мелкоячеистую структуру поверхности, местами сильно подзатертую, накладываются оттиски шнура в виде двойной горизонтальной линии и двойного горизонтального зигзага и шнура, наложенного редко, но повторяющего горизонтальные линии. Оттиски дополнены по шейке и плечикам ямочными вдавлениями (Рис. 3, 21).

Третья группа представлена профилированными горшками с высокой вогнутой шейкой и выделенным, слегка приподнятым выпуклым плечом, нередко оформленным в виде ребристого выступа (Рис. 5, 6). Тулово округлое, сужающееся к придонной части. По верхней части выделено 16 сосудов.

Венчик плоский, слегка скошенный наружу, с небольшой оттяжкой края наружу в 6 случаях, в одном – с валикообразным напылом (Рис. 5, 3); у 3 горшков венчик округло-приостренный. Цвет керамики коричневый, серо-коричневый, в изломе коричневый, серо-черный, нередко трехслойный. У части фрагментов на поверхности прослеживаются следы небольшого нагара. Поверхность таких фрагментов снаружи гладкая или с сетчатой структурой. Изнутри фрагменты заглажены. Примесь – песок, встречаются крупные фракции.

У 12 фрагментов отмечены сетчатые и нитчатые отпечатки, как правило, нанесенные с наибольшего расширения по тулову, единично заходящие на зону со шнуровыми оттисками, то есть на шейку. Структура сетчатых отпечатков – мелкоячеистая, регулярная, хаотичная, местами сильно затертая и крупноячеистая, четкая, регулярная

в одном случае. В 3 случаях отпечатки нитчатые.

Как и у предшествующей группы плавнопрофилированной шнуровой керамики, орнамент не наносился ниже наибольшего расширения по тулову, максимально доходит до ребристого выступа. Отмечены переплетенный одинарный правонаклонный шнур (в 3 случаях), спаренный и строенный (по 4) и выстроенный в 4 ряда и более (в 8 случаях). Один из фрагментов был украшен двойной волной из шнура (Рис. 6, 4).

Элементы орнамента данной группы достаточно скудны и представлены в основном мелкими неправильными вытянутыми вдавлениями, ямками с неровными краями, прямоугольными и квадратными наколами. Единично отмечен однорядный горизонтальный зигзаг из отрезков гребенчатого штампа (Рис. 5, 10).

Следует отметить, что вдавления, особенно округлой формы, на такой керамике фиксируются значительно реже, чем на воротничковой и плавнопрофилированной шнуровой посуде. На одном фрагменте нанесены разнонаклонные овалы из шнура, с одной короткой стороны не замкнутые, между ними расположены горизонтальные линии перевитого шнура (Рис. 5, 2). На другом на сетчатую мелкоячеистую подзатертую поверхность по шейке наложены тройные ряды шнура и спаренные вдавления четырехугольной и неправильной формы, а с наибольшего расширения по тулову фиксируются крупноячеистые четкие регулярные вдавления (Рис. 5, 9).

Четвертая группа представлена горшками с прямой вертикальной или слегка вогнутой внутрь шейкой (слабопрофилированные) (Рис. 7, 8). Выделяется две подгруппы.

В подгруппе 4-а – 9 горшков с плавным, слегка изогнутым профилем (Рис. 7). Край округлый (4), слегка приплюснутый (2), с оттяжкой наружу (2), валикообразный (1). Шейка – высокая, прямая, с небольшим изгибом, плечики округлые, в одном случае с небольшим выступом (Рис. 7, 4). Тулово сужается к придонной части. Цвет черепков коричневый, коричнево-серый, в изломе фрагменты серые, серо-черные. Изнутри заглажены. Примесь – песок, в том числе крупнозернистый.

У 3 сосудов с внешней стороны от наибольшего расширения по тулову фиксируются сетчатые отпечатки

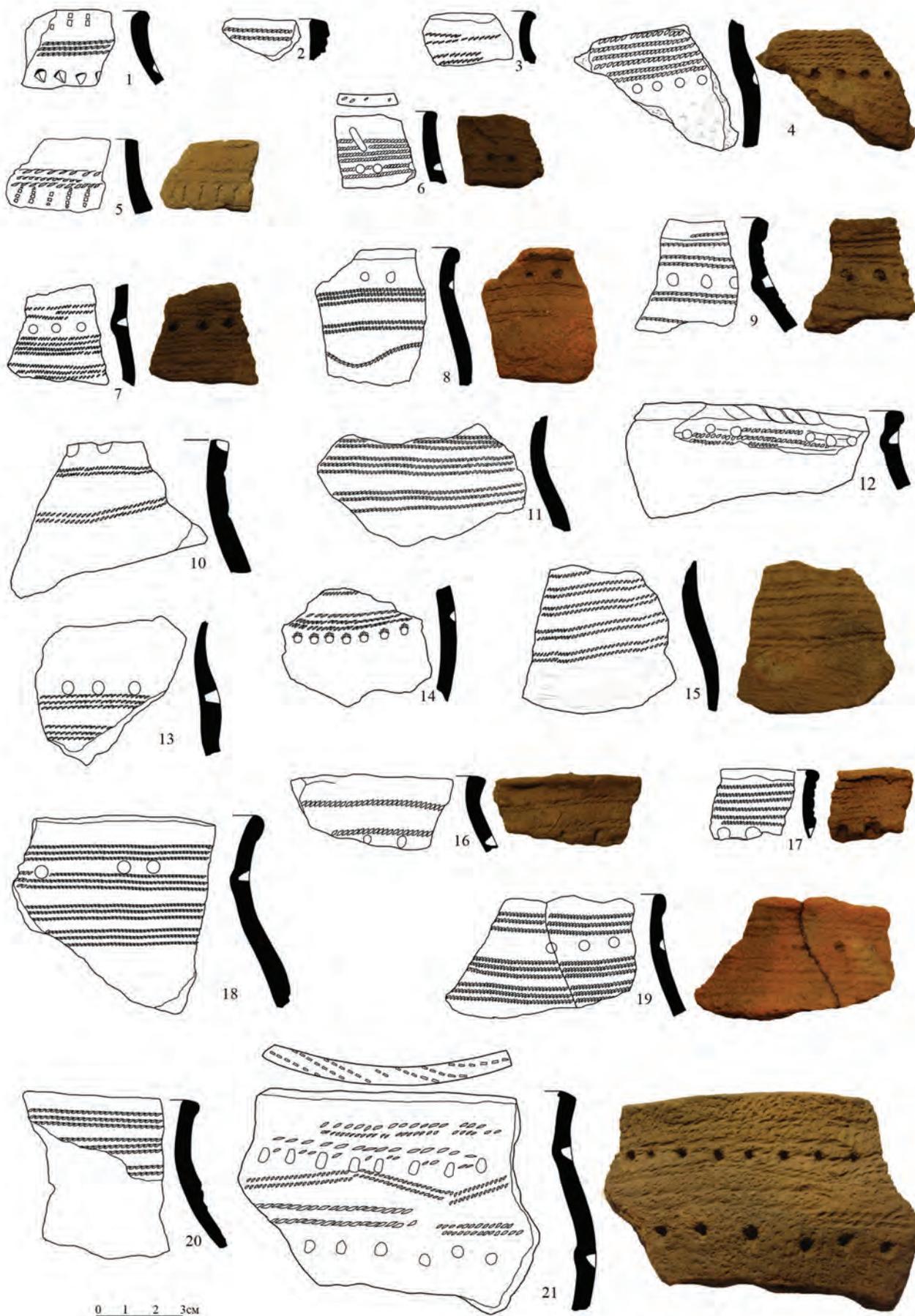

Рис.3. Плавнoproфилированная шнуровая керамика.

Рис.4. Плавнопрофилированная шнуровая керамика.

Рис.5. Профилированная шнуровая и гребенчато-шнуровая керамика.

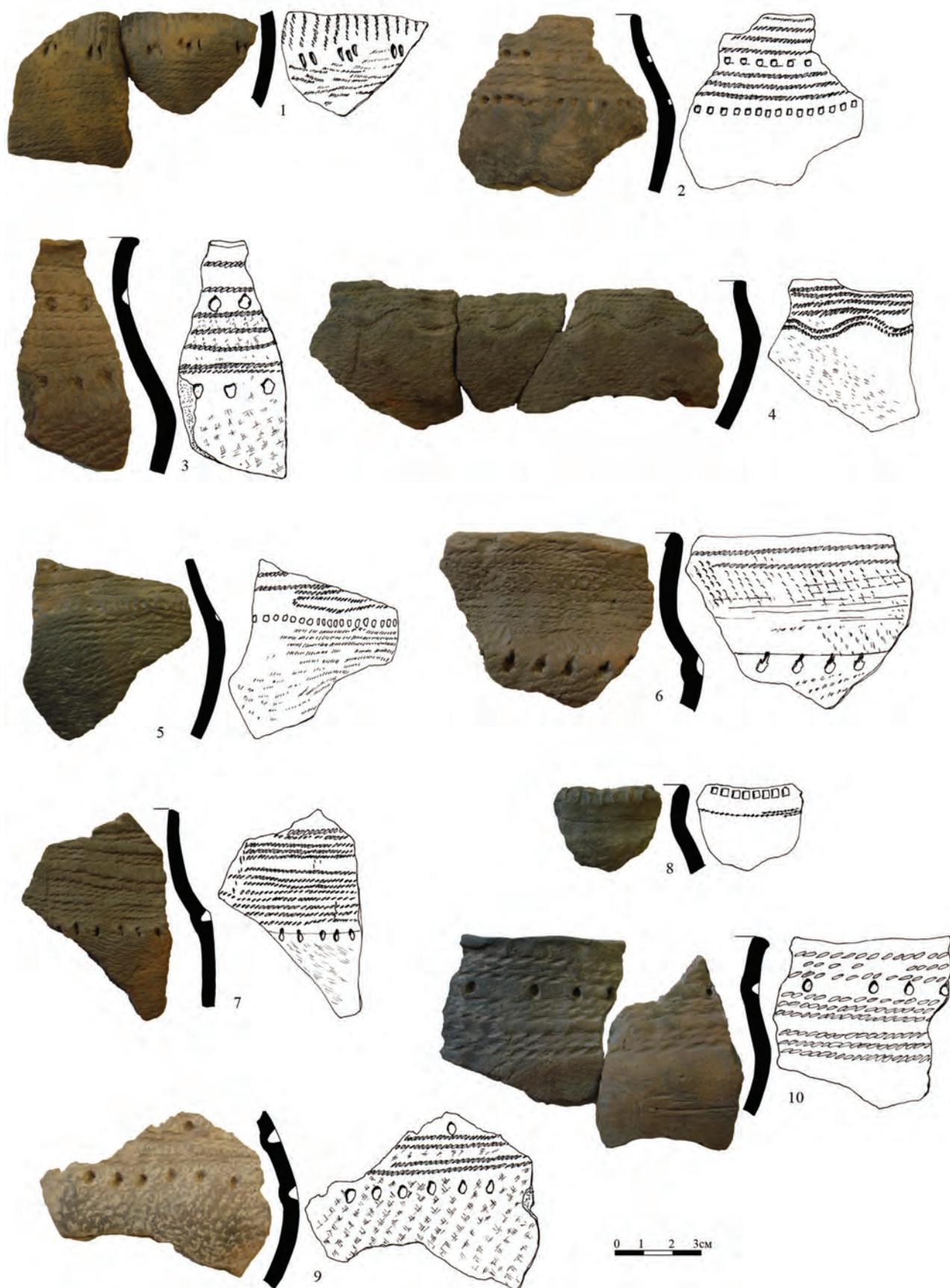

Рис.6. Профилированная шнуровая керамика.

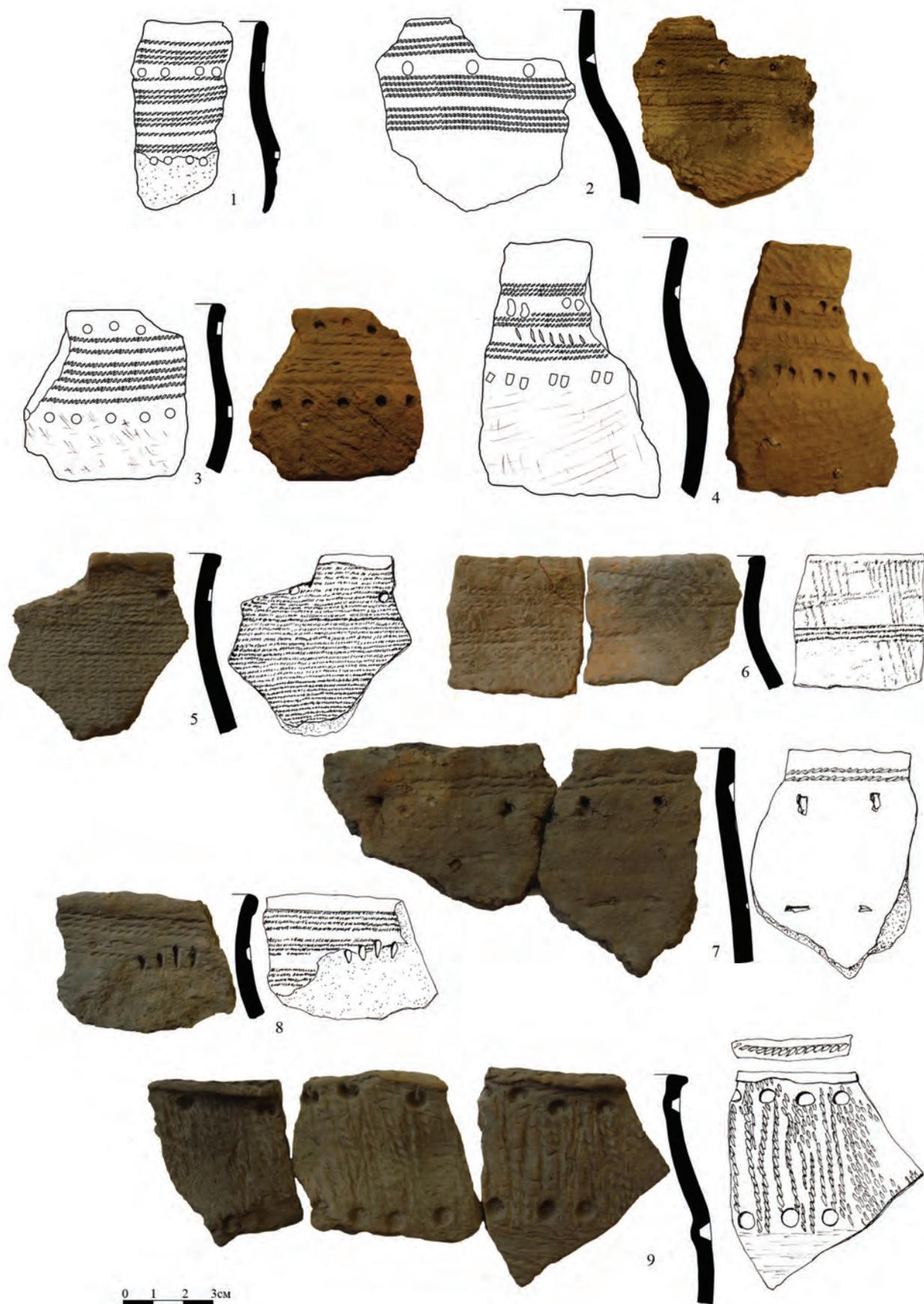
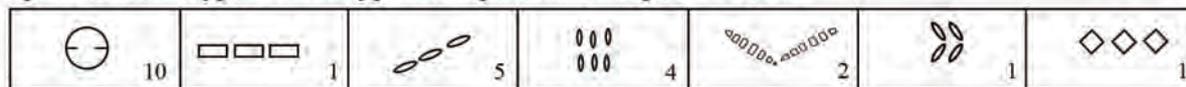

Рис.7. Слабопрофилированная шнуровая керамика.

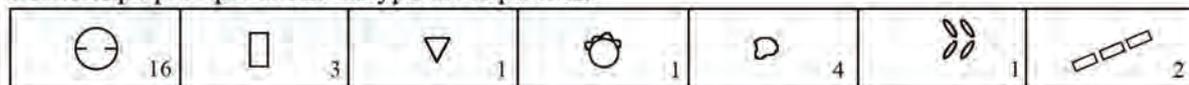

Рис.8. Слабопрофилированная шнуровая керамика и гребенчато-шнуровая керамика.

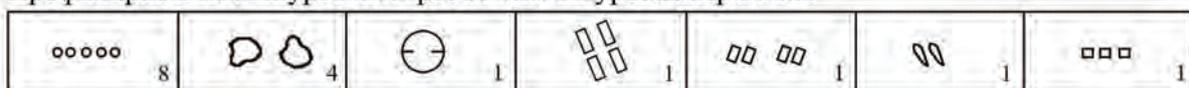
Гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика с «воротничком».

Плавнопрофилированная шнуровая керамика.

Профилированная шнуровая и гребенчато-шнуровая керамика.

Слабопрофилированная шнуровая и гребенчато-шнуровая керамика.

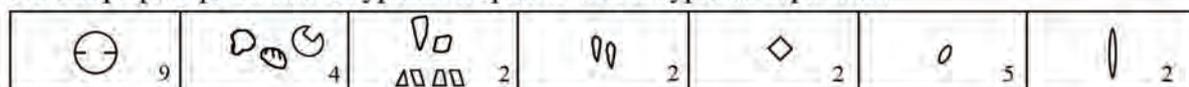

Рис.9. Таблица элементов орнамента.

крупноячеистой структуры, четко вдавленные, у двух замечены мелкоячеистые подзатертые отпечатки. В двух случаях поверхность ниже орнаментальной зоны, в месте, где фиксировались отпечатки в предыдущих случаях, сбита (Рис. 7, 1, 8). Один сосуд заглажен (Рис. 7, 7), другой полностью покрыт шнуровыми тонкими отисками (Рис. 7, 5). Одинарный ряд правонаклонного перевитого шнура не встречается, спаренный шнур отмечен лишь раз, строенный – трех случаях, в 4 и более рядов – в пяти. На одном сосуде по шейке линии шнура наложены вертикально (Рис. 7, 9).

Элементы орнамента, как и в предыдущей группе, крайне бедны и представлены округлыми неправильными и каплевидными вдавлениями по шейке и плечикам. В этой же зоне расположены шнуровые отиски и вдавления, ниже орнамент не наносится.

В подгруппе 4-б – не менее чем 22 слабопрофилированных сосуда (Рис. 8). Плоско срезанный край, чаще всего с оттяжкой на внешнюю сторону, реже – в обе или в обратную внутреннюю сторону,

иногда прослеживается подобие небольшого валикообразного наплыва (в 17 случаях). Фиксируется и плоский скошенный край, оформленный в виде бортика (5). Шейка прямая, высокая (реже короткая), цилиндрическая, иногда с легким плавным выгибом внутрь. Плечики низкие, сильно пологие, переходят в слабовыпуклое тулово.

Цвет черепков коричневый, коричнево-серый, в изломе серо-черный. Изнутри заглажены. Отмечается легкий внутренний нагар у 5 сосудов. Примесь – песок.

Орнамент, как и в предыдущих случаях, нанесен по шейке. Фиксируется однорядный перевитый шнур (в 5 случаях), спаренный (7), строенный (7), четырех- и более рядный (12). В одном случае до места слома – 13 рядов шнура (Рис. 8, 8). Еще на одном сосуде нанесен левонаклонный шнур (Рис. 8, 18) – редкость для керамики Ватажки. В другом случае тройной ряд отисков шнура плавно изгибается волной (Рис. 8, 3).

Дополнением к горизонтальным рядам шнуровых отисков являются различные вдавления (округлые, неправильные, подквадратные, вытянутые), выстроенные

горизонтальными рядами. На одном из сосудов спаренные оттиски шнура разделены горизонтальной линией крупногребенчатого штампа (Рис. 8, 13).

Нередко у сосудов данной подгруппы оформляется срез. Так, фиксируются косые нарезки, образующие гофру (Рис. 8, 1), подтреугольные вдавления (Рис. 8, 5), сетчатые отпечатки (Рис. 8, 7, 15) и так же единично отмечена двойная линия шнура (Рис. 8, 3).

Поверхность 4 сосудов покрыта сетчатыми мелкоячеистыми, хаотично расположенными отпечатками, в 2 случаях – ногтевидной формы.

Кроме того, в коллекции имеются и стенки от шнуровых сосудов. Примесь в тесте – песок, крупнозернистый песок, кварцит. В основной массе поверхность заглажена, у 8 фрагментов – с сетчатой структурой поверхности, у четырех – с крупными рябчатыми отпечатками, столько же – с мелкоячеистыми. Шнур однорядный, но чаще двух- и трехрядный, в одном случае – четырехрядный. Орнамент выстраивается из вдавлений различной формы. Сопоставить стенки с определенной группой посуды из-за их измельченности достаточно сложно. Придонные и донные части среди общей их массы выделить не удастся, но, вероятно, большинство из них соотносится с сетчатой посудой.

Таким образом, гребенчато-шнуровая и шнуровая керамика раннего железного века поселения Ватажка имеет генетические истоки в ананьинской и сетчатой и может быть охарактеризована как составная из обоих компонентов. Близкие комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой посуды раннего железного века выделяются и в многосерийных коллекциях с памятников Костромской низины, таких как Шунга (КМЗ КОК 17033), Станок (КМЗ КОК 17034), встречаются и в составе материалов с поселков округа Галичского озера, таких как Брюхово (КМЗ КОК 18028), Пуп (КМЗ ДВХ-17). Керамика, аналогичная гребенчато-шнуровой воротничковой керамике Ватажки, фиксируется в комплексах Юго-Западного Прибеломорья, датированных VI–IV вв. до н.э. (Жульников, 2005. С. 36). А.М. Жульников появление шнуровой керамики в этом регионе соотносит с северно-ананьинским населением (Там же. С. 36, 98). На территории Костромского Поволжья население ананьинской культуры появляется на Ветлуге на рубеже VII–VI в. до н.э. (Халиков, 1977.

С. 15, 16; Чижевский, 2008. С. 71). На связи раннедыяковского и ананьинского населения в Костромском Поволжье указывают Е.И. Горюнова (1961. С. 23–25) и Н.Н. Гурина (1963. С. 201). Распространение комплексов с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой в западной части Костромского Поволжья, а именно Костромской низины и округа Галичского озера, ставит ряд вопросов о времени и путях их проникновения на данную территорию, о культурных связях.

Таким образом, безусловно, актуальной является систематизация материалов Костромской низины эпохи раннего железа, их культурная атрибуция и хронология. Крайне необходима разработка периодизации и внутренней хронологической шкалы памятников и материалов РЖВ, их синхронизация и стратификации с вещевыми комплексами. Открытым остается вопрос: как население, оставившее комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики, участвовало в культурных процессах, происходивших в раннем железном веке на территории Костромского Поволжья и более северных территорий?

ПЕРЕЧЕНЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ

1. КМЗ КОК (Костромской музей заповедник Костромской объединенный краеведческий) 15407 коллекция предметов с раскопок со стоянки «Ватажка» у озера Борисова Костромского у. Раскопки 1925 г. В.И. Смирнов.
2. КМЗ КОК 15406 коллекция предметов с раскопок со стоянки «Ватажка» у Оз. Борисова Раскопки В.И. Смирнова, Л.Н. Казаринова и Л.С. Китициной в 1926 г.
3. КМЗ КОК 15405 коллекция предметов с раскопок со стоянки «Ватажка» на берегу оз. Борисова Костромского у. Раскопки В.И. Смирнова, 1927 г.
4. КМЗ КОК 17035. коллекция предметов из раскопок стоянки Ватажка под руководством Н.Н. Гуриной в 1954 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
- Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // МИА. 1963. № 110. С. 85-203.
- Жилин М.Г.* (сост.). Паспорт объекта археологического наследия (стоянка Ватажка). 1980. (Архив департамента культуры Костромской области).
- Жульников А.М.* Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск, 2005.
- Комаров К.И.* (сост.). Археологическая карта России: Костромская область. М., 1999.
- Леонтьев А.Е.* (ред.) Железный век // Археология Костромского края. Кострома, 1997. С.84-137.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веке (преданьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань, 2008. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 5).

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ, ПРАКТИЧЕСКАЯ МЕТОДИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА КЕРАМИКИ В ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ АНАНЬИНСКОГО КУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА

М.Г. Косменко (Петрозаводск)

Basic principles, practical procedures and some results of the pottery analysis in the western part of the Ananyino cultural area

M.G. Kosmenko (Petrozavodsk)

Ананьинский пласт древностей Карелии относится к железному веку и был подробно описан автором (Косменко, 1991; 1992; 1993). В сжатом виде сведения о культуре этого периода изложены в обзорной статье (Косменко, 2009), кроме того, специально рассматривались проблемы изучения ее этнической принадлежности (Косменко, 2006. С. 204-219), а также особенности адаптации к местной природной и окружающей культурной среде (Косменко, 2009а. С. 148-158). Основным маркером специфики древностей эпохи железа является лепная посуда, которая частично восходит к восточным, ананьинским прототипам и датируется в широких рамках от середины I тыс. до н.э., по крайней мере, до середины I тыс. н.э. Проблематику формального анализа и культурной атрибуции ананьинского макротипа керамики в западной части ареала определяет главным образом то обстоятельство, что она изменяется в пространстве и времени и неоднородна по своему происхождению. Вопросы методики ее анализа нужно кратко обсудить с ориентацией на практическое изучение процессов формирования сложных макротипов посуды.

Проблемы систематизации и анализа керамики. Лепные сосуды железного века Карелии обладают очень высокой степенью индивидуального своеобразия, поэтому любые эмпирические обобщения в виде жестких классификаций в разной степени деформируют и упрощают реальную картину керамического производства. Нужно подчеркнуть, что невозможно достигнуть идеальной классификации такой посуды. Ареалы отдельных ее признаков и их категорий – примесей в глине, состава форм, способов обработки поверхности, деталей орнаментики – не совпадают друг с другом, как и с рамками классификационных единиц, разграниченных эмпирическим путем субъективного выбора

критериев – обычно различительных признаков или их сочетаний. Впрочем, трудно обойтись без классификации и типологии как средства сжатого представления сведений о посуде рассматриваемого пласта культуры. В частности, попытки европейских археологов-«постпроцессуалистов» усовершенствовать современную теорию и практику выявления символических значений в материальной культуре привели к суждению, что «типология является центральным исходным пунктом для развития контекстуального подхода в археологии» (Hodder, 1991. P. 136).

Здесь мы не станем подробно рассматривать представления о типологии и дефиниции археологических типов. Поясняя ситуацию, следует заметить, что формальное изучение типов развивается в двух основных направлениях. Во-первых, есть опыты синтеза в форме систематизации самих типов, понимаемых как комплексы или системы признаков, ограниченные посредством критериев разного содержания. По пути синтеза шел Дж. Стюард (Steward, 1954. P. 54-57), который обозначил три основные группы типов: функциональные, исторические и культурные. Сходные синтетические группировки можно найти у И. Рауза (Rouse, 1972. P. 50), а в России у Г.С. Лебедева (1979. С. 4) и Л.С. Клейна (1991. С. 49), который разграничивает функциональные, конструктивные и стилистические типы. В разветвленной классификации типов Л.С. Клейна (Там же. С. 65) выделена 31 разновидность, хотя в принципе их можно создать еще больше в зависимости от выбранных критериев. В конечном счете, выделение типов керамики может преследовать разные цели. На практике их разграничивают эмпирическим путем по различным критериям и на разных уровнях обобщения – от макротипов посуды,

занимающих обширные ареалы, до типов ее форм и деталей, структур и элементов декора. Статус типов нередко приписывают даже результатам первичной сортировки ее фрагментов. В общем, синтетический подход группирует по различительным чертам типы самого разного содержания, но уравнивает их по принципам разграничения и не вскрывает структуру и динамику внутренней изменчивости, представляя как монолитные классификационные единицы. Больше того, исследователи нередко приписывают таким типам вымышленное содержание и в результате ограничивают перспективу дальнейшего изучения материалов.

Во-вторых, возможно идти путем анализа отдельных признаков и их корреляции в рамках структуры типа. Аналитический подход предпочли лидеры «новой», иначе – «процессуальной» археологии (Renfrew, 1969. P. 151-169; Binford, 1972 etc.), которые сосредоточили внимание на анализе элементов типа и их взаимосвязи. Углубленный формальный анализ расширяет познавательные возможности, открывает более широкие перспективы дальнейшего исследования керамики и позволяет более адекватно рассматривать открытые вопросы содержания классификаций посуды. Так, изучение структуры типов привело археологов-«процессуалистов» к выводу об отсутствии четкой системы их признаков. Анализ керамики железного века Карелии привел автора к аналогичному выводу (Косменко, 1993. С. 119, 137, 138). Отсутствие взаимной координации элементов типа может означать, что производители не руководствовались жесткими, нормативными «мысленными шаблонами» при изготовлении вещей.

Отсюда понятно, что признаки керамики в принципе следует анализировать отдельно и сопоставлять друг с другом, выявляя степень их взаимной сочетаемости. Аналитический подход не влечет отмену типологии, но приводит к ее пониманию как условного, не вполне объективного и адекватного способа представления археологических данных. Мозаика не координированных друг с другом локальных типов препятствует реконструкции общей картины. На мой взгляд, хрестоматийное противоречие типологического метода и в целом статичного классификационного подхода с динамическим характером реальных процессов можно отчасти преодолеть, если формальный анализ

будет ориентирован на цель реконструкции пространственно-временных изменений разных признаков посуды на отдельных территориях, но в контексте общих изменений в рамках макротипов. Поэтому «есть насущная потребность в крупномасштабном изучении керамики», ибо «такие исследования снабдили бы археологов бесценным знанием процессов ее изменения» (Rice, 1996. P. 188).

Трудность заключается в том, что процессы сложения конкретных макротипов керамики в лесной зоне Европейской России и Фенноскандии уникальны и могут быть удовлетворительно описаны не с помощью шаблонных схем, а индивидуальных процедур практического описательно-классификационного анализа, которые нужно специально разрабатывать в каждом случае и видоизменять в зависимости от территориальных особенностей посуды. Керамику железного века в Карелии можно обозначить как «ананьинский» макротип по отношению к керамике прочих местных культурно-хронологических пластов древностей. Формирование данного макротипа в лесной зоне европейской России и его специфические регулярности пока не описаны в отечественной литературе, и это обстоятельство осложняет координированную классификацию посуды в западной части ареала.

При описании изменений различных признаков керамики железного века в пространстве и времени невозможно обойтись без количественного анализа, который, помимо выявления регулярностей изменений, помогает условно разграничивать территориальные варианты. Его непросто выполнять на практике и осмыслить подробные результаты, если упускать в виду цели применения. Эта сложная и трудоемкая процедура позволяет создать базу данных для объективного описания изменений в керамическом производстве.

В ходе анализа сложных макротипов лепной посуды со смешанными разнородными чертами также трудно обойтись без понятия о генотипах, представляющих собой комплексы признаков заведомо разного происхождения. Их можно определить как средство типологического анализа происхождения традиций керамического производства. В рамках макротипов это искусственно разграниченные типы, где сгруппированы однородные черты посуды. Генотипы с трудом поддаются суммарной количественной

характеристике, хотя отдельные признаки возможно подсчитывать. Дело в том, что такие типы порой являются бесструктурными, т.е. однородные по происхождению черты не образуют постоянных, систематических комбинаций, наблюдаемых в исходных макротипах. Они раздроблены и рассеяны в формах, деталях оформления, орнаментике, способах обработки поверхности и технологии изготовления нестандартной лепной посуды, а их количественные показатели существенно различаются.

Например, высокой степенью раздробления и сплава черт трех основных генотипов обладает сетчатая керамика бронзового века Карелии (см. Косменко, 1993. С. 33-62). Сосуды с сетчатой обработкой поверхности демонстрируют изменчивые, нестандартные сочетания резко профилированных форм «постфатьяновской» (чирковской) посуды бронзового века с зональными узорами ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, в которые нередко вклиниваются мотивы, характерные для поздняяковской культуры эпохи бронзы, скажем, структурный центр орнаментальной композиции, состоящий из одиночного пояса ямок или «жемчужин», перемежающихся с отпечатками короткого зубчатого штампа. Сплав разнородных элементов демонстрирует и техника орнаментации, где круглые ямки на большинстве сетчатой посуды сделаны зазубренным, а не гладким инструментом, как в неолите – энеолите, а также неолитоидные скошенные срезы венчиков, часто встречающиеся на типичных профилированных горшках эпохи бронзы. В то же время посуда бронзового века Карелии практически лишена специфических черт местной керамики периода энеолита. Этот субстратный генотип заметно проявляется лишь в северной и западной Фенноскандии, тогда как ее инородные генотипы постепенно исчезают к западной, особенно северной окраине ареала сетчатой посуды.

Как мы увидим ниже, керамика железного века в Карелии тоже включает генотипы, которые выражены и структурированы в разной степени. Наиболее высокую, но изменчивую сочетаемость однородных черт демонстрирует посуда ананьинского облика и ее местные вариации. Это типобразующий компонент культуры. Будучи общим для керамики железного века, чужеродный ананьинский генотип фактически ее интегрирует. Однако он встречается в разных

количественных пропорциях с субстратными генотипами, которые абсолютно доминируют на западной периферии его ареала. Мы не располагаем подробными сводками о признаках посуды железного века в периферийной зоне ананьинского ареала в Финляндии, северной Скандинавии и на Кольском п-ове. В литературе имеются ее словесные портреты, иллюстрации и общие классификации (Carpelan, 1978; Jorgensen and Olsen, 1988; Hulthen, 1991; Гурина, 1997 и др.). Их можно использовать для неполного сравнения, при котором остается открытым ряд частных, но важных вопросов, касающихся состава и происхождения, особенно изменчивости субстратных генотипов. Поэтому ниже используются количественные данные только о керамике Карелии, известной здесь более чем на 130 поселениях. Они неравномерно распределены на территории края, что обусловлено разными факторами, включая особенности расселения в железном веке. Практически незаселенными остались северные берега крупных пресных водоемов – Ладожского и Онежского озер, а также южное и западное побережье Белого моря, кроме устья р. Выг. Число поселений и посуды в целом заметно уменьшается в западной, особенно северной Карелии.

Методика обработки коллекций керамики. Описательно-классификационный анализ базируется не на сортировке и подсчетах фрагментов керамики, а на более чем 1500 экз. частично реконструированных сосудов с 67 поселений (Косменко, 1993. С. 88-191). Выделены 1010 сосудов на 29 поселениях позднекаргопольской культуры в восточной части бассейна Онежского озера (ЮВ Карелия), 320 экз. в культуре лууконсаари западной части Онежского бассейна (ЮЗ Карелия, 17 пунктов), 202 в южном Беломорье (СВ Карелия, позднебеломорская культура, 16 пунктов) и 10 сосудов на 5 кратковременных стоянках во внутренних районах западной части бассейна Белого моря (СЗ Карелия, «арктическая» культура). По сути дела, эти локальные археологические «культуры» представляют собой условно разграниченные фазы процесса сложения керамического производства в западной части ареала ананьинского круга древностей.

Методика разборки коллекций по сосудам, кроме технико-технологических признаков, позволяет определить формы и детали оформления верхней части посуды, перечень технических средств,

состав мотивов и структуру декора. Она перекликается с формализованными стандартными процедурами обработки керамики британскими археологами (см. Orton et al., 1993, P. 166-181), в частности, на выделения минимальных наборов выделенных сосудов (MNV – minimal number vessels). Вопросы, связанные с объективной неполнотой и оценкой точности сводок о количестве посуды в коллекциях, здесь не рассматриваются. Поэтому не используются процедуры приблизительной оценки истинного числа сосудов (EVE – estimated vessel equivalent) и другие схемы представления преобразованных данных. Такие преобразования не меняют сумму исходных сведений и ориентированы главным образом на сравнительный анализ отдельных керамических комплексов.

В данном случае нет необходимости сравнивать материалы конкретных памятников и комментировать их различия. Коллекции фрагментов из раскопок являются более или менее представительными выборками из неизвестного количества сосудов на древних поселениях. Поэтому сопоставления неполных керамических комплексов во многом фиксируют различия, вызванные случайными факторами. Для достижения общих целей формального анализа – выявления регулярных пространственно-временных изменений в основных категориях признаков посуды и определения состава генотипов в упомянутых локальных культурах железного века – достаточно оперировать исходными данными. Если количественные подсчеты четко отражают происхождение и регулярности изменений основных признаков посуды, то нехватка данных, случайные различия и связанные с ними статистические отклонения не смогут оказать решающего влияния на описание и интерпретацию этих изменений в рамках ананьинского макротипа.

Аналізу подверглись три основные категории признаков посуды железного века Карелии: 1) технология и техника изготовления, 2) формы и детали оформления, 3) структура, состав мотивов и технических элементов декора сосудов.

Технология и техника керамического производства. В западной части ареала нет керамики с примесью толченых речных ракушек, свойственной собственно ананьинской посуде Прикамья и Среднего

Поволжья. В глине посуды на юго-востоке Карелии полностью доминирует примесь песка и дресвы. Лишь 1,5% сосудов содержат органику, реже примеси местных минералов – асбеста 0,6% и слюды 0,5%. Эти примеси являются одной из характерных черт керамики лууконсаари юго-западной Карелии, где они зафиксированы уже в 38,3% сосудов, но в близких пропорциях (19, 12,8 и 6,5%). В южном Беломорье они содержатся только в 14,5% посуды (5, 3,5 и 6%), но в «арктической» керамике западной части бассейна Белого моря они преобладают и составляют 90% (20, 50 и 20%). Вполне очевидно, что число посуды с примесями асбеста, слюды и заменяющей их органики резко увеличивается в западных районах Карелии.

Примеси асбеста и слюды в керамике ананьинского пласта древностей можно определить как адаптивное явление, опосредованное древней традицией использования этих видов местных минералов для отощения глины сосудов. Традиция использования асбеста восходит к культурам эпохи неолита западной Фенноскандии, пик ее распространения на восток, включая восточную часть бассейна Онежского озера, наблюдается в керамике позднего энеолита, но эта примесь совершенно отсутствует в сетчатой посуде бронзового века Карелии. В эпоху железа она вновь распространяется в южном Беломорье и восточной части Онежского бассейна, но в меньших масштабах, чем в энеолите. Сосуды с этими примесями на востоке Карелии сохраняют комбинации признаков, свойственные западной керамике лууконсаари и «арктической» посуде, поэтому здесь речь может идти о контактах населения смежных территорий с различными технологиями керамического производства.

Техника лепки посуды железного века везде в Карелии примерно одинакова. В эпохи неолита–энеолита сосуды делали техникой кольцевого или спирально-ленточного налета, где ленты соединялись встык и имеют с одной стороны выпуклый, а с другой – вогнутый торец. Но в сосудах бронзового и железного веков глиняные ленты соединены путем частичного наложения верхней ленты на внутреннюю поверхность нижней ленты с последующим выравниванием стенки сосуда. Дно и стенки небольших сосудов, вероятно, делали посредством «вытягивания» из цельного куска глины, после чего к профилированным горшкам прикреплялась

лента венчика. При фрагментации сосудов в земле такой венчик часто отслаивался от тулова.

Технические приемы финальной обработки сырой поверхности сосудов железного века очень просты. Это заглаживание и нерегулярная штриховка подручными средствами. Они не обнаруживают четко выраженных территориальных различий или зависимости от видов примесей в глине. Сетчатая обработка поверхности, свойственная субстратной керамике бронзового века, в железном веке Карелии почти не применялась, кроме единичных сосудов с участками небрежной «сетки» в позднекаргопольской культуре. Однако здесь нет сосудов с ананьинскими шнуровыми узорами и сетчатыми отпечатками на стенках, как на поселениях в бассейне р. Онеги и на Волге.

Сосуды серого или желтоватого цвета имеют признаки неравномерного кострового обжига в виде участков различных цветовых оттенков. Места регулярного производства и обжига сосудов на поселениях не обнаружены. Можно определенно утверждать, что лепную посуду изготавливали по мере необходимости и в небольшом количестве. Функции основных разновидностей посуды определить трудно, однако большинство сосудов разных форм в верхней части имеют участки нагара, который откладывался на внешней и внутренней поверхности при варке пищи на открытом огне (см. Рис. 1, 3, 9). Крупные сосуды без нагара для хранения запасов, многочисленные в культурах периодов неолита–энеолита, редки среди посуды бронзового и железного веков Карелии.

Формы и детали оформления посуды.

Сложность количественного подсчета состава форм посуды железного века заключается в том, что у большинства сосудов достоверно восстановлены только верхние части с орнаментальной зоной. Полные формы представлены выборками, которые составляют примерно 1/6 часть посуды в каждой локальной культуре. Они достаточно объективно отражают состав, но неточно соотносятся с истинными количественными пропорциями отдельных видов сосудов. Спектр форм посуды варьирует от непрофилированных круглодонных котлов низких пропорций до высоких плоскодонных горшков с короткой шейкой.

Выделены 5 разновидностей круглодонных сосудов. К группам 1-4

отнесены котлы, профили которых варьируют в диапазоне от вида 1 со слегка вогнутой верхней частью (Рис. 2, 9, 21; 3, 1, 13, 15) до крупных котлов с выпуклыми боками и более или менее широкой шейкой вида 4 (Рис. 2, 3, 6, 7, 13-15; 3, 16). Морфологически промежуточную группу 2 представляют низкие котлы с прямой верхней частью или слегка намеченной шейкой (Рис. 2, 2, 5, 8, 16, 24; 3, 3-7, 9, 10, 14, 17, 19), а к виду 3 отнесены такие же котлы с выраженной шейкой и более или менее выпуклыми боками (Рис. 2, 1, 12, 17-20, 23; 3, 20). Особый вид 5 составляют единичные небольшие сосуды подцилиндрической формы, слегка расширенные в нижней части с широким округлым или уплощенным дном (Рис. 2, 4). Все эти формы круглодонной посуды можно найти в восточных областях ареала ананьинского макротипа.

Среди плоскодонной посуды достаточно отчетливо выражены 3 разновидности. От круглодонных форм ее, помимо прочего, отличают более высокие пропорции. К виду 1 отнесены единичные горшки диаметром устья 12-30 см такой же высоты, с плоским дном не более трети диаметра устья. Их характерной чертой является неглубокая широкая шейка и слабо выраженное ребро на тулове (Рис. 3, 8, 11, 18). Вид 2 представляют непрофилированные сосуды усеченно-конической формы диаметром 20-35 см со слабо выпуклым туловом (Рис. 2, 22; 3, 12, 13). Вид 3 состоит из высоких бочонковидных горшков диаметром 20-35 см с плавно округленными боками, короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком (Рис. 2, 10, 11).

«Воротнички» и «валики» представляют собой детали оформления верхней части сосудов. Бесспорно, их происхождение связано с ананьинской керамикой. «Воротнички» – это широкие утолщения верхнего края сосуда, которыми снабжены преимущественно круглодонные непрофилированные котлы вида 2 (Рис. 2, 5) реже профилированные виды 3 и 4 (Рис. 1, 2, 3; 2, 6, 7). «Валики» в виде одиночных, редко 2-3 узких рельефных выступов опоясывают шейку круглодонных профилированных сосудов видов 3 и 4 (Рис. 1, 3; 2, 2, 14, 15; 3, 10, 11), но встречены и на непрофилированных сосудах вида 2 (Рис. 2, 2), а также на отдельных плоскодонных горшках вида 2. Эти специфические ананьинские детали отличают посуду железного века от всех прочих макротипов керамики

Карелии. Среди форм среза венчиков сосудов преобладают прямые и округленные. Есть скошенные внутрь венчики, которые связаны с аналогичными формами в субстратной сетчатой керамике.

Наиболее дифференцированы формы посуды в позднекаргопольской культуре юго-восточной Карелии. Графически реконструировано свыше 150 сосудов, что позволяет приблизительно определить количественные пропорции разновидностей посуды. Диаметр устья основной массы сосудов колеблется в пределах 20-35 см, экземпляры свыше 40 и менее 10 см малочисленны. Количественное соотношение форм круглодонных сосудов видов 1-5 в выборке соответственно составляет примерно 5, 35, 35, 15 и 1%. Гораздо сложнее подсчитать плоскодонную посуду видов 1-3 из-за трудностей реконструкции нижней части многих горшков. В выборке они составляют не более 10% – соответственно около 2, 3 и 5%. Воротничками снабжены 5,1%, а валиками 4,9% всей посуды, преимущественно круглодонных форм.

Комментируя эти данные, можно отметить явное количественное преобладание круглодонных котловидных форм сосудов. Их происхождение связано с ананьинской керамикой восточных областей лесной зоны, особенно видов 1, 2 и 5. Здесь нет резко профилированных круглодонных сосудов «постфатьяновских» форм, характерных для местной керамики бронзового века. Однако все формы плоскодонных сосудов находят параллели в местной сетчатой керамике. В общем, формы кругло- и плоскодонной посуды на юго-востоке Карелии демонстрируют сплав разнородных традиций инородной ананьинской и субстратной сетчатой керамики. Новый восточный компонент выступает здесь наиболее отчетливо и в целом определяет специфику состава форм посуды.

Состав форм в выборке из 55 сосудов с 20 поселений культуры лууконсаари западной Карелии в целом сходен с предыдущим. Но спектр форм круглодонных сосудов здесь более узок: нет редких видов 1 и 5, и преобладают сосуды видов 2 (9%), 3 (14%) и 4 (22%). Наоборот, резко возрастает количество плоскодонной посуды, которая более разнообразна и составляет свыше 50%. Здесь есть ребристые сосуды вида 1 (9%), но гораздо многочисленнее виды 2 (26%) и 3 (20%) при отсутствии вида 4.

Примечательны количественные изменения деталей оформления посуды лууконсаари. Резко сократилось число сосудов с воротничком (1,8%) и с валиками (1,2%). Примерно на треть, до 10,3%, уменьшилось число скошенных торцов венчиков.

Состав форм малочисленной «арктической» посуды западного Беломорья точно не определен. Она представлена обломками верхней части непрофилированных сосудов с прямыми, округленными, а также скошенными внутрь торцами венчиков. Типичные формы восточного происхождения здесь не обнаружены.

Наоборот, состав посуды в позднебеломорской культуре южного Беломорья отличается явным преобладанием круглодонных котловидных форм. В выборке из 34 сосудов есть низкие котлы с более или менее четко выраженной шейкой (55,9%), а также с прямой (20,6%) или слегка вогнутой верхней частью (8,8%). Зафиксирован единственный плоскодонный ребристый сосуд (3%). Есть верхние части непрофилированных, вероятно, плоскодонных сосудов высоких пропорций с точно не определенной формой дна (11,7%). Детали оформления позднебеломорской посуды – ананьинские воротнички (4%) и рельефные валики (5%). Относительно малочисленны скошенные внутрь венчики (7,9%).

Итак, анализ морфологических признаков посуды железного века Карелии позволяет утверждать, что пространственную динамику изменения состава ее форм определяет общая тенденция уменьшения в западном направлении числа круглодонных котловидных сосудов и таких чужеродных деталей, как воротнички и валики. Соответственно увеличивается количество непрофилированной или слабо профилированной плоскодонной посуды субстратного облика.

Орнаментика керамики. Сосуды железного века в Карелии имеют индивидуальные и весьма разнообразные узоры за исключением отдельных простых разновидностей наподобие пояска ямок. Именно многообразие позволяет определить регулярности изменения и выявить следы разнородных традиций в декоре при условии его правильной классификации. Орнамент анализировался по структурно-техническому принципу, который позволяет установить, как различные мотивы и технические элементы вписываются в основные структурные

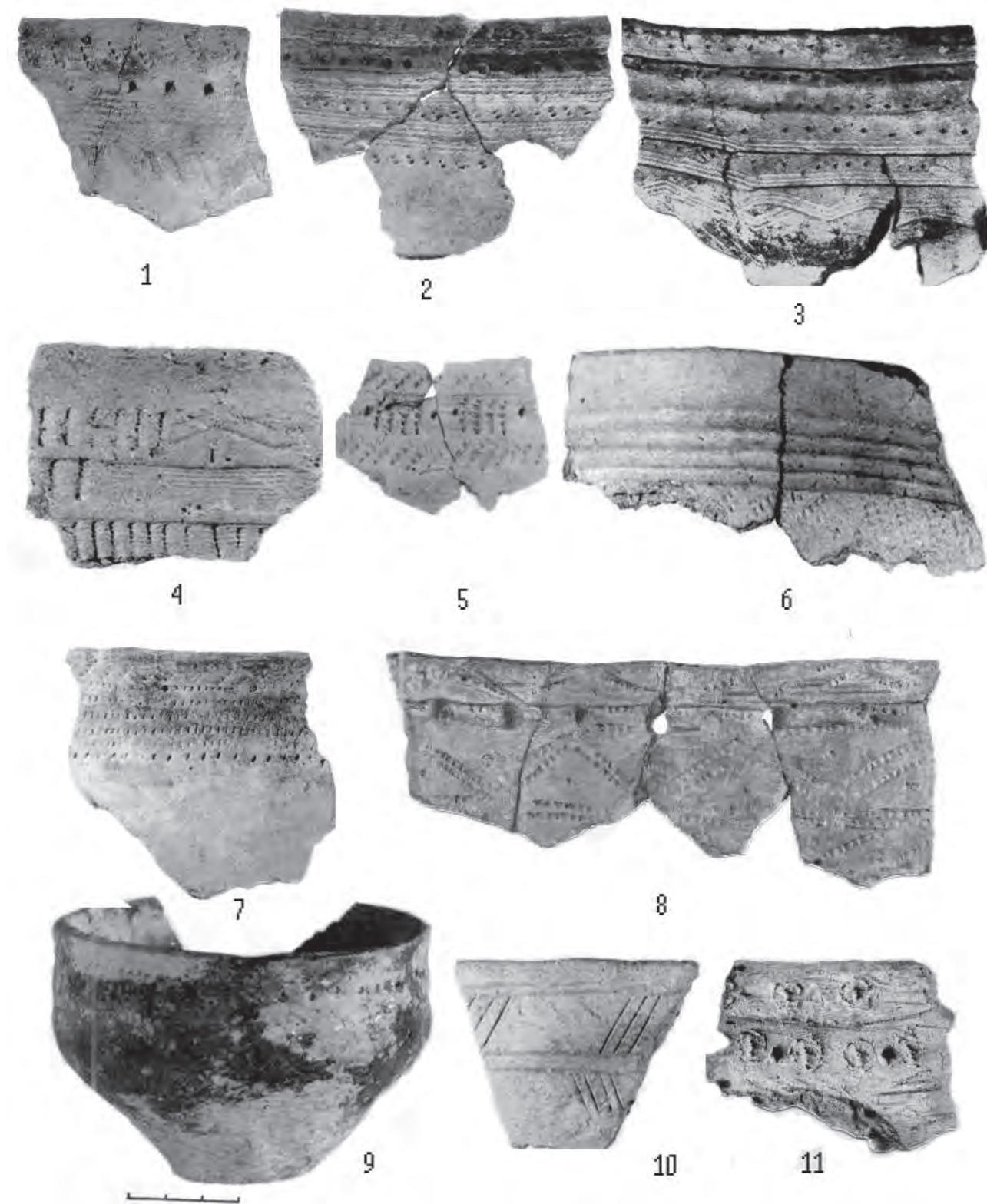

Рис. 1. Образцы керамики железного века с поселений южной Карелии.
 1-3, 5, 7-8, 11 – юго-восточная Карелия, позднекаргопольская культура; 4, 6, 9, 10 – юго-западная Карелия, культура лууконсаари; 4, 6 – примесь асбеста; 9, 10 – слюды, прочие с песком.

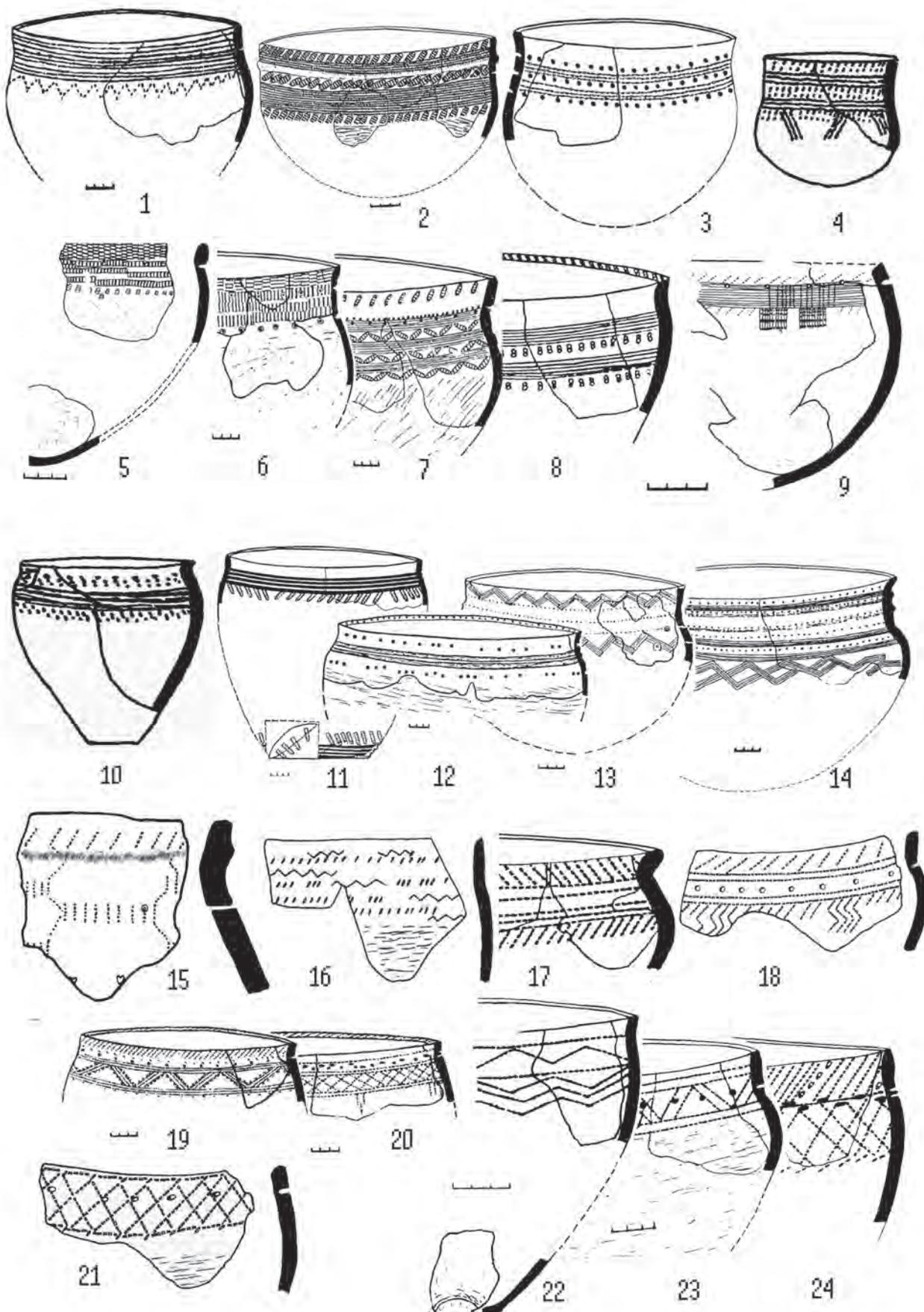

Рис. 2. Керамика железного века Карелии. 1, 19, 20 – позднебеломорская; 2, 4, 5, 9, 10, 14, 15, 18, 21 – позднекаргопольская; 3, 6-8, 11-13, 17, 22-24 – лууконсаари; 16 – «арктическая» культуры. 1-16 – орнаменты «восточного»; 17-24 – орнаменты «западного» типов; 3, 7, 16 – примесь асбеста; 6, 20 – слюды, прочие с песком.

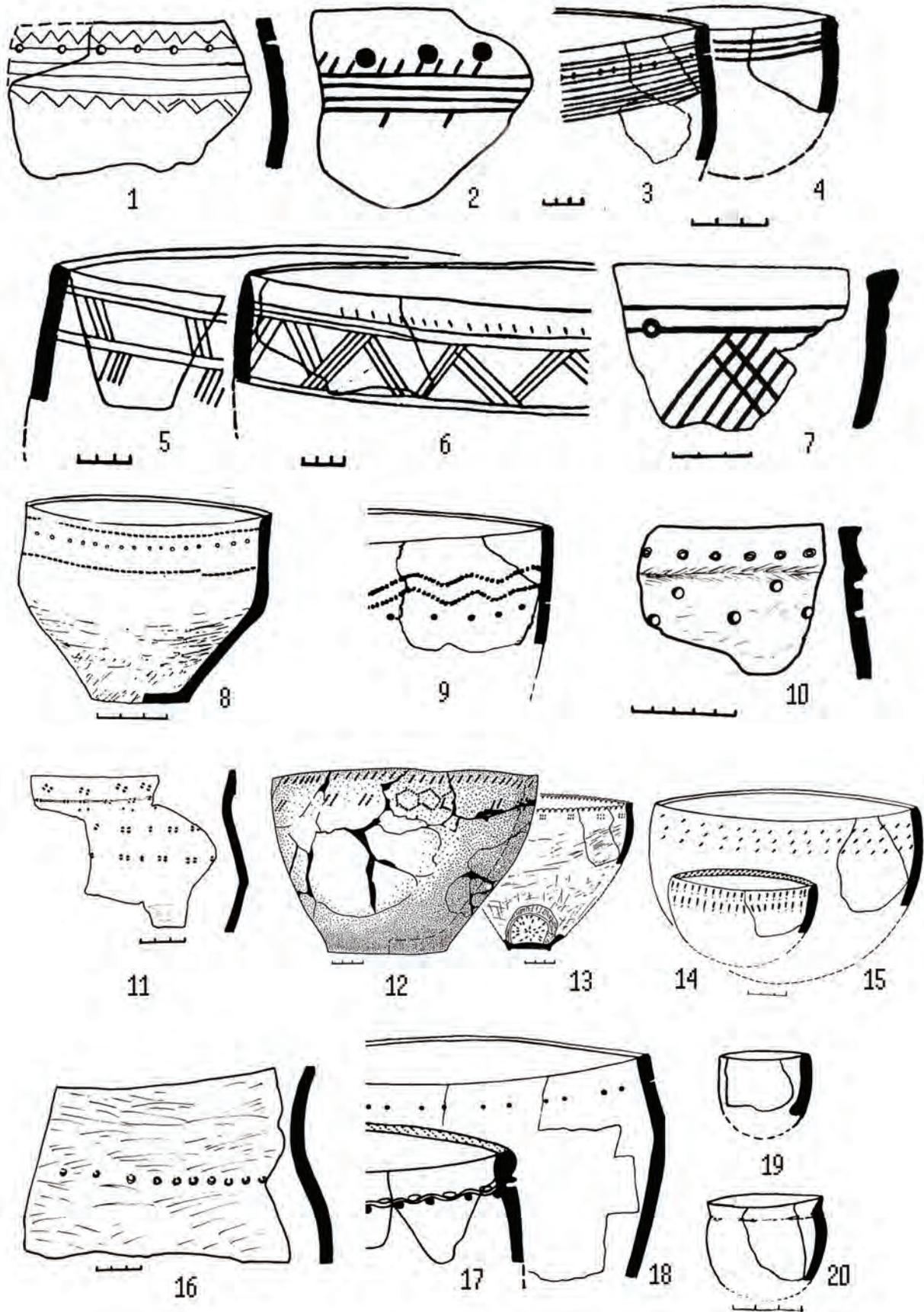

Рис. 3. Керамика железного века Карелии. 1, 10, 11, 16 – позднекаргопольская; 5, 6, 8, 9, 12, 13 – лууконсаари; 3, 4, 14, 17-20 – позднебеломорская; 2, 7 – «арктическая» культуры. 1-7 – упрощенные прочерченные узоры «западного» типа; 8-10, 17 – орнаменты из двух мотивов с пояском ямок; 11-16, 18 – одномотивные узоры; 2, 7, 13 – примесь асбеста; 5, 6, 8 – слюды, прочие с песком.

схемы декора посуды. В соответствии с этой установкой все орнаментальные композиции отнесены к категории бордюрных. Они занимают не более трети верхней части сосудов. В редких случаях радиально-лучевыми или крестообразными мотивами украшены плоские донца сосудов, главным образом в западной Карелии. По степени сложности структуры узоры разделены на 4 группы: I-II) орнаменты сложной структуры (Рис. 2, 1-24; 3, 1-7), III) упрощенные композиции из двух мотивов с пояском ямок (Рис. 3, 8-10), IV) простые одномотивные узоры (Рис. 3, 11-18). Небольшие сосуды лишены декора (Рис. 3, 19, 20). Происхождение и состав генотипов наиболее отчетливо выявляются среди сложных орнаментов группы I. Опознать происхождение более простых узоров в группах III и IV гораздо труднее, а порой невозможно. Группа сложных композиций достаточно отчетливо разделяется на 2 основных генотипа разного происхождения: 1) инородный восточный тип В и 2) субстратный западный тип З. Они выделены как особые группы орнаментов. Прочие генотипы в рамках этих типов представлены отдельными элементами и их группами.

Эталонный набор узоров различного происхождения имеет посуда позднекаргопольской культуры юго-восточной Карелии (925 экз., 91,6%). Срезы ее венчиков декорированы простыми техническими элементами (27,1% всей посуды), преимущественно оттисками зубчатого штампа.

Орнаменты типа В (29,2%) представляют собой разной сложности 5 вариантов двух структурных схем, выполненных разными техническими средствами. Исходными являются типичные ананьинские композиции расчлененной (8,4%, Рис. 2, 4), реже нерасчлененной структуры (1,2%, Рис. 2, 2), основой которых являются группы шнуровых поясков, обрамленные различными элементами. Одна из технически упрощенных модификаций нерасчлененных шнуровых орнаментов вида 2 (4,2%, Рис. 2, 5), свойственная и ананьинской посуде, выполнена широким штампом с узкими зубцами. Технически упрощенные местные варианты шнуровых композиций представлены видом 3 с поясками короткого, протраченного по сырой глине зубчатого штампа (6,4%, Рис. 2, 9, 10), которые заменяют группы шнуровых поясков, а также узоры вида 4 (8,4%, Рис. 2, 14) с неглубокими желобчатыми поясками-каннелюрами. Эти два вида узоров типа В неизвестны вос-

точнее Карелии. Наконец, модификация вида 5 (0,6%, Рис. 2, 15) вовсе лишена поясков и состоит только из групп коротких зубчатых отпечатков, расположенных в шахматном порядке и порой соединенных ломаными линиями. Такие группы элементов часто обрамляют расчлененные шнуровые орнаменты. Узоры вида 5 распространены восточнее, в Каргополье и встречаются на западе Карелии.

Орнаменты типа З (29%) выполнены гребенчатым штампом или прочерченной техникой и представлены 4 основными разновидностями. Это композиции вида 1 (17,5%, Рис. 2, 18) из более или менее широкой зоны гребенчатых поясков, вида 2 (8,1%) из зигзагов или наклонных оттисков гребенки в рамке из поясков. Эти узоры известны в субстратной сетчатой керамике Карелии. Однако решетчатые орнаменты вида 3 (1,1%, Рис. 2, 21) характерны для культур позднего бронзового века восточных областей лесной зоны и в декоре посуды железного века представляют следы инородного субстратного генотипа. К виду 4 (2,3%, Рис. 3, 1) отнесены местные, технически упрощенные прочерченные узоры всех этих разновидностей.

Несложными двух- и одномотивными узорами групп III (10,2%, Рис. 3, 10, 11) и IV (23,2%, Рис. 3, 14-16) украшена треть всей декорированной посуды. Двухмотивные орнаменты представляют собой сочетания пояска ямок и рядов различных технических элементов: наколов, вдавлений, зигзагов, вертикальных и наклонных отпечатков зубчатого, редко рамчатого штампа, «веревочного узелка», «кольца лыжной палки» и др. Простейшие одномотивные узоры часто состоят из пояска ямок, реже наколов или неглубоких овальных, округлых, трубчатых, треугольных вдавлений в верхней части сосуда. Встречаются пояски отпечатков короткого зубчатого и фигурных штампов: рамчатого, копытовидного, крестовидного в круглой рамке, «веревочного узелка», веревочки, навитой на стержень, а также резная решетка.

Технические элементы в простых узорах разнообразны и неоднородны, но полностью разделить их по происхождению не удастся. Происхождение мотива из пояска ямок в сложных и простых орнаментах (54,4%, Рис. 3, 16) четко не определяется. Впрочем, в большинстве случаев ямки имеют гладкие стенки и не выполнены инструментом с зазубренными краями, как на субстратной

сетчатой посуде. Таким инструментом сделаны отпечатки «веревочного узелка». Оттиски двузубого и двудольного штампа относятся к восточному компоненту. Отпечатки веревочки на стержне известны среди орнаментов керамики дяковских городищ. Тем не менее, узоры всего структурного спектра позднекаргопольской керамики сделаны в рамках единой производственной традиции, сложившейся из разнородных компонентов.

В керамике лууконсаари западной Карелии отчетливо проявляется следующая фаза процесса структурного и технического упрощения этой традиции декорирования. Украшены 285 (89%) сосудов. Орнаментика имеет сходный набор генотипов, но в иных количественных пропорциях. В частности, в группе сложных орнаментов типа В (28,8%) число шнуровых узоров ананьинского облика резко падает до 1,8% (Рис. 2, 3), но заметно возрастает количество местных упрощенных вариаций – с поясками проташенного штампа до 11,2% (Рис. 2, 7, 8), с каннелюрами до 14,4% (Рис. 2, 11-13), хотя варианты 2 зубчатых аналогов (Рис. 2, 6) и 5 без поясков увеличиваются только до 0,7%. Изменения в группе сложных гребенчатых узоров типа 3 не столь заметны (поясковые 17%, Рис. 2, 17; зигзаг в рамке 9%, Рис. 2, 22, 23; решетка 1,7%, Рис. 2, 24), но заметно увеличивается до 8% число технически упрощенных прочерченных вариантов (Рис. 3, 5, 6). В группах простых узоров III (10%, Рис. 3: 8, 9) и IV (24,6%, Рис. 3: 12, 13) изменения незначительны, хотя возрастает число неорнаментированных сосудов (12,3% всей посуды). Примечательно, что число сосудов с пояском ямок уменьшается до 35%, как и числа украшенных срезов венчиков до 15,3%.

Орнаментика керамики «арктического» типа в западной части бассейна Белого моря является конечной пространственной фазой данной традиции декорирования и гораздо беднее, чем в прочих культурах. Ее сравнительный количественный анализ не дает надежных результатов из-за малочисленности посуды. Возможно сравнивать только факты наличия отдельных признаков. «Арктическая» керамика северо-западной Карелии почти полностью лишена сложных орнаментов восточного типа, и есть лишь единственная упрощенная композиция из чередующихся групп насечек и прочерченных зигзагов вида 5 (Рис. 2, 16). Технически упрощенные узоры западного типа представлены единичными гребенчатыми, но главным

образом прочерченными композициями из поясков, зигзагов в рамке, заштрихованных треугольников, иногда дополненных пояском ямок или насечек (Рис. 3, 2, 7). Набор сходных орнаментов есть на синхронной посуде северной Финляндии, на севере Скандинавии и Кольском п-ове, где он еще беднее и по составу мотивов, и по их обрамлению. В типичной «арктической» керамике нет характерных для более южных культур железного века орнаментов типа В с поясками проташенного штампа и каннелюрами и полностью доминируют узоры субстратного типа 3.

Совсем иные количественные соотношения узоров демонстрирует керамика прилегающей к ней с востока позднебеломорской культуры юго-западного Беломорья, где украшены 185 (91,6%) сосудов. В необычно большой группе I сложных орнаментов восточного типа (37,3%) явно доминируют шнуровые композиции (24,3%, Рис. 2, 1) и их зубчатые аналоги (5%), мало узоров видов 3 и 4 с поясками проташенного штампа (3,8%) или каннелюрами (3,8%) и совсем нет орнаментов вида 5 без разделительных поясков. Среди орнаментов западного типа в группе II (45%) заметно преобладают гребенчатые поясковые композиции (30%), есть зигзаг в рамке (5,3%, Рис. 3, 19), решетка (5,9%, Рис. 3, 20) и сравнительно мало прочерченных вариантов (4,3%, Рис. 3, 3, 4). Сосудов с простыми орнаментами групп III (4,3%, Рис. 3, 17) и IV (15,1%, Рис. 3, 18) здесь относительно мало. Нужно отметить, что посуда южного Беломорья имеет наибольшее количество орнаментированных венчиков в Карелии (38,6%).

Вполне очевидно, что исходные восточные генотипы в орнаментике позднебеломорской посуды сохранились в наиболее полном виде. При объяснении состава и происхождения оригинального состава узоров этой керамики возникают некоторые источниковедческие трудности. Во-первых, набор сложных орнаментов западного типа здесь имеет мало общего с субстратной сетчатой керамикой. Контакты с синхронной позднекаргопольской культурой юго-восточной Карелии в Беломорье тоже отчетливо не прослеживаются. Не располагая количественными данными, трудно определить конкретные истоки этих инородных узоров типа 3, хотя их параллели можно отыскать в орнаментике культур позднего бронзового века восточных областей лесной зоны европейской России.

Во-вторых, здесь хорошо заметны признаки западных субстратных генотипов, свойственных синхронной «арктической» посуде, в меньшей степени лууконсаари, а именно: наличие посуды с местными вариациями сложных узоров и примесями асбеста или слюды в глине. Изменения восточных узоров в беломорской керамике не наблюдаются, а процесс упрощения орнаментики здесь далеко не зашел. В беломорских шнуровых орнаментах нет геометрических мотивов, свойственных раннеананьинской керамике, поэтому нет оснований датировать их ранее середины I тыс. до н.э. Обилие шнуровых орнаментов и тот факт, что упрощенные вариации типа 3 не обнаруживают местного происхождения, заставляет думать, что последние представляют собой следы контактов с синхронными западными культурами ананьинского пласта во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э.

Сочетаемость признаков и состав генотипов. Анализ сочетаемости однородных признаков посуды железного века показывает, что все генотипы в той или иной степени раздроблены и смешаны, неодинаково проявляются в технологии, формах, декоре и в различном объеме сохранились в разных частях Карелии (см. Косменко, 1993. Табл. 12, 14, 18). Дифференцируя и обобщая полученные результаты, можно опознать и выделить 4 генотипа, которые представляют собой следы традиций различного происхождения, которое определяет их пространственные изменения. Нетрудно заметить, что сочетаемость этих инородных признаков изменчива, поэтому их состав и количественные показатели каждого генотипа неодинаковы в разных частях Карелии. Генотипы восточного происхождения постепенно исчезают в западном направлении, а число посуды с чертами местных субстратных генотипов уменьшается к востоку.

Генотип 1 в керамике железного века Карелии без труда опознается как инородный ананьинский компонент восточного происхождения. Он представлен соответствующими формами, деталями оформления, техникой и мотивами декора, но отчетливо не прослеживается в технологии изготовления и технике обработки поверхности посуды. Признаки, объединенные в генотип 1, четко выражены и надежно определяются, но не образуют постоянных комбинаций

и отчасти перемешаны с чертами других генотипов.

К чертам собственно ананьинской керамики можно отнести: 1) профилированные круглодонные котлоподобные сосуды видов 2, 3 и 5; 2) широкие утолщенные воротнички, опоясывающие устье и рельефные валики на шейке сосудов, и 3) в орнаментах сложной структуры – технику декорирования отпечатками шнура разделительных поясков расчлененных и сплошных зон в нерасчлененных композициях, а также вариант последних, выполненный прокатанным широким штампом с узкими зубцами. К восточному генотипу также относятся технически упрощенные местные варианты, где шнуровые мотивы заменены протасненным зубчатым штампом или каннелюрами и узорами из обрамляющих элементов без поясков. Не вполне точно с восточным генотипом связано преобладание гладкостенных ямок. Основная тенденция его пространственных изменений – техническое упрощение орнамента и постепенное исчезновение прочих признаков восточного происхождения в западном и северном направлениях.

Генотип 2 тоже инороден в Карелии. Он представлен сложными, хорошо структурированными гребенчатыми орнаментальными композициями с богатым обрамлением, но четко не выражен в технологии, формах и прочих признаках посуды. Для него характерны узоры вида 3 субстратного западного типа с мотивом гребенчатой решетки. Он распространен на востоке Карелии, преимущественно в южном Беломорье, в меньшей степени в восточной части бассейна Онежского озера. В западной Карелии такие орнаменты единичны и упрощены в техническом и структурном отношении, а на севере края вовсе отсутствуют. Пространственная динамика показывает, что массовое распространение этого генотипа в общем ограничено южным Беломорьем, хотя он присутствует и в юго-восточной Карелии, а в упрощенном виде и незначительном количестве достигает ее юго-западной части. Такие узоры не свойственны субстратной сетчатой керамике и находят параллели в древностях позднего бронзового века восточных областей лесной зоны наподобие посуды лебяжской и приказанской культур.

Генотип 3 представляет собой субстратный компонент, который восходит к

сетчатой керамике бронзового века западных областей лесной зоны. Его образует набор признаков, среди которых опознаются профилированные плоскодонные сосуды видов 1 и 3, скошенные торцы венчиков, очень редко участки поверхности с сеткой, но главным образом – состав орнаментов, включающий виды 1 и 2. Эти черты наиболее отчетливо проявляются в керамике юго-восточной Карелии и постепенно исчезают в западном и северном направлениях. В южном Беломорье их относительно мало, а в западных районах устойчиво сохраняются только упрощенные орнаментальные схемы упомянутых разновидностей.

Генотип 4 прослеживается только в виде древней местной традиции добавки в глину посуды местных минералов – асбеста, слюды, редко талька. Возможно, с этой традицией связано увеличение числа плоскодонных непрофилированных сосудов в западной Карелии. Однако в структуре и составе мотивов декора посуды с примесями местных минералов заметно не прослеживаются элементы древнее бронзового века. Сложные бордюрные узоры субстратного облика выполнены по схемам, известным в сетчатой керамике. Использование этих видов минералов в керамике железного века представляет собой опосредованный древней традицией результат адаптации к местным природным условиям. Высокая степень сочетаемости плоскодонных непрофилированных сосудов и упрощенных орнаментов типа 3 с примесями местных минералов свидетельствует о том, что эта традиция распространялась из западных областей Фенноскандии. Как показано выше, общее число такой посуды уменьшается к востоку и до минимума сокращается в маргинальной зоне восточной Карелии, где она представляет собой, вероятнее всего, не внедрение традиции, а результат контактов с населением западных районов края. Хронологические изменения генотипа происходили в рамках общего процесса его распространения на восток. Количество сосудов с примесями асбеста и слюды со временем увеличивается как в керамике лууконсаари на западе, так и в позднекаргопольской, в большей степени позднебеломорской посуде на востоке Карелии (Косменко, 1993. С. 132-135, 170-172, 186, 187).

Именно неодинаковые количественные пропорции разнородных изменчивых

генотипов определяют специфику облика керамики железного века в разных частях Карелии. Различия суммы производственных традиций производства посуды являются основанием для условного формального разграничения локальных культур. Позднекаргопольская, лууконсаари и «арктическая» культуры образуют пространственную цепочку, где изменения представляют собой последовательное количественное уменьшение и трансформацию компонентов восточного происхождения в западном направлении, в отличие от субстратных генотипов, которые со временем распространяются к востоку. Однако в позднебеломорской культуре наблюдается резкое различие между восточными и западными генотипами, признаки которых почти не сочетаются. Сходная, но менее контрастная ситуация наблюдается и в позднекаргопольской культуре. Так, посуда субстратного генотипа 4 с примесями местных минералов и сопутствующими признаками декора в небольшом количестве встречается только на Водлозере (водлозерский вариант), где ее число увеличивается с 1% на раннем этапе до 3-10% на поселениях позднего этапа, но отсутствует в бассейне р. Онеги (Манюхин, 1996), а также на юго-восточном побережье Онежского озера (онежско-каргопольский вариант).

В наши задачи не входит подробный анализ содержания всех вышеописанных явлений, однако ясно, что родовая и даже этноязыковая принадлежность производителей не являются ключевыми факторами процесса формирования ананьинского макротипа керамики. Прямая формальная идентификация этого макротипа с воображаемой монолитной традицией кровнородственной популяции совершенно неадекватна, если принять во внимание разнородность составляющих его генотипов, трансформацию, раздробление и смешение исходных комбинаций признаков. В традиционных обществах различных регионов мира известны разные модели производства и распространения керамики, например, межэтническая торговля лепной посудой (Миклухо-Маклай, 1953. С. 123-125), моноэтническая (Hodder, 1991. P. 109-120) и полиэтническая модели ее производства (Stanislavski and Stanislawski, 1978. P. 61-76). В полиэтнической модели у южноамериканских гончаров «степень близости местожительства мастеров, их экономическая и художественная

кооперация независимы от реальных родовых уз и способствуют распространению [керамических] стилей» (Rice, 1987. P. 255).

Формирование ананьинского макротипа керамики, по крайней мере в его западной части, с наибольшей вероятностью соответствует полиэтнической модели. Судя по обширной территории и серии разнородных генотипов, движущей силой формирования ананьинского ареала были межгрупповые производственно-бытовые контакты, а не консервация нормативных традиций в среде объединенных кровным или языковым родством групп производителей посуды. Вместе с тем, распространение керамических генотипов в определенных направлениях свидетельствует о приоритетных связях изготовителей посуды или их перемещениях. Сравнивая процессы распространения в Карелии макротипов сетчатой керамики бронзового века и ананьинской посуды, легко заметить их существенное различие. В последнем случае сохраняются местные генотипы, которые отсутствуют в культуре бронзового века. Имеющиеся данные свидетельствуют об интеграции разнородных традиций производства керамики, что может косвенно означать не массовое переселение, а инфильтрацию носителей восточной ананьинской традиции в среду местного населения западных областей ареала (Косменко, 2006. С. 218; 2009. С. 156-158).

Сложный вопрос о предпочтениях и мотивах выбора и сохранения конкретных приемов изготовления и украшения посуды остается открытым для дальнейшего исследования. В частности, надежно не опознан и не описан социальный механизм смешения признаков разнородных генотипов, а также структурно-технического упрощения орнаментики в направлении их распространения. Украшение сосудов исключало точное механическое копирование орнаментов и основано на зрительном или мысленном воспроизведении образцов, обеспечивающем высокую вариативность узоров. В целом процесс упрощения и общей деградации декора лепной посуды в течение периода ее изготовления предположительно можно связывать с постепенным снижением ценности данного вида бытовой утвари (Косменко, 1993. С. 12-14). В локальных культурах это отражалось в небрежности украшения сосудов, конкретно – в редукции орнаментальных структур, перечня мотивов и упрощении техники нанесения узоров.

Ценность непрочной глиняной посуды особенно снижалась при подвижном образе жизни производителей. Не случайно в железном веке у охотничье-рыболовецкого населения северных областей Фенноскандии, по данным скандинавских археологов, производство лепной керамики полностью прекратилось в первых веках н.э., а во 2 пол. I тыс. н.э. она исчезла и в восточной части региона, на территории Карелии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гурина Н.Н.* История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб., 1997.
- Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.
- Косменко М.Г.* Генезис и хронология культурных формирований эпохи железа в юго-западной и северной Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 196-215.
- Косменко М.Г.* Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
- Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб., 1993.
- Косменко М.Г.* Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего Средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – Средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 158-229.
- Косменко М.Г.* Древности железного века с ананьинскими элементами в Карелии // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга, 2009. С. 108-121.
- Косменко М.Г.* Экологическая и культурная адаптация охотников-рыболовов бронзового, железного веков и морских промысловиков эпохи Средневековья в Карелии // Адаптация культуры населения Карелии к особенностям местной природной среды периодов мезолита – Средневековья. Петрозаводск, 2009а. С. 135-168.
- Лебедев Г.С.* Археологический тип как система признаков // Типы в культуре. Л., 1979. С. 74-88.

- Манюхин И.С.* Позднекаргопольская культура // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 220-238.
- Миклухо-Маклай Н.Н.* Следы искусства у папуасов Новой Гвинеи // Собр. соч. Т. III, ч. I. М.-Л., 1953. С. 119-125.
- Binford L.R.* An Archaeological Perspective. New York, 1972.
- Carpelan C.* Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // Finskt Museum. 1978. Helsingfors. S. 5-25.
- Hodder I.* Reading the Past. Current approaches to interpretation in archaeology. Cambridge, 1991.
- Hulthen B.* On ceramic ware in Northern Scandinavia during the Neolithic, Bronze and Early Iron Age // Archaeology and Environment. 1991. № 8. Umeå.
- Jørgensen R. & Olsen B.* Asbestkeramiske grupper i Nord-Norge 2100 f.Kr. – 100 e.Kr. // Tromsø Museums Rapports. 1988. № 13. Tromsø. S. 5-39.
- Orton C., Tyers P. & Vince A.* Pottery in archaeology // Cambridge manuals in archaeology. Cambridge, 1993.
- Renfrew A.C.* Trade and Culture Process in European Prehistory // Current Anthropology. 1969. Vol. 10. P. 151-169.
- Rice P.M.* Pottery Analysis. A sourcebook. Chicago & London, 1987.
- Rice P.M.* Recent Ceramic Analysis: 2. Composition, Production and Theory // Journal of Archaeological Research. 1996. Vol. 4, № 3. P. 165-202.
- Rouse I.* The classification of artifacts in archaeology // American Antiquity. 1960. № 25 (3). P. 313-323.
- Stanislawski M. & Stanislawski B.* Hopi and Hopi-Tewa ceramic tradition networks // Spatial organization in culture. Pittsburgh, 1978. P. 61-76.
- Steward J.H.* Types of types // American Anthropologist. 1954. Vol. 56. P. 54-57.

К ВОПРОСУ О «ДЪЯКОВСКИХ КЛАДАХ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХРОНОЛОГИЯ УМБОНОВИДНЫХ ПОДВЕСОК ДЪЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

М.Г. Гусаков (Москва)

Towards the issue of the “Dyakovo hidden treasures”: the origin chronology the umbo-shaped pendants suspensions in the Dyakovo culture

M.G. Gusakov (Moskva)

Несмотря на то, что положение дел в археологии дьяковской культуры (далее – ДК) на первый взгляд выглядит достаточно благополучно в сравнении с другими лесными или «городищенскими» культурами, однако до сих пор нельзя сказать, что мы много о ней знаем и наши знания не вызывают критики и новых вопросов. На сегодняшний день нам известно около 650 памятников, относящихся к ДК. Казалось бы, памятников ДК много и немало их раскопано (вопрос в том, как они раскопаны, – это другая тема), но больших аналитических публикационных работ по её осмыслению мало. Из недавних работ обращает на себя фундаментальная коллективная монография о результатах археологических раскопок на Дьяковом городище (Кренке, 2011б).

В данной статье речь пойдет о проблеме «дьяковских кладов», в частности о кладе с городища Дютьково, недавно опубликованного Н.А. Кренке (2011а). Наше внимание привлекли два аспекта: сама публикация материалов из раскопок на «новом» дьяковском городище и введение их в научный оборот, а также хронологии «умбонovidных» подвесок. При этом отметим, что термин не вполне удачен: он уже фигурирует в археологической литературе, но для других находок¹.

В ДК находок из бронзы не так много по сравнению с изделиями из железа, кости или камня. Они составляют 1/10 часть от всего количества индивидуальных находок

(Табл. 1, 2). К сожалению, мне на сегодняшний день неизвестна общая сводка цветного металла из всех когда-либо исследовавшихся памятников ДК в соотношении с вещами из других материалов. В данном случае приведу две таблицы индивидуальных находок, сделанных мною по материалам К.А. Смирнова, который, в свою очередь, использовал материалы 29 памятников ДК, на которых велись раскопки (Табл. 1–2; Смирнов, 1974). Из приведенных таблиц видно, что соотношение изделий из бронзы к другим материалам составляет около 10%. Причем заметим, что хронология этих находок растягивается на 1500 лет существования ДК (Табл. 1, 2).

В 2008 г. Н.А. Кренке провел небольшие по объему раскопки (37 м²) на городище Дютьково. Городище «мысовидной» в плане формы имело площадку в 900 м². С напольной стороны она была защищена двумя рвами, валов не обнаружено (?). Подобных случаев в моей сводке дьяковских памятников немного (Гусаков, 2005). Из 631 дьяковских памятников только 5 городищ защищены рвами, но все они расположены на периферии дьяковской культуры². Правда, на топографическом плане, сделанном В.В. Петровым, рвы даны как валы (Кренке и др., 2010). Не исключено, что топографический план был сделан до раскопок. Клад был обнаружен при случайных обстоятельствах. В раскопках небольшого шурфа, в отвале, с помощью металлоискателя были обнаружены бронзовые вещи. Тут то и решили «перетряхнуть» все окружающее пространство. Так был от-

¹ См. статью В.И. Кулакова «Генезис трилистных фибул и умбонovidных подвесок» (2007. С. 133-144). Правда, в этой статье идет речь о брошках, подражаниях защитному вооружению (умбонам, в частности) в украшениях пруссов в V-VIII вв., причем любопытен факт, что эти украшения продержались до XI в.

² Это городища Данино в Смоленской обл., Годоново, Гусарниково, Филимоново в Ярославской обл., Кольшево в Калужской обл.

крыт «очередной клад» дьяковской бижутерии.

Обращаясь к теме кладов в ДК, Кренке совершенно верно высказывает мысль, что наличие вещей в кладах дает археологу «узкую хронологическую дату», и это при том, что в «лесных» культурах Волго-Окского междуречья эпохи раннего железа до сих пор не найдены могильники. Он также напоминает нам, что в ДК слабая стратиграфическая расчлененность культурных слоев на большинстве городищ. И, конечно, наличие кладов дает нам возможность глубже узнать культурные традиции местного населения (Кренке, 2011а).

По данным Кренке, на сегодня в ДК с ее 650 памятниками известно всего семь кладов: Дьяково, Троицкое, Щербинское (два), Подмоклово, Заболотье, Дютюково. Автор упоминает ещё один клад, обнаруженный в Калужской обл., но его адреса не указывает. В Дютюковском «кладе» было найдено 526 вещей: стеклянные бусины (2 экз.); умбоновидные подвески (5); бляшки-скорлупки (12); бронзовые бусины-пронизки (8); пронизки в форме колечек (472); дугообразные нашивки-пронизки (21); пронизки с разомкнутыми концами (7 экз.).

Хронология культурного слоя Дютюковского городища определена в пределах VIII – VI вв. до н.э. По мнению Кренке, об этом свидетельствует керамический комплекс (наличие текстильной и гладкостенной с гребенчатым штампом керамики), железный стержень (обломок), биметаллическое навершие «булавки», украшенной двойной спиралью (Кренке и др., 2008; 2010). Аналогичная керамика была найдена на поселении «без валов» позднего бронзового века в Царицыно (Кренке, 2008). Аналогии булавкам Кренке видит на Северном Кавказе (Казенкова, 1977; 1989) и в материалах Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1984). Конечную дату «клада» автор выводит из хронологии умбоновидных подвесок, эволюцию которых он весьма подробно разобрал (Рис. 1). Предположительно, это I – II вв. Как видно, эта дата сильно отличается от того, что декларировалось в процессе рассмотрения исходного материала³.

³ Поселения конца эпохи бронзы и РЖВ редко снабжались валами и рвами, так что рассматривать этот случай как характерную особенность времени, в котором бытовали такого рода поселения, вряд ли можно.

Н.А. Кренке указывает на ещё одну любопытную с его точки зрения деталь – на отсутствие валов на Дютюковом городище. Из оборонительных сооружений есть только рвы; один из них сполз, другой заплыл. Однако странно, что на чертеже, приведенном в статье на с. 135, рвы выглядят как валы⁴. Не исключено, что валы также сползли в овраг, как это было с культурным слоем на городище. В этом факте автор видит хронологическую особенность данного поселения. Подобная картина наблюдалась на раскопках поселения Царицыно I (с аналогичным археологическим материалом и на основании радиоуглеродных дат), из чего он заключает, что это все подтверждает дату VII – VI вв. до н.э.

Выделим главные или опорные хронологические индикаторы Кренке: 1) керамика текстильная и гладкостенная с гребенчатым штампом; 2) булавки со спиральновитой головкой; 3) лунница-нашивка; 4) отсутствие валов; вместо них рвы; 5) в качестве аналогии булавкам использовалась литейная форма из городища Дьякова, в которой воспроизводились подобного типа булавки.

Для того, чтобы понять, как автор аргументирует хронологию инвентаря, необходимо посмотреть, как интерпретировали и датировали подобного типа находки его предшественники на тех памятниках, где ранее были обнаружены клады. Речь идет о двух полностью раскопанных городищах: Троицком и Щербинском (Дубынин, 1964; 1967; 1970; Древнее..., 1970).

Первый дьяковский «клад» был найден на склоне кольцевого рва на Троицком городище (Дубынин, 1964; 1970). Он состоял из шейных гривен, шумящих подвесок, нашивных и дисковидных блях, подвесок-колокольчиков, обкладок для ремня и других вещей – всего 52 предмета (Дубынин, 1970). Любопытно, что там же, во рву, были найдены фибула «avcissa» I в., подвески, пронизки, бусы,

⁴ Для выяснения этой ситуации я обратился за консультацией к сотрудникам бывшего Отдела сводов и карт В.И. Кулакову и Г.К. Патрик. Они сделали свои замечания по поводу плана: 1. Не указано расстояние до реки; 2. На плане указаны валы, а не рвы (берг-штрихи направлены наружу); 3. Граница площади городища проведена произвольно, без учета микрорельефа; 4. Пространство между рвами надо изображать с помощью горизонталей. 5. Горизонталей слева слишком друг от друга отстоят; у городища не может быть такого пологого склона, да ещё с культурным слоем. 6. Горизонталей не все снабжены берг-штрихами.

бубенчики, поясные подвески, булавки-заколки и т.д. А.Ф. Дубынин датирует весь инвентарь из «клада» IV – V вв. Отдельно он обращает внимание на находку умбоновидных подвесок (всего 20 экз.) и делает важный вывод о локальной особенности этих украшений, характерных для москворецких памятников ДК. Однако, если мы учтем редкие находки умбоновидных подвесок за пределами Москворечья, то территория увеличится: от городища Топорок на севере до городища Подмоклово на р. Оке (на юге), на востоке по руслу Москвы, тогда как западная граница шла по Верхнему Днепру (Древнее..., 1970. С. 52, 53). Дубынин утверждал, что височные подвески умбоновидной формы с петлей, припаянной к центру обратной стороны, ведут свое происхождение от «скифской серьги».

Надо сказать, что в Троицком городище не один клад, а четыре: клад колец с заходящими концами диаметром 9,5–11,9 см (37 предметов в первом и 13 во втором); кельт, серп и ещё 12 стрел, возможно, завернутых в тряпку; и собственно клад бронзовых вещей, о котором говорилось выше. Еще важная деталь, на которую обращает внимание Дубынин (1964): часть вещей «нарочито поломана». Он также уточняет, что аналогичные умбоновидным подвескам из Троицы есть на городищах: Щербинское (13 экз.), Кузнечики (4), Успенском (2), Барвихинском (1), Круглица (2), Подмоклово (1), Федяшево (1), Топорок (1) и на селищах: Каргашинское (1), Заречье (1) на р. Угре в Смоленской обл. (Дубынин, 1964). Для Троицкого городища предложена общая дата – VI–III вв. до н.э. – V–VI вв. н.э. Учитывая дату фибулы *avcissa* (I в.) и других вещей из рва, для умбоновидных подвесок Дубынин дает слишком широкую дату – весь период существования городища.

Во время раскопок Щербинского городища (1961–1964 гг.) был найден клад из 130 предметов, зарытый за пределами оборонительной стены. По мнению Дубынина, клад принадлежал одной женщине. В нем было только две умбоновидных подвески, два спиральных браслета, медные бляшки (53 экз.), спиральки медной проволоки, позолоченные стеклянные бусы и т.д. (Дубынин, 1967). Дубынин ещё раз подтвердил идею П.Н. Третьякова о том, что происхождение умбоновидных подвесок восходит к серьгам «скифского типа» (Третьяков и др., 1963. С. 88-90). Хронологический диапазон

этих серег Третьяков определил как VI–IV вв. до н.э. Дубынин же определил время клада на Щербинском городище III–IV вв. н.э., сославшись на то, что есть аналогичные клады на городищах Пичке Сорче в Чувашии и Мощинском, относящемся к IV–VII вв. Речь идет о т.н. «Булычовском кладе», состоящем из более 100 предметов, обнаруженном под валом (АКР, 2006. С. 186; Дубынин, 1967).

Итак, существуют две точки зрения на относительную хронологию умбоновидных подвесок и хронологию дьяковских кладов. По А.Ф. Дубынину (1967), умбоновидные подвески существуют во II/III–IV вв., по К.А. Смирнову (1974) – в I–V вв., по И.Г. Розенфельдт (1982) – в III–VII? вв., по И.А. Сапрыкиной (2006) – в I–V вв. Все предложенные датировки весьма широки – диапазон их от I до VII в. Кренке предложил датировку I–II вв., исходя из совокупной хронологии инвентаря и «аргумента Дьякова городища». Речь идет о достаточно представительной серии радиоуглеродных дат (Кренке, 2011а; 2011б).

Во-первых, надо сказать, что все исследователи ДК сошлись во мнении, что прототипами умбоновидных подвесок были серьги «скифского типа». Во-вторых, все ищут аналогии на востоке, на Волге, и юге, на Северном Кавказе. Но заметим, что наряду с этими регионами поиска аналогий также правомочен поиск на севере и на западе. Кренке ссылается на аналогии из Старшего Ахмылова и памятников кобанской культуры. Но все представленные вещи достаточно «интернациональны». Патрушев указывает, что один из вариантов проникновения этих редких по типу вещей возможен из Скандинавии и Западной Европы (Патрушев, 1977. С. 200-203). Козенкова, вслед за своими предшественниками, сообщает, что в западной группе кобанской культуры в VIII-VII вв. до н.э. кавказские племенные группы были посредниками между востоком и западом. Это время скифских вторжений вслед за убегающими киммерийцами. И те, и другие оставляли свои вещи. Они становились образцами для подражания у местных мастеров. Проникновение инородных элементов культуры извне отмечают многие кавказоведы (Козенкова, 1989. С. 136).

Казалось бы, все ясно. Новые и достаточно тщательные раскопки дали интересные результаты. Они подкреплены большой серией радиоуглеродных дат. Все это

Таблица 2. Сводная таблица находок из полно раскопанных городищ и поселений.

Памятники	Памятники	Ст. Каширское	Троицкое	Щербинское	Кузнечики	Огубское	Санниковское	Березники	Итого по ДК	Марицкое	Переверзьево 1	Тушемя	Мокрядино	Новые Батки	Пилитенкова Гора	Чалпинское	Итого
		1	2	3	4	5	6	7		8	9	10	11	12	13	14	
1	стрелы	102	285	72	31	5		9	504	13	17	6	13	9		1	59
2	копье		4	2		2			8	1	1	2				1	5
3	булава	2	1	1	4				8								
4	крюк		2	1					3								
5	кочедыг	3		3					6								
6	тупик	120	6	7	1				134			6	9	13			28
7	нож	19	84	65	13	13	4	38	236	20	19	10	16	38	18	12	133
8	гарпун	44	2	25	1	1			73			4	6	4	1	1	16
9	крючок			2				2	4							1	1
10	терочник	7					3	2	12	85	40						125
11	зернотерка	2	4				2		8	3	1	1	4	17		2	28
12	грузило	1	24	16	27	4		2	74	1							1
13	серп	1	28	4	12	1	1	1	48	7	7	1		9	1	5	30
14	коса			2			1		3								
15	мотыга	3				1		1	5	3	2						5
16	кельт	2	4	3			1	7	17		3			3		3	9
17	топор			2					2								
18	оселок	7	50	30	34	2		33	156	5	6		1	5		3	20
20	игла	3	3	1	4		2	22	35	1	4		27	33	12	3	80
21	пинцет		1	1					2								
22	проколка	1	72	50	13	9			145	16	3	8				2	29
23	булавка	2	19	4	5				30	34	5		41	81		7	168
24	пряжка	1	5	6	3	5		1	21							1	1
25	сьюльгама		21	16	4	8		1	50	2							2
26	фибула		1		1	1		2	5			1			2	1	4
27	гривна		3					1	4		1	1					2
28	браслет	3	2	2	2				9	5	5	2		47	4	2	65
29	перстень		5	2	1				8	2	1			2	5	2	12
30	бусы	14	113	72	75	10		6	290	6						50	56
31	гребень															1	1
32	подвески		53	57	16	5	2	1	134	1	11		10	5	1	2	30
33	пронизки		*	*		*			*			1		27	5	3	36
34	бляшки		32	76	4	4	1	1	118		1						1
35	накладки		*	*				5	5								
36	кольцо		101	43	16	1		1	162	1		1	7	8			17
37	псалий		4	2	2			2	10	2	1						3
38	рог. кирп.	7	9	16	13				45								
39	грузики	22	595	157	107	65	25	17	988	65	80	42	5	30		20	242
40	фигурки			1	19	2			22	1						9	10
41	плитки			7	15	6			28			43	12	40			95
42	шарики		17	10	6	19			52	1							1
43	погремуш	5	9	1	2	1			18	2		1					3
44	хлебцы									10							10
45	прясло	1	11	25	1	1		26	65				5		40	100	145
46	клещи			1					1								
47	формы	2				16		1	19	3	3		2	7		2	17
48	тигли	2	15	21	7			3	48					2	34		36
	ИТОГ	376	1588	808	441	183	41	185	3622	290	211	130	158	380	123	234	1584

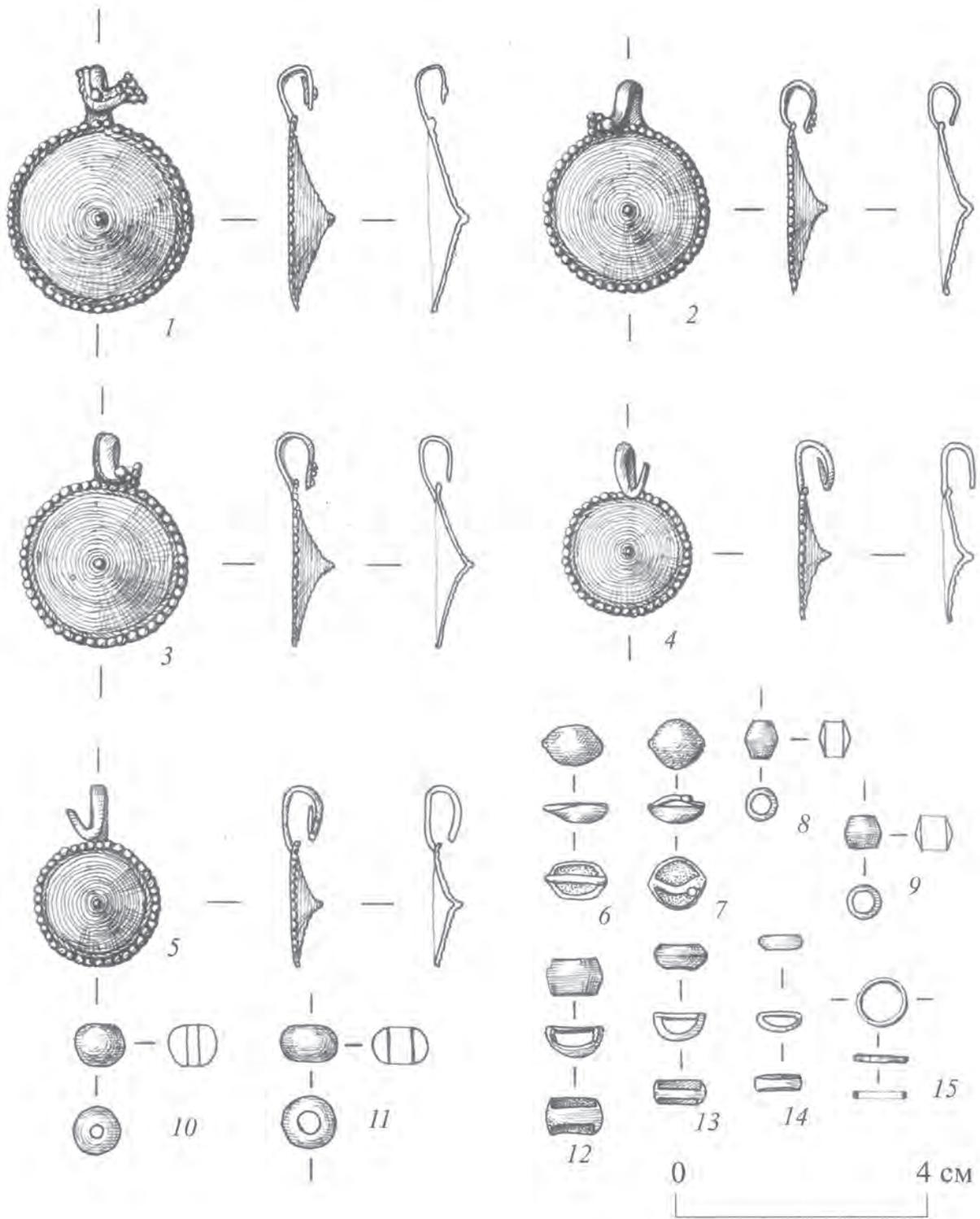

Рис. 1. Умбоновидные подвески и бляшки-скорлупки и др. предметы из Дютьково (раскопки Н.А. Кренке).

приводит к мысли, что действительно настало время пересмотреть наши датировки и ряд позиций на происхождение ДК. Как явствует из контекста статьи и книги, Кренке стоит на старых «классических» представлениях о характере и хронологии культуры в целом, недаром у него в «бунтари» были записаны П.Н. Третьяков и Е.И. Горюнова, которые подвергли сомнению идею, «что дьяковская культура плавно эволюционирована в течение полутора тысяч лет», а посему древности I тыс. до н.э. и первых веков новой эры следует разделить на разные культуры (Третьяков); в пределах ареала ДК предлагалось выделить несколько культур (Горюнова). Ответить на этот «вызов», как отмечает Кренке (2011б), можно было только новыми фактическими данными, качественно превосходящими те, что уже имелись к 1970-м годам. Посмотрим, удалось ли ответить на этот вызов времени.

В начале XX в. А.А. Спицын считал, что городища ДК – не укрепления («крепостицы»), а «сооружения обрядового характера», и выделил ряд очевидных признаков, которые отличали «городища дьякова типа» от памятников других культур (Спицын, 1903). Среди них – 1) городища «дьякова типа» – небольшие «городки с валами» с характерными находками (остатки золы, пережженной земли, с многочисленными костями животных); 2) присутствие сетчатой керамики; 3) наличие глиняных грузиков «дьякова типа», а также табличек с точками (заметим, что последние встречаются только в ДК, в отличие от грузиков); 4) отсутствие погребений; последние не найдены, а те, о которых пишет Кренке, единичны и нуждаются в проверке. Все единодушны в том, что в I тыс. н.э. к дьяковским древностям добавились вещи явно не местного происхождения: редкие фибулы, бронзовые украшения с эмалью, чернолощеная керамика, глиняные сковородки и т.д.

До сих пор основной научной проблемой любой «лесной» культуры РЖВ центра Русской равнины остается хронология. В развитии ДК мы имеем дело с тремя крупными хронологическими периодами в ее истории. Для 1 периода характерны полное господство сетчатой керамики, изделий из кости и камня, редкие бронзовые предметы; городища не защищены. Во 2 периоде появляется гладкостенная керамика и бронзовые украшения. Городища оснащаются оборонительными сооружениями (валы и рвы), выстраиваются длинные дома, начина-

ется выплавка железа. В 3 периоде сетчатая керамика исчезает полностью. Появляются инородные вещи: фибулы, лощеная керамика, сковородки. С V в. городища покидаются и остаются только селища.

В связи с этим нелишне напомнить традиционную периодизацию ДК, как она была сформулирована ещё во второй половине XX в. (Древнее поселение, 1970; Смирнов, 1974).

Переходный этап (VIII–VII вв. до н.э.). Господство сетчатой керамики, костяной и каменной индустрии. Этот этап синхронен киммерийскому периоду на юге и раннеананьинскому в Волго-Камье. В хозяйстве доминируют охота, скотоводство, рыболовство; собирательство и земледелие играют подсобную роль.

Древний этап (VII/VI–III/II вв. до н.э.). Синхронен «скифскому периоду» на юге и ананьинской культуре на востоке. Инвентарь – серповидные ножи, топоры-кельты, псалии «скифского типа»; все еще существует сетчатая керамика. В V–IV вв. до н.э. появляются грузики «дьякова типа». Городища укрепляются валами, появляются длинные дома.

Средний период (III в. до н.э. – III в. н.э.). Период расцвета культуры. Инвентарь – фибулы, редкие монеты, ножи с горбатой спинкой, серпы, топоры-кельты. Появляется лощеная керамика, снижается процент сетчатой керамики, большое количество деталей костюма (булавки, пряжки). Лошадь используется для верховой езды. Охота и рыболовство играют большую роль в хозяйстве, но скотоводство стоит на первом месте. Более заметную, но при этом все равно второстепенную роль играет земледелие.

Поздний этап (III – конец VI или начало VII вв.). Укрепленные городища, разнообразные жилища. Большое количество вещей, имеющих аналогии в Прибалтике. К этому времени прекращается жизнь на городищах. Экономическая база – скотоводство; охота (добыча меха), рыболовство, земледелие носят подсобный характер.

Заключительный период (конец VI – IX вв.). К.А. Смирнов (1994) выделил этот этап спустя 20 лет, согласившись с мнением И.Г. Розенфельдт.

В конце 80-х гг. прошлого века Н.А. Кренке (1987) предложил общую хронологию ДК. Несмотря на то, что прошло более 20 лет, она изменилась незначительно (Кренке, 2011б. С. 221-229). Кренке предлагает разделить общую хронологию ДК на

семь периодов: 1) II–I тыс. до н.э., додьяковский; 2) VIII–VI вв. до н.э., раннедьяковский; 3) V–III вв. до н.э.; 4) II в. до н.э. – I/II в. н.э., позднедьяковский; 5) II–V вв.; 6) VI–VII вв.; 7) VIII–IX вв., постдьяковский. В сущности, к старой периодизации 1980-х гг. добавлено два пункта: до «дьяковцев» и после них.

На мой взгляд, обе периодизации не точно отражают события, связанные с ДК. Попробую ещё раз высказать свою точку зрения по поводу развития и периодизации дьяковской культуры (Гусаков, 2007). Я понимаю, что мы можем выделенные рубежи проверить ходом исторических событий, синхронных «дьяковским», но произошедших на сопредельных территориях.

На территории левобережья Днестра в VIII в. до н.э. проживали племена бондарихинской культуры, точнее её чернолесский вариант (Граков, 1977. С. 155–195). На рубеже VIII–VII вв. до н.э. появляются скифские племена, что не может не сказаться на существовании автохтонных племен. Подобные процессы не всегда проходили мирно. Не исключено, что часть населения была вынуждена уйти на север, к р. Сейм, что могло привести к смещению автохтонного населения ещё выше на север. Следовательно, мы вправе ожидать в междуречье Десны и Оки появления поселений с южными традициями в материальной культуре.

В конце VI в. до н.э. (514–513 гг.) на территорию Скифии вступают войска Дария (Геродот, 1972). В поисках битвы со скифским войском Дарий вторгается в земли будинов и разоряет город Гелон (Бельское городище), и будины (ворсклинская группа, т.н. «скифы-пахари») вынуждены были покинуть свои земли. Сейчас трудно сказать, кто были «будины» Геродота – племена «милоградцев» или «юхновцев». В конечном счете это не так важно. Важно то, что часть населения левобережья Днестра покинула свою территорию и могла уйти только на север, опять же в районы рек Сейм и Ока. В начале V в. до н.э. можно ожидать притока с юга нового населения в пределах ДК.

В конце III в. до н.э. на территории Украины, в бассейнах Припяти и Днестра, появляются племена зарубинецкой и лукашевской культур. В это же время с востока надвигаются сарматские племена. «Зарубинцы» с запада сдвигают «милоградцев» на северо-восток, а сарматы – население левобережья Днестра на север. Два потока переселенцев должны были сойтись в междуречье Дес-

ны и Оки. Следовательно, в конце II в. до н.э. в пределах южных окраин «дьяковцев» можно ожидать притока нового населения.

Следующий этап приходится на конец II – начало III в. Правда, накануне этого времени произошел распад «классической» зарубинецкой культуры и появляются новые типы памятников, сформировавшие культуру «киевского типа». К этому времени относится движение вельбарских племен (готы) с северо-запада на юго-восток к Северному Причерноморью (Седов, 1994. С. 222–231). В то же время или чуть позже на памятниках ДК появляется чернолощенная керамика, и её появление, безусловно, объясняется притоком позднезарубинецких групп населения, для которых подобная посуда была обычна. В бассейне Верхней Оки во II–III вв. формируется мощинская культура (Там же. С. 306–308).

На обширном пространстве от Дуная до Курского Посеймья, от Черного моря до р. Припять в начале III в. возникает многоплеменная конгломерация – черняховская культура. В конце IV в. она прекратила свое существование под ударами гуннских племен, пришедших с востока. Естественно, что часть населения вынуждена была искать убежища на севере. Так возникает новая волна переселенцев. В пределах ареала днепро-двинской культуры возникает новое образование автохтонов и пришельцев – культура тушемля–банцеровщина III/IV–VIII? вв. (Там же. С. 303–304) и изменяется облик материальной культуры (В.В. Седов сообщает о появлении здесь браслетообразных височных колец). Аналогичный процесс мог протекать в пределах ДК в первой половине V в.

Я ничего не сказал о северных и восточных соседях ДК. На севере ДК граничила с племенами культуры «сетчатой» керамики (позднекаргопольская культура). Насколько сильно могли влиять на ДК племена охотников с севера, сказать трудно. С востока и юго-востока ДК граничила с городецкой культурой (далее ГК), которая возникла одновременно с ДК и просуществовала от VII в. до н.э. до V в. н.э. и занимала пространство по Оке, от впадения Москвы-реки и ниже, и Волге до впадения в нее Камы. Мы можем говорить о возможном взаимовлиянии двух культур, но насколько это было существенно – большой вопрос. В ГК были свои отличительные особенности. Здесь не было «грузиков дьякова типа», использовались другие – ци-

линдрические. В ГК известны погребальные памятники (со II–III вв.), в ДК их до сих пор не обнаружено. По-видимому, это влияние было минимальным. Ещё дальше на восток, за пределы ГК, на огромном пространстве от Ветлуги до Камы в эпоху Гальштата (VIII–VI вв. до н.э.) проживали племена ананьинской культуры (далее АК). Культура, в отличие от ДК, насыщена изделиями из бронзы и железа, особенно топорами и оружием. У «дьяковцев» и тысячной доли нет того, что есть в АК (Халиков, 1977). В АК есть погребальные памятники – это грунтовые могильники с обрядом труположения. В эпоху Латена на этой территории возникает пьяноборская культура (далее ПК), в которой тоже нет ничего общего с ДК, так как она является естественным продолжением АК. На мой взгляд, археологические культуры Волго-Камья, их история и формирование лежат за пределами исторических процессов, связанных с ДК.

Ранний хронологический период (VIII–VI вв. д.н.э.), эпоха Гальштата. Наиболее спорный период в изучении ДК. Проблема состоит в том, когда начинать дьяковскую культуру. Выделение памятников ДК в ранний период основан на нескольких постулатах, утвердившихся ещё в эпоху начала нашей науки. Первый постулат – наличие в ранних (нижних) слоях керамики с отпечатками «сетки». Второй – наличие костяных стрел, подражающих «скифским» образцам (шпорцевые, двухкрылые и втульчатые стрелы). Эта мысль Городцова выглядит весьма сомнительной (Гусаков, 2005). Третий – присутствие в культурном слое кельтов «меларского» типа и бронзовых булавок со спиральной головкой⁵. Замечу, что хронологическая аргументация названных мною «постулатов» находятся в прямой зависимости друг от друга. Стоит выпасть одному из них, как все рушится. Но главный постулат – это наличие сетчатой керамики. Однако до сих пор никто не доказал твердо и определённо, что сетчатая керамика принадлежит «дьяковцам». До тех пор, пока это «родство» не будет доказано, все попытки датировать ДК ранее V в. до н.э. бесполезны.

Остается проблематичной ранняя дата ряда городищ Верхнего Поволжья за пределами Тверской губернии. Самих городищ (да и других памятников) уже

давно нет, раскапывали их в незначительном объёме (не более 30 м²), материалы во многом утрачены, датировки даны в 1930-е годы, когда хронология ДК только начинала выстраиваться. Сказывалась и научная конкуренция между исследователями двух столиц, и граница этой «борьбы» проходила по водоразделу р. Волги. Тогда-то и возникло первое желание «удревнить» дьяковские материалы и заполнить хронологическую лакуну между эпохой бронзы и РЖВ. Материалы позднего бронзового века Тверской, Костромской, Ярославской областей стали сравниваться с ранними материалами ДК. В нижних слоях этих городищ лежит сетчатая керамика, несколько бронзовых изделий (две булавки и один кельт?!), костяные стрелы, похожие на неолитические и позднебронзовые – и это всё, что есть из аргументов в пользу ранней даты (Третьяков, 1966. С. 146–149)⁶. К сожалению, до сих пор этот «научный факт» о ранней дате ДК в Верхнем Поволжье продолжает тиражироваться вплоть до наших дней, не подвергаясь ни малейшему сомнению.

Датировка волжских городищ ДК – проблема не меньшая, чем хронология всего раннего периода. Мне возразят, что есть радиоуглеродные даты на некоторых городищах. Да, есть, но их немного (несколько образцов). Вот и выходит, что к раннему периоду у нас относится не более десятка городищ, о поселениях мы мало что можем сказать. Если убрать из числа аргументов такой довод, как сетчатая керамика, то вся система ранней хронологии развалится. У нас нет до сих пор четких, однозначно понимаемых всеми исследователями свидетельств (вещественных маркеров) в пользу ранней хронологии ДК.

Второй хронологический период (V–III вв. до н.э.), эпоха Латена (фазы А–В), эпоха начала интенсивного использования железа в хозяйственной практике. На городищах Д, по наблюдениям Кренке, появляются валы. В инвентаре культуры заметно появление вещей «скифского облика», я бы сказал – гальштатского. Есть украшения (браслеты, бляхи, булавки и т. д.), конская упряжь, правда, буквально единицы. Но самое главное – это повсеместное появление грузиков «дьякова типа», одного из главных маркеров ДК. К этому периоду относится заметное уменьшение объ-

⁵ Все три тезиса сегодня кажутся весьма сомнительными, частично я уже объяснил эту ситуацию (Гусаков 1996; 1999; 2003). Надеюсь, что и другие соображения мне удастся опубликовать в ближайшее время (статья о «сетчатой керамике» и о «кельтах»).

⁶ Сразу отмечу, что стрелы из кости всегда и везде будут «на что-то похожи», и от этой «навязчивой аналогии» никуда не уйти, так как функция изделия и характер материала диктуют свои одинаковые условия во все времена, где бы не делали и использовали стрелы, от палеолита до наших дней.

ёмов сетчатой керамики; её место постепенно занимает заглаженная (гладкостенная). Дьяковская культура практически осваивает всю территорию, в пределах которой она и останется до конца своего существования.

Третий хронологический период (средний), II в. до н.э. – II в. н.э., конец Латена (фаза C-D), начало римского времени (ранний период). По единодушному мнению всех исследователей, это самый яркий период в истории ДК, «дьяковский ренессанс», по Кренке. С этим мнением можно согласиться, так как в это время наблюдается увеличение археологических артефактов. Особенно это выражается в увеличении вещей индивидуального использования, прежде всего, украшений. Появляются редкие фибулы из бронзы и железа, подковообразные фибулы (сюльгамы), подвески, пронизки, гривны, пряжки, а также ранее не известные орудия – серпы и косы-горбуши. Но главным признаком этого времени является исчезновение сетчатой и штрихованной керамики. Исследователи расходятся в определении времени её исчезновения. Кренке (1987) считает, что она исчезает на рубеже эр. К.А. Смирнов и И.Г. Розенфельдт (1974) относят время ее исчезновения к III в.; в это же время появляется лощеная керамика. На первое место выходит заглаженная керамика, весьма разнообразно украшенная, причем появляются новые виды орнамента, которых раньше не было (например, веревочный). Средний хронологический период ДК можно разбить на две фазы. Период до нашей эры – фаза А и после Рождества Христова (наша эра) – фаза Б.

Четвертый хронологический период, III–V вв., римское время и эпоха великого переселения народов. По мнению ряда исследователей, этот период можно считать финальной стадией ДК. К его концу ряд исследователей (П.Н. Третьяков, К.А. Смирнов) предполагает уход населения с городищ на селища. Я также считаю, что этот период – финал ДК.

Пятый хронологический период (поздний), VI–VIII вв. В это время в материальной культуре стали заметны артефакты других культур, в частности, мерянской и раннеславянской, заметно сократилось количество памятников ДК. Этот период ранее был выделен в работах А.Ф. Дубынина, К.А. Смирнова и И.Г. Розенфельдт. Теперь к ним присоединился и Н.А. Кренке. Розенфельдт пошла дальше: она считала, что хронологию ДК можно доводить до первых археологических свиде-

тельств появления славян на этой территории, до IX–X вв.

Однако вернемся к дьяковскимкладам и хронологии умбоновидных подвесок. На мой взгляд, это последствия подражаний гальштатским формам, украшениям брачного убора. Область распространения весьма широка: западный гальштат (Альпийская зона, Верхний Дунай, Рейн и Эльба), Северная Европа. Германия, Венгрия, Польша (Рис. 2–5). Из бронзы изготавливалось большое количество разнообразных и конструктивно близких украшений. Это поделки из проволоки, закрученной в спираль, и из нее сделаны булавки, застёжки, спиральновитые двойные фибулы или «очковые» и т.д. Они существуют в сборке с многочисленными скрепками, цепочками, спиральками, пронизками, а те, в свою очередь, скреплены с пластинками в виде трапеций, фигурками животных и т.д. Фибулы имеют иногда и больше спиральных головок. Такие фибулы-подвески называются – «шайбе-фибельн», «арфен-фибельн» или диско-видные ажурные фибулы и т.д. Очевидно, что эти подвески вышли не из «скифских серег», а из гальштатских фибул со спиральновитой двойной головкой. Они были чрезвычайно популярны в эпоху позднего гальштата во всех культурах Западной и Центральной Европы (Рис. 4–5). В европейских могильниках и поселениях достаточно много такого рода находок и булавок со спиральновитой головкой (Ebert, 1925; Schwantes, 1934; Kostrzewski, 1958; Müller-Karpe, 1959; Гусаков, 1988, Рассадин, 2005). В финале эпохи гальштата территории Германии, Венгрии, Польши были заняты археологическими культурами, в которых эти вещи достаточно долго культивировались и использовались в качестве важной компоненты свадебно-погребального наряда (костюма) и в повседневной практике не использовались.

Если мы примем во внимание, что исторический процесс в Восточной Европе изрядно запаздывал по отношению к Северной и Центральной Европе примерно на одно – полтора столетия, то мы можем вычислить хронологию попадания этих вещей и их типов на восток. Эти вещи стали использоваться в Польше и Венгрии в начале эпохи латена (V–IV вв. до н.э.), куда они проникли из Альпийского региона. В Восточную Европу они могли попасть не раньше III–II вв. до н.э. В это время в верховьях Вислы и Среднего Дуная действуют бастарны.

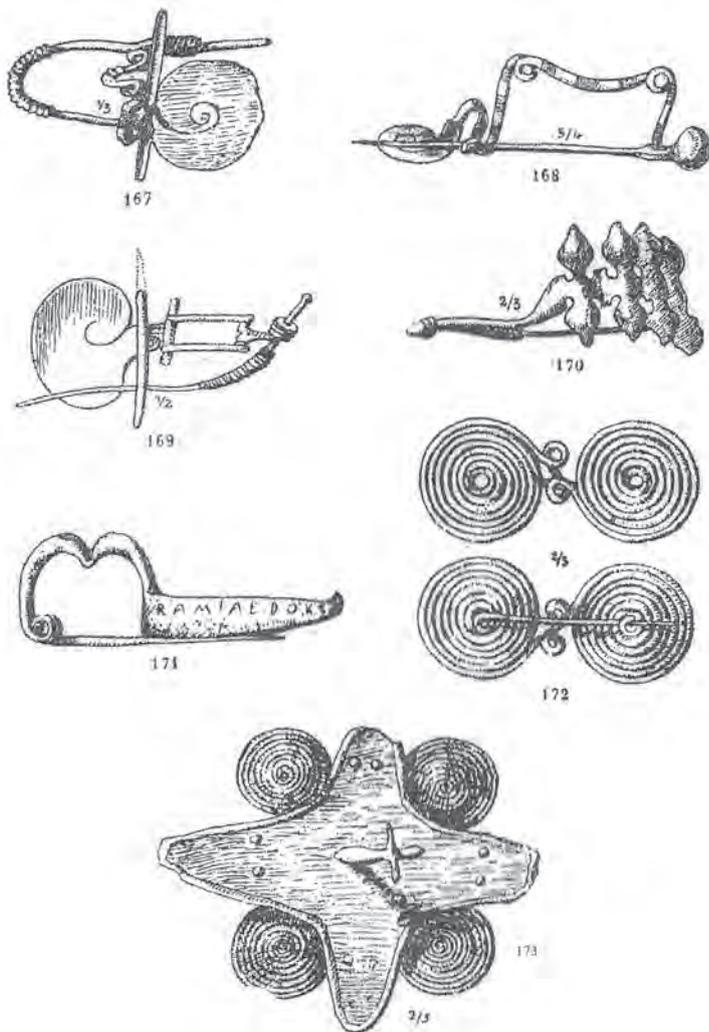
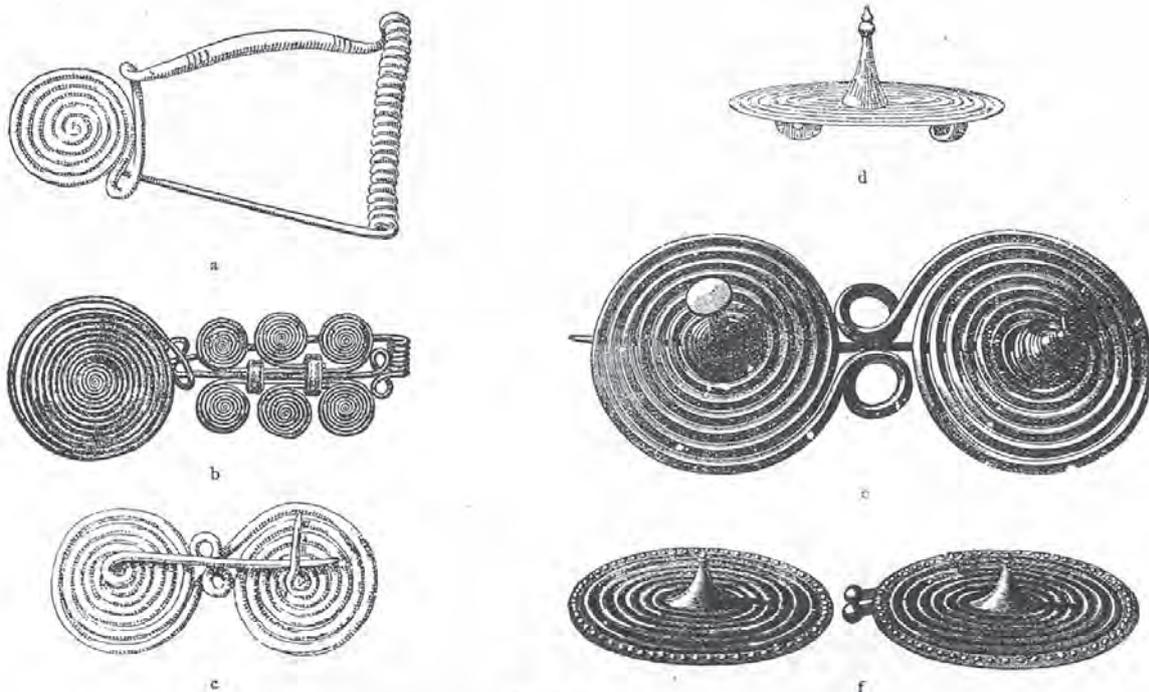

Рис. 2. Фибулы из бронзы – гальштат (Италия); по: (Ebert, 1925. Taf. 114).

Fibula A. Europa

a. Harpenfibel. — b. Posamentierfibel, ungarische. — c. c. Brillenfibel. — d, f. Nordische Scheibenfibeln. —
Nach Zeitschrift für Ethnologie 1913, Archäologiai Ertesitő 1911, Hoops Reallexikon.

Рис. 3. Фибулы из Западной Европы; по: (Ebert, 1925. Taf. 103).

Рис. 4. Клад бронзовых предметов из Центральной Европы (Германия).

Рис. 5. Клад бронзовых предметов из Тюрингии (Германия).

В советской историографии надолго утвердилось мнение, что у русских ученых старшего поколения не было своего мнения на эту проблему. В частности, речь шла об ответах Городцова, Готье и Спицына на реакцию немецких ученых при открытии В.В. Хвойкой зарубинецкой и черняховской культур. Немцы объявили их германскими древностями. При работе с историографией по теме «Погребальный обряд Восточной Пруссии в эпоху Гальштата и раннего Латена» мне в руки попался очередной выпуск «Известий» ИАК (1904. Вып. 12) со статьей А.А. Спицына «Памятники латенской культуры в России», и вот мы читаем: «Нет никакого сомнения, что памятники латенской культуры в юго-западном крае в действительности гораздо многочисленнее. Открытие их восполняет пробел, ощущавшийся до сей поры в местных древностях, так как было неизвестно, что следует положить в этих древностях между поздней скифо-сарматской культурой и могильниками позднеримской поры, открытыми г. Хвойкою. Теперь на этот вопрос получен определенный ответ. Едва ли возможно колебаться в решении другого вопроса: откуда именно на Днепр и Днестр явилась латенская культура? Все имеющиеся данные говорят за Вислу или среднюю Германию. В Венгрии эта культура развита, по-видимому, лишь в западной части. Так как Латен не имеет никаких корней в южнорусских древностях, совершенно отличных от него и более богатых, то ясно, что он занесен в данную местность населением, пришедшим откуда-то с культурой средней Европы. Таким племенем естественнее всего признавать бастарнов...» (Спицын, 1904. С. 85). Как говорится, эта фраза меняет все дело. Меня удивляет другое, что эта статья практически была забыта на 100 лет! Именно бастарны в III–II вв. до н.э. совершают сложное движение из Германии и Польши к устью Дуная. Я думаю, что дата дьяковских вещей из клада – II–I вв. до н.э., и эти предметы можно связывать с поморской и зарубинецкой культурами.

Но есть еще одна версия. Нам хорошо известно, что в 512 г. до н.э. в Причерноморские степи вошла армия Дария Гистаспа, которая преследовала скифское войско. Война приобрела значительный размах по количеству участвующих племен и людей и охватила обширные территории, по которым прокатились враждующие армии. Естественно, что мирное население бежало из зоны столкновений. Не исключено, что часть

населения, особенно низовьев и левобережья Днепра, ушла на север. Спустя 100 лет это население прижилось и адаптировалось к местным условиям и восстановило свою технологию изготовления бронзовых изделий. Если мы примем эту дату как отправную, тогда новый дьяковский клад можно датировать IV–III вв. до н.э.

Ещё раз напомним, что это были сугубо ритуальные вещи – обереги, которые использовались в особые дни для древнего человека. Есть несколько путей перемещения оригиналов или прототипов вещам из дьяковских кладов: из южных районов Польши они попали в Восточную Пруссию, откуда распространялись по рекам: Прегола – Березина – Днепр – Угра – Ока. Не исключено, что был и альтернативный путь с запада на восток: по Висле – Западному Бугу – Припяти – Днепру, далее по Сейму и до Оки. Так называемые «скифские серьги» получили достаточное развитие в конце гальштата; их также много в материалах Польши и Белоруссии, где они бытовали в III–II вв. до н.э. в Мазурском Поозерье (Hoffmann, 1999). Наиболее очевидные примеры большого разнообразия украшений эпохи гальштата – в работах Густава Швантеса, Германа Мюллера-Карпе, Макса Эберта (Рис. 4-5).

И, наконец, последнее замечание относительно самого термина «клад». Мне представляется, что употребление термина «клад» для определения подобных местонахождений не совсем верно. Помоему, внутренний смысл слова «клад» подразумевает, в конечном счете, нахождение и изъятие этого клада тем, кто его сделал. Во всех случаях, представленных в статье Кренке, клады не только не были взяты, но и намеренно «похоронены» так, чтобы их никто не взял, включая самого владельца. Я понимаю, что употребление этого термина для находок подобного рода имеет давнюю традицию. Но я понимаю эти «клады» как «жертвоприношения» данному месту или случаю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Йерем Э.* Гальштатская культура в Задунавье // Археология Венгрии. Конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э. М., 1986. С. 153-168.

- Кашкин А.В., Краснов Ю.А., Массалитина Г.А., Прошкин О.Л., Смирнов А.С., Сорокин А.Н., Фролов А.С.* Археологическая карта России: Калужская обл. М., 2006.
- Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972.
- Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Фракийский гальштат // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С.36–39.
- Граков Б.Н.* Ранний железный век (культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.
- Гусаков М.Г.* Поселения дьяковской культуры как источник изучения социально-экономических отношений в древних обществах: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.
- Гусаков М.Г.* Булавки со спиральновитым навершием в зарубинецкой культуре // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 59-64.
- Гусаков М.Г.* Дьяковская культура: об интерпретации одного вида источников // Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ. Апрель 2003 г. Т. II. М. 2005. С. 211-216.
- Гусаков М.Г.* Хронология дьяковской культуры // ТАС. 2007. Вып. 6, т. II. С. 35–49.
- Дубынин А.Ф.* Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскowie. МИА. 1970. № 156. С. 5–98.
- Дубынин А.Ф.* Троицкое городище Подмоскowie // СА. 1964. № 1. С. 178–197.
- Дубынин А.Ф.* Клад Щербинского городища // КСИА. 1967. Вып. 112. С. 99–104.
- Дубынин А.Ф.* Городище Кузнечики в Подмоскowie // СА. 1970. № 1. С. 152–164.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. 1977. Вып. В2–5.
- Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен: Западный вариант // САИ. 1998. Вып. В2–5.
- Кренке Н.А.* Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.
- Кренке Н.А.* Археология парка «Царицыно». М., 2008.
- Кренке Н.А., Лазуткин А.В., Елкина И.И., Ершов И.Н., Леонова Е.В., С.З. Чернов.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железа в районе Звенигорода // Археология Подмоскowie. Вып.6. М., 2010. С. 34–50.
- Кренке Н.А.* Клад украшений с городища Дютьково // РА. 2011а. № 1. С. 134–148.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2011 б.
- Кулаков В.И.* Генезис трилистных фибул и умбоновидных подвесок // Lietuvos archeologija. Т. 32. Vilnius. 2007. С. 132–144.
- Кухаренко Ю.В.* Археология Польши. М., 1969.
- Мельниковская О.Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. д.н.э.; (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984.
- Рассадин С.Е.* Милоградская культура: ареал, хронология, этнос. Минск, 2005.
- Розенфельдт И.Г.* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М., 1982.
- Сапрыкина И.А., Энговатова А.В.* Химический состав цветного металла дьяковского времени из раскопок городища Настасьино // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 477–493.
- Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.
- Смирнов К.А.* Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. М., 1974. С. 7–89.
- Смирнов К.А.* Проблема периодизации памятников городецкой и дьяковской культур // РА. 1994. № 4. С. 85–97.
- Спицын А.А.* Городища Дьякова типа // ЗОРСА. 1903. Т. V. С. 111.
- Третьяков П.Н., Шмидт Е.А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.

-
- Hoffmann M.J.* Zrodla do kultury i osadnictwa poludniowo-wschodniej strefy nadbaltyckiej w I tysiacleciu p.n.e. Olsztyn, 1999.
- Kostrzewski J.* Kultura Luzycka na Pomorzu. Poznan, 1958.
- Meissner S.* *Fibeln* // Reallexikon der Vorgeschichte. T.3. Berlin, 1925. S. 285–315.
- Müller-Karpe H.* Beiträge zur chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Bd. 22. Berlin, 1959.
- Schwantes G.* Deutschlands Urgeschichte. Leipzig, 1934.
- Uta von Freeden, Siegmар von Schnurbein. Spuren der Jahrtausende. Archäologie und Geschichte in Deutschland. Stuttgart, 2002.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СООРУЖЕНИЯ ВАЛОВ ДЬЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

А.А. Гольева (Москва), А.С. Сыроватко (Коломна),
А.А. Трошина (Коломна)

Some construction features of the of the shafts at the Dyakovo hill-forts:
first results of scientific research

A.A. Gol'eva (Moscow), A.S. Syirovatko (Kolomna), A.A. Troshina (Kolomna)

Способы ведения войн в лесной зоне в железном веке вообще и характер использования укреплений в частности продолжают оставаться предметом дискуссий. Следует признать, что многие аспекты – как процесса возведения укреплений, так и их использования – остаются непонятными.

Палинологический метод для исследования насыпей валов применительно к дяковским городищам уже применялся (Сыроватко, Спиридонова, 2002; Сыроватко, 2009) и дал довольно неожиданный результат. Помимо очень ценных, но исключительно локальных сюжетов о процессе возведения каждой конкретной насыпи, он продемонстрировал, что динамика изменения палинологических спектров на разных городищах в одном регионе меняется практически одинаково. Из этого следовало, что насыпи валов необъяснимым на тот момент образом возводились с применением материалов, синхронных времени постройки, т.е. в валах не использовался культурный слой, перемещенный с площадки городищ. Этот факт прямо указывал на то, что обильный археологический материал из насыпей также синхронен времени их возведения и может служить основанием для хронологических и типологических построений, но сам по себе не был объяснен.

Новые обстоятельства выявились после применения естественнонаучных методов при исследовании вала Ростиславля. Они продемонстрировали чрезвычайно высокую долю органики в его составе, причем характер этой органики дал основания сделать вывод о том, что основой вала явились различные бытовые и хозяйственные отходы, включая навоз (Гольева, 2011. С. 70). Чуть позже этот

вывод был дополнен: вал являлся свалкой мусора и нечистот, а также ограждением на случай столкновения, но не был полноценным фортификационным сооружением (Коваль, 2012. С. 69). Очевидно, что такие утверждения требовали перепроверки, и этой работе как раз и посвящена наша статья.

Методы исследования

Нами были применены те же виды анализов, что и в Ростиславле: определение валового фосфора и микробиоморфный. К нему мы попытались добавить спорово-пыльцевой метод, поскольку методика предварительной обработки образцов с фитолитами схожа, что позволяло вести эти работы параллельно. Кроме того, на многих дяковских городищах, о которых пойдет речь, этот анализ уже был выполнен по колонкам из валов.

Определение валового фосфора проведено во всех образцах. Фосфор – облигатный биофильный элемент наравне с азотом, углеродом и кислородом. Определяющая роль в биогеохимии фосфора принадлежит живому веществу. Среднее содержание фосфора в земной коре порядка 0,09%; в почве несколько выше – 0,1–0,2%. Максимальные величины валового фосфора в почвах характерны для гумусовых горизонтов, с глубиной содержание элемента в почве уменьшается. В итоге наблюдается аккумуляция фосфора в органической толще при минимальных величинах в минеральной. В почвы фосфор поступает за счет ежегодного растительного опада и умершей почвенной фауны. В культурных

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14–06–00423 А "Реконструкция природного окружения поселений Раннего железного века – раннего Средневековья в бассейне Средней р. Оки"

слоях поселений к этим факторам добавляется еще фосфор из древесины, костей, пищевых остатков и бытовых отходов. Таким образом, поселенческие ландшафты содержат валового фосфора значительно больше по сравнению с природными. Растворимость фосфора варьирует в большой степени в зависимости от условий среды, форм соединений, наличия углекислоты и др. При этом при любых значениях рН почвенных растворов могут существовать плохо растворимые соединения фосфора, то есть возможно химическое поглощение фосфатов в присутствии в почве ионов кальция, алюминия, железа с образованием малорастворимых форм.

Микробиоморфный анализ проведен в образцах из гумусовых и переходных органоминеральных горизонтов почв и культурных слоев во всех трех колонках. Этот анализ представляет собой исследование остатков биоты микроскопической размерности, имеющих характерную морфологию – фитолитов, спикул губок, диатомовых водорослей, детрита и пр. Важным является сочетание относительно высоких скоростей образования с высокой степенью сохранности данных частиц. Поскольку каждая из микробиоморф формируется в строго определенных ландшафтных условиях, то совокупный анализ позволяет проводить реконструкцию природной среды, определять динамику и направленность эволюции ландшафтов, тип хозяйствования и интенсивность антропогенного воздействия на регион.

Новых данных в результате спорово-пыльцевого анализа на Коробчеевском городище получить, к сожалению, не удалось. Причиной стало малое количество пыльцевых зерен в готовых препаратах на фитолиты. Это возможно по двум причинам. Во-первых, пыльца не сохранилась в силу некоторой разницы в методике обработки образцов. Верно и то, что пробы на фитолиты минимальные (по сравнению с пыльцой) по навескам, загрязненность образцов углем выше. Но в то же время удельный вес тяжелой жидкости при обработке на фитолиты выше, чем в палинологическом анализе, и пыльца должна была сохраниться. Во-вторых, отсутствие пыльцы в образцах может также отражать некую реальность. К примеру, для создания насыпи использовались нижние горизонты почвы (минеральные), которые практически ничего, кроме минералов различной размерности, не содержат – это

верно для верхних образцов городища Коробчеево; другой вариант – слой насыпи откладывался в сезоны «поздняя осень – зима – ранняя весна», когда пыльцевого дождя практически нет. Следует особо отметить, что соотношение пыльцы с навозом не однозначно линейное: всё зависит от сезона. Так что присутствие пыльцы или ее отсутствие ничего не говорит о том, был ли в составе образца навоз – весьма важная в наших исследованиях деталь.

Объекты исследования

Для исследований перечисленными выше методами было выбрано четыре дьяковских городища, географически близких Ростиславлю – это расположенные на р. Оке на отрезке от Коломны до г. Озёры Свиридоново III, Протопопово, Коробчеево I, а также Городищенское городище на р. Коломенке в черте современной Коломны. На всех отобраны образцы, однако к моменту написания нашей статьи результаты получены по двум памятникам: городищам Коробчеево I и Городищенскому.

Укрепления всех перечисленных городищ описаны в литературе (Сыроватко, 2009). Особенностью Коробчеевского и Протопоповского является доступность обнажений в насыпях валов – отобрать повторно образцы из тела насыпи на этих памятниках было несложно. В Городищах разрезы укреплений надежно закрыты, но повторного вскрытия не понадобилось: в нашем распоряжении были образцы, отобранные из насыпи вала в 1997 г. для палинологического анализа. Мы использовали как уже готовые препараты, так и образцы, которые не были в свое время обработаны. Отметим, что близость технологии варки образцов позволяет одновременно готовить препараты для палинологического и фитолитного анализов. Единственным условием (кроме осторожного использования щелочи) мы бы назвали достаточные для палинологии навески грунта, поскольку для фитолитов вес образца значительно меньше. Что касается валов городища Свиридоново III, то в этом случае с отбором образцов ситуация была самая сложная: ни видимых обнажений, ни искусственных разрезов в нашем распоряжении не было (подробнее о самом памятнике – Сыроватко, Сапрыкина, 2011; Обломский и др., 2012). Образцы из обоих

валов нами были получены путем бурения геологическим буром. Разумеется, пробы имеют в таком случае лишь весьма общую привязку к стратиграфии и для детального анализа насыпи, например, с использованием палинологии, такой метод не годится. Для наших целей он вполне допустим.

Результаты исследований

Коробчеево I. Исследование укреплений этого памятника было проведено в 1992 г., результаты опубликованы (Сыроватко, 2009. С. 50–53). Отметим, что особенностью городища являлось то, что валы его в большом количестве содержали обломочный известняк, а ров врезан в известняковую платформу (рис. 1, 2). Повторный отбор образцов был осуществлен из врезки 1992 г., южной стенки, кв. 2а-3а (Сыроватко, 2009. Рис. 8, А).

Обратимся теперь к гистограмме на рис. 3. Содержание валового фосфора неровное – образцы с минимальными значениями, характерными для нижних горизонтов почв, соседствуют с образцами с аномально высокими значениями. Подобный неровный характер распределения демонстрирует и содержание фитолитов – левая колонка («пила» диаграммы). Можно отметить и некоторое несоответствие образцов по распределению фосфора фитолитам, что возможно при доминировании животной органики над растительной среди компонентов вала. Основной вывод – в насыпи доминирует минеральная составляющая (здесь и далее выделено нами – авт.). Это наблюдение коррелирует с тем, что в насыпи этого памятника вообще много обломочного известняка, ситуация нетипичная. Но органика в насыпи всё же есть, причем ее состав неоднороден – некоторые слои обогащены растительными остатками, некоторые – животными. Иными словами, низкая доля фитолитов при сравнительно высоком количестве фосфора является показателем того, что из органической составляющей доля навоза невелика, в то время как отходы жизнедеятельности человека и не-травоядных животных весьма вероятны.

Интересно соотношение всех компонентов в нижнем горизонте вала, или, скорее, в слое под валом. Там значения обоих показателей зашкаливают, из пыльцы присутствует разнотравье – также показатель

навоза, хотя и не универсальный. То есть сам вал насыпался на созданный ранее культурный слой.

В составе фитолитного комплекса есть формы, характерные для культурных злаков, что также указывают на свалку отходов как составной элемент насыпи – в дерновом слое и тем более в балластном их не будет.

Вывод: органика в насыпи вала есть, хотя количество ее не так велико (кроме нижних образцов), как в Ростиславле.

Городищи. Укрепления этого памятника исследованы значительно подробнее; результаты раскопок, а также палинологические материалы также опубликованы (Сыроватко, 2009. С. 61–69). Особенностью этого памятника стало обнаружение некой конструкции внутри насыпи, а также прослеженная последовательность досыпок вала, при которых обитателям городища несколько раз приходилось сдвигать в напольную сторону тальвег рва – позднее абсолютно сходная ситуация будет открыта в Ростиславле (Коваль, 2012). Как мы уже отметили выше, нами были использованы уже готовые палинологические препараты от образцов, отобранных из древнейших прослоек насыпи, а также из слоя из-под насыпи, на дне самого раннего рва (на профиле и гистограммах обр. 1–4). На рис. 4 приведен уже публиковавшийся ранее профиль разреза укреплений (Сыроватко, 2009. Рис. 20)². Три нижних образца относятся к слою на дне раннего рва – слой 13 на рис. 4, остальные – в большей степени к слою 11, с захватом слоев 10 и 12. Слой 11 представлял собой пачку очень тонких, диагонально наклоненных прослоек темно окрашенного гумуса, разделявших линзы суглинка и выстилавших дно рва на следующем строительном этапе.

Здесь картина, с одной стороны, менее ясная – мы использовали пока только уже готовые палинологические препараты, и сделать анализ на валовый фосфор возможности не было. Однако и здесь, во-первых, очевидная «пила» гистограммы (рис. 5), что говорит о нестабильном составе, сочетании грунта и органики. Второй же момент – очень высокое содержание фитолитов. В образце 1м количество фитолитов превышает 600 ед. на просмотренный стандартный объем, что указывает на наличие здесь в прошлом практически «чистой травы». Два других,

² Отметим, что номера образцов, указанные на гистограмме и профиле на рис. 4, 5, являются номерами ИГРАН и не соответствуют полевым номерам и лабораторным номерам ИА РАН.

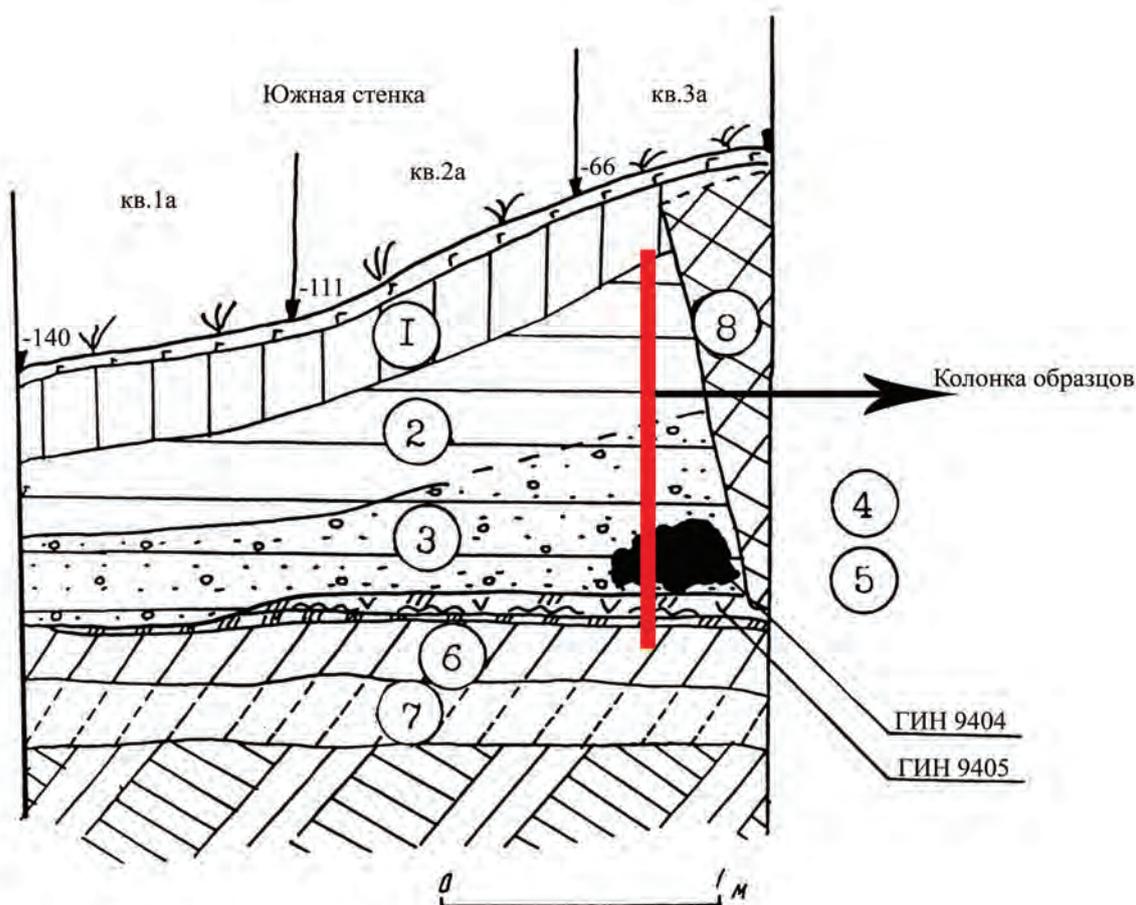

Рис. 1. Городище Коробчеево I, профиль южной стенки раскопа 1992 г. (Сыроватко, 2009. Рис. 8) с нанесенной колонкой отобранных образцов.

самых нижних образца, где количество фитоцитов также было значительно выше нормы, происходили не из самой насыпи, а из-под нее. То есть в этих прослойках вала, видимо, на временных поверхностях, либо скапливалась трава (силос, компост), либо всё же навоз.

Заметим, что в отличие от Коробчеево валы Городищ содержат пыльцу. Динамика пыльцевых диаграмм с разных памятников в целом хорошо совпадает, что убедило нас, по крайней мере, в достоверности отобранных проб. Пыльца первой свидетельствовала, что в валах странным образом откладывался органический материал, синхронный их многочисленным ремонтам, и, следовательно, археологический материал также должен был соответствовать прослойкам ремонта, а не перемещенному в вал слою с площадки!

В результате исследований мы пришли к следующим выводам.

1. Во всех случаях значительная часть прослоев валов обогащена валовым фосфором и микробиоморфами, т.е. в составе насыпей изученных валов всегда присутствовали слои

из органики (навоз, бытовой мусор и пр.). То есть обнаруженное отличие от состава насыпей валов других культур не является случайным.

2. При этом каждый вал имеет самостоятельное чередование обогащенных и обедненных органикой слоев, т.е. не было какой-то единой схемы создания вала, как и не было, судя по нашим наблюдениям, «универсальной органической добавки в тесто вала, предусмотренное рецептом».

3. В ряде случаев вывод о наличии органической составляющей очевиден и без специальных анализов, но довольно часто визуально высокое содержание органики в составе прослоек не определяется. Правда, последний вывод пока нельзя отнести к Городищам – на этом памятнике просмотренные образцы относились к гумусированным прослойкам.

Обсуждение результатов

Озвученные выводы не однозначны. Из них следует довольно парадоксальное

Рис. 2. Заново раскрытая южная стенка раскопа на Коробчьевском городище, ноябрь 2011г. В нижней части профиля видна темная полоска слоя под насыпью.

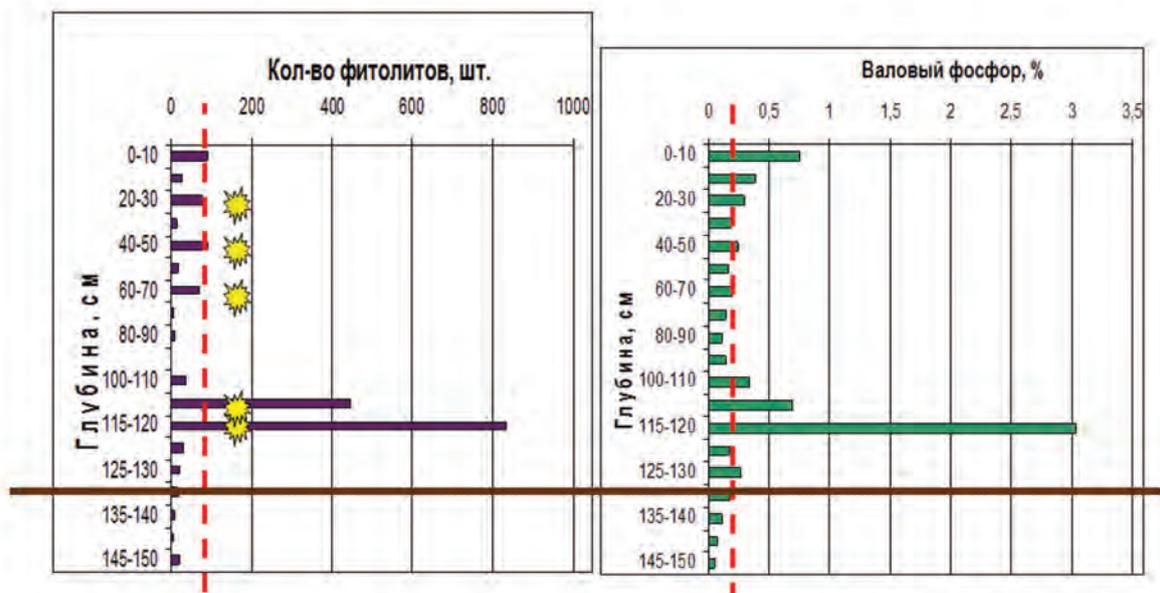

Рис. 3. Количество фитолитов и валового фосфора в образцах из насыпи вала Коробчьевского городища. Звездочками обозначены фитолиты культурных злаков, красная пунктирная линия – максимальные природные значения (для фитолитов – верхних почвенных горизонтов), коричневая линия – уровень погребенной поверхности.

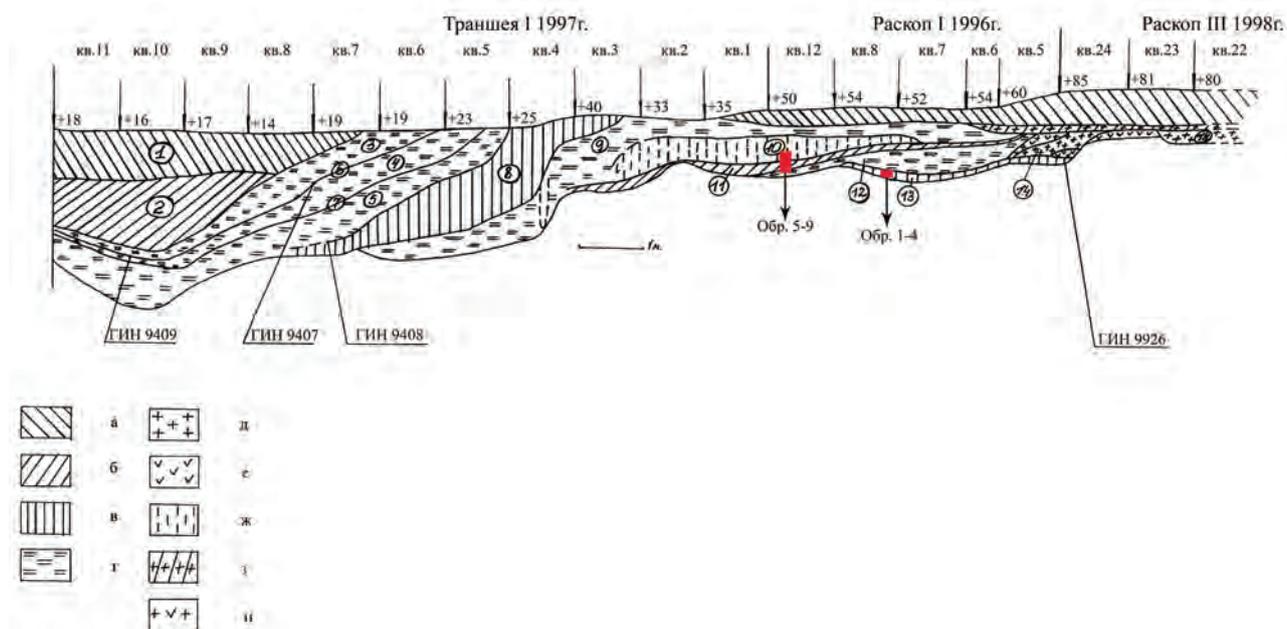

Рис. 4. Горишченское городище. Профиль восточной стенки раскопов 1996–98 гг. с нанесенными колонками отбора образцов: *а* – мусорный слой, перекопы; *б* – темно-серый гумусированный суглинок; *в* – серый суглинок; *г* – желтый суглинок с включениями угля, культурного слоя, керамики; *д* – прокаленная глина; *е* – уголь; *ж* – серый суглинок с включениями угля; *з*, *и* – перемес прокаленной глины и угля.

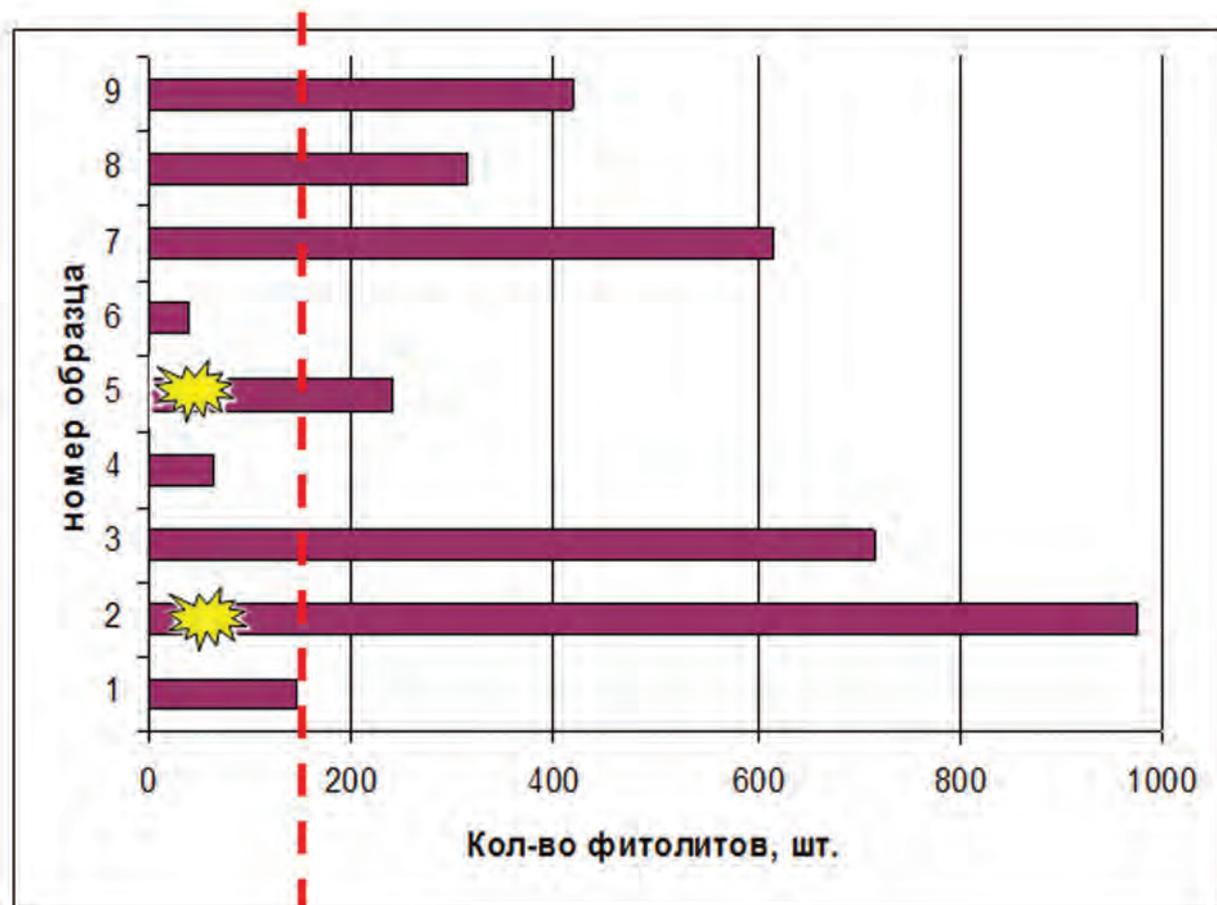

Рис. 5. Горишченское городище. Количество фитоцитов в образцах из насыпи вала. Звездочками обозначены фитоциты культурных злаков, красная пунктирная линия – естественные значения для верхних почвенных горизонтов. Номера образцов ИГРАН.

заключение о том, что представители дьяковской культуры свои бытовые и хозяйственные отходы складировали за городищами в виде вытянутого правильного всхолмления (серии всхолмлений), создавая в итоге вал (валы), окаймлявший само городище. В некоторых случаях (Коробчеево) органические слои чередовались с минеральными, лишенными органики. Коротко и эффектно этот вывод можно сформулировать в виде лозунга «Вал – разновидность помойки».

Авторы, естественно, испытывают искушение обострить дискуссию по этому вопросу, озвучив этот вывод без оговорок. В самом деле, такая версия формирования вала объясняет многие из «парадоксов дьяковской фортификации»: большое количество находок, причем, как правило, синхронных валу; отсутствие доказательств использования в насыпях культурного слоя с жилых площадок; согласованность спорово-пыльцевых диаграмм, полученных из разных дьяковских городищ региона, причем как из насыпей валов, так и из культурного слоя площадки. Иными словами, выходит, что вал есть всего лишь «особенно быстро откладывающаяся линза культурного слоя». Кроме того, отсутствие хозяйственных ям на площадках москворецких и окских городищ создает впечатление о каких-то трудностях у дьяковского населения при проведении земляных работ. Версия об использовании вала как месте складирования мусора объясняет все эти противоречия.

Авторы расходятся, пожалуй, только в степени радикальности этого вывода. Так, например, если версию о «складе мусора» принять полностью, неизбежно встает вопрос: «а почему именно так?». Одним из объяснений может быть то, что близость расположения городищ друг к другу вдоль реки (в ряде случаев в пределах прямой видимости) заставила жителей выработать какие-то единые правила утилизации отходов. Поскольку если бы все начали сваливать мусор в реку, то люди, живущие ниже по течению, не могли бы ни использовать воду для питья и готовки, ни ловить рыбу. То есть можно предположить существование некоего запрета на загрязнение речной воды бытовыми отходами. При этом на мысах, где располагалась часть городищ, довольно близко к поверхности подходят скальные породы, что не позволяет рыть какие-то глубокие ямы для утилизации отходов. С учетом всего вышесказанного единственным способом избавляться от отходов является именно складирование его в виде всхолмления. В нашем климате минерализация отходов

(компостирование) происходит достаточно быстро, а высокое месторасположение городищ у реки всегда связано с ветрами, дующими от реки вглубь берега. То есть запахи от разлагающейся органики ветрами относились за пределы жилой зоны.

Но «радикальная версия» не объясняет минеральную составляющую в насыпях, а она, по нашим наблюдениям, доминирует. Кроме того, эта версия предполагает вялотекущее и перманентное формирование валов, в то время как стратиграфические наблюдения говорят хотя и о быстром, но дискретном процессе; особенно очевидным он виден на Городищенском городище.

Но вот последний вывод, в котором авторы не только сходятся, но и считают на данный момент важнейшим. Он заключается в том, что органика, составляющая один из элементов вала, независимо от его назначения, автохтонна – она синхронна времени его формирования и синхронна функционировавшему городищу. Это означает, что *насыпи валов* дьяковских городищ с их прослойками из органики, находками, керамикой, *являются, по сути, источниками закрытых, или условно-закрытых, комплексов* – как артефактов, так и спорово-пыльцевых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гольева А.А.* Состав и генезис насыпей вала городища раннего железного века на Ростиславле по данным естественных наук // АП. 2011. Вып. 7. С. 58–71.
- Коваль В.Ю.* Фортификация Ростиславльского городища раннего железного века в контексте памятников дьяковской культуры // АП. 2012. Вып. 8. С. 53–69.
- Обломский А.М., Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А.* Об одном типе подвесок-коньков на территории лесной и лесостепной зон Восточной Европы // КСИА. 2012. Вып. 226. С. 169–178.
- Сыроватко А.С.* Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М., 2009.
- Сыроватко А.С., Сапрыкина И.А.* Клад рубчатых браслетов на реке Оке // АП. 2011. Вып. 7. С. 72 – 77.
- Сыроватко А.С., Спиридонова Е.А.* Применение палинологического анализа для стратификации Протопоповского городища // ТАС. 2002. Вып. 5. С. 461 – 467.

V. АНАНЬИНСКИЙ МИР И СИБИРЬ

ЗАУРАЛЬЕ В РАННЕАНАНЬИНСКОЕ ВРЕМЯ¹

О.Ю. Зими́на (Тюмень)

The Trans-Urals during the Early Ananino era

O.Yu. Zimina (Tyumen)

В раннеананьинское время в Зауралье были распространены памятники иткульской культуры. В основном ее ареал исследователи локализовали на восточных склонах Урала. В долине р. Тобол, в междуречье левых его притоков Туры и Пышмы, было выделено Андреевское гнездо иткульского металлургического очага, включавшее несколько поселений (Бельтикова, 1977; 2005) (Рис. 1, I). С начала 2000-х гг. была произведена систематизация памятников с керамикой иткульской культуры в долине Тобола. Выявленные особенности взаимодействия иткульских групп в Притоболье с местным населением позволили выделить *восточный локальный вариант иткульской культуры* (Зах, Зими́на, 2004; Зими́на, 2006; Зими́на, Мыльников, 2006; Зими́на, Зах, 2009). В административном отношении рассматриваемая территория охватывает юг Тюменской области, восточную часть Свердловской и северные районы Курганской; в географическом – бассейн р. Тобол (нижнее и среднее течение) и его левых притоков, берущих начало на восточных склонах Урала – Тура, Исеть, Миасс, а также правом – р. Тап; в природном – от южной части таежной зоны (подтайга) до юга лесостепи.

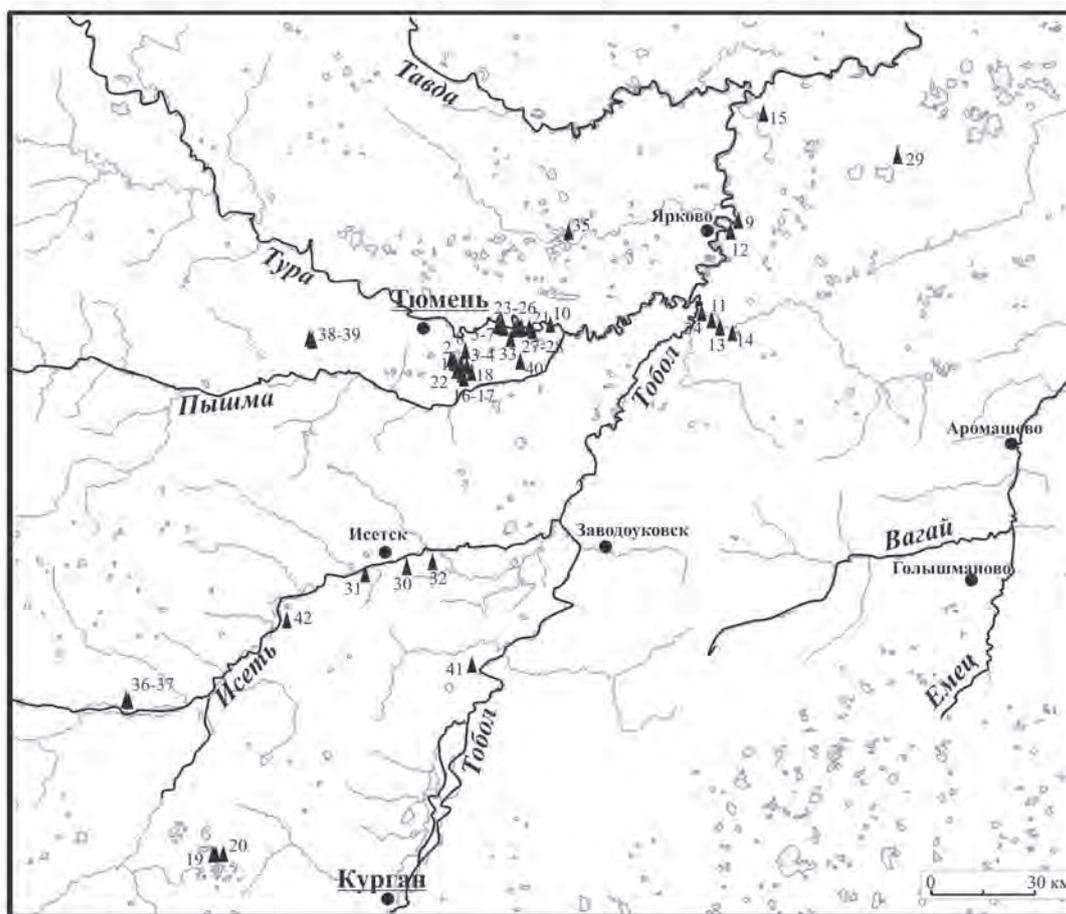
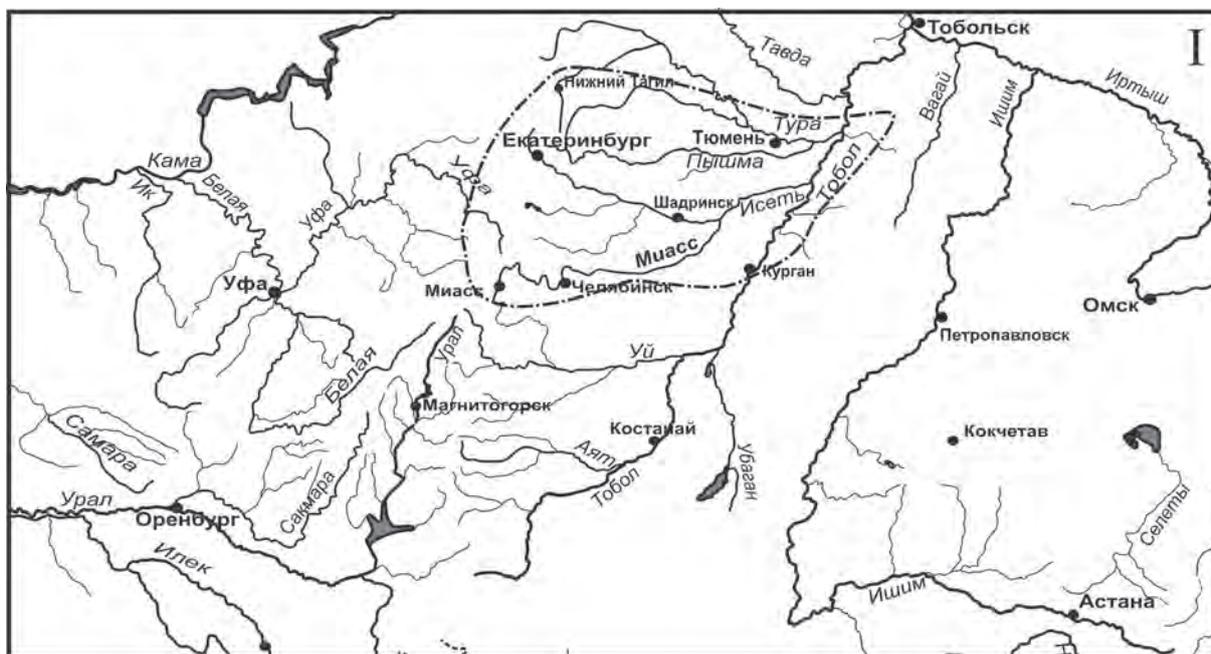
В целом восточный вариант иткульской культуры насчитывает около 80 пунктов, 42 из них составляют городища (Рис. 1, II; 5). Опорными для выделения этапов восточного варианта иткульской культуры послужили материалы памятников Юртоборовского археологического микрорайона в междуречье

Тобола и Тапа (Зах, 1995; Зими́на, 2004). Городища восточного варианта иткульской культуры преимущественно однослойны, раскопки опорных памятников позволили получить серию радиоуглеродных дат в диапазоне IX–V вв. до н.э. (Зах, Зими́на, 2009). Развитие иткульской культуры на территории Притоболья отражено в последовательности этапов восточного варианта: раннего (иткульского) и позднего (вак-куровского). В особый, промежуточный (карагай-аульский) этап выделены материалы двухплощадочного городища Карагай Аул 1.

Первый этап (иткульский) датируется VIII – I пол. VII в. до н.э.; характеризуется распространением по всей территории Притоболья городищ с круговой планировкой, которых для этого этапа насчитывается 38² (Рис. 5, I-7); опорным памятником является городище Карагай Аул 4 (Рис.2). Слабо укрепленные поселения округлой или овальной в плане формы (от 35–80 м в диаметре до 215×85 – 315×260 м) окружены неглубоким рвом и невысоким валом. Центр поселений свободен от построек. Сооружения наземного типа в виде приподнятых площадок располагаются по периметру укреплений. Встречаются двухплощадочные укрепленные поселения (площадки примыкают друг к другу), или площадки расположены в непосредственной близости (50–200 м). В исследованных сооружениях и подъемном материале (на большинстве городищ раскопки пока не проводились) обнаружена иткульская керамика второго

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Социальная структура древнего общества (по материалам археологических памятников Урало-Сибирского региона)»

² Пунктов, где в культурном слое встречаются единичные фрагменты керамики иткульской культуры второго типа, на территории Притоболья вдвое больше (Зими́на, Зах, 2009, с. 111-130)

II

Рис. 1. I – ареал иткульской культуры (см.: Бельтикова, 2005; Зимина Зах, 2009); II – карта городищ с кольцевой планировкой в Притоболье: 1- Андреевские 5 и 7; 2 - Андреевское 6; 3 - Андреевское 9; 4- Андреевское 11; 5-7 - Антонова старица 1-2,4; 8 - Болотное 4; 9 - Бор 1; 10 - Белый Яр 4; 11 - Вак-Кур 2; 12 -Варвара 1; 13 - Карагай Аул 1; 14 - Карагай Аул 4; 15 - Караульный Яр 4; 16-17 - Кыртым 1-2; 18 - Кыртым 3; 19 - Санаторий «Лесные горки 1-2»; 20 - Санаторий «Лесные горки 3»; 21 - Митюшино 5-6; 22 - Мичуринец 3; 23-26 - Пламя Сибири 1-4; 27-28 - Пламя Сибири 8-9; 29 - Нерда 20; 30 - Онуфриевский борок 4; 31 - Рафайловский “городок”; 32 - Сазык 8; 33 - Энергетик 1; 34 - Юртобор 6; 35 - Байрык XI; 36-37 - Ильтяково 2-3; 38-39 - Мальцево 1-2; 40 - Муллашинские юрты 2; 41 - Старо-Шадрино 1; 42 - Усть-Терсюк 8.

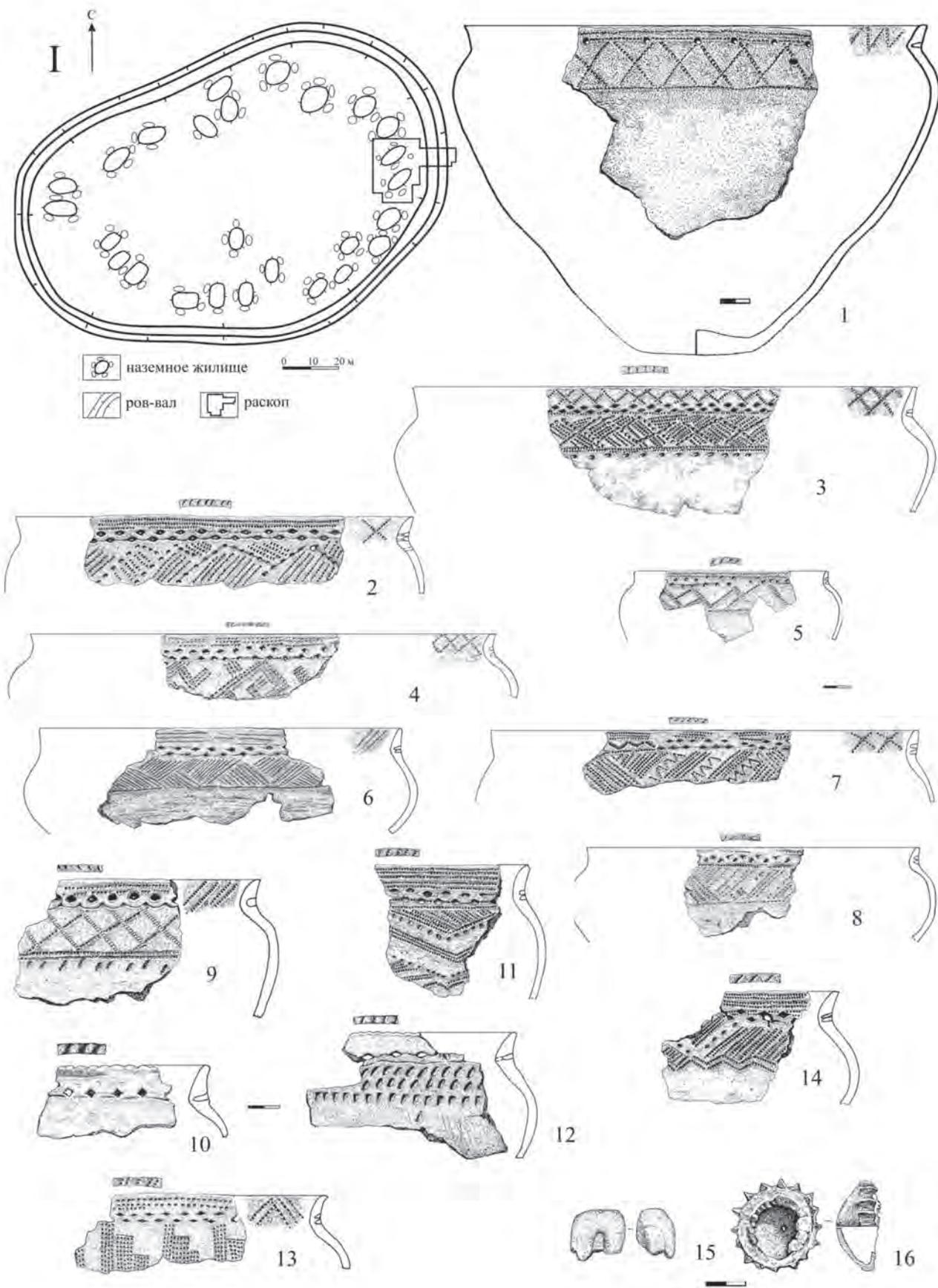

Рис.2. Городище Карагай Ау́л 4: I – план городища; 1-16 – керамика.

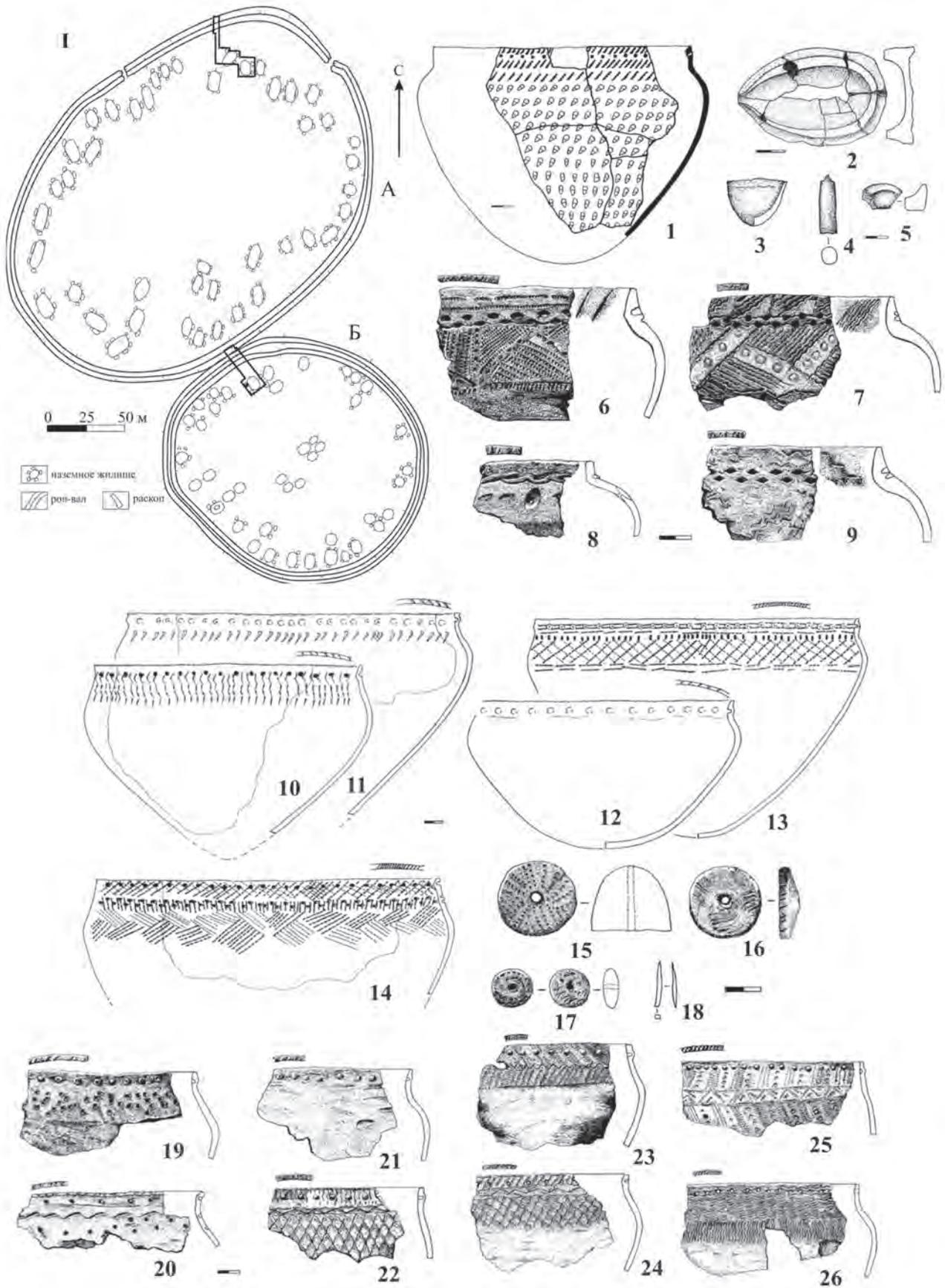

Рис.3. Городище Карагай Аул 1: *I* – план городища; *1-9* – керамика площадки А; *10-26* – керамика площадки Б.

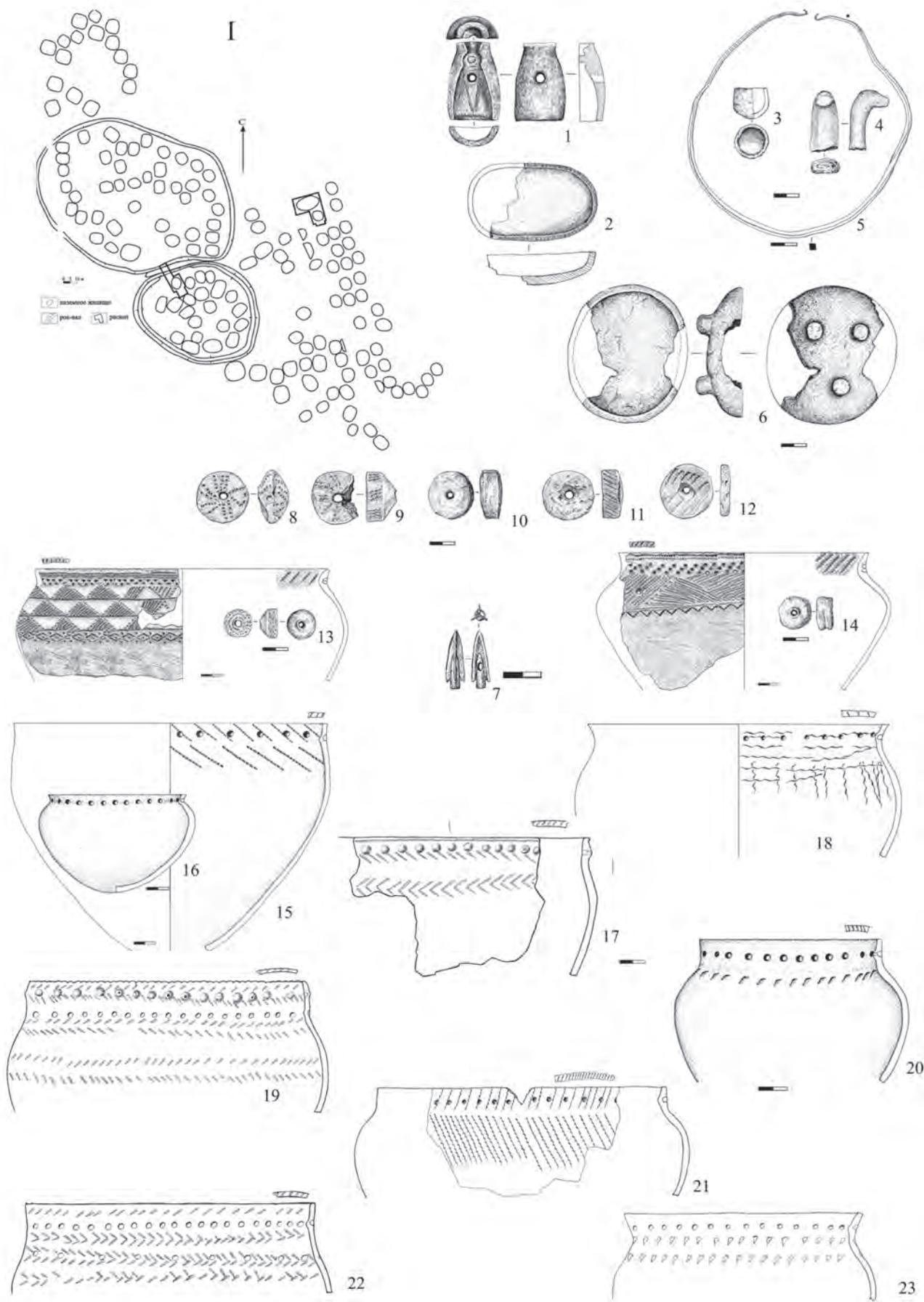

Рис.4. Городище Вак-Кур 2: I – план городища; 1-14 – инвентарь; 16-23 - керамика.

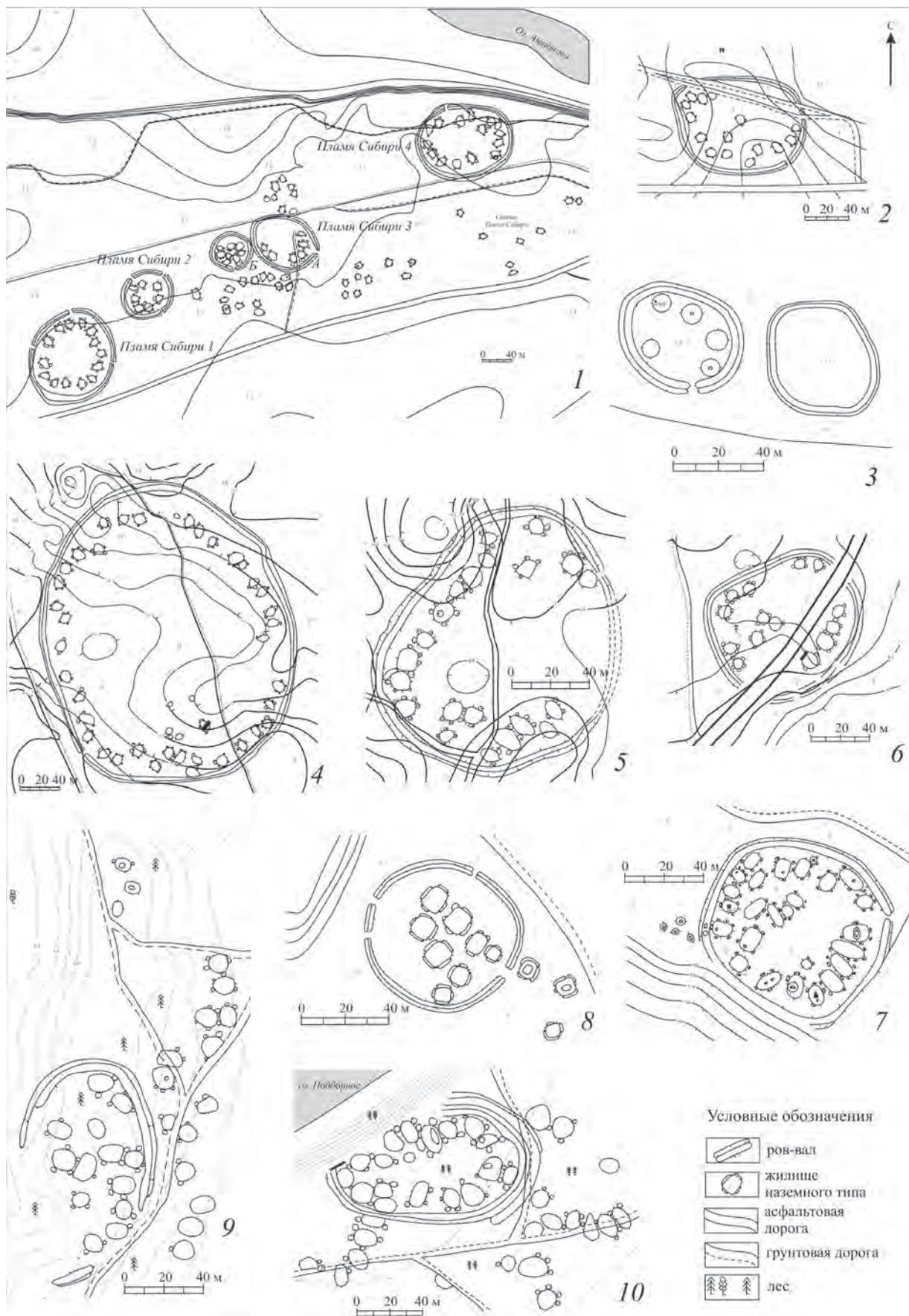

Рис.5. Городища восточного варианта иткульской культуры (1-7 – иткульский этап; 8-10 – вак-куровский этап): 1 – комплекс городищ Пламя Сибири 1-4; 2 – Антонова старица 1; 3- Лесные горки 1-2; 4 – Кыртым 1; 5 – Кыртым 3; 6 – Кыртым 2; 7 – Нерда 20; 8 – Юртобор 6; 9 – Болотное 4; 10 – Белый Яр 4.

типа. Именно памятники первого этапа имеют широкое распространение по территории Притоболья: от городищ «Лесные горки» 1-3 (оз. Окуневское, Курганская область) практически у южной границы лесостепи до городища Нерда 20 (р. Нерда, правый приток р. Тобол) на границе южной тайги.

Ко второй половине VII в. до н.э. отнесен материал одного из опорных памятников восточного варианта иткульской культуры – Карагай Аул 1 (Рис. 3) (Зимина, 2004). Материалы этого двухплощадочного городища являются промежуточными между ранним и поздним этапами. Обе площадки этого городища – овальная (250×164 м) и округлая (170 м) – околесены замкнутыми валами и валом. В сооружении на овальной площадке выявлен иткульский керамический комплекс (второй тип), а в сооружении на круглой площадке – керамика, близкая к посуде байтовской культуры, получившей распространение в начале раннего железного века в Тоболо-Ишимье.

Поселения завершающего этапа (вак-куровский, VI в. до н.э.) обнаружены пока только в подтайге – район Туро-Пышминского междуречья и чуть севернее. На этом этапе продолжают бытовать слабо укрепленные поселения с кольцевой планировкой, в том числе и двухплощадочное городище Вак-Кур 2 (Рис. 4; 5, 8-10). Внутри ограниченной укреплениями площади городищ сооружения наземного типа, в отличие от планировки поселений предшествующих этапов, располагаются бессистемно; за пределами укрепленной площади фиксируются селища; появляются неукрепленные поселки. Керамика вак-куровского этапа характеризуется близостью к байтовским стандартам и определенным влиянием иткульского стереотипа, проявившегося в особенностях орнаментации (Зах, Зимина, 2009).

Иткульская культура – это своеобразное культурное образование Зауралья, на памятниках которого, в отличие от поселений других культур этого хронологического отрезка, в значительных масштабах и с закономерным постоянством встречаются остатки металлургии. Этот факт позволил выделить на территории и производственно-хозяйственной базе иткульской культуры зауральский (иткульский) очаг металлургии; предполагается, что иткульское население в VII–IV вв. до н.э. было основным производителем металла и хранителем знаний

по металлургии меди (Бельтикова, 2005). На уральских памятниках иткульской культуры хорошо документированы следующие отрасли: гончарство, металлургия, охота, рыболовство, скотоводство, обработка камня (изготовление тальковых литейных форм, прясел, грузил и т.д.) (Бельтикова, 1997. С. 7).

Особенности хозяйства иткульского населения Притоболья пока слабо изучены. Для населения восточного варианта иткульской культуры достоверно реконструируются только домашние производства: керамическое – по представительным коллекциям посуды; обработка дерева и выделка шкур – на основе трасологического анализа керамических скребков; ранее как пункты металлообработки одного из гнезд (Андреевского) иткульского металлургического очага были охарактеризованы Андреевское 7 городище и Андреевская стоянка (Бельтикова, 1993); в дальнейшем и на исследованных памятниках в Притоболье были обнаружены признаки литейного производства – тигли, бронзовые изделия, сплески, литейная форма. Сложно говорить об основных жизнеобеспечивающих отраслях хозяйства иткульского населения в Притоболье: на поселениях обнаружены лишь единичные находки костей и зубов животных в культурном слое памятников (лошадь – Андреевское 7; лошадь, корова, собака – Вак-Кур 2; мелкий рогатый скот, лось – Карагай Аул 1/Б). Можно предположить, что и скотоводство, и охота имели значение в экономике носителей иткульской культуры и на поселениях Притоболья, если обратиться к остеологическим материалам с поселений восточных склонов Урала, где основными объектами скотоводства были лошадь (свыше 60%), крупный (28,9 %) и мелкий (10,9 %) рогатый скот, а костные остатки диких видов животных на поселениях в горно-лесной зоне Урала составляют 30–40%, на лесостепных – 20% (Косинцев, Стефанов, 1989. С. 112). В то же время, с учетом существующих палеоклиматических схем, свидетельствующих об увеличении влажности в финале суббореального периода, строения рельефа территории, гидрографической сети, приуроченности иткульских поселений в долине Тобола к участкам озерно-речных систем (условно обозначенных как Андреевская, Ипкульская, Окуневская), было высказано предположение о возможной значительной роли рыболовства в системе

жизнеобеспечения иткульского населения в Притоболье (Сизов, Зимина, 2012).

Важную роль в определении культурной принадлежности памятников играет керамика. На уральских поселениях иткульской культуры встречаются два типа посуды: первый – это сосуды с прямыми вертикальными или отогнутыми, дугообразно отогнутыми или вогнутыми шейками, имеющими одинаковую толщину с туловом; второй – сосуды с прямыми вертикальными, отогнутыми или дугообразно отогнутыми шейками, имеющими значительное утолщение горла в точке перегиба. В качестве примеси к тесту почти всегда использовался тальк, у сосудов второго типа тальк и слюда добавлялись не так обильно. Для орнамента сосудов чаще использовался гребенчатый штамп, реже резная техника, насечки и гладкий штамп. Сосуды украшались наклонными или горизонтальными линиями, столбиками, взаимопроникающими фигурами, горизонтальной елочкой, иногда зигзагом, ромбической сеткой, шагающей гребенкой. Орнаментальная зона на шейке у сосудов первого типа почти всегда завершалась ломаной линией, рядом треугольных вдавлений или ямок, у сосудов второго типа чаще всего двумя рядами ямок в шахматном порядке – типичным элементом орнамента гамаюнской посуды (Бельтикова, 1977. С. 120–124).

По наблюдениям В.А.Борзунова, посуда первого типа тяготеет к горно-лесной части Зауралья, превалирует на памятниках с остатками металлургического производства и существует несколько дольше второго типа посуды (до III в. до н.э.). На лесостепных равнинных поселениях, главным образом неукрепленных, больше керамики второго типа. Различие типов связано с наличием разнородных по происхождению и хозяйственной деятельности групп в составе иткульского этноса. Тот факт, что за пределами иткульского ареала (на реках Белой, Каме, Тоболе, Иртыше) встречается посуда только второго типа, позволил В.А.Борзунову предположить, что в обменных операциях участвовала часть населения с посудой гамаюно-иткульского облика, а основная роль в производстве металла принадлежала коренному населению с посудой первого типа (1992. С. 94).

Исследования в Притоболье позволили связать второй тип иткульской посуды с определенным типом памятников – городищ

(или слабо укрепленных поселений) с кольцевой планировкой, с жилищами наземного типа в виде приподнятых площадок, располагающихся по периметру укреплений. Кроме того, отмечен факт взаимодействия пришлого и местного населения, что нашло свое отражение в этапах развития выделяемого нами восточного варианта иткульской культуры. Обоснованность отнесения к восточному варианту иткульской культуры памятников всех трех этапов обусловлена следующими особенностями: планировка (замкнутая круговая); идентичный характер укреплений (слабовыраженные ров и вал); наземный характер сооружений; явное взаимовлияние местного (формирующегося баитовского) и пришлого (иткульского) населения, отраженное в материалах Карагай Аул 1; последовательное развитие комплексов, включенных в восточный вариант иткульской культуры, установленное на примере однослойных опорных поселений Юртоборовского археологического микрорайона – Карагай Аул 4, Карагай Аул 1, Вак-Кур 2 (Зах, Зимина, 2009).

К процессу формирования и хронологии культурных типов переходного времени – начала раннего железного века Зауралья, а также их взаимодействия, в том числе и иткульского/иткульских, существуют различные подходы (например, Бельтикова, 1977; Матвеева, 1989; Корякова, 1993; Борзунов, 1992; Шарапова, 2004; Матвеев и др., 2006; Зимина, 2006; Зах, 2008). Расхождения во взглядах в ряде случаев связаны с отсутствием комплексов с переходными чертами (например, от «позднебронзовых» к «раннежелезным»), либо с отсутствием абсолютных дат или с недостаточной изученностью того или иного типа.

Вопросы происхождения комплексов второго типа иткульской культуры и времени их появления, в том числе на территории Притоболья, требуют дополнительного изучения. Однако следует признать обоснованным наблюдение о территориальной приуроченности носителей двух керамических типов, основанной на производственном разделении у населения иткульской культуры. Только с учетом исследований в Притоболье, вероятно, можно говорить о том, что иткульское население (с керамикой второго типа) не просто участвовало в обменных операциях, а в VIII–VI вв. до н.э. создало в восточных

районах Зауралья довольно обширную сеть поселений, при возведении которых использовался определенный план. Наиболее свободно иткульские группы ощущали себя в подтаежной зоне, в Туро-Пышминском междуречье и у слияния Тапа и Тобола, – здесь наблюдается наибольшая концентрация памятников, встречаются наибольшие по площади поселения (от 140×115 до 315×260 м). Расположение городищ с круговой планировкой в междуречье Исети и Тобола обозначает присутствие иткульских коллективов и в лесостепной зоне, однако здесь их отличает приуроченность к лесным массивам (борам) и преимущественно небольшие размеры (от 35 до 95 м в диаметре).

На данном этапе исследований представляется, что на поселениях иткульского этапа восточного варианта иткульской культуры отсутствует инокультурная керамика, что в совокупности с замкнутой планировкой поселков, возможно, указывает на стремление к обособленному существованию. Не исключено, что на раннем этапе пребывания в Притоболье численность иткульских групп позволяла поддерживать брачные отношения в собственном кругу либо сохранялась связь с исходной территорией. Не исключено, что близкое расположение укрепленных площадок, как примыкающих друг к другу, так и расположенных на расстоянии 50–100 м друг от друга (например, Пламя Сибири 1–4 и др.), свидетельствует о соседстве родственных групп (родов?).

Ко второй половине VII в. до н.э. в иткульском обществе на территории Притоболья, видимо, происходят изменения, способствовавшие установлению брачных отношений с байтовскими группами, формировавшимися в междуречье Тобола и Исети. Установление довольно тесного взаимодействия иткульского и байтовского населения, возможно, на «фратриальном» уровне, на наш взгляд, фиксируют материалы городища Карагай Аул 1, на двух площадках которого присутствуют различные по облику керамические комплексы – иткульский второго типа с трансформированными чертами и карагай-аульский (байтовский по сути с некоторыми трансформированными иткульскими элементами). Далее, в подтаежной зоне Притоболья, происходило развитие комплексов вак-куровского этапа, оставивших след в облике комплексов байтовского типа в лесной зоне, а позднее это развитие привело к нивелированию различий

между байтовскими комплексами подтайги и лесостепи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977. С. 119–133.
- Бельтикова Г.В.* Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. 1993. Вып. 21. С. 93–106.
- Бельтикова Г.В.* Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.
- Бельтикова Г.В.* Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 162–186.
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург, 1992.
- Зах В.А.* Кольцевые укрепления рубежа бронзового и железного веков в Нижнем Притоболье // Третьи исторические чтения памяти М.П.Грязнова: Доклады Всероссийской научной конференции. Омск, 1995. С. 113–117.
- Зах В.А.* К вопросу о формировании байтовских комплексов в Притоболье // ВААЭ. 2008. № 8. С. 58–72.
- Зах В.А., Зими́на О.Ю.* Об ареале иткульской культуры // Проблемы взаимодействия человека и природной среды: Материалы итоговой научной сессии Ученого совета ИПОС СО РАН 2003 г. Вып. 5. Тюмень, 2004. С. 103–106.
- Зими́на О.Ю.* Исследование городища Карагай Аул 1 в Нижнем Притоболье // ВААЭ. 2004. № 5. С. 38–50.
- Зими́на О.Ю.* Исследование памятников переходного времени от бронзы к железу в Нижнем Притоболье в 2001–2003 гг. // ВААЭ. 2004. № 5. С. 201–203.
- Зими́на О.Ю.* Иткульская культура в Нижнем Притоболье (восточный локальный вариант): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006.

- Зими́на О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск, 2009.
- Зими́на О.Ю., Мыльникова Л.Н.* Керамика восточного варианта иткульской культуры (по материалам памятников Юртоборовского археологического микрорайона в Нижнем Притоболье) // АЭАЕ. 2006. № 4 (28). С. 96–114.
- Корякова Л.Н.* Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века): Препринт. Екатеринбург, 1991.
- Косинцев П.А., Стефанов В.И.* Особенности хозяйства населения лесного Зауралья и Приишимской лесостепи в переходное время от бронзового века к железному // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 105–119.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Агишева О.С.* Результаты исследования селища Заводоуковское 9 // ВААЭ. 2006. № 6. С. 73–81.
- Матвеева Н.П.* Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989. С. 77–102.
- Сизов О.С., Зими́на О.Ю.* Особенности системы жизнеобеспечения и пространственного размещения поселений иткульской культуры в Притоболье (VIII–VI вв. до н.э.) // ВААЭ. 2012. № 4 (19). С. 150–159.
- Шарапова С.В.* Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке // АЭАЕ. 2004. № 4. С. 123–134.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Н.П. Макаров (Красноярск)

The Early Iron Age on the Middle Siberia

N.P. Makarov (Krasnoyarsk)

Ранний железный век (РЖВ) Южной Сибири представлен хорошо известными памятниками тагарской культуры Минусинской котловины. Отраженная в сотнях статей и нескольких обобщающих монографиях, тагарская культура является наиболее изученной на территории Приенисейского края (Киселев, 1949. С. 108–176; Членова, 1967; Грязнов, 1968. С. 187–196; Мартынов, 1979; Вадецкая, 1986. С. 77–128; Кызласов, 1993). В то же время более северные территории Средней Сибири долгое время оставались слабо изученными. Прежде всего, это территория Красноярско-Канской лесостепи, Северного и Енисейского Приангарья, а также долина Нижнего Енисея, Эвенкия и Таймыр в границах современного Красноярского края.

Многие годы внимание исследователей привлекала, прежде всего, чрезвычайно богатая археологическими памятниками территория Минусинской котловины, где и были проведены в 1721 г. Д.Г. Мессершмидтом первые не только в Сибири, но и во всей России научные раскопки кургана РЖВ у с. Абаканское. Лишь столетие спустя первые раскопки курганов в Красноярской лесостепи проводит А.П. Степанов, первый губернатор образованной в 1822 г. Енисейской губернии. Но коллекции А.П. Степанова, управляющего банком И. Александра и других непрофессиональных археологов XIX в. в конечном итоге оказались утраченными и мало что дали для науки (Дэвлет, 1976).

Положение несколько меняется в лучшую сторону в связи с созданием в конце XIX в. Минусинского, Енисейского, Ачинского и Красноярского музеев. В местных и центральных музеях постепенно формируются выразительные коллекции бронзовых изделий эпохи раннего железа не только из Минусинской котловины, но и из лесостепных и южнотаежных районов

Енисейской губернии. Так, в коллекциях первых консерваторов Красноярского музея П.С. Проскурякова и А.С. Еленева, активно занимавшихся археологией, оказались бронзовые кинжалы из лесостепных районов с орнаментацией в скифо-сибирском зверином стиле. Кинжалы были украшены изображением двух голов хищников на перекрестье и парными головками грифонов на навершии. В составе коллекции Проскурякова имеются бронзовые ажурные ножны из с. Частоостровское с треугольными прорезями на обеих сторонах изделия и изображением копыта на дистальном конце (Рис. 7, 1).

До недавнего времени из таежных районов Северного Приангарья и Нижнего Енисея артефакты РЖВ были представлены лишь единичными экземплярами. Часть из них оказалась в одной из самых выразительных коллекций Красноярского краевого краеведческого музея, собранной В.А. Даниловым.

Виктор Александрович Данилов, будучи уроженцем Минусинска, после окончания университета возвращается в родной город, где становится, вместе с братом, управляющим делами винокуренного завода своего отца. Знаменитые минусинские древности и оригинальная культура хакасов не могли не привлечь внимание молодого образованного винозаводчика, имеющего к тому же материальные возможности для приобретения раритетов. Без сомнения, этот меценат, оказавший бескорыстную поддержку многим образовательным и научно-просветительным учреждениям не только в Енисейской губернии, но и в столице, вложил немалые средства в покупку древностей. При этом собранная им коллекция, в отличие от многих других коллекций тогдашних собирателей, хорошо аннотирована, с обязательным указанием точного местонахождения найденных предметов.

После смерти В.А. Данилова собранная им коллекция была унаследована его сыном

Александром. О ней он упоминает в своем письме известному финскому археологу А.М. Тальгрёну: «Милостивый Государь Михаил Маркович! Спешу ответить Вам на Ваше любезное письмо от 18 июля с. г. Мне было очень жаль, что не удалось лично познакомиться с Вами и показать Вам, интересующую Вас, мою маленькую коллекцию чудских древностей. Надеюсь, что Вы еще побываете в Красноярске. Вашу просьбу я исполню при первой возможности и пришлю фотографии вещей, которые все у меня помещены на таблицах. С совершенным почтением. А. Данилов. Красноярск. 25-VII – 7-VIII 915» (РОНБФ. Coll. 230.3)¹.

В письме тому же А.М. Тальгрёну некоего «любителя древностей» Е. Гущина из Минусинска, от 20 марта 1916 г., находим иную характеристику А. Данилова: «Многоуважаемый Михаил Маркович. Простите, что я Вам сразу не ответил на Ваше письмо. Вы тогда просили сообщить Вам о судьбе того топора, который Вы у меня видели. Я его продал г[осподину] Данилову за 50 руб. Я разочаровался в г. Данилове – он оказался не любитель старины, а просто буржуй, а это такие люди, которые в состоянии самые интересные вещи заставить валяться по кладовым по целым годам. Меня интересует, приедет ли кто из Ваших коллектировать, будьте добры напишите. Я сейчас имею шаманский бубен, я его приобрел для той американки, с которой Вы приезжали, но адрес ее я утратил, не будете ли так добры, сообщить цену бубна 100 рублей. Е. Гущин. Пересылка за её счет» (РОНБФ. Coll. 230.4).

Как видим, автор данного сообщения сам в первую очередь нацелен на получение прибыли. В то же время названный «буржуй» Александр, как и его отец, не жалел средств на социальные гарантии своим рабочим и благотворительность. Так, на Знаменском стекольном заводе, владельцем которого был А.В. Данилов, задолго до революций 1917 г. рабочие имели 8-часовой рабочий день, проживали бесплатно в заводских отопливаемых квартирах, а вдовы погибших в войнах получали жалованье своих кормильцев. Кроме того, относительно коллекции, которую Александр преумножил, его заботила, прежде всего, в лихую годину гражданской войны в Сибири ее целостность. Об этом мы

узнаем из архивных источников сложного 1919 г. Документы отмечают: «На заседании Распорядительного комитета КОРГО 11 декабря 1919 г. обсуждается вопрос о временной передаче археологической и этнографической коллекций А.В. Данилова. Этот вопрос подвергся всестороннему обсуждению, в результате которого постановлено: предложить А.В. пожертвовать 10000 руб. на приглашение специалистов для научной обработки коллекций» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 72. Л. 45об). Спустя две недели на заседании Распорядительного комитета КОРГО, 25 декабря 1919 г., запротоколировано: «Н.К. Ауэрбах сообщает о передаче А.В. Даниловым коллекций в музей, причем он остается пожизненным собственником, после его смерти они поступают в собственность музея. Для него желательно, чтобы была сохранена целостность коллекций. Для научной разработки он представляет её в полное распоряжение и на обработку передает 10000 руб.».

В конечном итоге, в отчете директора музея Приенисейского края А.Я. Тугаринова за 1920 г. уже обозначено: «В значительной мере обогатило отдел поступление коллекции В.А. Данилова (1024 предмета), которая была самой большой из известных коллекций минусинских древностей. Состоящая сплошь из отдельных находок, эта коллекция содержит 490 бронзовых предметов, так что теперь можно сказать, что минусинская культура бронзы вместе с имевшимися ранее материалами в музее Приенисейского края представлена если не богато, то во всяком случае во всех своих типичных формах равным образом, серия типов железного века в удовлетворительной степени обогащена в особенности экземплярами миниатюрных медных украшений» (ОПИ ГИМ. Ф. 54. Д. 1045. Л. 34об).

В 1919–1920 гг. археологами Красноярского музея стали Н.К. Ауэрбах и Г.П. Соновский, а также австрийский археолог Г. Мергарт (Макаров, 1989. С. 142–156; Детлова, 2011). Судьба забросила последнего в Сибирь в ходе сложных военно-политических событий Первой мировой войны: Мергарт возглавил организованный им археологический отдел музея. Видимо, этими исследователями и была обработана переданная коллекция. Более тысячи предметов внесены в инвентарную книгу рукой Н.К. Ауэрбаха. При этом напротив каждого экспоната выполнен

¹ Приношу благодарность С.В. Кузьминых, познакомившего меня с этим и другими письмами из рукописного архива А.М. Тальгрёна.

высококачественный рисунок. Их автором, скорее всего, был известный красноярский художник Д.И. Каратанов.

Наиболее многочисленны в собрании В.А. Данилова изделия тагарской культуры. Они составляют половину коллекции. Среди них – бронзовые бляхи и пряжки в скифо-сибирском зверином стиле, котлы, ножи, кинжалы, кельты, чеканы, наконечники стрел, модель лука, проколки и шилья, а также каменные точильные бруски и литейные формы (Макаров, Вдовин, 2012). Большая часть орудий – ножи нескольких групп. Среди них – дугообразнообушковые, змейчатообушковые, прямые. В свою очередь, среди дугообразнообушковых – фигурные, дырчатые, петельчатые, ажурные и кольчатые типы. Среди последних у нескольких экземпляров внутри кольцевого навершия имеются изображения фигурок горного барана или лошади. В группе змейчатообушковых преобладают ножи с трапециевидной рукояткой с треугольными, прямоугольными или округлыми прорезями. Некоторые фигурные трапециевидные ножи заканчиваются навершием в виде стилизованных головок хищных птиц (Макаров, 2012а. Рис. IV–V). При преобладании перечисленных изделий из Минусинской котловины, более 30 орудий коллекции В.А. Данилова происходило из более северных лесостепных районов.

Новый период в изучении РЖВ Енисея связан с именем Геро Мергарта. Проведя раскопки нескольких курганов и изучив коллекции Красноярского, Енисейского и Канского музеев, исследователь пришел к ряду оригинальных выводов. По его мнению, Красноярский округ, занимая промежуточное положение, отставал в развитии от Минусинской котловины. В то время как на юге края уже появляется железо, на севере даже металлические орудия не меняют облика неолитических культур (Мергарт, 1923). Возвращаясь на родину, Мергарт остановился в Казани и при содействии Б.Ф. Адлера ознакомился с ананьинскими древностями и археолого-этнографическими коллекциями музея географического кабинета Казанского университета, а также Центрального музея Татарской республики (Детлова, 2007. С. 80, 81). При этом в вышедшей несколько лет спустя монографии Мергарт сопоставил сейминские и ананьинские кельты с кельтами красноярского типа (Merhart, 1926. S. 69–105).

В 1927 г. археологом Красноярского музея становится В.Г. Карцов – один из наиболее одаренных учеников В.А. Городцова. Владимир Геннадьевич Карцов увлекся археологией еще в годы учебы в 1 МГУ, был председателем студенческого археологического кружка, провел свои первые самостоятельные разведки и смог даже организовать выпуск сборника статей кружковцев (Макаров, 1992).

Оказавшись в Красноярске, Карцов проводит раскопки курганов и стоянок РЖВ у Военного городка и с. Есаульского, на о. Сосновом и в других пунктах (Макаров, Вдовин, 2010. С. 138–144), характеризует основные типы изделий РЖВ и выделяет так называемую «пост-Тагарско-Красноярскую» культуру средней поры неометаллической эпохи. Вслед за Мергартом Карцов указывает на отсталость в развитии древних культур лесостепного Красноярского района и отмечает продвижение тагарцев Минусинской котловины на север лишь под натиском пришлых кочевых племен на рубеже эр и в первые века I тыс. н.э. (Карцов, 1929. С. 40–45).

После отъезда В.Г. Карцова археологом Красноярского музея становится в 1946–1947 гг. Э.Р. Рыгдылон. Ему удается найти культурный слой РЖВ в пещере Карман и раскопать карасукское погребение у с. Ладейское. Эти материалы имели большое значение для понимания процесса становления ранних этапов тагарской культуры в окрестностях Красноярска (Рыгдылон, 1952; 1955).

Особый вклад в изучение эпохи раннего железа Красноярской лесостепи внес археолог Красноярского музея Р.В. Николаев. В 1955–1959 гг. им были раскопаны тагарские курганы у сс. Коркино и Емельяново (Николаев, 1963а. С. 93–103), опубликован уникальный Есаульский клад (Николаев, 1961), выделен красноярский вариант лесостепной тагарской культуры, датированный им II–III стадией по С.В. Киселеву (Николаев, 1980).

В 1963–1972 гг. археологические исследования музея организует выпускник Томского университета Н.В. Нащекин. Среди исследованных им памятников разных эпох особый интерес представляет уникальный Косогольский клад переходного времени от тагарской к таштыкской культуре (Нащекин, 1967).

Новый период в изучении РЖВ связан с организацией в 1970–80-е гг. многолетних археологических экспедиций в Северное

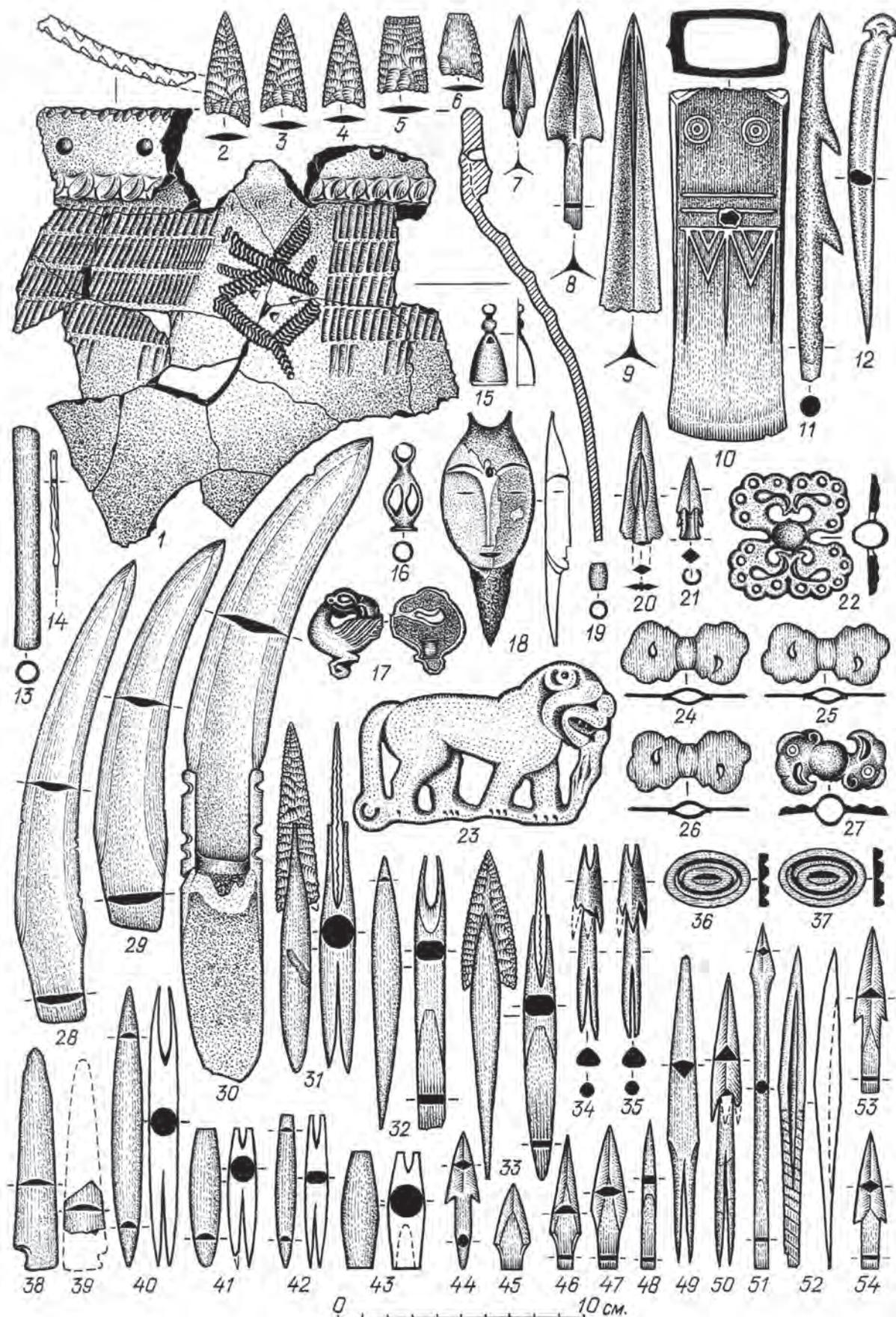

Рис. 1. Сводная таблица инвентаря заповедной культуры раннего железного века Северного Приангарья (по В.И. Привалихину). 1 – Керамика; 2–6, 31 – камень; 7–10, 14–30, 36, 37 – бронза; 11–13, 18, 30–35, 38–54 – рог и кость.

Приангарье и Красноярскую лесостепь Н.И. Дроздовым (КГПУ), Р.С. Васильевским, В.В. Буриловым, Д.Ю. Березиным (ИИФФ), Н.П. Макаровым и В.И. Привалихиным (КККМ). Анализ новых материалов позволил В.И. Привалихину выделить цэпаньскую культуру РЖВ Приангарья с оригинальным сочетанием каменных, бронзовых и костяных изделий (Рис. 1) (Привалихин, 2011).

Не менее плодотворные исследования памятников эпохи раннего железа провел в 1980–90-е гг. П.В. Мандрыка в подтаежном районе Среднего Енисея, примыкающем к Нижней Ангаре. Для этого района было предложено выделение в VII–I вв. до н.э. нижнепорожнинской, шилкинской и каменско-маковской культур. Как и для Нижней Ангары, в так называемом Енисейском Приангарье характерно сочетание бронзовых орудий и предметов искусства в скифо-сибирском зверином стиле с костяными и каменными наконечниками стрел, а также оригинальной керамикой, отличной от тагарской посуды Красноярской лесостепи (Рис. 2) (Мандрыка, 2008; 2008а).

Наконец, автором статьи в районе Красноярска была раскопана стоянка Ладейская 2 и изучены культурные отложения РЖВ в пещере Еленева (Макаров, 2012б). Кроме того, автору посчастливилось участвовать в сборе артефактов раннетагарскогоклада близ д. Новопятницкое (Макаров, Пискорский, 1988).

Новые материалы разных эпох, в том числе и эпохи раннего железа, были получены из районов Нижнего Енисея, бывшего долгое время белым пятном на археологической карте Красноярского края (Николаев, 1963б; Макаров, Баташев, 2010).

Особенно плодотворным в изучении древних культур Северного Приангарья стал период с 2006 по 2012 гг. В эти годы в зоне затопления Богучанской ГЭС работало до 30 отрядов Богучанской археолого-этнографической экспедиции ИАЭТ СО РАН с участием различных научных центров Сибири. Масштабные работы привели к лавинообразному накоплению источников по всем периодам древней истории Приангарья, в том числе и по РЖВ (Коровушкин, 2010).

Таким образом, накопление новых материалов позволяет наметить основные вехи в развитии культур эпохи раннего железа Средней Сибири в её лесостепных и таежных районах.

Найденные отдельные погребения эпохи поздней бронзы и серия случайных находок свидетельствуют, что в предскифское время в Красноярско-Канской лесостепи обитали племена, близкие носителям карасукской культуры (Рыгдылон, 1955; Максименков, 1961; Новых, Макаров, Петренко, 1993). Соответственно, они могли участвовать в формировании лесостепной тагарской культуры на ее ранних этапах.

Данный вывод пока не подкрепляется материалами из раскопанных в Красноярско-Канской лесостепи раннетагарских курганов. Последнее обстоятельство, видимо, связано с тем, что на данной территории научным исследованиям подверглись всего лишь около двух десятков курганов эпохи раннего железа. Остальные были раскопаны в XIX в. либо непрофессиональными археологами (А.П. Степанов, И. Александров и др.), не оставившими отчетов, либо бугровщиками, искавшими, в первую очередь, драгоценные вещи (Дэвлет, 1976). В то же время, по подсчетам Э.Б. Вадецкой (1986. С. 77–128), в Минусинской котловине зарегистрировано несколько тысяч тагарских курганов, раскопано около 700, из которых к раннему баиновскому этапу VII–VI вв., по периодизации М.П. Грязнова, отнесено 170 курганов.

В этой связи особый интерес представляет раннетагарский Новопятницкий клад из Канско-Рыбинской лесостепи. В его составе 24 бронзовых предмета (2 кинжала, 10 кельтов, 3 чекана, 9 ножей, из них 3 вкладышевых), включая обломок вкладышевого шила с фигуркой хищника на навершии, обнаруженного при промывке обвалившегося в реку грунта (Макаров, Пискорский, 1988). Полноразмерность чеканов, вкладышевые ножи, особенности изображения животных и птиц характерны для ранних этапов тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины. Уникален кинжал с прямым перекрестьем в виде двух хищников, плоской рукоятью с изображением 6 кабанов и навершием из 2 фигурок баранов и подтреугольно-вытянутым клинком ромбовидного сечения; длина кинжала 29,4 см, ширина перекрестья 4,5 см. Хищники на перекрестье изображены смотрящими в разные стороны. Массивная голова опущена вертикально вниз. Глаза и ноздри переданы круглыми ямками и обведены выпуклыми колечками. Выступающее над лбом ухо выделено рельефным полукругом.

Показанная выпуклым сегментом лопатка животного отделена нешироким желобком от бедра, моделированного в форме полушара. Сдвинутые вперед ноги хищника имеют кольчатые окончания лап. Края рукояти по всей длине декорированы рельефными бортиками. В углубленной плоскости рукояти, один над другим изображены шесть фигурок кабанов.

Животные стоят на прямых вытянутых ногах, на кончиках острых копыт. Сегментовидное плечо и округлое бедро разделены желобком. На опущенной вертикально вниз голове ухо и глаз показаны круглыми ямками, окантованными рельефными колечками. Двойные выпуклые кантики имитируют копыта на концах ног и клыки на раскрытой пасти кабана. Аналогичным приемом моделированы концы прямых ног двух фигурок баранов на навершии кинжала. Обе фигурки развёрнуты в одну сторону, располагаясь друг за другом. Над рельефным коротким телом животных непропорционально увеличенная голова с рогами, завернутыми в виде спирали. На конце узкой горбатой морды, оконтуренной рельефным валиком, выделены ноздри (Рис. 3, 2).

Близка изображением кабана на кинжале и фигурка животного на навершии шила одного из вкладышевых ножей (Рис. 3, 6). Три подобных вкладышевых ножа с фигуркой кабана на навершии шилев в коллекции В.А. Данилова также происходят из Красноярско-Канской лесостепи.

В составе Новопятницкого клада 10 кельтов красноярско-ангарского типа. Все они втульчатые, безушковые, клинообразной формы. Их характерным признаком является наличие муфты, слабо выступающей над поверхностью щек у кельта. Боковые стенки немного суживаются к лезвию. На боковых гранях по всей длине проходят литейные швы. Втулки орудий подчетырёхугольной формы. Пять кельтов отлиты в одной форме, о чем говорит совпадение всех их деталей. Под нижней линией вершинами вниз свисают небольшие треугольники. Их высота не превышает 3–4 мм. Они опоясывают по периметру все стороны кельта, включая узкие боковые грани. На широких щеках кельты дополнительно украшены тремя длинными рельефными полосками-разделителями. Средняя из них опущена вертикально вниз. Линии, свисающие по бокам от нее, имеют загнутые до краев кельта концы. Высота кельтов 9,1 см, ширина лезвия

4,9 см. Размеры втулки у верхнего края 5,8×2,6 см, глубина 7 см (Рис. 6, 1–5).

Еще два кельта отлиты в другой форме, но уже с несколько иным орнаментом. На щеках, вдоль нижнего края муфты, нанесено по 4 рельефных колечка. Под муфтой – 3 параллельных горизонтальных рельефных линии, опоясывающих кельт. Шевроны образуют с нижней линией на обеих сторонах по 4 равнобедренных треугольника (высотой 1,8 см). Между треугольниками нанесены 3 разделителя: средний прямой (4,5 см), два изогнутых боковых (по 3,8 см). Высота кельтов 9,8 см, ширина лезвия 5,2 см. Размеры втулки у верхнего края 5,7×2,7 см, глубина 7,7 см (Рис. 6, 7).

К описанным экземплярам примыкает кельт длиной 9 см и шириной лезвия 5,3 см. Его отличает отсутствие орнаментальных колечек по муфте. Кроме того, шевроны из линий заменены на сплошные рельефные треугольники высотой 0,7 см. Центральный разделитель имеет длину 4 см, изогнутые боковые – 2,7 см (Рис. 6, 9).

В составе клада представлены кельты, отлитые индивидуально. Один из них имеет высоту 9,2 см и ширину лезвия 5,4 см. Подчетырёхугольной формы втулка размерами 6,2×3 см, глубина 5,5 см. Кельт выделяется отсутствием орнамента на месте муфты и параллельных горизонтальных валиков под ней. Короткие шевроны под муфтой образуют на каждой из сторон ряд из 9 треугольников. Центральный разделитель, свисающий вертикально, имеет длину 4 см. Слева и справа от него спущены изогнутые боковые разделители, длиной на одной стороне 2,5 см, а на противоположной 2 см. При этом на одной из сторон боковые разделители выходят из вершин треугольника, а на другой – между ними (Рис. 6, 8). Другой кельт отличается от описанных полным отсутствием разделителей. Шевроны здесь удлинённых пропорций. Высота трех образованных на широких гранях треугольников по 2 см, ширина оснований 1,2 см. При этом центральный из них вписан в более крупный треугольник высотой 3,8 см и шириной основания 2 см. Втулка, глубиной 4,8 см, имеет у верхнего края размеры 5,2×2,3 см. Общая длина кельта – 7,8 см (Рис. 6, 6).

Все описанные кельты имеют одинаковый орнамент на обеих сторонах; отличия – во второстепенных деталях.

Примечательной особенностью Новопятницкого клада является то, что все изделия, включая и группу кельтов

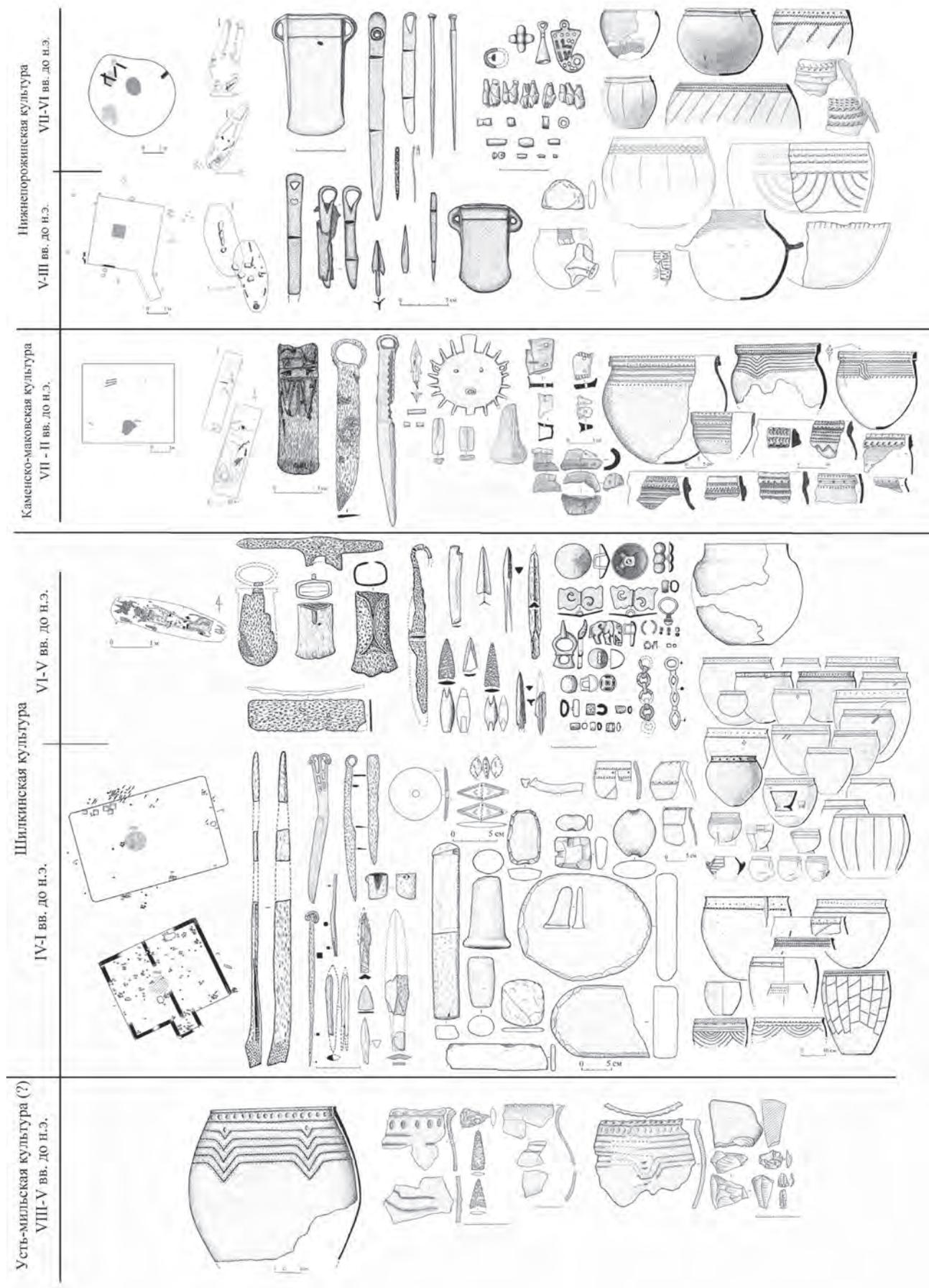

Рис. 2. Сводная таблица артефактов раннего железного века Енисейского Приангарья (по П.В. Мандрыке).

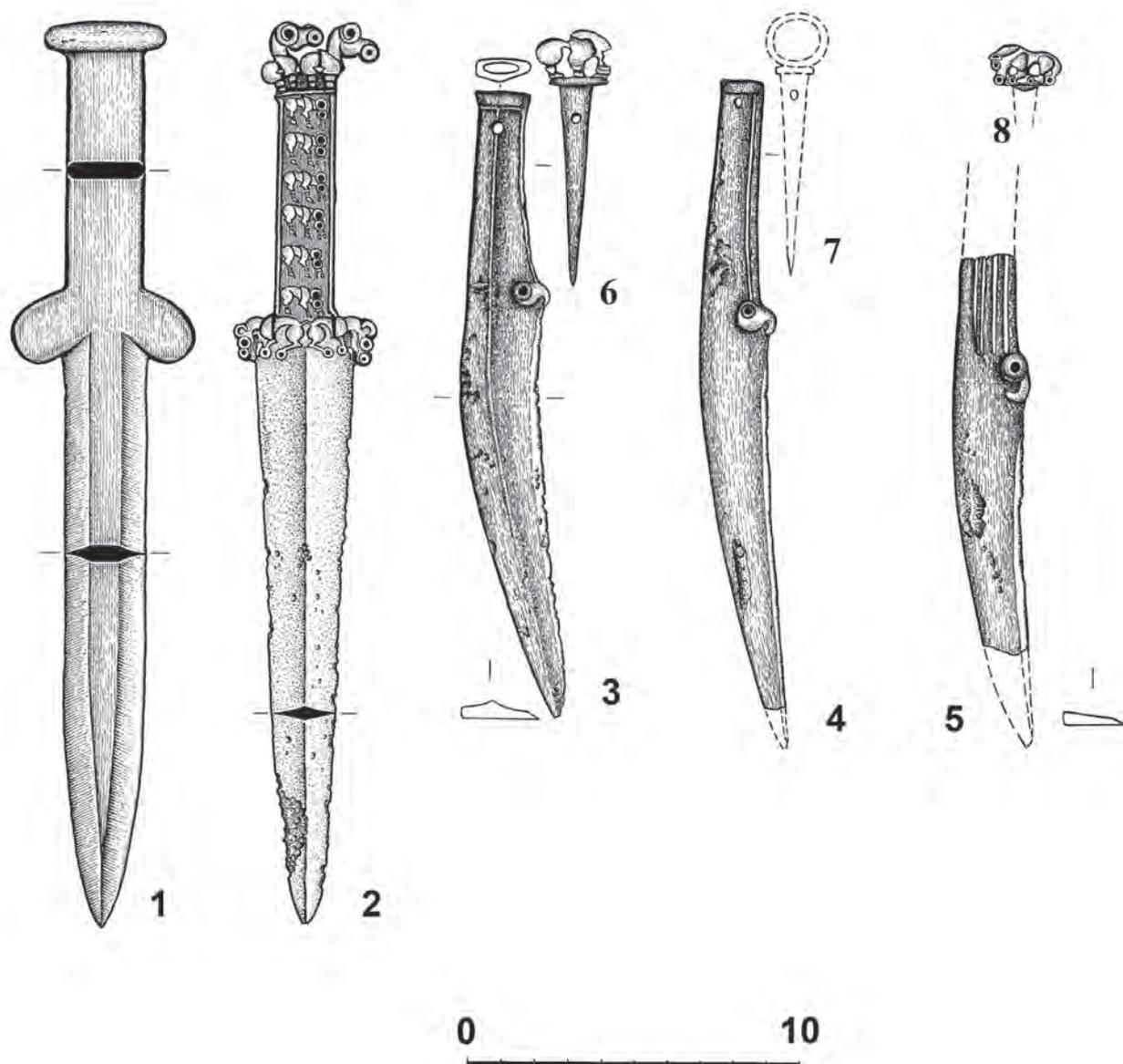

Рис. 3. Бронзовые кинжалы и ножи Новопятницкого клада.

красноярско-ангарского типа, несмотря на некоторые различия в орнаментации и стиле изображений, не только одновременны, но и, судя по составу металла, изготовлены одним мастером-литейщиком из высокооловянистой бронзы (Макаров, 2010). О местной цветной металлообработке в Красноярско-Канской лесостепи и Северном Приангарье свидетельствует и находка литейной формы у д. Соколово (Рис. 8).

Подобные типы кельтов Г.А. Максименков, вслед за Г. Мергарт, отличал от минусинских и выводил их от карасукских лесостепных прототипов (Максименков, 1960). Но кельты Новопятницкого клада имеют

существенные отличия по размерам и орнаментации от позднекарасукских из погребений Ладейки, Дрокино и Базаихи в окрестностях Красноярска. Вероятнее всего, с учетом ранней датировки Новопятницкого клада, можно говорить о самостоятельной линии развития кельтов красноярско-ангарского типа², не связанных ни с сейминско-турбинскими изделиями, ни с территориально ближайшими карасукскими прототипами, ни тем более с далекими ананьинскими орудиями, сходство и различия с которыми отмечал еще Г. Мергарт (Merhart, 1926. S. 69–105).

² Ред. См. о проблеме формирования кельтов красноярско-ангарских типов: (Кузьминых, 1991. С. 96–98).

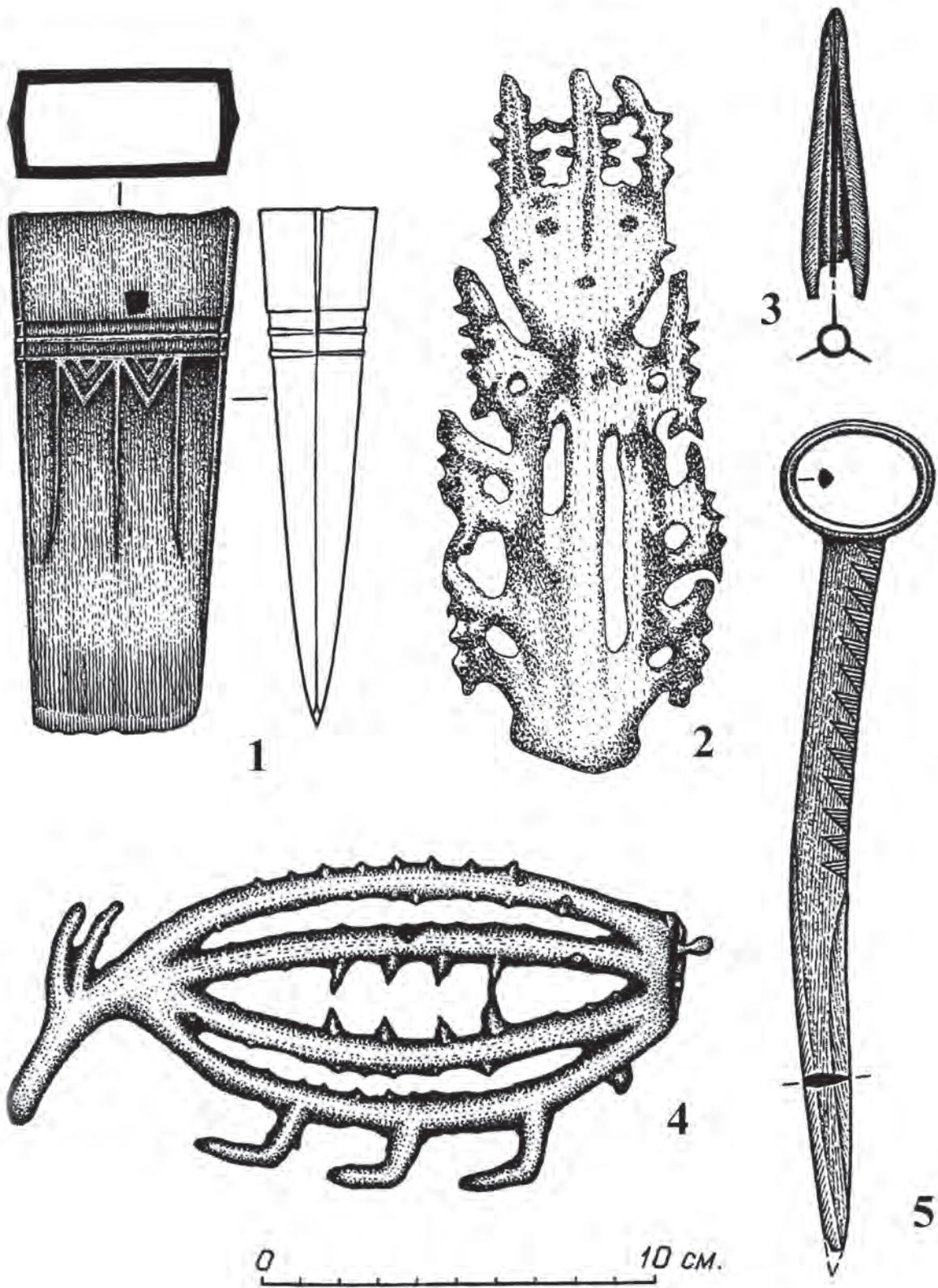

Рис. 4. Бронзовые изделия раннего железного века. Устье р. Подкаменная Тунгуска.

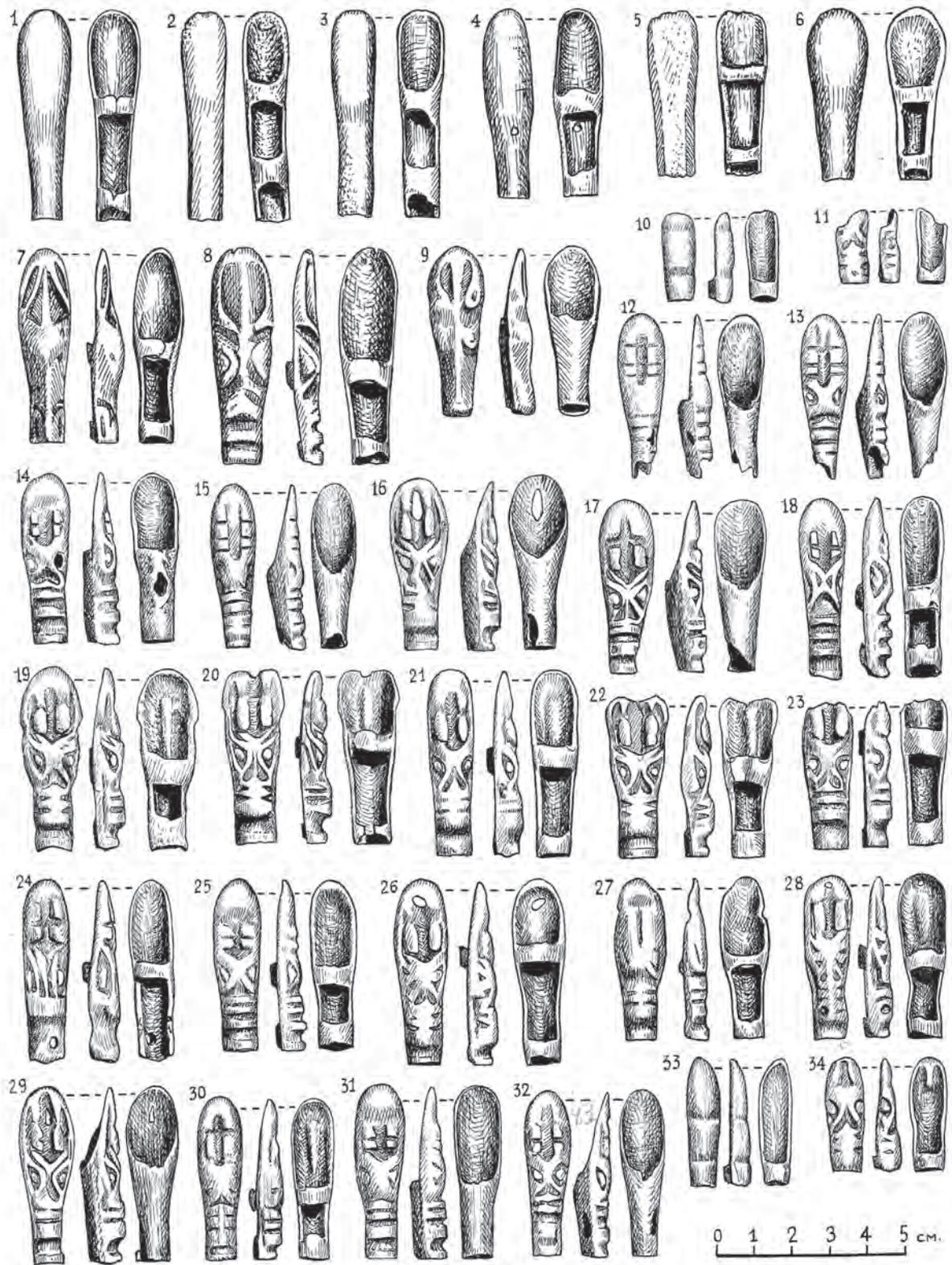

Рис. 5. Бронзовые антропо- и зооморфные ложечковидные застёжки. Косогольский клад.

Среди других предметов из Канского района, хранящихся в Красноярском и Канском музеях, особый интерес представляют бронзовые топоры с изображением на них кошачьих хищников в скифо-сибирском зверином стиле. На одном из них свернувшийся хищник изображен на шляпке кронштейна, на другом – на втулке топора (Рис. 7, 4). Еще на двух экземплярах звери изображены стоящими на обушке орудий. На проушном топоре из частной коллекции животное показано с раскрытой пастью на опущенной вниз массивной голове. Глаза и ноздри переданы круглыми ямками и обведены выпуклыми колечками. Выступающее над лбом ухо рельефно выделено в форме вытянутого эллипса. Выполненная выпуклым сегментом лопатка животного отделена широким желобком от бедра, моделированного в форме полушара. Ноги хищника подогнуты вперед и имеют кольчатые окончания лап. Фигурку зверя завершает короткий хвост с колечком на конце (Рис. 7, 3).

Наконец, в Енисейском музее хранится еще один бронзовый топор с фигурой стоящего зверя, имеющего кольчатые окончания морды, лап и хвоста (Рис. 7, 5).

Новые материалы дополняют уже опубликованные экземпляры топоров из Красноярского и Канского музеев с изображением на них хищников (Максименков, 1961. Рис. 2, 1).

Художественная манера передачи образов на топорах, кинжалах, ножах, как и на изделиях Новопятницкого клада, чрезвычайно архаична. На раннюю дату указывают, прежде всего, аналогии кинжалу с навершиями в виде двух фигурок баранов в кургане Аржан, датированного VIII–VII вв. до н.э. Найденные там несколько бронзовых наверший с фигурками горных баранов чрезвычайно близки по стилю изображения животным на кинжале Новопятницкого клада (Грязнов, 1980. Рис. 25). Кроме того, скульптурная группа идущих друг за другом баранов считается одной из самых ранних в скифском искусстве (Савинов, 1997. С. 59; 2012). С этой точкой зрения солидаризировались В.В. Бобров и Н.Н. Моор, рассмотревшие композиции на Новопятницком кинжале (2011а. С.71, 72) и звериный стиль в декоре тагарских кинжалов (2011б).

Отмеченные Я.А. Шером ранние стилистические особенности изображений аржано-майэмирского типа характерны и для других фигурок на кинжале и

навершиях ножей Новопятницкого клада, а также на боевых топорах из окрестностей Канска. Глаза всех животных и ноздри показаны в виде концентрических кругов, частично выступающих над линией лба (Шер, 1980. С. 344). По терминологии Н.Л. Членовой, эти же элементы и ухо в виде полуовала характерны для так называемого минусинского стиля VII–VI в. до н.э. (1967. С. 110–123). М.П. Завитухина, публикуя эрмитажную коллекцию древних художественных бронз тагарской культуры, уточняет, что сочетание сегментовидного уха и круглого глаза не является обязательным изобразительным элементом для всех голов животных. Детализация морды зверей может иметь резкие различия (Завитухина, 1983. С. 22). Тем не менее, на примере изображений животных на кинжале Новопятницкого клада, видны все основные стилистические приемы раннетагарского искусства. Это и кольчатые окончания лап животного на перекрестье кинжала и навершия шила-вкладыша, и поза кабанов, стоящих на цыпочках, поперечные кантики на концах ног, изображение глаз и рта концентрическими кругами.

Таким образом, с учетом новых материалов, Красноярско-Канскую лесостепь также можно считать одним из районов формирования скифо-сибирского звериного стиля.

Говоря о последующем развитии лесостепной тагарской культуры и ее красноярского варианта, можно согласиться с синхронизацией материалов раскопанных курганов, Есаульского и Торгашинского кладов, а также ряда поселений с сарагашинским и последующими этапами (Николаев, 1980. С. 239–247).

Вслед за В.И. Привалихиным и П.В. Мандрыкой можно с уверенностью говорить о формировании самобытных культур РЖВ в Северном Приангарье и примыкающей к Нижней Ангаре долине Енисея. Для Северного Приангарья выделена цэпаньская культура VIII–II в. до н.э. (Привалихин, 2011), для Енисейского Приангарья–нижнепорожинская, шилкинская и каменско-маковская культуры VII–I вв. до н.э. (Рис. 2) (Мандрыка, 2008). Границы распространения культур предварительно намечены, но пока еще остаются размытыми. В связи с этим многие вопросы остаются остро дискуссионными.

Для обоих регионов характерны различные варианты погребений по обряду трупоположения, частичной или полной

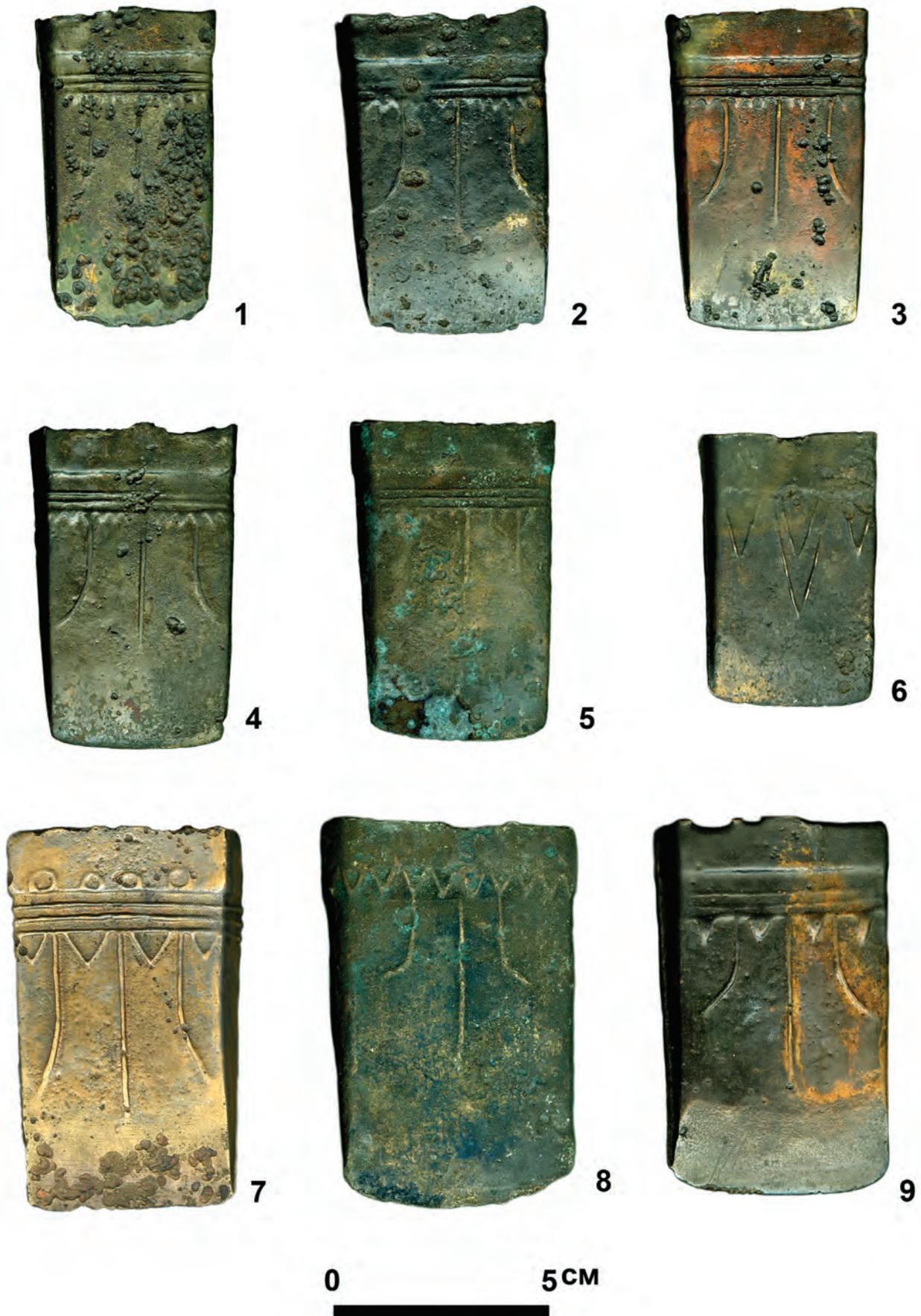

Рис. 6. Бронзовые кельты красноярско-ангарского типа. Новопятницкий клад.

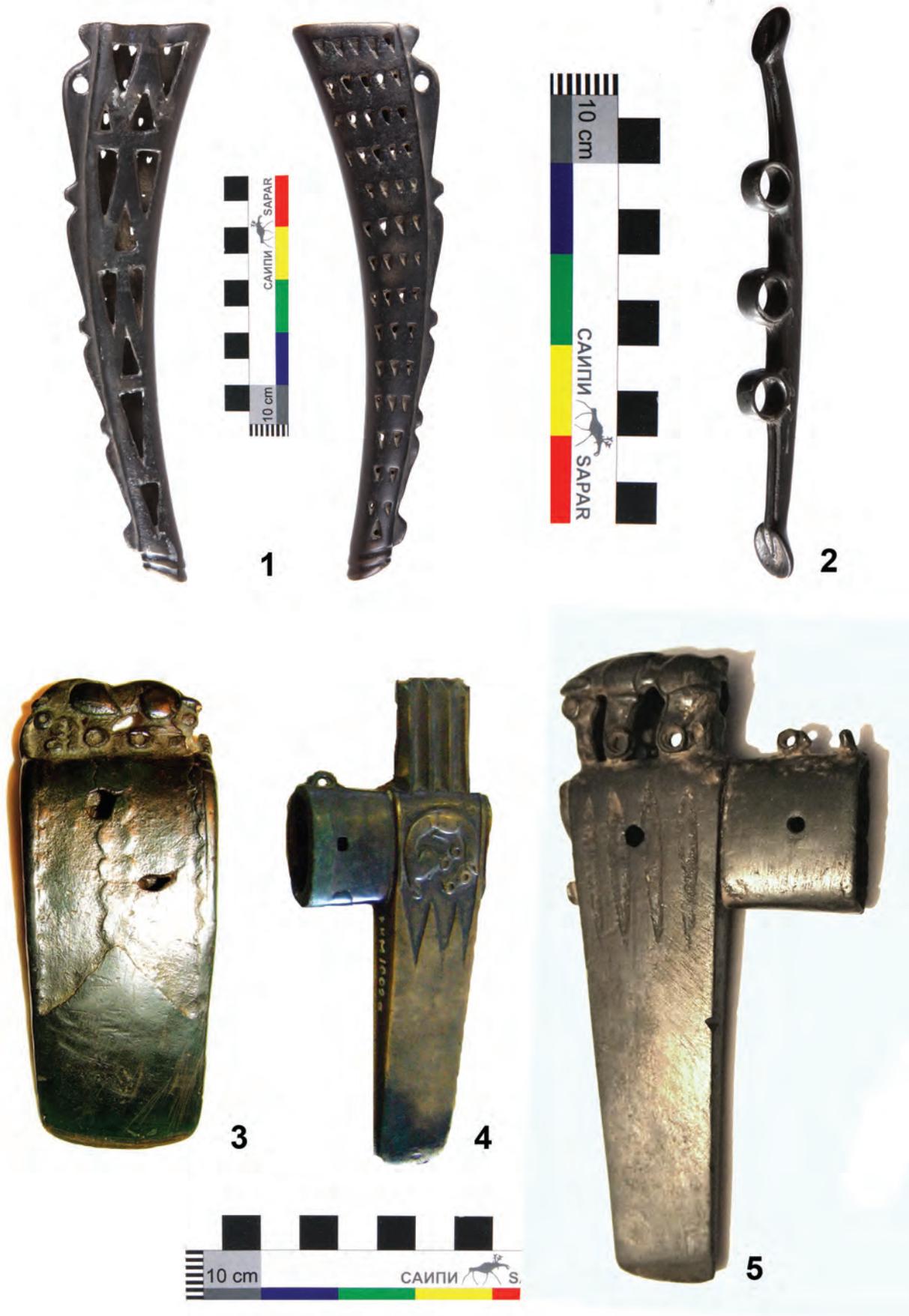

Рис. 7. Бронзовые изделия раннего железного века. Красноярско-Канская лесостепь.

Рис. 8. Каменная форма для отливки кельтов. Северное Приангарье (д. Соколова).

кремации покойных. В сопроводительном инвентаре – бронзовые, каменные и костяные наконечники стрел, роговые обоймы с противолежащими выемками для древков и наконечников стрел, гарпуны, кельты. Многочисленны бронзовые украшения в скифо-сибирском зверином стиле: фигурка стоящего кабана, бабочковидные бляшки с изображением одиночных, парных и четырех головок грифона. Только на культовом месте у Тасеевского идола найдено несколько десятков таких бляшек (Дроздов, Гревцов, Заика, 2011). Встречены также железные ножи, чекан, кельт, фрагменты пластин и других изделий.

На наш взгляд, в дальнейшем, с накоплением материалов, можно будет говорить либо о распространении цэпаньской культуры на запад по Нижней Ангаре и Среднему Енисею, вплоть до территории Красноярской лесостепи, либо о существовании в Енисейском Приангарье самобытной культуры эпохи раннего железа. При этом погребения могильников Нижнепорожнинский и Шилка 2 следует отнести не к двум разным по происхождению культурам, а к различным этапам одной и той же культуры. Изменения же в погребальном обряде, отмеченные автором раскопок (Мандрыка, 2008а), объясняются, прежде всего, половозрастными различиями и социальным статусом погребенных, а также внутренними изменениями самой культуры на различных этапах ее существования при возрастающем влиянии соседей тагарцев.

Вероятнее всего, распространение этих культур шло далее вниз по Енисею, значительно севернее Енисейска. Об этом говорят пока еще малочисленные, но достаточно выразительные бронзовые изделия РЖВ со стоянок в бассейне Нижнего Енисея. Среди них бронзовые котел и копье близ с. Ворогово, нож и шило со стоянки Ильинка, наконечники стрел, ножи, зеркала и бляхи, антропо- и зооморфные фигурки с устья р. Подкаменная Тунгуска и других пунктов (Рис. 4). При этом ряд изделий с Нижнего Енисея находит аналогии в более южных памятниках РЖВ Красноярской лесостепи, подтаежного Среднего Енисея и Северного Приангарья. Показательна в этом плане недавняя находка в 100 км севернее Туруханска бронзовых ажурных ножен. В апреле 2013 г. при посредничестве В.И. Привалихина ножны были переданы на хранение в Красноярский музей. По форме, размерам,

треугольным прорезям изделие аналогично ножнам из Красноярской лесостепи (Рис. 7, 1). Но ножны с Нижнего Енисея уникальны еще и тем, что обнаруженное в 1,5 тыс. км севернее Минусинской котловины изделие украшено четырьмя фигурками оленей в скифо-сибирском зверином стиле. Кроме того, внутри ножен сохранился дугообразнообушковый бронзовый нож, что еще раз указывает на назначение этого ажурного изделия.

Наряду с южными аналогиями значительная серия бронзовых трехлопастных наконечников стрел, а также антропо- и зооморфных изображений с Ангары, Нижнего Енисея и устья Подкаменной Тунгуски близка изделиям кулайской культуры Западной Сибири (Рис. 4, 2–4).

Дискуссионным остается вопрос о верхней хронологической границе эпохи раннего железа Средней Сибири. Если учесть, что таштыкские племена, сменившие в Минусинской котловине тагарцев, так и не смогли продвинуться севернее Ачинской лесостепи, то логично предполагать, вслед за Г. Мергартом и В.Г. Карцовым, что тагарская культура продолжала свое развитие в Красноярской лесостепи, по меньшей мере, еще как минимум 1–2 столетия. Вероятно, и на более северных территориях Приангарья и Нижнего Енисея начало развитого железного века следует отнести к первым векам нашей эры. При этом отставание не было значительным.

Уникальный Косогольский клад северной периферии Назаровской котловины датируется рубежом эр и относится уже к переходному от тагарской к таштыкской культуре этапу с заметным гуннским влиянием (Дэвлет, 1980. Таб. 6, 17).

Следует отметить, что политические события II–I вв. до н.э. оказывают влияние также на лесостепные и более северные, таежные, районы Среднего Енисея и Северного Приангарья. На Казачинском пороге Енисея обнаружены бронзовые антропоморфные ложечковидные застежки, аналогичные изделиям из Косогольского клада (Рис. 5), а в районе Красноярска в I тыс. н.э. распространяются погребения по обряду трупосожжения (Мандрыка, Макаров, 1994. С. 68–84).

Таким образом, вероятнее всего, с накоплением нового материала, можно будет, вслед за ананьинской (Кузьминых, Чижевский,

2009), тагарской (Савинов, 2012) и другими археологическими общностями, говорить о существовании на огромной территории бассейна Енисея еще одной – среднесибирской лесостепной и таежной общности РЖВ. При этом, с учетом географических различий и антропологического состава населения, намечается выделение, по меньшей мере, двух культурно-исторических областей. При близости материальной культуры в Красноярско-Канской лесостепи, судя по раскопанным курганам и поселениям, обитали европеоидные племена скотоводов и земледельцев, а в Северном и Енисейском Приангарье, а также на Нижнем Енисее – преимущественно монголоидные племена охотников и рыболовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобров В.В., Моор Н.Н.* Реминисценции изобразительной традиции сейминско-турбинской эпохи в тагарском искусстве // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово, 2011а. С. 71–72. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII).
- Бобров В.В., Моор Н.Н.* Зверинный стиль в декоре тагарских кинжалов // Археология Южной Сибири. Вып. 25. К 80-летию Я.А. Шера. Кемерово, 2011б. С. 146–151.
- Вадецкая Э.Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Вдовин А.С., Макаров Н.П.* Николай Константинович Ауэрбах в студенческие годы (1910–1914 гг.) // Історія археології: дослідники та наукові центри. Київ, 2012. С. 78–83 (Серия «Археологія і давня історія України». Вип. 9).
- Грязнов М.П.* Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1. С. 187–196.
- Грязнов М.П.* Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
- Детлова Е.В.* Письма Геро фон Мергарта в Красноярский музей // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3. Красноярск, 2007. С. 76–87.
- Детлова Е.В.* «Я часто вспоминаю Красноярске и дружбе, которую там встретил»: (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта) // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 88–103.
- Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л.* Усть-Тасеевский комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 77–85. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII).
- Дэвлет М.А.* К истории исследования памятников тагарской культуры. Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 16–31.
- Дэвлет М.А.* Сибирские поясные ажурные пластины. II в. до н.э. – I в. н.э. М., 1980. (САИ. Вып. Д 4–7).
- Завитухина М.П.* Древнее искусство на Енисее: Скифское время. Публикация одной коллекции. Л., 1983.
- Карцов В.Г.* Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1949.
- Коровушкин Д.Г.* Богучанская археологическая экспедиция (трехлетние итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 466–470.
- Кузьминых С.В.* Кельты Северной Евразии раннего железного века: сейминско-турбинская линия развития // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 96–98.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 29–55. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 8).
- Кызласов Л.Р.* Раннеклассовое государство динлин-тагарцев // История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 29–44.
- Макаров Н.П.* К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярск, 1989. С. 131–189.

- Макаров Н.П.* В.Г. Карцов как археолог // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова: ТД. Ч. 1. Омск, 1992. С. 29–31.
- Макаров Н.П.* К вопросу о культурной принадлежности, территории распространения и времени существования бронзовых кельтов красноярско-ангарского типа // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск, 2010. С. 196–198.
- Макаров Н.П.* Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского краевого краеведческого музея // Археология Южной Сибири. К 80-летию А.И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово, 2012а. С. 68–76.
- Макаров Н.П.* Железный век и эпоха средневековья пещеры Еленева // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2012б. Вып. V. С. 19–30.
- Макаров Н.П., Баташев М.С.* Новые данные по археологии Енисейского Севера (по материалам экспедиций Красноярского краевого музея) // III Северный археологический конгресс: ТД. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2010. С. 328–329.
- Макаров Н.П., Вдовин А.С.* В.Г. Карцов (1904-1977) – исследователь древностей Красноярского края // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 5; КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск: «Литера-Принт», 2010. С. 138–144.
- Макаров Н.П., Вдовин А.С.* В.А. Данилов и его археологическая коллекция // Сборник материалов Первых региональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову (6–7 октября 2011 г.). Абакан, 2012. С. 31–36.
- Макаров Н.П., Пискорский М.В.* Новопятницкий клад // Проблемы археологии Северной Азии: ТД. Чита, 1988. С. 87–88.
- Максименков Г.А.* Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960. № 1. С. 148–162.
- Максименков Г.А.* Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 301–315.
- Мандрыка П.В.* Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // АЭАЕ. 2008. № 3. С. 68–76.
- Мандрыка П.В.* Могильник Усть-Шилка 2 как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестник НГУ. 2008а. Т. 7. Вып. 3. С. 117–131.
- Мандрыка П.В., Макаров Н.П.* Погребения с трупосожжениями в окрестностях Красноярска: (К вопросу о выделении памятников нового культурного типа) // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. Кемерово, 1994. С. 68–84.
- Мартынов А.И.* Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
- Мергарт Г.* Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // ИКРОРГО. 1923. Т. III. Вып. 1. С. 29–36.
- Нащекин Н.В.* Косогольский клад // АО–1966. М., 1967. С. 163–165.
- Николаев Р.В.* Есаульский клад // СА. 1961. № 3. С. 281–284.
- Николаев Р.В.* Курганы тагарской эпохи у Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963а. С. 93–103.
- Николаев Р.В.* Материалы к археологической карте севера Красноярского края // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963б. С. 127–131.
- Николаев Р.В.* Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 239–247.
- Новых Л.В., Макаров Н.П., Петренко А.Л.* Новые материалы позднебронзового века из окрестностей Красноярска // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Абакан, 1993. С. 19–20.
- Привалихин В.И.* Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья: (История открытия, результаты и перспективы исследований) // Второй

- век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 161–183.
- Рыгдылон Э.Р.* Новая пещера на Среднем Енисее // КСИИМК. 1952. Вып. XLVII. С. 130–134.
- Рыгдылон Э.Р.* Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска // КСИИМК. 1955. Вып. LX. С. 129–134.
- Савинов Д.Г.* Сакральное значение первых композиций скифо-сибирского звериного стиля // Музей – хранитель памятников сакральной культуры: Материалы V Санкт-Петербургских религиозно-исторических чтений. СПб., 1997. С. 59–61.
- Савинов Д.Г.* Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово, 2012. С. 35–55. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. IX).
- Савинов Д.Г.* Тагарская археологическая общность // Археология Южной Сибири. Вып. 26. К 80-летию А.И. Мартынова. Кемерово, 2012. С. 58–62.
- Шер Я.А.* Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство: Материалы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980. С. 338–347.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Merhart G. von.* Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien, 1926.

VI. АНАНЬИНСКИЙ МИР И РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИИ

КИММЕРИЙЦЫ И НАСЕЛЕНИЕ ВОЛГО-КАМЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

С.В. Махортых (Киев)

The Cimmerians and population of the Volga-Kama region in the Early Iron Age

S.V. Makhortykh (Kiev)

Ананьинская культура представляет собой одно из наиболее ярких явлений в археологии раннего железного века (РЖВ) Евразии. В настоящее время ее памятники рассматриваются в рамках особой ананьинской культурно-исторической области (далее АКЮ), включающей в свой состав несколько археологических культур: постмаклашевскую, аозинскую, ананьинскую культуру шнуровой керамики и ананьинскую культуру гребенчато-шнуровой керамики (Чижевский 2008; Кузьминых, Чижевский, 2009. С. 33–35).

Неповторимое своеобразие ананьинским древностям РЖВ придавали тесные культурные контакты населения Волго-Камья с соседними и более отдаленными областями. Предлагаемая статья посвящена рассмотрению одного из направлений этих взаимоотношений¹, условно названного мною “южным” и включающего территорию Северного Кавказа, а также степи Восточной Европы².

¹ Ред. Необходимо отметить, что сама проблема, вынесенная в заглавие статьи, ранее обсуждалась в ряде специальных работ: (Халиков, 1965; Кузьминых, 1981; 1983).

² При подготовке статьи я не ставил перед собой задачи рассмотреть все археологические свидетельства и аспекты довольно обширной и комплексной научной проблемы, обозначенной выше. Основное внимание в ней уделено определению круга главных участников исследуемого процесса, а также хронологической канвы рассматриваемых взаимоотношений, поскольку изучение культурных контактов АКЮ с окружающим миром чрезвычайно важно для уточнения временных рамок ее различных этапов. В настоящее время все более очевидно, что традиционные датировки ананьинских древностей VIII–VII вв. до н.э. не отвечают существующим реалиям. В связи с этим следует отметить плодотворные усилия

Эти историко-географические области были тесно связаны между собой в значительной степени благодаря появлению на исторической арене в начале I тыс. до н.э. ранних кочевников, одними из наиболее ярких представителей которых были киммерийцы. Они являлись древнейшими обитателями восточно-европейских степей, чье имя было зафиксировано письменной традицией. Киммерийцы имели неоднородный состав и включали в себя несколько кочевнических группировок, наиболее известными из которых являются черноголовская и новочеркасская, выделенные по одноименным группам памятников (Махортых, 2005).

Киммерийская эпоха – время крупных сдвигов в социально-экономической и духовной жизни населения юга Восточной Европы. Распространение кочевого скотоводства, а вместе с ним и новых форм быта способствовали тому, что многие прежние элементы культуры должны были исчезнуть, уступив место другим, более соответствующим изменившемуся образу жизни. В значительной степени это стало возможным благодаря освоению лошади для верховой езды, которая являлась лучшим по тем временам средством передвижения.

О распространении на юге Восточной Европы в конце II – начале I тыс. до н.э. традиций всадничества свидетельствуют находки костяных и роговых псалий. Известны эти предметы и в Нижнем Прикамье, например, в п. 173 Мурзихинского II могильника. Они представлены двумя костяными

исследователей (С.Н. Коренюк, С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский и др.) по уточнению датировки начального этапа ананьинской культуры в рамках I пол. IX – VIII в. до н.э. или даже конца X – IX в. до н.э. (Коренюк, 2009. С. 266; Кузьминых, Чижевский 2009. С. 36; Чижевский, 2012. С. 384).

стержневидными трехдырчатыми псалиями с равновеликими отверстиями. Один из них гладкий, а другой украшен гравированным орнаментом в виде ряда кружков и прочерченных линий (Чижевский, 2008. Рис. 4, 4, 5) (Рис. 1, 1, 2).

Псалии рассматриваемого типа с тремя отверстиями в одной плоскости (двумя маленькими округлыми, продолговатыми или прямоугольно-заovalенной формы по краям и одним большим в центре) получили широкое распространение в конце эпохи бронзы – начале раннего железного века. Они известны от Чечни и Дагестана на востоке (п. 28 Майртупского м-ка, п. 1, 15 м-ка Зандак, пос. Ачису и др.) до Побужья и Нижнего Дуная на западе (пос. Дикий Сад, Babadag, Cavadineşti и др.) (Дударев, 1999. С. 135, табл. 50, 5, 7–9, 13; Boroffka, 1998. Abb. 7, 10, 13; Дикий Сад, 2007. С. 12) (Рис. 2, 3, 4).

Близкие параллели псалиям из Мурзихинского II могильника обнаруживаются и в Крыму на поселении позднебелозерского времени у с. Фонтаны (Колотухин 1982. Рис. 4, 1) (Рис. 3, 1). Еще два сходных костяных псалия найдены в одной из землянок Субботовского городища в Среднем Приднепровье (Тереножкин, 1976. Рис. 85, 3, 4). Обращает на себя внимание, что, как и в Мурзихинском могильнике, один из субботовских псалиев гладкий, а другой украшен разнообразным гравированным орнаментом (Рис. 3, 2, 3).

Примечательно, что рассматриваемые трехдырчатые псалии, имеющие утолщения вокруг отверстий, известны и в захоронениях ранних кочевников, например, в могильнике Подгорный (п. 1, к. 5) в Волгоградской области (Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996. С. 30, Рис. 5). В этом захоронении, помимо четырех костяных псалиев, выявлены и другие принадлежности конского убора: кольцо (вероятно, для ремней) и бляшка из клыка кабана месяцеvidной формы (лунница) (Рис. 4). Последняя находка может рассматриваться в качестве прототипа предскифских лунниц близкой формы, отлитых из бронзы.

К числу наиболее древних комплексов в рамках АКЮ относится и п. 183 Тетюшского могильника. Помимо архаической шлемовидной бляшки, крепившейся к основе при помощи рамки на четырех столбиках, на раннюю дату этого захоронения указывает и обнаруженная там бронзовая лунница, украшенная тремя округлыми выпуклинами, две из которых дополнительно в нижней части очерчены

бегущей линией (Халиков, 1977. Рис. 28, Б) (Рис. 5, 5, 7).

На юге Восточной Европы известно еще четыре погребения с аналогичными бронзовыми лунницами: Суворово, п. 2, к. 5; Бандышевка, к. 1 в Северном Причерноморье; Пшиш 1, п. 51 и Сержень-Юрт, п. 56 на Северном Кавказе. Именно эти захоронения маркируют древнейший пласт погребений предскифского периода, датирующихся в пределах IX в. до н.э. (Махортих, 1999. С. 170) (Рис. 6–9).

О контактах Волго-Камья с соседними территориями свидетельствуют не только выявленные там находки костяных псалиев и бронзовых блях, но и металлических удил. Однако, в отличие от рассмотренных выше изделий, эта категория предметов маркирует, главным образом, не ранний, а более поздние хронологические этапы предскифского периода.

В области распространения ананьинских памятников предскифские удила представлены, главным образом, бронзовыми двукольчатыми образцами (5 экз.) из могильников: Старший Ахмыловский (п. 136, 509); Акозинский (п. 51); Мурзихинский II (п. 153), а также находкой у д. Чирки (Халиков, 1977. Рис. 81; Чижевский, 2008. Рис. 32, 8) (Рис. 10–11).

Примечательно, что псалии вместе с двукольчатыми удилами найдены только в одном случае (Акозино, п. 51), причем относятся они к типу трехдырчатых и изготовлены из кости, что является чрезвычайно редким сочетанием для рассматриваемого типа бронзовых удил (Рис. 10, 3)³. В связи с этим об их дате приходится судить по внешним характеристикам и, в частности, по декору стержней.

Как известно, двукольчатые удила являются одним из важнейших компонентов новочеркасского культурного комплекса, который оформился на Северном Кавказе в результате тесных контактов ранних кочевников и местного населения Предкавказья. Удила этого типа прошли длительную эволюцию. Наиболее ранние экземпляры имеют литую “обмотку” в виде веревочки, а поздние – орнамент в виде двурядных “квадратиков” или небольших выступов (Махортих, 1992.

³ На юге Восточной Европы двукольчатые удила, как правило, сопровождалась бронзовыми трехпетельными псалиями с изогнутой лопастью, встреченными также и в захоронениях Мурзихинского I (IV) и II могильников (Руденко, 2002. С. 27, рис. 22в, Б 23; 25, 20; Чижевский, 2008. С. 153, рис. 32, 13).

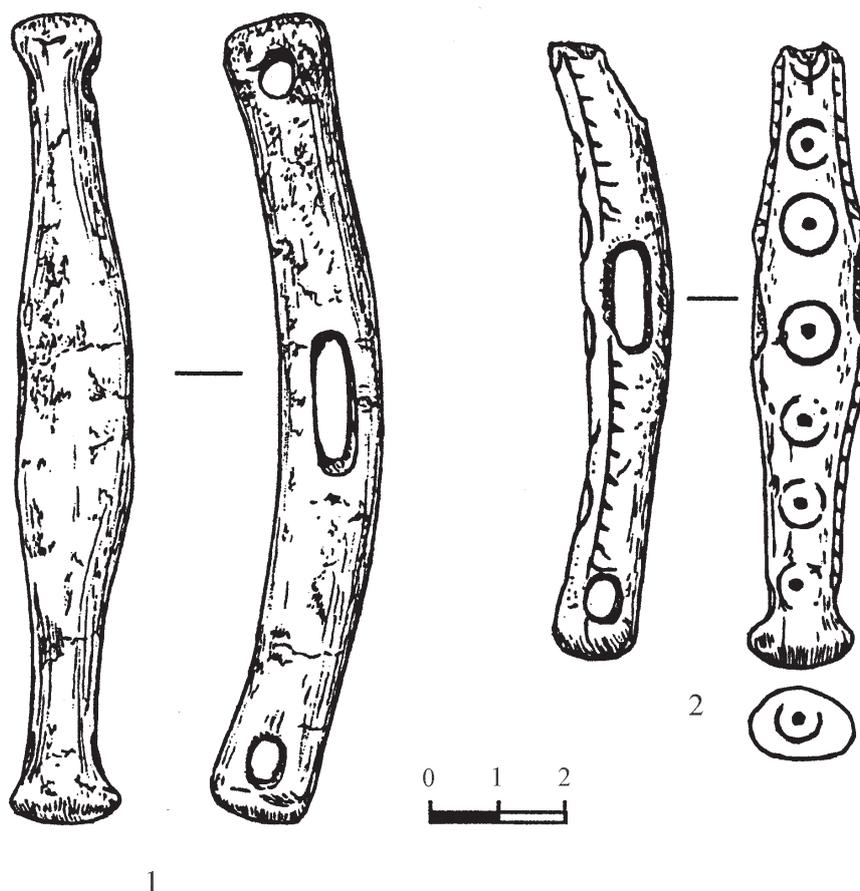

Рис. 1. Мурзихинский II могильник, п. 173 (по: Чижевский, 2008).

С. 24, Рис. 1; Могилев, 2003. С. 35–37, Рис. 3; Вальчак, 2009).

Аналогии двукольчатым удилам из раннеананьинских могильников, в том числе имеющих декорированные стержни, известны в Предкавказье (могильники Клинь-яр III, п. 18; у Кисловодской мебельной фабрики, п. 17, 43; Кочипэ, п. 32 и др.), где они датируются в рамках VIII в. до н.э. (Дударев, 1999. С. 360, Рис. 132, 4; 142, 2; 145, 3; Эрлих, 2007. С. 291, Рис. 96, 5) (Рис. 12, 4).

Несколько интересных уздечных наборов происходит из Мурзихинского II могильника (Чижевский, 2008. С. 153, Рис. 32). Помимо уже упоминавшихся бронзовых двукольчатых удил, здесь найдены удила с овальными внешними петлями (п. 186). Этот довольно редкий тип предскифской узды является самостоятельной разновидностью однокольчатых удил и первой находкой такого рода на территории Волго-Камья (Рис. 13, 2).

Удила этого типа более широкое распространение получили на юге Восточной Европы, а также в Средней Европе (Рис. 14, 1–7). Они представлены двумя раз-

новидностями, отличающимися расположением (перпендикулярным или параллельным) овала по отношению к оси стержня удил (Махортых, 2003. С. 36, Рис. 17, 1–6; 18, 4, 7–9). Ближайшие соответствия удилам из Мурзихинского II могильника известны в Центральной Европе (Батина, Забори и др.), где для них характерно параллельное расположение овального окончания удил. Относятся эти комплексы, главным образом, к VIII в. до н.э. Не противоречат этой дате и другие находки из п. 186, связанные своим происхождением с киммерийской культурой, а именно: бронзовые дуговидная лунница с утолщениями на концах и круглая бляшка с солярным значком в центре (Рис. 13, 1, 3).

Помимо конской упряжи, о культурных контактах раннеананьинского населения Волго-Камского региона с окружающим миром свидетельствуют и предметы вооружения, в частности бронзовые и биметаллические кинжалы и мечи.

Большинство из них выявлено в Старшем Ахмыловском могильнике (5 экз.): п. 26, 36, 55, 67, 124 (Патрушев, Халиков,

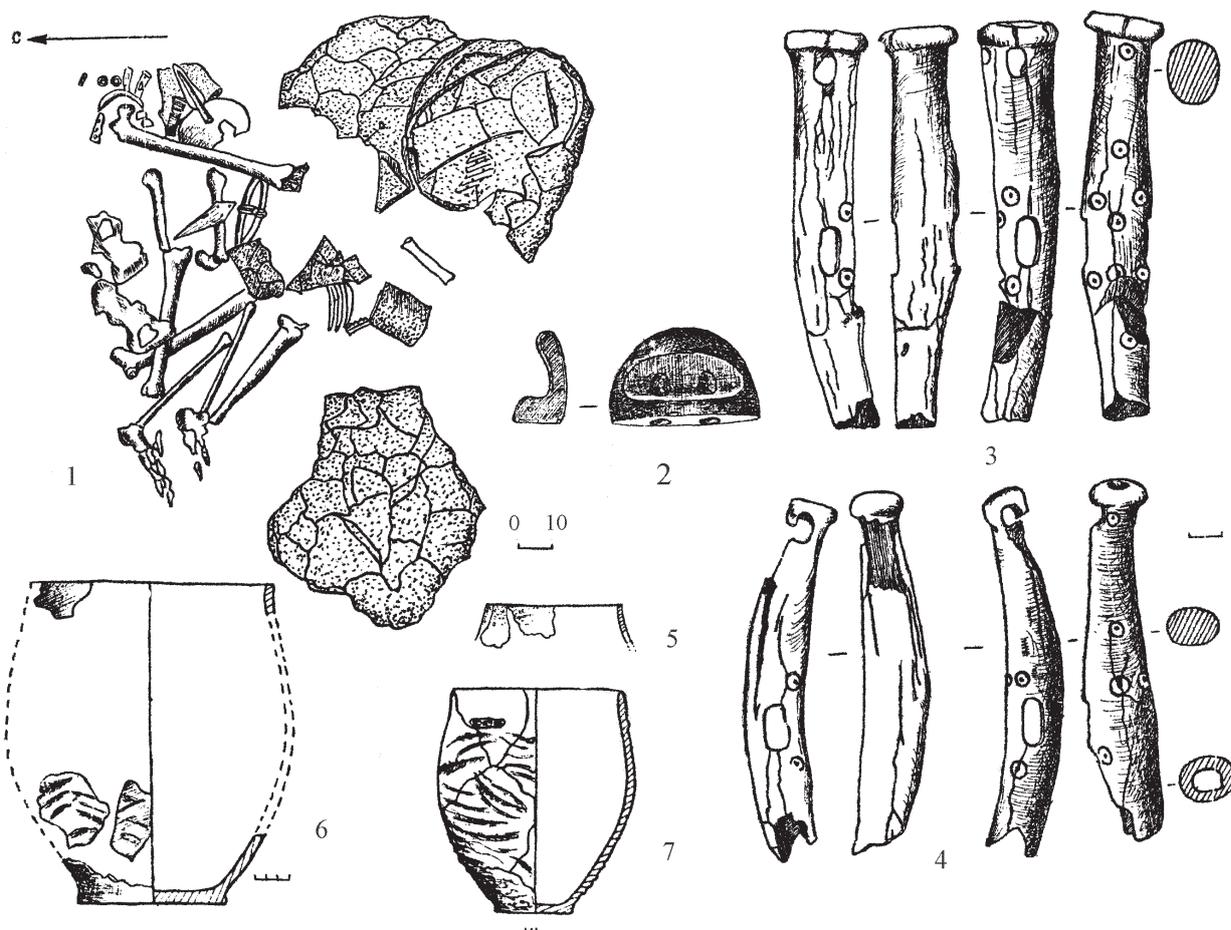

Рис. 2. Майртупский II могильник, п. 28 (по: Дударев, 1991).

1982. С. 140, табл. 3, 5а; 5, 3г; 8, 1м; 10, 1к; 22, 1г). Кроме того, они найдены и в других раннеананьинских некрополях: Измерском VII (жертвенный комплекс), Полянском II (п. 1), Тетюшском (п. 272) и Мурзихинском II (п. 76) (Халиков, 1977. Рис. 59, 7; Патрушев, 2011. Рис. 86, 4; Чижевский, 2012. Рис. 4, 1–4).

Наиболее архаичными среди них являются цельнобронзовые кинжалы с ажурными рукоятями, украшенными двумя рядами кольчатого орнамента из Измерского VII могильника и окрестностей д. Татарское Бурнашево (Рис. 15, 1, 2)⁴.

⁴ К числу древнейших экземпляров предскифского оружия относится меч из Билярска с массивной бронзовой рукояткой, грибовидным навершием и прямым перекрестьем с расширенным выступом в середине (Халиков, 1977. С. 160, рис. 59, 4). Типологически и/или хронологически близкие находки IX–VIII вв. до н.э. из с. Навки Пензенской губернии и у Вольска на Волге, очевидно, указывают на вехи пути проникновения рассматриваемых мечей и кинжалов в Волго-Камье с юга.

Хронологически к этой «архаической» группе находок примыкает кинжал из п. 55 Старшего Ахмыловского могильника с подпрямоугольной в сечении плоской рукоятью, украшенной циркульным орнаментом (Рис. 16, 14).

Ближайшие аналогии перечисленным выше цельнобронзовым и биметаллическим кинжалам с двуряднокольчатой орнаментацией известны на Северном Кавказе в области распространения западнокавказских (кабардино-пятигорских) и особенно «протомеотских» памятников Закубанья: могильники Псекупский, Кочипэ (п. 33), Кабехабль, Благодарное, на Кисловодской мебельной фабрике (п. 26) и др. (Анфимов, 1965. Рис. 1, 1; Дударев, 1999. Рис. 25; Эрлих, 2007. Рис. 150, 3, 5, 6, 9; Козенкова 1995. Табл. XII, 5).

Разновидность кинжалов с двухрядным орнаментом на рукояти, основной период бытования которых приходится на первые три четверти VIII в. до н.э., считается более

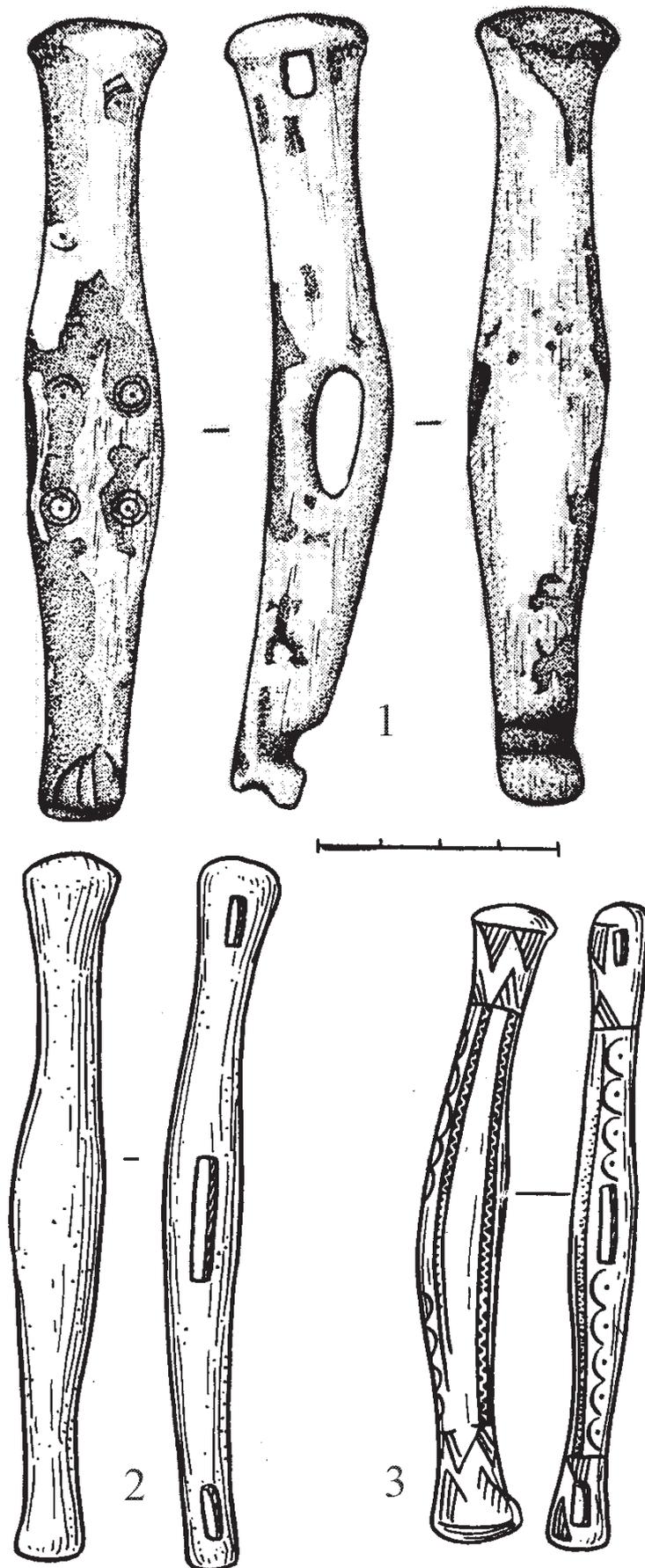

Рис. 3. Поселение Фонтаны в Крыму (1) и Субботовское городище в Среднем Приднепровье (2, 3) (по: Тереножкин, 1976; Колотухин, 1982).

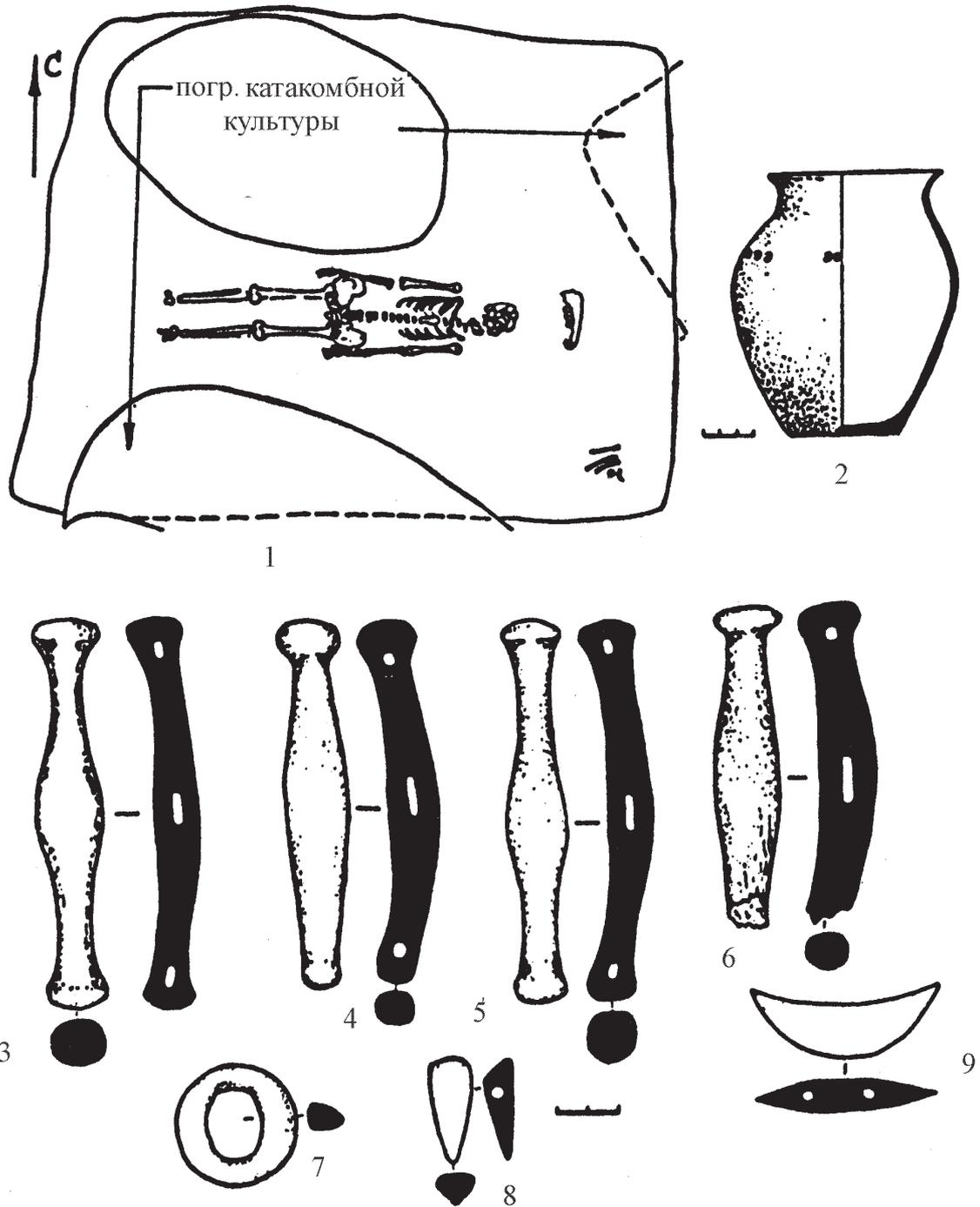

Рис. 4. Могильник Подгорный, п. 1, к. 5 (по: Вальчак, Мамонтов, Сазонов, 1996).

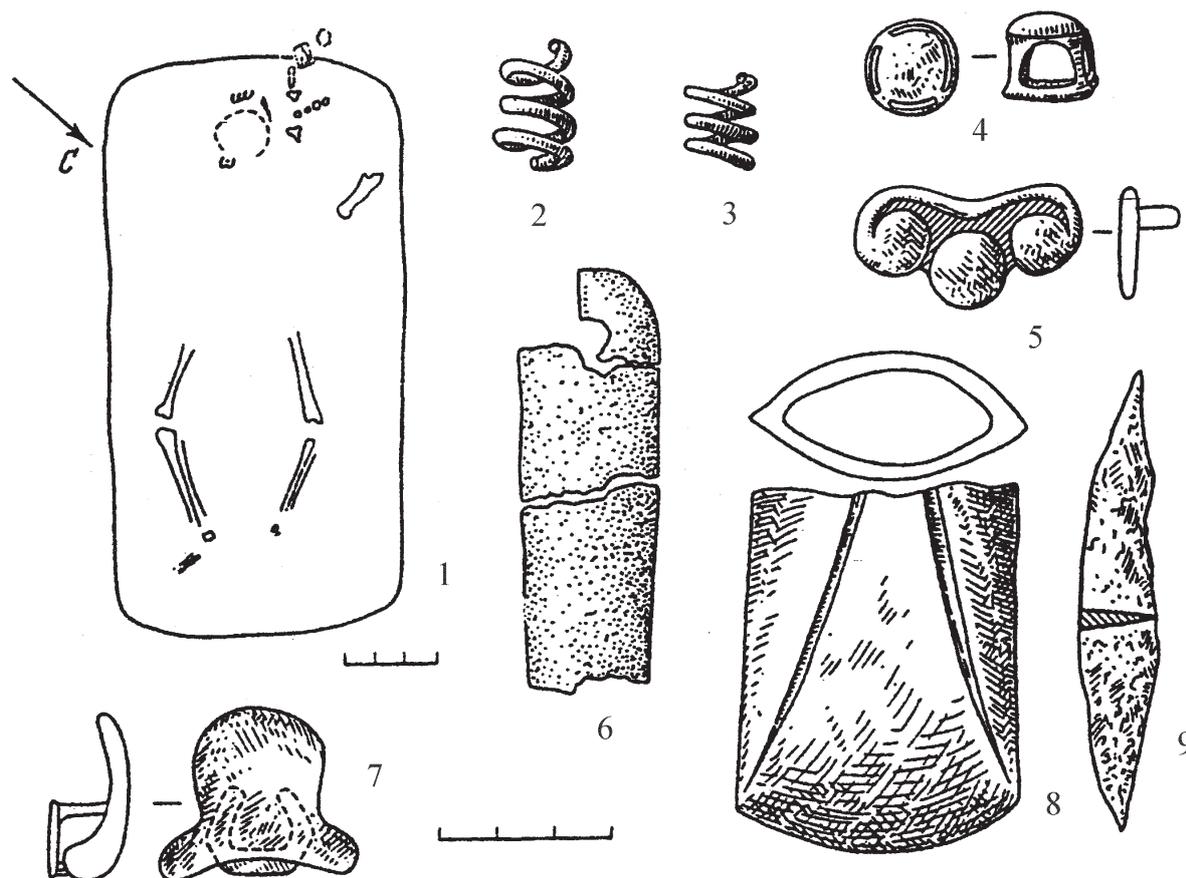

Рис. 5. Тетюшский могильник, п. 183 (по: Халиков, 1977).

поздней производной от кинжалов, имеющих ажурную рукоять с одним рядом кольчатых отверстий, датирующихся в рамках IX–VIII вв. до н.э.

Значительный интерес представляет биметаллический кинжал из п. 272 Тетюшского могильника с подромбическим в сечении железным клинком, рукоятью из железных и бронзовых полос с рядом круглых, неодинаковых по размеру вертикально расположенных углублений на каждой из бронзовых полос. Ближайшие аналогии он находит на Северном Кавказе – п. 26 Сержень-Юртовского могильника и из сборов на Псекупском могильнике (Ловпаче 1985. Табл. XV, 2; Козенкова, 1995. Табл. 17, 7) (Рис. 17, 7). Выявленные там кинжалы изготовлены в сложной технике комбинирования чередующихся друг с другом железных и орнаментированных бронзовых полос. Помимо этого, у всех трех вышеназванных находок нижняя часть ствола рукояти около перекрестия украшена бронзовой пластиной с 2–3 углубленными

бороздками. На основании сопутствующего инвентаря, а также близости по ряду признаков с некоторыми кинжалами с однорядно-кольчатым декором (разновеликие отверстия, форма перекрестия, три параллельные линии на рукояти) северокавказские находки, вероятно, следует датировать не позднее середины VIII в. до н.э.

Наиболее многочисленными и хронологически самыми поздними в раннеананьинской коллекции биметаллического оружия являются кинжалы типа I, 2А по классификации А.А. Халикова (1977. С. 166). Они происходят из пп. 26, 36, 67, 124 Старшего Ахмыловского, а также из п. 76 Мурзихинского П и п. 1 Полянского П могильников (Рис. 18, 9). По сравнению с предшествующими по времени находками они отличаются более упрощенным характером кольчатой орнаментации, которая заменяется точечным орнаментом, нанесенным пробойником на бронзовые рамки рукояти, основа которой теперь изготавливалась из железа. Для

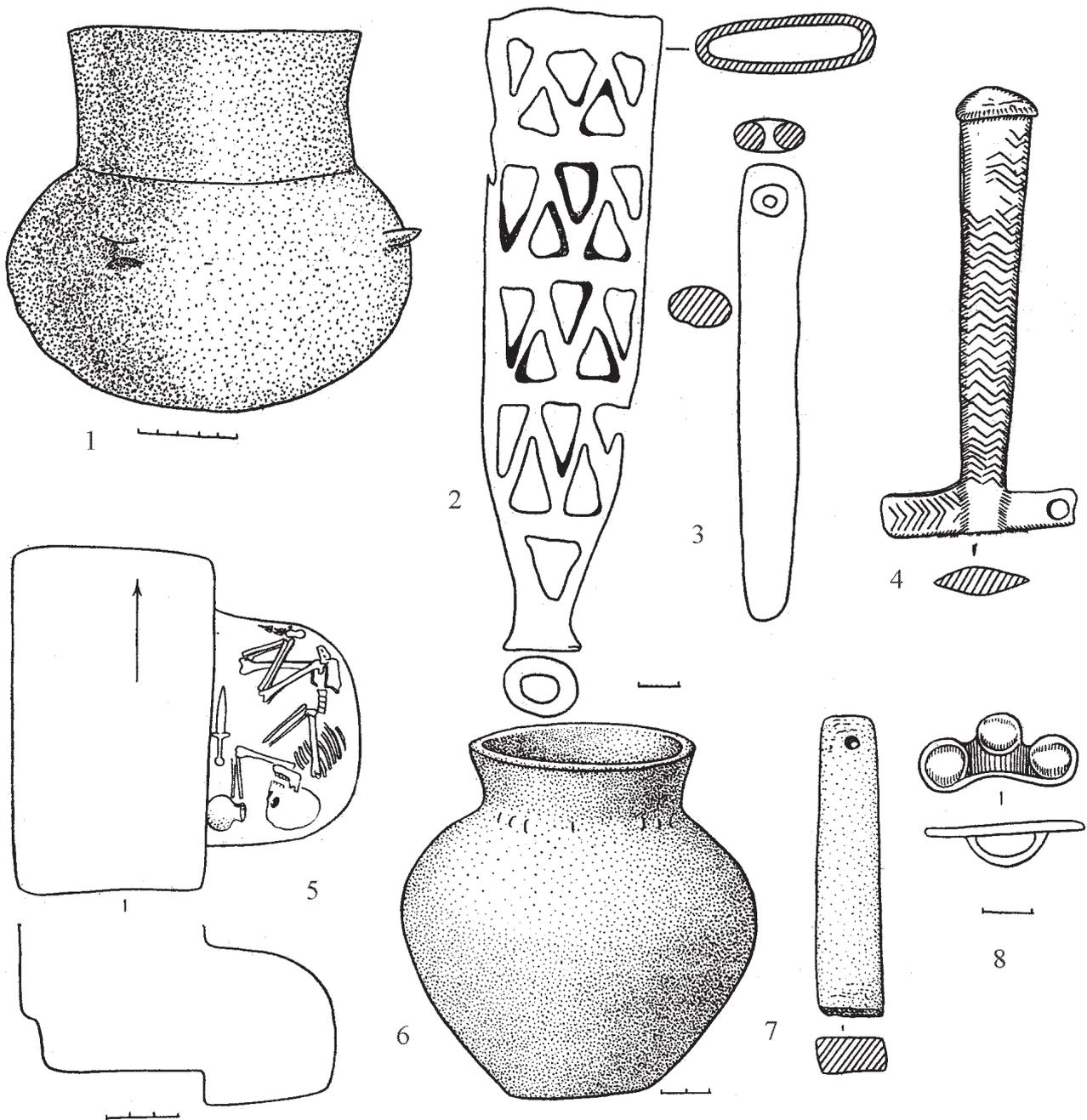

Рис. 6. Суворовский могильник, пп. 1 и 2, к. 5.

них также характерна биметаллическая рукоятка, состоящая из бронзовой основы, в которую через перекрестье введен железный черенок. Шляпка навершия у них уплощена, а перекрестье узкое.

На Северном Кавказе с перечисленными выше предметами вооружения сближаются кинжал из кургана 1921 г. на Каменноостском могильнике, а также рукоять кинжала из окрестностей Кисловодска, которые считаются позднейшими среди северокавказских

биметаллических кинжалов и суммарно с поволжскими находками могут датироваться завершающими десятилетиями VIII и/или «ранним» VII в. до н.э. (Иессен, 1941. С. 21, Рис. 4, 2; Дударев, Фоменко 1996. С. 15, Рис. 10).

Отметим, что последняя находка на основании спектрального анализа рассматривается С.Л. Дударевым в качестве импорта из Волго-Камья (Дударев, 1999. С. 110).

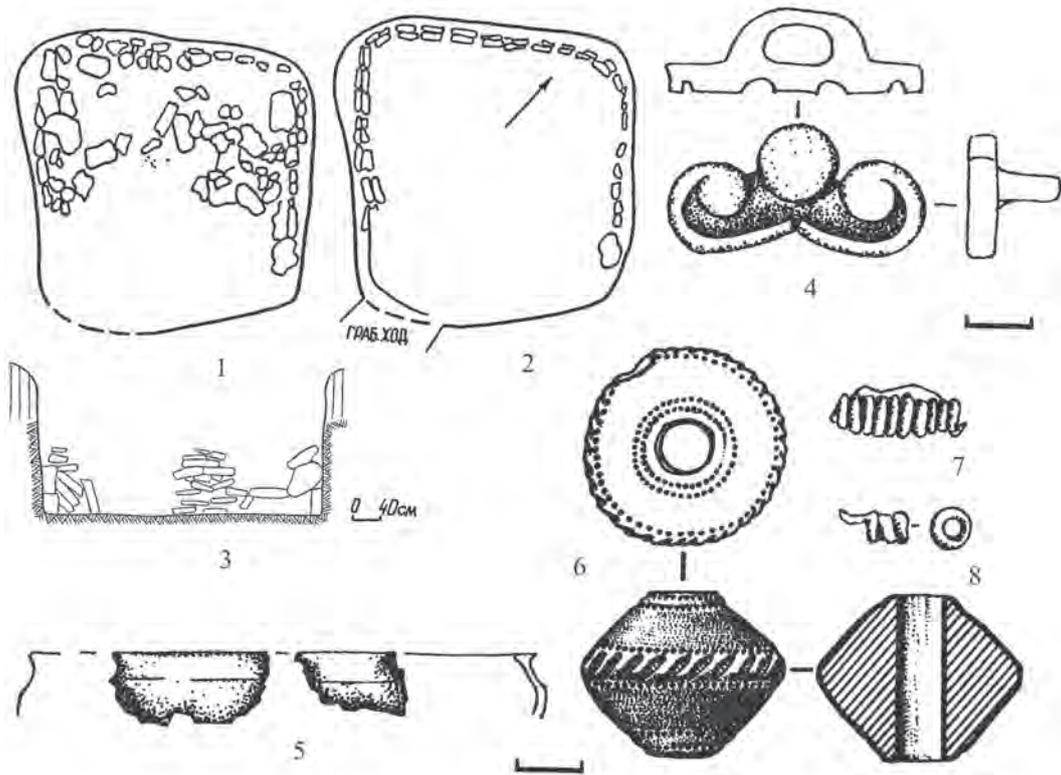

Рис. 7. Бандышевка, к. 1. Погребальное сооружение и инвентарь.

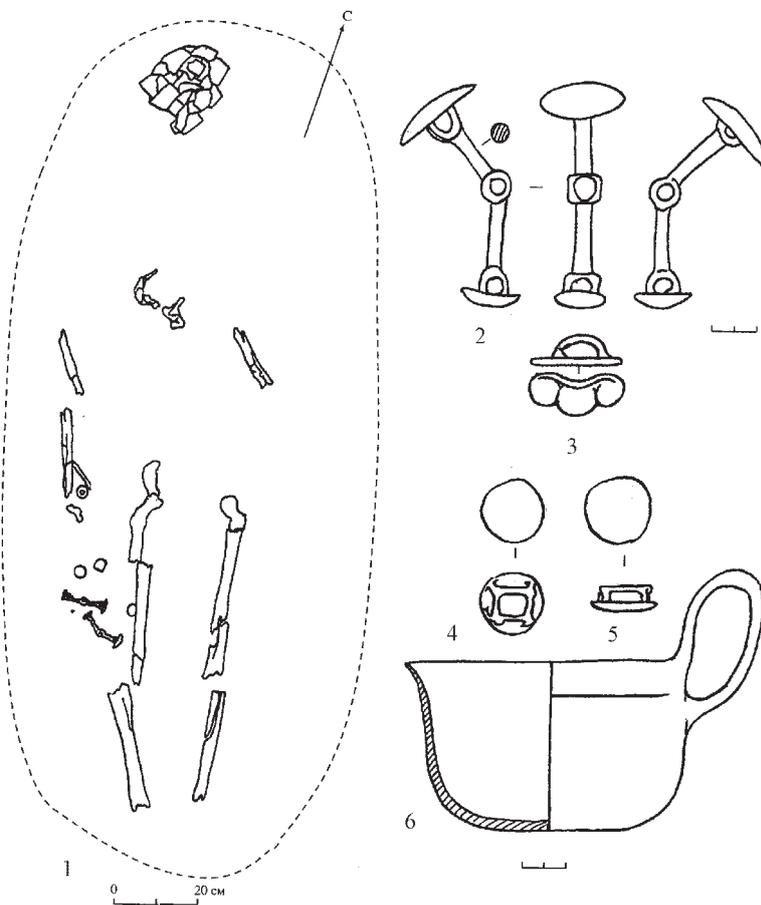

Рис. 8. Могильник Пшиш 1, п. 51.

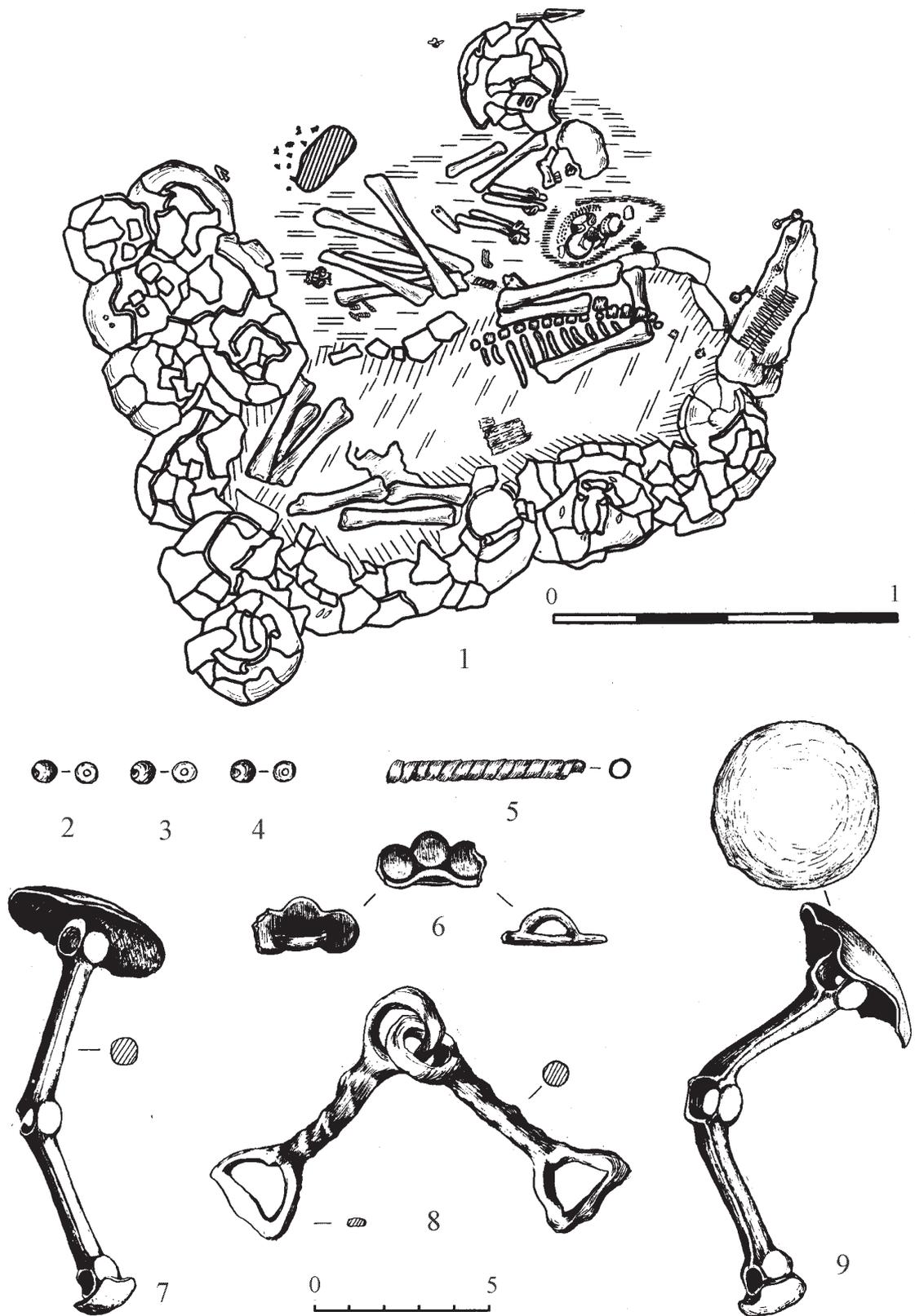

Рис. 9. Сержень-Юртовский могильник, п. 56.

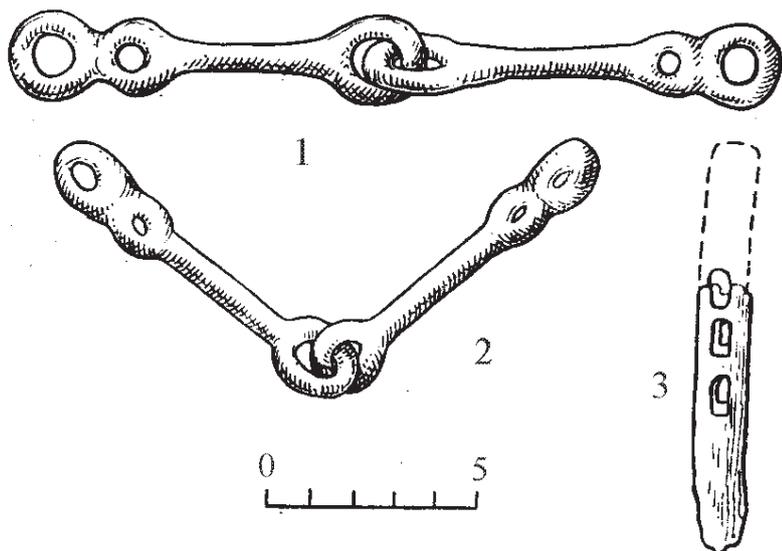

Рис. 10. Предметы конского снаряжения: 1 – Чирки; 2, 3 – Акозинский могильник, п. 51 (по: Халиков, 1977).

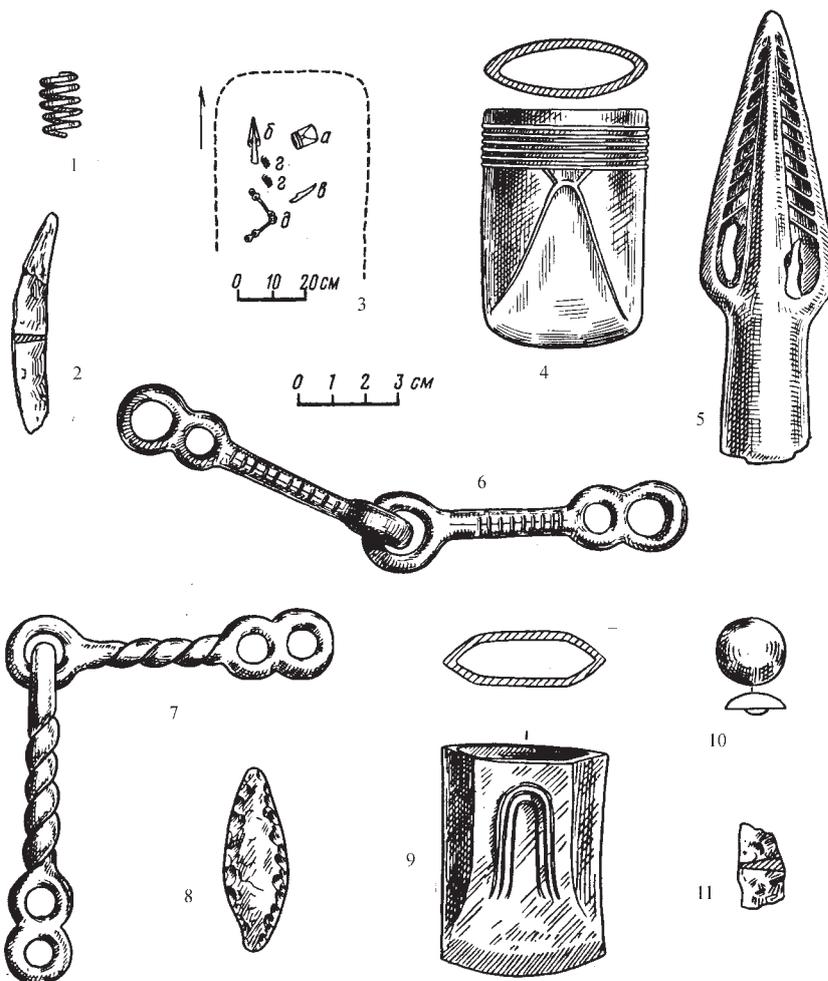

Рис. 11. Старший Ахмыловский могильник: 1–6 – п. 136; 7–11 – п. 509 (по: Патрушев, Халиков, 1982).

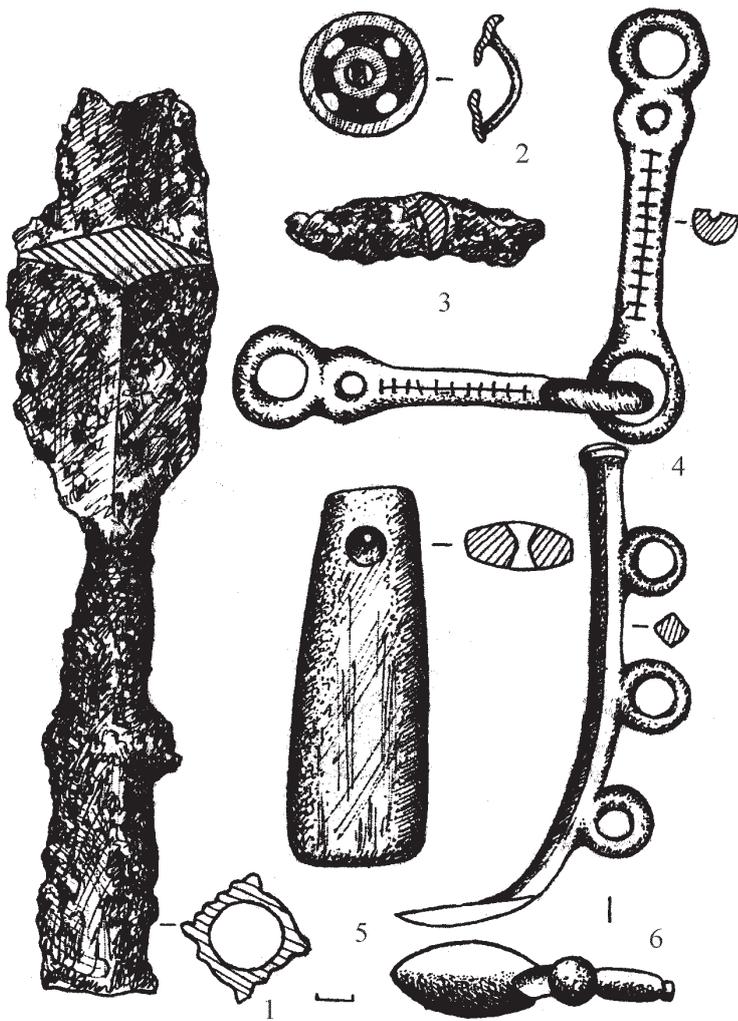

Рис. 12. Могильник Клинь-Яр Ш.
Вещевой комплекс п. 18
(по: Дударев, 1991).

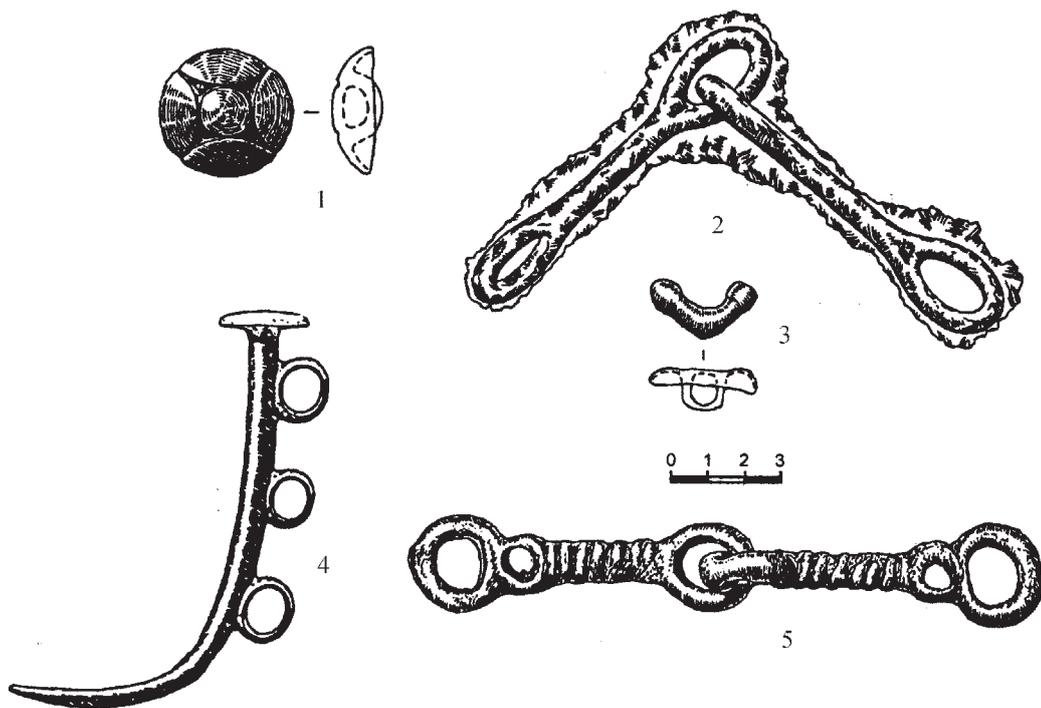

Рис. 13. Мурзихинские II и I (IV) могильники: 1-3 - п. 186; 5 - п. 153; 4 - п. 5 (по: Чижевский, 2008).

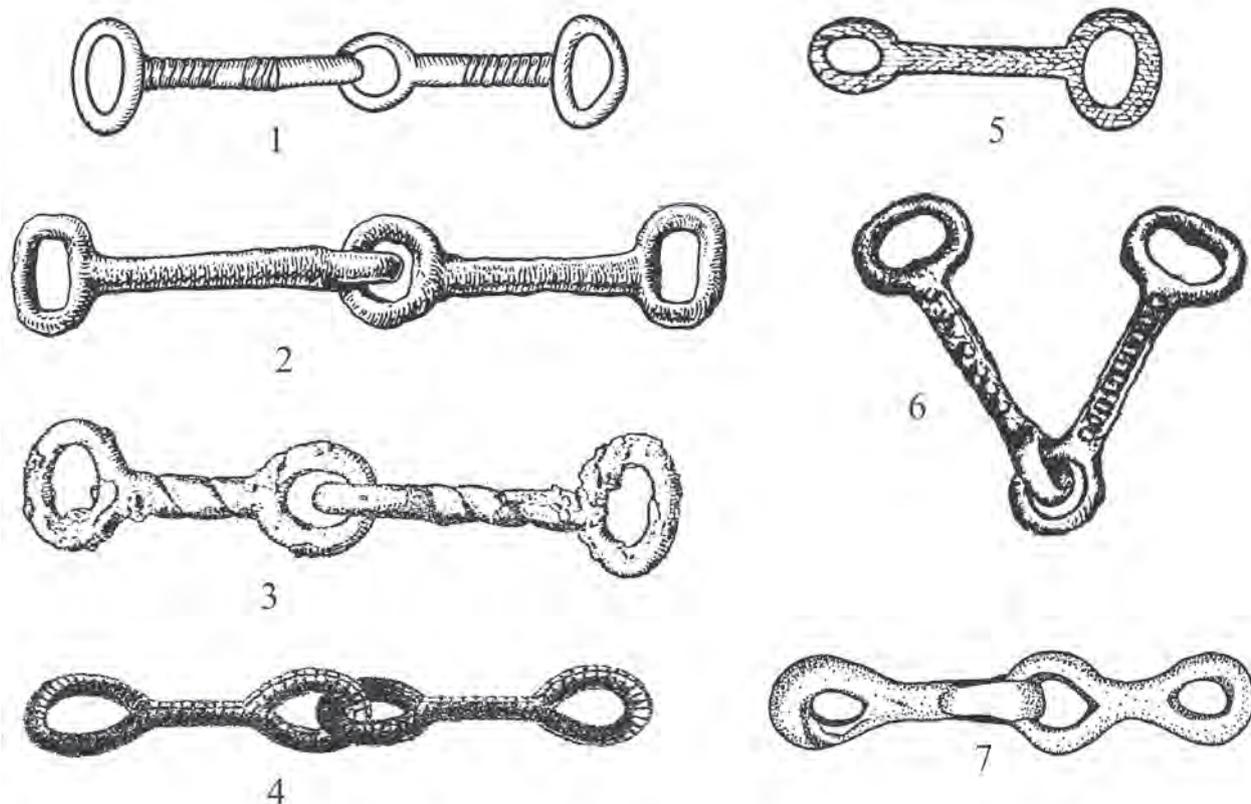

Рис. 14. Бронзовые удила с овальными окончаниями стержней: 1 – Кобань; 2 – Балабино; 3 – Штайнкирхен; 4 – Забори; 5 – Герменчик; 6 – Клин-Яр Ш; 7 – Батина.

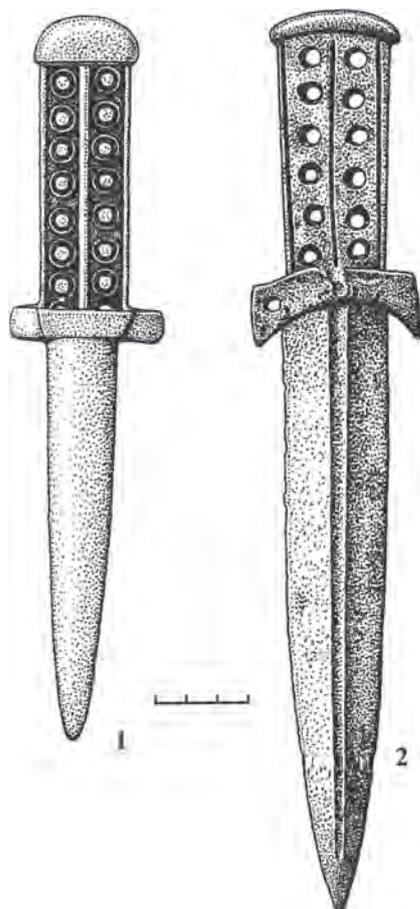

Рис. 15. Бронзовые кинжалы из Волго-Камья: 1 – Татарское Бурнашево (случайная находка); 2 – Измерский VII могильник (жертвенный комплекс) (по: Чижевский, 2012).

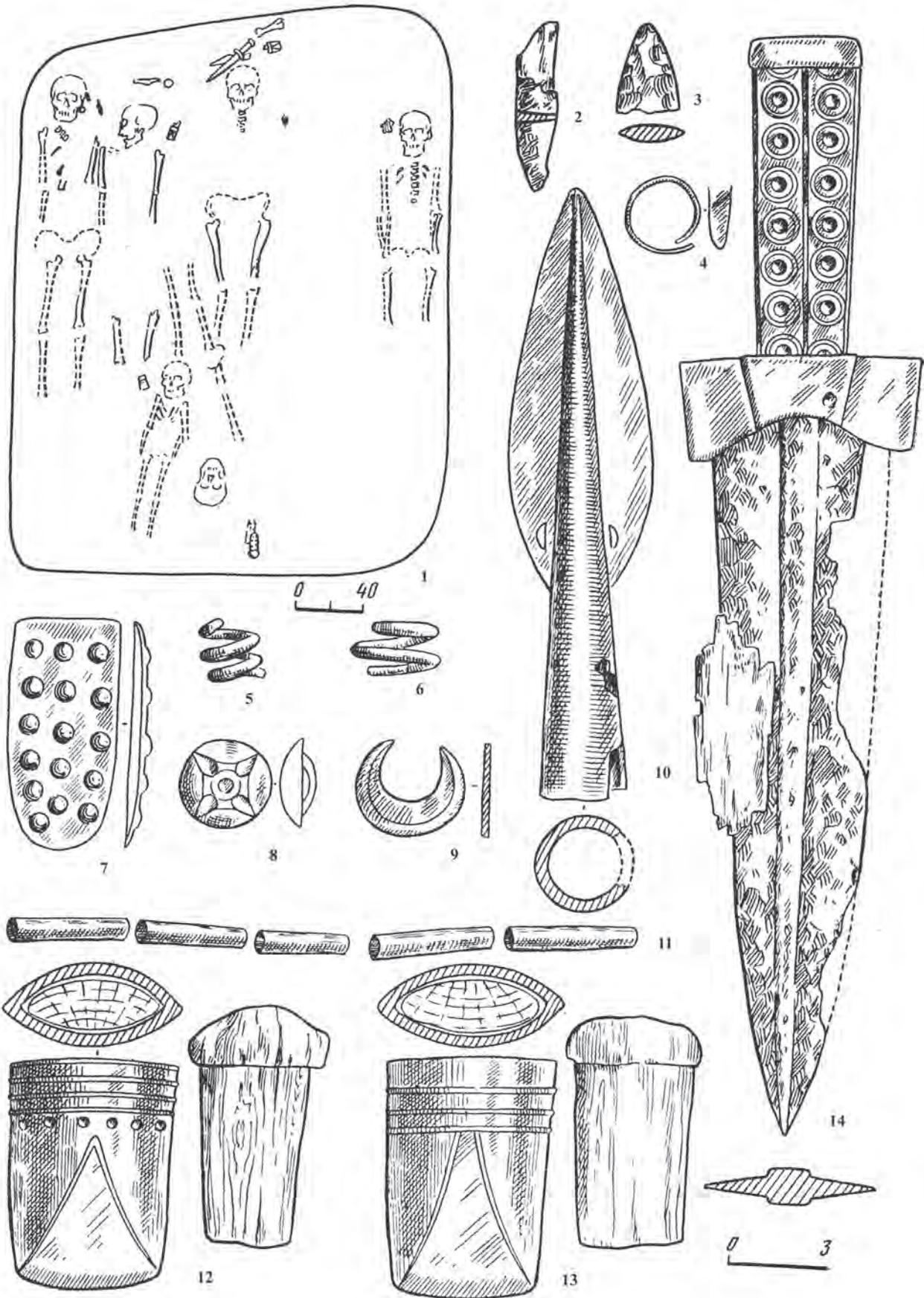

Рис. 16. Старший Ахмыловский могильник, п. 55 (по: Патрушев, Халиков, 1982).

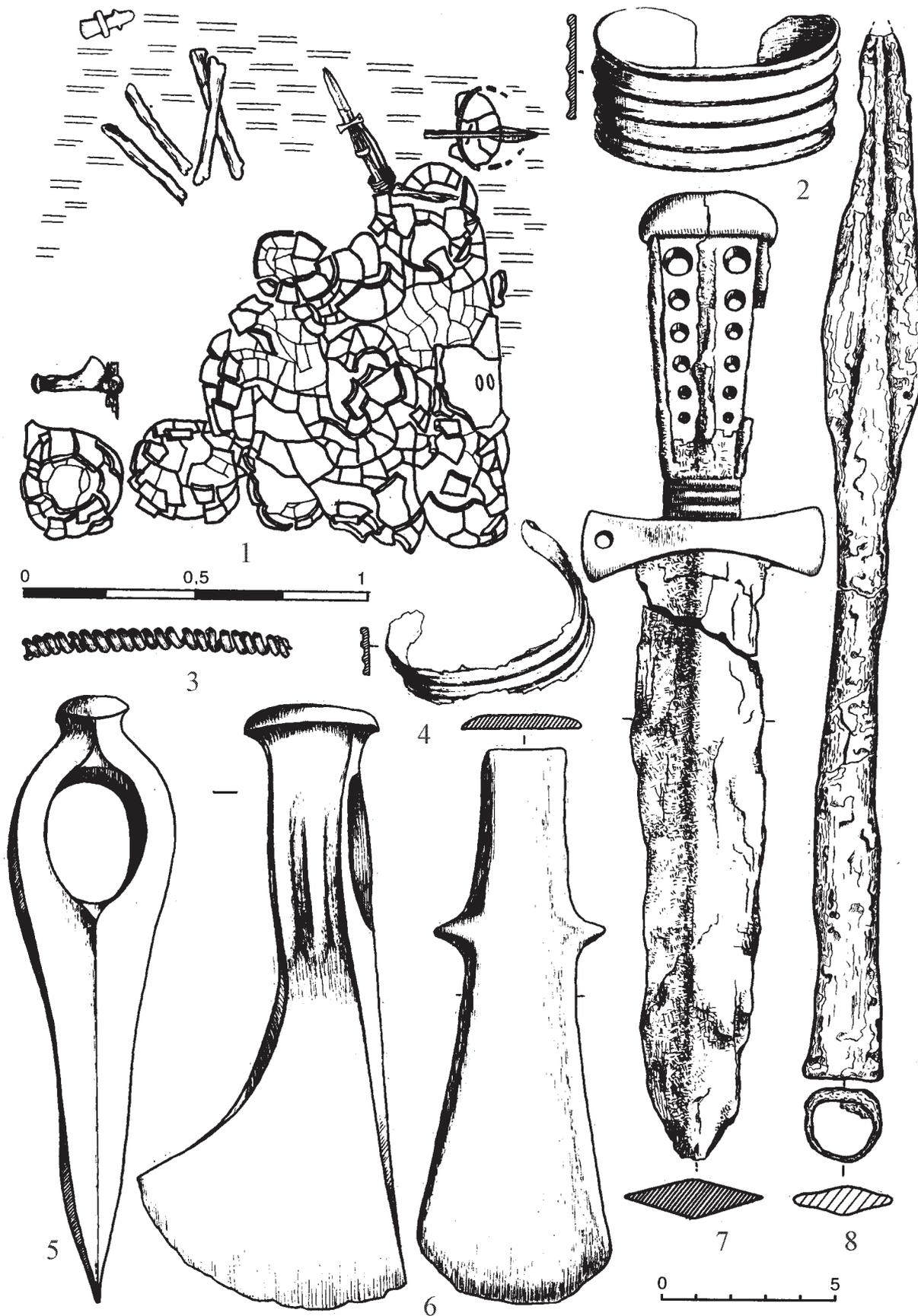

Рис. 17. Сержень-Юртовский могильник, п. 26 (по: Козенкова, 2002).

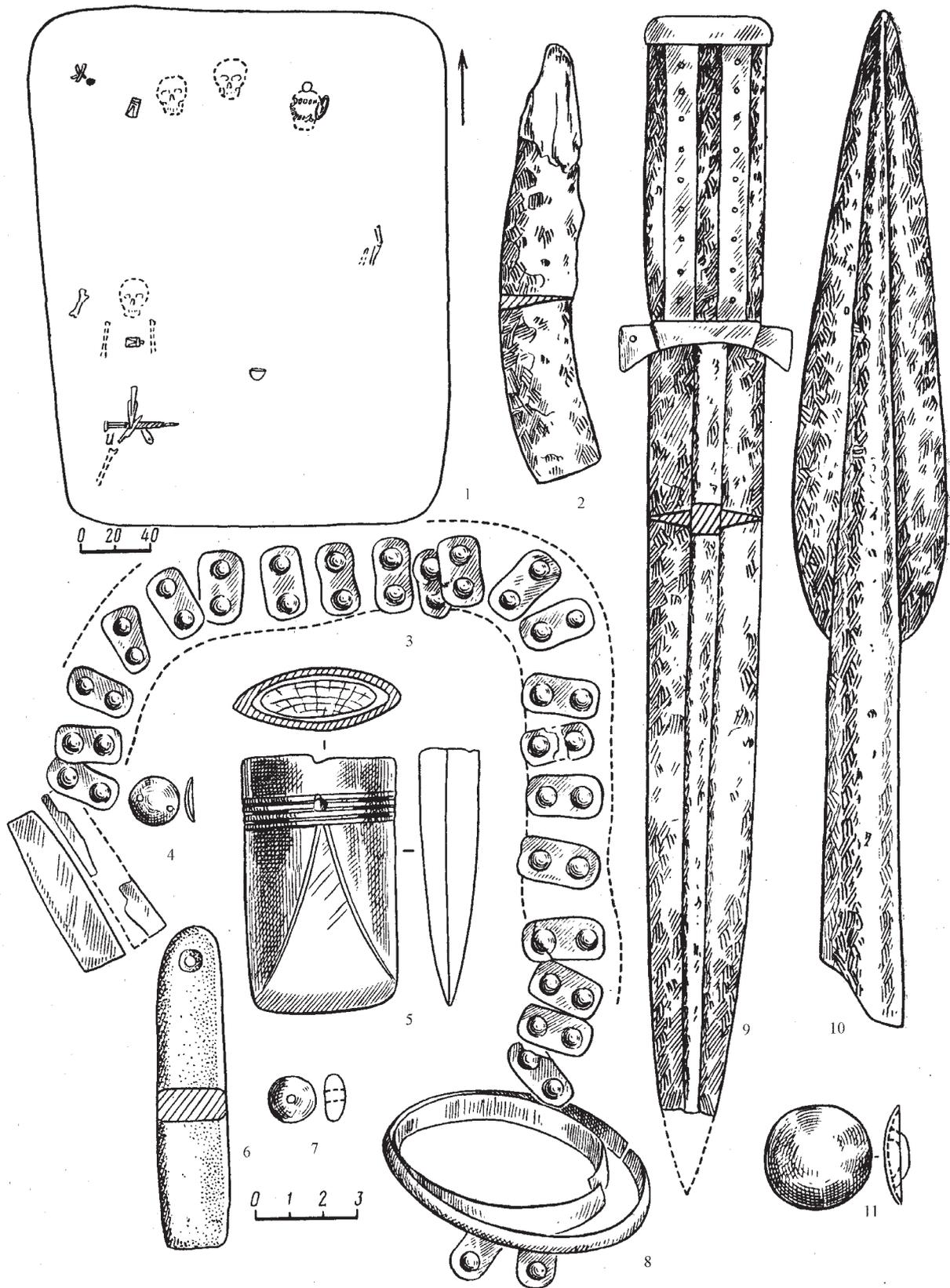

Рис. 18. Старший Ахмыловский могильник, п. 67 (по: Патрушев, Халиков, 1982).

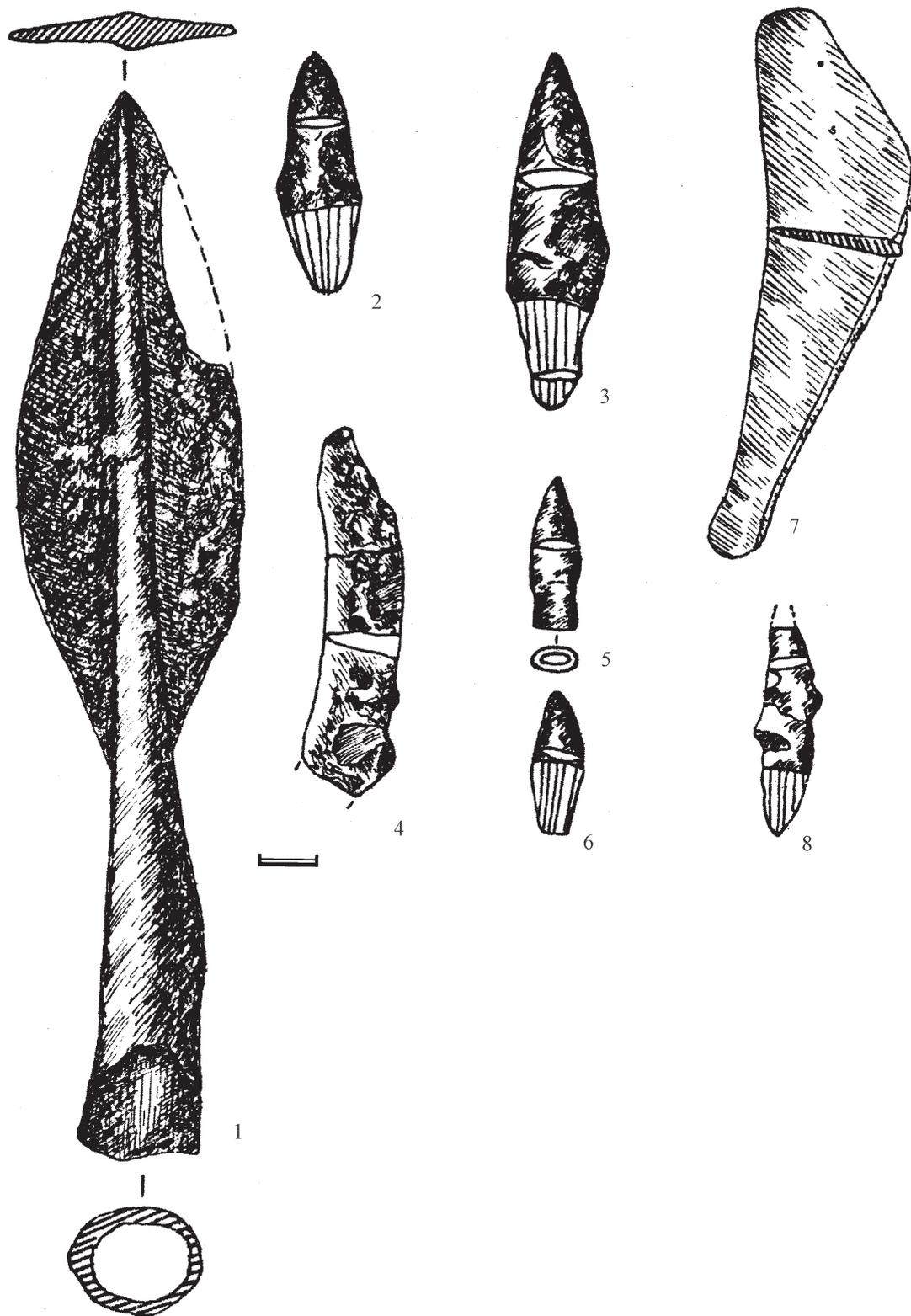

Рис. 19. Инвентарь погребения 4 могильника Мачты (по: Дудареву, Фоменко 1996).

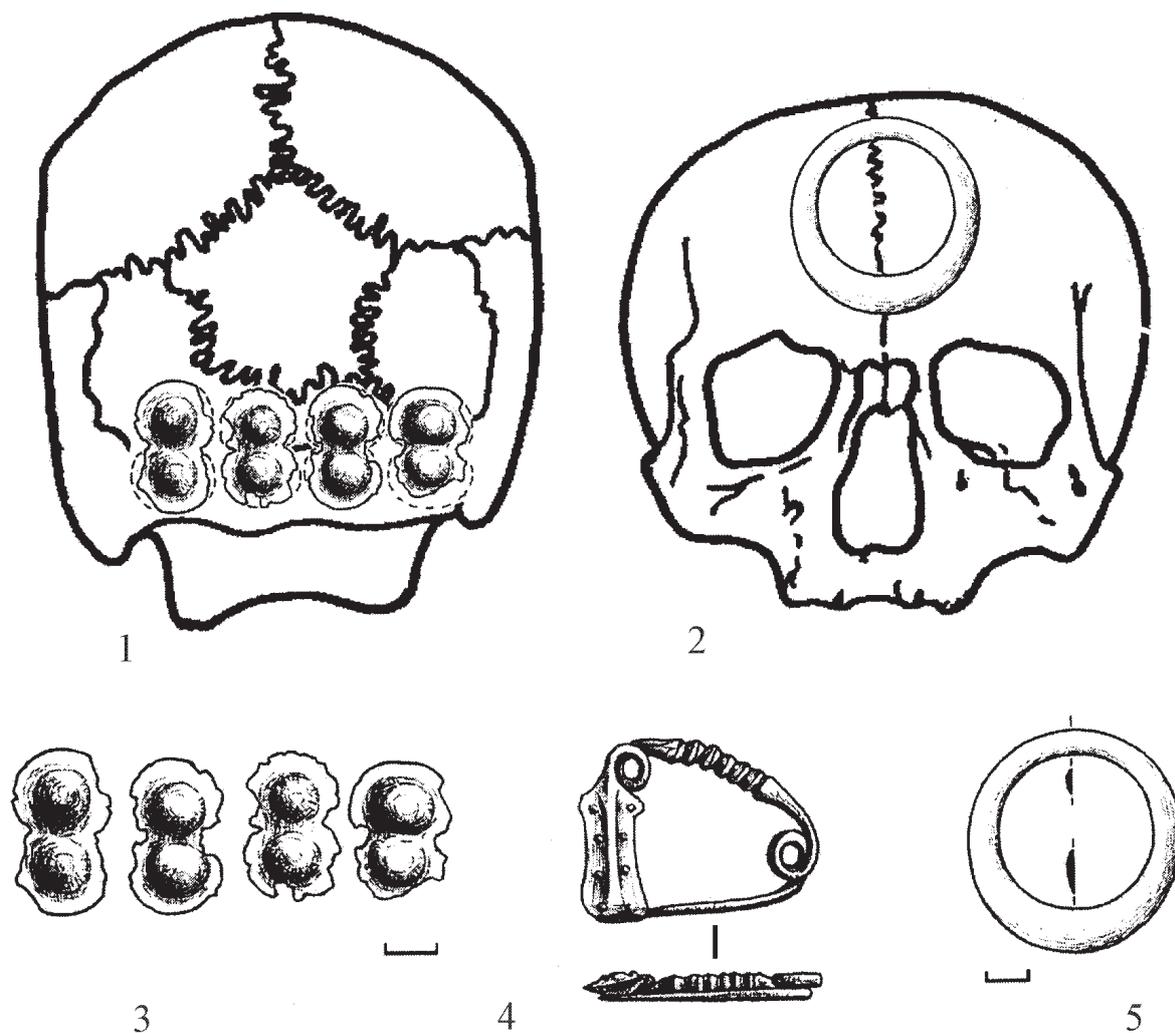

Рис. 20. Могильник Картал-Ш. п. 61 (по: Бруяко, 2008).

В этой связи следует упомянуть комплекс из п. 4 могильника Мачты на окраине Кисловодска. Выявленные там железные наконечники стрел – втульчатый и четыре черешковых с листовидным пером, имеющие наибольшее расширение в нижней части (Дударев, Фоменко 1996. С. 4, Рис. 2, 2–3, 5–6) (Рис. 19, 2, 3, 5, 6, 8) – не имеют параллелей в материалах РЖВ Предкавказья, и их аналогии обнаруживаются в раннеананьинских памятниках Среднего Поволжья, в частности, в комплексах Старшего Ахмыловского могильника (пп. 605, 613, 780 и др.), наиболее ранние из которых датируются VIII–VII вв. до н.э. (Халиков, 1977. С. 215, Рис. 79, 1–3; Патрушев, Халиков 1982. Табл. 92, бг, д; 93, 2а, в; 113, 2д)⁵.

⁵ Такая категория предметов вооружения, как бронзовые наконечники стрел «степных» предскифских типов, относится к числу редких находок в Среднем Поволжье: могильники

Находки из могильника Мачты, по справедливому замечанию авторов публикации, показывают, что направление северокавказско-поволжских связей в эпоху раннего железа не было односторонним (Дударев, Фоменко 1996. С. 5, 7). Однако предложенная ими датировка рассматриваемого захоронения VII–VI вв. до н.э. представляется явно завышенной. Сходство железных предкавказских черешковых листовидных наконечников с наиболее архаическим поволжским типом П, 1 (по классификации А.Х. Халикова), продолжающим традиции кремневых наконечников стрел, а также присутствие среди инвентаря п. 4 могильника Мачты бронзового ножа, представляющего собой позднюю разновидность “киммерийских” Мурзихинский (п. 143, 176); Тетюшский (п. 126) и др. (Халиков, 1977. С. 59, рис. 23, А, 5; Чижевский, 2008. С.153, рис. 32, 3, 9).

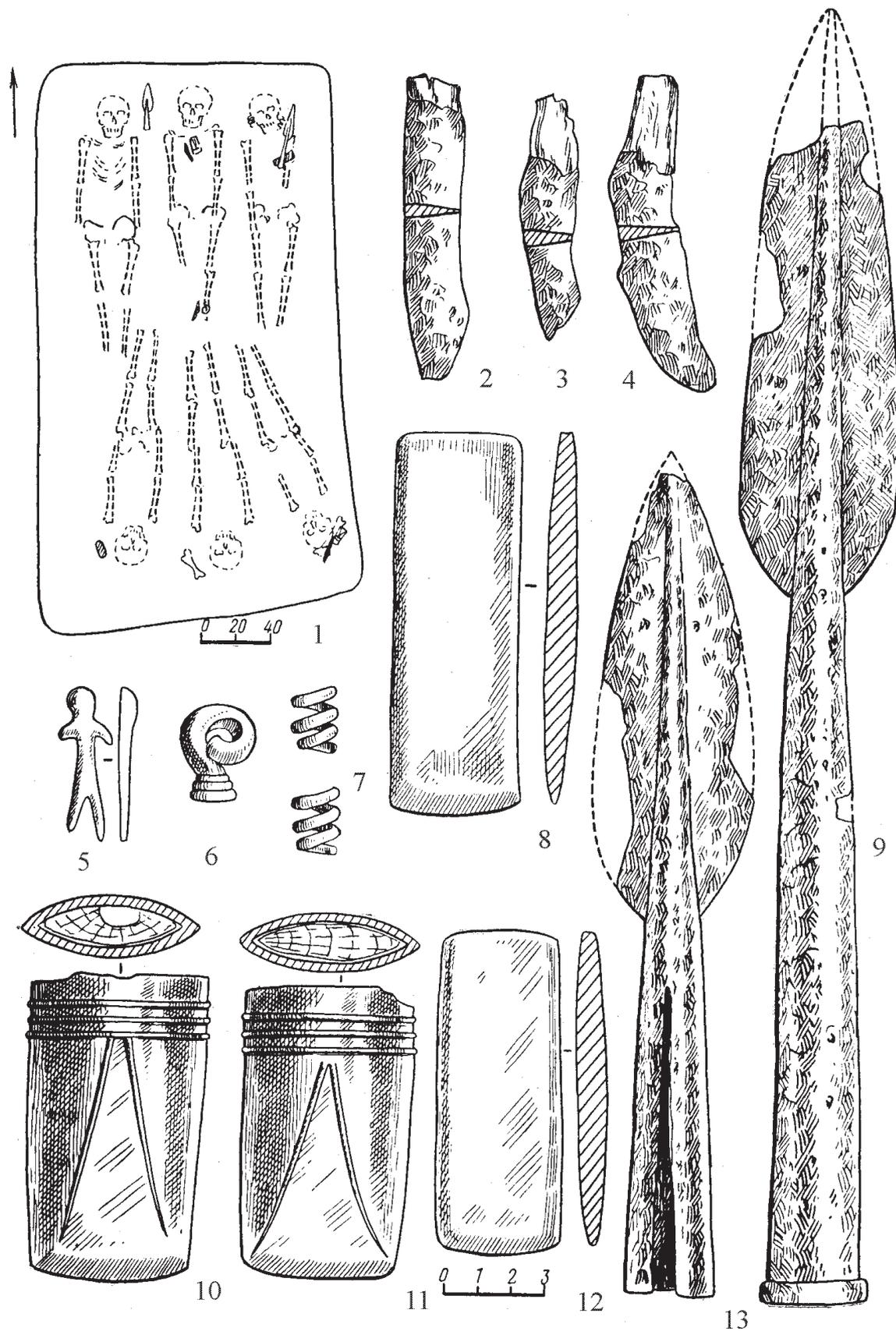

Рис. 21. Старший Ахмыловский могильник, п. 68 (по: Патрушев, Халиков, 1982).

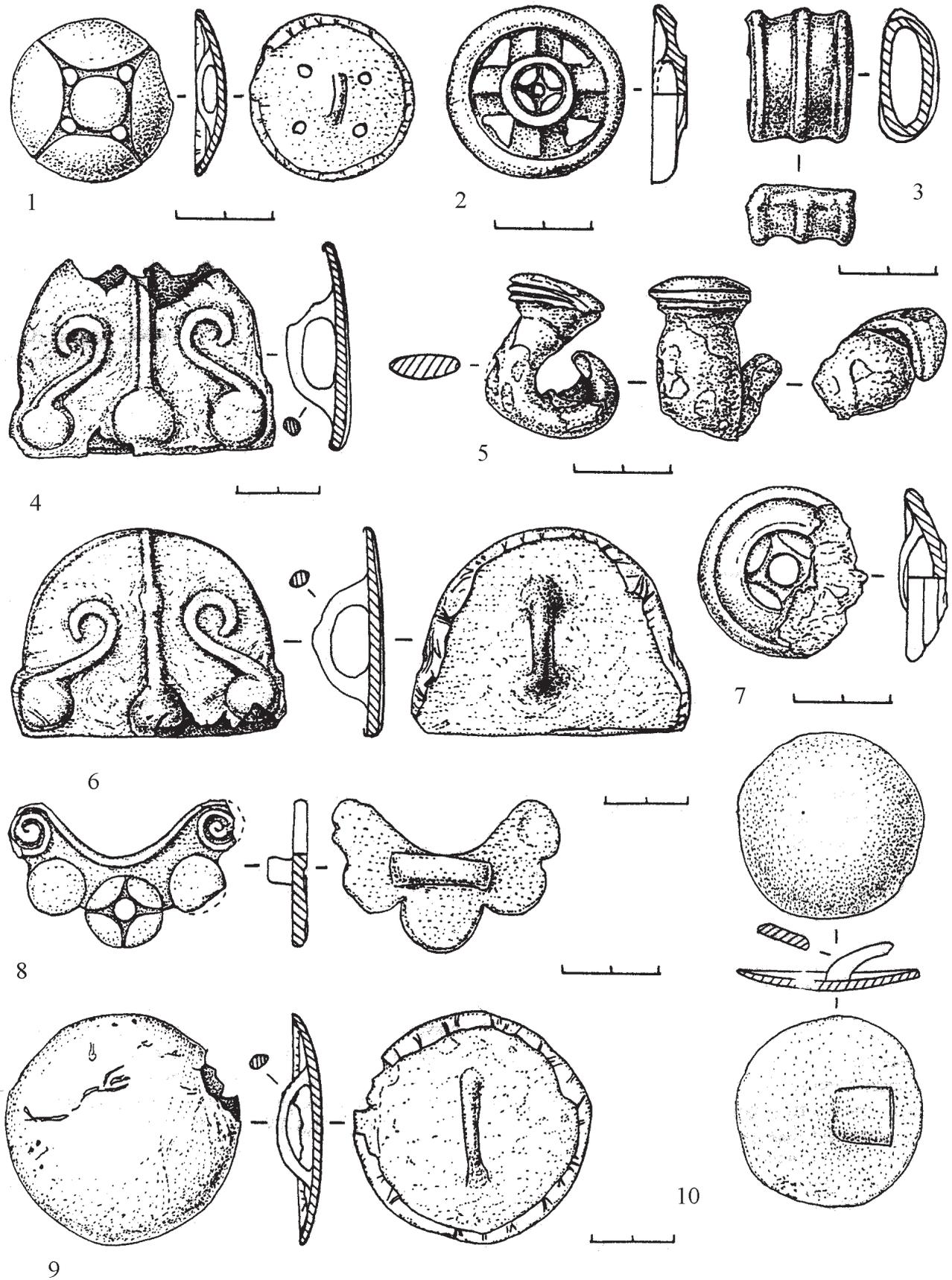

Рис. 22. Находки предскифского времени из фондов Краснодарского музея (по: Пьянков, Хачатурова, 1998).

ножей камышевахского типа, по моему мнению, позволяет датировать его, по меньшей мере, VIII–VII вв. до н.э.

О том, что культурные контакты между Волго-Камьем и южными областями Восточной Европы носили двусторонний характер (правда с уточнением, что импульсы, идущие с юга на север, по имеющимся археологическим материалам выглядят более заметными и разнообразными), может свидетельствовать и такая категория инвентаря, как бронзовые восьмерковидные бляшки или накладки, относящиеся, главным образом, к украшениям одежды. Эти предметы выявлены в целом ряде степных предскифских подкурганых захоронений на обширной территории между Волгой и Дунаем, а также в лесостепном Поднепровье и Поднестровье (Мелюкова, 1972. Рис. 5; Тереножкин, 1976. Рис. 57, 1–8; 61, 7; 62, 8, 9; Потапов, 1997. Рис. 1; Махортых, 2005. Рис. 29, 10–14).

Из недавних находок следует упомянуть п. 61 могильника Картал Ш на Нижнем Дунае, относящееся к VIII в. до н.э., где четыре бронзовые восьмерковидные бляшки располагались на затылочной части черепа вертикально вплотную друг к другу. Состав головного убора из этого захоронения дополняет крупное бронзовое кольцо, которое было обнаружено возле лобной части черепа и, вероятно, также было нашито на ленту (Бруяко, 2008. Рис. 2, 1–3) (рис. 20).

Возможно, новые исследования внесут коррективы в дискуссионный вопрос о месте происхождения и истоках предскифских восьмерковидных бляшек, но в настоящее время наиболее убедительной представляется точка зрения В.В. Потапова о том, что широкое распространение рассматриваемых украшений было связано с ранними кочевниками, заимствовавшими их у ананьинских племен (Потапов, 1997. С. 37).

Говоря об украшениях, следует упомянуть и бронзовую подвеску с гвоздевидной шляпкой и спирально изогнутым стержнем, покрытую золотой фольгой из п. 68 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982. Рис. 11, 1д) (Рис. 21, 6). Близкие височные подвески в виде закрученных “бараньих” рожек (золотые или бронзовые с золотой плакировкой поверхности) хорошо известны в киммерийских захоронениях Северного Причерноморья (Львово, п. 2, к. 14; Целинное, п. 3, к. 16; Чечелиевка, п. 8, к. 2 и др.). Они являются дополнительным аргументом

в пользу существования культурных контактов между этим регионом и Волго-Камьем в киммерийскую эпоху (Махортых 2005. С. 69, 70, 105, Рис. 73, 40; 79, 6, 7; 109, 2, 3; 153, 4, 5). Появившись в IX в. до н.э. (Львово), анализируемые изделия продолжали встречаться и в VIII в. до н.э. (Высокая Могила). Украшения из Старшего Ахмыловского могильника, а также из коллекции предметов предскифского времени, хранящихся в фондах Краснодарского музея, относятся к числу наиболее поздних подвесок рассматриваемого типа, суммарно датирующихся в пределах сер./или даже 2 пол. – кон. VIII в. до н.э. в случае, если последняя из упомянутых выше находок является частью единого археологического комплекса (Пьянков, Хачатурова, 1998. С. 10, Рис. 3, 6) (Рис. 22, 5). Помимо сопровождающего инвентаря, об этом свидетельствуют и типологические характеристики, отличающие эти изделия от предшествующих по времени украшений (менее изогнутый стержень подвески, оформление его расширяющегося основания тремя горизонтальными неглубокими нарезками или разновеликими рельефными поясками, отсутствие орнамента на плоскости шляпки).

Проведенный выше анализ археологических свидетельств о связях между экономическими и культурными центрами Волго-Камья и юга Восточной Европы позволил прийти к следующим выводам.

Южное направление контактов населения Волго-Камья функционировало на протяжении всей киммерийской эпохи (IX – начало VII вв. до н.э.). Для раннего предскифского периода более заметными были связи с кочевниками степной зоны юга Восточной Европы, тогда как впоследствии преобладающими становятся контакты с обитателями Северного Кавказа, причем пик этих взаимоотношений приходился на середину VIII – начало VII вв. до н.э. Следует подчеркнуть, что в Предкавказье находилось два основных центра распространения «киммерийских» влияний: в Закубанье и Кабардино-Пятигорье. Причем в первом случае население степной зоны принимало непосредственное и активное участие в формировании локализуемой там «протомеотской» группы памятников.

Среди импортных металлических предметов и их подражаний преобладающими являлись престижные разновидности изделий

(конское снаряжение и оружие), которые относятся к числу довольно надежных хроноиндикаторов, имеющих важное значение для уточнения возраста ранненаньинских памятников. Примечательно, что в отличие от исходных территорий степи и Кавказа заимствованные категории инвентаря (удила, псалии, предметы вооружения) в Волго-Камье, как правило, не встречались вместе в одних и тех же комплексах.

Культурные контакты между Волго-Камьем и южными областями Восточной Европы были двусторонними, хотя кавказско-поволжское их направление носило приоритетный характер.

Ранние кочевники (киммерийцы), контролировавшие степные пространства между Волгой и Дунаем, принимали участие в обменных операциях между Волго-Камьем и югом Восточной Европы, являясь одним из активных участников этого процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анфимов Н.В.* Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 196–198. (МИА. № 130)
- Бруяко И.В.* О костюме населения предскифской эпохи Северо-Западного Причерноморья // Revista Archeologica. 2008. Vol. IV. Nr. 2. С. 139–145.
- Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на юге Восточной Европы. М., 2009.
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А.* Ранние памятники черноголовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // ИАА. 1996. Вып. 2. С. 23–44.
- «Дикий Сад» археологический памятник XIII–IX вв. до н.э. – ровесник Трои. Николаев, 2007.
- Дударев С.Л.* Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.
- Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.
- Дударев С.Л., Фоменко В.А.* Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа. Армавир, 1996.
- Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. 1941. № 3. С. 7–50.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант. М., 1995. (САИ. Вып. В2-5)
- Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М., 2002.
- Колотухин В.А.* Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА. 1982. № 1. С. 105–119.
- Коренюк С.Н.* К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, №2. С. 265–270.
- Кузьминых С.В.* Кавказ и ананьинский мир // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: ТДНК. М., 1981. С. 78–79.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 29–39. (Серия «Археология евразийских степей. Вып. 8»)
- Ловпаче Н.Г.* Могильники в устье реки Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985. С. 16–64.
- Махортых С.В.* Пам'ятки типу Новочеркаського скарбу // Археологія. 1992. № 1. С. 23–30.
- Махортых С.В.* Определскифских шлемовидных бляхах // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 166–171.
- Махортых С.В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005.
- Мелюкова А.И.* О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. 1972. № 1. С. 57–72.

- Могилев О.Д.* Еволюція “орнаменту” на вудилах передкіфського часу півдня Східної Європи // *Археологія*. 2003. № 4. С. 32–39.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.
- Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени. Казань, 2011. (Серия «Археология Поволжья и Урала. Материалы и исследования. Вып. 2»)
- Потапов В.В.* Предкифские захоронения с восьмерковидными бляшками // *МИАР*. 1997. № 1. С. 35–39.
- Пьянков А. В., Хачатурова Е.А.* Комплекс деталей конской узды предкифского времени из фондов Краснодарского музея-заповедника // *ИАА*. 1998. Вып. 4. С. 4–11.
- Тереножкин А.И.* Киммерийцы. Киев, 1976.
- Руденко К.А.* Остров «Мурзиха» и его окрестности. Казань, 2002.
- Сазонов А.А.* Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-I // *Археология Адыгея*. Майкоп, 1995. С.84-107.
- Халиков А.Х.* Связи между Средней Волгой и Кавказом в конце бронзовой и начале железной эпох // *Дополнительные материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в СССР в 1964 г.*: ТД. Баку, 1965. С. 12–13.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М., 1977.
- Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.
- Черняков И.Т.* Киммерийские курганы близ устья Дуная // *Скифы и сарматы*. К., 1977. С. 29-36.
- Чижевский А.А.* Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках. Казань, 2008. (Серия «Археология евразийских степей. Вып. 5»)
- Чижевский А.А.* К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // *Российский археологический ежегодник*. 2012. № 2. С. 383–399.
- Boroffka N.* Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrenzenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen // *Eurasia Antiqua*. 1998. Bd. 4. S. 8–135.

СТЕПЬ И ЛЕСОСТЕПЬ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УРАЛА¹

Н.С. Савельев (Уфа), Л.Т. Яблонский (Москва)

Steppe and forest-steppe at the initial stage the early Sarmatian culture
of the Southern Urals

N.S. Savel'ev (Ufa), L.T. Yablonskiy (Moscow)

Под культурно-исторической областью (КИОб)² мы понимаем географический регион, в котором на определенном хронологическом срезе распространены сходные признаки материальной и духовной культуры населения, пусть и разноэтнического. Это признаки не этнической культуры, а признаки культуры этноса (дефиниции: Яблонский, 2000). С этой точки зрения понятия «культурно-историческая область» и «культурно-историческая общность» не только не являются синонимами (ср.: Канторович, Кузьминых, 2006. С. 14), но могут и вовсе не совпадать. Археологические материалы ранних кочевников и лесостепного населения Южного Урала наглядно свидетельствуют о вхождении их в единую Южно-Уральскую КИОб, сформировавшуюся на основе специфических ландшафтных характеристик региона под мощным кочевническим воздействием (ср.: Савельев, 2011а). Географически Южно-Уральская КИОб включает степные районы Западного Казахстана, Оренбургскую область, примыкающую восточную часть Самарской области, степную и лесостепную части Башкортостана и Челябинской области. В раннем железном веке здесь проходили сходные культурообразующие процессы, которые привели к формированию раннесарматской археологической культуры в степи, распространению в лесостепи кочевнической «вуали» и даже сложению здесь «сарматоидных» культурных образований.

Под культурно-хронологическим горизонтом (англ. – cultural horizon), далее – КХГ, мы понимаем географический регион, который значительно превышает размеры культурно-исторической области

и практически не имеет географических пределов. Специфика горизонта состоит в том, что на определенном хронологическом этапе (фазе) получают широкое распространение археологические артефакты или их комплексы, признаки духовной культуры (в т.ч. признаки погребального обряда и декоративно-прикладного искусства), которые и маркируют данный горизонт (англ. – horizon makers) или маркеры горизонта.

КХГ эпохи формирования и функционирования раннесарматской культуры Южно-Уральской КИОб («савроматский» КХГ, вторая половина VI–III вв. до н.э.) можно разделить на следующие хронологические фазы:

- Фаза «А» – вторая половина VI – середина V в. до н.э.
- Фаза «В» – вторая половина V – середина IV в. до н.э.
- Фаза «С» – середина IV – III в. до н.э.
- Фаза «D» – вторая половина III в. до н.э. – рубеж эр (выделена для лесостепной зоны Южного Приуралья).

В связи со значительными различиями между зауральской и приуральской частями региона в эпоху формирования и функционирования раннесарматской культуры ниже рассматривается только его западный фланг, т.е. собственно Южное Приуралье. С историко-географической точки зрения в понятие «Южное Приуралье» включается территория, ограниченная с востока Уральской горной страной и продолжающей ее к югу Мугоджарами, с юга – условной линией от кряжа Шошкакколь, расположенного на их южной оконечности, до оз. Челкар в Западном Казахстане. Западная граница южно-уральского региона проходит

¹ Части работы, написанные Л.Т. Яблонским, подготовлены при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00053.

² В отличие от сокращения КИО, которое часто применяется для аббревиатуры «Культурно-историческая общность».

от оз. Челкар к северу по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, конечная ее точка примерно соответствует району устья р. Белой. К лесостепной части Южного Приуралья, исходя из сказанного, относятся равнины к северу от водораздельных возвышенностей Общего Сырта и северо-востоку от облесенной Бугульминско-Белебеевской возвышенности.

В Южном Приуралье переходы от одного КХГ к другому не были одновременными в различных районах. Время такого перехода могло быть обусловлено спецификой этно-эволюционных или этно-трансформационных процессов и зависело от воздействия конкретных исторических и экологических факторов, обусловивших специфику и скорость локальных этногенезов.

Так, памятники *раннесакского КХГ* не представлены сегодня на территориях к западу и северу от Присарыкамышской дельты Амударьи, на Узбойском плато, Устюрте и в Южном Приуралье в целом. Иная ситуация сложилась в Южном Зауралье, где датировки целого ряда поселений «переходного» от эпохи бронзы типа заходят даже в VII в. до н.э., а могильники с типологически разнообразными погребальными сооружениями уверенно датируются VIII–VII вв. до н.э. и относятся к кругу памятников тасмолинской культуры Казахстана или, по мнению А.Д. Таирова, к особой «бобровско-тасмолинской» культуре Южного Зауралья.

По данным С.Ю. Гуцалова (2004. С. 115), в Южном Приуралье насчитывается не более 11 захоронений, которые можно более или менее уверенно датировать VII – первой половиной VI в. до н.э., а хорошо документированных памятников «переходного», по К.Ф. Смирнову (1964), типа (VIII–VII вв. до н.э.) нет вообще. При этом, по мнению А.Д. Таирова (2007. С. 257, 279), в Южном Приуралье к VIII – первой половине VI вв. до н.э. достаточно уверенно могут быть отнесены только четыре вводных погребения. Из всех погребений Южного Приуралья, датированных К.Ф. Смирновым VI в. до н.э. (1964. С. 39, 40), к первой половине этого столетия можно более или менее уверенно отнести погребение в основной могиле 5 кургана 1 урочища Лопасина у с. Любимовка. Все остальные погребения датируются второй половиной столетия или его концом.

Итак, до наступления фазы «А» степи Южного Приуралья на протяжении нескольких столетий после эпохи поздней

бронзы были практически безлюдными. Уже это обстоятельство позволяет с уверенностью говорить о том, что ранние кочевники появились здесь именно в результате миграции. В авангарде этих миграций выступали элитарные группы номадов, которые своими грандиозными погребальными сооружениями как бы «метили» вновь освоенные ими пастбища. Такие миграции отражают памятники Южного Приуралья фазы «А». Это могильники Илекшар, Кырык-Оба, Лебедевка в Западном Казахстане (Рис. 1). В степном Оренбуржье элитарные памятники ранних кочевников данной фазы отсутствуют, но отдельные захоронения, к ней относящиеся, известны по материалам могильников Покровка 1 и 2 (Рис. 2).

Говоря о лесостепи Южного Приуралья до наступления фазы «А», отметим, что на ее периферии, в горно-лесной зоне и островной Месягутовской лесостепи, продолжают существовать отдельные разрозненные группы позднемежовского населения (Гарустович, Савельев, 2004; Савельев, 2007), собственно же Приуральская лесостепь так же, как и степная зона, была практически полностью обезлюдившей. Единственным исключением здесь являются памятники культуры курмантау, носители которой, своим происхождением связанные с маклашеевской общностью Волго-Камья, примерно с VIII в. до н.э. начали продвигаться по долине р. Белая на юг. Самыми южными курмантаускими памятниками этого периода являются могильник Урняк и селище Куштау Западное около Стерлитамака (Сальников, 1967. С. 378–382).

Также для времени ранее середины – второй половины VI в. до н.э. в лесостепи Южного Приуралья отсутствуют памятники кочевнического облика. Можно только упомянуть серию случайных находок акинаков марычевского типа на западе рассматриваемого региона. По мнению исследователей, эти архаические кинжалы датируются концом VIII–VII в. до н.э. и имеют явно западное происхождение (Исмагил, Сунгатов, 2004).

Фаза «А» (Рис. 3, 4) в лесостепи Южного Приуралья характеризуется единичными проникновениями кочевников на север по т.н. «Демско-Бельскому степному коридору» (Чукраклы). Вероятно, что именно Южное Приуралье являлось путем переноса «сакско»-«савроматских» предметов материальной культуры (Рис. 3, 10–24) и

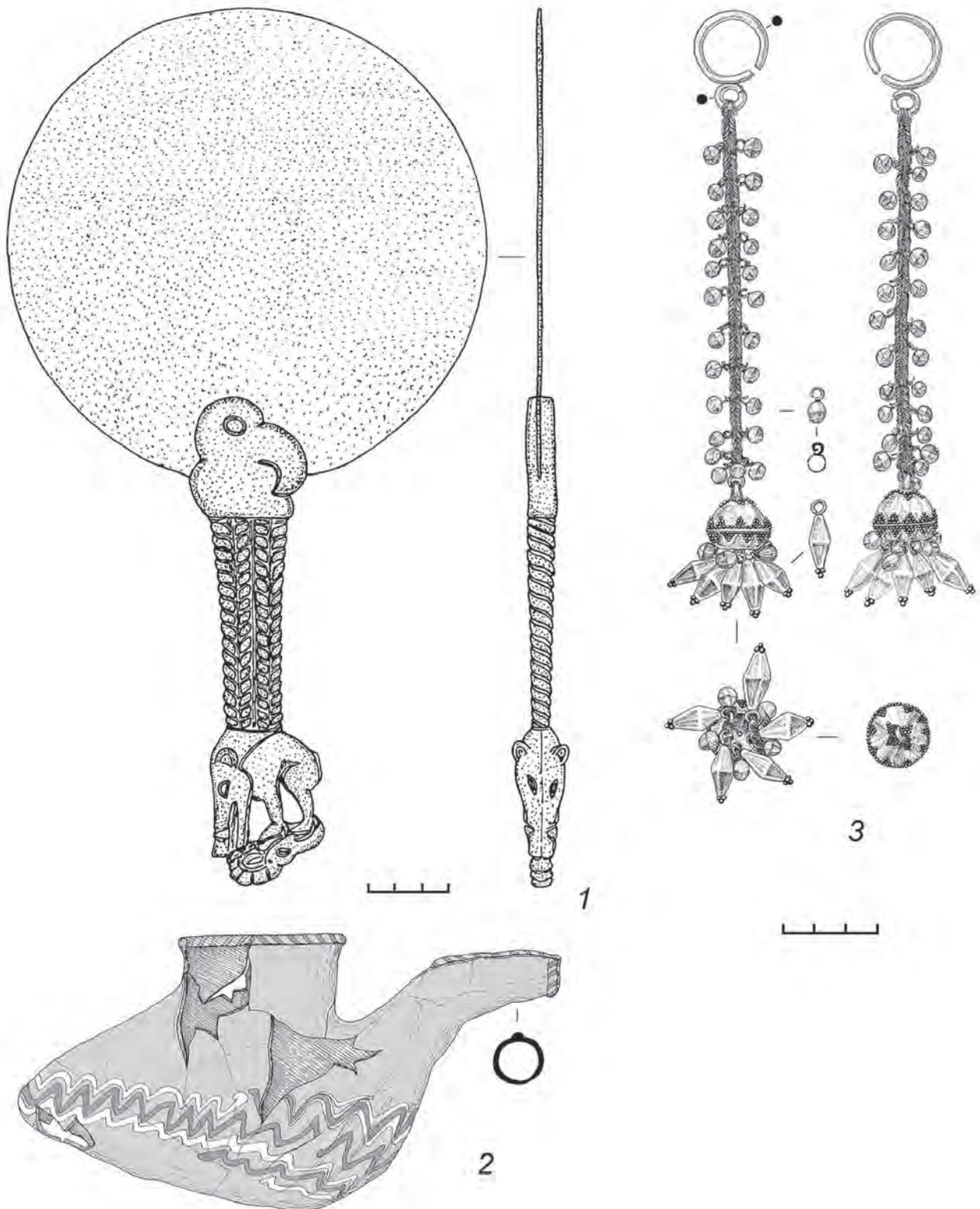

Рис. 1. Степь Южного Приуралья. Фаза «А». Могильник Лебедевка-II, курган 6, центральное погребение: 1 – бронзовое зеркало; 2 – стеклянный ритон; 3 – золотые серьги (по: Трейстер, Яблонский, 2012. Т. II. Рис. 26).

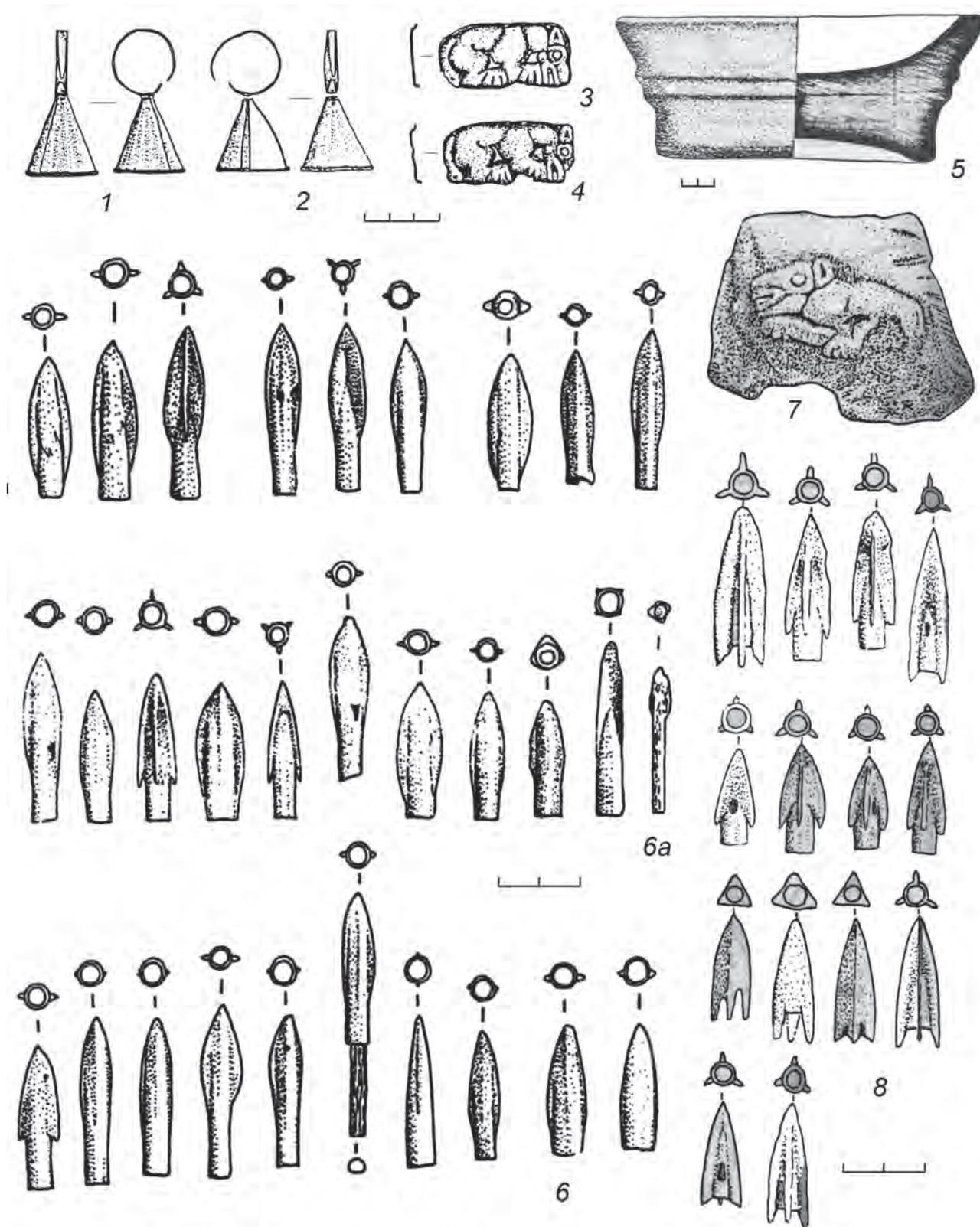

Рис. 2. Степь Южного Приуралья. Фаза «А»: 1-2 – подвески; 3-4 – нашивки; 5 – жертвенник; 6, 8 – наконечники стрел; 7 – бляха (1-4 – золото; 5 – камень; 6, 8 – бронза; 6a – железо; 7 – рог). 1-5 – могильник Покровка 2, курган 3, погребение 2 (по: Davis-Kimball, Yablonsky, 1995/1996); 6 – могильник Покровка 2, курган 17, погребение 1 (по: Яблонский и др., 1994. Рис. 82); 7-8 – могильник Покровка 1, курган 5, погребение 5 (по: Яблонский и др., 1994. Рис. 37).

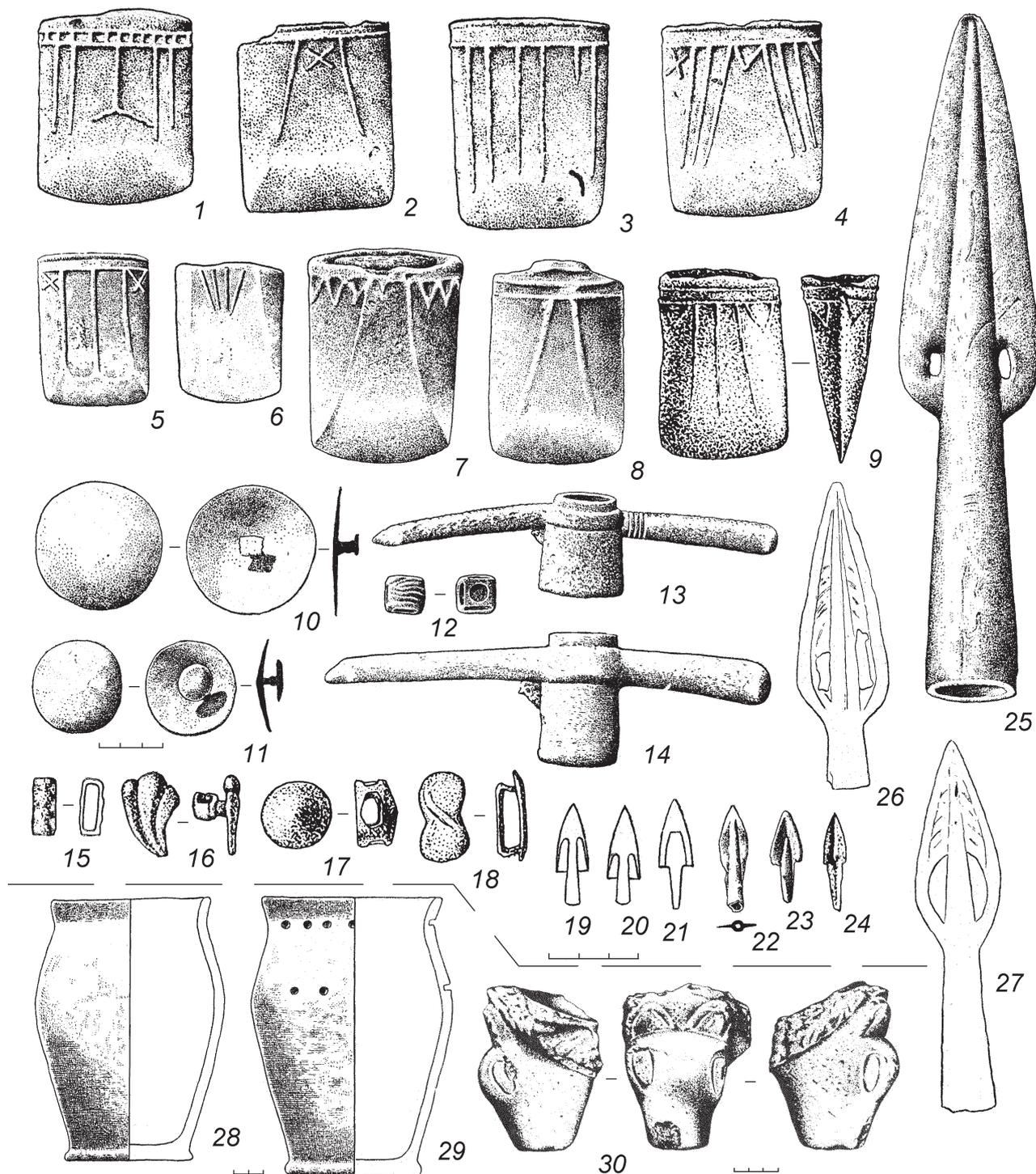

Рис. 3. Лесостепь Южного Приуралья. Фаза «А» (1-27 – ананьинский комплекс; 28-30 – кочевнический комплекс): 1-9 – топоры-кельты; 10-12, 16-17 – элементы конской сбруи; 15, 18 – поясные обоймы; 19, 20, 22 – втульчатые наконечники стрел; 21, 23, 24 – черешковые наконечники стрел; 25-27 – наконечники копий; 28-29 – сосуды; 30 – фрагмент жертвенника. (1-27 – бронза; 28-29 – глина; 30 – камень). 1-4, 19-21 – могильник Правая Белая (ул. Тракторная); 7-8, 12, 23, 25 – могильник Таш-Елга; 5, 14 – городище Кара-Абыз; 13 – Ново-Уфимский могильник; 26 – город Бирск; 6, 9-11, 15-18, 22, 24 – Старший Шиповский могильник; 27 – Усть-Айское поселение; 28-29 – Чукраклинский курган; 30 – поселение Кюнь II. Масштаб разный.

образцов звериного стиля на Среднюю Волгу и в Нижнее Прикамье, хотя содержание и конкретные формы этого процесса пока не вполне ясны. Возможно, именно с этим связано нахождение оформленной в зверином стиле ножки «савроматского жертвенника» (Рис. 3, 30) в заполнении курмантауского жилища на поселении Кюнь II в низовьях Белой (Федоров, 2000. Рис. 4, 1; Гарустович, Савельев, 2004. Прим. 8).

В течение фазы «А» в лесостепь Южного Приуралья по р. Белая с севера проникают две последовательные миграционные волны. Обе они связаны с ананьинской общностью Поволжья и Прикамья, но роль их в этнокультурной истории рассматриваемого региона оказывается совершенно различной. Первая связана с проникновением немногочисленного среднекамского населения – носителей сложношнуровой «раннеананьинской» керамики (Рис. 12, 1; также см.: Иванов, 1982. Рис. 6). Судя по наличию на ряде памятников (Бирское поселение, Касьяновская стоянка) смешанной курмантауско-сложношнуровой керамики (Васильев, Горбунов, 1975; Васильев и др., 1985), пришлые группы, не оставившие ни одного «чистого» памятника, в основной своей массе были ассимилированы местным курмантауским населением. Раннеананьинские могильники в Южном Приуралье не известны, комплекс материальной культуры в целостном виде также не известен, вероятно, он ничем не отличался от среднекамского того времени.

Вероятно, примерно в это время (предварительно вторая половина – конец VI в. до н.э.) начинается уход части курмантауского населения в горно-лесную зону Южного Урала – на северо-восток, в пределы таежного Уфимского плато (Пшеничнюк, 1973. С. 222, 224. Рис. 32), и на юго-восток, в верховья р. Белая, где оно продолжает существовать, по крайней мере, до начала второй половины I тыс. до н.э., керамика при этом становится сильно обедненной (Гарустович, Савельев, 2004; Савельев, 2004; 2010а. Табл. 1). Наличие на части курмантауских памятников горно-лесной зоны Южного Урала небольшой примеси сосудов с «остаточной» сложношнуровой орнаментацией (Акаваз, Акбулатово-2, Усть-Юрюзанская), несомненно, свидетельствует о том, что из приуральской лесостепи в горы уходило уже смешанное курмантауско-раннеананьинское население (Савельев, 2011в). Дальнейшее развитие в лесостепи

Южного Приуралья раннеананьинских традиций не прослеживается.

Вторая, более поздняя (примерно рубеж VI–V в. до н.э.) миграционная волна связана с продвижением вверх по течению р. Белая групп ананьинского населения из Приказанского Поволжья и приустьевой части Камы – носителей ямочно-насечково-гребенчатой керамики (Иванов, 2009), наследующих постмаклашеевскую линию развития, и, единично, – гребенчато-шнуровой керамики (Рис. 4, 17–19). Южная граница ареала этих памятников проходит в 100 км южнее г. Уфа, в районе горы Курмантау, где средневожскими ананьинцами был создан крупный металлургический центр (т.н. «Курмантаевское селище»).

Для Южного Приуралья ямочно-насечково-гребенчатая керамика (Рис. 4, 11–16) получила устойчивое, хотя и не вполне удачное наименование «раннекараабызская», т.к. именно она стала впоследствии основой сложения кара-абызских керамических комплексов (Иванов, 1978. С. 102, 103; Савельев, 2011б). По материалам поселения Акбердино-3, расположенного немного восточнее Уфы, недавно был зафиксирован факт взаимодействия носителей культуры курмантау (Рис. 4, 1–8) и «раннекараабызской» керамики (Рис. 4, 9, 10) при явном обеднении первой и трансформации последней (Савельев, 2010а). Наличие в этом же и ряде других комплексов (Касьяновское городище, Старший Шиповский могильник) иткульской керамики, сделанной в курмантауско-караабызских технологических традициях (Рис. 4, 20–23), свидетельствует, с одной стороны, о сложности ассимиляционных процессов в лесостепи Южного Приуралья на стадии формирования караабызской культуры, с другой – о проникновении по «трансуральской магистрали» в центральную часть приуральской лесостепи населения из горно-лесного Зауралья. Также на Охлебининском II городище найден фрагмент еще более восточной – воробьевской – керамики (Рис. 4, 24), основной ареал которой в бассейне р. Исеть в Зауральской лесостепи.

Оценивая близость степного и лесостепного «миров» Южного Приуралья на протяжении фазы «А» (вторая половина VI – середина V в. до н.э.), необходимо отметить, что в это время население обеих частей западного фланга рассматриваемой КИОб

было крайне немногочисленно и в целом не связано между собой (ср.: Овсянников, 2009). Кочевники, являвшиеся по отношению к Южному Уралу «восточными» мигрантами, начинали освоение степной зоны. Лесостепь же в это время была далекой юго-восточной периферией оседлого мира Волго-Камья, испытывавшего в середине I тыс. до н.э. сильное воздействие со стороны кочевого населения восточной части Евразийского пояса степей (см., например: Иванов, 1979. С. 77–79). На этом фоне особую значимость приобретают отдельные комплексы и находки (Рис. 3, 28–30), свидетельствующие не только о проникновении кочевников Южного Урала далеко на север в лесостепную зону (Чукраклы), но и, вероятно, об их воздействии на лесостепное население в ритуальной сфере (Кюнь II).

На протяжении фазы «В» центр элитарных могильников ранних кочевников степной зоны Южного Приуралья смещается на территорию Оренбуржья, в нижнее течение рек Орь и Илек, а также в районы юго-восточного Башкортостана, расположенные практически на границе Южного Зауралья и Южного Приуралья. Судя по имеющимся данным, новые элементы погребального обряда формировались одновременно на обширной территории Южного Зауралья, Южного Приуралья, Устюрта и Западного Казахстана (ср.: Таиров, 1998. С. 92).

Формирование кочевнического погребального обряда этой фазы не связано, на наш взгляд, с внешними миграциями и является следствием процессов этноэволюционных, которые были обусловлены социально-экономическим развитием социальных общностей и контактами их с другими группировками и приводили, главным образом, к изменению лишь некоторых элементов материальной и духовной культуры. Мы полагаем, что типологически могильники типа Филипповка I и Переволочан можно относить уже к раннесарматской археологической культуре (Рис. 5–7), т.е. ко времени вероятного формирования этнического самосознания предполагаемых археологических ранних сарматов. В этот период, наряду с элитарными могильниками (Покровка раскопок И.А. Кастанье, Пятимары, Новый Кумак, Березки), появляются и рядовые – в некрополях Покровка 1, 2, 10, Лебедевке, Прохоровке и на Устюрте (могильник Каскажол). Таким образом, мы солидаризируемся с мнением

А.Х. Пшеничнюка о «целесообразности рассматривать памятники савроматской и раннесарматской культур Южного Урала конца VI–III вв. до н.э. как единую культуру ранних кочевников» (Пшеничнюк, 1995. С. 96).

Археологические соображения подкрепляются и со стороны данных палеоантропологии. Для этого времени можно с достаточной надежностью говорить о присутствии здесь антропологического типа «древних восточных европеоидов», который характеризовался высокой степенью краниологического полиморфизма вследствие интенсивных миграций локальных популяций в пределах Волго-Уральской КИОб в VI–II вв. до н.э. (Балабанова, 2000).

Период второй половины V – середины IV в. до н.э. (фаза «В») для лесостепной зоны Южного Приуралья характеризуется активизацией проникновения кочевников, в результате чего их погребальные памятники, хотя и не очень многочисленные (Леканды, Асавбашево, Ново-Мусино и др.), распространяются по всей южной части «Демско-Бельского степного коридора» (Овсянников, 2009. Рис. 2), т.е. между восточной оконечностью Бугульминско-Белебеевской возвышенности, левым берегом р. Белая, не доходя до устья р. Уфа на севере примерно на 70–100 км. Это наглядно подтверждается возросшим количеством случайных находок кочевнических мечей и кинжалов на данной территории (Исмагилов, 2001). Также в это время начинается освоение кочевниками узкой полосы предгорной лесостепи по правобережью р. Белая (Береговка) и продолжается дальнейшее функционирование металлургического комплекса на горе Курмантау, причем многие находки с него и других рядом расположенных памятников имеют ярко выраженный кочевнический облик (Рис. 11).

Ближе к концу фазы «В» фиксируется оседание части приуральских кочевников – носителей «талковой» керамики (Рис. 8) в этом районе (городища Табынское, Воскресенское, Касьяновское, Курмантаевское), что привело к началу формирования смешанного гафурийского комплекса (Рис. 9, 10), в котором доминирующее положение занимал именно кочевнический («раннесарматский») компонент (Савельев, 2008а). Судя по представительным материалам Табынского городища, кочевническая керамика в среде местного лесостепного населения

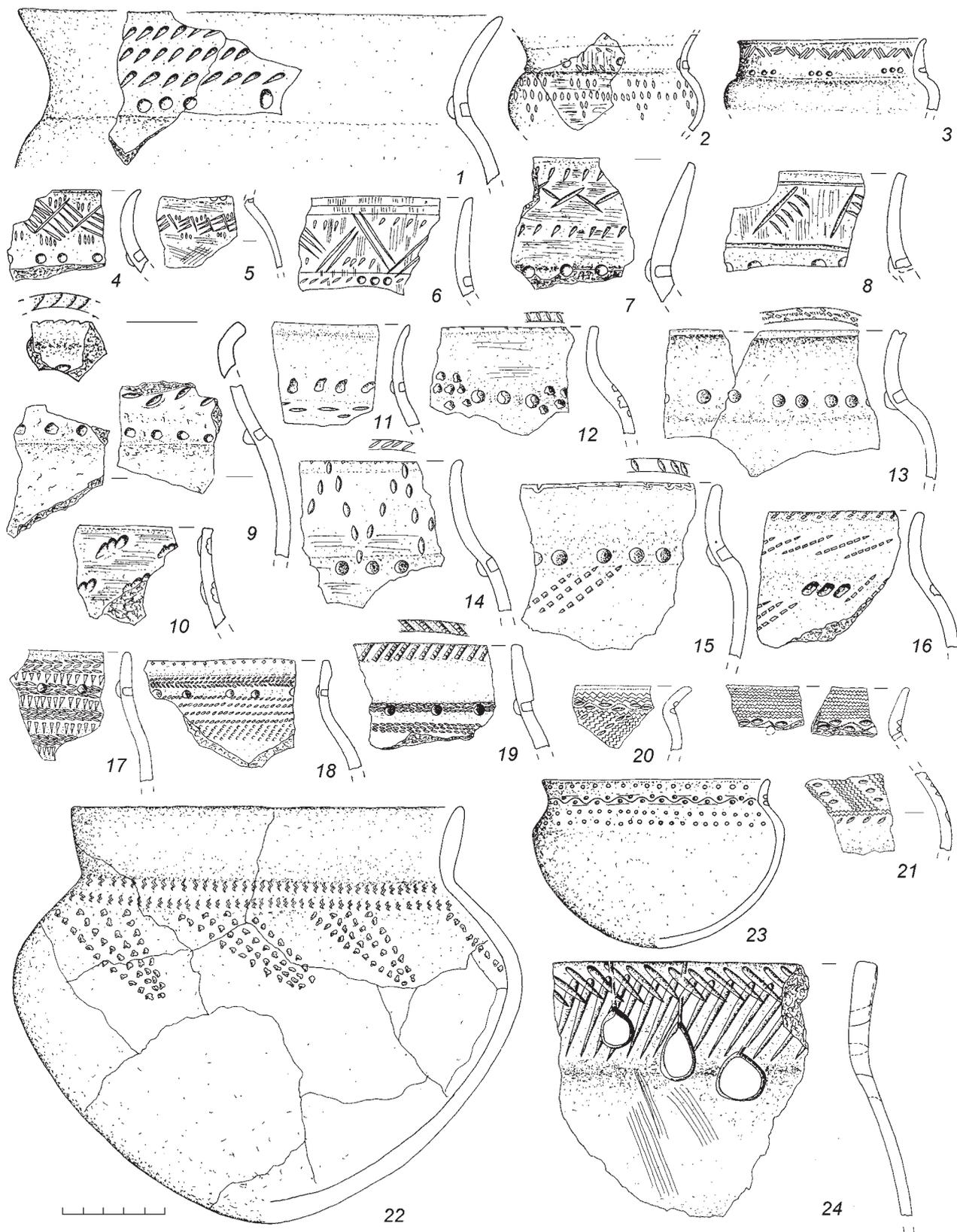

Рис. 4. Лесостепь Южного Приуралья. Керамика. Фаза «А»: 1-8 – курмантауская культура; 9-16 – постмаклашеевский («раннекараабызский») комплекс; 17-19 – ананьинский гребенчато-шнуровой комплекс; 20-23 – иткульская культура; 24 – воробьевский тип (1-10, 17, 20, 21 – поселение Акбердино-4; 11-15, 18 – Черниковское селище; 16 – Биктимировское городище; 19 – Курмантаевское селище; 22 – Касьяновское городище; 23 – Старший Шиповский могильник; 24 – Охлебининское II городище).

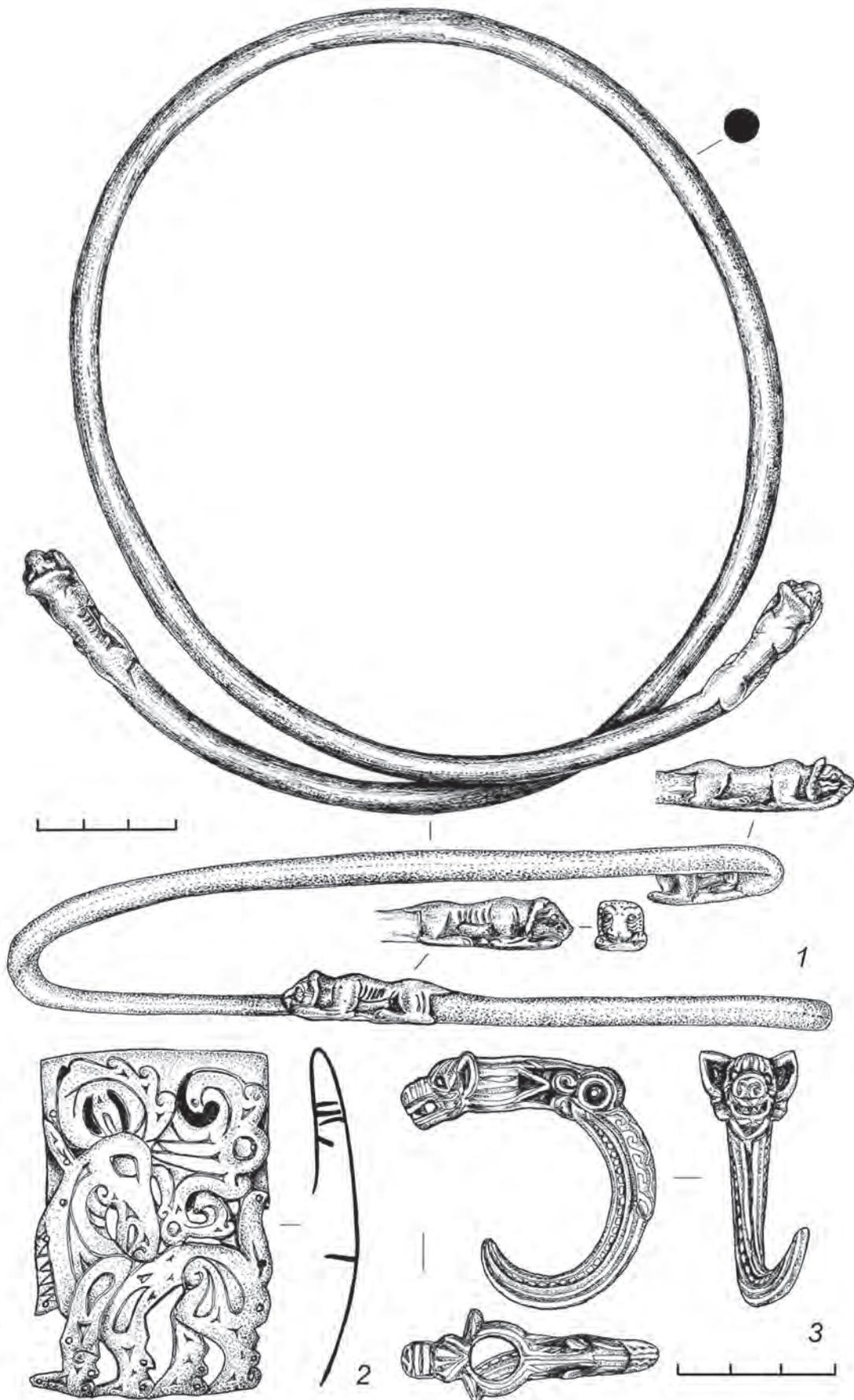

Рис. 5. Степь Южного Приуралья. Фаза «В». Могильник Филипповка-1. Курган 4. Погребение 3: 1 – золотая гривна; 2 – золотая обойма на венчик сосуда; 3 – серебряный колчанный крюк (по: Трейстер, Яблонский, 2012. Т. II. Рис. 67; 74).

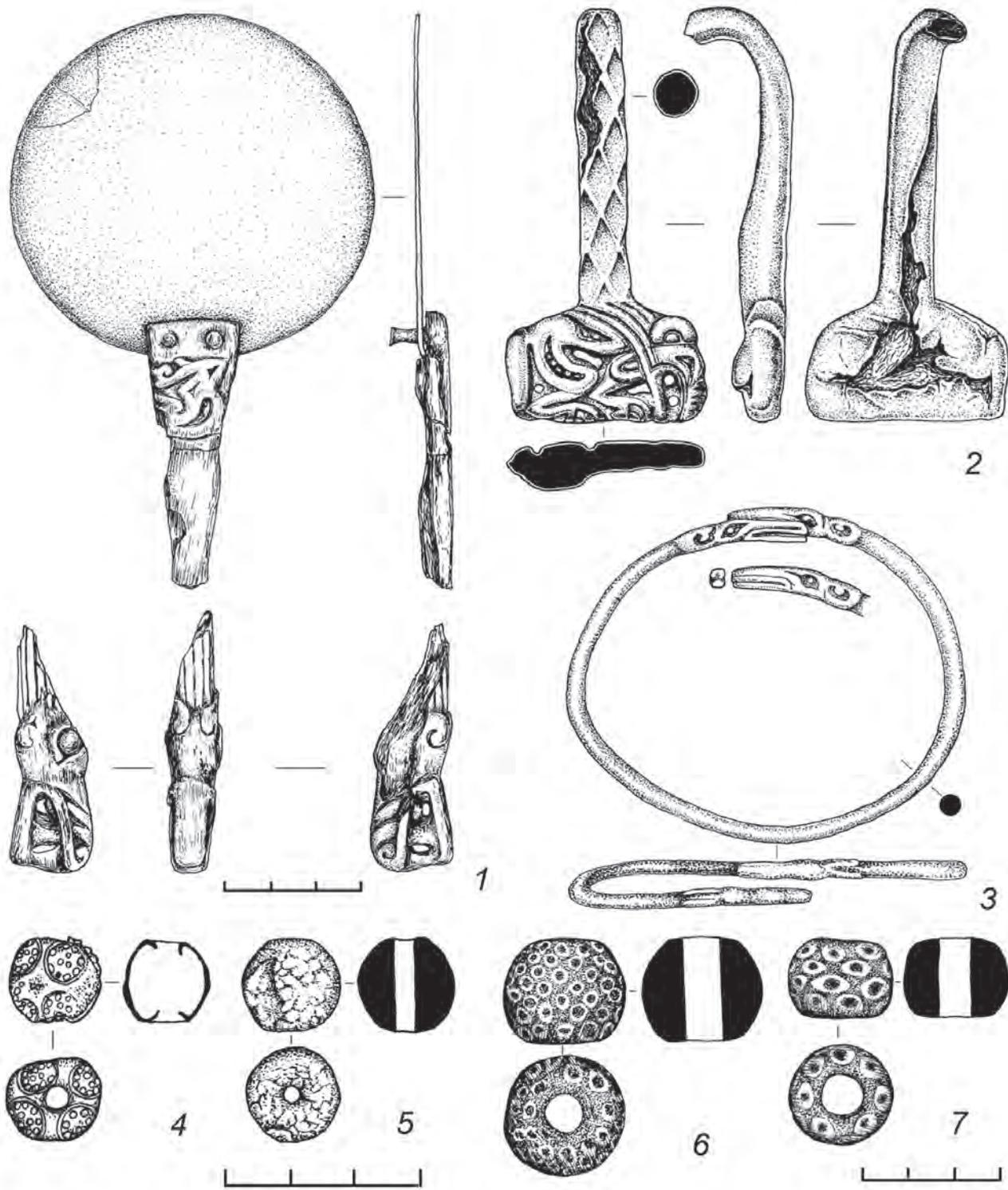

Рис. 6. Степь Южного Приуралья. Фаза «В». Могильник Филипповка-1. Курган 4. Погребение 4: 1 – бронзовое зеркало с костяной ручкой; 2 – железный колчаный крюк, обернутый золотой фольгой; 3 – золотой браслет; 4 – золотая обкладка бусины; 5-7 – пастовые бусы (по: Трейстер, Яблонский, 2012. Т. II. Рис. 79).

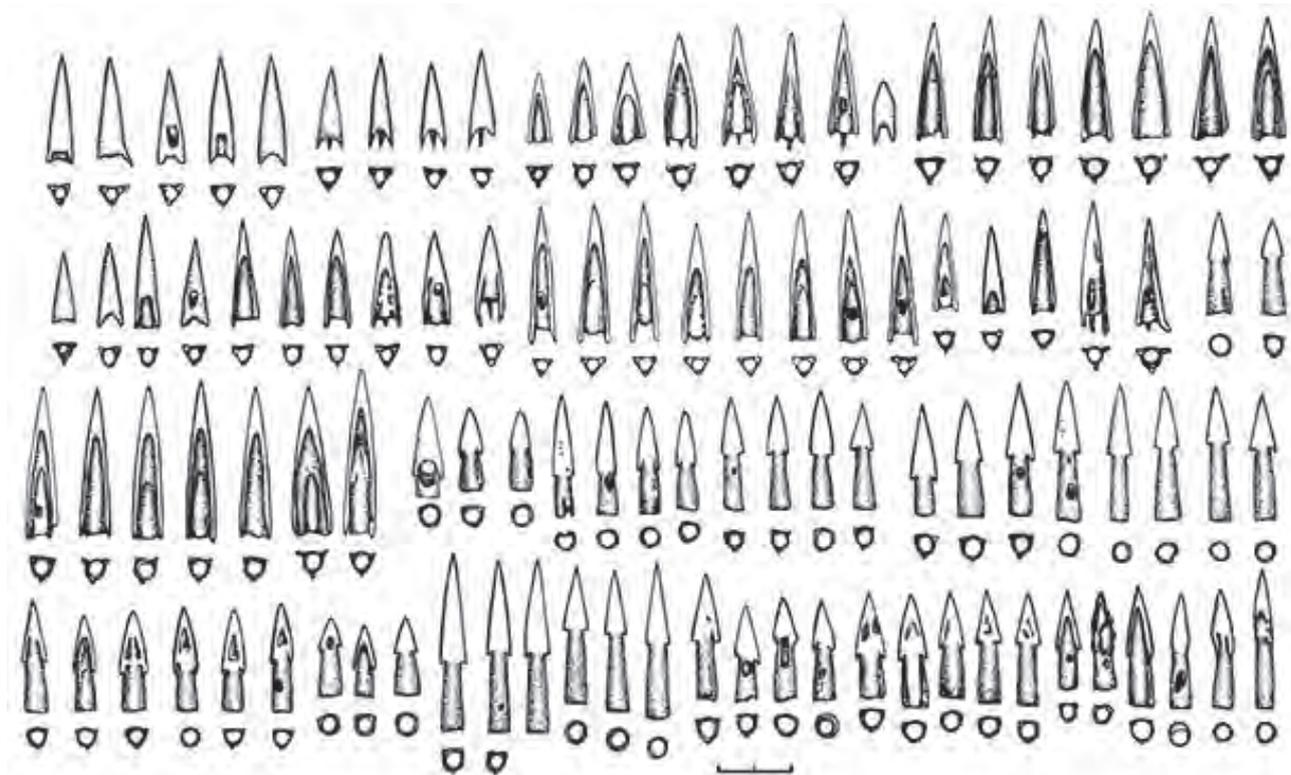

Рис. 7. Степь Южного Приуралья. Фаза «В». Могильник Филипповка-1. Курган 26. Погребение 1. Бронзовые наконечники стрел (раскопки Л.Т. Яблонского).

за достаточно короткое время сильно трансформировалась (Рис. 10, 3, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 15–17), положив начало собственно гафурийскому комплексу, одной из характерных черт которого впоследствии стали крупные т.н. колоколовидно-котловидные сосуды (Рис. 15, 1–3; 20, 1).

К сожалению, до сих пор в зоне первоначального тесного контакта раннесарматского и лесостепного населения (микрорайон Курмантау–Табынск) не известны могильники осевшей части кочевников, а поселенческие памятники дают, за редким исключением, только многочисленную керамику. С одной стороны, это не позволяет наглядно представить весь комплекс материальной культуры данной периферийной части раннесарматского мира, а с другой – близость, если не идентичность, керамических комплексов позволяет вполне обоснованно говорить о принадлежности оседавших в среде лесостепного населения кочевников к кругу таких памятников, как Филипповка 1, Переволочан, Пятимары, ранняя часть Прохоровки и т.д. Ближайшим к микрорайону Курмантау–Табынск исследованным памятником этого времени является могильник

Леканды (Пшеничнюк, 1983. С. 14–17. Табл. VII, VIII), расположенный всего в 6–7 км к западу от горы Курмантау на противоположном левом берегу р. Белая.

Несколько ранее, в конце V – начале IV в. до н.э., из Прикамья, также по долине Белой, начинается проникновение относительно многочисленного ананьинского населения – носителей «поздней» шнуровой керамики и его быстрая ассимиляция в «раннекараабызской» среде, что достаточно хорошо зафиксировано на материалах Биктимировского городища (Рис. 12) (Савельев, 2011б). Какие-либо прочие контакты «поздних шнуровиков» в лесостепи Южного Приуралья (с носителями курмантауских, гребенчато-шнуровых ананьинских или иткульских традиций) к настоящему времени не фиксируются. Вероятно, это связано исключительно с тем, что к моменту проникновения в среднее течение р. Белая этой миграционной волны ассимиляционные процессы на данной территории достигли максимального развития, и шли они исключительно под доминантным воздействием постмаклашевских ананьинских стереотипов.

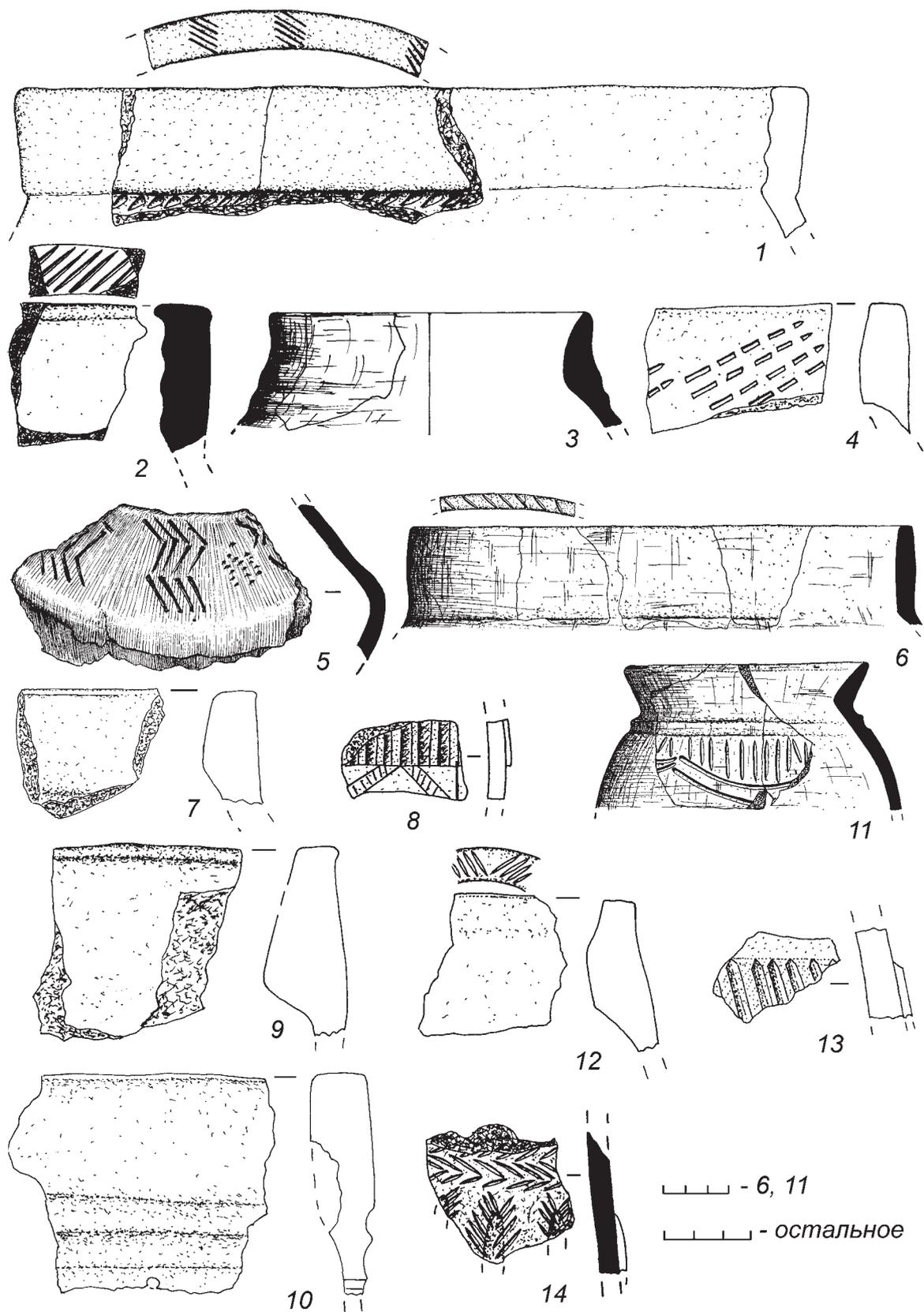

Рис. 8. Керамика ранних кочевников Южного Урала (поселения). Фаза «В»: 1 – стоянка Юмаш-тау-6 (2002); 2 – поселение Баишево-26 (1996); 3-4 – поселение Улак-2 (1996, 2003); 5 – Новобайрамгуловское поселение (2000); 6 – стоянка Ташла Левобережная (1997); 7 – поселение Банное-5 (2004); 8 – поселение Сабакты-3/5 (2005); 9-10 – местонахождение на р. Кююргаза (2005); 11 – местонахождение на р. Крепостной Зилаир (1990-е); 12 – стоянка Акбулатово-2 (1958); 13 – стоянка Ново-Акбулатово III (1958); 14 – Ташмуруновский грот (2000). 1-8 – Южное Зауралье; 9-10 – Южное Приуралье; 11-14 – горно-лесная зона Южного Урала.

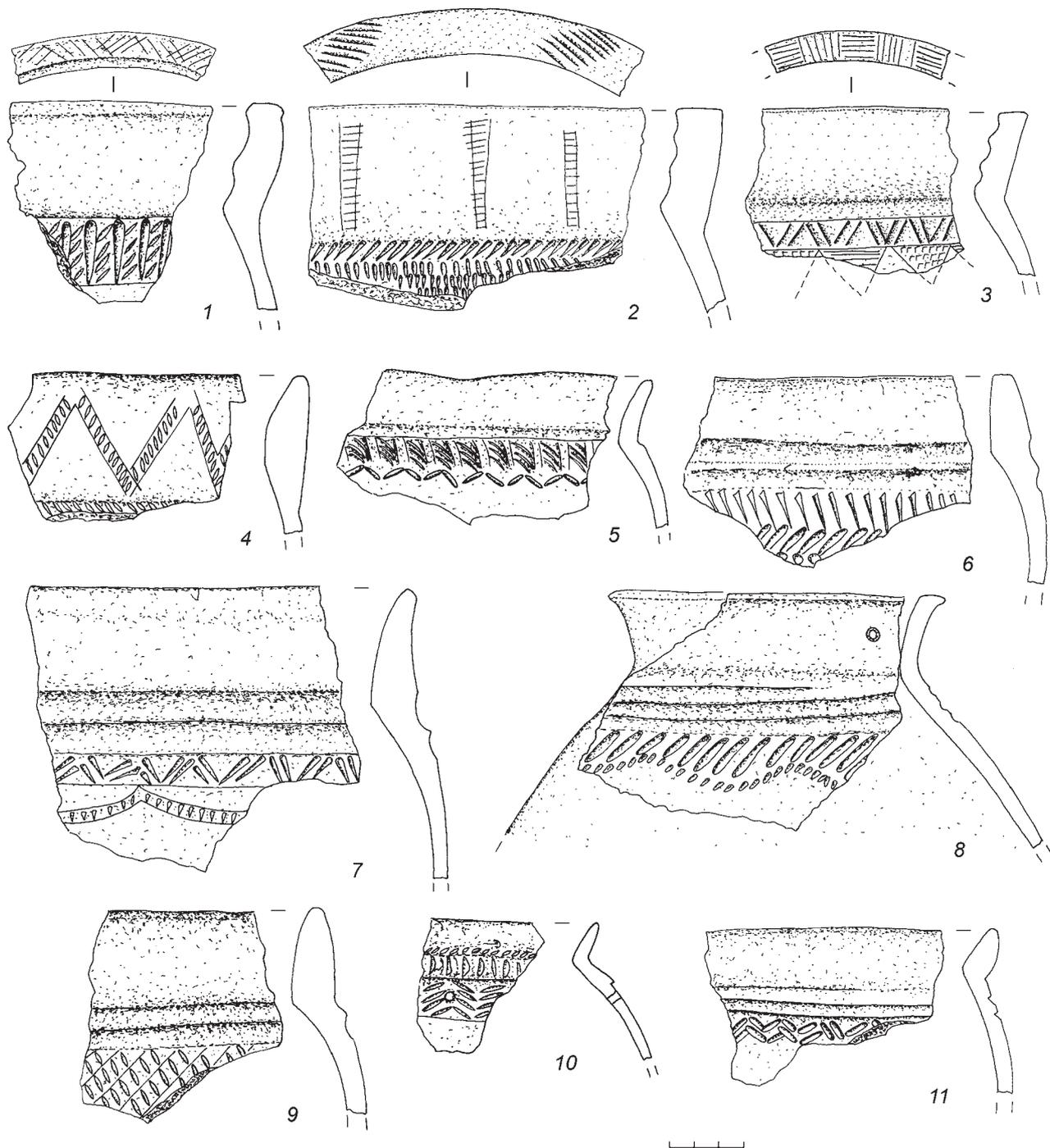

Рис. 9. Лесостепь Южного Приуралья. Гафурьевский керамический комплекс. Фаза «В»: 1-5, 10-11 – Касьяновское городище; 6 – Михайловская стоянка; 7, 9 – Табынское городище; 8 – Курмантаевское городище. 1, 9, 11 – сборы 2006-2007 гг., фонды ГРИКМ; 6 – сборы 1955 г., фонды ОИКМ; 2, 3, 4-5, 7-8, 10 – раскопки Г.В. Юсупова, 1954-1956 гг., фонды МАЭ УНЦ РАН.

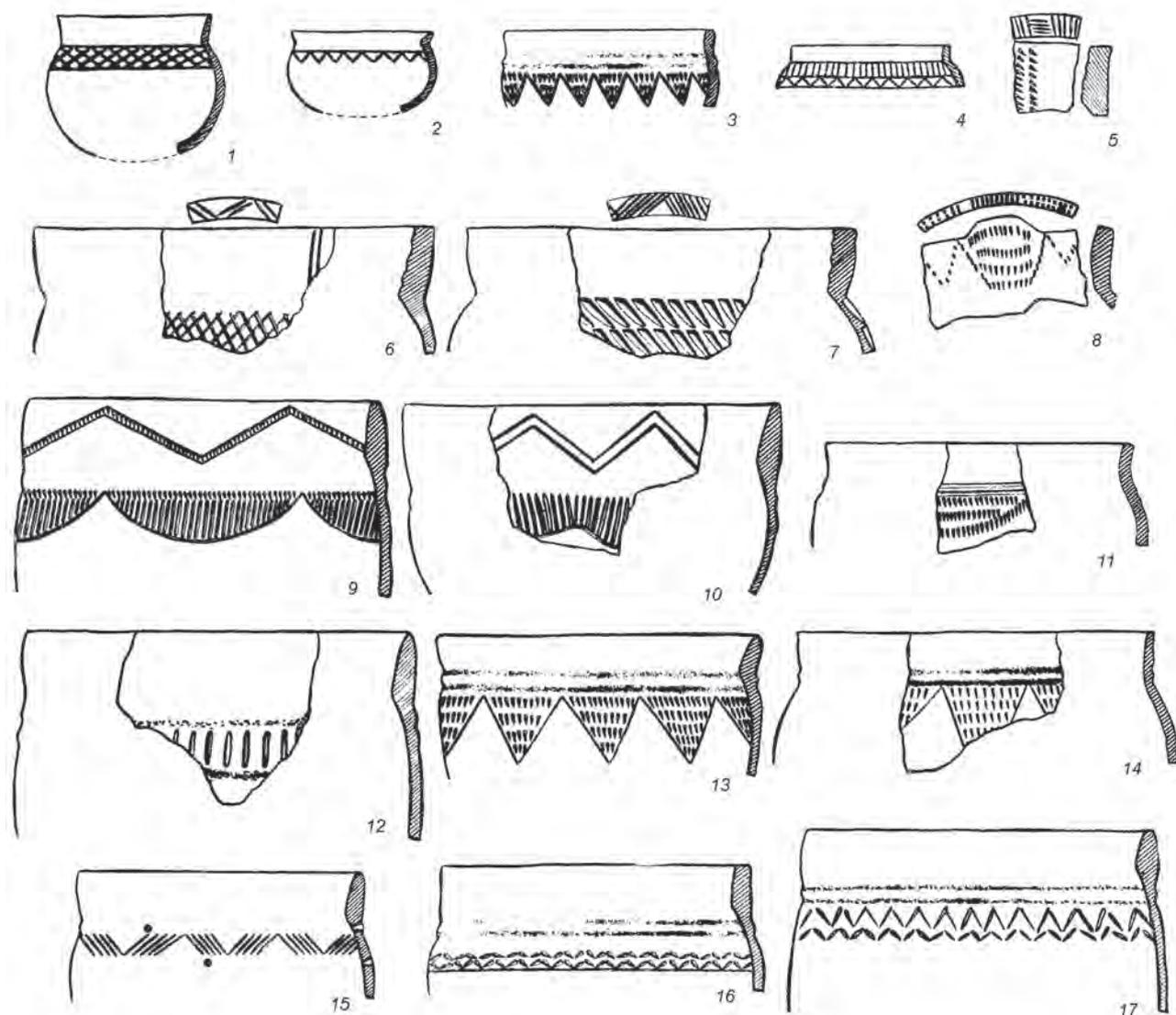

Рис. 10. Лесостепь Южного Приуралья. Фаза «В»: гафурийская керамика Касьяновского (4-5) и Табынского (1-3, 6-17) городищ. Раскопки 1978 и 1979 гг. (по: Пшеничнюк, 1983б. Рис. 9; 18; 19).

Итак, на протяжении фазы «В» (вторая половина V – середина IV в. до н.э.) для кочевников Южного Приуралья была характерна в целом «этно-эволюционная» линия развития, генеральным направлением которой являлись стандартизация, унификация и военизация, приведшие к формированию на достаточно большой территории единой прохоровской археологической культуры. Количество кочевнических памятников этого времени в лесостепной зоне, т.е. к северу от водораздельных возвышенностей Общего Сырта, возрастает. Несмотря на то, что в некрополях «Уфимского полуострова» начинают встречаться единичные погребения лесостепного населения с представительным кочевническим инвентарем (мечи переходного и синдо-меотского типов,

большие наборы бронзовых наконечников стрел, гривны и пр.) (Исмагилов, 2001; Мещеряков, Яблонский, 2007. С. 359. Рис. 1, 5), степень связанности кочевников и лесостепного населения может быть оценена только как незначительная, ограничивающаяся общекультурными связями, торговлей и двусторонними брачными контактами (Овсянников, 2009). Показательно, что кочевнические заимствования в основном проявлялись не столько в престижно-знаковой сфере, сколько в вооружении.

Судя по картографированию кочевнических памятников в лесостепи Южного Приуралья (Савельев, 2010б. Рис. 1), на протяжении фазы «В» между основными массивами последних и памятников лесостепного населения существовала

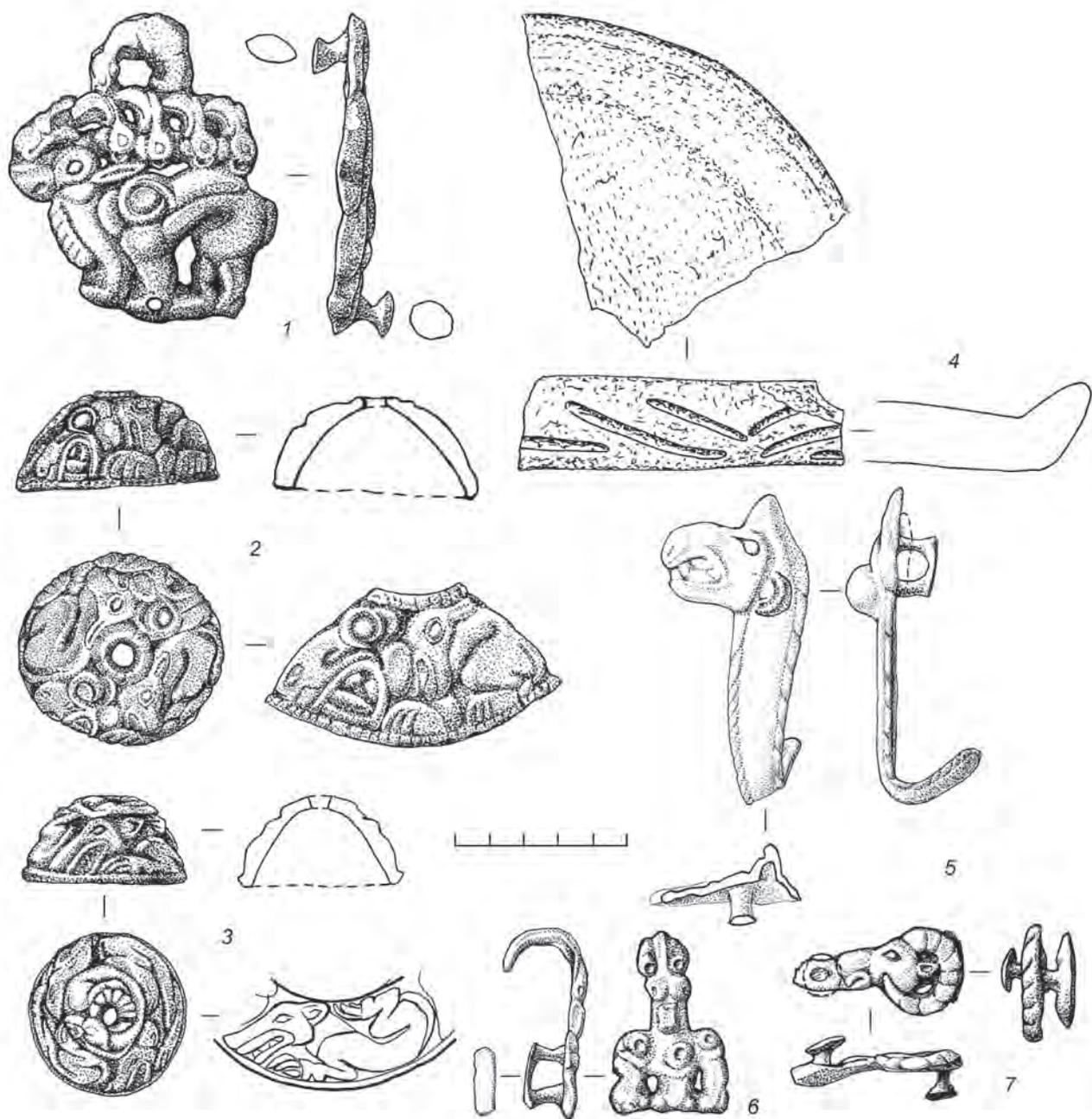

Рис. 11. Лесостепь Южного Приуралья. Фаза «В»: 1, 7 – принадлежности конской сбруи; 2-3 – ворворки (?); 4 – фрагмент жертвенника; 5-6 – поясные крючки (1-3, 5-7 – бронза; 4 – камень). 1-3, 5-7 – находки на горе Курмантау (2000-е); 4 – Табынское городище (1956).

значительная «ничейная» полоса (Овсянников, 2009. Рис. 2). Непосредственные контакты тех и других в это время начали устанавливаться только в небольшом микрорайоне Курмантау–Табынск, являвшемся, с одной стороны, дальней южной периферией мира лесостепных племен, структурированной действующим крупным металлургическим центром, а с другой – дальней северо-восточной периферией раннесарматской ойкумены.

Лесостепное население – в лице носителей формирующейся из различных компонентов (курмантауских, ананьинских постмаклашевских, ананьинских гребенчато-шнуровых и шнуровых, иткульских) кара-абызской культуры (Иванов, 2010. С. 215; Савельев, 2010а) – в течение второй половины V – середины IV в. до н.э. существовало фактически автономно, при незначительном воздействии как со стороны кочевников, так и со стороны ананьинского мира Волго-Камья.

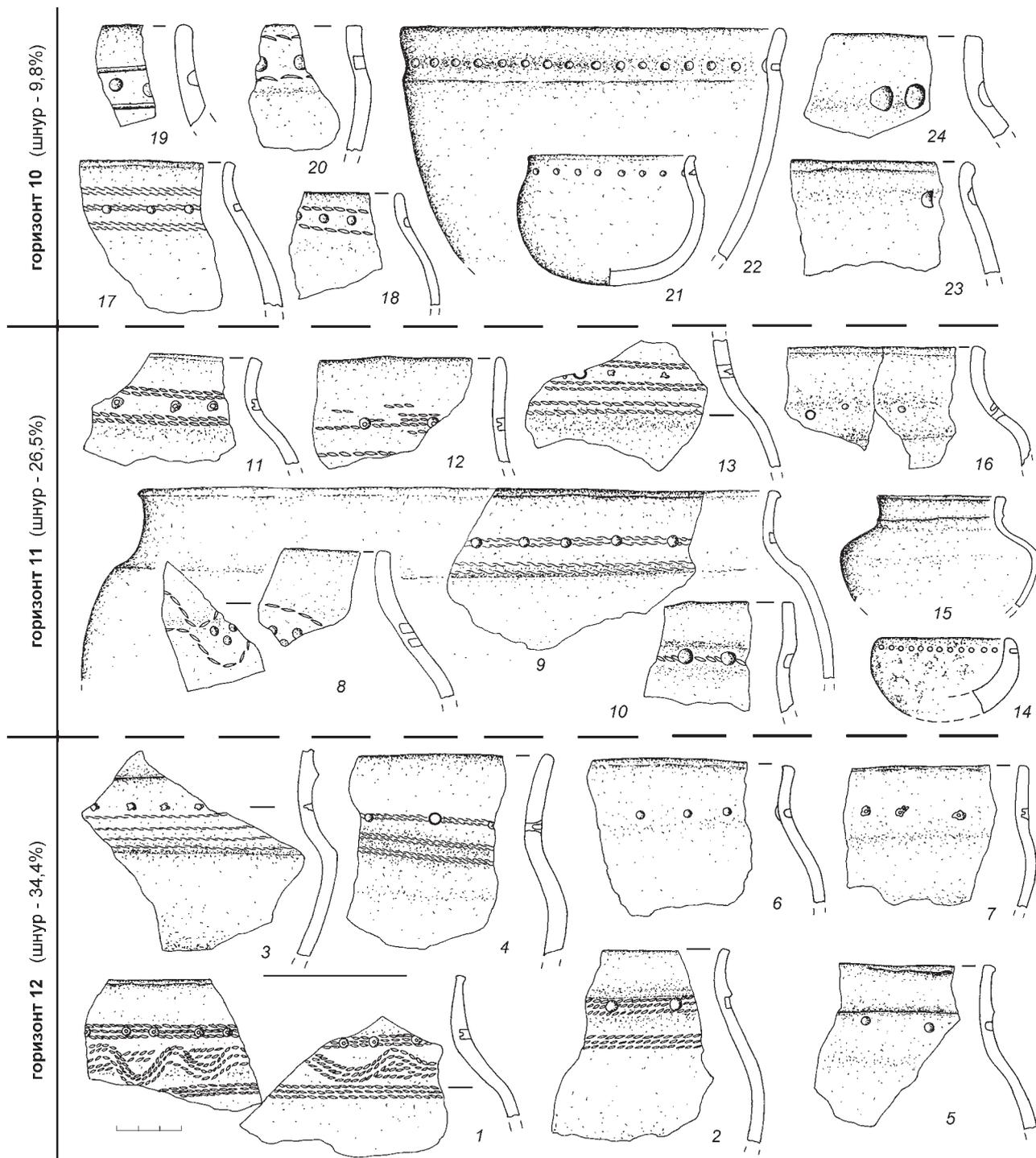

Рис. 12. Лесостепь Южного Приуралья. Фаза «В»: стратиграфия позднеананьинского «шнурового» керамического комплекса (по данным Биктимировского городища, раскоп 5, 1964 г.).

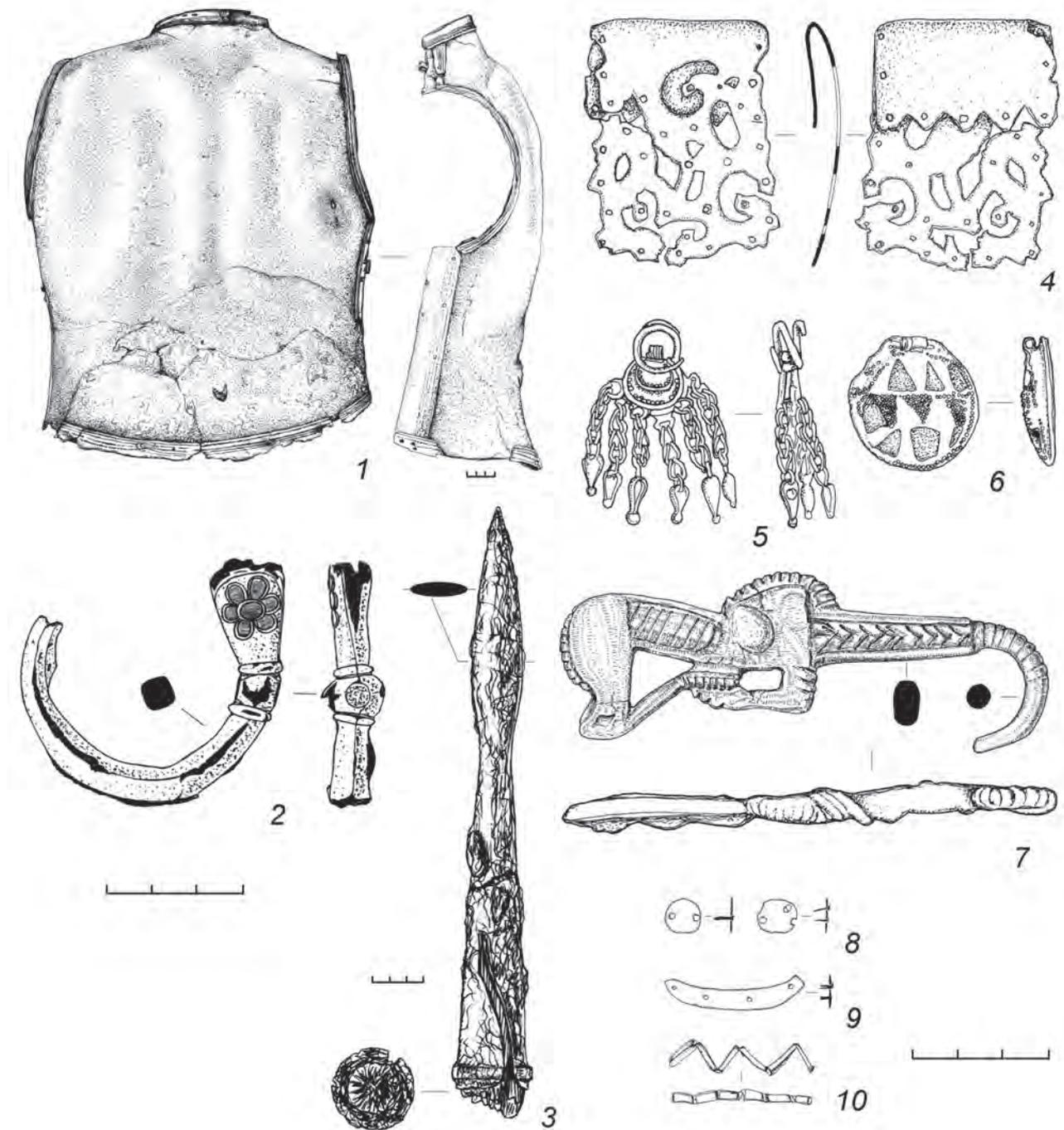

Рис. 13. Степь Южного Приуралья. Фаза «С»: 1-3 – могильник Бердянка-V, курган 4, погребение 1: 1 – железная кираса; 2 – железный колчанный крюк обложенный золотом; 3 – железный наконечник дротика. 4-10 – могильник Прохоровка, сооружение (курган Б), погребение 3: 4 – золотая обойма на венчик сосуда; 5 – золотая серьга; 6 – медальон из агата в золотой оправе; 7 – обтянутый золотой фольгой железный колчанный крюк; 8-9 – золотые нашивки; 10 – золотая скрепка деревянного сосуда (по: Трейстер, Яблонский, 2012. Т. II. Рис. 5; 46).

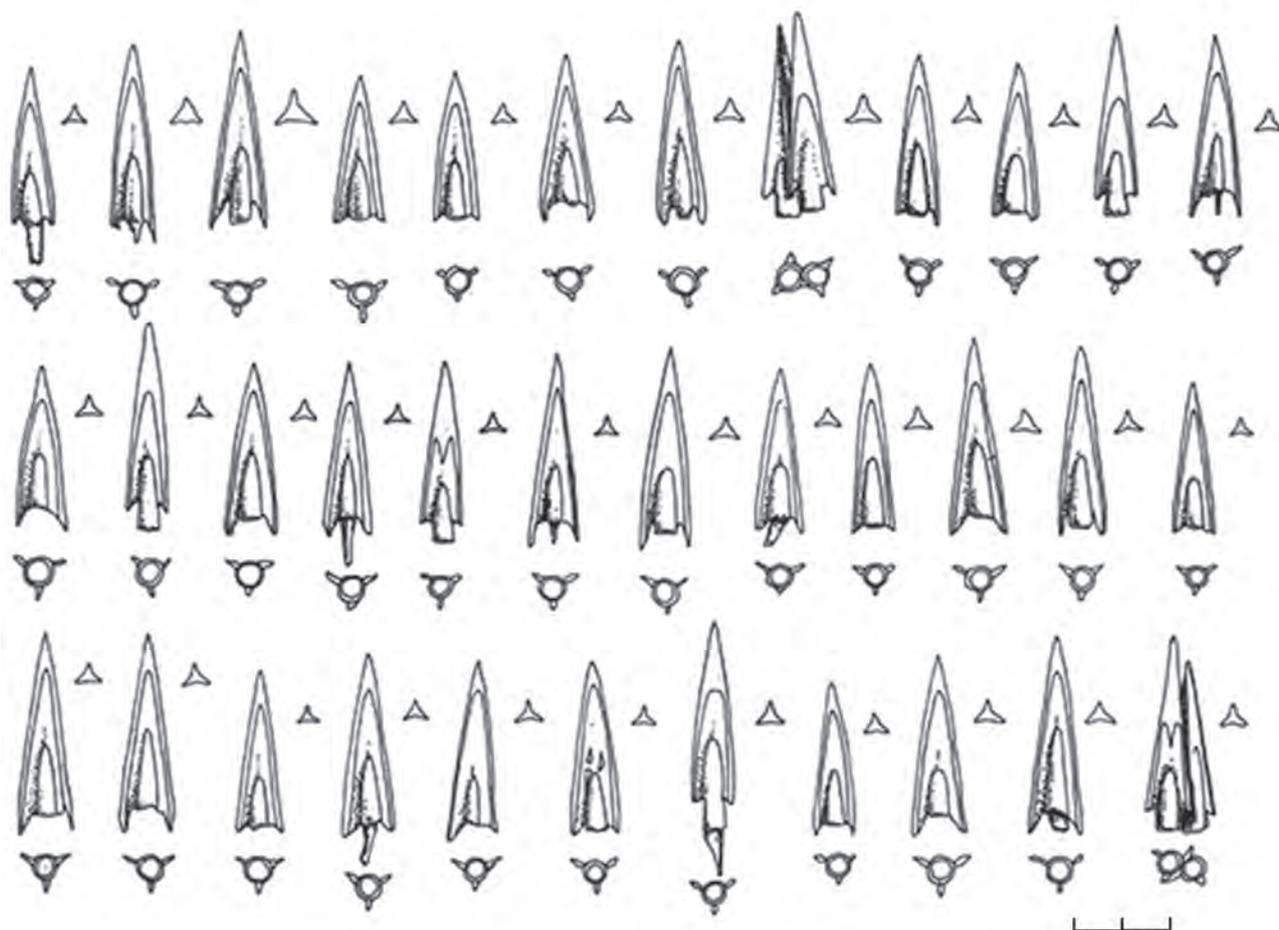

Рис. 14. Степь Южного Приуралья. Фаза «С»: могильник Прохоровка, курган 1, погребение 4. Бронзовые наконечники стрел (по: Яблонский, 2010. Рис. 45).

Единственным исключением является проникновение носителей ананьинской шнуровой керамики, быстро на Средней Белой ассимилированных. Погребения этого этапа кара-абызской культуры до сих пор не известны (либо они не выделяются из общей массы более ранних и более поздних захоронений), поселенческие же памятники многочисленны. Тесные контакты с кочевниками – носителями раннесарматской культуры – устанавливаются только ближе к концу фазы «В» и только на одном небольшом участке территории, где ареалы обеих групп населения непосредственно соприкасались. Судя по последствиям, ярко проявляющимся в последующее время, эти контакты (в форме оседания части раннесарматского населения и широкого распространения практически всего комплекса кочевнической материальной культуры) оказались очень прочными и определили все развитие лесостепного приуральского населения на протяжении нескольких веков.

В степи начало раннесарматского периода совпадает с поздней фазой «С» (середина IV – III в. до н.э.) переходного КХГ (Рис. 13, 14). Археологически она характеризуется в целом окончательным оформлением «раннесарматского» погребального обряда, а антропологически – генетической связью с населением предшествующих фаз «савроматского» КХГ. Фаза «С» постепенно заканчивается на рубеже IV–III в. до н.э., когда в результате воздействия комплекса экологических, политических, социально-экономических и демографических факторов начинаются интенсивные и разнонаправленные эмиграции прохоровцев, в том числе в лесостепь и далеко за пределы Южно-Уральского региона. Приход нового населения с востока и ассимиляция им остатков носителей раннесарматской культуры (памятники круга Бердянки, Мечетая и Илекшара) полностью меняют этнокультурный облик степей Южного Урала.

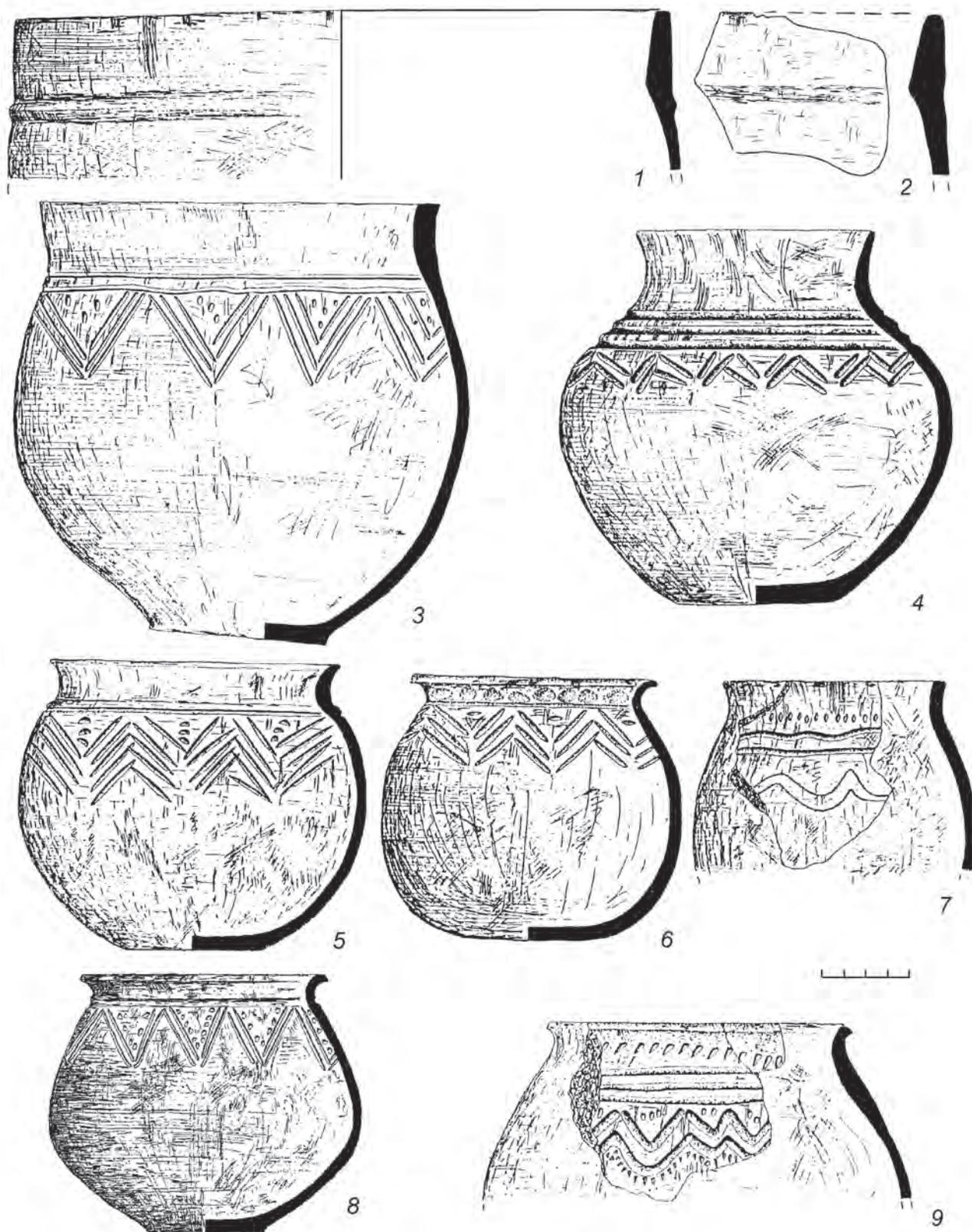

Рис. 15. Лесостепь Южного Приуралья. Фаза «С»: гафурийский керамический комплекс группы II Шиповских курганов (по: Овсянников, Савельев и др., 2007. Рис. 5-16).

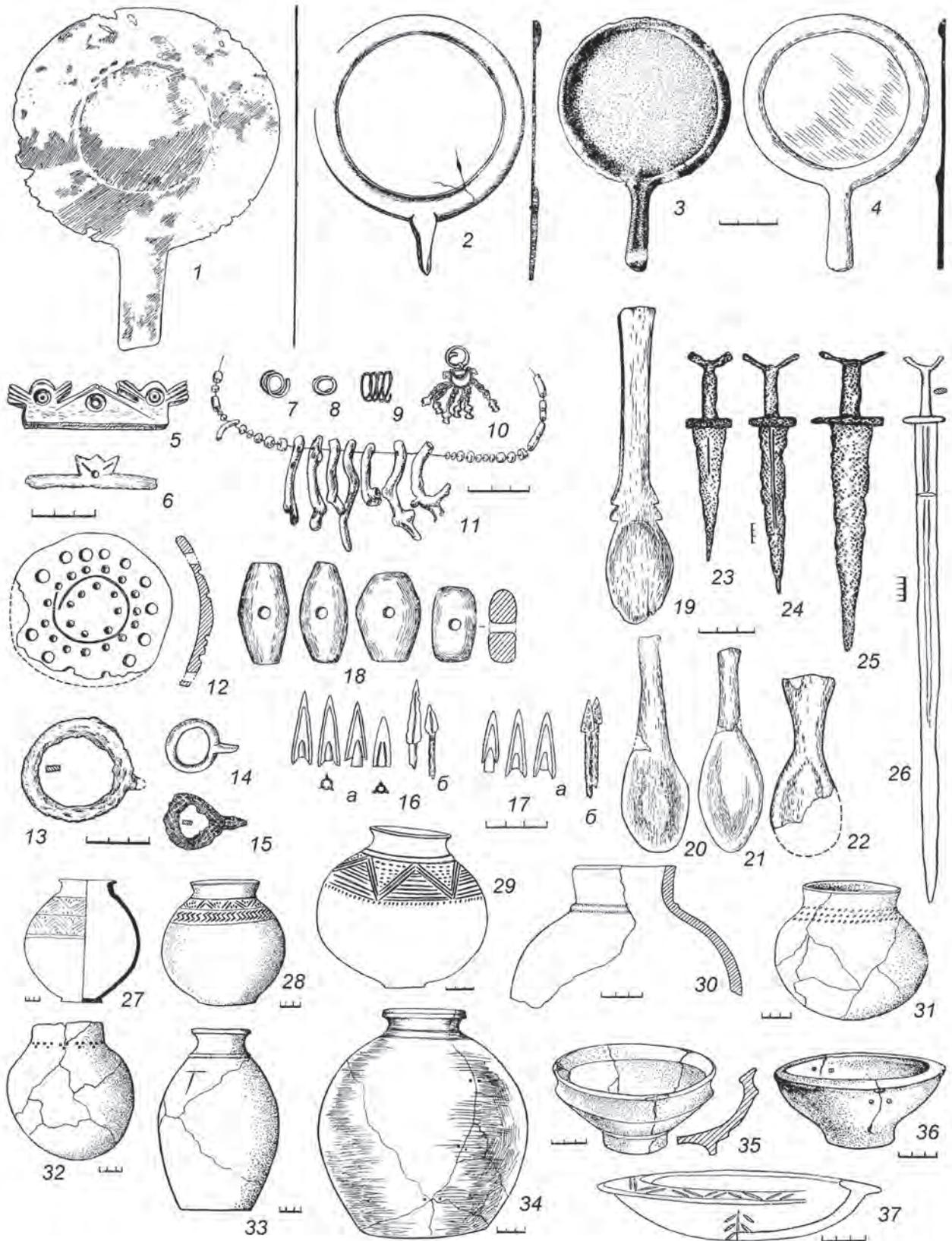

Рис. 16. Лесостепь Южного Приуралья. Кочевнический комплекс. Фаза «С». Бишунгаровский курганный могильник (по: Пшеничнюк, 1983а): 1, 10 – к.11 п.8; 2, 6, 8, 9, 28, 36 – к.2 п.7; 3 – к.1 п.2; 4, 34, 35 – к.11 п.1; 7, 12, 15, 16, 26, 32 – к.3 п.6; 5, 19, 37 – к.3 п.9; 11 – к.5 п.3; 13 – к.2 п.5; 14, 23, 24 – к.19 п.2; 17, 18 – к.3 п.3; 20, 27 – к.3 п.2; 21 – к.3 п.5; 22 – к.1 п.5; 25 – к.19 п.5; 29 – к.19 п.4; 30 – к.3 п.11; 31 – к.3 п.8; 33 – к.2 п.6 (5, 6, 12, 19-22 – кость; 13, 15, 16, 17, 23-26 – железо).

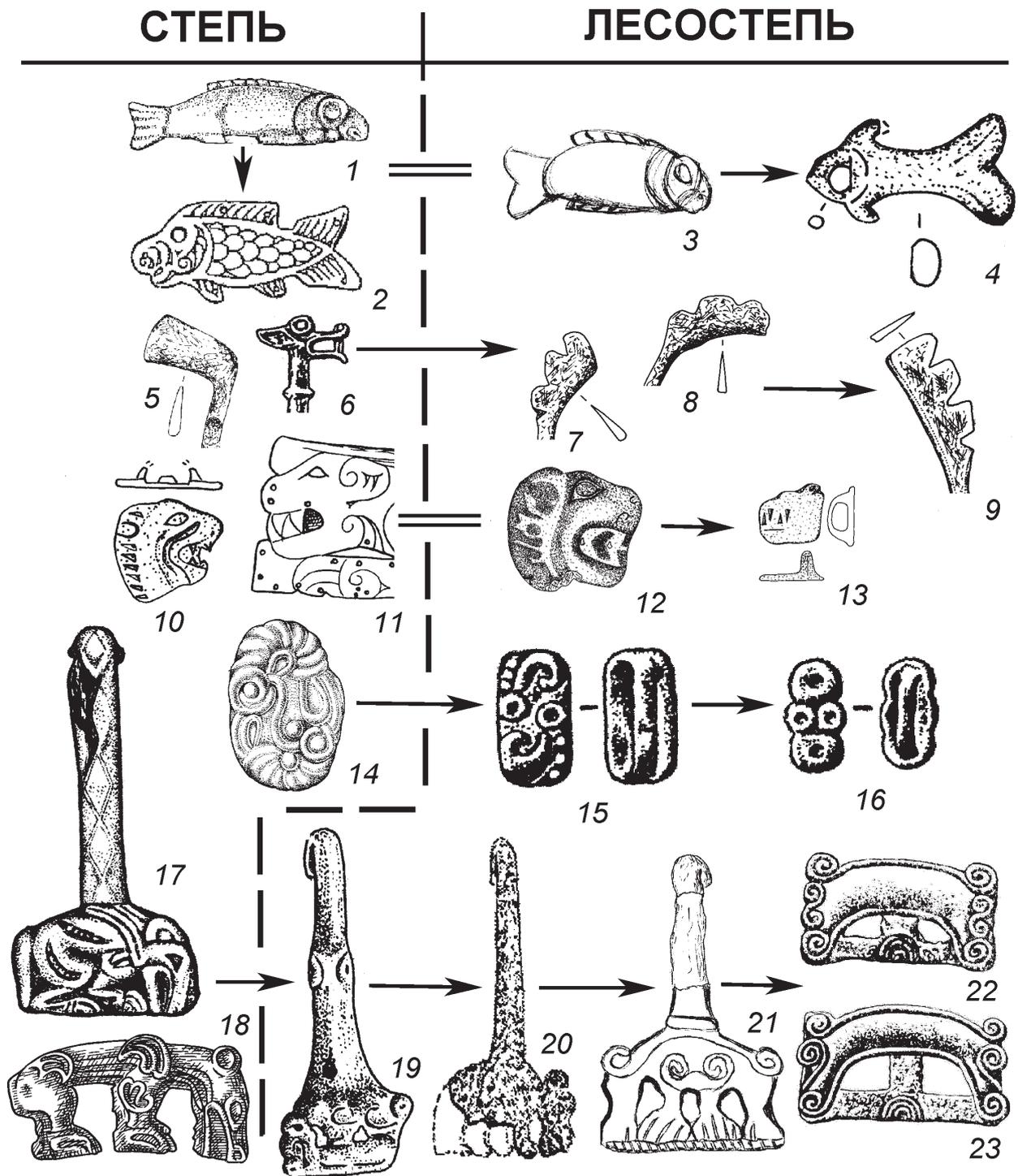

Рис. 17. Трансформация отдельных образцов звериного стиля в лесостепи Южного Приуралья (стадии «В», «С», «D»). 1 – Нагорный; 2, 6, 11, 17-18 – Филипповка; 5, 10 – Переволочан; 14 – Покровка; 3-4, 9, 19 – Охлебинино; 7-8, 13, 15-16, 20, 22-23 – Шипово, группа I; 21 – Шипово, группа III; 12 – Воскресенское городище (2, 11, 14, 18 – золото; 7-9, 20 – железо; 17 – железо, золото; 21 – железо, бронза; остальное – бронза).

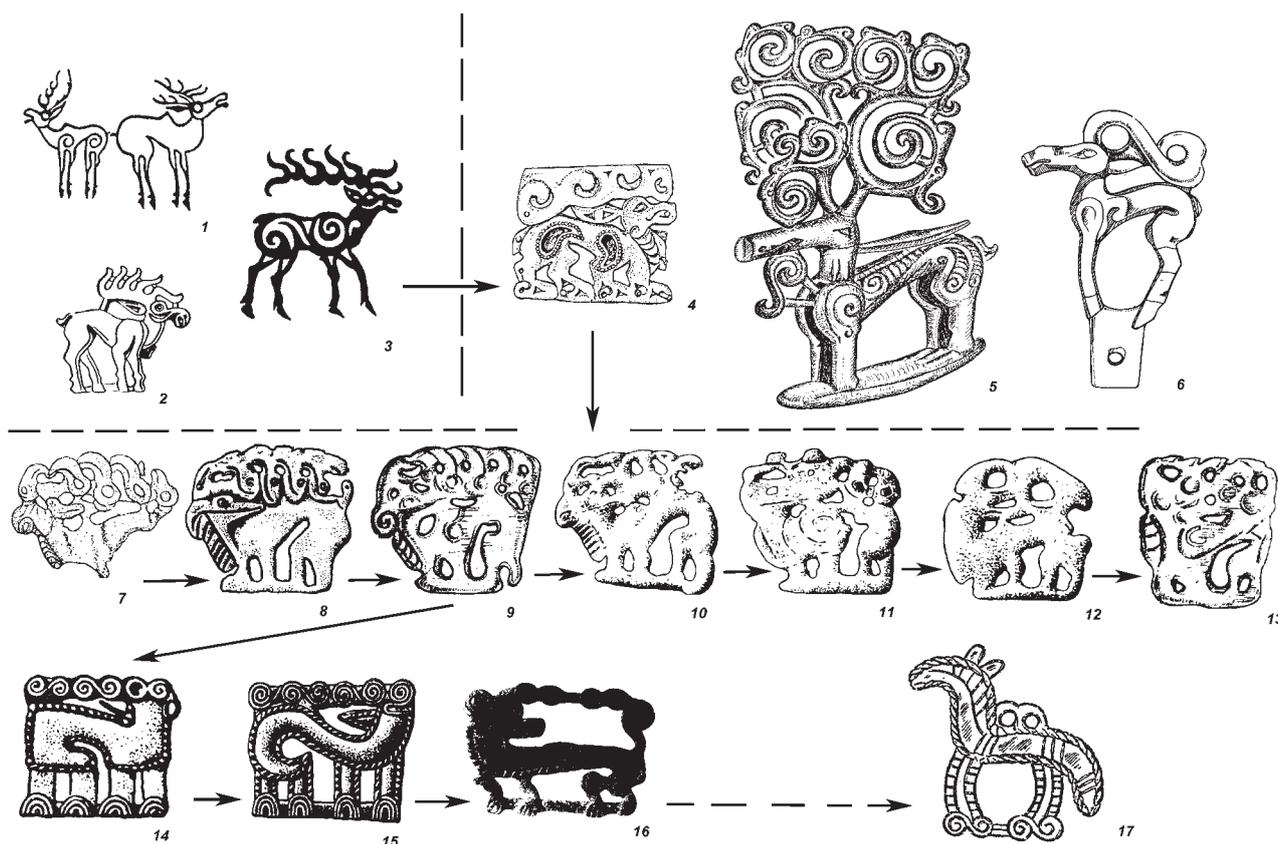

Рис. 18. Истоки образа стоящего оленя и его трансформация в лесостепи Южного Приуралья (вт. пол. – кон. I тыс. до н.э.): 1 – Аржан-1, олений камень; 2 – Енисейский или Минусинский уезд; 3 – Туэкта-2; 4-6 – Филипповка-1, к. 1; 7, 10-12 – Шиповские курганы (группа I); 8 – Биктимировский III могильник; 9, 13 – Охлебининский могильник; 14 – Уфимский могильник; 15 – Биктимировский могильник; 16 – Екатериновка, Пермская обл.; 17 – Ошкинский могильник, пьяноборская культура, II-III вв. н.э., р. Вятка. 4-6 – фаза «В»; 7-9, 14-15 – фаза «С»; 10-13 – фаза «D» (по: Савельев, 2008б).

Для лесостепи фаза «С», верхняя граница которой может быть поднята примерно до середины III в. до н.э., выглядит несколько иначе. Так, к северу от возвышенностей Общего Сырта присутствуют раннесарматские памятники, датирующиеся не ранее 80-х гг. III в. до н.э. (Ново-Мусино) (Васильев, Сиротин, 2004). В целом освоение кочевниками лесостепной зоны в это время по сравнению с предшествующим является максимальным (Овсянников, 2009), о чем свидетельствуют многочисленные находки мечей и кинжалов (Исмагил, 2001; Котов, Савельев, 2008) и проникновение кочевников по остепненному левобережью практически до приустьевой части Белой (Чуй-Атасево), что единично фиксировалось и в предшествующее время.

На фоне дальнейшего функционирования металлургического центра на горе Курмантау происходит

окончательное сложение гафурийского комплекса и отток большей части населения с южной оконечности кара-абызского ареала примерно на 70 км к северу, в район между устьем р. Сим и Уфимским полуостровом. Следствием этого явилось значительное увеличение населения на данном участке и возникновение смешанных Шиповских курганов (Пшеничнюк, 1976; Овсянников и др., 2007), в которых фиксируются остаточные следы раннесарматского погребального обряда (Савельев, 2008а), многочисленный кочевнический инвентарь, а также характерный керамический комплекс, отличающийся от «гафурийского» района Курмантау–Табынск значительно более упрощенными формами и орнаментальной схемой (Рис. 15). За пределами этого «этнического ядра» расселения (между устьями рр. Сим и Уфа), присутствие гафурийского компонента в кара-абызской среде очень незначительно

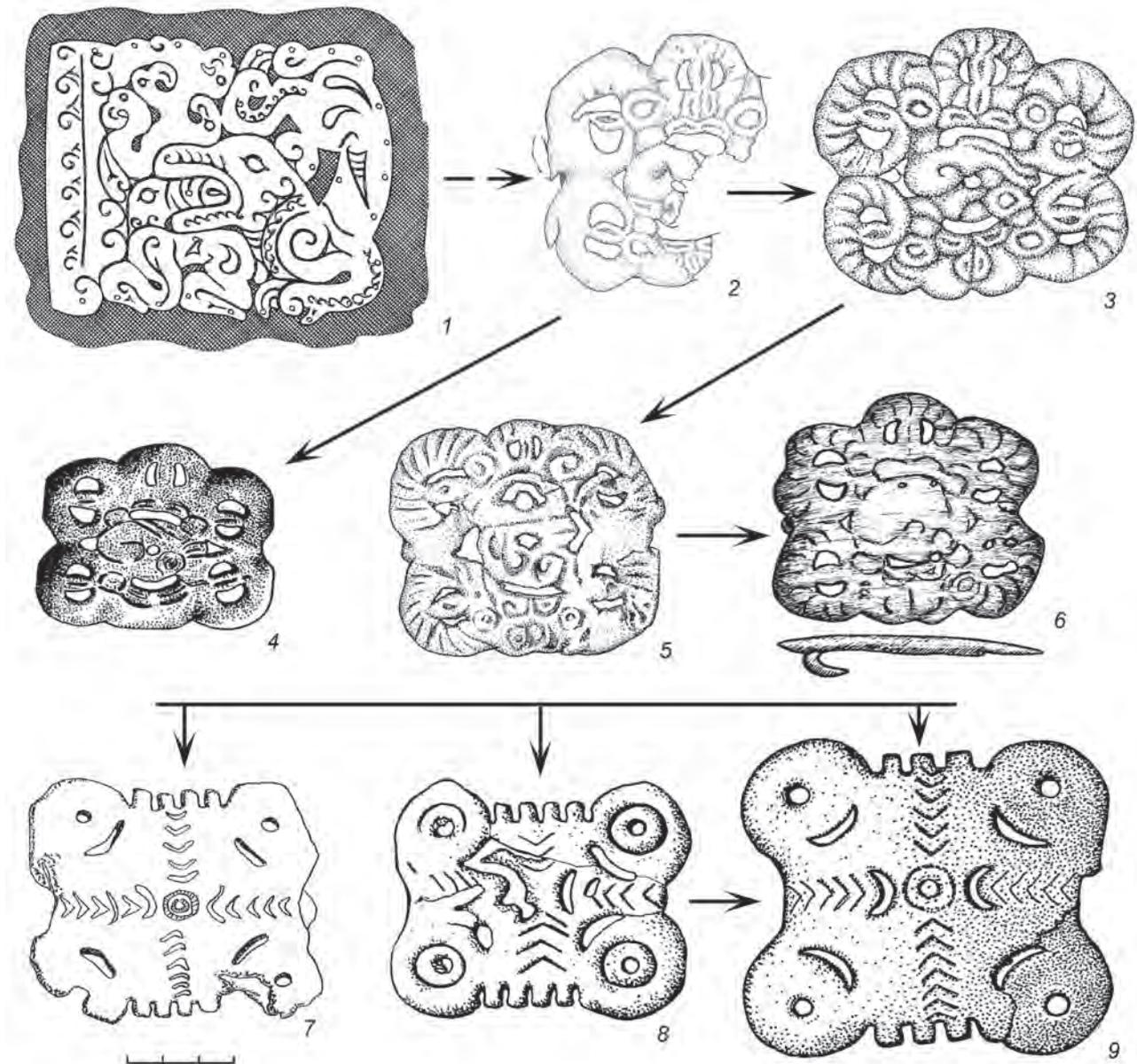

Рис. 19. Лесостепь Южного Приуралья. Трансформация поясных блях со сценами терзания: 1 – Филипповка-1, курган 1, обкладка венчика сосуда; 2, 3, 5 – могильник Кара-Абыз-2; 4, 8, 9 – Охлебининский могильник; 6, 7 – Шиповские курганы, группа II (1 – золото; 2-9 – бронза). 1 – фаза «В»; 2-9 – фаза «D».

и, вероятно, фиксируется только на уровне брачных связей (Савельев, 2011б), заимствования предметов вооружения и социально-значимых предметов убранства.

На заключительном этапе фазы «С» в лесостепь Южного Приуралья, вплоть до Средней Белой, проникают кочевники – носители «классической» прохоровской культуры, о чем свидетельствует появление таких крупных могильников, как Старые Кишки и Бишунгарово (Рис. 16). Ближайшее их соседство с карабызско-гафурийским населением (расстояние до Охлебинино, Шипово и Акбердино, расположенных

на противоположном берегу р. Белая, не более 5–10 км) привело к установлению тесных брачных и, возможно, торговых связей. Следствием этого, за счет наложения остаточных, но при этом очень ярких раннесарматских элементов (в первую очередь – керамики, см. Рис. 16, 27–31), стала видимая «архаизация» материальной культуры этой части «прохоровцев» (Савельев, 2010б. С. 317–319).

В связи с различной динамикой этнокультурных процессов в степной и лесостепной зонах Южного Приуралья для последней дополнительно выделяется

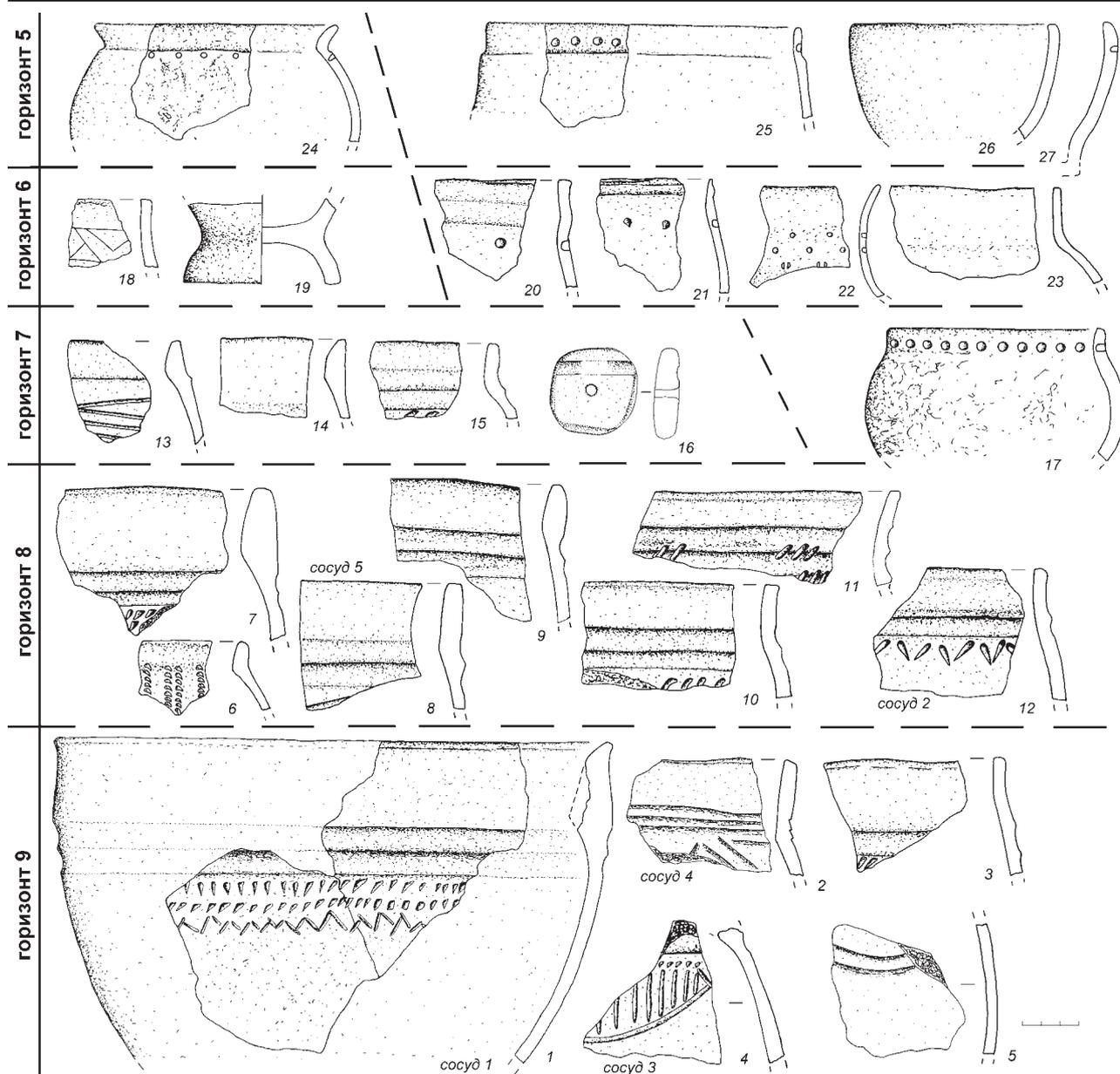

Рис. 20. Лесостепь Южного Приуралья. Конец фазы «С» и фаза «D». Стратиграфия гафурийского керамического комплекса по данным Биктимировского городища (по: Савельев, 2011б): 1-16, 18-19 – гафурийская керамика; 17, 20-27 – постананьинская (кара-абызская) и смешанная керамика (6, 18 – раскоп 3, 1962 г., остальное – раскоп 5, 1964 г.).

фаза «D» с условными границами от второй половины III в. до н.э. и примерно до рубежа эр, которая является логическим продолжением предшествующей фазы. Это время характеризуется постепенно нарастающим разрывом прямых связей между оседлым кара-абызским населением, находящимся в стадии демографического максимума, и все менее многочисленным кочевническим компонентом, осваивавшим территории к северу от возвышенностей Общего Сырта. В лесостепи продолжается самостоятельное развитие кара-абызского населения при постепенной ассимиляции гафурийского

(т.е. изначально раннесарматского фазы «B») компонента, окончательная трансформация образцов звериного стиля (Рис. 11, 1; 17–19), постепенное исчезновение гафурийской керамики (Рис. 20), постепенное снижение военизации лесостепного населения; подвижка части позднего гафурийско-караабызского населения в низовья Белой и участие в начальном этапе формирования пьяноборской культуры.

В заключение отметим, что в Южно-Уральской КИОб памятники ранних кочевников *массово* появляются не ранее второй половины VI в. до н.э. и в фазе «A»

представлены элитарными могильниками на территории Западного Казахстана. Памятники этого типа формируются здесь в результате миграций предположительно разноэтнических групп кочевников с территории к востоку от Уральских гор.

На протяжении фазы «В» (вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.) центр элитарной культуры ранних кочевников смещается на территории Оренбуржья и юго-восточного Башкортостана, достигая также районов Самарского Поволжья и Устюрта. Возникновение такого рода памятников связано на этот раз не с миграционными, а с этно-эволюционными процессами.

Начало раннесарматского периода совпадает с относительно наиболее поздней фазой «С» переходного КХГ. Археологически она характеризуется в целом окончательным оформлением «раннесарматского» погребального обряда, а антропологически – генетической связью с населением предшествующих фаз «савроматского» КХГ. Фаза «С» заканчивается на рубеже IV–III в. до н.э., когда в результате воздействия комплекса экологических, политических, социально-экономических и демографических факторов начинаются интенсивные и разнонаправленные эмиграции прохоровцев, в том числе в лесостепь и далеко за пределы Южно-Уральского региона.

Говоря о лесостепи Южного Приуралья, необходимо отметить, что если в первой половине – середине I тыс. до н.э. она являлась далекой юго-восточной периферией оседлого мира Волго-Камья с незначительным воздействием кочевого мира, то во второй половине – конце I тыс. до н.э. высокий уровень интеграции кочевников и оседлого населения стимулировал формирование нового и очень яркого культурного образования – кара-абызской культуры. Постепенно, в связи с оттоком кочевников, лесостепь превращается в самостоятельный мир, никак не связанный со степью, а привнесенные кочевниками традиции полностью перерабатываются и трансформируются. Последствия этого периода интеграции для лесостепного населения были кардинальными и продолжали сказываться, по меньшей мере, до эпохи раннего средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Ранний железный век. М., 2000.
- Васильев В.Н., Сиротин С.В.* Ново-Мусинский 3 курган // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 173–180.
- Васильев И.Б., Горбунов В.С.* Бирское поселение // СА. 1975. № 3. С. 149–157.
- Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф.* Итоги исследований стоянки им. М.И. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 21–40.
- Гарустович Г.Н., Савельев Н.С.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой (к вопросу об этнокультурных реликтах на Южном Урале) // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 93–118.
- Гуцалов С.Ю.* Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск, 2004.
- Иванов В.А.* Население Нижней и Средней Белой в ананьинскую эпоху: Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1978.
- Иванов В.А.* Культурные связи оседлых племен Приуралья с кочевниками Великого пояса степей в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1979. С. 74–84.
- Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 52–77.
- Иванов В.А.* Финно-пермская «ойкумена» в Южном Приуралье: возникновение, динамика, историческая судьба // ТКАЭЭ. 2009. Вып. 6. С. 61–68.
- Иванов В.А.* Этнокультурная специфика населения среднего течения р. Белой во второй половине I тыс. до н.э. // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 207–217. (МИАР. № 13)
- Исмагилов Р.Б.* Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. Вып. 3. С. 117–147.

- Исмагил Р., Сунгатов Ф.А.* О генезисе акинаков марьчевского типа // УАВ. 2004. Вып. 5. С. 127–134.
- Канторович А.Р., Кузьминых С.В.* Введение // Археология: Учебник. М., 2006. С. 8–27.
- Котов В.Г., Савельев Н.С.* Феномен случайных находок клинкового оружия эпохи раннего железного века на Южном Урале // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: ММНК. СПб., 2008. С. 96–100.
- Мецераков Д.В., Яблонский Л.Т.* О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сборник памяти М.П. Абрамовой. М., 2007. С. 357–368. (МИАР. № 8)
- Овсянников В.В.* Опыт выделения зон активного взаимодействия оседлого и кочевого населения Предуралья в савромато-сарматскую эпоху // УАВ. 2009. Вып. 9. С. 144–156.
- Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н.* Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа, 2007.
- Пшеничнюк А.Х.* Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. 1973. Т. V. С. 162–243.
- Пшеничнюк А.Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. – III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 35–131.
- Пшеничнюк А.Х.* Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983а.
- Пшеничнюк А.Х.* Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983б. С. 77–103. *Пшеничнюк А.Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 62–96.
- Савельев Н.С.* Горы Южного Урала в эпоху раннего железа // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2004. С. 119–122.
- Савельев Н.С.* Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа, 2007.
- Савельев Н.С.* Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н.э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: ММНК «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008а. С. 116–136.
- Савельев Н.С.* Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. 3. М., 2008б. С. 69–72.
- Савельев Н.С.* Этнокультурные компоненты населения лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры (по материалам поселения Акбердино-3) // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII УАС. Уфа, 2010а. С. 235–240.
- Савельев Н.С.* Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010б. С. 299–322. (МИАР. № 13)
- Савельев Н.С.* На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир. СПб., 2011а. С. 11–24.
- Савельев Н.С.* Гафурийский керамический комплекс эпохи раннего железа с Биктимировского городища // РА. 2011б. № 2. С. 56–66.
- Савельев Н.С.* Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961-1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2. Уфа, 2011в. С. 42–70.
- Сальников К.В.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Таиров А.Д.* Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // АПО. 1998. Вып. 2. С. 87–96.
- Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007.

- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.)* Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) Т. I–II. М., 2012.
- Федоров В.К.* О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья (I) // УАВ. 2000. Вып. 2. С. 49–75.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Ведер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л.* Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994.
- Яблонский Л.Т.* Культура этноса, этническая культура и археологическая культура // Российская археология: достижения XX века и перспективы XXI в. Ижевск, 2000. С. 18–20.
- Яблонский Л.Т.* Прохоровка. У истоков сарматской археологии. М., 2010. (МИАР. № 12)
- Davis-Kimball J. Yablonsky L.* Excavations of Kurgans in the Southern Orenburg District, Russia // Silk Road Art and Archaeology. Vol. 4. Tokio, 1995/1996.

СЛОЖНЫЕ ЛИНЕЙНО-РИТМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В ИСКУССТВЕ ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ЮЖНОГО УРАЛА И АЛТАЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

И.В. Рукавишникова (Москва)

Complex linear-rhythmic compositions in the art of animal style in the South Urals
and Altai of the Early Iron Age

I. V. Rukavishnikova (Moscow)

Ананьинское искусство лесной зоны Прикамья во многих аспектах сформировалось под воздействием «скифо-сибирской» художественной традиции, проявляющейся в том числе и в искусстве Южного Приуралья. Здесь, в искусстве Ананьинской культуры, присутствуют изделия из кости, декорированные в зверином стиле, в том числе и, например, каменные пряслица, которые отражают развитие местной художественной традиции (Черных и др., 2002). Подобные резные изделия встречаются среди декорированных предметов РЖВ Южного Урала (Рукавишникова, Яблонский, 2009).

Изображения в зверином стиле загадочны и знаковы (Раевский, 2001). Эти художественные образы и их сочетания, композиции, воплощающие в себе представления бесписьменного общества, вызывают стремление разгадать столь особенные «письмена».

Наиважнейшую роль в жизни древних кочевников играла цикличность смены времен года: смерть и пробуждение природы. Весь хозяйственный цикл, а также и перемещения кочевников зависели от смен времен года. Эти важные природные процессы непременно были отражены в знаковых изображениях ритуальных предметов.

Для культур раннего железного века скифского времени в поясе евразийских степей и сопредельных территорий была характерна общность как в материальной культуре, так и в изобразительных рядах, приемах изображений и декора предметов. Но в искусстве звериного стиля разных регионов существовал свой набор стилистических признаков. Поэтому изучение сходства и различия в наборе стилистических признаков, а также и изучение изменений сходств и различий на протяжении существования такого

художественного и культурного направления, как звериный стиль ранних кочевников, может выявить информацию о миграциях населения, связях, обменах, общем происхождении в контексте всей материальной культуры.

Поэтому интересно еще раз обратить внимание на высказанное Г.И. Боровкой (Borovka, 1929) и В.А. Могильниковым (1997) и другими учеными мнение о сходстве материальной культуры и изобразительного ряда в искусстве кочевников Урала и Алтая. В свою очередь, соглашаясь с этим мнением, еще раз отмечу это сходство в декорированных предметах, выполненных из бронзы, кости, золота (Рис. 1). Недавние раскопки могильника Кичигино в Зауралье (Таиров, Боталов, 2010. С. 333) показали близкие параллели в декоре предметов раннего периода звериного стиля с изображениями из кургана Аржан-2 (Чугунов, 2011; Переводчикова, 2011), а также с изображениями на предметах из погребальных комплексов Восточного Казахстана – Чиликта, Шерубай, Талды-2 (*Культура ранних кочевников Казахстана*, 2009; Бейсенов, Базарбаева, 2013. С. 13).

Возможно, что для V–IV вв. до н.э., времени развитого звериного стиля, отмечаемое исследователями сходство в наборе образов и стилях изображений Южного Урала и Саяно-Алтая – это как развитие влияния раннего периода («аржанско-кичигинского»), но также и новая волна проникновения в технику и смысл декора в зверином стиле на основе схожих идеограмм, разрабатываемых в «ажурном» стиле как носителями культуры, оставившими Филипповские курганы, так и носителями пазырыкской культуры.

Самый ранний этап пазырыкской культуры (башадарско-туектинский) несет то изобразительное ядро, признаки которого проявлялись и в искусстве Южного Урала

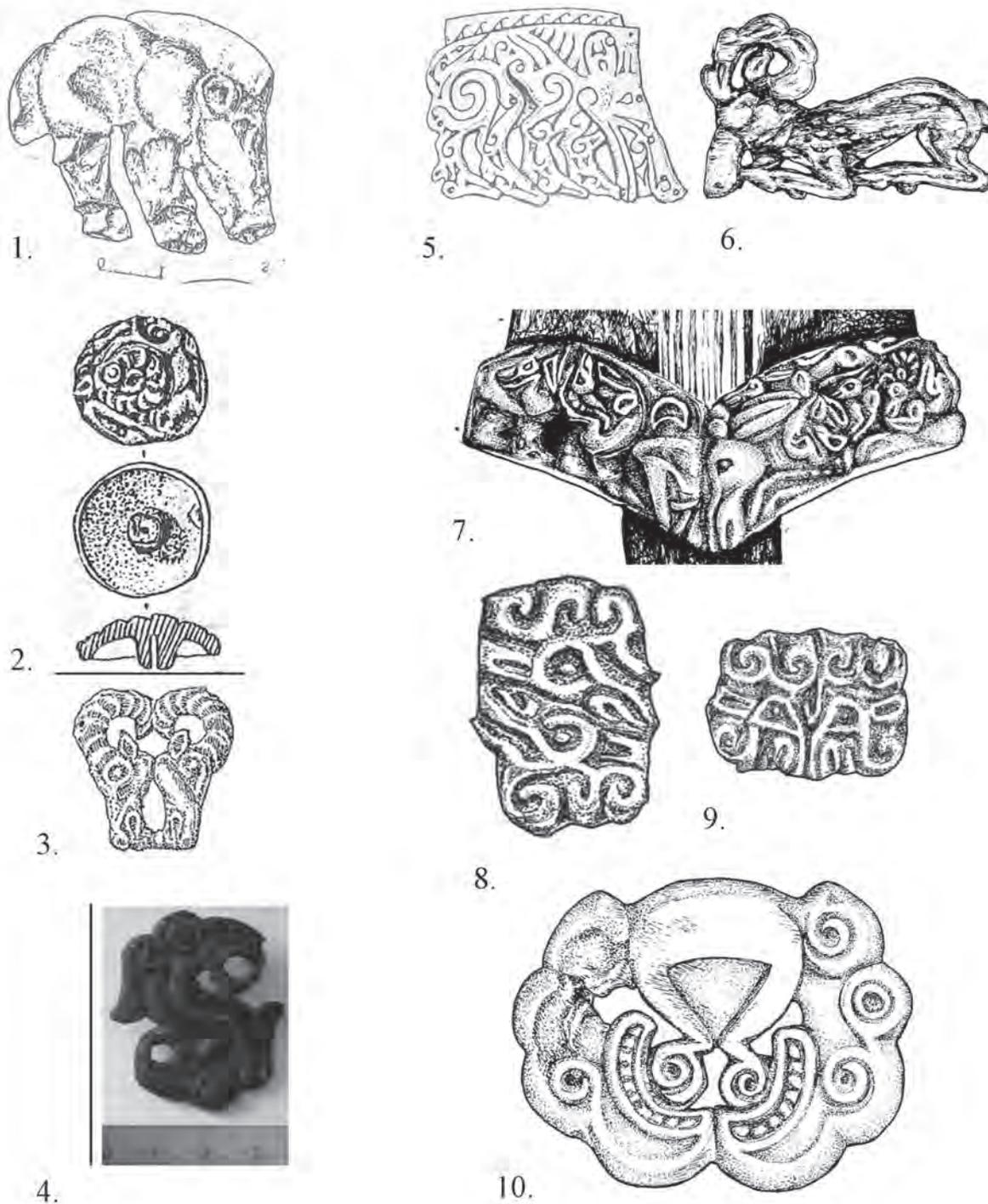

Рис. 1. Однофигурные и симметричные изображения в зверином стиле из памятников Алтайского края и Южного Урала скифского времени. 1 – Ключи-3, к. 2; 2 – Покровский лог 5, к. 3; 3 – Ханхаринский лог 1; 4–10 – Филипповка 1.

и Восточного Казахстана (Филипповка и Шерубай). Это система элементов так называемого «ажурного» звериного стиля, в котором образы формировались при помощи изогнутых линий и завитков наподобие прорезных аппликаций.

Такие «ажурные» звери (тигры, волки, олени и др.) широко распространены среди сибирских петроглифов, где встречаются в том числе и ряды композиций из этих образов. Безусловно, «ажурный» стиль своими корнями связан с искусством Центральной Азии. И технология вырезанных аппликаций из золотой фольги на металле, а также прорезных (гравированных) изображений в петроглифах и аппликаций на коже начали использоваться ранними кочевниками при помощи новых подходов (материалов и технологий) в изображениях звериных образов в разных регионах евразийской степи.

Об искусстве Южного Урала РЖВ написано немало (Смирнов, 1964; Пшеничнюк, 2005; Маловицкая, 1967; Королькова, 2006; Рукавишникова, Яблонский, 2009). В этих работах сделано основное описание варианта стиля, обозначено его место в скифо-сибирском искусстве, выявлен набор образов, композиционных решений, стилистических признаков. Кроме того, были описаны самые большие выборки изображений, в частности, происходящие из Филипповского могильника (Пшеничнюк, 2005; Королькова, 2001; 2006; Рукавишникова, Яблонский, 2009; Рукавишникова, 2010; 2011; Яблонский, Рукавишникова, 2011). Новейшие исследования в изучении изображений из этого могильника предоставили возможность проанализировать сложные композиции парадно-ритуального меча, выполненные в стилистике звериного стиля, с антропоморфными сценами, представляющие единый мифологический комплекс (Рукавишникова, 2010; 2011; Яблонский, Рукавишникова, Шемаханская, 2011).

Самые информативные и уникальные композиции этого варианта стиля – композиции на лезвиях клинка меча из погребения 2, кургана 4 (Яблонский, Рукавишникова, Шемаханская, 2011). Они представляют сложные линейно-ритмичные композиции, составленные из различных блоков-сцен, но имеющие ритм и направления считывания мифологической информации (Рис. 2). Перед зрителем разворачивается последовательное изложение, но не обязательно последовательные события.

Так, «идеограммы» (охота воина на кабана, «падший воин» или, возможно, сцена «коленипреклонения коню», «жертвоприношение» оленя воинами, «нападение воина на оленя» и разнообразные сцены «поглощения» хищниками травоядных) представлены в определенном порядке и имеют начало – специальный солярный спиралевидный символ в сочетании с очень значимой по смыслу сценой охоты на кабана, но они могут восприниматься также и в едином времени.

Помимо смысловой нагрузки, композиции имеют формально-стилистическое отображение. На мече это «фризовые», линейно-ритмичные композиции на каждой стороне клинка, вписанные в пространство каждой стороны лезвия. Острие с обеих сторон оформлено симметричной композицией из оленей, каждый из которых вписан в цепочку композиции обеих сторон лезвия. Всего на клинке четыре композиции «цепочек» сцен. Эти композиции выполнены в стилистике звериного стиля и по стилистическим особенностям изображений соотносятся, в первую очередь, со стилем изображений на обкладках золотых чаш из могильника.

Всего на клинке изображено 47 образов (22 и 25 на разных сторонах) и 3 декоративные детали (трехчастный завиток, завиток-спираль, стрела).

Декор клинка свидетельствует о том, что он выполнен одним мастером, так как все образы имеют общие стилистические признаки. Все изображения даны контурно, выделены видовые признаки и важные детали, такие как узда и оружие. Персонажи (люди, кони, олени, вепрь, медведи, волки, тигр, леопард, пантера) легко узнаваемы. Образы оленей вписаны в пустоты между сценами. У одних образов длина ног отличается, что является подгонкой композиций под размеры и форму лезвия. Человеческих образов пять. Присутствие антропоморфных образов в контексте звериного стиля свидетельствует об «антропоморфизации» стиля ранних кочевников в развитом периоде его существования как проявлении контактов кочевников с антропоморфизмами в искусстве цивилизаций. Тем не менее, стиль исполнения и композиционные приемы соответствуют «звериному стилю» в понимании определенного художественного направления (со своим рядом стилистических особенностей, приемов и образов).

Рис. 2. Меч из погребения 2, кургана 4 могильника Филипповка 1.

Люди изображены соответственно всем образам на клинке: контурно, лаконично, с использованием тех же стилистических деталей (завитков, дуг и треугольников).

Приподнятом клинке видно, что на острие обеих сторон клинка расположена композиция симметричных антитетично расположенных оленей со сливающимися рогами, которые вписаны в это острие и образуют «пламя» – символ света, солнца, солнечного оленя. По четырем краям клинка разворачиваются линейные композиции из разных сюжетов и цепочки взаимодействующих звериных образов, которые в своей статичной динамике расположены вдоль лезвий. То есть образы застыли в своем движении, взаимодействии – в антропоморфных сценах или «поглощениях» зверей, и общая динамика происходит от одной сцены к другой.

Вся композиция является сложным циклическим повествованием, связанным как с отдельными сюжетами индоиранского эпоса (Ремпель, 1987), так и, возможно, с элементами «шаманического» ритуала. Образ меча служил предметом культа в скифском эпосе, но и являлся плоскостью повествования, связанного с ритуалом, для которого меч – символ власти и одновременно ритуальное оружие. По образному выражению Е.Ф. Корольковой, «линейные ритмичные композиции... это сложные циклические чередования образов, формирующих определенный стиль изображения» (2006. С. 23).

Обращаясь к изображениям и композициям звериного стиля из Филипповского могильника, можно отметить, что такого набора изображений нет ни в одном комплексе Южного Приуралья. Тем не менее, исходя из предыдущих исследований (Пшеничнюк, 2005; Королькова, 2006; Рукавишникова, Яблонский 2009), можно диагностировать их многочисленные параллели в стилистических и образных деталях с южноуральским звериным стилем на бронзовых, а также костяных и немногочисленных золотых изделиях. Аналогии «ажурному» стилю исследователи видят в Горном Алтае, в пазырыкской культуре «башадарско-туектинского» времени (Королькова, 2006; Переводчикова, 2009; Рукавишникова, 2010).

Линейно-ритмичные композиции – сложные, фризовые – встречаются при оформлении предметов с продольными или вертикальными поверхностями. В искусстве

Южного Урала это каменные жертвенники, мечи, ножи, ритуальные чаши. В пазырыкской культуре это оформление погребальных колод, позже узда, ритуальные рога, борта орнаментированной одежды. Среди древностей V в. до н.э. Казахстана это также мечи, ножи, кинжалы, ножны и жертвенники. В сако-сибирском искусстве это гривны, пекторали и оружие, в том числе и среди предметов более раннего периода Аржан-2.

На массивной гривне из Аржана-2 представлены 4 перевитые цепочки зверей (Чугунов, 2011). Образы разнообразны, но нет синкретических как во всем изобразительном ряду искусства Аржан-2, так и на филипповском мече. Это травоядные и хищники – образы “нашего” и “нижнего” миров; часть из них с вывернутым крупом. На композициях с башадарской колоды и ее крышки – тоже по 4 тигра (Баркова, 1984). Возможно, эти композиции могут обозначать цикл четырех времен года и расположение обрядов, связанных с ними, внутри каждого «цикла», как и на четырех лезвиях упомянутого меча, несмотря на возможный индоиранский семантический контекст (Яблонский, Рукавишникова, Шемаханская, 2011).

На примере пазырыкского искусства (Руденко, 1961) можно судить, что динамичные сцены терзания или борьбы, ритм которых выражается в том числе и в сильных ракурсах зверей, появляются в зверином стиле под влиянием иранского искусства. До этого времени идея подавления хищником травоядного воплощалась в изображении первого с раскрытой пастью, в которой находилась голова второго (Рис. 3, 3). Эта идеограмма встречается на протяжении всего периода существования звериного стиля восточных регионов Евразии. Хищник (на башадарской колоде) показан с четырьмя лапами. В пасти у него голова животного или животное с вывернутым крупом. Эта же идеограмма представлена и на лезвиях нашего меча (травоядные изображены полностью, прямо, с четырьмя ногами). Условное название – сцена «поглощения». И смысл сцены, возможно, в «переходе» от одного мира к другому, от одного времени года к другому. Это позволяет сравнивать их со сценами терзания, но в таких композициях доминанта явная – образ хищника. В зверином стиле западных вариантов эти композиции встречаются в оформлении мечей и их ножен, ритонов (Рис. 3, 5, 6).

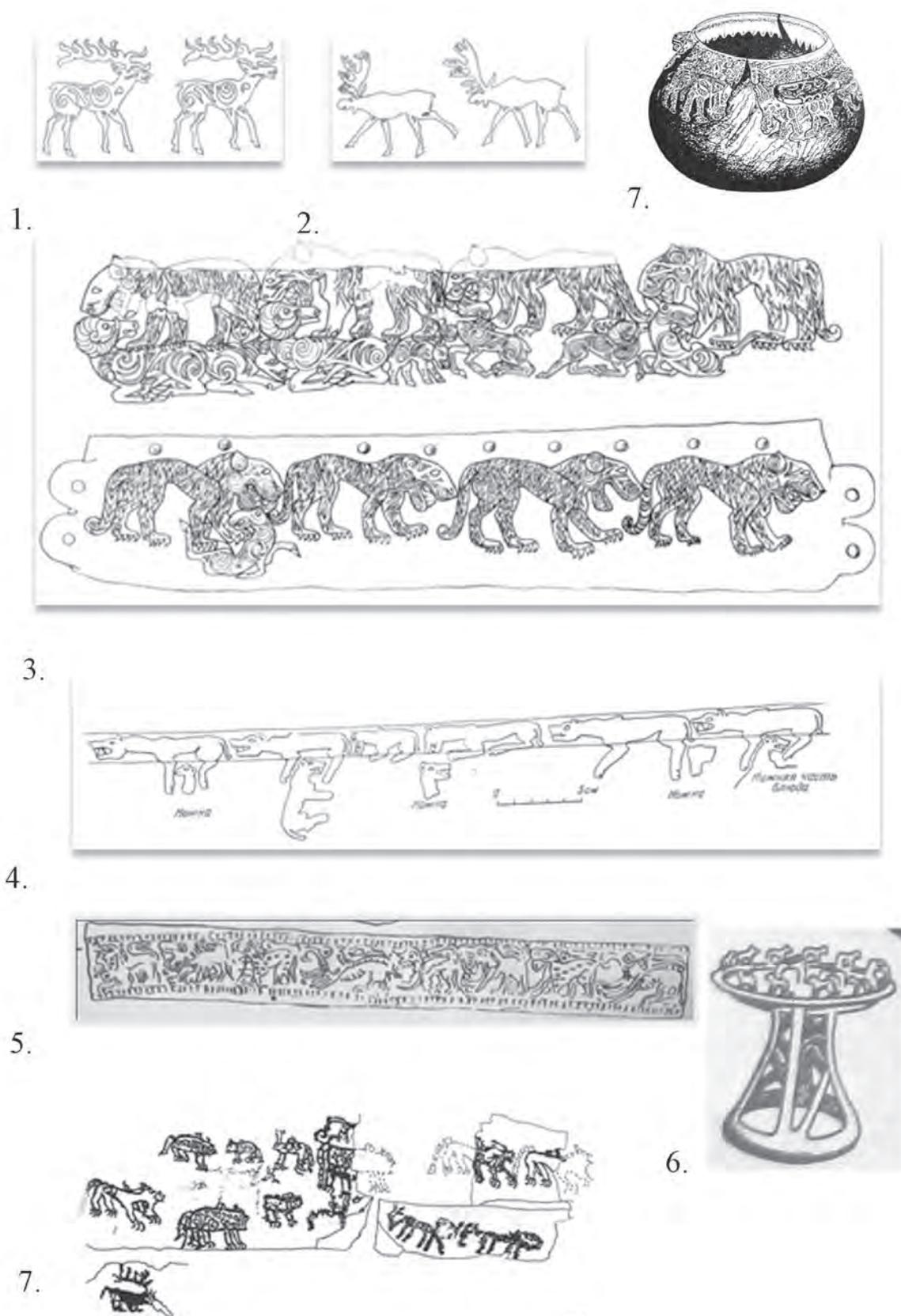

Рис. 3. Многофигурные изображения в зверином стиле скифского времени. 1 – Пазырык, к. 1; 2 – Башадар, к. 2; 3 – Хутор Крыловский, к-н раскопок 1896 г.; 4 – Вертячий лог; 5 – находка близ Алма-Аты; 6 – Филиповка 1, к. 1; 7 – Анашевская писаница, петроглифы.

Таким образом, можно сделать предположение, что в искусстве звериного стиля линейно-ритмичные композиции прикладного назначения украшали культовые предметы, предназначавшиеся также и для погребального культа. А так как звериный стиль – знаковое искусство, его стилистико-композиционная составляющая не формальна, а значима. То есть линейно-ритмичные композиции – это не просто умножение некоего раппорта, они несут в себе важные циклы-схемы, их конструкцию, аллитерацию, «повествование», связанное с «переходом» некой сущности в другой мир.

Многочисленные петроглифы восточных регионов Евразии демонстрируют образную и знаковую наполненность в различных многофигурных композициях (Миклашевич, 2007; Советова, 2011). На Южном Урале ритмическими композициями в основном декорировали каменные жертвенники (Федоров, 2000. С. 20) (Рис. 3, 4). На них изображены цепочки зверей, в основном волков, а также и взаимодействия образов. Здесь сцена поглощения включает в себя образ волка в виде подавляемого, терзаемого животного. Возможно, это является следствием того, что образ волка широко распространен на Южном Урале и поэтому представлен в разных по значению частях композиции.

На крышке башадарской колоды из Горного Алтая (Баркова, 1984) изображены цепочки тигров, «поглощающих» ниже расположенных различных травоядных (Рис. 3, 3). На более поздних пазырыкских колодах изображены цепочки оленей, лосей и петухов – аппликации из отдельных повторяющихся образов.

Жертвенники, погребальная колода и парадно-ритуальный меч – предметы погребального культа. Декор на этих предметах отражает некий ритуальный смысл, возможно, связанный с представлениями о переходе в иной мир, о смерти и жизни. Не исключено, что отдельные сцены взаимоотношения животных (терзания, поглощения) олицетворяют временные циклы (день, месяц, год). В этом ключе оформление филипповского меча предоставляет уникальную возможность к пониманию отдельных представлений древних номадов, связанных с ритуалами и погребальным культом.

Сочетание трудоемких технологий при его изготовлении, таких как украшение

железа ажурным декором, аналогичным по стилистике золотым обкладкам чаш, а также и резной кости (Рукавишникова, Яблонский, 2009), резному дереву, кожаным аппликациям, резному камню, свидетельствует о его происхождении в среде номадов, возможно, Южного Урала, имевших различные связи с Алтаем и Восточным Казахстаном. Основными техниками в изготовлении предметов вооружения, узды и украшений с использованием звериного стиля, были литье для металлов и резьба для органических материалов и металлов. Это технологии, которые позволяли в изображениях взаимно обогащать друг друга теми деталями, которые свойственны тому или иному процессу. Примером служат такие детали, как округлые выпуклости, выемки, глаза, моделировка поверхности (вырезаемые в кости, но также и отчеканенные на железе), заглаженные в результате литья по модели. Или это вогнутые треугольники, прочерченные завитки на золотых накладках, как и на костяных изделиях. Приемы резьбы по дереву и кости изначально были первичными в развитии стилистики прикладного творчества звериного стиля (Borovka, 1929).

В связи с выше изложенным, можно обратиться к разнообразному косторезному искусству ананьинской культуры (Васильев, 2002). Именно носителями этой лесной культуры, воспринявшей часть стилистического комплекса скифо-сибирского звериного стиля, производились костяные предметы, имеющие аналогии и в Филипповском могильнике, и в других комплексах Южного Урала (Смирнов, 1964; Королькова 2006; Рукавишникова, Яблонский, 2009). Это косвенно свидетельствует о возможном производстве резных изделий, а также и сложного декора металлических изделий (в технике насечки, чеканки и аппликации) в Уральском регионе, в том числе в лесном Прикамье. А также говорит и о возможном сходстве в культовых представлениях степняков и жителей лесной зоны.

Обращаясь к искусству ананьинской культурно-исторической области, можно отметить «ажурные» изображения парных волков, украшенных спиралевидными завитками, из Уфимского (Чертова) городища (Васильев, 2002) или гребни из Скородумского клада (Там же); в первом случае это импортные изделия, во втором – местное подражание. Изображение кабана на зеркале

из Зуевского могильника (Там же) относится к самому раннему периоду звериного стиля РЖВ, но украшено оно спиралевидными завитками, которые, соответственно, являлись ранними проявлениями «ажурного стиля». Это изображение выполнено в той же стилистике, что и петроглифы с ажурными хищниками и оленями (Советова, 2004. С. 54, 108, 109). Только петроглифы выполнены в технике гравировки, тогда как изображение кабана создано выступающей «проволочной» линией.

Среди «ананьинских» образов РЖВ встречаются и многочисленные подражания степным, например, среди колчаных крюков с головой волка (Васильев, 2002) или ярко выраженные импорты типа изображения на крюке с медведем со спиралевидными деталями из Чурачикского могильника (Там же). Крюк из Скородумского клада с зеркальными грифонами (Там же) – подражание сюжету с золотой бляхи из кургана 4 Филипповского могильника (Яблонский, Рукавишникова, 2007). Пряслица с Пижемского и Аргыжского городищ (Черных и др., 2002) свидетельствуют об оформлении пряслиц в «ажурном» и прочерченном стиле, как на южноуральских жертвенниках. Все вышеупомянутые изображения происходят из комплексов V–III вв. до н.э., относящихся к позднему периоду развитого звериного стиля, столь ярко представленного в Филипповском могильнике.

Зеркало с кабаном из Зуевского могильника происходит из погребения, датированного более ранним временем – конец VI – начало V в. до н.э. (Васильев, 2009). Аналогии этим «проволочным» изображениям встречаются на Алтае – бухтарминское зеркало (Ворова, 1929), в Синьцзяне, Монголии (Ковалев, 1998). Случайная находка из Колвы (Васильев, 2002), датированная VII–V вв. до н.э., типологически идентична с предметами упряжи из Казахстана (Уйгарак) и Синьцзяна (Итина, Яблонский, 1998; Ковалев, 1998). Эти находки подчеркивают раннее появление «ажурной» стилистики в импортах из восточных регионов.

Так, среди более поздних изображений ананьинской культуры явно выделяются влияния искусства южноуральских кочевников, подражания их стилю. Возможно, также проявление взаимовлияний и подражание более ранним импортам. Более ранние изображения, такие как кабан на зеркале, – это следы проникновения импортов,

возможно, через Зауралье, где были оставлены курганы с каменными конструкциями и с предметами, аналогичными времени Аржан-2, из Восточного Казахстана, Тувы, Синьцзяна (Таиров, Боталов, 2010; Шульга, 2011). Таким образом, можно констатировать, что в конце VII – V вв. до н.э. в комплексы изображений декора различных предметов культур как зауральских кочевников (а позже и южноприуральских), так и населения лесной зоны вливались с импортами и другими проникновениями стилистические компоненты восточных вариантов звериного стиля, происходящие от ранних изделий с гравировкой и «проволочным» декором, встречающихся в Синьцзяне, Внутренней Монголии и на Алтае. Более поздние изобразительные комплексы южноуральских кочевников несли в себе следы разработанного стиля, как сочетания известного уже на Южном Урале, так и сложившегося в Семиречье и на Алтае "ажурного стиля" многочисленных резных и металлических изделий.

Таким образом, проникновения стилистических инноваций происходили с группами кочевых народов или отдельных носителей технологий и художников, вливающих в среду местного населения на протяжении раннего железного века. Присутствие этих стилистических особенностей свидетельствует о подобных контактах носителей разных вариантов этих культур.

«Ажурный» стиль, как и сложные фризовые композиции на различных ритуальных предметах, широко распространен в петроглифах Тувы, Хакасии, Монголии. И, возможно, этот подход в изображении происходит напрямую от стилистики хищников из Наншангя (Ковалев, 1998). Таким образом, можно предположить его восточное, северокитайское происхождение. Предметы, декорированные в подобном виде, встречаются и в Приуралье. А развитый стиль Южного Урала разрабатывает уже самостоятельные «ажурные» образы и композиции.

Другой вывод данной работы заключается в том, что «фризовые» композиции лезвий меча из Филипповского могильника, помимо их, возможно, иранского мифологического контекста, представляют собой цикличные изображения времени, возможно, времен года и ритуалов, связанных с прохождением людьми этих циклов.

Изображения на мече иллюстрируют не только мифологические и культовые представления, но и широту знаний «автора» и «заказчика» при изобретении декора: бестиарий изображения включает в себя помимо медведя, волка, кабана, барана, сайги – образов, часто встречающихся в искусстве Южного Урала, также тигра, и леопарда, разных оленей. Изображенные люди представлены в разных видах: пешие, конные, в доспехе, с разным оружием. Изображение человека в зверином стиле связано с проникновением влияний цивилизаций, как, к примеру, участие древнегреческих мастеров в изготовлении предметов в Скифии (Алексеев, 2012).

В случае с мечом в ареал изображений воинов скифского времени попадают Южный Урал (Мещеряков, 2012), частично Казахстан – IV в. до н.э. (Никоноров, 1998. С. 39, 45; изображение воина с бляшки, «найденной во время раскопок кургана №2 могильника Нуркен 2 – см. Сакская культура, 2011). На Алтае изображения людей встречаются на коврах – импортах из Средней Азии (Руденко, 1961); известны личины и «сфинксы» с человеческими лицами, датированные IV в. до н.э. (Самашев, 2011).

В Средней Азии появляется антропоморфная терракота в греко-бактрийское время (Двуреченская, 2006). Однако в это время образы людей, в том числе и саков-кочевников, широко представлены в Иране на рельефах, например, на Беheyстунском рельефе (История..., 2004). Поэтому находки в уральских древностях такой разнообразной выборки воинов и всадников, говорящей о причастности уральских кочевников к службе у персов и участии в походах в составе их армии (Яблонский, Балахванцев, 2009), могут косвенно подтвердить мнение о том, что декор ритуального меча выполнен мастером из среды южноуральских кочевников и отображает их мифологические представления.

В данном исследовании был представлен анализ линейно-ритмичных композиций Южного Урала и Алтая, вырезанных из различных материалов со схожими стилистическими деталями и связанных близкой культовой смысловой нагрузкой.

Несмотря на возможное происхождение декора филипповского меча в среде южноуральских кочевников, меч, как и похожие по стилистике обкладки золотых чаш (Золотые олени..., 2001), могут косвенно

отражать представления некоего компонента людей внутри сообщества, связанного с родоплеменной знатью и родством с кочевниками Восточного Казахстана, Семиречья, Алтая. Такой вывод возможен, так как в упомянутых регионах синхронно разрабатываются образы и композиции декора в зверином стиле, похожие по многим стилистическим и технологическим параметрам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баркова Л.Л.* Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 20–31.
- Бейсенов А.З., Базарбаева Г.А.* Искусство ранних кочевников Центрального Казахстана: образы, сюжеты, композиции // Вестник ЮУрГУ. 2013. Т. 13, № 2. С. 12–17.
- Васильев Ст.А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
- Грязнов М.П.* Древнее искусство Алтая. М.; Л., 1958.
- Двуреченская Н.Д.* Терракотовая пластика древней Бактрии III-I вв. до н.э. // РА. 2006. № 3. С. 143–153.
- Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб., 2001.
- История Древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.
- Ковалев А.А.* Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 122–130.
- Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб., 2006.
- Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции: Музейные коллекции Казахстана. Научный каталог. Алматы, 2009.

- Маловицкая Л.Я.* Сарматский звериный стиль: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1967.
- Мещеряков Д.В.* Образ всадника в искусстве ранних кочевников Южного Приуралья // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 247–254.
- Миклашевич Е.А.* Исследование наскального искусства Северной и Центральной Азии в 1995–1999 гг. Кемерово, 2007.
- Могильников В.А.* Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997.
- Переводчикова Е.В.* Филипповка и Алтай (по материалам золотых предметов из I Филипповского кургана) // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 60–62.
- Переводчикова Е.В.* Еще раз о юго-восточных связях Филипповских курганов // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2011. С. 295–298.
- Пшеничнюк А.Х.* Звериный стиль Филипповских курганов // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа, 2006. С. 26–27.
- Раевский Д.С.* Скифский звериный стиль: поэтика и прогматика // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 364–383.
- Ремпель Л.И.* Цепь времен. Вековые бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент, 1987.
- Руденко С.И.* Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961.
- Рукавишников И.В., Яблонский Л.Т.* Костяные изделия в зверином стиле из могильника Филипповка I // Проблемы современной археологии. М., 2009. С. 199–139.
- Рукавишников И.В.* Изучение стилистических черт изображений в зверином стиле и анализ металла этих предметов. Происхождение предметов с изображениями в зверином стиле из Южного Приуралья // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 151–154.
- Рукавишников И.В.* Возможности изучения композиций звериного стиля раннего железного века как археологического источника на примере звериного стиля Саяно-Алтая // Археологический альманах. № 21. Донецк, 2010. С. 287–319.
- Рукавишников И.В.* Декор меча из могильника Филипповка I // Древность: историческое знание и специфика источника: ММНК, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского. Вып. V. М., 2011. С. 176–182.
- Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов круглого стола. Караганда, 2011.
- Самашев З.С., Григорьев Ф.П., Джумабекова Г.С.* Сакральные центры саков в предгорьях Заилийского Алатау // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004. С. 182–187.
- Самашев З.С.* Берел. Алматы, 2011.
- Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Советова О.С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск. 2005.
- Советова О.С.* Приемы композиционного построения в наскальном искусстве Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Кемерово, 2011. С. 161–186. (Труды САИПИ. Вып. VII)
- Таиров А.Д., Боталов С.Г.* Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М., 2010. С. 333–355.
- Федоров В.К.* О так называемых «савроматских» жертвенниках с зооморфной декорировкой // Раннесарматская культура: Форма. Развитие. Хронология. Самара, 2000. С. 15–58.
- Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А.* Аргыжское городище на реке Вятке. Ижевск, 2002.
- Чугунов К.В.* Звериный стиль Аржана 2 // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008. С. 98–101.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул, 2010.

Яблонский Л.Т., Балахванцев А.С. Еще раз к вопросу о датировке надписей из Прохоровки // ВДИ. 2009. № 2. С. 89–108.

Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В. Вооружение сарматского воина по материалам царского кургана Филипповского могильника //

Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI Международной археологической конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. С. 16–24.

Яблонский Л.Т., Рукавишникова И.В., Шемаханская М.С. «Золотой меч из царского кургана № 4 могильника Филипповка 1 // ВДИ. 2011. № 4. С. 219–250.

Borovka G. Scythian Art. London, 1928.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АИМ – Археологические исследования в Молдавии
АКБ – Археологическая карта Башкирии
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья
АПО – Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
АЭБ – Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭМК – Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БРЭ – Большая Российская энциклопедия. М.
ВИАЭ – Вестник археологии, антропологии, этнографии. Тюмень
ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск; Екатеринбург
ВГУ – Воронежский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВСОРГО – Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ВХУ – Вестник Харьковского университета / Вісник Харківського університету
ВЯ – Вопросы языкознания. М.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГИМ – Государственный Исторический музей
ДТМАО – Древности. Труды Московского археологического общества. М.
ЗОРСА – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.; Пг.
ИАК – Известия археологической комиссии. СПб.; Пг.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИГАИМК – Известия ГАИМК. М.; Л.
ИГРАН – Институт географии РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН
ИИФФ – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИИКНП УдГУ – Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского госуниверситета
ИКрОРГО – Известия Красноярского отдела Русского географического общества
ИМАО – Императорское Московское Археологическое общество
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИОАИЭ – Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете. Казань
ИОРЯСАН – Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., Пг.
КАА – Красноперов Александр Анатольевич
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КККМ КПД – Красноярский краевой краеведческий музей, книга поступлений документов
КЛИ – Курганы левобережного Илека. М.

- КМВ – Казанский музейный вестник. Казань
КОКМ – Куйбышевский областной краеведческий музей
КРС – Коми-русский словарь
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР/РАН. М.; Л.
КЭСК – Краткий этимологический словарь коми языка
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАЕСВ — Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МарНИИ, МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
МВФ – Музейное ведомство Финляндии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
МИ КВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции Ижевск
ММНК – Материалы международной научной конференции
ММНПК – Материалы международной научно-практической конференции
МНИИЯЛИЭ – Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и экономики при Правительстве Мордовской АССР
МНК – Материалы научной конференции
НА ИА РАН – Научный архив Института археологии РАН
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НМРБ – Национальный музей Республики Башкортостан
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
НРФ – Научно-рукописный фонд
НФ МА РТ – Научный фонд Музея археологии Республики Татарстан
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания
ПАК БАН – Працы археалягічнай камісіі. Беларуская акадэмія навук
РА – Российская археология. М.
РА ИА РАН – Рукописный архив Института археологии РАН
РАИМК – Российская Академия истории материальной культуры
РАТ – Рабочий архив А.М. Тальгрена в Музейном ведомстве Финляндии
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РОНБФ – Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
САИПИ – Сибирская ассоциация исследований первобытного искусства
СВАЭИ – Северо-Восточный археологический и этнографический институт
СГАИМК – Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
ТД – Тезисы докладов
ТДК – Тезисы докладов конференции
ТГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.

-
- ТИЭ. Нов. серия – Труды Института этнографии. Новая серия. М.-Л.
ТКАЭЭ – Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Пермь
ТРМЭ – Топонимика Республики Марий Эл
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
ТСУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов.
УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
УАС – Уральское археологическое совещание
УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь
УОЛЕ – Уральское общество любителей естествознания
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет
ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской Республики
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
Ebert, Reallexikon – Reallexikon der Vorgeschichte. Herausgegeben von Max Ebert. Berlin
FA – Fennoscandia archaeologica. Helsinki
FM – Finskt Museum. Helsingfors
FUF – Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki
FUF, Anzeiger – Finnisch-ugrische Forschungen, Anzeiger. Helsinki
HA – Historian Aitta. Helsinki
HAik – Historiallinen Aikakauskirja. Helsinki
KE – Kansallinen elämäkerrasto. Helsinki
KSV – Kalevalaseuran vuosikirja. Helsinki
PZ – Prähistorische Zeitschrift. Berlin
SM – Suomen Museo. Helsinki
SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki
SUSA – Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja – Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki
SUSKJ – Suomalais-ugrilaisen Seuran Kansatieteellisiä julkaisuja – Société Finno-Ougrienne, Travaux ethnographiques. Helsinki
SUST – Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

I. История археологии

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрэн и российская археология.....	7
Кузьминых С.В., Салминен Т. (составители). Список опубликованных работ А.М. Тальгрэна, связанных с проблематикой русской и советской археологии	42
Мельникова О.М. Переписка А.М. Тальгрэна с музеем сарапульского земства (к истории публикации статьи «Два железных меча в Сарапульском музее»).....	53
Ульянова О.Е. Петр Алексеевич Пономарев (новые материалы к биографии и научной деятельности из фондов Национального музея РТ).....	57
Лопатина О.А. Начало изучения культур раннего железного века центральной части Русской равнины в контексте данных о керамике	66

II. Общие проблемы изучения позднего бронзового и раннего железного веков: лингвистические и археологические аспекты

Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско-иранских контактов	76
Смирнов О.В. Об этнической интерпретации археологических культур I тыс.н.э. в бассейне среднего течения р.Вятки (по топонимическим данным)	90
Иванов В.А. Дискуссия ради дискуссии или об «экономной мудрости бытия» (по поводу полемики вокруг проблемы формирования предананьинской общности Волго-Камья и Приуралья)	106
Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье	116
Корохина А.В. Северо-восточный вектор связей населения Днепро-Донской Лесостепи в заключительный период позднего бронзового века	132
Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ»	147
Галимова М.Ш. Кремневый и кварцитовый инвентарь населения Волго-Камья в предананьинское и ананьинское время	187

III. Ананьинский мир: древности эпох поздней бронзы и раннего железа

Колев Ю.И., Мышкин В.Н. Комплекс позднего бронзового века поселения Елховка II на реке Кондурче.....	192
Чижевский А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье.....	211
Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С. Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2010 гг.)	225

Чижевский А.А., Хисьяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища	241
Сапрыкина И.А., Кузьминых С.В. Предварительные результаты исследования техники изготовления предметов из цветного металла Ананьинского могильника (из коллекции музейного ведомства Финляндии)	263
Мясников Н.С. Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии	276
Волкова Е.В., Капленко Н.М. Крючок с зооморфным оформлением из Кырнышского археологического комплекса	281
Васкул И.О. Керамика ананьинского времени поселения Себьяг I на Вычегде	286
Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища)	292
Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры	303
Воробьева С.Л. Ананьинский компонент кара-абызской культуры (по материалам костюмного комплекса)	314
Красноперов А.А. Погребение 28 Икского могильника: К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников	331

IV. Ананьинский мир и культуры центра и северо-запада Восточной Европы конца II – начала I тыс. до н.э.

Азаров Е.С. Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна	352
Новиков А.В. Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселения Ватажка	374
Косменко М.Г. Основные принципы, практическая методика и результаты анализа керамики в западной части ананьинского культурного ареала	388
Гусаков М.Г. К вопросу о «дьяковских кладах»: происхождение и хронология умбоновидных подвесок в дьяковской культуре	403
Гольева А.А., Сыроватко А.С., Трошина А.А. Некоторые особенности сооружения валов дьяковских городищ: первые результаты естественнонаучных исследований	420

V. Ананьинский мир и Сибирь

Зими́на О.Ю. Зауралье в раннеананьинское время	427
Макаров Н.П. Ранний железный век Средней Сибири	437

VI. Ананьинский мир и ранние кочевники Евразии

Махортых С.В. Киммерийцы и население Волго-Камья в раннем железном веке	455
--	-----

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья	478
Рукавишников И.В. Сложные линейно-ритмические композиции в искусстве звериного стиля Южного Урала и Алтая раннего железного века	505
Список сокращений	516

CONTENTS

Introduction	4
---------------------------	---

I. The History of archaeology

Kuzminych S.V., Detlova E. B., Salminen T., Safonov I. E. A.M. Tallgren and Russian archaeology	7
Kuzminych S.V., Salminen T. List of the published works of A. M. Tallgren related with the problems of Russian and Soviet archaeology.....	42
Melnikova O. M. Correspondence of A.M. Talgren with the museum of Sarapul zemstvo towards (the history of publication the article “Two iron swords in the Sarapul museum”)	53
Ul’janova O.E. P.A. Ponomarev (new materials on the biography and scientific activities from the National museum of Tatarstan Republic)	57
Lopatina O.A. The beginning of the investigation the Early Iron Age cultures in the central part of Russian Plane in the context of ceramics data	66

II. Common issues of the study the Late Bronze and Early Iron Ages: linguistic and archaeological aspects

Napolskikh V.V. To the problem of the beginning of Finno-Ugric-Iranian contacts.....	76
Smirnov O. V. On the ethnic interpretation archaeological cultures of the first Millennium A.D. in the Vyatka River basin (according to the toponymic data).....	90
Ivanov V.A. Discussion for discussion or concerning “Economical wisdom of life” (on the controversy concerning the issue of formation the pre-Ananino of the Volga-Kama region and the Cis-Urals)	106
Korenyuk S.N., Melnichyuk S.N., Pereskokov M.L. Current status of the issues of study the Middle and Late stages of the Ananino culture in the Kama River region	116
Korokhina A.V. North-East direction of the population interaction of the Dnieper-Don Forest-steppe in Final Period the Late Bronze Age.....	132
Mitryakov A.E., Chernyih E.M. Antiquities of the Vyatka River region in the beginning of Iron Age: 150 years since discovery of the «bone-containing hill-forts»	147

Galimova M.Sh. Flint inventory of the Volga-Kama region population and the quartzite one during the pre-Ananino and Ananino period	187
---	-----

III. The Ananino World: ancients of the Late Bronze and Early Iron Ages

Kolev Y.I., Myshkin V.N. Complex of the Late Bronze Age of the Elhovka II settlement on the Kondurcha river.....	192
Chizhevskiy A. A. Ceramics of the Belogorsk type in the Samara Volga region	211
Efremova D.Yu., Soloviev B. S. The Siuhino settlement (preliminary results of investigation 2009-2010).....	225
Chizhevskiy A.A., Hisyametdinova A.A., Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S., Kochanova M.D., Asyilgaraeva G.Sh. Results of the complex research in the Sorochoyi Gory hill-fort.....	241
Saprykina I.A., Kuzminykh S.V. Preliminary results of research in production technology non-ferrous objects from the Ananino burial ground (according to collection of National Board of Antiquities of Finland).....	263
Myasnikov N.S. New finds of the Ananino period from the territory Chuvashia.....	276
Volkova E.V., Kaplenko N.M. The Hook, decorated in animal-style, from the Kyrnysh archaeological complex	281
Vaskul I.O. Ceramics of the Ananyino time of the Sebyag I settlement on Vychehga river	286
Korenyuk S.N., Melnichyuk S.N., Pereskokov M.L. Dynamics of evolution ceramics complexes of the Middle and Late stages of the Ananino culture in the Osa Kama River area (a case study from the Gremyacha settlement-sanctuary).....	292
Ovsyannikov V.V. The settlement Voronki – early monument of the Kara-Abyiz culture.....	303
Vorobjova S.L. The Ananino within the component Kara-Abyiz culture (according to a costume complex).....	314
Krasnoperov A.A. The burial #28 of the Ikskiy burial ground: towards the issue on early date of the Pyanyiy Bor monuments	331

IV. The Ananino World and the culture of Central and North-West of Eastern Europe during the Late of the II – Early of the I Millennia B.C.

Azarov E.S. Burial sites of the textile ceramics culture in the Oka basin.....	352
Novikov A.V. Complexes of the comb-corded and corded ware of the Early Iron Age settlement Vatazhka	374
Kosmenko M.G. Basic principles, practical procedures and some results of the pottery analysis in the western part of the Ananyino cultural area.....	388
Gusakov M.G. Towards the issue of the “Dyakovo hidden treasures”: the origin chronology the umbo-shaped pendants suspensions in the Dyakovo culture.....	405
Gol’eva A.A., Syirovatko A.S., Troshina A.A. Some construction features of the of the shafts at the Dyakovo hill-forts: first results of scientific research	420

V. The Ananino World and Siberia

Zimina O.Yu. The Trans-Urals during the Early Ananino era.....	427
Makarov N.P. The Early Iron Age oh the Middle Siberia	437

VI. The Ananino World and the early nomads of Eurasia

Makhortykh S.V. The Cimmerians and population of the Volga-Kama region in the Early Iron Age	455
Savel'ev N.S., Yablonskiy L.T. Steppe and forest-steppe at the initial stage the early Sarmatian culture of the Southern Urals	478
Rukavishnikova I.V. Complex linear-rhythmic compositions in the art of animal style in the South Urals and Altai of the Early Iron Age	505
List of abbreviations	516

«Ананьинский мир: истоки, развитие, связи,
исторические судьбы»

Научное издание

Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*
Корректор – *Т.Е. Чижевская*

Подписано в печать 25.12.2014 г. Формат 64x90 $\frac{1}{16}$
Печ. л. 32. Тираж 1000. Заказ № 8515.

Издательство «Отечество»
420111, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 24.

Отпечатано в ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2.
www.apress-kzn.ru